100
ВЕЛИКИХ
ЛЮБОВНИКОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На страницах книги «100 великих любовников» вырисовываются новые образы известных и талантливых людей, их любовные истории, а в любви, как известно, наиболее ярко и неожиданно проявляется характер человека. Среди героев книги такие имена, как Людовик XIV, Иван Грозный, Петр Великий, Казанова, Чаплин, Мастроянни, Синатра, Делон, Клинтон и многие другие.

- Игорь Анатольевич Муромов
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ДЖОВАННИ ДЖАКОМО КАЗАНОВА
  - ЛЮДОВИК XIV
  - НАПОЛЕОН БОНАПАРТ
  - ЛЮДОВИК XV
  - ДЖОН ФИЦДЖЕРАЛЬД КЕННЕДИ
  - АВГУСТ II СИЛЬНЫЙ
  - ФРАНЦИСК I
  - КАРЛ II
  - ГЕНРИХ IV
  - ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСПУТИН
  - ДОНАСЬЕН АЛЬФОНС ФРАНСУА САД
  - АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
  - ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
  - НАПОЛЕОН III (ЛУИ-НАПОЛЕОН БОНАПАРТ)
  - АЛЕКСАНДР I ПАВЛОВИЧ, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ
  - ЧИНГИСХАН (ТЭМУДЖИН, ТЕМУЧИН)
  - ИВАН IV ГРОЗНЫЙ
  - АРМАН-ЖАН ДЮ ПЛЕССИ РИШЕЛЬЕ
  - ГАЙ ЦЕЗАРЬ КАЛИГУЛА
  - КАРЛ ВЕЛИКИЙ
  - ПЕТР I ВЕЛИКИЙ
  - ГЕНРИХ VIII
  - ФИЛИПП II, ГЕРЦОГ ОРЛЕАНСКИЙ
  - НЕРОН
  - АЛЕКСАНДР VI, РОДРИГО-ЛАНСОЛЬ БОРДЖИА
  - АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ
  - ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ МИРАБО
  - ДЖОРДЖ ВИЛЛЕРС БУКИНГЕМ
  - РИХАРД ВАГНЕР
  - АЛЕН ДЕЛОН
  - ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ

- ФЕРЕНЦ ЛИСТ
- ПАБЛО ПИКАССО
- ГАБРИЭЛЬ Д'АННУНЦИО
- ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ
- ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН
- ЧАРЛЗ СПЕНСЕР ЧАПЛИН
- КАРЛ VII
- ЭРНЕСТ МИЛЛЕР ХЕМИНГУЭЙ
- ВОЛЬТЕР
- ЛЮДОВИК XI
- МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ
- ЭЛВИС ААРОН ПРЕСЛИ
- АРИСТОТЕЛЬ ОНАССИС
- ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК
- РОБЕРТ ДАДЛИ ЛЕСТЕР
- ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС
- ФРЭНК СИНАТРА
- ГИ ДЕ МОПАССАН
- ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН
- ЭДВАРД АЛЕКСАНДР (АЛИСТЕР) КРОУЛИ
- ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ
- ЭДУАРД VII
- РУДОЛЬФО ВАЛЕНТИНО
- ДЖЕК НИКОЛСОН
- АХМЕД СУКАРНО
- АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ
- ЖАН-ПОЛЬ БЕЛЬМОНДО
- СЕРГЕЙ ЕСЕНИН
- УИЛЬЯМ КЛАРК ГЕЙБЛ
- ДЖИМИ ХЕНДРИКС
- ЖАН-ПОЛЬ САРТР
- РОБЕРТ ДЕВЕРЕ, ГРАФ ЭССЕКС
- МАЙКЛ ДУГЛАС
- ЛОПЕ ФЕЛИКС ДЕ ВЕГА КАРПИО
- РИЧАРД БАРТОН
- СИЛЬВЕСТР СТАЛЛОНЕ
- АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ
- ГЭРИ КУПЕР
- АНДРЕЙ МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ
- АЛЬФРЕД Д'ОРСЕ
- ИВ МОНТАН
- ДАГОБЕРТ I
- СТЕНДАЛЬ
- ХЭМФРИ БОГАРТ

- ВИКТОР МАРИ ГЮГО
- АЛИ СУЛЕЙМАН ХАН
- МАРЛОН БРАНДО
- РОЖЕ ВАДИМ
- ЖАН-КЛОД ВАН ДАММ
- БЕРТРАН РАССЕЛ
- ФИЛИПП-ФРАНСУА-НАЗЕР ФАБР Д'ЭГЛАНТИН
- ИОГАНН КРИСТОФ ФРИДРИХ ФОН ШИЛЛЕР
- БЕРТОЛЬД БРЕХТ
- МАО ЦЗЭДУН
- БИЛЛ КЛИНТОН
- ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗУБОВ
- ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ
- ЛИНДОН ДЖОНСОН
- ЭДУАРД VIII, ГЕРЦОГ ВИНДЗОРСКИЙ
- ФРАНСУА ТРЮФФО
- РОБЕРТ ДЕ НИРО
- ЖОРЖ СИМЕНОН
- ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ
- КАРЛ ЭРНСТ ИОГАНН БИРОН
- АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУХОВО-КОБЫЛИН
- ИОСИП БРОЗ ТИТО
- АНТОНИО БАНДЕРАС
- ЛУЧАНО ПАВАРОТТИ
- ВУДИ АЛЛЕН
- БИБЛИОГРАФИЯ

Игорь Анатольевич Муромов
100 великих любовников

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Что такое любовь? Это род безумия, над которым разум не имеет власти. Это болезнь, которой человек подвержен во всяком возрасте и которая неизлечима, когда она поражает старика. О любовь, существо и чувство непреодолимое! Бог природы, твоя горечь сладостна, твоя горечь жестока…» – восклицал Джакомо Казанова, великий итальянский любовник и авантюрист, чье имя давно стало нарицательным.

Любовь для Казановы, как для других персонажей книги, стала смыслом существования. К сближению с женщиной он относился так, как серьезный и прилежный художник относится к своему искусству. Однажды венецианцу предложили провести ночь со знаменитой куртизанкой Китти Фишер, но он отказался, поскольку не знал английского, а любовь без разговора не стоила для него и гроша…

Людовик XIV, прозванный Королем-Солнцем, окружил себя фаворитками, среди которых наиболее известны Лавальер, Монтеспан, Ментекон, Фонтанж… Впрочем, если бы у Людовика XIV за всю его жизнь было бы только шесть метресс, то он заслуживал бы скорее титула «добродетельный». Но все дело в том, что любая дама, появлявшаяся при дворе Людовика XIV становилась предметом вожделений короля, а все его родственники, кузены и сановники должны были делиться с ним своими женами, разумеется, если последние представляли для него интерес. Король был явным эротоманом, ему нравилась каждая женщина. Людовик давал своим любовницам официальный статус, дабы продемонстрировать величественную непринужденность и пренебрежение ко всякого рода моралистам. Фривольные нравы французского двора распространились на всю Европу.

Великий Наполеон I прославился не только как военный стратег и политик. «Какими чарами сумела ты подчинить все мои способности и свести всю мою душевную жизнь к тебе одной? Жить для Жозефины! Вот история моей жизни…» – писал Бонапарт своей первой жене Жозефине Богарне. Тем не менее в его жизни, помимо прекрасной креолки, было столько любовниц, сколько у Людовика XV, Франциска I и Генриха IV вместе взятых! Он не мыслил своего существования без женщин и тратил на них огромные суммы, написал тысячи любовных писем, чтобы соблазнить небесные создания…

Меняются времена – меняются нравы.

Римляне были привержены садомазохизму в сексе, что, в

общем-то, еще не означает, что они были жестоки по натуре своей – в основе садомазохизма лежит идея тождества насилия и соития. Юлий Цезарь тратил массу энергии и денег в угоду своей похоти и совратил многих знатных женщин. Его оргии были наиболее выразительны, им подражали. Калигула отличался жестокостью как в сексуальной, так и в общественной жизни. Если он проникался страстью к женщине, то забирал ее у мужа без малейших колебаний. Нерон был уверен, что не существует на свете людей целомудренных и чистых, большинство скрывает свои пороки и хитро их маскирует. Он достиг такого могущества и власти, что мог удовлетворить любое свое сколь угодно фантастическое желание.

Любовные похождения европейских монархов, будь то Франциск I, Генрих IV и Людовик XV во Франции, Август Сильный в Саксонии, Иоанн Грозный, Петр I и Александр I в России или Генрих VIII и Карл II в Англии, обязательно приводили к изменению жизни их подданных, влияли на политические решения. Во все века любовные скандалы в именитых семействах становились главной темой для светских пересудов. Сначала большей частью под прицел сплетников попадали особы голубой крови и фавориты, а с XVIII века все – философы, писатели, поэты, музыканты, художники… Часто соблазнители вели сразу несколько любовных интриг. Французский романист Ги де Мопассан утверждал: «Человек, решивший постоянно ограничиваться только одной женщиной, поступил бы так же странно и нелепо, как любитель устриц, который вздумал бы за завтраком, за обедом, за ужином круглый год есть одни устрицы».

Бальзака удовлетворяли только те женщины, которые превосходили его опытностью и возрастом. Его не соблазняли юные красавицы, которые слишком много требовали и слишком малым вознаграждали. «Сорокалетняя женщина сделает для тебя все, двадцатилетняя – ничего». Поэтому сорокалетнюю женщину при определенных обстоятельствах называют «дамой бальзаковского возраста».

В нашем веке внимание обывателя приковано к похождениям других «королей» – знаменитых киноактеров и певцов.

Романтический герой звезды немого кино Рудольфо Валентино действовал только в экзотических ситуациях. На фильмы с участием «латинского любовника», «рокового соблазнителя» и «истинного шейха» стремились попасть тысячи и тысячи женщин. Киносеансы превращались в настоящие парады мод. Женщины облачались в свои лучшие платья, надевали драгоценности, делали прически, душились дорогими духами и

шли в кинотеатры, как на первое свидание с возлюбленным, дрожа от любовного озноба. Это было что-то невообразимое! Позднее «латинским любовником» стали называть Мастроянни, затем – молодого актера Бандераса, секс-символа 1990-х годов.

Новые времена – новые кумиры. Сегодня газетные и журнальные полосы отданы любовным скандалам, связанным с именами Клинтона и Паваротти, Ван Дамма и Николсона, Аллена и Дугласа… Джек Николсон, неофициальный рекордсмен Голливуда по количеству побед над дамскими сердцами, часто повторяет, что всех женщин любить невозможно, но стремиться к этому надо.

Биографии героев книги хорошо изучены, не вызывает сомнения талант этих людей. Но в этой книге вырисовываются их новые образы – ибо в любви наиболее ярко и неожиданно проявляется характер человека.

ДЖОВАННИ ДЖАКОМО КАЗАНОВА (1725—1798)

Итальянский писатель. Автор исторических сочинений, фантастического романа «Икосамерон» (1788). В мемуарах «История моей жизни» (т. 1–12, написаны в 1791—1798, на франц. языке, опублик. 1822—1828) – описаны многочисленные любовные и авантюрные приключения Казановы, даны характеристики современников и общественных нравов. Отличался разносторонними интересами.

Казанова (Джованни Джакомо Казанова де Сенгальт – дворянский титул, который он себе присвоил) родом из Венеции. У сына актеров было несчастное детство. Изучив право, молодой Джакомо хотел принять духовный сан, но запутался в любовных похождениях и был исключен из семинарии. Побывав в Неаполе, Риме, Константинополе, Париже он вернулся в Венецию, где за обман и богохульство в 1755 году был заключен в тюрьму. В 1756 году бежал в Париж, там завоевал себе особое положение магией. После долгих странствий по Европе прибыл в Берлин, получил аудиенцию у Фридриха Великого. Он мог занять должность начальника кадетского корпуса, но предпочел отправиться в Петербург, там встретился с Екатериной Второй, после чего выехал в Варшаву, откуда бежал из-за дуэли с графом Браницким. Затем скитался по Европе, всюду переживал множество приключений. В 1782 году поселился в Чехии, в замке графа Вальдштейна, вместе с которым занимался кабалистикой и алхимией.

«Донжуанский список» Казановы может поразить воображение только очень примерного семьянина: 122 женщины за тридцать девять лет. Не так уж и много – три любовных приключения в год. В то время список любовных удач был непременным атрибутом светского щеголя, его составляли с большой тщательностью, заучивали наизусть, блестящий «послужной список» обеспечивал новые победы.

Любовь была одним из высших смыслов существования Казановы, она и сделала его великим. Но его романы не заканчивались свадьбой, вознаграждением добродетели и развенчанием порока. Естественное чувство свободно и бесконечно, в нем самом его оправдание. «Я любил женщин до безумия, но всегда предпочитал им свободу».

Казанова охотно завязывал с женщинами психологическую

игру, смешил, интриговал, смущал, заманивал, удивлял, превозносил (таковы, скажем, его приключения с г-жой Ф. на Корфу, К.К. в Венеции, мадемуазель де ла Мур в Париже). «Уговаривая девицу, я уговорил себя, случай следовал мудрым правилам шалопайства», – писал он об одержанной благодаря импровизации победе. Он льстил, иногда просто приставал до тех пор, пока не достигал желаемого. Ради прекрасных глаз он переезжал из города в город, надевал ливрею, чтобы прислуживать понравившейся даме. Но чаще все происходило гораздо проще, как с Мими Кенсон: «Мне сделалось любопытно, проснется ли она или нет, я сам разделся, улегся – а остальное понятно без слов».

В нем сочетались возвышенное чувство и плотская страсть, искренние порывы и денежные расчеты. Казанова покупал понравившихся ему девиц (более всего ему по душе были молоденькие худые брюнетки), учил их любовной науке, светскому обхождению, а потом с большой выгодой для себя уступал другим – финансистам, вельможам, королю. Не стоит принимать за чистую монету его уверения в бескорыстии, в том, что он только и делал, что составлял счастье бедных девушек, – это был постоянный для него источник доходов. Впрочем, само общество диктовало ему нормы поведения. Людовик XV превратил Францию в огромный гарем, из всех краев и даже из других стран прибывали красотки, родители привозили дочек в Версаль – вдруг король обратит внимание во время прогулки. А юная О'Морфи попала из рук Казановы в постель короля благодаря написанному с нее портрету, понравившемуся монарху (сказочный сюжет о любви по портрету превратился во вполне современную историю о выборе девушки по фотографии).

С некоторыми он вел философские беседы, а одной даже подарил целую библиотеку. Он спал с аристократками, с проститутками, с монахинями, с девушками, со своей племянницей, может быть, со своей дочерью. Но за всю жизнь, кажется, ни одна любовница ни в чем его не упрекнула, ибо физическая близость не была для него лишь проведением досуга.

Однажды в Венеции Казанова поднял на лестнице письмо, которое обронил сенатор Брагодин. Благородный сенатор предложил Казанове проехаться с ним. Дорогой Брагодину стало плохо, и Джакомо заботливо доставил его домой. Сенатор приютил своего спасителя, видя в нем посланца таинственных сил, в существование которых глубоко верил. Казанова поселился в доме благодетеля и стал на досуге заниматься магией. Жертвы его проделок жаловались властям, но он удивительно легко уходил от ответственности. И все же по обвинению в колдовстве

венецианская полиция заключила его в знаменитую своими ужасами тюрьму «Пьомби» под свинцовыми крышами Дворца дожей в Венеции.

Однако Казанова не зря осваивал магию. Трудно сказать, какую роль здесь сыграли сверхъестественные силы, но ровно в полночь 31 октября Казанова вышел из каземата, запертого на многие замки. В неприступной венецианской темнице он вырубил ход на свинцовую крышу. Бегство Казановы наделало много шума в Европе и принесло авантюристу известность.

Поэтому Париж с восторгом встретил молодого повесу, особенно парижская знаменитость – маркиза д'Юфре, которая была без ума от его больших черных глаз и римского носа. Казанова с присущим ему чувством юмора убедил маркизу, что, когда ей исполнится 63 года, у нее родится сын, она умрет, а потом она воскреснет молодой девушкой. Видимо, маркиза была склонна верить Джакомо, который тем временем завладел ее миллионами и, спасаясь от Бастилии, поспешил к Вольтеру в Ферне.

Государства он оценивал с точки зрения успеха своих авантюр. Англией он остался недоволен: в Лондоне его обобрала француженка Шарпильон, а ее муж чуть не убил Джакомо.

Кем же все-таки был Казанова?

В разные времена знаменитый авантюрист выдавал себе разные аттестации. Он представлялся католическим священником, мусульманином, офицером, дипломатом. В Лондоне он однажды сказал женщине: «Я распутник по профессии, и вы приобрели сегодня дурное знакомство. Главным делом моей жизни были чувственные наслаждения: более важного дела я не знал».

«Любовь – это поиск», – писал Казанова на склоне лет. Его поискам не было конца. Об одних женщинах Джакомо вспоминал не без оттенка презрения, о других – с чувством благодарности.

С особенной нежностью Казанова вспоминал о горячо любившей его – судя по ее письмам и после смерти Джакомо – Анриетте, которая, расставаясь с возлюбленным в Женеве, начертала бриллиантом на стекле в гостиничном номере: «Ты забудешь свою Анриетту…» Прочитав эту надпись через тринадцать лет, Казанова признал себя недостойным ее. Когда он, спустя много лет, после бегства из барселонской тюрьмы, слег в постель в Эксе, на юге Франции, у его изголовья дежурила заботливая сестра милосердия, посланная к нему жившей в своем поместье Анриеттой.

Казанова не походил на Дон Жуана. Мстительные командоры, ревнивые мужья и озлобленные отцы не преследовали его.

Осчастливленные женщины не осаждали Джакомо письмами и жалобами. В чем же тайна его обаяния?

Казанова был хорош собой, внимателен и щедр. Но, главное, он говорил, говорил, говорил обо всем на свете: о любви, о медицине, о политике, о сельском хозяйстве. Он будто бы знал все и вся и всегда следовал принципу, который много раньше сформулировал Ф. Ларошфуко: умный человек может быть влюблен как безумный, но не как дурак.

Если же общего языка не было, то он отказывался от любви. Ему однажды предложили провести ночь со знаменитой куртизанкой Китти Фишер, которая от обыкновенного клиента требовала тысячу дукатов за ночь. Казанова отказался, так как не знал английского, а для него любовь без общения не стоила и гроша.

Уже в середине жизни он почувствовал пресыщение. Все чаще его подстерегали неудачи. В Лондоне молоденькая куртизанка Шарпильон изводила его, беспрестанно вытягивая деньги и отказывая в ласках, и великий соблазнитель выдохся. «В тот роковой день в начале сентября 1763 года я начал умирать и перестал жить. Мне было тридцать восемь лет». Он стал довольствоваться легкими победами: публичные девки, трактирные служанки, мещанки, крестьянки, чью девственность можно было купить за горсть цехинов. А в пятьдесят лет он из экономии ходил к женщинам немолодым и непривлекательным, жил как с женой со скромной белошвейкой. Но чем необратимей уходила его сексуальная энергия, тем интенсивнее становилась интеллектуальная деятельность. Он занялся литературным трудом. В конце жизни написал мемуары «История моей жизни», которые были встречены неоднозначно.

Каждый описанный эпизод сам по себе весьма красочен, его достоверность неоспорима – Казанова кажется искренен, а мемуары производят впечатление документа.

Казанова, как совершенно ясно из его воспоминаний, стремился совершить половой акт с одной женщиной в присутствии другой. Так было с Еленой и Гедвигой, двумя девушками, которых он одновременно лишил девственности.

«Я наслаждался с ними несколько часов, переходя пять или шесть раз от одной к другой, прежде чем истощился. В перерывах, видя их покорность и похотливость, я заставил их принимать сложные позы по книжке Арстино, что развлекло их сверх всякой меры. Мы целовали друг друга во все места, которые хотели. Гедвига была восхищена, ей понравилось наблюдать».

Похоже, Казанова приписал девушке свой собственный болезненный интерес к совокуплению.

Так же обстояло дело с Анеттой и Вероникой. «Вероника уступила своей младшей сестре и взяла на себя пассивную роль, которую та ей навязала. Отстранившись, она склонила голову на руку, представив моему взгляду грудь, которая могла бы возбудить равнодушнейшего из людей, и предложила мне начать атаку на Анетту. Это не было трудно, ибо я весь горел и был готов ублажать ее так долго, как ей будет угодно. Анетта была близорука и в разгар действия не могла видеть, что я творю. Мне удалось высвободить правую руку так, что она этого не заметила, и я смог передать ей частичку наслаждения, хотя и не такого острого, которое испытала ее сестра. Тем временем покрывало сбилось, Вероника взяла на себя труд поправить его и как бы случайно предложила мне новое зрелище. От нее не укрылось, как радуют меня прелести, глаза ее заблестели. Наконец, сгорая от неутоленного желания, она показала мне все сокровища, которыми одарила ее природа, как раз в тот момент, когда я покончил с Анеттой в четвертый раз. Она полагала, что я репетирую перед наступлением ночи, и ее фантазия разыгралась».

Однажды Казанова устроил «устричный ужин» с шампанским для двух монашек, Армаллиены и Элимет. Он натопил комнату так жарко, что девушки были вынуждены снять верхнюю одежду. Затем, затеяв игру, во время которой один брал устрицу у другого прямо изо рта, он умудрился уронить кусочек за корсет сначала одной девушке, потом другой. Последовал процесс извлечения, потом он осматривал и сравнивал на ощупь их ножки. Интересно, что все это случилось во время карнавала. Примерно то же происходило во время ужина у Басси (временного помощника Казановы).

«Когда ужин и вино существенно подняли мне настроение, я уделил внимание дочери Басси, которая позволила мне делать все, что я хотел, а отец и мать только смеялись. Глупый Арлекин волновался и раздражался, ибо не мог сделать то же со своей Дульцинеей. К концу ужина я был подобен Адаму перед грехопадением. Арлекин поднялся и, схватив свою любимую за руку, собрался утащить ее в другую комнату. Я велел ему остаться, и он уставился на меня в полном изумлении, но потом повернулся к нам спиной. Его подруга, напротив, расположилась так, что я сумел не разочаровать ее.

Сцена возбудила супругу Басси, и она стала побуждать мужа доказать ей свою любовь. Он отозвался, а скромняга Арлекин сидел у огня, закрыв голову руками».

«Альсатиана была очень сильно возбуждена и использовала позу своего любовника, чтобы предоставить мне все, чего я желал, так что я был вынужден хорошенько над ней потрудиться, и

неистовые конвульсии тела подтвердили, что она наслаждается не меньше меня».

В случае с Басси для Казановы было важно, что Арлекин унижен и ему причинили боль. Он не случайно отмечал, как сладостно для него ощущение власти, как ему нравится платить людям, с которыми он только что забавлялся.

Неудачи в любви раздражали его и приводили в ярость. Шарпильон посмеялась над ним, он исцарапал ее, сбил с ног, разбил нос – за то что она отвергла его внимание. А случай с «креслом Гоудара» – совершенно фантастический.

С виду кресло было обыкновенным и очень некрасивым. Впрочем, стоило человеку сесть в него, как «два ремня обхватывали его руки и крепко сжимали их, два других раздвигали ноги, а пружина приподнимала сиденье».

Когда Гоудар сел в кресло, «пружины сработали и привели в "положение роженицы"». Казанова мысленно восхитился: этот «аппарат» можно было использовать, чтобы схватить Шарпильон и надругаться над ней. Позже он оставил идею приобрести кресло, но мысль эта владела его воображением.

Другими авантюристами руководила жажда наживы, их привлекала слава. Для Казановы и деньги, и известность были лишь средством. Целью его была любовь. Женщины заполняли его жизнь. В 1759 году Казанова находился в Голландии. Он богат, уважаем, перед ним легкий путь к спокойному и прочному благосостоянию. Но только встречи, новые встречи волновали его воображение. Он искал этих встреч всюду: на придворном балу, на улице, в гостинице, в театре, в притоне. Он колесил по городам без всякого расчета и плана. Его маршрут определяла пара красивых глаз, задержавшихся на нем дольше, чем это позволяли приличия. И ради пары красивых глаз он способен был переодеться гостиничным слугой, давать пиры, играть «Шотландку» Вольтера и поселиться надолго в крохотном швейцарском городке. За короткое время он успевал любить аристократку из высшего общества, дочерей трактирщика, монахиню из захолустного монастыря, ученую девицу, искусную в теологических диспутах, прислужниц в бернских купальнях, прелестную и серьезную Дюбуа, какую-то безобразную актрису и, наконец, даже ее горбатую подругу. Он соблазнял всех. У него было только одно правило: двух женщин гораздо легче соблазнить вместе, чем порознь.

«Любовь – это только любопытство» – эта фраза часто встречается в мемуарах Казановы. Неутомимое любопытство было настоящей страстью этого человека. Он не был банальным любимцем женщин, не был счастливым баловнем, случайным

дилетантом. К сближению с женщинами он относился так, как серьезный и прилежный художник относится к своему искусству.

Казанова не всегда был погружен в торопливый и неразборчивый разврат. Такие периоды случались у него лишь тогда, когда ему хотелось заглушить воспоминания только что прошедшей большой любви и вечную жажду новой. Среди бесчисленных женщин, упоминаемых этим «распутником по профессии», есть несколько, оставивших глубокий след в его душе. Им посвящены лучшие страницы мемуаров. Рассказывая о них, Казанова избегал непристойных подробностей. Их образы становятся для читателей мемуаров такими же близкими и живыми, как образ самого венецианского авантюриста.

Первая любовь Казановы была в духе мирной венецианской новеллы. Ему было шестнадцать лет, и он любил Нанетту и Мартон, двух племянниц доброй синьоры Орио. «Эта любовь, которая была моей первой, не научила меня ничему в школе жизни, так как она была совершенно счастливой, и никакие расчеты или заботы не нарушили ее. Часто мы все трое чувствовали потребность обратить наши души к божественному провидению, чтобы поблагодарить его за явное покровительство, с каким оно удаляло от нас все случайности, которые могли нарушить наши мирные радости…»

Легкий оттенок элегии появился в его второй любви. Быть может, это оттого, что она протекала в Риме, в вечной зелени садов Людовизи и Альдобрандини. Там Казанова любил Лукрецию. «О, какие нежные воспоминания соединены для меня с этими местами!.. "Посмотри, посмотри, – сказала мне Лукреция, – разве не говорила я тебе, что наши добрые гении оберегают нас. Ах, как она на нас глядит! Ее взгляд хочет нас успокоить. Посмотри, какой маленький дьявол, это самое таинственное, что есть в природе. Полюбуйся же на нее, наверное, это твой или мой добрый гений". Я подумал, что она бредит. "О чем ты говоришь, я тебя не понимаю, на что надо мне посмотреть?" – "Разве ты не видишь красивую змейку с блестящей кожей, которая подняла голову и точно поклоняется нам?" Я взглянул туда, куда она показывала, и увидел змею переливающихся цветов, длиною в локоть, которая действительно нас рассматривала».

На пути из Рима, в Анкону, Казанова встретился с певицей Терезой, переодетой кастратом. В этой странной девушке были благородство и ясный ум, внушавшие уважение. Казанове хотелось никогда больше с ней не расставаться. Никогда он не думал так серьезно о женитьбе, как в эту ночь в маленькой гостинице в Синигальи. Непредвиденная разлука не изменила его решения. Понадобился весь жизненный опыт Терезы, чтобы

убедить его в невозможности этого для них обоих. «Это было первый раз в моей жизни, что мне пришлось задуматься, прежде чем решиться на что-либо». Они расстались и встретились через семнадцать лет во Флоренции. Вместе с Терезой был молодой человек, Чезарино, как две капли воды похожий на Казанову в молодости. Пораженный этой встречей Гуго фон Гофмансталь написал пьесу «Авантюрист и певица».

Во время пребывания на Корфу Казанова испытал любовь, напоминающую своей сложностью и мучительностью темы современных романов. Долгая история этой любви драматична. Много лет спустя воспоминание о патрицианке Ф.Ф. заставило Казанову воскликнуть: «Что такое любовь? Это род безумия, над которым разум не имеет никакой власти. Это болезнь, которой человек подвержен во всяком возрасте и которая неизлечима, когда она поражает старика. О любовь, существо и чувство неопределимое! Бог природы, твоя горечь сладостна, твоя горечь жестока…»

Никакая другая женщина не вызывала в душе Казановы таких нежных воспоминаний, как Анриетта, таинственная Анриетта, которую он встретил в обществе венгерского офицера в Чезене. Три месяца, которые он прожил с ней в Парме, были счастливейшим временем в его жизни. «Кто думает, что женщина не может наполнить все часы и мгновения дня, тот думает так оттого, что не знал никогда Анриетты… Мы любили друг друга со всей силой, на какую были только способны, мы совершенно довольствовались друг другом, мы целиком жили в нашей любви». Казанова обожал эту женщину, у которой на лице «была легкая тень какой-то печали». Его восхищало в ней все – ее ум, ее воспитание, ее умение одеваться. Однажды она превосходно сыграла на виолончели. Казанова был растроган, потрясен этим новым талантом своей Анриетты. «Я убежал в сад и там плакал, ибо никто не мог меня видеть. Но кто же эта несравненная Анриетта, повторял я с умиленной душой, откуда это сокровище, которым я теперь владею?..»

Случай, заставивший Казанову вспомнить про Анриетту и про дни молодости, произошел с ним как раз после разлуки с Дюбуа, которая была одной из его последних больших привязанностей. После этого случая он начал чувствовать себя одиноким. Розалию он подобрал в одном из марсельских притонов. «Я старался привязать к себе эту молодую особу, надеясь, что она останется со мной до конца дней и что, живя с ней в согласии, я не почувствую больше необходимости скитаться от одной любви к другой». Но, конечно, и Розалия покинула его, и его скитания начались снова.

Вместо преданной любовницы Казанова встретил Ла

Кортичелли. Эта маленькая танцовщица заставила его испытать ревность и горечь обмана. Она была из Болоньи и «только и делала, что смеялась». Она причинила Казанове много бед всякого рода. Она интриговала против него и изменяла ему при каждом удобном случае. Но тон его рассказов выдает, что никогда, даже в минуту их окончательного разрыва, эта «сумасбродка» не была безразличной для сердца начинавшего стареть авантюриста.

Последний роман Казановы был в Милане. Он был тогда все еще великолепен. «Моя роскошь была ослепительна. Мои кольца, мои табакерки, мои часы и цепи, осыпанные бриллиантами, мой орденский крест из алмазов и рубинов, который я носил на шее на широкой пунцовой ленте, – все это придавало мне вид вельможи». Около Милана Казанова встретил Клементину, «достойную глубокого уважения и самой чистой любви». Вспоминая дни, проведенные с ней, он говорит: «Я любил, я был любим и был здоров, и у меня были деньги, которые я тратил для удовольствия, я был счастлив. Я любил повторять себе это и смеялся над глупыми моралистами, которые уверяют, что на земле нет настоящего счастья. И как раз эти слова, "на земле", возбуждали мою веселость, как будто оно может быть где-нибудь еще!.. Да, мрачные и недальновидные моралисты, на земле есть счастье, много счастья, и у каждого оно свое. Оно не вечно, нет, оно проходит, приходит и снова проходит… и, быть может, сумма страданий, как последствие нашей духовной и физической слабости, превосходит сумму счастья для всякого из нас. Может быть, так, но это не значит, что нет счастья, большого счастья. Если бы счастья не было на земле, творение было бы чудовищно и был бы прав Вольтер, назвавший нашу планету клоакой вселенной – плохой каламбур, который выражает нелепость или не выражает ничего, кроме прилива писательской желчи. Есть счастье, есть много счастья, так повторяю я еще и теперь, когда знаю его лишь по воспоминаниям».

При расставании Клементина рыдала и падала в обморок. Чувствовал ли тогда Казанова, что, прощаясь с ней, он прощается со своим последним счастьем. Венецианку Марколину он взял мимоходом почти что с улицы. Разлука с ней вызвала в нем небывалые переживания. «Я не могу и отказываюсь передать страдание, которое причинил мне ее отъезд. Еще накануне я был рад этой разлуке по многим причинам. В минуту отъезда я почувствовал, что мое желание освободиться от Марколины слабеет. Но когда я остался один – какая пустота, какое отчаяние!.. Поверхностный читатель, пожалуй, не поверит, когда я скажу, что остался стоять без движения, охваченный тоской и в

таком забвении всего, что не знал, как найти дорогу. Я вскочил на лошадь и, шпоря ее изо всех сил, предался дороге с отчаянным решением загнать лошадь или сломать себе шею. Таким образом я сделал восемнадцать лье в пять часов».

И затем Лондон. «Какое одиночество, какая затерянность… Лондон – это самое последнее место на земле, где можно жить, когда невесело на душе». Там Казанова встретил не любимую женщину-друга, а опаснейшую хищницу. Француженке из Безансона, носившей фамилию Шарпильон, суждено было сделаться злейшим врагом Казановы. «Итак, в Лондоне, земную жизнь пройдя до половины, как сказал старый Данте, любовь самым наглым образом насмеялась надо мной».

Какая необыкновенная и дикая была эта любовь! Эту женщину Казанова полюбил с первого взгляда. Она состояла из хитрости, каприза, холодного расчета и легкомыслия, смешанных самым удивительным образом. Она разорила его до нитки и довела до тюрьмы. Однажды она чуть не задушила его, другой раз Казанова нанес ей тяжкие побои. В Ричмонде, в парке, он бросился на нее с кинжалом. Они были то друзья, то враги. Но вот последнее унижение: Казанова застал ее на свидании с молодым парикмахером. В совершенном исступлении он крушит все, что попадалось ему под руку. Шарпильон едва успела спастись. Потом она болела. Казанове сообщили, что она при смерти. «Тогда я был охвачен ужасным желанием покончить с собой. Я пришел к себе и сделал завещание в пользу Брагадина. Затем я взял пистолет и направился к Темзе с твердым намерением раздробить себе череп на парапете моста». Встреча с неким Эдгаром спасла ему жизнь. Как всегда повинуясь судьбе, Казанова пошел за ним, и эта ночь кончилась оргией. А на другой день он встретил Шарпильон на балу среди танцующих. «Волосы зашевелились у меня на голове, и я почувствовал ужасную боль в ногах. Эдгар рассказывал мне потом, что при виде моей бледности он подумал, что я сейчас упаду в эпилептическом припадке. В мгновение ока я растолкал зрителей и направился прямо к ней. Я стал ей что-то говорить, что – я не помню. Она убежала в страхе». Это было последним свиданием Казановы с Шарпильон…

После смерти Казанова стал героем многочисленных литературных произведений, а затем и кинофильмов. Великий итальянский режиссер Федерико Феллини показал в своем фильме (1976) одаренного человека, который тщетно пытается применить свои таланты, но в этой среде востребована только его сексуальная энергия…

Из реального человека прославленный авантюрист и

любовник превратился в миф.

ЛЮДОВИК XIV (1638—1715)

Французский король (с 1643), из династии Бурбонов, сын Людовика XIII и Анны Австрийской. Его правление – апогей французского абсолютизма. Вел многочисленные войны – Деволюционную (1667—1668), за Испанское наследство (1701—1714) и др. К концу его правления у Франции было до 2 миллиардов ливров долга, король ввел огромные налоги, что вызывало народное недовольство. Людовику XIV приписывается изречение: «Государство – это я».

Людовику XIV словно на роду было написано быть баловнем судьбы. Само рождение его, после двадцати лет супружеской жизни родителей, могло служить хорошим знаком. В пятилетнем возрасте он стал наследником прекраснейшего и могущественнейшего из престолов Европы. Людовика XIV называли Королем-Солнцем. Красавец с темными локонами, правильными чертами цветущего лица, изящными манерами, величественной осанкой, к тому же повелитель великой страны, он действительно производил неотразимое впечатление. Могли ли женщины не любить его?

Первый урок любви ему преподала главная камеристка королевы мадам де Бове, в молодости бывшая изрядной распутницей. Однажды она подстерегла короля и увлекла его в свою комнату. Людовику XIV было пятнадцать лет, мадам де Бове – сорок два…

Все последующие дни восхищенный король проводил у камеристки. Затем он пожелал разнообразия и, как говорил философ Сен-Симон, «все ему годились, лишь бы были женщины».

Он начал с дам, желавших получить его девственность, а потом приступил к методичному завоеванию фрейлин, живших при дворе под надзором мадам де Навай.

Каждую ночь – один или в компании друзей – Людовик XIV отправлялся к этим девушкам, дабы вкусить здоровое наслаждение физической любви с первой же фрейлиной, которая попадалась ему под руку.

Естественно, об этих ночных визитах в конце концов стало известно мадам де Навай, и она приказала поставить решетки на все окна. Людовик XIV не отступил перед возникшим препятствием. Призвав каменщиков, он велел пробить потайную

дверь в спальне одной из мадемуазель.

Несколько ночей подряд король благополучно пользовался секретным ходом, который днем маскировался спинкой кровати. Но бдительная мадам де Навай обнаружила дверь и распорядилась замуровать ее. Вечером Людовик XIV с удивлением увидел гладкую стену там, где накануне был потайной ход.

Он вернулся к себе в ярости; на следующий же день мадам де Навай и ее супругу было сообщено, что король не нуждается более в их услугах и повелевает им немедленно отправиться в Гиень.

Пятнадцатилетний Людовик XIV уже не терпел вмешательства в свои любовные дела…

Через некоторое время после всех этих событий монарх сделал своей любовницей дочь садовника. Вероятно, в знак признательности девица родила ему ребенка. Мать короля, Анна Австрийская, встретила эту новость с большим неудовольствием.

Если по ночам Людовик XIV развлекался с фрейлинами королевы-матери, то днем его чаще всего видели в обществе племянниц Мазарини. Именно тогда король внезапно влюбился в свою ровесницу Олимпию – вторую из сестер Манчини.

Двор узнал об этой идиллии на Рождество 1654 года. Людовик XIV сделал Олимпию королевой всех праздничных торжеств последней недели года. Естественно, по Парижу вскоре распространился слух, будто Олимпия станет королевой Франции.

Анна Австрийская не на шутку рассердилась. Она готова была закрыть глаза на чрезмерную привязанность сына к племяннице Мазарини, но ее оскорбляла сама мысль, что эта дружба может быть узаконена.

И юной Олимпии, которая обрела слишком большую власть над королем в надежде завоевать трон, было приказано удалиться из Парижа. Мазарини быстро нашел ей мужа, и вскоре она стала графиней Суассонской…

В 1657 году король влюбился в мадемуазель де ла Мот д'Аржанкур, фрейлину королевы. Мазарини с досадой отнесся к этой новости и сообщил юному монарху, что его избранница была любовницей герцога де Ришелье, и как-то вечером их застали врасплох, когда «они занимались любовью на табурете». Подробности не понравились Людовику XIV, и он порвал все отношения с красавицей, после чего отправился вместе с маршалом Тюренном в северную армию.

После захвата Дюнкерка (14 июня 1658 года) Людовик XIV заболел тяжелейшей лихорадкой. Его перевезли в Кале, где он

окончательно слег. В течение двух недель монарх был на грани смерти, и все королевство возносило Богу молитвы о его выздоровлении. 29 июня ему внезапно стало так плохо, что было решено послать за священными дарами.

В этот момент Людовик XIV увидел залитое слезами лицо девушки. Семнадцатилетняя Мария Манчини, еще одна племянница Мазарини, уже давно любила короля, никому в этом не признаваясь. Людовик со своей постели смотрел на нее глазами, блестевшими от жара. По словам мадам де Мотвиль, она была «чернявая и желтая, в больших темных глазах еще не зажегся огонь страсти, и оттого они казались тусклыми, рот был слишком велик, и, если бы не очень красивые зубы, она могла бы сойти за уродину».

Однако король понял, что любим, и был этим взглядом взволнован. Врач принес больному лекарство «из винного настоя сурьмы». Эта удивительная микстура оказала чудодейственное воздействие: Людовик XIV стал поправляться на глазах и выразил желание вернуться в Париж, чтобы скорее оказаться рядом с Мари…

Увидев ее, он понял «по биению своего сердца и другим признакам», что влюбился, однако не признался в этом, а только попросил, чтобы она вместе с сестрами приехала в Фонтенбло, где он решил оставаться до полного выздоровления.

В течение нескольких недель там происходили увеселения: водные прогулки в сопровождении музыкантов: танцы до полуночи, балеты под деревьями парка. Королевой всех развлечений была Мари.

Затем двор вернулся в Париж. Девушка была на седьмом небе от счастья. «Я обнаружила тогда, – писала она в своих «Мемуарах», – что король не питает ко мне враждебных чувств, ибо умела уже распознавать тот красноречивый язык, что говорит яснее всяких красивых слов. Придворные, которые всегда шпионят за королями, догадались, как я, о любви Его Величества ко мне, демонстрируя это даже с излишней назойливостью и оказывая самые невероятные знаки внимания».

Вскоре король осмелел настолько, что признался Мари в своей любви и сделал ей несколько изумительных подарков. Отныне их всегда видели вместе.

Чтобы понравиться той, кого уже считал своей невестой, Людовик XIV, получивший довольно поверхностное воспитание, стал усиленно заниматься. Стыдясь своего невежества, он усовершенствовал познание во французском и начал изучать итальянский язык, одновременно уделяя много внимания древним авторам. Под влиянием этой образованной девушки,

которая, по словам мадам де Лафайет, отличалась «необыкновенным умом» и знала наизусть множество стихов, он прочел Петрарку, Вергилия, Гомера, страстно увлекся искусством и открыл для себя новый мир, о существовании которого даже не подозревал, пока находился под опекой своих учителей.

Благодаря Марии Манчини этот король впоследствии занимался возведением Версаля, оказывал покровительство Мольеру и финансовую помощь Расину. Однако ей удалось не только преобразить духовный мир Людовика XIV, но и внушить ему мысль о величии его предназначения.

«Королю было двадцать лет, – говорил один из современников Амедей Рене, – а он все еще покорно подчинялся матери и Мазарини. Ничто в нем не предвещало могущественного монарха: при обсуждении государственных дел он откровенно скучал и предпочитал перекладывать на других бремя власти. Мари пробудила в Людовике XIV дремавшую гордость; она часто беседовала с ним о славе и превозносила счастливую возможность повелевать. Будь то тщеславие или расчет, но она желала, чтобы ее герой вел себя как подобает коронованной особе».

Таким образом, можно прийти к заключению, что Короля-Солнце породила любовь…

Король впервые в жизни испытал настоящее чувство. Он вздрагивал при звуках скрипок, вздыхал лунными вечерами и грезил «о сладких объятиях» восхитительной итальянки, которая хорошела день ото дня.

Но в это же время при дворе начались разговоры, что король в скором времени женится на испанской инфанте Марии-Терезии.

Зная в деталях о ходе переговоров с Испанией, Манчини, столь же сведущая в политике, как и в музыке и литературе, внезапно осознала, что страсть Людовика XIV может иметь самые роковые последствия для всего королевства. И 3 сентября она написала Мазарини о том, что отказывается от короля.

Эта новость повергла Людовика XIV в отчаяние.

Он слал ей умоляющие письма, но ни на одно не получил ответа. В конце концов он велел отвезти к ней свою любимую собачку. У изгнанницы достало мужества и решимости, чтобы не поблагодарить короля за подарок, который, однако, доставил ей мучительную радость.

Тогда Людовик XIV подписал мирный договор с Испанией и дал согласие жениться на инфанте. Мария-Терезия отличалась на редкость спокойным нравом. Предпочитая тишину и уединение, она проводила время за чтением испанских книг. В день, когда праздничные колокола гремели по всему королевству, в Бруаже

Мари заливалась горючими слезами. «Я не могла думать, – писала она в «Мемуарах», – что дорогой ценой заплатила за мир, которому все так радовались, и никто не помнил, что король вряд ли женился бы на инфанте, если бы я не принесла себя в жертву…»

Мария-Терезия иногда всю ночь ждала возвращения короля, перепархивающего в это время от одной возлюбленной к другой. Под утро или на следующий день жена забрасывала Людовика XIV вопросами, в ответ тот целовал ей руки и ссылался на государственные дела.

Однажды на балу у Генриетты Английской король встретился взглядом с очаровательной девушкой и принялся настойчиво ухаживать за фрейлиной Луизой де Лавальер.

Людовик XIV настолько полюбил Луизу, что окружил свои отношения с ней, говоря словами аббата де Шуази, «непроницаемой тайной». Они встречались ночью в парке Фонтенбло или же в комнате графа де Сент-Эньяна, но на людях король не позволял себе ни одного жеста, который мог бы раскрыть «секрет его сердца».

Их связь обнаружилась случайно. Однажды вечером придворные прогуливались по парку, как вдруг хлынул сильнейший ливень. Спасаясь от грозы, все укрылись под деревьями. Влюбленные же отстали. Лавальер из-за своей хромоты, а Людовик – по той простой причине, что никто не ходит быстрее своей любимой.

На глазах у двора король под проливным дождем повел фаворитку во дворец, обнажив голову, чтобы укрыть ее своей шляпой.

Естественно, такая галантная манера обхождения с юной фрейлиной вызвала поток сатирических куплетов и эпиграмм злоязычных поэтов.

Через некоторое время ревность вновь заставила Людовика XIV забыть о своей сдержанности.

Один молодой придворный по имени Ломени де Бриенн имел неосторожность немножко поухаживать за Луизой де Лавальер. Встретив ее как-то вечером в покоях Генриетты Английской, он предложил ей позировать художнику Лефевру в виде Магдалины. Во время беседы в комнату вошел король.

«Что вы здесь делаете, мадемуазель?»

Луиза, покраснев, рассказала о предложении Бриенна.

«Не правда ли, это удачная мысль?» – спросил тот.

Король не сумел скрыть неудовольствия: «Нет. Ее надо изобразить в виде Дианы. Она слишком молода, чтобы позировать в роли кающейся грешницы».

Лавальер иногда отказывалась от свидания, ссылаясь на недомогание. Но король находил тысячи способов увидеться с ней. Однажды она вызвалась сопровождать Генриетту в Сен-Клу, где надеялась укрыться от него. Он тут же вскочил на лошадь и под предлогом того, что хочет осмотреть строительные работы, за один день посетил Венсеннский замок, Тюильри и Версаль.

В шесть часов вечера он был в Сен-Клу.

«Я приехал поужинать с вами», – сказал он брату.

После десерта король поднялся в спальню Луизы, фрейлины жены брата. Он проскакал тридцать семь лье только для того, чтобы провести ночь с Луизой, – поступок совершенно невероятный, вызвавший изумление у всех современников.

Несмотря на это свидетельство пылкой страсти, наивная девушка поначалу надеялась, что король станет благоразумнее в последние недели перед родами своей жены.

Однако после ссоры с Марией-Терезией король решил целиком посвятить себя любовнице. Такой возможности он не мог упустить. И Луиза, которой казалось, что он может вернуться на истинный путь, теперь проводила с ним почти каждую ночь, испытывая в его объятиях и несказанное наслаждение, и сильнейшие угрызения совести…

Первого ноября королева произвела на свет сына, которого назвали Людовиком. Это счастливое событие на время сблизило коронованных супругов. Однако едва дофин был окрещен, как монарх снова вернулся в постель мадемуазель де Лавальер. На этом ложе, согретом грелкою, фаворитка познавала радости, утолявшие томление тела, но одновременно вносившие смятение в душу…

Однажды король спросил Луизу о любовных похождениях Генриетты Английской. Фаворитка, обещавшая подруге хранить тайну, отказалась отвечать. Людовик XIV удалился в сильном раздражении, хлопнув дверью и оставив в спальне рыдающую Луизу.

Между тем еще в начале своей связи любовники договорились, что «если им доведется поссориться, то ни один из них не ляжет спать, не написав письма и не сделав попытки к примирению».

Поэтому Луиза всю ночь ждала вестника, который постучится к ней в дверь. На рассвете ей стало ясно: король не простил обиды. Тогда она, завернувшись в старый плащ, в отчаянии покинула Тюильри и побежала в монастырь Шайо.

Эта новость привела короля в такое смятение, что он, забыв о приличиях, вскочил на лошадь. Королева, присутствовавшая при этом, сказала, что он совершенно не владеет собой.

Людовик привез Луизу в Тюильри в своей карете и прилюдно ее поцеловал, так что все свидетели этой сцены пришли в изумление…

Дойдя до покоев Генриетты Английской, Людовик XIV «стал подниматься очень медленно, не желая показать, что плакал». Затем он начал просить за Луизу и добился – не без труда – согласия Генриетты оставить ее при себе… Величайший король Европы превратился в униженного просителя, озабоченного только тем, чтобы мадемуазель де Лавальер не проливала больше слез.

Вечером Людовик посетил Луизу. Увы! Чем большее она получала наслаждение, тем сильнее мучилась угрызениями совести. «И томные вздохи смешивались с искренними сетованиями…»

В это время мадемуазель де ла Мот Уданкур, пылающая страстью, предприняла отчаянную попытку завлечь в свои сети Людовика XIV. Но король не мог позволить себе две связи одновременно, тем более он был слишком занят – он строил Версаль.

Вот уже несколько месяцев монарх с помощью архитекторов Лебрена и Ленотра возводил в честь Луизы самый красивый дворец в мире. Для двадцатичетырехлетнего короля это было упоительным занятием, которое поглощало все его время.

Когда же ему случалось отодвинуть в сторону чертежи, загромождавшие письменный стол, он принимался писать нежное письмо Луизе. Однажды он даже написал ей изысканное двустишие на бубновой двойке в ходе карточной партии. А мадемуазель де Лавальер с присущим ей остроумием ответила настоящей маленькой поэмой, где просила писать ей на двойке червей, ибо это более надежная масть.

Когда же король возвращался в Париж, он немедленно бросался к Луизе, и оба любовника испытывали тогда такую радость, что напрочь забывали об осторожности.

Результат не заставил себя ждать: однажды вечером фаворитка в слезах объявила королю, что ждет ребенка. Людовик XIV, придя в восторг, отбросил прочь привычную сдержанность: отныне он стал прогуливаться по Лувру вместе со своей подругой, чего раньше не делал никогда.

Прошло несколько месяцев. Людовик XIV отправился воевать с герцогом Лотарингским и во главе победоносной армии вернулся 15 октября 1663 года, покрыв себя славой. Луиза ждала его с нетерпением. Она уже не могла скрывать свою беременность.

19 декабря в четыре часа утра Кольбер получил от акушера

следующую записку: «У нас мальчик, сильный и здоровый. Мать и дитя чувствуют себя хорошо. Слава Богу. Жду распоряжений».

Распоряжения оказались жестокими для Луизы. В тот же день новорожденного отнесли в Сан-Ле: по тайному приказу короля он был записан как Шарль, «сын г-на Ленкура и мадемуазель Елизабет де Бе».

Всю зиму Луиза пряталась в своем доме, не принимая никого, кроме короля, очень огорченного этим затворничеством. Весной он привез ее в Версаль, который был почти достроен. Теперь она заняла положение официально признанной фаворитки, и куртизаны всячески заискивали перед ней. Однако Луиза не умела быть счастливой и потому плакала.

Но она плакала бы еще горше, если бы знала, что носит под сердцем второго маленького бастарда, зачатого в предыдущем месяце.

Ребенок этот родился под покровом глубочайшей тайны 7 января 1665 года и был окрещен как Филипп, «сын Франсуа Дерси, буржуа, и Маргариты Бернар, его супруги». Кольбер, которому по-прежнему приходилось заниматься устройством младенцев, вверил его попечению надежных людей.

В конце концов Людовику XIV надоело успокаивать любовницу, и он обратил внимание на принцессу Монако. Она была молода, обаятельна, остроумна и необыкновенно привлекательна; но в глазах короля самым большим ее достоинством было то, что она делила ложе с Лозеном, прославленным обольстителем, и, стало быть, имела богатый опыт.

Людовик XIV принялся усердно ухаживать за принцессой, которая с радостью позволила соблазнить себя.

Через три недели король расстался с принцессой Монако, поскольку нашел ее привязанность несколько утомительной для себя, и вновь вернулся к де Лавальер.

20 января 1666 года умерла регентша Анна Австрийская, мать Людовика XIV. Вместе с ней исчезла последняя преграда, хоть немного удерживавшая короля в рамках приличия. Вскоре в этом убедились все. Через неделю мадемуазель де Лавальер стояла рядом с Марией-Терезией во время мессы…

Именно тогда постаралась привлечь внимание короля одна молодая фрейлина королевы, которая поняла, что обстоятельства складываются в ее пользу. Она была красива, коварна и остра на язык. Звали ее Франсуаза Атенаис, уже два года она была замужем за маркизом де Монтеспаном, но при этом не отличалась безупречной супружеской верностью.

Людовик XIV вскоре подпал под ее чары. Не бросая Луизу,

которая вновь была беременна, он стал порхать вокруг Атенаис. Скромная фаворитка быстро поняла, что отныне не только она интересует короля. Как всегда, незаметно разрешившись от бремени, она затаилась в своем особнячке и приготовилась втихомолку страдать.

Но будущий Король-Солнце любил театральность, чтобы все происходило на глазах у зрителей. Поэтому он устроил празднества в Сен-Жермене под названием «Балет муз», где Луиза и мадам де Монтеспан получили совершенно одинаковые роли, дабы всем стало ясно, что обе на равных правах будут делить его ложе.

14 мая около полудня разнеслась удивительная новость. Стало известно, что король только что даровал титул герцогини мадемуазель де Лавальер и признал своей дочерью третьего ее ребенка – маленькую Марию-Анну (два первых сына умерли в младенчестве)

Побледневшая мадам де Монтеспан поспешила к королеве, чтобы узнать подробности. Мария-Терезия рыдала. Вокруг нее придворные шепотом обсуждали жалованную грамоту, уже утвержденную парламентом. Изумлению не было предела. Говорили, что подобного бесстыдства не случалось со времен Генриха IV.

3 октября Лавальер родила сына, которого тут же унесли. Ему предстояло получить имя графа де Вермандуа. Это событие несколько сблизило короля с нежной Лавальер, и встревоженная Монтеспан поспешила к колдунье Вуазен. Та вручила ей пакет с «любовным порошком» из обугленных и растолченных костей жабы, зубов крота, человеческих ногтей, шпанской мушки, крови летучих мышей, сухих слив и железной пудры.

В тот же вечер ни о чем не подозревавший король Франции проглотил это отвратительное зелье вместе с супом. В силе колдовских чар усомниться было трудно, поскольку король почти сразу покинул Луизу де Лавальер, вернувшись в объятия мадам де Монтеспан.

Вскоре Людовик XIV решил придать своим любовницам официальный статус, дабы продемонстрировать пренебрежение ко всякого рода моралистам. В начале 1669 года он поместил Луизу и Франсуазу в смежных покоях в Сен-Жермене. Более того, он потребовал, чтобы обе женщины поддерживали видимость дружеских отношений. Отныне все видели, как они играют в карты, обедают за одним столом и прогуливаются рука об руку по парку, оживленно и любезно беседуя.

Король же безмолвно ждал, как отреагирует на это двор. И вскоре появились куплеты, весьма непочтительные по отношению

к фавориткам, но сдержанные в том, что касалось короля. Людовик XIV понял, что партию можно считать выигранной. Каждый вечер он со спокойной душой отправлялся к своим возлюбленным и находил в этом все большее удовольствие.

Разумеется, предпочтение почти всегда отдавалось мадам де Монтеспан. Та не скрывала своего восторга. Ей очень нравились ласки короля. Людовик XIV делал это со знанием дела, поскольку читал Амбруаза Паре, который утверждал, что «не должно сеятелю вторгаться в поле человеческой плоти с наскоку…» Но после этого можно было действовать с отвагой мужа и короля.

Такой подход не мог не принести плодов. В конце марта 1669 года мадам де Монтеспан произвела на свет восхитительную девочку.

Король, который все больше и больше привязывался к пылкой маркизе, практически игнорировал де Лавальер. Мадам де Монтеспан была так обласкана королем, что 31 марта 1670 года родила второго ребенка – будущего герцога Мэнского. На сей раз ребенок появился на свет в Сен-Жермене, «в дамских покоях», и мадам Скаррон, которую король недолюбливал, не посмела прийти туда. Но за нее все сделал Лозен. Он взял ребенка, завернул в собственный плащ, быстро прошел через покои королевы, пребывавшей в неведении, пересек парк и подошел к решетке, где ждала карета воспитательницы. Через два часа мальчик уже присоединился к своей сестре.

Внезапно разнеслась ошеломительная новость: мадемуазель де Лавальер, тайно покинув двор во время бала в Тюильри, отправилась на заре в монастырь Шайо. Луиза, униженная мадам де Монтеспан, покинутая королем, придавленная горем и терзаемая угрызениями совести, решила, что только в религии может найти утешение.

Людовику XIV сообщили об этом, когда он уже собирался покинуть Тюильри. Бесстрастно выслушав новость, он поднялся в карету вместе с мадам де Монтеспан и мадемуазель де Монпансье, и многим показалось, что бегство Луизы оставило его совершенно равнодушным. Однако едва карета выехала на дорогу в Версаль, как по щекам короля потекли слезы. Увидев это, Монтеспан зарыдала, а мадемуазель де Монпансье, которая всегда с охотой плакала в опере, сочла за лучшее присоединиться к ней.

В тот же вечер Кольбер привез Луизу в Версаль по распоряжению короля. Несчастная застала своего любовника в слезах и поверила, что он все еще ее любит.

Но после того как 18 декабря 1673 года в церкви Сен-Сюльпис король вынудил ее быть крестной матерью очередной

дочери мадам де Монтеспан, Луиза приняла самое важное решение в своей жизни.

2 июня, в возрасте тридцати лет, она приняла постриг и стала милосердной сестрой Луизой. И это имя она носила до самой смерти, в течение тридцати шести лет.

Тем временем в Париже мадам де Монтеспан не сидела сложа руки. Она постоянно посылала в Сен-Жермен любовные порошки, которые затем при посредстве подкупленных слуг подмешивались в пищу короля. Поскольку эти порошки содержали шпанскую мушку и прочие возбуждающие средства, Людовик XIV вновь стал бродить вокруг апартаментов молодых фрейлин, и многие девицы обрели благодаря этому обстоятельству статус женщины…

Затем красавица де Монтеспан обратилась к нормандским колдунам, которые стали регулярно снабжать ее любовными напитками и возбуждающими средствами для Людовика XIV. Так продолжалось в течение многих лет. Зелье оказывало на короля все более сильное воздействие, чем хотелось бы мадам де Монтеспан. Монарх стал испытывать ненасытную потребность в половой близости, в чем скоро пришлось убедиться многим фрейлинам.

Первой, на кого обратил внимание король, была Анна де Роган, баронесса де Субиз, восхитительная молодая женщина двадцати восьми лет, которая почтительно уступила не слишком почтительному предложению. Монарх встречался с ней в апартаментах мадам де Рошфор. Получая от этих свиданий бесконечное наслаждение, он старался действовать максимально осторожно, чтобы никто ничего не проведал, ибо красавица была замужем.

Но Людовик XIV терзался напрасно: де Субиз был хорошо воспитан и обладал покладистым характером. Более того, это был деловой человек. Увидев в своем бесчестье источник дохода, он не стал протестовать, а потребовал денег. «Гнусная сделка совершилась, – писал летописец, – и знатный негодяй, в баронскую мантию которого пролился золотой дождь, купил бывший дворец Гизов, получивший имя Субиз. Он сколотил себе миллионное состояние».

Когда кто-нибудь выражал восхищение его богатством, снисходительный муж отвечал с похвальной скромностью: «Я здесь ни при чем, это заслуга моей жены».

Прелестная Анна была столь же алчной и ненасытной, как и ее супруг. Она облагодетельствовала всех родных: это семейство было осыпано милостями короля. Из баронессы де Субиз фаворитка превратилась в принцессу де Субиз и сочла, что может теперь смотреть сверху вниз на мадам де Монтеспан.

Маркиза, ревновавшая соперницу, прибежала к колдунье Вуазен и раздобыла новое зелье, дабы отвадить Людовика XIV от Анны. Трудно сказать, стал ли этот порошок причиной опалы, но король внезапно оставил свою молодую любовницу и вернулся в постель Франсуазы.

В конце 1675 года Людовик XIV, одарив своим расположением сначала мадемуазель де Грансе, а затем принцессу Марию-Анну Вюртембергскую, влюбился в камеристку Франсуазы. С тех пор, направляясь к фаворитке, король неизменно задерживался в прихожей, занимаясь вместе с мадемуазель де Ойе не слишком пристойными забавами.

Обнаружив, что ее обманывают, де Монтеспан в ярости поручила надежным друзьям обратиться к овернским знахарям и раздобыть у них зелье более сильное, нежели порошки Вуазен. Вскоре ей доставили таинственные флаконы с мутной жидкостью, которая затем оказалась в пище короля.

Впрочем, результаты обнадеживали: Людовик XIV, не терпевший однообразия, оставил мадемуазель де Ойе, и мадам де Монтеспан прониклась еще большей верой в силу любовных напитков. Она приказала приготовить другие возбуждающие средства, дабы вновь стать единственной любовницей короля, но добилась обратного.

В очередной раз монарх не смог удовлетвориться чарами фаворитки; ему понадобилась еще одна «сладостная плоть», чтобы утолить желание. Он вступил в связь с мадемуазель де Людр – фрейлиной из свиты королевы. Но и эта женщина проявила нескромность.

Маркиза, обуреваемая ревностью, стала изыскивать еще более сильные средства и в течение двух недель пичкала ими короля, который, надо признать, обладал могучим здоровьем, если ухитрялся переваривать препараты, содержащие в себе толченую жабу, змеиные глаза, кабаньи яички, кошачью мочу, лисий кал, артишоки и стручковый перец.

Как-то раз он зашел к Франсуазе, находясь под воздействием зелья, и подарил ей час наслаждения. Девять месяцев спустя, 4 мая 1677 года сияющая маркиза разрешилась от бремени дочерью, которую окрестили Франсуазой-Марией Бурбонской. Впоследствии она была признана законной дочерью короля под именем мадемуазель де Блуа.

Но Франсуазе не удалось закрепиться в прежнем качестве единственной любовницы, ибо прекрасная мадемуазель де Людр, желая сохранить свое «положение», решила сделать вид, что также забеременела от короля.

Сообщники доставили Франсуазе коробку с серым порошком,

и, по странному совпадению, Людовик XIV совершенно охладел к мадемуазель де Людр, которая окончила свои дни в монастыре дочерей Святой Марии в пригороде Сен-Жермен.

Однако монарх, излишне воспламенившись от провансальского препарата, вновь ускользнул от Франсуазы: по остроумному выражению мадам де Севинье, «опять запахло свежатинкой в стране Quanto».

Среди фрейлин мадам Людовик XIV разглядел восхитительную блондинку с серыми глазами. Ей было восемнадцать лет, и ее звали мадемуазель де Фонтанж. Именно о ней аббат де Шуази сказал, что «она красива, как ангел, и глупа, как пробка».

Король воспылал желанием. Однажды вечером, не в силах более сдерживаться, он покинул Сен-Жермен в сопровождении нескольких гвардейцев и отправился в Пале-Рояль, резиденцию Генриетты Английской. Там он постучал в дверь условленным сигналом, и одна из фрейлин принцессы мадемуазель де Адре, ставшая сообщницей влюбленных, проводила его в покои подруги.

К несчастью, когда он на рассвете возвращался в Сен-Жермен, парижане его узнали, и вскоре мадам де Монтеспан получила исчерпывающие сведения об этой любовной авантюре. Ярость ее не поддается описанию. Возможно, именно тогда ей и пришла в голову мысль отравить из мести и короля, и мадемуазель де Фонтанж.

12 марта 1679 года была арестована отравительница Вуазен, к чьим услугам не раз прибегала де Монтеспан. Фаворитка, обезумев от страха, уехала в Париж.

Спустя несколько дней Франсуаза, уверившись, что ее имя не было названо, немного успокоилась и вернулась в Сен-Жермен. Однако по прибытии ее ожидал удар: мадемуазель де Фонтанж расположилась в апартаментах, смежных с покоями короля.

С тех пор как Франсуаза обнаружила на своем месте мадемуазель де Фонтанж, она твердо решила отравить короля. Сначала ей пришло в голову сделать это при помощи прошения, пропитанного сильным ядом. Трианон, сообщница Вуазен, «приготовила отраву столь сильную, что Людовик XIV должен был умереть, едва прикоснувшись к бумаге». Задержка помешала исполнению этого плана: мадам де Монтеспан, зная, что Ла Рейни после ареста отравительниц удвоил бдительность и усиленно охранял короля, решила в конечном счете прибегнуть к порче, а не к яду.

Некоторое время обе фаворитки, казалось, жили в добром согласии. Мадемуазель де Фонтанж делала подарки Франсуазе, а

Франсуаза перед вечерними балами сама наряжала мадемуазель де Фонтанж. Людовик XIV оказывал внимание обеим своим дамам и был, казалось, на верху блаженства…

Фонтанж умерла 28 июня 1681 года после агонии, длившейся одиннадцать месяцев, в возрасте двадцати двух лет. Сразу же пошли толки об убийстве, и принцесса Пфальцская отметила: «Нет сомнений, что Фонтанж была отравлена. Сама она обвинила во всем Монтеспан, которая подкупила лакея, и тот погубил ее, подсыпав отраву в молоко».

Разумеется, король разделял подозрения двора. Страшась узнать, что его любовница совершила преступление, он запретил производить вскрытие усопшей.

Хотя королю приходилось вести себя с маркизой так, словно ему ничего не было известно, он все-таки не мог по-прежнему разыгрывать влюбленного и вернулся к Марии-Терезии.

На этот путь он вступил не без помощи мадам Скаррон, урожденной Франсуазы д'Обинье, вдовы известного поэта, которая потихоньку обретала влияние, действуя в тени, но чрезвычайно ловко и осмотрительно. Она воспитывала внебрачных детей Монтеспан от короля.

Людовик XIV видел, с какой любовью воспитывает она детей, заброшенных мадам де Монтеспан. Он уже успел оценить ее ум, честность и прямоту и, не желая признаться в том самому себе, все чаще искал ее общества.

Когда она в 1674 году купила земли Ментенон в нескольких лье от Шартра, мадам де Монтеспан выразила крайнее неудовольствие: «Вот как? Замок и имение для воспитательницы бастардов?»

«Если унизительно быть их воспитательницей, – ответила новоявленная помещица, – то что же говорить об их матери?»

Тогда, чтобы заставить замолчать мадам де Монтеспан, король в присутствии всего двора, онемевшего от изумления, назвал мадам Скаррон новым именем – мадам де Ментенон. С этого момента и по особому распоряжению монарха она подписывалась только этим именем.

Прошли годы, и Людовик XIV привязался к этой женщине, так не похожей на мадам де Монтеспан. После дела отравителей он, естественно, обратил взоры к ней, ибо его смятенная душа требовала утешения.

Но мадам де Ментенон не жаждала занять место фаворитки. «Укрепляя монарха в вере, – говорил герцог де Ноай, – она использовала чувства, которые внушила ему, дабы вернуть его в чистое семейное лоно и обратить на королеву те знаки внимания, которые по праву принадлежали только ей».

Мария-Терезия не верила своему счастью: король проводил с ней вечера и разговаривал с нежностью. Почти тридцать лет, она не слышала от него ни единого ласкового слова.

Мадам де Ментенон, суровая и набожная почти до ханжества, хотя и провела, согласно уверениям многих, довольно бурную молодость, теперь отличалась удивительной разумностью и сдержанностью. Она относилась к монарху с чрезвычайным почтением, восхищалась им и считала себя избранной Богом, дабы помочь ему стать «христианнейшим королем».

В течение нескольких месяцев Людовик XIV встречался с ней ежедневно. Де Ментенон подавала превосходные советы, умело и ненавязчиво вмешивалась во все дела и в конечном счете стала для монарха необходимой.

Людовик XIV смотрел на нее горящими глазами и «с некоторой умильностью в выражении лица». Без сомнения, он жаждал заключить в объятия эту прекрасную недотрогу, переживавшую в свои сорок восемь лет блистательный закат.

Монарх полагал неприличным делать любовницу из женщины, которая так хорошо воспитала его детей. Впрочем, достойное поведение и сдержанность Франсуазы де Ментенон исключали всякую мысль об адюльтере. Она была не из тех дам, которых можно легко увлечь к первой попавшейся постели.

Оставался только один выход: жениться на ней втайне. Людовик, решившись, послал однажды утром своего исповедника, отца де Лашеза, сделать предложение Франсуазе.

Брак был заключен в 1684 или 1685 году (точной даты не знает никто) в кабинете короля, где новобрачных благословил монсеньор Арле де Шанваллон в присутствии отца де Лашеза.

Многие тогда стали догадываться о тайном браке короля с Франсуазой. Но на поверхность это не вышло, ибо каждый старался хранить секрет. Одна лишь мадам де Севинье, перо которой было столь же неудержимым, как и ее язык, написала дочери: «Положение мадам де Ментенон уникально, подобного никогда не было и не будет…»

Под влиянием мадам де Ментенон, которая, сдвинув колени и поджав губы, продолжала дело по «очищению» нравов, Версаль превратился в такое скучное место, что, как тогда говорили, «даже кальвинисты завыли бы здесь от тоски».

При дворе были запрещены все игривые выражения, мужчины и женщины более не смели откровенно объясняться друг с другом, а красотки, сжигаемые внутренним огнем, вынуждены были прятать томление под маской благочестия.

27 мая 1707 года на водах в Бурбон-л'Аршамбо умерла мадам де Монтеспан. Людовик XIV, узнав о смерти бывший любовницы,

произнес с полным равнодушием: «Слишком давно она умерла для меня, чтобы я оплакивал ее сегодня».

31 августа 1715 года Людовик XIV впал в состояние комы и 1 сентября, в четверть девятого утра, испустил последний вздох.

Через четыре дня ему должно было исполниться семьдесят семь лет. Царствование его длилось семьдесят два года.

НАПОЛЕОН БОНАПАРТ (1769—1821)

Французский император (1804—1814 и март–июнь 1815), из династии Бонапартов. Уроженец Корсики. Начал службу в войсках в чине младшего лейтенанта артиллерии (1785); выдвинулся в период Великой французской революции (достигнув чина бригадного генерала) и при Директории (командующий армией). В ноябре 1799 года совершил государственный переворот, в результате которого стал первым консулом, фактически сосредоточившим в своих руках всю полноту власти; в 1804 году провозглашен императором. Установил диктаторский режим, отвечавший интересам французской буржуазии. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, но поражение в войне 1812 года против России положило начало крушению империи. После вступления войск антифранцузской коалиции в Париж (1814) отрекся от престола. Был сослан на остров Эльба. Вновь занял французский престол (март 1815), но после поражения при Ватерлоо вторично отрекся от престола (июнь 1815). Последние годы жизни провел на острове Св. Елены пленником англичан.

Наполеон обожал женщин. Ради них он откладывал в сторону дела, забывал о своих грандиозных планах, солдатах и маршалах. Он тратил миллиарды, чтобы привлечь женщин, написал тысячи любовных писем, чтобы соблазнить их.

В юности любовь Наполеона сводилась или к флирту, не имевшему никаких последствий, или к банальным приключениям. За исключением молодой жены народного представителя Конвента, г-жи Тюрро, которая сама бросилась ему на шею, другие женщины совершенно не обращали внимания на малорослого, худого, бледного и плохо одетого офицера.

В Марселе, у своей невестки, жены брата Жозефа, Бонапарт забавлялся игрой в женитьбу с ее сестрой, хорошенькой шестнадцатилетней Дезире-Евгенией-Кларой. Но девушка влюбилась всерьез, и Бонапарт сделал предложение. Он хотел этого брака: положение его в Париже было непрочным, место в Комитете общественного спасения – ненадежным. И он торопил брата Дезире с ответом, поскольку чувствовал, что Париж начинает увлекать его своими женщинами, которые «здесь прекраснее, чем где-либо». И лучше всех – женщины тридцати – тридцати пяти лет, опытные в искусстве влюблять…

Наполеон предложил руку и сердце вначале г-же Пермон,

потом г-же де ла Бушарди и наконец дал увлечь себя г-же де Богарне. Дезире горько упрекала неверного жениха, и он всю жизнь пытался загладить перед ней свою вину. Когда она вышла замуж за генерала Бернадотта, откровенного врага Наполеона, Бонапарт пожелал ей счастья, затем стал крестным отцом ее сына, а во времена империи назначил Бернадотта маршалом империи. Наполеон простил маршалу многие промахи и даже измены, он осыпал его милостями, наградами, землями и званиями, а все лишь потому, что Бернадотт был мужем той, которую Бонапарт когда-то обманул: обещал жениться, но слова своего не сдержал.

Креолка с Мартиники, выданная замуж в шестнадцать лет за виконта Богарне, Жозефина Таше де ля Пажери приехала в Париж в 1779 году. Муж очень скоро покинул ее без всякой ее вины перед ним, и Жозефина широко пользовалась предоставленной ей свободой. Она путешествовала, жила на Мартинике, а потом, уже в дни революции, произошло примирение с мужем. Однако вскоре, во время террора, Богарне попал под гильотину, а Жозефина была арестована. Она вышла из тюрьмы тридцати лет, имея двоих детей на руках, разоренная, но при этом умудрялась жить на широкую ногу, делая долги направо и налево, не имея никаких доходов и надеясь только на чудо.

Бонапарт отдал приказ о разоружении парижан. К нему в штаб-квартиру пришел мальчик с просьбой разрешить оставить при себе на память об отце его шпагу. Бонапарт разрешает, и вскоре к нему явилась с визитом мать мальчика, чтобы поблагодарить генерала за милость. Он впервые оказался лицом к лицу со знатной дамой, бывшей виконтессой, изящной и обольстительной. Через несколько дней Бонапарт нанес ответный визит виконтессе де Богарне.

Жила она очень скромно, но Бонапарт видел лишь женщину: красивые каштановые волосы, гладкую бело-розовую кожу, нежную улыбку, глаза с длинными ресницами, тонкие черты лица, маленький задорный носик. Но еще очаровательнее гибкое тело, маленькие стройные ножки и особенная, свойственная ей одной грация, какая-то необъяснимая лень в движениях, сладострастие, которое словно легкий аромат разливается вокруг нее.

И он приходил к ней опять и опять, и ему внушало уважение то, что он видит вокруг нее знатных мужчин. Он не придавал значения тому, что они бывают у Жозефины по-холостяцки, без жен. Через пятнадцать дней после первого визита Бонапарт и Жозефина стали близки. Он страстно влюбился. Для нее, женщины уже зрелой, этот пробуждающийся темперамент, пылкая страсть, бешенство постоянного вожделения были лучшим

доказательством того, что она прекрасна и всегда пленительна. Бонапарт умоляет ее выйти за него замуж. И она решилась. В конце концов, что она теряет? А он молод, честолюбив и может очень высоко подняться.

9 марта 1796 года состоялась свадьба перед гражданским чиновником, который охотно записал, что жениху двадцать восемь лет, а невесте – двадцать девять (на самом деле ему было двадцать шесть лет, ей – тридцать два). Через два дня генерал Бонапарт отправился в Итальянскую армию, г-жа Бонапарт осталась в Париже.

Он посылал ей письма с каждой почтовой станции. «Предупреждаю, если ты будешь медлить, то найдешь меня больным». Он одержал шесть побед за пятнадцать дней, но все это время лихорадка мучила его, кашель истощал организм. «Ты приедешь, правда? Ты будешь здесь, около меня, в моих объятиях!»

Но прелести походной жизни нисколько не прельщали Жозефину. Теперь благодаря этому замужеству она стала одной из цариц нового Парижа, участницей всех празднеств и приемов. Ее муж ждал, надеялся, неистовствовал. Его мучили ревность, беспокойство, страсть, он слал письмо за письмом, курьера за курьером. И, чтобы не утруждать себя выездом из Парижа, Жозефина выдумала несуществующую беременность.

«Я так виновен перед тобой, – писал он, – что не знаю, как искупить свою вину. Я обвинял тебя за то, что ты не уезжаешь из Парижа, а ты больна! Прости меня, мой добрый друг, любовь отняла у меня рассудок…» И в то же время он писал брату Жозефу: «Меня не покидают ужасные предчувствия… Ты же знаешь, что Жозефина – первая женщина, которую я обожаю. Ее болезнь приводит меня в отчаяние… Если она настолько здорова, что может перенести путешествие, то я страстно желаю, чтобы она приехала… Если она меня уже не любит, то мне нечего делать на земле».

Никакие отговорки больше не помогали, и Жозефина поехала к нему. Она ждала его в Милане, он примчался на два дня – два дня сердечных излияний, любви, страстных ласк. Потом они снова оказались в разлуке, его армия была на грани полного разгрома, а он, среди приказов, каждый день писал длинное любовное письмо. Чтобы побудить ее приехать хотя бы на одну ночь, на один час, он просил, умолял, приказывал. К ней, любовнице уже пожившей, светской и опытной, к ней летел призыв совсем молодого, двадцатишестилетнего мужчины, жившего до сих пор целомудренно, это – непрерывный стон желания. Но эта его вечная экзальтация тяготила и надоедала ей.

Правда, у нее были теперь высокие доходы, она тратила деньги без счета. Однако, когда Бонапарт отправился в Париж, она не сопровождала его. Жозефина, чья красота уже несколько поблекла, вернулась к мужу только в конце декабря. Ей было около сорока, но для Бонапарта она никогда не состарилась. Она навсегда осталась обожаемой, единственной женщиной, имеющей власть над его чувствами и над его сердцем.

Отправляясь в Египет, Бонапарт условился с Жозефиной, что, как только завоюет эту страну, жена приедет к нему. Но уже в пути беспокойство охватило его. Он начал ее подозревать, расспрашивал о жене друзей, которым доверял. Как только у Бонапарта открывались глаза, как только иллюзии рассеивались, он начал подумывать о разводе и решил не отказывать себе в развлечениях. При армии были женщины-европейки – отчаянные жены офицеров, которые, переодевшись в мужские платья, обошли дозоры и приплыли в трюмах военных французских кораблей.

Маргарита-Полина Белиль, юная, белокурая, с ослепительно-белой кожей и чудными зубами, была женой лейтенанта Фуре из 22-го полка конных егерей. Однажды Бонапарт обратил на нее внимание, и в дело включились услужливые люди. Маргарита-Полина не сдалась сразу, и генералу понадобились уверения, письма и дорогие подарки, чтобы склонить мадам к тайному свиданию.

Лейтенанта Фуре отправили с депешами в Италию, а Бонапарт пригласил его жену на обед, усадил ее рядом с собой и любезно ухаживал за ней. Неожиданно он неловко опрокинул графин и увел облитую соседку привести себя в порядок в свои апартаменты. Их отсутствие было слишком долгим. На следующий день для мадам Фуре приготовили отдельный дом, но внезапно возвратился взбешенный муж. Последовал развод, и лейтенанта отправили в Сирию, а его бывшая жена, теперь ее звали Белилот, стала жить совершенно открыто как фаворитка Бонапарта, ни в чем себе не отказывая.

Она часто гарцевала в генеральской форме, и солдаты называли ее «нашей генеральшей». Это никого не удивляло, так как тогда среди генералов было уже обычным делом возить на войну своих любовниц.

Бонапарт готов был развестись с Жозефиной и жениться на Белилот, если бы она родила ребенка. Но любовнице это не удалось. К тому же Бонапарт уезжал в Сирию без нее, потом возвратился в Париж, а когда после английского плена Белилот наконец попала в столицу, Бонапарт уже примирился с Жозефиной и играл слишком большую роль в обществе, чтобы

открыто иметь содержанку. Но он щедро одарил ее деньгами, подарил дачный дом и даже выдал замуж.

Белилот жила на широкую ногу в Париже, тратила деньги, имела любовников и бывала всюду, куда приезжал император, стараясь попасться ему на глаза. Впоследствии она развелась с мужем, издала несколько романов, увлекалась живописью и наконец вышла замуж за отставного офицера. После падения Наполеона Белилот сожгла все его письма и занялась торговлей с Бразилией. Она дожила до девяноста двух лет.

Между тем вернувшийся во Францию Наполеон, встреченный народом с восторгом, действительно имел твердые намерения порвать с Жозефиной. Но эта женщина, взвесив трезво свое положение, поняла: разрыв с Бонапартом лишит ее всего. И она почти сутки добивалась встречи с ним, рыдая у его дверей. Когда к ней присоединились ее дети, он сдался и впустил ее. Бонапарт простил Жозефину окончательно и великодушно, но сделал свои выводы: его жена никогда не должна оставаться наедине с другим мужчиной. Он оплатил все ее долги – более двух миллионов, и мадам Бонапарт понимала, что такая щедрость и положение в обществе, дарованные ей мужем, стоят того, чтобы вести себя безукоризненно, и впредь она так себя и вела.

Но Бонапарт, узнавший прелестную юную любовницу, ощутил вкус разнообразия. Он хотел бы, чтобы жена оставалась другом и советчицей, нежной сиделкой и умным собеседником, иногда любовницей, всегда готовой исполнить любое его желание и выслушивающей его жалобы. Кроме того, он отводил ей важную политическую роль в жизни новой Франции: он желал, чтобы его супруга привлекла к нему дворянство, обласкала обиженных императорской милостью, установила нужные светские связи. И люди потянулись к ней, но лишь потому, что она была супругой Наполеона, хотя Жозефина считала, что это исключительно ее заслуга. Но с того времени, как она ощутила прелесть чувствовать себя повелительницей и благодетельницей, она начала панически бояться потерять его, она боялась, что другая женщина завоюет его сердце, и устраивала ему сцены ревности, постоянно шпионила за ним, приводя его в бешенство.

Впрочем, пока еще любовные похождения консула Бонапарта были неопасны.

В Милане он впервые услышал Грассини и полюбил вокальную музыку. Певице было двадцать семь, она потеряла былую легкость, красота ее уже немного поблекла, но зато талант был в полном расцвете. Грассини как женщина соблазняла его гораздо меньше, чем как певица, тем не менее стала его любовницей. Наполеон вызвал ее на праздник Согласия, где на

официальной церемонии в церкви Инвалидов она пела дуэт с Бьянки, а затем потребовал, чтобы певица поселилась на улице Шантерейн и жила там затворницей, не показываясь в обществе. Но Грассини, наоборот, хотела афишировать эту связь, чтобы придать блеск своему имени и таланту. С досады Грассини взяла себе в любовники скрипача Рода, и консул порвал с ней, однако дважды предоставил артистам зал в театре Республики для концертов. В 1807 году Наполеон пригласил Грассини в Париж, положив ей жалованье как певице, наградные и пенсию, когда она перестанет петь.

В 1803 году первый консул вызвал к себе в Мальмезон итальянских актеров, чтобы они сыграли спектакль «Ночи Дорины». Жозефина в это время отбыла на курорт в Пломбьер, лечиться от бесплодия. Бонапарт обратил внимание на молоденькую актрису Луизу Роландо. Он обнаружил изрядный пыл, актриса ответила ему не менее страстно. Связь их была недолгой. Жозефина возвратилась с курорта и устроила мужу скандал. Но Луиза – а до нее Грассини – возбудила у первого консула вкус к актрисам.

Пять месяцев спустя, 20 ноября, его сердце было покорено мадемуазель Жорж (ее настоящая фамилия – Веймер). Голова, плечи, тело ее были так прекрасны, что просились на картину. Мадемуазель Жорж вспоминала позже: «Он снимал с меня одежды одну за другой, изображая горничную с такой веселостью, так изящно и корректно, что нельзя было устоять. Этот человек увлекал и чаровал, он становился ребенком, чтобы пленить меня. Это не был консул, это был влюбленный, но чуждый грубости и насилия; он обнимал так нежно, уговаривал так настойчиво и деликатно, что его страсть передалась мне…» Актриса приходила к Наполеону в течение двух лет, вызывая сильное беспокойство Жозефины. Впоследствии Александр Дюма спросил мадемуазель Жорж, почему Наполеон оставил ее. «Он покинул меня, чтобы стать императором», – с гордостью ответила она. Комедиантка уехала за границу, в Санкт-Петербург, где стала любовницей царя Александра.

По мере того как усиливалось могущество Бонапарта, количество просительниц и честолюбивых интриганок становилось все больше, всех их не перечесть. В десятилетие между 1800 и 1810 годами Наполеон был в расцвете своей славы, умственных и физических сил, мужской привлекательности и темперамента. Он не искал любовных приключений, но и не избегал их. Он брал то, что оказывалось под рукой. Ни одна женщина при этом не мешала ему работать, не отвлекала от важных мыслей, не нарушала его планы. С его стороны не

предпринималось никаких подготовительных шагов, никаких хлопот, никакого беспокойства.

Г-жа Водей обладала очень красивой внешностью, блестящим умом, была искусной интриганкой, прелестно пела и еще лучше писала. Она была назначена статс-дамой в 1804 году и на водах в Экс-ля-Шапель старалась изо всех сил развлекать императора. Обратив на себя внимание Наполеона, г-жа Водей начала сорить деньгами, а на первой же довольно длительной тайной аудиенции представила императору список своих долгов. Он оплатил. На втором свидании – то же самое. В третий раз Наполеон отказался от свидания, заявив, что это слишком дорогое удовольствие.

В 1805 году Наполеон увлекся 20-летней лектрисой Анной Рош де ла Кост – умной блондинкой, с прелестной талией. Как лектриса она не имела доступа в императорские гостиные и жила в помещении рядом с горничными, но император обратил на нее внимание. Бонапарт послал ей драгоценное украшение. А когда она стала его любовницей, подарил в присутствии всего двора перстень. Жозефина устроила сцену, лектрису удалили, но через некоторое время Наполеон выдал ее замуж за богатого финансиста.

После коронации 23 мая 1805 года в Италии в кафедральном соборе жители Генуи устроили чествование Наполеону. Его приветствовали прекрасные горожанки. Красивейшей из них оказалась Карлотта Гадзани.

Карлотта Гадзани была высокого роста, худая, она плохо танцевала, руки прятала в перчатки, но черты лица и большие блестящие глаза были совершенны. Она была лектрисой с жалованьем 500 франков в месяц. Денег не хватало на то, чтобы продвигать мужа по службе и выгодно выдать замуж дочь. Император выразил желание встретиться с ней, она немедленно явилась, не претендуя на роль фаворитки. Г-жа Гадзани была в высшей степени почтительна и скромна, знала свое место и не предъявляла никаких претензий. Однако кое-что император сделал для нее, впоследствии она была принята в высшее общество и имела салон.

По мере того как Наполеон возвышался, престиж его жены в свете падал. Какая-нибудь неосторожность с ее стороны, вспышка гнева императора – и она могла потерять все. После одной из безобразных сцен ревности Бонапарт объявил ей, что намерен развестись. Два дня Жозефина провела в слезах, и великий Наполеон уступил плачущей женщине. Он велел ей готовиться к коронации. С помощью папы римского уговорила его венчаться. И теперь Жозефина – императрица, обвенчана священником, и она

коронована императором.

При консульском дворе находилась молодая женщина двадцати лет, прелестная, с чудными белокурыми волосами, орлиным носом, с очаровательной улыбкой, красивыми руками и маленькими ногами. Удивителен был разрез ее темно-синих глаз с поволокой. Она происходила из буржуазного сословия, но ей были присущи и благородные манеры, и изящный вкус. Муж был старше ее на тридцать лет.

Ровно через девять месяцев после того, как Жозефина застала ее в апартаментах с Бонапартом, родился ребенок. Но ребенок не был похож на императора, и Наполеон так и не признал своего отцовства. Однако сходство, как часто бывает, проявилось через поколение.

Наполеону не удалось скрыть своего увлечения. Он зачастил в апартаменты императрицы, разговаривая со всеми дамами. Он был весел и доволен. Наполеон отправлялся с Жозефиной на спектакли, когда эта дама ее сопровождала. Он играл в карты с тремя дамами, и одна из них была та, которая ему так нравилась. Но пресыщение наступило скоро, как только исчезли все препятствия. Пятнадцать дней в Мальмезоне император сколько угодно мог гулять со своей дамой, беседовать с нею и посещать ее. Жозефина проводила эти дни в слезах, худея день ото дня. Но однажды император пришел к супруге и попросил ее помочь ему порвать эту связь, поскольку он больше не влюблен. Жозефина объявила сопернице об отставке. Но таинственная дама навсегда сохранила нежные чувства к императору и нанесла визит даже низложенному Наполеону, выразив свою преданность.

В это время в жизнь Бонапарта вошла Элеонора Денюэль де ла Плэнь. Молодая женщина оказалась в затруднительном положении – ее муж драгунский капитан угодил в тюрьму. Она обратилась за помощью к принцессе Каролине, с которой была знакома по пансиону. Ее взяли ко двору. Элеонора была очень красива: высокого роста, стройная, хорошо сложенная, брюнетка с прекрасными черными глазами, живая и очень кокетливая. Она постаралась обратить на себя внимание Наполеона, и ей это удалось. Женщина стала проводить ежедневно часа два в обществе императора, но он не возбуждал в ней страсти. Позже она рассказывала, что в объятиях Наполеона во время его ласк передвигала ногой большую стрелку настенных часов, помещенных в алькове, иногда даже на полчаса вперед. Благодаря этой уловке Наполеон, который имел привычку смотреть на часы после каждого любовного порыва, вскакивал, поспешно одевался и возвращался к своим занятиям.

Элеонора вовремя развелась с мужем, который находился в

тюрьме. В апреле она забеременела от Наполеона. Мальчика назвали Леоном, и император никогда не сомневался в своем отцовстве. Сходство ребенка с отцом бросалось в глаза. Сын получал щедрое содержание от отца, Наполеон даже обсуждал вопрос усыновления незаконнорожденного ребенка, но это не удалось.

Еще одного мальчика Наполеон собирался сделать наследником империи – своего племянника, сына его младшего брата Людовика и дочери Жозефины Гортензии – Наполеона-Карла. Он так любил его, так живо выказывал свою привязанность к нему, что кое-кто считал его сыном императора. И он хотел этим воспользоваться, но мальчик, к которому Бонапарт был так привязан, умер. Так рухнула последняя надежда на то, что можно объявить наследником кого-то из детей-родственников. Но Наполеон знал, что он может быть отцом, и что в его бездетности виновна Жозефина, а не он.

Во время пребывания в Польше начался один из самых пылких и нежных романов Наполеона – с Марией Валевской. Жена богатого старика, молодая красивая полька долго сопротивлялась домогательствам Бонапарта. Влиятельные поляки уговорили ее уступить императору ради свободы Польши. Они надеялись, что чары женщины сумеют воздействовать на него, и просили Марию назначить ему цену ее чести – вернуть полную независимость Родине.

В день после первого свидания Бонапарт писал Валевской: «Мария, сладчайшая Мария, моя первая мысль принадлежит тебе, мое первое желание – снова увидеть тебя. Ты снова придешь, не правда ли? Ты обещала мне это. Если нет, – то за тобой прилетит сам Орел. Я увижу тебя за столом, это мне обещано. Соблаговоли принять этот букет (букет из драгоценностей. – Прим. ред.), пусть это будет сокровенным знаком нашей любви среди человеческой сутолоки и залогом тайных наших сношений. Под взорами толпы мы сможем понимать друг друга. Когда я прижму руку к сердцу, ты будешь знать, что весь стремлюсь к тебе, а в ответ мне – ты прижмешь букет к себе. Люби меня, моя очаровательная Мария, и пусть рука твоя никогда не отрывается от этого букета».

Мария расположилась во дворце как официальная любовница Наполеона. Восторженные поляки уже не сомневались, что их очаровательная соотечественница добьется великой цели. Свидетельством большой страсти были нестандартные комплименты, которые он ей делал. Однажды Наполеон сказал Марии: «Для всех я – могучий дуб, и только для тебя – желудь».

Они провели три восхитительных весенних месяца 1807 года в замке Финкенштейн. Мария была мягкой, нежной,

внимательной, робкой, она принадлежала ему целиком и жила исключительно ради него.

Влюбленный мужчина обещал, но не выполнил свое щедрое политическое обещание. Правда, в июле 1807 года он восстановил независимость части Польши: эта территория, получившая название Великого герцогства Варшавского, обрела свое существование благодаря любовнице императора…

После взятия Вены в 1808 году Валевская и Бонапарт снова были вместе – на этот раз они поселились в восхитительном замке Шенбрунн. Через несколько недель счастливая Мария объявила, что носит в себе будущего принца Валевского. Наполеон был в восторге.

Она родила ему сына, которому было пожаловано звание графа империи. Сама Мария Валевская жила скромно, не показывалась в свете и держала себя в высшей степени корректно и сдержанно. Наполеон подарил молодому графу Валевскому земли в Польше. После смерти официального мужа, когда Наполеон был сослан на Святую Елену, Мария вышла замуж за кузена императора, но вскоре умерла.

Решив развестись с Жозефиной, Бонапарт долго еще не мог предпринять этот шаг. Ему было жаль свою жену, но мысль о наследнике прочно утвердилась в нем. Наполеон объявил о разводе, и слезы и обмороки Жозефине больше не помогали. Она добилась только того, что он сохранил за ней Елисейский дворец, Мальмезон, Наваррский замок, три миллиона в год, титул, гербы, охрану, эскорт. После развода (15 декабря 1809 года) он постоянно интересовался ею, но встречался с ней только на людях, словно боялся, что эта самая непоколебимая, самая властная и слепая любовь снова вспыхнет в нем с прежней силой.

Наполеон искал себе невесту королевских кровей. Император австрийский сам предложил ему в жены свою старшую дочь Марию-Луизу. Этим браком удовлетворялось его тщеславие, ему казалось, что, породнившись с австрийской монархией, он станет вровень с ними. 11 марта 1810 года в Вене, в соборе св. Стефана, состоялась церемония бракосочетания, на которой отсутствующего Наполеона представляли маршал Бертье и эрцгерцог Карл.

13 марта Мария-Луиза простилась с родными и выехала во Францию. Бонапарт сам заказывал для нее белье, пеньюары, чепчики, платья, шали, кружева, туфли, ботинки, немыслимо дорогие и красивые драгоценности. Он сам следил за отделкой апартаментов для его королевской супруги. Ждал ее с нетерпением. Наполеон видел свою жену только на портрете. У нее были белокурые волосы, красивые голубые глаза и нежно-

розовые щеки. Плотного телосложения, она не отличалась грацией, но обладала несомненным здоровьем – это было важно для женщины, готовящейся стать матерью наследника Наполеона.

Он настолько страстно желал видеть ее, что, не дождавшись, сам выехал ей навстречу, отложил церемонии, чтобы как можно быстрее доставить невесту в свой дворец.

При въезде в маленький городок Курсель Наполеон остановил экипаж Марии-Луизы. В Компьень они приехали вместе. Вечером на ужине присутствовали также король и королева неаполитанские. Бонапарт понимал, что после ужина ему необходимо удалиться из дворца, оставив супругу, с которой сочетался пока лишь гражданским браком, одну. Но он, воспылав желанием, умолил девушку позволить ему заночевать во дворце. Мария-Луиза сопротивлялась, тогда сестра Наполеона, неаполитанская королева, пришла брату на помощь. Не помогло. Девушка не понимала, почему нужно нарушать церемониал. Наконец Мария-Луиза сдалась, и ночью влюбленный муж посвятил жену в таинство любви. С этой минуты началось истинное счастье Наполеона. Целомудренность избранницы произвела на него сильное впечатление. Бонапарт однажды сказал: «Целомудрие для женщины то же, что храбрость для мужчины. Я презираю труса и бесстыдную женщину».

В Париже удивлялись пылкой любви Наполеона. «Если бы я пожелал описать чувства, которые питает император к нашей прелестной императрице, – писал кардинал Морни жене одного из генералов, – то это была бы напрасная попытка. Это истинная любовь, причем на сей раз любовь доброкачественная. Он влюблен, повторяю, как никогда не был влюблен в Жозефину, потому что, сказать по правде, он не знал ее молодой. Ей уже было за тридцать, когда они поженились. Между тем эта молода и свежа, как весна. Вы ее увидите и будете в восторге».

Мария-Луиза полностью подчинила его себе, Бонапарт все свободное время находился рядом. Он развлекал ее, обучал верховой езде, брал на охоту, сопровождал в театр. Мария-Луиза, без сомнения, была верна своему повелителю. «Если бы Франция знала все достоинства этой женщины, – сказал однажды Наполеон после бурно проведенной ночи, – то она упала бы перед ней на колени». Но все-таки он не мог забыть о похождениях Жозефины, поэтому запретил входить мужчинам в покои императрицы.

Мария-Луиза родила Наполеону наследника Евгения, но она невольно стала той приманкой, с помощью которой старая европейская монархическая аристократия пыталась заманить его в ловушку. Он торжественно провозгласил Марию-Луизу регентшей Империи.

Но вот империя рухнула. Наполеон оказался в изгнании. Когда он прибыл на остров Эльба, первой его мыслью было вызвать Марию-Луизу. Он не сомневался, что она приедет. Разве она не говорила, что хорошая жена должна следовать за мужем, как этого требует Евангелие? Но Мария-Луиза написала изгнаннику: «Дорогой друг! Два часа назад приехал отец, и я тотчас встретилась с ним. Он был необычайно нежен и добр, но к чему все это, если он причинил мне невыносимую боль, запретив следовать за тобой и видеть тебя. Напрасно я пыталась убедить его, что это мой долг. Но он не желает даже слушать об этом и говорит, что я проведу два месяца в Австрии, а потом поеду в Парму, и оттуда уже – к тебе. Это решение меня окончательно убьет. И теперь единственное мое желание, чтобы ты был счастлив без меня. Для меня же счастье без тебя невозможно…»

Наполеон ждал Марию-Луизу на острове Эльба, где приготовил для нее роскошные апартаменты. Но вместо жены к нему приехала Мария Валевская с сыном, четырехлетним Александром. Бывшие любовники вновь обрели друг друга и вновь испытали блаженство.

Что делала в это время Мария-Луиза? Она наслаждалась жизнью в обществе генерала Адама-Альберта Нейпперга, заменившего ей мужа во всех отношениях. Мысль отправиться на остров Эльба посещала ее все реже.

Наполеон предпринял отчаянную попытку вернуть себе власть. 1 марта 1815 года он ступил на землю Франции. Его возвращение было встречено парижанами с восторгом. Но мысль о Марии-Луизе преследовала Бонапарта. Едва прибыв в Париж, Наполеон написал своему тестю Францу I: «Я слишком хорошо знаю принципы вашего величества, слишком хорошо знаю, какое значение вы придаете своим семейным привязанностям, чтобы не питать счастливой уверенности, что вы поспешите ускорить минуту нового соединения жены с мужем и сына с отцом, каковы бы ни были соображения вашего министерства и вашей политики». Но письмо осталось без ответа. Напрасно он посылал в Вену своих людей, напрасно писал жене письма. Мария-Луиза к нему никогда не приехала.

Звезда Наполеона быстро закатывалась. Союзники разгромили французов в сражении при Ватерлоо. Император во второй раз отрекся от престола, на этот раз в пользу Наполеона II. 7 августа 1815 года фрегат «Нортумберленд» с Наполеоном и его свитой на борту вышел из Плимута и взял курс на остров Святой Елены, где ему предстояло провести последние годы своей бурной жизни.

Личность Наполеона настолько поглощала обитателей этого

маленького острова, что стоило экс-императору поздороваться с какой-нибудь дамой, как тут же распространялись слухи о его новом романе. Среди его увлечений назывались Бетси Балькомб, пятнадцатилетняя дочь служащего Индийской компании; столь же юная Мэри-Энн Робинсон по прозвищу Нимфа; восхитительная молодая девушка мисс Книп, которую все называли Розанчиком; жена генерала Альбина де Монтолон…

Весной 1821 года таинственная болезнь, от которой страдал император с самого своего приезда на Святую Елену, обострилась. 26 апреля Наполеон закончил завещание. Он сказал врачу Антом-Марки: «И еще я желаю, чтобы вы взяли мое сердце, поместили его в винный спирт и отвезли в Парму моей дорогой Марии-Луизе. Вы скажете ей, что я нежно любил ее, что я никогда не переставал ее любить; вы расскажете обо всем, что видели, обо всем, что имеет касательство к моему нынешнему положению и к моей смерти». Наполеон не знал, что его супруга благодаря стараниям Нейпперга беременна во второй раз…

Наполеон скончался 5 мая. Перед смертью он прошептал: «Жозефина…»

ЛЮДОВИК XV (1710—1774)

Французский король из династии Бурбонов (с 1715). До 1726 года государством управляли регент Филипп Орлеанский и герцог Бургундский. В 1726 году Людовик XV объявил, что берет власть в свои руки. Однако на самом деле политику определяли сначала кардинал Флери (до 1743), а затем фаворитки – маркиза де Помпадур (до 1764) и дю Барри. В результате Семилетней войны (1756—1763) Франция потеряла многие из своих колоний. Политическим делам предпочитал охоту и любовные приключения.

В субботу 15 февраля 1710 года Людовик XIV был разбужен в семь часов утра, то есть на час раньше обычного. Король поспешил одеться, после чего отправился к герцогине Бургундской. Ждать почти не пришлось: в восемь часов, три минуты и три секунды королева родила принца, которого назвали Людовиком и присвоили титул герцога Анжуйского.

До семи лет за ним следила герцогиня Вантадур, а 15 февраля 1717 года его наставниками стали маршал Вильруа и епископ Флери, известный своей ученостью и набожностью. Тем не менее воспитание не дало блестящих результатов, поскольку Вильруа и Флери больше интересовали интриги и дела политики, нежели образование юного короля.

«Король думает лишь об охоте, игре, о вкусной еде и о том, чтобы оставаться в пределах этикета, – писал маршал де Вайяр. – Он ни на кого не обратил пока свой прекрасный юный взор. Между тем в свои четырнадцать с половиной лет он сильнее и развит более любого восемнадцатилетнего юноши, и прелестнейшие дамы не скрывают, что они всегда к его услугам».

Юный монарх отличался редким целомудрием. Однажды, например, он прогнал из Версаля камердинера, который осмелился принять в его апартаментах любовницу.

Наконец пришло время подыскать Людовику XV королеву. Был составлен список европейских незамужних принцесс. Выяснилось, что на французский престол могли претендовать семнадцать.

Выбор пал на Марию Лещинскую, дочь экс-короля Польши, Станислава. Когда портрет Марии был представлен королю, Людовик XV не смог скрыть своего восхищения и объявил Совету, что согласен жениться на полячке.

5 сентября 1725 года Мария торжественно прибыла в

Фонтенбло. Свадебная церемония состоялась в часовне и была столь продолжительной, что юная невеста потеряла сознание.

Восхитительный медовый месяц пятнадцатилетнего Людовика XV длился… три месяца. Король каждый вечер отправлялся на половину Марии и наслаждался ее обществом. Он был очарован прелестями королевы, та отвечала безграничной страстью. Она писала отцу: «Никто никогда не любил так, как я его люблю…»

Людовик XV проводил свободное время на охоте и доставлял удовольствие королеве. Его старания не пропали даром: Мария Лещинская родила на свет двух девочек-близнецов в 1727 году, через год – дочку, в 1729-м – дофина, затем герцога д'Анжу (1730), мадемуазель Аделаиду (1732), мадемуазель Викторию (1733), мадемуазель Софи (1734), мадемуазель Терезу-Фелисите (1736), мадемуазель Луизу-Мари (1737).

С 1732 года королева испытывала вполне понятную усталость: «Что за жизнь! Все время спать с королем, быть беременной и рожать!» Король был оскорблен этим заявлением, тем не менее продолжал вести добродетельную жизнь, пока не встретил Марию-Юлию де Майи – старшую из пяти дочерей маркиза де Несля. Это была нежная, очаровательная, чувственная женщина. Ей, как и королю, было двадцать два года. Уже на втором свидании Людовик XV изменил королеве.

Эта связь долго держалась в тайне. В течение трех лет де Майи в назначенный час поднималась по золоченым лестницам, ведущим в скрытые от глаз кабинеты. Так продолжалось до тех пор, пока две дамы случайно не раскрыли секрет.

Когда Мария Лещинская узнала об измене мужа, она едва не потеряла сознание и закрылась в своей комнате. Все попытки к примирению со стороны Людовика XV ни к чему не привели. Тогда он пообещал жене больше никогда не появляться в ее спальне. Королева была на втором месяце беременности и надеялась, что рождение сына погасит ссору. Однако в июне 1737 года родилась еще одна дочь.

Раздраженный монарх, оставив всякий стыд и сдержанность, стал открыто появляться с де Майи.

Людовик XV был меланхоличным, сдержанным, скрытным и, по словам одного историка, «равнодушным к развлечениям». Молодая герцогиня, чтобы развлечь его, принялась устраивать увеселительные ужины – неизменно пикантные, полные выдумки. Они проходили в небольших, специально для того приготовленных апартаментах. Эти интимные, мило убранные комнаты сообщались с комнатой его величества посредством потайных дверей. Быть приглашенным на такой ужин считалось

особой милостью.

Ужин вскоре превращался в оргию, дам раздевали, и каждый мужчина старался доказать им свое расположение. Потом опять пили. На рассвете приходили слуги и доставали из-под стола монарха и приглашенных им молодых женщин, прошедших по кругу. Эти вечеринки были лишь началом распутной жизни Людовика XV. Однако мадам де Майи доставались лишь символические подарки… Не склонная к интригам, она не просила большего.

В декабре Людовик XV после длительного перерыва провел ночь с Марией Лещинской и проявил себя, судя по словам столпившихся за дверями слуг, настоящим мужчиной. Но сближение с супругой на том и закончилось, и король вернулся к мадам де Майи. Но вскоре похождения короля вылились в неприятные последствия. Летописец Барбье свидетельствует: «Король чувствует себя лучше. Но на охоту он еще не ходит. По слухам, у него сифилис, – ведь Башелье, его первый камердинер, тайно приводил ему каких-то девушек, а тут уж не до уважения королевской особы…» Этой болезнью его наградила дочь мясника де Пуасси, которая, в свою очередь, подхватила ее от дворцового стражника во время народного гулянья.

В конце 1738 года мадам де Майи представила двору свою сестру Полин-Фелисите де Несль, которая была на два года ее моложе. Эта очаровательная особа покинула монастырь с ясным намерением заменить старшую сестру, пленить сердце короля и править Францией.

Она тотчас же приступила к делу, и, несмотря на то, что в ней не было ничего соблазнительного, ей удалось стать любовницей Людовика XV. Весной 1739 года она появилась в опере на балу, переодетая в пастушку, рядом с королем в костюме летучей мыши.

В то время как мадам де Майи оплакивала свою судьбу в парижском особняке, для новой фаворитки подыскивали мужа. Им стал Феликс де Винтимиль, внучатый племянник архиепископа Парижа. Вечером после свадьбы юная чета направилась в мадридский замок. Но Винтимиль, получивший двести тысяч ливров за этот фиктивный брак, лишь сделал вид, что отправляется на брачное ложе. На самом деле в супружеской постели его заменил Людовик XV.

С этого дня мадам де Винтимиль следовала за королем повсюду, а Людовик XV осыпал ее подарками. В мае 1740 года он подарил ей небольшой замок де Шуази, который стал часто посещать.

В замке любовники проводили все время в постели. Мадам де

Винтимиль отличалась бурным темпераментом, и король, как писал один мемуарист, «засыпал лишь после того, как семь раз докажет ей мощь своего скипетра». Даже те, кто желал бы, чтобы Людовик XV больше рвения проявлял в государственных делах, гордились неутомимостью короля в постели… Всеобщей радости не было предела в тот день, когда стало известно, что фаворитка во время одной из таких встреч устала раньше своего любовника.

Мадам де Винтимиль благодаря заботам короля родила 1 сентября 1741 года прелестного мальчика, ему был дарован титул графа де Люка. Фаворитка могла бы рассчитывать на самое блестящее будущее, если бы ее не унесла после родов внезапная лихорадка.

Король снова обратил внимание на мадам де Майи, однако уже в начале 1742 года заинтересовался третьей сестрой де Несль – герцогиней де Лорагэ. Эта юная особа не была очень красива, но обладала, как писал историк того времени, «приятной полнотой форм». Именно женщины этого типа считались особенно привлекательными в XVIII веке…

Людовик XV испытывал к ней влечение, удивлявшее придворных. Он любил ее на скамьях, диванах, креслах, лестничных ступенях. Герцогиня, явно испытывавшая слабость к подобного рода времяпрепровождению, «позволяла королю» все, издавая при этом радостные вскрики. Монарх предавался с ней не столь невинным удовольствиям. Однажды он потребовал, чтобы мадам де Майи присоединилась к ним, желая «спать между двумя сестрами», чьи прелести представляли явный контраст. Подобная вариация доставила Людовику XV лишь скромное развлечение, и он заскучал как прежде. В конце концов он пресытился герцогиней де Лорагэ, не отличавшейся особым умом, и, дабы избавиться от нее, но так, чтобы она всегда находилась поблизости, назначил ее фрейлиной дофины…

Осенью 1742 года мадам де Майи показалось, что она обладает достаточной властью, чтобы вмешиваться в политику. Увы! В ноябре было перехвачено письмо маршала де Бель-Иля маршалу де Майбуа. В нем содержались прозрачные намеки на роль фаворитки. Людовик XV пришел в ярость и быстро избавился от своей любовницы.

Желая продолжить удачно начавшийся турнир, он обратил свой взор на четвертую сестру де Несль, жену маркиза де Флявакура. Супруг ее был безумно ревнив, и королю не удалось увлечь ее в свою постель. Ревнивый муж, прознав про намерения Людовика XV, пригрозил жене расправой, если она поведет себя так, «как ее шлюхи-сестры». Разочарованный монарх остановил свой выбор на последней сестре де Несль – Мари-Анне, вдове

маркиза де Ла Турнеля.

Однажды после полуночи, переодевшись врачом, король отправился к ней в сопровождении герцога де Ришелье. Перед тем как взойти на королевское ложе, молодая женщина выдвинула свои условия. Она потребовала немедленно и публично отослать свою сестру, мадам де Майи, и возвести себя в статус официальной любовницы, какой была покойная мадам де Монтеспан. Она потребовала еще многое: «…прекрасные апартаменты, достойные ее положения, ибо не желала, как ее сестры, ужинать и тайком заниматься любовью в маленьких комнатах. Свой двор и чтобы король открыто приходил к ней ужинать. В случае недостатка в деньгах она желала получать их в королевской казне с правом собственной подписи. А если она забеременеет, то не будет скрывать этого, и дети ее будут считаться законными».

Людовик XV был сильно влюблен – он согласился на эти условия, и 17 января 1744 года палаты парламента узаконили королевский дар: герцогство де Шатору передавалось во владение мадам де Ла Турнель. Судя по документам, мадам де Ла Турнель получила этот подарок за услуги, оказанные королеве.

В марте 1744 года, подстрекаемый королем Фредериком II, король Франции вынужден был объявить войну Марии-Терезии Австрийской, Англии и Голландии. Неприятель в любой момент мог захватить французскую территорию. Тогда мадам де Шатору явилась к Людовику XV и дала ясно понять, что королю пришло время стать настоящим властителем, заняться военными делами и возглавить армию.

Это обращение тронуло монарха. Через месяц он отправился во Фландрию. Но поскольку не мог расстаться с мадам де Шатору, то взял ее с собой, что породило множество сплетен. Людовик XV распорядился, чтобы герцогине выделили соседний с его резиденцией особняк с тайными ходами, от одного особняка к другому.

В начале августа 1744 года после изысканного ужина герцог Ришелье устроил так, чтобы король оказался в спальне наедине с мадам де Шатору и ее сестрой мадемуазель Лорагэ, предусмотрительно закрыв за ними дверь. На следующий день Людовик XV слег с лихорадкой. Монарх, опасаясь скорой смерти, послал за духовником.

Епископ Суассонский Фитц-Джеймс заявил, что «законы церкви запрещают причащать умирающего, если его сожительница находится в городе», и просил короля отдать приказ об отъезде сестер.

Людовик XV скрепя сердце согласился. Как только эти дамы

покинули город, епископ Суассонский дал разрешение соборовать монарха. Однако через неделю королю стало лучше. Эта новость вызвала ликование в народе, тут же прозвавшего его Любимым.

Людовик XV вернулся в Париж. И, как только к нему вернулись силы, поспешил к мадам де Шатору, отлученной от двора, и просил ее вернуться в Версаль. В ответ герцогиня потребовала изгнать лиц, виновных в ее опале. Король, горевший желанием возобновить близость с герцогиней, принял все ее условия. Увы, через две недели после бурно проведенной ночи фаворитка Людовика XV умерла.

После смерти мадам де Шатору Людовик XV растерялся. Исчерпав женские ресурсы семьи де Несль, он не знал, где ему искать любовницу. Коридоры Версаля наполнились красотками, любыми способами пытавшимися привлечь внимание короля.

В конце февраля 1745 года в Версале состоялся бал-маскарад. В два часа ночи король сделал комплимент юной красавице в одеянии Дианы-Охотницы. Его сразу же окружила толпа. Было замечено, что прекрасная Диана заигрывала с королем. Сильно заинтригованный, Людовик XV пошел за ней следом. Вот тут-то таинственная Охотница сняла маску – и все узнали мадам Ле Норман д'Этиоль…

«Продолжая рассыпать все уловки кокетства, – писал Сулави, – она затерялась в толпе, но из виду не скрылась. В руке у нее был платок, и то ли случайно, то ли специально она его обронила. Людовик XV торопливо поднял платок, но… он не мог пробраться к его владелице и со всей учтивостью, на какую был способен, бросил ей этот изящный комочек. В зале раздался смущенный шепот: "Платок брошен!.." Все соперницы потеряли последнюю надежду».

М-м д'Этиоль звали Жанна-Антуанетта Пуассон. Она была необыкновенно хороша собой. После эпизода с оброненным платком ей не пришлось долго ждать. Людовик XV приказал Бине, своему камердинеру, доставить ее – она была кузиной Бине – в Версаль. Разумеется, вскоре она очутилась в самой широкой постели государства. Увы! Бывают ситуации, когда даже монархи бессильны… У Людовика XV случилась внезапная слабость, и он, по выражению Морца, «дал осечку». К счастью, через несколько дней король восстановил силы и смог на той же широкой постели доказать мощь переполнявших его чувств…

Людовик XV был очарован мадам Пуассон. Сулави писал: «Несмотря на природную холодность, у красавицы был весьма прихотливый характер». Но мадам д'Этиоль, против которой был настроен весь двор, дофин, духовенство, министры, боялась потерять все, так и не став фавориткой. Тогда она написала

Людовику XV: у нее такой ревнивый муж, злые люди непременно расскажут ему об измене, он жестоко ее накажет. Она просит у короля защиты…

Простодушный король предложил ей укрыться в Версале. Она не заставила себя упрашивать… Пока она устраивалась в апартаментах, принадлежавших ранее мадам де Майи, мсье де Турнхем, бывший, разумеется, ее союзником, отправился к мсье Ле Норману д'Этиолю и объявил, что его жена стала любовницей короля. В страшном отчаянии супруг вынужден был покинуть Париж.

Счастливый Людовик XV не мог отказать ей ни в чем. Он купил для нее титул маркизы Помпадур, земли в Оверни с двенадцатью тысячами ливров дохода, назначил фрейлиной королевы и, наконец, признал «официальной фавориткой».

Новоиспеченная маркиза была в восторге. Осуществились самые смелые ее мечтания. Однако роль фаворитки короля казалась слишком незначительной – она желала участвовать в управлении государством.

«Если бы она не вошла тогда в жизнь Людовика XV, – убежден Пьер де Нольха, – события развивались бы совсем в другом направлении: другая политика в вопросах финансовых, религиозных, а быть может, и в дипломатических отношениях. С этого времени женщина – умная и к тому же умеющая пользоваться своим умом – подчинила себе монарха, властителя королевства, относившегося к власти ревностнее, чем сам Людовик XIV».

В конце концов этот недостаток ее темперамента стал общеизвестен, и многие женщины восприяли духом. Одна из них, мадам де Куазен, доставила мадам де Помпадур некоторое беспокойство. Однажды вечером в Марли обе женщины обменялись колкостями, что развеселило всех собравшихся. Маркиза вернулась в свои апартаменты не в себе, выбитая из колеи – почти в отчаянии.

Мадам де Помпадур не ошиблась: король стал любовником мадам де Куазен и, кажется, находил в этом удовольствие. Оскорбленная фаворитка прибегла к услугам почтмейстера Жанеля. Однажды она вручила ему листок и повелела: «Вставьте эти строки в отрывки из писем, которые подаете королю». А было там вот что: «Это верно, что у нашего монарха появилась подружка. Лучше бы он оставил прежнюю. Она тихая, никому не делает зла и уже скопила состояние. Та, о которой говорят, знатного происхождения и потребует привычного блеска. На нее придется тратить миллион в год – расточительность ее известна, – содержать приближенных к ней герцогов,

воспитателей, маршалов, ее родных… Они заполонят королевский дворец и заставят дрожать министров».

Людовик XV, будучи скупым, быстро оставил мадам де Куазен. Через несколько дней мадам де Помпадур говорила подруге: «Эта великолепная маркиза просчиталась – напугала короля своей привычкой к роскоши. Она постоянно просила у него денег… Представляете, чего ему стоит подписать вексель на миллион, ведь он с трудом расстается с сотней луидоров!»

Однако со временем политические интриги, бессонные ночи, заботы лишили всесильную мадам де Помпадур прежней свежести, что не укрылось и от Людовика XV. Несколько месяцев монарх утешался с разными любовницами, предпочитая девственниц, если это было возможно, которых тайно приводили ему друзья.

Тайная полиция вскоре сообщила маркизе об этих королевских шалостях. Оценив опасность, она «решила удержать Людовика XV возле себя во что бы то ни стало, став наперсницей его увлечений».

Помочь ей справиться с этой задачей суждено было совершенно случайно одной необычной личности, объявившейся в Париже. Речь идет о двадцатипятилетнем итальянце, который только и думал, что о девушках. Его звали Казанова.

Однажды этот молодой человек познакомился с очаровательной Луизон Морфи, служившей моделью Буше. Казанова так в нее влюбился, что заказал одному немецкому художнику ее портрет. Живописец изобразил ее обнаженной.

Художник этот, оказавшись в 1753 году в Версале, показал копию портрета месье де Сен-Кентену. Именно этот придворный подыскивал утешительниц для королевской постели. Он решил, что такая красотка могла бы подойти королю, и показал ему портрет. Изображение пленило Людовика XV, и он выразил желание поближе познакомиться с оригиналом. По его приказу Луизон, предварительно отмытая сестрой – та получила за нее тысячу экю, – была доставлена на следующее утро в небольшой павильон в Версале. Уже вечером у Луизон была квартира в маленьком домике недалеко от дворца, и король с наслаждением приступил к ее образованию.

Маленький домик, в который король поселил Луизон, не оставил без внимания ни один писатель революции. Мы имеем в виду общеизвестный Олений парк. На протяжении двух столетий об этом уголке рассказывали, писали и придумывали самые невероятные вещи. Большинство историков утверждали, что там был гарем, и объясняли это название чудовищными оргиями, которые там устраивал Людовик XV.

На самом деле Олений парк – это старое название Версальского квартала, построенного во времена Людовика XV на месте парка с дикими зверями времен Людовика XIII.

В 1753 году, когда Людовик XV искал скрытое от посторонних глаз место для встреч, он выбрал домик в этом квартале. Там он и поместил Луизон Морфи – с дамой для охраны и слугой. Девушка прожила в этом доме около двух лет. Однажды вечером, в 1756 году, решив, что ей все позволено, она спросила короля: «Как там поживает старая кокетка?»

Людовик XV подпрыгнул – он не терпел неуважительного отношения к маркизе. Через три дня мадемуазель Морфи, несмотря на то, что уже успела родить Людовику XV дочь, навсегда покинула маленький домик в Оленьем парке.

Ее заменила ее двадцатилетняя сестра Брижитт, затем в маленьком домике жили поочередно мадемуазель Робер, мадемуазель Фукэ и мадемуазель Эно…

Впоследствии Людовик XV не удовлетворялся содержанием одной любовницы. Он покупал у родителей совсем еще девочек (так как боялся заразиться некоторыми смертельными болезнями, такими как золотуха) и образовал «резерв наложниц». Маленьких девочек от девяти до двенадцати лет, привлекших своей красотой внимание полиции, покупали у родителей и переселяли в Версаль. Там Людовик XV проводил с ними долгие часы. Ему нравилось раздевать их, купать, наряжать. Он сам заботился о преподавании им основ религии, обучал их чтению, письму и молитвам.

Девочки-подростки находились в разных местах. Для их размещения король купил в квартале Олений парк другие дома, оставшиеся незанятыми.

Пока мадам де Помпадур занималась политическим образованием, король с не меньшим воодушевлением развлекался с юными девственницами, которых для него собирали в Олений парк.

Тщеславные родители стали особенно заботиться о добродетели своих наследниц, чтобы услужить потом его величеству. Возникла жестокая конкуренция. Некоторые делали даже вполне деловые предложения – эти новоявленные коммерсанты прилагали своеобразные «гарантийные свидетельства». Вот, к примеру, письмо одного отца семейства: «Ведомый горячей любовью к священной королевской персоне, я имею счастье быть отцом очаровательной девушки, настоящего чуда свежести, красоты, молодости и здоровья. Я был бы счастлив, если бы Его Величество соблаговолил нарушить ее девственность. Подобная милость была бы для меня ценнейшим

вознаграждением за мою долгую и верную службу в армии короля…» Через несколько дней она уже была в маленьком домике Оленьего парка.

В 1756 году началась Семилетняя война, одна из самых разрушительных в истории Франции. Чтобы вести войну, нужно было иметь много денег. Поэтому пришлось ввести новые налоги. Народ взбунтовался, обрушив свой гнев сначала на маркизу де Помпадур, а затем и на Людовика XV, который «шел на поводу у фаворитки».

5 января 1757 года, когда король садился в карету и собирался выехать из Версаля, из толпы выскочил мужчина, оттолкнул стражу, придворных и бросился на короля. Ему удалось нанести удар ножом с двумя лезвиями, но он только легко ранил монарха. 28 марта преступник по фамилии Дамьен был казнен самым изощренным способом, а Людовик XV, едва оправившийся от потрясения, снова зачастил в Олений парк.

Весной 1764 года маркиза де Помпадур серьезно заболела. Несмотря на заботы Людовика XV, состояние ее здоровья ухудшилось настолько, что она перестала интересоваться политикой и полностью посвятила себя жизни душевной.

Вопреки свидетельствам иных историков смерть мадам де Помпадур глубоко опечалила Людовика XV. Маркиза вот уже десять лет, как не была его любовницей, но ей удалось стать ему советчицей, премьер-министром и лучшим другом. Она стала необходима Людовику XV.

Вечером того же дня во исполнение закона, запрещающего оставлять труп в королевском дворце, тело фаворитки на носилках перенесли в Эрмитаж. Двумя днями позже, когда останки мадам де Помпадур вывозили из Версаля в Париж, шел проливной дождь. Людовик XV не мог следовать за кортежем – он смотрел на процессию из окна: «Это единственные почести, которые я смог ей оказать».

В это время у Людовика XV, оставившего мадемуазель де Роман, утомившую короля своими интригами, появилась очаровательная любовница – восхитительная девочка по имени Луиза Тирселэн. Эта юная особа, моложе короля на тридцать шесть лет, обладала неуемным темпераментом. Людовик обязан ей многими прекрасными ночами. Однако стать признанной фавориткой из-за своей юности девушка не могла. Поэтому придворные дамы старались привлечь внимание короля всеми данными им природой средствами.

Одной из них, мадам д'Эспарбэ, повезло, и она заменила малышку Тирселэн. Число ее любовников было столь впечатляющим, что она получила прозвище Мадам Версаль,

поскольку «весь город перебывал в ее постели». Она, возможно, была бы объявлена официальной любовницей, если бы не вмешался министр герцог де Шуазель, видевший в ней опасность.

Мадам де Грамон и мадам де Майе Брезе на несколько месяцев заменили ее. Но эти женщины, несмотря на их богатый опыт и красоту, не смогли удовлетворить пыл короля. Пресытившись, Людовик XV уже не интересовался придворными дамами. Очаровать его можно было лишь чем-то необычным. Недели напролет гонцы рыскали по всем провинциям в поисках юной особы, еще не повзрослевшей и в то же время уже достаточно испорченной, чтобы разбудить чувства короля.

В начале 1765 года графу дю Барри пришла в голову мысль избавиться в пользу короля от надоевшей любовницы. Ее звали мадемуазель Ланж: двадцать пять лет, очаровательное личико, великолепное тело, опыт – и весьма легкий нрав. Граф дю Барри уступал ее своим друзьям, когда оказывался несостоятельным должником…

Звали ее Жанна Бекю. В пятнадцать лет она почему-то взяла имя Манон Лансон и обратила взор к любовным утехам. Некий прелат преподал ей первые уроки наслаждения. Наконец, когда она работала в одном сомнительном заведении, ее заметил граф дю Барри и, восхищенный ее красотой, поселил девушку у себя. В течение нескольких лет граф эксплуатировал прелести своей протеже. Он «одалживал» ее на ночь и герцогу де Ришелье, и маркизу де Вильруа…

При поддержке де Ришелье и первого камердинера короля графа Лебеля Манон оказалась среди женщин, прогуливающихся по двору с надеждой обратить на себя внимание Людовика XV.

Наконец девушке повезло: король ее заметил и был очарован. Через два часа она лежала в его постели. Первый раз в жизни Людовику XV показалось, что женщина увидела в нем мужчину, а не короля. Предыдущие его любовницы не могли избавиться от… уважения к нему. Манон же позволила себе всевозможные дерзости. Новая для него, живая и непосредственная манера молодой женщины восхитила короля.

В дальнейшем Манон, поселившаяся в малом павильоне, умудрялась каждую ночь изобретать новые утехи, способные оживить увядшие чувства короля, – и возбудила у него подлинную страсть.

23 июля 1768 года состоялась свадьба брата графа дю Барри, Гийома, и Манон. По этому случаю было сделано фальшивое свидетельство о рождении: Жанна Бекю превратилась в дочь некоего Жан-Жака де Вобернье. Вся церемония была обычным фарсом. В контракте оговаривалось, что супруги никогда не

должны жить как муж и жена; нотариусами были официально заверены титулы, которыми в течение многих лет незаконно пользовалась дю Барри. «Именно тогда эта семья стала знатной и известной. Неожиданно появились три графа, графиня и виконт – так появляются и растут ночью грибы».

Сделавшись титулованной любовницей, мадам дю Барри, отдававшаяся когда-то за несколько экю в галереях Пале-Рояля, стала держать свой дом, завела интенданта, первого камердинера, парикмахера, двух косметистов, трех портних, кучеров, курьеров, лакеев, дворецкого, офицера охраны, гардеробную прислугу, горничных и даже негра – знаменитого Замора.

Король назначил ей содержание в миллион двести тысяч франков ежегодно, что равнозначно примерно пятидесяти миллионам старых франков; осыпал ее драгоценностями. Подобная роскошь и непомерные расходы на фоне общей нищеты в королевстве возмутили народ, сочинявший по этому поводу памфлеты и песни.

Вскоре в народе появилась третья причина недовольства фавориткой: ее обвиняли в том, что она похотью утомляла короля, давала ему возбуждающие средства, дабы он всегда находился в прекрасной форме. Говорили, что она заставляла Людовика XV глотать шпанских мух, какой-то сироп и масло гвоздики.

Употребление возбуждающих средств было тогда привычным. Король сам охотно пользовался ими, чтобы завоевать благосклонность дамы. Де Ришелье писал: «Старому развратнику приходилось иметь дело со специально подобранными девушками. Похоть иногда вынуждала его прибегать к уверткам, чтобы соблазнить тех, которые были добродетельны или верны своим любовникам. Именно так он добился расположения некоторых знатных дам и покорил мадам де Сад. Он предложил ей чудесные пастилки, куда добавил порошок шпанских мух. Он сам съел их и дал своей подруге, доведя ее желание до бешенства. Она предалась удовольствиям, которые мы не беремся описывать. Король в конце своего правления позволил себе несколько раз подобное развлечение. Несколько придворных дам умерли от последствий этих постыдных оргий».

Позже во всех этих извращениях обвинили мадам дю Барри. Ее страсть к любовным утехам восхищала Людовика XV, и однажды он поделился с Ришелье: «Я в восторге от вашей мадам дю Барри, это единственная женщина во Франции, которая знает секрет – как заставить меня забыть о моем шестидесятилетнем возрасте».

В апартаментах дю Барри проходили собрания министров, послы оказывали ей королевские почести, а советники приходили к ней за советом. Это немыслимое возвышение возмутило многих придворных. Они решили избавиться от графини, найдя ей замену.

Сначала они попытались уложить в постель короля принцессу Монако. Молодая женщина надела очень открытое платье, в котором «почти полностью была видна ее самая красивая в мире грудь», и отправилась к Людовику XV. При виде короля красавица присела в глубоком реверансе, так что грудь ее выскочила из корсажа. Монарх с разгоряченным взором поднял ее и «поцеловал клубнички, неожиданно выросшие на его пути». Подобное начало обнадежило принцессу Монако. Не сомневавшаяся в силе своих чар, она быстро улеглась на софу и закрыла глаза. Через несколько минут принцесса снова открыла глаза, чтобы посмотреть, чем занимается король. Заложник собственной репутации, Людовик XV с грустью смотрел на нее. Решив, что он не смеет посягнуть на ее добродетель, она поощрительно улыбнулась ему и бросила страстный взгляд. Людовик вздохнул и уселся на край софы. Он подарил ей несколько любезных, ничего не значащих ласк, вежливо попрощался и ретировался.

Жестоко оскорбившись, молодая женщина, не теряя времени, закатила жуткую сцену тем, кто выставил ее на посмешище. Вместо ответа они упрекнули ее в неумении взяться за дело и принялись искать новую замену фаворитке дю Барри.

Нашли молодую англичанку. Она продвинулась не дальше принцессы Монако. Людовик XV оказал ей небольшую любезность на углу дивана и вскоре о ней забыл. Настала очередь жены музыканта, мадам Бэш – ей достались лишь «жалкие прикосновения», и она, затаив на сердце зло, вернулась к мужу.

Попытки увести у нее любовника вскоре стали известны дю Барри. Она обеспокоилась, даже испугалась. Возраст короля, неуемные, давно ставшие привычными удовольствия… Дю Барри не могла надеяться, что ее чары смогут навсегда удержать такого непостоянного и к тому же утомленного любовника. Монарх несколько раз дружески разговаривал с принцессой де Ламбаль. Однажды в присутствии своей любовницы он восхитился ее изяществом. Графиня дю Барри высказала ему свои претензии и пожаловалась, что до нее дошли слухи о намерении короля жениться на принцессе. Король, оскорбленный подобным упреком, вызывающе заявил: «Мадам, я мог бы сделать еще хуже!»

Дю Барри почувствовала укол в самое сердце и застонала от обиды. Графиня поделилась своими печалями с аббатом Террэ. Тот по-дружески посоветовал ей «брать пример с мадам де

Помпадур, приноравливаться к меняющемуся вкусу монарха, стать сводницей и время от времени знакомиться с какой-нибудь юной особой, способной удовлетворить развращенное сердце короля». Выдвигая это предложение, аббат надеялся сделать любовницей короля одну из своих незаконнорожденных дочерей, мадам д'Амерваль, и вытеснить дю Барри. Но план этот провалился: Людовик XV несколько дней наслаждался этим «лакомым кусочком»… и вернулся к своей фаворитке.

Дю Барри не почивала на лаврах. Следуя советам де Террэ, она решила привязать короля, став наперсницей его удовольствий. Графиня, закрывая в 1768 году маленькие домики Оленьего парка, составила для своего любовника целый гарем. Отдав королю для начала свою племянницу мадемуазель Турнон, она перезнакомила его почти со всеми актрисами «Комеди Франсез» (среди прочих – с матерью мадемуазель Марс). Но актрисы были лишены воображения, и поведение их в постели оставляло желать лучшего.

Фаворитка привела в Версаль очаровательную мадемуазель Рокур, актрису по профессии и любовницу по призванию. Эта страстная дама была настолько известна своим бесстыдством, что заслужила прозвище Великой Волчицы. С первой же встречи ее пыл и изобретательность привлекли Людовика XV.

Весной 1774 года король опасно заболел. Врачи определили оспу. По мнению одного из мемуаристов, этой болезнью он был обязан «непомерному удовольствию, испытанному им в Трианоне, где он развлекался с красивой шестнадцатилетней девушкой, предоставленной ему графиней дю Барри. Бедняжка, сама того не ведая, носила в себе вирус этой смертельной болезни, поразившей ее на день позже, чем короля, – она умерла в три дня».

И несмотря на все усилия лекарей, кровопускания, лекарства, Людовику XV становилось все хуже. 5 мая ему стало совсем плохо, а 10 мая, около часу дня, он скончался.

ДЖОН ФИЦДЖЕРАЛЬД КЕННЕДИ (1917—1963)

35-й президент США (1961—1963), от Демократической партии. В 1941—1945 годах – офицер флота. В 1947—1961 годах – в конгрессе США. Будучи президентом, выдвинул программу ограничения социально-экономических реформ. Выступал за укрепление военных блоков и вооруженных сил США. Вместе с тем склонялся к более реалистичному курсу в отношениях с СССР, что вызвало нападки со стороны крайне реакционных кругов США. Убит в Далласе.

Всему миру 35-й президент США Джон Фицджеральд Кеннеди казался любимцем богов. Для молодежи он был кумиром. Лишь без малого три года Кеннеди находился у руля крупнейшей мировой державы. Сын мультимиллионера, ставший самым могущественным человеком западного мира, он провозгласил выход на новые рубежи, сделал возможным согласие с Советским Союзом и полет на Луну, в течение 1000 дней своего правления воплощая надежду на свободу, прогресс и мир. Но 22 ноября 1963 года в 12 часов 21 минуту в Далласе, штат Техас, пуля оборвала его жизнь.

Спустя 33 года Джон Кеннеди предстал в глазах всего мира не только как утонченный интеллектуал, кумир средств массовой информации, блестящий оратор, а также обладатель ослепительной рекламной улыбки и аккуратной короткой стрижки. За это время из сотен публикаций стало многое известно и о его личной жизни. В результате многие назвали его сексуальным «гигантом», чья безудержная чувственность заставила по-новому, с моральной точки зрения, взглянуть на него как на защитника новой политической этики.

Постепенно рассеивается туман вокруг этого человека, который, по выражению американского писателя Трумэна Капоте, пользовался услугами массы «девочек по вызову», через департаменты которого прошли девицы из всех заведений Лас-Вегаса (как явствует из документов министерства юстиции США), которому, по словам Питера Лоуфорда, «поставлял их Фрэнк Синатра». Лоуфорд, актер, близкий друг Синатры, зять Кеннеди, перед смертью от пьянства в 1983 году говорил: «Теперь это звучит ужасно, но тогда мы получали уйму удовольствия». В лучах прожекторов неоднократно оказывалась не только страсть Кеннеди к слабому полу. Можно считать вскрытыми его связи с

мафией, осуществлявшиеся через певца и актера Фрэнка Синатру. Китти Келли автор биографии Синатры под названием «Его путь» показала, как этот итало-американец, появившийся на свет 12 декабря 1915 года в Хоубокене, штат Нью-Джерси, стал «Орфеем уголовного мира».

Синатра – голливудская звезда мировой величины, чья песня «Большие надежды» послужила в 1960 году демократам своего рода девизом на президентских выборах – привлек на свои пирушки, к своим друзьям и женщинам, Джона Ф. Кеннеди. К тому же, образно говоря, мафия наставила президенту рога. Спустя много лет после смерти Кеннеди люди с удивлением узнали, что одна женщина была одновременно любовницей президента США и чикагского супергангстера Сэма Джанканы по кличке Муни.

…7 марта 1960 года 25-летняя уроженка Калифорнии Джудит Кэмпбелл-Экснер пребывала в ожидании в номере нью-йоркского отеля «Плаза». Сама мысль о том, что она собирается стать любовницей женатого человека, да к тому же еще политического деятеля, приводила ее в ужас. Нынешняя встреча была их первым любовным свиданием. Она сидела на самом краешке кровати, и, когда он, толкнув дверь, вошел в номер, ее охватило такое чувство вины, что ей немедленно захотелось убежать, спрятаться. Он понял ее состояние и повел себя ненавязчиво, предупредительно, а через короткое время даже засобирался уходить. Тогда она в каком-то порыве удержала его, коснулась его плеча и тихонько сказала: «Джек!» «Я не смогла его оттолкнуть, – рассказывала Джудит Экснер. – Когда он пускал в ход свое обаяние, то становился абсолютно неотразимым».

Встреча в «Плазе» стала началом не мимолетной интрижки, а пылкого романа, которому предстояло продлиться два с половиной года. Джудит и не подозревала, что была далеко не единственной любовницей 35-летнего президента Соединенных Штатов. «Если бы мне стало известно, что в Белом доме он встречается с другими женщинами, я немедленно положила бы конец нашим отношениям», – уверяла она.

С сенатором Джоном Кеннеди ее познакомил в феврале 1960 года певец Фрэнк Синатра. Двадцатипятилетняя католичка, только что пережившая неудачное замужество с малоизвестным актером, типичная представительница среднего класса, увлеченная миром шоу-бизнеса, приехала в Лас-Вегас вместе с Фрэнком – их связывал непродолжительный роман. Первый ужин наедине с Кеннеди состоялся в городском ресторане. Джудит мгновенно попала под очарование будущего кандидата в президенты, который с пылким красноречием говорил с ней о

жизни, католической религии, своей семье и о последних голливудских сплетнях. Он стал постоянно звонить матери Джудит и справляться, где сейчас ее дочь.

Победа, одержанная Кеннеди на выборах в ноябре 1960 года, невероятно усложнила идиллию Джудит с новым президентом. Джек пригласил ее в Капитолий на церемонию принесения присяги. Джудит отказалась. Джек ее уверял в любви, и постоянно давал поручения. То он просил передать лично в руки Сэму Джанкане очередное послание по поводу ликвидации Фиделя Кастро, то поручал организовать ему встречу с главарем мафии. Такая тайная встреча состоялась в номере одного из чикагских отелей, и Джудит терпеливо ждала, сидя в ванной комнате, когда мужчины закончат беседу.

Со временем «посланница» начала даже ценить общество Сэма Джанканы, который обращался с ней как с королевой. Она поняла, что этот человек обладает огромным влиянием и властью. Мафиози, в свою очередь, был отнюдь не прочь послужить причиной ревности президента. Кеннеди просил Джудит «не проводить слишком много времени с Джанканой или Синатрой». Звоня по телефону, он выспрашивал, где и у кого она бывала.

Джудит категорически не желала переходить в разряд «официальной любовницы» и потому упорно отвергала любые предложения домов, квартир и денег. Джек настаивал, чтобы она перебралась в Вашингтон. «Здесь я смог бы о тебе заботиться», – уверял он. В ответ Джудит рассказывала ему, что ее и без того начало преследовать ФБР, что его агенты в любое время дня и ночи звонят ей в дверь и роются в ее вещах без всякого ордера на обыск. Однажды фэбээровцы едва не арестовали ее на автомобильной стоянке. А Сэм Джанкана, которому очень хотелось выглядеть в глазах красивой женщины настоящим героем, уверял, что Дж.Ф. Кеннеди победил на выборах исключительно благодаря его поддержке: «Без меня твой дружок ни за что на свете не добился бы избрания. Оставь ты этих Кеннеди, они не для тебя. Вот увидишь, они загубят твою жизнь». «Крестный отец» чикагской мафии никогда ни словом не обмолвился с ней ни о своих отношениях с ЦРУ, ни о существовании заговора против Кастро.

В январе 1963 года Джудит решилась положить конец своей связи с президентом. Поссорились они из-за ее отказа переезжать в Вашингтон. Он хотел видеть ее чаще и настаивал, чтобы она присутствовала на некоторых официальных обедах в Белом доме. Увы, его любовницу терзала мысль о существовании Джеки – законной супруги. Роль «женщины из тени» казалась ей

унизительной. «Я так больше не могла, – рассказывала Джудит в журнале «Вэнити фэйр». – Внимание ФБР приводило меня в ярость. С каждым днем связь с Кеннеди причиняла мне все больше боли. С этим пора было кончать. Джек упросил меня встретиться с ним и поговорить о том, как спасти наши отношения. "Мы можем встречаться и дальше", – сказал он. В последний раз я виделась с ним в Белом доме в конце декабря 1962 года. Я сказала ему, что между нами все кончено, что мы больше не будем видеться. В тот день мы в последний раз были вместе. Я все еще любила его без памяти. Не знаю, за что Господь решил меня наказать, но когда я вернулась из Вашингтона в Нью-Йорк, а затем приехала в Чикаго, то обнаружила, что я беременна. За все время нашей связи я не встречалась с другими мужчинами. Я была просто раздавлена, позвонила ему по телефону: "Джек, у меня новость, хуже которой быть не может: я беременна". Он молчал, и молчание его затягивалось. Потом наконец сказал: "Что ты собираешься делать?" Понял, что нельзя было этого говорить, и сейчас же поправился: "Прости, что мы будем делать? Ты хочешь оставить ребенка?" Я плакала в телефонную трубку: "Джек, ты прекрасно знаешь, что я не могу оставить ребенка. ФБР не спускает с нас глаз. С тех пор как они в первый раз постучались ко мне в дверь в 1960 году, они постоянно следят за мной". Он старался говорить очень мягко: "Я могу гарантировать тебе, что, если ты захочешь оставить ребенка, это вполне осуществимо. Мы сможем это устроить". Тогда я ответила: "Об этом не может быть и речи. Ты не забыл, кто ты? Нам никогда не выпутаться из этого". Джек сказал: "Я тебе перезвоню". Он действительно сейчас же перезвонил, и мы снова говорили о том же. Действовать приходилось быстро. Я была на втором месяце, а аборты в Соединенных Штатах запрещались. Тогда Джек сказал: "А ты не думаешь, что нам мог бы помочь Сэм? Может быть, поговоришь с ним? Тебе будет удобно спросить его об этом?" Меня удивило его предложение, но я сказала, что так и сделаю. Я позвонила Сэму, и мы договорились пообедать вместе. Я рассказала ему, какая помощь мне нужна. Он едва не подпрыгнул от негодования. "Будь он проклят! Будь проклят этот чертов Кеннеди!" – воскликнул он».

Сэм Джанкана действительно предпринял все, что было в его власти, чтобы Джудит поместили в больницу у него в городе и там прооперировали. Счета с именами врачей до сих пор хранятся у Джудит. 28 января 1963 года она вышла из больницы. Встречал ее Джанкана. Кеннеди сейчас же позвонил ей и снова умолял приехать в Вашингтон. Джудит чувствовала себя одинокой и несчастной. Она боялась всего и всех: ФБР, ЦРУ, Сэма Джанканы,

мафии… Она поделилась с Джоном своими печальными мыслями и согласилась увидеться с ним еще раз. Грустная ирония судьбы: теперь она даже не помнит, где же прошла эта последняя встреча.

Спустя годы Джудит с удовольствием вспоминала обоих своих любовников: «Джек (как называли Кеннеди его друзья), знал о нас с Сэмом, мы часто о нем говорили. Джек был в бешенстве от того, что я встречалась с Сэмом. Да, он ревновал».

Понятно, что красотка Джудит открывала свое сердце также перед «крестным отцом» из Чикаго и после любовных утех болтала с ним о Кеннеди. В постели Джанкана, естественно, узнавал и интимные стороны жизни Белого дома.

Однако Джудит была не единственной любовницей президента, которая ставила его в двусмысленное положение.

Самой блестящей среди них была, конечно же, Мэрилин Монро, которую журналисты часто называли «последней из богинь».

Джон внимательно следил за ее карьерой с начала 1950-х. Уже будучи женатым на Жаклин и оказавшись в больнице, где ему предстояла операция на позвоночнике, он повесил у себя в палате прямо над кроватью огромную цветную афишу с изображением любимой актрисы. Пришедший навестить тогдашнего сенатора его помощник Лэнгдон Морвин был поражен тем, что афиша висела вверх ногами, отчего казалось, будто Мэрилин приняла весьма фривольную, вызывающую позу. «Несмотря на сильную боль, которую ему причиняла спина, Джон улыбался всякий раз, когда бросал на нее взгляд», – вспоминал он.

Афишный «призрак» стал, однако, реальностью только в конце 1957 года. Произошло это в Санта-Моника, где жили сестра будущего президента Пат и ее муж Питер Лоуфорд, элегантный актер из Великобритании, работавший по контракту на голливудской киностудии «Метро-Голдвин-Майер». Лоуфорды часто устраивали приемы на своей роскошной вилле. На одном из таких приемов и состоялось знакомство.

За первой встречей три недели спустя последовала вторая. Но отношения переросли в роман лишь спустя полтора года. К этому времени Мэрилин закончила сниматься в фильме «В джазе только девушки», сыграв роль, которой предстояло иметь, наверное, самый большой успех как у публики, так и у критики. Джон только что принял решение добиваться выдвижения своей кандидатуры на президентский пост.

Советники и помощники кандидата в президенты не на шутку всполошились, когда узнали, что тот пригласил Монро присутствовать на съезде демократов в Лос-Анджелесе. И это при

том, что Жаклин там быть не собиралась! Вообще поддержка со стороны различных знаменитостей из мира искусств всегда считалась для политического деятеля важным козырем в предвыборной кампании. Но появление Мэрилин скорее было чревато скандалом. Никто в Америке на президентских выборах не станет голосовать за человека, который изменяет жене! Однако, судя по всему, Кеннеди ничего не боялся…

История принимала серьезный оборот. Он проводил с ней все свободное время. Она же вообще рассчитывала теперь на нечто большее, чем просто любовную связь. Окончательный крах недолгого брачного союза с драматургом Артуром Миллером, шумный разрыв с Ивом Монтаном, партнером по картине «Как выйти замуж за миллионера», который – уже не на экране, а в жизни – решил порвать с ней и вернуться к своей жене, все эти последние удары слишком ее измотали.

Став президентом, Кеннеди не переставал искать встреч с Мэрилин. Той случалось приходить на свидания с ним в нью-йоркскую гостиницу «Карлайл», надев черный парик, огромные темные очки и широченное платье. Примерно в таком же виде она поднялась как-то раз на борт его самолета.

«Тот факт, что Кеннеди стал главой государства, в глазах Мэрилин придавал их роману особую символичность. Она теперь была в него уже по-настоящему влюблена, – рассказывал Лоуфорд. – Вместе с тем она переживала глубокую депрессию: принимала сильнодействующие снотворные, пила. Ей ведь приходилось даже ложиться в психиатрическую клинику…»

Помимо постоянных телефонных звонков в Белый дом, актриса стала писать Джону письма, слать настоящие любовные послания в стихах. Однажды, это было в начале 1962 года, она позвонила Жаклин Кеннеди и объявила ей, что хочет выйти замуж за президента. Как впоследствии признавалась сама Мэрилин, этот звонок отнюдь не застал Джеки врасплох. Та невозмутимо ответила, что соглашается уступить свое место. Но предупредила, что в таком случае кинозвезде придется переселиться в Белый дом и взять на себя все обязанности и хлопоты, которые обычно лежат на первой леди страны. И если мисс Монро к этому не готова, то ей лучше, наверное, вовремя отказаться от своих намерений. На Мэрилин эта ироническая реплика подействовала настолько обескураживающе, что она бросила трубку и разрыдалась.

…Приближался день рождения президента – ему исполнилось 45 лет. К этому был приурочен грандиозный благотворительный концерт в нью-йоркском «Мэдисон-сквер-гардене», собравший 15 тысяч сторонников Демократической

партии. Жаклин вновь отсутствовала: находилась в поездке по Индии. Среди тех, кто поднимался на сцену, чтобы исполнить что-то в честь президента, были такие «звезды», как Элла Фитцджеральд, Мария Каллас. Но всех их затмила Монро. Она не ограничивалась, как другие выступавшие перед ней актрисы, каким-либо «номером» из своего эстрадного репертуара, а, ко всеобщему изумлению, прочувствованно спела традиционное «Happy Birthday».

Вот как сама она впоследствии вспоминала об этом событии: «Стоило мне выйти на сцену, как в огромном зале воцарилось какое-то необычное молчание – словно я появилась перед ними в одной комбинации. Господи, подумалось мне, что будет, если у меня пропадет голос? Но крайняя настороженность подобной публики способна только подогреть мой азарт, действует на меня так же возбуждающе, как поцелуй. И я сказала себе: "Черт возьми, я все равно спою свое приветствие"».

После концерта они провели вместе несколько часов. Это была их последняя встреча… Брат Джона, министр юстиции Роберт Кеннеди, и директор ФБР Эдгар Гувер предупредили президента, что на вилле Питера Лоуфорда в Санта-Монике «людьми из мафии», по всей вероятности, установлены подслушивающие устройства и, по крайней мере, одно из их свиданий с Мэрилин, состоявшихся там, записано на пленку. Тот немедленно решил все прекратить. В его адрес полетели патетические, отчаянные письма, не прекращались телефонные звонки. Мэрилин угрожала, что обо всем расскажет журналистам.

«Чтобы ее успокоить, Джон в конце концов отправил к ней… своего брата, – рассказывал Питер Лоуфорд, на чьей вилле она тогда жила. – Роберт пытался объяснить ситуацию, повторял, что хозяину Белого дома нельзя вести себя как вздумается, что ей пора прекратить причинять ему неприятности… Она оставалась безутешной. Бобу стало ее очень жалко, он вернулся на другой день. Это явно не входило в его планы, и так или иначе ту ночь они провели на вилле вместе…»

Если раньше Мэрилин названивала в Белый дом, то теперь часто набирала номер министерства юстиции. С ней вела долгие беседы личный секретарь Роберта Кеннеди, которой она вскоре сообщила, что министр «собирается на ней жениться». Складывалось впечатление, будто она не делает различия между двумя братьями.

Склонность к такого рода фантазиям, по мнению Лоуфорда, появилась в значительной мере из-за злоупотребления сильнодействующими лекарствами и спиртным. Эти же пристрастия стали причиной того, что киностудия «XX век –

Фокс» сочла необходимым отстранить ее от съемок нового, ставшего для актрисы последним фильма. На съемочной площадке она почти всегда находилась в таком состоянии, что не могла внятно произносить свой текст. «Я уговаривал ее прекратить глотать эту гадость, если она не хочет загубить свою карьеру», – вспоминает Лоуфорд. Но, похоже, это было уже не в ее силах. Вот и брат Джона тоже начал от нее удаляться… «Все они одинаковые, – твердила Мэрилин. – Сначала пользуются тобой, а потом выкидывают, как старые носки».

3 августа 1962 года, разыскав по телефону Роберта в Сан-Франциско, где он гостил у родственника с женой и детьми, она потребовала, чтобы он срочно приехал к ней в Лос-Анджелес. Он нехотя подчинился. Между ними произошла бурная сцена, свидетелем которой вновь оказался Лоуфорд. У Мэрилин была истерика. Она стала угрожать, что наутро устроит пресс-конференцию и расскажет, как с ней обращались оба брата. Боб при этих словах стал бледный как полотно. Потом он предложил вызвать психиатра, который постоянно наблюдал Мэрилин…

На другой день тридцатишестилетняя актриса ушла из жизни. Было ли это действительно самоубийством? Или несчастным случаем? Или ее «устранили»? И если да, то – время и гибель обоих братьев Кеннеди, последовавшая за ее собственной смертью, лишь способствовали тому, чтобы завеса вокруг этой тайны стала еще более плотной.

Скончавшийся в 1984 году писатель Трумэн Капоте в одном из интервью назвал Кеннеди «скверным примером донжуанства». Он рассказывал: «Дело происходило в очень маленькой квартире на Парк-авеню в Нью-Йорке. Дамы после ужина вышли из-за стола, а мужчины остались, ожидая бренди и сигары. Один из них стал описывать самых дорогих проституток Лас-Вегаса, которых он перепробовал и которые понравились бы всем. У него имелись их телефонные номера, и один парень тут же записал их на салфетке».

Этим «парнем» был не кто иной, как Джон Кеннеди.

Помимо политики, у этого воспитанника Гарварда с ирландскими корнями было только одно хобби – женщины. При этом отец двоих детей (Каролина и Джон) видел в связях с женщинами своего рода спорт. Ибо хотя всю свою жизнь он страдал Аддисоновой болезнью (заболевание надпочечников), частенько ходил на костылях и то и дело с удовольствием отдыхал в кресле-качалке, Джон Кеннеди жил и любил на широкую ногу.

Президент, имея рост 183 см и вес 85 кг, часто хвастался, что он – «сексуальный гигант». За день до инаугурации (он выиграл

выборы, получив 34221355 голосов против 34109398, поданных за Ричарда Никсона) в семейном кругу в Хианнисе как-то сострил: «Это правительство сделает для секса то же, что предыдущее сделало для гольфа». Он наслаждался сексом в чистом виде. Джон воспитывался в сознании того, что может получить любую женщину, какая ему понравится. Он был плейбоем. Его собственная жена говорила: «Не думаю, что вообще существуют мужчины, которые верны своим женам».

Впоследствии, уже став президентом, Джон Кеннеди умело сохранял дистанцию между собой и «первой леди». Будучи мультимиллионером, он тут же приобрел просторный загородный дом в Вирджинии, куда почти каждую неделю посылал Джеки отдыхать. И в то время, как та искала душевного спокойствия, катаясь верхом на породистых лошадях, президент развлекался ночами. То с супругой иностранного промышленника, то со срочно заказанной девушкой по вызову, то с итальянской актрисой, то с женой некоего дирижера. То вдвоем, а то и втроем.

Престарелому английскому премьер-министру Гарольду Макмиллану он в приливе откровенности как-то сказал: «Если у меня долго нет женщины, то начинаются сильные головные боли». Выбор дам у президента, обладавшего прекрасной внешностью и огромным состоянием, был богатым. Он ценил не качество, а количество. Ибо, как вспоминает о Кеннеди его случайная 19-летняя знакомая, «секс был для него чем-то вроде обязанности, с которым следовало побыстрее справиться». При этом «ласки ему не требовалось».

Как и его отец Джо, Джек тоже использовал женщин для удовлетворения своей сексуальной потребности, так что его сердце оставалось холодным. Причем, как обычно в этих кругах, очередная любовница быстро наскучивала, и, одарив ее непременной норковой шубой, он охотно передавал ее дальше – своим друзьям.

Джон Фицджеральд Кеннеди был обречен стать соблазнителем: у всех мужчин клана это было в крови.

Его отец, Джо Кеннеди, в прошлом посол Соединенных Штатов в Англии, был неисправимым сластолюбцем. Он обеспечил себе неиссякаемый источник удовольствий, вложив солидный капитал в Голливуд. И вот перед ним потекла нескончаемая вереница красоток, возмечтавших стать кинозвездами.

Джек Кеннеди потерял невинность в семнадцатилетнем возрасте, в публичном доме в Гарлеме, куда он наведался вместе с товарищем по школе Лемом Биллингсом. Девушка – кстати, белая – взяла с каждого по три доллара. Потом друзья ударились

в панику. Уверенные в том, что подцепили венерическую болезнь, они бросились натираться разными мазями. Кеннеди этого показалось мало, и он среди ночи разбудил врача и потребовал осмотра.

Вскоре он преодолел свой страх перед венерическими болезнями и стал часто посещать дома терпимости, в первую очередь те, что южнее границы.

Вот некоторые эпизоды из его амурной жизни: «Когда Джон, находясь на военной службе, размещался в Вашингтоне, то проводил ночи с датской журналисткой Ингой Арвад. Он любовно называл ее "Инга Бинга" и покинул лишь после того, как американская секретная служба довела до его сведения, что "Инга Бинга" нацистская шпионка».

«Когда Кеннеди было уже за двадцать, его отец Джо ввел сына в эротический мир западного побережья, точнее Голливуда. Оставив далеко позади порог своего шестидесятилетия, отец, как и сын, не оставлял без внимания ни одну юбку. Первым голливудским завоеванием Джона была актриса Джин Тьерни. Между Голливудом и Джорджтауном развернулся самый настоящий секс-туризм».

«В Лондоне будущий американский президент тоже приобрел широкую известность. Вместе с сыновьями других богатых американцев спортивный морской офицер обнаружил там злачные места и показывал неплохие результаты на межконтинентальных "сексуальных состязаниях"».

«За годы, проведенные в конгрессе, Кеннеди приобрел прозвище "жизнерадостный холостяк". Правда, среди некоторых женщин Джорджтауна прошел слух, что в постели сенатор – сплошное разочарование и, кроме того, у него есть неприятная привычка то и дело смотреть на часы».

«В ресторане конгресса в Вашингтоне он однажды громко расхваливал своему другу Боби Бейкеру восхитительные качества красотки, сидевшей рядом: "Боби, посмотри на эту роскошную кошечку! Она обеспечит тебе самый великолепный оргазм во всех штатах".

Наконец пришло время жениться. И кто же подходил на роль новобрачной лучше, чем Жаклин Бувье, дочь знаменитого "Черного Джека" – Джона Вернона Бувье III, известного выпивохи и донжуана? Джеки, по крайней мере, знала, на что идет.

Внешне Жаклин Бувье производила впечатление классической "принцессы-девственницы". Если говорить об образовании, то она по всем статьям превосходила Кеннеди. А также славилась красотой и шармом.

Свадьба блистательных Джека и Джеки в 1953 году стала

событием года.

Джеки и не рассчитывала на супружескую верность, но она не была готова к постоянному, всепоглощающему разврату – не каким-нибудь случайным отклонениям. На пару с конгрессменом и своим другом Джорджем Смазерсом Кеннеди снял квартиру в вашингтонском отеле "Кэрролл Армс", где они могли наслаждаться молодыми женщинами.

Во время предвыборной кампании будущий президент всегда останавливался в Голливуде на отдых, где ему скрашивали время такие дамы, как Джейн Мэнсфилд, Лиз Тейлор, Ким Новак, Энджи Дикиннсон и Ширли Маклейн.

Самый могущественный человек в мире увлекся красавицей-немкой по имени Элен (Элли Ромеч). Черноволосая стройная Элли ростом 165 см и весом 113 фунтов в 1961 году считалась звездой, блистая в изысканном "Кворум-клаб", где любили отдыхать сенаторы и правительственные чиновники. Но эта девушка имела один недостаток. Она была замужем за фельдфебелем немецкого бундесвера и состояла в связи с одним из советских атташе. Заподозрив, что в Вашингтоне она представляет собой немецкий вариант скандально известной лондонской девицы Кристины Киллер, Элли выдворили из Соединенных Штатов. Но ее размеры 88-63-85 – известны в Вашингтоне и поныне».

«Бурная связь завязалась у хозяина Белого дома с исполнительницей стриптиза Темпест Сторн. "Одежда полетела в сторону, политика забыта напрочь", – признавалась танцовщица в 1976 году, давая интервью телевидению.

С Мэри Мейер Кеннеди курил в Белом доме марихуану и между прочим смеялся в спальне вместе с ней над тем, что получилось бы, если бы в состоянии такого «кайфа» ему надо было нажать на ядерную кнопку».

«Кеннеди любил групповуху», – рассказывал его коллега по сенату Джордж Смазерс, который устраивал для Джека, страдавшего от болей в спине в результате полученного во время войны ранения, встречи с молодыми женщинами.

Все происходило особенно бурно, когда его жена Джеки в очередной раз удалялась в загородный дом. Секретная служба заботилась о прикрытии свиданий. А из Голливуда во множестве слетались «звезды» и «звездочки».

К тем временам относится и известное высказывание Линдона Джонсона, которому после Кеннеди предстояло стать президентом США: «Джек разъезжал по стране и целовал малышек, в то время как я должен был протаскивать законы». При этом под словом «малышки» можно понимать и нечто другое,

например, «блондинки».

От случая к случаю секс в Белом доме и в самом деле обеспечивали две блондинки из секретариата, которых Джек называл Фиддл и Фэддл, а его жена Джеки презрительно – пуделями. Когда Джеки в очередной раз обнаруживала в постели чужие трусики, то на ее вопрос: «Ты не мог бы сказать, чьи они? Это не мой размер» – Джек не находил ответа. Как писал в биографии Кеннеди Кальер Игорвиц, «Джеку было неинтересно запоминать имена женщин. На следующее утро он называл их только «красавица» или "малышка"».

Одна из тех, кого он так и не заполучил и которая стала известной американской писательницей, считала: «Для президента была важна лишь охота».

Постельная карьера Кеннеди действительно заслуживает внимания. Где бы ни охватывало его желание, он тут же его удовлетворял. Так, в прошлом исполнительница стриптиза Блейз Стар и поныне любит вспоминать о минутах, проведенных ими в шкафу. Дело происходило в 1960 году. Будущий президент США занимался сексом с мисс Стар в большом стенном шкафу в новоорлеанском мотеле «Хилтон». Об этом не стоило бы и упоминать, если бы в соседнем помещении жених Блейз Стар губернатор Эрл Лонг в то же время не давал прием в честь Кеннеди.

Джон Кеннеди убит в возрасте 46 лет 22 ноября 1963 года. Его брат Роберт 5 июня 1968 года застрелен на предвыборном собрании в Лос-Анджелесе иорданским эмигрантом Сирханом Б. Сирханом. Сэм Джанкана умер под градом пуль в 1975 году.

АВГУСТ II СИЛЬНЫЙ (1670—1733)

Курфюст саксонский (под именем Фридриха Августа I – с 1694), король польский (1697—1706, 1709—1733) Участник Северной войны (1700—1721) на стороне России. Прославился необыкновенной физической силой и любовными историями.

Август Сильный, давший своим современникам обильную пищу для анализа и суждений, во многих отношениях очень интересная личность, которую можно сравнить с его современником итальянцем Макиавелли.

Баронесса Лизелотта фон дер Пфальц во время своего трехлетнего конного путешествия по Европе видела его в Париже и писала, что «у него хорошая фигура», но не слишком приятное лицо и слишком большой рот. Он был таким сильным, что двумя пальцами поднимал с земли, как иголку, большое, длинное и тяжелое ружье. «Никто не мог соперничать с ним в силе, поэтому неудивительно, что теперь, в двадцать семь лет, он стал еще сильнее и спокойно сгибал серебряную тарелку».

Рассказывают множество вполне достоверных историй о его силе: в Раве летом 1698 года он одним ударом сабли отрубил голову быку, а клинок подарил Петру Великому, что должно было означать: вот как надо поступать с его бунтующими боярами!

9 октября 1702 года он повторил то же самое в Кодлице в присутствии герцога Морица-Вильгельма Заксен-Цайца. Профессор из Галле Людвиг в своей вышедшей в 1702 году книге «Германские властители» причислял силу Августа к чудесам своего времени, потому что он мог в любой момент согнуть серебряные, оловянные или медные предметы, как будто они были из бумаги или материи.

Во всех пеших или конных соревнованиях он всегда был впереди всех, и это доходило у него до безрассудства. Так, однажды он вскарабкался на лошади по винтовой лестнице на верхнюю площадку башни дрезденского замка.

Половая зрелость у него наступила рано, и уже в возрасте семнадцати лет он познакомился с обоими главными по части развлечений городами тогдашней Европы – Парижем и Венецией, причем любовных похождений у него насчитывалось сотни, и он начал описывать их в стиле Циглера и Лоэнштейна после своего возвращения. А позже и герцог-писатель Антон-Ульрих фон Вольфенбюттель в своем романе описывал любовную связь

Августа с Кенигсмарк и Козель, где вывел их под вымышленными именами. Ведь Солана и Доживритта «римского Октавио» и есть эти самые известные возлюбленные силача Августа.

Лизелотта фон дер Пфальц слышала еще в Париже, что гофмейстер Августа Хакстаузен как-то жаловался, что с таким, как у принца, характером ему едва ли удастся ужиться при дворе. А что у принца был вздорный характер, что он был сумасбродом и лицемером, представить себе очень легко. Таким же было мнение о нем обоих Гогенцоллеров, Фридриха-Вильгельма I и Фридриха II. Однажды в своем письме другу в Дессау старый король-солдат писал, преисполненный гнева: «Я обнаружил, что он такой же болтун, как я сам… Пусть не думает, что если ему удалось провести меня один раз, то это ему удастся снова…»

А Фридрих II называл его самым лживым властителем Европы, бесчестным и безнравственным, коварным, думающим только о своих интересах за счет других.

И жены Гогенцоллеров тоже были об Августе невысокого мнения. Софья-Шарлотта, первая прусская королева, говорила, что Август идет на все, чтобы посредством несправедливой и позорной войны (со Швецией) ввергнуть свою страну в пучину разрухи, и что он всегда выдумывал что-нибудь необыкновенное, как будто хотел найти философский камень…

Любимая сестра Фридриха Великого Вильгельмина фон Байрейт очень отмечала его общительный характер, дружелюбие, однако осуждала его за чрезмерную склонность к роскоши, к развлечениям, к пирушкам, к неразборчивым любовным связям. По ее словам, у Августа было 354 ребенка: его двор, в то время самый блестящий в Европе, мог быть по праву назван островом Гетеры. «У короля было что-то вроде гарема из красивейших женщин его государства. При дрезденском дворе царила атмосфера всеобщего разврата, и Вакх и Венера были основными богами, которым здесь поклонялись», – писала она.

Фаворит короля Флемминг, который в течение тридцати лет был его главным военным и политическим советником, отмечал его внешний вид, располагающие манеры, его цельную натуру. Пробелы в образовании Август стремился восполнить постоянными занятиями, и с годами его знания стали энциклопедическими. Несмотря на его доброту и щедрость говорили, что он корыстолюбив. Однако деньги ему нужны были только для того, чтобы проявить свою щедрость и удовлетворить свои страсти. А когда деньги доставались ему незаконно, он всегда старался свалить вину на других.

Тяга к удовольствиям и тщеславие были основными чертами его характера, однако удовольствия всегда стояли на первом

месте и очень часто пересиливали тщеславие. Тщеславие и желание добиться внимания и восхищения всего света часто заставляли его заниматься всякими пустяками, из-за чего ему приходилось бросать действительно первостепенные и имеющие важные последствия дела.

Тот, кто хотел понравиться ему и показаться полезным, легко добивался этого и мог надеяться, что надолго останется у него в милости. Однако он никогда не вмешивался в ссоры своих придворных и предоставлял им возможность выпутываться самим. Флеминг писал, что подобная манера поведения часто приводила в ярость его куртизанок и даже самих министров. Однажды он воздержался при принятии важного решения и вернулся к нему только тогда, когда у него сложилось совершенно другое мнение. Ему можно было говорить правду, но только с глазу на глаз и без малейшей фамильярности. Он очень ревниво относился к своему авторитету и к своей популярности, во время вечеринок не позволял себе ничего лишнего, в то же время от него самого не ускользало ничего. Он нелегко забывал обиды, но прощал их. Он хорошо знал своих придворных и так разговаривал с ними, что каждый считал, что знает мнение обо всех остальных, однако не знал, что он думает о нем самом. Те, кто обращался к нему с подчеркнутым почтением к его сану, ни в чем не знали отказа. Август никогда не делал ничего со злым намерением, но его можно было легко перетянуть на свою сторону. Он был лукавым насмешником, и часто людям крепко доставалось от него, он настраивал друг против друга министров и слуг, и каждый считал, что только он его любимец. Всегда был любезным и коммуникабельным, и его отношение к дамам было безупречным. Сначала он не допускал двусмысленностей в их присутствии, однако с годами стал более снисходительным. Он хотел стать вторым Алкивиадом и одинаково проявить себя в балах и любовных похождениях, всегда при этом хотел все сам расписать до мельчайших подробностей, однако только создавал себе и другим лишние хлопоты. Пока он не создал Совет министров, в его делах царил хаос и его посланники при иностранных дворах часто работали друг против друга, запутавшись в его противоречивых инструкциях. Он считал себя очень хитрым, но это было совершенно не так, иначе дела у него шли бы значительно лучше.

Среди развлечений первое место у него занимали любовные интриги. Как своих фаворитов, он баловал и своих куртизанок, и те и другие чаще всего пользовались его слабостями, моментально наглели, начинали ему перечить и в конце концов быстро надоедали. По его собственному признанию, он не

относился к рьяным искателям приключений и находил не слишком много удовольствия в любви, однако хотел, чтобы другие принимали его за ловеласа. Его любовные похождения в большинстве случаев легко начинались и так же легко заканчивались, и, чтобы придать им романтический оттенок, он сам себе придумывал многочисленные сложности и окружал свои похождения, особенно в начале, ореолом таинственности. Август изображал ревность, но на самом деле это было ему не свойственно. Обычно он имел дело с женщинами, которые побывали в объятиях у многих, и не брезговал даже обычными потаскухами. Его любовницы думали, что он любит их так, как он им об этом говорил, однако они были ему нужны только для удовлетворения его сладострастия, и, пока эта страсть владела им, он был готов на все, чтобы не испортить себе удовольствия. Терпеливо перенося прихоти своих любовниц, что они принимали за излияния его любви (и что он тотчас замечал), он легко оставлял их, как только их наглость начинала превосходить определенные пределы, что было вполне благоразумно.

Точно так же обстояло дело с его министрами. Когда они считали излишним следовать его указаниям и начинали действовать по своему усмотрению, он переставал доверять им, и они теряли его милость. Тех же, которые действовали в соответствии с его взглядами, он поощрял и продвигал.

Вот так в высшей степени противоречиво изображают Августа его фавориты. Он всегда хотел быть великим завоевателем и главнокомандующим и в своих мемуарах писал, что в юности называл себя Атлантом. Он был «храбрым, как его шпага», и в то время как его отца называли саксонским Марсом, его называли саксонским Гераклом и Самсоном, а турки окрестили его «Железной рукой», точно так же, как они называли его врага и двоюродного брата Карла XII Шведского «Железной головой».

В июне 1695 года, когда Август находился в Вене, откуда он собирался отправиться на войну с турками, английский посланник в Дрездене Степни писал своему венскому коллеге Лексингтону, что Август занят только пьянством и балами: «Я очень хотел бы, чтобы он прекратил эту праздную жизнь и вернулся к своим делам, если он хочет быть принятым подобающим образом у императора. Однако я начинаю думать, что он возьмет с собой в лагерь биллиардный стол и бальный зал». Август хотел поле боя и войну тоже превратить в развлечение и предполагал, что знаменитый Мюльбергский лагерь не что иное, как место проведения военного праздника…

Среди фавориток короля следует в первую очередь назвать Кенигсмарк, Эстерле, Тешен и, конечно же, Козель, которая

восемь лет была рядом с Августом. Но и ее судьба не пощадила, любвеобильный Август увлекся актрисой Денхоф.

…Двадцатишестилетняя графиня Аврора фон Кенигсмарк обратилась в Дрездене к молодому курфюрсту с просьбой помочь ей в поисках пропавшего брата Филиппа-Кристофа. Эта женщина получила прекрасное воспитание и блистала остроумием. Она любила путешествовать и, судя по всему, не торопилась связать себя узами брака. Август влюбился в просительницу и стал добиваться ее расположения. Он был на два года моложе Авроры.

Сначала графиня отклонила притязания Августа, чем воспламенила его еще больше. В конце концов молодая женщина уступила его настойчивым ухаживаниям, после чего он стал одаривать ее дорогими подарками и пригласил в свой охотничий замок Морицбург.

Когда она приехала туда в окружении красивейших придворных дам, одетых как амазонки, то увидела, к своему удивлению, что недалеко от находившегося рядом леса появился дворец, которого еще недавно здесь не было.

За обедом они наслаждались изысканными яствами, затем приняли участие в охоте на оленя, прогулке на лодках с музыкой. Вечером в театральном зале они смотрели спектакль «Психея и ее развлечения». На ужине Аврора обнаружила на своей тарелке букет из бриллиантов, рубинов, смарагдов и жемчуга, а затем она с Августом открыла бал. В разгар веселья влюбленные неожиданно исчезли. Галантный курфюрст провел ее в спальню с великолепным ложем: «Здесь вы настоящая королева, и каким великим повелителем я бы ни был, я буду всего лишь вашим рабом».

День за днем один праздник сменял другой, и, даже когда у Августа были неотложные дела в Дрездене, он все равно каждый раз возвращался назад. Он даже ни разу не посетил свою супругу и мать.

В Дрездене, где Аврора в качестве официальной куртизанки заняла роскошный дом, праздники продолжались всю зиму. Курфюрст каждый вечер ужинал у своей возлюбленной, а также устраивал банкеты.

В январе 1695 года Август пригласил на грандиозный карнавал гостей со всей Германии. В мае он отправился в Карлсбад. Английский посланник в Дрездене Лексингтон писал своему венскому коллеге: «Он берет с собой свою привычную куртизанку фроляйн Кленгель, свою новую – Кенигсмарк, а там его уже ждет третья – фроляйн Альтайм (или Альтан)».

Фроляйн Кленгель, как назвал ее посланник, на самом деле фроляйн Кессель, позже вышла замуж за одного из фон Хаугвицев

– таким способом Август обычно старался отблагодарить своих прежних куртизанок, выдавая их замуж за услужливых придворных. Словом, не одна Аврора пользовалась успехом у имевшего богатый выбор любвеобильного курфюрста, однако она вела себя с присущим ей тактом.

В Вене Август увлекся прелестной фроляйн Ламберг. В Варшаву он взял с собой трех куртизанок – Аврору, Ламберг и Шпигель, красивую и знатную черкешенку, доставшуюся Августу в качестве добычи. Аврора взяла ее себе в служанки, и она повсюду сопровождала графиню, а потом была выдана замуж за камердинера Августа, который получил дворянство и чин подполковника.

Всех трех поселили в Варшавском замке. Аврора думала, что только она – фаворитка, однако Август не обделял вниманием также Ламберг и Шпигель. После возвращения Авроры в Дрезден ее роль официальной фаворитки курфюрста уже закончилась. В том же 1696 году, когда родился законный сын Августа, Аврора родила сына, названного в память о прекрасных днях, проведенных в Морицбурге, Морицем. Впоследствии он стал прославленным маршалом Франции.

После рождения сына Аврора в ноябре 1696 года подучила от Августа богатые подарки: драгоценности, ткани, зеркала, другую «галантерею» и 50000 талеров к новогодней мессе. Позднее она также щедро поощрялась…

По свидетельству леди Монтегю, когда Август первый раз пришел к госпоже фон Гойм, в одной руке у него была подкова, которую он при ней сломал, а в другой – мешок с сотней тысяч талеров. Таким образом он силой и деньгами домогался милости женщины, которая из всех его куртизанок занимает особое место.

Анна-Констанция фон Брокдорф происходила из старинного дворянского рода. Ее отец был датским кавалерийским полковником, мать – богатой голландкой. В двадцать два года она вышла замуж за дворянина Адольфа фон Гойма. Очень скоро выяснилось, что 34-летний муж вызывал отвращение у молодой жены, и она отказалась от совместного с ним проживания. Красавица Анна-Констанция была умна, решительна, но вместе с тем вспыльчива и очень ревнива.

Она не сразу ответила на домогательства повелителя, к чему он явно не привык. Адольф фон Гойм утверждал, что в 1705 году король на встрече с ним сказал, что отныне его жизнь и смерть зависят от обладания его бывшей женой, и говорил он это так, словно был околдован ею.

Август сблизился с баронессой в конце ее бракоразводного процесса – в июне 1705 года она стала получать дорогие подарки

от курфюрста (вино, мебель, дома, турецкие ковры, деньги). После развода Анна-Констанция потребовала, чтобы он порвал со своей прежней любовницей княгиней фон Тешен, полного содержания в 15000 талеров и письменное обещание, что после смерти королевы она займет ее место, а родившиеся у нее дети буду признаны законными детьми Августа. Монарх не в силах противостоять своей страсти принимал все условия.

В феврале 1706 года фаворитка короля стала графиней фон Козель, теперь к ней следовало обращаться «ваша светлость». Для нее был выстроен дворец. По мнению современников, она стоила любовнику столько же, сколько целая армия.

Фаворитка постоянно сопровождала Августа. Смелая и искусная наездница, хороший стрелок, она, единственная из женщин, пускалась с ним в его путешествия и участвовала в охотничьих забавах.

Тем не менее у монарха было множество любовниц, и он вынужден был придумывать тысячи уверток, чтобы отделаться от назойливого наблюдения фаворитки. Впрочем, Анна-Констанция спала с ним каждую ночь и была так искусна в любви, что в ее объятиях Август забывал о своих других увлечениях.

Однако курфюрсту хотелось разнообразия. Он удостоил своим вниманием танцовщицу Дюпарк из Брюсселя. К тому времени графиня фон Козель уже родила ему девочку. В октябре 1709 года она подарила Августу вторую дочь. Обе были признаны «законными королевскими дочерьми и высокородными графинями».

В течение восьми лет Козель была любовницей чрезвычайно изменчивого Августа, что само по себе являлось доказательством ее необычайной энергии и ума. Фаворитка вела безмятежную жизнь, ибо не сомневалась в своем влиянии на монарха. Однако через девять месяцев после рождения третьего ребенка, на этот раз сына, господство Анны пошатнулось. У фаворитки было много могущественных противников. Когда король находился в Варшаве, ему посоветовали наряду с саксонскими взять себе любовницу-польку, и тотчас представили гостю графиню Марию-Магдалину фон Денхоф. Козель же на этот раз изменила свои плана и не последовала за Августом, что стало ее роковой ошибкой. Перед возвращением в Дрезден курфюрст заявил, что больше не желает видеть Козель.

В отчаянии Анна покинула Дрезден, прихватив с собой все документы, касающиеся их отношений с Августом. Не без труда ему удалось завладеть жалованной грамотой с указаниями пожизненных привилегий графини, а также другими документами интимного характера. После чего экс-фаворитка

была приговорена к пожизненному заключению как жертва мести и страха короля, ибо силач Август побаивался графини. Он обещал ей жениться и гарантировал неприкосновенность ее имущества, однако обманул ее и бросил, как это было с его бывшими и будущими любовницами. Он не делал различия между ней и теми же Кессель, Шпигель, Дюваль. Правда, все другие любовницы знали, что рано или поздно король распрощается с ними. Графиня фон Козель наивно считала, что она его законная супруга и будет таковой всегда. Однако для Августа не существовало постоянства, и он не нашел для самой выдающейся из его любовниц другого места, после того как порвал с ней, кроме мрачных стен горного замка, куда она была заключена. Необъятная жажда мести, переполнявшая его всякий раз, когда его пути и желания встречали какое-либо сопротивление, как никогда сильно проявилась на этот раз.

Король Август Сильный умер в Варшаве 1 февраля 1733 года, так и не освободив Анну…

ФРАНЦИСК I (1494—1547)

Французский король (с 1515), из династии Валуа. Его политика была направлена на превращение Франции в абсолютную монархию. В Итальянских войнах (1494—1559) одержал победу при Мариньяно (1515); пленен при Павии (1525); вернувшись из плена, возобновил военные действия (1527).

«Королевский двор без красивой женщины все равно что год без весны и весна без роз». Эта сентенция вполне объясняет существование во дворце подобия гарема, состоявшего из нескольких хорошеньких девиц, которых Франциск I называл «мои маленькие разбойницы». Эти грациозные создания, кстати, влияли и на поведение политиков того времени, и влияние это, к сожалению, было крайне неблагоприятным.

Разумеется, большая часть «маленьких разбойниц» ублажала прежде всего короля. Каждый вечер две-три особы, а иногда и больше, приглашались в королевские покои, где юный паж раздевал их. Им предстояло провести нелегкую, бессонную ночь, потому что Франциск I не терпел бездействия. Случалось, и нередко, что каждой своей гостье король оказывал в течение ночи многократную честь, так велика была его способность быстро восстанавливать силы.

Ни одна дама не могла ему отказать. Стоило только ему появиться со сверкающим взором, раздувающимися от возбуждения ноздрями и горделивой осанкой, как самые добродетельные начинали млеть от восторга.

Однако если король Франции не знал поражений в любви, то встречать при дворе ревнивых мужей ему случалось. Вот что рассказывал его современник Брантом: «Мне приходилось слышать, что как-то король Франциск захотел переспать с одной из придворных дам, в которую был влюблен. Явившись к ней, он наткнулся на ее мужа, который со шпагой в руке ждал, чтобы убить короля. Не растерявшись, король приставил к груди противника острие собственной шпаги и повелел ему поклясться жизнью, что никогда не причинит жене никакого зла и что если тот все же позволит себе хоть какую-то малость, то он, король, убьет его и прикажет отрубить голову; а на эту ночь послал его прочь и занял его место. И дама эта была счастлива, что нашла такого храброго защитника своего самого главного богатства, тем более что с этих пор никто, начиная с мужа, не смел ей слова

сказать, и она делала все, что захочет!»

Но, несмотря на всю эту миленькую компанию, король никогда не забывал королеву Клод (ей тогда было шестнадцать), потому что она в это время его стараниями была беременна.

В 1515 году король-рыцарь одержал громкую победу в битве при Мариньяно, после чего мечтал лишь об одном – развлечься. И тут кто-то из придворных рассказал ему о мадам де Шатобриан. Франсуазе исполнилось двадцать, грудь ее восхитительным образом округлилась, привлекая внимание ценителей, а неподражаемая походка возбуждала в каждом, кто за ней наблюдал, целый вихрь мыслей, из которых даже самые терпимые могли бы вогнать в краску любого ландскнехта.

Однако события разворачивались не так быстро и просто, как хотелось Франциску I, потому что Жан де Лаваль, сеньор де Шатобриан был ревнив, а его жена Франсуаза очень хитра.

Как человек дальновидный, король начал с того, что решил задобрить мужа. Прежде всего он назначил его командиром особого королевского отряда, и этот подарок подействовал наилучшим образом. Когда король обратился к нему со словами: «Следите внимательно за своими людьми, с этого момента вы отвечаете за их поведение», он понял, что в обмен на эту милость ему неплохо было бы закрыть глаза на поведение жены. И де Лаваль принял отряд, командование которым ему было поручено.

Теперь королю предстояло приручить братьев мадам де Шатобриан, трех довольно неотесанных пиренейцев, мало расположенных смириться с бесчестьем сестры. Сначала король «нейтрализовал» старшего, месье де Лотрека, сделав его губернатором Милана, что привело сестру в восторг. Вечером, после обеда, она пришла поблагодарить короля. В один миг обращенный на Франциска I взор синих глаз смягчился, затем неожиданно, опустившись перед королем в почтительном реверансе, она попросила разрешения удалиться и покинула покои короля вместе с королевой Клод, чьей фрейлиной она недавно стала.

На следующий день монарх послал Франсуазе в подарок великолепную вышивку. В ответ она написала ему самое притворное, самое лукавое письмо, какое только можно вообразить.

Получив письмо, смысл которого так очевиден для любого мужчины его склада, прекрасно разбирающегося в женских хитростях, король понял: Франсуаза согласна стать его любовницей. Это привело его в такой восторг, что он начал дипломатические переговоры, которые намеревался осуществить лично с послами папы, короля Испании и Генриха VIII

Английского.

Однако было бы неплохо, чтобы и переговоры с Франсуазой не затягивались надолго. Франциск I, когда у него появлялось желание, предпочитал немедленно удовлетворять его. Королю нельзя было отказать в воображении. Желая отослать месье де Шатобриана в его имение, но так, чтобы он ничего не заподозрил, король решил обложить Бретань новыми налогами и попросил Жана де Лаваля взять на себя эту дополнительную обязанность в отношении бретонцев. Это позволило одним выстрелом убить двух зайцев: удалить нежелательного свидетеля и одновременно пополнить королевскую казну, которая регулярно опустошалась бесконечными праздниками и похождениями монарха.

Жан де Лаваль отбыл из Блуа и после трех месяцев изнурительных препирательств выполнил королевский приказ.

В отсутствие мужа Франсуаза, добившаяся важных постов для него и братьев, подумала наконец и о себе и повела себя очень обходительно с королем.

Франциск посылал ей стихи, которые сочинял ночью в тиши своей спальни. Она отвечала ему тоже в стихах, отличавшихся не меньшим изяществом.

«В те времена, – рассказывал Соваль, – не иметь любовницы значило уклоняться от своих обязанностей. Король желал знать имя любовницы каждого из придворных, ходатайствовал за мужчин, еще чаще давал рекомендации дамам и делал все, чтобы парочки встречались. Но и это еще не все. Если он наталкивался где-нибудь на такую парочку, он желал знать, о чем они между собой говорят, и когда эти разговоры казались ему недостаточно учтивыми, начинал учить их обходительной беседе».

Франциск I не терпел насилия над женщиной. Педантичный во всем, что касалось галантного поведения, он запрещал изнасилование, полагая, что высшим удовольствием в любви является момент, когда удается заставить женщину «забыть стыд».

Сам он всегда соблюдал этот принцип, и именно поэтому его ухаживания за мадам де Шатобриан длились так долго. Далекий от мысли побыстрее затащить Франсуазу к себе в постель, он готов был предпринять все что угодно, лишь бы она уступила ему по собственной воле.

11 января 1519 года неожиданно скончался Максимилиан Австрийский, оставив вакантным императорский трон. Франциск I тут же выставил свою кандидатуру против Генриха VIII (который, впрочем, вскоре отказался от этого намерения) и нового короля Испании Карла.

В течение многих недель он грезил о короне, которая

позволила бы ему восстановить империю Карла Великого, стать властелином Европы, повелителем мира и, конечно же, покорить прекрасную мадам де Шатобриан. Разве смогла бы она тогда отказать самому красивому, самому могущественному и самому молодому суверену на земле?

Увы, на этот трон под именем Карла V был избран испанский король, и Франциску I пришлось пережить крушение своей мечты.

Де Шатобриан знала об этих надеждах короля, и когда ей стали известны результаты выборов, она явилась к нему, полная сочувствия и нежности, и прижалась к своему «дорогому, горячо любимому государю», почувствовав, как ему тяжело. Через два часа после этого в одной из комнат Амбуазского замка Франциск I, не став императором, по крайней мере стал счастливейшим из мужчин…

Очень быстро о победе короля стало известно всему Фонтенбло, где тогда пребывал французский двор. Придворные отчаянно завидовали королю, а «маленькие разбойницы» просто ненавидели женщину, которая оттеснила их на задний план и собиралась получить титул официальной фаворитки, о чем каждая из них втайне мечтала.

А что же королева? Кроткая королева Клод сразу поняла, что теперь у нее появилась настоящая соперница. Но она не выказывала никакого недовольства, не пыталась затеять скандал, оставаясь такой же любезной и любящей. Такое поведение очень нравилось королю, который просто не выносил никаких семейных сцен, превращавших адюльтер в пытку.

Благодарный Франциск I решил, что ничто не доставит доброй женщине большего удовольствия, чем ребенок. И тогда он явился к ней в спальню и с чувством долга выполнил все необходимое, чтобы этот ребенок у нее появился.

Через девять месяцев Клод произвела на свет принцессу Мадлен. Получив титул официальной любовницы, де Шатобриан стала сопровождать Франциска I повсюду, куда бы он ни отправлялся. Ее видели во всех городах Франции, где, следуя королевской фантазии, останавливался похожий на табор двор.

В 1520 году, мечтая создать против империи Карла V прочный англо-французский блок, Франциск I объявил, что собирается устроить торжественную встречу с английским королем Генрихом VIII в провинции Артуа. И тут весь двор стал спорить, возьмет ли король на эту официальную встречу свою фаворитку.

Одни считали, что в данном случае король Франции не может допустить, чтобы его сопровождала наложница. Другие напоминали, что король Генрих VIII известен как большой

любитель женщин и что присутствие фаворитки вряд ли его шокирует. Некоторые считали, что англичанин будет даже польщен тем, что его принимают как близкого друга, от которого не скрывают своих причуд.

Вероятно, именно этого мнения придерживался и Франциск I, потому что однажды июньским утром он отправился из Парижа в Артуа в сопровождении королевы и Франсуазы, счастливой и довольной всем происходящим.

И вот наступил момент первой встречи двух королей. Франциск I, в белом одеянии с золотым поясом, в золоченой обуви, в маленькой шапочке с развевающимся султанчиком, приветствовал Генриха, одетого в пурпурный камзол и увешанного драгоценностями с головы до ног.

Один шатер, возвышавшийся над всеми остальными, специально предназначался для обмена церемониальными приветствиями обоих королей. Его внутреннее убранство состояло из ковров, роскошных тканей и драгоценных камней.

Франциск, Генрих, королева Клод, Луиза Савойская и мадам де Шатобриан вошли в него в сопровождении двух британских и двух французских сеньоров. Затем Генрих поприветствовал дам, окружавших Франциска и, судя по всему, был рад наконец увидеть его фаворитку, о которой ему столько рассказывали в Лондоне.

Франциск заметил, как вспыхнул взор англичанина, и был счастлив, что смог поразить своего соперника не только несравненными богатствами, но и восхитительной любовницей.

24 июня 1520 года, после семнадцати дней этой удивительной жизни, суверены простились друг с другом.

6 января 1521 года, в праздник Крещения, Франциск I обедал у матери в Ромоантене, когда ему сообщили, что графу Сен-Полю, у которого в доме собрались гости, достался кусок крещенского пирога с запеченным в него бобом, и, как говорят в таких случаях, граф стал «бобовым королем». Король сделал вид, что возмущен: «О, у меня еще один коронованный соперник! Пойдем, скинем его с трона».

Франциск вместе с гостями отправился к дому «бобового короля», у которого принялся лепить снежки и швырять их в окна Сен-Поля. В ответ на это молодой граф и его гости забросали врагов яблоками, грушами и яйцами. Внезапно темноту ночи разорвала вспышка огня, и Франциск I с криком рухнул на снег. Один из гостей Сен-Поля бросил выхваченное из камина горящее полено и попал в голову короля Франции.

Доставленный в дом к матери, Франциск в течение нескольких дней был «на грани смерти, и слух о его кончине уже

начал ползти по Европе». И все-таки он выжил.

Это странное происшествие, однако, положило начало новой моде, сделавшейся впоследствии типичной для XVI века: мужчины стали очень коротко стричься и носить бороду. Дело в том, что по настоянию врачей Франциску пришлось срезать свои длинные кудри и к тому же «отпустить бороду, чтобы скрыть обезобразившие лицо многочисленные следы ожогов».

В 1525 году в сражении при Павии Франциск I был пленен генералиссимусом Карлом Бурбонским. Вскоре король Франции был доставлен в Испанию, где Карл V решил держать его в заточении.

И сразу же испанки, хорошо знавшие репутацию французского короля, оказались поражены вирусом любовной горячки. Когда король прибыл в Валенсию, невозможно было поверить в то, что он пленник. По тому, какими восторженными криками встретило его женское население, он выглядел победителем. В его честь устраивались даже спектакли, в которых танцовщицы на всякий случай появлялись без малейших намеков на стыдливость.

Но король Франции сумел вызвать и возвышенные чувства. Дочь герцога Инфантадо, прекрасная Химена, воспылала к знаменитому пленнику любовью столь страстной, что, когда в 1526 году он женился во второй раз, она покинула свет и ушла в монастырь.

Восторженный прием, оказанный пленнику, вызвал раздражение у Карла V, и он приказал заключить Франциска I в одну из башен Мадрида.

Жизнь короля Франции резко ухудшилась, но популярность его в Испании только возросла. А его тюремное заключение стало даже началом одной любви, которая и принесла ему свободу.

Элеоноре Австрийской, родной сестре Карла V, было двадцать шесть лет. Вдова португальского короля, она была обещана братом коннетаблю де Бурсону, но решительно воспротивилась этому.

«Никогда в жизни, – заявила она, – я не выйду замуж за предателя, который стал причиной несчастья короля Франциска».

Элеонора, страдавшая оттого, что предмет ее страсти находится в заточении, решила написать Луизе Савойской: «Ах, мадам, если бы только в моей власти было освободить короля…»

Эта фраза натолкнула регентшу на довольно оригинальный план заключения мира: Франциск уступит Карлу V Бургундию и тем самым удовлетворит самолюбие императора; а Элеонора получит эту провинцию в качестве приданого и возвратит ее королю Франции, выйдя за него замуж. Франциск I был уже год

как вдовцом (добрая королева Клод умерла в возрасте двадцати пяти лет).

Сестра Франциска I, Маргарита Ангулемская, отправилась в Испанию, чтобы предложить условия мира Карлу V, который, разумеется, с порога их отверг.

Ожидая, что естественный ход событий изменит его судьбу, Франциск I проводил свои дни в сочинении поэм. Он писал грустные стихи фаворитке де Шатобриан, которая в ответ слала странные письма.

Маргарита не обманулась в своих надеждах на Элеонору. Жажда выйти замуж за Франциска была столь велика, что в конце концов Элеоноре удалось убедить императора смягчить условия мира и одобрить брак, предложенный Луизой Савойской.

15 марта 1526 года, спустя год и двадцать два дня после битвы при Павии, Франциск I возвратился во Францию, подписав Мадридский договор, по которому он терял часть своего королевства (Бургундию, Фландрию и Артуа), но получал взамен очаровательную невесту.

В полдень он въехал в город, в котором уже вовсю веселился народ. Луиза Савойская, желая порадовать сына, собрала вокруг себя целый рой красавиц, демонстрирующих свои прелести в надежде привлечь внимание короля.

Расцеловавшись с матерью, Франциск I окинул всех дам взглядом знатока. Неожиданно во взоре его зажглось любопытство. В толпе девиц он узнал юную блондинку, которую заприметил до ухода на войну. Ее звали Анна, и она была дочерью Гийома де Писле, сеньора де Эйи, командира пехотной части, стоящей в Пикардии.

Хитрая мадам Ангулемская сделала очень удачный выбор. Так что мадемуазель де Эйи совершенно не случайно прибыла в Байонну на встречу молодого монарха. Луиза Савойская, ненавидевшая мадам де Шатобриан, надеялась, что эта молодая особа с явной склонностью к интригам, сумеет вытеснить фаворитку из сердца короля. И потому, когда Франциск подошел к Анне и взял ее за руку, нашептывая милые фривольности, секрет которых был ему так хорошо известен, регентша поняла, что свою первую ночь во Франции ее сын проведет не один и что влияние фаворитки очень скоро пойдет на убыль.

И между двумя фаворитками началась борьба не на жизнь, а на смерть. Дуэль растянулась на месяцы, и король, обожавший Анну де Писле, но все еще любивший Франсуазу, был этим крайне утомлен. Вынужденный без конца утешать одну и успокаивать другую, король больше уже не находил времени для государственных дел, отчего приходил в отчаяние.

В 1528 году, сраженная высокомерием Анны де Писле и непостоянством короля, Франсуаза де Шатобриан вернулась в имение мужа, встретившего ее очень тепло.

Анна де Писле торжествовала: хоть ей и не удалось полностью выжить де Шатобриан, с которой король переписывался, однако она заняла пост официальной фаворитки и сохраняла его в течение шестнадцати лет.

Летом 1530 года Франциск I женился на Элеоноре Австрийской, так много сделавшей для него. 5 марта 1531 года Элеонора была коронована в Сен-Дени. Через десять дней после этого она совершила торжественный въезд в «свой добрый город Париж».

А в конце лета скончалась Луиза Савойская, регентша, державшая в своих руках все бразды правления королевством и пугавшая Европу непредсказуемостью принимаемых решений. Теперь Франциску I предстояло самому править страной. Разумеется, Анна де Писле надеялась, что теперь, используя свое влияние на короля, она будет играть политическую роль.

Вскоре король назначил Жана де Лаваля, сеньора де Шатобриана, губернатором Бретани, а в начале 1532 года, оставив Анну де Писле в Фонтенбло и королеву Элеонору в Блуа, король покинул свой замок в сопровождении пятнадцати тысяч человек, которые обычно следовали за ним во всех его поездках, и направился в Шатобриан, чтобы стать гостем Жана де Лаваля, этого редкостного по своей снисходительности мужа.

При виде короля радость Франсуазы не имела границ. На протяжении шести недель в Шатобриане устраивались великолепные праздники в честь августейшего гостя.

Ранним утром 11 июня жители Шатобриана столпились у своих окон, чтобы поглазеть, как Франциск I и его пятнадцатитысячная свита с невероятным шумом покидает город.

Вернувшись в Амбуаз, Франциск I задумался над тем, в каком затруднительном положении он находится, связав себя с тремя женщинами: с Элеонорой из чувства признательности, с Франсуазой по глубокой привычке и с Анной по любви.

По заведенной традиции Франциск I к Рождеству делал подарки друзьям, любовницам и королеве. Он заказал по новому платью своим «маленьким разбойницам», составил реестр дарений (сеньории, земли, замки) наиболее приближенным друзьям и приказал итальянскому художнику сделать эскизы новых украшений для Элеоноры.

Король долго думал, чем бы порадовать Анну де Писле, чьи мыслимые и немыслимые желания он давно уже выполнил. В конце концов решил подарить своей любовнице… мужа. Таким

необычным способом он хотел «возвысить» ее, и, кроме того, даровать титул, чтобы она была почитаема при дворе.

Для этой цели он избрал Жана де Бросса, человека хотя и неприметного, но знатного происхождения, а главное, не очень ревнивого. Этот дворянин был сыном герцога де Пентьевра, который, некогда являясь сторонником герцога Бурбонского, умер, лишенный всего своего имущества. Так что Жан имел свои резоны доставить удовольствие королю.

На придворных этот брак произвел сильнейшее впечатление. Фаворитку встретили с большим почтением, а Клеман Маро даже сочинил стихотворение, в котором в несколько жеманной форме обыгрывал новый титул дамы – герцогиня д'Этамп – и название знаменитой древней долины Тампе в Фессалии, прославленной Вергилием.

Франциск I, желая соблюсти приличия, подарил герцогине д'Этамп особняк на улице Ирондель, но тут же приказал построить рядом другой «с потайными дверями, через которые можно было незаметно проникать из одного дома в другой».

Второй особняк был украшен девизами и галантной символикой, говорившими о любви короля к своей фаворитке. Один из символов изображал пылающее огнем сердце, помещенное между альфой и омегой, что, по-видимому, должно было означать, что «для этого вечно пылающего сердца любовь является и началом, и концом».

Все Писле были обеспечены важными должностями, по преимуществу церковными, поскольку любовница короля «была дамой набожной»…

В октябре 1537 года умерла мадам де Шатобриан. Экс-фаворитка скончалась в возрасте сорока трех лет, сохранив до последнего дня свою ослепительную красоту. Король был сражен. Вскочив на коня, он, не переводя дыхания, примчался в Шатобриан, чтобы склонить голову над свежей могилой своей некогда обожаемой «крошки».

Между тем король все заметнее подчеркивал свое расположение к фаворитке герцогине д'Этамп и дошел до того, что стал публично интересоваться ее мнением о государственных делах. И вскоре она уже присутствовала на Королевском совете. Пользующаяся абсолютным доверием преждевременно ослабевшего из-за неумеренного сластолюбия монарха, очаровательная герцогиня всерьез поверила, что она любовница Франции. Все вокруг боялись ее и унижались перед ней.

Ее вполне официально принимали верховные иерархи церкви, а на одном вечернем приеме ее видели пьющей одновременно с кардиналом Феррарским и королем из кувшина с

тремя отверстиями… К ней обращались, когда надо было добиться самых высоких постов в армии, в магистратуре или в управлении финансами.

Франциск I слепо следовал всем ее советам. Мучимый эротоманией, превращавшейся в навязчивую идею, он даже не подозревал обо всех этих кознях. Да его, собственно, мало что интересовало, кроме собственных извращенных удовольствий. Как-то раз он отправился в Сен-Жерменский лес в компании самых хорошеньких придворных кокеток, чтобы показать им совокупление оленей, во время которого он с удовольствием называл вслух, без всякой, правда, в том необходимости, каждый эпизод «брачной ночи» этих достойных животных.

В другой раз, находясь в компании таких же, как он, прожигателей жизни, он приказал, чтобы на устроенном им обеде несколько дам из высшей знати присутствовали совершенно обнаженными.

Чрезмерное увлечение женщинами сильно сказалось на физическом состоянии Франциска I, отчего в свои пятьдесят два года он выглядел настоящим стариком.

Разумеется, не было в нем уже той бурной энергии, которая когда-то позволяла ему по восемь–десять раз кряду доказывать даме сердца свое особое расположение. Теперь он утешался тем, что слушал или сам рассказывал более чем фривольные истории, из-за чего присутствующие начинали чувствовать себя словно они не во дворце, а в казарме.

В 1546 году Франциск I впервые в своей жизни почувствовал настоятельную потребность в уединении. Вечно деятельная и взвинченная графиня д'Этамп его утомляла, и время от времени король отправлялся на несколько дней в Шамбор, «где две сотни человек могли жить, ни разу не встретившись друг с другом, если к тому не было желания». Шамборский замок был построен по планам короля в густом лесу, в том самом месте, где он, как некоторые утверждают, еще семнадцатилетним юнцом стал любовником одной юной особы из Блуа.

Шамбор, эта усыпальница юношеской любви, был замком роскошным, но мрачным. Именно тут он сочинил полные горькой печали стихи («Подруги юных лет, куда исчезли вы…»). И здесь же запечатлел на стене, то ли с помощью головешки, то ли куска упавшей с потолка штукатурки, три слова: «Любая женщина непостоянна».

31 марта 1547 года король умер.

Позже появилась легенда, по которой Франциск I стал жертвой гнусного измышления. Некто Луи Гюйон, врач из Юзерша, написал: «Великий король Франциск I домогался жены

одного парижского адвоката, женщины очень красивой и любезной, имя которой не хочу называть, потому что у нее остались дети. Придворные и разные сводники уверяли короля, что он может заполучить ее, используя свою королевскую власть. Долго противившийся муж, наконец, позволил жене подчиниться воле короля, а чтобы не мешать своим присутствием, сделал вид, что дней на восемь–десять уезжает по своим делам, хотя тайно остался в Париже и стал усердно посещать бордели. Там он намеревался подцепить дурную болезнь, передать ее жене, которая затем наградит ею короля. Очень быстро он нашел, что искал, и передал это жене, а та – королю. Король же одарил болезнью всех женщин, с которыми развлекался, и никогда от нее не избавился. Всю оставшуюся жизнь король был недужным, несчастным, угрюмым и нелюдимым».

Дама, имя которой Гюйон не хотел назвать, была женой адвоката Жана Ферона, и все звали ее Прекрасной Фероньеркой. Она была изящна, соблазнительна, элегантна. У нее были длинные черные волосы, выразительные синие глаза, красивые ноги.

Заразила ли она короля Франции?

Нет. Неаполитанскую болезнь Франциск I подцепил очень давно. Луиза Савойская, как внимательная мать, сделала в своем дневнике запись, датированную 7 сентября 1512 года: «Мой сын побывал в Амбуазе по пути в Гюйень… а за три дня до этого у него обнаружилась болезнь в интимной части тела…»

Французский король скончался, преждевременно состарившись и лишившись сил из-за чрезмерного увлечения женщинами, однако смерть его наступила не от «любовной болезни». По крайней мере, все исследования это опровергают. А доктор Кабанес установил, что Франциска I «унес в могилу туберкулез».

КАРЛ II (1630—1685)

Принц Уэльский, сын короля Карла I и Генриетты Французской. Английский король (с 1660), из династии Стюартов. Провозглашение его королем означало реставрацию монархии в Англии.

Карл родился 29 мая 1630 года. Лицом он походил на мать, а характером был в деда, короля Генриха IV. Влюбчивый в детстве, ненасытно сладострастный в юности и в зрелых годах, развратный в старости – Карл II постепенно превращался из эпикурейца в циника, подавая пример крайней разнузданности нравов всему двору.

Когда начались раздоры Карла I с народом, малолетний принц Уэльский был отправлен в Гаагу и отдан на попечение Вильгельма Оранского. Известия о ходе борьбы короля английского с его подданными день ото дня становились тревожнее, несчастная королева Генриетта отправилась во Францию умолять о помощи супругу всемогущего Ришелье, а затем и кардинала Мазарини. Английскому королю сочувствовали почти все европейские государи, однако ни один из них не оказал ему существенной помощи.

В то время, когда отец томился в плену у своих подданных, его восемнадцатилетний сын проводил время в любовных интрижках, одерживая победы над красавицами легкого поведения.

В 1648 году принц Уэльский встретил в Гааге любовницу полковника Роберта Сидни, очаровательную Люси Уолтерс, и без памяти влюбился в нее. Причем взаимности он добился не сразу. Полковник Сидни отнесся к пикантной ситуации философски: узнав о чувствах короля к его содержанке, он великодушно решил, что Люси вольна поступать по своему усмотрению.

Принц Уэльский сразу же забрал Люси к себе, а она не замедлила объявить вскоре о своей беременности. В 1649 году фаворитка родила Карлу сына Иакова. По свидетельству ближайшего окружения короля, настоящим отцом новорожденного был не принц, а Роберт Сидни, на которого ребенок был поразительно похож, даже на щеке был помечен родинкой, точно так же, как и благодетель Люси… Но любовь ослепляет. Куртизанке не стоило большого труда убедить принца Уэльского, что именно он отец ее ребенка, и Карл без колебаний

признал его своим.

Он целыми днями проводил в обществе любовницы, повиновался ей беспрекословно, предупреждал малейшие ее желания, тратил на ее прихоти последние деньги из скромных субсидий, выдаваемых ему Вильгельмом Оранским. Весть о казни Карла I на время прервала эту идиллию и заставила принца – теперь наследовавшего после отца королевский титул – заняться делами, приличествующими его званию.

Весной 1649 года, нежно распрощавшись с Люси Уолтерс, Карл II отправился в Ирландию, где за королевскую корону сражался маркиз Ормонд. Отсюда с небольшим отрядом солдат Карл переправился в Шотландию. Словно желая загладить недавнее предательство и измену Карлу I, шотландцы с восторгом встретили его сына, приветствуя как законного короля.

Вернувшись из Шотландии, Карл II пожаловал своего сына от Люси Уолтерс титулом графа Оркни, герцога Монмута и кавалера ордена Подвязки. Милейшая Люси была давно забыта Карлом II – во время его поездки по Шотландии она вела себя в Гааге непозволительно свободно и наконец снискала себе репутацию продажной женщины.

О короле следует сказать, что в своих сексуальных желаниях он был неукротим. Ему было безразлично, как добиваться женщины, с мужьями он расправлялся быстро и просто. Уродливый как смертный грех, король мог, овладев женщиной, тут же ее отвергнуть. Он менял женщин как перчатки. Но одновременно с этим Карл II заботился о своем здоровье, летними вечерами он отправлялся на реку в Путни плавать, а по утрам, когда все остальные отдыхали в постели, истощенные ночными излишествами, поднимался с солнцем и два часа играл в теннис на дворцовом корте. Он занимался множеством дел, был умным и тонким политиком и экономистом. Король мог успешно поддержать беседу об астрономии, архитектуре, садоводству, антиквариате и пчеловодстве.

Но вместе с тем с воцарением Карла II прекратились разговоры о воздержании и вреде незаконных связей. Маститый Капфиг, добродушный панегирист блаженного старого времени и всех вообще фавориток, так описывает двор Карла II: «Трудно было найти двор изящнее, легкомысленнее, богаче интригами и красавицами. Между знатнейшими красавицами особенно заметны были: графиня Кастлмэн, впоследствии герцогиня Клевеланд, графиня Честерфилд, графиня Шрюсбюри, графиня Мидлтон, девица Гамильтон, вышедшая за графа Грамона, и мисс Франциска Стюарт, любовница короля. Все эти блестящие леди могли смело соперничать с первейшими красавицами

версальского двора, принятого ими за образец. Двор был занят предстоящим бракосочетанием короля с инфантой португальской (Екатериной), руки которой король официально просил у лиссабонского двора».

Инфанта не выделялась ни красотой, ни умом: в этом выборе Карла II главную роль играла политика; кроме того, за ней давали полновесными дублонами отличное приданое, а король постоянно нуждался в деньгах. Он отличался расточительностью, но ему надоело выпрашивать субсидии у парламента, каждый раз вступавшего в спор, когда речь заходила о выдаче денег.

Любовница Карла II мисс Франциска Стюарт заслуживает особого внимания. Кавалер Грамон, в назидание потомству, оставивший драгоценные сведения о дворе Карла II, писал: «Характер у нее был по-детски смешливый; склонность к забавам, приличным только двадцатилетней девочке. Любимейшей ее игрой были жмурки. Она любила строить карточные домики, в то время, когда у нее в доме бывала большая игра, причем услужливые придворные снабжали ее строительными материалами и показывали ей постройки новой архитектуры. Она также любила музыку и пение. Герцог Букингем наловчился строить карточные домики, прекрасно пел, сочинял песенки и детские сказочки, от которых мисс Стюарт была без ума; но особенно удачно он умел подмечать смешные черты в манерах и в разговоре других и искусно передразнивать их. Словом, Букингем был таким непревзойденным лицедеем и приятным собеседником, что без него не обходилось ни одного собрания. Мисс Стюарт в своих забавах была с ним неразлучна, и если он не приходил к ней вместе с королем, она тотчас же за ним посылала».

В эту девицу одновременно были влюблены король, брат его Иаков и двоюродный брат Карла Стюарта герцог Ричмонд. Шалунья сожительствовала со всеми тремя, чтобы никто не остался в обиде. Кроме трех обожателей из королевской фамилии, ее любовниками были: Букингем – карточный архитектор, Мондевиль, Карлингтон и Дигби, покончивший из любви к ней самоубийством. Связь Карла с мисс Стюарт не мешала ему в то же время сожительствовать с леди Кастлмэн и актрисами Нелли Гвин и Молли Девис…

Франциска жила во дворце Уайт-Холла, где Карл II весьма часто посещал ее. Разоряя казну ради постройки Сент-Джеймса, король говорил, что ему тяжело жить во дворце, где был казнен его отец. Впрочем, эти благородные чувства уважения не помешали Карлу II бывать чуть не ежедневно в Уайт-Холле, где устраивались такие оргии, от которых могла покраснеть даже

Мессалина. Однажды ночью Франциска, леди Барбара Кастлмэн, Нелли Гвин, Молли Девис и целый гарем девиц в присутствии короля пародировали венчание. Леди Кастлмэн выступала в роли жениха, Франциска Стюарт – в роли невесты, остальные – в ролях священников и свидетелей. Обряд сопровождался всеми церковными и общественными церемониями; новобрачных уложили у постель, где они предались любовным забавам. Сам король пел фривольные песни, аккомпанируя себе на гитаре, нагие фаворитки танцевали перед ним, покачивая бедрами; вино лилось рекой, и праздник окончился совершенной вакханалией…

Герцог Ричмонд, ослепленный страстью к Франциске, решился, наконец, тайно обвенчаться с ней. Тогда в сердце Карла II проснулась ревность. Он распустил свой гарем; дни и ночи проводил с Франциской. Поговаривали даже, будто он хочет развестись с королевой и жениться на своей возлюбленной. Франциска сразу смекнула, что ей гораздо выгоднее выйти замуж за Ричмонда, чем жить с королем. Она притворилась больной, перестала принимать Карла II, готовясь к побегу с Ричмондом. Огорченный Карл II пожаловался на нее другой своей фаворитке леди Кастлмэн. Та посоветовала ему навестить больную и встретиться с лечащим врачом Бабиани.

Карл, последовав ее совету, буквально ворвался в спальню фаворитки и увидел… Франциску в объятиях Ричмонда. Король разразился бранью, словно пьяный матрос. Любовники застыли от ужаса.

Ричмонд из спальни был отправлен в Тауэр, где провел три недели (с 31 марта по 21 апреля 1655 года). Сразу после освобождения Ричмонд и Франциска Стюарт бежали в Кент и там тайно обвенчались. Мисс Стюарт вернула королю все им подаренные бриллианты.

Карл II недолго дулся на изменницу, потом сделал шаги к примирению, и герцогиня Ричмонд, молодая супруга, снова оказалась в объятиях любовника, уверяя короля в неизменной верности и при случае обирая его. Муж Франциски умер в 1670 году, а она – в 1700 или в 1701 году, оставив после себя огромное состояние.

До Карла II в английских театрах женские роли в пьесах исполнялись юношами, а иногда и взрослыми мужчинами; чопорные пресвитерианки почитали за смертный грех выходить на театральные подмостки. В первый год своего царствования Карл II изъявил желание, чтобы в театральные труппы обязательно входили и женщины.

В числе первых вышли на сцену очаровательные Нелли Гвин и Молли Девис, почти сразу попавшие в королевский гарем.

Красота и талант заменили им дворянские дипломы. Знатные дамы с презрением смотрели на комедианток, осмеливавшихся конкурировать с ними в борьбе за внимание короля. Потребовалось вмешательство Карла II, чтобы его знатные любовницы примирились с плебейками. Они сидели за одним столом.

Нелли, ловкая, грациозная, прекрасно танцевала и пела. Влияние ее на короля было столь велико, что, если бы она попросила Карла II казнить кого-либо, король, без сомнения, исполнил бы ее каприз. К счастью, Нелли не была кровожадна, а вместе с Молли Девис выманивала у короля драгоценности и подарки…

Нелли Гвин, по свидетельству хроникеров, родилась на чердаке; в детстве торговала рыбой, потом пела на улице и в тавернах. Наконец ее заметили актеры Гарт и Лэси, с их помощью она оказалась в королевском театре. Здесь ее заметил лорд Дорсет и взял к себе на содержание. Карл II, дав ему место при посольстве во Франции, переманил красавицу к себе за ежегодное вознаграждение в 500 фунтов стерлингов. Через четыре года этот оклад повысился до 60000. Примечательно, что король симпатизировал Нелли до самой своей смерти в 1685 году и благодаря ее заботам покровительствовал театру. Артисты театра по повелению Карла II были названы придворными и числились на государственной службе. Когда в парламенте рассматривался вопрос об обложении актеров податью, это предложение было отклонено под тем предлогом, что актеры служат на потеху королю.

«Актеры или актрисы?» – неосторожно пошутил один из членов нижней палаты. Почему неосторожно? Да потому что за эту дерзкую шутку члену парламента был урезан нос, что заменило ему каторжное клеймо.

Актриса Молли Девис была на содержании у герцога Букингема, который порекомендовал ее Карлу II. Она славилась пением песенок фривольного содержания, сопровождая их совершенно неприличными телодвижениями. Но именно это и нравилось английскому падишаху. Молли Дэвис имела от Карла II дочь, названную Марией Тюдор и впоследствии выданную замуж за графа.

С актрисами соперничали две титулованные дамы: знаменитая мисс Франциска Стюарт и графиня Барбара Кастлмэн, с которой король сблизился еще во время похода в Голландию. Графиня красотой и распутством по меньшей мере не уступала соперницам.

Барбара посвятила себя служению Венере с

пятнадцатилетнего возраста. Обольстителем ее был Стенгоп, граф Честерфилд, человек женатый и чудовищно безобразный; но к уродам эта красавица всегда питала особенную склонность. Барбара, ничуть не смущаясь, утверждала, что люди безобразные с большей страстью, чем красивые, предаются любви. Они боготворят женщину, дорожат ею, ревнуют… тогда как красавцы, даже любимые красавицами, редко бывают постоянны. Словом, у Барбары была своя философия.

Чтобы скрыть последствия своей связи с графом Честерфилдом, она вышла за Роджерса, графа Кастлмэна, отвратительного карлика, но сказочно богатого; только в религиозных убеждениях могли сойтись эти милые супруги, так как оба были католиками. Вскоре после свадьбы супруги отправились в Голландию к Карлу II, находившемуся в изгнании. Муж открыл ему свой кошелек, жена – страстные объятия.

По прибытии в Лондон Карл II вознаградил доброго рогоносца, дав ему, по его желанию, место смотрителя тюрьмы королевской скамьи; затем пожаловал его в бароны, и, наконец, в графы Кастлмэн. Через два месяца у него родился сын. Графиня в надежде, что Карл II признает его своим, желала окрестить его по обряду протестантскому, граф – по католическому. Невзирая на протесты Барбары, младенца помазали миром и окрестили, дав католическое имя. Обиженная мать пожаловалась королю, и он приказал окрестить своего сына вторично, как протестанта, и сам был его восприемником, а крестной матерью была графиня Суффолк.

Пожалуй, сам царь Соломон не разрешил бы лучше этот спор. У новорожденного было два отца: католик и протестант – и крестить его следовало дважды. Правда, это было не совсем по-христиански, когда родной отец одновременно был крестным, но в глазах Карла II это была мелочь, недостойная внимания. Вскоре супруги поссорились и разъехались. Муж уехал во Францию, жена переселилась к своему брату в Ричмонд.

Через три года граф Кастлмэн вернулся на родину и был встречен супругой, представившей ему, кроме старшего сына, еще одного – Генриха, графа Грифтона, а через два месяца она подарила ему и третьего – Георга… Это было уже слишком, и граф потребовал формального развода, на который Карл II выразил свое милостивое согласие, но при условии, что граф немедленно отправится за границу и ни под каким предлогом не вернется в Англию. Кастлмэн повиновался; однако же через полгода приехал в Лондон, чтобы с английскими иезуитами издать «Апологию английских католиков», написанную в довольно возмутительном духе.

Автор был арестован и заключен в Тауэр. Карла II возмутила не столько книга, сколько самовольное возвращение графа. Арест Кастлмэна послужил сигналом недоброжелателям короля: на прилавках появилось множество пасквилей и карикатур, на которые королевская фаворитка изволила надуть губки. Опасаясь ее гнева, Карл II приказал освободить узника, и граф удалился в Голландию.

В это время Барбара Кастлмэн меняла любовников ежедневно, чуть не ежечасно; подобно Мессалине, переодевшись, ходила она по притонам, выбирая себе в любовники красивых матросов, мастеровых, лакеев, покупая их ласки за золото, щедро расточаемое ей королем. Ослепленный любовью, он беспрекословно ей подчинялся. Требовала она денег – и на нее сыпался золотой дождь; пожелала быть герцогиней – герцогская корона была ей пожалована; попросила короля признать своими детей, рожденных ею невесть от кого, – Карл II узаконил их, дав им герцогские титулы. Эта прелестная леди скончалась в преклонных летах в царствование Вильгельма III. До появления при дворе Карла II Луизы де Керуаль (впоследствии герцогини Портсмут) Барбара Кастлмэн имела огромное влияние на него.

Прислужниками и угодниками королевских любовниц были Сент-Эвремон, Грамон и герцог Букингем. Для Нелли Гвин и Молли Дэвис Букингем сочинял песенки и танцевал с ними на королевских оргиях; прелестной мисс Стюарт строил карточные домики, рассказывал забавные истории и целовал ножки; Барбаре Кэстлмэн целовал ручки и ухаживал за ее собачками…

До 1668 года король довольствовался красавицами доморощенными. На них безрассудно тратил казну, а в оргиях с ними – здоровье. В конце 1668 года в его гареме произошел великий переворот, оказавший громадное влияние как на него самого, так и на дела государственные. А дело было так…

Парламент всеми силами старался склонить короля вступить в союз с Голландией, еще недавней неприятельницей и соперницей Англии. Этот предполагаемый союз был опасен Франции, и Людовик XIV решил сорвать его любой ценой. Посланник его в Англии маркиз Таллар уведомил, что Карл II склоняется на сторону парламента, и советовал принять экстренные меры. Людовик XIV обратился к посредничеству сестры Карла II, проживавшей во Франции, Генриетте Английской, герцогине Орлеанской. Он рассчитывал, во-первых, на нежную дружбу брата к сестре, во-вторых, на ее дипломатические способности, в-третьих, на ее фрейлин, красивых, кокетливых и лукавых. Среди них выделялась мадемуазель Луиза де Керуаль, бретанская дворянка, ее род

происходил чуть ли не от друидов. Судя по портретам, дошедшим до нас, Луиза была огненной брюнеткой, с веселыми черными глазками, детски-пухленьким личиком и роскошными, кудрявыми волосами. Ко двору Генриетты она поступила весьма юной, и эта школа разврата пошла ей впрок. Теорию (отчасти и практику) кокетства девица Керуаль изучила в совершенстве; от обожателей ей не было отбоя, но она настолько была умна и знала себе цену, что все усилия придворных ловеласов завоевать сердце красавицы были тщетны. Она ждала выгодного покупателя, и вскоре такой покупатель отыскался.

Чтобы завуалировать истинную причину поездки Генриетты в Англию, Людовик XIV предложил ей сопровождать его во вновь завоеванные фландрские области. Приехав в Остенде, герцогиня Орлеанская со своими лучшими фрейлинами села на корабль и прибыла в Лондон, где Карл II, заблаговременно уведомленный письмом, уже ожидал ее. Влюбчивые его глаза с первой же встречи остановились на Луизе Керуаль. Он был пленен и очарован. Изящные манеры француженки, ее умная, бойкая речь, кокетливая стыдливость и уместная развязность – все эти качества, которых не было ни у мисс Стюарт, ни у Нелли и т д., не могли не броситься в глаза Карлу II. Услужливая сестрица предложила ему девицу Керуаль в виде награды за союз с Францией, и король не в силах был устоять от искушения. Кавалеры Грамон и Сент-Эвремон успешно взяли на себя роли сводников, и англо-французский союз был закончен. «Шелковый пояс девицы Керуаль связал Францию с Англией!» – писал Сент-Эвремон. Куртизанке женские пояса и подвязки служили узами, связывавшими державы между собой!.. Оставив девицу Керуаль в Англии, Генриетта возвратилась во Францию и через несколько месяцев, отравленная 30 июня 1670 года, скончалась.

По наставлению герцогини Портсмут (Луизы Керуаль) король объявил свободу вероисповедания. Пресвитерианам, пуританам и католикам он разрешил повсеместно строить церкви и читать проповеди. Герцог Йорк, брат короля, пять лет посещавший английские церкви, объявил себя последователем римско-католической церкви. Ни парламент, ни народ не могли отнестись к этому королевскому указу дружелюбно. Английские священники распустили слухи, будто Карл II, повинуясь любовнице-католичке, намерен изменить вере своих родителей.

Субсидии, уплачиваемые Людовиком XIV Карлу II, окончательно уронили короля в глазах народа. Министры убеждали его действовать с народом по-кромвельски, иными словами, взять его в железные когти; того же мнения была и герцогиня Портсмут; а ей мог ли в чем отказать влюбленный

король? Мог ли он ей перечить, особенно в то время, когда она объявила ему о своем интересном положении. Сын, рожденный ею, при появлении на свет получил герцогские титулы Ричмонд, Леннокс, ему был пожалован королевский герб.

Привязанность короля к герцогине Портсмут день ото дня возрастала. Ослепленный любовью, он оставил прежних своих фавориток… О супруге он давно позабыл и думать. Она, бедняжка, приписывала равнодушие к ней супруга не его сластолюбию, а единственно тому, что она не родила ему наследников. В самые тяжкие минуты одиночества королева утешалась мыслью, что Карл II привяжется душевно и к ней, если она порадует его рождением сына; но могла ли она быть матерью, будучи супругой только по имени? Она молилась постоянно, ходила на богомолье в Тибурн в надежде, что Бог явит чудо, и Карл II воспылает к ней любовью. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Соперницы герцогини Портсмут ревновали короля к ней и не пожалели бы денег, лишь бы свергнуть могучую фаворитку. Франциска Стюарт и Барбара Кастлмэн, сами неверные Карлу II, громко укоряли его за измену и непостоянство; но Нелли Гуин в своем негодовании была более их справедлива и логична. Она отважилась вступить с чужестранной красоткой в открытую борьбу и первое время была опасной соперницей Луизе де Керуаль в ее заискиваниях и ухаживании за королем.

Сближение с Голландией быстро отразилось на общественном и придворном быте Англии. Король, а за ним и вельможи перестали подражать французам в нарядах и в образе жизни; патриархальная простота вытеснила недавнюю роскошь; бархат, кружева, парча, бриллианты исчезли, и на смену им пришло сукно, полотно, шерстяные ткани, сталь, слоновая кость. Балы и спектакли, признанные бесовскими потехами, были заменены проповедями, чтением «Потерянного рая», Библии.

Карл II из сибарита превратился чуть ли не в стоика или еще того удивительнее – траписта. Почти все королевские любовницы к этому времени вышли замуж, за исключением герцогини Портсмут. Она, подражая фаворитке короля Людовика XIV Лавальер, говорила Карлу II о своем раскаянии, о желании поступить в монастырь… Что касается фавориток, вышедших замуж, примечательно, что они избрали себе в супруги своих сводников; так, лорд Литльтон женился на мисс Тэмпль, кавалер Грамон на мисс Гамильтон…

Когда парламент принял билль об изгнании католиков из Англии, Карл II вознегодовал. Согласно этому биллю из страны должны были уехать королева и герцогиня Портсмут? Разумеется,

не судьба королевы волновала Карла II. Тонкий политик, не упоминая о ней, король вступился за супругу: «Я не Генрих VIII, – заявил он палате общин, – не разведусь с моей доброй и честной супругой за ее неплодие…» «И любовницы от себя не отпущу!» – досказывало ему его нежное сердце.

Распустив парламент, король снова вступил в дружественные отношения с Францией, переписывался с Людовиком XIV, а герцогиня с любовницей последнего – герцогиней Монтеспан.

Одряхлевший от распутства и пьянства, в последние два года жизни Карл II был похож на живую подкрашенную и подрумяненную мумию: с трудом передвигал ноги, ходил сгорбившись и вообще являл собой живой или, вернее, полумертвый пример, до чего разврат может довести человека.

6 февраля 1685 года удар паралича пресек жизнь Карла II на пятьдесят пятом году от рождения и на двадцать пятом царствования. Герцогиня Портсмут доиграла роль свою до конца: при жизни Карла II она заставила его изменить присяге, данной народу, на смертном его одре убедила изменить вероисповедание. По ее настоянию король, умирая, исповедовался у католического, чуть ли не иезуитского патера, и герцогиня Портсмут со слезами говорила после его кончины: «За все милости покойного моего благодетеля я спасла ему душу, обратив его от ереси и возвратив на лоно едино-спасающей церкви!»

ГЕНРИХ IV (1553—1610)

Французский король (с 1589, фактически – с 1594), первый из династии Бурбонов. Сын Антуана Бурбона, король Наварры (с 1562) (Генрих Наваррский). Во время Религиозных войн возглавлял гугенотов. После перехода из протестантизма в католицизм Париж признал его королем (1594). Генрих IV издал Нантский эдикт (1598) и завершил Религиозные войны. Его политика способствовала укреплению абсолютизма. Убит католиком-фанатиком.

18 августа 1572 года сын Антуана де Бурбона и Жанны д'Альбре, молодой Генрих Наваррский, не имевший еще репутации прожженного донжуана, сочетался браком с Маргаритой Валуа, сестрой короля Франции. Церемония проходила у портика собора Парижской богоматери.

На этот брак, естественно, съехалось множество протестантов, которые спустя пять дней, в Варфоломеевскую ночь, все до одного были убиты католиками. Парижское население принимало активное участие в погромах. Общее число жертв бойни в Париже и провинции достигало по меньшей мере трех тысяч.

После кровавой резни Генрих Наваррский, отрекшийся от протестантства ради сохранения жизни, находился под неусыпным наблюдением. Его теща, Екатерина Медичи не особенно доверяла ему.

Генрих Наваррский утешался тем, что забавлялся с дамой из окружения королевы-матери, грациозной мадам де Сов. Он проводил с ней дивные ночи, не переставая удивляться, что попал в семью, где верность не признавалась за добродетель. По причине протестантского воспитания, данного ему Жанной д'Альбре, король Наварры не привык к такой свободе. Молодой, привлекательный, умный, веселый, темпераментный мужчина завладел сердцем мадам де Сов.

Сумев бежать из Парижа, 23-летний Генрих Наваррский стал в 1576 году лидером протестантской партии. Его жена оставалась фактически пленницей Генриха III, обвинявшего ее в сговоре с мужем.

Лишь 2 октября 1578 года королева Наваррская встретилась со своим мужем в городе Ла-Реоль. Отметив, что Генрих не выказал особой радости при виде своей супруги, Екатерина

Медичи выдвинула вперед мадам де Сов. Однако эта восхитительная женщина больше не нравилась Беарнцу. Он вежливо поздоровался с ней, бросив при этом взгляд на фрейлин. И вдруг глаза его вспыхнули. Он увидел среди этой стайки красавиц брюнетку, которую звали м-ль Дейель.

Эта юная особа с бархатистым взглядом была гречанкой. Ее экзотическая красота пришлась по вкусу Наваррцу, и он тут же без всякого стеснения заявил теще, что у нее в свите есть одна из самых красивых девушек, каких он когда-либо встречал в своей жизни. Потом он взял жену за левую руку, м-ль Дейель за правую, сказал, что очень устал, пока добирался до Ла-Реоль, и потому собирается немедленно отправиться спать.

Маргарита расположилась в одной комнате, молодая гречанка в другой, а Генрих всю ночь только и делал, что сновал между ними, одетый более чем легко. Наутро у каждой был довольно помятый, но довольный вид.

Впрочем, в своих «Мемуарах» Маргарита Наваррская призналась: «Король, мой муж, сильно влюбился в Дейель, что, однако, ему не помешало и мне оказать честь и проявить дружеское расположение, о каком я только могла мечтать…»

Генрих очень быстро забыл прелестную гречанку. Вместо нее он взял себе в любовницы м-ль де Ребур, фрейлину из свиты Маргариты; но и эта связь не была долгой. Однажды вечером он обнаружил среди молодых женщин в Нераке восхитительную блондинку, которую звали Франсуаза де Монморанси, и стал ее любовником.

Так начался необыкновенный роман…

Этой девушке, которую при дворе все звали прекрасная Фоссез, потому что отцом ее был барон де Фоссез, было всего пятнадцать лет. Генрих Наваррский познакомился с ней, когда лежал в постели из-за какой-то не очень серьезной болезни. Впервые она появилась, следуя позади Маргариты, а потом взяла за обыкновение являться каждый день и рассказывать Наваррцу все дворцовые сплетни. Сразу по выздоровлении он снова лег в постель. Но уже с Франсуазой…

После отъезда герцога Анжуйского Генрих Наваррский пережил новый медовый месяц с прекрасной Фоссез. Именно тогда маленькой карьеристке показалось, что если у нее родится от Генриха сын, то король разведется с Маргаритой и женится на ней. И однажды утром объявила Беарнцу, что его стараниями беременна.

Генрих Наваррский, испытывая некоторую неловкость оттого, что любовница начала понемногу округляться, привлекая любопытство придворных, сказал однажды: «Моя дочь (так он

называл Фоссез) нуждается в лечении гастрита. Я буду сопровождать ее на Теплые Воды».

На протяжении многих месяцев Генрих и его любовница вели себя по меньшей мере странно, отрицая очевидное. Но красотке Фоссез пришлось все-таки признать, что слухи оказались небезосновательными…

На протяжении нескольких месяцев Генрих и Маргарита сохраняли ровные отношения. Правда, супруги виделись не особенно часто, поглощенные каждый своими делами, пока королева Наваррская принимала у себя в комнате всех офицеров Нерака, которым желала добра, король, чей требовательный темперамент нелегко было удовлетворить, щедро одаривал своих любовниц плотскими радостями.

«Иметь одну женщину – значит, ударяться в целомудрие», – говорил он.

У него их было двенадцать: Ксент, горничная Марго, булочница из Сен-Жана, м-м де Потонвиль, она же Мокрица, «прозванная так за свою потливость», м-м де Дюра, которую королеве удалось заполучить обратно в Нерак, выпекальщица хлеба Пикотен Панкуссер, графиня де Сен-Магрен, кормилица из Кастельжалю, «которая хотела заколоть его ножом, потому что из экю, который он должен был ей дать, он удержал пятнадцать су за сводничество», две сестры де Лепэ, Флеретт Дастарк, дочь садовника из Нерака, и, наконец, фаворитка на тот момент, Коризанда де Гиш, графиня де Грамон прозванная прекрасной Коризандой.

Вскоре, однако, разногласия между супругами переросли во враждебность. Вот тут-то м-м де Грамон, мечтавшая женить Беарнца на себе, начала вести себя с Марго крайне неучтиво. И даже пыталась ее отравить. Королева Наваррская вовремя была предупреждена, но это ее напугало.

В 1587 году Генрих Наваррский вел войну с гугенотами. 19 октября он одержал блестящую победу неподалеку от города Кутра. Беарнец на другой же день после победы вместо того чтобы продолжить победоносное шествие, вопреки всякой логике распустил все свое войско на целый месяц и возвратился в Нерак. Действительно, чтобы поскорее увидеть м-м де Грамон, к которой он внезапно воспылал неодолимым желанием, Беарнец добровольно отказался воспользоваться плодами одержанной победы.

Будущий министр Генриха IV Сюлли удрученно сообщал, что король покинул свою армию «из-за сильной любви, которую питал к графине де Гиш, и из-за тщеславного желания лично положить к ее ногам знамена, штандарты и прочие вражеские

трофеи, которые он специально отложил, чтобы преподнести ей; предлогом для возвращения домой послужила его привязанность к сестре и к графу де Суассону; привязанность оказалась столь сильной, что уже через неделю все долгожданные плоды такой большой и важной победы были пущены на ветер…»

Мадам де Грамон в то время было тридцать шесть лет. Любвеобильная, чувственная, с роскошным бюстом, живым взглядом и волнующей линией бедер, она обладала всем, что так нравилось Беарнцу. Женщина неглупая, она умела разделить с ним и радости и неприятности; наделенная материнским чувством, она ухаживала за ним и называла его «малышом»; благородная по натуре, она давала ему деньги, вырученные ею от продажи леса, срубленного в ее владениях, чтобы финансировать протестантскую армию.

Он любил ее, делился с нею планами, не скрывал своих надежд, и на протяжении семи лет они вели жизнь нормальной во всех отношениях супружеской пары. Но в декабре 1588 года, когда смерть герцога де Гиза приблизила его к трону, Наваррец увидел, как в глазах любовницы мелькнула тревога, и попытался успокоить прекрасную Коризанду: «Вы помогали мне во всех моих битвах, и будет справедливо, душа моя, если именно вы станете королевой, когда я буду королем!»

Но требовалось еще сделать возможным этот обещанный в порыве страсти брак, потому что если м-м де Грамон была вдовой, то Генрих был женат. Нет, о разводе он и не помышлял, поскольку процедура развода слишком длинна и сложна. Беарнец стал очень осторожен в своих отношениях с м-м де Грамон. Если он и продолжал ее по-прежнему укладывать к себе в постель с той здоровой неутомимостью, которая приводила в восхищение всех дам, то о браке больше не заговаривал.

Действительно, трудно даже представить, что произошло бы уже на следующий год, если бы Генрих Наваррский, и без этого непопулярный за свой протестантизм, захотел навязать народу свою сожительницу в качестве королевы Франции.

Несмотря на военные заботы, Наваррец продолжал бегать за юбками, и м-м де Грамон, которой он писал чуть ли не ежедневно пылкие записочки, сильно сомневалась в том, что ему приходится страдать без нее.

У Коризанды были все основания для ревности, потому что Беарнец, не довольствуясь любовницами на одну ночь, с некоторых пор обманывал ее с Эстер Имбер, дочерью бальи. Это была изящная блондиночка двадцати одного года с нежными и почти невесомыми формами. Каждый вечер Генрих тайно отправлялся к ней. Но однажды ночью бальи, подозревавший, что

Наваррец слишком далеко зашел в отношениях с его дочерью, ворвался в комнату, где любовники наслаждались друг другом. Вытащив Эстер из постели, он залепил ей две увесистые пощечины.

«За что вы ее бьете?» – спросил изумленный Генрих.

Ответ бальи удивил бы многих: «Я бью ее, сир, за то, что она не выказывает должного почтения Вашему Величеству!..»

Эта неприятная сцена, однако, не помешала Беарнцу оставаться любовником Эстер. Целых два месяца, не уставая писать страстные письма Коризанде, он тайно встречался с дочерью бальи в соседнем лесочке. Но увы! Он так увлекся своими подвигами, что однажды утром красотка объявила ему о своей беременности. Наваррец этого ужасно не любил, а потому немедленно покинул свою пассию и отправился догонять королевские войска.

Через несколько дней он уже въезжал в столицу в компании с Генрихом III. Как-то вечером, во время небольшой остановки, он написал м-м де Грамон следующую записку: «Если король воспользуется дилижансом, на что я надеюсь, мы скоро увидим колокольни собора Парижской Богоматери… Сердце мое, любите всегда меня, принадлежащего только вам, как я люблю вас, принадлежащую только мне».

Но эти слова уже не имели никакой власти над Коризандой. Полная горечи и разочарования, она дрожащей рукой написала под последней строчкой только что полученного письма: «И вы не мой, и я не ваша»… и не ответила ему. Так закончился роман, длившийся три тысячи ночей…

В августе Генрих III был сражен Жаком Клеманом, нанесшим ему несколько ударов кинжалом. Перед смертью король в полном сознании назвал Генриха Наваррского своим законным наследником.

Генрих IV незамедлительно приступил к завоеванию своего королевства. Задача была нелегкая, потому что не только столица, но и полстраны находились в руках лигистов, которые только что провозгласили королем под именем Карла X старого кардинала Бурбонского, дядю Беарнца.

Именно во время этой военной кампании Наваррец встретил Антуанетту де Гешервиль, графиню де Пон, хорошенькую 28-летнюю вдову. В ту же минуту, позабыв о Лиге, о герцоге Майеннском и даже о троне Франции, он дал ей понять в довольно недвусмысленных выражениях «о живости своих чувств».

Дама улыбнулась и пригласила короля поужинать с нею. Когда после ужина все разошлись по спальням, Генрих IV, уже

воображавший себя в постели м-м де Гешервиль, выждал несколько мгновений и, полагая, что все в замке спят, двинулся на цыпочках к комнате своей хозяйки. Очень осторожно открыв дверь, он остановился на пороге пораженный: комната была пуста. Напуганная его настойчивостью и опасавшаяся за свою честь, дама спешно выехала из замка в карете.

Он оставил ей записку, в которой выразил свое огорчение и свои надежды. Она ответила ему очень мило: «Я слишком бедна, чтобы быть вашей женой, и из слишком достойного дома, чтобы стать вашей любовницей». Нимало не обескураженный, он снова и снова пытался взять неприступную крепость, но все так же безрезультатно. Через два месяца желание обладать этой прекрасной нормандкой привело его в такое состояние, что в самый разгар сражения, перед тем как начать осаду Сен-Дени, он написал ей письмо, свидетельствовавшее о том, что при любых обстоятельствах любовь к ней поглощала почти все его сознание.

Надо сказать, пушечные ядра подействовали на моральный дух парижан не больше, чем голод, и Генрих IV начал скучать. К счастью, вскоре его ждало вполне оздоравливающее тело и душу развлечение. Однажды молодая монмартрская аббатиса Клод де Бовилье попросила его обеспечить защиту ее заведению. Он удовлетворил эту просьбу немедленно. Через несколько дней после этого, свидетельствовал мемуарист, «она явилась лично поблагодарить его и высказала ему слова одобрения с такой искренностью, что Наваррец, отметивший про себя явную привлекательность аббатисы, не мог смириться с тем, что она опять затворится в своем монастыре».

Он оставил ее у себя и обучил таким вещам, которые не были предусмотрены уставом Ордена и потому были неведомы ей, но которые она нашла очень приятными. Она прожила с Наваррцем больше недели, деля с ним его походную жизнь и обнаружив поначалу такой пыл, что король был покорен и даже с грустью стал размышлять о тех неиспользованных сокровищах, которые, судя по всему, упрятаны от глаз людских в многочисленных монастырях. Очередные военные операции заставили его отправиться в Лоншан, и там ему захотелось проверить свою гипотезу. Поэтому он стал любовником другой монашки – Катрин де Верден двадцати двух лет. Это приключение очень развлекло окружение Генриха IV.

Катрин была лишь мимолетным увлечением. Сделав ее аббатисой Сен-Луи-де-Вернон, король возвратился в Монмартр, к Клод, которая снова щедро одарила его ласками. Однако радости человеческие быстротечны, даже у великих. 30 августа, узнав, что на помощь парижанам явился во главе испанского войска герцог

Пармский, Генрих IV был вынужден снять осаду, длившуюся целых три месяца. За два часа до наступления утра он вместе со своей армией покинул лагерь, приказав отвезти его дорогую аббатису в Санлис, где не было ничего, что могло бы сделать ее пребывание приятным.

Как-то вечером король, обсуждая красоту придворных дам, стал безмерно расхваливать монмартрскую аббатису и заявил, что никогда не видел никого более очаровательного. Присутствовавший при этом разговоре герцог де Бельгард сказал королю, что тот изменил бы свое мнение, если б увидел м-ль д'Эстре, и показал ему прекрасно выполненный портрет. Изображение на портрете тут же вызвало у короля желание увидеть оригинал.

Прошло несколько дней, и однажды герцог де Бальгард попросил у короля разрешения повидаться в Кевре со своей любовницей. Беарнец, бывший в веселом расположении духа, тут же заявил, что будет сопровождать его. Герцога это очень расстроило, «поскольку он прекрасно знал распутный нрав своего господина».

Бельгард не напрасно беспокоился, потому что, увидев белокурую Габриэль, во всем блеске ее восемнадцати лет, Генрих IV был совершенно заворожен и, разумеется, сразу влюбился…

Эта молодая особа, которой предстояло в течение долгих девяти лет оказывать сильнейшее влияние на Беарнца, была дочерью Антуана д'Эстре, губернатора Ла-Фера, и Франсуазы де ла Бурдезьер.

Габриэль сразу увидела, какое впечатление произвела на короля, и была этим раздражена. Привыкшая находиться в окружении молодых элегантных и утонченных сеньоров, она держалась отстраненно и почти неприязненно при виде этого маленького, неопрятного и пахнущего чесноком человека, пытавшегося за ней поухаживать.

Генрих IV покинул Кевр страшно оскорбленным и вернулся в армию; но образ белокурой Габриэль его преследовал, и спустя некоторое время, как сообщал Вильгомблен, «Беарнец совершил новую поездку под видом каких-то дел в город Ла-Фер, опять увидел красавицу и все в нем всколыхнулось». Он не спал всю ночь и обдумывал дерзкий план, который собирался осуществить на следующий день. Покинув армию, прекратив борьбу с Лигой, забыв, что находится в разгаре завоевания королевства, Беарнец в сопровождении пяти самых близких и самых доверенных лиц выехал в направлении Кевра, где собирался вымолить себе прощение.

Задуманное им дело требовало безумной смелости, потому

что лес, который ему предстояло пересечь, был занят двумя вражескими гарнизонами. В трех лье от Кеврского замка он отослал назад своих спутников, переоделся в крестьянское платье, положил на голову мешок с соломой и закончил свое путешествие пешком.

Король, оказавшись во дворе замка, скинул с головы мешок и подошел к Габриэль. Сделав презрительную гримаску, она попросила его пойти переодеться, если он желает остаться около нее, и неожиданно вышла из комнаты, предоставив сестре неприятную заботу извиняться за ее неучтивость.

Так как он больше не мог жить, не видя Габриэль, он назначил Антуана д'Эстре членом частного королевского совета, полагая, что сможет перевезти в Компьень всю семью. Замысел удался. Не прошло и недели, как отец и обе дочери поселились при дворе.

С этого момента Габриэль, прекрасно понимая, что внушенная ею любовь может быть полезной для семьи, стала вести себя с Генрихом IV любезнее. Однако она не позволяла ему «класть руки на бедро», и бедняга очень переживал…

Шартр капитулировал 10 апреля 1591 года.

В тот же вечер Генрих IV смог, наконец, продемонстрировать красавице Габриэль, что в постели он не менее горяч, чем на поле боя…

В конце марта по Парижу пополз слух, что фаворитка беременна, и все догадались, что здесь не обошлось без участия доброго короля Генриха. Люди были этим возмущены. В итоге из-за враждебности парижан фаворитке пришлось покинуть Париж.

7 июня в замке Куси она произвела на свет крепенького мальчугана, которого нарекли Сезаром.

8 течение какого-то времени король вел тихую семейную жизнь, деля свое время между Габриэль, с которой он виделся по ночам, и Сезаром, с которым общался днем. Но очень скоро его стала мучить одна мысль: сын, которого он обожал, по закону считался ребенком Никола д'Амерваля. Он решил срочно принять все предусмотренные процедурой шаги, чтобы вернуть любовнице свободу.

24 декабря 1594 года брак Габриэль и Никола был аннулирован амьенским церковным судом. Радость Габриэль, становившейся таким образом официальной фавориткой, была безграничной. Однако молодая женщина претендовала на иное звание. Она мечтала о короне Франции…

С некоторых пор она настойчиво побуждала короля развестись с Марго, которая по-прежнему жила в изгнании и была королевой только номинально. Теперь Габриэль, возобновив свои

просьбы, пускала в дело все свое обаяние, была невыразимо нежна и сладострастна. В конце концов Генрих IV отправил в Юссон г-на Эрара, докладчика в Государственном совете, чтобы он встретился с его женой. В обмен на корону ей предложили двести пятьдесят тысяч экю для оплаты долгов, которые у бедняжки накопились за десять лет, пожизненную ренту и безопасное проживание. Королева после долгих размышлений ответила согласием.

После потери Кале все полагали, что король возьмется за организацию обороны других городов, находившихся под угрозой испанцев. Генрих IV и сам собирался это сделать, забывая, как всегда, о том, что он раб своей страсти к Габриэль.

В начале мая он писал в Аббевиль г-ну Плесси-Морне: «Мы проведем лето здесь в Амьене, чтобы быть поближе к вражескому авангарду на случай, если враги предпримут что-нибудь». Но спустя неделю он уже был в Монсо, рядом со своей любовницей…

Там он оставался до октября, резвясь в окрестных лесах, пируя с друзьями, рассказывая пикантные истории, а главное, предаваясь с фавориткой любовным играм на огромной белой постели с балдахином.

Как все влюбленные в мире, Генрих IV дарил своей возлюбленной все, что у него было, а еще он дарил ей и то, что принадлежало государству. Так, например, 25 августа 1596 года он подарил ей полностью все имущество «покойного Боке, жителя Парижа, и его детей, которые его убили», 31 числа того же месяца пожаловал ей значительную сумму, взысканную в виде штрафов, 2 сентября передал ей сумму излишка налогов, заставив налогосборщиков Гиени и Руэрга вернуть эти деньги, а еще позже, не дожидаясь очередного поступления налогов, подарил ей тридцать две тысячи ливров, полученных от продажи судебных должностей в Нормандии…

Получив эти огромные деньги, новоиспеченная маркиза де Монсо занялась переустройством своего замка и земляными работами.

В течение всей весны 1598 года Генрих IV мечтательно прогуливался по лесу Фонтенбло и повсюду, где мог, чертил вензель (буква «S», перечеркнутая чертой), который представлял собой нехитрый ребус, скрывавший имя фаворитки («S-trait» по-французски читается «Эс-тре», где «тре» означает слово «черта»). Погуляв по лесу, он возвращался в свой кабинет и там в поте лица трудился над сочинением любовной песни в характерном для того времени стиле.

Как только сочинение было, наконец, окончено, он с чувством глубокого удовлетворения послал его своей «невесте» с

коротенькой припиской: «Эти стихи гораздо лучше и изящнее передадут вам мое состояние, чем это могла бы сделать проза. Я продиктовал их, не подвергая обработке».

Речь шла о «Прекрасной Габриэли», высокопарном сочинении.

Получив эти стихи, Габриэль д'Эстре, она же герцогиня де Бофор, поняла, что достигла цели. Король и раньше не раз обещал ей жениться, но никогда еще он не выражал так ясно своего намерения посадить ее на трон. Она была этим так поражена, что это отразилось на повседневном ее поведении. С этого дня она уже не ходила, а медленно плыла с высоко поднятым бюстом, с застывшим выражением на лице, а голову держала так неестественно прямо, будто уже ощущала тяжесть короны.

Почти королева, Габриэль со всех точек зрения находилась на ступенях, ведущих к трону. Она, правда, не жила еще в Лувре, хотя король и отдал в ее распоряжение роскошные апартаменты; но уже покинула Отель дю Бушаж и поселилась в доме на улице Фроманто, совсем рядом с дворцом, куда по тайной галерее, день и ночь охраняемой четырьмя гвардейцами, Генрих IV мог прийти в любой момент, чтобы провести несколько сладостных мгновений со своей любовницей. Неуемный пыл короля был по-прежнему велик, и один из хронистов сообщал, «что любовное желание вынуждало его иногда прервать на полчаса даже самые важные деловые встречи».

В то время как флорентийцы всеми возможными способами пытались преградить Габриэль путь к трону, Генрих IV, страдавший от венерического заболевания, которым его наградила аббатиса Лоншанская, слег в постель в Монсо.

Несмотря на уход и внимание, которыми его окружила потрясенная фаворитка, он однажды вечером потерял сознание и «в течение двух часов не мог ни говорить, ни пошевелиться». Врачи, министры, придворная знать тут же примчались к его изголовью, выказывая такое отчаяние, что простой народ подумал было, что король умер.

Неделю спустя ему стало лучше, однако депеша из Парижа сообщала, что вследствие слухов о его кончине герцоги де Монпансье, де Жуайез и д'Эпернон объединились для создания Регентского совета и для отстранения от трона сына Габриэль.

На рассвете святой субботы, 10 апреля 1599 года, Габриэль д'Эстре, маркиза де Монсо, герцогиня де Бофор, любовница короля Франции умирала в нескольких шагах от Лувра, где для нее были готовы покои королевы. Ей было двадцать шесть лет. Смерть этой молодой, излучавшей здоровье женщины была

настолько необъяснима, что король приказал произвести вскрытие. Она была отравлена. Правда, так и не было выяснено, была ли это воля Всевышнего или яд отравителя.

После погребения герцогини де Бофор Генрих IV возвратился в Фонтенбло, облачился в траур, чего ни один король никогда не делал, и утомленной рукой набросал несколько фраз своей сестре Екатерине: «Горе мое ни с чем не сравнимо, равно как и его причина, а потому скорбь и стенания – вот мой удел до могилы… Погиб корень моей любви, он никогда уж не возродится…»

Это было написано 15 апреля.

16 числа того же месяца друзья Беарнца, те, кого Сюлли пренебрежительно называл «поставщиками курочек и наперсниками разврата», удрученные тем, что король пребывает в такой печали, решили попробовать изменить его настроение. Прекрасно зная его натуру, они рассказали ему, что есть одна совершенно восхитительная молодая особа по имени Генриетта д'Антраг, которая живет в Мальзербе. Блондинка, грациозная, умная, образованная, с голубыми глазами и с очень привлекательными формами.

В глазах короля мелькнул огонек любопытства, и он потребовал новых подробностей. Тогда было сказано, что молодая красавица – дочь знаменитой Мари Туше, бывшей когда-то любовницей Карла IX, и что, судя по всему, она унаследовала от матери пылкий темперамент, принесший удачу ее матери.

В конце апреля, в то время как Сюлли продолжал переговоры с испанцами о браке Генриха IV с Марией Медичи, король уехал с друзьями, к которым присоединился и Бассомпьер, охотиться на зайцев в окрестностях Мальзерба.

«М-м д'Антраг, – сообщал Соваль, – была предупреждена о намерении свести с одной из ее дочерей и потому послала ему приглашение заехать к ней погостить и отдохнуть». Генрих IV немедленно бросил охоту и помчался в замок Мальзерб. Увидев Генриетту, он так явственно представил себе те восхитительные минуты, которые сможет провести с нею, что немедленно выразил свое удовольствие, доставив тем невероятное удовольствие родителям.

В ту же ночь он пожелал проникнуть в спальню красавицы и доказать ей, что в свои сорок восемь лет он все еще горячий мужчина. Но дверь спальни оказалась заперта.

На следующее утро он уже вовсю «вздыхал от безумной любви». А этого как раз и хотела м-м д'Антраг, мечтавшая, чтобы ее дочь заняла место Габриэль д'Эстре.

Несколько ночей подряд Генрих IV пытался достучаться в запертую дверь, за которой скрывалась юная красавица. Наконец,

разочарованный, подавленный, «с сердцем, переполненным разгоревшимся чувством», он покинул Мальзерб и вернулся в Фонтенбло.

Спустя две недели он снова появился в Мальзербе и продолжил ухаживания. Граф Овернский, сводный брат девушки, крайне недовольным тоном при свидетелях попросил Генриха IV прекратить свои домогательства. Король воспринял это с возмущением. Он осыпал графа бранью, раскланялся с хозяевами и покинул Мальзерб.

Так как избыток эмоций разгорячил его кровь, он отправился не в Фонтенбло, а в Шатонеф, где жила маршальша Ла Шатр – мать двух прехорошеньких молоденьких дочек. Едва приехав, он устремился к старшей из них, тут же повлек девицу в ее комнату, не оставив ей времени на удивление, и осчастливил своим особым вниманием, которым Генриетта в течение целого месяца так и не пожелала воспользоваться.

На следующий день он вернулся в Париж, не подозревая, что м-м де Шатр, взволнованная, смущенная и одновременно признательная, также погрузилась в мечты о будущем своей дочери.

Еще несколько дней Генрих IV продолжал кипеть от негодования, но в одно прекрасное утро проснулся, охваченный безумным желанием увидеть Генриетту.

Усевшись в носилки, он приказал везти себя в местечко Маркусси, неподалеку от Блуа, куда м-м д'Антраг и ее муж якобы в наказание отослали свою дочь после скандала, устроенного графом Овернским.

Короля приняли довольно прохладно, но, поскольку интриге надлежало развиваться, ему было позволено повидаться с Генриеттой наедине. Целых два часа та, которую Сюлли однажды назвал «вздорной и хитрой самкой», заставила себя просить, умолять и в конце концов потребовала сто тысяч экю…

Это, впрочем, не помешало королю снова сесть в носилки и вернуться в Маркусси со ста тысячами экю.

Она взяла короля за руку, обняла его и призналась, что ее родители никогда не позволят им спать вместе, «пока он не гарантирует сохранения чести в глазах света и спокойной совести перед лицом Бога», подписав обещание жениться на ней.

И в этот самый момент в комнату вошла м-м д'Антраг. Генрих, которому потребовалось время для размышления, откланялся.

Оказавшись за пределами замка, он добрался до замка Шенонсо, где, как ему было известно, королева Луиза Лотарингская, вдова Генриха III, жила в окружении фрейлин,

столь же хорошеньких, сколь и испорченных. С первого же вечера он отдал предпочтение одной из них, Мари Бабу де ла Бурдезьер, которая, «оказавшись кузиной Габриэль д'Эстре, обнаружила большое пристрастие к известному делу…»

Сильно увлекшись ею, он почти не покидал постель красавицы, пьянел от наслаждения целых три дня и, наконец, успокоенный, вернулся в Париж. Но неотступный образ Генриетты снова начал его преследовать, и однажды ночью, вызвав к себе графа Овернского, король дал письменное обещание вступить в брак в обозначенные господином д'Антрагом сроки.

В ту же ночь Генриетта откинула покрывало своей постели перед королем Франции и постаралась сделать все от нее зависящее, чтобы он как можно скорее сдержал данное обещание…

Через несколько дней Генрих IV вернулся в Париж в обществе новой фаворитки. Он был несколько утомлен, потому что Генриетта, стремясь побыстрее забеременеть, без конца укладывалась с ним на все подворачивавшиеся кровати, сундуки, ковры, солому в конюшнях, траву на лужайках – короче, повсюду в тех местах, которые оказывались пригодными для любовных игр, вплоть до «платяных шкафов», если верить некоторым мемуаристам…

В Париже она продолжала ту же практику, и король в восторге от того, что нашел себе любовницу по темпераменту, всецело отдался альковным подвигам, чем не на шутку встревожил двор. Тем более что в Лувре все были наслышаны о запросах новой фаворитки.

В начале декабря Генриетта сообщила королю, что ждет ребенка. И, надо сказать, очень кстати, потому что, по словам историка, очевидца тех событий, несчастный король «был просто не в состоянии расплачиваться с любовницей деньгами…»

Узнав, что ему предстоит стать отцом, Беарнец был страшно раздосадован, так как он собирался жениться на Марии Медичи, а не на фаворитке. А между тем эта беременность могла вынудить его порвать отношения с Тосканой и усадить на французский престол не любившую его маленькую интриганку. Чувствуя себя виноватым, он отправился к Сюлли и попросил его ускорить переговоры с дядей Марии Медичи.

Эта просьба короля доставила огромное удовольствие министру, всей душой ненавидевшему м-ль д'Антраг, чьи честолюбивые претензии он сразу разгадал. Генриетта узнала об этом лишь на следующий день. Гнев ее был ужасен.

Генрих IV терпеть не мог сцен. Он сказал спокойно: «Но ведь

надо еще, чтобы у вас родился мальчик!»

Пока фаворитка возносила молитвы на берегу Луары, в Париж пришла важная новость: папа, наконец, аннулировал брак Генриха IV с королевой Марго специальным указом от 15 декабря. Король был свободен…

В начале марта 1600 года договаривающиеся стороны пришли, наконец, к согласию. Великий герцог давал за племянницей 600000 золотых экю, из которых 350000 выплачивались в день свадьбы, а остальная сумма должна была компенсировать имевшийся долг.

Итог переговоров показался Генриху IV удачным, и потому он, не говоря ни слова Генриетте, направил г-на де Сийери во Флоренцию подписать брачный контракт.

Однажды в Фонтенбло, когда Генриетта спала, в открытое окно ее комнаты влетела молния и прошла через кровать. Фаворитка так перепугалась, что у нее случились преждевременные роды и она произвела на свет мальчика, который почти сразу умер.

Узнав об этом событии, Генрих IV почувствовал огромное облегчение. Он обнял несчастную Генриетту, чьи мечты разом испарились, и с легким сердцем уехал в Лион.

30 октября Мария Медичи высадилась в Тулоне. 3 ноября она прибыла в Марсель, 16 ноября – в Экс, а 2 декабря – в Лион, где, к своему удивлению, не нашла короля. Развязный и безответственный, он отправился в небольшое путешествие в обществе Генриетты, с которой снова помирился…

Из путешествия он возвратился только через неделю…

А так как в момент его возвращения было девять часов вечера, он сразу направился к супруге и принялся колотить в дверь ее комнаты. В эту ночь Мария Медичи стала настоящей королевой Франции…

В течение всего лета 1601 года животы королевы и фаворитки все больше округлялись, к вящей радости короля. К сожалению, обе будущие мамаши не разделяли его настроения. Обе постоянно поносили друг друга и поочередно устраивали сцены ревности Генриху IV, который, как всегда в таких случаях, выкручивался с помощью обещаний и подарков.

27 сентября в Фонтенбло королева родила. После представления новорожденного был устроен праздник. Несколько недель спустя Генриетта также родила мальчика, которому дали имя Генрих.

Так как Беарнец не упускал случая сделать какую-нибудь неприятность своей супруге, он объявил, что этот ребенок ему кажется более симпатичным, чем тот, которого родила королева,

что, разумеется, не улучшило отношений между двумя женщинами.

Раздраженный Генрих IV поручил Сюлли примирить обеих женщин, а сам тем временем решил отвлечься от домашних неприятностей в объятиях герцогини де Виллар, сестры Габриэль д'Эстре. А между тем эта юная особа со сладостной улыбкой была довольно ядовитой штучкой. После смерти герцогини де Бофор ей казалось, что именно она и никто другой должна стать фавориткой.

Генрих IV уложил ее в свою постель, но она не произвела на него особого впечатления, и связь эта продлилась недолго. Бедняжка была жестоко разочарована, потому что «вопреки своей природной стыдливости» предавалась всяческим извращениям в надежде обойти одаренную Генриетту д'Антраг, маркизу де Верней.

К этому времени и королева, и фаворитка вновь оказались беременными.

22 ноября 1602 года Мария Медичи произвела на свет дочь, которую назвали Елизаветой, а 21 января 1603 года маркиза де Верней также родила дочь, получившую имя Габриэль-Анжелика.

Вскоре раскрылся заговор, в котором главные роли играли отец маркизы Франсуа д'Антраг и ее сводный брат граф Овернский. При поддержке Испании и при заинтересованном содействии значительной части высшей французской знати они рассчитывали добиться признания Генриетты законной женой короля.

Узнав об этом, Генрих IV распорядился арестовать Франсуа д'Антрага. Король подумал, что самое время вернуть расписку с обещанием жениться на Генриетте. Д'Антраг рассказал, где хранится ценный документ. Когда расписка была уничтожена, Генрих IV вздохнул с облегчением.

Через несколько дней он приказал арестовать графа Овернского, а сам глаз не спускал с маркизы де Верней, жившей в особняке в предместье Сен-Жермен, что доставило огромное удовольствие королеве.

«С маркизой покончено», – сказал король своим близким.

И в подтверждение этого вдруг обзавелся новой любовницей… Ею оказалась блондинка, чье платье «нисколько не скрывало соблазнительную линию плеч и груди». Ее звали Жаклин де Бюэй.

Особа расчетливая, она согласилась уступить королю лишь за кругленькую сумму. Тальман де Рео писал, что «Генрих IV, который всегда искал себе только хорошеньких женщин и, несмотря на старость, увлекался ими и безумствовал еще больше,

чем в молодости, сторговался с нею за тридцать тысяч экю». Министр Сюлли, ворча, выложил деньги, и Беарнец обрел свою красотку.

Потом королю вздумалось подыскать ей мужа, и выбор его пал на Филиппа де Арлея, графа де Сези. Свадебная церемония состоялась 5 октября 1604 года и сопровождалась весьма любопытной сценой. Видя, как молодой человек входит с его любовницей в приготовленную для молодоженов спальню, король испытал приступ ревности. Одним прыжком подскочив к двери, он резко отворил ее, выгнал из комнаты Филиппа де Арлея, лег рядом с Жаклин де Бюэй и «стал наслаждаться ее прелестями» до наступления следующего дня, в то время как несчастный новобрачный кусал себе локти в соседней комнате…

Несмотря на новую любовницу, которую он вскоре сделал графиней де Море, Генрих IV очень быстро затосковал по своей драгоценной маркизе. Он присутствовал на процессе, который слушался в конце 1604 года, когда суд приговорил к смертной казни Франсуа д'Антрага и графа Овернского, а также «высказался» за то, чтобы маркизу де Верней отправили в монастырь, король вмешался и своею властью всех помиловал. В результате обоим заговорщикам заменили смертную казнь на пожизненное заключение, а фаворитка была помилована.

Мода на платья с вырезом чуть ли не до пупка была причиной очередного королевского увлечения. Однажды мартовским вечером 1607 года, во время какого-то праздника, Генрих IV заметил молоденькую и очень изящную особу «с соблазнительными и озорно вздернутыми грудями, каждая из которых была украшена ягодкой малины». Ее звали Шарлотта де Эссар. У короля тогда как раз выдалось немного свободного времени (м-м Море была беременна), он стал за ней ухаживать, и при этом так настойчиво, что уже на следующую ночь, по словам хрониста, «шалил в ее садике». В качестве возмещения убытка королевская казна выплатила ей довольно солидную сумму.

В течение нескольких месяцев м-ль де Эссар пользовалась всеми правами и надеялась стать третьей официальной фавориткой, но как только она забеременела, раздосадованный Генрих IV попросил Сюлли «избавить его побыстрее от этой женщины».

Так и сделали: родившуюся девочку окрестили Жанной-Батистой де Бурбон и тут же отослали в Шельский монастырь, а Шарлотту отвезли в Бомонское аббатство.

После этого король, превративший свой двор, по выражению флорентийского посла, почти в бордель, обогатил свой гарем, взяв в любовницы игривую Шарлотту де Фонлебон, фрейлину

королевы.

Эта юная красотка еще несла свою службу в королевской постели, когда в январе 1609 года Генрих IV был приглашен вместе с Марией Медичи на праздник, устроенный королевой Марго. Он оживился, когда посреди балетного спектакля на сцену вышла молоденькая певичка с золотыми волосами. Певичку звали «маленькая Поле», и голос у нее оказался восхитительный. Мемуарист утверждал, что «он пожелал спать с прелестной певуньей, чтобы заставить ее запеть, лежа под мужчиной». Справедливости ради мемуарист тут же добавил: «Все были уверены в том, что он свое намерение осуществил…»

Таким образом, у короля было пять наложниц.

Король продолжал вести бурную жизнь, когда королева Мария Медичи по случаю карнавальных празднеств приказала провести репетицию балета, в котором участвовали самые красивые девушки при дворе. Среди них была молоденькая Шарлотта де Монморанси, очаровательная блондинка четырнадцати с половиной лет. «Еще никому не приходилось видеть существа более прекрасного и более жизнерадостного», – сообщал Тальман де Рео. И Дре дю Радье вторил ему: «Ее нежный взор способен был воспламенить самых равнодушных…»

Король тут же пожелал увлечь Шарлотту к себе в комнату, но она отказалась, говоря, что еще слишком молода и что к тому же помолвлена с Франсуа де Бассомпьером.

Генрих IV терпеть не мог полумер. Он приказал разорвать помолвку и выдал маленькую Монморанси замуж за принца Конде, имевшего репутацию гомосексуалиста, «в надежде, что тот будет очень снисходительным мужем».

И действительно, в течение нескольких недель Конде с полным безразличием взирал на проделки короля, который тем временем обнаруживал все признаки разгорающейся страсти. Он вдруг сделался кокетливым, без конца переодевался, мылся, опрыскивал себя духами, аккуратно подстригал бороду. Иногда страсть толкала его на самые неожиданные чудачества. Как-то ночью он пожелал, чтобы Шарлотта с распущенными волосами вышла на балкон, держа в каждой руке по факелу. Увидев же ее в таком виде, он едва не лишился сознания.

Вполне возможно, что Шарлотта, всячески поощрявшая галантные подвиги Беарнца, была бы потом, как и многие другие, брошена, если бы внезапно, вопреки всем ожиданиям, ее муж не влюбился в нее. Став вдруг ужасным ревнивцем, он попросил у короля разрешения уехать к себе в провинцию. Генрих IV отказал ему, после чего между ними разгорелся яростный спор.

Но вот праздники завершились, Конде с Шарлоттой отбыли в

свой замок Мюре, неподалеку от Суассона.

Генрих IV решил похитить Шарлотту, а так как у него было особое пристрастие к необычным ситуациям, он поручил маркизу де Кевру, брату прекрасной Габриэли (и будущему маршалу д'Эстре), осуществление этой исключительной операции.

Шарлотта, невероятно скучавшая, узнав о грозящем ей похищении, в глубине души была готова следовать за своими похитителями, которые вот-вот должны были появиться. Но теперь уже Мария Медичи предупредила принца Конде, и задуманное мероприятие провалилось, к несказанной радости европейских монархов, которые с легко угадываемым интересом следили за всеми перипетиями этого ничтожного дела.

Церемония коронации состоялась 13 мая 1610 года в Сен-Дени. Когда королева вышла из базилики, король, которого все время не покидало легкомысленное настроение, вскочил на окно и вылил на нее сверху стакан воды. То была его последняя шалость…

На следующий день, 14 мая, Париж был украшен по случаю предстоящего официального вступления в столицу королевы. Король же сел в карету и поехал к малышке Поле. По словам Тальмана де Рео, «он собирался познакомить с нею своего внебрачного сына, герцога де Вандома. Ему хотелось пробудить в молодом человеке вкус к женским прелестям, так как он заметил, что сын не интересовался женщинами…» Свернув на улицу Ферронри, королевская карета попала в затор и была вынуждена остановиться: две тяжело груженые фуры никак не могли разъехаться на узкой улочке. Внезапно, откуда ни возьмись, какой-то негодяй вскочил на заднее колесо кареты и нанес три удара ножом прямо в грудь Генриху IV.

Король воскликнул: «Я ранен!» Кровь хлынула горлом, и он упал замертво.

Простой народ, в конце концов полюбивший старого волокиту, узнав о смерти короля, был просто ошеломлен. Торговцы позакрывали свои лавки, многие люди откровенно плакали прямо на улицах.

В день похорон весь Париж высыпал на улицы. «Толпа была так велика, – писал историк, – что люди буквально убивали друг друга, желая пролезть вперед и взглянуть на траурный кортеж…»

И это только усиливало впечатление от траура…

ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ РАСПУТИН (1864/65 или 1872 – 1916)

Настоящая фамилия – Новых. Крестьянин Тобольской губернии, получивший известность «прорицаниями» и «исцелениями». Оказывая помощь больному гемофилией наследнику престола, приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. Убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина гибельным для монархии.

В 1905 году появился при царском дворе Григорий Распутин. Предыстория его появления в Петербурге такова. Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они заметили на дворе монастыря обыкновенного странника, который колол дрова, и задали ему несколько вопросов. Он рассказал им о своих странствиях по святым местам и о своей жизни. Великие княгини совершали поездку на богомолье инкогнито, и им было скучно. Они стали приглашать Распутина, – а это был именно он – на чай, и разговаривали с ним. Распутин рассказал, что он из крестьян села Покровское Тобольской губернии, где у него были жена Прасковья, сын и две дочери. Григорий также с гордостью сообщил, что своими религиозными проповедями он привлекает много людей, и ему удается в религиозных спорах одолевать ученых миссионеров и богословов. И действительно, в личности Распутина было нечто такое, что привлекало к нему людей, и в особенности – женщин. Когда же он сообщил великим княгиням, что обладает способностью излечивать все болезни, в том числе и гемофилию, те решили пригласить Распутина лечить наследника.

Распутин прибыл в Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился в монастырской гостинице как гость архимандрита Феофана. В Царском Селе Распутина ожидали с нетерпением, но приняли сдержанно. Он оставил приятное впечатление, вел себя спокойно и с достоинством. К больному цесаревичу отнесся с особенной предупредительностью. Распутин обладал даром влиять на людей успокаивающим образом, и благодаря его уходу здоровье наследника значительно улучшилось. При всяком ухудшении здоровья мальчика и при малейшем его недомогании призывался чудотворец: он имел необъяснимую власть над мальчиком. И

благодаря тому, что императрица и император были убеждены в том, что Распутин необходим наследнику, этот мужик приобрел огромное влияние на царскую чету.

Распутин был крепышом, среднего роста, со светло-серыми глубоко посаженными глазами, с длинными каштановыми волосами, ниспадавшими на плечи. Его пронзительный взгляд мало кто мог выдержать.

Почитательниц Распутина можно разделить на две категории. Одни верили в его сверхъестественные силы и его святость, в его божественное назначение, а другие просто считали модным за ним ухаживать или старались через него добиться для себя или своих близких каких-нибудь преимуществ. Когда Распутина укоряли его слабостью к женскому полу, он обычно отвечал, что его вина не так уж велика, так как очень много высокопоставленных лиц прямо вешают ему на шею своих любовниц и даже жен, чтобы таким путем добиться от него каких-нибудь выгод для себя. И большинство этих женщин вступали в интимную связь с ним с согласия своих мужей или близких. Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздникам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особенно обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья.

Баснословный успех Распутина у царской четы сделал его каким-то божеством. Одного слова Распутина было достаточно, чтобы чиновники получали высокие ордена или другие отличия, должности, о которых они и мечтать не смели. По прихоти Распутина лишались мест министры и советники, по его же воле какой-нибудь незаметный чиновник мог сделать головокружительную карьеру. Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругался самыми непристойными словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость бывала неописуема. К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом, и присутствие их мужей и отцов его не смущало. Поведение Распутина должно было бы возмутить самую отъявленную проститутку, но никто из знатных дам и господ не показывал своего возмущения. Все боялись его и льстили ему. Дамы за столом целовали и облизывали его испачканные едой руки, потому что он ел без приборов.

Комнаты Распутина были почти без мебели, только в его рабочем кабинете стояли несколько кожаных кресел. В нем проходили интимные встречи Распутина с представительницами высшего петербургского общества. Все проходило очень просто, а затем Распутин сразу выпроваживал даму со словами: «Ну, ну, матушка, все в порядке!» – а сам отправлялся в баню. Он терпеть не мог слишком навязчивых особ, но, если ему отказывали, он преследовал женщину с упорством.

Жена Распутина приезжала в Петербург, чтобы навестить мужа и детей, которые жили с ним, лишь раз в год и оставалась на самое короткое время. Во время ее приездов старец не стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо. Она не обращала много внимания на его любовные похождения и говорила: «Он может делать все, что хочет. У него хватает для всех». Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило.

Страстный кутила, Распутин находился в наилучших отношениях со всеми прожигательницами жизни столицы. Любовницы великих князей, министров и финансистов были ему близки. Поэтому он знал все скандальные истории, связи высокопоставленных лиц, ночные тайны большого света и умел все это использовать для расширения своего влияния в правительственных кругах. Петербургские великосветские дамы, кокотки, знаменитые артистки, – все гордились своими отношениями с любимцем царской четы. Часто случалось, что Распутин звонил к одной из своих приятельниц из этого круга и приглашал в известный ресторан. Приглашения всегда принимались, и начинался кутеж и разврат. Впрочем, разврат не такого рода, какой, по слухам, устраивал Распутин до приезда в столицу, живя в Покровском. Односельчане Григория вспоминали, что вечером Распутин собирал своих последователей обоего пола и вел в лес. Там разводили костер и варили травы с благовониями, водили хоровод вокруг костра. Постепенно пляска убыстрялась и становилась совсем дикой. Когда костер гас, Распутин кричал: «Повинуйтесь плоти!» – и все бросались на землю. Начиналась оргия.

Судить о том, насколько правдивы эти сведения, сложно, а вот источники о столичных и московских кутежах Распутина вполне надежны. Так, полковник Семенов, пристав 2-го участка Сущевской части г. Москвы свидетельствовал о таком вечере в ресторане «Яр» 26 марта 1915 года. Распутин прибыл туда с вдовой А.И. Решетниковой, сотрудником московских и петербургских газет Н.Н. Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет,

приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости сезона» С.Л. Кугульского и пригласили женский хор, который пел и плясал для них. Распутин плясал «русскую», а затем начал откровенничать с певичками о царице. Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он, будто бы, обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая им записочки с надписями: «Люби бескорыстно» и т п. На замечания заведующего хором о непристойности его поведения старец заметил, что он всегда так ведет себя при женщинах.

Одной из самых известных женщин, попавших под влияние Распутина, была фрейлина императрицы Александры Федоровны А.А. Танеева (Вырубова). Вот как рассказывает очевидец, иеромонах Илиодор, об их отношениях, которые довелось ему самому наблюдать: «Приехали в Мраморный дворец. Распутин прямо-таки танцевал около Вырубовой, левою рукою он дергал свою бороду, а правой хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь. Вырубова покорно стояла. Он ее целовал. Я, грешным делом, подумал: "Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щеки…" А Вырубова терпела и, казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях… Наконец, Вырубова сказала: "Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой"… Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я не поверил бы, а то сам видел. Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом обеих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала Григория в губы и несколько раз поцеловала его грязные руки и ушла».

Илиодор также в своих записках рассказал, как в Царицыне, в одном из домов, Григорий Распутин «благословлял» поцелуями всех красивеньких и молоденьких дамочек и девушек. Целовал их несколько раз в доме, целовал во дворе и за воротами. Старухи тоже лезли освятиться поцелуями старца, но он их отталкивал. Один священник из Саратова рассказывал, что в то время, когда у него жил в гостях Распутин, к ним приехала молоденькая сестра жены. Старец пригласил ее пройтись в город, а во время прогулки схватил девушку, начал ее мять, целовать, хватать за разные части тела и прижимать к стене. Девушка вырвалась и прибежала в дом вся в слезах… Послушница Ксения рассказывала, как Распутин однажды, оставшись с ней наедине, приказал ей раздеть его, потом раздеться самой и лечь с ним в постель. Распутин начал ее целовать… И мучил часа четыре, а потом отпустил

домой.

А вот некоторые записи из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, сделанные в 1915 году.

«19 февраля Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. 1 по Спасской улице от Соловьевых с двумя дамами и на таксомоторе уехал, а в 3 ч. ночи вернулся домой один.

10 марта. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7–8 мужчин и женщин… и пробыли до 3-х часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала, и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. 8 по Пушкинской улице к проститутке Трегубовой, а оттуда в баню.

13 марта. Миллер купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

3 апреля. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

9 апреля. Распутин в 9 ч. 45 м. проведен в д. 18 по Садовой ул. к… А.Ф. Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и "Биржевой День". Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апреля. Распутин с монахом Мартианом был в д. 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина В.Е. Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни, и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

20 апреля. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10–12… В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска. Это происходило до 2 ч. ночи.

11 мая. Распутин привел к себе проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса домой пьяный.

2 июня. Распутин в 10 ч. вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, но дома ее не оказалось. Тогда он сам пошел к портнихе Кате. По-видимому, его не пустили в квартиру, он вернулся и стал приставать к жене швейцара. Та вырвалась и позвонила к нему в квартиру, и его прислуга, Дуня, увела Распутина домой».

И далее в таком же духе.

Летом он уехал в Покровское, где продолжал разгульную жизнь, время от времени посылая телеграммы в Царское Село, Вырубовой. И сюда к нему приезжали женщины отовсюду. Приехала из Тюмени жена офицера Патушинская, с которой он в обнимку гулял по своему двору. Затем начал похаживать к жене псаломщика Ермолая «с интимными целями». Когда Патушинскую вызвал муж домой, ее сменила жена некоего Добровольского, которая приехала с мужем к Распутину из Петрограда. Затем все вместе – Распутин с женой, Добровольские, дьякон Ермолай с женой отправились в Тюмень к Патушинским, где устроили гулянье по улице, а когда стемнело, Распутин с Патушинской незаметно «удалились в темноту».

По возвращении в Петроград Распутин продолжил ту же жизнь. Иногда ездил в Царское Село, откуда его привозила Вырубова на своем моторе, но чаще принимал у себя женщин, кутил, иногда приходил домой под утро, пьяный. Все новые и новые женские фамилии появлялись в отчетах. 14 ноября – княгиня Т. Шаховская, 25 ноября – артистка Варварова, 1 декабря Распутин с княгиней Долгоруковой в «Астории», 3 декабря к нему явилась содержанка сенатора Мамонтова – Воскобойникова, 12 декабря – опять с Варваровой, 14 декабря – Распутин с М. Ясинской ночью поехал в ресторан «Вилла Родэ», где поскандалил, потом в цыганский хор, потом на квартиру к Ясинской. 15 декабря он снова кутил в «Вилла Родэ», уже с Варваровой, а 17 декабря за ним прислала мотор княгиня Долгорукова из гостиницы «Астория»…

То же самое продолжалось и в 1916 году. Распутин приобретал все большее влияние на императрицу. Очевидно, не без его участия она уверовала в то, что ей одной суждено спасти православную Россию. И она не сомневалась, что покровительство Распутина и его «высокие духовные качества» необходимы для успеха. Она по всякому поводу советовалась с ним, просила его благословения. Но отношения царицы с Григорием были облачены покровом тайны. В газетах о них не писали ни слова. В обществе об этом говорили шепотом, и только самые близкие между собой, как о позорной тайне, в которую лучше не углубляться.

Все знали, что сам Распутин редко бывал во дворце, а виделся с царицей чаще всего у Вырубовой, в ее квартире на Средней улице, где по несколько часов проводил иногда с обеими женщинами.

Однако были в обществе люди, которых положение Распутина и его власть в стране возмущали. И они понимали, что единственный способ прекратить влияние малограмотного

мужика на царскую чету это убить Григория Распутина. Было совершено несколько неудачных покушений на старца. Наконец, задуманное удалось.

Во главе заговора встали князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович. Были приготовлены пирожные, пропитанные цианистым калием. Тот же яд был растворен в бокале вина. Распутина пригласили к князю. Вначале Распутин отказывался есть пирожные, но затем проглотил одно за другим. Яду в каждом хватило бы, чтобы убить человека, и Юсупов ждал результата, но тщетно. Тогда он предложил Распутину выпить мадеры. Старец выпил и пожаловался на легкое жжение в горле, выпил еще вина. Опять никакого толку. Когда Распутин попросил Юсупова спеть, тот вышел за гитарой, но взял револьвер и, вернувшись, выстрелил Распутину в сердце. Когда сообщники князя хотели спрятать тело, он ожил. В него выстрелили еще четыре раза, и тело выбросили в Малую Невку.

Императрица была вне себя от горя, а народ торжествовал. Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор. Однако кое-кто считал это убийство фатальным в истории империи. Сам Распутин якобы написал в завещании, что ежели его убьют дворяне, то «братья восстанут на братьев и будут убивать друг друга…» Хотя, казалось бы, каким нужно было быть слепцом, чтобы, видя всю мерзость русской действительности тех лет, не понять, что страна и народ идут к катастрофе. И то, что княгини уединялись в отдельных кабинетах с грязным мужиком-мошенником и валялись у него в ногах, яркое тому свидетельство.

ДОНАСЬЕН АЛЬФОНС ФРАНСУА САД (1740—1814)

Французский писатель, философ, политический деятель. Участник Французской революции 1789 года. Около тридцати лет провел в заключении. Последние десять лет жизни провел в Шарантоне, больнице для душевнобольных. Автор романов «120 дней Содома»(1785), «Жюстина, или Несчастная судьба добродетели»(1791), «История Жюльетты, или Благодеяния порока» (1797), сборника новелл «Преступления любви, или Бред страстей» (1800), сборника эссе «Философия в будуаре» (1795), пьес и других произведений.

Де Сад родился 2 июня 1740 года в отеле «Конде» в Париже. Его отец происходил из старинного провансальского дворянского рода. По линии матери, урожденной де Майе де Карман, он был в родстве с младшей ветвью королевского дома Бурбонов.

До четырех лет будущий писатель воспитывался в Париже вместе с малолетним принцем Луи-Жозефом де Бурбоном, затем был отправлен в замок Соман и отдан на воспитание своему дяде, аббату д'Эбрей. Аббат был просвещенным человеком, состоял в переписке с Вольтером, составил «Жизнеописание Франческо Петрарки». Он был также известен и распутством: в 1762 году попал в тюрьму за разврат. В 1766 году Донасьен в очень живых выражениях описал развратный образ жизни своего дяди: «… несмотря на свой сан, он постоянно держит при себе двух девок, его дом похож то ли на сераль, то ли на бордель».

С 1750 по 1754 год Донасьен обучался в коллеже Людовика Великого в Париже. После чего поступил благодаря дворянской грамоте в школу при полку легкой кавалерии королевской гвардии версальского гарнизона. В конце 1755 года он получил чин сублейтенанта без жалования в Королевском пехотном полку и вскоре попал в карабинерский полк графа де Прованса в качестве корнета (офицера-знаменосца). Лейтенант де Сад принимал участие в Семилетней войне.

В 1759 году де Сад поступил капитаном в Бургонский кавалерийский полк. Вероятно, именно тогда во время поездок в Париж и проявились его развратные наклонности. По выражению одного из товарищей, «его маленькое сердце, или, лучше сказать, тело, было чрезвычайно пылким».

После окончания Семилетней войны в 1763 году маркиз вышел в отставку в чине капитана кавалерии. Он поселился в Ла-

Косте, в одном из фамильных замков. Там он страстно влюбился в Лауру-Викторию-Аделину де Лори и преследовал ее своими ухаживаниями. И это всего за две недели до своей женитьбы, устроенной стараниями его отца, на девице Рене-Пелажи де Монтрей, дочери почетного президента Высшего податного суда и Мари-Мадлен де Плиссе.

15 мая брачный контракт был подписан. Старинный род де Садов соединялся с родом де Монтрей, совсем недавно получившим дворянский титул, но тем не менее уже обладавшим солидным состоянием и поддержкой при дворе.

18 октября 1763 года 20-летняя проститутка Жанна Тестар согласилась на любовную встречу с молодым элегантным дворянином в его доме. Там он провел ее в небольшую комнату без окон. Стены комнаты были задрапированы тяжелыми черными портьерами. Около одной из стен стояло несколько плетей. Немного позже, объяснил дворянин Жанне, она отстегает его любой из этих плетей, а потом сама выберет ту, которой он отстегает ее. Жана отказалась. Тогда де Сад, угрожая ей смертью, заставил ее разбить одно из распятий, висевших на стенах комнаты вместе с порнографическими рисунками.

Через две недели маркиз попал в тюрьму. Его поместили в башню Венсеннского замка. По словам отца, «для этих отвратительных занятий был специально снят маленький домик и куплена мебель в кредит, и он там предавался такому безбожному разврату, что сами девицы, участвовавшие в этом, сочли своим долгом донести на него».

Вся семья была в шоке, когда де Сада арестовали первый раз. К несчастью будущих жертв маркиза де Сада, родители его жены были весьма влиятельны при дворе. После 15 дней, проведенных в тюрьме, де Сад заявил о своем глубоком раскаянии и был выпущен на свободу. Полиция Парижа предупредила владельцев публичных домов, что де Сад представляет собой опасность для проституток, и он вынужден был начать подбирать для своих оргий непрофессионалов.

После освобождения де Сад, казалось, остепенился и стал, как и все, просто заводить себе любовниц. Его любовницами стали, например, мадемуазель Колет, известная актриса Итальянской комедии, мадемуазель Бовуазен. В мае 1765 года он уехал с ней в Прованс, где выдавал ее то за свою жену, то за родственницу. Рене-Пелажи ничего не знала о любовных связях своего мужа. О них, однако, была отлично осведомлена ее мать. Но даже и она не знала о том, что у де Сада недалеко от Парижа был загородный дом, где он регулярно устраивал бисексуальные оргии.

В 1766 году инспектор полиции Марэ сообщил в рапорте, что Донасьен бросил Бовуазен ради мадемуазель Дорвиль, «любезной взрослой девицы, сбежавшей недавно из веселого заведения мадам Югет». Вскоре поступил новый рапорт Марэ: «Две недели назад де Сад бросил девицу Ле Рой из «Опера» и не собирается восстанавливать отношения с ней».

В январе 1767 года умирает отец де Сада, а 27 апреля в Париже родился Луи-Мари, первый сын маркиза. Этой же весной разразился громкий скандал. «Ненависть к нему, охватившая всю публику, превосходит всякие описания», – отмечала одна маркиза.

В пасхальное воскресенье 3 апреля 1768 года Роза Келлер, тридцати шести лет, остановила маркиза на площади Виктуар и попросила милостыню. Сад спросил, не желает ли она подзаработать, и она выразила согласие стать его горничной. Позже маркиз говорил, что предупреждал ее о «небольших дополнительных обязанностях», и она согласилась.

По прибытии в Аркей ее привели в комнату, заставили раздеться, привязали к кровати лицом вниз, несколько раз безжалостно выпороли хлыстом и тростью, смазали раны какой-то мазью (по другим источникам – горячим воском). Ее крики, казалось, лишь придавали ему дополнительные силы. Наконец, де Сад издал дикий крик, опустился на пол и прекратил избиение. Она умоляла своего мучителя не убивать ее, поскольку не успела исповедаться на Пасху. На это маркиз заявил: «Можешь исповедаться мне!», – и попытался даже принудить ее к этому, угрожая убить и обещая закопать в саду. Келлер отказывалась, ей удалось сбежать. Ее приютила мадам Джульетта, от которой и стало известно о происшедшем. Английский суд не принял бы во внимание показания с чужих слов, хотя, учитывая последующую жизнь де Сада, можно поверить в их правдивость.

Вызванный властями хирург в общих чертах подтвердил суть рассказа пострадавшей. Де Сад заявил, что Келлер сама этого хотела и использовал он не хлыст, а плеть с узелками.

Семья маркиза откупилась от Келлер громадной суммой в 2400 ливров, но дело не было закрыто. Гораздо позже де Сад вложил в уста одного из своих героев слова: «Вспомните, как у парижских судей в знаменитом деле 1769 года выпоротый зад уличной девки вызвал больше сожаления, чем толпы, брошенные на голодную смерть. Они вздумали засудить молодого офицера, который пожертвовал лучшими годами своей жизни ради процветания своего короля, вернулся и получил награду – унижение из рук врагов страны, которую защищал». Как бы он ни жаловался устами вымышленных персонажей, сам де Сад получил

«освободительное письмо» от Людовика XV и был оправдан.

Его обязали жить тихо и мирно в своем замке на юге Франции. Он переехал туда вместе с семьей и пригласил с собой еще и младшую сестру жены Анн-Проспер, которая и стала вскоре практически его настоящей женой, не называясь так лишь официально. Той зимой в старинном замке де Сад была создана обстановка, всячески благоприятствующая получению сексуального наслаждения. Ставились целые эротические спектакли, весьма элегантные, в которых принимали участие не только Анн-Проспер, но и сама Рене-Пелажи, жена де Сада. В 1769 году у Рене и маркиза родился второй сын – Донасьен-Клод-Арманд, через год – дочь Мадлен-Лаура.

В 1772 году де Сад, приехав в Марсель, где хотел получить долг, дал указание своему лакею Лятуру найти и привезти в замок несколько молодых женщин для давно задуманной им оргии. Четыре портовых проститутки в возрасте от 18 до 23 лет, привезенных Лятуром в замок, были принуждены де Садом участвовать в сложном ритуале. Он избивал их и требовал, чтобы они били его, для чего предназначался громадный окровавленный хлыст с вделанными в плеть гвоздями. Девушки отказались, считая плеть слишком опасной, и предпочли использовать ивовую метлу, которой они нанесли ему, если в это можно поверить, восемьсот ударов, отмеченных им насечками на каминной доске. Его слуга тоже порол его. Между избиениями им были предложены различные комбинации секса с де Садом и Лятуром или же с тем и другим одновременно. Всем женщинам во время оргии неоднократно предлагались целые горсти анисовых конфет.

В тот же вечер де Сад устроил такую же оргию еще с одной проституткой. Через несколько часов ей и еще одной женщине из участников первой оргии стало плохо: у них началась рвота, которую невозможно было остановить.

3 сентября де Сад и Лятур были приговорены к публичному покаянию, которое они должны принести на паперти марсельского собора, после чего их должны были отвести на площадь Сан-Луи «для того чтобы господин де Сад был обезглавлен на эшафоте, а упомянутый Латур повешен на виселице…» 11 сентября парламент Экса утвердил приговор, вынесенный парламентом Марселя. На следующий день маркиз со слугой и Анн-Проспер совершили побег.

Позже де Сад был схвачен на Сардинии и посажен в тюрьму, но ему удалось оттуда бежать. Следующие несколько лет он провел на положении беглеца, скрываясь от преследования властей.

О марсельском приключении существует следующее свидетельство: «Новости из Марселя таковы: маркиз де Сад, вызвавший такую бурю в 1768 году ужасными проделками с девушкой, только что устроил в городе спектакль с ужасающими последствиями. Он дал бал, пригласив много гостей. Гостям подали изысканные шоколадные десерты, и многие отведали их, а те были начинены испанской мушкой. Действие этого снадобья хорошо известно: все, кто его отведал, загорелись нечестивым желанием и предались всем мыслимым излишествам, до которых только может довести неистовая похоть. Бал превратился в оргию, какой не бывало со времен Рима. Даже самые скромные женщины ничего не могли поделать с охватившим их зудом. Эту потеху маркиз устроил на радость себе и свояченице, с которой бежал, скрываясь от заслуженного наказания. Несколько человек умерли от излишеств, которым предавались, другие же до сих пор не пришли в себя».

В статье, опубликованной в «Ревю де Пари» в 1837 году, описывался другой случай, якобы происшедший в то время:

«…В июне он отправился в Марсель, сопровождаемый верным слугой, которого де Сад подготовил для соучастия в неописуемых блудодеяниях. Он захватил с собой запас конфет с начинкой из шпанской мушки, опасного стимулятора, который вызывает сильное расстройство нервной системы. Сообщники отправились в бордель, где пустили в ход вино и конфеты с наркотической начинкой. Действие сладостей не свелось только к смеху, развратным танцам и мерзким истерическим приступам. Одна из несчастных девушек, которую наркотик сделал античной вакханкой, выбросилась из окна и получила смертельные увечья, другая предавалась в полуобнаженном виде самым гнусным блудным действиям на виду у толпы, которая собралась перед входом в дом и отвечала ей воплями и разнузданными песнями.

Маркиз де Сад и его слуга скрылись. Власти и врачи расследовали обстоятельства этого преступного злодеяния. Две девушки скончались, то ли не вынеся бешеной похоти, то ли от ран, которые эти несчастные нанесли себе во время всеобщей свалки».

Противоречащие друг другу сообщения существуют обо всех эскападах де Сада, но очень может быть, что один эпизод растиражирован на несколько случаев.

В мае 1774 года де Сад получил полное прощение за все свои старые прегрешения в связи с восхождением на трон нового короля Франции. Молодой и красивый маркиз де Сад, заместитель губернатора четырех королевских провинций, не теряя времени, стал осуществлять свою давнюю мечту:

заниматься сексуальным образованием молодых девушек в своем замке. Анн-Проспер уже покинула его к тому времени, но его жена Рене-Пелажи по-прежнему оставалась верной спутницей и помощницей во всех его начинаниях. С ее помощью он отыскал опытную сутенершу, которая нашла для него пятерых 15-летних девушек и одного мальчика, якобы для работы слугами в замке. Вновь начались оргии, которыми на этот раз, вероятно, руководила Рене-Пелажи. В результате всего этого разыгралась очередная трагедия: двум девушкам удалось сбежать из замка, а одной из них при этом понадобилась срочная медицинская помощь. Родители трех девушек подали на де Сада в суд. У сутенерши от де Сада родился ребенок. Теща де Сада помогла ему быстренько упрятать сутенершу в тюрьму, чтобы она поменьше болтала. Ее ребенок вскоре умер, поскольку за ним никто не присматривал. Де Сад, ничуть не обескураженный всеми этими обстоятельствами, подкупил монаха местного монастыря, который и стал поставлять ему новые жертвы для оргий, убеждая при этом встревоженных родителей в том, что дисциплина в замке маркиза не менее строга, чем в монастыре.

В начале 1777 года из Парижа пришла весть о том, что мать де Сада умирает. Несмотря на то, что он всегда относился к ней весьма равнодушно, де Сад немедленного отправился в Париж. Друзья предупреждали маркиза о том, что теща попытается устроить так, чтобы его арестовали. Действительно, когда пять марсельских проституток обвинили его в том, что он пытался их сначала изнасиловать в извращенной форме, а затем и отравить, теща маркиза де Сада сумела добиться специального королевского указа для своего зятя, по которому он оставался на неопредленное время в заключении без суда. Так де Сад в 1777 году был заключен в Венсеннский замок. В конце февраля он писал: «Отчаяние овладевает мною. Временами я не узнаю сам себя. Моя кровь слишком горяча, для того чтобы я мог вынести эту ужасающую пытку». Теща заявляла: «Все идет как и следует по справедливости».

В тюрьме в нем вдруг проснулся писатель. Де Сад создал за решеткой огромное количество литературных произведений, подавляющее большинство которых были эротическими.

Рене-Пелажи оставалась верна ему на протяжении всего его двенадцатилетнего тюремного заключения, но развелась с ним сразу же, как только он оказался на свободе. Правда, прежде она организовала его побег, но решение прованского парламента осталось в силе, поэтому, когда маркиз через пять лет появился Париже, его снова взяли под стражу. Еще один побег и еще один арест. На этот раз заключение продлилось более десяти лет…

«Да, я распутник, – писал он ей, – и признаюсь в этом, я постиг все, что можно постичь в этой области, но я, конечно, не сделал всего того, что постиг, и, конечно, не сделаю никогда. Я распутник, но я не преступник и не убийца».

Рене-Пелажи добивалась свидания с мужем, снабжала его книгами, организовала прекрасное питание. Проповедник свободной любви тем не менее терзался ревностью. И тогда, чтобы успокоить его, она удалилась в монастырь.

В тюрьме маркиз много читал, там написал программное сочинение «120 дней Содома», где изложены главные постулаты садизма.

Его освободила из тюрьмы Великая Французская революция. Он был теперь гражданином Садом, памфлетистом, оратором и живой легендой, поскольку, находясь за решеткой, ухитрился предсказать в одной из своих произведений исторический штурм Бастилии. Во времена Большого Террора де Сад стал революционным судьей. Маркиз оказался не в состоянии потребовать смертной казни для своей тещи, когда ему было передано на рассмотрение ее дело. Он был объявлен «умеренным» и чудом сумел избежать гильотины: его просто не нашли в переполненной тюрьме…

В 1801 году цензором Наполеона против него был возбужден судебный иск. Предлогом для этого стала публикация очередного эротического романа де Сада, хотя подлинной причиной этого судебного разбирательства был выход в свет памфлета, в котором он зло высмеивал Наполеона и его жену Жозефину. Де Сад был объявлен сумасшедшим и опасным для общества и помещен в психиатрическую лечебницу в Шарантоне, где и провел остаток своих дней. Директор лечебницы разрешил де Саду ставить свои драмы в местном театре. Де Сад сам часто участвовал в спектаклях и играл роли злодеев.

В первые годы своего тюремного заключения де Сад вел любовную переписку с Мари-Дороте де Руссе, своей бывшей экономкой. Но в 1784 году она умерла.

После освобождения он жил несколько месяцев с 40-летней вдовой, а затем у него завязались теплые отношения с молодой актрисой Мари-Констанс Ренель, о которой он написал: «Эта женщина – ангел, ниспосланный мне Богом». Он жил с ней какое-то время на сеновале, где ухаживал за ее маленьким ребенком, зарабатывая на жизнь тем, что служил рабочим сцены в местном театре. Она отправилась вместе с ним в психиатрическую лечебницу в Шарантон и, похоже, не очень-то возражала, когда этот растолстевший, ревматический, полуслепой старик нашел себе молодую любовницу-прачку. В психиатрической лечебнице

де Сад, с разрешения директора, выдавал приехавшую с ним Ренель за свою незаконнорожденную дочь. О последней любовнице де Сада, Мадлен, известно лишь то, что ей было 15 лет, когда она сблизилась с 72-летним маркизом. Известно также, что ее мать надеялась, что маркиз поможет Мадлен стать актрисой.

Де Сад, по всей вероятности, был человеком, в котором сосуществовало сразу несколько личностей. У него был мощный интеллект и настоящее литературное дарование. Все его жестокости были, скорее, более театральными, чем подлинными. Поскольку он в прошлом был кавалерийским офицером, вероятно, любил и «ездить верхом», и стегать кнутом все, что хоть чем-то напоминало ему лошадь. Кроме этого, де Сад, очевидно, сам был так напуган своими собственными страстями и эмоциями, которые вызывали в нем женщины, что он всегда пытался подчинить своей воле этих женщин для того, чтобы подавить и подчинить самого себя.

В своем завещании он написал: «Когда меня засыплют землей, пусть сверху разбросают желуди, чтобы молодая поросль скрыла место моего захоронения и след моей могилы исчез бы навсегда, как и я сам надеюсь исчезнуть из памяти людей».

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799—1837)

Величайший русский поэт и писатель, родоначальник новой русской литературы, создатель русского литературного языка. Окончил Царскосельский (Александровский) лицей (1817). Был близок к декабристам. В 1820 году под видом служебного перемещения был сослан на юг (Екатеринослав, Кавказ, Крым, Кишинев, Одесса). В 1824 году уволен со службы и выслан в село Михайловское под полицейский надзор до 1826 года. Скончался от раны, полученной на дуэли. Его перу принадлежат поэмы «Кавказский пленник» (1820—1821), «Цыганы» (1823—1824), «Борис Годунов» (1825), «Евгений Онегин» (1823—1831), «Медный всадник» (1833) и др.

«Моя женитьба на Натали (это, замечу в скобках, моя сто тринадцатая любовь) решена», – признался как-то Пушкин в письме княгине В.Ф. Вяземской весной 1830 года. Может быть, это откровение было шуткой или молодецкой бравадой. Но, так или иначе, любовный опыт поэта, зафиксированный современниками, чрезвычайно богат.

Природа наделила Пушкина крепким здоровьем, заложила в него огромный запас энергии и жизненных сил. «Великолепная натура», – сказал знаменитый хирург Арендт, осматривая смертельно раненого поэта. Только один недостаток был присущ ему – нервная, чувственная возбудимость. И именно этот порок волновал и привлекал к нему женщин.

Большинство его увлечений носило мимолетный характер. Так – легкий, ни к чему не обязывающий флирт. Но если уж влюблялся, то ему непременно нужно было физическое обладание. Пушкин буквально сходил с ума, когда его избранница оставалась недоступной. Правда, это удавалось немногим. Женщин влекло к нему, хотя внешне поэт был малопривлекателен.

«В лицее он превосходил всех чувственностью, а после, в свете, предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий… У него господствовали только две стихии: удовлетворение чувственным страстям и поэзия; и в обеих он ушел далеко».

Это воспоминания о поэте холодного и чопорного барона М.А. Корфа, который в лицее учился в одном классе с Пушкиным. Конечно, можно с недоверием отнестись к словам человека, не

любившего поэта. Однако выводы свои он делал на основании неоспоримых фактов.

Однажды в лицее совсем еще юный Пушкин увидел в темном коридоре женскую фигуру. Тихо подкравшись к ней сзади, подросток бесцеремонно обнял незнакомку и попытался поцеловать, но в последний момент увидел, что перед ним старая дева фрейлина княжна В.М. Волконская. Обескураженный подросток быстро исчез, но это не спасло его от неприятности. В тот же день разгневанная княжна пожаловалась государю. Пушкину грозило отчисление из лицея. С большим трудом директору лицея Е.А. Энгельгардту удалось выпросить виновному прощение.

Пушкин удовлетворял внезапно вспыхнувшие в нем плотские желания с женщинами легкого поведения. Такие мимолетные связи тут же забывались. Однако его сердце бешено билось при встрече с красивыми светскими дамами. Вот тогда чувства переполняли его душу, и он переживал любовь как тяжелую болезнь. Вот тогда и рождались удивительные стихи…

Еще учась в лицее, юный Пушкин встретил в театре Екатерину Павловну Бакунину, сестру своего товарища, и с первого взгляда пленился ею. Целую зиму томился он любовью к очаровательному созданию, пока не повстречался с Марией Смит, в девичестве Шарон-Лароз. Молодая вдова приходилась дальней родственницей директору лицея Е.А. Энгельгардту. Чуть ли не каждую ночь проходили у него тайные свидания с красивой и пылкой вдовой, которая охотно принимала своего юного любовника.

Летом 1817 года Пушкин закончил лицей и переехал жить в Петербург. Здесь он окунулся в светскую жизнь. Среди его увлечений несколько дам полусвета, среди которых называются Штейгель и Ольга Массон. В это же время он интересовался театром. Александр был покорен актрисой Екатериной Семеновой, находившейся в зените своей славы. Юный Пушкин впечатлился не столько ее красотой, столько необыкновенным талантом. По словам Н.И. Гнедича, близкого друга Семеновой, поэт не вызвал ответного чувства. Первой его любовницей в столице стала княгиня Евдокия Ивановна Голицына, которая была почти на 20 лет старше поэта. В доме княгини, блиставшей своей красотой, собиралось изысканное общество. Молодой поэт был самым желанным гостем. Однако в декабре 1818 года друг поэта А. Тургенев писал: «Жаль, что Пушкин уже не влюблен в нее…»

6 мая 1820 года по высочайшему повелению за написание вольнодумных стихов Пушкин был выслан из столицы. Он выехал из Петербурга смертельно уставшим от разгульной жизни, где-то

в глубине души лелея мысль отдохнуть от мирской суеты. Но молодость и кипевшая в нем страсть взяли свое. Южная ссылка началась с приятного знакомства с дочерьми генерала Раевского – 22-летней Екатериной, 16-летней Еленой, 14-летней Марией. Скорее всего Пушкин был влюблен во всех трех сразу. Мария – будущая княжна Волконская – позже написала: «Как поэт, он считал долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек, с которыми он встречался».

По приезде в Кишинев он быстро покорил сердце очаровательной Людмилы Инглези, жены богатого бессарабского помещика. Людмила, известная своей красотой и романтическими похождениями, была по крови цыганка. Тайна связи ее с поэтом открылась. Разгневанный муж устроил Пушкину публичный скандал и вызвал на дуэль. Наместник Бессарабской области Иван Никитич Инзов, под началом которого служил Пушкин, посадил «проказника» на гауптвахту, а чете Инглези предложил немедленно уехать за границу. Таким образом удалось сохранить для России великого поэта.

А Пушкин вновь искал приключений, соблазняя одну за другой очаровательных и податливых красавиц: Мариолу Рали сменила Аника Сандулаки, а затем в жарких объятиях поэта оказалась Мариола Балш. Следует упомянуть также Калипсо Полихрони. Гречанка обладала удивительным голосом, нежным и волнующим. Именно одну из них и предложил Пушкин: «Гляжу, гляжу, как безумный, на черную шаль…» Калипсо посвящено стихотворение «Гречанке».

…В губернском доме на Левашовской улице в Киеве протекала обычная светская жизнь. По вечерам, особенно в дни праздников, здесь собирался весь город. В толпе гостей оказался однажды и Александр Пушкин. Было это в мае 1820 года. По пути на юг к месту ссылки он проездом ненадолго задержался в Киеве. Вновь попал он сюда в начале следующего года и прожил тут несколько недель.

Дом Раевских, где остановился поэт, сообщался с губернаторским домом общим садом. Естественно, соседи часто виделись, а Пушкин «проводил свою жизнь» в семье губернатора Ивана Яковлевича Бухарина и его супруги Елизаветы Федоровны. Но не только радушные хозяева, веселье балов и общество блестящих офицеров влекли сюда поэта.

В пестром хороводе местных красавиц он сразу же выделил двух элегантных, прелестных полячек, дочерей графа Ржевусского. Обе были замужние, что не мешало им, кокетничая, обольщать многочисленных поклонников.

Младшей, Эвелине, исполнилось семнадцать, и была она, по

словам знавших ее тогда, красивой, как ангел. Старшая, Каролина, отличалась не меньшей красотой, но это была красота сладострастной Пасифаи, она была на шесть лет старше Пушкина. Величавая, словно римская матрона, с волшебным огненным взором валькирии и соблазнительными формами Венеры, она произвела на поэта неотразимое впечатление. И осталась в памяти женщиной упоительной красоты, обещающей блаженство тому, кого пожелает осчастливить. Пушкин мечтал попасть в число ее избранников.

Но там, в Киеве, она вспыхнула кометой на его горизонте и исчезла. Однако не навсегда. Вновь Каролина взошла на его небосклоне, когда поэт неожиданно встретил ее в Одессе.

Пушкин увидел ее на рауте у генерал-губернатора, куда, скрепя сердце, Каролину Ржевусскую (по мужу Собаньскую) иногда приглашали из-за Витта. Он сразу заметил ее пунцовую без полей току со страусовыми перьями, которая так шла к ее высокому росту.

Радость встречи с Каролиной омрачил Ганский – муж Эвелины. Заметив, с каким нескрываемым обожанием поэт смотрит на Собаньскую, как боязливо робеет перед ней, он счел долгом предупредить юного друга насчет свояченицы. Разумеется, он имел в виду ее коварный нрав, жестокое, холодное кокетство и бесчувственность к тем, кто ей поклонялся, – ничего более.

Пушкин не очень был расположен прислушиваться к советам такого рода, тем более что ему казалось, будто он влюблен. Однако и сам видел, что в присутствии Каролины делается каким-то удрученным, слова не идут на ум. Где его непринужденность, остроумие, веселый смех? Почему он так скован, так неловок? Досадуя на себя, он хотел преодолеть не свойственную ему робость, пытался ухаживать смелее. Она встречала его попытки насмешкой.

Он искал с Каролиной встреч, стремился бывать там, где могла оказаться и она, ждал случая уединиться с ней во время морской прогулки, в театральной ложе, на балу. Иногда ему казалось, что он смеет рассчитывать на взаимность (кокетничая, Каролина давала повод к надежде). Ему даже показалось однажды, что он отмечен ее выбором. В день крещения сына графа Воронцова 11 ноября 1823 года в Кафедральном Преображенском соборе она опустила пальцы в купель, а затем, в шутку, коснулась ими его лба, словно обращая в свою веру.

Воистину он готов был сменить веру, если бы это помогло завоевать сердце обольстительной полячки. В другой раз он почти уверовал в свою близкую победу во время чтения романа, когда

они вдвоем упивались «Адольфом». Она уже тогда казалась ему Элеонорой, походившей на героиню Бенжамена Констана не только пленительной красотой, но и своей бурной жизнью, исполненной порывов и страсти.

Через несколько лет он признался ей, что испытал всю ее власть над собой, более того, обязан ей тем, что «познал все содрогания и муки любви». Да и по сей день испытывает перед ней боязнь, которую не может преодолеть.

Не сумев растопить ее холодность, так ничего тогда в Одессе и не добившись, он отступил, смирившись с неутоленным чувством.

…Пушкин вновь встретился с Каролиной Собаньской в Петербурге. Старая болезнь острым рецидивом пронзила сердце. Ему показалось, что все время с того дня, как впервые увидел ее, он был верен былому чувству. Лихорадочно набрасывал он одно за другим два послания к ней. Но так и не решался их отправить. Поэт доверил сокровенное листу бумаги («мне легче писать вам, чем говорить»). Перед нами в них предстает Пушкин, поклоняющийся Гимероту – богу страстной любви, сгорающий от охватившего его чувства.

Когда до Каролины дошли слухи о том, что Пушкин обвенчался, злая усмешка скривила ее губы…

В 1823 году из захолустного Кишинева Пушкина перевели в шумную Одессу. Поэт провел в приморском городе всего один год, но и здесь за столь короткий срок он покорил сердца двух красавиц. Первой его «жертвой» оказалась Амалия Ризнич – жена богатого коммерсанта. Дом Ивана Ризнича постоянно был полон гостей. На одном из таких приемов Пушкин и познакомился с Амалией. Полунемка, полуитальянка, с некоторой примесью еврейской крови, высокая, стройная, с необычайно красивыми горящими глазами, удивительно белой и изящной шеей и высоким бюстом – она пленила буквально всех мужчин. А предпочтение отдала поэту. Счастливые встречи двух влюбленных длились недолго. Муж узнал об их связи и тут же отправил неверную жену в Италию, лишив материальной поддержки. Поэт тяжело пережил разлуку. Он посвятил Амалии стихотворение «Для берегов отчизны дальной…»

Однако вскоре Пушкин утешился, обратив свой взор на Елизавету Ксаверьевну Воронцову (в девичестве Браницкую). Поэта не пугала игра с огнем – предметом его нового обожания стала жена всесильного и грозного генерал-губернатора графа Воронцова. Современник Вигель писал об Элизе, которой было за тридцать: «С врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в этом не успевал». О

взаимности Элизы говорят стихи поэта, а воспоминания и свидетельства современников повествуют о скандалах, которые даже светские приличия не могли затушевать. Молодые люди таились, скрывали от людских глаз свою связь, но графу все стало известно о неверности жены, и он предписал Пушкину немедленно выехать в Херсонский уезд и собрать там материалы о ходе работ по истреблению саранчи. Поэт счел такой приказ оскорбительным и написал прошение об отставке.

Запутавшись в своих любовных связях, озлобленный на себя, уволенный со службы, Пушкин приехал в Михайловское. Первые месяцы он жил мыслями об Одессе, оставленной там Елизавете Ксаверьевне, много сочинял. Со временем тоска прошла, душевная боль утихла, и поэта вновь потянуло в общество женщин, благо что они были рядом – всего в нескольких верстах от дома. В соседнем селе Тригорское жила с семьей Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу Вульф. Вместе с ней на лоне природы отдыхали дочери от первого брака, Анна и Евпраксия, падчерица Александра Ивановна и племянница Анна Ивановна.

Пушкин зачастил к соседкам, где его с нетерпением ждали. Молодежь вместе проводила целые дни, девицы постоянно кокетничали с молодым человеком. Боясь кого-либо обидеть, он ко всем относился с одинаковой симпатией, дарил им стишки в альбомы. Но вскоре цветущая, пышущая здоровьем хозяйка имения стала любовницей поэта. Она была на пятнадцать лет старше своего избранника. А он уже поглядывал на 15-летнюю Евпраксию, которую шутливо звал Зизи, глаз не сводившую со своего кумира, буквально обожествлявшую его. И, конечно, в один из вечеров, когда они остались одни, она без колебаний отдалась властителю своих дум. Связь Пушкина с Зизи стала известна обитателям Тригорского, и заговорили о предстоящей свадьбе. Может быть, так бы и случилось, если бы в это время не приехала погостить к своим родственникам Анна Керн.

Пушкин когда-то встречался с Керн в Петербурге в доме Олениных и нашел ее очень милой. После этого молодые люди не виделись шесть лет. Увидев вновь Анну, поэт потерял покой. Внезапно вспыхнувшая любовь всецело поглотила его.

Перед отъездом Анны в Ригу Пушкин протянул ей сложенный вчетверо листок почтовой бумаги. Она развернула его и прочла:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Сорок лет спустя Анна Петровна Керн в своих воспоминаниях писала: «Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него мелькнуло в голове, не знаю».

Анна Керн и ее двоюродная сестра Анна Вульф, тоже прелестная и молодая, безответно влюбленная в Пушкина, уезжали в Ригу. Пушкин избирал тактику опытного ловеласа: написал письмо Анне Вульф, но предназначено оно было для глаз другой. «Каждую ночь гуляю я по саду и повторяю себе: она была здесь – камень, о которой она споткнулась, лежит у меня на столе… Мысль, что я для нее ничего не значу, что, пробудив и заняв ее воображение, я только тешил ее любопытство, что воспоминание обо мне ни на минуту не сделает ее ни более задумчивой среди ее побед, ни более грустной в дни печали, что ее прекрасные глаза остановятся на каком-нибудь рижском франте с тем же пронизывающим сердце и сладострастным выражением, – нет, эта мысль для меня невыносима…»

Он писал и самой Керн. «Ваш приезд в Тригорское оставил во мне впечатление более глубокое и мучительное, чем то, которое некогда произвела на меня встреча наша у Олениных».

А свою тетушку Прасковью Александровну Осипову он спрашивал в письме (не сомневаясь, что Керн покажут эти строки): «Хотите знать, что за женщина г-жа Керн? Она податлива, все понимает; легко огорчается и утешается так же легко; она робка в обращении и смела в поступках; но она чрезвычайно привлекательна».

Анна Керн запомнила эти строки на всю жизнь.

«Ваш образ встает передо мной, такой печальный и сладострастный; мне чудится, что я вижу ваш взгляд, ваши полуоткрытые уста. Прощайте – мне чудится, что я у ваших ног, – место, которому я от всей души завидую».

Он призывал ее бросить все, в том числе мужа, генерала Керна, и приехать к нему, может быть, в Псков. Пушкин писал: «Вы скажете: "А огласка, а скандал?" Черт возьми! Когда бросают мужа, это уже полный скандал, дальнейшее ничего не значит или значит очень мало… Если вы приедете, я обещаю вам быть любезным до чрезвычайности – в понедельник я буду весел, во вторник восторжен, в среду нежен, в четверг игрив, в пятницу, субботу и воскресенье буду чем вам угодно, и всю неделю – у ваших ног».

И она сбежала от своего мужа! Однако вскоре женщина

обнаружила, что осталась почти без средств к существованию, поскольку обманутый муж отказался содержать ее. Анна, чтобы заработать себе на кусок хлеба, вычитывала корректуры, переводила с французского. Она ждала Пушкина с тайной надеждой. Теперь она была свободна, и они могут встречаться без помех. Однако, вернувшийся в 1826 году из Михайловского поэт был любезен с ней, но не искал встреч наедине. Правда, они все же сблизились. Александр писал об этом своему другу Сергею Соболевскому в таких выражениях, которые издатели чаще всего заменяют тремя точками. В этом весь Пушкин, признавшийся однажды: «Может быть, я изящен и благовоспитан в моих писаниях, но сердце мое совершенно вульгарно…»

Анна Керн часто перечитывала письма Пушкина из Михайловского, пока не продала их по пятерке за штуку. Чтобы не умереть с голоду. После смерти второго мужа – человека доброго, но бедного – Анну Петровну забрал к себе в Москву сын.

Что касается бессмертного стихотворения, то Керн передала его Глинке, который написал романс, ставший также бессмертным, как и имя той, кому стихи были посвящены.

Осенью 1826 года столица устроила любимому поэту восторженную встречу, его буквально разрывали на части, приглашали на балы, приемы, банкеты. Пушкин упивался, наслаждался своей славой. Издатели платили ему самые высокие гонорары, которые он небрежно проигрывал в карты.

Но все чаще накатывались тоска и скука. Приближающаяся осень жизни наводила поэта на мысль, что пора остепениться, обрести тихую, спокойную гавань. Софья Федоровна Пушкина, Екатерина Николаевна Ушакова, Анна Алексеевна Оленина, Наталья Николаевна Гончарова… Барышни хорошо воспитанные, красивые, но не слишком богатые. Сватовство к С.Ф. Пушкиной окончилось неудачей. Ровно через неделю после его предложения, 8 декабря 1826 года, было объявлено о помолвке Софьи с В.А. Паниным. Пушкин оказывал внимание Ушаковой, и все говорили о грядущей помолвке поэта, но в мае 1827 года он уехал в Петербург и до декабря следующего года не появился в Москве. Пушкин предложил руку и сердце Анне Алексеевне Олениной, отец которой, Алексей Николаевич, был директором Публичной библиотеки и президентом Академии художеств. Поэт получил решительный отказ от матери невесты. Удрученный, он поспешил к Ушаковой. Поздно! Та уже была помолвлена с другим. «С чем же я остался?» – воскликнул Пушкин. «С оленьими рогами», – ответила Екатерина.

Зимой, в самом конце 1828 года, на балу у знаменитого московского танцмейстера Иогеля Пушкин встретил 16-летнюю

необычайно красивую девочку – Наталью Гончарову. Она только недавно начала выезжать, но о ней уже говорили в свете, называли ее одной из первых московских красавиц, восхищались ее одухотворенной, «романтической» прелестью.

Очарованный поэт вскоре сделал ей предложение и получил неопределенный ответ – полуотказ, полусогласие. Но он не отступил: слишком сильна была его влюбленность; мечта о счастье с этой девочкой, такой не похожей на него, такой спокойной, нежной, умиротворяющей, кружила ему голову.

Около двух лет тянулась история пушкинского сватовства. И вот наконец в апреле 1830 года согласие было получено. «Участь моя решена. Я женюсь… Та, которую любил я целые два года, которую везде первую отыскивали глаза мои, с которой встреча казалась мне блаженством – Боже мой – она… почти моя… Я готов удвоить жизнь и без того неполную. Я никогда не хлопотал о счастии, я мог обойтиться без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его?» Так писал Пушкин весной 1830 года, сразу после помолвки. С этого времени Пушкин постоянно возвращается к мысли о возможности счастья для него, бездомного, гонимого поэта с зыбким и туманным будущим.

Свадьба беспрестанно откладывалась. «Пушкин настаивал, чтобы поскорее их обвенчали. Но Наталья Ивановна напрямик ему объявила, что у нее нет денег. Тогда Пушкин заложил именье, привез денег и просил шить приданое. Много денег пошло на разные пустяки и на собственные наряды Натальи Ивановны», – вспоминала княгиня Долгорукова.

Временами на поэта находила жестокая хандра. В такие моменты он нервничал, жаловался друзьям, ходил мрачным. За неделю до свадьбы он писал своему приятелю Н.И. Кривцову: «Женат – или почти. Все, что бы ты мог сказать мне в пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвесил выгоды и невыгоды состояния, мною избираемого. Молодость моя прошла шумно и бесплодно. До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут. Счастья мне не было… Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей…»

Свадьба прошла торжественно. Наталья Николаевна перестала быть отдаленной прекрасной мечтой. Он стал относиться к ней менее возвышенно – и еще больше полюбил. «… Женка моя прелесть не по одной наружности», – писал Плетневу через несколько дней после свадьбы.

А был ли счастлив вообще Александр Сергеевич? С молодых

лет в нем уживались два человека – чувственный и вместе с тем рассудочный; способный увлекаться почти до безумия, но никогда не отдающий себя женщине целиком. Из многочисленных любовных приключений нельзя назвать ни одного, которое бы подчинило его душу. Кровь в нем бурлила, но в глубине своего существа поэт оставался тверд.

Признаваясь в любви многим, он любил по-настоящему, наверное, только свою Музу.

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ (102 или 100 – 44 до н э.)

Римский диктатор (49, 48–46, 45, с 44 – пожизненно). Полководец. Начал политическую деятельность как сторонник демократической группировки, занимал должность трибуна (73), эдила (65), претора (62). Добиваясь консулата, вступил в союз с Г. Помпеем и Крассом (1-й триумвират) (60). Консул (59), затем наместник Галлии. Подчинил Риму всю заальпийскую Галлию (58–51). Разгромив бывшего союзника Помпея и его сторонников (49–45), стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев. Автор «Записок о галльской войне» и «Записок о гражданских войнах»; провел реформу календаря (Юлианский календарь).

Цезарь принадлежал к знатному патрицианскому роду Юлиев. Основателем этого рода считался Юл, сын Энея, внук самой богини Венеры.

Гай Юлий Цезарь родился в 100 (или 102) году до н э. В это время полководец Марий отразил нашествие тевтонов и кимвров. Тетка Цезаря, Юлия, была женой этого полководца. На шестнадцатом году юноша потерял отца. Год спустя, уже назначенный жрецом Юпитера, он расторг помолвку с Косуцией, девушкой из всаднического, но очень богатого семейства, с которой его обручили еще подростком, – и женился на Корнелии, дочери того Цинны, который четыре раза был консулом и ближайшим сподвижником Мария. Вскоре она родила ему дочь Юлию. Знатное родство сулило юноше блестящую карьеру. Но приход к власти Суллы, вождя оптиматов, положил конец могуществу влиятельных покровителей Цезаря.

Сулла потребовал, чтобы Цезарь развелся с женой, а когда тот отказался, диктатор отобрал у него приданое жены и лишил отцовского наследства. Цезарю пришлось скрываться от преследований Суллы, который ответил на просьбу пощадить юношу: «Они не понимают, что в мальчишке сидит сотня Мариев». Когда слова Суллы передали Цезарю, тот немедленно уехал из Италии.

В Малой Азии Цезарь некоторое время служил в римской армии. Недалеко от Милета он попал в плен к пиратам. Разбойники потребовали с него выкуп в 20 талантов. «Недорого же вы меня цените», – засмеялся Цезарь и предложил им 50 талантов за свое освобождение. Разослав спутников собирать

деньги для выкупа, Цезарь с другом и двумя слугами остался на корабле, где прожил более двух месяцев. Юлий запрещал пиратам шуметь, когда ложился спать, принимал участие в их состязаниях, а также читал им свои сочинения, которые не вызывали у них восторга. Тогда Цезарь называл их дикарями, обещал распять их на кресте. Разбойники только посмеивались, удивляясь столь необычному поведению пленника. Однако, как вскоре выяснилось, слова Цезаря оказались не пустой угрозой. Получив выкуп, пираты отпустили заложников. Цезарь немедленно снарядил корабли и застал врасплох обидчиков. Он отобрал у разбойников деньги и приказал распять разбойников. Позже придворные льстецы превозносили доброту Цезаря, который облегчил страдания приговоренных, распорядившись сначала удавить пиратов, а потом уже мертвых привязать к крестам. Этот эпизод очень точно характеризует особенности натуры будущего великого полководца.

Когда Цезарь был уже квестором, он похоронил свою тетку Юлию и жену Корнелию, произнеся с трибуны, по обычаю, похвальные речи. После Корнелии он взял в жены Помпею, дочь Квинта Помпея и внучку Луция Суллы. Через некоторое время он дал ей развод, подозревая ее в измене с Публием Клодием. О том, что Клодий проник к ней в женском платье во время священного праздника, говорили с такой уверенностью, что сенат назначил следствие по делу оскорбления святынь.

Цезарь быстро завоевал любовь народа, смело привлекая к суду вождей аристократической партии. Стремясь к популярности, он был со всеми приветлив и ласков, охотно устраивал богатые приемы и угощения, не жалея на это денег, которых у него было не так много. Поведение Цезаря ни у кого не вызывало подозрений. Никто не догадывался, что этот человек неспроста растрачивает свое состояние, что на уме у него далеко идущие политические планы. Цезарь так ловко умел прикидываться простаком, стремящимся лишь к внешнему успеху, что даже самые проницательные противники были сбиты с толку.

Между тем Цезарь был прекрасным психологом. Во время военных походов он наравне со всеми переносил лишения. Спал чаще всего под открытым небом. Воины с восторгом передавали рассказы о скромности и неприхотливости Цезаря. Однажды зимой он вместе с приближенными был застигнут в пути непогодой и попал к бедняку, у которого в хижине мог поместиться всего один человек. «Почести, – сказал Цезарь, – предоставляют сильнейшему, а необходимое – слабейшим». Впустив в хижину своего старика-секретаря, полководец с

остальной свитой устроился под навесом перед дверью дома.

Гай Юлий Цезарь был высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, с чуть полноватым лицом, глазами черными и живыми. Он очень тщательно ухаживал за своим телом, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, что было тогда не принято. Цезарь ненавидел свою лысину, поэтому обычно зачесывал волосы с темени на лоб и с большим удовольствием носил лавровый венок. Он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка. Диктатор отличался крепким здоровьем. Правда, в конце жизни с ним случались внезапные обмороки, его мучили ночные кошмары.

Цезарь прославился не только своими военными и политическими победами. Древний историк Светоний в книге «Жизнь двенадцати Цезарей» писал:

«На любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин – в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея. Действительно, и Курионы, отец и сын, и многие другие попрекали Помпея за то, что из жажды власти он женился на дочери человека, из-за которого прогнал жену, родившую ему троих детей, и которого не раз со стоном называл своим Эгисфом. Но больше всех остальных любил он мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину, стоившую шесть миллионов, а в гражданскую войну, не считая других подарков, он продал ей с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Когда многие дивились этой дешевизне, Цицерон остроумно заметил: "Чем плоха сделка, коли третья часть остается за продавцом?" Дело в том, что Сервилия, как подозревали, свела с Цезарем и свою дочь Юнию Третью.

И в провинциях он не отставал от чужих жен: это видно хотя бы из двустишья, которое также распевали воины в галльском триумфе:

> Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
> Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.

Среди его любовниц были и царицы – например, мавританка Эвноя, жена Богуда: и ему и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоями он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать; наконец, он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями

и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем. Некоторые греческие писатели сообщают, что этот сын был похож на Цезаря и лицом и осанкой. Марк Антоний утверждал перед сенатом, что Цезарь признал мальчика своим сыном и что это известно Гаю Матию, Гаю Оппию и другим друзьям Цезаря; этот Гай Оппий написал целую книгу, доказывая, что ребенок, выдаваемый Клеопатрой за Цезаря, в действительности вовсе не сын Цезаря (как будто это нуждалось в оправдании и защите!). Народный трибун Гельвий Цинна многим признавался, что у него был написан и подготовлен законопроект, который Цезарь приказал провести в его отсутствие: по этому закону Цезарю позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно, для рождения наследников. Наконец, чтобы не осталось сомнений в позорной славе его безнравственности и разврата, напомню, что Курион-старший в какой-то речи назвал его мужем всех жен и женой всех мужей».

Во время описываемых событий наследники египетского трона Птолемей XIII и его сестра Клеопатра VII никакой реальной власти не имели. Они были еще очень молоды, и от их имени распоряжались враждующие между собой группировки жрецов. Когда Цезарь прибыл в Египет, верх одержала партия Птолемея, а приверженцы царицы Клеопатры (в том числе и она сама) были изгнаны из Александрии.

Клеопатра пыталась найти в Цезаре защитника. Древний историк Дион Кассий писал:

«Сначала Клеопатра вела свою тяжбу с братом у Цезаря через других людей, но как только разведала его натуру (был он сластолюбив в высшей степени и имел дело со многими разными женщинами, с кем попало), она написала ему, заявляя, что друзья ее предали и ей необходимо самой лично защищать свои интересы. Ибо она была прекраснейшей из женщин и находилась тогда в самом расцвете красоты. У нее был чудеснейший голос, и благодаря своему обаянию она умела разговаривать со всяким. Видеть и слышать ее было великое наслаждение, поэтому она и могла повергнуть любого: и человека хладнокровного, и немолодого. Цезаря она решила поразить этим обычным способом и возложила на свою красоту все надежды на достижение благоприятного исхода дела. Она попросила разрешения предстать пред его очами. Получив его, она красиво оделась, однако с таким расчетом, чтобы вид ее был преисполнен достоинства и вместе с тем вызывал бы сострадание. С таким замыслом она прибыла в Александрию и ночью тайно от Птолемея проникла во дворец.

Цезарь, увидев ее и едва услышав ее голос, мгновенно был

покорен ею, а наутро он послал за Птолемеем и стал пытаться их помирить; Цезарь, намеревавшийся прежде быть судьей над Клеопатрой, стал теперь ее защитником.

Молодой царь, совсем еще мальчик, неожиданно увидев сестру во дворце, вскипел гневом и выскочил на улицу, стал вопить, что его предали, и в конце концов на глазах у собравшейся толпы сорвал с головы царскую диадему и швырнул ее на землю. Так как из-за этого возникло большое смятение, то воины Цезаря схватили Птолемея; египтяне, однако, уже поднялись. С первого же натиска они могли бы взять дворец, напав одновременно с суши и моря; римляне не были в состоянии оказать им сопротивление, поскольку не позаботились ни о чем, полагая, что находятся среди друзей. И это случилось бы, если бы Цезарь не вышел бесстрашно к египтянам и, стоя в безопасном месте, не пообещал бы им сделать все, что они хотят.

Затем Цезарь появился в многолюдном собрании, поставил рядом с собой Птолемея и Клеопатру и прочел завещание их отца, в котором было написано, чтобы они по египетскому обычаю вступили друг с другом в брак и царствовали бы совместно, а чтобы римский народ их опекал. Сделав это, он прибавил, что ему как диктатору, имеющему всю власть над римским народом, подобает проявить заботу об этих детях и обеспечить исполнение воли их отца. Царство он отдал им обоим, а Арсиное и Птолемею Младшему, их сестре и брату, пожаловал Кипр. Страх настолько овладел Цезарем, что он не только ничего не отнял у египтян, но еще добавил им из своего. Таким образом он в тот момент водворил покой и спокойствие».

Впоследствии египтяне снова напали на римлян, причем столь внезапно, что Цезарь едва успел спастись вплавь. Александрия находилась как бы в центре водоворота, где клокотали страсти. В этой борьбе Птолемей XIII погиб: он утонул в Ниле.

Египет был полностью покорен Цезарем и брошен им к ногам Клеопатры. То, что она надеялась получить с помощью Помпея-младшего, даровал ей заклятый враг последнего. Судьба и звезды воистину благоволили неотразимой царице.

Цезарь сдержал свои обещания, которые нашептывал возлюбленной в минуты страсти. Он мог бы сделать Египет римской провинцией, и никто бы не осмелился противоречить ему. Вместо этого он преподнес завоеванную страну Клеопатре и попросил ее в угоду египетским обычаям выйти замуж за другого брата, нареченного Птолемеем XIV, который был на два года младше предыдущего царя. Так что царицу египтяне, по сути, должны были боготворить. Ибо она сохранила своей родине

независимость, хоть и формальную.

Война в Египте продолжалась восемь месяцев, и все это время Цезарь проводил с Клеопатрой, оставляя ее лишь во время сражений. Дела его требовали присутствия в Риме, а он все не мог расстаться с красавицей.

Великий римлянин уже понял, что его несравненная царица – из той редкой породы женщин, которые способны погубить не только мужчину, но и государство!

И все же Цезарь медлил. Сладость любви одурманивала мозг, его железная воля, как воск, таяла. Возвращение его все откладывалось и откладывалось. Цезарь даже решил совершить с Клеопатрой увеселительную прогулку по Нилу на корабле. Но внезапно пришли грозные вести с востока, где на римские владения напал Фарнак, царь государства в северном Причерноморье. Легионеры так вызывающе выказали свой протест, что Цезарь, наконец, опомнился.

Полководец оставил своей возлюбленной два отборных легиона, призванных защищать ее от коварных интриганов.

Спустя несколько месяцев после отъезда Цезаря Клеопатра родила ему сына, назвав его Птолемеем-Цезарионом. Прошел еще год, прежде чем, завершив очередной поход и направляясь в Рим, Цезарь пригласил туда Клеопатру. Воспоминания о египетской царице все еще волновали его, он жаждал обладать ее роскошным телом. Он боготворил эту женщину.

В Риме Клеопатра присутствовала на торжественном шествии триумфатора, которого встречала ликующая толпа. За колесницей Цезаря на многие километры вытянулась колонна пленников.

Египтянка приехала в Италию со всей семьей: сыном Цезарионом и мальчиком-мужем, которому она из милости иногда позволяла целовать подошвы своих сандалий, а он, бледнея от бессильного гнева, боясь ослушаться, падал ниц, исполняя ее приказания и называя не иначе, как «богиня» (по ее же требованию). Возвращая сладость памятных египетских ночей, Цезарь с наступлением темноты навещал богатую виллу на берегу Тибра, где поселил царицу.

Цезарь приказал отлить золотую статую Клеопатры, которую установил в храме Венеры, чем навлек на себя небывалый гнев римлян, свято относившихся к своим богам. Немало сплетен появилось о его любовных похождениях с чужеземкой. Распространились слухи, что Цезарь готовит закон, по которому он волен жениться на женщинах, от каковых хотел бы иметь детей; что он собирается назначить сына Клеопатры, Цезариона, своим наследником. Еще ужаснее предыдущих была «весть» о том,

что столицу из Рима перенесут в Александрию.

Цезарь понимал, какую опасную игру он затеял, связавшись с египетской царицей, но расстаться с ней было выше его сил. На то она и была «роковой женщиной», чтобы устранять любые помехи на пути к желанной цели. Она не сомневалась в могуществе любовника. Поэтому, прожив два года в Риме, Клеопатра не интересовалась расстановкой сил в сенате, не подозревала, что у Цезаря немало врагов, которые только ждут удобного момента, чтобы расправиться с ним. Она проводила с Цезарем восхитительные ночи, он выполнял ее малейшие капризы.

В марте 44 года до н э. заговорщики убили Цезаря. Клеопатра не сразу в это поверила, столь всемогущим казался ей диктатор. Однако ночью к ней никто не пришел, а слуги ее разбежались. Она быстро собралась и отбыла в Египет…

НАПОЛЕОН III (ЛУИ-НАПОЛЕОН БОНАПАРТ) (1808—1873)

Президент Французской республики (1848—1852), император французов (1852—1870). Племянник Наполеона I. Используя недовольство крестьян режимом Второй республики, добился своего избрания президентом (декабрь 1848); при поддержке военных совершил 2 декабря 1851 года государственный переворот. Ровно через год провозглашен императором. Придерживался политики бонапартизма. При нем Франция участвовала в Крымской войне (1853—1856), в войне против Австрии (1859), в интервенциях в Индокитай (1858—1862), Сирию (1860—1861), Мексику (1862—1867). Во время франко-прусской войны сдался со 100-тысячной армией в плен под Седаном (1870). Низложен Сентябрьской революцией 1870 года.

В том, что касается любви, у Луи-Наполеона не было никаких классовых предрассудков: в его объятиях побывали субретки, принцессы, буржуазки, лавочницы, крестьянки… Юность будущего императора была богата любовными приключениями. В тринадцать лет он уже не мог сдержать свой любовный пыл. Он тогда жил в Швейцарии с матерью, в замке Арененберг. Однажды вечером Луи увлек в свою комнату одну из нянек и продемонстрировал ей свою мужскую доблесть.

Этот пикантный эпизод имел самые приятные последствия для молодых женщин, живших в те времена в окрестностях озера Констанция. Он начал с пастушек, которые грезили быть брошенными на траву принцем. Потом проник в семейства благопристойной швейцарской буржуазии и самым беспорядочным образом предался любовным утехам. Наконец, он стал встречаться с красивыми аристократками-иностранками, приезжающими на курортный сезон. Эта поразительная любовная активность вынуждала его покидать замок после завтрака и возвращаться лишь к обеду.

В 1830 году королева Гортензия и Луи-Наполеон остановились во Флоренции. Там принца представили графине Баральини, которая отличалась яркой красотой. Чтобы проникнуть в дом графини, принц нарядился женщиной, попудрился и надел парик. Взяв корзину с букетами цветов, он под видом цветочницы явился в дом обожаемой дамы. Как только

горничная вышла, Луи Бонапарт бросился на колени перед графиней и начал умолять ее уступить пламени его души. Синьора, напуганная до смерти, зазвонила в колокольчик. Прибежали слуги и муж, и влюбленный едва унес ноги.

На следующий день вся Флоренция подсмеивалась над будущим императором. Он вызвал мужа графини на дуэль, но сам сбежал из Флоренции, не явившись на поединок.

Королева увезла Луи в Арененберг, а потом отдала в военную школу, где он учился пять лет, одновременно доказывая местным девушкам, что репутация, которой повсюду пользуются артиллеристы, вполне заслуженна. В 1836 году королева решила женить принца на принцессе Матильде. Луи воспылал любовью к пятнадцатилетней дочери короля Жерома, но отец вскоре отозвал Матильду из Арененберга…

После отъезда невесты Луи-Наполеон задумал осуществить государственный переворот в Страсбурге и с армией предпринять поход на Париж. Он решил привлечь на свою сторону полковника Водре, чьей слабостью были женщины. Вскоре нашли подходящую кандидатку – умную, красивую, хитрую, чувственную бонапартистку, певицу г-жу Гордон. Но поначалу принц сам решил обратить эту женщину в свою веру и явился на ее концерт. В полночь он был в ее гостиной. После любовного приключения с певицей Луи убедился, что Гордон – именно та женщина, которая сумеет уговорить полковника участвовать в перевороте, и не ошибся. Госпожа Гордон завладела Водре.

Увы, заговор провалился. Несмотря на серьезность преступления, король Франции не решился предать Луи-Наполеона открытому суду, а просто сослал его в Нью-Йорк. Там принц жил в свое удовольствие. Лишь одно известие огорчило его – король Жером, отец Матильды, отказал ему в руке своей дочери.

Удрученный Луи-Наполеон предался настоящему разгулу. Для начала он посетил дома терпимости и повел себя в них так активно, что даже завсегдатаи этих заведений приходили в ужас при каждом следующем его появлении. Потом он стал подыскивать девиц прямо на панели и начал устраивать у себя в квартире очень веселые сборища. Говорили даже, что принц докатился до того, что жил на содержании у нескольких девиц легкого поведения и выполнял роль сутенера.

В июне 1837 года Луи-Наполеон получил сообщение о болезни своей матери. 4 августа он был у постели Гортензии, которая вскоре умерла.

Принц теперь думал только о захвате власти и ждал нового случая. Но вторая попытка переворота закончилась тем, что Луи-

Наполеон был приговорен к пожизненному заключению и заточен в крепость Ам. Самым тяжелым для него было вынужденное воздержание. Но, к его счастью, на должность гладильщицы тюрьмы была нанята очаровательная 22-летняя Элеонора Вержо, особа с упругой грудью и прочими привлекательными округлостями. Принц решил заняться образованием дочери ткача и после первого урока истории пригласил ее продолжить образование ночью. Она пришла, а утром Луи-Наполеон не отпустил ее из камеры. Так девушка стала «тюремной женой» принца. Она заботилась о нем и любила его, подарив ему двух сыновей в то время, пока разделяла с ним тяготы неволи. Наконец, принц задумал побег, который благополучно совершил, и скрылся в Англии.

В Лондоне принц познакомился с мисс Говард, настоящее имя которой – Элизабет Энн Херриэт, жившей на содержании сначала сына богатого торговца лошадьми, потом – майора королевской гвардии, от которого у нее был незаконнорожденный сын. Принцу было тридцать восемь лет. Он никогда не был привлекательным мужчиной, но к тому времени лицо его несло отчетливую печать бурной жизни: дряблые щеки обвисли, под глазами темнели круги, усы пожелтели от курения. Мисс Говард, как профессиональная куртизанка, владела своим ремеслом в совершенстве, и Луи-Наполеон был покорен. Он перебрался жить в ее роскошное жилище и начал вести безбедную жизнь, устраивая приемы, выезжая на охоту и посещая театры.

Между тем в Париже один придворный скандал сменялся другим. «Старый прогнивший мир» в череде этих скандалов уходил в небытие. Вскоре Луи-Филипп подписал отречение и бежал из страны. Во Франции было создано временное правительство и провозглашена республика. Началась предвыборная кампания кандидатов на места в парламент. Мисс Говард предложила Наполеону выдвинуть свою кандидатуру и деятельно принялась за организацию избирательной кампании принца. Намечалось нанять журналистов, карикатуристов, авторов песен и договориться с разносчиками, чтобы брошюры с биографией Луи-Наполеона были распространены во всех провинциях.

Мисс Говард «продала» свои земли принцу, который взял под них ссуду, остальные деньги влюбленная женщина получила, продав свои драгоценности. Сотни тысяч листовок буквально засыпали французские хижины, и Луи прошел в парламент сразу в четырех департаментах.

Вскоре наследник императора Наполеона прибыл в Париж. Закон о его высылке был отменен. Теперь его целью было стать

президентом республики. На протяжении трех месяцев благодаря средствам мисс Говард, которая продала мебель, дом и еще кое-какие драгоценности, велась энергичная пропаганда. Победа принца на выборах оказалась более чем убедительной. Луи-Наполеон именем народа был провозглашен президентом республики.

Мисс Говард очень страдала от того, что не была принята в Елисейском дворце. Принц-президент объяснял это тем, что фактической хозяйкой дворца стала его кузина и бывшая невеста Матильда, которая не допустит, чтобы женщина, имеющая внебрачного ребенка, появилась в ее апартаментах. На самом деле Матильда желала покончить с этой связью Луи-Наполеона, привлекая для этого разные средства, в том числе танцовщиц оперы.

Он обратил свой взор на великих драматических актрис своего времени: Мадлен Броан, Рашель, Алису Ози. Однако с некоторых пор Луи-Наполеон решил иметь дело только со светскими женщинами. Маркиза де Бельбеф была его любовницей несколько месяцев, потом ее заменила леди Дуглас, затем он обратил взор на графиню де Гюйон. Но оказалось, что последняя уже имела связь с г-ном де Морни, сводным братом принца.

В конце осени 1851 года Луи-Наполеон выказал такую любовную активность, что даже ближайшие сподвижники были удивлены: он требовал двух, а иногда и трех женщин в день. Отчасти это можно было объяснить тем, что принц готовил государственный переворот. Финансирование операции, как всегда, обеспечила мисс Говард. Луи-Наполеон, несмотря на свои многочисленные измены, был все так же нежно привязан к ней. Насладившись днем в обществе малознакомых девиц, он вечерами отправлялся искать покоя в маленький особнячок мисс Говард.

Вечером 1 декабря во всех гостиных президентского дворца танцевали. В один из моментов принц незаметно покинул гостей и передал в своем кабинете друзьям тексты воззваний, которые должны были быть отпечатаны и расклеены по городу до рассвета. Потом он вернулся в гостиные, перекинулся шутками с гостями, сказал несколько комплиментов дамам и снова незаметно исчез, чтобы подписать в своем кабинете шестьдесят приказов на арест.

Утром Париж узнал о произошедшем государственном перевороте. Мисс Говард, обезумев от радости, подумала, что теперь ставший хозяином Франции принц должен на ней жениться. Но Луи-Наполеон, хотя повсюду появлялся со своей любовницей, не спешил делиться с ней своими планами на

будущее относительно женитьбы. Мисс Говард, уставшая ждать, сама явилась в Тюильри на торжественный вечер императора. Окружение принца было шокировано. Приближенные стали говорить ему о женитьбе на достойной его положения кандидатке – на какой-нибудь европейской принцессе.

Луи-Наполеон последовал мудрому совету, но попытки посвататься настоящую принцессу не удались. Впрочем, он не слишком расстроился, поскольку снова был влюблен. Объектом его внимания стало восхитительное создание двадцати семи лет. Евгения Монтихо, испанская аристократка, была стройной, утонченной, немного рыжеватой, с лицом цвета чайной розы и голубыми глазами. У нее были красивые плечи, высокая грудь, длинные ресницы…

Едва увидев ее, принц был поражен, загоревшимся взором гурмана он с волнением взирал на ее прелести. Однажды Луи попытался дать волю рукам, но получил довольно резкий удар веером, напомнивший ему, что он имеет дело не с танцовщицей. Однако Луи-Наполеон решил, что добьется своего, и продолжил настойчивые ухаживания.

Мать Евгении тем временем не уставала повторять дочери, что она ни в коем случае не должна позволять императору вольности, но девушка и сама прекрасно понимала, как сильнее разжечь желание Луи. Однажды на обеде Наполеон взял в руки венок из фиалок и надел его на голову Евгении. Но прошло еще несколько дней, прежде чем император сделал официальное предложение.

Первая брачная ночь обманула ожидания императора. Он мечтал об испанке, горячей и темпераментной, а обрел женщину «не более сексуальную, чем кофейник». Однако на людях Евгения играла самую элегантную, самую учтивую императрицу, с лица которой не сходила обворожительная улыбка. Подчеркнутая щепетильность Евгении отнюдь не всегда разделялась императором. В Тюильри царили разброд, роскошь, красота, нетерпение и сладострастие. Изо дня в день стыдливость несчастной императрицы подвергалась тяжелым испытаниям.

Наполеон III шесть месяцев был верен Евгении, но он не терпел однообразия. Почувствовав любовный голод, император набросился на очаровательную юную блондинку, немного взбалмошную, которая была в центре внимания двора. Ее звали мадам де ля Бедойер. Однажды она явилась в Тюильри в крайне возбужденном состоянии, «красноречиво свидетельствовавшем о той чести, которую ей оказал император». Наполеон быстро устал от нее, успев, правда, сделать ее мужа сенатором.

Затем он снял особнячок на улице Бак, где проводил время то

с какой-нибудь актрисой, то с кокоткой, то с субреткой, то со светской дамой, то с куртизанкой… Императрица даже не подозревала о проказах мужа. И вдруг она узнала, что Наполеон III возобновил отношения с мисс Говард. Произошла бурная сцена, Луи обещал прекратить с любовницей всякие отношения, однако слова своего не сдержал.

Коварная мисс Говард то и дело попадалась на глаза императорской чете и со злорадным удовольствием приветствовала высочайших особ. Взгляд Евгении стекленел, ноздри раздувались, она стояла неподвижно, в то время как Наполеон III подчеркнуто вежливо отвечал на приветствие. Вскоре императрице донесли о прогулке императора с мисс Говард, и Евгения заявила, что отказывается спать с мужем в одной спальне. Наполеон III, мечтавший о наследнике, уговорил Говард временно удалиться в Англию. Женщина подчинилась его воле, захватив с собой своего сына и двух незаконнорожденных сыновей императора, прижитых им с Элеонорой Вержо.

Но у Евгении случился выкидыш. Через некоторое время несчастье повторилось. Евгения была безутешна, император раздражен и озабочен. Злые языки шутили, что он выдохся и ни на что не способен. Наконец, будучи в гостях у королевы Виктории в Лондоне, императорская чета поделились своим горем. Королева Английская посоветовала подкладывать под поясницу императрицы подушечку. Совет оказался полезным.

В это время Кавур, первый министр Виктора-Эммануила, вынашивал идею создания единой Италии. Он понимал, что осуществить эти планы можно только с помощью могущественнейшей Франции. Нужно было убедить Наполеона III помочь королю пьемонтскому, и это может сделать только женщина, решил Кавур. Выбор пал на прекраснейшую графиню Вирджинию Кастильскую. Она прибыла в Париж и вместе с супругом предстала перед парижским светом. Император, правда, не сразу обратил на нее внимание, но графиня не теряла надежды.

Императрица наконец-то благополучно родила здорового мальчика – наследника. Возможно, именно по этой причине целых четыре месяца император не пытался заманить в спальню Вирджинию.

Графиня пошла на отчаянный шаг, явившись на очередной костюмированный бал в Тюильри в самом экстравагантном костюме – полуобнаженная, как античная богиня. Ее усилия увенчались успехом. Через три недели на пикнике император увез графиню покататься на лодке, а затем увлек ее на остров, где они пробыли около двух часов…

Вирджиния Кастильская старалась убедить императора ввести французские войска в Италию. Он готов был прислушаться к ее просьбе, но совершенно внезапно порвал с графиней. Дело в том, что та оказалась слишком болтливой. Ее место заняла Мари-Анн Валевская. Связь Наполеона III с мадам Валевской длилась около двух лет. Все это время она получала от императора роскошные подарки и принесла своему мужу неслыханный денежный доход.

…Однажды юная куртизанка Маргарита Беланже шла по Сен-Клу пешком, под проливным дождем. Проезжавший мимо император бросил девушке шотландский плед, и на следующий день молодая особа решила воспользоваться ситуацией. Она попросила об аудиенции, заявив, что должна передать императору личное послание. Наполеон согласился принять ее, возможно, предвидя будущий роман или интрижку.

Это было последнее серьезное увлечение императора. Маргарита пленила императора своими плебейскими манерами, непосредственностью и фантазией, заставлявшими его забывать о придворном этикете. Связь длилась два года. Мокар, личный секретарь императора, купил ей небольшой особняк на улице де Винь в Париже. Наполеон там часто бывал.

Маргарита следовала за своим господином повсюду. Например, когда двор находился в Сен-Клу, она жила в маленьком домике у самой ограды императорского парка. Луи-Наполеон мог незамеченным попадать к любовнице через специально сооруженный проход.

Однако императрица вскоре узнала, что эта любовная связь ее мужа более чем серьезна, и решила провести несколько дней в Швальбахе, водном курорте близ Нассау. Кстати, отправиться на воды ей предписал личный врач, поскольку постоянные мысли о Маргарите Беланже лишали императрицу аппетита и сна.

Маргарита, естественно, не могла влиять на поступки императора, ибо предназначение куртизанки – удовлетворять тело, а не душу. Ее маленькое ландо, сделанное из ивовых прутьев по моде того времени, слишком часто оказывалось на пути кареты императора – то в Булонском лесу, то на Елисейских Полях.

В 1864 году Евгения вернулась в Париж, а через некоторое время императора привезли с улицы де Винь в таком ужасном состоянии, что все поняли: связи с Маргаритой должен быть положен конец, иначе Франция может лишиться монарха. Евгения приказала брату Мокара отвезти ее в дом куртизанки и заявила ей, что она просто убивает императора. В 1865 году Проспер Мериме записал: «Цезарь больше не мечтает о Клеопатре».

Впрочем, прекрасная Марго через некоторое время вынуждена была по просьбе императора выручить его в весьма деликатной истории. Дело в том, что Луи-Наполеон однажды захотел соблазнить девственницу. Вскоре нашли очаровательную 15-летнюю девицу, которая потеряла невинность в объятиях императора. Но вскоре Валентина – так ее звали – поняла, что беременна.

Чтобы избежать скандала, решили, что Марго должна симулировать беременность. Так был распространен слух, что любовница императора Беланже родила ребенка. Через год этот слух достиг ушей императрицы, которая устроила очередной грандиозный скандал. Император оправдывался, что сын Марго – не от него. Евгения потребовала доказательств. Марго написала письмо императору, в котором убеждала, что ребенок не является плодом стараний императора. Письмо «случайно» попалось на глаза Евгении.

Несмотря на сцены, которые устраивала императрица, Наполеон III продолжал выказывать удручающие симптомы «старческой эротомании». Он тискал горничных в кладовых для белья, требовал поставлять ему юных девственниц и опытных проституток, обремененных багажом всевозможных извращений и пороков. День ото дня его умственные способности таяли. Иногда он часами курил, впадая в странное оцепенение Но при виде хорошеньких женщин заметно оживал.

Очередным его увлечением стала графиня де Мерси-Аржанто, к которой он проникал через подземный тайный ход. Императрица узнала о новой любовнице супруга, и Тюильри снова наполнился упреками, слезами. Целую неделю любовники не встречались, а когда император объяснил графине причину разрыва, та решила отомстить императрице. Ее интрига удалась – Евгения покинула Совет, потому что хитрая Мерси-Аржанто сумела довести до нее мнение, будто ее пребывание в Совете подрывает авторитет императора. Она собрала вещи и уехала открывать Суэцкий канал.

Евгения вернулась во Францию, где все громче заявляла о себе оппозиция. Император, больной, встревоженный, казалось, постарел на десять лет. Франции грозила война, но именно это вдохновляло Евгению. Она призывала императора к решительным действиям.

19 июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии. Наполеон III отправился воевать в сопровождении наследного принца. В первых числах августа французы терпели одно поражение за другим. В конце августа, не желая погубить всю армию, Наполеон III сдался в плен. Волнения в Париже

нарастали. Вокруг Тюильри собралась огромная толпа и готова была снести заграждения, ворваться во дворец и растерзать императрицу. Евгения бежала. Ей чудом удалось выскользнуть из дворца и с приключениями покинуть Париж.

В Англии императрица встретилась с сыном, наследным принцем. Она хотела разделить участь своего супруга, императора, однако ей не сразу разрешили увидеться с ним, а когда они встретились, то почувствовали друг к другу доселе не испытанную нежность.

Во Франции же начинались дни Парижской коммуны…

Наполеону III было шестьдесят пять лет. Здоровье его заметно пошатнулось. 2 января 1873 года была сделана успешная операция. Намечалась еще одна. Но 9 января утром он начал бредить и в 10 часов 45 минут скончался. Луи-Наполеон был похоронен в Числхерсте.

Из всех прославленных фавориток Наполеона III только графиня Валевская прибыла на похороны, а через несколько дней его могилу посетила Маргарита Беланже.

Наследный принц погиб в 1879 году в войне с зулусами в Южной Африке.

После смерти императора его вдова Евгения прожила еще сорок семь лет, иногда она приезжала в Париж. Умерла Евгения в 1920 году в возрасте девяноста четырех лет.

АЛЕКСАНДР I ПАВЛОВИЧ, БЛАГОСЛОВЕННЫЙ (1777—1825)

Русский царь. Издал Указ о вольных хлебопашцах, открывал гимназии, уездные училища, основал педагогические институты, открыл университеты в Казани и Харькове. Учредил Государственный совет и министерства. Победоносно завершил войну с Наполеоном, торжественно вступив в Париж. Погребен в Петербурге в Петропавловском соборе 18 марта 1826 года.

…В ночь с 11 на 12 марта 1801 года заговорщики проникли в незащищенный Михайловский замок и потребовали отречения императора. Но Павел I отказался и был убит. Сыновья Павла были в эту ночь настолько растеряны, что петербургскому генерал-губернатору графу Палену пришлось взять старшего, Александра, за плечи и сказать ему: «Государь, довольно быть ребенком, ступайте царствовать».

Новому царю не было еще и 24 лет. Это был молодой человек, роста выше среднего, немного сутулый, рыжеватый блондин с улыбкой на прекрасно очерченных устах и с печальными глазами. Внуком Екатерины II восхищались даже мужчины, а женщины готовы были обожать венценосного красавца.

Александр Павлович прежде с одинаковой непосредственностью уживался в екатерининском царстве и в павловском. Он научился восторгаться «правами человека и гражданина», одновременно получая величайшее удовольствие от маршировки и фельдфебельского покрикивания на солдат. Учитель его, Лагарп, славил свободолюбие, и он воспринимал его уроки, однако перед ним был пример Екатерины, свободолюбивой, конечно, но и самодержавной, и Павла, который испытывал влечение только к прусской муштре, и эти примеры внушали ему бессознательную склонность сочетать в сердце своем то, что обычно кажется несочетаемым: «фрунт» с философией Руссо или французскую революцию с крепостным правом. В такого рода искусстве Александру Павловичу суждено было весьма быстро преуспеть.

Семейная жизнь будущего венценосца почти сразу сложилась несчастливо. Екатерина, когда минуло ему шестнадцать лет, женила «господина Александра» на 14-летней баденской

принцессе Луизе-Марии-Августе, при принятии православия нареченной Елизаветой. Он был красавец, она – очаровательной, нежной, хрупкой, и было в ее облике, внешнем и внутреннем, сокровенном, нечто воздушное, неуловимое. Робость, неуверенность в себе сочетались в ней с большой душевной восприимчивостью, она была умна, хоть и несколько поверхностна, а склад ее ума, да и весь ее характер, был окрашен мечтательностью, романтизмом. С юных лет искала она какой-то правды и в то же время как бы боялась к правде прикоснуться, любила свой внутренний мир, который себе создала, – одним словом, будущая императрица Елизавета Алексеевна была, подобно своему супругу, натурой достаточно сложной и не вполне устойчивой. «Вот Амур и Психея!» – воскликнула Екатерина, любуясь этими мальчиком и девочкой, которые, думала она, идеально должны были подходить друг к другу… Случилось, однако, так, что они вовсе друг другу не подошли.

«Психее», юной великой княгине, с лицом испуганной птицы, задумчивой и страстной, нужна была любовь, нужны были нежность и излияния близкого сердца. Муж либо вел себя как мальчишка, либо не обращал на нее внимания, возвращаясь из Гатчины, где с отцом муштровал солдат, усталый настолько, что едва стоял на ногах, и, выспавшись, снова спешил в кордегардию. Она хотела счастья и решила его искать.

Об увлечениях Елизаветы Алексеевны известно много, но в точности так и не выяснено, любила ли она кого-нибудь по-настоящему до того, как встретила Александра Охотникова. За ней ухаживал экс-фаворит Екатерины II Платон Зубов, затем в жену царя влюбился его лучший друг, князь Адам Чарторыйский. Александр, по-видимому, поощрял его ухаживания. Графиня Головина рассказывала, что Елизавета, которую она застала вечером в одиночестве, созналась ей: «Мне приятнее быть одной, нежели ужинать вдвоем с князем Чарторыйским. Великий князь заснул на диване, я убежала к себе, и вот я со своими мыслями, которые вовсе не веселы».

Вероятно, наступил момент, когда, спасаясь от этих мыслей, Елизавета перестала избегать Чарторыйского. Екатерины уже не было в живых. Вкрадчивый польский вельможа, покоряя сердце жены наследника престола, прокладывал себе путь к власти. Однако эта затея едва не кончилась для него плачевно, ибо, если верить дворцовым пересудам того времени, Павел, решив, что родившаяся у Елизаветы дочь совсем не похожа на Александра, хотел было сослать Чарторыйского в Сибирь и лишь с трудом согласился на полумеру, отправив его посланником к сардинскому двору.

Любовь Елизаветы к молодому офицеру Алексею Охотникову – факт неоспоримый. Вторая дочь ее (умершая, как и первая, в младенчестве) – так решила молва – была плодом этой большой, счастливой любви. Но идиллия оборвалась трагически. Охотников при таинственных обстоятельствах был убит, выходя их театра, ударом кинжала, нанесенным неизвестной рукой. На могиле человека, которого она любила с наибольшей страстью, Елизавета воздвигнула памятник, изображающий молодую женщину в слезах у дуба, сраженного молнией.

Прошли годы, и, лишь когда жизнь ее клонилась уже к концу, Елизавете было суждено найти сердечное утешение. Эта любовь связана с тайной императора Александра.

С юных лет Александр Павлович искал в женщинах забвения, отдыха от сомнений и противоречий, томивших его душу.

Мария Антоновна Нарышкина, урожденная княжна Святополк-Четвертинская, была его самой большой страстью. Некоторое время серьезную конкуренцию Нарышкиной составляла графиня Бобринская, и из этой связи Александра произошел польский род Варпаховских. Но в конце концов всех соперниц победила Нарышкина.

Мария Антоновна Нарышкина была от рождения полячкой, дочерью князя Четвертинского, который в 1794 году во время варшавских бунтов был повешен народом. Еще очень молодой девицей ее выдали замуж за любимца Александра I, за Дмитрия Нарышкина. Как только государь увидел ее в первый раз, он без памяти влюбился и быстро добился взаимности у Нарышкиной. Говорят, что в один прекрасный день, когда император был в отличном расположении духа, он назначил Нарышкина обер-егермейстером со словами, обращенными к супруге обманутого мужа: «Так как я ему поставил рога, то пусть же он теперь заведует оленями».

Результатом этой связи были трое детей, из которых царь безумно любил дочь Софью. Дети все назывались Нарышкиными, несмотря на то что муж Марии Антоновны отлично знал, что не он их отец. В своих воспоминаниях о Венском конгрессе граф Делагард писал, что сам Дмитрий Нарышкин ответил императору Александру на вопрос его: «Как поживает твоя дочь Софья?» – «Но, Ваше Величество, ведь она вовсе не моя дочь, а Ваша…» В другой раз царь осведомился у своего любимца о жене и его детях. Нарышкин цинично ответил: «О каких детях Ваше Императорское Величество справляется? О моих или о Ваших?»

На дошедших до нас портретах Нарышкина сияет яркой полуденной красотой. Современники свидетельствуют, что Мария Антоновна была действительно ослепительной красавицей. «Всех

Аспазия милей», – так, величая ее, пел Державин, славивший некогда Елизавету-«Психею», Кутузов в шутливой форме, но, по-видимому, искренне восхищаясь ею, говорил, что женщин стоит любить, раз есть среди них такая, как Мария Антоновна, а Вигель писал, что «красота ее была до того совершенна, что казалась невозможною, неестественною».

Великолепие радужной красоты и сладостный плен, покой… Пусть лишь на время, но Мария Антоновна подарила счастье Александру Павловичу.

Она не была ни особенно умна, ни даже по-женски особенно тонко восприимчива. В той помощи, которую дарила она Александру, было, вероятно, мало сознательного. Впоследствии, также без умысла, причиняла она ему и жгучие страдания. Но для Александра Павловича, когда держал он ее в своих объятиях, когда на ее плече забывал себя, доверчиво, как ребенок, отдавая в ее власть все свое существо, была она как бы самой природой, самой жизнью – ясной, милостивой, неожиданно открывшейся ему.

Мария Антоновна была подругой желанной, незаменимой… Как дивно сочеталась ее красота с его ласковой, чарующей величественностью. Пышность, подобно ему, почитала она излишней. «Идеальные черты лица, – писал Вигель, – и безукоризненность фигуры выступали еще ярче при всегдашней простоте ее наряда». Молчаливая, спокойная, знающая, что ей достаточно появиться, чтобы раздался шепот восхищения. Качества ее гармонически дополняли неуравновешенную натуру Александра Павловича: она приносила ему как раз то, чего ему больше всего не хватало.

Роман этот начался, когда Александр был еще наследником. После трагедии 11 марта Александра вновь охватило желание бежать от мира, от власти, от ответственности – в Америку, но уже не с Елизаветой, а с Марией Антоновной. Он одумался: Елизавета, горестная «Психея», в поисках счастья сердцем отходила от него все дальше, но связывала их дружба, тоже мучительная, полная внутренних препятствий, как и все их отношения. Александр понял, конечно, что большего, чем покой, Мария Антоновна дать ему не может. Елизавета собственными мучениями разжигала его раны, а ему этого и хотелось, и он знал, что волю к действию, решимость вдохнет в него в нужную минуту не «Аспазия», а хрупкая женщина, мятущаяся, как он, – «Психея», душа, с его душою соединенная судьбой. Не бежал он тогда, не порвал с Елизаветой, и осталась при нем Мария Антоновна, как убежище от тревог, как утешительница, которая волею его не сумеет руководить, но спасет от самого себя, когда не в силах

будет он искать выхода, принимать решение, дабы, окрепнув, он снова мог продолжать свой трудный и долгий путь.

«Она не Помпадур и не Монтеспан, а, скорее, Ла Вальер, с той разницей, что не хромает и никогда не станет кармелиткой», – так отзывался о Марии Антоновне Нарышкиной граф Жозеф де Местр. Он мог бы добавить для вящей точности: и еще с той разницей, что у нее множество любовников. Ничтожно было влияние этой «Аспазии» на правление императора Александра – власть над сердцем царя вполне удовлетворяла ее честолюбие. Но на его душевное состояние эта связь оказывала постоянное воздействие, при этом не всегда благотворное, ибо, подарив ему радость бурной, всепоглощающей страсти, Мария Антоновна измучила его затем своими бесчисленными любовными приключениями.

Ревность Александра Павловича доходила до того, что он не в силах был таить свое горе от посторонних и, теряя уже всякое самообладание, жаловался на свою любовницу даже… наполеоновскому послу. Со временем, однако, он внешне примирился со своим положением – мастер скрывать мысли и чувства, научился скрывать и ревность, но долго еще страдал он от измен ветреной своей любовницы. Впрочем, сам он изменял ей не меньше. Жизнь Александра Павловича была поистине многогранна, и можно утверждать, что женщины сыграли в его душевной драме такую же роль, как борьба с Наполеоном или стремление преобразить отечество.

Об Александре Павловиче – донжуане – можно судить исчерпывающим образом по донесениям осведомителей венской полиции за то время, когда заседал конгресс, тот самый знаменитый конгресс, на котором русскому императору в весьма трудных обстоятельствах суждено было вновь упорно и блистательно защищать интересы России.

Он – освободитель Европы, он – первый среди монархов, нет никого в мире, кто был бы могущественнее его. Александр Павлович любил красоваться, но обычно он был чужд помпы, ведь и сама его прославленная элегантность как раз тем была безупречна, что никогда не бросалась в глаза. В Вене, однако, ему стало ясно, что в тот момент, когда европейская дипломатия старалась уменьшить его силу, надлежало ему ослепить своим великолепием столицу наследников цезарей. Ведь и он их наследник: такова воля предков его московских царей. Пусть же знают император и короли, что недаром герб его империи – орел Византии. Голос царя звучал в Вене более властно, чем голос других монархов. Балы, которые он давал, приемы, торжественные церемонии, им устраиваемые, были пышнее

австрийских. Затмить всех – таково было стремление достойного внука Екатерины.

В Вене он решил затмить всех и… в любви. Скорее всего венские его похождения – следствие того, что большая политика к тому времени принесла ему уже немало разочарования. Размах же и в них он проявил истинно екатерининский.

Монархи, дипломаты, венские красавицы, ревниво следившие за ним глазами, заметили маневр русского императора: он ухаживал за графиней Юлией Зичи, той, которую все признавали красавицей ослепительной.

«Царь влюблен, царь потерял голову», – шептались на конгрессе. Но уже через несколько дней стало известно, что взоры Александра обращены на другую: на княгиню Багратион, вдову бородинского героя, в Вене прозванную «русской Андромедой».

Венская полиция следила за каждым шагом царя. «Александр, – доносил осведомитель, – объявил княгине, что приедет к ней, назначил час и предупредил, что хочет застать ее одну».

О романе царя с княгиней Багратион узнала скоро вся Вена. Княгиня была в восторге: ей удалось наконец поставить на место давнишнюю свою соперницу, герцогиню Саган, ту самую, которая отбила у нее Меттерниха, а ныне уже начала было хвалиться, что покорила сердце императора Александра.

Зрели интриги. Влиятельные лица толкали герцогиню в объятия русского императора. Но вначале он сопротивлялся. «Сделано было невозможное, – жаловался он княгине Багратион, – чтобы заставить меня быть к ней благосклонным. Ее даже посадили со мной в карету. Но все это было тщетным. Я люблю чувственные удовольствия – но от женщины я требую и ума».

Венские дамы наперебой старались завладеть сердцем обворожительнейшего из монархов, осаждали его генерал-адъютантов – Волконского, Уварова, Чернышева, которые хотели уберечь своего государя от слишком настойчивых поклонниц, ибо им казалось, что государь не может всюду поспеть… Но сам Александр придерживался, очевидно, иного мнения.

Еще одно свидание с княгиней Багратион отмечено полицейскими осведомителями. Александр вечером отправился к ней на извозчике в сопровождении лишь одного слуги и оставался у нее до двух часов ночи. Роман продолжается. Но о большой любви все же говорить, по-видимому, не приходится – ибо в тот же день Александр послал Волконского к другой прославленной красавице, графине Эстергази, дабы объявить ей о предстоящем своем визите.

Через четыре дня один из осведомителей сообщил: «Его Величество Русский Император, по-видимому, привязывается к графине Эстергази… Она уверяет, что нет более очаровательного монарха, чем он. В нем, говорит она, французская живость соединяется с русской простотой, и благодаря этому Его Величество совершеннейший во всех отношениях человек».

Графиня Эстергази становилась объектом всеобщей зависти. Но еще через несколько дней у Александра случилось новое приключение: герцогине Саган удалось-таки добиться его благосклонности. Княгиня Багратион была в ярости. Меттерних ревновал, а Александр Павлович радовался как мальчишка, узнав о таковых чувствах знаменитого дипломата. В Вене острили: баварский король пьет за всех, вюртембергский король ест за всех, а русский царь любит за всех…

Танцевал он если не за всех, то больше всех и едва ли не лучше всех. Английский дипломат сообщал в Лондон: «Что же касается до русского императора, то он танцует, в то время как Рим пылает».

На одном из балов царь начал ухаживать за графиней Сеченьи.

«Ваш муж уехал, – шептал он ей. – Мне было бы так приятно занять его место».

«Ваше величество, очевидно, принимает меня за провинцию», – отвечала та, вероятно, воображая, что завладела сердцем царя.

И это, однако, не все. Еще на графиню Софию Зичи, «травиальную красавицу», на княгиню Ауэрсперг и на других еще красавиц обращал в эти веселые венские дни благосклонный взор император Александр Павлович.

Надо думать, осведомители венской полиции все же были не всегда точны в своих донесениях, ибо, если верить им, Александр Павлович, не удовлетворяясь успехами своими среди жен австрийских и венгерских вельмож, нередко посылал еще за женщинами легкого поведения. Как бы то ни было, успехи эти не мешали ему помнить об отсутствовавших.

Вот что писал он из Вены Луизе фон Бетман, с которой некогда сошелся во Франкфурте: «Наконец я имею известие от тебя, моя любимая. Глаза мои, так долго лишенные этого счастья, наконец узрели дорогой почерк, глядя на который, я понимаю, как ты мне дорога, как все в мире скрывается от моих глаз, когда я получаю что-нибудь от тебя».

И дальше: «Только чувство моего долга мешает мне полететь в твои объятия и умереть в них от счастья».

Неверно было бы заключить на основании этих строк, будто

Луиза фон Бетман была большой страстью императора Александра. Таков уж, насколько мы можем судить, обычный стиль любовных посланий Александра Павловича: в ту эпоху и люди с чувствами более непосредственными выражались столь же экзальтированно.

Никто, однако, не бывает всюду победителем. В Вене коронованный донжуан однажды потерпел и неудачу. Понравилась ему какая-то другая Эстергази – княгиня Леопольдина. Муж ее был на охоте. По своему обыкновению, Александр Павлович послал к княгине нарочного: объявил, что намерен провести у нее вечер. Ответ пришел весьма неожиданный: княгиня была счастлива, польщена, просила его величество вычеркнуть в прилагаемом ею списке имена тех дам, которых неугодно было бы ему у нее встретить. Александр вычеркнул всех, оставив на листе лишь имя самой княгини. Та тотчас же послала за мужем – и князь Эстергази, вместе с женой, встретил его величество. Осведомитель отмечал, что император оставался у Эстергази всего несколько минут.

Неудача не особенно серьезная. Александр Павлович продолжал ухаживать. Быстро проходили увлечения и забавы. Мальчишеского осталось в нем очень много… С графиней Зичи он поспорил о том, кто скорее может переодеться – мужчина или женщина. Заключили пари. В одной комнате переодевалась графиня, в другой – Александр. Он вышел первым, в мундире, специально доставленном с камердинером. Присутствовавшие рассыпаются в комплиментах… Самодержец всероссийский, вождь великой коалиции, одержал новую победу!

Не гнушался он и дам более скромного происхождения. Госпожи Шварц и Шмидт, жены петербургских немцев, прибыли в Вену. Обе – его бывшие любовницы, и обе в Вене возобновили связь с царем, чем вызывали всеобщее негодование.

Отметим, что Мария Антоновна тоже была в Вене во время конгресса и связи с нею Александр Павлович вовсе не порывал. В Вене была и Елизавета: «Аспазии» и «Психее» надлежало, конечно, присутствовать при всех его торжествах… Царицу жалели, и венский свет весьма неодобрительно отнесся к тому, что Александр Павлович заставил ее пойти на бал к княгине Багратион. Впрочем, хоть Елизавета и имела право почитать себя жертвой крайне легкомысленного супруга, она все же не была лишена некоторого утешения, ибо в Вене вновь встретила князя Адама Чарторыйского, и на миг между ними возобновилась прежняя идиллия.

Итак, Александр Павлович проводил время в Вене как будто бы весьма беспечно. Было бы, однако, совершенно ошибочным

полагать, что любовные развлечения, хоть в малой мере, мешали ему исполнять свои обязанности. Русскую делегацию на конгрессе он фактически возглавлял: ведал внешней политикой России, импонируя своей настойчивостью и знанием дела всем прочим монархам, предпочитавшим уклоняться от прямого участия в дипломатических распрях.

Александр обожал женщин. Но, когда этого требовали какие-то высшие соображения, он умел не поддаваться даже самым обольстительным любовным чарам.

Страсть, которую питала к нему прекраснейшая и умнейшая королева Луиза Прусская, так и осталась в конце концов без ответа. Зная себя и не желая полюбить королеву, боясь уступить ей и оказать Пруссии поддержку, царь хотел охранить независимость своей политики. Александр Павлович, когда гостил в Мемеле, у королевской четы, «страшась» по ночам прихода этой обаятельной женщины, запирался от нее на замок… Позднее, после разгрома Пруссии, она поехала с мужем в Санкт-Петербург, надеясь полностью завладеть сердцем Александра; он обласкал ее, но когда на балу увидел ее, в роскошном туалете, декольтированную, сверкающую каменьями, рядом с Марией Антоновной, в гладком белом платье, без единой драгоценности, как всегда, ослепляющей одной своей красотой, любовным взглядом окутал свою избранницу, и королева поняла, что ей не достичь своей цели.

Еще раз пришлось ему играть в Иосифа Прекрасного, причем снова с королевой. В Мальмезоне, в 1814 году, обворожил он своей любезностью всеми покинутую императрицу Жозефину. Известно, что она умерла от простуды, схваченной ночью в парке, где она гуляла под руку с Александром Павловичем. Русская гвардия воздала почести праху бывшей жены Наполеона, чьей последней земной радостью была дружба с русским царем. В это же время Александр сблизился с ее дочерью, королевой Гортензией. Посещал ее часто, подолгу беседовал с ней. Победив Наполеона, восстановив на престоле Людовика XVIII, всячески подчеркивал свое расположение к семье императора и к его сподвижникам. Таков уж был его характер – и «противочувствиями» любил он щеголять. Падчерице Наполеона говорил он как-то, вернувшись от короля: «Как изменился Тюильрийский дворец. Прежде ведь обитал в нем великий человек, а ныне!..» Но ему было ясно, что королева Гортензия стремится воспользоваться его благосклонностью для осуществления политических планов, которым он не хотел потворствовать. И потому, хоть, по-видимому, она и была в него действительно влюблена и, несомненно, ему очень нравилась,

отношения между ними не перешли границ сентиментальной дружбы.

Две королевы тщетно пытались, таким образом, снискать его любовь. Между тем ему случалось ухаживать и за горничными. И если он и умел, когда это требовали обстоятельства, сопротивляться соблазну, с наслаждением отдавался он весь той высшей силе, которой он не страшился, ибо она была бесконечно ему любезной, истинно частью его существа, вечной женственности, началу, над ним владычествовавшему и его окутывавшему. И знаменитая его улыбка, и покорявшее сердца обаяние его личности были овеяны мягкой, пленительной женственностью.

Как известно, венский «карнавал» омрачился весьма неприятным событием: Наполеон вернулся во Францию, и монархи, немало ссорившиеся друг с другом на конгрессе, волей-неволей вновь объединились для борьбы. Русскому царю предстояло еще раз ратовать за «свободу народов».

Настал час последней схватки с «узурпатором». За две недели до Ватерлоо Александр Павлович прибыл в вюртембергский город Гейльбронн, чтобы оттуда послать в бой вновь вызванные из России войска. Состояние его духа было подавленное. Кампания начиналась без его участия: англичане и пруссаки опередили его. Снова считал он, что нужно подымать народы на борьбу с Наполеоном. Но прежней власти над Европой у него не было, и хотя настаивал и в этот раз, что войну надо довести до полной победы, былого священного огня он уже в себе не ощущал. Ему теперь было ясно, что какую-то новую цель, совсем иную, чем прежде, надлежит ему преследовать в жизни.

Внезапная смерть Павла на всю жизнь испугала Александра. Воспоминание об этой смерти настолько сильно и в продолжение всей жизни влияло на него и мучило его, что одно время многие были убеждены в том, что эта смерть не обошлась без участия Александра. Спасение от этих ужасных воспоминаний Александр находил в мистериях религиозного мистицизма, все добрые начинания, которые он имел в виду для блага своей родины, были забыты, все идеалы его полиняли, и земные желания его исчезли.

Мечтательница баронесса Крюденер после бурно проведенной молодости бросилась в объятия религии и мистицизма; она имела на своих современников, даже на самых высокопоставленных, такое сильное влияние, которое в настоящее время кажется нам необъяснимым.

Александр Павлович заинтересовался баронессой Крюденер, и не случайно. Слава этой романистки, «прорицательницы» и

«учительницы», а в прошлом женщины достаточно легкомысленного поведения, к этому времени уже начинала меркнуть. Но так как была она наделена немалой настойчивостью, то решила во что бы то ни стало завоевать вновь прежнее свое влияние на умы и души, жаждущие откровений. А для этого – так правильно она рассудила – не было лучшего способа, чем привлечение в число своих почитателей самого императора Александра. Сблизившись с фрейлиной Струдзой, она стала писать ей о нем, восхваляя его на все лады, называя его «орудием милосердия» и выражая уверенность, что она может помочь ему в его исканиях. Баронесса добилась своего: письма эти были показаны Александру, и тот загорелся желанием встретиться с этой замечательной женщиной, столь хорошо его понимавшей… «Не успел я остановиться на этой мысли, – писал он дальше, – как я услышал стук в дверь. Это был князь Волконский; с видом нетерпения и досады он сказал мне, что поневоле беспокоит меня в такой час только для того, чтобы отделаться от женщины, которая настоятельно требует свидания со мною, и назвал г-жу Крюденер. Вы можете судить о моем удивлении! Мне казалось, что это сновидение. Такой внезапный ответ на мою мысль представился мне не случайностью. Я принял ее тотчас же…»

Эффект, таким образом, получился полный. Александр слушал эту востроносую, немолодую женщину, и притворность ее речей его не покоробила – воспринимал их как манну небесную.

«Нет, государь, – говорила она ему голосом вкрадчивым, но и властным, – вы еще не приблизились к Богочеловеку… Вы еще не смирились перед Иисусом… Послушайте слов женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия Распятия».

Говорила она много о «суетной гордости», о пиэтизме, дарующем спасение, и о той роли, которую она призвана играть при нем.

Баронесса могла праздновать победу. В письме к фрейлине Струдзе Александр говорил, что ее появление оказалось для него благодеянием, ей же самой он сказал буквально: «Вы помогли мне открыть в себе вещи, которых я никогда в себе не видел; я благодарю Бога».

Так произошло обращение Александра Павловича в усердного мистика, последователя и почитателя прогремевшей на всю Европу подданной своей – баронессы Крюденер.

Баронесса Крюденер участвовала советами во всех его духовных исканиях. Некоторые историки склонны думать, что она вдохновляла в эту пору его политику. В таком суждении кроется

коренная ошибка. Александр, который, по словам Меттерниха, соединял все женские слабости со всеми качествами мужчины, никогда в политике не находился под непосредственным влиянием – не только Марии Антоновны, но и какой-либо другой женщины. Известное исключение составляет, может быть, лишь любимая сестра его Екатерина Павловна. Как бы то ни было, подлинной эгерии не встречаем мы в его жизни. Фаворитки его, точнее – женщины, которыми он увлекался мимолетно, ибо фавориткой в полном смысле слова была только Нарышкина, не разоряли государственной казны, и с мнением их в вопросах чистой политики он, конечно, очень мало считался. Строго говоря, не влияли на политику Александра ни жена его, хоть в грозные минуты и укрепляла она его волю, ни даже мать – властная Мария Федоровна, волю свою проводившая только в том, что касалось самой династии. Но женщины, некоторые, во всяком случае, создавали в нем известное душевное настроение, которое косвенно могло отражаться на его решениях. Баронесса Крюденер была женщиной изворотливой, но никогда ее ум не был способен породить какой-то новый план охранения порядка в Европе. Однако не подлежит сомнению, что именно благодаря ее поучениям, в значительной степени даже благодаря самой галиматье, в которой выражала она свои сумбурные мистические теории, «Белый Ангел» созрел окончательно для Священного союза.

И в то время как Александр отдался религии, управление государством всецело было предоставлено таким любимцам его, как Аракчеев. Хуже всего было то, что этот самый Аракчеев был вовсе не самостоятельным человеком, а куклой в руках его многочисленных любовниц, перед которыми, однако, унижались самые высокопоставленные лица империи.

Прошло десять лет. В последнюю пору своего царствования, перед таинственным отъездом в Таганрог, император Александр Павлович, вероятно, часто спрашивал себя, чего достиг он, что осуществил? Увеличил размеры своей империи, население ее – на двенадцать миллионов душ, водил свой народ по Европе от края до края и сломил могущество Наполеона, но что, кроме славы да новых земель, дал он России? Не осуществил того, к чему стремился в юности, не поставил на ноги молодую Россию, не усовершенствовал, не обновил русской нации; некогда готов был обещать ей чуть ли не все свободы, а теперь уже ничего обещать не мог и вызвал против себя раздражение своих же былых сподвижников, предоставив полякам больше прав, нежели русским, нежели создателям империи. Не слишком ли часто дела Европы отвлекали его внимание от нужд народа, им

управляемого? Возможно, уже не знал он сам, был ли прав, направив всю мощь, всю энергию России на далекие походы, борьбу с врагом, который ей больше не угрожал. Конечно, винить себя одного ему не следовало – не настало еще время для коренных реформ. Но грусть, вероятно, охватывала его, когда вспоминал, что собирался освободить крестьян, а через почти два с половиной десятилетия после вступления своего на престол ничего решительного так и не предпринял для этого – и знал, что уже не может предпринять.

Что в содеянном им, в трудах его и в плодах этих трудов могло бы дать ему утешение? Священный союз… То было действительно его детище. Замыслил он этот союз в Париже в 1815 году. Договор христианского единения… Монархи обязывались «пребывать соединенными узами братской дружбы, оказывать друг другу помощь и содействие, управлять подданными своими в том же духе братства, для охранения веры, правды и мира…»

Людская молва породила слухи после его кончины в Таганроге в 1825 году, что монарх не умер; вместо себя схоронил кого-то другого, а сам ушел в Сибирь, где вел жизнь странника и скончался в глубокой старости.

ЧИНГИСХАН (ТЭМУДЖИН, ТЕМУЧИН) (1155—1227)

Основатель и великий хан монгольской империи (с 1206), организатор военных походов против народов Азии и Востока Европы, сопровождавшихся опустошениями и гибелью целых народов, что привело к установлению татаро-монгольского ига в завоеванных странах.

Говорят, Есугэй-баатур из рода Броджигин, кости Кият, отец Тэмучжина, будущего Чингисхана, имел много жен из разных племен. А старшую из них, Оэлун, мать Тэмучжина, он силой отбил у меркитского Эке-Чиледу.

В те далекие годы монгольские девушки не выбирали себе мужей. Отцы или слепой случай решали их судьбы. Монгольский род был экзогамным, то есть монгол не мог взять в жены девушку из своего рода. Роды жили на общей пастбищной территории, часто поблизости не было других родов, и за женой приходилось ехать в дальние края. Поэтому девушек умыкали или отбивали силой при каждом удобном случае. Мы не знаем, как Оэлун досталась Чиледу – по сговору ли с ее родителями, или он тоже умыкнул ее. Но ясно одно – Чиледу нравился Оэлун. Иначе не подарила бы она в прощальный час возлюбленному свою рубашку, не оплакивала бы его и свою судьбу.

Тэмучжин был первенцем Оэлун и Есугэй-баатура. Как раз накануне его появления на свет Есугэй участвовал в походе монголов против другого татаро-монгольского племени – татар.

Есугэй-баатур, считая рождение сына в час победы над врагом счастливым предзнаменованием, назвал его именем своего знатного пленника – Тэмучжином. Некоторые ученые предполагают, что имя Тэмучжин в переводе с древнемонгольского означало «кузнец».

В 1161 году (Тэмчужину было тогда шесть лет) чжур-чжэни в союзе с татарами нанесли монголам поражение в районе озера Буир-Нур, что еще больше углубило вражду монголов и татар.

Есугэй-баатур был главой улуса, который объединял несколько монгольских племен. Жизнь его проходила в боях и походах, и из страха перед его отвагой и натиском большинство друзей и врагов покорились ему ради спасения своей жизни, поэтому положение и дела его были в блестящем состоянии.

Когда Тэмучжину исполнилось девять лет, Есугэй решил сосватать ему невесту из того же олхонутского рода, из которого была и мать Тэмучжина Оэлун. Взяв с собой мальчика, он отправился в путь. В дороге повстречался им Дай-сечен из племени унгират: «Куда держишь путь, сват Есугэй?» «Я еду, – говорит Есугэй-баатур, – сватать невесту вот этому своему сыну». Дай-сечен посмотрел на Тэмучжина: «У твоего сына взгляд, что огонь, а лицо, что заря. Снился мне, сват Есугэй, этой ночью сон, будто слетел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. Что-то он предвещает? – подумал я, как вижу, подъезжаешь ты, сват Есугэй, со своим сыном. Унгиратское племя с давних пор славится, нет в том соперников нам, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Зайди ко мне, сват Есугэй. Девочка моя малютка, да свату надо посмотреть!»

Взглянул Есугэй на Бортэ, десятилетнюю дочь Дай-сечена, а лицо у нее – заря, очи – огонь. Переночевали гости ночь, а наутро началось сватовство. Столько, сколько требовало того приличие, торговался Дай-сечен, заманивший знатного жениха, желавший породниться с Есугэем. Поторговался и сказал: «То не женская доля – состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах».

На том и поладили. Подарил Есугэй Дай-сечену своего заводного коня, попросил его присмотреть за сыном: «Страсть боится собак мой мальчик. Ты уж, сват, побереги мальчонка от собак!»

С тем и уехал Есугэй, по старинному монгольскому обычаю оставив 9-летнего Темучжина у его 10-летней невесты в зятьях у Дай-сечена из племени унгират.

На обратном пути повстречались Есугэю пирующие татары. Полагая, что никто из этих татар не знает его в лицо, решился Есугэй задержаться на их празднике, немного передохнуть. Но кто-то из татар опознал Есугэя. Не рискнув в открытую убить его, татары подмешали Есугэю в питье отраву. Уже в пути почувствовал Есугэй неладное, а добравшись через трое суток домой, заболел и слег. Перед смертью он подозвал своего приближенного Мунлика: «Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно татары. Дурно мне. Прими же на свое попечение всех моих: и малюток, и осиротевших младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези поскорее моего Тэмучжина!»

И с этими словами он скончался, шел 1165 год.

Мунлик был верным соратником Есугэя и выполнил его наказ. Боясь за Тэмучжина, он не сразу объявил о смерти Есугэя. А Дай-сечену сказал: «Старший брат Есугэй-баатур очень болеет

душой и тоскует по Тэмучжину. Я приехал за ним».

«Раз сват так горюет о своем мальчике, пусть Тэмучжин съездит, повидается, да и скорехонько назад».

Так и привез Мунлик Тэмучжина обратно, в опустевшую отцовскую юрту, в тот трудный час, когда бывшие под рукой Есугэя-баатура монголы покидали его семью, уходя каждый своим путем.

Если монгола спрашивали, сколько ему лет, он отвечал, что столько, сколько в его жизни было весен, сколько раз наново молодой травой зеленела степь. Древние монголы не знали письменности.

Чтобы жениться, надо было купить жену. Причем любой мог взять столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, если имел возможность их содержать. Приданое отдавалось матери жены, а жена мужу ничего не приносила. Первую жену они почитали за старшую и самую милую. Богатые скотоводы, родовые старейшины устраивали пышные свадьбы.

Ни одна вдова не выходила замуж, поскольку у монголов считалось, что все, что служит им в этой жизни, будет служить и в будущей; следовательно, вдова после смерти обязательно вернется к первому мужу. По одному из обычаев, сын брал всех жен своего отца, за исключением матери. Двор отца и матери доставался всегда младшему сыну, который должен был заботиться о всех женах своего отца. При желании он пользовался ими как женами, так как он не считал, что наносит отцу обиду, ведь жена по смерти вернется к отцу. С чужой женой спать считалось делом скверным.

Брачные контракты часто заключались родителями тогда, когда будущие супруги были еще малолетними детьми. Безбрачие, по-видимому, считалось недопустимым и позорным. Во всяком случае, один описанный Марко Поло обычай свидетельствует о том, что родители стремились добиться заключения брачных договоров даже для умерших детей: «Если у двух людей помрут, у одного их женят; мертвую девку дают в жены мертвому парню, потом пишут уговор и сжигают его, а когда дым поднимается на воздух, говорят, что уговор понесло на тот свет, к их детям, чтобы те почитали друг друга за мужа и жену. Играют свадьбу, разбрасывают еду там и сям и говорят, что это детям на тот свет… А кончат все это, почитают себя за родных и родство блюдут так же, как если бы их дети были живыми».

Тэмучжин вырос и стал великим воином. Он был ханом. От пределов государства Алтан-хана до земель найманов и кэрэитов простирался теперь его улус. Тэмучжин был наречен Чингисханом – владетелем мира, ханом великим и могущественным. И пришло

время, когда он решил избавить землю от татар. Однако по тому, как принимали смерть татары, ему стало ясно, что кто-то проговорился о решении истребить их. Когда было выяснено, что тайну разгласил Бельгутай, его надолго лишили права участвовать в заседаниях семейного совета.

Тогда же произошла и следующая история. Чингис взял себе в наложницы татарскую красавицу Есуган-хатун. Есуган нравилась ему и была у него в милости. Как-то Есуган сказала Чингису: «Хаган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его хаганская милость. Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра по имени Есуй. Она только что просватана. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?»

«Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она появится?»

«С хаганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу».

Приказал Чингис разыскать Есуй. Ее поймали вместе с женихом в то время, когда они пытались укрыться в лесу. Есуган, как только увидела старшую сестру, сразу встала и посадила ее на свое место. Есуй действительно понравилась Чингису, и он сделал ее своей женой. Жених Есуй сумел скрыться.

Как-то раз уже после похода на татар Чингис сидел у своей юрты, пил кумыс. Тут же рядом сидели ханши. Вдруг Есуй глубоко и скорбно вздохнула. Чингис заподозрил неладное, смекнул, не любимого ли увидела Есуй, и приказал: «Расставьте-ка по семьям и местам работы всех собравшихся здесь аратов. Людей посторонних выделяйте особо».

Расставили людей. И остался в стороне только один юноша. Волосы у него были заплетены в косу, как у человека благородного.

«Кто ты такой?» – спросил Чингис.

Он ответил: «Я нареченный зять дочери татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас как будто все успокоилось, и я пришел. Я думал, меня не опознают среди столь большого числа людей».

Сказал Чингис приближенным: «Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси! Что тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!»

И молодому татарину тут же срубили голову с плеч. Любовь привела его к порогу чингисовой юрты, любовь его выдала, а ненависть его погубила. Не могла заступиться за него Есуй. Только ночами иногда, лежа на мягком войлоке в ханской юрте,

горько плакала она украдкой да вспоминала суженого, молодого татарина, его открытое юное лицо, черные, как смоль, косы. Татаро-монгольские девушки привыкли, что их мужья покупали их или брали силой. Есуган, приблизившись к ханскому ложу, искренне любя и почитая старшую сестру, просила разыскать ее, веря, что счастье сестры не сидеть в лесу с молодым татарином, а быть здесь, на ханском ложе, и уступила ей свое место.

Кстати, позднее именно Есуган добилась от Чингиса разрешения собрать уцелевших татар и объединить их под властью двух татарских нойнов – Кули-нойна и Менгу-Ухэ, которых Чингис мальчишками подарил своим сестрам и воспитал в своей орде. К тому времени сама Есуган уже тоже стала женой Чингиса.

По утверждению некоторых историков, у Чингисхана было около двух тысяч наложниц!

Хану не приличествовало иметь одну жену. Домой Тэмучжин вернулся с Есуй и Есуган. Во время похода он не расставался с любовницами. Тэмучжин каждый раз уходил от Есуй с чувством тайного стыда. Девушка была покорна ему, она, отдаваясь телом, сделала недоступной душу. Не такой покорности хотел он от нее. Каждый раз шел к Есуй с нетерпеливым желанием сломить ее, подчинить себе, а уходил с отягощенным досадой сердцем.

Его жена Бортэ без особого восторга приняла новых жен, хотя на людях разговаривала с татарками ласково. Чувствовалось, что она сердита на мужа.

У Чингисхана было много наложниц и жен. Во время походов Чингисхан каждую ночь проводил с новой наложницей, в то время как его жены и дети не видели его месяцами. Чаще всего девушек отбивали у врага. Например, кэрэитка Ибахабеки досталась хану после битвы в курене Ван-хана.

Чингисхану очень нравились китаянки. Нежноголосые создания услаждали его слух песнями, после чего одну из них повелитель оставлял у себя на ночь. Они и в любви были нежны, как их песни… Правда, его больше возбуждали строптивые женщины, которых нужно было покорять…

У Чингиса было много жен, но сына, кроме Бортэ, родила только меркитка Хулан. Эта жена почти всегда угадывала его желания. Она не любила оставаться одинокой. Чингисхан не мог устоять перед ее чарами. Особенно когда во влажных глазах женщины появлялся зовущий блеск, а голос становился мягковоркующим.

Во время китайского похода воины Чингисхана дошли до реки Хуанхэ, повелитель пожелал взять себе в жены дочь китайского императора – для утешения сердца и в знак

примирения. Правда, дочерей у императора не оказалось. Тогда было решено, что Сюнь удочерит одну из дочек покойного Юньцзы и отдаст ее в жены.

Невесту несли в открытых носилках. За нею шли пятьсот мальчиков и пятьсот девочек, держали подносы с золотыми, серебряными и фарфоровыми чашками, шкатулки с украшениями и жемчугом, разные диковинки из слоновой кости, нефрита, яшмы и драгоценного дерева; воины вели в поводу три тысячи коней под парчовыми чепраками. Все это (вместе с мальчиками и девочками) было приданым невесты.

Хулан стояла рядом, глаза ее метали молнии. Хан отодвинул занавеску с золотыми фениксами. Девушка в шелковом одеянии отшатнулась от него, вцепилась руками в подушки. У нее были маленькие глаза под реденькими бровями, остренький подбородок. Девушка попробовала улыбнуться. Она показала редкие кривые зубы. Чингисхан почувствовал себя обманутым. Хулан стояла довольная.

Все его жены жили мирно, пока повелитель не состарился. Теперь, чем ближе становилось время выступления в поход, тем беспокойнее вели себя жены. Раньше Бортэ правила всеми его женами и наложницами. Жены раскололись на два враждующих стана. В одном главная была Бортэ, в другом – Хулан. Татарка Есуй высказала ему то, о чем другие помалкивали: «Ты уходишь, и одному тебе ведомо, сможешь ли возвратиться. Все люди смертны… Кто будет править твоим улусом? Кто станет господином над всеми нами?»

Для него эти слова были неожиданны, поскольку он еще не задумывался о смерти. Тем не менее мысли о наследнике стали одолевать его. Выбор пал на Угэдэя, сына Бортэ.

Чингисхану было примерно 63–64 года, когда он в 1219 году выступил в поход на Запад. Прошагав к своей славе по горам трупов в Монголии, тангутском государстве, Северном Китае, он не мог не думать о жизни и смерти. Он видел, как легко обрывается человеческая жизнь, и хотел найти способ продлить собственную, а то и познать тайну бессмертия. Еще в Северном Китае он слышал, что этой тайной, возможно, владеют даосы. Даосизм, одна из религий в Китае, соединял в себе отдельные элементы философского даосизма Древнего Китая, истолкованные мистически, с элементами самых различных народных верований, культом шаманства, столь характерного для Восточной Азии. Даосы проповедовали культ бессмертия различными способами с использованием магии, алхимии и в какой-то мере средств китайской медицины. Большой славой при Чингисхане пользовался даосский монах Чан Чунь (Цю Чуцзи).

Чингис слышал о Чан Чуне и, находясь в западном походе, с берегов Иртыша вызвал его к себе, чтобы воспользоваться секретами даосов и узнать тайну достижения бессмертия. Чан Чунь согласился прибыть в ставку Чингисхана, с одной стороны, безусловно, подчиняясь силе, с другой – возможно, надеясь повлиять на грозного хана и уменьшить кровопролитие. Чан Чунь был поэтом, и в одном из стихотворений, сочиненных им в пути, он сам так писал о целях своего путешествия:

> Я иду к местопребыванию государя, что на вершинах реки,
> Для того чтобы прекратить войны и возвратить мир!

Оба они ошибались – и кровавый завоеватель, и мудрец-поэт, постигший тайны магии и достигший величия духа. Каждый ждал от другого невозможного.

16 мая 1222 года Чан Чунь прибыл к Чингисхану, преодолев громадный путь через Северный Китай, Монголию, Восточный Туркестан и Семиречье к берегам Аму-Дарьи. После обычного обмена приветствиями Чан Чуню было позволено сесть, ему подали еду, и Чингис задал ему тот вопрос, на который страстно желал получить ответ: «Святой муж! Ты пришел издалека, какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?»

Монах ответил: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства бессмертия».

Ответ его был правдив и прост. Он не требовал особых истолкований, и Чингис понял, что и ему, грозному владыке Востока и Запада, уготована всеобщая участь.

Чингисхан был похоронен в обстановке строгой тайны своими наследниками. Он умер вблизи Желтой реки (Хуанхэ) на территории нынешнего Китая. Его войска убивали любое живое существо, которое было свидетелем траурной процессии. Марко Поло подробно рассказал в описании своего путешествия, как более 20 тысяч человек были убиты только за то, что оказались очевидцами такой похоронной кавалькады хана Менгу, другого чингизида. Все животные и рабы, которые могли понадобиться хану в загробной жизни, были похоронены вместе с ним. Как утверждает местная легенда, в могилах было также зарыто огромное количество золота и серебра.

Ученые опросили десятки местных жителей в аймаке Хэнтэй, и один из них, 88-летний охотник, повторил, что ему рассказывали в детстве о похоронах Чингисхана:

«Один тюркский полководец доставил его тело на родину. Он зарыл четыре гроба в разных местах, окружил подлинную могилу

стражей и в течение трех месяцев пас здесь тысячи коней. После этого он предложил награду тому, кто обнаружит, где находится могила. Но никто не смог найти ее».

По-видимому, священная территория вокруг горы площадью 240 квадратных километров была объявлена табу, и никому не позволялось заходить на нее под страхом смерти. Роду, назвавшемуся Дархац, было приказано охранять святилище, и он продолжал жить здесь на протяжении 700 лет, пока не был насильственно выселен в первой половине XX столетия. Территория оставалась пустыней, где выли волки.

Со временем тайная гора была забыта, и коммунистическая партия по сталинскому приказу объявляла вне закона любые исследования и дискуссии о Чингисхане. С переходом к демократии, запрет был снят, и японская газета «Иомиури» предложила финансировать экспедицию, выделив на нее большую, но точно не сообщаемую сумму.

Некоторые из местных жителей протестуют против раскопок, убежденные, что тайна могилы должна оставаться священной. Они напоминают о предсказании, согласно которому, если потревожить вечный сон Чингисхана, проклятие падет на страну. Здесь вспоминают, что, когда русские ученые во главе с профессором Михаилом Герасимовым вскрыли захоронение великого Тамерлана, другого воинственного предводителя монгольских нашествий, такое проклятие сбылось: на следующий день, 22 июня 1941 года, нацисты начали свое вторжение в Советский Союз.

ИВАН IV ГРОЗНЫЙ (1530—1584)

Великий князь «всея Руси» (с 1533), первый русский царь (с 1547), сын Василия III. С конца 1540-х годов правил с участием Избранной рады. При нем начался созыв Земских соборов, был составлен Судебник (1550), проведены реформы управления и суда, покорены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. В 1565 году была введена опричнина. Установлены торговые отношения с Англией (1553), создана первая типография в Москве. Велась Ливонская война за выход к Балтийскому морю (1558—1583), началось присоединение Сибири (1581). Внутренняя политика царя сопровождалась массовыми опалами и казнями, усилением закрепощения крестьян.

С детства не знающий удержа, развращенный боярами, которых он потом безжалостно казнил, Иоанн всю жизнь был жрецом разврата. Он узнал женщин с 13-летнего возраста и менял любовниц чуть ли не каждый день.

Но 3 февраля 1547 года 16-летний Иоанн Васильевич женился на Анастасии Захарьиной, которая поразила его своей скромностью. Две недели после пышной свадьбы царь вел спокойную жизнь. Прекратились жестокие забавы с медведями и шутами, царь помогал нуждающимся и выпустил многих заключенных. Все это приписывали влиянию молодой жены, старавшейся оказывать на царя благотворное влияние.

Но в первых числах марта в нем произошла разительная перемена, причем без всяких видимых причин. Однажды утром царь позвал одного из бояр прямо в опочивальню. Анастасия заметила, что негоже приглашать мужчину сюда, когда царица лежит в постели.

«Какая ты царица? – расхохотался Иоанн. – Как была Настька Захарьина, так и осталась».

Царица расплакалась, а царь приказал приготовить медведей. Начались обычные кровавые царские забавы. Случайно страшную картину травли людей медведями увидела в окно Анастасия. Она была потрясена, но еще пыталась как-то соблюдать приличия семейной жизни. Однако царю вскоре наскучило безмятежное существование. Дворец заполнился женщинами и начались пьяные разнузданные оргии. Царица к столу больше не выходила.

Прошел год. Поведение Иоанна делалось все страннее. Однажды Анастасия в час просветления разума своего супруга

попросила его определить на придворную службу одного из родственников. На следующий день молодого Захарьина привезли во дворец и одели в шута. Показав на него жене, царь сказал, что это благодаря ей он получил такую милость. Василий Захарьин ответил, что ей, царице, впору бы самой шутихой быть. А потом дерзко добавил, что и царю шутовской кафтан пристал бы. В тот же день Василий Захарьин был затравлен медведем.

Но на следующий день, 11 апреля 1547 года, в Москве начался один из самых страшных пожаров. Царь покинул Кремль и Москву. Сгорело две трети города. Иоанн усердно молился, бесчинства царя прекратились, у него родился царевич Дмитрий. Но сын умер, Анастасия очень тосковала по нему.

Лишь в 1557 году родился наследник Федор Иоаннович. А через три года царица умерла от неведомой хвори, проболев всего три дня. Ходили слухи, что ее отравили. Царь Иоанн был неутешен. Неделю после похорон он провел в уединении, а после этого приближенные не узнали царя: он пожелтел и постарел, сгорбился, как старик.

Все темные инстинкты, которые царь сдерживал в себе последние годы, проснулись в нем с новой неистовой силой. Дворец был превращен в сплошной гарем, каждый приближенный боярин обязан был участвовать в оргиях. Неповиновавшихся уважаемых стариков – князя Оболенского и князя Репнина царь отправил на тот свет.

Бояре затрепетали и решили женить Иоанна вторично. Царь сам выбрал себе в жены неукротимую черкешенку Марию Темрюк. Эта дочь Кавказа с удовольствием присутствовала на медвежьих травлях и наблюдала с кремлевских стен за публичными казнями, хотя в те времена женщины на казни не допускались. Заикнувшийся о том, что неприлично царице смотреть на жестокие расправы, боярин Адашев был сослан, а вся его родня – брат и 12-летний племянник, тесть, три брата жены, племянник с двумя детьми и племянница с пятью – были казнены на Красной площади.

Бояре ненавидели царицу Марию, которая позволяла царю устраивать разнузданные оргии даже на ее половине дворца, и сама предлагала ему своих самых красивых девушек. Мария имела большое влияние на Иоанна и не упускала случая настроить мужа против бояр. Царь, боясь заговоров, окружил себя любимцами, которые для своей выгоды не стеснялись в выборе средств. Они все время придумывали новые «заговоры» бояр, учиняя жестокие пытки и расправы. Иоанн был так напуган, что сбежал из Москвы. Вернулся он с одним условием: чтобы при нем была его охрана из тысячи опричников. Вскоре опричники

превратились в настоящих разбойников-грабителей. Они разоряли дворы бояр, объявляя их заговорщиками.

Царь, которого опричники запугали «заговорами», поселился в Александровской слободе. Мария осталась в Кремле, устраивала собственные оргии. У нее было много любовников, фаворитом же был князь Вяземский. В то время Иоанн с опричниками превратили царский дворец в Александровской слободе в подобие монастыря. Ночью царь звонил в колокол. В церковь съезжались опричники в рясах. Потом во время двух-трехчасовой службы царь беспрерывно клал земные поклоны. После службы царь читал жития святых, а во время обедни опять бился лбом о каменный пол. Но уже за обедом все были без ряс, вино лилось рекой, появлялись женщины. А глубокой ночью оргия опять сменялась молитвой.

Иоанн словно не замечал царицу Марию, но однажды ему донесли, что она и ее любовник боярин Федоров замышляют убийство царя. Тогда царь на веселой трапезе предложил рядиться, и велел Федорову одеться царем. Затем он ударил боярина ножом. Марию же заточили в Кремле под бдительным надзором опричников. Лишенная свободы, царица скончалась 1 сентября 1569 года.

После смерти второй жены Иоанн увлекся новой забавой, которую называл «выбором жен». Он с опричниками делал набеги на вотчины своих подданных. Его встречали по-царски, но, придравшись к мелочи, венчанный гость приказывал опричникам «пощупать ребра» у гостеприимных хозяев. Начинались страшных избиения, которым не подвергались только молодые красивые женщины и девушки. Царь выбирал одну из них, остальные доставались опричникам. Иногда бесчинства «гостей» продолжались два-три дня.

Между тем положение Руси ухудшалось. Хан Гирей вторгся в русские земли. Иоанн сдал ему Астрахань. Приближенные царя вновь решили его женить. Устроили смотр невест. Иоанн был лыс, сгорблен, беззуб, а невесты – румяные, пышущие здоровьем. Только одна из них, Марфа Собакина, не отвела взгляда под взором государя. Ее и выбрал царь. Но еще до свадьбы с Иоанном Марфа заболела, а через две недели после венчания – умерла. Царь узнал, что ее болезнь началась после того, как князь Михаил Темрюк, брат бывшей царицы, угостил ее засахаренными фруктами. Его посадили на кол и казнили еще несколько бояр. После двух недель уединения Иоанн, выйдя к приближенным, был так страшен, что содрогнулись даже самые близкие. Он остановил взгляд на верном опричнике Григории Грязном и обвинил его в том, что он был влюблен в Марфу и знал о ее

болезни. Григорий все отрицал, но царь вонзил ему в глаз острый конец посоха и приказал добить верного слугу, а потом пригласил всех оставшихся поехать за невестами. Только по дороге он объявил князю Ростовскому, что едут к нему. Князь перепугался до смерти, и было отчего. Оглядев княжеские палаты, царь заметил, что богато живет князь Ростовский. А отведав вина, предложил хозяину и его сыновьям попробовать царское угощение. Князь все понял. Он молча поцеловал жену и сыновей и залпом выпил вино. Родные его сделали то же самое.

Через несколько минут все корчились в агонии. Царь хохотал.

Целый год после смерти Марфы развлекался царь, но вот он снова решил вступить в брак, хотя православная церковь разрешает только три брака. Царь выбрал Анну Колтовскую, которая сумела подчинить Иоанна своему влиянию. Массовые пытки и казни прекратились, а в покоях царицы Анны всегда было достаточно красивых женщин, чтобы супруг проводил там все свое время. Молодая царица искусно повела борьбу против опричнины. Она ненавидела их, замучивших ее любимого, князя Воротынского. Благодаря ее влиянию на царя, за год были казнены или сосланы почти все главари опричнины. Оставшиеся опричники люто ненавидели Анну. И им удалось отомстить царице. 15 апреля 1572 года ее насильно привезли в Тихвинский монастырь и постригли в монахини, где она прожила в заточении еще 54 года.

Прошел год после удаления Анны. Бояре прятали из Москвы и округи своих молодых жен и дочерей, Иоанну приходилось рыскать по окрестностям для удовлетворения своих страстей. Он снова решил жениться и обошелся без разрешения архипастырей. В ноябре 1573 года царь Иоанн обвенчался в Спасо-Преображенском соборе с княжной Марьей Долгоруковой. Но на следующее утро после пышной свадьбы царь был хмур и неразговорчив. В тот же день он увез царицу в Александровскую слободу, где приказал вырубить на своем пруду огромную полынью. У края полыньи поставили высокое кресло. Из дворца на коне выехал царь, за ним следовали пошевни, на которых лежала привязанная царица Мария, бывшая в беспамятстве. Царь сел в кресло и объявил, что карает Марию за то, что она еще до венца с кем-то слюбилась. Скуратов ткнул ножом лошадь, запряженную в пошевни. Опричники стали ее бить, и испуганное животное метнулось в полынью. Лошадь вместе с царицей ушла под воду.

Брата Марии, Петра Долгорукова, подвергли жестокой пытке и убили.

Следующей жертвой царя стала Анна Васильчикова, 17-

летняя дочь его любимца князя Васильчикова. Неизвестно, кто их венчал, но царицей Анну Васильчикову никто не признавал. Царь прожил с ней года два, а затем Васильчикова неволею пострижена была в инокини в суздальском Покровском монастыре.

Одним из приближенных Иоанна стал стременной Никита Мелентьев. Однажды царь неожиданно посетил Никиту, и ему приглянулась жена Мелентьева, красавица Василиса. Он потребовал у верного слуги, чтобы тот послал свою жену в царский дворец. Никита не повиновался, «заболел». Царь сам навестил «хворого» Мелентьева и дал ему «лекарства» – отравленного вина. Василиса появилась в царском дворце. Царь с ней обвенчался, но брак был незаконен. Однако новая незаконная царица сумела привязать к себе Иоанна до такой степени, что снова на два года в Москве почти прекратились казни, а во дворце – разнузданные оргии.

Но однажды, во время беседы со шведским послом, Иоанн внезапно прервал разговор и направился в покои Василисы. Та казалась смущенной. Вызванный царем Скуратов, обыскав терем, нашел спрятавшегося за пологом кровати царского сокольничего Ивана Колычева. Иоанн проткнул его острым концом посоха. На следующий день в безымянной могиле похоронили два гроба. Говорят, в одном был убитый Колычев, в другом – живая, но связанная и с кляпом во рту Василиса Мелентьева. Все родственники Колычева отправились на плаху. Потоки крови лились несколько месяцев.

Насытившись, царь опять начал искать невесту. Выбор пал на Наталью Коростову, но ее дядя новгородский архиепископ Леонид заявил, что не отдаст племянницу на поругание Иоанну. Архиепископа зашили в шкуру и бросили на растерзание псам.

Наталья Коростова прожила во дворце несколько месяцев и бесследно исчезла. Следующей стала боярышня Мария Нагая. Когда Иоанн объявил семейству, что сватает их дочь и она будет царицей, девушка упала в обморок. Сыграли свадьбу и венчались без благословения патриарха и епископов. Царица Мария покорилась своей участи и относилась к мужу хорошо, только часто плакала. Слезы ее раздражали царя. Он сердился и кричал на жену, и вскоре опять ударился в разгул. Но прежних сил не было, он засыпал на оргиях, заговаривался за столом.

После убийства царевича Иоанна, царь стал невыносим. Он не терпел рядом с собой людей, которые не могли беспрерывно веселиться. Мария стала ему ненавистна, но, когда он заболел, царица ухаживала за ним. Силы совсем оставили царя, но он еще задумал новый брак. Иоанн решил жениться на родственнице английской королевы, Марии Гастингс. Королева пожалела

бедняжку и показала посланнику русского царя уродливую старую деву. Царь отказался от Гастингс, но английская королева предложила ему вдову Анну Гамильтон, свою двоюродную племянницу. Иоанн был в восторге от ее портрета. Оставалось удалить Марию Нагую, которая только что родила сына Дмитрия. Иоанн не решился на это, и брак не состоялся. Тогда царь отправил Шуйского в Швецию сватать за русского царя шведскую принцессу. Но не успел Шуйский покинуть пределы Руси, как его догнал курьер с вестью о кончине царя.

АРМАН-ЖАН ДЮ ПЛЕССИ РИШЕЛЬЕ (1585—1642)

Кардинал с 1622 года, глава Королевского совета и фактически правитель Франции с 1624 года. Способствовал укреплению абсолютизма. Лишил гугенотов политических прав; провел административную, финансовую, военную реформы; подавлял феодальные мятежи, народные восстания. Вовлек Францию в Тридцатилетнюю войну (1618—1648).

Постоянно управляя – да еще так гениально – делами государства, первый министр всегда был падким на красивых женщин. «Однажды, – сообщал летописец, – он захотел совратить принцессу Марию де Гонзаг, ставшую теперь королевой Польши. Она попросила у него аудиенции. Он лежал в постели; ее ввели туда одну, и начальник стражи быстро выпроводил всех из помещения. "Месье, – сказала она ему, – я пришла, чтобы…" Он тут же прервал ее: "Мадам, я обещаю вам все, что вы пожелаете; я даже не хочу знать, о чем вы просите; просто вижу такой, какая вы есть. Никогда, мадам, вы не были так хороши. Что касается меня, то я всегда мечтал служить вам". Говоря так, он берет ее руку; она ее высвобождает и хочет сказать о своем деле. Он снова хочет взять ее руку, и тогда она встает и уходит».

Некоторое время спустя он влюбился в мадам де Бриссак, жену своего кузена маршала де ла Мейере, владельца оружейного производства. «Его жена была хороша собой и очень неплохо пела, – писал летописец. – Кардинал Ришелье увлекся ею; теперь у него постоянно было какое-нибудь дело к оружейнику. Владельца арсенала стали одолевать тяжелые предчувствия. Маршальша, которая, если бы захотела, могла совершенно безнаказанно дразнить и злить кардинала, заметила состояние мужа. И вот, в один прекрасный день, проявив редкую для ее возраста решимость, она явилась к мужу и сказала, что воздух Парижа плохо на нее действует и что было бы хорошо, если он, конечно, не возражает, поехать к ее матери в Бретань. "Ах, мадам, – ответил ей маршал, – вы возвращаете меня к жизни! Я никогда не забуду милости, которую вы мне оказали". Кардинал, к счастью, больше не помышлял о ней. И неудивительно, впереди у него были еще более странные возгорания. Вот она, другая сторона медали».

Однажды Людовик XIII узнал, что у его любимца, фаворита Сен-Мара, есть любовница. Эта женщина была самой знаменитой

куртизанкой того времени: ее звали Марион Делорм. Король едва не заболел.

Ришелье, которому немедленно об этом доложили, был ошеломлен. Связь Сен-Мара с женщиной могла иметь весьма неприятные политические последствия. На протяжении пяти месяцев король предпринимал серьезные усилия для завоевания провинции Артуа (бывшей в то время испанским владением) и лично руководил военными операциями. Им уже были захвачены Эзден, Мезьер, Ивуа, Сен-Кентен. Но Аррас, столица провинции, еще сопротивлялся, и жестокие бои продолжались. Ришелье, знавший ранимость и ревнивый нрав короля, тут же понял, что есть серьезная опасность потерпеть военное поражение, если только Сен-Мар не порвет со своей куртизанкой. Поэтому кардинал пригласил Марион Делорм к себе, а так как он не знал другого способа прекратить ее связь с фаворитом, то ради блага государства сам стал ее любовником.

Вот как протекали, по мнению Тальмана де Рео, современника Ришелье, две первые встречи кардинала и самой красивой женщины XVII века: «Кардинал де Ришелье платил женщинам не больше, чем художникам за их полотна. Марион Делорм дважды приходила к нему. Во время первого визита она пришла к нему в платье из серого атласа, расшитого золотом и серебром, в изящной обуви и в украшении из перьев. Она сказала, что эта бородка клинышком и волосы, прикрывающие уши, производили самое приятное впечатление. Мне говорили, что один раз она явилась к нему в мужском платье: всем было сказано, что это курьер. Она и сама об этом рассказывала. После двух визитов он послал ей сто пистолей со своим камердинером де Бурне, который выполнил роль сводника».

Далее Тальман де Рео добавляет: «Она говорила, что кардинал де Ришелье подарил ей однажды кольцо за шестьдесят пистолей, которое ему дала племянница мадам д'Эгийон».

«Я отнеслась к этой вещи, – говорила она, – как к трофею, потому что оно раньше принадлежало мадам де Комбале, моей сопернице, победой над которой я гордилась, а это кольцо было как добыча, в то время как она продолжает лежать на поле сражения».

Несмотря на скупость кардинала, Марион, польщенная тем, что ее выбрал этот могущественный и опасный человек, согласилась не встречаться больше с Сен-Маром, после чего король снова помирился со своим молодым другом.

Король был спасен, завоевание Артуа продолжалось. Довольный Ришелье, желая вознаградить себя за это, решил остаться некоторое время любовником Марион Делорм. Но, увы,

красавица оказалась болтливой; она поторопилась похвастать своей новой связью, и злые языки тут же прозвали ее «госпожой кардинальшей».

Иногда друзья Марион из квартала Маре и с Королевской площади говорили ей: «Как вы можете спать с прелатом?»

Она улыбалась: «Да ведь без красной шапки и пурпурного облачения любой кардинал ничего особенного не представляет». Потом добавила, что такая любовная связь, без сомнения, обеспечит ей полное отпущение грехов.

Вскоре весь Париж оказался в курсе этой удивительной любовной идиллии, и несколько озадаченный поэт Конрар написал господину де л'Эссо:

«Месье, верно ли то, в чем меня пытались убедить, а именно, что наш Великий Пан влюблен в Марион Делорм, это он-то, глаза и уши своего принца, неусыпно пекущийся о благе государства и держащий в руках судьбу всей Европы?

Сообщите же мне, месье, должен ли я верить столь значительной и столь приятной новости. Я больше уже не в состоянии доверять никому, кроме вас».

Конрар не ошибался, и мы увидим, что он мог без колебаний называть Ришелье Великим Паном, настолько точно это прозвище подходило первому министру…

Кардинал и вправду был большим поклонником женщин, и его кардинальское облачение нисколько не мешало ему бегать за юбками.

В одном из своих трудов Матье де Морг говорил совершенно откровенно о красавицах, «не только не распутных, но, наоборот, из самых добродетельных, жаловавшихся на посягательства и насилие, которые пытался учинить над их честью Ришелье…»

Но не всегда любовные похождения Ришелье заканчивались так неудачно. Ги Патен в письме, отправленном в ноябре 1649 года, писал: «За два года до смерти (то есть в 1640 году) у кардинала еще было целых три любовницы, из них первая – собственная племянница, вторая – пикардийка, то есть жена маршала де Шальна, а третья – некая парижская красотка по имени Марион Делорм, так что все эти господа в красных шапках приличные скоты: "Vere cardinale isit sunt carnales" *<Воистину кардиналы очень чувственны>*».

Не успел Ришелье, как говорится, отведать одной девицы, чьим ремеслом была торговля собственными прелестями, как у него уже разгорелся аппетит на другую «жрицу Венеры» – Нинон де Ланкло.

С редкой беззастенчивостью он выбрал в посредницы именно Марион и поручил ей предложить Нинон пятьдесят тысяч экю,

если та согласится принимать его елейные нежности. Однако, несмотря на значительность суммы, предложение было отвергнуто мадемуазель де Ланкло. Граф де Шавеньяк писал об этом в своих «Мемуарах»: «Этот великий человек (Ришелье), умевший доводить до конца самые крупные начинания, тем не менее потерпел поражение в этом деле, хотя Нинон никогда не страдала от избытка целомудрия или благопристойности; напрасно он предлагал ей через ее лучшую подругу Марион Делорм пятьдесят тысяч экю, она отказалась, потому что в то время у нее была связь с одним советником Королевского суда, в объятия которого она бросилась добровольно…»

Можно, правда, задаться вопросом, какова была роль Марион в этом деле, потому что она должна была почувствовать себя глубоко оскорбленной, видя, что Ришелье предлагает сопернице пятьдесят тысяч экю, тогда как сама она получила за те же услуги всего сто пистолей.

Но как бы там ни было, она вскоре ушла от первого министра и вернулась в постель поэта де Барро, своего первого любовника, который, не помня себя от радости, сочинил редкостного убожества «Стансы», имевшие пространный подзаголовок «О том, насколько автору сладостнее в объятиях своей любовницы, чем господину кардиналу де Ришелье, который был его соперником».

Впрочем, Марион оказалась лишь кратким эпизодом в жизни Ришелье. Самой большой любовью кардинала была его племянница Мари-Мадлен де Виньеро, вдова господина де Комбале, герцогиня д'Эгийон.

Эта очаровательная пухленькая блондинка тридцати семи лет обожала прогуливаться «с обнаженной грудью», чем доставляла несказанную радость друзьям кардинала.

«Когда я вижу мадам д'Эгийон, – признался как-то один старый каноник, скромно потупив глаза, – я чувствую, как снова становлюсь ребенком».

«Позволяя ей эту вольность, – писал Лефевр в своих «Мемуарах», – он хотел дать понять, что взирает на прелести красавицы-герцогини незамутненным взором кормилицы. Но это притворство никого не обмануло, и каноника следовало бы высмеять за лицемерие».

Мари-Мадлен вышла замуж в шестнадцать лет за Антуана де Рур де Комбале, но чувствовала себя в замужестве не особенно хорошо, поскольку этот дворянин «хотя и прослыл (по словам Тальмана де Рео) при дворе самым волосатым человеком», но оказался неспособен помочь ей расстаться с девственностью.

Поэт Дюло позволил себе позабавиться, сочинив анаграмму, жанр, бывший тогда в большой моде, с помощью которой он

сообщил читателям о горестной судьбе мадам де Комбале, скрытой в ее девичьем имени Мари де Виньеро, из которого ему удалось составить: «Девственница своего мужа…»

В 1625 году малосильный дворянин скончался, оставив хорошенькую вдову в полном разочаровании. Разуверившись в браке, в мужчинах, усомнившаяся в самом существовании плотских утех, Мари-Мадлен стала подумывать об уходе в монастырь. И призналась в этом своему дяде: «Светская жизнь меня не интересует. Я хочу стать монахиней-кармелиткой».

Ришелье посмотрел на нее внимательно и нашел, что она очень красива. Стараясь скрыть свое смущение, он, опустив глаза, сказал ей ласково: «Ваше место не в монастыре, дитя мое, оно здесь, рядом со мной».

Мари-Мадлен поселилась в Малом Люксембургском дворце, и кардинал стал ее любовником.

Эта странная супружеская жизнь длилась до самой смерти первого министра. Ее то озаряли радости, то омрачали горести, неизбежные, как правило, в семейной жизни. Дядя и племянница то обнимали друг друга, то спорили, то дулись и не разговаривали, но любовь их была искренней.

Разумеется, эта связь не долго оставалась тайной для других. Сначала двор, а потом и весь Париж узнали, что Ришелье «услаждается» с мадам де Комбале. На улицах, как и в светских гостиных, не было конца ироническим куплетам и песенкам с подвохом. М-ль де Монпансье в своих «Мемуарах» рассказывала, что в 1637 году ей самой приходилось распевать оскорбительные куплеты по адресу кардинала и его племянницы.

Конечно, король прекрасно знал об этой незаконной любовной связи и в глубине души порицал любовников. Своего неодобрения он не мог показать кардиналу, которого боялся, и потому всю свою неприязнь срывал на мадам де Комбале. «Меня удивляет король, – сказала однажды королева. – Он поддерживает кардинала и осуждает его племянницу. Он нашел неприличным, что она посмела войти в церковь Сент-Эсташ, когда я слушала там проповедь, и сказал, что с ее стороны это бесстыдство».

Пристрастие Ришелье к женщинам было так велико, что время от времени ему приходилось изменять своей племяннице. И когда ей об этом становилось известно, в Пале-Кардиналь дрожали стекла, так велика была ее ревность. Однажды у нее даже возникло желание изуродовать одну из своих соперниц. Мемуарист писал: «Больше всего наделала шума бутылка с водой, брошенная в мадам де Шольн. Вот что мне рассказал человек, присутствовавший при этом. На дороге из Сен-Дени шесть офицеров морского полка, ехавшие верхом, хотели размозжить

физиономию мадам де Шольн, швырнув в нее две бутылки с чернилами; она успела подставить руку, и они упали на подножку под дверцей кареты; осколки бутылочного стекла порезали ей кожу (чернила проникли в порезы, и от этих следов она никогда не смогла избавиться). Мадам де Шольн не осмелилась обратиться с жалобой на это. Все думают, что офицеры получили приказ только напугать ее. Из ревности к мужчине, которого она любила, и к его безграничной власти, мадам д'Эгийон не желала, чтобы кто-нибудь еще был в таких же отношениях с кардиналом, как она».

Но, несмотря на племянницу, кардиналу все же удалось стать любовником этой самой мадам де Шольн, которую упоминает Ги Патен в уже процитированном выше письме. В знак своей признательности он подарил этой даме аббатство с рентой в двадцать пять тысяч ливров неподалеку от Амьена.

Несмотря на все эти мелкие эскапады, кровосмесительная связь кардинала длилась почти семнадцать лет. Иные утверждали даже, что на то есть благословение Божье и что Мари-Мадлен была матерью множества маленьких Ришелье…

Однажды при дворе маршал де Брез утверждал, что кардинал подарил своей племяннице четырех сыновей.

Анна Австрийская присутствовала при этом разговоре. Она лукаво улыбнулась и заметила своим приближенным: «Тому, что утверждает господин маршал, следует верить ровно наполовину». Все тут же сделали вывод, что у Ришелье от мадам де Комбале двое детей. Что в конечном счете не так уж плохо для прелата…

Ришелье был безумно влюблен в Анну Австрийскую. Гениальный дипломат, видный государственный деятель ухаживал за королевой, но, увы, без взаимности. Он писал ей стихи, угождал во всем, а однажды признался, что готов ради возлюбленной на любой, самый безумный поступок. Тогда статс-дама королевы герцогиня де Шеврез предложила Ришелье позабавить королеву пляской сарабанды в шутовском наряде полишинеля. И кардинал танцевал. Воистину, любовь творит чудеса. Правда, Ришелье танец не помог…

В 1642 году Ришелье, изнуренный двадцатью годами плодотворной работы и утомительных интриг, слег в постель. 4 декабря, в полдень, тот, кто, по меткому выражению мадам де Мотвиль, «сделал из своего господина раба, а затем из знаменитого раба самого великого монарха в мире», отдал Богу душу. Ему было пятьдесят восемь лет.

Эта смерть вызвала в народе бурный всплеск радости. Даже Людовик XIII, который всем был обязан Ришелье, и тот издал вздох облегчения. Для собственного удовольствия он тут же

положил на музыку написанные поэтом Мироном стихи на кончину кардинала. Увы, песню трудно было назвать соответствующей печальному событию. В ней кардиналу воздавалось за все его собственные слабости и за тот страх, который он вселил во всех и каждого.

Большей неблагодарности трудно было вообразить.

ГАЙ ЦЕЗАРЬ КАЛИГУЛА (12–41)

Римский император (с 37) из династии Юлиев-Клавдиев, младший сын Германика и Агриппины. Отличался расточительностью (в первый год своего правления растратил всю казну). Стремление к неограниченной власти и требование почестей себе как к богу вызывали недовольство сената и преторианцев. Убит преторианцами.

Гай Цезарь Август Германик, был сыном популярного в народе консула Германика, умершего в тридцать четыре года, как полагают, от яда. У Германика с его женой Агриппиной было девять детей, и благодаря его популярности в народе его усыновил Тиберий, дядя по отцу, и сделал своим наследником. Когда Тиберий умер, народ требовал, чтобы Германик был избран главой Рима, но тот сам отказался от власти.

Тиберий происходил из древнего и знатного рода Клавдиев и унаследовал присущие семье крутой нрав и аристократизм. Неудивительно, что его смерть была встречена с ликованием, и сенат вручил полномочия принцепса внуку Тиберия и сыну всенародно любимого Германика Гаю Цезарю Августу Германику по прозвищу Калигула («Сапожок»).

Прозвищем Калигула он обязан солдатам, потому что подрастал среди воинов, в одежде рядового солдата. После смерти отца, а потом и после ссылки матери Калигула жил у прабабки Ливии Августы, а после ее смерти – у бабушки Антонии. Когда ему было девятнадцать, Тиберий вызвал его на Капри, где Калигула терпеливо переносил насмешки и издевательства и не высказывал недовольства, не поддаваясь на провокации. Впрочем, проницательный старик понял сущность Калигулы очень рано, и говорил, что вскармливает ехидну для римского народа. Тиберий не ошибался, потому что действительно Гай Цезарь Германик – Калигула – был от природы жесток и порочен, настолько порочен, что следует согласиться, что он был болен с рождения. На Капри Калигула с удовольствием присутствовал на пытках и казнях, а по ночам бродил по кабакам и притонам, предаваясь всевозможному разврату.

Он женился на Юнии Клавдилле, дочери знатнейшего римлянина. Но он женился уже после того, как лишил девственности свою родную сестру Друзиллу, как познал сотни жриц любви, как предавался разврату с Эннией Невией. Поэтому

женитьба была нужна ему лишь для некоторого соблюдения внешних приличий и еще больше для того, чтобы приблизиться к власти. Невинная и неопытная Юния не произвела на него никакого впечатления. С трудом Калигула вытерпел этот глупый, как ему казалось, свадебный обряд, но, оставшись с невестой наедине, он ничего не чувствовал, кроме раздражения.

Супруга его умерла при родах, и он не сожалел о ней и очень быстро забыл, будто ее и не было. Теперь вдовец вполне мог наслаждаться изощренными ласками Эннии Невии, которая была женой Макрона, стоявшего во главе преторианских когорт. Да, они оба стоили друг друга, ведь Невия догадалась, прежде чем отдалась ему, потребовать расписку в том, что он возьмет ее в жены, когда достигнет высшей власти в Риме. Калигула дал ей клятву и письменную расписку, а она сумела и подружить его со своим мужем. Они предавались любви под носом у Макрона и больного императора. С помощью мужа Эннии Калигула отравил Тиберия, который тяжело болел, но все никак не умирал и не торопился освободить внуку место главы империи. Яд при этом долго не действовал, тогда Калигула накрыл голову Тиберия подушкой и всем телом навалился на него. Один юноша увидел это и вскрикнул в ужасе, а Калигула тут же отправил его на крест.

Однако народ не мог знать о порочности наследника, и с восторгом встретил нового правителя Рима, помня свою любовь к его отцу. Когда Калигула вступил в Рим, ему тотчас же была вручена сенатом высшая и полная власть. Он же делал все возможное, чтобы возбудить в людях любовь к себе. В Риме возобновлены в небывалых масштабах любимые народом цирковые представления, гладиаторские бои, травли зверей. Он помиловал осужденных и сосланных. Он чтил своих умерших и погибших от козней Тиберия родственников, но простил тех, кто писал доносы на его братьев. Он устраивал всенародные раздачи денег и давал роскошные пиры для сенаторов и их жен. Народ полюбил его и чтил бесконечно, а потому римская знать вынуждена была терпеть все дикие выходки императора Калигулы.

На пирах этот тиран, возомнивший себя божеством, выбирал каждый раз одну из жен и уводил ее в свои покои. Насладившись гостьей, он возвращал ее мужу, тут же в подробностях рассказав ему, как он занимался с ней любовью, чем она понравилась ему, а чем нет. Ни одной именитой женщины он не оставлял в покое, не говоря уже о распутнице Пираллиде. Почтенные горожане все терпели, иначе им грозила смерть от диких зверей, темницы и пытки. Все терпел и Макрон, приближенный к императору как никто другой.

А как же Эннія Невія, которой он обещал жениться, когда придет к власти? Она не хотела отпускать его и по-прежнему была его любовницей, и часто ее муж Макрон ждал, когда они закончат, у дверей собственного дома. Но когда во дворце снова появилась Друзилла, Калигула охладел к Эннии, да и воспоминание о том, что она помогла прийти к власти, было неприятно императору. Теперь Калигула все время держал при себе лучшего в Риме палача, который обезглавливал любого в любой миг – по первому знаку императора. И вот однажды он вошел в спальню Эннии вместе с ее мужем и заставил их заняться любовью. В этот момент вошел палач и ударил мечом, но ему не удалось убить сразу обоих – погиб только Макрон. Эннию Калигула задушил, а палача убили ворвавшиеся в спальню солдаты, решив, что он напал на императора.

Историк Гай Светоний Транквилл в книге «Жизнь двенадцати Цезарей» (ок. 120 года н э.) писал: «О браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке. Ливию Орестиллу, выходившую замуж за Гая Пизона, он сам явился поздравить, тут же приказал отнять у мужа и через несколько дней отпустил, а два года спустя отправил в ссылку, заподозрив, что она за это время опять сошлась с мужем. Другие говорят, что на самом свадебном пиру он, лежа напротив Пизона, послал ему записку: "Не лезь к моей жене!", а тотчас после пира увел ее к себе и на следующий день объявил эдиктом, что нашел себе жену по примеру Ромула и Августа. Лоллию Павлину, жену Гая Меммия, консуляра и военачальника, он вызвал из провинции, прослышав, что ее бабушка была когда-то красавицей, тотчас развел с мужем и взял в жены, а спустя немного времени отпустил, запретив ей впредь сближаться с кем бы то ни было. Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью и уже родившую от другого мужа трех дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за ее сладострастие и расточительность: зачастую он выводил ее к войскам рядом с собою, верхом, с легким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал ее голой. Именем супруги он удостоил ее не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя ее мужем и отцом ее ребенка. Ребенка этого, Юлию Друзиллу, он пронес по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы, поручив божеству растить ее и вскармливать. Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он считал ее лютый нрав: уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями царапала игравшим с нею детям лица и глаза».

Как уже говорилось, одной из его любимых женщин была сестра Друзилла. Принято считать, что Гай соблазнил ее еще

подростком. Потом он выдал ее замуж, а когда стал императором, отобрал ее у мужа и поместил в своем дворце, где Друзилла жила как его жена. И других сестер он соблазнил, но страсть к ним не была такой безудержной, как к Друзилле, и он часто просто отдавал их своим любимчикам на потеху, а в конце концов осудил их за разврат и сослал. Друзилла имела над его телом огромную власть.

Бабка его, Антония, страшно переживая из-за мерзостей, творимых внуком, и не раз пыталась попасть к нему, чтобы поговорить. Но он не принимал старую женщину, не желая слушать ее нравоучений. Он долго унижал ее и принял наконец, когда еще жив был Макрон, в его присутствии. Пожилая родственница, прославившаяся добродетельной жизнью, ничего не сказала императору, понимая, что свидетель нужен Калигуле, чтобы осудить ее за неуважение к власти. По некоторым свидетельствам, Калигула унизил Антонию так, как невозможно даже представить – он приказал Макрону изнасиловать ее на своих глазах, что и было выполнено верным и преданным воином. Затем Антонию отравили по приказанию внука. Тело его бабки сожгли, и он наблюдал за погребальным костром из окна дворца.

Несомненно, всеми – или почти всеми – дикими выходками Калигулы руководил больной мозг, помешанный на сексуальном извращении и насилии. Вседозволенность тиранической власти поощряла и усиливала болезнь. Бесконечные зрелища пыток и казней обостряли и без того доведенную до крайности чувственность.

Объявив себя богом, да еще и единственным, Калигула жил по принципу вседозволенности, но ведь действительно ему никто не мог возразить или помешать. И вот по его приказу спешно отсекали головы у статуй Юпитера и заменили их головами его, Калигулы. Иногда он сам вставал в храме в позе статуи бога и принимал почести народа, предназначенные богу. Он уже вел себя не как император, а как шут, выступая публично в цирке, пел и плясал, что приличествовало только рабу. Рабу и… богу, разумеется. Но все его изощренные развлечения не спасали его от чудовищной скуки.

Его начинала раздражать и зависимость от Друзиллы. Он был привязан к ней, он тосковал без нее. Очевидно, она, его сестра, была столь же порочна и развратна, как он, поэтому им было так хорошо. Она была бесстыдна, она старалась быть лучшей в мире любовницей для него, потому что его охлаждение к ней – верная смерть для нее. Наконец, узнав, что кто-то из начальников когорт замыслил заговор против императора, Калигула придумал изощреннейший план, который, по его замыслу, мог

предотвратить осуществление задуманного его врагами переворота. Он объявил Туллию Сабону, трибуну преторианцев, что желает породниться с ним и начальниками когорт через свою сестру. И он отдал солдафонам любимую Друзиллу, а та, конечно, не выдержала насилия и чудовищного унижения и угасла в несколько месяцев. Калигула объявил всенародный траур и скорбел по любимой сестре так сильно, что удалился в пустыню. Однако вскоре вернулся, но все клятвы отныне закреплял именем Друзиллы.

Ознаменовав начало своего прихода к власти раздачей денег, Калигула уже через год потратил всю казну и начал обирать народ и провинции, вводя новые невиданные налоги, да и просто грабя всех подряд.

Несколько заговоров против безумного правителя не удались. Но все понимали, что рано или поздно это случится. Прожив двадцать девять лет, пробыв у власти три года, десять месяцев и восемь дней, Гай Юлий Цезарь Германик, или попросту Калигула, был убит заговорщиками в подземном переходе 24 января 41 года н э.

Главную роль в этом заговоре сыграл Кассий Херея, трибун преторианской когорты, над которым, несмотря на его пожилой возраст, Гай всячески издевался. Решено было напасть на Калигулу на Палатинских играх. Светоний так описал это покушение: «…Одни говорят, что, когда он разговаривал с мальчиками, Херея, подойдя к нему сзади, ударом меча глубоко разрубил ему затылок с криком: "Делай свое дело!" – и тогда трибун Корнелий Сабин, второй заговорщик, спереди пронзил ему грудь. Другие передают, что, когда центурионы, посвященные в заговор, оттеснили толпу спутников, Сабин, как всегда, спросил у императора пароль; тот сказал: "Юпитер"; тогда Херея крикнул: "Получай свое!" – и когда Гай обернулся, рассек ему подбородок. Он упал, в судорогах крича: "Я жив!" – и тогда остальные прикончили его тридцатью ударами – у всех был один клич: "Бей еще!" Некоторые даже били его клинком в пах. По первому шуму на помощь прибежали носильщики с шестами, потом – германцы-телохранители; некоторые из заговорщиков были убиты, а с ними и несколько неповинных сенаторов».

Дом, где был убит Калигула, вскоре сгорел во время пожара. Погибли и жена его Цезония, зарубленная центурионом, и дочь, которую разбили об стену…

КАРЛ ВЕЛИКИЙ (742—814)

Франкский король (с 768), император из династии Каролингов (с 800). Его завоевания (в 773—774 годах Лангобардского королевства в Италии, в 772—804 годах области саксов и др.) привели к образованию обширной империи. Политика Карла Великого (покровительство церкви, судебная и военная реформы и др.) содействовала формированию феодальных отношений в Западной Европе. Империя Карла Великого распалась вскоре после его смерти.

Карл Великий был коронован в 800 году, став императором огромного государства. Карл, возможно, никогда бы не достиг больших высот, если бы не… женщины. Все его спутницы способствовали тому, что из него получился человек образованный, лукавый, отважный, дипломатичный. Эти женщины оказали значительное влияние и на политику императора Каролингов. При помощи ласк, капризов, слез, используя расположение короля, они часто побуждали его к принятию неожиданных решений.

Первая жена Химильтруда была неприметна. Она символизировала период обучения великого Карла. Ему было восемнадцать лет, он был красив, все девушки с надеждой на него посматривали. Тогда его мать, мудрая Бертрада, решила, что лучше позволить ему получить быстрее то, что под рукой, чем пытаться искать счастье на стороне…

Химильтруда была мила, стройна, целомудренна, нежна, и Карл, отличающийся пылкостью в любви, ее неоднократно удивлял. Его темперамент изнурял и немного смущал Химильтруду. Первая жена превратила его из робкого юноши в уверенного молодого человека, подарила ему сына, которого прозвали Пипином Горбатым, потому что, к сожалению, у него действительно был горб.

Второй брак Карла был заключен по политическим соображениям. Чтобы помешать брату, своенравному Карломану, объединиться с королем Лангобардского королевства, Карлу пришлось жениться на дочери последнего – безвольной, некрасивой Дезире. Карл отправил Химильтруду в монастырь, сохранив на всю жизнь воспоминания о своей первой страстной любви. Через год после женитьбы умер Карломан, и Карл, не видя более необходимости поддерживать союз с королем

Лангобардским, отправил нелюбимую Дезире обратно к своему отцу в Павию.

Вскоре он познакомился с грациозной Хильдегардой, без памяти влюбился и вскоре женился на ней. Прекрасная Хильдегарда оказала благотворное влияние на своего супруга. Этот брак преобразил Карла. Прошло немного времени после свадьбы, и он отправился в свой первый поход на саксов. Хильдегарда, с которой король не расставался, все время находилась рядом с ним. Она спала в повозках, делила все тяготы жизни франкских воинов, дарила ласки королю в часы отдыха.

В течение многих лет она находилась в разъездах. В 777 году, когда франкская армия стояла лагерем у дороги на Ронсеваль, Хильдегарда сообщила Карлу важную новость: она ожидала наследника. Эта весть восхитила мужа, и в тот же вечер он пригласил своих друзей на большой пир.

Хильдегарда подарила мужу девятерых детей: четырех сыновей – Карла, Пипина, Людовика, Лотара, и пятерых дочерей – Аделаиду, Ротруду, Берту, Жизель, Хильдегарду. Когда на одиннадцатом году своего замужества она умерла, не выдержав тягот походной жизни, которую ей пришлось вести ради Карла, все королевство оплакивало ее. Карл сильно переживал утрату и отправился на войну только после похорон, что считалось в те времена большой деликатностью. На ее надгробии написано: «Она была прелестна, как ни одна другая франкская женщина».

Несмотря на горе, через несколько месяцев после смерти горячо любимой женщины Карл снова женился. Его избранницей была дочь франкского графа, высокомерная Фастрада. Карл настолько попал под влияние четвертой жены, что историки до сих пор не перестают об этом сожалеть.

Новая королева настраивала Карла против людей, которые были ей неприятны, заставила его расстаться с верными слугами, постоянно призывала мужа к расправе над мнимыми заговорщиками. Оказавшись подавленным волей Фастрады, будущий владыка Западной Европы допустил немало ошибок, вызвав большое недовольство при дворе. Его враги поспешили воспользоваться этим, чтобы составить заговор против короля. Но, предупрежденный об опасности, он спешно вернулся из Саксонии, где в то время сражался, и арестовал заговорщиков.

Лицемерная и коварная Фастрада толкнула его на весьма неблагородный поступок: Карл сделал вид, что простил заговорщиков, и послал их замаливать грех в церковь. «Как только вы закончите молитву, вы больше никогда не увидите меня в гневе», – пообещал он. И сдержал свое слово: при выходе из храма солдаты выкололи несчастным глаза.

Коварство этого поступка взбудоражило королевство. Вновь возник заговор. Вельможи, решив покончить с Фастрадой, объединились вокруг Пипина Горбатого, который прекрасно понимал, что путь к престолу для него закрыт. Заговорщики хотели убить короля и королеву. И только случайность помешала осуществить задуманное. Заговорщиков казнили, а Пипина заточили в монастырь.

К счастью для Карла, ему удалось избавиться от этой мегеры и встретить достойную женщину – дочь немецкого графа. Лютгарда обладала теми добродетелями, которые он когда-то ценил в Хильдегарде. Она была благородна, трудолюбива и красива. Он с удовольствием взял ее в жены.

Карлу исполнилось пятьдесят девять лет, но он по-прежнему считался самым красивым мужчиной в королевстве, и прекрасная Лютгарда в него влюбилась. У короля был завораживающий взгляд, пышные усы, стройное гибкое тело. Юная Лютгарда была ровесницей дочерям мужа, с которыми часто вместе играла. Карл же рядом с пятой женой переживал вторую молодость. Счастливый в любви, он добился успехов и в политике. Увы, нежной, прекрасной Лютгарде не довелось присутствовать на его коронации. Она умерла, не оставив потомства, 4 июня 800 года в Туре.

По иронии судьбы человек, который не мог жить без женщин и который был создан ими, остался одиноким в самый значительный день своей жизни… У Карла Великого, достигшего вершины славы, больше не было законных жен.

Надо заметить, что если Карл, обожавший женщин, и решил после смерти Лютгарды больше не жениться, то это было сделано из политических соображений. Он мечтал подчинить себе огромную территорию, от Атлантики до Босфора и от Вислы до Балеарских островов, и взять в жены императрицу Ирину, правившую в Константинополе, столице Восточной империи.

25 декабря 800 года Лев III короновал французского короля императорской короной. После Рождества уже императором Карл Великий вернулся в Ахен и продолжил переговоры о своем браке с императрицей Ириной. Они затянулись, а без женщин король жить не мог, и ему пришлось обзавестись любовницей, имя ее было Мальдегарда. К этому времени Карлу минуло шестьдесят лет.

Молодая, обаятельная женщина познала нелегкую походную жизнь: она сопровождала короля во всех поездках по землям саксов, фризов, венгров и принимала участие в выездах на охоту, когда императору хотелось поохотиться на диких быков в лесах Майнца.

Мальдегарда была нежной, ласковой, пылкой в любовных играх, что позволило Карлу терпеливо ожидать ответ императрицы Ирины.

Но однажды франкские послы вернулись из Константинополя с дурной вестью – Ирина была низложена. О ее тайных переговорах стало известно из-за болтливости евнуха. Ирину арестовали и заточили в монастырь. На трон вступил ее казначей Никифор. Этот переворот нарушил все планы Карла Великого, но он не поддался унынию. Так как желанный брак был невозможен, он забыл о нем, направив свои разум и деятельность на решение других задач.

Немало неприятностей ему причиняли датчане. Теперь он составил план боевых действий против них, построил укрепленный город, получивший название Гамбург.

Весной Карл почувствовал душевное волнение, свойственное всем военачальникам. Ему хотелось перемен, и он отверг надоевшую ему Мальдегарду, увлекшись молодой девушкой по имени Герцинда. Надо сказать, что любовницы (как и законные супруги короля) не сидели сложа руки. В перерывах между его игривыми ухаживаниями они ведали домашними делами, занимались даже некоторыми государственными вопросами. Их обязанности отдаленно напоминали то, чем сегодня занимаются министерства финансов, юстиции и внутренних дел.

Избранницы Карла распоряжались его достоянием: подарками иностранных королей, данью с порабощенных народов, военными трофеями. Они следили за государственными расходами, оплачивали содержание армии, руководили строительством королевских сооружений. В этих вопросах Герцинде удалось удовлетворить требования Карла. Она могла жить долгой и счастливой жизнью в его дворце, если бы любовный пыл «мужа» не причинял столько страданий…

Император в течение всей жизни, представлявший собой пример здорового мужчины, превратился к старости в настоящего распутника. Он не мог пройти мимо красивой девушки без какой-либо бесстыдной выходки.

Однажды он увлекся юной блондинкой, которую звали Амальберж. Встретив ее в одном из коридоров дворца, он устремился к ней и попытался изнасиловать. Испугавшись, молоденькая девушка сумела освободиться из его объятий и скрылась в часовне. Карл, опьяненный желанием, ворвался в часовню, когда она молилась перед алтарем. Он так сильно схватил девушку за руку, что сломал ее. Но Дева Мария сделала так, что два кусочка плечевой кости тотчас срослись. Карл, увидев это чудо, понял, что ему следовало бы сдержать свой пыл.

Он ушел, оставив Амальберж наедине с молитвами.

Об этом необычайном приключении быстро стало известно во дворце, и молоденькая девушка стала объектом всеобщего почтения. Поговаривали, что для того, чтобы противостоять Карлу Великому, ей понадобилось проявить сверхъестественное мужество. В конце концов церковь причислила девушку к лику святых, а Карл – великий искуситель, стал первым, кому довелось воочию увидеть святую добродетель. Кроме Герцинды у него были еще две наложницы – Регина и Аделаида.

И до последнего дня своей жизни император вел себя как пылкий любовник, причем его чрезмерное увлечение женщинами явилось поводом для многочисленных забавных историй, которые развлекали весь франкский народ.

К примеру, в одной из этих историй говорилось о том, что перед одним из монахов города Рейхенау, имя которого было Ветен, однажды возник странный призрак: Карл Великий был прикован словно Прометей, а орел беспрестанно выклевывал у него половые органы.

«Чем ты заслужил такие муки?» – не смог удержаться от вопроса Ветен. Тогда ему ответил ангел: «Прибавь к рассказам о его великих делах рассказы о его развратной жизни и тогда поймешь, почему он должен подвергнуться этому наказанию прежде, чем отправиться к Богу вкушать вечное блаженство».

Когда 28 января 814 года Карл Великий умер, объединив на некоторое время всю Западную Европу, императора оплакивали женщины, которые побывали в его постели, и многие молоденькие девушки из хороших семей, которым так хотелось, чтобы император сдул с них божественную пыльцу невинности перед тем, как отправиться на вечный покой.

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ (1672—1725)

Русский царь с 1682 года (правил с 1689), первый российский император (с 1721), младший сын Алексея Михайловича. Провел реформы государственного управления, построил новую столицу – Петербург. Возглавлял армию в Азовских походах (1695—1696), Северной войне (1700—1721), Прутском походе (1711), Персидском походе (1722—1723) и др.; командовал войсками при взятии Нотебурга (1702), в сражениях при д. Лесная (1708) и под Полтавой (1709). Руководил постройкой флота и созданием регулярной армии. По его инициативе была открыта Академия наук, принята гражданская азбука. Будучи создателем могущественного абсолютистского государства, добился того, что страны Западной Европы признали Россию великой державой.

Петру не исполнилось 17 лет, когда мать решила его женить. Ранний брак, по расчетам царицы Натальи, должен был существенно изменить положение сына, а вместе с ним и ее самой. По обычаю того времени юноша становился взрослым человеком после женитьбы. Следовательно, женатый Петр уже не будет нуждаться в опеке сестры Софьи, наступит пора его правления, он переселится из Преображенского в палаты Кремля.

Кроме того, женитьбой мать надеялась остепенить сына, привязать его к семейному очагу, отвлечь от Немецкой слободы, где жили иностранные торговцы и мастеровые, и увлечений, не свойственных царскому сану. Поспешным браком, наконец, пытались оградить интересы потомков Петра от притязаний возможных наследников его соправителя Ивана, который к этому времени уже был женатым человеком и ждал прибавления семейства.

Царица Наталья сама подыскала сыну невесту – красавицу Евдокию Лопухину, по отзыву современника, «принцессу лицом изрядную, токмо ума посреднего и нравом несходного своему супругу». Этот же современник отметил, что «любовь между ними была изрядная, но продолжалася разве токмо год». Возможно, что охлаждение между супругами наступило даже раньше, ибо через месяц после свадьбы Петр оставил Евдокию и отправился на Переяславское озеро заниматься морскими потехами.

В Немецкой слободе царь познакомился с дочерью виноторговца, Анной Монс. Один современник считал, что эта «девица была изрядная и умная», а другой, напротив, находил,

что она была «посредственной остроты и разума». Кто из них прав, сказать трудно, но веселая, любвеобильная, находчивая, всегда готовая пошутить, потанцевать или поддержать светский разговор Анна Монс была полной противоположностью супруге царя – ограниченной красавице, наводившей тоску рабской покорностью и слепой приверженностью старине. Петр отдавал предпочтение Монс и свободное время проводил в ее обществе.

Сохранилось несколько писем Евдокии к Петру и ни одного ответа царя. В 1689 году, когда Петр отправился на Переяславское озеро, Евдокия обращалась к нему с нежными словами: «Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушкиной жива. Женишка твоя Дунька челом бьет». В другом письме, адресованном «лапушке моему», «женишка твоя Дунька», еще не подозревавшая о близком разрыве, просила разрешения самой прибыть к супругу на свидание. Два письма Евдокии относятся к более позднему времени – 1694 году, причем последнее из них полно грусти и одиночества женщины, которой хорошо известно, что она покинута ради другой. В них уже не было обращения к «лапушке», супруга не скрывала своей горечи и не могла удержаться от упреков, называла себя «бесщастной», сетовала, что не получает в ответ на свои письма «ни единой строчки». Не упрочило семейных уз и рождение в 1690 году сына, названного Алексеем.

Она удалилась с Суздальский монастырь, где провела 18 лет. Избавившись от жены, Петр не проявлял к ней никакого интереса, и она получила возможность жить, как ей хотелось. Вместо скудной монастырской пищи ей подавали яства, доставляемые многочисленными родственниками и друзьями. Примерно лет через десять она завела любовника…

Только 6 марта 1711 года было объявлено, что у Петра появилась новая законная супруга Екатерина Алексеевна.

Настоящее имя Екатерины Алексеевны – Марта. При осаде Мариенбурга русскими войсками в 1702 году Марта, прислуга пастора Глюка, попала в плен. Некоторое время она была любовницей унтер-офицера, ее заметил фельдмаршал Шереметев, приглянулась она и Меншикову. У Меншикова ее называли Екатериной Трубчевой, Катериной Василевской. Отчество Алексеевны она получила в 1708 году, когда при ее крещении в роли крестного отца выступил царевич Алексей.

Петр встретил Екатерину в 1703 году у Меншикова. Судьба уготовила бывшей служанке роль наложницы, а затем супруги незаурядного человека. Красивая, обаятельная и обходительная, она быстро завоевала сердце Петра.

А что сталось с Анной Монс? Связь царя с нею продолжалась более десяти лет и прекратилась не по его вине – фаворитка завела себе любовника. Когда об этом стало известно Петру, тот сказал: «Чтобы любить царя, надлежало иметь царя в голове», и велел содержать ее под домашним арестом.

Поклонником Анны Монс был прусский посланник Кейзерлинг. Любопытно описание встречи Кейзерлинга с Петром и Меншиковым, во время которой посланник испрашивал разрешения жениться на Монс. В ответ на просьбу Кейзерлинга царь сказал, «что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ни слышать, ни знать не хочет». Меншиков при этом добавил, что «девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал». Слуги Меншикова избили Кейзерлинга и спустили его с лестницы.

В 1711 году Кейзерлингу все же удалось жениться на Анне Монс, но через полгода он умер. Бывшая фаворитка пыталась еще раз выйти замуж, однако смерть от чахотки помешала этому.

От Анны Монс Екатерина отличалась богатырским здоровьем, позволяющим ей без труда переносить изнурительную походную жизнь и по первому зову Петра преодолевать многие сотни верст бездорожья. Екатерина, кроме того, обладала незаурядной физической силой. Камер-юнкер Берхольц описал, как однажды царь шутил с одним из своих денщиков, с молодым Бутурлиным, которому велел поднять на вытянутой руке свой большой маршальский жезл. Тот этого сделать не мог. «Тогда Его Величество, зная, как сильна рука у императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямою рукою, что всех нас немало удивило».

Екатерина сделалась необходимой Петру, и письма царя к ней достаточно красноречиво отражают рост его привязанности и уважения. «Приезжайте на Киев не мешкав», – писал царь к Екатерине из Жолквы в январе 1707 года. «Для бога, приезжайте скорей, а ежели за чем невозможно скоро быть, отпишите, понеже не без печали мне в том, что ни слышу, ни вижу вас», – писал он из Петербурга. Проявлял царь заботу о Екатерине и о своей внебрачной дочери Анне. «Ежели что мне случится волею божиею, – сделал он письменное распоряжение в начале 1708 года перед отправлением в армию, – тогда три тысячи рублей, которые ныне на дворе господина князя Меншикова, отдать Екатерине Василевской и с девочкою».

Новый этап во взаимоотношениях Петра и Екатерины

наступил после того, как она стала его супругой. В письмах после 1711 года фамильярно-грубоватое «здравствуй, матка!» заменилось нежным: «Катеринушка, друг мой, здравствуй». Изменилась не только форма обращения, но и тональность записок: на смену лаконичным письмам-повелениям, похожим на команду офицера своим подчиненным, вроде «как к вам сей доноситель приедет, поезжайте сюды не мешкав», стали приходить письма с выражением нежных чувств к близкому человеку. В одном из писем Петр советовал во время поездки к нему быть осторожной: «Для бога бережно поезжай и от батальонов ни на ста сажень не отъезжай». Супруг доставлял ей радость дорогим подарком, либо заморскими лакомствами.

Сохранилось 170 писем Петра к Екатерине. Только очень немногие из них носят деловой характер. Однако в них царь не обременял свою супругу ни поручениями что-либо выполнить или проверить выполнение задания кем-либо другим, ни просьбой дать совет, он лишь ставил в известность о случившемся – о выигранных сражениях, о своем здоровье. «Я курс кончил вчерась, воды, слава Богу, действовали зело изрядно; как будет после?» – писал он из Карлсбада, или: «Катеринушка, друг мой, здравствуй! Я слышу, что ты скучаешь, а и мне не безскучно же, однако можем разсудить, что дела на скуку менять не надобно».

Одним словом, Екатерина пользовалась любовью и уважением Петра. Сочетаться браком с безвестной пленницей и пренебречь невестами боярского рода либо принцессами западноевропейских стран было вызовом обычаям, отказом от освященных веками традиций. Но Петр позволял себе и не такие вызовы. Объявляя Екатерину супругой, Петр думал также о будущем прижитых с ней дочерей – Анны и Елизаветы. «Еже я учинить принужден для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутця, утче бы могли свое житие иметь».

Екатерина была наделена внутренним тактом, тонким пониманием характера своего вспыльчивого супруга. Когда царь находился в состоянии ярости, никто не решался подойти к нему. Кажется, она одна умела успокаивать Царя, без страха смотреть в его пылавшие гневом глаза.

Блеск двора не затмил в ее памяти воспоминаний о происхождении.

«Царь, – писал современник, – не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся – один величественностью своей простоты, другой своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного

смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась». Другой иностранный дипломат тоже имел возможность наблюдать проявление Петром внимательности и теплоты к супруге: «После обеда царь и царица открыли бал, который продолжался около трех часов; царь часто танцевал с царицей и маленькими царевнами и много раз целовал их; при этом случае он обнаружил большую нежность к царице, и можно сказать по справедливости, что, несмотря на неизвестность ее рода, она вполне достойна милости такого великого монарха». Этот дипломат дал единственное дошедшее до нас описание внешности Екатерины, совпадающее с ее портретным изображением: «В настоящую минуту (1715 год) она имеет приятную полноту; цвет лица ее весьма бел с примесью природного, несколько яркого румянца, глаза у нее черные, маленькие, волосы такого же цвета длинные и густые, шея и руки красивые, выражение лица кроткое и весьма приятное».

Екатерина действительно не забывала о своем прошлом. В одном из ее писем к супругу читаем: «Хотя и есть, чаю, у вас новые портомои, однакож и старая не забывает», – так она в шутливой форме напоминала, что в свое время была прачкой. В общем, с ролью супруги царя она справлялась легко и непринужденно, будто этой роли ее обучали с детства.

«Любил Его Величество женский пол», – отметил один из современников. Этот же современник записал рассуждения царя: «Забывать службу ради женщины непростительно. Быть пленником любовницы хуже, нежели быть пленником на войне, у неприятеля скорее может быть свобода, а у женщины оковы долговременны».

Екатерина снисходительно относилась к мимолетным связям своего супруга и даже сама поставляла ему «метресишек». Как-то, находясь за границей, Петр отправил ответ на письмо Екатерины, в котором она в шутку упрекала его в интимных связях с другими женщинами. «А что шутить о забавах, и тово нет у нас, понеже мы люди старые и не таковские». «Понеже, – писал царь супруге в 1717 году, – во время питья вод домашней забавы доктора употреблять запрещают, того ради я метресу свою отпустил к вам». Ответ Екатерины был составлен в таком же духе: «А я больше мню, что вы оную (метресишку) изволили за ее болезнью отправить, в которой она и ныне пребывает, и для лечения изволила поехать в Гаагу; и не желала б я, от чего боже сохрани, чтоб и галан той метресишки таков здоров приехал, какова она приехала».

Тем не менее его избраннице пришлось бороться с соперницами даже после брака с Петром и восшествия на

престол, ибо и тогда некоторые из них угрожали ее положению супруги и государыни. В 1706 году в Гамбурге Петр пообещал дочери одного лютеранского пастора развестись с Екатериной, так как пастор соглашался отдать свою дочь только законному супругу. Шафиров получил уже приказание приготовить все нужные документы. Но, к несчастью для себя, слишком доверчивая невеста согласилась вкусить от радостей Гименея раньше, чем был зажжен его факел. После этого ее выпроводили, уплатив ей тысячу дукатов.

Героиня другого, менее мимолетного увлечения была, как полагают, очень близка к решительной победе и к высокому положению. Евдокия Ржевская была дочерью одного из первых приверженцев Петра, род которого по древности и знатности соперничал с родом Татищевых. Пятнадцатилетней девочкой она была брошена на ложе царя, а в шестнадцать лет Петр выдал ее замуж за искавшего повышения по службе офицера Чернышева и не порывал связи с ней. У Евдокии родилось от царя четыре дочери и три сына; по крайней мере, его называли отцом этих детей. Но, принимая во внимание чересчур легкомысленный нрав Евдокии, отцовские права Петра были более чем сомнительны. Это очень уменьшало ее шансы как фаворитки. Если верить скандальной хронике, ей удалось добиться только знаменитого приказания: «Пойди и выпори Авдотью». Такое приказание было дано ее мужу ее любовником, заболевшим и считавшим Евдокию виновницей своей болезни. Петр обыкновенно называл Чернышеву: «Авдотья бой-баба». Мать ее была знаменитая «князь-игуменья».

Приключение с Евдокией Ржевской не представляло бы никакого интереса, если бы оно было единственным в своем роде. Но, к несчастью, ее легендарный образ очень типичен, в чем и заключается печальный интерес этой страницы истории; Евдокия олицетворяла собой целую эпоху и целое общество.

Незаконнорожденное потомство Петра по многочисленности равняется потомству Людовика XIV, хотя, быть может, предание и преувеличивает немного. Например, незаконность происхождения сыновей г-жи Строгановой, не говоря о других, ничем исторически не удостоверена. Известно только, что их мать, урожденная Новосильцева, была участницей оргий, отличалась веселым нравом и пила горькую.

Весьма любопытна история еще одной фрейлины – Марии Гамильтон. Само собой разумеется, что сентиментальный роман, созданный из этой истории воображением некоторых писателей, так и остается фантастическим романом. Гамильтон была, по-видимому, довольно пошлым созданьицем, и Петр не изменил

себе, проявив свою любовь к ней на свой лад. Как известно, одна из ветвей большого шотландского рода, соперничавшего с Дугласами, переселилась в Россию в эпоху, предшествовавшую большому эмигрантскому движению в XVII веке и приближающуюся ко времени Ивана Грозного. Род этот вступил в родство со многими русскими фамилиями и казался совсем обрусевшим задолго до вступления на престол царя-реформатора. Мария Гамильтон была внучкой приемного отца Натальи Нарышкиной, Артамона Матвеева. Она была недурна собой и, будучи принята ко двору, разделила участь многих ей подобных. Она вызвала только мимолетную вспышку страсти Петра.

Овладев ею мимоходом, Петр тотчас же ее бросил, и она утешилась с царскими денщиками. Мария Гамильтон несколько раз была беременна, но всякими способами избавлялась от детей. Чтобы привязать к себе одного из своих случайных любовников, молодого Орлова, довольно ничтожного человека, грубо с ней обращавшегося и обиравшего ее, она украла у императрицы деньги и драгоценности. Все ее большие и маленькие преступления открылись совершенно случайно. Из кабинета царя пропал довольно важный документ. Подозрение пало на Орлова, так как он знал об этом документе, а ночь провел вне дома. Позванный к государю для допроса, он перепугался и вообразил, что попал в беду из-за связи с Гамильтон. С криком «виноват!» он упал на колени и покаялся во всем, рассказав и о кражах, которыми он воспользовался, и об известных ему детоубийствах. Началось следствие и процесс.

Несчастная Мария обвинялась главным образом в произнесении злонамеренных речей против государыни, слишком хороший цвет лица которой вызывал ее насмешки. Действительно, тяжкое преступление… Что бы там ни говорили, на этот раз Екатерина проявила довольно много добродушия. Она сама ходатайствовала за преступницу и даже заставила вступиться за нее царицу Прасковью, пользовавшуюся большим влиянием. Заступничество царицы Прасковьи имело тем большее значение, что всем было известно, как мало, обыкновенно, она была склонна к милосердию. По понятиям старой Руси для таких преступлений, как детоубийство, находилось много смягчающих вину обстоятельств, а царица Прасковья во многих отношениях была настоящей русской старого закала.

Но государь оказался неумолим: «Он не хочет быть ни Саулом, ни Ахавом, нарушая Божеский закон из-за порыва доброты». Действительно ли он так уважал Божеские законы? Возможно. Но он вбил себе в голову, что у него отняли нескольких солдат, а это было непростительным преступлением.

Марию Гамильтон несколько раз пытали в присутствии царя, но до самого конца она отказывалась назвать имя своего сообщника. Последний же думал только о том, как бы оправдаться, и во всех грехах обвинял ее. Нельзя сказать, что этот предок будущих фаворитов Екатерины II вел себя как герой.

14 марта 1714 года Мария Гамильтон пошла на плаху, как рассказывал Шерер, «в белом платье, украшенном черными лентами». Петр, очень любивший театральные эффекты, не мог не откликнуться на это последнее ухищрение предсмертного кокетства. Он имел мужество присутствовать при казни и, так как никогда не мог оставаться пассивным зрителем, принял в ней непосредственное участие. Он поцеловал осужденную, увещевал ее молиться, поддерживал в своих объятиях, когда она потеряла сознание, – потом удалился. Это был сигнал. Когда Мария подняла голову, царя уже сменил палач. Шерер сообщил потрясающие подробности: «Когда топор сделал свое дело, царь возвратился, поднял упавшую в грязь окровавленную голову и спокойно начал читать лекцию по анатомии, называя присутствовавшим все затронутые топором органы и настаивая на рассечении позвоночника. Окончив, он прикоснулся губами к побледневшим устам, которые некогда покрывал совсем иными поцелуями, бросил голову Марии, перекрестился и удалился».

Весьма сомнительно, чтобы фаворит Петр Меншиков, как это утверждали некоторые, нашел уместным принять участие в предании суду и в осуждении несчастной Гамильтон, чтобы оградить интересы своей покровительницы Екатерины. Эта соперница ничуть не была для нее опасна. Несколько времени спустя у Екатерины нашлись основания для более серьезной тревоги. В депеше Кампредона от 8 июня 1722 года говорится: «Царица опасается, что если княжна родит сына, то царь, по ходатайству Валахского господаря, разведется с женой и женится на своей любовнице».

Речь шла о Марии Кантемир.

Господарь Дмитрий Кантемир, бывший союзником Петра во время несчастного похода 1711 года, потерял свои владения при заключении Прутского договора. Найдя приют в Петербурге, он томился там в ожидании обещанного ему возмещения убытков. Довольно долго казалось, что дочь вознаградит его за потерянное. Когда Петр в 1722 году отправился в поход на Персию, его любовная интрига с Марией Кантемир тянулась уже несколько лет и казалась близкой к развязке, роковой для Екатерины. Обе женщины сопровождали царя во время похода. Но Мария принуждена была остаться в Астрахани, так как была беременна. Это еще больше укрепило уверенность ее приверженцев в ее

победе. После смерти маленького Петра Петровича у Екатерины не было больше сына, которого Петр мог бы сделать своим наследником. Предполагалось, что если по возвращении царя из похода Кантемир подарит ему сына, то Петр без колебаний отделается от второй жены так же, как освободился от первой. Если верить Шереру, друзья Екатерины нашли способ избавиться от опасности: вернувшись, Петр застал свою любовницу тяжелобольной после преждевременных родов; опасались даже за ее жизнь. Екатерина торжествовала, а роман, едва не погубивший ее, казался отныне обреченным на такой же пошлый конец, как и все прежние. Незадолго до смерти государя один угодливый субъект, подобный Чернышеву и Румянцеву, предлагал «для виду» жениться на княжне, все еще любимой Петром, хотя и лишившейся честолюбивых надежд.

Судьба благополучно выводила Екатерину из всех испытаний. Торжественное коронование сделало ее положение совершенно недосягаемым. Честь любовницы была реабилитирована браком, а положение супруги, бдительно охраняющей семейный очаг, и государыни, разделяющей все почести, воздаваемые высокому сану, вознесли ее окончательно и дали ей совершенно особое место среди беспорядочной женской толпы, где служанки из гостиницы шли рука об руку с дочерями шотландских лордов и с молдаво-валахскими княжнами. И вдруг среди всей этой толпы возник совершенно неожиданный образ, образ целомудренной и уважаемой подруги.

Появившаяся в этой роли знатная польская дама, славянка по происхождению, но получившая западное воспитание, была очаровательна в полном смысле этого слова. Петр наслаждался обществом г-жи Сенявской в садах Яворова. Много часов провели они вместе при постройке барки, в прогулках по воде, в разговорах. Это была настоящая идиллия. Елизавета Сенявская, урожденная княжна Любомирская, была женой коронного гетмана Сенявского, решительного сторонника Августа против Лещинского. Она прошла через мятежную жизнь грубого завоевателя, избежав злословия. Петр восхищался не столько ее довольно посредственной красотой, сколько ее редким умом. Ему нравилось ее общество.

Он выслушивал ее советы, порой ставившие его в затруднительное положение, так как она поддерживала Лещинского, но не протеже царя и своего собственного мужа. Когда царь сообщил ей о своем намерении отпустить всех приглашенных им на службу иностранных офицеров, она дала ему наглядный урок, отослав немца, управлявшего оркестром польских музыкантов; даже малочувствительное ухо царя не

могло вынести начавшейся тотчас разноголосицы. Когда он заговорил при ней о своем проекте превратить в пустыню русские и польские области, лежащие на пути Карла XII в Москву, она перебила его рассказом о дворянине, который с целью наказать свою жену задумал сделаться евнухом. Она была прелестна, и Петр поддавался ее очарованию, усмиренный, облагороженный ее присутствием, как будто преобразившийся от соприкосновения с этой чистой и утонченной натурой, одновременно и нежной, и сильной…

В 1722 году Петр, почувствовав, что силы оставляют его, опубликовал Устав о наследии престола. Отныне назначение наследника зависело от воли государя. Вполне вероятно, что царь остановил свой выбор на Екатерине, ибо только этим выбором можно объяснить намерение Петра провозгласить свою супругу императрицей и затеять пышную церемонию ее коронации. Вряд ли Петр обнаружил государственную мудрость у своего «друга сердешненького», как он называл Екатерину, но у нее, как ему казалось, было одно важное преимущество: его окружение было одновременно и ее окружением.

В 1724 году Петр часто болел. 9 ноября был арестован 30-летний щеголь Монс, брат бывшей фаворитки Петра. Он обвинялся в сравнительно мелких по тем временам хищениях из казны. Не прошло и недели, как палач отрубил ему голову. Однако молва связывала казнь Монса не с злоупотреблениями, а с его интимными отношениями с императрицей. Петр позволял себе нарушать супружескую верность, но не считал, что таким же правом обладает и Екатерина. Императрица была моложе своего супруга на 12 лет…

Отношения между супругами стали натянутыми. Петр так и не воспользовался правом назначать себе приемника на престол и не довел акт коронации Екатерины до логического конца.

Болезнь обострилась, и большую часть последних трех месяцев жизни Петр проводил в постели. Петр скончался 28 января 1725 года в страшных мучениях. Тело умершего супруга Екатерина, провозглашенная в тот же день императрицей, оставила непогребенным сорок дней и ежедневно дважды его оплакивала. «Придворные дивились, – заметил современник, – откуда столько слез берется у императрицы…»

ГЕНРИХ VIII (1491—1547)

Английский король (с 1509), из династии Тюдоров. При Генрихе VIII проведена Реформация. В 1534 году он был провозглашен главой англиканской церкви. В 1536 и 1539 годы была проведена секуляризация монастырских земель. Издал ряд законов против экспроприированных крестьян.

В короле Генрихе VII скупость заменила все человеческие и родительские чувства. При помощи своих министров, Эмпсона и Дадли, он грабил народ под предлогом всяких податей, прямых и косвенных налогов. Народ беднел, королевская казна обогащалась, и, несмотря на последнее, двор и королевское семейство были не только далеки от роскоши, но явно терпели недостатки от непомерной экономии и расчетливости скупого короля. Эта жизнь была особенно несносна наследнику престола – Генриху, принцу Уэльскому, одаренному умом, склонному ко всякого рода развлечениям и – как оно всегда бывает с сыновьями скупцов – к расточительности.

21 апреля 1509 года умер Генрих VII, завещав 18-летнему принцу Уэльскому престол, казну в 1800 тысяч фунтов и вместе с короной руку своей невестки, Екатерины Арагонской, вдовы принца Артура, бывшего наследника, скончавшегося за шесть лет до того.

Тот Генрих, за которого Екатерина Арагонская вышла замуж погожим июньским днем 1509 года, был миловиден, обаятелен и полон энергии. Екатерина и не догадывалась, к чему в один прекрасный день приведет его своенравная привычка преследовать лишь собственные цели.

Если сама их свадьба прошла тихо и скромно, то о короновании можно сказать обратное. Екатерина появилась из лондонского Тауэра в платье из белого атласа с золотым шитьем: белый цвет символизировал невинность. Густые каштановые волосы, сдерживаемые усыпанной каменьями диадемой, струились по спине. Фрейлины тоже нарядились в белое. Ее носилки, обитые золотисто-белой тканью, влекли две белых лошадки. Генрих, ехавший впереди, был одет по контрасту в малиновый бархат и золотую парчу. На нем тоже щедрым блеском сияли драгоценности. Народ, высыпавший на улицу, приветствовал их с тем же воодушевлением, с каким впервые приветствовал испанскую принцессу.

В середине 1509 года Екатерина забеременела. На рождественские праздники Генрих перенес двор в Ричмонд и праздновал там Рождество Спасителя, радостно ожидая рождения сына. 31 января младенец появился на свет. Это оказалась мертворожденная девочка.

Генрих и Екатерина вместе оплакивали эту первую трагедию в их супружеской жизни. Конечно, они знали, что дети еще появятся. Самое главное, чтобы Екатерина поправила свое здоровье после этих телесных и душевных мук. Горе Екатерины усугублялось и сознанием неудачи. То, что деторождение ясно осознавалось ею как политическая задача. В письме отцу она говорила, что рождение мертвого ребенка «считается в этой стране великой бедой». Предвидя гнев Фердинанда, она просила: «Умоляю Ваше Высочество не обрушиваться на меня с упреками! Не моя это вина, но воля Господня».

Новогоднее празднество 1511 года совпало с рождением второго ребенка – на сей раз живого, к тому же сына, – и вся страна принялась с бурной радостью отмечать это событие.

Вновь последовали турниры, маскарады и пиршества, которые так по душе были Генриху. И вдруг, посреди всех этих празднеств, малютка принц заболел. 22 февраля – не прошло и двух месяцев после его рождения – он умер. По словам одного современника, Генрих «с виду не выказывал своего траура, зато королева, как то и свойственно женщине, исходила стенаниями».

22 января 1516 года скончался Фердинанд Испанский. Сначала Генрих хотел утаить от нее известие о смерти отца, так как она снова была беременна, и он боялся, что такой удар приведет еще к одному выкидышу. 18 февраля королева разрешилась от бремени крепким и здоровым младенцем, у которого был единственный недостаток: это оказалась девочка. На людях Генрих выказывал оптимизм. «Мы оба все еще молоды, – сказал он венецианскому послу. – Если на сей раз Бог послал нам дочь, то, Его милостью, у нас будут и сыновья».

Что являлось не менее важным для Генриха, переменилась и сама Екатерина. Она уже миновала рубеж тридцатилетия, и время не пощадило ее. Со дня ее замужества с Генрихом не прошло еще и семи лет, но эти годы оказались тяжелыми и физически, и морально. После нескольких выкидышей и неудачных родов она пополнела, а цвет лица желтизной стал напоминать пергамент. Екатерина Арагонская, честнейшая жена и прекрасная мать, была старше Генриха VIII на пять лет. Эта разница, неприметная в первые годы супружества, стала обнаруживаться позже, когда королева приблизилась к пожилому возрасту, а король был во всем цвете мужества, при полном развитии страстей

неукротимых. Восемнадцать лет прожил он с женою в добром согласии, заменив страсть уважением, дружбой, привычкой. Бывали в течение этого времени случаи неверности со стороны мужа, но все эти мимолетные страстишки так же скоро гасли, как скоро вспыхивали, и Генрих ими не довольствовался.

Анна Болейн была женщиной, безусловно, привлекательной. Ее редко называли писаной красавицей, но даже самые заклятые недруги признавали ее непревзойденной чаровницей. Смуглость и черные волосы придавали ей «экзотический» облик в окружении, привыкшем усматривать красоту в молочно-белой бледности. Особенно поражали глаза – «черные и прекрасные», как писал один современник, а другой признавал, что они «почти всегда притягивают», и добавлял: «Она большая мастерица ими завлекать». Ее женский шарм просвечивает на страницах не только слащавых любовных посланий Генриха, но и досужих памфлетов Шапюи. Им насыщены все рассказы о семилетнем помешательстве короля на этой женщине, упорно отказывающейся стать его любовницей, но сохранявшей безграничную власть над его вожделением.

Если вначале она как могла сопротивлялась домогательствам короля, то затем, поняв, что от его похоти все равно не уйти, обратила ее в орудие собственной власти.

И все-таки не Анна Болейн была причиной того, что Генрих VIII решил разорвать брак с Екатериной Арагонской, хотя, безусловно, его любовь к Анне ускорила развод. Ему давно хотелось сына, а близости с Екатериной настал конец. Рождение в 1519 году его незаконного сына Генри Фицроя убедило короля в том, что не он сам, а Екатерина повинна в неспособности родить здорового наследника.

К 1525 году, когда Генрих прекратил близкие отношения с Екатериной. Мысль о том, как избавиться от постылого союза, уже неоднократно посещала его.

Вначале Генрих уже предлагал сделать Анну своей официальной любовницей. Такой обычай существовал при других европейских дворах, но в Англии был неслыханным делом. Она упрямилась. По всей вероятности, ей хотелось такого брака, к которому ее всегда и готовили, – добропорядочного, респектабельного брака с достойным дворянином. Ясно одно: она не хотела Генриха Тюдора.

Могла ли Анна в лицо королю объявить, что ей нет до него дела? Она могла вновь сослаться на желание сохранить целомудрие и честь, но король явно не чтил сии добродетели. Она была вольна не отвечать на его письма или покидать двор, но он отказывался понимать намек. Нанести же ему открыто то

оскорбление, на которое он сам напрашивался, означало поставить на карту не только собственную придворную карьеру, но и карьеру отца и брата. Наверное, она надеялась, что король рано или поздно устанет охотиться за ней и обратит внимание на новую фрейлину.

Но этого не произошло, и Анна Болейн поняла, что мышеловка захлопнулась: у нее не было ни малейшего шанса удачно выйти замуж, так как любой достойный избрания дворянин знал, что ею увлечен король.

Тем временем кардинал очень тонко повел речь о браке с точки зрения богословия и постепенно довел короля до сознания, что брак с женой родного брата и сожительство с нею есть дело противозаконное. Слова Анны Болейн: «Я ваша верноподданная, государь, но не более…» или: «Любить я могу и буду любить только мужа…» – вскружили ему голову окончательно, и тогда он решил дать развод Екатерине Арагонской и купить любовь Анны Болейн ценою короны. Два года длилась эта интрига – безукоризненная, пока совершенно платоническая, и в это же время Генрихом подготовлялись необходимые документы для развода с супругой. Первый шаг по пути к позорному процессу сделали кардиналы Уольси и Компеджио, предложившие королеве удалиться в монастырь, так как брак ее и сожительство с мужем были делом противозаконным… Королева отвечала отказом, а папа римский медлил с решительным ответом.

21 июня 1529 года происходило первое заседание суда над королевой. Ложные свидетели в числе 37 человек (почти все родные или клевреты Анны Болейн) обвинили Катерину в нарушении супружеской верности, духовные лица упоминали о кровосмешении, так как она, будучи вдовой одного брата, вышла за другого; король и гражданские судьи ссылались на его протест 1505 года, и общий настрой двора вынуждал королеву, сложив с себя свой сан, удалиться в монастырь. Екатерина Арагонская сказала со всем величием правоты: «…я в течение двадцатилетнего супружества была верна супругу и государю, это он может подтвердить и сам. Брак наш был разрешен святым отцом – папою именно потому, что я и не разделяла ложа со старшим братом короля, но чистой девственницей, со спокойной совестью пошла с ним к алтарю. Отвечать согласием на предложение поступить в монастырь я не могу до тех пор, пока не получу ответа от родных моих из Испании и от его святейшества из Рима».

Заседание было прервано. Большинство судей поняли, что суд неправый, противоречит законам Божию и гражданскому.

Решительный ответ папы Климента VII не изменил намерения

Генриха развестись с супругою, и он, по советам Кранмера, передал свое дело на рассмотрение суда гражданского, или, правильнее, ученого. Вопрос о законности брака передан был Кренмером на рассмотрение всех европейских университетов. Положение короля было весьма щекотливое: с женою он расстался без формального развода, с Анною Болейн, пожалованной в маркизы Пемброк, сожительствовал без брака. В 1532 году при свидании своем в Булони с Франциском I Генрих VIII представил ему Анну как невесту. Король французский как нельзя любезнее обошелся с бывшей фрейлиной своей жены и сестры (говорили даже – бывшей своей любовницей) – будущей королевой; подарил ей драгоценный бриллиант и обещал свое ходатайство у папы римского о разрешении Генриху вступить с нею в брак. По возвращении в Англию Генрих, не дожидаясь папского разрешения, тайно обвенчался с Анной Болейн (14 ноября), бывшей тогда уже в интересном положении.

23 мая 1533 года Кренмер, архиепископ Кентерберийский, объявил брак короля с Екатериной Арагонской недействительным и расторгнутым, а через пять дней Анна Болейн признана законной супругой и коронована. Екатерине был оставлен титул герцогини Уэльской; дочь ее Мария (родившаяся в 1510 году) могла быть наследницей только в том случае, если у отца ее не было бы детей мужского пола от второго брака; жилищем развенчанной королеве-супруге вместе с дочерью назначен монастырь Эмфтилль в Дунстэбльшире.

Коронование Анны стало одним из самых ослепительных зрелищ при дворе, в целом все больше приобретавшем черты театра.

26 августа Анна «удалилась в свои покои». Отгородившись от мужского мира, королева возлежала на царственной кровати, а все обязанности, обычно выполнявшиеся ее слугами, взяли на себя ее дамы до тех пор, пока не родится дитя. Дитя родилось одиннадцать дней спустя. Изможденная многочасовыми родовыми муками королева еще лежала без сил, а неутешительная новость уже достигла ушей Генриха. Он вновь сделался отцом крепенькой девочки.

24 марта 1543 года Климент наконец вынес вердикт по делу Генриха и Екатерины: их брак не был признан законным перед лицом Бога и церкви. Решение явилось слишком поздно, чтобы хоть чем-то помочь Екатерине, но подлило масла в огонь тех, кто и так пылал враждой к Анне.

Преемником папы Климента VII был Павел III (13 сентября 1534 года), союзник короля английского, который вполне мог примириться с Римом; но Генрих VIII уже осуществлял великую

идею отделения от папы, присвоив себе окончательно духовную власть, именуя в документах папу римского «епископом», упраздняя монастыри и конфискуя их имущество в государственную казну.

В это время Екатерина Арагонская написала королю письмо.

«Я приближаюсь к смертному часу, – писала она, – и любовь, которую я все еще чувствую к вам, государь, побуждает меня умолять вас позаботиться о спасении души вашей и предать забвению все плотские и житейские попечения. Повинуясь побуждениям страстей ваших, вы ввергли меня в пучину великих бедствий и сами на себя навлекли не меньше тревоги и работы… Я все забываю, государь, и молю Господа: да предаст он забвению все, что было! Поручаю вам дочь нашу Марию и заклинаю вас: будьте ей добрым отцом – в этом единственное мое желание. Не оставьте также моих фрейлин, которые не будут вам в тягость – их только три. Прикажите выдать годовой оклад жалованья всем лицам, бывшим при мне в услужении, иначе они останутся без куска хлеба…»

Далее умирающая выразила желание увидеть своего короля и мужа и в подписи назвалась его женою. Генрих, читая письмо, плакал… Раскаяние и жалость его были, может быть, тем искреннее, что Катерина на следующий день (7 января 1536 года) скончалась. Львиное сердце короля было тронуто; о королеве сожалели все, даже ее недоброжелатели, кроме Анны Болейн.

2 мая 1536 года по распоряжению короля были арестованы королева, брат ее и все ее любимчики. Анна от ужаса впала в помешательство: то смеясь, то заливаясь слезами, она проклинала Норриса, предрекая гибель ему и себе самой; умоляла стражу, охранявшую ее в Тауэр, допустить ее к королю, звала дочерей своих Елизавету и Марию. Обвинительный акт гласил, что королева Анна с сообщниками готовила покушение на жизнь короля-супруга, что поведение ее было всегда более чем предосудительно не только до замужества, но и после; что, наконец, между ее сообщниками находятся лица, с которыми она состоит в преступной связи. Начались пытки и допросы. Музыкант Смитон сознался в том, что пользовался неограниченной благосклонностью Анны Болейн и трижды бывал у нее на тайном свидании; прочие упорно молчали.

Защита Кренмера не дала результата; судопроизводство шло своим ходом, и 17 мая 1536 года следственная комиссия из двадцати пэров королевства, признав бывшую королеву Анну Болейн виновной, как и ее сообщников, постановила: преступницу казнить смертью, по усмотрению короля, сожжением на костре или четвертованием, брату ее с тремя сообщниками –

отрубить головы; музыканта Смитона – повесить. Тела пятерых казненных разрубить на части и выставит на обозрение народа в назидание злоумышленникам. Брак короля, по определению архиепископа Кренмера, объявить недействительным; дочерей его, рожденных Анною Болейн, Елизавету и Марию, признать незаконными.

Четыре друга королевы были обезглавлены, горло музыканта Смитона, издававшее когда-то нежные, мелодичные звуки под аккомпанемент лютни, было затянуто петлей на виселице. Церемониал мрачной процессии на казнь был начертан собственной рукой Генриха VIII; палач был специально выписан им из Кале… В Ричмондском парке доныне показывают пригорок, на котором король стоял, ожидая вести о совершении казни своей второй, незаконной супруги.

Потеря нерожденного сына явилась для Генриха неизмеримо большей трагедией, чем смерть женщины, которая двадцать лет была его женой. Она доказала, что Анна неспособна подарить ему сыновей, а значит, как и Екатерина, не настоящая жена ему. Ходили слухи, будто Генрих заявил одному из приближенных, что Анна завлекла его в сети супружества с помощью «волшбы и приворотов». Для непомерно эгоистичного человека, каким и был Генрих, второго выкидыша жены после рождения дочери оказалось вполне довольно, чтобы начать кидаться словами вроде «колдовства» и решить избавиться от второй жены, как избавился от первой.

До того как случился этот выкидыш, Генрих, должно быть, пробавлялся невинными заигрываниями с Джейн Сеймур, чей девический облик притягивал его, а быть может, он надеялся ее вскоре завоевать, как до нее – вереницу других. Но до тех пор, пока Анна не разрешится от бремени, ни о какой новой женитьбе и речи быть не могло. Этот выкидыш неожиданно решил все. Отныне Генрих хотел избавиться от Анны и жениться на Джейн.

Чего хотела сама Джейн – если она вообще чего-нибудь хотела, – сказать весьма сложно. Из всей череды женщин, побывавших в женах у Генриха, из всех главных фигур той драматичной эпохи Джейн, пожалуй, единственная, чей лик лишь едва проступает смутными очертаниями. В народной мифологии она является чуть ли не святой – полная противоположность «искусительнице» Анне Болейн. В этом-то и вся ирония, ибо она в точности повторила роль, ранее сыгранную Анной. Возбудив интерес короля, она не поощрила его симпатий, но и не лишила своего присутствия. Затем, когда намерения короля отделаться от надоевшей жены стали более чем ясны, она спокойно заняла место этой жены. Однако есть два существенных расхождения с

судьбой Анны, причем ни одно не говорит в пользу Джейн. Во-первых, когда Генрих решил бросить Анну, она, в отличие от Екатерины, была все еще молода и способна снова зачать. И во-вторых, Джейн прекрасно понимала, что речь пойдет не просто об «отставке», а о физическом уничтожении Анны.

На другой же день после казни он обвенчался с Джейн Сеймур. Эта личность, подобно Анне Болейн, большинству образованного мира представляется в весьма ложном свете, и в этом случае опять виноваты романисты, авторы мелодрам и композиторы. Анну они изображают обыкновенно угнетенной невинностью, тогда как на деле было совсем наоборот; Джейн Сеймур – злой интриганкой, клеветницей и лукавой кокеткой, происками своими погубившей свою жертву – что чистейший вздор. Красавица Сеймур была девушка тихая, кроткая, покорная воле тирана и всего менее домогавшаяся короны, снятой с обезглавленной Анны Болейн. Надобно предполагать в этой женщине неестественное мужество и геройскую смелость, чтобы допустить с ее стороны возможность домогательства короны, когда перед ее глазами только что разыгралась кровавая катастрофа, закончившая жизнь другой женщины, путем интриг достигшей престола и свергнутой с него, чтобы взойти на эшафот. Дрожа от ужаса, Джейн Сеймур шла к алтарю со своим державным женихом, и не на радость ей был сан королевы, в который он возводил ее; не ослепляли ее ни блеск короны, ни багрянец порфиры, служивший гробовым покровом первой жены короля и обрызганной кровью второй. Джейн Сеймур не могла любить Генриха как человека (в это время он был обрюзглым, чудовищной толщины субъектом, страдавшим одышкой), но настолько боялась его, чтобы не осмеливаться и думать об измене. Во все кратковременное ее замужество Джейн не покидала мысль, что супружеское ее ложе воздвигнуто на гробнице Екатерины Арагонской и на плахе Анны Болейн.

Эта мрачная обстановка хуже всякого дамоклова меча могла отравить и, вероятно, отравила существование третьей жены Генриха VIII, которая не успела надоесть ему и унесла за собою в гроб (24 октября 1537 года) его искреннее сожаление, подарив ему наследника – Эдуарда.

Четвертый брак короля английского, в который он вступил чуть более чем через два года после смерти Джейн Сеймур, можно было назвать смешным фарсом, разыгранным Генрихом VIII после трагедии. На этот раз король решился взять себе в супруги не подданную, но принцессу одного из владетельных домов Европы. Политические соображения почти не руководили им; он искал жену себе по вкусу и для этого окружил себя

портретами разных принцесс, заочно сравнивая и выбирая.

Хотя живопись и называют художеством «свободным», тем не менее она имела тогда, как имеет и теперь, два существенных недостатка: или рабски подражает подлиннику, или рабски ему льстит, особенно если подлинник – особа женского пола. Художник, изобразивший на холсте черты принцессы Анны Клевской, на которую пал выбор Генриха VIII, долгом себе поставил польстить ей и вместо дебелой девы, ростом и дородностью способной поспорить со своим массивным женихом, изобразил чуть ли не Юнону – волоокую, с выражением на лице томной неги, едва ли когда оживлявшей круглое, как полнолуние, лицо принцессы.

Плененный портретом, Генрих послал формальное посольство сватов за оригиналом, и Анна прибыла в будущие свои владения в январе 1540 года.

«Что это за фламандская кобыла? – сказал король окружавшим после первого же своего свидания с новой королевой. – Бог с ней, я ее видеть не могу!..»

Неизвестно, дошел ли этот отзыв до ушей флегматичной Анны, но, если бы и дошел, едва ли она была способна обидеться. Полгода Генрих, однако, сожительствовал с нею и, наконец, решил развестись. На оскорбительное предложение короля о расторжении брака и замене титула королевы титулом приемной сестры с приличной пенсией Анна отвечала самым простодушным согласием. Брак был расторгнут 9 июля 1540 года. Генрих VIII забраковал ее не как «кобылу», но как кормилицу, нанятую в господский дом и отпущенную с вознаграждением за то, что не умела «потрафить» на господ.

Жажда любви или просто животное сластолюбие, которое он желал облечь в законную форму, побудило короля немедленно вступить в пятый брак, по примеру второго и третьего – морганатический, с племянницей герцога Норфолка, Катериной Говард. Странности характера Генриха VIII и частые смены жен невольно заставляют сказать о нем: с женщинами истинно честными и по происхождению своему достойными быть его супругами он обходился как с потерянными, а содержанок своих возводил в достоинство королевское, уважая их как равных себе.

В те времена на великого короля английского напала окончательно религиозная мания, осложненная помешательством эротическим. Через три недели после развода с Анной Клевской Генрих VIII торжественно объявил своей супругой Катерину Говард, с которой еще до развода повенчался тайно. Эта красавица, родственница Анны Болейн, нравом оказалась еще хуже этой последней. В угоду своему достойному дяде герцогу

Норфолку Катерина нашептала королю на ненавистного Норфолку Томаса Кромвеля и возвела его на эшафот; тайно благоволя католикам, она восстановила державного своего супруга на реформаторов и лютеран, умножая число казней и усиливая гонения. По повелению Генриха парламент обнародовал кровавый указ в шести пунктах, излагавший религиозные обязанности верноподданных его величества. В силу этого указа приверженцев папы вешали, а последователей лютеранизма или анабаптистов жгли на костре…

Вполне довольный своей пятой супругой, Генрих VIII приказал читать по церквам особые молитвы о ниспослании ему супружеского счастья – увы! – непродолжительного.

Некто Джон Ласселс представил Кренмеру донос на Катерину Говард, обвиняя ее в распутстве еще до брака с королем и после брака. Ссылаясь на свою сестру, горничную герцогини Норфолк, в семействе которой воспитывалась Катерина, доносчик счастливыми ее обожателями называл Диргема и Меннока, с которыми она была в преступной связи до брака. Кренмер сообщил королю эти нерадостные вести, и хотя в первую минуту Генрих усомнился в их правдивости, тем не менее поручил канцлеру навести справки, собрать сведения. Донос Ласселса оказался истиною от слова до слова: Катерина Говард за брачный свой венец и за корону увенчала голову своего супруга весьма неприлично… Сообщницей и помощницей Катерины в ее любовных похождениях была невестка Анны Болейн, сестра ее брата, леди Рошфорт – существо гнусное и развращенное. Суд был недолог: и Катерину, и ее сводницу казнили в Тауэре 13 февраля 1542 года.

Желая впредь застраховать себя от неприятных ошибок при выборе супруги, Генрих VIII обнародовал неблагопристойный указ, повелевавший всем и каждому в случае знания каких-либо грешков за королевской супругой до ее брака немедленно доносить королю. Второй пункт обязывал каждую девицу, в случае избрания ее в супруги его величества короля английского, заблаговременно исповедоваться ему в своих минувших погрешностях, ежели таковые за нею водились.

«Теперь нашему королю остается жениться на вдове!» – пошла шутливая молва в народе.

12 июля 1543 года, король английский изволил жениться в шестой раз, на Катерине Парр, вдове лорда Летимера, женщине, пользовавшейся репутацией безукоризненной. Молва народная, предрекавшая королю женитьбу на вдове, сбылась! К этому можно прибавить слово о странной судьбе Генриха при его многочисленных браках. Первая его супруга, вдова его брата, –

была чистой и непорочной девственницей; Анна Болейн и Катерина Говард, выдавая себя за честных девиц, не были ими, а будучи замужем, не умели быть даже честными женами; отзывы Генриха о целомудрии Анны Клевской до ее брака были также не совсем благосклонны; Катерина Парр была вдова… Таким образом, за исключением Екатерины Арагонской и Джейн Сеймур, король английский не обрел в своих женах того высокого идеала чистоты, женственной прелести и кротости, которой он так упрямо добивался. Добрая, истинно любящая женщина могла бы исправить этого человека, но такой он не нашел.

Женщина умная, Катерина Парр втайне благоволила лютеранам и была дружна с Анной Эскью, запытанной королем за ее отзывы о религии. На престол шестая жена Генриха VIII не выказывала никаких умыслов, так как, женясь на ней, король дал права законных дочерей Марии и Елизавете, объявив наследником своим принца Эдуарда. Катерина Парр надеялась образумить короля касательно вопроса религиозного и душевно желала, чтобы вместо безналичия в делах церковных Генрих VIII остановился на учении Лютера.

Оплакав казнь своего друга, Анны Эскью, Катерина Парр приступила к делу обращения короля в лютеранизм, дерзая вступать с супругом в богословские диспуты.

В одну из подобных бесед Катерина уже слишком явно высказалась за аугсбургское исповедание, на что король с адской иронией заметил ей: «Да вы доктор, милая Китти!..»

И немедленно по уходу супруги Генрих вместе с канцлером составил против нее обвинительный акт в ереси. Друзья предупредили Катерину о готовящейся грозе, и королева своей находчивостью спасла голову от плахи. На другой же день она, придя к мужу опять, затеяла с ним диспут и, постепенно уступая, сказала наконец: «Мне ли спорить с Вашим Величеством, первым богословом нашего времени? Делая возражения, я только желаю просветиться от вас светом истины!»

Генрих, нежно обняв ее, отвечал, что он всегда готов быть ее наставником и защитником от злых людей.

Будто в подтверждение этих слов на пороге показался канцлер, пришедший за тем, чтобы арестовать королеву.

«Вон! – крикнул король. – И как ты смел прийти? Кто тебя звал? Мошенник!»

Великий король вообще был неразборчив в выражениях.

Жизнь Катерины Парр была спасена, хотя, нет сомнения, что над головой ее висела секира палача, до времени припрятанная, но Бог сжалился над нею и над всеми подданными Генриха VIII: 28 января 1547 года этот изверг испустил последний вздох на

руках своего клеврета Кренмера, завещав похоронить его в Вестминстерском аббатстве рядом с Джейн Сеймур. Воспоминание о своей единственной любви было искрою человеческого чувства в умирающем.

Существует убеждение, что все тучные люди добры, так как жир будто бы поглощает желчь. Генрих VIII лет за пять до смерти был до того жирен, что не был в состоянии сдвинуться с места; его возили в креслах на колесах. Самая смертная его болезнь была следствием этой чудовищной тучности. Видно, нет правил без исключения.

Анна Клевская пережила его десятью годами и умерла в Англии же, пользуясь своей пожизненной пенсией.

Катерина Парр в мае 1547 года вышла за Томаса Сеймура, адмирала королевского флота, а 7 сентября 1548 года внезапно скончалась. Существует предание, будто она была отравлена мужем, имевшим виды на руку принцессы Елизаветы, будущей королевы английской.

ФИЛИПП II, ГЕРЦОГ ОРЛЕАНСКИЙ (1674—1723)

Сын Филиппа I Орлеанского от второго брака с Елизаветой Пфальцской. При рождении получил титул герцога Шартрского. Быстро растратил свои таланты в кутежах и чувственных удовольствиях. Регент Франции (1715—1723). У Филиппа, кроме сына, было шесть дочерей.

Филипп, герцог Шартрский, стал мужчиной в тринадцать лет, в чем ему немалую помощь оказал аббат Дюбуа, воспитатель мальчика. Вечером, завернувшись в плащ, достойный священнослужитель отправлялся на поиски молоденьких белошвеек, покладистых горничных или пухленьких прачек, чтобы отвести их в покои своего ученика. И юный герцог старательно выполнял домашние задания, руководствуясь богатым жизненным опытом воспитателя.

В пятнадцать лет Филипп, желая поделиться познаниями с приближенными, заманил в свою спальню тринадцатилетнюю девочку Леонору, дочь привратника в Пале-Рояле. Однако он не подумал о возможных последствиях. Леонора забеременела. Рассерженный привратник пришел жаловаться принцессе Пфальцской, но получил яростный отпор, причем в качестве последнего аргумента он услышал следующее: «Если бы ваша дочь не давала надкусывать свой абрикос, то ничего бы не случилось». Привратник ушел в ужасе.

18 февраля 17-летний Филипп женился на 15-летней мадемуазель де Блуа, сестре герцога Мэнского, дочери фаворитки короля мадам де Монтеспан. Она была ленива, а любовь ее утомляла.

Отвратившись от семейного ложа, Филипп превратился в «коллекционера» красавиц. Дюбуа вновь начал охотиться за молоденькими девушками, обитавшими в мансардах и на чердаках, и приводил их к любимому ученику, мужавшему день ото дня. Вскоре герцог превратился в образцового развратника.

26 августа Людовик XIV, предчувствовавший близкую свою кончину, позвал Филиппа Орлеанского (он стал герцогом Орлеанским после смерти отца в 1701 году), бывшего герцога Шартрского, и назначил его регентом королевства, иными словами, поручил ему управлять государством, пока законный наследник, 5-летний герцог Анжуйский, не достигнет совершеннолетия. Король передал бразды правления

необыкновенному человеку – умному, тонкому, изящному, но вместе с тем порочному, развратному, безбожному. Став регентом, он превратил французский двор в настоящий вертеп, и его чудовищным оргиям удивлялась вся Европа.

Филипп Орлеанский установил для себя приятный жизненный распорядок. В девять утра он садился работать и до обеда читал донесения, отвечал на депеши или принимал послов. После десерта он возвращался в своей кабинет и вел заседания совета; но когда часы били пять, кланялся своим министрам и, оставив на завтра все дела, уходил, дабы целиком отдаться удовольствиям.

Каждую неделю он менял любовницу, однако все они его обожали. Подобный успех у женщин изумлял мать Филиппа, принцессу Пфальцскую.

«Мой сын, – писала она, – не красавец и не урод, при этом у него совершенно отсутствуют качества, за которые его можно было бы полюбить; он не способен испытывать страсть, и все его привязанности недолговечны. Да и манеры его не настолько любезны или обольстительны, чтобы он мог заставить полюбить себя. Он крайне нескромен и рассказывает обо всех своих приключениях; я сотни раз говорила ему, что не понимаю, отчего женщины увиваются вокруг него, тогда как им следовало бы бежать без оглядки. Однако он отвечал мне со смехом: "Вы не знаете нынешних распущенных женщин. Им доставляет удовольствие, когда мужчины рассказывают, как спали с ними!"»

Расслабившись с одной из своих любовниц, регент порой совершал небольшую прогулку до Люксембургского дворца, где жила его дочь, герцогиня Беррийская, а в девять часов вечера собирал в Пале-Рояле друзей на один из тех знаменитых ужинов, о которых все историки повествуют с воодушевлением и восторгом.

«На подобных ужинах присутствовали друзья и любовницы регента, любовницы друзей и друзья любовниц».

Этот кружок состоял из дюжины дворян, которых принц приблизил к себе: большей частью это были законченные негодяи, достойные виселицы, «и по этой причине, – говорил философ Сен-Симон, – он и называл их не иначе, как своими висельниками».

Каждый вечер к столу приглашали новых гостей: поэтов, остроумцев, оперных певичек и тому подобное. «Сюда являлись куртизаны, погубившие душу, и развратники всякого рода, у которых не осталось ничего святого ни в речах, ни в поведении: здесь обо всем говорили с шутливой вольностью и постигали самые утонченные формы порока».

Среди прочих на ужинах часто бывала актриса по имени

Шарлотта Демар. Регент взял ее себе в любовницы и не раскаялся, потому что она отличалась пылким темпераментом.

В доказательство ее достоинств приведем случай, рассказанный шевалье де Раваном:

«С самого начала их связи она постаралась забеременеть. Обрадованный принц, видя, как успешно у нее продвигается дело, сказал как-то, похлопав ее по животу: "Хорошо. Быстро растет". "Да, монсеньор, – ответила она, – только волосиков еще не хватает, и я прошу вас сделать их по одному".

Принц, сочтя эти слова свидетельством не похотливости, а любви, решил исполнить ее просьбу, но сил у него оказалось недостаточно, и он от перенапряжения едва не отдал Богу душу. Ибо пришлось ему утолять жажду той, что могла бы сравниться с Мессалиной».

Эта общительная женщина, конечно, не могла удовлетвориться одним любовником. Поэтому она обманывала регента со всеми актерами, которых ей удавалось заманить в постель.

К счастью, Филипп Орлеанский не был ревнив. «Он равнодушно смотрел на то, что она спит с другими мужчинами, – говорил историк Буа Журден, – даже если среди этих мужчин были его собственные лакеи, что время от времени случалось».

Но когда актриса, подарившая ему дочку, попыталась объявить его отцом второго ребенка, он запротестовал: «Нет, малыш слишком похож на арлекина!»

Она попросила его объяснить, что это значит, и он ответил: «В нем слишком много разнородных частей!»

Для этих веселых вечеринок нужно было найти королеву. И она появилась в сентябре 1715 года. Мари-Мадлен де Ла Вьевиль, графиня де Парабер. Двадцатидвухлетняя красавица имела чувственный рот, «бархатные» глаза, великолепные ноги и округлые бедра. Остроумная и сообразительная, обладавшая темпераментом, пылкость которого была равна «селитре и лаве», она оказалась именно той женщиной, которая могла бы взять бразды правления на этих скандально известных оргиях. Принцесса Пфальцская именовала ее «восхитительным куском свежего мяса».

Регент как-то раз увидел ее у герцогини Беррийской, чьей фрейлиной она была, и с первого взгляда влюбился. Он пригласил мадам де Парабер в уединенный дом, который был отделан по его плану. В каждой комнате стояла элегантная мебель, все стены были украшены картинами, возбуждающими чувственность, всюду стояли вазы со свежими цветами, наполнявшими воздух своим пьянящим ароматом. Мадам де

Парабер, быстро справившись со смущением, признала, что этот очаровательный и таинственный уголок более всего подходит для любви. Он был любезен, проявил настойчивость и вскоре обрел счастье…

Когда дело завершилось, к обоюдному удовольствию, произошла забавная сцена: пока Мари-Мадлен лежала обнаженной на кровати, приходя в себя после бурных объятий, Филипп хлопнул в ладоши: двери с шумом распахнулись, и вошли около десятка человек, поджидавших сигнала в прихожей, – они принялись шумно и весело аплодировать.

Тогда регент, в том же костюме, что и мадам де Парабер, поднялся и торжественно провозгласил новую любовницу королевой всех празднеств. Во время этой речи мадам де Парабер пыталась скрыть хоть часть своих прелестей, загородившись шляпой Филиппа, но это ей не вполне удалось. Эта первая встреча оказалась решающей. Регент, вдохновившись пылкостью и живым воображением молодой женщины, решил сделать ее своей официальной фавориткой и уже на следующее утро преподнес ей богатый подарок.

Новоиспеченная «султанша-королева», мадам де Парабер стала руководить всеми развлечениями на ужинах в Пале-Рояле. Она была не только хозяйкой дома, но и любовницей всех гостей, что придавало этим встречам неповторимый шарм. Рвение ее было настолько велико, что она совершала подлинно героические деяния на ниве любви, каждого из которых хватило бы честной женщине для сладостных воспоминаний до конца дней своих.

Взаимоотношения мадам де Парабер и Филиппа Орлеанского не были безоблачными, ибо регент, который, по меткому выражению одного историка, «любил запрягать пару», имел вторую любовницу. Ее звали мадам де Сабран. Эта честолюбивая особа с очень красивой грудью время от времени предпринимала попытки занять место нынешней фаворитки.

Впрочем, жизнь мадам де Сабран с регентом напоминала балет: Филипп приходил к ней, затем оставлял, возвращался, чтобы снова бросить, а потом опять взять и в очередной раз покинуть.

Все эти приходы и уходы продолжались столь долгое время, что маленькая маркиза вообразила, будто регент и в самом деле ее любит. Однако случались у них и размолвки, как доказывает любопытное письмо, где она несколько вольно обращалась к Филиппу: «Сегодня утром я заходила к тебе, породистая тварь, но у меня перед носом захлопнули дверь; если тебе вздумается прийти ко мне, тебя встретят так же; ни любить, ни писать ты не умеешь, зато умеешь читать. Вот и читай. Сегодня утром к тебе

явится мой подлец, сделай его камергером и прикажи своему рабу, хранителю печати, немедля изготовить указ».

Когда мадам де Сабран осознала, что ей не по силу свергнуть с трона мадам де Парабер, она решила заняться сводничеством. «Устав от жизни с человеком, меняющим любовниц, как перчатки, – говорил Лескюр, – она проявила изрядное хитроумие, решив, что будет сама подбирать себе преемниц – и подбирать таким образом, чтобы по-прежнему обладать властью над регентом».

Она предлагала ему в основном танцовщиц из Оперы, которые слетались в будуары Пале-Рояля, словно мухи на мед.

Увы, общаться с этими барышнями было делом отнюдь не безопасным. В скором времени Филиппу пришлось в этом убедиться, и мадам де Парабер, боясь подцепить дурную болезнь, стала запираться от регента в своих покоях.

Разрыв оказался недолгим. К великой радости Филиппа, любовница сменила гнев на милость, и Матье Маре, бывший в курсе всех сплетен, занес в дневник следующую запись: «Регенту полегчало. Эта любовь ему необходима как для здоровья, так и для душевного спокойствия. Даже государственные дела идут много лучше после завершения этой ссоры».

На несколько месяцев Филипп Орлеанский попал в полную зависимость от мадам де Парабер, и та сочла, что ей отныне позволено все. Она отдавала распоряжения, вникала к самые ничтожные дела и вела себя в Пале-Рояле не как любовница регента, а как хозяйка дома. Жена Филиппа даже заявила, что от такой жизни удаляется в монмартрское аббатство.

Впрочем, она недолго пробыла в монастыре, поскольку мадам де Парабер и Филипп снова разошлись – на сей раз окончательно.

Регент, узнав, что она бесстыдно обманывает его с Берегнемом, усадил ее рядом с собой на канапе и, поглаживая ей волосы, спросил, знает ли она, что сказал Магомет II своей любимой жене. Мадам де Парабер ответила, что нет. «Не знаете? Так вот, он сказал ей однажды: "Какая прелестная головка! Захочу, прикажу отрубить!"».

Это остроумное высказывание очень не понравилось фаворитке. Она встала, вышла, хлопнув дверью, и немедленно уехала в свое имение Боран, возле Бомона.

Тогда мадам де Сабран, желая угодить регенту, стала подыскивать новую любовницу для Филиппа, и взор ее упал на восхитительную молодую женщину – мадам Феран д'Аверн. Она была женой лейтенанта королевской гвардии.

Де Сабран организовала ночной сеанс с показом волшебного фонаря, где и представила красотку герцогу Орлеанскому,

который тут же в нее влюбился.

На следующий день он предложил ей сто тысяч ливров и чин капитана для мужа, не уточняя, что желает получить взамен, однако красавица, будучи женщиной неглупой, все поняла и отказалась…

Впервые женщина отвергла притязания регента. Он был изумлен – и весь Париж вместе с ним. «Ходит много разговоров о мадам д'Аверн, жене гвардейского офицера, – писал Матье Маре. – Она очень красива, и регент пожелал ее. Статьи договора предложены, но еще не приняты: сто тысяч экю для нее, рота – для мужа. Действия пока не возымело, и она уезжает на лето в Аверн».

Регент, не на шутку встревожившись, отправил второе послание «с предложением дополнительных пятидесяти тысяч ливров». Мадам д'Аверн по-прежнему разыгрывала из себя недотрогу, однако в Париж вернулась.

Филипп обдумывал план нового наступления, когда к нему явился муж и предложил заключить договор, согласно которому он уступал свою жену за определенную сумму денег и некоторые льготы. Регент принял все условия предложенного договора, и господин д'Аверн, так удачно пристроивший свою прекрасную половину, с легким сердцем отправился домой.

На следующий день Филипп послал г-ну д'Аверну требуемую сумму и шкатулку с драгоценностями. Когда все формальности были улажены, «жених и невеста» встретились в доме некоего г-на Дюнуайе, чтобы провести там первую брачную ночь.

Это произошло 12 июня 1721 года. Когда утром 13-го новая фаворитка вернулась домой, муж встретил ее доброй улыбкой. Он получил деньги, шкатулку и капитанский чин – чего еще было желать?

Через некоторое время ему были пожалованы губернаторство Наваррана в Беарне и орденская лента.

Пока Людовик XV рос, регент, истощенный оргиями и развратом, слабел день ото дня.

«Хотя он был в цвете лет, – свидетельствовал Дюкло, – его пресытила жизнь, исполненная порока. По утрам он испытывал тяжкое похмелье после ночной попойки; постепенно он расходился, но прежней быстроты соображения лишился: равным образом, ему были теперь не под силу продолжительные занятия, а чтобы оживить его, требовались все более шумные развлечения. В Версале он томился: ему недоставало ужинов в Пале-Рояле, где собиралась живописная и разнородная компания. Он скучал по своей маленькой ложе в Опере, куда приглашал танцовщиц и певичек. Но, главное, он чувствовал себя глубоко изношенным и

признавался, что перестал получать удовольствие от вина и что не способен уже доставлять наслаждение женщинам».

Последнее, впрочем, не вполне соответствовало действительности. Несмотря на свою очевидную и прогрессировавшую немощь, Филипп Орлеанский по-прежнему оставался дамским угодником.

В конечном счете это стоило ему глаза. Однажды вечером, позволив себе «чрезмерную вольность» с маркизой д'Арпажон, он получил от молодой женщины удар каблуком в лицо. На следующий день регент окривел.

Это досадное происшествие не отвратило его от слабого пола. Напротив, он проявлял живейший интерес даже к веяниям моды. Матье Маре писал: «Вот уже несколько дней раздаются жалобы, что женщины позволяют себе приходить в укороченных платьях даже в церковь. Регент же сказал, что, будь его воля, он бы это категорически запретил: потому что всю жизнь задирал дамам юбки и не желает, чтобы люди говорили, будто во времена своего правления он довел дело до того, что они сами стали заголяться».

25 октября 1722 года в Реймсе состоялось коронование Людовика XV. Филипп присутствовал на церемонии вместе с мадам Левек, заменившей на несколько дней в его постели мадам д'Аверн. Царствование этой фаворитки уже близилось к завершению. В ноябре месяце ей было приказано покинуть Версаль под предлогом, что «ее пребывание здесь нарушает приличия и может послужить дурным примером для короля». Регент отослал ее к г-ну д'Аверну после семнадцати месяцев совместной жизни. Правда, некоторые люди утверждали, будто регент износился настолько, что «бедняжке оставалось лишь пришивать пуговицы к рубашке…»

После исчезновения мадам д'Аверн Филипп Орлеанский стал любовником своей кузины, мадемуазель де Шароле; затем он заинтересовался знаменитой мадемуазель Аиссе.

Это была молодая красивая черкешенка, которую г-н де Ферьоль, французский посол в Константинополе, купил на невольничьем рынке за восемь тысяч франков, намереваясь сделать ее своей любовницей.

Когда его отозвали во Францию, он привез с собой юную Аиссе – ей было тогда восемнадцать лет – и попытался соблазнить ее, но, если верить Сент-Беву, который защищал добрую память Аиссе с поразительной горячностью, потерпел неудачу.

Когда регент встретился с ней в одном из салонов, она была уже не угловатым подростком, а красивой женщиной двадцати пяти лет. Влюбившись в нее, он с обычной своей

непринужденностью предложил ей пройтись в спальню.

Однако у бывшей рабыни оказалось больше гордости и достоинства, нежели у придворных дам: она ответила, что никогда не согласится стать его любовницей, а если он будет принуждать ее, то немедленно удалится в монастырь.

Удивленный регент не стал настаивать и через несколько дней утешился в объятиях изумительно красивой мадемуазель Уэль, племянницы мадам де Сабран. Ей было семнадцать лет, она еще не знала мужчин, но, как говорили, «обладала огнем, пылавшим в нужном месте». Он же в свои сорок восемь лет превратился уже в полную развалину.

Девушка, весьма разочарованная вялостью утомленного жизнью любовника, вскоре вернулась к тетке. Тогда Филипп позвал к себе женщину, которую знавал еще в те времена, когда его любовницей была мадам де Парабер, – ее звали мадам де Фалари. Это была изящная блондинка с голубыми глазами и пышными формами: про нее говорили, что «любовные утехи ей не в тягость». В возрасте двадцати пяти лет она имела множество любовников.

Когда стало известно, что она заняла место официальной фаворитки, появились куплеты, в которых высмеивались как необъятное лоно мадам де Фалари, так и мужское бессилие регента.

Возможно, она и в самом деле не получала от совместной жизни с Филиппом того удовлетворения, на которое надеялась, однако она его не бросила. Проникшись жалостью к этому утомленному жизнью человеку, с трудом ковылявшему от кресла до кресла, она превратилась в преданную сиделку и нежно ухаживала за ним, а по вечерам перед сном читала ему рыцарские романы или волшебные сказки…

Пора веселых ужинов Пале-Рояля давно прошла…

Иногда Филипп, очнувшись от тяжкой полудремы, проявлял интерес к нынешним похождениям своих бывших любовниц – и в его единственном глазу зажигался тогда веселый огонек. Он оживлялся, когда ему рассказывали пикантные подробности недавних скандалов, и радовался, узнавая, что многих дам «испортили» и что королевскому хирургу приходится заниматься в основном дурными болезнями.

8 декабря 1722 года в возрасте семидесяти одного года скончалась принцесса Пфальцская. Филиппа потрясла смерть матери, он впал в полную прострацию. Когда 15 февраля 1723 года Людовик XV достиг совершеннолетия, это было встречено общим вздохом облегчения.

С этого момента регент стал стремительно приближаться к

своему концу. Ему угрожала апоплексия, поэтому врачи каждый день прибегали к кровопусканию.

2 декабря, отяжелевший, с побагровевшим лицом, он сидел в розовой гостиной в обществе мадам де Фалари. «Закрывшись с ней, он забавлялся в ожидании часа, когда надо будет работать с королем; молодая женщина, распустив белокурые волосы, положила голову на колени принцу, но тот внезапно тихо сказал: "Друг мой, я немного устал, и в голове у меня тяжесть Почитай мне какую-нибудь сказку, у тебя это так хорошо получается"».

Герцогиня тогда села в кресло рядом со своим любовником. Внезапно герцог Орлеанский покачнулся и упал ей на руки. Увидев, что он потерял сознание, молодая женщина с вполне понятным испугом принялась звать на помощь. Она кричала изо всех сил, но никто не откликался. Тогда она побежала в кабинет, затем в спальню, в прихожую, но никого не встретила и бросилась на галерею, а потом и во двор.

Наконец подоспевший камердинер произвел операцию. Но все было тщетно. В семь часов вечера регент скончался, не приходя в сознание.

Потрясенная мадам де Фалари уехала в Париж.

НЕРОН (37–68)

Римский император (с 54 года) из династии Юлиев-Клавдиев. По источникам, жестокий, самовлюбленный, развратный. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя римское общество.

Нерон родился в Анции, через девять месяцев после смерти Тиберия. Отец его, Доминиций, в ответ на поздравления друзей воскликнул, что у него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества. Когда младенцу исполнилось три месяца, он потерял отца. Однако по завещанию Нерон получил только третью часть наследства, потому что все имущество забрал его сонаследник Гай. Вскоре его мать была сослана. Нерон рос почти в нищете в доме своей тетки Лепиды под надзором двух дядек, танцовщика и цирюльника.

Когда же к власти пришел Божественный Клавдий, то сыну Доминиция не только было возвращено все наследство, но и добавлено наследство отчима Криспа. На одиннадцатом году Нерон был усыновлен Клавдием и отдан на воспитание Аннею Сенеке, тогда уже сенатору. В день совершеннолетия он был представлен народу и обещал плебеям раздачу, а воинам подарки. А немного спустя взял себе в жены Октавию, дочь Клавдия и Мессалины. После смерти Клавдия 17-летний Нерон стал римским императором.

Древний историк Светоний писал: «Наглость, похоть, распущенность, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда было ясно, что пороки эти – от природы, а не от возраста».

Нерон сожительствовал со свободными мальчиками и с замужними женщинами, он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Акте он чуть было не вступил в законный брак, подкупив несколько сенаторов консульского звания, он заставил их поклясться, будто она из царского рода.

Светоний рассказывал о необычной забаве императора: «…в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него – Спор, крича и вопя, как насилуемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в

чем-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому, кто признавался ему в разврате, он прощал и остальные грехи».

После Октавии он был женат дважды – на Поппее Сабине и на Статилии Мессалине, правнучке Тавра, двукратного консула и триумфатора: чтобы получить ее в жены, он убил ее мужа Аттика Вестина, когда тот был консулом. (Он вообще не щадил близких. Антонию, дочь Клавдия, которая после смерти Поппеи отказалась выйти за него замуж, он казнил, обвинив в том, что она готовила переворот.)

Жизнь с Октавией быстро наскучила Нерону, и его сладострастные взоры обратились к Поппее, которая по материнской линии была внучкой знаменитого консула и триумфатора Сабина. Ее мать в свое время по праву считалась первой красавицей Рима, и дочь красотой пошла в нее. Тацит отмечал, что Поппея не делала различия между своими мужьями и любовниками, у нее «было все, кроме честной души».

Нерон впервые увидел красавицу, когда она была женой всадника Руфия Криспина. Император возгорелся к ней великой страстью и захотел обладать этой роскошной женщиной. Нерон решил развести Поппею с Руфием, после чего выдать замуж за своего друга Сильвия Оттона. Император вскоре получил возможность посещать Поппею, когда у него возникнет желание, скрывая при этом свою связь. Нерон был женат в это время на Октавии, дочери Клавдия.

Однако идиллия оказалась недолгой. Поппее надоело быть любовницей императора. Она жаждала власти. А Нерона быстро утомляли любовные забавы, и он, утолив желание, быстро засыпал. Оттон, очарованный красотой жены, стал настаивать на правах супруга. Поппея Сабина понимала, какая незавидная участь ее ожидает, если Оттон проболтается императору, что переспал с собственной женой.

О новом увлечении сына узнала Агриппина и возненавидела Поппею. Но как она могла отвлечь Нерона от роковой красавицы?

Вдовствующая императрица решила предложить себя сыну в качестве… любовницы. Она появлялась на торжественных приемах, пирах. Несколько раз Акте спасала Нерона от покушений Агриппины, предотвращая кровосмесительную связь. Однажды разгоряченный вином Нерон не выдержал и оставил Агриппину у себя. Мстительность, страх, животный садизм – вот на чем было замешано это сладострастие.

Агриппина, во-видимому, знала тайны любви, ибо противоестественная человеческой природе близость продолжалась довольно долго. Нерона и Агриппину носили

вместе на носилках. Римляне, которых, казалось, уже ничем нельзя было удивить, были поражены чудовищным развратом.

Однако Нерон жаждал обладать и красавицей Поппеей. Любовница, узнав о связи императора с матерью, отдалась Оттону, позаботившись о том, чтобы об этом вскоре стало известно Нерону.

Ревнивый император потребовал объяснений. Поппея в ответ заявила, что она замужняя женщина и Оттон в качестве супруга ее вполне устраивает, по крайней мере, он позволяет ей вести роскошную жизнь. Она припомнила Нерону и связь с Агриппиной, во всех грехах обвинявшей ее, Поппею и бывшую рабыню Акте, которая по-прежнему находилась около него, приучая к дурным манерам. И наконец заявила: если император по-прежнему любит ее, то должен взять в жены, в противном случае она удалится в провинцию.

Нерон не поверил в серьезность ее слов. Вечером он пришел к любовнице, однако нашел дверь ее дома закрытой. Нерон начал ломиться, осыпая хозяйку угрозами и бранью, но ему так и не открыли. Поппея поставила его перед выбором: либо она, либо Агриппина и Октавия. Но Октавия почти ничего не решала в планах Нерона, безропотно снося все его похождения. Агриппина же заручилась поддержкой в сенате, и ее следовало удалить.

Император снял охранявшие ее военные караулы. Затем убрали германцев из почетной стражи. Наконец, Нерон выжил ее из императорского дворца, где она имела прежде богатые покои.

Агриппину попытались обвинить в заговоре с целью свержения правителя, но вскоре выяснилось, что это наглая ложь. Императрица по-прежнему при каждом удобном случае стремилась уязвить Поппею, она словно не замечала ее, но при каждом удобном случае подчеркивала нежное отношение к Октавии, которую прилюдно называла красавицей и женой императора. В сердцах Поппея потребовала убить Агриппину. Нерон обещал исполнить ее каприз.

Но осуществить задуманное, не вызвав подозрений у сената, было не так-то просто. Наконец Аникет, один из бывших воспитателей Нерона, предложил хитроумный способ: во время праздника построить специально для Агриппины большой корабль. Когда она, устав от вина и веселья, удалится к себе в каюту, корабль развалится. Воспользовавшись суматохой, можно будет утопить императрицу, списав все на несчастный случай. Нерон план одобрил.

Он объявил в Риме, что собирается принять участие в празднике в Байи, небольшом городке рядом с Неаполем. Нерон до этого примирился с матерью, даже целовал ей ручки.

Агриппина подумала, что вернула его расположение.

Во время праздника Нерон произнес торжественную речь, славящую Агриппину Августу и даже прослезился, ибо не сомневался, что видит ее в последний раз.

Во время ночной прогулки утомленная Агриппина удалилась к себе в каюту. Потолок каюты был сделан из свинца и должен был обрушиться на уснувшую императрицу, пробить днище корабля. Однако потолок чудом удержался благодаря высоким стенкам ложа и не причинил Агриппине никакого вреда. На палубе завязалась борьба между заговорщиками и теми, кто не был посвящен в план Нерона. Агриппина и служанка прыгнули в воду.

Нерон пришел в ужас, когда ему сообщили, что покушение провалилось. Надо было действовать немедленно. Он вызвал преданных ему Сенеку, Бурра, Аникета. Созревает новый план: якобы слуга Агриппины, подосланный хозяйкой, пытался убить Нерона, поэтому императрицу пришлось покарать.

…Два десятка воинов окружили виллу несчастной женщины. Аникет с двумя телохранителями ворвался к ней в спальню. Через несколько минут все было кончено. Агриппину похоронили той же ночью.

Утром все поздравляли Нерона со счастливым спасением и осуждали Агриппину, осмелившуюся поднять руку на императора.

Нерон вернулся в Рим и предался наслаждению. Теперь он был свободен. 59-й год стал переломным в жизни императора. Отныне он руководствуется только своим мнением. Сальвия Оттона отослали легатом в Лузитанию – римскую провинцию на Пиренейском полуострове. Оттон, помня о судьбе Агриппины, покорно согласился. Через три года Нерон, обвинив Октавию в бесплодии, развелся с ней и через двенадцать дней женился на Поппее, несмотря на недовольство высших кругов в Риме.

По распоряжению Поппеи, скульптуры Октавии были заменены на ее собственные. Новая жена Нерона требовала выслать Октавию из Рима, однако удалить дочь Божественного Клавдия без причины было невозможно. Тогда Октавию попытались скомпрометировать, обвинив 22-летнюю женщину (Поппее был 31 год) в прелюбодеянии. Префект гвардии Тигеллин подкупает одного из египетских музыкантов, который признался в любовной связи с Октавией. Однако большинство слуг даже под пытками отказывались подтвердить его показания. Тем не менее Октавию выслали в Кампанию (область на юге Италии), где заключили под стражу.

В Риме начались волнения. Испугавшись восстания, Нерон

вынужден вернуть Октавию и под ликующие крики толпы снова объявил ее своей женой, однако, придя в себя, он послал против народа войска. На улицах Рима лилась кровь. Приказом Нерона возвращаются на свои места скульптуры Поппеи. Но положение ее было непрочно, в любой момент она могла быть свергнута Октавией и ее сторонниками. Вняв мольбам Поппеи, Нерон решил покончить с дочерью Клавдия. Он уговорил Аникета лжесвидетельствовать о сожительстве с нею. Опальную жену отправили на остров Пандатерию и там задушили в жарко натопленной терме, предварительно вскрыв ей вены. Таким образом Поппея стала законной и единственной женой Нерона. Удивительно, почему она не тронула безмолвную красавицу Акте. Вероятно, она не считала ее серьезной соперницей. Акте жила во дворце и по-прежнему дарила ласки повелителю.

Через некоторое время Поппея исполнила данное Нерону обещание и родила девочку. Император был несказанно счастлив и присвоил жене и дочери титул Августа.

Но страсть со временем проходит. Нерон был избалован женскими ласками. Он также любил пение, театр и поэзию. Среди увлечений императора были скачки, он считался одним из лучших наездников империи. Когда Нерон пел в театре – а он это обожал, – запрещалось кому-либо выходить из театра. Поэтому, говорят, некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах его более слушать и хвалить, перелезали через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках.

Поппея же вскоре поняла, что снова ждет ребенка. Она тяжело переносила беременность, постоянно болела, стала раздражительной. Нерон стал редко появляться во дворце, пропадал на пирушках, которые часто затягивались за полночь. Время от времени он освежался в купальнях, зимой теплых, летом холодных; пировал он и при народе, на искусственном пруду или в Большом цирке, где прислуживали проститутки и танцовщицы со всего Рима. Когда он проплывал по Тибру в Остию или по заливу в Байи, по берегам устраивались харчевни, где было все приготовлено для пьянства и разврата и где одетые шинкарками матроны зазывали его причалить. Устраивал он пиры и за счет друзей.

К предродовой болезни Поппеи добавились еще ревность и подозрительность. Почти каждый поздний приход мужа заканчивался скандалом. Однажды, вернувшись со скачек, разгоряченный вином Нерон не выдержал и в ответ на вопли Поппеи пнул ее ногой в живот. Через несколько часов Поппея умерла. Утром, протрезвев, Нерон понял, что натворил, и,

всплакнув, приказал забальзамировать тело жены и положить ее в фамильную гробницу Юлиев. Во время погребальной процессии безутешный супруг непрерывно превозносил красоту Поппеи и ее добродетели.

Впоследствии он приказал оскопить белокурого мальчика Спора, облачил его в женские одежды, назвал Поппеей Сабиной, после чего официально женился на нем и жил с ним, как с женой. По Риму ходила шутка, что человечество было бы счастливо, если бы у отца Нерона была такая же жена.

Император еще раз подтвердил справедливость мнения римлян о себе, когда приказал утопить своего пасынка – сына Поппеи и Криспина – Руфия за то, что малыш, играя, имел неосторожность назвать себя полководцем и императором.

В том же 65 году Нерон приказал Сенеке покончить жизнь самоубийством, ибо тот, зная о заговоре против императора, не донес ему.

Такого правителя народ терпел четырнадцать лет! Скончался он на тридцать втором году жизни, в тот самый день, в который убил когда-то Октавию. Ликование в народе было таково, что «чернь бегала по всему городу во фригийских колпаках»…

АЛЕКСАНДР VI, РОДРИГО-ЛАНСОЛЬ БОРДЖИА (1422—1503)

Самый развратный из пап со времен Оттонов. После смерти Иннокентия VIII получил папскую мантию. Талант, энергия и богатство позволили ему приобрести большое влияние. Его деятельность обнаруживает некоторые государственные способности.

Род Борджиа – это испанский род Борхо, перебравшийся в Италию в XV веке. Фамильный герб Борхо (Борджиа) – красный бык – как нельзя более подходил для них. Обуздать этого кровожадного и похотливого быка было не так просто.

Отцом Родриго был Алонсо Борхо, впоследствии ставший римским папой Каликстом III. История рода Борхо тесно связана с борьбой за папский престол, когда в мире сразу было по несколько пап, один из которых объявлялся истинным, а все остальные ложными – антипапами. Духовная карьера Алонсо началась в 1416 году, когда ему было уже 36 лет. В то время, будучи делегатом Констанского собора, где происходили выборы папы, он быстро распознал, что к чему, и проголосовал за низвержение своего благодетеля антипапы Бенедикта XIII. Действовал так Алонсо по тайному приказу короля Арагона Альфонсо V. Король Альфонсо в награду за предательство добился назначения Борхо епископом богатой Валенсийской епархии.

Семь лет Алонсо верой и правдой служил своему королю, борясь против Бенедикта XIII, и, наконец, произошло то, чего он добивался. Бенедикта низложили, а Борхо, доблестный и послушный, добился от Альфонсо новой награды – должности канцлера его величества. Спустя некоторое время Альфонсо счел нужным подружиться с очередным антипапой – Феликсом V, надеясь с его помощью посадить на трон Неаполя своего побочного сына Ферранте. Но Борхо, уже осознавший собственную значимость, мечтал отдать тепленькое местечко в Неаполе своему племяннику (а злые языки утверждали, что сыну) Педро-Луису. И как только представилась возможность, канцлер тотчас предал своего короля, за что папа Евгений IV возвел его в кардиналы.

Новый кардинал перебрался в Рим, куда к нему приехали два

племянника. Один из них, Педро-Луис, второй, на год его постарше – Родриго.

Матерью Родриго была Иоанна Борджиа, женщина сластолюбивая. Поэтому, когда Родриго появился на свет, муж Иоанны, Готфрид Ленсуоли, попросту не признал его своим законным сыном, ибо давно замечал, как Иоанна бегала к своему брату Альфонсо. Это непризнание привело к тому, что супруги разошлись, и бедный Родриго, которому отказано было даже в фамилии Ленсуоли, вынужден был называться Борджиа.

Итак, два молодых испанца приехали в великолепный Вечный город, шумный, более свободный и демократичный в нравах, нежели Мадрид. Племянники быстро вошли во вкус римской жизни. Особенно им пришлись по душе итальянки, они оказались куда более покладистыми.

Поначалу молодой Родриго решил специализироваться в юриспруденции и, надо сказать, сразу же преуспел, стал признанным авторитетом по защите всяких сомнительных лиц и деяний. Однако адвокатура заставляла вести более строгий, чем ему хотелось бы, образ жизни. Для адвоката, постоянно имеющего дело с законом, очень много значила собственная репутация. Посему после не очень тягостных раздумий бравый и смазливый Родриго Борджиа поменял мантию адвоката на мундир военного.

Отныне его похождения не только не осуждали, а, наоборот, всячески приветствовали. Ведь угодить хорошенькой красотке для военного человека – своего рода отличие.

Вскоре Родриго при помощи дяди возвели в сан архиепископа Валенсии, где когда-то служил сам папа. Позже Валенсийскую епархию Родриго отдал своему сыну Чезаре, так что Валенсия буквально вскормила этот знаменитый род.

Имея сильного покровителя в Риме, Родриго не задержался на посту архиепископа. Он, как и Педро-Луис, получил кардинальскую шапку и должность вице-канцлера курии, фактически став вторым человеком после папы. Лавина милостей, обрушившаяся на незаметного прежде офицера, породила самые невероятные слухи, даже о том, что папа Каликст III питал к кардиналу не только родственные чувства.

Пять владык Ватикана сменилось за это время, и каждому он вынужден был угождать, изъявлять преданность и покорность, за что и получил в народе прозвище «слуга пяти пап». Но эта послушность и спасла его, и не только спасла, но и дала возможность стать, наконец, и самому папой.

Кардинала Борджиа хорошо знали в Риме. И не только как кардинала. Он был богат, не отказывал себе в прихотях и усладах.

Любовницы менялись одна за другой, слухи о развратном образе жизни кардинала просачивались в дома римских вельмож, но тогда сие считалось вполне естественным даже для святых отцов. Кардинал Борджиа не выделялся среди остальных высших служителей церкви. Недаром Петрарка еще в XIV веке говорил: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру».

Еще юношей Родриго сошелся с молодой вдовой Еленой Ваноцци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего ее в объятиях любовника. В те времена подобные убийства случались часто и считались делом обыкновенным. Более того преступление Елены Ваноцци скорее возвысило, чем унизило ее в глазах Родриго, для которого цель всегда оправдывала средства. Елена имела двух дочерей: старшую, очень некрасивую, имя которой неизвестно, и младшую – Розу, в полном смысле слова красавицу, хорошо знавшую о материнском преступлении, но до поры до времени хранившую тайну, выжидая момента, чтобы отомстить за смерть обожаемого отца… Ждать пришлось не особенно долго. По мере того как Елена Ваноцци старела и теряла обаяние, Роза с каждым днем становилась прекраснее, и сластолюбивый Родриго, сравнивая двух женщин, разумеется, отдавал предпочтение последней. Не привыкший обуздывать своих желаний, он однажды потребовал, чтобы Роза отдалась ему. Девятнадцатилетняя красавица, ничуть не поразившись требованиям материнского любовника, загадочно ответила: «До тех пор пока жива моя мать, я не могу отдаться тебе».

Родриго понял ответ в желательном для Розы смысле и, не долго размышляя, поспешил уничтожить препятствие. На следующий же день Елена Ваноцци скоропостижно скончалась, отравленная своим любовником; старшую дочь сейчас же насильно постригли в один из монастырей, а младшая отдалась отравителю в награду за убийство матери.

Это случилось в 1448 году. В течение дальнейших семи лет любовники, связанные преступлением, наслаждались безмятежным счастьем, не тревожимые ни малейшими укорами совести. Более подходящей пары трудно было бы и придумать. Но вот в 1455 году кардинал Альфонсо Борджиа, дядя Родриго, воссел на папском престоле под именем Каликста III и потребовал племянника к своему двору. Перед Родриго открывалась широкая дорога к достижению всех благ земных в том смысле, как он их понимал.

Он немедленно отправился в Рим, оставив Розу в Валенсии, не рискуя взять ее с собою, опасаясь, что дядя негативно отнесется к подобной кровосмесительной связи. Мало-помалу, однако, ощутив под собою твердую почву, папский племянник,

получив звание кардинала, перевез любовницу из Валенсии в Венецию и все свободное время проводил с ней, тщательно скрывая от дяди свои похождения. Роза Ваноцци жила в великолепном дворце, окруженная необыкновенной роскошью, задавая пиры и устраивая оргии. Родриго, ничего не жалел, чтобы только доставить Розе всевозможные удовольствия. Она одарила любовника дочерью Лукрецией и тремя сыновьями: Франческо, Чезаре и Джиованни.

Лукреция родилась в 1480 году. Воспитанная матерью, она, без сомнения, с младенческого возраста впитала в себя все отрицательные качества развратной Розы Ваноцци. Получив самое блестящее по тому времени образование, Лукреция уже в одиннадцать лет от роду знала, что она красива, и в совершенстве владела искусством кокетства.

В 1492 году произошло событие, возведшее семью Борджиа на небывалую высоту. Скончался Иннокентий VIII, и на папском престоле воссел Родриго под именем Александра VI.

Однако он, в свои шестьдесят лет, оставался сластолюбцем, каким был и в двадцать; его не удерживали от распутства ни седины, ни тиара. Дети его святейшества оказались вполне достойными своего родителя: в Чезаре он нашел верного себе помощника и сообщника в делах государственных и любовных. Не довольствуясь фаворитками из знатнейших семейств, дворянских и духовных, папа и сын его обратили страстные помыслы на прелестную, белокурую Лукрецию – дочь одного, сестру другого, сделавшуюся вскоре любовницей обоих! Родриго превратился в самого нежного обожателя, осыпая подарками развратную девушку и исполняя малейшие ее прихоти и капризы. Лукреция оказалась на высоте призвания и расточала свои ласки отцу, как настоящая куртизанка, оценивая их количеством и ценностью подношений. Приблизительно около 1492 года Родриго, чтобы соблюсти внешние приличия, обвенчал свою дочь с арагонским дворянином доном Эстебаном. Лукреция за короткое время сменила трех мужей.

В это же время Александр VI и Чезаре вынашивают гениальные замыслы объединения Италии. Казну истощили непрерывные войны в Италии и оргии в стенах Ватикана, поэтому Александр VI в последние два года своей жизни решился расширить круг прибыльной торговли индульгенциями, чинами и кардинальскими шапками. Последняя статья была особенно доходна; здесь папа, как говорится, одним камнем убивал двух птиц: получал деньги с нового кардинала и по закону наследовал имение покойного его предшественника.

Его святейшество приглашал кардинала к себе на завтрак или

на ужин, пожимал ему руку или приказывал отомкнуть дверь, запертую на ключ, и дня через два или через три тот отправлялся в жизнь вечную… Примешать яду в кушанье или питье было вещью простой и нехитрой, особенно для Александра Борджии, отравившего Зизима, брата султана Баязета, по просьбе последнего. Но так бесхитростно можно было избавиться только от магометанина; для устранения кандидатов на папский престол Борджиа придумал другие способы: рукопожатие и отмыкание замка. Для первого папа надевал на палец правой руки золотой перстень, из внутренней стороны которого, при легком пожатии чужой руки, выходил стальной волосок, чуть укалывавший и выпускавший каплю яду. Точно таким же механизмом были снабжены ключи у дверей или шкафов.

В августе 1503 года папа вместе с верным своим Чезаре решили отправить на тот свет трех кардиналов и с этой целью пригласили их на ужин. В числе прочих лакомств, приготовленных для дорогих гостей, были бутылки с кипрским вином. Эти бутылки, припасенные на десерт, были отданы под надзор благонадежного буфетчика… Однако еще задолго до десерта папа и Чезаре приказали подать себе вина – разумеется, не отравленного. Осушив поданные бокалы, Александр и сын его стали еще любезнее и внимательнее к гостям, предложили им последовать их примеру, и в эту самую минуту папа, изменившись в лице, испуганно, тоскливо стал ощупывать себе грудь и шею.

«Что с вами, ваше святейшество?» – заботливо спросил один из собеседников.

«Ничего, ничего… – ответил злодей и, обращаясь к секретарю, продолжил торопливо: – Потрудитесь поскорее принести из моей спальни мою наперсную ладанку; она должна быть на аналое, около кровати…»

Присутствовавшие невольно переглянулись. Каждому из них было известно, что Александр VI постоянно носил на шее ладанку, с которой была связана его судьба. Когда он был еще кардиналом, какая-то цыганка, даря ему эту ладанку, предсказала, что он не умрет до тех пор, пока будет носить ее на шее… Поглощенный мыслями об отравлении кардиналов, с утра 18 августа 1503 года, Александр VI забыл надеть на шею роковой подарок цыганки и вспомнил о нем только вечером, именно тогда, когда, должно быть, тоже по рассеянности буфетчика, выпил бокал отравленного вина, приготовленного для кардинала. Посланный в комнаты по возвращении своем в сад (ужинали на открытом воздухе) нашел гостей в страшном смятении, а папу и его сына Чезаре в предсмертной агонии. Александр умер в

жестоких мучениях, но Чезаре остался жив благодаря ваннам из горячей бычьей крови.

АЛЕКСАНДР ДЮМА-ОТЕЦ (1802—1870)

Французский писатель. Автор многочисленных исторических авантюрных романов. Наиболее известны: «Три мушкетера» (1844), «Двадцать лет спустя» (1845), «Виконт де Бражелон» (1848—1850), «Королева Марго» (1845), «Граф Монте-Кристо» (1845—1846). Герои Дюма привлекают рыцарским благородством, отвагой, верностью в дружбе и любви. Перу писателя принадлежат «Мои мемуары» в 22-х томах (1852—1854).

«Это не человек, а сила природы», – говорил о писателе историк Жюль Мишле, трудами которого Дюма восхищался. Мишле платил ему той же монетой. Гигант, живший не по средствам, широкая натура, тонкий знаток кулинарного искусства, неистощимый автор, которого всегда сопровождал успех, долги и женщины. В этом весь Александр Дюма. Более того, жизнь писателя – сплошной роман, вроде тех, что писал он сам, история о великане-обжоре, торопившемся съесть все и сразу; жизнь, в которой сменяли друг друга работа, приключения, размышления, мечты, любовь ко всем женщинам и в то же время ни к одной (за исключением, конечно, его матери Марии-Луизы).

В 1806 году, когда умер отец писателя генерал Дюма, Александру было всего три с половиной года. Ребенок схватил ружье, сказав заплаканной вдове, что идет на небо, чтобы «убить Боженьку, который убил папу».

Образ отца был возведен в семье в культ: внебрачный ребенок, к тому же мулат, и такой свирепый, что немцы в Тироле в 1797 году прозвали генерала «черным дьяволом». Он обладал неимоверной силой: подвешенный к люстре, он мог подтянуть к себе лошадь, ставил в вертикальное положение сразу четыре ружья, вдев в дула пальцы. Сын небогатого маркиза Александра Антуана де Ла Пайетри и рабыни, «ветреной женщины», как говорили в Сан-Доминго (ныне Гаити), отец одарил Александра и гигантским ростом, и силой Геркулеса, и мужественной внешностью (у него было смуглое лицо и курчавая шевелюра). Все это приводило женщин в экстаз, бесило соперников и выводило из себя критиков, не скупившихся на оскорбительные расистские выпады по его адресу. Бальзак, например, говорил: «Только не сравнивайте меня с этим негром!» Один из завсегдатаев литературного салона, дерзнувший пошутить на эту тему, получил от Дюма резкий ответ: «Мой отец был мулатом, моя

бабушка была негритянкой, а мои прадедушки и прабабушки вообще были обезьянами. Моя родословная начинается там, где ваша заканчивается».

Об обычном детстве, проведенном в местечке Вилле-Котре, где он жил со своей любимой матерью, но где ему уже не хватало простора, об учебе, весьма поверхностной из-за страстного увлечения театром, писатель поэтично рассказал в книге воспоминаний «Мои мемуары». В них сквозит ненасытная жажда жизни, неистовое стремление одержать верх над всем и вся. И вот в 20 лет он оказался в Париже! Этот неуч Александр, говорили о нем кумушки Вилле-Котре, уже служит писателем у герцога Орлеанского, то есть у будущего короля Луи-Филиппа. Александр был уверен: он завоюет Париж, Францию, весь мир своим пером. Будущее показало его правоту.

После нескольких бесплодных попыток написать произведение для театра наконец пришел успех: на сцене была поставлена первая драма Дюма «Генрих III и его двор». Герцог Орлеанский лично способствовал успеху премьеры ради привлечения на свою сторону романтической молодежи. Пьеса, правда, вызывала гнев сторонников классицизма, но годом позже Дюма вновь одержал победу во время легендарной битвы вокруг пьесы Виктора Гюго «Эрнани». Дюма активно поддержал своего друга, кричал в партере вместе с другими, участвовал в словесной перепалке, доходившей порой до рукопашной. Театр дал Дюма первый билет к славе. Бедный молодой человек, в 16 лет игравший Гамлета (некоего Дюси, а не Шекспира) на чердаке Вилле-Котре, сочиняя пьесу за пьесой, скоро начал завоевывать парижские салоны, великосветских дам и известных актрис. После драмы «Христина», он написал драмы «Антони», а затем «Ричард Дарлингтон»…

22 мая 1832 года в театре «Порт-Сен-Мартен» пьесу «Нельская башня» (не подписанную автором) встретили бурными аплодисментами. К этому времени за неполных 17 месяцев на сцене было поставлено семь пьес Александра Дюма, пять за его подписью и две без. И ему уже стало скучно. С театром у Дюма все происходило как с женщинами: пылкая страсть вначале и безразличие потом, когда они сдались. Он был подобен охотнику, для которого главное – погоня. И Дюма отошел от театра, чтобы открыть для себя жанр повести и рассказа, а затем исторического романа. Один или с помощью «литературного негра» Огюста Макэ он создал «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо», «Королеву Марго», «Двадцать лет спустя», «Шевалье де Мезон-Руж», «Графиню де Монсоро», «Жозефа Бальзамо» и «Сорок пять» (эти восемь романов написаны меньше чем за четыре года, с 1844 по

1847-й).

Но не следует думать, будто он в то время только писал. В его жизни большое место занимали друзья – Виктор Гюго, Альфред де Виньи и герцог Фердинанд Орлеанский. К тому же еще женщины. Сколько внебрачных детей Дюма оставил повсюду, но признал лишь старшего, Александра, и то с семилетним опозданием. А, кроме того, еще путешествия, охота на косуль, сеансы спиритизма, интерес к недвижимости…

В июле 1830 года Дюма вместе с восставшими стрелял, воздвигал баррикады на улицах Парижа. Когда народ волнуется, писатель не может оставаться в стороне. Дюма был республиканцем, но это не мешало ему дружить с аристократами и восхищаться империей, сочувствовать представителям младшей (Орлеанской) ветви династии Бурбонов, и, как и Виктор Гюго, встать на сторону Луи-Наполеона Бонапарта в 1858 году, а затем не отойти от него, предвидя революцию. Он симпатизировал Трем Славным революциям. Правда, в 1848 году писатель выдвигал на парламентских выборах свою кандидатуру от лагеря умеренных, но не прошел.

Известно, во что обошлась ему эта свобода, которой он пользовался с безумной смелостью.

Жорж Санд назвала Александра Дюма «гением жизни». К этой прекрасной характеристике вполне можно было бы прибавить слова «… и любви».

Дюма мог иметь одновременно сразу нескольких любовниц, правда, он не требовал постоянства и от своих женщин. Однажды с ним произошел курьезный случай, который на следующий день обсуждал весь Париж.

Автор «Трех мушкетеров» жил на улице Риволи с Идой Феррье, актрисой, весьма легкомысленной особой, на которой он только что женился. Она занимала квартиру на втором этаже, а он – три комнаты на пятом этаже.

В один из вечеров писатель отправился на бал в Тюильри. Не прошло и часа, как он вернулся весь в грязи, прошел в квартиру своей жены и с ругательствами ворвался в спальню Иды. Оказалось, он поскользнулся и упал в грязь, настроение его было безнадежно испорчено, и он отказался от увеселения. Он взял бумагу, чернила и перо и углубился в работу.

Через полчаса дверь, ведущая в туалетную комнату, с шумом распахнулась, на пороге появился Роже де Бовуар, почти совсем голый, и сказал: «С меня хватит, я совершенно продрог!»

Изумленный Дюма, вскочив, с яростной бранью набросился на любовника своей жены. Как человек, привыкший писать для театра, он обрушил на его голову гневную тираду, которой сам

остался очень доволен. Наконец писатель решил сменить гнев на милость: «Я не могу выгнать вас на улицу в такую непогоду. Садитесь поближе к огню. Вы переночуете в этом кресле». И он снова уткнулся в свои бумаги.

В полночь он лег рядом с Идой и задул свечу. Через некоторое время огонь в камине потух, и он услышал, как у Роже де Бовуара стучат зубы от холода. Дюма бросил ему одеяло. Но это не помогло, неудачливый любовник пытался поворошить угли в камине. Тогда писатель разрешил ему лечь в постель. Бовуар не заставил себя ждать и устроился между Идой и Александром.

Утром Дюма взял руку Роже, опустил ее на интимное место супруги и торжественно провозгласил: «Роже, примиримся, как древние римляне, на публичном месте».

Дюма часто дарил своим любовницам непристойные эпиграммы и стихи собственного сочинения. Если дама обижалась, он успокаивал ее тем, что «все, что вышло из-под пера папаши Дюма, когда-нибудь будет стоить очень дорого».

Когда Дюма-отца навещал подросший Дюма-сын, что бывало не так уж и часто, в доме поднимался переполох, отец метался по комнатам, пытаясь спрятать в чуланах и комнатах для слуг многочисленных полуодетых женщин.

Вскоре между отцом и сыном возникло полное взаимопонимание. Насколько они сблизились, показывает беседа, которую случайно услышал один из общих знакомых. «Послушай-ка, отец, – сказал Дюма-младший, – но это уже просто скучно. Ты всегда даешь мне своих прежних любовниц, с которыми я должен спать, и свои новые туфли, которые я должен разнашивать».

«Так на что же ты жалуешься? – воскликнул удивленный отец. – Это же огромная честь. Это лишний раз доказывает, что у тебя большой фаллос и маленькая нога!»

Говоря о Дюма, трудно обойтись без цифр. Дотошные биографы подсчитали, будто у творца «Трех мушкетеров» было 500 любовниц; это впечатляет, но меньше количества созданных им произведений, которых всего 647. В Париже ходили легенды о бурном темпераменте Дюма; «Поговаривают о моих "африканских страстях"», – признавался он. Создатель бессмертного гасконца даже бравировал своей любвеобильностью: «Много любовниц я завожу из человеколюбия; если бы у меня была одна любовница, то она умерла бы через неделю».

Славы Александр Дюма – до кончика ногтей человек театра – прежде всего добился как драматург. Если верна старинная метафора, что мир – театр, то для Дюма на его подмостках всегда разыгрывалась увлекательная, вечно новая драма – драма любви. В любви и литературе он не изменял завету Вольтера: «Все жанры

хороши, кроме скучного». Среди множества пережитых писателем сердечных авантюр были трагедии и комедии, романтические мелодрамы и легкие веселые водевили. Поэтому большинство героинь его любовных романов – актрисы. В бесконечной пьесе о любви, в которой для него самым важным была захватывающая интрига страсти, Александр Дюма сумел сыграть все роли – от пылкого первого любовника до обманутого мужа.

Знаменитая актриса эпохи романтизма Мари Дорваль, подруга Дюма, удивлялась: «Ну где же ты так хорошо узнал женщин?» Теперь можно ответить на ее вопрос: он постиг их в жизни своим гением. Дюма понимал душу женщин, а самое главное – он их любил и всегда был благодарен им за любовь. Этот страстный донжуан имел доброе сердце, что чувствовали и ценили все его возлюбленные. Одна из них, Мелани Вальдор, после смерти Александра Дюма писала его сыну: «Если существовал мужчина, который был неизменно добр и великодушен, то это, конечно, твой отец».

…Приехав в 1823 году из своего родного городка Вилле-Котре в Париж, молодой Дюма поселился в доме на площади Итальянцев. Его соседкой оказалась добрая, милая и кроткая женщина – портниха Лор Лабе, которая была старше Александра на восемь лет. Мари-Катрин-Лор Лабе родилась в 1794 году в Бельгии, но родители ее были французами. До приезда в Париж она жила в Руане, где вышла замуж, но быстро разошлась с мужем, который был сумасшедшим. По свидетельству одного мемуариста, «Мари не была красавицей, но в ее лице сквозила какая-то прелесть, которая нравилась». Прелесть эта не ускользнула от пылкого провинциала, сумевшего быстро покорить сердце своей соседки. 27 июля 1824 года Лор Лабе подарила Александру Дюма сына Александра, который остался в истории литературы как автор романа «Дама с камелиями». Дюма-отец признал ребенка в 1831 году, но с матерью не поддерживал почти никаких отношений. Правда, в 1832 году он помог Лор Лабе открыть так называемый «кабинет для чтения» (на них в разгар романтизма была мода).

26 мая 1864 года Лор Лабе и Александр Дюма встретились в мэрии на бракосочетании их сына с княгиней Надеждой Нарышкиной. У Дюма-сына возникла мысль поженить престарелых родителей, но успеха он так и не добился.

Мари-Катрин-Лор Лабе скончалась в Париже 22 октября 1868 года.

3 июня 1827 года в салоне ученого и литератора Матье Вильнава Дюма познакомился с его дочерью Мелани Вальдор.

Судьба и личность Мелани романтичны. Она родилась в

Нанте 28 июня 1796 года, ее детство прошло в поэтичном поместье отца в Вандее. В феврале 1818 года внезапно умерла лучшая подруга Мелани, в брата которой она была безответно влюблена. От отчаяния она вышла замуж за лейтенанта Франсуа-Жозефа Вальдора, служившего в Нанте ком гарнизоне, у них родилась дочь. Но супруги не жили вместе; мужа служба бросала из гарнизона в гарнизон, а жена стала хозяйкой парижского литературного салона отца.

Дюма, с бешеной энергией, покорившей Париж, заодно покорил, но гораздо быстрее, за сто с небольшим дней, и 30-летнюю поэтессу, замужнюю даму с доселе безупречной репутацией. Известна даже дата, когда свершилось это: 23 сентября 1827 года; десятью днями раньше произошло бурное объяснение в любви – обе эти даты должны были быть высечены, согласно ее завещанию, на белом могильном мраморе.

Мелани – натура страстная, безумно ревнивая, романтичная – мечтала стать музой-вдохновительницей молодого таланта. Она поняла, что Дюма ждет великое будущее, и поощряла его стремление всерьез отдаться театру и поэзии. Мелани была очень талантливой женщиной и сама писала стихи, которые ее возлюбленный печатал в издаваемом им журнале «Психея».

Роман Мелани и Александра был бурным, грозовым и пылким; Мелани терзала ревность, потому что ее кумир не пропускал ни одной хорошенькой актрисы, которые оказались не способны «сопротивляться такой огромной любви». Одной из них была величайшая трагическая актриса Мари Дорваль, другой – актриса Белль Крельсамер. Последняя родила ему дочь.

Мечтала о ребенке от Александра и Мелани. У замужней женщины и вольнолюбивого Александра это стремление обзавестись совместным младенцем носило кодовое название «вырастить герань». Но случилась беда: герань сломалась. В 1830 году у нее случился выкидыш.

Несчастная женщина слегла от потрясения. Дюма успокаивал подругу: «Не терзайся из-за сломанной герани… Наши бурные объяснения привели к этому преступлению – потому что это было преступление».

В начале 1831 года произошел мучительный разрыв. Мелани угрожала покончить жизнь самоубийством (тогда и появилось завещание), писала своему любовнику умоляющие письма («О, как ты жесток! Какой позор моя любовь к тебе, и как я презираю себя!», «И вдали от тебя я думаю только о тебе»), однако Дюма остался непреклонным.

Писатель обессмертил Мелани Вальдор в своей самой прославленной драме «Антони», премьера которой состоялась 3

мая 1831 года. Автор пригласил на премьеру отвергнутую им возлюбленную. Герой драмы «Антони» в финале убивает замужнюю Адель, которую любит. Мужу жертвы он бросает самую знаменитую фразу французского театра XIX века: «Она не уступала мне, я убил ее!»

Дюма признавался, что перенес на сцену свой бурный роман с Мелани. «"Антони" – это пятиактная любовная сцена ревности и ярости. Антони – это я, но без убийства. Адель – это она…» – писал он.

Безутешная Мелани Вальдор после разрыва с Дюма вела светскую и литературную жизнь. Она писала стихи и романы, в 1841 году была поставлена ее пьеса «Школа девушек», где в одном из героев легко угадывается Дюма. Она была принята в салоне Виктора Гюго, переписывалась с Готье, Сент-Бевом и Флобером.

Ярая бонапартистка, Мелани Вальдор восторженно приветствовала государственный переворот Наполеона III, который произошел 2 декабря 1851 года. Она много писала в газетах под псевдонимом Синий Чулок; ее панегирики новому режиму обратили на себя внимание императора, который назначил ей пенсию 6000 франков.

Мелани Вальдор ненамного пережила Дюма. Она умерла весной 1871 года. После смерти автора «Антони» она писала Дюма-сыну: «Я никогда не забуду твоего отца».

30 марта 1830 года состоялась премьера пьесы Александра Дюма «Христина, или Стокгольм, Фонтенбло и Рим». На следующий день Дюма шел по площади Одеон. Неожиданно рядом с ним остановился фиакр, дверца распахнулась, и его окликнула незнакомая женщина: «Так это вы и есть месье Дюма?» – «Да, мадам». – «Прекрасно. Садитесь ко мне и поцелуйте меня… Ах, какой же вы талантливый и как хорошо вам удаются женские образы!»

Этой восторженной поклонницей молодого драматурга оказалась прославленная актриса французского театра эпохи романтизма Мари Дорваль.

Мари Дорваль (настоящая фамилия Делоне) родилась в 1798 году. Внебрачная дочь бродячих комедиантов, она в пятнадцать лет вышла замуж за актера Дорваля, который вскоре умер. Другой актер, Шарль Потье, привез Мари в Париж и устроил ее в театр «Порт-Сен-Мартен». Именно здесь, в 1823 году, юный Дюма впервые увидел на сцене Мари: она играла в мелодраме Шарля Нодье «Вампир».

Мари Дорваль исполняла роль Адели в шедевре Дюма «Антони». Актриса вознаградила автора за мастерство в

изображении женских характеров и стала его любовницей в конце 1833 года. Мари в шутку называла Александра Дюма «мой добрый пес». «Это была дружеская, я бы даже сказал, любовная кличка, которую мне дала Дорваль, – писал он в «Мемуарах». – И "добрый пес" остался ей предан до конца».

Связь их продолжалась недолго. Мари решила не огорчать изменой влюбленного в нее поэта Альфреда де Виньи, а Дюма – Иду Феррье.

20 мая 1849 года умирающая, впавшая в бедность Мари Дорваль призвала к себе Дюма и умоляла его не допустить, чтобы ее схоронили в общей могиле. Дюма исполнил последнюю волю актрисы (Дорваль желала быть похороненной рядом со своим внуком Жоржем), для чего продал свои ордена. В 1855 году Александр Дюма написал книжку «Последний год Мари Дорваль» (посвящена Жорж Санд): на вырученные деньги он купил в вечное владение участок на кладбище и воздвиг своей подруге надгробие.

В 1839 году Александру Дюма было тридцать семь лет; он уже десять лет был парижская знаменитость, но до «Трех мушкетеров» оставалось еще пять лет. Семь лет Дюма жил с актрисой Идой Феррье. В том же 1839 году писатель имел неосторожность познакомить на балу свою любовницу с герцогом Орлеанским, сыном короля Луи-Филиппа. «Разумеется, мой дорогой Дюма, представить мне вы могли только вашу жену», – любезно заметил герцог. Дюма понял прозрачный намек и решил… жениться. Подписание брачного контракта состоялось 1 февраля 1840 года; свидетелями со стороны жениха были сам великий Шатобриан и член Французской академии Вальмен. Этот странный брак изумил весь Париж, который знал, что у Дюма есть сын и дочь от разных женщин, а кроме того – бесчисленные любовницы. По другой версии, единственная официальная женитьба Александра была результатом шантажа. Ида Феррье, актриса, попросила сообщника скупить все долговые расписки начинающего писателя и великодушно предоставила ему выбор, жениться на ней или угодить в тюрьму за неуплату долгов.

Маргарита-Жозефина Ферран (по сцене – Ида Феррье) родилась в Нанси 31 мая 1811 года. Когда ей было семнадцать лет, отец умер, оставив семью в тяжелом положении. Девушка, получившая хорошее образование и усвоившая азы драматического искусства в маленьком театре при пансионе в Страсбурге, решила «завоевать Париж», куда и переехала к своему брату, который контролировал маленькие театрики в столичных пригородах. Под псевдонимом Ида она дебютировала в театре Бельвиля, получая 50 франков в месяц. Ида быстро нашла себе

богатого покровителя Жака Доманжа, который именовал себя ее опекуном; он снял ей квартиру в Париже и устроил в театр «Нувоте».

Впервые Дюма увидел Иду в декабре 1831 года: юная актриса репетировала в его пьесе «Тереза». Тогда Ида была пухленькой блондинкой с ослепительно белой кожей и голубыми глазами. Только к сорока годам она, по словам одной мемуаристки, «стала толстой, как гиппопотам». 6 февраля 1832 года с большим успехом прошла премьера; Ида, бросившись в объятия Дюма, воскликнула: «Я просто не знаю, как вас благодарить!» Прославленный драматург – у него тогда была связь с актрисой Бель Крельсанер, которая родила ему дочь Марию-Александрину, – не отказался вкусить прелестей дебютантки.

Несколько лет Ида потратила на то, чтобы завоевать своего ветреного любовника. В 1836 году она окончательно поселилась у Дюма. Ида очень любила дочь Дюма, но терпеть не могла Дюма-сына.

Мемуаристы рисовали малопривлекательный портрет единственной законной жены Дюма. «На земле Ида любила только себя и больше никого», – писала графиня Даш. Ида – женщина страстная, но расчетливая – была особой капризной и ревнивой. Она беспрестанно устраивала Дюма сцены и ссоры. Занималась она главным образом своими туалетами и посвящала все время заботе о собственной красоте. Актерский ее талант был невелик, и в 1839 году она оставила сцену.

Мадам Дюма не долго была верна своему знаменитому супругу. В 1841 году она встретила знатного сицилийского вельможу, князя Виллафранка, и стала его любовницей. В октябре 1844 года Александр Дюма и Ида Феррье расстались. Умерла Ида Феррье сорока восьми лет от роду в Генуе, унеся с собой в могилу, говоря словами князя, «половину его души». Но Александр Дюма навсегда вычеркнул ее из своего сердца.

Незабываемой для Дюма стала встреча с итальянской актрисой Фанни Гордоза. Первый муж Фанни так устал от ее сексуального аппетита, что заставлял ее носить обвязанное вокруг талии мокрое холодное полотенце, чтобы хоть как-то охладить жар любовный. Дюма же не испугался страстной актрисы, и полотенце ей завязывать больше не приходилось. Дюма, впрочем, вскоре выставил Фанни из дому: она, связавшись с учителем музыки, тем не менее ревновала его к другим женщинам.

Дюма объехал Италию, сопровождаемый Эмилией Кордье, которую он называл «мой адмирал». Днем она одевалась и выдавала себя за мальчика. Впрочем, об этом маскараде все

знали. Вскоре «мальчик» оказался беременным. У «адмирала» в положенный срок родилась дочь Микаэлла, которую Дюма нежно любил. К большому огорчению, Эмилия не позволила Дюма официально объявить о своем отцовстве.

Затем Дюма развлекался со знаменитой танцовщицей Лолой Монтес, чьи выступления шокировали женщин и восхищали мужчин. Лола добавила Дюма к длинной череде своих знаменитых любовников, проведя с ним лишь две ночи. Сделала она это, впрочем, с необыкновенным изяществом.

Летом 1866 года весь Лондон сходил с ума от американской актрисы-наездницы Ады Менкен, которая играла в цирковой драме «Мазепа», созданной по мотивам поэмы Байрона. Затянутая в трико телесного цвета, Ада, привязанная к лошади, галопом проносилась по арене: это тогда именовалось «эротико-конными трюками».

Из Лондона она приехала в Париж и покорила французскую столицу, играя те же трюки в пьесе «Пираты саванны». Когда Дюма пришел в артистическую выразить восхищение отважной актрисе, Ада Менкен бросилась на шею к старому писателю. Дюма ввел ее в мир литературной и светской богемы Парижа, обещал написать ей пьесу по роману Вальтера Скотта «Монастырь», возил на ужины в Буживаль. И стареющая знаменитость Александр Дюма согласился сфотографироваться с Адой Менкен в весьма фривольной позе. Эти снимки сделал фотограф Лебьер, которому Дюма был должен. Предприимчивый мастер художественной фотографии, стремясь вернуть свои деньги, пустил в продажу эти открытки, которые были выставлены во всех парижских витринах. Это фото привело в восторг юного Поля Верлена, который написал стихотворение, где есть такие строчки: «Дядя Том с мисс Адой – зрелище, о котором можно лишь мечтать».

Но дочь Дюма, Мария, была другого мнения: она делала все возможное, чтобы изъять открытки из продажи. Александр Дюма судился с Лебьером, и наконец 24 мая 1867 года фотографии из продажи исчезли.

Со своей стороны Дюма-сын заклинал отца не афишировать скандальную связь с эксцентричной американкой, которая уже успела четырежды побывать замужем. Но Дюма не внял благоразумию. В июле 1868 года он снова встречался в Гавре с Адой, которая возвращалась из гастролей в Англии.

Судьба Ады Менкен оказалась трагичной. Она внезапно заболела и 10 августа 1868 года умерла от острого перитонита. На кладбище Пер-Лашез ее провожали горничная, несколько актеров и… любимая лошадь.

В сохранившемся письме Дюма к Аде Менкен автор «Графа Монте-Кристо» писал: «Если верно, что у меня есть талант – то верно, что у меня есть любовь, и они – принадлежат тебе».

В 1870 году Александр Дюма вновь, в двадцатый раз в жизни, разорился. «Мне делают упреки в том, что я был расточителен, – говорил Дюма перед смертью своему сыну. – Я приехал в Париж с двадцатью франками в кармане. – И, указывая взглядом на свой последний золотой на камине, закончил: – И вот, я сохранил их. Смотри!» Через несколько дней, 5 декабря, его не стало. Писатель прожил бурную жизнь. Наслаждался и работал, жил на широкую ногу и трудился не покладая рук. Натуры заурядные вынуждены выбирать, чем довольствоваться. Он же брал от жизни все.

ОНОРЕ ГАБРИЭЛЬ РИКЕТИ МИРАБО (1749—1791)

Один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции. Граф. Избирался в Генеральные штаты от 3-го сословия (1789). Приобрел популярность обличениями абсолютизма. По мере развития революции Мирабо, сторонник конституционной монархии, стал лидером крупной буржуазии. Тайный агент королевского двора (1790—1791).

Великий трибун был очень некрасив. Лицо его было изъедено оспой. Тем не менее он пользовался необыкновенным успехом у женщин, которые не замечали его уродства, а видели в нем гения, а в словах и движениях – поэтическую душу и сильные страсти. Мирабо, возможно, стал бы величайшим поэтом Франции, если бы его не увлекли идеи революции.

Любовная карьера Габриэля началась в тринадцать лет: во время игры в прятки он лишил девственности дочь своего наставника. Впоследствии благодаря своему бурному темпераменту он совершил подвиги, о которых население Экса вспоминает до сих пор.

В восемнадцать лет ему пришлось покинуть свой полк: пообещав одной девице жениться, он вступил с ней в связь. Вспыхнул грандиозный скандал, и рассерженный маркиз де Мирабо потребовал, чтобы сына ради чести семьи на какое-то время упрятали в крепость острова Ре. Затворничество не усмирило темпераментного кавалера – ему удалось соблазнить сестру стражника…

Однако через несколько месяцев Габриэль заскучал. Он подал просьбу и получил разрешение участвовать в экспедиции на Корсику. Отец поставил ему одно условие: он будет носить имя Пьер Бюффье, пока не окажется достойным носить имя де Мирабо.

В апреле 1769 года в чине младшего лейтенанта Габриэль высадился на корсиканской земле. Однако военные баталии не слишком интересовали Габриэля, – его взор загорался лишь при виде молоденьких местных жительниц. Он начал с того, что стал любовником очаровательной девушки по имени Мариа-Анжела.

Продолжая делить с ней ложе, он вскоре увлекся молодой женщиной, некоей мадам С., принадлежавшей к крупной корсиканской буржуазии. На этот раз дама сама сделала первые шаги к сближению… Они встречались в невысокой башне

монастыря, куда Мирабо попадал при помощи веревочной лестницы. «На этот раз я встретил настоящую, пылкую итальянку», – говорил он…

Однажды ночью Мариа-Анжела, с которой он продолжал встречаться, нашла в его кармане записку от мадам С. Она тотчас же написала сопернице письмо и назначила ей свидание. Женщины встретились, и состоялась дуэль на… стилетах. В результате обе получили ранения. «Мое объяснение с обеими возлюбленными напоминало грозу», – признавался Габриэль.

Мариа-Анжела вознамерилась убить любовника, и тому пришлось укрыться от гнева разъяренной корсиканки в Бастиа, где он вскоре нашел утешение в объятиях распутной экономки Шардон. Затем он продолжил свое завоевание Корсики: по очереди он становился любовником экономки, вдовы, замужней женщины, «нескольких гризеток», жены булочника, дочери ростовщика, многих девиц и своей хозяйки. Наконец он познакомился с одной римлянкой по имени Карли, обладавшей поистине вулканическим темпераментом.

По возвращении с Корсики Габриэль поселился в замке Мирабо, куда вскоре приехала его сестра, недавно вышедшая замуж за маркиза де Кабри. После семилетней разлуки Луиза предстала перед ним «в блеске искрящейся молодости и неповторимой нежности выразительных черных глаз, с тем видом благородства, который встречался лишь в античности, с прелестным станом и гибкостью, изяществом, чарующим соблазном, свойственными ее полу» (из письма Мирабо).

Как и другие женщины, она попала под магнетическое воздействие этого прирожденного соблазнителя. Сблизившись, брат и сестра не испытывали угрызений совести, чего нельзя сказать о жителях Экса, вскоре заговоривших об этой непристойной связи. Маркизу де Кабри называли развратницей. А сам Мирабо через шесть лет, пытаясь оправдать себя, написал, что Луиза была «Мессалиной и проституткой».

В 1771 году Мирабо покинул фамильный замок и направился в Париж. В столице он с неистовством бросился на завоевание придворных дам и стал любовником бесчисленного множества красавиц. Впрочем, все были для него хороши: маркизы, горожанки, куртизанки, служанки… Жажда обладания толкала его на связь с любой миловидной женщиной, что позволяло «погасить на несколько секунд без конца возникающий вновь огонь желания».

В книге «Из воспоминаний о Мирабо» приведены такие слова Лука де Монтини: «Неутолимая страсть к женщинам объясняла его бесчисленные связи, скорее мрачная связь, чем преступная, –

она была в некотором роде непроизвольная, совершенно физическая, рожденная, мучила его всю жизнь и проявлялась еще несколько часов после смерти. Это, безусловно, странный, но факт».

…Давно уже версальские дамы ожидали такого мужчину. Самые пугливые, верные, добродетельные особы сгорали от нетерпения удовлетворить свои желания. Любовницами Мирабо побывали почти все придворные дамы. Среди соблазненных оказались мадам де Гемене, де Каруж, де Бермон, де ла Тур, дю Рэн и даже сверхблагоразумная де Ламбаль…

В конце 1771 года Мирабо покинул Версаль, оставив шестьдесят семь восхищенных им женщин, и вернулся в Прованс. Здесь он решил жениться на 20-летней Эмилии де Кове, единственной дочери маркиза де Мариняна, владельца золотых приисков. Девушка не отличалась красотой, однако богатство с лихвой компенсировало этот недостаток. Мирабо сообразил, что для победы необходимо поторопиться. Он встретился с Эмилией, соблазнил ее, стал ее любовником и позаботился о том, чтобы это стало общеизвестным…

23 июня 1772 года любовники отпраздновали в Эксе свадьбу. Однако этот союз был обречен: Мирабо изменял Эмилии со всякой попадающейся под руку женщиной. Да и новобрачная вскоре обзавелась любовником. К тому же у супругов возникли проблемы с деньгами: Габриэль, любитель роскоши, занимал огромные суммы у ростовщиков. Счета, разумеется, он не мог оплатить. В 1773 году у него было 220 тысяч ливров долга, кредиторы осаждали его дом.

Молодой граф, желая избежать скандала, попросил у министра де ла Врийера выдать ему королевский указ о заточении без суда и следствия, что сделало бы его недосягаемым и прекратило бы всякие преследования. Министр был другом семьи Мирабо, и Габриэль без труда получил разрешение выехать в фамильный замок, где он принялся торговать отцовским состоянием. Рассерженный маркиз де Мирабо отослал своего сына в Маноск. Габриэль недолго там оставался, – за драку с бароном де Вильнев он был заключен в замок Иф.

Однако и там соблазнитель не остался без развлечений. Он становится любовником жены стражника мадам Муре. Она была в восторге от любовных талантов Габриэля и решила бежать с ним за границу. Поощряемая Мирабо, она украла сбережения своего мужа, четыре тысячи ливров, и укрылась у маркизы де Кабри, но ее вскоре нашли. А Габриэля к концу мая 1775 года перевели в замок Жу.

Как только комендант де Сен-Морри разрешил Мирабо

совершать прогулки, тот бросился на поиски любовницы и через несколько дней в его объятия попала Жанна Мишо, сестра королевского прокурора. Они встречались в маленькой служебной комнатке на втором этаже, стараясь не возбудить подозрений в семье…

Летом Людовик XVI вступил на престол. Вся страна шумно и радостно праздновала это событие. Де Сен-Морри организовал ужин в честь Людовика XVI, изменивший все существование Мирабо. На ужине присутствовала Софи де Монье, очаровательная супруга первого почетного председателя графской палаты Доля. Настоящее имя Софи было Мария-Тереза Ришар де Рюффей. Она вышла за маркиза против воли и уже несколько лет томилась в оковах ненавистного и несчастного брака, не имея к тому же ребенка.

Мирабо и Софи полюбили друг друга с первого взгляда. В отличие от Мирабо, Софи была красавицей: изящной, нежной, сладострастной. Ее слова проникали в сердце, точно тихий ручей. Мирабо стал ее вскоре называть Софи, а себя Гавриилом. Любовь к Софи Мирабо прославил в своих знаменитых письмах. Во время заточения в Венсеннской башне, он писал: «Каждая ночь теперь напоминает мне какие-нибудь события из нашей любви. Часто иллюзия столь правдива, что я слышу тебя, вижу, касаюсь… Ведь речь идет о том дне, когда ты согласилась осчастливить меня. Мне все было рассказано в мельчайших подробностях. Мой бог! Я до сих пор дрожу от любви и желания, когда думаю об этом. Твоя голова на моем плече, твоя прекрасная шея, твоя белоснежная грудь, которую я в исступлении ласкал. Твои прекрасные глаза закрываются. Ты дрожишь, Софи… Посмею ли я? О друг мой! Составишь ли ты мое счастье? Ты ничего не отвечаешь. Ты прячешь лицо у себя на груди. Желание снедает тебя, а стыдливость не прекращает мучить. Я сгораю от желания. Я надеюсь. Я рождаюсь. Я беру тебя на руки… Бесполезные усилия! Паркет выдает мои шаги… Я пожираю тебя – и не могу насытиться тобой… Какие минуты! Какое наслаждение! Я опускаю тебя на кровать, которая с тех пор стала свидетелем моего счастья и торжества».

Эта всепоглощающая страсть не помешала написать ему «Очерк о деспотизме», опубликованный в Швейцарии. Произведение было отнесено к крамольным, и де Сен-Морри запретил Мирабо покидать стены крепости.

Однако Мирабо удалось выпросить разрешение посетить бал, устраиваемый де Монье. Несколько дней он скрывался в доме любовницы, а 25 февраля 1776 года Габриэль выехал ночью в Дижон, где вскоре к нему присоединилась и Софи. Счастье их

было недолгим: во время бала Мирабо, который представился маркизом де Лансордура, узнали. Он был арестован, однако ему удалось бежать из Дижона в Тонон.

Молодая женщина в течение трех месяцев ждала посланцев возлюбленного. Наконец 24 августа ее переправили за границу, где она встретилась с Габриэлем. Под именем маркиза и маркизы де Сен-Матье они направились в Голландию.

Мирабо, не имея средств к существованию, стал зарабатывать на жизнь в революционно настроенных изданиях. Он написал памфлет «Немецкие правители продают Англии свой народ», имевший огромный успех.

14 мая 1777 года Габриэля и Софи выследили и препроводили в Париж, где им было объявлено о заочном решении суда. Мирабо приговорили за побег и обольщение Софи к смертной казни, а Софи – к лишению всех прав в качестве жены или вдовы маркиза Монье, пожизненному содержанию под арестом в Мезансонсе, штрафу в 10 луидоров и позорному ношению внешних знаков проституток: одежды из волосяной ткани и подстриженных волос. Мирабо должен был также уплатить штрафы и возместить судебные издержки. София хотела отравиться, но Габриэль умолял ее отказаться от этой страшной мысли.

Ее отправили в монастырь, откуда она начала писать пламенные письма к возлюбленному, заключенному тем временем в Венсенне. Наконец отец Мирабо смягчился и заявил, что простит сына, если тот откажется от Софи. Габриэль условия этого не принял и, представ вновь перед судом в Понтарлие, произнес замечательную речь. В результате ему был вынесен оправдательный приговор, а Софи избежала позорного наказания.

Молодая женщина была беременна. До родов ей позволили находиться в исправительном заведении на улице Шарон. Мирабо заточили в Венсеннскую башню, откуда он вскоре нашел способ посылать Софи эротические пассажи. Она отвечала ему тем же.

По иронии судьбы в Венсеннском замке встретились двое мужчин, любовная жизнь которых имела много общего. В соседней камере находился маркиз де Сад, наводивший ужас на окружающих после известных скандальных оргий.

Если де Сад не вызывал особых симпатий, то Мирабо женщины просто обожали и относились с сочувствием к 27-летнему графу. Габриэль предпринял попытки соблазнить жен офицеров, служивших в крепости. Но выйти из камеры не было никакой возможности, тогда он… запел. Будущий пламенный оратор распевал провансальские романсы, пока одной из воздыхательниц не удалось проникнуть к нему в камеру.

Восхищенная его ласками, молодая женщина еще не раз приходила потом к нему.

Эти события не помешали Габриэлю продолжать переписку с Софи, которую после родов перевели в монастырь Жьен. Мирабо писал ей чуть ли не ежедневно.

В 1781 году, после трех лет заточения, Габриэлю удалось освободиться, он сразу же переоделся в костюм торговца образами и направился к Софи в Жьен. В ночь с 3 на 4 июля псевдоторговец благодаря участию одной монахини проник в монастырь, а затем и в келью своей возлюбленной. Увы, она так сильно изменилась, причем не в лучшую сторону, что Мирабо поспешил уехать. Через несколько дней несчастная получила письмо с известием об окончательном разрыве, что повергло ее в бесконечную тоску. В 1783 году она овдовела. Софи решила выйти замуж за капитана кавалерии, но незадолго до свадьбы молодой человек неожиданно скончался. Тогда Софи в отчаянии отравилась угарным газом. Мирабо узнал о ее смерти, когда поднимался на трибуну, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

Свободный Габриэль нашел новую любовницу – красивую, богатую актрису Сен-Юбертен. Какое-то время он находился на ее содержании. Эта связь позволила ему пожить в роскоши, которую он так любил, ничего не делать и оплатить некоторые долги.

В начале 1784 года у одной из своих подруг, маркизы, он встретил 19-летнюю голландку Генриетту-Амелию де Нера, дочь Онно Эвьера ван Харена. Очарованный ее красотой, Мирабо соблазнил ее. По привычке он предложил ей семейный союз. Обладательница солидного состояния не согласилась, и Мирабо смог продолжать приятную жизнь любовника. С новой любовницей он отправился в Голландию, затем на некоторое время – в Лондон. Но как только ему вздумалось вернуться во Францию, он узнал, что французское правительство решило арестовать его на границе и снова заключить в тюрьму.

Де Нера отправилась в Версаль, где встретилась с бароном де Бретеем и просила за Габриэля. И вскоре Мирабо уже разгуливал по Парижу, где не хранил верность своей спасительнице. Он увлекся женой букиниста Леже. Амелия же продолжала нежно любить его и окружать своим вниманием. Увы, последние полгода совместной жизни стали настоящим адом для несчастной женщины. Мирабо угрожал ей, говорил, что она только притворяется его возлюбленной…

В 1788 году Мирабо продолжал вести бесцельную жизнь. Но в это время Людовик XVI решил созвать Генеральные штаты. Молодой провансалец сразу же понял, что у него появляется шанс

через политику добиться славы, о которой он мечтал. Он решил стать депутатом от Экса. Расходы на выборы оплатила, конечно же, преданная ему Амелия. В конце года Мирабо был избран от Экса и Марселя… Благодаря женщине ему было суждено войти в историю.

30 марта 1791 года изумленные парижане узнали, что Мирабо тяжело болен. Тысячи женщин немедленно устремились к дверям его дома на Шоссе-д'Антенн, чтобы узнать новости. 2 апреля, в восемь часов утра, вышедший к толпе лакей сообщил, что Мирабо умер.

По столице распространился слух об отравлении. Только потом стала известна истинная причина смерти великого трибуна. Мирабо умер, захотев проявить слишком большую доблесть в постели сразу с двумя дамами…

26 марта Мирабо устроил веселый ужин с мадемуазель Кулон, желавшей покорить его. Он пригласил ее к себе, а на следующий день отправился к госпоже Леже, своей любовнице, владелице букинистического магазина. Та устроила ему скандал, однако он ее любезно и успешно успокоил.

По мнению Бриссо, именно м-ль Кулон, танцовщица Оперы, известная своим страстным темпераментом, в компании с еще одной танцовщицей м-ль Элизберг лишили трибуна сил и приблизили его к смерти.

А ведь в это время Мирабо, приобретший необыкновенное влияние на Собрание сблизился с двором и вел тайные переговоры с королем, надеясь договориться о примирении. После его смерти революция была неизбежна…

ДЖОРДЖ ВИЛЛЕРС БУКИНГЕМ (1592—1628)

Младший сын сэра Джорджа Виллерса Бруксбайского. Герцог, фаворит и министр английских королей Иакова I и Карла I Стюартов. Генерал-адмирал армии Англии (с 1619). Играл видную роль как во внутренней, так и внешней политике государства. Осуждался парламентской оппозицией и пуританами как апологет абсолютистской политики. Убит армейским офицером.

Джордж Виллерс, впоследствии герцог Букингем, родился в семье бедного провинциального дворянина и его второй жены, Мэри Бомонд, служившей горничной при первой супруге. После смерти сэра Виллерса она осталась с четырьмя детьми без куска хлеба. Мэри, еще не потерявшая красоту и свежесть, снова вышла замуж, на этот раз за Рейнера – хворого, тщедушного старика, который вскоре умер. Вдова же вскоре сочеталась браком с сэром Томасом Комптоном, безобразным карликом, правда, богатым и без памяти влюбленным в Мэри. Последняя ради денег интриговала и без зазрения совести торговала своими прелестями. Самым преданным помощником в ее делах был доктор Лэм – астролог, маг, продавец косметических и приворотных снадобий и ядов, которыми снабжал знатных дам, желавших отделаться от надоевших мужей. Мэри была знакома также со многими гадалками, которые предсказали, что ее сына Джорджа Виллерса ждет блестящее будущее.

Мэри с детства внушала своему сыну, что красавцу, с изящными, грациозными манерами при дворе короля Иакова I можно без особого труда сделать карьеру. Иаков I любил красивых юношей… Наконец в один прекрасный день Мэри отправила сыновей – Джорджа и Джона в сопровождении слуги в столицу Англии.

Красавец, превосходный танцор, великолепный наездник, талантливый актер, Джордж обратил на себя всеобщее внимание светских барышень. Он не жалел денег на дорогие костюмы и появлялся на балах во всем блеске своего очарования, будто жемчужина в дорогой оправе.

В народном театре Кембриджского университета Виллерс играл женскую роль. Здесь на него обратил внимание король Иаков, удостоивший один из спектаклей своим присутствием. Представление имело успех, актеров несколько раз вызывали на сцену. Иаков, плененный красотою Джордж Виллерса,

познакомился с юношей, затем ласково потрепал по щеке.

Через несколько дней Джордж был произведен в рыцари, камергеры королевского двора с содержанием в 1000 фунтов стерлингов в год. Все враги и завистники Карла стали его друзьями; знатнейшие вельможи искали его расположения… Даже несчастный узник сэр Уолтер Рэли писал ему из темницы льстивые послания, а канцлер Бэкон давал советы, как родному сыну. Доктор Лэм занял при фаворите должность астролога. Через четыре года Виллерс, щедро награжденный поместьями, доходными местами, арендами, орденами, был уже виконтом, графом, маркизом: впоследствии и герцогом Букингемским, а на деле – правителем Англии и Шотландии!

Не удовлетворившись щедротами Иакова, Джордж Виллерс продавал места и королевские милости за взятки, которые брала вместе с ним и его мать. По его ходатайству сэр Уолтер Рэли был освобожден 17 марта 1617 года, за это бывший узник заплатил временщику 1200 фунтов стерлингов. Огромные деньги по тому времени! Во время правления Карла Англия находилась во враждебных отношениях с Испанией; с воцарением Виллерса они стали дружескими.

Мать временщика Мэри Виллерс (по третьему мужу леди Комптон) сосватала ему богатую невесту Катерину Маннерс, дочь графа Рутленда. Отец ее сначала не соглашался на брак, ибо Катерина была католичка, а Виллерс – протестант; но временщик, обольстив невесту, уговорил ее отца не только согласиться на свадьбу, но и на переход дочери в протестантство. Огромное приданое, выторгованное у графа матерью Виллерса, тем не менее показалось им недостаточным. Они пожелали завладеть дворцом государственного канцлера Френсиса Бэкона. Канцлер заупрямился и… подвергся опале.

Букингем проявил прозорливость, подчинив своему влиянию наследника Иакова I. Когда испанский посланник Гондомар предложил королю Иакову породниться с Филиппом IV через бракосочетание юного Карла с инфантой, доной Марией, Букингем сопровождал наследника в Мадрид, давал юноше советы, как завладеть сердцем инфанты, гордой дикарки, воспитанной в правилах крайнего ханжества и инквизиционной нетерпимости.

Когда же дальнейшие действия мадридского кабинета показали Иакову, что сватовство было только хитрой уловкой со стороны короля испанского, Букингем с не меньшим усердием начал хлопотать о женитьбе принца Карла на сестре французского короля Людовика XIII принцессе Генриетте.

В 1625 году герцог Букингем прибыл во Францию для

ведения переговоров о браке Карла I и Генриетты, сестры Людовика XIII.

Эта миссия, впрочем, служила ему лишь прикрытием: английский король поручил герцогу сформировать партию, которая поддерживала бы протестантов. Тонкий дипломат, он, естественно, пользовался для достижения своих целей услугами женщин.

Он сблизился с мадам де Шеврез, которая целый год была любовницей некоего британца, графа Холланда. Герцог Букингемский очень быстро вошел в круг ее ближайших друзей. От нее он и узнал, что молодая королева скучает и в глубине души мечтает о прекрасном принце. На другой день он увидел Анну Австрийскую и «испытал сильнейшее желание заключить ее в свои объятия».

Со своей стороны королева также не осталась нечувствительной к обаянию дворянина атлетического сложения, который, казалось, был наделен всеми качествами, которых был лишен Людовик XIII. Она, собственно, и не пыталась скрыть своего волнения, и Букингем это заметил.

Всем скоро бросилось в глаза, что герцог пускается на тысячи безумств, чтобы впечатлить королеву. Однажды вечером, во время праздника, устроенного кардиналом, он явился в бальном платье, украшенном множеством жемчужин, которые по его указанию были умышленно пришиты на живую нитку. В тот момент, когда он отвесил Анне Австрийской глубокий полон, эти драгоценности одна за другой оторвались и рассыпались по паркету. Придворные бросились собирать жемчужины и протягивать их герцогу. «Благодарю, – ответил он с очаровательной и чуть-чуть презрительной улыбкой, – оставьте их себе».

Этот жест позабавил королеву, которая так страдала от скупости Людовика XIII. Она даже призналась в этом герцогу во время танца. Когда музыка остановилась, пальцы их были сплетены, и они не спешили разъединить руки, глядя друг на друга пылающим взором и пренебрегая приличиями.

Последующие дни были сплошным разочарованием для Анны и Букингема. Оба думали, что им удастся спокойно предаться любви в какой-нибудь отдаленной комнате дворца и познать радость недозволенного счастья. Но они не учли ненависти Ришелье.

Кардинал, который явно не дремал с того самого момента, «как английский посол обратил внимание на прелести королевы», поручил нескольким своим людям следить за Анной Австрийской. И потому оба влюбленных так и не смогли предпринять ничего серьезного в течение тех двух недель,

которые ушли на переговоры. Ришелье был очень доволен, полагая, что опасность миновала. Ему вскоре пришлось разочароваться…

2 июня 1625 года принцесса Генриетта, которой предстояло отправиться к мужу, покинула Лувр в сопровождении Букингема, Марии Медичи, Анны Австрийской и огромной свиты, в которую входила мадам де Шеврез.

В Амьене будущая королева Англии должна была распрощаться с семьей. По этому случаю было организовано несколько праздников, и в один из вечером мадам де Шеврез с удовольствием взялась ради счастья подруги за ремесло сводницы и устроила небольшую прогулку в парк. Анна Австрийская осталась наедине с Букингемом.

Красавец англичанин пришел в такое смятение, что потерял голову и немножечко «злоупотребил» представившимся случаем. Взяв королеву на руки, он опустил ее на траву. Перепуганная такой грубостью, она стала отбиваться и звать на помощь. На крик сбежалась вся свита. Королева кинулась в объятия мадам де Шеврез и в присутствии несколько смущенного Букингема разразилась рыданиями.

Через несколько дней Генриетта покинула Амьен и направилась в Булонь, где ей предстояло сесть на корабль. Анна Австрийская следовала за ней в карете и в двух лье от города остановилась, чтобы попрощаться с ней. Во время их долгих объятий к ним подошел Букингем и раскланялся с королевой Франции. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга. Затем герцог заглянул сквозь дверцу кареты внутрь и произнес несколько слов. Наконец, он поклонился и присоединился к отъезжавшему в Англию кортежу.

Анна отправилась в Амьен. Волнение ее было так велико, что принцесса де Конти, ехавшая с ней в карете, по возвращении заявила: «Что касается нижнего пояса, я вполне готова поручиться за целомудрие королевы, но если говорить о верхнем поясе, то я не столь уверена, потому что слезы этого любовника не могли не пронзить ее сердце; а так как занавеска на какое-то мгновение скрыла от меня лицо королевы, я могу только предположить, что Ее Величество смотрела на этого человека с жалостью».

Как же велика должна была быть эта жалость, если Анна решилась, как утверждают некоторые историки, поцеловать герцога? Факт, в общем-то, невероятный и, главное, позволяющий объяснить взбалмошный, безрассудный поступок, который спустя несколько дней совершил явно ослепленный любовью Букингем.

Вот что рассказывала по этому поводу мадам де Мотвиль: «Страсть герцога Букингема толкнула его еще на одно смелое

деяние, о котором мне рассказала королева, а потом подтвердила и королева Англии, узнавшая об этом от самого герцога. Этот знаменитый иностранец после отъезда из Амьена был так поглощен своей страстью и истерзан болью разлуки, что пожелал непременно еще раз увидеть королеву, хотя бы на миг. А так как кортеж англичан в это время уже подъезжал к Кале, он для выполнения задуманного объявил, будто им получены от его господина – английского короля новые указания, вынуждающие его вернуться к французскому двору».

«Я должен отвезти важный пакет Ее Величеству королеве-матери», – сказал он. И, не вдаваясь в объяснения, покинул Генриетту, вскочил на лошадь и стремительным галопом возвратился в Амьен.

После краткого визита к Марии Медичи он поспешил к Анне Австрийской и попросил аудиенции. Ему объяснили, что королеве утром пускали кровь и что теперь она лежит в постели и принять его не может. Он настаивал и в конце концов после долгих уговоров был впущен в спальню королевы, где в этот момент находились еще и принцессы де Конде и де Конти. Анна лежала на огромной кровати с балдахином. При виде появившегося в дверях англичанина она не смогла сдержать улыбки и прошептала: «Какой безумец!..»

Однако, продолжала мадам де Мотвиль, «она была поражена, когда он опустился у ее постели и стал целовать край простыни с такой невиданной исступленностью, что невозможно было сомневаться: его сжигала та самая, жестокая и всепоглощающая страсть, лишающая разума всех, кого она коснулась».

В состоянии крайней экзальтации он разразился рыданиями и наговорил королеве «множество самых нежных слов». Взволнованная и одновременно смущенная столь бурным проявлениям чувств, Анна не знала, как ей держаться. Но тут вмешалась одна старая дама, графиня де Лануа, возмущенная поведением герцога: «Встаньте, месье! Подобные манеры не приняты во Франции».

«Я – иностранец, – ответил Букингем, – и вовсе не обязан соблюдать все законы вашего государства», – после чего снова принялся целовать простыни, тяжко вздыхая.

Пряча свои чувства, королева строгим тоном высказала герцогу упрек за то, что своей дерзостью он ее компрометирует. А затем, «гневаясь, но не очень», как отметила мадам де Мотвиль, она приказала ему встать и покинуть комнату. Англичанин поднялся с колен, отвесил глубокий и многократный поклон и удалился с потерянным видом.

На следующий день он еще раз увиделся с Анной

Австрийской в присутствии всего двора, попрощался и уехал, «полный решимости вернуться во Францию, и как можно скорее».

В то время Букингем пользовался большим влиянием и неограниченным доверием короля. Вот что писал панегирист Капфиг: «Король полюбил и удостоил своего доверия герцога Букингема, человека с умом любезным и твердым. Под маской ветреника и шутника он скрывал храбрость испытанную и решимость, необходимую для поддержки самодержавия… Букингем, охотник до удовольствий и изящных развлечений, был чрезвычайно мил с дамами: целовал затянутую в перчатку руку герцогини Портсмут точно так же, как, бывало, покрывал поцелуями колени мисс Стюарт или строил ей карточные домики; как сочинял стишки и комедии для мисс Гвин, прелестной и прихотливой актрисы, прежней фаворитки короля. У него было убеждение, что, для того чтобы управлять народом, не следует вести себя подобно строгому траписту и подвергаться лишениям монашеским; правительство должно руководить пороками своего времени, представляя моралистам труд исправлять нравы».

Тем временем Букингем с интересом следил из Лондона за событиями во Франции. И когда узнал, что королева живет чуть ли не отдельно от Людовика XIII, вновь обрел надежду.

С некоторого времени он поддерживал связь с протестантами Ла-Рошели, подчинения которой Ришелье добился год назад, и теперь крепость ждала лишь подходящего случая, чтобы помочь войти английскому флоту в Бретонский пролив.

Когда в начале 1627 года у кардинала снова начались трения с ларошельцами относительно форта Ре, Букингем во всеуслышание заявил, что Англия никогда не допустит преследования французских гугенотов, и убедил Карла I послать войска на континент.

27 июня герцог покинул Потсмут во главе флота из ста кораблей, взявшего курс на Ла-Рошель. «Это святая война», – говорил он.

В действительности же это был всего лишь предлог, чтобы вновь увидеть свою дорогую Анну Австрийскую.

22 июля вместе с пятью тысячами солдат и сотней лошадей он высадился на остров Ре. К ним явились знатные сеньоры гугеноты и с энтузиазмом стали записываться в британские полки. Разгоралась страшная война, грозившая пошатнуть королевскую власть.

На протяжении многих недель обеспокоенный Ришелье делал все возможное, чтобы помешать англичанам войти в Ла-Рошель. Тысячи людей погибли в результате длительных кровопролитных боев, и все ради любви Букингема к королеве Франции.

Военные действия продолжались все лето, и во время одного из сражений был взят в плен г-н Сен-Сервен. Букингем попросил привести его в свою комнату. Войдя к нему, французский дворянин сразу увидел портрет Анны Австрийской, висевший над кроватью англичанина.

«Месье, – сказал герцог, – поезжайте и скажите королеве, что вы здесь видели, а де Ришелье передайте, что я сдам ему Ла-Рошель и откажусь от войны с Францией, если он согласится принять меня в качестве посла». После чего приказал отпустить г-на Сен-Сервена, и тот отправился с этим предложением к кардиналу.

«Если вы произнесете еще хоть слово, – сказал тихо кардинал, – я прикажу отрубить вам голову». Сен-Сервен перевел разговор на другую тему.

Наконец 17 октября Ришелье удалось прогнать англичан с острова Ре. И если он не стал хозяином Ла-Рошели, то, по крайней мере, одолел своего соперника.

Букингем возвратился в Лондон и в течение десяти месяцев тщательно подготавливал свой реванш. Собрав довольно внушительный флот, он вновь собирался отплыть во Францию, но 28 августа 1628 года офицер по имени Джон Фелтон убил его в Портсмуте ударом ножа.

Это убийство посеяло панику в рядах защитников Ла-Рошели, и через несколько недель, 28 октября, они сдались Ришелье. Победивший и отомщенный кардинал пышно отпраздновал свой триумф и организовал шумное веселье в городе.

Пока армия веселилась, в Лувре одна женщина проливала горькие слезы. Узнав о смерти Букингема, Анна заперлась у себя в комнате и никого не принимала.

Всю оставшуюся жизнь она хранила воспоминание об этой безумной любви, чуть было не ставшей причиной новой Столетней войны…

РИХАРД ВАГНЕР (1813—1883)

Немецкий оперный композитор. Автор опер «Летучий голландец» (1840—1841), «Тангейзер и состязания певцов в Вартбурге» (1843—1845), «Лоэнгрин» (1848), «Кольцо нибелунга» (1848—1874), «Тристан и Изольда» (1857—1859), «Парсифаль» (1877—1882) и др. Основал оперный театр «Фестшпильхауз». Мировым шедевром признана тетралогия «Кольцо Нибелунга» (1876). Руководил Дрезденским оперным театром (1842—1848).

Вильгельм Рихард Вагнер родился 22 мая 1813 года. Всего в семье было девятеро детей, но двое умерли в раннем возрасте. Отец скончался в год рождения Рихарда. По желанию отца, страстного театрала, старшая дочь Розалия стала актрисой: в 16 лет она дебютировала в Лейпцигском театре; другая дочь, Луиза, с десяти лет выступала на сцене и также посвятила себя театру; третья дочь, Клара, рано сформировалась как превосходная певица и в 16 лет с успехом исполнила в театре итальянской оперы в Дрездене роль Золушки в одноименной опере Россини. Старший сын Альберт готовился посвятить себя медицине, но любовь к театру взяла верх, и он сделался певцом и режиссером. С театром был связан и отчим – актер, драматург и художник Людвиг Гейер, заменивший Рихарду отца.

Гейер взял на себя заботы о семье умершего друга. Он женился на матери Рихарда – простой, малообразованной, но веселой и мужественной Иоганне-Розине, урожденной Бестц – и увез семью из Лейпцига в Дрезден. Рихард очень любил Гейера и считал его своим отцом. Всю жизнь он вспоминал о нем с благодарностью. На письменном столе Вагнера стоял портрет Гейера, стену украшал другой его портрет вместе с портретом горячо любимой матери, а над дверью висел герб, придуманный самим Вагнером и изображавший коршуна («Geier» по-немецки – «коршун»).

Гейер был первым, кто высказал догадку о пути, по которому пойдет жизнь Рихарда. Накануне своей смерти он просил мальчика сыграть ему на рояле хор из оперы «Вольный стрелок» Вебера; слушая игру 8-летнего Рихарда, Гейер внезапно сказал жене: «Быть может, у него талант к музыке?..»

Вагнер решил посвятить себя музыке и твердо шел по этому пути. Он самостоятельно, без помощи учителей, изучил теорию композиции. В 1831 году поступил вольнослушателем в

Лейпцигский университет в качестве «студента музыки». В конце января 1833 года Вагнер отправился на поиски счастья в Вюрцбург, через год переехал в Лейпциг.

Музыкальный сезон 1834—1835 годов Вагнер провел в Магдебурге, где дирижировал в небольшом оперном театре. Дела театра шли плохо, несмотря на энергию нового дирижера, которого полюбили и публика, и артисты. Вагнер решил больше не возвращаться в Магдебург. Но встреча с Вильгельминой (Минной) Планер, очаровательной артисткой этого театра, заставила его проработать в Магдебурге еще сезон. Вагнер делал попытки пополнить труппу, обновить репертуар, но сборы продолжали падать, и многие артисты стали подыскивать себе новые места. Среди них была и Минна, уехавшая в Берлин. В полном отчаяния письме Вагнер умолял Минну вернуться и стать его женой: иначе – «я решил предаться пьянству, бросить всякую дальнейшую деятельность и как можно скорее отправиться к черту».

В 1836 году Минна стала женой Вагнера. Позже оказалось, что поспешный брак не принес счастья. Молодой, необеспеченный композитор, одержимый новыми грандиозными идеями, веривший в свое великое призвание, и красивая практичная женщина (старше его на 4 года), не любившая ни театра, ни искусства, были совершенно чужими людьми.

К тому же директор Магдебургского театра объявил себя банкротом. Перед закрытием театра Вагнер спешно поставил свою оперу «Запрет любви». Артисты только из уважения к нему взялись исполнить новое произведение. Однако на репетиции оставалось лишь 10 дней, партии разучивались наспех, все надежды возлагались на суфлера. На премьере, состоявшейся 29 марта 1836 года, публика с трудом могла что-либо понять. Вагнер хотел раздать зрителям отпечатанные либретто, но полиция потребовала изменить название оперы, которое ей показалось слишком вольным. Вагнер надеялся на успех второго спектакля, однако он не состоялся: в зале находилось 3 человека, а за кулисами муж примадонны устроил сцену ревности, завершившуюся дракой. Так закончилась сценическая жизнь второй оперы Вагнера – больше «Запрет любви» на сцене не появлялся.

С 1837 по 1839 год Вагнер жил в Риге. Он работал в театрах и брал уроки французского языка.

Вагнер не терял веры в свои силы, он был полон честолюбивых надежд, он мечтал покорить Париж, добиться успеха, славы, денег. «Это была дерзость артиста, – писал позже один из его друзей. – С женой, с половиной оперы, с маленьким

кошельком и со страшно большой, страшно прожорливой ньюфаундлендской собакой отправиться через море и бури от Двины прямо до Сены, чтобы стать знаменитым в Париже!..» Годы, проведенные в Париже, были для Вагнера, как и для молодых героев многих романов Бальзака, временем «утраченных иллюзий».

Положение Вагнера было катастрофическим. Все ценное было заложено в ломбарде и продано. Нередко он целый день бегал по городу – в холод, в туман, – чтобы добиться от кредиторов отсрочки уплаты долгов; однажды, вернувшись из такого похода, не раздобыв и пяти франков на обед, он застал Минну в слезах: в доме не осталось ни куска хлеба. Вагнер старался не терять мужества, друзья поражались его неистощимому юмору, но, когда заболела Минна и ему не на что было купить лекарство, Вагнера охватило отчаяние: «Помоги мне Бог, я больше не могу себе помочь. Я использовал все, все – последние источники голодающего… И я проклял свою жизнь; что же еще я могу сделать?» Не достав денег, Вагнер попал в долговую тюрьму и вышел из нее лишь через месяц…

В Париже Вагнер очень тосковал по родине и в 1942 году вернулся в Германию. «Триумф! Триумф!.. День настал! Пусть он светит вам всем!» – так писал Вагнер своим друзьям о премьере «Риенци» в Дрездене 20 октября 1842 года. Безвестный музыкант, погибавший в нищете в Париже, внезапно стал модным композитором, знаменитостью; газета поместила его автобиографию с портретом. Шумный успех роскошной «Риенци» был для Вагнера неожиданностью. Он получил место в одном из лучших в Германии Дрезденском театре. Но основные силы он отдает творчеству. После постановки опер «Риенци» и «Летучий Голландец» он написал еще две – «Тангейзер» и «Лоэнгрин».

Наряды Вагнера тоже были роскошными и утонченными: он предпочитал кружевные рубашки, атласные брюки и атласные шелковые халаты. Из-за любви к роскоши и финансовой безответственности Вагнер однажды провел ночь в долговой тюрьме.

В марте 1848 года в Германии началась революция. Вагнер приветствовал ее, но вскоре восстание потерпело поражение. Композитор вынужден был бежать из Германии в Швейцарию, где прожил девять лет.

Личная жизнь Вагнера не налаживалась. У Минны развивалась сердечная болезнь. Изо всех сил она старалась экономно вести хозяйство, а Вагнер тратил много и нерасчетливо. Не находя удовлетворения своим художественным запросам, вдали от родины, оторванный от привычной бурной

деятельности, лишенный возможности видеть поставленными свои оперы, не получая импульсов для творчества извне и вместе с тем продолжая упорно творить, Вагнер нуждался в покое, домашнем уюте. Он все больше стремился к роскоши, не соответствовавшей его скудным средствам, – пышно обставил квартиру, отправился путешествовать в Альпы, затем в Италию, ездил развлечься в Париж, где пользовался благосклонностью знаменитой куртизанки Павии. Он познакомился с Джесси Лоссот, прекрасной 21-летней англичанкой, чей муж оказал композитору безвозмездную финансовую помощь. Джесси поразила композитора красотой и умом. Они даже собирались вместе отправится в Грецию. Однако об этом узнал ее муж и пригрозил убить Вагнера. Мистер Лоссот увез жену с собой. Вагнер пытался их преследовать, но муж Джесси обратился за помощью в полицию, после чего композитору пришлось отступить. Однако Рихард продолжал наслаждаться жизнью. Обеспечить возможность вести такую жизнь, по мнению композитора, должны были его друзья и поклонники.

Около Вагнера образовался кружок преданных друзей. С годами их становилось все больше. В Цюрихе нередко гостил Лист, здесь поселился архитектор Земпер, бежавший после разгрома дрезденского восстания в Англию (где его и нашел Вагнер во время поездки в Лондон), поэт Гервег – также политический изгнанник.

В августе 1857 года младшая дочь Листа, Козима, стала женой Бюлова. Вскоре молодые супруги отправились погостить к Вагнеру. Композитор жил тогда в «Приюте на Зеленом холме» – в домике, построенном специально для Вагнера богатым купцом Отто Везендонком рядом с его виллой, в живописной местности близ Цюриха. Козима, очень похожая внешне на Листа, вызывала всеобщее восхищение друзей Вагнера; Гервег посвятил ей стихи. А Вагнер вспомнил, что еще четыре года назад, провожая Листа в Париж, он встретился там на семейном вечере с его детьми – двумя дочерьми и сыном. О Козиме, которой тогда не было еще 16 лет, сохранил смутное воспоминание: дочери Листа произвели на Вагнера впечатление очень застенчивых подростков, и он, кажется, даже не запомнил их имен. Зато теперь Вагнер писал в восхищении: «Если вы знаете Козиму, то согласитесь со мной, что юная пара создана для всяческого счастья, какое только возможно. При большом уме и действительной гениальности в этих человечках столько легкости, столько порыва, что с ними можно чувствовать себя только очень хорошо». Козима действительно принесла «счастье, какое только возможно», но не Бюлову, а Вагнеру…

Однако в 1857 году композитор еще не предчувствовал, что этой женщине, моложе его на 24 года, суждено стать его последней и подлинной любовью. В те годы Вагнер был охвачен пылкой страстью к Матильде Везендонк. Их знакомство произошло в начале 1852 года в Цюрихе. Отто Везендонк, зная стесненное материальное положение композитора, предложил ему свое гостеприимство. Вагнер сразу влюбился в его жену: 24-летняя Матильда отличалась редкой красотой, обаянием, поэтическим складом души. Она сочиняла стихи, тонко чувствовала музыку и преклонялась перед гением Вагнера. «Лучшее, что я знала, – вспоминала впоследствии Матильда, – я получила от Вагнера». В свою очередь Рихард писал ей:

«А моя милая муза все еще вдали? Молча ждал я ее посещения; просьбами тревожить ее не хотел. Муза, как и любовь, осчастливливает свободно. Горе глупцу, горе нищему любви, если он силою хочет взять то, что ему не дается добровольно. Их нельзя приневоливать. Не правда ли? Как могла бы любовь быть музою, если бы она позволяла себя принуждать?

А моя милая муза все еще вдали от меня?»

Он делился с ней художественными замыслами, читал свои статьи, написал ей в альбом фортепианную сонату и создал на ее тексты замечательные романсы – «Пять стихотворений для женского голоса». Вагнер посылал Матильде первые наброски возникавших у него музыкальных тем – из «Валькирии», «Зигфрида», «Тристана и Изольды», «Мейстерзингеров» и даже «Парсифаля». Она была его первой слушательницей: то, что Вагнер сочинял утром, по вечерам он играл Матильде. Любовью к Матильде Везендонк вдохновлена и одна из оригинальнейших опер Вагнера – «Тристан и Изольда». Эта опера, по словам композитора, – памятник глубочайшей неразделенной любви: «Хотя мне не дано было никогда испытать настоящего счастья любви, я все же хочу поставить памятник этой красивейшей утопии – такой памятник, в котором все, от первого до последнего штриха, будет насыщено любовью. В голове у меня бродит мысль о "Тристане и Изольде": простая, но полная вдохновения музыкальная концепция! Черным флагом, который веет в последнем акте, прикрою себя самого и – умру!» Матильда Везендонк сумела подчинить свое чувство к Вагнеру долгу перед мужем и семьей (к тому времени она была матерью троих детей). Отто Везендонк остался другом композитора и продолжал оказывать ему материальную помощь.

Минна Вагнер не верила, что отношения Матильды и ее мужа чисто платонические. Ее опасения подтвердились, когда она перехватила любовное письмо. Вне себя от ярости, Минна

устроила сцену сначала Рихарду, а затем и Матильде. Везендонк обо всем откровенно рассказывала мужу, поэтому была удивлена, что Вагнер не посвятил Минну в подробности их отношений. Она порвала с композитором и вернулась к мужу. Минна тоже уехала из дома Вагнера. После этого скандала они почти не жили вместе.

Жизнь композитора проходила в вечных скитаниях: Париж, Вена, Лейпциг, Петербург, Москва. В Мюнхене он стал любимцем короля Людвига II, известного своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. Монарх оплачивал все долги композитора и текущие расходы.

По желанию Вагнера для музыкального руководства его операми в Мюнхен был приглашен его друг и ученик Ганс Бюлов, под его управлением состоялась премьера «Тристана». Бюлов поселился здесь в конце июня 1864 года с женой, Козимой и двумя дочерьми. Пятидесятилетний Вагнер стал любовником госпожи фон Бюлов. За пять лет до этого Рихард увлекался старшей сестрой Козимы Бландин. Козима, живя в доме Вагнера в качестве его секретаря, старалась создать композитору семейный уют, которого он был так долго лишен. Брак ее с Бюловом оказался несчастливым, а любовь к Вагнеру зрела в ее душе давно. Женщина спокойного нрава, она не выносила резких выходок Ганса. Тем не менее сначала она жила и с мужем и Вагнером, но затем предпочла любовника.

Бюлов тяжело переживал измену жены и друга, которому был так предан. Узнав о происшедшем из случайно вскрытого письма Вагнера к Козиме, он глубоко затаил свое горе и ничего не сказал даже ближайшим друзьям.

И в этих условиях Бюлов продолжал верно служить делу Вагнера до тех пор, пока композитор покинул Мюнхен.

Поведение Вагнера глубоко оскорбило не только Бюлова, но и другого его верного друга – Листа, отца Козимы.

Покинув в 1865 году столицу Баварии, Вагнер надолго обосновался в Швейцарии. До весны 1866 года он жил на вилле вблизи Женевы, а в апреле поселился неподалеку от Люцерна, в Трибшене.

Но как непохожа была жизнь в Трибшене на первое «швейцарское изгнание» Вагнера! Шесть лет, проведенных здесь (1866—1872), были самыми спокойными и счастливыми в его бурной жизни. Кончились нужда и гнетущее одиночество. Рядом с ним была Козима, верный и преданный друг, человек сильной воли, настойчивости, энергии и честолюбия не меньшего, чем у Вагнера. На склоне лет он узнал счастье отцовства – один за другим рождались дети, которым композитор давал имена своих любимых оперных героев. Еще в Мюнхене, во время репетиций

«Тристана», появилась на свет Изольда, за ней – голубоглазая, златокудрая Ева, названная в честь герцогини «Мейстерзингеров», и, наконец, желанный сын, нареченный Зигфридом. Его рождение совпало с завершением оперы «Зигфрид»: «В тот день, когда у меня, счастливейшего, родился прекрасный сын, я окончил композицию "Зигфрида", прерванную одиннадцать лет назад. Неслыханный случай! Никто не поверил бы, что я это совершу… Только теперь предстоит мне жить в радости. Прекрасный, крепкий сын с высоким лбом и ясным взглядом, Зигфрид Рихард наследует имя своего отца и сохранит его творения миру», – писал Вагнер другу. Свои настроения этих дней он запечатлел в светлой и безмятежной музыке «Зигфрид-идиллии» для малого симфонического оркестра, которой предпослал стихотворное посвящение Козиме:

Пусть тот, кто ценит Зигфридов
обоих,
Вкушает звуков мир, рожденный для
тебя

Вагнер достиг всего – признания, славы, обеспеченного положения, счастья и любви. Смерть застигла его за работой. Композитор умер внезапно, от разрыва сердца. Его похороны сопровождались истинно королевскими почестями.

Козима в доказательство любви и преданности мужу отрезала себе волосы, которыми муж так восхищался, и положила их на красной подушке в гроб под его голову. Она пережила Вагнера почти на полвека и с большой энергией продолжала его дело; она умерла в 1930 году, девяноста трех лет от роду.

АЛЕН ДЕЛОН (род. в 1935)

Французский актер. В 1964 году основал кинокомпанию «Дельбо продюксьон», просуществовавшую год. С 1968 года – владелец фирмы «Адель продюксьон». Выступает как соавтор фильмов со своим участием. В 1981 году дебютировал в режиссуре. Основал авиакомпанию «Транс-юнион». Снимался в фильмах: «Рокко и его братья» (1960), «Затмение» (1962), «Леопард» (1962), «Черный тюльпан» (1963), «Двое в городе» (1973), «Зорро» (1974), «Месье Клейн» (1976), «Смерть негодяя» (1977), «Троих надо убрать» (1980), «За шкуру полицейского» (1981), «Неукротимый» (1983), «Наша история» (1984, приз «Сезар»), «Новая волна» (1990) и др.

Ален Делон родился 8 ноября 1935 года в пригороде Парижа – Со. Его отец был директором кинотеатра, мать работала в аптеке и приторговывала на рынке. Когда ему не было и пяти лет, родители развелись. Мальчика отдали в пансион. Делон вспоминал: «Мои родители устроили свою жизнь каждый в отдельности, от этих браков родились дети… В восемь лет я оказался в пансионе, откуда меня периодически выгоняли за невыносимое поведение и систематическое хулиганство».

В шестнадцать лет он пошел работать на бойню мясником. Ален в свободное время занимался велоспортом и боксом, ходил в кино, скандалил с матерью, пока наконец в семнадцать лет не отправился на войну в Индокитай. «Война сотворила со мной ужасное, она убила во мне остатки иллюзий и клочки надежд. Там я навсегда перестал быть ребенком. Я там не так уж много повидал. Случались лишь небольшие бои на улицах… Чувствовал себя мужчиной, хотя таковым тогда не являлся. Просто разыгрывал из себя мужчину, имел оружие». В армии он был трижды разжалован за проступки и вновь повышен в звании.

В 1956 году Ален возвратился в Париж, снимал вместе с приятелем квартиру на Ля-Пигаль, водил туда девушек. Будущий актер разносил газеты, работал официантом…

Наконец ему улыбнулась удача в лице Гарри Уилсона, «ловца талантов» для Голливуда. Правда, при этом Гарри поставил условие: Ален должен за три месяца выучить английский язык. Ему обещали контракт на семь лет.

Узнав об этом, французский режиссер Ив Аллегре пригласил его на второстепенную роль! Это был шанс, и Ален его

использовал. Разумеется, в Америку он не поехал. Сыграв роль гангстера в фильме «Когда вмешивается женщина», Ален начал карьеру в кино…

«Я много страдал, я иногда ошибался, но я любил». Так вкратце словами писателя Альфреда Мюссе описал свою жизнь Ален Делон, ставший эталоном романтического супергероя и мужской красоты. Сколько было у него подруг, партнерш, жен, любовниц? Официально он был женат трижды, две женщины сыграли в его жизни далеко не последнюю роль. Остальные – красивые, талантливые, умные, очаровательные – просто не могли в тот или иной период жизни не быть рядом. Иначе Делон не был бы Делоном.

Серо-голубые глаза, легкий изгиб густых черных бровей, романтичный взгляд с ироничной усмешкой. Он притягивал взоры едва ли не всех женщин, а любил красивых и притягательных, каким был сам.

Он подарил свою первую и, возможно, самую сильную и страстную любовь обаятельной, женственной и… трагичной Роми Шнайдер.

В 1958 году Розмари Альбах, ставшая во Франции Роми Шнайдер (по фамилии матери), была уже известной актрисой. Она снялась в серии картин из жизни австрийской империи и стала очень популярна в Австрии и ФРГ. Режиссер Пьер-Гаспар Ют пообещал ей в партнеры в фильме «Кристина» подающего большие надежды молодого актера. Роми была заинтригована. Любопытно, что за роль в этом фильме ей предложили гонорар в 75 миллионов франков, Делону – всего 300 тысяч.

Он встретил в аэропорту будущую партнершу с огромным букетом роз, но яркого впечатления не произвел. Сердце Роми уже было покорено немецким актером Хорстом Бухгольцем. Тем не менее она согласилась пойти с Делоном в один из самых шикарных ресторанов «Лидо», где они общались с помощью жестов и мимики: Роми не знала французского, Ален – немецкого. Вся его находчивость свелась к бесконечному веселому повтору «Ich liebe dich» – «Я люблю тебя».

Вскоре они уже так упивались любовью, что забывали даже про съемки. Они сняли небольшую квартирку в частном доме в центре Парижа, на набережной Сены.

22 марта 1959 года молодые обручились в церкви, но длительный, исступленный, а порой мучительно-страстный роман так и не завершился браком. Профессиональные обязанности, как назло, развели их – Ален уехал в Италию, Роми работала в ФРГ и Париже. Она страдала, Ален значительно меньше, он делал карьеру. Делон стал звездой, добившись успеха всего за пять лет.

Увлеченный новыми интересными знакомствами, особенно с Габеном, с которым в 1962 году снялся в «Мелодии из подвала», он не видел или не хотел видеть, как мучается Роми, и все прохладнее отвечает на ее пылкие письма. Он явно тяготился ею. Однажды Роми нашла у себя под дверью огромный букет роз и записку с лаконичным «Прощай». Она тяжело переживала разрыв. Вся ее дальнейшая, полная драматизма личная жизнь, закончившаяся самоубийством, несомненно, отмечена этой первой любовной неудачей. Правда, спустя несколько лет они снялись вместе в фильмах «Бассейн» и «Убийство Троцкого», но это уже ничего не изменило в их отношениях.

Мать актрисы Магда Шнайдер писала об этом романе уже после смерти Роми в 1982 году: «Он мог делать с ней буквально все, что хотел. Он совершал насилие над ней, как физическое, так и духовное. То, что Ален Делон делал с Роми, не что иное, как воздействие на подсознание. Поцелуями и побоями он заставлял ее усваивать новую мораль. Суть ее в следующем: все дозволено. Мужчины могут бить женщин…»

В 1962 году Делон получает «Золотую пальмовую ветвь» на кинофестивале в Канне за исполнение главной роли в фильме Лукино Висконти «Леопард». Кстати, с режиссером Алена связывали не только дружеские отношения, как, впрочем, и с известным продюсером и кинокритиком Жоржем Бомом.

Тем временем в жизнь Алена Делона вошла фотограф из модного ночного кабаре красавица Натали Бартелеми (урожденная Франсин Канова), взявшая впоследствии фамилию Делон. Вот как она описала свою первую встречу с Делоном: «Я познакомилась с ним в одном ночном клубе. Поначалу он был очень нелюбезен, даже груб, но меня тронуло, когда примерно в два часа утра поведение его, скажем так, несколько переменилось. Но затем он снова стал прежним, а потом просто вцепился в меня. В тот же вечер». Натали внешностью была очень похожа на Делона и часто выдавала себя за его сестру. В семнадцать лет она вышла замуж за господина Бартелеми, родила ему дочь, а в девятнадцать развелась.

Натали и Ален сблизились. Когда Ален уехал в Испанию на съемки «Черного тюльпана», Натали поспешила за ним, чтобы сообщить: она ждет ребенка. Влюбленные обвенчались в небольшой деревеньке, почти тайком, а поженились 13 августа 1964 года. Роми Шнайдер узнала об этом из газет. «Один мудрец сказал как-то: "Брак – это зло, но зло необходимое". Я часто задумываюсь над этим. Скорее всего, не брак зло, а женщина. Иными словами, женщина – необходимое, очень нужное и обязательное зло», – философствовал Ален.

В Америку Делон отправился не столько в свадебное путешествие, сколько по контракту с «Метро-Голдвин-Майер» – на теплоходе, с женой на сносях и сворой любимых собак… В Америке снялся в гангстерском фильме «Рожден вором», в картине про Алжир «Потерянная команда» и в комедии «Техас за рекой». Большого успеха не было. Но 35-летний Делон не расстроился и объяснил это тем, что «в таком возрасте там не предлагают значительных ролей». 1 октября у Алена и Натали родился сын Энтони. Актер был на вершине счастья: «Теперь я отец, у меня жена, я попытаюсь стать хорошим мужем… Этому сразу не научишься…» Научиться он тогда не успел – через четыре года брак распался.

Натали оказалась сильной и властной женщиной, для которой личная независимость была так же дорога, как и для Делона. «В браке, даже в самые трудные минуты, важно оставаться самим собой, – рассуждала она. – Ален и я жили без компромиссов. Сегодня мужчины беспомощны. В браке каждый из них понимает только свою сторону, прячется в свою раковину. Мужчины не готовы к семейной жизни. Получая жену вместо возлюбленной, они пугаются…»

Сын остался с Делоном. Бывшие супруги решили: Энтони не должен знать об из разводе и чувствовать отсутствие одного из родителей. Они часто встречали праздники втроем, однако отношения с сыном у Алена не складывались. Правда, сейчас Ален горд за своего сына, который стал не только актером, но и бизнесменом.

Когда искали актрису на роль в фильме «Бассейн» (1969), Делон решительно сказал режиссеру Жаку Дерэ: «Только Роми».

…Однажды в берлинской квартире Роми Шнайдер раздался телефонный звонок. Ален Делон предложил ей сняться вместе в фильме «Бассейн». К этому времени Шнайдер вышла замуж, родила сына Давида.

«Я молила Господа. Мое сердце вновь запылало жаром первой любви. Я понимала, что делаю что-то страшное, но не могла удержаться. Делон возродил меня к жизни, от которой я хотела уйти, вернул к любимой работе…» – признавалась Шнайдер.

Они встретились, но пламя любви не разгорелось с новой силой. Роми и Ален стали друзьями и наблюдали, как играют вместе их дети Давид и Энтони. А всю Францию занимал вопрос: любят ли они снова друг друга?

Съемки оказались мучительными для обоих. Они это не скрывали. Герои картины и их судьбы как бы перекликались с реальной жизнью Алена.

Шнайдер по своей воле ушла из жизни 29 мая 1982 года.

Слишком тяжела была ее жизнь: развод с мужем Гарри Мейеном и его самоубийство, тяжелейшая операция на почках – чтобы снять боль, Роми принимала алкоголь и наркотики. Снова вышла замуж, но 14-летний сын Давид, перелезая через ограду, животом напоролся на острый штырь и умер… Ален Делон присутствовал на похоронах.

«Мы прожили вместе более пяти лет. Ты со мной… Я с тобой!.. Потом жизнь разлучила нас. Ты была необузданной, но цельной натурой… Как объяснить, что, играя ради людей, не похожих на нас, мы… теряем власть над собой… После фильма «Бассейн» ты стала мне сестрой, а я тебе – братом. Наши отношения были светлыми и чистыми. Не было больше страсти. Ее место заняло более прекрасное чувство – дружба…»

После разрыва с Роми и развода с Натали Делон появился на вечеринке с обаятельной блондинкой актрисой Мирей Дарк (настоящее имя Мирей Эгроз). Всеобщую известность ей принес гангстерский фильм «Джафф». Высокая, стройная, прекрасно сложенная, длинноногая молодая актриса в 1960-х и 1970-х годах была символом женской привлекательности. Мирей вошла в его жизнь надолго: он прожил с ней более пятнадцати лет, однако, как и в случае с Роми, Делон не торопился официально оформлять отношения.

В 1981 году, когда Делон снимал фильм «За шкуру полицейского», он открыл для себя молодую актрису Анн Парийо. Буквально через год Дарк попала в тяжелейшую автокатастрофу. Она возвращалась из Италии, куда ездила по делам парфюмерной фирмы Делона. Неожиданно на обочине автомобиль столкнулся с тягачом. Она сидела на заднем сиденье «мерседеса». Сильно пострадавшую, ее отправили в больницу. Актер в это время уже жил с Анн Парийо, но, как только узнал о трагедии, тут же нашел вертолет и вылетел к Мирей. Нужно отдать ему должное: Ален делал все, чтобы его любимая снова встала на ноги и обрела здоровье. «Своим ежедневным присутствием, вниманием и лаской Ален вселил в меня веру в жизнь…» Но когда Мирей вышла из госпиталя, они расстались.

«Большой кузнечик», как нежно звали Мирей Дарк французы, избрала не самое лучшее – одиночество. Она перестала встречаться с коллегами и друзьями. Депрессия длилась год, но потом она вышла замуж за Пьера Баре, который умер через десять лет. Летом 1994 года она пережила новый бурный успех, когда на телеэкраны Франции был выпущен фильм «Сожженные сердца», в котором она сыграла главную роль. Более сорока миллионов французов вновь восхищались «волшебницей красоты».

В 1984 году спутницей Делона стала Катрин Пирони

(урожденная Блейнье), жена гонщика «Формулы-1» Дидье Пирони, неожиданная гибель которого способствовала развитию романа Делона и Катрин… А познакомились они еще в 1970 году, когда ей было восемнадцать лет.

В начале весны 1991 года Ален Делон был удостоен награды, при мысли о которой наверняка учащенно забьется сердце любого настоящего француза: он стал кавалером ордена Почетного легиона. Президент Франции Франсуа Миттеран, горячий поклонник таланта артиста, на торжественной церемонии обратился к Делону с теплыми словами, назвав его «неотъемлемой частью облика Франции».

Вручение награды в Елисейском дворце ознаменовалось еще одним событием: Ален Делон впервые появился на официальном приеме со своей новой спутницей, очаровательной Розали ван Бремен, голландской манекенщицей, которая училась в лицее и дошла до степени бакалавра. Эта женщина сражала не только своей внешностью, но и обширными познаниями в различных областях, будь то геология, история, литература Нидерландов или теология, владела греческим, латинским, французским, английским, немецким языками… Теперь, когда, по его собственному признанию, большая часть карьеры была позади, он наконец хотел полностью посвятить себя семье, тем более что, еще не став женой Делона, Розали подарила ему 25 ноября 1990 года Аннушку, а спустя четыре года – сына Алена-Фабьена.

Любопытна сама история знакомства актера с Розали. В 1987 году Делон выпустил пластинку своих песен «Как в кино» и собирался в турне по Германии. Сопровождать его должны были хористки, но одна из них заболела, а у другой появились, как принято говорить, свои проблемы. Чтобы выручить известного актера, последняя позвонила подруге, и та срочно приехала на репетиции. Она не пела, не танцевала, а была… манекенщицей. «Я встретил ее и тут же влюбился. С тех пор мы уже не расставались. Розали замечательная женщина, она очень красива, и такой прекрасной матери я никогда не встречал в своей жизни…»

Ален Делон многого добился в жизни. На протяжении многих лет на традиционный вопрос: «С кем бы вам хотелось поужинать?», – французы неизменно называют его кандидатом номер один. «Я просто не могу поверить, – говорит актер. – До сих пор!»

Делон основал собственную киностудию, обзавелся шикарными поместьями, заимел авиакомпанию. У него одна из лучших конюшен с сотней самых породистых скакунов, богатейшая художественная галерея, в коллекции которой

представлены подлинники Дюрера, Рембрандта… Его первоклассные яхты бороздят просторы океанов. Фабрики выпускают одеколон с его именем, выходят его пластинки… Актера охраняют многочисленные телохранители. Он создал свою собственную империю, отгородившись от окружающего мира высокими стенами вилл и замков. Но… обладатель красивейших женщин и умопомрачительных банковских счетов, как ни странно, страдает от одиночества. Делон хочет, чтобы любили его самого, а не его имидж.

Хранил ли он верность, когда был влюблен? «Физически? Нет. Но мне повезло, меня любили женщины исключительные и умные. Ум в любви – форма понимания всего, что происходит», – признался актер.

В 1997 году у него произошла размолвка с Розали. Делон был краток: «Что случилось, то случилось… Не люблю возвращаться к прошлому…»

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ (1749—1832)

Немецкий поэт, писатель и драматург, основоположник немецкой литературы нового времени. Стоял во главе романтического литературного направления «Буря и натиск». Автор биографического романа «Страдания молодого Вертера» (1774). Вершина творчества Гёте – трагедия «Фауст» (1808—1832). Посещение Италии (1786—1788) вдохновило его на создание классических драм «Ифигения в Тавриде» (1787), «Торквато Тассо» (1790). Первый министр Саксен-Веймарского герцогства (1775—1785). Автор автобиографической книги «Поэзия и правда» (изд. 1811—1833), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795—1796), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829), сборника лирических стихов «Западно-восточный диван» (1814—1819) и др.

Гёте слыл величайшим почитателем женщин в истории литературы, у него было множество любовниц.

Добрый, красивый, гениальный… К тому же сам очень влюбчивый. И потому солнце германской поэзии, куда бы его ни заносила судьба, всегда появлялся в обществе симпатичной подруги. Женщина была его идеалом, путеводной звездой, стихией. И эта звезда светила ему с юности до конца жизни.

Первой любовью поэта считается Гретхен. Однако некоторые биографы и комментаторы утверждают, что это был всего лишь плод юного воображения. Она преследовала Гёте в дни юности, сопровождала его мечты в зрелом возрасте, служила ему музой на старости лет, воплотившись в конце концов в образе чарующей фаустовской Гретхен, лучшей и привлекательнейшей из героинь Гёте. Однако мать поэта вспоминала о Гретхен как о первой любви ее сына, а в автобиографии Гёте подробно описал свою любовь…

Однажды юный Вольфганг познакомился с компанией веселых молодых людей. Деньги для кутежа они добывали весьма необычными способами: подделывали векселя, находили поэту заказы на стихи для разных торжественных случаев: свадеб, похорон и т п.

На одной из этих вечеринок Гёте и встретился с очаровательной блондинкой по имени Гретхен. Она была старше его на год или полтора и, великодушно принимая поклонение молодого поэта, тем не менее не позволяла ему никаких вольностей.

На одной пирушке веселая компания засиделась за полночь. Гёте, опасаясь гнева отца, решил не возвращаться домой, и остался с друзьями. Они проводили время в беседе, пока сон не сморил одного за другим. Заснула и Гретхен, положив хорошенькую головку на плечо своего кавалера, который гордо и счастливо сидел, стараясь не шелохнуться. Утром Гретхен была уже более ласкова с поэтом и даже нежно пожала ему руку. Казалось, ничто не помешает сближению молодых людей, как вдруг полиция узнала о проделках веселой компании. Началось дознание, последовали допросы.

Гретхен заявила, что действительно встречалась с Гёте, причем не без удовольствия, однако всегда смотрела на него как на ребенка, и относилась к нему как сестра к брату. Вольфганг был оскорблен до глубины души. В пятнадцать лет он считал себя настоящим мужчиной, а не мальчишкой, на которого смотрят сверху вниз! Гёте плакал, сердился, негодовал и, конечно, «вырвал из своего сердца женщину», так жестоко осмеявшую его искренние чувства!

Но как мимолетны увлечения юности! Если бы Вольфгангу Гёте в пору первой любви сказали, что вскоре он забудет свою очаровательную Гретхен и отдаст свое горячее сердце другой девушке, столь же прекрасной, но еще более близкой по духу, он бы вознегодовал. Тем не менее через два года, когда Гёте уже учился в Лейпциге, именно так и случилось.

В доме трактирщика Шенкопфа собиралась за табльдотом компания молодых людей, среди которых был и Гёте. Хозяин и хозяйка, очень милые люди, восседали тут же, а их очаровательная дочь хлопотала на кухне и подавала гостям вино. Это и была Анна-Катерина, или попросту Кетхен, которую Гёте в своих ранних сборниках называя то Анхен, то Аннетой.

О внешности 19-летней девушки можно судить по письму Горна, одного из друзей Гёте. «Представь себе девушку, – писал он, – хорошего, но не очень высокого роста, с круглым, приятным, хотя не особенно красивым личиком, с непринужденными, милыми, очаровательными манерами. В ней много простоты и ни капли кокетства. Притом она умна, хотя и не получила хорошего воспитания. Он ее очень любит и любит чистой любовью честного человека, хотя и знает, что она никогда не сможет быть его женой». Кетхен не осталась равнодушной к чувствам молодого поэта и ответила ему взаимностью.

И вдруг Вольфганг начал бешено ревновать девушку, причем совершенно беспочвенно. В конце концов Кетхен надоели оскорбляющие ее достоинство подозрения, и она оставила Гёте и больше никогда к нему не возвращалась. Поэт пытался вернуть ее

расположение, но – без успеха. Только после разрыва Гёте понял, как сильно любил эту девушку.

Сильные душевные муки заставили его искать забвения в вине и кутежах, чем он основательно подорвал свое здоровье. Чтобы восстановить силы, Гёте уехал домой во Франкфурт, но образ очаровательной девушки преследовал его и там. Через два года после разрыва он узнал, что Кетхен выходит замуж, причем за его доброго знакомого, доктора Канне, будущего вице-бургомистра Лейпцига. Потрясение было столь велико, что у поэта открылось легочное кровотечение. Вольфганг писал своей возлюбленной трогательные письма, в которых обещал уехать подальше и навсегда забыть ее, предупреждал, что она не должна ему отвечать. Но в благородном порыве самопожертвования в душе его пробудилось сожаление о потерянном счастье, и перо вывело грустно-задушевные строки: «Вы мое счастье! Вы единственная из женщин, которую я не мог назвать другом, потому что это слово слишком слабо в сравнении с тем, что я чувствую».

Плодом любви Гёте к Кетхен стала пастораль «Капризы влюбленного». В ее героях, проводящих время в беспрерывных ссорах, легко узнаются Гёте и Кетхен. Сюжетами для его произведений часто служили события из его собственной жизни. Великий поэт как-то сказал: «Все мои произведения – только отрывки великой исповеди моей жизни».

Когда Гёте выздоровел, его отправили в Страсбург для изучения юриспруденции. Страсбург был веселым городом, и Гёте вскоре забыл о Кетхен. В этом городе много танцевали, даже под открытым небом, и Гёте не мог не поддаться всеобщему увлечению. Он начал брать уроки у местного танцмейстера, у которого было две дочери – Люцинда и Эмилия. После первого же урока оказалось, что Гёте полюбил Эмилию, а Люцинда полюбила Гёте.

Увы, Эмилия любила другого, поэтому Гёте не приходилось рассчитывать на взаимность. Между тем Люцинда, как истая француженка, не скрывала своего чувства и часто укоряла Гёте, что ее сердцем пренебрегают. Однажды она обратилась к гадалке. Карты показывали, что девушка не пользуется расположением человека, к которому неравнодушна. Люцинда побледнела, и гадалка, догадавшись, в чем дело, заговорила о каком-то письме, но девушка прервала ее словами: «Никакого письма я не получала, а если правда, что я люблю, то правда также, что я заслуживаю взаимности». Она убежала в слезах. Гёте с Эмилией бросились за ней, но девушка заперлась, и никакие просьбы не могли заставить ее открыть двери.

Эмилия предложила Гёте прекратить уроки танцев и чистосердечно призналась ему, что любит другого и связана с ним словом. Эмилия также сказала, что Гёте поступит благородно, если оставит их дом, так как и она начинает питать к нему симпатии, а это может иметь дурные последствия. Подчинившись горькой необходимости, Гёте удалился.

Среди многочисленных романов, пережитых великим поэтом, его связь с дочерью зозенгеймского пастора Бриона, Фридерикой, заслуживает особого внимания.

Двадцатилетний Гёте был на четыре года старше доброй, поэтичной Фридерики. Он попал в Зозенгейм случайно и испытал чувство удивления, смешанное с восхищением, когда в скромном домике зозенгеймского пастора перед ним предстала, сияя целомудренной красотой, маленькая Фридерика. Она была в коротенькой юбке и черном фартуке, глаза блестели, слегка вздернутый носик как бы спрашивал, что это за незнакомец, явившийся из шумного города в их тихую деревню, где все мирно и просто, где люди живут так, как жили их предки. И незнакомец ей ответил. Но что это был за ответ! Страсть лилась из его уст, вдохновение сверкало в его взоре. Девушка устремила глаза на его прекрасное лицо, она жадно ловила каждое его слово, старалась запомнить каждый жест. Еще бы, ведь с ней говорил великий Гёте!

В первый же день он страстно влюбился, и сердце его тревожно билось при мысли, что она, может быть, уже любила, может быть, даже помолвлена. К счастью, Фридерика, как весенний цветок, только начинала жить и рвалась навстречу тому, кто первый протянет к ней руку…

На следующий день молодые люди гуляли вдвоем. Сколько слов было сказано за эти минуты! Потом они слушали проповедь пастора в церкви. А потом, днем, когда звенели в воздухе голоса их друзей, как жадно было прикосновение их губ, во время игры, но подогретое внутренним пламенем! Тайный поцелуй, настоящий… А на следующий день уже отъезд во Франкфурт. Он уезжал почти в качестве жениха, хотя помолвки не было, потому что между первой встречей Гёте со своей возлюбленной и высшим моментом его любовного восторга прошло всего два дня!

История европейской литературы многим обязана бедной деревенской девушке, внушившей сильное чувство одному из величайших ее представителей. Для Гёте после встречи с Фридерикой мир заиграл новыми красками. Значение этого было тем более велико, что со времен грустной истории с Кетхен он почти расстался со своей музой. После встречи с Фридерикой у него проснулась тяга к творчеству.

К сожалению, конец романа с Фридерикой мало походил на его начало. Гёте не женился на ней, хотя фактически уже считался ее женихом. Дочь бедного пастора не могла стать женой сына именитого франкфуртского гражданина, который никогда не дал бы согласия на такой брак. Да и сам Гёте понял это, когда семья пастора приехала в Страсбург. Если в деревне Фридерика казалась лесным цветком или нимфой, то в городе, где ей пришлось бы жить, выйдя замуж за Гёте, она напоминала простую крестьянку.

Он продолжал ее любить, скучал по ней, но ясно сознавал, разлука неизбежна. Фридерика осталась верна Гёте до последних дней своей жизни. Несмотря на многочисленные предложения, она так и не вышла замуж. «Кто был любим Гёте, – сказала однажды Фредерика своей сестре, – не может любить никого другого».

Расставшись с нею и желая заглушить в душе тяжелые чувства, Гёте пытался найти утешение в работе, написал много произведений, в том числе нашумевшего «Геца фон Берлихингена», сразу поставившего его автора во главе направления, известного в истории литературы под именем «бури и натиска». Тогда же он набросал план «Прометея» и «Фауста», обессмертившего его имя. Чтобы забыть образ любимой девушки, он углубился в изучение древности, что также отразилось на его произведениях.

С мая по сентябрь 1772 года Гёте проходил адвокатскую практику в Имперской судебной палате в Вецларе. Вольфганг сразу прослыл философом и покорил всех своим острым умом. Прекрасные девушки искали его знакомства. В Вецларе 23-летний поэт встретил Шарлотту Буфф, дочь управляющего имениями Немецкого рыцарского ордена. Девушка была помолвлена с Кристианом Кестнером, служившим в Имперской судебной палате в качестве полномочного секретаря посольства города Ганновера.

Без несчастной любви Гёте к Шарлотте Буфф (он называл ее Лотта) не было бы создано одно из знаменитейших произведений поэта – «Страдания молодого Вертера». Гёте влюбился в 19-летнюю Шарлотту с первого взгляда, ибо ее нежная красота и веселый характер не могли не привлечь к себе поэта.

В «Страданиях молодого Вертера» ярко описана сцена встречи с Лоттой, сцена, впоследствии увековеченная на полотне Каульбахом. «Пройдя через двор к красивому зданию и взобравшись вверх по лестнице, я отворил дверь, моим глазам предстало самое восхитительное зрелище, когда-либо виденное мной. В первой комнате шестеро детей от одиннадцати до двухлетнего возраста крутились около красивой, среднего роста

девушки, одетой в простенькое белое платье с розовыми бантами на груди и на рукавах. Она держала черный хлеб и отрезала порции окружавшим ее малюткам, сообразуясь с возрастом и аппетитом каждого, и подавала с такой приветливостью!» Это была картина в духе того сентиментального времени, а Гёте встретился с Лоттой в 1772 году.

Началась грустная пора в жизни Гёте. Снедаемый желанием сблизиться с очаровательной дочерью советника Буффа, поэт в то же время понимал, что должен или разрушить чужое счастье, или же подавить в себе вспыхнувшее чувство. Но второй путь означал самоубийство.

Удивительно, но поэт не скрывал от жениха своего чувства к ней, а сам жених поощрял их встречи, уверенный, что Гёте слишком честен, а Лотта слишком благородна для низменной роли любовников. И Гёте решил уехать из города. Он не простился со своей возлюбленной и ее женихом, вместо этого послал им записку со страстными излияниями, вздохами и слезами и почти тотчас же решил описать свои душевные муки. Плодом его переживаний и стали «Страдания молодого Вертера»…

Имя Лили знакомо каждому, кто читал знаменитую элегию Гёте «Парк Лили». Анна-Элизабет Шенеман была невестой Гёте и едва не стала его женой. Поэт посвятил ей несколько стихотворений: «Тоска», «Блаженство печали», «Осенью», «Лили», «Новая любовь, новая жизнь», «Белинде», «Золотому сердечку, которое он носил на груди»…

Богатая, веселая, легкомысленная, жившая всегда в роскоши, окруженная светскими щеголями, постоянно вращавшаяся в высшем обществе, девушка являла собой полную противоположность великому поэту. Даже ближайшие друзья и приятели не допускали мысли о браке между ними.

Гёте познакомился с Элизабет Шенеман в конце 1774 года в доме ее родителей во Франкфурте. Шестнадцатилетняя Лили сидела за роялем и играла сонату. Когда она закончила, Гёте представился ей. «Мы взглянули друг на друга, – писал он в своей автобиографии, – и, не хочу лгать, мне показалось, что я почувствовал притягательную силу самого приятного свойства». Для пылкого Гёте одной встречи было достаточно, чтобы тотчас же написать стихотворение и излить свои чувства.

Лили быстро привязала к себе Гёте, и он был действительно счастлив, когда она удостоила его лаской.

Кокетливой Лили нравился красивый поэт. Она увлеченно рассказывала ему о своей жизни, жаловалась на ее пустоту, говорила, что хотела только испытать свою власть над Гёте, но

сама попалась в сети. Молодые люди объяснились, и дело кончилось бы, вероятно, браком, если бы не различие в общественном положении между семьями. Зная привередливость отца в этом вопросе, Корнелия, сестра Гёте, решительно выступила против этого брака. Возражали и другие. Но Гёте не слушал.

Некая девица Дельф взяла на себя трудную задачу устроить дело. Однажды она сообщила влюбленным, что родители согласились, и велела подать друг другу руки. Гёте подошел к Лили, и она медленно, но твердо подняла свою и положила в его руку, после чего оба «с глубоким вздохом» бросились друг другу в объятия. Затем состоялось обручение. Но брак все же расстроился. Сыграла свою роль и поездка Гёте в Швейцарию, во время которой окружение Лили пыталось уверить ее в холодности жениха. В конце концов молодым людям пришлось расстаться. Гёте тяжело переживал разрыв. Он часами стоял под ее окном, завернувшись в плащ, и возвращался довольный, когда ему случалось увидать в окнах ее тень.

Впоследствии Лили вышла замуж за страсбургского банкира, а Гёте, уезжая в Италию, записал в своей записной книжке: «Лили, прощай! Во второй раз, Лили! Расставаясь в первый раз, я еще надеялся соединить нашу судьбу. Теперь же решено: мы должны порознь разыграть наши роли. Я не боюсь ни за себя, ни за тебя. Так все это кажется запутанным. Прощай».

С 33-летней Шарлоттой фон Штейн Гёте познакомился в 1775 году и любил ее в течение четырнадцати лет, несмотря на то что она была замужем за обер-шталмейстером веймарского двора, и ее окружали семеро детей. Правда, она была очень образованна, тактична, умна, но… поэту было всего 26 лет! Вероятно, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что Гёте был одинок в маленьком, веселом Веймаре, где он очутился после родного Франкфурта и где новые обязанности придворного сильно тяготили его.

Вольфганг описал свое чувство к Шарлотте в знаменитой «Ифигении». Некоторые биографы Гёте считают, что его любовь к Шарлотте была платонической. Они обменивались страстными признаниями, писали друг другу пламенные письма во время разлуки, но никогда не заходили за черту дозволенного, хотя муж Шарлотты бывал дома всего раз в неделю. В то же время нельзя не принимать во внимание тот факт, что, когда Гёте сблизился с Христианой Вульпиус, своей будущей женой, Шарлотта, пылая гневом и вытребовав назад свои письма, сожгла их, а с Гёте прекратила всякие отношения. О серьезности их отношений свидетельствует и драма, сочиненная Шарлоттой, где Гёте

изображен в неприглядном виде. Поэт выставляется в ней глупейшим хвастуном, грубым циником, тщеславным до смешного, вероломным лицемером, безбожным предателем…

Летом 1788 года Гёте, тайный советник герцога, после полутора лет пребывания в Италии вернулся в Веймар. Шарлотта фон Штейн демонстративно избегала его. Ведь он уехал в Италию, не сказав ей ни слова, и довольно долго не сообщал о своем местопребывании. И когда он решил поведать ей «прекрасные тайны» своих эротических похождений с одной римской вдовушкой, та с ее чопорностью не обнаружила в его рассказах ничего возвышенного. Он стал чрезмерно «чувственным», писала она в одном из писем.

Нетрудно представить, что после первых же дней в Веймаре Гёте почувствовал себя одиноким, ему остро не хватало художественных сокровищ Италии и ее привольной жизни. Ему приходилось довольствоваться походной кроватью в садовом домике в парке Ильм, и римская вдовушка, которую он называл Фаустиной, уже не услаждала его одинокие ночи.

Гёте находился в зените славы. Он был лучшим другом герцога Веймарского, который лично даровал ему дворянское звание и в придачу чуть не все самые высокие должности и награды крошечного государства. Гёте был связан с гигантами мысли своего времени. Ему было тридцать девять лет. Не перечесть его романов со знатными и с образованными европейскими дамами. Он был на пути к Олимпу, национальным героем Веймара.

Христиана Вульпиус – маленькая, ничего собой не представлявшая цветочница двадцати трех лет имела скромный достаток, она помогала матери содержать младших детей после того, как отец бросил семью. Не была образована, говорила с сильным тюрингским акцентом, читала с превеликим трудом, а писала и того хуже. Но была свежа, с мягкой кожей, ясным взглядом и румяными щеками, непослушные каштановые локоны падали на лоб. У нее был веселый нрав, и она охотно смеялась, шутила и напропалую строила глазки. Работала цветочницей на фабрике в Веймаре, где делала из шелковых лоскутков искусственные цветы, которые потом украшали шляпы и декольте прекрасных веймарских дам.

Гигант духа и необразованная девушка-цветочница – можно ли представить себе более несхожих людей?

Итак, эти двое встретились в Дворцовом парке в Веймаре. И не случайно: Христиана давно стояла там, поджидая его. У нее было к нему необычное дело, оно касалось не лично ее, а брата, значит, и всей семьи. В руке она держала написанное братом

письмо с просьбой о помощи. Брат верно рассчитал: просьба возымеет действие, если поэту ее передаст миловидная сестра.

Брат Христианы, Август Христиан Вульпиус, вошел в историю литературы благодаря встрече сестры с Гёте в веймарском Дворцовом парке в тот июньский день 1788 года. Если бы Гёте помог ему, он бы создал шедевр, самый яркий роман из жизни разбойников – роман о благородном Ринальдо Ринальдини. Его мечта сбылась: после встречи в Дворцовом парке с его сестрой Гёте проявил к нему благосклонность. Конечно, не безвестный Вульпиус и не его литературный шедевр, оконченный или только задуманный, заинтересовали Гёте. Избалованного дамского угодника сразила девушка.

Все говорит о том, что Христиана в тот же день стала возлюбленной Гёте, ибо оба ежегодно отмечали 12 июля годовщину своего союза. Некоторые строфы в «Римской элегии», несомненно, посвящены Христиане: «Милая, каешься ты, что сдалась так скоро? Не кайся: помыслом дерзким, поверь, я не принижу тебя», – так начинается третья элегия.

Вскоре Христиана оставила работу и переехала к Гёте, став его тайной любовницей, существование которой он всячески скрывал.

Комната для гостей в доме Гёте всегда была готова принять Фрица фон Штейна, младшего сына старинной подруги поэта Шарлотты фон Штейн. Мальчик часто подолгу жил у одинокого Гёте, даже после разрыва между его матерью и поэтом. И теперь Фриц рассказывал матери о новой девушке, появившейся в доме Гёте. Новость Шарлотта восприняла, конечно же, болезненно. После стольких лет любви, духовного общения на равных она почувствовала себя глубоко оскорбленной, будучи отвергнутой ради необразованной, недостойной юной цветочницы.

Новость быстро облетела весь город. Люди судачили, возмущенные аморальностью поэта. В Гёте почитали едва ли не высшее существо, и молва не осуждала его связь с госпожой фон Штейн, которая во всем была ему ровня. Теперь же в нем увидели порочного соблазнителя, только и знавшего, что потакать своим прихотям. В июле 1790 года он писал: «Я женился, но без торжественной церемонии». Именно это и казалось веймарскому обществу неприличным. Друг Шиллер, бывая в домике на Фрауэнплане, просто не замечал Христиану. В 1800 году, когда творчество Гёте переживало некоторый спад, Шиллер был уверен, что это следствие его совместной жизни с Христианой.

Действительно, трудно себе представить более неравную пару. В их отношениях со знакомства присутствовало иррациональное начало: Гёте влюбился мгновенно. Но это

случалось с ним столько раз в жизни! Еще совсем недавно в истории литературы творчество поэта делилось на периоды, связанные с именами вдохновлявших его женщин: Лотта, Фридерика, Марианна, Лили, Шарлотта… Однако гораздо реже писали о Христиане в этом смысле. Возможно, потому, что их отношения были очень длительными, продолжались более тридцати лет, вплоть до ее смерти в 1818 году. Отчасти же потому, что тут вряд ли возможно говорить о непосредственном «вдохновении», какое, например, Лотта Буфф оказала на появление «Страданий молодого Вертера» или Фридерика Брион – на воспоминания о юношеских годах в романе «Поэзия и правда. Из моей жизни».

Прежде всего «Римские элегии», да еще, пожалуй, несколько стихотворений, написанных к случаю. Вот, вероятно, и все.

Она просто была тем человеком, в котором он так нуждался: простая, веселая, смешливая, свободная натура, так контрастировавшая с его замкнутостью, высокими требованиями к идеалу, интеллектуальным упражнениям, утонченным общением в светских салонах, с чопорной атмосферой двора. Видимо, Гёте нравилось, как весело болтает его «дитя природы», его «маленький эротикон».

В течение семнадцати лет она оставалась его любовницей, прежде чем он решился узаконить их связь, совершив скромный обряд гражданского бракосочетания в 1806 году при французских оккупационных властях. Даже когда она стала матерью его сына Августа, появившегося на свет на рождественской неделе 1789 года, он не помышлял о браке. А ведь еще до рождения сына для упрямого холостяка она фактически создала семью, в которую входили ее сводная сестра, старая тетушка и брат – тот, сочинявший о Ринальдо Ринальдини. Семья была бы многочисленней: Христиана родила еще четырех детей, но двое умерли при рождении, двое – оказались мертворожденными. Над неравным союзом будто сама судьба распростерла свои черные крылья, ведь и доживший до зрелых лет Август был человеком физически слабым и психически неустойчивым.

Словом, их семейная жизнь не походила на идиллию, им выпало пережить немало драм, которые, конечно же, не могли не оставить свой след в характере и самой веселой из девушек-цветочниц.

Итак, Христиана была противоположностью поэта. Для нее не существовало сложных проблем, она смеялась, шутила и баловала его. Она являлась воплощением чувственного тепла и женской непосредственности, как Гёте писал в своих «Римских элегиях». Она была «ein Lieb mit alien seinen Prachten» («плоть во всем своем

великолепии»). Тут речь о чисто физической, чувственной любви, которую и вызывала в нем Христиана. Без нее он не создал бы столь целостную картину любви. Ведь любовь – это не только всепоглощающая страсть души, но и «маленький эротикон», как об этом красиво писал сам Гёте. Возможно, она и олицетворяла любовь в жизни поэта.

Герцог Вюртембергский относился с пониманием к создавшейся ситуации – у кого же нет возлюбленной. Карл Август охотно дал согласие стать крестным отцом сына поэта, Августа; вероятно, ребенок получил имя в честь высокого покровителя. Христиана, конечно, не присутствовала на крестинах сына. Даже Гёте не мог дозволить подобную встречу – герцога со своей возлюбленной.

Августу исполнилось пять лет, когда его жившая во Франкфурте бабушка узнала, наконец, о существовании внука. Христиана нигде не показывалась вместе с Гёте. Напротив, с удовольствием проводила время с людьми своего круга, среди которых было много артистов из маленького придворного веймарского театра. С годами она располнела, отяжелела, а в конце жизни превратилась в расплывшуюся толстуху.

В 1806 году Гёте, наконец, решил узаконить свои отношения с Христианой. 19 октября они официально вступили в брак. И на этот раз все проходило скромно: они венчалась в ризнице церкви Св. Иакова.

Уже на следующий день после бракосочетания фрау фон Гёте появилась в салоне Иоганны Шопенгауэр, матери знаменитого философа, только что овдовевшей и решившей поселиться в Веймаре. Рассуждения этой дамы сводились примерно к следующему: раз Гёте дал Христиане свое имя, то она, госпожа Шопенгауэр, угостит ее чашкой чаю.

Двери многих домов открылись перед новоиспеченной тайной советницей. Впрочем, триумфального шествия по великолепным салонам не получилось. После своего «возвышения» Христиана прожила недолго. Страшно располнев, полюбила уединение. В Веймаре непочтительно поговаривали о «толстой половине Гёте».

Конец ее был тяжелым. Она страдала уремией, ездила на лечение, но от воды Эгерлендского источника только отекала непомерно. Гёте не проявлял к ней особого участия. Всегда боявшийся болезней и смерти, так что в его присутствии нельзя было даже заговаривать об этих печальных вещах, он отвернулся от ее страданий. Как и многие ипохондрики, замкнулся на собственных хворях. Она умерла в одиночестве, он не держал ее руку в последние мгновения.

В дневнике он записал совсем коротко: «Умерла моя жена. Последняя, ужасная борьба ее тела. Она умерла в обед. Во мне и вокруг пустота и страшная тишина». Но сразу же после этих слов продолжал: «Торжественный въезд принцессы Иды и принца Бернгарда. Придворный советник Майер-Раймер. Вечером в городе сказочная иллюминация. Мою жену ночью увозят в морг. Я в постели целый день».

В судьбе Гёте были женщины до Христианы Вульпиус и после нее. Женщины, его вдохновлявшие, влиявшие на развитие его поэтического дара. Но отношения с большинством из них промелькнули короткими эпизодами в его жизни. Он все время спешил дальше.

Единственной женщиной, рядом с которой он задержался, оказалась Христиана, хотя он надолго и оставлял ее. Ни одна другая не одаривала его такой простой, непритязательной любовью. Благодаря этой любви он, возможно, и познал умиротворенность, ибо она была само постоянство, тогда как он – весь движение.

Однако женитьба не спасла Гёте от стрел Амура. Он продолжал любить и быть любимым.

Беттина. Странная особа, впоследствии жена фантаста Арнима, по выражению Льюиса, была скорее демоном, нежели женщиной. Юная, пылкая, взбалмошная, причудливая, влюбилась в поэта заочно, и начала засыпать его полными восторга письмами. Затем она приехала вдруг в Веймар, бросилась поэту в объятия и, как она сама рассказывает, при первом же свидании заснула у него на груди. После этого она преследует его любовью, клятвами, ревностью, несмотря на то, что предмету ее страсти было уже пятьдесят восемь. И Гёте опять ожил, невольно поддавшись ее очарованию. Но скоро сумасбродные выходки Беттины, ее бурная страсть начали утомлять Гёте. Разрыв был неизбежен.

Затем на жизненном пути 60-летнего поэта появилась молодая, горячо любящая Минна Герцлиб, приемная дочь книгопродавца Фромана, девушка, полюбившая старика-поэта всем сердцем и вдохновившая его на целый ряд сонетов и роман «Сродство душ», в котором описаны его чувства к возлюбленной. Страсть Минны и Гёте внушала большое опасение их друзьям, и они постарались избежать серьезных последствий, отправив девушку в пансион, что действительно оказалось спасительным средством.

Через пять лет, то есть когда поэту было шестьдесят пять, он встретился с очаровательной женой банкира Виллемера, Марианной, и оба тотчас же полюбили друг друга с такой

страстью, что, читая теперь, через много лет, излияния Гёте и такие же ответы его подруги, совершенно забываешь разницу в годах влюбленных. Кажется, что перед нами два совершенно юных существа, только познающих всепоглощающую страсть и спешащих насладиться дотоле неизведанным чувством.

Влюбленные расстались, но до самой смерти поэта – в течение 17 лет – они вели переписку. За месяц до своей смерти Гёте вернул Марианне ее письма и ее стихотворение «К западному ветру».

И, наконец, последняя любовь Гёте. В семьдесят пять лет он, как юноша, влюбился в 18-летнюю Ульрику Левецов. Ульрика полюбила поэта искренней, пылкой любовью, не иссякшей в ее душе до самой смерти.

Ульрика умерла в 1898 году, оставив после себя воспоминание о гениальном человеке, который едва не стал ее мужем. Она так и не вышла замуж, ибо не встретила человека, который мог бы занять в ее сердце место, принадлежавшее Гёте. Он был стар, но все еще строен и подтянут, на лбу – ни одной морщины, а глаза сверкали ослепительным блеском красоты и силы…

Так почему же его так любили женщины? Несомненно, он был умен, но ум не всегда аргумент для женского сердца; он был красив, но красота также не всегда притягательна. Пожалуй, лучшее объяснение дал Генрих Гейне: «В Гёте мы находим во всей полноте ту гармонию внешности и духа, которая замечается во всех необыкновенных людях. Его внешний вид был так же значителен, как и слова его творений; образ его был исполнен гармонии, ясен, благороден, и на нем можно было изучать греческое искусство, как на античной скульптуре. Этот гордый стан никогда не сгибался в христианском смирении червя: эти глаза не взирали грешно-боязливо, набожно или с елейным умилением: они были спокойны, как у какого-то божества. Твердый и смелый взгляд вообще – признак богов. Этим свойством обладали и глаза Наполеона; поэтому я уверен, что он был богом. Взгляд Гёте оставался таким же божественным в глубокой старости, каким он был в юности. Время покрыло снегом его голову, но не могло согнуть ее. Он носил ее все так же гордо и высоко, и, когда говорил, он словно рос, а когда простирал руки, то, казалось, будто он может указывать звездам их пути на небе. Высказывали замечание, будто рот его выражал эгоистические наклонности; но и эта черта присуща вечным богам, и именно отцу богов – великому Юпитеру, с которым я уже сравнивал Гёте. В самом деле, когда я был у него в Веймаре, то, стоя перед ним, невольно посматривал в сторону, нет ли около

него орла с молниями. Чуть-чуть я не заговорил с ним по-гречески, но, заметив, что он понимает немецкий язык, я рассказал ему по-немецки, что сливы на дороге от Йены к Веймару очень вкусны. В длинные зимние ночи я так часто передумывал, сколько возвышенного и глубокого передам я Гёте, когда его увижу. И когда, наконец, я его увидел, то сказал ему, что саксонские сливы очень вкусны. И Гёте улыбался. Он улыбался теми самыми устами, которыми некогда целовал Леду, Европу, Данаю, Семелу… Фридерика, Лили, Лотта, Ульрика – разве это не были те же Семела, Европа, Леда, Даная?»

ФЕРЕНЦ ЛИСТ (1811—1886)

Венгерский композитор, пианист, дирижер. Возглавлял так называемую веймарскую школу. Композитор-романтик стремился раскрыть в своих произведениях внутреннюю связь музыки с поэзией. Среди его сочинений оратории, «Фауст-симфония» (1857), два концерта для фортепиано с оркестром (1856, 1861), соната «си-минор» (1853), венгерские рапсодии, этюды, вальсы, хоры, песни, культовая музыка. Один из основателей и первый президент Академии музыки в Будапеште, которая ныне носит его имя.

Лист был необыкновенно одаренным ребенком. Талант мальчика не остался незамеченным европейскими аристократами. Они помогли Листу получить музыкальное образование. Впоследствии композитор был признан величайшим талантом своего времени. Он объездил всю Европу от Португалии до России, и слава его была поистине всенародной. В 1848 году он согласился стать директором придворного театра в Веймаре. За тридцать лет пребывания на этом посту Лист сумел вдохнуть новую жизнь в европейскую музыку не только своими концертами и оперными постановками, но и тем, что активно помогал молодым композиторам, таким, например, как Рихард Вагнер.

Оставив пост директора театра в Веймаре, Лист провел восемь лет в Риме, где стал аббатом римско-католической церкви. Затем композитор в течение семнадцати лет выступал, преподавал и дирижировал в Риме, Веймаре и Будапеште. Музыкальный гений Листа принес ему не только славу, но и солидное состояние, уже примерно в середине своей карьеры он перестал работать ради денег и направил свои усилия на сбор средств на благотворительные цели. В последние годы жизни Лист много гастролировал. Умер он 31 июля 1886 года от пневмонии в германском городе Байройте.

На протяжении всей своей карьеры Лист требовал уважения от своих зрителей и добивался признания особого положения художника в обществе, доказывая, что художник – это не слуга, призванный исполнять прихоти своих господ. Однажды он отказался играть для Изабеллы II, поскольку его не представили ей лично (это не дозволялось требованиями испанского придворного этикета). Известен также случай, когда Лист прекратил свое выступление перед Николаем I и возобновил его лишь после того, как царь прервал свою беседу с соседом по ложе.

В 17-летнем возрасте Лист пережил личную трагедию, когда его вынудили прекратить встречи с Каролин ди Сен-Криг, одной из его учениц из аристократической семьи.

Первой же его серьезной любовной связью стал роман с графиней Адель де ля Прюнаред. На этот раз сам Лист был инициатором разрыва, он узнал, что у графини есть еще один любовник.

Чтобы познакомиться с историей отношений Листа с графиней д'Агу, достаточно прочесть роман Бальзака «Les amours forces», в котором возлюбленная композитора выведена под именем Арабеллы.

Графиня д'Агу, урожденная Флавиньи, появилась на свет во французской семье, но в немецком городе – во Франкфурте. Когда она выросла, ее, как общепризнанную красавицу, постоянно окружала толпа воздыхателей, среди которых выделялись английский посланник Вильям Лэм (муж возлюбленной Байрона), датский посланник Пехлин, Шатобриан. Переехав вместе с матерью в Париж, она, как светская красавица, пользовалась там не меньшим успехом.

Графиня Флавиньи оставалась равнодушной к ухаживаниям и комплиментам, которыми ее осыпали. Она удивила многих, когда вышла замуж за графа д'Агу, который был старше ее на двадцать лет (графине исполнилось 23 года).

Даже тогда, когда у нее было трое детей, она блистала в свете, продолжала ездить на балы, где неизменно появлялась в восхитительных ярких туалетах.

Ференц Лист встретился с Мари д'Агу в салоне герцогини Дюрас, автора романа «Урика», в котором главная роль отведена негритянке. Поэзия и музыка господствовали в этом салоне: декламировались стихи, играли на фортепиано. Молодой Лист, высокий, стройный, худой, с бледным мраморным лицом и лбом мыслителя, несомненно, выделялся среди гостей. Дамы ухаживали за этим «Паганини фортепиано», как называли Листа, и никто не вспоминал, что композитор незнатного происхождения: его отец был всего-навсего мелким чиновником. Светские манеры и музыкальный гений заставили высшее общество Парижа забыть об этом. Лист сделался настоящим божком, на алтарь которого женщины нередко приносили свою стыдливость, честь и репутацию.

Не устояла перед его чарами и графиня д'Агу. Она безумно влюбилась в Листа. Однако маэстро не сразу ответил на ее чувства. И это только еще больше распалило ее. Наконец старания графини увенчались успехом. В то время весьма популярной была идея свободной любви, находившая

художественное оправдание в романах Жорж Санд, поэтому Лист не испытывал угрызений совести, разделив страсть замужней женщины.

В 1835 году графиня Мари д'Агу оставила мужа и детей в Париже и переехала к Листу в Швейцарию. Ференц был на верху блаженства. Он писал своему другу писателю: «Если хотите описать историю двух счастливых любовников, то выберите берег озера Комо. Никогда еще небо не сулило мне столь благословенного уголка на земле. Очарование любви должно там действовать с удвоенной силой. Представьте себе идеальный образ женщины, небесная прелесть которой внушает благоговение, а рядом с ней – юношу, который верен и счастлив не в меру… О, вы, наверное, уже догадываетесь, как зовут эту любовную парочку!»

В Швейцарии графиня родила ему троих детей. Даниэля, Христину и Козиму. Последняя стала потом женой Рихарда Вагнера. Лист был любящим отцом, но тогда не имел денег. Жизнь была трудной, графиня же не привыкла ни в чем себя ограничивать. Начались неизбежные в таких случая ссоры. В 1839 году любовники расстались. Лист уехал на длительные гастроли, а Мари, по его требованию, отправилась в Париж, где поселилась у его матери.

Графиня, стремясь обрести материальную свободу, попробовала свои силы в литературе. Ее первый роман «Нелида» имел большой успех, так как она описала в нем собственную жизнь. Разумеется, Лист в нем был показан в неприглядном виде. Роман много критиковали, но читали. Шатобриан находил его даже образцом остроумной иронии, а молодой писатель Ронсар, не скрывавший своего восторга от графини д'Агу, ставил ее роман на одну полку с произведениями Жорж Санд.

Кстати, сама Жорж Санд очень любила сидеть около рояля, когда музицировал Лист. Однажды Мари, приревновав маэстро к писательнице, даже вызвала Жорж Санд на дуэль, выбрав в качестве оружия собственные ногти. Лист заперся в своем кабинете и находился там до тех пор, пока женщины не успокоились.

Вскоре у него начался бурный роман с Лолой Монтес, скандально известной испанской танцовщицей. Когда она ему надоела, Лист ушел от Лолы рано утром, оставив любовницу спящей в номере гостиницы, не забыв положить на столик некоторую сумму. Он не сомневался, что, узнав о его бегстве, Монтес устроит в гостинице грандиозный скандал и обязательно в ярости поломает часть мебели. Так что деньги ей не помешают, решил маэстро.

Любовные похождения Листа были предметом разговоров всего европейского музыкального общества. Даже в преклонном возрасте Лист имел любовные связи с ученицами, которые по возрасту годились ему во внучки. Он, однако, всегда утверждал, что с почтением относится к девственности и ни разу не «соблазнил деву». Маэстро очень боялся импотенции и использовал всевозможные стимулирующие средства, чтобы избежать ее. Утверждали, что, если составить список любовниц Листа, он окажется гораздо длиннее, чем аналогичный список любого из его современников.

Сам Лист, оценивая свои любовные подвиги, в конце жизни заметил: «Я так и не откусил достаточно большой кусок от этого яблока». С этими словами трудно согласиться: его любовницами были итальянская принцесса Кристин Бельджиозо, прусская баронесса Ольга фон Мейендорф, молодая польская графиня Ольга Янина и знаменитая куртизанка Мари Дюплесси, вдохновившая Дюма-сына на написание «Дамы с камелиями», а Верди – на сочинения «Травиаты».

Мари (Альфонсина) Дюплесси не была похожа на других куртизанок, ее принимали в том мире, о котором ее «коллеги» по галантному цеху не могли даже мечтать. Альбер Вандам в книге «Англичанин в Париже» писал: «В ней была такая изысканность, которой нельзя научиться, особый такт в любых обстоятельствах. Она никогда не позволяла себе ни одного грубого слова и вообще очень правильно говорила по-французски. У Лолы Монтес не было ни одного друга, Альфонсина же Дюплесси не имела врагов».

В маленьких удовольствиях, которые она себе позволяла, было что-то детское. Любимым десертом Мари был замороженный виноград. Неудивительно, что Мари привлекла внимание таких знаменитостей, как Дюма-сын и Ференц Лист. Она даже принимала у себя Лолу Монтес, полную свою противоположность.

Театральный критик Жюль Жанен писал, что они с Листом впервые встретились с Мари в переполненном фойе одного из театров на бульварах. «С высоко поднятой головой она прошла мимо удивленных зрителей и села рядом с нами на банкетку. Мы были поражены: ни Лист, ни я никогда даже не говорили с этой женщиной. У нее были вкус, чувство юмора и здравомыслие. Она обратилась сначала к великому музыканту, сказав, что давно знакома с его произведениями и они всегда заставляли ее мечтать. Мы проговорили весь третий акт».

В следующий раз Жанен увидел Мари в ее ложе в опере, потом на большом балу, который давали в Брюсселе по случаю

открытия Северной железной дороги. Лист давал ей уроки игры на рояле, испытывая к Мари более теплые чувства, нежели к обычной ученице. «Бедняжка Мариетта Дюплесси, – писал он графине д'Агу после смерти куртизанки, – она была первой женщиной, в которую я по-настоящему влюбился».

А Мариетта, как называл ее Лист, вела бурную жизнь: зная, что умрет молодой, она хотела получить от жизни все, что возможно. Однажды куртизанка сказала Листу: «Я не буду жить. Я ведь странная женщина – не могу приспособиться к сегодняшнему существованию. Увезите меня, увезите, куда хотите. Я вам не помешаю: буду спать весь день, по вечерам стану ходить в театр, а ночью вы сможете делать со мной все, что пожелаете». В своем письме к графине д'Агу Лист признавался: «Я странным образом привязался к этому очаровательному созданию в свой последний приезд в Париж. Я пообещал, что увезу ее в Константинополь, потому что то было единственное путешествие, которое мы могли совершить вместе».

Мари Дюплесси не поехала в Константинополь, она провела несколько недель в Спа и Баден-Бадене, а вернувшись в Париж, вновь окунулась в привычную безумную жизнь. В конце осени она слегла, а 3 февраля ее не стало. Мари было всего двадцать три года. Лист писал: «Несколько странных незнакомых нот старинной элегии отзываются в моей душе, когда я думаю о ней…»

Наконец Ференцу Листу было суждено пережить один из удивительнейших романов. Он любил, был любим и тем не менее не мог жениться на предмете своей страсти.

Его возлюбленная – княгиня Каролин фон Сайн-Витгенштейн, польская дворянка, урожденная Ивановская. Благодаря своему отцу, человеку серьезному и строгому, она получила основательное образование, училась логике, вникала в хозяйственные дела и научилась мыслить практично. Дальнейшим ее воспитанием занялась мать, любившая свет, удовольствия, блеск, знакомства со знаменитостями, путешествия. Таким образом, в душе Каролины поэзия и проза шли рука об руку, дополняя друг друга.

По настоянию отца Каролина в семнадцать лет вышла замуж за князя Николая Сайн-Витгенштейна, сына русского фельдмаршала, человека грубого, развратного, расточительного. Жить с ним было невозможно, и она обратилась к императору Николаю I с просьбой о разводе, намереваясь просить о том же папу римского. К этому склоняла ее еще любовь к Ференцу Листу, с которым она познакомилась в 1847 году во время его пребывания в Киеве и произведения которого приводили ее в

восторг. На почве любви к музыке они и сблизились. Лист тогда вынашивал грандиозный музыкальный план. Он хотел, чтобы его «Божественная комедия» была исполнена с иллюстрациями соответствующих сцен из бессмертного произведения флорентийского поэта в виде диорамы (нечто подобное сделал Лист у Мункачи, когда за полотном его картины «Смерть Моцарта» звучал реквием). Но план, требовавший для своего осуществления огромной суммы, не удался, хотя Каролина вызвалась дать эти деньги.

Однажды композитор-виртуоз приехал к ней в польское поместье погостить. Без сомнения, они узаконили бы свои отношения, если бы просьба о разводе была удовлетворена. Однако вместо развода Каролина получила документ о конфискации ее имений и о запрещении возвращаться в Россию (Каролина жила в то время в Карлсбаде). Но разве существуют преграды для настоящей любви?

Каролина, как свидетельствовала ее дочь Мария Липсиус, «принесла для Листа в жертву все: свое отечество, свои хозяйственные занятия в поместьях, свое видное положение и даже – в глазах близоруких, которым недоставало способности ценить ее высокую, строгую нравственность, – свое доброе имя; она начала удивительным образом борьбу с тиранническими силами и одновременно с мелкими затруднениями и довела ее до конца… Она создала ему дом, следила там за его духовной деятельностью, пеклась о его здоровье; для его блага она урегулировала малейшие привычки, оберегала его от излишеств, заботилась обо всех его делах с неустанным участием, отдалась попечению о его матери и детях и творила гостеприимство, которое вряд ли можно было оказывать более дружески, более благородно».

Лист, питавший большую склонность к идеальным женщинам, к которым, несомненно, относилась Каролина, отвечал ей такой же искренней привязанностью. Его письма к ней дышат не только поэзией, но и вдохновением. «Пусть добрые Божьи ангелы несут вас на своих крыльях вместе с Маньолеттой (княжной Марией)», – писал он ей в одном из писем. В другом он просил: «Потерпите, возлюбленная и бесконечно дорогая невеста, сестра, подруга, помощница и опора, радость, благословение и слава моей жизни».

Когда тучи над головой княгини сгустились, она уехала в Веймар. Туда же последовал и Лист. Влюбленные поселились в одном замке, который отдала Каролине великая герцогиня, сочувствующая ей. Двенадцать лет, проведенных в Веймаре, были лучшей порой в жизни Листа. Наконец у него действительно

появился собственный дом. За ним ухаживали, охраняли его вдохновение. Каролина помогала Листу в работе над книгой о Шопене. Когда ее спрашивали, какие страницы написаны ею, а какие – Листом, она отвечала: «Если уж два человека настолько связаны, что составляют одно целое, то нельзя указать, что сделал один и что было сделано другим». Каролина же вдохновила его на ораторию «Легенда о святой Елизавете».

Они были счастливы, но в то же время прекрасно сознавали, что общество осуждает их внебрачную жизнь. Только когда на престол в России вступил император Александр II, просьба Каролины о разводе была удовлетворена. Римский папа также дал согласие на развод. Уже был назначен день бракосочетания, как вдруг из Рима пришла новая весть: папа изменил свое решение. Говорили, что это муж Каролины использовал свои связи…

Каролина была в отчаянье. Но неожиданно ее муж умер, теперь она стала свободна. Увы, к тому времени чувства Листа к ней поостыли, и он, кстати, всегда отличавшийся религиозностью, неожиданно постригся в монахи. Каролина лишилась последней надежды на брак с любимым.

Что заставило Листа постричься в монахи? Остается только догадываться: великий композитор и его возлюбленная унесли эту тайну в могилу. Она умерла через семь месяцев после его смерти, которую пережить не смогла.

ПАБЛО ПИКАССО (1881—1973)

Настоящая фамилия – Руис-Пикассо. Испанский живописец, работавший, в основном, во Франции. Один из наиболее изобретательных и плодовитых талантов в искусстве XX века. Его «голубой» период (1901—1904) и «розовый» период (1905—1906) предшествовали созданию революционной картины «Авиньонские девушки» (1907), которая проложила путь кубизму. В начале 1920-х годов считался лидером сюрреализма. В 1930-е годы его работы включали металлические скульптуры, иллюстрации к книгам и панно «Герника». Экспериментировал с керамикой, скульптурой, балетными декорациями (например, «Парад», 1917, для Дягилева), иллюстрациями для книг (например, «Метаморфозы» Овидия) и портретами (Стравинский, Валери и др.).

Пабло Пикассо родился в испанском городе Малаге в семье искусствоведа Хосе Руиса Бласко. Мать его, Мария Пикассо Лопес, была родом из Андалусии. Пабло недолго учился в художественной школе, так как вскоре выяснилось, что он одареннее своих учителей. Отец Пабло, восхищенный талантом сына, подарил ему свои краски и кисти. В шестнадцать лет у Пикассо состоялась первая официальная выставка его полотен.

В 1900 году Пикассо впервые побывал в Париже. Его особенно восхитили улочки Монмартра и работы Тулуз-Лотрека, ван Гога и Сезанна. Начиная с 20-летнего возраста Пабло стал подписывать свои творения девичьей фамилией матери, как того требовал испанский обычай. В 1904 году он переехал в Париж, где работал вместе с Жоржем Браком. Они открыли новое направление в живописи – кубизм. В 1936 году началась гражданская война в Испании. Разрушение небольшой баскской деревушки гитлеровскими бомбардировками вдохновило его на создание огромной «Герники», которую многие считают вершиной его творчества.

Пикассо был необычайно энергичным человеком. Вставал он обычно довольно поздно, встречался днем с друзьями, а потом приступал к работе, которая заканчивалась иногда под утро. Несмотря на свой маленький рост (158 см), Пикассо, казалось, занимал гораздо больше места из-за своего взрывного темперамента. Он наслаждался богатством и славой, зарабатывая ежегодно миллионы. Считается, что за годы своей творческой

деятельности Пикассо создал 14000 полотен, 100000 гравюр и эстампов и 34000 книжных иллюстраций. Когда Пикассо умер в возрасте 91 года на своей вилле во Франции, он оставил недвижимость, которая была оценена в 1,1 миллиарда долларов.

Его называли величайшим художником современности. И еще он был известен как донжуан. Биографы сбились со счета, подсчитывая число романов испанца.

Пабло Пикассо в брак вступал только дважды: первый раз с русской балериной Ольгой Хохловой, от которой имел сына Поля, а затем, овдовев, женился вновь – на Жаклин Рок. Кроме них у него было еще много женщин, сыгравших важную роль в его жизни. Например, Мари-Терез Вальтер, с которой Пабло познакомился в 1927 году, когда ей было всего семнадцать лет. Мари-Терез, подарившая художнику дочь Майю, была одной из самых сильных его привязанностей. Связь с ней прервалась в 1937 году, когда Пикассо познакомился с Дорой Маар, одной из муз сюрреализма и единственной интеллектуалкой среди близких художнику женщин. Дору сменила Франсуаза Жило, редкая красавица, художница средней руки, родившая ему сына Клода и дочь Палому.

Итак, Пикассо в 1904 году перебрался в Париж, где его спутницей жизни стала Фернанда Оливье. Они жили на Монмартре, где и познакомились. Им было по 23 года, но Пикассо всегда говорил, представляя Фернанду друзьям: «Очень красивая девушка. Старовата, правда». Позже она вспоминала, что у Пикассо был «магнетизм, которому я просто не могла сопротивляться». Собственно, Фернанда и не привыкла сопротивляться. Она очень любила позировать, особенно в горизонтальном положении, и не протестовала, когда в течение двух месяцев не могла выйти из квартиры, поскольку у нее не было туфель, а у Пикассо – денег, чтобы ей их купить. На скудные заработки Пикассо они кое-как перебивались, а среди немногих развлечений главным был секс. Пикассо, обожая Фернанду, страшно ревновал ее.

Время от времени беспокойная жизнь Пикассо требовала смены и натурщицы, и источника вдохновения. Марселла Амбер, в отличие от Фернанды, была маленькой, стройной и нежной. Пабло называл Амбер Евой, чтобы, вероятно, убедить ее в том, что она была его первой женщиной. Не существует ни одного портрета Марселлы кисти Пикассо, поскольку они познакомились в разгар его увлечения кубизмом. Пикассо обессмертил ее имя иначе: на нескольких его полотнах есть надпись «радость моя», а на двух полотнах написано: «Я люблю Еву». Марселла Амбер умерла в 1915 году от туберкулеза.

В 1917 году Пикассо отправился в Рим с Жаном Кокто и труппой «Русский балет». Там он создал занавес для балета Дягилева «Парад». Во время ночной прогулки по залитым лунным светом улицам Рима, Пикассо обратил внимание на Ольгу Хохлову, одну из танцовщиц труппы, дочь полковника русской армии. Пабло по достоинству оценил ее тонкий вкус и прекрасные манеры.

Как же случилось, недоумевали его друзья, что Пикассо влюбился в балерину, которая, по их мнению, ни в каких отношениях не была личностью примечательной? Художнику, который пользовался в Париже шумной и порой скандальной известностью, было тогда 36 лет. Возможно, что пресыщенному в любви и не слишком разборчивому в связях живописцу именно определенная ординарность, обыденность Ольги казались «экзотикой». К тому же он устал от бесконечных творческих терзаний, от внутреннего одиночества. В ту пору он искал в Ольге оазис спокойствия, пристанище, где он мог бы отдохнуть от вечного горения страстей и решения сверхзадач, которые ставил перед собой в живописи.

Немаловажное значение имело и то, что Ольга была русской. В те годы Пикассо, великого революционера в искусстве, чрезвычайно интересовало все русское. Он даже собирался учить язык этой загадочной для него страны. Жадно читая газеты, он внимательно следил за развитием событий в России, Февральской революцией. Видимо, все это придавало в его глазах балерине особый романтически-революционный флер.

Пикассо вскоре увлекся Ольгой, со всем присущим ему темпераментом. «Осторожно, – предупреждал его с усмешкой Дягилев, – на русских девушках надо жениться». «Вы шутите», – отвечал художник, который утверждал, что он остается хозяином в любой ситуации.

В Риме артистов балета расселили в гостинице «Минерва», тогда как Дягилев, Пикассо, Кокто и Мясин, с которыми художника связывали приятельские отношения, остановились в отеле «Россия». Пикассо встречался с Ольгой каждый день. Вместе они совершали длинные прогулки по «вечному городу» и его музеям. Но балерина не спешила ответить на бурные чувства художника.

Дягилев повез «Парад» в Мадрид и Барселону. За балетом – и Ольгой – последовал Пикассо. Он много рисовал ее в манере сугубо реалистической. На этом настаивала сама балерина, которая не любила непонятные ей эксперименты в живописи. «Я хочу, – говорила она, – узнавать свое лицо».

В Барселоне Пикассо познакомил Ольгу со своей матерью.

Она тепло приняла русскую девушку, ходила на спектакли с ее участием, но однажды предупредила: «С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не может быть счастлива ни одна женщина». В Барселоне художник написал ее «испанизированный» портрет в мантилье, который подарил матери.

12 июля 1918 года в мэрии 7-го парижского округа прошла церемония бракосочетания Пабло Пикассо и Ольги Хохловой. Оттуда они отправились в русский собор Александра Невского.

После свадьбы молодожены перебрались в большую квартиру в самом центре Парижа на улице Ля-Бовси, неподалеку от галереи, где он выставлялся. Ольга была прирожденной хозяйкой и принялась обставлять квартиру, руководствуясь своим вкусом. Пикассо не вмешивался. Он ограничивался тем, что навел беспорядок в мастерской этажом ниже, разложив где попало коллекцию разных предметов и расставив прямо у стен свои работы и картины Ренуара, Матисса, Сезанна, Руссо.

Пикассо вместе с молодой женой повсюду оказывался в центре внимания, художник постепенно втягивался в вихрь светской жизни. Он заказал себе множество костюмов, стал носить безупречный смокинг, золотые часы в кармашке своего жилета, не пропускал ни одного званого обеда. В течение нескольких недель человек, который до этого вел жизнь богемную, стал настоящим денди, как его друг Стравинский, некогда вызывавший его восхищение панталонами горчичного цвета.

Но и Пикассо-денди не утратил своей огромной работоспособности, стремления к совершенству. Он писал портреты Дягилева, Стравинского, Бакста, Кокто. Ольгу он нарисовал для своей первой литографии, которая была использована для пригласительного билета на его выставку.

Постепенно необузданная художественная натура Пикассо приходила в противоречие с той светско-снобистской жизнью, которую ему приходилось вести. С одной стороны, он хотел иметь семью, любил жену. Но вместе с тем постепенно зрел конфликт с Ольгой, вызванный тем, что художник не хотел обременять себя условностями, которые мешали его творчеству. Он стремился оставаться полностью свободным человеком и был готов во имя этого пожертвовать всем остальным.

4 февраля 1921 года у них родился сын Поль (Пауло). В 40 лет Пикассо впервые стал отцом. Это событие взволновало его, неожиданно для самого себя наполнило гордостью. Он делал бесконечные рисунки своего сына и жены, помечая на них не только день, но и час. Все они выполнены в неоклассическом

стиле, а женщины в его изображении напоминают олимпийские божества.

Ольга стремилась безраздельно завладеть мужем и время от времени устраивала сцены ревности без всяких на то оснований. Уставший от бессмысленной светской жизни, Пикассо замкнулся в себе и словно отгородился от жены невидимой стеной. В сущности, всю его жизнь главной страстью было творчество, во имя которого он был готов пожертвовать всем. Он часто рассказывал о французском художнике-керамисте Бернаре де Палиси, жившем в XVI веке, который для поддержания огня в печи во время обжига бросал туда свою мебель. Пикассо очень любил эту историю и видел в ней настоящий пример «горения» во имя искусства. Сам он утверждал, что бросил бы в печь и жену, и детей – лишь бы не угас в ней огонь.

В январе 1927 года на улице, в толпе, выходящей из метро, Пикассо увидел красивую девушку с серо-голубыми глазами. Он словно видел ее раньше – в своем воображении и на своих полотнах. «Он схватил меня за руку и сказал: "Я Пикассо! Вы и я вместе совершим великие вещи"», – вспоминала впоследствии Мари-Терез Вальтер. Ей было тогда 17 лет. Она ничего не знала ни об искусстве, ни о Пикассо. Ее интересы были совершенно другими – плавание, гимнастика, велосипед, альпинизм.

«Началось самое большое сексуальное увлечение в жизни Пикассо, не знающее ни границ, ни табу, – писала американка Арианна Стасинопулос-Хаффингтон, автор обстоятельной монографии, наделавшей на Западе много шума. – Это была страсть, возбуждаемая секретностью, окружавшей их отношения, а также тем, что Мари-Терез, имевшая вид ребенка, оказалась податливой и послушной ученицей, которая с готовностью шла на любые эксперименты, включая садистские, полностью повиновалась желаниям Пикассо». Предаваясь этой безумной страсти, художник пытался забыть Ольгу, вычеркнуть ее из жизни.

Сам художник однажды признался, что он делил всех представительниц прекрасного пола на «богинь» и «половые коврики». (В данном случае Ольга, его первая официальная жена, была в числе редкостных исключений.) Ему доставляло особую радость, утверждала А. Стасинопулос-Хаффингтон, превращать первых во вторых, и они, «богини», не только позволяли ему это делать, но и получали удовольствие. По ее мнению, художник не искал настоящей любви, а всегда стремился соблазнить, подчинить и навязать свою волю. В нем был исключительно сильно развит инстинкт разрушения. Его любовницами становились жены его близких друзей, порой с их ведома и

согласия, как, например, было со второй женой Поля Элюара – Нюш. И вся его жизнь прошла под знаком борьбы инстинктов созидания и разрушения. «Я думаю, что умру, никогда никого не полюбив», – сказал однажды Пикассо. Это не мешало ему жаловаться, что он не находил в женщинах того ответного чувства, которое столь тщетно искал.

«Каждый раз, когда я меняю женщину, – говорил Пикассо, – я должен сжечь ту, что была последней. Таким образом, я от них избавляюсь. Они уже не будут находиться вокруг меня и усложнять мне жизнь. Это, возможно, еще и вернет мою молодость. Убивая женщину, уничтожают прошлое, которое она собой олицетворяет». Художник любил повторять, что жизнь продлевают только работа и женщины.

Но вернемся к Ольге. Ненависть к ней Пикассо стал вымещать в живописи. В серии картин, посвященных корриде, он изображал ее то в виде лошади, то старой мегеры. Объясняя впоследствии причины их разрыва, художник сказал: «Она слишком много от меня хотела… Это был наихудший период в моей жизни».

Тем не менее Пикассо не хотел развода. Полный разрыв хотя бы с частичкой прошлого для него означал нечто вроде смерти, которая на протяжении всей жизни вызывала в нем трепетный страх. Кроме того, развод привел бы к потере половины его состояния, а главное – картин.

Первой не выдержала Ольга. Она не смогла больше выносить ни ненависти мужа, ни присутствия соперницы. После очередной тягостной семейной сцены в июле 1935 года она вместе с сыном покинула их дом на улице Ля-Бовси.

Вскоре с помощью адвокатов поделили имущество, но с юридической точки зрения развода не было, и Ольга официально до самой своей кончины оставалась женой Пикассо.

Пикассо провел всю войну в Швейцарии и вернулся в Париж только после его освобождения. У него не было никакой работы, и ему часто приходилось унижаться перед отцом, выпрашивая деньги. А денег надо было много – он принимал наркотики и сильно пил. В 1954 году после тяжелого воспаления легких он оказался на грани смерти. Доктор послал Пикассо телеграмму с просьбой срочно приехать в Канн. Ответа не последовало.

В это время художник увлекся Дорой Маар, с которой он познакомился в одном из кафе. Дора – фотограф и художник – рассуждала о творчестве, причем на родном для Пабло испанском языке. Пикассо был очарован. Вскоре Дора Маар зачастила в его парижскую студию, а на полотнах Пикассо появилась женщина с летящими распущенными волосами. Дора, слывшая

интеллектуалкой, стала любовницей Пикассо. К несчастью, она часто впадала в депрессию, а ее темперамент был столь же непредсказуем, как и темперамент самого Пикассо. Существует целая серия картин Пикассо, на которых изображена одна и та же плачущая женщина – Дора Маар.

Пикассо исполнилось уже 60. Его сексуальная энергия, тем не менее, била ключом. Очередной любовницей Пикассо стала Франсуаза Жило, молодая художница. Они познакомились в мае 1943 года, когда ей был 21 год и она твердо знала, что живопись будет ее жизнью. Пикассо окружала легенда, множество единомышленников, друзей, женщин. В его парижской мастерской с самого утра было шумно от многочисленных визитов. Франсуаза не была похожа ни на одну из тех женщин, которых знал Пабло. Юная художница пошла наперекор воле отца, против воспитания, полученного в благополучной мещанской семье. Она была очень молода, но образованна, упряма и достаточно тверда. Первые встречи с Пикассо она восприняла как огромное счастье, выпавшее на долю молодой, начинающей художницы. После каждого посещения его мастерской она старалась запомнить все разговоры и высказывания маэстро, которые, как ей казалось, помогли бы ей приобрести новые знания в живописи. Ухаживания Пикассо девушка принимала за шутку великого мастера, ничего не значащий флирт зрелого мужчины. Возможно, именно такая реакция вынудила Пабло использовать свой талант обольстителя, и вскоре художница из ученицы превратилась во влюбленную девушку.

Первые годы совместной жизни Франсуазе приходилось терпеть его прежних любовниц. Дора Маар посылала Пикассо страстные письма, а он читал их новой избраннице, когда хотел досадить ей или отомстить за что-то. Во время летнего отдыха на юге Франции их преследовала Ольга Хохлова. Занятый своей работой, он с полным безразличием отнесся к сцене, устроенной Ольгой Франсуазе, выразив надежду, что женщины когда-нибудь из-за него подерутся. Его надеждам вскоре суждено было сбыться: в схватке победила молодая Франсуаза.

В Париже по четвергам и пятницам Пикассо посещал Мари-Терез и Майю. Если же Пикассо уезжал куда-нибудь с Франсуазой из Парижа, он ежедневно получал от Мари-Терез письма, в которых она подробно рассказывала о своих с Майей успехах, заботах и трудностях, в особенности финансовых. Иногда Пикассо ходил в гости к Доре Маар или приглашал ее на обед. При этом он требовал, чтобы Франсуаза сопровождала его во время таких визитов. Наконец Жило, воспитанная в мещанских традициях,

взбунтовалась против такой жизни, когда она выполняла роль одной из его «личных вещей» – как и сын Пауло, шофер, секретарь… Франсуазу, к примеру, отвезли в родильную клинику только после того, как Пикассо доставили на совещание Конгресса мира.

Франсуаза Жило была моложе Пикассо почти на 40 лет. Однако Пикассо, уловив перемену в ее настроении, прописал ей простейшее лекарство – беременность. Франсуаза в результате стала матерью двоих детей: у нее родились сын Клод и дочь Палома. Однако через семь лет она все же ушла от маэстро: «Я пришла к выводу, что Пабло терпеть не мог присутствия женщины. Я поняла, что с самого начала его тяготила прежде всего интеллектуальная сторона наших отношений и мой несколько мальчишеский образ жизни. Ему не нравилось то, что во мне было мало женственности. Он хотел, чтобы я расцвела, настаивал на ребенке. Однако, когда у нас появились дети и я стала настоящей женщиной, матерью, женой, выяснилось, что эта перемена ему не по душе. Он сам произвел эту метаморфозу, но тут же сам и отверг ее». Франсуаза претендовала на индивидуальность, развилась как художник и хотела простого женского счастья. Униженная, разочарованная, оскорбленная, она ушла от него. Пикассо в сердцах бросил: «Ничто не похоже так на пуделя, как другой пудель. То же самое можно сказать и о женщинах». Эта связь оказалась наиболее противоречивой в жизни художника. Он очень тяжело переживал, когда она его оставила, а еще большее неудовольствие доставила ему книга Жило «Моя жизнь с Пикассо», в которой художник представлен в весьма неприглядном свете и против публикации которой он безуспешно боролся в суде. Франсуаза позже вышла замуж за доктора Джонаса Салка и добилась успехов как художница.

Еще до конфликта с Жило Пикассо познакомился с Жаклин Рок. Это случилось в 1953 году. Ему было семьдесят два года, ей – двадцать семь. Маленького роста (150 сантиметров), она была обладательницей египетского профиля, бледного лица, усеянного веснушками, и дочери по имени Кати. Происходила Жаклин из бедной семьи, особой культурой не отличалась, своего величайшего преклонения перед Пикассо не скрывала. Впервые они встретились в лавке керамических изделий в Валлорисе, и Жаклин, сразу же повела себя так, словно встретила Бога.

Признанный всем миром как самый большой революционер в области изобразительного искусства, постоянно окруженный множеством друзей и красавиц, Пикассо сдался отнюдь не сразу. Его гипертрофированному чувству мужского достоинства, которое отмечали все биографы, претило то, что у Жаклин уже

был неудачный опыт семейной жизни с каким-то инженером. Он даже признавался позже Женевьеве Лапорт, с которой имел интимную связь, что «никогда бы не лег в постель с женщиной, у которой есть ребенок от другого мужчины».

Однако под настойчивым натиском боготворившей его Жаклин курьезные предрассудки Пикассо начали постепенно рушиться. Ведь она не только дарила ему свою молодость, но и безгранично обожала своего кумира. В сумбурный мир, в котором вращался и доминировал Пикассо, она входила постепенно. Называла его не иначе, как «мой господин», говорила о нем, как о боге, часто целовала ему руки. Когда, наконец, Пикассо решил сдаться на милость Жаклин, он сказал: «Ты придумала себе религию». А она уже знала, что ей уготована участь стать жрицей своего божества. Он подарил ей поваренную книгу, и они поселились в окрестностях Канна в «Ла Калифорнии», доме, построенном в стиле «прекрасной эпохи».

Войдя в мир Пикассо, Жаклин сразу же заняла важное место в его жизни. Она создала художнику такие условия, в которых он мог в полную меру проявить свой талант созидателя, трудясь в полной тишине. Единственным предметом, который привлекал его пылающий взгляд, стал холст. Из его окружения постепенно исчезли друзья. Дом закрылся и для его детей, и само собой разумеется, для его прежних подружек. Впрочем, бывшие подружки – кто по материальным соображениям (Франсуаза Жило), а кто по причине личной привязанности (Мари-Терез Вальтер) – все равно преследовали его до конца жизни.

Все женские образы в работах Пикассо с тех пор так или иначе были связаны только с Жаклин. Если не считать неизбежных контактов с торговцем, врачом, секретарем и парикмахером-испанцем, то круг знакомств Пабло сузился до одной Жаклин. Более того, Пикассо требовал, чтобы она постоянно находилась рядом. Она помогала ему принимать ванну, сидела вместе с ним за трапезой, смотрела, как он работает. В одном из интервью Жаклин призналась, что Пикассо был ее богом, солнцем, ребенком. «Жить с ним было нетрудно. Он без меня не мог обходиться ни секунды. Все время спрашивал: "Ты здесь, Жаклин?" И повторял эти слова так часто, что наш попугай выучил их, и я уже не знала, кто меня зовет – попугай или Пабло».

Жаклин всецело завладела Пабло, что объясняет постоянное присутствие ее образа в работах Пикассо. Мария-Тереса Оканья, директор музея Пикассо в Барселоне, отмечала, что флюиды безмятежности и обстоятельности, которые излучала Жаклин, хорошо прослеживаются во всех женских образах, «в которых

среди нагромождения планов и деформированной натуры всегда витает ее дух. Быть может, именно потому, что Пикассо впитывает в себя Жаклин и она поселяется в нем, его творческий процесс приобретает бурный характер, а личность Жаклин так легко согласуется с его новаторской манерой самовыражения. Образ Жаклин вбирает в себя все его предыдущие эксперименты с пластикой. Объемные, геометрические, примитивные формы и классические линии, к которым Пикассо обращался на протяжении всей своей эволюции, сочетаются с совершенно иными символами, кладущими начало новому восприятию действительности, в которой Жаклин принадлежит роль героини».

Портреты «Сидящая Жаклин» и «Жаклин с цветами» – это лишь небольшая часть убедительных доказательств их прочной связи. Жаклин, которую Пикассо называл «мамам», стала главным действующим лицом в принадлежащем исключительно ему мире художественных образов. В ноябре–декабре 1955 года он написал восемь полотен из серии «Женщины Алжира». Жаклин превратилась в объект его творческих экспериментов, в эталон, на который он ориентировался, пересматривая прежние темы, такие как «Мастерские» и «Арлезианки». Эта последняя тема, начатая в 1912 году, завершилась семью картинами, для которых единственной натурщицей была Жаклин.

С переездом в 1959 году в замок Вовенарж ее образ окончательно овладел воображением художника. За стенами замка, превращенного в студию, они полностью оградили себя от мирской суеты, которой Пикассо когда-то отдавался с таким энтузиазмом. Как говорила Мария-Тереса Оканья, в серии рисунков и картин с изображением всадников, созданных в стиле Веласкеса, Пикассо возвел возлюбленную в ранг владелицы замка посвящением: «Жаклин, королеве».

В вариациях на тему «Завтрак на траве», над которыми он работал до 1960 года, лица Жаклин нет, но есть ее поза, ее движения. Впрочем, ее образ просматривается не только в живописных работах. Активная деятельность творца в этот период распространялась также на керамику и скульптуру. Пикассо запечатлел образ Жаклин в серии скульптур. Центральной фигурой многочисленных бытовых сцен в интерьере, которые он писал в начале шестидесятых годов, конечно же, служила так же Жаклин.

Плодотворный период творчества еще больше сблизил их, и Жаклин все чаще заводила разговор о браке. У Пикассо после смерти первой жены, Ольги, не осталось сколь-нибудь веских оснований для дальнейшего уклонения от нового брака. Его

холостяцкое положение дало повод для очередного конфликта с Франсуазой Жило, воспринятого разными биографами по-разному. Жило отчаянно добивалась, чтобы Пикассо официально признал своими ее детей, Клода и Палому. Пикассо, так и не простивший Жило ее ухода, обещал жениться на ней, если она разведется, чтобы дети могли на законном основании носить его фамилию и пользоваться всеми вытекающими отсюда правами. В январе 1961 года дети получили право носить фамилию Руис-Пикассо, а сама Жило подала на развод со своим мужем. Через месяц из газет она узнала, что 2 марта Пикассо тайно женился на Жаклин. Так Франсуаза потеряла и мужа, и жениха – этого она не простила Пикассо…

В последующие годы чета переехала в Нотр-Дам-де-Ви, и Пикассо начал работать еще активнее, имея единственную натурщицу – Жаклин. Только в 1962 году он нарисовал 70 ее портретов, а в следующем – более 160.

Величайший художник XX века Пабло Пикассо скончался 8 апреля 1973 года. Ему был 91 год. Он оставил скорбящую вдову и многочисленных наследников, которые начали между собой отчаянную борьбу. Незадолго до смерти Пикассо сказал, что драка за его наследство будет куда страшнее, чем это можно себе представить, потому что он не собирается оставлять письменного завещания. Так и произошло. Разделить наследство не удавалось аж до 1977 года.

Паблито, внук его и Ольги, умолял отца разрешить ему присутствовать на похоронах деда. Однако Жаклин, жена художника, ответила отказом. В день похорон Паблито выпил флакон с деколораном – обесцвечивающей химической жидкостью. Когда его доставили в больницу, врачи констатировали, что он сжег себе все внутренности. Три месяца в нем поддерживали жизнь благодаря постоянным операциям и пересадкам, которые оплачивала Мари-Терез Вальтер, продав несколько картин Пикассо. Спасти Паблито не удалось. Его похоронили в той же могиле на кладбище Канна, где покоится прах Ольги.

6 июня 1975 года от цирроза печени, вызванного алкоголем и наркотиками, в 54-летнем возрасте умер Поль Пикассо.

20 октября 1977 года в гараже своего дома в средиземноморском городке Жуан-ле-Пен повесилась Мари-Терез Вальтер, которой было 68 лет.

Его дочь Палома получила право использовать фамилию отца в названии своей парфюмерной фирмы, лишь пройдя через многочисленные судебные разбирательства. А в придачу к имени свою долю наследства, оцененную в 85 миллионов франков.

Конечно, знаменитое имя отца помогло ей освоиться в мире моды. Но Палома сумела доказать, что она талантливый дизайнер и хороший организатор. Палома живет в Америке, ее бижутерии, сумки, пояса, косметика и духи с маркой «Палома Пикассо» известны во всем мире.

Жаклин после смерти мужа ушла в себя. Она продолжала жить так, словно Пабло оставался с ней. Посвятила себя его картинам. Несколько раз ездила в Испанию, бывала в музее Пикассо в Барселоне, которым осталась очень довольна.

15 октября 1986 года она выстрелила себе в висок. Подобно Пабло, она умерла, не оставив письменного завещания. Все ее состояние наследовала ее единственная дочь. Похоронили Жаклин рядом с Пабло в замке Вовенарж, в месте удаленном, неудобном для жизни, но достаточно уединенном и спокойном для отдыха.

ГАБРИЭЛЬ Д'АННУНЦИО (1863—1938)

Итальянский поэт, писатель, драматург. В его романах речь часто идет о коррупции, снобизме, скандалах («Невинный» (1891), «Триумф смерти» (1894) и др.). Первый сборник стихов «Весна» вышел в 1898 году. Пьеса «Джоконда» написана в 1898 году для актрисы Элеоноры Дузе. Участвовал в Первой мировой войне. В 1919 году возглавил экспедицию добровольцев для захвата города Фиуме, который затем удерживал до 1921 года, став национальным героем. Впоследствии, увлекшись философией Ницше, поддерживал фашизм.

Известный и противоречивый поэт, писатель и политик д'Аннунцио так щедро использовал в своих литературных трудах яркие и живые эротические картины и описания смерти, что писатель Генри Джеймс окрестил их «вульгарными». Эксцентричного писателя запомнят, видимо, прежде всего, как одного из основателей реализма в итальянской литературе. Еще до окончания колледжа в городе Прато д'Аннунцио, сын богатого и знатного мэра города Пескара, опубликовал свой первый сборник стихов и заслужил скандальную репутацию донжуана.

Женщины находили красивого, высокого, стройного, мускулистого Габриэля просто неотразимым, и за свою жизнь он имел сотни любовных интрижек, которые затем часто описывал в своих литературных произведениях. д'Аннунцио тратил огромные суммы на одежду, слуг, женщин, ни в чем себе не отказывая, до тех пор, пока чрезмерная расточительность не привела его к полному банкротству. В 1910 году он был вынужден бежать от кредиторов во Францию.

Когда началась Первая мировая война, д'Аннунцио вернулся в Италию. В 1915 году он стал авиатором и заслужил признание – его назначили командиром отряда. Во время одного из вылетов вражеская пуля выбила ему левый глаз. Однако это не помешало бесстрашному офицеру встать во главе 12000 солдат и захватить город Фиуме в 1919 году, а затем удерживать его в течение двух лет.

В 1924 году Муссолини за активную поддержку фашистского правительства Италии пожаловал д'Аннунцио титул принца Монте-Невозо. Окруженный сотней преданных слуг, вдали от своей семьи, д'Аннунцио прожил последние годы своей жизни в своем богатом поместье. Писатель мечтал умереть так, чтобы его

смерть, как и многие его подвиги и поступки при жизни, запомнилась многим. То он настаивал на том, чтобы его тело использовали в качестве ядра при выстреле из пушки, то требовал, чтобы его умертвили, погрузив в резервуар с кислотой. Умер он, однако, вполне прозаично. Кровоизлияние в мозг застигло его за рабочим столом, он не дожил 11 дней до 75-летия.

Д'Аннунцио считал себя «жрецом эротики», поэтому жизнь и творчество его неотделимы от образа женщины. Впервые он влюбился в семь лет. Когда ему исполнилось двенадцать, в школе разразился скандал: Габриэль попытался направить руки монахини, поправлявшей на нем школьную форму, к интимным местам своего тела. В 16 лет д'Аннунцио воспользовался услугами проститутки из Флоренции. Для того чтобы оплатить ее ласки, он заложил свои часы.

В 1883 году д'Аннунцио женился на Марии Галлезе, дочери герцога Галлезе, хотя последний пытался расстроить свадьбу. Мария не побоялась угроз отца отречься от нее.

Двадцатилетний Габриэль и его 19-летняя невеста обвенчались 28 июля 1883 года. Никому и в голову не пришло, что прекрасная стройная Мария уже на третьем месяце беременности. В течение следующих четырех лет Мария родила трех сыновей, что, впрочем, не положило конец многочисленным и бурным любовным похождениям ее мужа.

Д'Аннунцио, вдоволь насладившись прелестями жены, стал весело проводить дни и ночи с другими женщинами, еще неразгаданными, время от времени одаривая Марию «восхитительной ночью». В 1887 году он наконец оставил ее.

Несмотря на то, что д'Аннунцио относился к женщинам с презрением, редко проявлял к ним сочувствие, а волосы на его голове к двадцати трем годам заметно поредели, многие женщины мечтали провести с ним ночь. Они были готовы пожертвовать богатством, супружеством и репутацией ради его ласк, хотя о его ветренности ходили легенды.

Д'Аннунцио хотел изведать все в области секса: он восхищался красотой юношей, и в то же время среди любовниц у него была известная лесбиянка. Даже в преклонном возрасте сексуальные силы не покинули писателя. Он платил своим слугам за то, что они ходили по окрестным деревням и приводили ему женщин, чья «новизна стимулировала его фантазию».

Однако чаще всего любовные отношения у д'Аннунцио бывали непродолжительными. Некоторые из них закончились даже трагически. После романа с писателем религиозная графиня Манчини, вставшая на путь порока, так страдала от осознания

своей вины, что сошла с ума, и ее поместили в психиатрическую лечебницу. Одна из брошенных им любовниц, маркиза Алессандра ди Рудини Карлотти, дочь премьер-министра Италии, покинула свою семью, постриглась в монахини и умерла настоятельницей одного из монастырей Савойи.

На одном из концертов в 1887 году на д'Аннунцио произвела ошеломляющее впечатление божественная красота Барбары Леони. Актриса и писатель страстно полюбили друг друга и тайно встречались, когда им позволяли обстоятельства. Однажды она призналась Габриэлю: «Ах, дорогой, до встречи с тобой я была просто девственницей». Они поддерживали отношения в течение пяти лет, но при каждой их встрече, как и на первом свидании, прежде чем предаться любви, д'Аннунцио осыпал Барбару лепестками свежих благоухающих роз. А когда она, обнаженная, засыпала, Габриэль садился рядом и записывал в тетрадь свои ощущения, чтобы в дальнейшем использовать эти наблюдения в своем романе «Невинная».

В 1891 году у д'Аннунцио начался роман с Марией Гравиной ди Рамакка, женой неаполитанского дворянина. Эта прекрасная и грациозная женщина очень ревновала писателя и потратила огромные средства в тщетной попытке удержать д'Аннунцио подле себя. Суд обвинил эту парочку в прелюбодеянии и приговорил к 5 месяцам тюремного заключения. Приговор, правда, затем был отменен, и д'Аннунцио усыновил двух детей графини. Когда у нее родился сын, графиня пригрозила Габриэлю, что убьет ребенка, если он не перестанет ей изменять. Д'Аннунцио, конечно же, не испугался ее угроз и вскоре осыпал знаками внимания актрису Элеонору Дузе.

Связь д'Аннунцио с Дузе, которая была старше его на четыре года, можно назвать вершиной его романтической любовной карьеры. Да и у Элеоноры отношения с писателем вызывали неведомый ранее сладострастный восторг, хотя в любовных делах она знала толк. Этот «творческий» союз, начиная с 1895 года, длился девять лет. Она не только почти ничего не требовала от Габриэля, напротив, давала ему деньги, вдохновение, дружбу и советы. В знак признательности он писал пьесы, где она исполняла главные роли.

Они наслаждались всепоглощающей любовью друг к другу. Расставались, затем снова сходились. На юбилей д'Аннунцио Элеонора прислала ему двенадцать поздравительных телеграмм, по одной через час. В 1900 году Дузе была неприятно поражена появившимся в продаже очередным романом любовника, в котором он в мельчайших деталях описал всю их совместную жизнь. Писателю в конце концов наскучила его состарившаяся

любовница. Он, в частности, утверждал, что ему перестала нравиться ее грудь, самое главное, на его взгляд, достоинство женского тела. Они расстались в 1904 году, и после ее смерти д'Аннунцио утверждал, что он способен, стоя перед статуей Будды, общаться с духом Элеоноры.

Наверное, единственной женщиной, сумевшей устоять перед чарами Габриэля была знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан. Вот как она описала свои встречи с неотразимым сердцеедом в своих мемуарах:

«Когда д'Аннунцио встретил меня в Париже 1912 году, он решил покорить меня. Это не может служить мне особым комплиментом, ведь д'Аннунцио стремился покорять всех знаменитых женщин мира. Но я оказала ему сопротивление из-за своего преклонения перед Дузе. Я решила, что буду единственной женщиной, которая выстоит перед ним.

Когда д'Аннунцио стремился покорить женщину, он присылал ей каждое утро небольшое стихотворение и цветок как его символ. Каждое утро в восемь часов я получала такой цветок.

Как-то вечером (я занимала тогда студию вблизи отеля "Байрон") д'Аннунцио сказал мне с особенным ударением: "Я приду в полночь".

Весь день я со своим другом готовила студию. Мы наполнили ее белыми цветами – белыми лилиями – теми цветами, которые приносят на похороны. Потом мы зажгли мириады свечей. Д'Аннунцио, казалось, поразился при виде студии, которая, благодаря всем этим зажженным свечам и белым цветам стала похожей на готическую часовню. Мы подвели д'Аннунцио к дивану, заваленному грудой подушек. Прежде всего я протанцевала перед ним. Затем осыпала его цветами и расставила кругом свечи, плавно и ритмично ступая под звуки траурного марша Шопена.

Постепенно я погасила все свечи одну за другой, оставив зажженными лишь те, которые горели у его головы и в ногах. Он лежал словно загипнотизированный. Затем, все еще плавно двигаясь под музыку, я потушила свечи у его ног. Но когда я торжественно направилась к одной из свечей, горевших у его головы, он поднялся на ноги и с громким и пронзительным криком ужаса бросился из студии. Тем временем мы с пианистом, обессилев от смеха, свалились друг другу на руки…»

Несколько лет спустя, во время Первой мировой войны Дункан приехала в Рим и остановилась в отеле «Регина». По странному случаю, д'Аннунцио занимал соседнюю с ней комнату. Каждый вечер он отправлялся обедать к маркизе Казатти. Вот как описала Дункан их новую встречу:

«После обеда мы вернулись в залу с орангутаном, и маркиза послала за своей гадалкой. Она вошла в высоком остроконечном колпаке и плаще колдуньи и принялась предсказывать нам судьбу по картам.

И в эту минуту вошел д'Аннунцио.

Д'Аннунцио был очень суеверен и верил всем гадалкам.

Гадалка сказала ему: "Вы полетите по воздуху и совершите огромные подвиги. Вы упадете и окажетесь у врат смерти. Но вы пробьетесь сквозь смерть, избежите ее и доживете до великой славы".

Мне она сказала: "Вы сумеете пробудить нации к новой религии и основать великие храмы по всему миру. Вы находитесь под чрезвычайно прочной защитой, и когда вам грозит несчастный случай, вас охраняют великие ангелы. Вы доживете до очень преклонного возраста. Вы будете жить вечно".

После этого мы вернулись в отель. Д'Аннунцио сказал мне: "Каждый вечер я буду приходить к вам в двенадцать часов. Я покорил всех женщин в мире, но я должен еще покорить Айседору".

И каждый вечер он приходил ко мне в двенадцать часов.

Он рассказывал мне удивительные вещи о своей жизни, своей юности и искусстве. Затем он принимался кричать: "Айседора, я не могу больше! Возьми меня, возьми же меня!"

Я тихонько выпроваживала его из комнаты. Так продолжалось около трех недель. Наконец я уехала».

Наверное, это был единственный случай, когда писатель не добился своего…

ГРИГОРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ОРЛОВ (1734—1783)

Фаворит Екатерины II. Благодаря протекции императрицы получил звание сенатора, графский титул (1762). Один из организаторов дворцового переворота (1762), генерал-фельдцейхмейстер русской армии (1765—1775). Первый президент Вольного экономического общества.

Родоначальником линии Орловых считается простой солдат, участвовавший в 1689 году в стрелецком бунте. За храбрость и силу товарищи прозвали его Орлом. Приговоренный к смерти, подходя к плахе, он спокойно оттолкнул ногой мешавшую ему пройти окровавленную голову казненного до него стрельца. Этот жест произвел впечатление на царя, и он помиловал Орла. Таково, по крайней мере, предание.

Возведенный в чин офицера и получивший дворянство, Иван Орел, или Орлов, как переиначили его фамилию, был отцом генерал-майора и новгородского генерал-губернатора, Григория Ивановича, который, женившись в пятьдесят три года на дворянке, девице Зиновьевой, имел от нее девять сыновей. Из них пятеро выжили – Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир.

Все были гвардейцы. Все – богатыри как на подбор. И все они пользовались в своих полках уважением среди сослуживцев и могли их увлечь за собой, и в России не было никого выше их ростом и сильнее. В Измайловском полку служил поручиком Григорий Орлов.

О его подвигах слагали легенды. Он был темой разговоров везде, где собирались солдаты и офицеры – в столичных трактирах, в гвардейских казармах и даже в гостиных царского дворца.

Гигантского роста, широкоплечий, с длинными мускулистыми ногами и торсом, словно вырубленным из камня, он считался самым сильным среди измайловцев. В сражении при Цорндорфе Орлов проявил не только отвагу, но и удивительную выносливость. Вокруг него падали убитые и раненые, а он бросился в самую гущу схватки, под смертоносную прусскую картечь. Заметив, что Григорий упал, боевые товарищи стали кричать ему, чтобы он спасался. К их изумлению, Орлов встал и вместо того, чтобы выбираться в безопасное место, вернулся в строй. Три раза Орлов был ранен, однако, превозмогая боль, он бросал вызов смерти.

Его деяния не ограничивались, как говорили, военным поприщем. Он шел на риск, делая огромные ставки в игре, был заядлым охотником и выходил победителем из кровавых трактирных потасовок. Женщины валялись у него в ногах, завороженные его красотой и силой. Он был неутомим в постели.

Среди тех, кто не устоял перед знаменитым гвардейцем, была Елена Куракина, красивая любовница полковника Петра Шувалова, служившего в том же полку, где и Орлов. С неслыханной дерзостью Григорий похитил Елену, рискуя навлечь на себя гнев одного из всемогущих братьев Шуваловых. Однако, как всегда, Орлов выиграл поединок. Шувалов умер, так и не успев отомстить сопернику, который теперь беспрепятственно наслаждался любовью с ослепительной красавицей и еще больше упрочил свою репутацию отчаянного храбреца.

Григорий Орлов появился в Петербурге весной 1759 года в эскорте видного прусского пленника, графа Шверина, бывшего адъютанта императора Фридриха. Графа поселили в одном из лучших домов, принимали во дворце, где он проводил время с великим князем. Именно там повстречала будущая императрица Екатерина Орлова, о героизме которого уже была наслышана, как и все в столице.

Увиденное превзошло все ее ожидания. Этот великолепный богатырь был не только самым храбрым, но и самым привлекательным. Он возвышался, как башня, над остальными офицерами-сослуживцами и легко мог побороть любого из них. Орлов был ожившим античным героем. Екатерина подумала, что ни один древний римлянин не мог бы сравниться с этим отважным гвардейцем в мужестве и неукротимости воинственного духа – не говоря уже о его мужской силе, ставшей поистине легендарной. Орлов очаровал великую княгиню и занял особое место в ее мыслях.

О том, как Екатерина и Григорий Орлов стали любовниками, не упоминается в исторических хрониках. Она была уже опытной женщиной тридцати лет, романтической и страстной, с притязаниями на власть. Она нуждалась в мужчине, который самозабвенно любил бы ее и столь же самоотверженно отстаивал ее дело. Орлов был молодым светским кавалером, прославленным боевым офицером, чья неистощимая энергия и отвага находили себе выход на войне, в пьяном разгуле и любовных приключениях. Ему очень хотелось сделать карьеру, но мешали недостаточно высокое происхождение, малая образованность. Да и покровителей не было при дворе. Ему нужна была возможность проявить себя. Вероятно, страсть великой княгини разожгла в нем честолюбие, а может быть, он полюбил

Екатерину так, как до этого не любил никого.

Все это лишь предположения, одно известно точно – к лету 1761 года, когда война с Пруссией была еще в полном разгаре и требовала все новых жертв, когда императрица погружалась, казалось бы, в предсмертное забытье, посылая проклятия в адрес ненавистного Фридриха, когда Елизавета Воронцова считала дни до свадьбы с Петром, а тот передавал пруссакам секретные военные сведения, Екатерина забеременела от Григория Орлова.

Об их связи было известно лишь узкому кругу лиц, поэтому Екатерине удалось скрывать свою беременность. Конечно, Петр и его ближайшие советники знали об этом. Для него ребенок был всего лишь одним из доказательств неверности и распущенности Екатерины.

Малютке-мальчугану, который увидел мир 18 апреля, дали имя Алексей Григорьевич. По этому случаю не звонили колокола, не палили пушки. Не было никаких торжеств, ни официальных, ни других.

До восшествия на престол Екатерина дала Григорию Орлову слово стать его женой после смерти Петра. Этим она заставила его подумать о том, как ускорить кончину императора.

Григорий Орлов поселился в покоях императрицы. Рядом со своей спальней царица устроила известную «комнату фаворитов», где жили ее любимцы впредь до выселения одного и перехода в эту комнату другого.

Орлов начал вести себя как будущий неофициальный император. Он позволял себе лежать на диване в то время, как императрица разговаривала со знатнейшими из приближенных и министров, называл царицу на «ты», обнимал и целовал ее при посторонних, позволяя себе при этом такие вольности, что все краснели, а у Екатерины стояли слезы в глазах. Но она не смела его остановить, потому что любила его и боялась.

9 октября 1762 года барон де Бретейль докладывал из Петербурга герцогу Шуазелю: «Не знаю, ваша светлость, к чему поведет переписка царицы с господином Понятовским; но, кажется, уже нет сомнения в том, что она дала ему преемника в лице господина Орлова, возведенного в графское достоинство в день коронации… Это очень красивый мужчина. Он уже несколько лет влюблен в царицу, и я помню, как однажды она назвала мне его смешным и сообщила о его несообразном чувстве, впрочем, по слухам, он очень глуп. Так как он говорит только по-русски, то мне теперь еще трудно судить об этом…»

Известен анекдот того же корреспондента, приведенный им как доказательство вольности разговоров, допускаемых императрицей между своим окружением. Григорию Орлову,

хваставшемуся однажды своим личным влиянием в гвардии, вдруг вздумалось в присутствии государыни объявить, что ему было бы достаточно месяца, чтобы свергнуть ее с престола. На что граф Разумовский заметил: «Может быть, мой друг. Но зато и недели не прошло бы, как мы бы тебя вздернули».

Впрочем, Орлов мог не задумываться над своими словами. В то время когда Бретейль обратил внимание на его быстрое возвышение, этот красавец-офицер, равному которому по мужественной красоте не знала Россия, уже принял наследство Понятовского и имел в виду совершенно иное. Григорий, баловень судьбы, никогда не был честолюбив в истинном смысле этого слова. Екатерина даже считала, что он страдает недостатком честолюбия. Он принимал участие в государственном перевороте из любви к приключениям, а также повинуясь инстинктивному стремлению, побуждающему человека, даже наименее склонного к авантюре, принять сторону любимой женщины. Он служил возлюбленной.

Григорий Орлов не любил заниматься политикой. Для простого, необразованного офицера из солдат это было скучным делом. Ему просто нравилось играть роль из тщеславия.

Это тщеславие побуждало его поскорее сделаться мужем русской императрицы. Он сделал свое дело, возвел Екатерину на престол и устранил Петра с помощью братьев. Теперь он требовал, чтобы и она исполнила свое обещание, ради которого он и его четыре брата рисковали жизнью и обагрили руки в крови Петра Федоровича.

Красавец Григорий не видел к тому никаких препятствий. Она же видела, причем не одно. И все же не смела заговорить с любимым на языке рассудка, она уступала под властными просьбами и нежными ласками фаворита. Екатерина любила Орлова чувственной любовью. Но она не могла прямо отказать ему. Императрица заявила Григорию, что не может выйти за него, не имея согласия Государственного совета.

Тем временем Орлов и его братья повсюду агитировали в пользу брака, распространяя слухи о хилости и нездоровье Павла Петровича и о необходимости обеспечить русский трон наследником на случай его смерти.

В начале 1763 года страстно влюбленная Екатерина отправилась в Москву для своей коронации. День коронации Екатерины стал началом долгого, растянувшегося на несколько месяцев, объявленного и необъявленного праздника. Устраивались пиры, приемы, официальные собрания в честь государыни. Словом, все это заставило вечно сонную Москву стряхнуть оцепенение, дало надолго пищу для разговоров

праздной столичной знати.

Екатерина была частой гостьей на этих собраниях. Она неизменно приветливо улыбалась. Никто не мог бы даже заподозрить, что за внешней беззаботностью скрывается недомогание ранней беременности. Ее нередко сопровождал Григорий Орлов. Повсюду он оказывался самым высоким, самым широкоплечим, самым видным мужчиной. Он был в расшитом золотом камзоле, в панталонах, на пальцах сверкали перстни, а грудь так и блестела от орденов и медалей. Орлов при Екатерине исполнял отнюдь не декоративную роль. Он знал, как держать себя, не заслоняя императрицу. Наоборот, он всячески подчеркивал ее величие. И хотя в его обращении к ней сквозило добродушное панибратство, он никогда не выходил за рамки.

Поддержка такого сильного, надежного человека, как Орлов, многое значила для Екатерины. Ведь за ее наружной безмятежностью скрывались тревога и неуверенность в будущем.

На заседании Государственного совета Екатерина заявила, что желает обвенчаться с Григорией Орловым. Никто не смел ей возражать. Все боялись всесильного фаворита, которому Екатерина успела уже подарить более миллиона рублей и десять тысяч душ крестьян, превратив его из нищего в богача.

Но Панин, воспитатель цесаревича, был также смел и отважен. Он ревновал императрицу и ненавидел Орловых, на которых смотрел как на выскочек. Хотя он и сам был невысокого происхождения, но его ум и образование давали ему право занимать при дворе почетное место, тогда как Орлов был груб и ленив.

И в то время как все сенаторы молчали, Панин заявил: «Императрица может поступать, как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет императрицей российской». Произнося эти слова, он выпрямился во весь рост, прислонясь в вызывающей позе к стене, у которой стояло его кресло. Коснувшийся в эту минуту обоев, его парик оставил на них белое пятно, которое его товарищи заметили и о которое потом старались потереться головой «для храбрости», как они выражались. Панина поддержал Кирилл Разумовский.

«Друг мой, я люблю тебя, но, если я обвенчаюсь с тобою, нам грозит участь Петра III», – сказала императрица фавориту.

Орлов отказался от мысли об официальном браке, по примеру Анны Леопольдовны, и теперь требовал просто морганатического венчания, сославшись на пример императрицы Елизаветы, которая венчалась с Алексеем Разумовским. Но Екатерина возразила ему: Елизавета никогда не была женою Разумовского. По крайней мере, не сохранилось ни документов,

ни доказательств этого брака. Таким образом прецедента не существовало.

Тогда по инициативе Бестужева была пущена в ход петиция, просящая Екатерину вторично выйти замуж, чтобы упрочить престолонаследие, так как слабое здоровье Павла заставляло с опаской взирать на будущее империи. Несколько лиц духовного звания и сенаторов подписались под петицией. Но в этот момент разразился скандал.

Хитрово с сообщниками организовал заговор, направленный против Орловых и их честолюбивых замыслов. В Москве и в Петербурге начались ужасные волнения. Говорили, что царица хочет венчаться с убийцем ее мужа. Срывали портреты Екатерины II с триумфальной арки, воздвигнутой в честь ее коронования, прошедшего в Москве с большой пышностью. Неспокойно было даже в гвардейских полках, так что императрица и фаворит вынуждены были отказаться от своего смелого проекта.

Счастливая для императрицы развязка не позволила фавориту осуществить свою иллюзорную мечту; кроме того, он лишился еще одной надежды: красавец Орлов, прежде чем стать супругом императрицы, должен был получить титул князя Римской империи. Надо отметить, Бестужев с блеском провел переговоры на сей счет, в том числе и с венским послом. Однако, когда грамота была получена, Екатерина и слышать не хотела о провозглашении фаворита князем: в то время он рисковал быть убитым, а ей грозило иметь дело с мятежом!

25 ноября 1764 года французский поверенный в делах Беранже писал из Петербурга: «Чем более я присматриваюсь к господину Орлову, тем более убеждаюсь, что ему недостает только титула императора… Он держит себя с императрицей так непринужденно, что поражает всех, говорят, что никто не помнит ничего подобного ни в одном государстве со времени учреждения монархии. Не признавая никакого этикета, он позволял себе в присутствии всех такие вольности с императрицей, каких в приличном обществе уважающая себя куртизанка не позволит своему любовнику».

Екатерина, действительно, внешне держала себя, как любовница, покорявшаяся всем капризам своего любовника. Она писала мадам Жоффрен: «Когда пришло Ваше последнее письмо, граф Орлов был в моей комнате. Есть одно место в письме, где Вы называете меня деятельной, потому что я работаю над составлением законов и вышиваю шерстями. Он, отъявленный лентяй, хотя очень умный и способный, воскликнул: "Это правда!" И это первый раз, что я услышала похвалу от него. И ею я обязана Вам, милостивая государыня».

Если она осмеливалась сделать ему упрек, то единственно в изнеженной праздности, в которой он находил высшее наслаждение. Напрасно императрица старалась развить его честолюбие, напрасно возводила его из чина в чин в официальной иерархии, чтобы заставить его выйти из бездеятельности и играть какую-нибудь роль в государстве. Он был директором инженерного корпуса, шефом кавалергардов, генерал-аншефом артиллерии и генерал-фельдцейхмейстером, президентом Канцелярии опекунства иностранных колонистов, начальником всех укреплений.

По свидетельству английского посла Геннинга, Екатерина имела трех детей от красавца Орлова, по другим данным – двух девочек, которых девица Протасова, первая камер-фрейлина и поверенная императрицы, воспитывала как своих племянниц, под фамилией Алексеевых, считали дочерьми Екатерины и Григория Орлова, а в 1764 году Беранже сообщил герцогу де Пралин следующие подробности о младенце мужского пола, родившемся, как говорили, у Екатерины вскоре после смерти императрицы Елизаветы: «Этот ребенок у Шкурина, прежнего доверенного слуги, а теперь камергера. Он воспитывает его, называя племянником, а отец и мать (Орлов и Екатерина) часто навещают ребенка, отправляясь в сумерки в простой карете, сопровождаемые только одним лакеем». Далее он писал: «Он (Орлов) обращается иногда со своей государыней, как со служанкой. Несколько времени тому назад между ними произошла бурная сцена, после чего Орлов уехал на три дня под предлогом охоты. Екатерина заболела и два дня предавалась отчаянию. На третий она написала очень нежное письмо своему возлюбленному, которое вложила в богатую шкатулку. Она писала ему, что надеется видеть его у себя в Царском Селе, куда отправляется. Там, действительно, произошло примирение. Мне говорили, будто там же у нее родился еще ребенок, но мертвый. Значительное уменьшение округлости стана и побледневший цвет лица – все признаки и все обстоятельства подтверждают это известие…»

Екатерина продолжала щедро осыпать Орлова дарами. Она предлагала ему важные посты, где бы он смог применить свои таланты, но эти ее усилия вызывали в фаворите одно раздражение. От английского посланника не ускользнули происшедшие в Орлове перемены. Букингем отметил, что вместо прежней доброжелательности появились чопорность и напыщенность, мелочность и упрямство. Орлов стал неопрятен в одежде и не столь внимателен к Екатерине. Частенько он днями пропадал на охоте, а когда появлялся во дворце, то не следил за

собой. А еще без зазрения совести приударял за другими женщинами.

Букингем описал в своих дневниках любопытный случай. Одна придворная дама, значительно моложе Екатерины, призналась посланнику, что последнее время ей не дает прохода Орлов, но она противится его домогательствам, поскольку он фаворит императрицы, а кроме того, она любит другого. Однажды компания придворных, в том числе и эта молодая женщина, Орлов и Екатерина, поехали в загородное имение. Григорий возобновил ухаживания. Неожиданно в комнату, где состоялось свидание, вошла Екатерина.

Как писал Букингем, дама, по собственному ее признанию, «была в легком замешательстве», однако «императрица подошла к ней сзади и, наклонившись через плечо, прошептала: "Не надо смущаться. Я уверена в вашей порядочности и уважении ко мне. Не бойтесь, что доставите мне огорчение. Наоборот. Это я вам обязана за ваше поведение"».

Екатерина вздохнула с облегчением, когда Орлов нашел для себя новую забаву. Кроме того, между ними уже происходили ссоры. От посторонних глаз не скрылись «небольшие недоразумения» между императрицей и Орловым. Иные считали это верным доказательством того, что Екатерина с Орловым женаты. Не секрет, что женатые мужчины, как правило, забывают про своих жен. Другие же расценили это как «капризы молодого выскочки и слабость любящей женщины».

Ведь Екатерина по-прежнему любила своего «большого ребенка» Орлова. Она нуждалась в нем. Благодарность свою она выказывала щедро. При бесплатной квартире, пропитании и покрытии всех расходов, фаворит получал 10000 рублей ежемесячно карманных денег, десятки тысяч крепостных крестьян, земли, дворцы, дачи, в том числе Ропшу, где был убит Петр III. Ему был пожалован медальон в форме сердца, осыпанного бриллиантами, с портретом императрицы и право – которого до того никто не имел – носить этот портрет в петлице.

Но страсть Екатерины к Орлову стала ослабевать. Фаворит, не желая терять своего положения, сразу преобразился. 2 октября 1771 года он отправился в Москву на борьбу с чумой, вот уже два месяца свирепствовавшей во второй столице империи. Народ там, взбунтовавшись, убил митрополита. Губернатор бежал.

Орлов вызвался поехать в зачумленный город, и Екатерина отпустила его. После отъезда Орлова она приблизила к себе на несколько дней красивого поляка Высоцкого.

Мятеж в Москве был усмирен, болезнь побеждена. Орлов с триумфом возвратился в Петербург, где занял привычное место

фаворита. Он опять стал для нее человеком, не знающим опасностей, «похожим на древних римлян прекрасных времен республики», как некогда писала Екатерина Вольтеру. В Царском, по дороге в Гатчину, была построена триумфальная арка в ознаменование его возвращения.

На медали, выбитой по тому же поводу, портрет фаворита помещен рядом с фигурой Курция, и под ними надпись: «И Россия имеет таких сынов!» Екатерина хотела, чтобы стояло: «такого сына», но сам Орлов потребовал другой редакции, более скромной…

В это время Екатерину занимал польский вопрос. Императрица решила возвести на польский престол Августа Понятовского. Орлов вскипел от бешеной ревности. Он вообразил, что, сделав Понятовского польским королем, Екатерина выйдет за него замуж.

«Я вам не позволю сделать королем вашего бывшего любовника!» – закричал он в Верховном совете, стукнув кулаком по столу.

Канцлер Бестужев и Панин привыкли к дерзостям Орлова. Императрица смолчала, но решила, что пора положить конец диктатуре Орлова, который вел себя как император.

Более того, Екатерине стало известно о его любовном увлечении, предметом которого была его хрупкая кузина, едва перешагнувшая порог детства. Его предательство глубоко уязвило императрицу.

Через несколько месяцев после своего триумфального возвращения фаворит уехал в Фокшаны в качестве посредника при заключении мира, добытого Румянцевым. Его сопровождала царская свита, а Екатерина писала госпоже Бельке: «Полагаю, что мои ангелы мира находятся теперь уже лицом к лицу с этими противными бородачами турками, граф Орлов – без преувеличения первый современный красавец – должен казаться действительно ангелом перед этими неотесанными мужиками. Свита его блестящая и избранная… но, бьюсь об заклад, его особа затмит всех окружающих. Странная личность, этот посол; природа была так щедра к нему, как в отношении наружности, так же и ума, сердца и души…»

Обосновавшись в Яссах, Григории послал Екатерине письмо, в котором требовал, чтобы она назначила его главнокомандующим и уполномочила взять Византию. Орлов мечтал возобновить войну и затмить с помощью генерала Бауера, содействием которого заручился, подвиги Румянцева. Он желал командовать армией и на заседании конгресса, начав ссору с Румянцевым, грозил повесить его. Он не обращал внимания на инструкции,

которые слал Панин. Затем вдруг прервал переговоры и удалился в Яссы, где проводил время в роскошных празднествах, щеголяя в платье, расшитом бриллиантами, посланном ему Екатериной.

Он не подозревал, что его комната в Петербурге занята новым фаворитом, которого представил Панин. Через две недели после отъезда Орлова Екатерина увлеклась Васильчиковым, и новый любовник поселился рядом с ее спальней.

Петербург пришел в смятение. Все воображали, что Орлов будет пожизненным фаворитом «для телесной нужды», как любил говорить Иоанн Грозный. И вдруг такой беззастенчивый, неприкрытый разврат, вызов всему обществу. Несмотря на легкость нравов, царивших при дворе, все были смущены этой новой открытой связью.

Григорий Орлов вскоре узнал, что у него есть соперник. Он понял, что власть над Екатериной ускользнула из его рук и что сам он в ее власти, как простой подданный императрицы. Орлов сразу понял, что, уехав из Петербурга, он попал в ловушку, устроенную для него Паниным, который решил во что бы то ни стало вытеснить фаворита.

Праздник был прерван; Орлов вскочил в экипаж и помчался в Петербург, до которого было больше полутора тысяч километров! День и ночь, без отдыха, сменяя лошадей, мчался граф. Не доезжая нескольких десятков верст до столицы, императорское приказание заставило экипаж остановиться: путешественники, приезжающие с юга, где еще свирепствовала чума, должны были пройти карантин. К этому приказанию были приложены инструкции и любезные предложения отбыть карантин в гатчинском дворце на речке Ижора.

Григорий сохранил внешнее спокойствие и не показал виду, что расстроен. Екатерина боялась сначала какой-нибудь отчаянной выходки с его стороны, и она вздохнула с облегчением, узнав, что экс-фаворит исполнил ее волю. Но императрица желала, чтобы он отрекся от всех занимаемых им должностей. Она начинала устраивать дело осторожно, посылая к Орлову то Бецкого, то Олсуфьева, то Чернышева, удваивая любезности и заманчивые предложения.

Орлов поселился в Гатчине и понизил тон. Он посылал письмо за письмом своим друзьям: Бецкому, Олсуфьеву и Чернышеву, умоляя примирить его с императрицей и обещая вознаградить их по-царски за их услугу. Но Екатерина никогда не меняла своих решений относительно фаворитов.

Французский уполномоченный в делах 1 декабря 1772 года писал: «Императрица удостоверилась, что на жалованье у Григория Орлова состоят больше тысячи гвардейских солдат и

что он приобрел расположение духовенства… У него, говорят, десять миллионов рублей капитала; поэтому императрица боится его и предпочитает уладить дело мирно».

Впрочем, более нежное чувство примешивалось у Екатерины к этому банальному опасению; а красавец Орлов со своей стороны делал все, чтобы вызвать и поддержать оба чувства… когда императрица потребовала от него, чтобы он возвратил ей ее портрет, осыпанный бриллиантами, который уже не должен был более носить на груди, он прислал бриллианты и оставил портрет, говоря, что передаст его не иначе как в те руки, которые вручили его ему.

Угрозы Екатерины не пугали его. Когда она задумала заключить его в Ропше, он говорил, что будет очень рад принять ее там как хозяин. Императрица наконец прекратила затянувшиеся переговоры указом, объявляющим Орлова отрешенным от занимаемых им должностей. Екатерина II писала: «Я многим обязана семье Орловых; я их осыпала богатствами и почестями; я всегда буду им покровительствовать, и они могут быть мне полезны; но мое решение неизменно: я терпела одиннадцать лет; теперь я хочу жить как мне вздумается и вполне независимо. Что касается князя – то он может делать вполне, что ему угодно: он волен путешествовать или оставаться в империи, пить, охотиться, заводить себе любовниц… Поведет он себя хорошо – честь ему и слава; поведет плохо – ему же стыд».

Кончилось тем, что он приехал в Петербург. Орлов явился во всем блеске, указом от 4 октября 1772 года ему пожалован был титул князя. Он приехал ко двору и присутствовал, как в былые дни, при игре в карты императрицы. Он был весел, оживлен, остроумен. Екатерина обращалась к нему с вопросами, и он отвечал без малейшего стеснения, говорил о посторонних вещах. На другое утро он разъезжал по городу, разговаривал со всеми, кого встречал, о перемене в своей судьбе, шутя над своим падением, так что собеседникам становилось неловко. Он явился с визитом к великому князю. Вечером посетил притоны разврата и открыто кутил с публичными женщинами.

Сабатье, рисуя в 1772 году портрет фаворита, писал: «Его неудержимая страсть к удовольствиям, безумное увлечение женщинами, отсутствие какого-либо сдерживающего начала, моментально исполнение малейших желаний – все это уничтожило задатки, которые могли бы развиться при ином воспитании, встречаемых трудностях и известном честолюбии».

А один из хорошо осведомленных чиновников замечал: «С утра до вечера он с фрейлинами, оставшимися во дворце (императрица в Царском). Обедает с ними и ужинает. Сервировка

неряшливая, кушанье отвратительное, а князю между тем очень нравится… В нравственном отношении не лучше. Он забавляется шалостями; душа у него такая же, как вкусы, и для него все хорошо, он любит так же, как ест, и ему все равно, что калмычка или финка, что первая придворная красавица. Настоящий бурлак».

Все были уверены, что красавец Орлов займет положение, подобное тому, которое занимал Алексей Разумовский в последние годы царствования Елизаветы, когда Шувалов занял его место во дворце. Экс-фаворит каждый день начал получать знаки благоволения и щедрости императрицы: на него сыпались дары деньгами и натурой.

Однако Васильчиков не принимал никакого участия в государственных делах, а Орлов, по-видимому, даже направлял внешнюю политику. Князь явился в Царское распорядителем. Императрица нанесла ему визит в Гатчине, и там же, в нарушение всех правил, встречается с принцессой гессен-дармштадтской и ее двумя дочерьми, из которых одна должна была стать женой великого князя Павла! Причем императрица некоторое время колебалась, какую из принцесс выбрать. 5 июля 1773 года перепуганный Сольмс отправил своему государю в Берлин курьера с депешей, в которой, в частности, говорилось: «…Граф Панин, всегда зорко наблюдающий за всем, что делает семья Орловых, по-видимому, имеет причины подозревать, что князь Орлов простирает свои честолюбивые виды до намерения жениться на принцессе дармштадской. Необыкновенная внимательность, которой он, по-своему окружает ланд-графиню, и свободное обхождение, какое он уже позволяет себе с принцессами, особенно же с младшей, за которой формально ухаживает, подтверждают эти подозрения… Принцесса по живости своего характера может, не подозревая ничего дурного, дать этому честолюбивому человеку возможность успеть в замыслах».

Впрочем, посланник тревожился напрасно: Орлов был слишком «ленив умственно», чтобы принимать активное участие во внешней политике. Он бросил принцессу дармштадскую ради первой попавшейся фрейлины, а государственные дела ради удовольствий.

После возвышения Потемкина в 1774 году Орлов уехал за границу, путешествовал по Европе, изумляя чужеземные столицы своим роскошным образом жизни и пугая самых смелых игроков своими крупными ставками. Дидро, видевший его в Париже, сравнил Орлова с «котлом, который вечно кипит, но ничего не варит». Вернувшись через год в Петербург, Орлов занял

положение, напоминавшее положение Разумовского в предыдущее царствование. При дворе его звали просто «князь». С императрицей у него, по-видимому, установились если не прежние близкие, то, по крайней мере, приятельские, дружеские отношения, почти как между равными, а не как между государыней и подданным. На подарок ему Екатериной дворца он ответил покупкой знаменитого персидского бриллианта «Надир-шаха», за который заплатил 460 тысяч рублей. Он преподнес его царице в день ее именин.

Они по-прежнему были связаны невидимой нитью. В 1776 году Екатерина писала Гримму: «Я всегда чувствовала большую склонность подчиняться влиянию лиц, знающих больше меня, лишь бы только они не давали чувствовать, что ищут этого влияния, иначе я убегала со всех ног прочь. Я не знаю никого, кто бы был так способен помочь проявиться этой склонности во мне, как князь Орлов. У него природный ум, идущий своим путем, и мой ум за ним следует».

В 1777 году 43-летний экс-фаворит влюбился, причем серьезно. Это была любовь счастливая, хотя встретившая вначале массу препятствий и имевшая трагическую развязку – роман, начавшийся идиллией и окончившийся трагедией.

Хорошенькая, грациозная, только что переступившая порог восемнадцатилетия фрейлина императрицы Зиновьева имела массу женихов. Она приходилась двоюродной сестрой князю. Он воспылал к ней любовью и встретил взаимность. Формальное запрещение подобных браков церковными и гражданскими законами не остановило князя. Но брак был расторгнут постановлением сената, которое предписывало развести супругов; и молодая женщина писала своему брату Василию письма, полные отчаяния, рассказывала о своих неудачных попытках увидеться с мужем. Она добавляла: «Я люблю его, как никого не любила, и, несмотря на все, слава Богу, очень счастлива».

Наконец Екатерина решила выказать великодушие. Она кассировала постановление сената; даже зачислила княгиню Орлову в статс-дамы и подарила ей массивный золотой прибор. Молодые отправились провести медовый месяц в Швейцарию, и княгиня рассказывала о своем счастье и восторге в стихах, которые скоро облетели весь Петербург: «Всякий край, с тобою рай».

Через несколько месяцев князь и княгиня вернулись в Петербург и, поселившись в доме Штегельмана – одном из подаренных императрицей фавориту, – вели тихую, скромную жизнь, ничем не обращая на себя внимание и вполне отдаваясь своему счастью. Князь редко появлялся при дворе и говорил

Гаррису, что больше не пользуется никаким влиянием.

В 1780 году чета снова отправилась за границу: княгиня недомогала и ее здоровье требовало более теплого климата. Но, увы, вместо долгожданного материнства ее ждала смерть. Грудная болезнь оказалась неизлечимой. Напрасно еще недавно счастливая чета переезжала из города в город для консультаций со знаменитыми специалистами. Княгиня Орлова умерла в Лозанне 16 июля 1782 года. Державин посвятил ей трогательные стихи, а Орлов, вернувшись в Петербург, лишился рассудка, его сердце не выдержало потери любимой. Рассказывали, что в припадках бреда он видел перед собой мстительный образ Петра III и повторял постоянно: «Наказание мне». Шесть месяцев спустя граф Орлов скончался. Екатерина писала Гримму: «Хотя я и была подготовлена к этому ужасному событию, но, не скрою от вас, оно глубоко опечалило меня… Напрасно мне твердят, и я сама повторяю себе все, что говорится в подобных случаях: ответом служит взрыв рыданий, и я ужасно страдаю».

ДЖОРДЖ НОЭЛ ГОРДОН БАЙРОН (1788—1824)

Шестой барон Байрон. С 1809 года член палаты лордов. Английский поэт-романтик. Получил известность после публикации первых частей поэмы «Паломничества Чайльд Гарольда» (1812—1818). Позже написаны поэмы «Шильонский узник» (1816), «Манфред» (1817), «Мазепа» (1819), «Гяур», «Лара», «Корсар» и самая знаменитая «Дон Жуан» (1819—1824). Первый поэтический сборник «Часы досуга» (1807) вызвал острую критику. Особо велико значение лирики Байрона; его заслуга – в приближении поэзии к разговорному языку. Один из отцов романтического либерализма. Умер от лихорадки в Миссолунги.

У них был общий отец – капитан Джон Байрон, которого называли «бешеным Джеком». Мать Августы умерла рано, и девочка воспитывалась у бабки, леди Холдернесс, которая не хотела, чтобы внучка общалась с новой семьей своего отца. Поэтому Августа долго не знала, что у нее есть брат – «бэби Байрон», будущий великий поэт Англии.

Джон Байрон действительно был бешеным: авантюрист, картежник, гуляка, женолюб, он погряз в бесконечных долгах. Его вторая жена, мать поэта – Катарина Гордон, выходя замуж, считалась богатой невестой. Тем не менее очень скоро семья оказалась буквально на мели. Их сыну Джорджу было три года, когда отец, совершенно опустившийся, умер по Франции. Умер под вымышленным именем. Бешеному Джеку было тогда всего тридцать шесть лет – возраст фатальный для Байронов.

Итак, Августа и ее родной по отцу брат Джордж долго ничего не знали друг о друге. Только после смерти леди Холдернесс брат и сестра встретились – и сразу понравились друг другу. Хотя Джордж был моложе Августы на четыре года (ей было семнадцать), он почувствовал себя ее опекуном. В первом письме к ней, написанном на Пасху в 1804 году, просил, чтобы она считала его не только братом, но и ближайшим другом: «Помни о том, дорогая сестра, что ты самый близкий мне человек… на свете, не только благодаря узам крови, но и узам чувства».

Августа к тому времени уже была обручена со своим кузеном Ежи Леем, драгунским полковником, которого очень любила. А Байрон томился любовными переживаниями.

Сколько женщин прошло перед ним за его короткую, но бурную жизнь? Трудно сказать. Он посвящал свои стихи Лесбии и

Каролине, Элизе и Анне, Марион и Мэри, Гарриет и Джесси… В этих посвящениях поэт был неизменно страстным и печальным. Счастье казалось таким близким, но любовь была только сном.

Еще юношей он влюбился в Мэри Дефф, у которой были «очи газели», черные косы, ласковая улыбка и мелодичный голос. Вскоре он увлекся кузиной Маргаритой Паркер, пленившись «черными очами, длинными ресницами, греческим профилем, томной прозрачностью красоты, словно сотканной из лучей радуги».

Другую его кузину звали Мэри Хэворт, и жила она недалеко от родового имения Байронов Ньюстед. Байрон страдал не только потому, что его чувство не было взаимным. Не желая того, Мэри однажды больно ранила его самолюбие.

Байрон с детства был калекой. Роковая оплошность акушера при родах привела к параличу сухожилия. Когда он подрос, врачи назначили болезненное лечение, которое не принесло никаких результатов, оставив лишь воспоминание о пытке в специальном ботинке. Поэтому Байрон не терпел танцев, но обожал верховую езду, приносившую ему обманчивое ощущение полного здоровья. И вот однажды в доме Мэри Хэворт он случайно услышал, как его любимая говорила своей воспитательнице: «Ты думаешь, мне очень нужен этот хромой мальчик?!»

Байрона как громом поразило. Вскоре он написал Августе: «Любовь, по моему мнению, совершенный абсурд, это только жаргон комплиментов, сдобренных романтизмом и искусственностью… Если бы у меня было пятнадцать любовниц, я через неделю не помнил бы ни одной».

Мэри вышла замуж за другого. Катастрофа, которой закончилась первая любовь, родила, как утверждает писатель Андрэ Моруа, потребность сентиментальных переживаний, ставших для Байрона необходимостью. «В покое он не мог найти вкуса жизни. Чувствовал, что готов услышать голос каждой страсти, если бы только могла она вернуть ему неуловимое чувство собственного существования». Тем более, если за такой страстью маячил страшный грех, грозящий осуждением и соблазняющий бунтом против обязательных общественных и церковных догм!»

С интимной стороной жизни Байрона познакомила Мей Грей, воспитательница в семье будущего лорда. Три года молодая шотландка учила мальчика искусству любви. Джордж наблюдал также, как она занимается сексом с другими мужчинами.

В семнадцать лет Байрон поступил в Кембридж. В течение трех лет он совмещал не очень напряженную учебу с бурной сексуальной жизнью в Лондоне, что едва не погубило его. Лишь

постоянное употребление настойки опия поддерживало его силы.

В 1809 году он отправился в двухлетнее путешествие по Европе. Байрон побывал в Греции, Албании и в странах Малой Азии. Наконец были опубликованы главы «Паломничества Чайльд Гарольда».

До Августы дошли вести о брате, который, вернувшись из путешествия на Восток, однажды утром проснулся в славе. Он стал королем лондонских салонов. Еще недавно неизвестный, незамечаемый, он везде был принят, осыпан комплиментами, любим самыми красивыми женщинами. Он переступил пороги дворцов, где все знали друг друга, и в этом мире шелков, перьев и драгоценностей, элегантности и изысканных манер почувствовал себя чужим и одиноким. Говорили, что он заносчивый и гордый, холодный и замкнутый. Тем не менее его всюду приглашали: ведь он написал книгу, которая сразу захватила Лондон.

Грустный скептицизм автора «Путешествия Чайльд Гарольда» нашел отклик в сердцах тех, кто был измучен долголетними войнами, кому надоели бесконечные смены правительств. Поэт показал им Европу 1812 года после надежд, разбуженных Великой Революцией, Европу, уже не верящую в звезду Наполеона.

Байрон происходил из знаменитого, но разорившегося рода. Своих предков он мог найти среди командиров военных кораблей викингов времен Вильгельма Победителя в XI веке. Поэт был молод, овеян славой великого путешественника. Его серо-голубые глаза смотрели немного меланхолично из-под длинных ресниц. Кожа была прозрачно-бледной. Рот капризен, как у прекрасной женщины. Хромоты никто не замечал…

Итак, Байрон стал героем дня. Молодые женщины приходили в восторг от одной только мысли, что Байрон, может быть, поведет их к столу, и не осмеливались прикоснуться ни к одному блюду, зная, что поэт не выносит жующих женщин. Они лелеяли тайную надежду, что он напишет им несколько строк в альбом. На каждую написанную им строчку смотрели, как на сокровище. Его постоянно донимали вопросами, сколько гречанок и турчанок уморил он своей любовью и скольких супругов отправил на тот свет.

Туманные намеки в «Паломничестве Чайльд Гарольда» послужили поводом для слухов, будто Байрон в Ньюстеде содержит настоящий гарем, хотя этот гарем состоял лишь из одной одалиски. О его любовных приключениях рассказывали легенды. Одна дама даже заявилась к нему в одежде пажа, по-видимому, желая походить на героя из поэмы «Лара».

Прочитав «Чайльд Гарольда», леди Каролина Лэм, хозяйка

одного из модных салонов Лондона, заявила: «Я должна его увидеть. Умираю от любопытства». Он был ей представлен. В тот же вечер она написала в дневнике: «Это прекрасное бледное лицо – моя судьба».

Однако стройная и слишком тонкая Каролина была не в его вкусе. Скорее притягательная, блестящая и интеллигентная, чем красивая, она царствовала в каждом обществе, а ее огненный темперамент бывал темой пикантных подробностей, рассказываемых шепотом. Леди Каро – так ее называли – отличалась упорством и не любила ни от чего отказываться. Она хотела знать о каждом шаге своего любовника. Стараясь угодить, организовывала для него приемы, писала письма и сама доставляла их Байрону на дом, переодетая в костюм пажа или кучера. Однажды леди Каро даже пообещала, что отдаст все свои драгоценности, если ему потребуются деньги. Случалось, она стояла под окнами дворца, где давали бал, куда ее не пригласили, и караулила Байрона, который был там. Каролина готова была на любое унижение ради поэта. Любовник же ее оставался надменным, холодным, суровым. Можно было подумать, что он ничего не замечает. Бедная леди Каро не подозревала, как он посмеялся над ней, прислав волосы лакея на ее просьбу подарить свой локон.

Байрон быстро насытился этой шальной любовью. К тому же у него завязывался новый роман. Каролина потеряла самообладание и на балу у леди Хитеркот учинила скандал: разбитым стеклом (по другой версии – ножницами) порезала себе руки, заявив присутствующим, что ее покалечил Байрон. Наутро о происшествии говорил весь Лондон. Это, однако, не помешало ей через некоторое время отправиться к нему в дом. Не застав поэта, она оставила ему записку. Байрон же не вернулся к леди Каро, а написал эпиграмму на ее записку. Чтобы отомстить ему, она написала роман «Гленарвон», в котором выставила Байрона поэтом, наделенным всеми пороками его героев. Под давлением родителей леди Каро выехала в Ирландию.

Им суждено было встретиться еще раз спустя годы. Это случилось после ее тяжелой нервной болезни. Когда она стала приходить в себя, муж предложил ей прогуляться. Она ехала в повозке полулежа. Впереди верхом ехал ее муж Вильям Лэм. По дороге им встретилась траурная процессия. На вопрос сэра Вильяма: «Чьи это похороны?» – люди ответили: «Лорда Байрона». Леди Каро не расслышала этих слов, а муж не рискнул их повторить. По другому свидетельству, узнав, что хоронят Байрона, она потеряла сознание и упала с лошади.

Новой любовницей Байрона после расставания с Каролиной

стала леди Оксфорд. Но и ею он скоро пренебрег. В последнюю минуту отказался от совместного путешествия на Сицилию, потому что получил письмо Августы, в котором та извещала о своем приезде. Они давно не виделись. Байрон знал о ее неудачном замужестве из писем – хаотичных и длинных. Ей было двадцать семь лет. Она остро ощущала одиночество. Опеку и помощь предлагал ей только младший брат, все более занимавший ее мысли.

Августа приехала в Лондон, и Байрон почувствовал, что она с первого взгляда пленила его, – это было словно какое-то колдовство. Прежде никто из женщин не нравился ему так, как Августа, хотя она вовсе не была красавицей. Только внимательно разглядывая, можно было оценить совершенные черты ее лица. Брату же нравился в ней байроновский профиль и байроновская манера слегка картавить. В Августе поэт увидел не сестру, а женщину, которой было присуще подлинно байроновское очарование. Он, самолюбивый, самовлюбленный, рассмотрел в прекрасной даме свой собственный портрет.

Но особенно тянуло их друг к другу духовное родство. Внешне замкнутые, оставаясь вдвоем, они отбрасывали всякую скованность – говорили обо всем и над всем смеялись. Августа с большим чувством юмора умела подражать другим, и вместе они с удовольствием играли «в кого-нибудь». Она не слишком разбиралась в поэзии, не была интеллектуалкой, говорила так, как писала – нескладно и туманно, часто отходя от темы.

Байрон, однако, любил ее болтовню, нежно называл своей «гусыней» и великолепно развлекался в ее обществе. Кто-то из его биографов заметил, что и в любви искал он радостной дружбы, выхода своей умственной энергии и почти родственных чувств. Он скоро заметил, что именно это возможно с Августой. Стоя перед страшным соблазном, поэт знал, что поддается ему. Моруа утверждал, что Байрону всегда достаточно было только подумать об опасной страсти, чтобы она начала его преследовать. Так случилось и на этот раз.

Было лето. Лондон потихоньку разъезжался на каникулы. Августа, имеющая титул дамы двора королевы, жила во дворце Сент-Джеймс, что, кажется, льстило ее брату. Вместе они бывали на балах и приемах, вместе ходили в театры, теснее сближаясь и сильнее очаровываясь друг другом. Никого не было в доме Байрона на Беннет-стрит, кроме старой хозяйки. Байрон мог в любой момент принимать Августу. Трудно придумать более подходящие условия для романа.

Августа простилась с ним в начале сентября. Она возвращалась домой беременная. Молодая женщина, имевшая

троих детей и, несмотря ни на что, любившая мужа, хорошо понимала двусмысленность своего положения. Теперь, размышляя о случившемся, она сознавала, что никогда не сумела бы отказать ни одной просьбе «бэби Байрона», ни одному его капризу. Байрон же утверждал, что она отдалась ему скорее из сочувствия, чем из-за страсти.

После ее отъезда ему стало очень одиноко, хотя скоро должен был наступить «дружеский сезон». Ничто не тянуло его на балы, встречи или театральные премьеры. Он охотно воспользовался приглашением своего знакомого из Кембриджа, Джеймса Виддебурна Вебстера, и поехал в его имение Астон-Холл. И там в течение четырех ночей написал поэму «Невеста из Абидоса» о любви сестры и брата.

Могло показаться, что он не собирался хранить роман с Августой в тайне, в кругу приятелей делал весьма прозрачные намеки… Однако видимая беззаботность очень быстро уступила место раздирающему самоанализу, мучительным попыткам объяснить себе, что случилось. То обвиняя себя, то оправдывая, поэт чувствовал, что никогда не перестанет думать об этом.

В Астон-Холле он познакомился с женой Вебстера, леди Фрэнсис, хрупкой, похожей на цветок женщиной с мягкой красотой. Леди Фрэнсис влюбилась в него, но дальше пожатия руки, тайных записок и украденных поцелуев дело не пошло.

Вернувшись в Лондон, Байрон отправил Августе свой портрет. Она же прислала ему прядь волос и написанную по-французски карточку.

Первые недели 1814 года они провели вместе в Ньюстеде.

«Мы никогда не ссоримся, – писал Байрон, – смеемся больше, чем подобает в такой уважаемой резиденции, а наша фамильная несмелость способствует тому, что мы чувствуем себя друг с другом лучше, чем кто-либо мог чувствовать в нашем обществе».

Они были очень счастливы. Это первое длительное пребывание под общей крышей позволило Августе разглядеть своего брата внимательнее. Она поняла, что его необузданный темперамент – наследство их общего отца – может сделать совместную жизнь с ним очень трудной. И все же усиленно склоняла его к супружеству. Он отвечал ей: «Если найдется такая, которая будет достаточно богатой, чтобы мне соответствовать, и достаточно шальной, чтобы меня взять, – я покажу ей способ сделать меня таким несчастным, каким она сможет. Магнит, который меня притягивает, – это деньги, а что касается женщин, то одна стоит другой, чем они старше, тем лучше, ибо… скорее окажутся в раю…»

Дни пребывания в Ньюстеде приближались к концу. Августа

решила вернуться к себе.

Тем временем по Лондону ходили сплетни. Байрон, как бы подтверждал их, часто в салонах заводил речь о кровосмесительной любви, сочиняя своеобразные теории. Впрочем, и на политические темы он, принадлежавший к крайне левому крылу вигов, тоже высказывал весьма непопулярные мнения. Тем не менее тридцать тысяч экземпляров «Корсара» были распроданы за один день. Несмотря на обвинения, бросаемые автору, все хотели его читать. Магия «Чайльд Гарольда» все еще действовала.

В середине апреля 1814 года Августа родила дочь. Ее назвали Медора. Байрон, по-настоящему взволнованный, отказался от поездки в Париж, где хотел присутствовать при триумфальном вступлении легионеров, и остался с Августой и Медорой. Вместе они провели летние месяцы на море в Гастингсе.

Их отношения перестали быть тайной. Байрон никогда не хотел и не умел скрывать свои дела, считая справедливым их судьей только себя. Атмосфера вокруг поэта сгущалась, и он наконец понял, что стоит перед выбором – либо уехать из страны, либо жениться и коренным образом изменить жизнь. Женитьба была бы похожа на сумасшествие, но именно поэтому подходила Байрону… Его избранницей стала Анабелла Мильбанк, дочь богатого барона, пуританка, увлекающаяся математикой и метафизикой.

Впервые он увидел ее в салоне леди Каро, тогда же объяснился ей в любви, но получил отказ. Теперь он решил снова броситься в атаку и просить ее руки. Байрон вовсе не был в нее влюблен и после предложения, которое было принято, продолжал встречаться с Августой. Анабелле было двадцать два года. Джорджу, самому известному после Гёте поэту Европы, – двадцать семь.

Можно было сразу предсказать, что это супружество завершится катастрофой – ни с какой точки зрения молодые не подходили друг другу. И брак почти с первого дня действительно стал кошмаром. Продолжался он год и закончился расставанием и разделом имущества. Через несколько дней после рождения дочери Августы, Ады, леди Байрон по решительному требования своего мужа оставила их общий дом, чтобы никогда уже туда не вернуться.

Разрыв стал сенсацией. Запахло скандалом. Августа объясняла супружеский кризис душевной болезнью своего брата, о чем, впрочем, заявляла и Анабелла. Врачи же дали заключение, подтверждающее полное психическое здоровье Байрона.

Леди Байрон не знала об отношениях, соединяющих брата и

сестру. Только во время пребывания в Сикс-Майл-Боттоме у нее зародились недобрые подозрения. Позднее она призналась, что эта мысль сводила ее с ума. Брат и сестра разговаривали друг с другом так, как будто находились наедине. Медору Байрон открыто называл своей дочерью. Правда, это можно было еще как-то объяснить: «Медора была его крестницей. Вечерами Байрон отправлял Анабеллу спать, а сам оставался с сестрой. Однажды они вместе перечитывали его письма, где он распространялся о своем абсолютном безразличии к Анабелле. "Я была близка к сумасшествию, – признавалась Анабелла, – но, чтобы не допустить чувства мести, высекала из себя другое чувство – романтического прощения"».

Вернувшись в Лондон, Байрон обзавелся экипажами, прислугой, принимал многочисленных гостей. Приданое жены в десять тысяч франков быстро улетучилось, вскоре та же участь постигла и восемь тысяч его наследства. Ему даже пришлось продать свои книги. Восемь раз описывали его имущество, причем даже кровать молодоженов. Все это не могло понравиться Анабелле, привыкшей с детства жить в комфорте. Начались ссоры, выводившие вспыльчивого Байрона из себя. Однажды он бросил в камин часы, а затем разбил их щипцами. К тому же молодую жену выводила из себя неверность Байрона. Его выбрали в дирекционный комитет одного театра, и его постоянные интрижки с актрисами, певичками и танцовщицами стали новым источником семейных раздоров.

У Августы было две дочери от Байрона, Медора и Ада.

Его положение становилось все труднее. В палате лордов его старательно избегали, на улице оскорбляли.

Байрон понял, что для него в этой стране нет места. И стал готовиться к отъезду. Прежде всего надо было урегулировать формальности, связанные с супружеством, на чем очень настаивал отец Анабеллы. Затем его ждало прощание с Августой.

Они встретились в последний раз ровно год спустя после рождения Медоры: в середине апреля 1816 года, в пасхальное воскресенье. Уж не было тех веселых, беззаботных дней, когда они столько смеялись и никогда друг другу не перечили. Над ними тяготела печаль расставания, неясное предчувствие, что разлука эта – навсегда. Провели грустный вечер, и Августа впервые плакала, говоря, что ее мучают угрызения совести.

После ее ухода Байрон засел за письма. Писал Анабелле: «Я уезжаю, уезжаю далеко, и мы с тобой уже не встретимся ни на этом, ни на том свете… Если со мной что-то случится, будь добра к Августе, а если и она к тому времени станет прахом, то к ее детям».

Он написал письмо своему юридическому советнику Джону Хансону, просил, чтобы тот время от времени пересылал ему сведения о дочери Августы Аде. Писал и Августе. Он часто писал ей во время своего путешествия по Швейцарии.

В Италии переписка прервалась, но потом возобновилась, когда Байрон написал ей: «Дорогая моя… Говорят, расставание убивает слабые чувства и укрепляет сильные. К сожалению! Мои чувства к тебе – это соединение всех чувств и всех страстей».

В Венеции Байрон поселился около площади Св. Марка. Его очередной любовницей стала Марианна Сегати, жена владельца дома. Почти одновременно он завел еще одну любовницу – Маргариту Кони, жену булочника. В 1818 году поэт переехал во дворец Палаццо Мосениго, чья хозяйка стала любовницей поэта. Но Маргарита быстро надоела Байрону, и он попросил ее вернуться к супругу. В ответ же получил удар ножом, к счастью, итальянка только легко ранила его в руку. Почти половина заработанных им денег уходила на случайных женщин, счет которым он давно потерял.

Летом 1819 года в Венеции он познакомился с графиней Терезой Гвиччиоли, молоденькой «тициановской блондинкой с прекрасными зубами, густыми локонами и чудесной фигурой», чем-то напоминавшей ему сестру. Ослепительная красавица, с длинными золотистыми волосами, ниспадавшими пенным водопадом на плечи, – весь ее облик был словно окутан романтической тайной. «Его удивительные и благородные черты, звуки его голоса и неописуемое очарование, исходившее от него, – писала в своих воспоминаниях графиня Гвиччиоли, – делали его созданием, оставлявшим в тени всех людей, которых я встречала до сих пор». «Ее разговор, – замечал Байрон в одном из писем, – остроумен, не будучи легкомысленным. Не претендуя на ученость, она прочитала лучших писателей Италии. Она часто скрывает то, что знает, из страха, как бы не подумали, что она хочет похвастаться образованностью. Ей, наверное, известно, что я не выношу ученых женщин. Если у нее синие чулки, то она заботится все-таки о том, чтобы их закрывало платье».

Замужество графини не стало препятствием для любовных свиданий, поскольку 60-летний муж красавицы предоставил ей полную свободу. Гвиччиоли поселилась на вилле своего возлюбленного, безнадежно скомпрометировав себя в глазах света и в особенности земляков. Мораль итальянцев допускала тогда присутствие «друга», более того, именно он считался настоящим супругом, правда, при соблюдении всех условностей. Она окружила свои отношения с поэтом романтическим ореолом и решила возродить в Байроне веру в истинную любовь.

Байрон небрежно отзывался о женщинах: «Дайте женщине зеркало и сладости, и она довольна. Я страдал от второй половины человеческого рода, сколько помню себя. Самые мудрые не вступают с ними ни в какие отношения. Рыцарское служение женщине, может быть, такое же жалкое рабство или даже еще более жалкое, чем всякое другое».

Однако к графине Гвиччиоли он питал нежную страсть и относился к ней с большим уважением. Некоторые из созданных им прекрасных женских образов (например, Ада из «Каина» или Мира из «Сарданапале») навеяны очаровательной графиней.

Ради Байрона Тереза развелась с мужем, который имел на совести два убийства, зато был фантастически богат. Байрон считал графиню последней своей любовью, серьезно думал о женитьбе на ней. Теперь Байрон, опасаясь мести графа Гвиччиоли, всегда имел при себе пистолет. Неизвестно, чем бы завершилась эта любовная история, но вскоре после этого графиня была выслана из Италии за принадлежность к карбонариям и вынуждена была удалиться в монастырь.

В 1823 году Байрон отправился в Грецию, где шла борьба за свободу, мечтая о поступке, который оставил бы какой-то след (он не считал свои поэмы чем-то значительным). Там он и умер от лихорадки и жара. Когда провели вскрытие и исследовали мозг, врачи заявили, что это мозг 80-летнего старца. Он все равно не смог бы прожить долго.

В доме поэта в Миссолунги на его бюро нашли незаконченное письмо к Августе, начинавшееся, как всегда, словами «Моя самая дорогая Августа». В завещании Байрон оставил ей все свое состояние – сто тысяч фунтов стерлингов, сумму по тем временам колоссальную. Через два года у Августы уже не осталось ни гроша. Выплатила кредиторам, раздала карточные долги мужа и сыновей, заплатила «отступные» шантажистам, грозившим опубликовать дневник леди Каро, якобы содержавший признание Байрона в кровосмесительной связи.

Анабелла, послушная просьбе Байрона, пыталась помогать Августе, но в конце концов потеряла терпение. Дошло до острого обмена мнениями, и дамы перестали видеться. Через какое-то время до Анабеллы дошли вести о смертельной болезни 67-летней Августы. Та просила кого-нибудь посидеть рядом, почитать письма любимого брата, которых оставалось совсем мало.

Письма Байрона она продавала…

ЧАРЛЗ СПЕНСЕР ЧАПЛИН (1889—1977)

Знаменитый английский актер и кинорежиссер. Начиная с 1910-х годов создал в немых комедиях, таких как «Каток» (1916), «Малыш» (1921), «Золотая лихорадка» (1925), облик бродяги, сочетавшего набор примет: усики, котелок, тросточка. В фильмах «Великий диктатор» (1940) и «Огни рампы» (1952) сочетал диалог с мимикой и музыкальным сопровождением. В 1919 году совместно с Мэри Пикфорд, Дугласом Фербенксом и Д.В. Гриффитом образовал кинокомпанию «Юнайтед артистс». Чаплин снял также фильмы «Огни большого города» (1931), «Новые времена» (1936), «Месье Верду» (1947), «Король в Нью-Йорке» (1957), «Графиня из Гонконга» (1967). Награжден специальными премиями «Оскар» (1928 и 1972).

«В этот вечер я долго бродил по улицам Нью-Йорка, – вспоминал Чарли Чаплин в своей книге, – заглядывая в витрины магазинов, и подолгу, без всякой цели, стоял на перекрестках. Что со мной происходит? Казалось бы, я достиг апогея славы. И вот я, шикарно одетый молодой человек, стою на перекрестке, а пойти мне некуда. Все меня знают, а я никого не знаю. Я заглянул к себе в душу, и мне стало жаль себя – меня охватила грусть».

Это происходило в те дни, когда Чаплин вернулся в Нью-Йорк из Лос-Анджелеса после окончания его контракта с фирмой «Эссеней», второй фирмой, где он снимал свои фильмы. Находясь в Лос-Анджелесе, артист не подозревал, какой невероятной популярностью пользуются его фильмы в Нью-Йорке, а потому обрушившаяся на него слава буквально ошеломила его. Мечты сбывались. Третий в его жизни контракт с кинокомпанией – на этот раз он выбрал «Мючуэл» – был заключен на сумму 670 тысяч долларов. С нищетой и унижениями было покончено навсегда.

Чарли Чаплин родился в Англии, вырос в ужасающей бедности. Его мать, бывшая старлетка дешевого варьете, рано лишилась голоса, бросила театр и зарабатывала жалкие гроши шитьем. Муж ее, тоже артист, покинул ее, когда Чарли исполнился год. Отец практически ничем не мог помочь бывшей жене, своему сыну Чарли и пасынку Сиднею, старшему брату Чаплина. Наконец положение их стало совсем отчаянным, мать ушла в работный дом, а детей сдала в приют. Вынужден был пойти работать и Сидней, а когда умер отец, Чарли бросил школу и присоединился к брату.

В шестнадцать лет Сидней получил место горниста на пассажирском корабле и ушел в плавание, а в это время заболевшую мать отправили в психиатрическую больницу. Чарли продавал газеты, клеил игрушки, работал в типографии, в стеклодувной мастерской, в приемной врача и так далее, но у него была заветная мечта. Однажды Чарли отправился в театральное агентство и поинтересовался, нет ли у них в каком-нибудь спектакле роли для мальчика. Его зарегистрировали и сказали, чтобы он ждал вызова. Когда Чарли было двенадцать с половиной лет, он получил первую роль в театре. Начались скитания по Англии в составе второсортных театральных трупп, но это и была та актерская школа, которая сделала его Великим Комиком Чарли Чаплиным.

Именно тогда, будучи уличным артистом, Чарли впервые женился. В автобиографии артист даже не упомянул о том браке, будто его и не было. Ну еще бы, ведь ему было тогда шестнадцать, а его жене и того меньше! Они «разбежались» довольно быстро, но сына Сиднея, родившегося от этого брака, Чаплин оставил у себя. Не писал он и о том, где и с кем был его первый ребенок, когда вместе с труппой Карно Чаплин впервые приехал на гастроли в США. Единственное, что может указывать на то, что он брал ребенка с собой, – это привычка Чарли жить всегда отдельно от артистов труппы. Но, возможно, это только свидетельство его любви к одиночеству.

Выступления в Америке прошли довольно успешно, и Чарли был очарован этой страной. На гастролях в Штатах он часто влюблялся в хорошеньких актрис, но о серьезных намерениях не было и речи. Обжегшись на первом браке, Чарли предпочитал теперь исключительно девушек из кварталов «красных фонарей», куда актеры отправлялись кутить большими шумными компаниями.

Во время следующих гастролей в США Чарли начал откладывать доллары на счет в банке. Он мечтал заняться свиноводством… Но гастроли еще не подошли к концу, когда фирма «Кистоун» пригласила Чарли сниматься в кинокомедиях за сто пятьдесят долларов в неделю. По тем временам для начинающего артиста это была превосходная оплата. Кинокомедии с участием Чаплина имели успех. Однако режиссеров часто раздражали советы Чаплина, и тогда он решил сам снимать свои фильмы по собственным сценариям. Работа слишком увлекла его, чтобы думать о новой семье, но это не значит, что влюбчивый артист спал один.

«Мне тогда, в 1914 году, едва исполнилось двадцать пять лет, я был в расцвете молодости, влюблен в свою работу, и не только

потому, что она принесла мне успех. В ней было особое очарование: возможность встречаться со всеми знаменитыми кинозвездами… И тут изумительно красивая девушка, Пегги Пиерс, с изящно очерченным личиком, прекрасной белой шейкой и очаровательной фигурой, заставила затрепетать мое сердце. Она появилась лишь на третьей неделе моего пребывания в студии "Кистоун"… Но стоило нам увидеть друг друга, и мы оба воспламенились. Чувство было взаимным, и душа моя пела. Какими романтичными были те утра, когда я бежал в студию, зная, что вот сейчас увижу ее. По воскресеньям я ходил к ней в гости, она жила с родителями. Каждая наша встреча была полна признаниями в любви, и каждая наша встреча была полна борьбы. Да, Пегги любила меня, но добиться я ничего не мог. Она была тверда, и в конце концов я отчаялся и отступил. Жениться я тогда еще намерения не имел. Я слишком ценил свободу, сулившую мне необыкновенные приключения. Ни одна женщина не могла сравниться с тем смутным образом, который жил в моей душе».

Конечно, работа тогда полностью захватила молодого режиссера, артиста и сценариста в одном лице. В студии «Эссеней» в 1915 году он снял 12 фильмов, по одному в месяц, среди них «Чемпион», «Бродяга», «Женщина», «Вечер в мюзик-холле». Когда срок контракта истек, Чарли запросил при подписании нового контракта выложить сразу на стол сто пятьдесят тысяч наличными. Это было его главным условием. Фирма «Эссеней» на это не пошла. Чаплин закончил съемки фильма «Кармен» и отправился в Нью-Йорк, где брат Сидней рассматривал все поступившие в его адрес предложения о работе от других кинокомпаний. Самые выгодные условия предложила «Мючуэл».

И вот последовало торжественное подписание контракта. Чарли Чаплина сфотографировали в момент получения чека на сто пятьдесят тысяч долларов. Вечером он стоял в толпе на Таймс-сквер, когда на световом табло здания, где помещалась редакция газеты «Таймс», побежали буквы: «Чаплин подписывает контракт с «Мючуэл» на 670000 долларов в год». «В моей жизни за это время произошли такие перемены, что я уже потерял способность волноваться», – заметил артист.

Первый же фильм («Контролер универмага»), снятый Чаплином в «Мючуэл», имел большой успех. Вскоре он втянулся в работу и каждый месяц выпускал по одной комедии в двух частях – «Пожарный», «Скиталец», «В час ночи», «Граф», «Лавка ростовщика», «За экраном»…

«Пожалуй, работа в «Мючуэл» была самым счастливым периодом моей творческой жизни. Мне было двадцать семь лет,

меня не обременяли никакие заботы, а будущее сулило быть сказочным. Скоро я должен был стать миллионером – все это чуть-чуть смахивало на бред. Деньги лились рекой… Бесспорно, успех меняет в жизни человека все. Когда меня с кем-нибудь знакомили, новый собеседник неизменно смотрел на меня с огромным интересом. Хотя я был всего только выскочка, мое мнение приобрело большой вес». Чаплин обзавелся секретарем, лакеем, автомобилем и шофером. Его постоянно приглашали к себе знаменитости, он подружился с артистами, музыкантами, певцами.

Закончив работу в «Мючуэл», Чаплин подписал контракт с «Ферст нейшнл», но решил построить для съемок собственную студию. В это время он серьезно дружил с Эдной Первиэнс, которую пригласил сниматься в своих фильмах, когда работал еще в фирме «Эссеней». В глубине души Чаплин надеялся, что женится на ней, но он не хотел торопить события. Эдна, очевидно, была слишком скромной и застенчивой, чтобы проявить инициативу самой.

«В 1916 году мы с ней были неразлучны, – вспоминает Чарли, – вместе ходили на вечера Красного Креста, на все балы и приемы. Случалось, что Эдна ревновала меня. Выражала она свою ревность довольно тонким и коварным способом. Стоило кому-нибудь выказать мне слишком явное внимание, Эдна сразу исчезала, и мне тотчас же сообщали, что ей стало дурно и она просит меня подойти к ней. Разумеется, я бежал со всех ног и просиживал возле нее остаток вечера».

Возможно, нерешительность Чарли подтолкнула Эдну к другому мужчине. Она влюбилась в красивого молодого актера – Томаса Мейгана. Чаплин был уязвлен и расстался с Эдной, что никак не отразилось на совместной работе.

«…Писать сценарии, играть самому и ставить фильмы пятьдесят две недели в году – это требовало все-таки неимоверных усилий, изнурительного расхода нервной энергии. После каждой картины я чувствовал себя разбитым и вконец измученным – мне необходимо было хотя бы день пролежать в постели… Я старался, чтобы романы не мешали моей работе. А когда страсть все-таки прорывалась сквозь преграды, все обычно выходило не слава богу – либо перебор, либо недобор. Но работа всегда была для меня важнее всего».

Со вторым браком Чарли Чаплина именно так и произошло, получилось опять «не слава богу». Осенью 1917 года Сэм Голдвин пригласил его к себе на виллу купаться. День прошел весело, но довольно глупо. Чарли познакомился с Милдред Харрис, которая была с неким мистером Хэмом, но влюблена была в Элиота

Декстера и кокетничала с ним. И вот вечером она попросила Чарли подвезти ее.

Чарли довез Милдред до дому, но едва сам вернулся к себе, как она ему позвонила! И вопреки тому, что Чаплин считал ее глупенькой, он все-таки пригласил ее обедать. «Хотя в тот вечер она была очень красива и мила, я не почувствовал того радостного возбуждения, которое обычно вызывает общество хорошенькой девушки. Я испытывал к ней определенное влечение, но затевать романтическое ухаживание, которого от меня ждали, мне было просто лень».

Чарли Чаплин в воспоминаниях «забывал» упомянуть одну деталь – девушке было всего четырнадцать лет. «Последовали обеды, танцы, лунные ночи, прогулки по морю и произошло неизбежное. Милдред встревожилась». Скорее всего, встревожилась ее мать. Чарли Чаплин вынужден был срочно жениться. «Церемония была до ужаса простой и деловитой… На душе у меня было смутно. Я чувствовал, что запутался в сети глупых случайностей, что все это бессмысленно и ненужно, и наш союз лишен прочной основы… Я не был влюблен, но теперь, когда женился, мне хотелось, чтобы я любил свою жену и чтобы наш брак оказался счастливым».

Прошло несколько месяцев семейной жизни, а Чарли сделал только одну комедию. Работа шла мучительно, и артист во всем винил неудачный брак, который плохо сказался на его творческих способностях. Но когда он увидел на сцене 4-летнего мальчугана Джекки Кугана, ему пришла идея «Малыша» – одну из лучших комедий с героем-бродягой.

Увлеченный новым фильмом, Чарли совершенно забыл о молодой жене, которую, впрочем, устраивала собственная вполне независимая жизнь. «По натуре Милдред была не злой, но она была безнадежно зоологична. Я никогда не мог добраться до ее души – она вся была забита каким-то розовым тряпьем и всякой чепухой. Спустя год после свадьбы у нас родился ребенок, но прожил он всего три дня…» Кроме того, Чарли передали сплетни о его жене, о том, что она неверна ему. Они решили развестись, но мирного расставания не получилось. Журналисты сумели раздуть скандал, и в печати Милдред обвинила мужа в жестокости. Развод дорого обошелся актеру, кроме того, он оказался в центре внимания бульварной прессы.

После успеха «Малыша» в 1920 году и позора развода Чаплин позволил себе некоторую передышку. В 1922 году он снял в «Ферст нейшнл» «День получки», в следующем – «Пилигрим», и на этом распрощался с этой компанией. Отныне он стал снимать для кинокомпании «Юнайтед артистс», чьим совладельцем он

был. «Несколько недель я мучился, выискивая тему. Я все время твердил себе: "Этот фильм должен быть величайшим фильмом эпохи!" – но ничто не помогало». Но однажды он увидел фотографию золотоискателей на Клондайке. Возникла идея снять «Золотую лихорадку». Во время съемок этого фильма Чарли Чаплин снова женился, но и об этом периоде своей жизни он вспоминал весьма неохотно – настолько брак оказался неудачным. «Я не стану касаться подробностей этого брака – у нас двое взрослых сыновей, которых я очень люблю. Мы прожили с женой два года, пытаясь создать семью, но ничего не получилось; у обоих осталось лишь чувство горечи».

Зато пресса не проявляла столько деликатности, рассказывая об этом браке великого комика. Дело в том, что выходя замуж за Чарли, Лита Грей была еще очень юной, несовершеннолетней актрисой, и он вынужден был жениться, потому что она ждала от него ребенка. Естественно, что и в этом союзе Чаплина о семейном тепле и взаимопонимании не могло быть и речи. Когда все стало окончательно ясно, последовал развод, сопровождавшийся страшным скандалом: Лита обвиняла Чарли в жестокости и аморальности. Ее заявление в суд состояло из 42 страниц. Оно было перепечатано и продавалось на улицах по 25 центов за копию. Лита раскрыла в заявлении некоторые подробности их семейной жизни: за эти два года у него было пять любовниц, он неоднократно угрожал ей заряженным пистолетом, несколько раз предлагал заняться групповым сексом, а также предаваться с ней любви перед зрителями…

После бракоразводного процесса, по решению которого все имущество Чаплина досталось его бывшей жене, великий комик попал в клинику для нервнобольных. Впрочем, сам он объяснял свой нервный срыв по-иному, дескать, почувствовал себя плохо после премьеры «Золотой лихорадки» в Нью-Йорке, которая прошла с большим успехом.

Между тем в киноискусстве произошла грандиозная перемена: «великий немой» заговорил! «Наступали сумерки немого кино, и это было грустно, потому что оно начало достигать совершенства… Однако я твердо решил по-прежнему делать немые фильмы». Чаплин приступил к работе над «Огнями большого города». На премьере фильм был принят очень хорошо. Затем «Огни большого города» не сходили с экрана три месяца и дали больше 400 тысяч долларов чистой прибыли.

Чаплин повез свой фильм в Европу, где у него было много интересных встреч с великими людьми, среди них были Черчилль, Уэллс, Бернард Шоу, принц Уэльский. И лишь спустя восемь месяцев Чаплин вернулся в Беверли-Хиллз, в свой

большой и пустой дом.

«У меня была тайная надежда, что я встречу в Европе человека, который смог бы как-то направить мою жизнь. Но ничего не вышло. Из всех женщин, которых мне там довелось встретить, очень немногие способны были бы это сделать, а этим немногим я был не нужен».

В Голливуде наступили перемены. Большинство звезд немого кино исчезло с горизонта. С приходом звука в кино очарование и беззаботность Голливуда канули в лету. Он превратился в серьезный деловой промышленный центр. Болтаясь без дела, Чарли Чаплин занялся поисками хорошенькой женщины. Он очень гордился своей голливудской репутацией покорителя женских сердец и даже называл себя «Восьмым чудом света». Он покорил, например, актрис Мейбл Норманд, Эдну Первиэнс, Полу Негри и Мэрион Девис, а также Пегги Хопкинс Джойс, которая стала одной из богатейших женщин мира благодаря пяти бракам с миллионерами… Вскоре случай свел его с Полетт Годдар. Она была весела и забавна. Их связывало одиночество – она никого не знала в Голливуде. По выходным они совершали дальние автомобильные прогулки. Потом Чарли купил чудесную яхту, на которой они отправились вдвоем на Каталину. После путешествия Чаплин начал снимать новый немой фильм – «Новые времена» с Полетт Годдар в главной роли. Первая неделя проката фильма побила все рекорды, но уже на второй неделе интерес публики ослабел. Чаплин решил побывать в Китае, а вернувшись из путешествия, обнаружил, что фильм «Новые времена» пользуется огромным успехом.

И он снова в мучительном раздумье – снимать ли еще один немой фильм?

«Было очень уж нелегко придумать немой сюжет на час сорок минут, воплощая остроумие в действии… С другой стороны, я думал и о том, что, как бы хорошо я ни сыграл в звуковом фильме, мне все равно не удастся превзойти свое мастерство в пантомиме… Вот какие грустные мысли одолевали меня.

Мы с Полетт были женаты всего год, но в наших отношениях уже намечался разрыв. Отчасти этому способствовало мое дурное настроение и тщетные попытки продолжить работу. После успеха "Новых времен" «Парамаунт» пригласил Полетт на несколько фильмов. А я не мог ни работать, ни развлекаться».

Прошло года два. Чарли и Полетт уже не жили вместе, но еще не были в разводе и оставались добрыми друзьями. В Европе между тем собирались тучи новой войны, и Чаплин решил снимать комедийный фильм «Диктатор», высмеивающий Гитлера. В разгаре работы над фильмом режиссера начали предупреждать,

что у фильма будут неприятности. И хотя «Диктатор» имел большой успех у зрителей, отношение Чаплина с прессой и правительством становились все прохладнее.

Полетт развелась с Чаплиным тихо – она сделала это в Мексике, избежав тем самым очередного скандала в прессе. Впрочем, возможно, это объясняется тем, что события в Европе заслонили все остальное. Гитлер напал на Россию. Нацисты стояли под Москвой, а Рузвельт тянул с открытием второго фронта. Однажды Чаплина попросили выступить на митинге члены Комитета помощи России в войне. Речь эту Чаплин начал с приветствия «Товарищи!» и горячо уверял присутствующих, что нужно помочь русским.

С этого и начались неприятности. Впрочем, вначале внешне все было спокойно. Но судьба послала Чарли встречу с Джоан Берри, начинающей актрисой, которая сыграла в его жизни роль злого гения. Они стали довольно часто встречаться, и Чаплин заключил с Берри контракт на роль в его следующем фильме, сценарий которого он писал в это время. Но после заключения контракта Берри резко изменилась – начала приезжать к нему пьяная среди ночи, буянить, устраивать скандалы. Когда Чаплин не пускал ее в свой дом, она била окна. Чаплин дал ей денег и оплатил проезд до Нью-Йорка с одним условием, что она разорвет с ним контракт на роль в фильме. Он надеялся, что избавился от нее навсегда, но не тут-то было. Однажды она снова ворвалась в дом Чарли, устроила скандал, била стекла. Он вызвал полицию. И после этой мерзкой истории с Берри Чаплин встретил главную любовь своей жизни. Он искал замену Берри для главной роли в фильме «Призрак и действительность». Ему предложили познакомиться с Уной О'Нил, дочерью известного драматурга.

«Она улыбнулась, – вспоминал Чарли, – и мои мрачные предчувствия сразу развеялись. Я был пленен ее сияющей прелестью и каким-то особенным, ей одной присущим обаянием… Чем больше я узнавал Уну, тем больше меня изумляли ее чувство юмора и терпимость – она всегда с уважением относилась к чужому мнению. Я полюбил ее и за это, и за многое другое». Чаплин готов был к съемкам нового фильма, но снова появилась Берри и заявила, что она беременна от него. Началась травля Чаплина в прессе, и они с Уной решили немедленно пожениться. Чарли было тогда пятьдесят пять лет, Уне еще не исполнилось восемнадцати. Долговязая профессорская дочка была угловата и не очень разговорчива, но ни возраст жениха, ни его маленький рост ее не смущали. Новобрачным удалось обмануть репортеров, зарегистрировать брак в тихом маленьком селении под Санта-Барбарой и провести

вдвоем медовый месяц.

Увы, начало их семейной жизни омрачил судебный процесс, который Берри затеяла против Чаплина, предъявив иск об отцовстве ее ребенка. Судья вынес решение о необходимости проведения анализа ДНК. Результат разочаровал всех скандалистов и врагов Чарли: он ни в чем не был виноват, ребенок был не его, девушка обманывала. И все же, ко всеобщему изумлению, судья вынес вердикт: Чаплин все равно должен выплачивать матери ребенка необходимое пособие. Многие увидели в этом решении суда еще одно подтверждение того, что Голливуд никогда не любил гениального актера.

Процесс совершенно вымотал Чаплина. «Я был не в состоянии с кем-либо встречаться или разговаривать. Я чувствовал себя опустошенным, оскорбленным, выставленным на посмешище. Даже присутствие слуги смущало меня». Но, отдохнув вдвоем с молодой женой вдали от Голливуда, где их не мог найти ни один репортер или приятель, Чаплин вернулся к делам. Он дописал сценарий «Мсье Верду» и собрался приступить к съемкам. К его большой радости, Уна заявила, что не хочет быть актрисой. Наконец-то у Чаплина появилась жена, которая не пыталась с его помощью сделать карьеру звезды кино. Он был счастлив.

Фильм «Месье Верду» был хорошо встречен публикой, но пресса и многие критики его не приняли. Мало того, на Чаплина обрушились обвинения в том, что он пособник коммунистов. Члены Католического легиона пикетировали кинотеатры, и фильм всюду снимали с проката. Он едва окупил свои затраты, не получив никакой прибыли. Тогда Чаплин сделал новый фильм – «Огни рампы», но его уже мало волновал успех или неуспех картины, поскольку они с женой решили выехать в Европу. Едва пароход отплыл от берегов США, Чарли принесли радиограмму, в которой говорилось, что въезд в Соединенные Штаты ему закрыт. Погостив в Лондоне, семья Чаплина, в которой было уже четверо детей и ожидался пятый, решила поселиться в Швейцарии. Они купили большой дом в селении Корсье с участком и садом.

Чарли Чаплин, живя в Швейцарии, не скучал по Нью-Йорку, который слишком изменился со времен его молодости и работы в Голливуде. В Швейцарии у семьи Чаплина было много друзей, среди них королева Испании, граф д'Антраг, кинозвезды и писатели. Весной в гости приезжали англичане и американцы, а сами Чаплины постоянно ездили в Лондон, Париж, Венецию и Рим. Уна была для Чаплина не только женой, матерью его детей, другом в несчастье – она стала его божеством. Старость великого комика прошла в удивительной гармонии с этой хрупкой, скромной и милой женщиной, которая родила ему пятерых

дочерей и троих сыновей.

КАРЛ VII (1403—1461)

Французский король (с 1422), из династии Валуа, сын Карла VI и Изабеллы Баварской. Коронован в Реймсе (1429) при содействии Жанны д'Арк. При нем закончилась Столетняя война (1337—1453). Прагматической санкцией 1438 года способствовал получению французской церковью определенной независимости от папства.

В 1422 году в Пуатье своим королем арманьяки провозгласили Карла VII. Франция в то время была официально разделена на две части. В одной из них правил французский король Карл VII, в другой от имени несовершеннолетнего англичанина Генриха VI – регент герцог Бедфордский. Гражданская война между арманьяками и бургиньонами разразилась с новой силой.

В сентябре 1435 года скончалась Изабелла Баварская, поддерживавшая бургиньонов и Генриха VI. Через пять месяцев после ее смерти Париж сдался коннетаблю Ришмону, а Карл VII наконец смог беспрепятственно войти в свою столицу. Минуло еще восемь лет, в течение которых продолжались военные действия между Англией и Францией. Франция постепенно восстанавливала свои прежние границы. 28 мая 1444 года было подписано перемирие с Англией. Король наконец получил возможность перевести дух. Теперь он мог подумать о том, как поразвлечься. Со свойственной ему страстностью – в молодости у него была тысяча любовных похождений, и ему удавалось частенько изменять своей супруге, королеве Марии, – стал заглядываться на молодых фрейлин.

Первая, привлекшая его внимание, была мадам де Жуаез. Она была общепризнанной красавицей. Ее наряды были самыми богатыми и изысканными в королевстве. Ее платья были обшиты редким мехом; драгоценности, которые она носила, могла позволить себе лишь королева.

Карл VII, встретив однажды мадам де Жуаез в коридоре, жестами и нежными словами сделал ей нескромные предложения. Хитрая красавица притворилась, будто смущена. Она прекрасно знала, что ей надо делать, и принялась кокетничать, стараясь вызвать нежную страсть в Карле. Но такие игры могут привести к непредсказуемым последствиям: однажды утром молодая женщина поняла, что влюбилась в короля, и поняла, что попала в собственную ловушку. Мадам де Жуаез старательно скрывала

свои чувства, но любопытное происшествие раскрыло их Карлу VII. Это случилось в Шинонском лесу во время верховой прогулки, которые обычно совершались королевским двором перед заходом солнца. Королю удалось увлечь за собой мадам де Жуаез, и они немного отделились от свиты. Карл VII стал в привычной для себя манере вести с ней вольные речи, пытаясь завоевать ее расположение, о чем он страстно мечтал. Когда он, увлеченный собственной речью, наклонился к мадам де Жуаез, чтобы шепнуть ей на ухо слова признания, его лошадь, чего-то испугавшись, вдруг стала на дыбы. Если бы Карл не проявил впечатляющую силу духа, животное могло бы рухнуть на землю, подмяв его под себя. Мадам де Жуаез, увидев это, сильно побледнела, она так испугалась, что едва не упала в обморок.

Взволнованный король ненадолго лишился дара речи. Что касается мадам де Жуаез, она дрожала всем телом и молчала вплоть до возвращения в Шинон. Едва прибыв в Шастель, они, не произнеся ни слова, обнялись и провели вместе ночь.

Их роман, бурный и страстный, длился до того дня, как Карл VII познакомился с фрейлиной королевы Сицилии. Она была так прекрасна, «что он страстно желал ее возбудить и думал, что его мечты могли осуществиться лишь во сне».

Очарованный, он с восторгом созерцал ее пепельного цвета волосы, голубые глаза, совершенный нос, очаровательный рот, обнаженную грудь. Наконец, Карл спросил ее имя.

«Я дочь Жана Соре, зовут меня Агнесса Сорель, – ответила фрейлина».

Ничего не ответив, король направился в свои апартаменты. Казалось, никогда в жизни он не был так влюблен. Агнесса поразила Карла VII своей красотой, и он поднялся к себе в состоянии, близком к экстазу.

В тот же вечер Карл VII попытался заявить о своих нежных чувствах Агнессе, но молодая девушка убежала с испуганным видом, который только распалил в короле желание. В течение нескольких дней его вздувшиеся вены на висках служили предметом разговоров при королевском дворе.

Но однажды утром наблюдательные придворные заметили, что у короля обычный вид, и все поняли, что красавица Агнесса уже не проводила ночи в одиночестве. Мадам де Жуаез, когда ей сообщили, что она попала в немилость, слегла от ревности и от огорчения, а не на шутку встревоженный муж заставил ее даже принять лекарства, желая вернуть супругу к радостям жизни. Эти лекарства оказали превосходный эффект! Через пятнадцать дней мадам де Жуаез стала любовницей господина де Ла Тремуйля…

Через несколько месяцев о любовной связи короля и дамы из

Фроманто знал весь двор. Одной королеве не было ничего известно. Но однажды вечером Мария Анжуйская встретила фаворитку короля, прогуливавшуюся по одному из коридоров дворца с обнаженной грудью. Такой вольный вид кое о чем говорил, и это дало королеве пищу для размышлений. И Мария Анжуйская стала наблюдать за своим супругом. Карл был очень осторожен, и летописец Жан Шартье сообщал, «что никто никогда не видел Агнессу, целующейся с королем…» Но все были вынуждены признать, что между ними существовали тайные интимные отношения, ибо в 1445 году красавица почувствовала, что беременна…

Добрая и снисходительная королева смирилась с изменой мужа и стала поддерживать теплые отношения с его любовницей. Они даже вместе гуляли, слушали музыку и, ведя светские беседы, обедали, что очень радовало Карла VII, для которого не было большего удовольствия, чем видеть полное согласие вокруг…

В течение нескольких лет король, судя по отзыву папы Пия II, «не мог прожить и часа без своей прекрасной подруги» и был явно больше озабочен совершенствованием своего любовного мастерства, чем ведением государственных дел».

В результате в 1448 году Франция была обременена чрезмерными налогами, а Агнесса Сорель имела к этому времени троих детей.

Фаворитка скончалась так неожиданно, что в народе говорили: «Агнесса Сорель была отравлена». И поскольку в такого рода делах нужно было найти виновника, этим человеком стал дофин Людовик, будущий Людовик XI, которого и стали обвинять в убийстве фаворитки своего отца. Сразу вспомнили о том, что наследник короны всегда презирал Агнессу Сорель, влияния которой на короля опасался, и что однажды в Шиноне, выйдя из себя, даже отвесил ей пощечину, прокричав: «Клянусь Богом, от этой женщины все наши несчастья!»

Летописец Монстреле писал: «Ненависть Карла VII к Людовику привела к тому, что принц неоднократно бранил своего отца и выступал против него из-за красавицы Агнессы, которая была в большей милости у короля, чем сама королева. Поэтому дофин ненавидел фаворитку и со злости решил ускорить ее смерть…»

После смерти фаворитки прошло восемнадцать месяцев, когда Жанна де Вандом, придворная дама, подтвердила под присягой, что королевский министр финансов отравил Агнессу Сорель. Карла VII эти слова очень взволновали, и он немедленно назначил расследование. Через неделю Жака Кера арестовали, и

он предстал перед судом в довольно-таки странной компании: к примеру, в ней были бывший главарь Живодеров и итальянский авантюрист с более чем сомнительным прошлым.

Этот арест, удививший все королевство, был на руку многим. Ведь министр финансов был не только кредитором короля; он выдавал довольно крупные ссуды большинству знатных вельмож, приближенных ко двору, и некоторые из них уже решили, что его осуждение позволит им быстрее уладить свои дела. Да и судьи поняли, что, если они приговорят его к пожизненному заключению, им будет признательно множество господ. Процесс начался, естественно, с того, что Жаку Керу предъявили обвинение в отравлении Агнессы Сорель. Но доказательства, представленные мадам де Вандом, сразу показались несостоятельными даже самым заклятым врагам министра финансов.

Министра финансов подло стали обвинять во всех грехах и в результате осудили за «растрату казны». Но не желая, чтобы народ догадался, что они окончательно решили отказаться от основного обвинения, судьи коварно заявили: «Что касается отравления, процесс пока еще не дошел до стадии вынесения приговора, о котором всем в ближайшее время сообщат…»

И министр финансов, один из самых главных приближенных короля и один из самых близких и верных друзей Агнессы, был брошен в тюрьму. К счастью, через несколько месяцев ему удалось бежать, и он направился в Рим, где его с удовольствием приютил папа.

После смерти фаворитки Карл VII, который был «от природы страстным и галантным кавалером», нашел новую любовницу – Антуанетту де Меньле, двоюродную сестру Дамы де Боте. Это очень красивая женщина почти сразу понравилась королю. Проявив благоразумие, он решил узаконить присутствие при его дворе этой очаровательной особы и женил на ней Андре де Виллекье, одного из своих близких друзей, который закрыл глаза на неверность супруги.

Отныне для Карла VII, которому уже было сорок восемь лет, наступила вторая молодость. Безумно влюбившись в Антуанетту, он увлекал ее под разными предлогами по четыре-пять раз в день в свою спальню, и ни у кого не вызывало сомнений, чем они там занимались. Он совсем забыл о бедной Сорель. Что он только не делал для своей новой любовницы!

Вот, например, какой обед король дал в ее честь 6 июня 1455 года: «Стол был покрыт зеленой скатертью, края которой украшали перья павлина, переливавшиеся фиолетовым цветом со множеством оттенков. Посреди скатерти возвышалась серебряная

башенка, служившая птичьей клеткой, где можно было видеть птиц с позолоченными хохолками и лапками. Во время этого званого обеда ели рагу из оленя, мясо лани, фаршированных цыплят, жаркое из телятины под немецким соусом, пироги, осетрину и кабанину. Обед проходил с участием трубачей и менестрелей, развлекавших гостей».

Не только король щедро осыпал подарками прекрасную Антуанетту. Сама королева великодушно дарила ей к праздникам роскошные подарки, о чем свидетельствует книга расходов королевского двора. Однажды, например, она подарила ей хрустальную вазу, украшенную золотыми листочками…

Вскоре страстному Карлу VII показалось недостаточным иметь лишь одну любовницу. Однажды король, чей любовный пыл с годами все более и более возрастал, позвал к себе Антуанетту де Меньле и спросил у нее, не известны ли ей какие-нибудь очаровательные особы с приятными лицами и фигурами, которые согласились бы посещать его спальню поодиночке или даже вместе.

Новой фаворитке был хорошо известен ненасытный аппетит своего любовника и его тяга к подобного рода развлечениям. Тем не менее она спросила: «Почему же у вас, государь, неожиданно возникло желание иметь сразу несколько партнерш?»

«Потому что, – ответил Карл, – это полностью удовлетворит мою страсть».

Антуанетта была не так уж сильно влюблена в Карла VII. Она часто капризничала и ловко пользовалась этим, получая от короля драгоценности, которые тут же передавала мужу. Она была готова на все, лишь бы жизнь, которую она вела, продолжалась как можно дольше. И для нее не представляло особого труда выполнить требования любовника.

Кстати, она сама не питала отвращения к такого рода развлечениям. Начиная с этого дня, Антуанетта стала умолять разделить ложе с королем всех молоденьких особ «с приятными фигурками», которые имели честь с ней говорить.

Вот, впрочем, что об этом писал летописец Жан дю Клерк: «Дама де Виллекье (Антуанетта де Меньле) однажды встретила в гостях у мадам де Жанлис дочь берейтора из города Арраса, которого звали Антуаном Ребрев. Эта молодая девушка, имя которой было Бланш, была очень привлекательна. Дама де Виллекье попросила мадам де Жанлис доверить эту девушку ей. Но та отказалась, сославшись на то, что не может распоряжаться ребенком без разрешения отца. И немедленно отправила Бланш в Аррас. Когда Антуан де Ребрев узнал о желании фаворитки короля, он поспешил дать согласие на просьбу Антуанетты де

Меньле и поручил своему сыну Жаку, молодому и красивому 27-летнему берейтору, отвезти сестру, которой было лишь восемнадцать лет, ко двору короля по приказу дамы де Виллекье. Девушка прибыла во дворец во вторник. И в тот же вечер очень довольный король отправился на ночлег с юной Бланш и дамой де Виллекье».

Через несколько дней Карл VII вновь позвал свою фаворитку. Он признался ей, что для полного удовлетворения своей страсти нуждался в еще более пикантных развлечениях. И тогда Антуанетта вновь отправилась на свою охоту и поручила всем странствующим торговцам сообщать ей о всех молодых прелестных девушках, проживающих в тех краях, куда попадали путники.

Благодаря своей тщательной работе Антуанетта вскоре собрала при дворе целый гарем привлекательных девиц, что вызвало настоящий восторг у французского короля. С этого времени ночи в резиденции Сен-Поль стали еще более бурными. И по Парижу прокатилась молва, что Карл VII предавался самому постыдному разврату в компании с распутными девицами. Впрочем, эти разговоры нашли отражение у многих летописцев.

Например, Жан дю Клерк писал: «После смерти красавицы Агнессы король Карл пригласил на ее место ее племянницу, которую он выдал замуж за сеньора де Виллекье и которая была такой же красавицей, как и ее тетя. Кроме того, пять или шесть самых красивых девиц королевства повсюду сопровождали Карла, одеваясь богаче королевы. Они вели чересчур роскошный и развратный образ жизни, и все это за счет короля. Такой роскошной жизни не позволяла себе еще ни одна королева».

Другой историк XV века, Клод де Сейсель, еще более открыто выразил свое негодование: «Карл VII, выдворив из Франции своих врагов и восстановив мир в королевстве, не избавился от собственных пороков. В старости он вел до неприличия роскошный и развратный образ жизни в компании женщин, пользовавшихся дурной славой. И его вассалы и слуги, беря пример со своего государя, проводили все время в нежных утехах, танцах, маскарадах и любовных интрижках».

Карл VII, абсолютно безразличный к негодованию своего народа, путешествовал по всей стране в сопровождении гарема. Содержание этой «толпы молодых развратниц» очень дорого обходилось казне. И королева с горечью смотрела на то, как король Франции позорил себя и опустошал казну ради проституток, место которым было не при дворе, а в борделях, содержание которых в окрестностях Парижа было разрешено прево.

Образ жизни короля очень сказался и на нравах его подданных. В течение некоторого времени можно было наблюдать всеобщее любовное помешательство, которое коснулось даже самых целомудренных людей. Духовники, монахи, судьи, люди всех рангов и сословий обзавелись наложницами и, не стыдясь, афишировали это, чем сильно удивляли иностранцев, находившихся проездом в Париже.

Даже Маттье в своей поэме «Матео-двоеженец» не смог удержаться от негодования: «Тот, кто привел на продажу в храм свою лошадь, тем самым повел бы себя непристойно, и женщины, приходящие в церковь якобы для молитвы, а на самом деле торгующие своим телом, не более ли они виновны, не превращают ли они храм Божий в публичный дом?»

О безразличном отношении духовенства Франции к существующему положению дел очень скоро стало известно.

«Эти священники, наверное, сами находятся во власти нескромных желаний», – сказал папа, который, даже находясь в гневе, умел выбирать пристойные выражения. И решив положить конец этому разврату, о котором уже начинала говорить вся Европа, он отправил грозное письмо скверным пастухам, уделявшим так мало внимания своим овцам…

В своем послании папа приказал «изгнать из своего стада лошадок дьявола», которых они приютили у себя не в силу христианского милосердия, а в неблаговидных интересах. И более дружелюбным тоном напомнил им, что согласно канону, появившемуся в ходе церковного Собора в Аугсбурге, «клирикам запрещалось обзаводиться любовницами».

Церковники были пристыжены и решили исправиться, поскольку их к этому принуждал 45-й канон церковного Собора в Толедо. Они продали женщин, с которыми грешили, что примирило их с папой и слегка наполнило их карманы.

Любовные подвиги, которые без устали совершал Карл VII, были по достоинству оценены его народом. В обиход даже вошло следующее выражение, которое относилось к красивой девушке: «Ей самое место в постели короля». И это выражение так часто повторялось, что однажды хитрые родители одной из красавиц (по крайней мере, они не были наивны), решив, что их наследница может разбогатеть, сами направили ее к Карлу VII.

«Можно сделать приятное для того, кто столько сделал для Франции», – сказали они.

Красавице был устроен такой теплый прием, что, узнав об этом, другие родители, в свою очередь, тоже стали посылать своих прелестных дочерей в замок в Шиноне.

А вскоре появилась любопытная традиция, о которой нам

сообщил автор «Мартиньенских летописей»: «В связи с тем, что король был очень занят, отвоевывая большую часть королевства, он попросил, чтобы его подданные направляли самых красивых девушек, которые им встретятся, прямо к нему…»

Конечно, любовные интрижки короля сказались на его здоровье, но не они явились основной причиной его болезни. Зная о том, с каким нетерпением его сын, дофин Людовик, ждал того времени, когда сможет овладеть троном, Карл VII боялся отравления. Эта навязчивая идея заставила его полностью отказаться от приема пищи в течение нескольких месяцев. И 22 июля 1462 года король, снискавший себе славу благодаря двум женщинам, Жанне д'Арк и Агнессе Сорель, умер от истощения в окружении плачущих наложниц.

ЭРНЕСТ МИЛЛЕР ХЕМИНГУЭЙ (1899—1961)

Американский писатель. Его перу принадлежат романы «Фиеста» (1926), «Прощай, оружие!» (1929), «По ком звонит колокол» (1940), повесть-притча «Старик и море» (1952, Пулитцеровская премия), мемуары «Смерть в полдень» (1932). Нобелевский лауреат (1954). Его прозу отличают внешняя простота, строгая объективность, сдержанный лиризм, скрытонапряженный диалог.

Эрнест Хемингуэй родился 21 июля 1899 года в маленьком городке Оук-Парк, штата Иллинойс, фактически пригороде Чикаго.

Семья была уважаемой и интеллигентной. Холлы – родители матери Хемингуэя, принадлежали к элите местного общества, были людьми состоятельными и религиозными. Их дочь Грейс Холл выделялась музыкальной одаренностью, собиралась выступать с концертами, однако замужество вынудило расстаться с этой мечтой. Отец будущего писателя Кларенс Хемингуэй окончил медицинский колледж, выбрал карьеру врача.

Всего в семье Хемингуэя было шестеро детей. Первой родилась Марселина, через год появился на свет Эрнест, за ним последовали Урсула, Кэрол, Маделин. Младший брат Лестер был моложе Эрнеста на 16 лет. В детстве будущего писателя окружали достаток и внимание.

Эрнесту было пять лет, когда умер дед по материнской линии, который оставил большое состояние. Деньги ушли на постройку нового 15-комнатного дома с музыкальным салоном.

В июне 1917 года Эрнест закончил школу. Младший брат отца Тайлер, крупный лесопромышленник, предложил ему приехать в Канзас-Сити и поработать в местной газете. Работа репортера в «Канзас-Сити стар» пришлась по душе Хемингуэю, но он мечтал отправиться на фронт.

В конце апреля 1918 года Эрнест с группой молодых людей отплыл из Нью-Йорка на борту лайнера «Чикаго». Они высадились в Бордо, затем переехали в Париж.

Летом 1918 года юный Эрнест Хемингуэй отправился в Италию, терзаемую в то время кровопролитными боями. Начинающий 19-летний писатель бросился в пучину войны, которая виделась ему сказочным и романтическим футбольным матчем. Для него это был также удобный повод бежать из семьи,

от тиранической власти матери, которая продолжала обращаться с ним, как с ребенком. Признанный негодным к военной службе из-за слабого зрения левого глаза, Эрнест Хемингуэй в конце концов обратился в Красный Крест, куда его охотно приняли. За высокий рост и внушительную внешность, его назначили старшим взвода добровольцев Красного Креста на параде, прошедшем по Пятой авеню перед Вудро Вильсоном, президентом Соединенных Штатов.

На севере Италии, на фронте Пьяве, спеси у неистового «вояки» поубавилось. Работа на кухне, раздача пайков солдатам, эвакуация раненых и убитых – задачи малоприятные и неблагодарные. Однажды, когда Эрнест находился в укрытии, в метре от него упал снаряд. Хемингуэя доставили в полевой госпиталь, перевязали, подлечили, а затем на поезде отправили в Милан, где из него удалили последние осколки. По его словам, в него будто бы попало 227 осколков снаряда, но, невзирая на жестокую боль, он якобы выполз наружу, чтобы спасти какого-то итальянского солдата. «Я первый американец, раненный в Италии», – гордо сообщил он в письме домой.

Госпиталь Красного Креста в Милане располагался в большом красивом доме в нескольких метрах от знаменитого театра «Ла Скала». Здесь Хемингуэй встретился с прекрасной, обворожительной Агнессой фон Куровски. Агнесса, родившаяся в Пенсильвании 5 января 1892 года, была на семь лет старше Хемингуэя. Ее отец, польско-немецкого происхождения, эмигрировав в США, преподавал иностранный язык в школе Берлиц в Нью-Йорке, а дед матери Сэмюэль Бекли Холаберд был выдающимся военным деятелем. Агнесса получила независимое, весьма современное воспитание. В 1910 году после смерти отца она нашла место в библиотеке, но тяготилась однообразием работы. «Меня инстинктивно влекло к чему-то более интересному, – говорила она впоследствии. – Вот почему я решила учиться на медсестру. В июле 1917 года, получив диплом, я попросила отправить меня в Европу».

Хемингуэя неудержимо влекло к умной, тонкой, полной юмора Агнессе фон Куровски. Но она была достаточно проницательна, чтобы понять инфантильность его характера, его бессознательное подчинение матери, которая безраздельно властвует над своим сыном-бунтарем. Узнав в 1961 году о самоубийстве писателя на его ранчо в Кетчуме, Агнесса мало удивилась. «Это было в нем заложено», – с грустью констатировала она.

Молодые люди были в восторге от этой красивой молодой женщины с каштановыми волосами и прямым взглядом, которая

открыто заявляла, что хочет наслаждаться жизнью и особенно обществом мужчин. Не намеренный ни с кем делить свою победу, он разбушевался, когда она в один прекрасный день объявила, что едет отдохнуть в Стрезу. Хемингуэй топтал свою одежду, грубил сестрам, притворно намеревался вернуть Агнессе кольцо, которое она ему только что подарила. Кольцо, которое явно указывало, что их любовь – уже не мимолетное увлечение.

Она старалась изменить его привычки. Разве он не обещал ей впредь выпивать только одну рюмку анисовки за покером со своими товарищами? Она влюблена, но не слепа. Она часто критиковала неустойчивый, даже несправедливый и злой характер Хемингуэя. И, главное, эгоистичный. Их разница в возрасте никогда не представляла препятствия. «Он хотя бы думал, как отреагирует его семья, если я соглашусь выйти за него?» – спрашивала себя Агнесса. Застолья вокруг блюда тальятелле и оплетенных бутылок вальполичеллы, пляски пьяных солдат, расцененные администрацией госпиталя как «крайне вульгарные», по-прежнему представлялись ему продолжением не ограниченных временем каникул, вдалеке от ужасов войны, способом оттянуть вступление в зрелость, которая подсознательно его страшило. В письмах к родным Хемингуэй ничего не сообщал о своих амурных делах. Может быть, он опасался протестов матери? Может быть, он считал, что эта история касается только его? Имя Агнессы фон Куровски никогда не упоминалось.

Агнесса вовсе не была наивной девушкой, и Хемингуэй проявлял неосторожность, отдаваясь сладостной эйфории любви. Когда она говорила ему о разрыве со своим нью-йоркским «женихом», его радости не было предела. «Она меня любит, Билл», – с пылкостью писал он одному своему другу, предложив ему быть шафером на его свадьбе с Агнессой в Соединенных Штатах.

Однако его первые сексуальные опыты были более чем робкими. В своих связях с женщинами, зачастую продажными, он всегда играл роль подчиненного. Родители Хемингуэя рассказывали, что он начал встречаться с девочками довольно поздно, в старших классах школы. Хемингуэй как-то сравнил сексуальные отношения с ездой на велосипеде, чем больше человек этим занимается, тем лучше это у него получается. Агнесса фон Куровски, первая и главная наставница, способствовала его половой «апатии». Секс, пьянство, лень, чтение, прогулки с Агнессой под аркадами галереи – Хемингуэй с наслаждением входил в образ «любимчика» медсестры. Но в ноябре 1918 года произошло внезапное событие, которое трудно

назвать перемирием. Агнессу перевели в госпиталь во Флоренции. 11 ноября, через 10 дней после отъезда, она возвратилась в Милан. Хемингуэй был в отчаянии. Он требовал, чтобы она окончательно соединилась с ним. Она уклонилась от прямого ответа, хотя клялась ждать его. Она опять уехала во Флоренцию, там свирепствовала испанка.

В Милане он с нетерпением ждал ее писем. «Я по вам скучаю. Я испытываю ужасный голод по вам. Я ничего не забыла из тех ночей… Во время работы мои мысли улетают к вам, и тогда я оказываюсь в полном замешательстве. Мне хотелось бы быть с вами…» В письмах Агнессы множество подробностей о ее повседневной жизни, материнских советов «малышу» о том, как поддерживать себя в добром здравии, и едва прикрытых намеков на ее любовные связи с красивыми итальянскими офицерами. Разумно ли связывать свою судьбу с иностранцем? Хемингуэй не желал ничего понимать. Прими он хотя бы во внимание предложение Агнессы: «Если вы вдруг перестанете мне писать, так тому и быть. Ни слез, ни сожалений», – и они смогли бы оставаться добрыми друзьями и только с нежностью вспоминать неповторимые моменты.

В январе 1919 года Хемингуэй возвратился наконец в Соединенные Штаты. Юноша изменился. Он возмужал и, вопреки своей похвальбе, нес на себе явный отпечаток страданий, перенесенных на войне. Все так же одержимый Агнессой, он отдался эйфории приема, оказанного ему жителями Оук-Парка, его родного города, семьей, которой довелось услышать весьма приукрашенную версию подвигов и ранений. Когда закончились парады, патриотические речи, интервью, Хемингуэй вновь обрел общество своего отца, доктора Кларенса Хемингуэя. Образец мужественности, идеализированный сыном, доктор Кларенс в 1928 году не удержался от непродуманных финансовых спекуляций и покончил с собой.

Эрнест продолжал переписываться с Агнессой. «Не надо мне столько писать», – предупреждала она его. 1 марта 1919 года в том же письме она уверяла: «Я вовсе не та совершенная женщина, которую вы себе воображаете. Моя истинная натура, та, что всегда была собственно моей, начинает проявлять себя. Я ощущаю себя очень «cattiva» (злой), так что прощай, малыш. Не сердитесь и всего хорошего. С любовью, Агги». Она бросила его. Он так был этим удручен, что слег с сильным приступом лихорадки. Марселина, сестра Хемингуэя и вернейшая союзница их матери Грейс, торжествовали. Без снисхождения наблюдая за похождениями брата, они не питали к медсестре никаких благодушных чувств, хотя ни разу ее не видели. А Хемингуэй,

лежа «на одре страдания», обдумывал отмщение.

15 июня пришло письмо от молодой женщины. Ее любовник порвал с ней… Хемингуэй растаял от сострадания: «Бедная девочка!» Но этот порыв длился недолго: «Ничего не могу поделать. Я ее любил, а потом она меня обманула». «Я уверена в вас. Вы будете благоразумны, – написала ему Агнесса, – перед вами открывается замечательная карьера, которую заслуживает такой человек, как вы. Я этого вам желаю от всего сердца, со всею любовью».

Не сразу Хемингуэй смог избавиться от отчаяния, он искал забвения в алкоголе. И лишь некоторое облегчение нашел в писательском труде. Постепенно красивое лицо Агнессы окутывалось дымкой забвения.

Жизнь очень рано столкнула его со смертью, и он много писал о ней. Это и насильственная смерть охотника, матадора, и смерть от болезни, и массовая гибель людей на войне. Отношение к смерти у него было сложное. Его интересовали, как ведут себя люди перед лицом страданий и смерти, как принимают смерть.

В январе 1919 года Хемингуэй познакомился с Хедли Ричардсон, начинающей пианисткой, уроженкой Сент-Луиса. Хедли была старше Хемингуэя на 7 лет. Она только что похоронила мать, за которой старательно ухаживала, и чувствовала себя одинокой. Высокая, стройная, с приятной внешностью, Хедли была музыкальна, начитана, отличалась ровным характером. В сентябре молодые люди поженились.

В конце 1922 года Хемингуэй, находившись в Париже, получил задание от газеты – срочно отправиться в Константинополь для освещения греко-турецкого конфликта. Это была вторая война, свидетелем которой стал Хемингуэй. К великой радости Хедли, он скоро вернулся невредимым с Ближнего Востока.

В 1926 году в жизнь писателя вошла новая женщина – Полина Пфейфер, молодая богатая американка, дочь промышленника, президента компании по производству пива в Арканзасе. Вместе с сестрой Вирджинией она жила в Париже, где работала редактором местного журнала «Мода». Девушки стали часто бывать в доме у Хемингуэя. Скромно одетая и поглощенная семейными делами, Хедли не выдержала конкуренции.

Оформив развод с Хедли, писатель постарался обеспечить материально ее и сына, выделив им все доходы от романа «И восходит солнце». До конца своей жизни Эрнест считал развод с Хедли «величайшим грехом» своей жизни.

Любовь к женщине нередко служила источников вдохновения для Хемингуэя. Агнесса фон Куровски была вдохновительницей

романа «Прощай, оружие!», Марта Геллхорн, третья женщина писателя, – романа «По ком звонит колокол», молодой итальянке Андриане Иванчич он посвятил «Старик и море». Дафф Туизден, в отличие от Полины Пфейфер, не решилась, однако, вторгнуться в семейную жизнь Хемингуэя.

Во время близости с женщинами Хемингуэй не любил пользоваться противозачаточными средствами и предпочитал иметь дело с теми, которые «были согласны пойти на риск». Во время сексуального акта писатель часто бывал не на высоте, а иногда даже страдал от импотенции, которую вызывали часто возникающие стрессовые ситуации.

Хемингуэй любил похвастаться своими приключениями, уверяя, что его любовницами было множество женщин, включая Мату Хари, итальянских графинь, греческую принцессу и проституток, с которыми он особенно часто имел дело в молодости и во время проживания в Гаване. Некоторые современники, среди которых и писательница Гертруда Стайн, подвергали сомнению то, в чем Хемингуэй пытался всех убедить. Однажды он заявил: «Знаю я этих женщин. Любая женщина – это всегда масса проблем».

В конце мая 1928 года Эрнест вместе с Полиной навестил ее родителей в городе Пиготт в Арканзасе, после чего Полина отправилась к его родителям. В июне, находясь в Канзас-Сити, она родила второго сына, которого назвали Патрик. Всю вторую половину года Эрнест путешествовал по стране, был на Западе, в Нью-Йорке. В это время Хемингуэй был уже известным писателем. К нему часто приезжали посетители, с ним искали знакомств.

Сменив несколько квартир, Хемингуэй в декабре 1931 года стал хозяином купленного им красивого двухэтажного особняка. Полина Пфейфер заботилась о том, чтобы в доме был уют. Она вложила немало средств и сил в оформление интерьера особняка. Дом постоянно модернизировался, в 1938 году по инициативе Полины в саду был построен бассейн с морской водой.

В ноябре 1931 года у Полины родился мальчик, которого назвали Грегори. Так Эрнест Хемингуэй стал отцом троих сыновей. Официально, по документам, семейная жизнь Хемингуэя с Полиной продолжалась двенадцать лет, хотя они перестали жить друг с другом намного раньше. Их брак оказался непрочным, в том числе по причине сексуальной неудовлетворенности Хемингуэя, который был вынужден постоянно использовать метод прерванного полового акта, ибо католическое воспитание Полины запрещало применение каких-либо противозачаточных и профилактических средств.

В сентябре этого же года во время поездки в Нью-Йорк он

познакомился с четой Мейсонов, Джейн и Грантом. Это были богатые люди. В момент знакомства с Хемингуэем Джейн было 22 года. Она отличалась классической красотой. Президент Кулидж назвал ее самой привлекательной женщиной, когда-либо посетившей Белый дом. Полина не без тревоги наблюдала за развитием событий, однако не предпринимала решительных шагов. Писатель, видимо, не собирался связывать свою судьбу с Джейн, в которой его раздражали тяга к роскоши и неуравновешенный характер. Она даже пыталась покончить жизнь самоубийством, выпрыгнув со второго этажа.

После опубликования сборника «Победитель не получает ничего» Хемингуэй смог осуществить свою давнюю мечту – отправиться в Британскую Восточную Африку на охоту. В середине 1934 года в разгар сафари Хемингуэй заболел острой формой амебной дизентерии. Его пришлось вывозить из лагеря на самолете. После недельного интенсивного лечения Эрнест возвратился в Танганьику, где пробыл, пока не наступил сезон дождей. Его трофеи составили три убитых льва, один буйвол и двадцать семь разных животных. В письмах он писал о целом гареме негритянок, который завел в Африке.

В Мадриде во время гражданской войны в Испании писатель познакомился с Мартой Геллхорн, молодой одаренной журналисткой. Марта была на девять лет моложе Хемингуэя. Они быстро сблизились, но их взаимная страсть остыла довольно быстро после того, как они стали мужем и женой. В 1945 году они развелись. Это был самый непродолжительный брак Хемингуэя. Они с Мартой были совершенно разными людьми и не подходили друг другу. Эрнесту не нравилась независимость Марты (она сама довольно неплохо писала) и ее острый язык. Он ожидал от партнерши слепого поклонения, восхищения, покорности, а Марта отнюдь не была покорной и уступчивой.

В марте 1945 года писатель из Парижа переехал на Кубу. Исход войны был ясен, и Хемингуэй надеялся вернуться к писательскому труду. На Кубе он погрузился в хозяйственные заботы. На своей усадьбе он даже написал «Э. Хемингуэй. Писатель и фермер».

Вскоре на Кубу прилетела Мэри, с которой писатель был давно знаком, а теперь решил оформить брак. Терпеливая, красивая Мэри была на девять лет моложе Эрнеста и относилась к мужу с почтением, если не с благоговением. Он называл ее своей «карманной картиной Рубенса». Она закрывала глаза на шалости мужа, который продолжал флиртовать с женщинами.

На вилле часто гостили его младшие сыновья, Патрик и Грегори, к которым присоединился Джон, вернувшийся из плена.

Отец гордился старшим сыном и рассказывал, что рана и шрам на его правом плече были размером с крупное яблоко.

В конце октября 1954 году писатель получил известие о присуждении ему Нобелевской премии. По состоянию здоровья он не мог присутствовать на церемонии вручения награды. В Стокгольме его представлял американский посол в Швеции Джон Кэбот, который зачитал приветствие Хемингуэя. В нем писатель сообщал, что принимает награду «со смирением», и высказал мысль о том, что «жизнь писателя, когда он на высоте, протекает в одиночестве».

Несмотря на ухудшающееся здоровье, тяжелое физическое и психическое состояние, писатель вел трудную борьбу с самим собой, пытаясь сохранить творческую форму. «Все работе и ничего развлечениям», – говорил он.

У писателя начали учащаться периоды депрессии. Сознание того, что ему становится все труднее писать, отказывает память, было столь мучительным, что порой Хемингуэй не мог сдержать слез.

Однажды Мэри спустилась на первый этаж и заметила в руках мужа ружье, которое он собирался зарядить. Муж явно покушался на самоубийство. Мэри начала его уговаривать не делать этого, напоминала о его мужестве, о троих сыновьях.

В конце апреля Хемингуэя направили в клинику. Там писателя подвергли интенсивному лечению, в том числе и электрошоку. Эта процедура ослабила волю писателя и пагубно сказалась на его памяти.

В конце июня он потребовал отправить его домой. Его выписали, хотя Мэри и просила не делать этого. Преодолев на машине 1700 километров, они вернулись в Кетчум. Это было 30 июня. На следующий день супруги Хемингуэй встретились со своими друзьями. Казалось, ничто не предвещало беды.

2 июля 1961 года, в воскресенье, Хемингуэй встал, как всегда, рано. В доме еще все спали. Писатель одел свой красный халат, который в шутку называл, «императорским», и спустился в подвал дома. Там находилась комната, где хранилось оружие. Дверь оказалась запертой. Хемингуэй нашел ключи, выбрал двуствольное ружье, вложил в него два патрона и поднялся в свой кабинет. Тут он приставил дуло к голове и нажал на курок.

6 июля в полдень его похоронили в Солнечной долине, где он любил охотиться, на склоне зеленого холма, в виду далеких гор…

Согласно его завещанию, дом на Кубе и все, что было собрано в нем более чем за двадцать лет, – книги, картины, произведения прикладного искусства, охотничьи трофеи, а также знаменитая старая пишущая машинка были переданы его вдовой Мэри

Хемингуэй в дар кубинскому народу.

ВОЛЬТЕР (1694—1778)

Настоящее имя – Мари Франсуа Аруэ. Французский философ-просветитель, автор повестей «Макромегас» (1752), «Кандид, или Оптимизм» (1759), «Простодушный» (1767), трагедии в стиле классицизма «Брут» (1730), «Танкред» (1760), сатирических поэм, в том числе «Орлеанская девственница» (1735), публицистических, философских и исторических сочинений. Сыграл значительную роль в развитии мировой философской мысли, в идейной подготовке Великой французской революции. Из-за своей острой сатиры социального и политического зла был вынужден часто скрываться от своих врагов и дважды попадал в тюрьму.

Ни один поэт в мире не пользовался при жизни таким признанием, как Вольтер. Он был не просто знаменитостью, внушающей уважение только потому, что он – знаменитость. Перед ним преклонялись, словно перед Богом; его слово имело больше веса, чем слова всех высокопоставленных особ, включая короля и министров; почитатели его таланта ездили к нему на поклон, как правоверные мусульмане в святую Мекку. О роли Вольтера в культурной жизни прошлого столетия можно судить по письму Фридриха II Прусского, приглашавшего его в свои владения. «Вы, – писал король, – подобны белому слону, из-за обладания которым ведут войны персидский шах и Великий Могол, тот, кто его получил в конце концов увеличивает свои титулы указанием на то, чем он владеет. Когда вы приедете сюда, вы увидите начале моих титулов следующее: "Фридрих, Божьей милостью король Прусский, курфюрст Бранденбургский, владелец Вольтера"».

Разумеется, Вольтер пользовался большим успехом у женщин, хотя и не был красавцем. Знаменитая куртизанка Нинон де Ланкло обратила на него внимание, когда Вольтеру было всего десять лет (а ей восемьдесят). Она, вероятно, предчувствовала, что мальчик станет знаменитым и, когда ее последний поклонник, известный аббат Шатонеф, крестный отец Вольтера, представил ей ребенка, она подарила ему 2000 франков на покупку книг.

Первый успех пришел к Вольтеру рано. В семнадцать лет он написал оду в честь дофина и подарил ее старому отставному офицеру, который выдал ее при дворе за свою и в награду за это получил пенсию. Имя настоящего автора, впрочем, вскоре стало

известно, и молодой поэт начал бывать в высшем свете. Он был частым гостем в кружках Герцога Вандомского и принца Конти. К этому времени он закончил свое программное произведение «Эдип», написанное по образцу трагедий Софокла. К его величайшему удивлению, «Эдип» не был поставлен на сцене французского театра, так как в нем не оказалось требуемой уставом театра любовной сцены. Тогда он представил его в академию, чтобы получить премию на конкурсе, но и премию получил автор какого-то посредственного произведения. Оскорбленный, негодующий молодой поэт (тогда его еще звали Аруэ: дворянское имя Вольтер он присвоил себе позднее) написал несколько язвительных стихотворений против театра и академии, но отомстил этим не столько им, сколько себе, так как вынужден был бежать от грозившей ему тюрьмы.

Убежище нашел он в Гааге. Вскоре Вольтер вернулся в Париж, где тотчас же его заподозрили в сочинении язвительных стихотворений на умершего короля и регента, за что и посадили в Бастилию, где он провел целый год без чернил и бумаги. Несмотря на это, он сочинил там свою знаменитую «Генриаду» и заучил стихи наизусть. На бумаге увековечил ее уже после освобождения.

Когда поэт вышел из тюрьмы, друзья встретили его с восторгом. Сам регент осыпал его знаками милости и на аудиенции уверял, что будет отныне заботиться, чтобы он был сыт и имел приличный угол. Вольтер отвечал с улыбкой: «Мне будет очень приятно, если ваше высочество даст мне пропитание; но что касается казенной квартиры, то если она по-прежнему будет в Бастилии, то уж увольте».

Однако сразу после выхода из тюрьмы, Франсуа Мари пережил и небольшое разочарование. О нем говорит строчка письма: «Мне изменили все, даже возлюбленная».

Кто же она, обманщица? Что заставило ее изменить Франсуа Мари, причем уже во второй раз? Прелестную девочку звали Сюзанной де Ливри. Связь их началась в Сюлли-сюр-Луар. Дядя девушки был интендантом герцогства. Она сама тоже как бы принадлежала этому знатному роду, готовила свою красоту для услаждения хозяев и гостей замка. Что же касается молодого Аруэ, то он и давал прелестному созданию уроки сценического искусства. В Сюзанне горел священный огонь таланта.

Почему Франсуа Мари простил ей первую измену со своим другом и ровесником, сыном председателя парламента Бретани, любезным, умным, добрым де Женонвилем? Объяснение просто: свободные нравы регентства, которыми в замке Сюлли было проникнуто решительно все. Ревность? Какой же светский

человек ее себе позволит? Да и любовь Франсуа Мари к Сюзанне не была серьезным чувством.

Конечно, он огорчился, застав однажды рядом с ней в постели на своем месте де Женонвиля. Аруэ был вспыльчив, горяч. Он топал ногами, кричал о неблагодарности, о вероломстве, вытащил даже из ножен коротенькую шпагу, но не пустил ее в ход, потому что оба изменника начали плакать. Франсуа Мари зарыдал и сам. История кончилась тем, что все трое обнялись. Без особого усилия над собой он простил обоих, не порвав ни связи с Сюзанной, ни дружбы с де Женонвилем.

Но на этот раз обманщица предала его, когда он томился в Бастилии, и уехала из Парижа, оставив и театр, где служила благодаря урокам и протекциям самого Франсуа Мари, к герцогу де Сюлли.

Поэта снова стали приглашать в великосветские дома. Однажды он посетил дворец герцога Бетюнского, где собиралась интеллектуальная элита. Там он познакомился с образованнейшей женщиной Франции, г-жой Дасье, урожденной Лефебр, которая перевела Гомера и писала на латинском языке книги, служившие дофину учебниками. Благодаря ей Вольтер проникся уважением к ученым женщинам. К этому же времени относится его увлечение баронессой де Рюпельмонд. Она предложила посетить ее в Голландии, и он, конечно, поехал, вследствие чего появилось стихотворение, в котором он сравнивал ее с Уранией – символом женского совершенства в греческой мифологии. Он тогда еще не думал, что ему придется встретиться с другой женщиной, которая будет иметь больше прав называться Уранией, – с маркизой дю Шатле, прославленной им под именем «божественная Эмилия».

Впрочем, еще до знакомства с маркизой дю Шатле, Вольтер встречался с двумя актрисами. Отношения с ними были весьма любопытны. Имя одной из них осталось неизвестно. С другой, Адриенной Лекуврер, отношения были сложными и неровными. Вначале была не только дружба. Но пылкое сердце Адриенны требовало героев не одной душой, но и внешностью воинов. А Вольтер, тщедушный, тонкогубый и в молодости некрасивый, своим обликом на героя нисколько не походил. Дружба их тоже перемежалась размолвками. Но какое это имело значение? Адриенна от природы была наделена таким благородством чувств, такой непоколебимой и бесстрашной дружеской верностью. Она была сиделкой Вольтера, когда он болел ветряной оспой – болезнью по тем временам не только заразительной, но и опасной. Она упала в обморок, когда кавалер де Роан занес над Вольтером палку. Темперамент, внутренний огонь сделали

Адриенну великой трагической актрисой. Они с Вольтером были связаны и совместной работой и не раз делили радость успеха и горечь неудач.

Этот огонь и сжег ее в возрасте тридцати восьми лет. Слабая здоровьем с юности и тяжело заболев, она, как некогда Мольер, не оставляла сцены. Последним ее спектаклем, 15 марта 1730 года, был «Эдип» Вольтера, где она играла Иокасту с самой премьеры. После этого спектакль Адриенна слегла и больше уже не встала…

Вольтер не забыл, чем был ей обязан, и вместе с ее последним возлюбленным, Морисом Саксонским, и графом д'Аржанталем четыре дня не отходил от постели больной. Она скончалась утром 20 марта. Актрису похоронили без должных почестей, что вызвало бурный протест со стороны Вольтера.

Его уже больше не привлекала любовь «бабочки». Забыты были и президентша де Берньер, и маршальша де Виллар. Плотские отношения заменила связь чисто духовная с дамой весьма пожилой, графиней де Фонтен Мартель. Она увлеклась философией, бредила театром. Вольтер почти ежедневно ужинал у графини, затем и вовсе переехал в ее отель. Они писали друг другу письма с первого этажа на второй.

Но в 1733 году его постигло новое горе – болезнь и смерть подруги. Безбожник заставил графиню умереть «в правилах», то есть пригласить кюре, причаститься, принять святые дары. Он не хотел еще раз пережить то, что пережил, когда тело Адриенны Лекуврер бросили, как груду хлама.

Он переехал во владения маркизы дю Шатле – замок Сире, расположенный в провинции Шампань, в красивой долине среди гор. Они поселились вместе. Это было совершенно в правилах того общества и особенно того времени. Наличие мужа у маркизы ничему не мешало. Но прежде были тайные свидания в парижской гостинице «Шарон», которая славилась фрикасе из цыпленка. Маркизе тогда было двадцать семь. Она предпочитала работу ума ничтожным удовольствиям светского общества. А началось все с музыки. Вольтер был прямо-таки пленен прекрасным голосом маркизы дю Шатле.

Несмотря на то, что маркиза обладала большими знаниями и по образованности стояла на высоте века, в ее мировоззрении замечалась и романтическая струя. «Она немножко пастушка, – сказал про нее однажды Вольтер, – правда, пастушка в бриллиантах, с напудренными волосами и в огромном кринолине». Вольтер никого не мог любить до полного самозабвения, но он, несомненно, питал к Эмилии глубокую привязанность, и это, вероятно, отчасти потому, что пятнадцать

лет, проведенные с ней, были временем расцвета его творчества. После разлуки он только раз сумел подняться до прежней высоты вдохновения – в «Танкреде». Недаром он называл Сире «земным раем» и в 1733 году писал так: «Я больше не поеду в Париж, чтобы не подвергать себя бешенству зависти и суеверия. Я буду жить в Сире или на своей свободной даче. Ведь я вам всегда говорил: если бы отец, мой брат или мой сын сделался первым министром в деспотическом государстве, я бы от них отрекся на следующий же день. Поэтому можете судить, как неприятно я себя здесь чувствую. Маркиза для меня больше, чем отец, брат или сын. У меня только одно желание – жить затерянным в горах Сире».

Маркиза хорошо понимала характер великого поэта и писала в статье «О счастии»: «Не надо разрушать блеск, который иллюзия бросает на большую часть вещей, а наоборот, ему нужно придать поэтический оттенок».

Эмилия не только не препятствовала, но и сама горела в такой же лихорадке оглушительного триумфа одних его произведений, провала или запрещения других, страха за третьи, необузданной полемики с противниками, тревог, побегов – не только из Сире в Голландию, но и из Фонтебло в Со, погони за придворной и академической карьерой, тешащей его самолюбие дружбы с наследником престола, а затем и королем Пруссии, фавориткой Людовика XV маркизой де Помпадур. Беглое перечисление следует дополнить еще и путешествиями, которые он совершал вместе с Эмилией и один уже с 1739 года, и ожесточенной борьбой их взглядов, сменившей полное духовное согласие.

А вскоре после его возвращения из Голландии в жизнь Вольтера еще и забота об осиротевших племянницах. Их мать, любимая сестра Вольтера, скончалась, когда он был еще в Англии. В октябре 1737 года умер и ее муж, месье Миньо, оставив двух сыновей и двух необеспеченных девушек, дочерей.

Наибольшим расположением Вольтера пользовалась старшая, 25-летняя Мари-Луиза.

Вскоре Мари-Луиза влюбилась в молодого красивого капитана Никола Шарля Дени и 25 февраля 1738 года вышла за него замуж. Дядя браку не препятствовал. «Пусть будет счастлива на свой лад, а не на мой», – сказал он. Наделил приданым, как и ее сестру, которая вышла замуж раньше, дал 30 тысяч ливров. Мари-Луиза ухитрилась получить приданое и от второго дяди, Армана.

Вольтер пригласил молодых супругов в Сире и превосходно их принял. Он был очень доволен своими семейными делами.

Вольтер и маркиза дю Шатле посетили Лилль, где после повышения мужа по службе жила молодая мадам Дени. Она как нельзя лучше приняла дядю: скорее всего, чтобы его завещание было составлено в ее пользу. Вероятно, этот преувеличенно любезный прием, оказанный Вольтеру Мари-Луизой, был неприятен Эмилии.

Вскоре, не порвав с Эмилией, Вольтер обрел и новую музу в лице своей племянницы, мадам Дени. К тому времени она овдовела и переехала в Париж и с помощью дяди открыла салон, желая радоваться жизни.

Следует заметить, что никто из современников, более того, друзей, секретарей и слуг Вольтера, даже самых наблюдательных, не знал истинного характера отношений его и мадам Дени. Если некоторые и догадывались, то много позже, в Ферне.

Между тем уже в 1744 году, в Париже, этой женщине Вольтер дарит позднюю страстную любовь, неограниченное доверие, прощал все, даже дилетантские стихи. С его стороны это было поистине слепое обожание. Вряд ли она платила ему тем же.

Стоила ли Мари-Луиза такой любви? Она не была красавицей, но ее отнюдь нельзя было назвать дурнушкой. Во всяком случае, и в тридцать два года вдовушка нравилась многим. Веселая и легкомысленная, она не наводила скуки. Один из посетителей ее салона, Сидевиль, хотел на мадам Дени жениться. Мы не знаем мотивов ее отказа. Не исключено, что она рассчитывала рано или поздно стать мадам де Вольтер. В романских странах близкие отношения и даже браки между родственниками не считались зазорными.

Салон мадам Дени посещали ее брат, аббат Минно, умнейший аббат Рейналь, Монтескье, Мопертюи. Возможно, гостей привлекала, помимо непринужденной беседы, и хорошая кухня: хозяйка ей уделяла внимание.

Вольтер же старался проводить там все время, которое оставляла в его распоряжении Эмилия. Теперь он был даже благодарен ее картежной страсти. В салоне мадам Дени он, пожалуй, чаще, чем дома, мог видеться с друзьями, вести вольнодумные разговоры, делиться наблюдениями над «высшим светом» и двором.

Он написал повесть «Задиг», которая во многом автобиографична. Вольтер спроецировал на главного героя самого себя 1745—1747 годов – академика, придворного историографа, дежурного дворянина короля. Эта повесть, как и большая часть остальных, содержит очень много личного. В ней даны не только внешние обстоятельства, но и внутренний мир самого автора – Вольтер сомневающийся, разочарованный в

придворной жизни и размышляющий над сложностью жизни вообще, Вольтер, разуверившийся в женской любви и верности. Он изобразил маркизу де Шатле, затем мадам Дени. Задолго до того, как были опубликованы его письма к племяннице-любовнице, ввел в две главы «Задига» примеры ее неверности, надеясь этим удержать Мари-Луизу от новых измен.

Между тем Вольтера подстерегала еще и новая беда, им самим уготованная. Он представил Эмилии молодого, красивого, обаятельного офицера и литератора, маркиза де Сен-Ламбера, разумеется, и не подозревая, к чему эта неосторожность приведет.

Маркиза сразу увлеклась новым знакомым – более того, страстно его полюбила. Он был на десять лет ее моложе. Вольтер же не обладал ни молодостью, ни красотой своего соперника.

Ценой различных ухищрений Эмилия добилась исполнения своих желаний, рассчитывая вместе с тем сохранить тайну.

Существует немало версий, весьма подробных, как именно Вольтер обнаружил измену. Поверим его секретарю Лоншану. Однажды Вольтер неожиданно для него самого застал пару в комнате, предназначенной для занятий маркизы дю Шатле науками и философией. То, чем занималась она с Сен-Ламбером, нимало не напоминало ни наук, ни философии.

Взбешенный от ревности и обманутого доверия (соперника он считал другом) Вольтер обрушился на Сен-Ламбера с ужасной бранью. Маркиз был тоже не из тех, кто кротко принимает от кого-либо оскорбления.

Вольтер в ответ на то, что услышал от де Сен-Ламбера, спросил, согласен ли тот дать ему удовлетворение. Ответ нам неизвестен. Остается лишь предположить, что маркиз примеру кавалера де Роана не последовал, от дуэли не отказался.

Но Эмилия не молчала. Она вовсе не отрицала очевидного. Однако ревнивец должен был выслушать ее мотивы: любит она только одного Вольтера; но чем больше любит, тем больше заботится о его здоровье, очень ей дорогом.

«Вы, со своей стороны, – продолжала маркиза, – проявили к своему здоровью интереса много больше, чем ко мне, и установили для себя строгий режим, которому неукоснительно следовали».

Вольтер понял: маркиза предположила, что он не обидится на то, что один из друзей займет его место в ее постели. Оказывается, изменница всего лишь берегла больного старика.

Маркиза сказала все, что хотела сказать. Оба долго молчали, пока раздражение Вольтера не прошло совсем. Недаром он был философом и ко всему привык относиться философски. Мы знаем, что он не раз прощал друзьям и любовницам измены.

Вольтер признал правоту маркизы. Ведь, в самом деле, он был уже немолод и постоянно болел. Она же нуждалась в любви, которой он не мог ей дать. Мы знаем еще и то, чего не подозревала Эмилия, но прекрасно знал сам Вольтер. Уже четыре года он был любовником обожаемой мадам Дени. Не это ли послужило главной причиной его снисходительности?

Словом, теперь уже он обвинял маркизу и де Сен-Ламбера лишь в том, что они не сумели скрыть своей связи. Постепенно он перестал настаивать и на этом прегрешении. Они с Эмилией расстались друзьями.

Прошло совсем немного времени с ее ухода, как раздался новый стук дверь. Сен-Ламбер явился просить прощения за допущенные им резкие выражения. Вольтер стал настаивать, что, напротив, маркиз должен извинить его, и закончил следующей тирадой: «Вы, а не я, в счастливом возрасте любви и наслаждений. Пользуйтесь этим как можно больше, пока молоды!»

Это объяснение кончилось объятиями и заверениями в неизменной дружбе. На следующий день они, как прежде, ужинали вместе.

В декабре маркиза дю Шатле и Вольтер вернулись в Сире. Жизнь их вошла в прежнее русло и текла спокойно, пока маркиза ему первому не призналась: в сорок три года она беременна. Кто был отцом будущего ребенка, сомнения не вызывало.

Они выписали в Сире Сен-Ламбера (тот долго проявлял равнодушие) и втроем стали думать, как узаконить младенца. Вольтер предложил: нужно заставить маркиза дю Шатле поверить в то, что ребенок от него. Задача была нелегкой. Слишком давно у Эмилии с ее мужем не было интимных отношений. Тем не менее коварный план был воплощен в жизнь.

Маркиза ждала ребенка и продолжала интенсивно работать. Она и родила сидя за секретером. Ребенок скончался через несколько дней. У дю Шатле началась родовая горячка. Спасти ее не удалось. Поэт тяжело переживал смерть женщины, которая ушла из жизни, по сути, оттого, что изменила ему.

Теперь можно подвести итоги пятнадцати лет, прожитых им с Эмилией. Ее влияние на Вольтера, вне сомнения, было сильным, хотя не всегда отвечало его подлинным интересам. Эмилия делала все, чтобы он мог работать легко и много Вольтер вспоминал об этом с благодарностью. От скольких опасностей она его спасла! И сколько лет он был с ней счастлив.

В 1750 году Вольтер принял приглашение Фридриха II и переехал в Пруссию. И здесь у Вольтера была женщина-друг, и не только друг, – графиня Софи-Шарлотта Бентинк. По отзывам

современников, она была очень красива и величественностью превосходила всех королев. Разумеется, у нее был муж, голландский посланник в Берлине Подобно маркизе и маркизу дю Шатле, они тоже вели процесс. И Вольтер также помогал им в ведении этого процесса, который привел к осложнению дипломатических отношений между несколькими странами: Пруссией, Россией, Великобританией. Вольтер мог уделять процессу и, главное, самой графине время, потому что суверен оставлял его в избытке своему камергеру. Фридрих II, несмотря на подагру, еще очень много разъезжал по своей стране.

Но вернемся к Мари-Луизе Дени. В официальных документах она именовалась Дама Ферне. Вольтер сделал ее совладелицей имения. Была оформлена и купчая.

Уже со встречи во Франкфурте до последних дней жизни дяди племянница была, казалось бы, неизменной спутницей его жизни. Хотя мадам очень растолстела, потеряла привлекательность для других, Вольтер любил ее так же горячо и слепо. Только временами прозревал. Мадам Дени играла главные роли в его трагедиях, была хозяйкой за его столом. Иной вопрос, играла ли она главную роль в его духовном мире?..

Многие письма разным лицам, особенно приглашения, иные послания светского характера отправлялись из Ферне за двумя подписями – месье де Вольтера и мадам Дени. Иногда она писала одна, по поручению дяди или просто вмешиваясь в его дела. И тон ее писем в этих случаях был достаточно властен.

Мари-Луиза набралась внешнего лоска, однако ни разносторонних дарований, ни редчайшей образованности, пытливости ума, одержимости наукой, ни высокого строя души божественной Эмилии в ней при всем желании обнаружить было невозможно.

Маркиза дю Шатле запирала рукописи Вольтера, чтобы их не украли, чтобы опасные сочинения, будучи изданы или распространяясь в списках, не привели автора снова в Бастилию. Мадам Дени его рукописи воровала или помогала воровать и продавать, нимало не заботясь об угрожающих последствиях. Кражу 1755 года – маркиз де Хименес не смог бы ни похитить, ни продать «Орлеанскую девственницу» без участия Мари-Луизы – Вольтер ей простил, как прощал и многое другое, хотя, придумывая ее несуществующие достоинства, не мог не видеть и недостатков обожаемой племянницы.

В конце 1767 года Вольтер узнал, что бурлескная поэма «Война в Женеве», предназначенная отнюдь не для печати или распространения, в списках ходит по Парижу и Женеве. Кто же был в этом виноват? Сначала его подозрение пало на аббата де

Бастиана.

Затем Вольтер провел настоящее следствие.

«Дофин Ферне», как называли Лагарпа, нежно любимого и облагодетельствованного Вольтером, долго не признавался, перекладывал свою вину на одного молодого парижского скульптора. Но после очной ставки вор был уличен и изгнан из поместья – впрочем, довольно мирно.

С мадам Дени, напротив, разыгралась ужасная сцена. Просто непостижимо, как больной старик мог ее выдержать, пережить такое разочарование в страстно любимой женщине! Она не только оказалась коварной интриганкой, помогла Лагарпу украсть рукопись и извлечь немалый доход из бесчестного поступка. Запретные сочинения Вольтера ценились дорого. Возможно, прибыль была с ней разделена… Она подвергла дядю большой опасности.

Чтобы отомстить Вольтеру, Мари-Луиза уехала в Париж, взяв с собой и нежно любимую приемную дочь Вольтера Мари-Корнель-Дюпюи и ее мужа. Пусть больной старик останется одиноким, брошенным самыми близкими! По свидетельству Ваньера, 1 марта 1768 года Ферне покинули семь человек. И как?! Тайком, даже не попрощавшись с хозяином…

Вольтер проявил благородство, он не только отрицал соучастие мадам Дени в похищении рукописей, но и объяснял отъезд племянницы угрозой ее здоровью. Герцогу де Ришелье он писал: «Климат Ферне вреден для мадам Дени, врача, который мог бы ее вылечить, здесь больше нет…» В том же письме выдвигал и деловой мотив: «Двадцать лет моей разлуки с Парижем не устроили, а расстроили мою фортуну…» Пытался уговорить Ришелье и других – мадам Дени поехала в Париж и для того, чтобы взыскать долги с неисправных плательщиков, хотя сам герцог к ним принадлежал.

И щедрость его осталась такой же. Он выплачивал мадам Дени в то время, когда она жила в Париже, 20 тысяч ливров ежегодной ренты.

После отъезда мадам Дени и ее спутников Вольтер резко изменил свой образ жизни. Сократил часть прислуги, уменьшил расходы, и, главное, его дом перестал быть открытым.

Осенью 1769 года изгнанница или беглянка вернулась в Ферне. Она ли об этом просила, боясь потерять влияние на дядю, а то и лишиться наследства, или он сам не мог больше выдержать разлуки?

Скорее всего, и то и другое… Так или иначе, не прошло и двух лет, как поместье снова обрело Даму Ферне…

В 1770 году Вольтер удостоился чести, какой редко

удостаивались при жизни даже самые великие люди. Речь идет о предпринятой подписке на статую Вольтера, заказанную знаменитому тогда скульптору Пигалю. Д'Аламбер писал Фридриху II, что содружество философов и писателей решило организовать подписку на статую Вольтера. «Вы знаете, сир, что философы и писатели всех стран, особенно французы, издавна считают его своим прародителем и образцом… какой почет оказало бы Ваше августейшее величество, возглавив нас».

23 июня из Ферне было отправлено письмо инициатору подписки, Сюзанне Неккер: «Мадам! Это Вам я обязан всем, это Вы успокоили конец моей жизни и утешили во всех волнениях, которые мне пришлось пережить за пятьдесят с лишним лет».

Вольтер умер 30 мая 1778 года, его похоронили в аббатстве Сельер.

ЛЮДОВИК XI (1423—1483)

Французский король (1461) из династии Валуа. Проводил централизаторскую политику, подавлял феодальные мятежи. Присоединил к королевскому домену Анжу, Пикардию и другие области. Покровительствовал ремеслам, торговле.

Однажды теплой июньской ночью 1437 года городок Шато-Ландон, расположенный в Гатине, был совершенно бесшумно окружен довольно странной армией, которой командовал 14-летний подросток. Дофин Франции, будущий Людовик XI, ничего не сказав своему отцу, решил изгнать укрывшийся в городке английский гарнизон.

Победа наполнила дофина чувством невероятной гордости. Желая сыграть до конца роль удачливого полководца, он пригласил своих офицеров на праздничный пир, который был устроен прямо в саду замка.

Во время десерта он встал и сказал улыбаясь: «А сейчас, друзья мои, я хочу преподнести вам сюрприз».

И тут гости увидели, что стража ведет к ним оставшихся в живых англичан. По знаку Людовика к нему приблизились и стали в некотором отдалении пятеро французов-здоровяков с кастетами в руках, которым он приказал тут же уничтожить пленников.

Сначала развлечение всем очень понравилось, но потом интерес стал ослабевать: англичан было многовато, а палачи оказались лишенными всякого воображения. В какой-то момент большая часть приглашенных, отяжелев от съеденного и выпитого, погрузилась в сон, не дождавшись конца бойни.

Один лишь дофин не терял интереса до самого конца зрелища. Но как только рухнул последний пленник, он, оставив своих гостей, вскочил на лошадь и отправился в Жиен, где в то время находились его отец, король Карл VII, мать, королева Мария Анжуйская и юная, ей тогда было десять лет, Маргарита Шотландская, на которой принц женился год назад.

Возбужденный удачей, он только о ней и думал, пока лошадь галопом несла его к Луаре. Потому что именно эту девочку, которую он и видел-то всего несколько мгновений, во время брачной церемонии, ему вдруг непреодолимо захотелось превратить в женщину, в свою женщину.

Ночь не остановила его. Он обогнул Монтаржи, мирно

спавший в укрытии своих крепостных стен, ориентируясь по луне, пересек густой лес и на рассвете прибыл в Жиен.

Он стремительно направился к замку. Перед ним подняли решетку в ограде, и, въехав во двор, Людовик соскочил с коня. Едва он ступил на землю, как его тут же окружили придворные и принялись на все лады поздравлять, поскольку о совершенном им подвиге всем уже было известно. Но он явился сюда вовсе не для того, чтобы выслушивать похвалы и терпеть дружеские похлопывания по спине. Оставив отца и министров, которым он уже доказал, что стал мужчиной, он схватил за руку свою хрупкую супругу и затащил обратно в комнату, из которой она выходила. И там, все еще возбужденный одержанной накануне победой, он набросился на Маргариту с тем же неистовством, с каким шел на приступ Шато-Ландона.

Тут ему пришлось намного труднее. После неимоверных усилий он все же добился своего, но приступы, которые он предпринимал для этого, были столь яростными, что маленькая принцесса после этого пролежала двое суток в постели.

В течение целой недели дофин предавался достойным сожаления излишествам, которые довели девочку до изнеможения и совершенно подорвали ее здоровье. Затем, покинув супругу, он отправился на иные сражения.

Маргарите не так уж часто предстояло встречаться со своим пылким супругом. Дело в том, что дофин, встав во главе мятежа, поднятого против его отца, дал вовлечь себя в авантюры, из-за которых ему приходилось подолгу находиться вдали от двора.

Когда в 1443 году он вернулся ко двору Карла VII, Маргарита превратилась в очаровательную 16-летнюю блондинку с хорошо развитой грудью, хотя одиночество и сделало ее несколько мечтательной, сентиментальной и меланхоличной. По ночам она сочиняла стихи или проводила время в разговорах о «нежной любви» с окружавшими ее придворными молодыми людьми, изо всех сил старавшимися ей понравиться.

У дофина не было ни малейшей склонности ни к искусствам, ни к литературе, и ему было глубоко безразлично, существует ли рай любви или нет: и стихи, и постоянно собиравшийся кружок молодых людей вызывали у него раздражение. Подозрительный, ревнивый, он был уверен, что Маргарита попросту обманывает его, и заставлял шпионить за ней своего камергера Жаме дю Тийе, человека ограниченного и злобного.

Время от времени, однако, ее волнующая походка действовала на дофина возбуждающе и «желание на миг гасило гнев». В течение нескольких часов Маргарите казалось, что она перенеслась назад, в тот день, когда он примчался к ней после

осады Шато-Ландона. Но наступало утро, Людовик снова становился злым и колючим и, глядя на жену с ненавистью, корил ее за отсутствие детей.

«Я прекрасно знаю, почему их нет, – кричал он, – вы сами просите, чтобы вам помогали избавиться от беременности».

Жаме действительно обвинял несчастную в том, что она ест зеленые яблоки и пьет уксус, чтобы не забеременеть.

Бесконечный поток клеветы, оскорблений, подозрений довел в конце концов Маргариту до состояния глубокой депрессии. В августе 1444 года она простудилась и слегла в постель. Всем, кто навещал ее, Маргарита говорила, что безумно рада, что заболела, и единственное, о чем она мечтает, это поскорее умереть. При виде подобного отчаяния одна фрейлина со слезами на глазах пыталась внушить ей, что негоже в двадцать лет поддаваться таким мрачным мыслям. Но Маргарита прервала ее: «Мне очень тяжело выносить ничем не заслуженную клевету. Я могу поклясться спасением души, что не совершала того, в чем меня обвиняют, и даже не помышляла об этом».

14 августа юную дофину охватила страшная слабость, а 16-го, прошептав «надоела эта жизнь, не говорите мне больше о ней», она испустила дух.

«Наша супруга скончалась вследствие "злоупотребления поэзией"», – сказал Людовик, двусмысленно улыбаясь.

В 1445 году, после жесточайшей ссоры с Карлом VII, дофин покинул двор, поклявшись возвратиться лишь после смерти отца.

Ждать этого пришлось долгих шестнадцать лет, и, чтобы как-то справиться со своим нетерпением, он время от времени подыскивал себе какое-нибудь занятие: то участвовал в очередном заговоре, то где-нибудь сражался. В один из таких моментов, когда делать было совершенно нечего, он неожиданно снова женился.

22 июля 1461 года, когда Людовик находился у своего дяди, в провинции Эно, ему сообщили, что король умер.

Не дожидаясь, пока новая супруга, Шарлотта Савойская, будет готова сопровождать его, он немедленно отправился в Реймс, где намечалось провести коронацию. Бедной женщине пришлось одолжить у графини де Шароле лошадей и повозки, чтобы выехать вслед за мужем…

После коронации, в окружении четырнадцати тысяч всадников, Людовик XI въехал в Париж, где по этому случаю были устроены грандиозные празднества. Обычно для каждой из символических церемоний, посвященных вступлению нового короля во владение своей столицей, парижане придумывали что-нибудь новое, неожиданное. На этот раз над воротами Сен-Дени,

через которые Людовик XI вступал в город, был сооружен корабль, напоминавший кораблик, изображенный в гербе Парижа. А когда король со свитой проезжал под аркой, два маленьких ангела спустились с корабля, точно два паучка на ниточках, и возложили на голову монарха корону.

Из фонтана Понсо вместо воды били струи вина. Вокруг фонтана три хорошенькие и совершенно обнаженные девушки изображали улыбающихся сирен, без малейшего смущения демонстрируя свои прелести. Как сообщал историк Жан де Труа, зрелище было «весьма привлекательным, тем более что юные создания при этом исполняли своими ангельскими голосами коротенькие мотеты и пасторальные песенки…»

Возможно, именно это возбудило аппетит нового короля, поскольку в тот же вечер, когда на улицах толпы горожан пели и отплясывали, Людовик XI тайно покинул свою резиденцию в Отель де Турнель и в сопровождении некоего Гийома Биша, известного своими скверными наклонностями, стал обходить злачные места в самых сомнительных кварталах города, где и провел половину ночи…

Отныне жизнь молодой королевы превратилась в череду печальных дней. Король держал ее в замке Амбуаз, как обычную, придворную даму, занимающую ничтожное положение, одетую чуть ли не как простолюдинку, оставив ей возможность в окружении малого двора лишь возносить молитвы, совершать прогулки и развлекаться, как сумеет.

Ничто не могло доставить Людовику XI большего удовольствия, чем какая-нибудь легкомысленная история, а «тот, кому удавалось рассказать наиболее пикантный анекдот из жизни жриц любви, удостаивался его самого большого расположения. Король и сам был неплохим рассказчиком, так как проявлял большой интерес к такого рода историям, старался узнать их побольше, чтобы позже поведать об этом другим».

Но чаще всего король жаждал перейти от слов к делу. Специально назначенные «ловцы» выискивали на улицах девиц легкого поведения и доставляли их к королевскому двору, чтобы они отведали ласк короля Франции. Но никогда ни капли чувства не примешивалось к этим альковным баталиям, в которых Людовик, грубый практик, видел лишь средство для «снятия напряжения». Судя по всему, у короля действительно было немалое число любовниц на один день, или, если угодно, на одну ночь.

Во время путешествий или походов, когда рядом не было знакомых красавиц, он обходился чем придется, и иногда соглашался на случайные встречи. Именно так получилось в

Пикардии, где он сражался с герцогом Бургундским: в деревеньке под названием Жигон к его ногам бросилась с мольбами плачущая женщина: «Ваши солдаты убили моего мужа», – рыдала она. Король взглянул на вдову, и лицо ее показалось ему прекрасным. Он велел ей явиться к королевскому двору, заверив, что прикажет расправиться с виновными, как только его войско остановится где-нибудь на привал.

Через несколько дней с герцогом Бургундским было заключено перемирие, и король возвратился в Париж, прихватив с собой жигонскую красавицу, которую вскоре все стали звать Жигон и засыпали таким количеством подарков, что она забыла о понесенной утрате. Красавица не осталась неблагодарной и сумела выразить королю свою признательность, хотя для этого и пришлось пожертвовать честью. Жигон родила Людовику XI дочь, которая в восемнадцать лет вышла замуж за принца Бурбонского.

Впрочем, эта очаровательная особа недолго оставалась при дворе. Страсть, которую она внушала королю, стала, по воле случая, причиной ее падения.

Однажды Людовик XI заказал ювелиру по имени Пасфилон ожерелье из драгоценных камней для своей обожаемой Жигон. Когда изделие было готово, жена ювелира принесла его во дворец. Король увидел ее случайно, в одном из дворцовых коридоров, и нашел ее столь прекрасной, что любовь к м-м Жигон не смогла уберечь его сердце от нового искушения. Тем не менее король не захотел выказать свои чувства в присутствии любовницы и приказал Ландлуа, своему казначею, прислать к нему ювелиршу в следующий раз, когда она придет получить плату за ожерелье, объяснив это желанием самому поторговаться о цене, что было вполне в его правилах: он отличался большой скупостью и всегда входил во все дела до мельчайших деталей, чтобы не дать чиновникам поживиться за своей счет.

Жена ювелира явилась в кабинет к королю, и так как он не отличался особой учтивостью, то сразу заявил, что если она ответит на его чувства, то за год заработает гораздо больше, чем за всю жизнь в лавке мужа. Дама, вспомнив, как разбогатела м-м Жигон, дала себя легко уговорить, и сделка была заключена. М-м Пасфилон родила от короля дочь, которая впоследствии стала женой Антуана де Бюэля, графа де Сансара.

Король был сильно увлечен этой женщиной, о которой историки говорили, что она довольно долго считалась «самой знаменитой на улицах Лиона, известных дурной славой». Что ж, пристрастие короля к женщинам подобного сорта на этот раз было удовлетворено.

Но, как ни странно, м-м Пасфилон, вопреки своему

происхождению, была особой достаточно тонкой, и грубые выходки короля ее очень шокировали. И когда она немного освоилась, ей захотелось сделать своего любовника более чистоплотным, к чему у него не было ни малейшей склонности. Однажды, когда король в очередной раз явился к ней с визитом в простой одежде и грязном белье, она сказала: «Когда я отдала свое сердце королю Франции, мне казалось, меня ждет учтивое обхождение и все те удовольствия, которые может предложить один из самых великолепных дворов Европы; а между тем каждый раз, отдаваясь порывам нежной страсти, я страдаю оттого, что приходится вдыхать сальный дух там, где должны благоухать мускус и амбра; по правде говоря, если бы слуга, работающий у меня в лавке, предстал передо мной в том виде, в каком являетесь вы, я бы немедленно прогнала его с глаз долой. Что должны думать иностранные министры, видя, в каком неряшестве вы содержите королевское достоинство столь высокого ранга? Во время вашей встречи с королем Кастильским каких только насмешек не позволяли себе испанцы по поводу вашей выцветшей от старости шляпы и этого безвкусного изображения Девы Марии там, где должен сиять редкий алмаз?»

Король был настолько ошеломлен этой речью, что не нашел в себе сил прервать ее, а так как он отличался большой скрытностью, то не подал виду, что очень огорчен, но все же запомнил урок и стал больше следить за собой.

Кроме Жигон и Пасфилон, у Людовика XI было множество других «милых подруг». Имена некоторых из них дошли до нас: Гожетт Дюран, Катрин де Саламнит, Югетт дю Жаклин из Дижона, жена мсье Жана Лебона из Манта, Фелис Роньяр, мужу которой король подарил поместье, а также Катрин Восель, та самая, что упомянута Франсуа Вийоном в его «Большом Завещании».

Все эти дамы были лишь мимолетными увлечениями. С ними королю было приятно провести время после обильной трапезы. Но ни одна из них не стала официальной любовницей и тем более фавориткой: Людовик XI, немало претерпевший в своей время от присутствия Агнессы Сорель при его отце, слишком опасался женщин и их влияния на политику, чтобы позволить одной из них «утвердиться» при дворе.

Именно поэтому от отстранил от себя Маргариту де Сассенаж, которую, казалось, любил и от которой имел двух дочерей, Жанну и Мари, которых выдал со временем замуж: первую за адмирала Франции, бастарда Людовика Бурбонского, вторую за Эмараде Пуатье, сеньора де Сен-Валье. Жанна впоследствии была легитимирована, и Карл VIII даже назвал ее

своей сестрой.

Маргарита де Сассенаж соблазнила Людовика своими прекрасными ножками. Однажды утром она явилась туда, где проезжал королевский кортеж. Притворившись, что потеряла подвязку, она приподняла подол платья и стала прилаживать вместо подвязки ленту. Совершенно случайно обнажившееся при этом бедро позволило наблюдать столь безупречную линию изгиба, что Людовик пришел в смятение и выразил вполне естественное желание увидеть чуть больше. Два часа спустя срочно затребованная во дворец красавица стала любовницей монарха.

Их связь длилась два года. Впервые в своей жизни Людовик выглядел влюбленным. Увы, придворный астролог предсказал близкую смерть прекрасной Маргариты, и через неделю молодая женщина была сражена какой-то неведомой болезнью. Потрясенный Людовик приказал без промедления выбросить астролога из окна. Когда обреченного вели на казнь, король обратился к нему: «Скажи-ка, ловкач и всезнайка, без колебаний предрекающий судьбы других, ведома ли тебе собственная судьба и сколько времени осталось тебе жить?»

Астролог, угадавший намерение короля, ответил: «Сир, я умру на три дня раньше вас!»

Перепуганный Людовик XI тут же отдал приказ, чтобы прорицатель ни в чем не нуждался.

О том, что король любил удовольствия и женщин, народу было прекрасно известно. И поскольку речь не шла о фаворитках, разорявших казну, это забавляло людей, всем хотелось знать имя новой его избранницы.

Одна из них, по имени Перетта, неизвестно почему, оказалась объектом бесконечных насмешек. Во всем королевстве про нее сочиняли сатирические песенки. Многие парижане научили сорок и других говорящих птиц, которых тогда модно было держать дома, произносить ее имя да еще в сопровождении нескольких не очень лестных для его королевского высочества слов.

Кончилось тем, что Людовик XI, которому, безусловно, обо всем докладывали, приказал доставить всех говорящих птиц к нему во дворец, записать, откуда принесли каждую и что она умеет говорить. Парижане, научившие своих птичек произносить непристойности в адрес Перетты, были схвачены и брошены в тюрьму.

По мнению историка XIX века Дре дю Радье, распущенность Людовика XI нисколько не мешала ему проявлять набожность, которой он предавался с тем большей охотой, что это вовсе не мешало пользоваться всеми радостями жизни… Он то требовал,

чтобы в указанное место доставили приглянувшихся ему женщин, то давал всевозможные зароки и совершал паломничество в святые места…

МАРЧЕЛЛО МАСТРОЯННИ (1924—1995)

Итальянский киноактер. Окончил политехнический институт (1943). Был чертежником, бухгалтером в кинофирме, затем изучал архитектуру и играл на студенческой сцене. Актер кино – с 1947 года. Известность принесла роль в фильме Дж. де Сантиса «Дни любви» (1954, приз кинокритиков Италии «Серебряная лента»). Работал с выдающимися режиссерами Л. Висконти, Ф. Феллини, В. де Сика, М. Феррери, Э. Скола и др. Удостоен премии «Феликс» за творчество (1988). Снимался в фильмах «Дни любви» (1954), «Белые ночи» (1957), «Сладкая жизнь» (1960), «Ночь» (1960), «Развод по-итальянски» (1962), «Восемь с половиной» (1962), «Брак по-итальянски» (1964), «Казанова-70» (1965), «Подсолнухи» (1969), «Большая жратва» (1973), «Город женщин» (1979), «Джинджер и Фред» (1985), «Очи черные» (1987), «Интервью» (1987) и др.

Тот, кто никогда не умел решительно разорвать отношения ни с одной женщиной, однажды покинул их всех разом. Исхудавший, но все еще прекрасный, измученный раком поджелудочной железы, с которым боролся многие месяцы, он относился к своей болезни с горькой иронией: «Почему я должен уходить, если мне хочется пожить еще?»

Утром 19 декабря 1995 года, в день пасмурный и хмурый, Мастроянни скончался в своей парижской квартире на улице Сены в возрасте 72 лет. Он умер в столице своей второй родины, но завещал похоронить себя в Риме, оставшемся для него театром той «Сладкой жизни», где однажды в полночь он купался в фонтане Треви с Анитой Экберг, обладательницей самого шикарного бюста в мировом кинематографе – эта сцена навсегда вошла в историю кино…

Красивейшие женщины, звезды мирового экрана – Анук Эме, Брижит Бардо, Анна Маньяни, Жанна Моро, Моника Витти, Клаудиа Кардинале, Анни Жирардо, Софи Лорен, Катрин Денев – на вопрос: «Кого из актеров вы бы назвали идеальным партнером?» – неизменно отвечали: «Марчелло Мастоянни».

Сам же Марчелло, вознесшийся на вершину славы благодаря своей мужской неотразимости, говорил: «Это же легенда. Я никогда не играл соблазнителей. На экране женщины всегда манипулировали мною… Откуда пошел этот ложный имидж соблазнителя? Скорее всего потому, что меня всегда окружали

красивые девушки и великолепные актрисы. Судя по письмам, которые приходят ко мне со всех концов света, можно считать, что я выгляжу донжуаном… Ведь я обнимал Брижит Бардо, носил на руках Софи Лорен, ездил на автомобиле с Анук Эме…»

…Послевоенная Италия, 1947 год. Марчелло было 23 года, у него был мягкий и теплый тембр голоса, бархатный взгляд. Он мечтал о карьере американской кинозвезды, работал бухгалтером на предприятии «Эгль Лион», жил на 30000 лир в месяц и питался одними сандвичами.

Ее звали Сильвана Мангано, ей было семнадцать лет, у нее были чувственные губы, округлые бедра и тонкая талия. Они жили в одном квартале, по соседству, в римском пригороде Сан-Сованни, где обитали небогатые люди. В конце большой улицы виднелись здания киностудии «Синеситта», где мэтры снимали свои первые, еще черно-белые, шедевры. Чтобы успеть на занятия на курсах драматического искусства, Марчелло пораньше убегал из офиса, пользуясь покровительством неравнодушных к нему коллег.

Но Марчелло был без ума от Сильваны. Он провожал ее до киностудии: они оба надеялись получить маленькую роль, поучаствовать в массовке. Продюсер Дино де Лаурентис искал красивую девушку на фильм «Горький рис». Он заметил Сильвану и подписал с ней контракт. В один прекрасный день блестящая машина с откидным верхом увезла ее прямо от бистро, где Марчелло любил побеседовать с приятелями.

Герой-любовник, покоритель сердец местных девушек, которым он обычно декламировал стихи, остался один в томительном ожидании. Неотразимый Марчелло – отвергнутый воздыхатель, поверженный слишком богатым и могущественным соперником. Он переживал, а Сильвана уже красовалась на афишах: в шортах и высоких болотных сапогах она пробиралась через горько-соленую сырость рисовых плантаций, восхитительная и отныне недоступная. Вскоре она вышла замуж за Дино де Лаурентиса.

В жизни Марчелло было, однако, еще очень много женщин, и многие – красивее Сильваны. Каждой из них он искренне обещал любовь, радость и почет, но при этом так никогда и не сможет покинуть свою жену и разбить однажды созданную уютную ракушку семейной жизни, в которой так любят прятаться все итальянские мужчины.

В 1950 году Марчелло пробовал свои силы с театре в Сан-Ремо. После спектаклей он отправлялся в казино и за покрытым зеленым сукном столом старался представить себя богатым бездельником. Однажды он поймал на себе многообещающий

взгляд прекрасной незнакомки. Только на рассвете он осмелился заговорить с той, которую принял за настоящую принцессу. Ему понадобился не один день, чтобы понять, что «принцесса» интересовалась только его кошельком. До конца своих дней Мастроянни, снявшийся в 160 фильмах и сменивший десятки партнерш, оставался нежным и мечтательным ребенком, который окроплял духами розу перед тем, как подарить ее предмету своего очередного страстного увлечения, и с бешено бьющимся сердцем мог часами вышагивать под ее окнами.

В том же 1950 году он влюбился в Флору Карабелла, молоденькую актрису, которую он встретил на занятиях по драматическому искусству. Мастроянни пригласил ее поужинать в пиццерию, не имея в кармане ни гроша, чтобы оплатить счет. Она вспоминала, что за ужин пришлось заплатить ей самой. Они поженились. Через год у них родилась дочь Барбара. Марчелло был неверным мужем, он периодически исчезал, изменял своей супруге, но всегда возвращался, не решаясь порвать раз и навсегда. Флора смирилась, и их союз из непрестанно попираемого любовного превратился в дружеский. Такой снисходительности не проявляли другие, более знаменитые подруги Мастроянни, которым надоедало ждать, когда же этот избалованный мальчишка сдержит свои обещания.

В 1968 году увенчанный славой, выпавшей на его долю после фильмов Феллини и Антониони «Сладкая жизнь», «Развод по-итальянски», «Восемь с половиной» и «Посторонний», Марчелло, ставший кинозвездой мирового уровня, снялся в замечательной любовной сцене с Фэй Данауэй в фильме «Время влюбленных». Она, поклявшаяся однажды никогда не иметь никаких отношений с партнерами, на сей раз изменила своим убеждениям. В своем черном свитере Марчелло был великолепен, очарователен, неотразим, и воздух Венеции был так невероятно нежен. Он много смеялся, жестикулировал, итальянское вино приятно кружило им головы… Они были влюблены. Роман по-итальянски был тайным. Ей такие отношения казались невыносимо лицемерными. Измучившись, она решила порвать с ним. Его отчаяние дошло до того, что он попросил свою дочь Барбару позвонить Фэй и уговорить прекрасную американку изменить свое решение. Но все было напрасно…

«Впервые я увидел ее, как простой смертный, на экране. А потом уж познакомился с ней лично. Я даже научился фонетически верно произносить предложения на ее родном английском языке, что оказалось достаточным, чтобы найти в себе мужество сыграть с Фэй Данауэй в фильме "Место для влюбленных". И тут я положил на нее глаз. При наших встречах

она была намного импульсивнее, чем я. Меня в Фэй поразила ее непринужденность, ее постоянно развевающиеся волосы, ее непоследовательность… У нее было столько мелких ошибок и недостатков… Я понимаю и снисходительно отношусь к человеческим слабостям. Она настаивала, чтобы я развелся. Мне же ничего подобного не приходило в голову. Я спокойно живу с женой и нашей дочерью, которая во всем похожа на свою мать. Мне казалось, что развод с женой был бы злым поступком с моей стороны. Однажды полушутливо, полусерьезно я предложил Фэй, чтобы мы жили втроем, как добрые друзья. Она подумала, что я сошел с ума…»

Безутешный Мастроянни согласился сыграть первую мужскую роль в картине Надин Трентиньян «Это бывает только с другими». Его партнершей была Катрин Денев… Ему уже исполнилось сорок восемь лет, но он был все еще прекрасен. Двадцатидевятилетняя Катрин только что рассталась с Франсуа Трюффо, и она была великолепна. Марчелло ослепили ее красота, ум, шарм, элегантность, талант… Это была любовь с первого взгляда.

Мастроянни более трех лет «жил» в поездах, курсирующих между Римом и Парижем, пока не принял окончательного решения поселиться в Париже, где он, по ироничному определению Федерико Феллини, «нашел вторую семью, вторую родину и вторую фасоль в масле, которую страстно любил».

В 1972 году на свет появилась их дочь Кьяра-Шарлотта. Марчелло и Катрин вместе снимались в четырех фильмах. И на этот раз снова именно она решила оставить его. Сам Марчелло никогда не шел на разрыв, это разбивало его сердце. Незадолго до своей смерти он признался, что тяжело переживал их разрыв. Но оставалась Кьяра. «Это такое чудо для человека в пятьдесят лет», – говорил он. Ребенок воспитывался в Париже. Он часто приезжал, встречался с ней, иногда наблюдал издали, ожидая у школы после уроков, не решаясь подойти, чтобы не разволновать лишний раз… Марчелло возвратился к Флоре…

Влюбленный в жизнь и в саму любовь, Мастроянни обладал прекрасным чувством юмора и чуткостью. С трогательной откровенностью он признавался, что многие женщины дарили ему любовь, не получая в ответ того же. Он признавался и в том, что бросали они его гораздо чаще, чем бросал их он.

Приписывали ли этому неотразимому герою больше побед, чем он одержал на самом деле? Например, Софи Лорен, с которой он снимался в двух десятках фильмов? Все были уверены, что у них был роман. «Софи? Это самая длинная история в моей жизни, – утверждал актер, – но между нами никогда ничего не было. Просто глубокая привязанность». Ну а Грета Гарбо?

Стремясь во что бы то ни стало познакомиться с ним в Голливуде, больше всего она была очарована его туфлями: она интересовалась итальянской обувью. Клаудиа Кардинале? Он пытался ее соблазнить на танцплощадке, но ничего не получилось. Жанна Моро? Восхитительная женщина, но, если верить словам Мастроянни, их связывала лишь нежная дружба. Анук Эме? Целых тридцать пять лет он обещал ей подарить неземное блаженство, но она так и не согласилась…

В этом головокружительном хороводе самых знаменитых представительниц послевоенного киномира Марчелло Мастроянни был ярчайшей звездой. На закате он связал свою жизнь с режиссером Анной-Марией Тато, и эта связь длилась около двадцати лет. Но в 1986 году во время съемок фильма «Очи черные» он, по его словам, вступил в интимный диалог, полный доверительных признаний, с Сильваной Мангано, той самой, которая разбила его сердце в 1947 году. Ну и, кроме того, случалось время от времени позвонить и Флоре, законной жене. Три раза в день…

«Женщины мне просто необходимы, чтобы думать, работать и жить, – говорил актер. – По воскресеньям, когда я прихожу на пляж и вижу столько хорошеньких девушек, я просто с ума начинаю сходить. Мои фантазии разыгрываются… Хорошо, наверное, быть петухом в курятнике! Нет, я не могу отказаться от этого, даже когда мне стукнет сто лет!»

При жизни он был поистине мечтой всех женщин, страстный любовник-итальянец и одновременно само олицетворение тайны во всем, что касалось связей с прекрасным полом. Однако после смерти «великий немой» Марчелло Мастроянни, похоже, предал гласности все или почти все, повергнув в шок своих жен, дочерей и любовниц.

Ныне жизнь актера стала предметом раздраженных споров и судебных разбирательств между его прекрасными подругами. Создается впечатление, будто он и после смерти играет одного из своих самых знаменитых героев из фильма Федерико Феллини «Город женщин», который не по своей воле скитается в царстве, где властвуют злые гарпии – крылатые женщины-чудовища. На этот раз его любимые женщины опасаются того, что их самые сокровенные мысли окажутся достоянием публики, причем они не смогут даже хоть в какой-то степени контролировать это.

В числе главных действующих лиц: Кьяра Мастроянни и Анна-Мария Тато, Катрин Денев, Флора Карабелла, жена Марчелло с 1948 года до официального развода в 1970 году, ее дочь Барбара Мастроянни и агент актера на протяжении 40 лет Джованна Кау.

Тато поведала влиятельному американскому еженедельнику «Верайети» о том, что по дополнительному распоряжению к завещанию Мастроянни она получила право на реализацию его художественного наследия по своему усмотрению. Однако женщин Мастроянни встревожило отнюдь не само это заявление. Они беспокоятся потому, что в руках Тато оказались пикантные подробности частной жизни Марчелло.

Согласно тому дополнению к завещанию, ей предоставляются неограниченные полномочия в отношении единственного автобиографического творения Мастроянни. Это 7 часов монолога, насыщенного биографическими подробностями и признаниями, заснятого Тато на кинопленку во время съемок последней в жизни Мастроянни картины «Путешествие к началу мира».

Кьяра сомневается с подлинности той дополнительной статьи в завещании. По ее мнению, решение Тато нарушить неписаный обет молчания, дав «Верайети» злополучное интервью, принято с корыстной целью наживы на всем, что только связано с именем Мастроянни.

Тато в ответ заявила, что у нее были все основания обратиться к кинопрессе и что из уважения к памяти актера для обмена мнениями, по-видимому, лучше все-таки пользоваться услугами адвокатов, а не газетных полос. Успокоить развоевавшихся женщин пытался итальянский киновед и друг почти всех заинтересованных сторон, включая самого Марчелло, Туллио Кезик. «Да замолчите вы, ради Марчелло!» – взывал он со страниц газеты «Коррьере делла сера».

Молчание стоит отнести к талантам Марчелло Мастроянни. Что же касается его прекрасных дам, в ближайшее время от них можно ожидать чего угодно, но только не этого.

ЭЛВИС ААРОН ПРЕСЛИ (1935—1977)

Американский певец и гитарист, один из популярнейших исполнителей рок-н-ролла. Записи его песен расходились миллионными тиражами. Его ранние хиты, такие как «Отель, где разбиваются сердца», «Овчарка», «Люби меня нежно» (все – 1956 года), создали индивидуальный вокальный стиль, вобравший в себя южноамериканские блюзы, религиозные песнопения, музыку кантри и ритм-энд-блюзы. Часто выступал по телевидению. Снялся в 33-х фильмах, среди них: «Любовь к тебе» и «Тюремный рок» (оба – 1957). Умер в Мемфисе от передозировки наркотиков.

Элвис Пресли был певцом, перед блеском которого померкли остальные поп-звезды. Именно благодаря ему в мире прочно утвердилась рок-музыка. Второй подобный шок мир испытал только шесть лет спустя, когда появилась группа «Битлз».

Элвис Пресли родился 8 января 1935 года в очень бедной семье. На 11-летие родители подарили ему гитару, поскольку им было не по средствам купить велосипед – мечту сына. Юный Элвис слыл хулиганом и бунтарем, носил одежду дикой расцветки и пугающую родителей прическу. Его кумиром был Джеймс Дин. Тем не менее он был религиозным и постоянно ходил с родителями в церковь.

Закончив школу, Элвис устроился водителем грузовика. Первая пластинка обошлась ему в 4 доллара – он подарил ее матери на день рождения. Элвиса услышал Сэм Филипс из фирмы грамзаписи «Сан Рекордз». Сэм часто повторял: «Если бы я нашел белого, который бы пел как негр, я бы заработал миллион долларов». Вскоре начались яростные, мощные, сексуальные выступления Элвиса. Заработала машина шоу-бизнеса, к Пресли пришла известность.

Томные глаза, крутящиеся бедра, животная страсть сводили с ума женщин всех возрастов. Это было массовое помешательство. В 1955 году менеджером Элвиса стал Том Паркер по кличке Полковник. В том же году Пресли подписал контракт с «Ар-Си-Эй Рекордз», одной из крупнейших фирм грамзаписи США, купил свой первый «кадиллак» (розового цвета) и подарил его матери.

В 1956 году он заработал свой первый миллион, через год переселил своих родителей и бабушку в «Грейсленд», свой новый 23-комнатный дом в Мемфисе. Тридцатилетний Элвис стал самым высокооплачиваемым музыкантом в истории шоу-бизнеса.

За свою жизнь Элвис Пресли заработал более миллиарда долларов. Телевизионную программу «Эд Салливэн Шоу» с участием Элвиса смотрели 54 миллиона американцев. Рейтинг на телевидении у Элвиса был выше, чем у президента США Эйзенхауэра.

У этого живого воплощения американской мечты была и другая сторона. Деньги и слава превратили его жизнь в сплошную муку. Элвис был вынужден вести ночной образ жизни, днем появлялся на улицах только в сопровождении охранников. Он принимал наркотики, стал психически неуравновешенным человеком, и любое неосторожное слово или неадекватный поступок вызывали у него приступ дикой ярости. Элвис окружил себя толпой близких друзей-южан, которых прозвали «мемфисской мафией». Они выполняли роль телохранителей и помощников Короля, как они называли Элвиса.

Последние годы своей жизни Пресли провел в наркотическом дурмане. У него пошатнулось здоровье, он сильно растолстел. Поклонники Элвиса приуныли, ибо «король рок-н-ролла», по их представлению, не имел права стареть. Певец все больше разочаровывался в жизни и становился рабом своих контрактов, число которых доходило до ста пятидесяти в год. Он никогда бы не выдержал таких нагрузок без сопровождавшего его во всех турне доктора Никопулоса. Перед каждым выступлением Пресли взбадривался с помощью сильных стимуляторов, а затем позволял себе «сорваться», чтобы снова впасть в полусонное состояние в номере отеля или в самолете «Лиза Мария».

Многие биографы Пресли утверждают, что он преклонялся перед одной женщиной – своей матерью Глэдис, посвятившей свою жизнь сыну. Когда она умерла в 1958 году, Элвис долго не мог прийти в себя.

В 1959 году во время прохождения службы в Германии Элвис познакомился с 14-летней Присциллой Болье, дочерью американского офицера. Поддавшись на уговоры Пресли, отец разрешил Присцилле переехать из Германии во дворец «Грейсленд». Девушка посещала католическую школу в Мемфисе. По словам секретаря Элвиса, они сблизились сразу после переезда в США.

Большая любовь не помешала певцу совершать набеги в Голливуд, где у него было огромное количество любовниц, среди них такие кинозвезды, как Энн-Маргрет, Джульет Проуз и Тьюсдей Уэлд.

Элвис женился на 21-летней Присцилле 1 мая 1967 года. Брачная церемония состоялась в Лас-Вегасе. Невеста получила в подарок перстень с бриллиантом в 13 карат.

Ровно через девять месяцев, день в день, на свет появилась дочь Пресли Лиза Мария, которая впоследствии станет скандально знаменитой женой нового короля рок-н-ролла Майкла Джексона.

Их супружеская жизнь вначале складывалась удачно, но затем Присцилле надоело общение с «мемфисской мафией», безвылазно жить в «Грейсленде», не видя мужа неделями. Когда Элвис все же появлялся дома, у них практически не было никакой личной жизни, ибо везде были его друзья.

Присцилла ушла от рок-певца к известному каратисту Майку Стоуну. Они разъехались в 1972 году, а через год развелись. После развода Присцилла получила 2 миллиона долларов. Элвис потерял самое дорогое, что у него было, – свою любовь. Он стал искать утешения в наркотиках, женщинах, работе и еде.

Самой значительной связью в жизни Элвиса после Присциллы стал его роман с Линдой Томпсон, «Мисс Тенесси». Красавица-южанка, фотомодель, искренне любила Элвиса и старалась угодить ему во всем. Линда прожила с певцом несколько лет, но даже она не смогла простить Элвису его измен.

Все более угнетающее действие оказывало на него то обстоятельство, что он уже не мог выдержать свой обычный стиль жизни. Элвису женщины нужны были, равно как и наркотики, для облегчения ужаса своего существования – и он «потреблял» их в больших количествах. В течение двадцати лет прелестные девушки бросались к нему в объятия, горя желанием услужить кумиру. Однако последние годы Элвис находился в весьма щекотливом положении: легендарный любовник становился импотентом.

Признаки его деградации с наибольшей очевидностью проявились во время романа с Джинджер Олден, 20-летней своенравной девушкой, на которой он намеревался жениться. Элвис купил ей перстень с бриллиантом в 11 карат и, встав на колени, предложил руку и сердце. Джинджер приняла перстень, а затем и роскошный «кадиллак», но отказалась быть с ним повсюду.

Часто, когда Элвис погружался под воздействием наркотиков в тяжелый сон, она уходила домой вместо того, чтобы проводить ночь рядом с ним. У нее не было ни малейшего желания покидать свою семью и жить с Пресли до того, как будет заключен брак.

Такое отношение приводило в ярость Элвиса, обычно принимавшего любое несогласие за предательство. Тем не менее он не отказывался от романтической мечты жениться на красивой девушке и таким образом избавиться от мыслей о Присцилле, своей бывшей жене, бросившей его ради Майка Стоуна.

Элвис находил утешение, встречаясь иногда с одной из своих подруг прошлых лет или с какой-нибудь молодой девицей из Мемфиса, которую приглашал его помощник. Минде Миллер, манекенщица из Лос-Анджелеса, появившаяся позднее в фильме Брайана де Палмы, была одним из давних увлечений Пресли. Любившему экзотику Элвису нравились смуглая красота и пышное тело Миллер. Другая красивая смуглянка по имени Алисия Джервин появилась на его горизонте летом 1977 года. Она была с Элвисом во время последней поездки в Лас-Вегас. Там он принял такую дозу наркотиков, что она поспешила прервать эту связь.

Он всегда любил очень юных девушек. Присцилле было всего 14 лет, когда они познакомились. Последним «праздником» Элвиса стала Райс Смит, 15-летняя студентка из Мемфиса. Элвис преклонялся перед ней. Он познакомился с ее родителями, дарил подарки. Это была высокая блондинка с густыми волосами и очень обольстительным голосом. Райс стала последним большим увлечением Элвиса. Но и она не замедлила покинуть его, утешив лишь на какое-то время его растущую печаль.

Дочь Элвиса, Лиза Мария, которая часто бывала во дворце «Грейсленд», не получала должного родительского внимания. Чтобы успокоить совесть, Элвис преподносил ей дорогие подарки. Лизе Марии было девять лет, когда он умер. Незадолго до смерти, терзаемый чувством вины, Элвис, рыдая, воскликнул: «Я хотел бы быть лучшим отцом!» А за две недели до своей смерти, как бы желая рассчитаться со всеми, прежде чем «выйти из игры», Элвис пригласил Билли Стэнли к себе во дворец и в слезах попросил прощения за то, что несколько лет назад соблазнил его жену.

Порой у Элвиса возникали мысли о самоубийстве. В 1967 году, незадолго до его свадьбы с Присциллой, он был близок к тому, чтобы покончить с собой. У него имелись глубокие сомнения в отношении свадьбы, и он пытался получить отсрочку. Конец этим сомнениям положил полковник Паркер, потребовавший принять окончательное решение. Его условие было таково: если Элвис бросит Присциллу, то будет публично обвинен в сожительстве с малолетней. Чувствуя давление, Элвис однажды сильно поссорился с Присциллой и принял сильную дозу наркотиков, после чего был найден без сознания в своей комнате. Врачи с трудом привели его в чувство.

Очевидно, что в последние трагические недели Элвиса преследовала мысль о смерти. Дэвид Стэнли убежден, что мысли воплотились в действие под влиянием сразу двух невыносимых перспектив: реакции публики на скандальную книгу его бывших

телохранителей и необходимости появления перед поклонниками во время нового турне.

На рассвете 15 августа 1977 года Элвис уединился в своих апартаментах с Джинжер. Спустя некоторое время он послал охранника за наркотиками. На следующий день Джинжер, проснувшись, пошла искать Элвиса. Она обнаружила его скрюченным на полу ванной комнаты. Напуганная, девушка позвала на помощь. Быстро прибежали члены семьи, охранники.

Вместо того чтобы принять содержимое пакетов с сильнодействующим наркотиком дилаудида по привычному расписанию, Элвис принял всю эту огромную дозу разом, да еще добавил изрядную порцию кодеина. Никто бы не выдержал такой нагрузки – и Элвис не мог не знать этого…

Лужайка перед домом Элвиса в Мемфисе была заполнена тысячами его поклонников, не желавших верить в то, что с ними уже никогда не будет их Короля – Элвиса Пресли.

В 1998 году в Англии в издательстве «Литл, Браун энд компани» вышла скандальная книга Джун Джуанико «В сумерках памяти», в которой автор утверждала, что была невестой Элвиса, и, если бы из союз удался, она могла бы спасти его от саморазрушения и неминуемой гибели.

Фотография на обложке сенсационных мемуаров говорит сама за себя, являясь неопровержимым документом, подтверждающим факт некогда существовавшей любви! На снимке обнимаются двое молодых людей, как видно, счастливых и влюбленных друг в друга. Он датирован 1956 годом. Юная красотка – Джун, а ее поклонник – сам Элвис Пресли. История их любви началась в 1955-м, в маленьком городке Билокси, штат Миссисипи, где жила Джун. Она часто встречалась с начинающим певцом. Молодые люди безумно влюбились друг в друга и планировали пожениться, как только Элвис встанет на ноги. Постепенно Джун начала замечать, что ее возлюбленный стал часто пропадать, а в журналах замелькали компрометирующие репутацию будущего мужа фотографии с молоденькими поклонницами. Джун страдала, но продолжала ждать обещанной свадьбы. 25 декабря 1956 года Элвис позвонил ей на Рождество и стал умолять простить его вынужденное отсутствие, связанное с чрезвычайной загруженностью.

Тем временем слава Пресли набирала обороты, и он медлил со своим решением связать себя с Джун. А девушка, которой едва исполнилось двадцать, уже потеряла надежду, закрутив роман с бизнесменом Фэбианом Таранто. Практически накануне своей свадьбы с ним она внезапно получила телеграмму от Пресли с требованием немедленно встретиться с ним на вокзале Юнион

Стейшн в Новом Орлеане. Джун шла с твердым намерением порвать иссякшую любовь, которая потеряла всякий смысл после стольких месяцев разлуки. Элвис встретил ее на вокзале в роскошном лимузине.

«Я никогда раньше не видела его до такой степени влюбленным и взволнованным, – написала в своей книге Джун Джуанико. – Собрав все свои силы, я, едва сдерживая слезы, сообщила ему, что между нами все кончено и я выхожу замуж за другого. Я видела, каким страданием исказилось его лицо, и вдруг поняла, что его долгое отсутствие было не побегом от меня, а лишь желанием подготовить почву для нашей счастливой жизни. Он никогда не изменял мне душевно! Но что я могла тогда поделать? Я бросила ему в лицо упрек, что не являюсь игрушкой, которую бросают, когда игра надоедает, и что еще молода и не хотела бы губить свою жизнь в бесцельном ожидании эфемерного жениха. Я также сказала, что, несмотря на все это, продолжаю любить его, и, возможно, эта любовь будет длиться в сердце вечно».

Они расстались. На следующее утро Джун узнала из газет, что Элвис купил частное имение «Грейсленд» для своей будущей невесты (он так сообщил об этом журналистам). И она поняла, насколько важным было для него желание быть вместе с ней!

Они снова встретились только через шесть лет. И Джун заплакала, когда увидела на его туалетном столике старую фотографию, на которой Элвис и она были еще так молоды и полны надежд на возможное счастье. Этот снимок не покидал его.

Сегодня близкие друзья Пресли и оставшиеся в живых родственники признали, что Джун Джуанико действительно была единственной женщиной в судьбе Элвиса, которую он по-настоящему любил. И что если бы она была с ним рядом и согласилась стать его женой, то смогла бы спасти его от наркотиков и пьянства. Ведь он уважал и считался с ее мнением.

Но переписать историю невозможно, как и повернуть время вспять.

АРИСТОТЕЛЬ ОНАССИС (1906—1975)

Греческий мультимиллионер, был одним из самых богатых людей мира. Крупнейший судовладелец. От первого брака имел двоих детей – сына и дочь. Второй раз был женат на Жаклин Кеннеди, вдове американского президента.

Аристотель Онассис родился 15 января 1906 года. Ему было 12 лет, когда умерла его мать. Сын никогда не простил отцу второго брака. Он рос строптивым и своевольным мальчиком. В Первую мировую войну отец попал в тюрьму, и Аристотель истратил последние сбережения семьи на его освобождение, но отцу это не понравилось. Тогда сын эмигрировал в Аргентину. Там он, перепробовав разные специальности, стал телефонным техником. Аристотель тянул провода, ползая по полу и разглядывая хорошенькие ножки телефонисток. Он нравился девушкам и женщинам. Еще 12-летним он был соблазнен учительницей французского языка. Но в юности желание добиться успеха в бизнесе было сильнее всех остальных желаний, хотя его первая фабрика сигарет обанкротилась.

В 1924 году он познакомился с Коста Гратсосом, оставшимся ему верным другом на всю жизнь, порой, правда, ошеломленно наблюдавшим за безобразиями, творимыми «выскочкой Ари». Ему Ари изложил свое кредо относительно женщин: «В постели я не хочу глупых разговоров. Никаких вопросов типа: "Было ли тебе так же хорошо, как и мне?"» Он руководствовался принципом: значение имеет лишь то, что «приносит мне пользу». Гратсос был отпрыском старинного греческого рода, а потому окончил лондонскую школу экономики. Дружба с ним принесла Онассису множество полезных знакомств.

Он стал использовать в сделках только чужие деньги. И благодаря настойчивости, целеустремленности и наследству к 1932 году Аристотель Онассис имел уже 600 тысяч долларов.

В 1934 году он встретил Ингеборгу Дедихен, красивую, интеллигентную дочь покойного владельца норвежской судоходной компании. И тут Онассис использовал свой старый трюк: он гипнотизировал ее до тех пор, пока она не прогнала своего тренера по плаванию и не разрешила Ари обучать ее. Начался страстный любовный роман, и Онассису открылась дверь в мир международных судоходных компаний.

Ингу Дедихен Онассис называл «мамитой». Она же его

прозвала «мамикой». После разрыва она охотно всем рассказывала о приобретенном с ним сексуальном опыте. «Ни у одного из моих мужей не было такой кожи, которую так нравилось бы гладить, как у него. Мы тонули в своих желаниях». Ари, предавалась она счастливым воспоминаниям, нравились ее ноги, которые он находил нежными и мягкими, подобно попке младенца. Он любил целоваться и находил смешными шутки, которые взрослые обычно рассказывают детям. Инга в основном жила в Париже, где однажды попробовала, какая кожа у голландского дирижера. Онассис, узнав об этом, вознегодовал.

Эта связь, довольно продолжительная, не привела к браку. Когда Ари избил ее в первый раз, она еще восхищалась его профессиональными ударами, не оставившими на ее теле ни одного синяка. Но скоро у него это вошло в привычку, да и удары стали менее профессиональными. Однажды он поставил Инге такой синяк под глазом, что врач предложил женщине привлечь мужа к ответу. В тот раз Онассис поспешил вылечить свою подругу. Насилие доставляло ему сексуальное удовольствие, признавался он Инге, отмечая, что у греков это в крови. «Кто хорошо бьет, – говаривал он, – тот хорошо любит».

В 1946 году Онассис женился в Нью-Йорке на гречанке Атине Ливанос, которую все звали просто Тина. Женитьба на Тине была для Онассиса гениальным шахматным ходом. Она была интеллигентной, образованной, хорошо воспитанной, родом из знатной греческой семьи, юной и знала мир. Ари, прежде чем попросить ее руки у отца, привлек первым делом на свою сторону дочь. Однако жениться на 19-летней девушке ему все-таки не разрешили, сославшись на то, что еще не вышла замуж старшая сестра, Евгения. Но через год настойчивый Онассис своего добился.

Еще до того как Онассис стал бить Тину, прежде чем отправиться с ней в постель, юная девушка дала 40-летнему жениху холодную и реалистическую оценку: «Настоящий дикарь, который лишь обзавелся приличным видом». Но она тоже была в него сильно влюблена. «В этой игре участвовал бог любви Эрос», – говорила она впоследствии. Тину захватили его обаяние и страстность…

Вторая мировая война принесла удачу Онассису, однако его самолюбие страдало оттого, что он занимается лишь перевозкой нефти, но не ее добычей. Бизнес отнимал у него слишком много времени, и вскоре Тина почти перестала видеть мужа. Разумеется, молодая женщина завела себе любовника, тем более что она была уверена, что Аристотель ей неверен, да и назвать их жизнь семейной можно было лишь с большой натяжкой, хотя у них и

родились сын Александр и дочь Кристина. С 1954 года жизнь Онасиссов переместилась на шикарную яхту «Кристина». Любопытно, что табуреты у стойки бара на яхте были обтянуты крайней плотью кита: «Мадам, вы как раз сидите на самом большом в мире пенисе».

Конечно, был на яхте и плавательный бассейн, который, спустив воду, использовали в качестве танцевальной площадки. Актер Ричард Бартон как-то сказал: «Думаю, что на земле не найдется ни одного мужчины или женщины, которые не поддались бы соблазну бесстыдного нарциссизма, излучаемого этим судном». На что Онассис ответил: «Я позаботился о том, чтобы именно так все и было».

…Над Марией Каллас склонился Аристотель Онассис. Она смотрела на него и смеялась, а ее муж кусал себе губы. Любовь втроем? Вовсе нет. Всего лишь обычная прогулка на яхте по Средиземному морю. И все-таки Баттисто Мененьини, супруг великой певицы Каллас, миллионер из Вероны, казался сам себе невероятным глупцом. Когда он влюбился в дородную честолюбивую гречанку (она весила тогда 105 кг), то забросил все заводы, женился на ней и полностью посвятил себя карьере молодой жены. Замужество пошло певице на пользу. Мария преобразилась в очаровательное создание весом 55 килограммов. Когда в начале карьеры певица переживала одно разочарование за другим, он верил в нее, любил, помогал ей и вел все ее контракты. Однако он был скрягой, которого упрекали в том, что, прежде чем выпустить Марию на сцену, он пересчитывал в гримерной ее гонорар.

Во время приема на яхте Тина Онассис всерьез забеспокоилась. Аристотель хлопотал лишь вокруг Каллас, хотя в числе его гостей был сам Уинстон Черчилль. «О других он никогда не говорил, о ней же твердит постоянно», – нервно заметила Тина. Впервые Онассис встретил Каллас в сентябре 1957 года в Венеции на балу в честь дня рождения журналистки Эльзы Максвелл. Но их любовь вспыхнула только весной 1959 года на втором балу в Венеции. Они долго танцевали, сжимая друг друга в объятиях, и Тина Онассис не верила своим ушам, когда муж заявил, что поедет в Лондон на концерт Каллас. Вот после этого концерта он и пригласил ее с мужем на свою яхту.

«Кристина» бросила якорь у горы Атос. На следующий день ее посетил патриарх Атенагорас. Мария и Аристотель встали перед ним на колени на палубе. Патриарх благословил их. У Мененьини было неприятное ощущение, что он присутствует на брачной церемонии. В последующие дни Каллас возвращалась в свою каюту лишь на рассвете. Мененьини еще надеялся, что в Милане

все встанет на свои места. Супруги еще раз съездили в Сирмионе в свой дом на озере Гарда, где певица сказала мужу, что больше не хочет с ним жить.

В начале сентября все тайное стало явным. Пресса раздула из этого сенсацию, но Аристотель пытался ее приглушить. Мы всего лишь друзья, сказал он в Венеции репортерам. По телефону он заклинал Тину приехать вместе с детьми к нему из Нью-Йорка и не начинать бракоразводный процесс. В то же время он продолжал встречаться с Каллас. В конце ноября 1959 года в Соединенных Штатах Тина подала на развод. Через полтора года она вышла замуж за английского лорда.

Тем временем Каллас и Онассис уже открыто появлялись в обществе. Она планировала свои выступления в соответствии с его деловым графиком, следила за своим весом, соблюдала строгую диету, сделала новую прическу. Но Каллас и Онассис ссорились почти постоянно. Он срывал на ней свое настроение и обращался с нею так скверно, что этого стыдились даже его друзья. «Заткнись ты, певичка из ночного клуба», – говорил он ей. Мария все терпела, потому что потеряла от любви голову, мечтала о нормальной семейной жизни.

В 1964 году они провели чудесное лето на острове Скорпио. Но годом раньше на яхту «Кристина» были приглашены Джеки Кеннеди с ее сестрой Ли Радзивилл, которой увлекся Ари. Джеки получила дорогие подарки от Онассиса и уехала в Белый дом. Ли Радзивилл была обижена тем, что Джеки Онассис подарил более дорогие подарки, чем ей. В 1965 году во время летнего отдыха Аристотель стал обращаться с Каллас хуже, чем когда-либо. Ни о каком браке не могло быть и речи.

В 1968 году Мария Каллас узнала из газет, что Аристотель Онассис женился на вдове президента США Жаклин Кеннеди. Это произошло после убийства брата Джона Кеннеди – Роберта Кеннеди. Жаклин Кеннеди чувствовала себя крайне одинокой и незащищенной в этом мире. Она постоянно испытывала страх за детей. Однажды у нее началась истерика. Джеки кричала, что ненавидит эту страну убийц, что она хочет увезти отсюда своих детей. После похорон Роберта Кеннеди Жаклин позвонила Аристотелю Онассису и пригласила его с дочерью на уик-энд в семью своей матери. Он приехал, но мать Жаклин, миссис Очинклосс, очень нелюбезно встретила его. Однако вскоре Онассис послал Джеки и ее матери письмо с благодарностью, а потом все лето навещал вдову президента в Хианнис-Порт, подружился с детьми и познакомился с семейством Кеннеди.

Аристотель все чаще и чаще навещал Джеки в Нью-Йорке в ее квартире, иногда они вместе ужинали в ресторанах. Пресса не

обратила на это внимания, так как Онассис любил бывать в обществе знаменитостей. Но Джеки чувствовала себя в безопасности с этим человеком, обладавшим огромной жизненной энергией. Ей нравилось, что он внимателен к ней, ее поражала его необычная щедрость. С Онассисом она открыто говорила о своей неудавшейся семейной жизни, о смерти ребенка и об ужасе, который она испытала во время убийства мужа. Она беспокоилась за судьбу детей, за сына, который рос без отца. Аристотель Онассис слушал ее с сочувствием, он понимал, как она одинока, как хочет вновь выйти замуж.

Убежденная в том, что только Онассис может дать ей счастье и покой, которые были необходимы ей и детям, Жаклин приняла решение выйти за него замуж как можно скорее. Она часто приглашала грека в свою семью, чтобы дети привыкли к нему. Но у Онассиса возникли проблемы с собственными детьми. Кристина и Александр обожали мать и не хотели видеть другую женщину рядом с отцом. Кроме того, против брака Жаклин и Онассиса была настроена вся семья Кеннеди.

Жаклин ускорила свадьбу. Сообщение о втором браке вдовы Джона Кеннеди появилось на страницах газет всего мира. «Джон Кеннеди умер вторично» – вот один из заголовков. Мало кто из американцев понял Джеки и простил ее поступок. Свадьба состоялась 20 октября 1968 года в маленькой часовне Богоматери на греческом острове Скорпио. Держа за руку свою 10-летнюю дочь, Джеки вошла в часовню, одетая в бежевое платье с длинными рукавами. Заплетенные в косу и уложенные длинные каштановые волосы были перевязаны бежевой лентой. Хотя она была в бежевых туфлях на низком каблуке, Джеки все равно возвышалась над своим 62-летним коренастым женихом, одетым в синий мешковатый костюм с двубортным пиджаком, белую сорочку с красным галстуком.

На свадебную церемонию были приглашены всего двадцать два гостя – самые близкие родственники и деловые партнеры. Многочисленная вооруженная охрана сдерживала толпу журналистов и фотографов. Фотографам разрешили сделать несколько снимков после свадебной церемонии, которые обошли весь мир. Улыбающаяся невеста держит под руку своего жениха, дети которого так печальны, словно они присутствуют на похоронах. Впрочем, дети Джеки и убитого президента тоже грустно опустили головки.

Торжественный ужин состоялся на яхте «Кристина», содержание которой превышало миллион долларов в год. Несмотря на то что мать Джеки была ошеломлена роскошью яхты, хозяин которой обладал состоянием в 500 миллионов долларов,

миссис Очинклосс была недовольна выбором дочери. Когда Джеки появилась на ужине, все заметили, что на том пальце, на котором все время ее вдовства было обручальное кольцо Джона Ф. Кеннеди, теперь красовался перстень с рубином величиной с куриное яйцо, украшенный бриллиантами. В ее серьгах также пылали рубины в виде сердца, обрамленные бриллиантами.

За столом произносились трогательные тосты, глаза гостей были постоянно на мокром месте. Аристотель и Джеки были счастливы, держась за руки и загадочно улыбаясь. На следующий день гости, одаренные великолепными подарками, покинули «Кристину», Онассис улетел на деловые переговоры, дети Джеки вернулись в Штаты. Жаклин Онассис занялась будущим домом, вызвав из США лучшего дизайнера Билла Болдуина, который пришел в ужас от безвкусицы, царившей на знаменитой яхте.

Газеты продолжали писать о свадьбе двух знаменитостей. Люди, восхищавшиеся вдовой президента в течение пяти лет, в один миг отвернулись от нее за то, что она вышла замуж за человека другой веры и культуры. Став женой международного пирата, который закончил лишь шесть классов средней школы, она разрушила миф о самой себе. Акцент делался на деньги Онассиса и любви к ним Джеки. Пресса прямо заявляла, что из тщеславия богатый грек купил себе самую знаменитую женщину мира. И действительно, Жаклин больше не думала о деньгах. Счета отсылались прямо в офис Онассиса, где их оплачивал сам магнат, который был рад угодить жене. Он организовывал ее отдых – путешествия и круизы по всему миру в каютах, где всегда имелось достаточно шампанского, фруктов и цветов. Он приглашал толпы знаменитостей, чтобы развлечь ее. Жаклин ездила в «роллс-ройсах», ее охраняли телохранители, у нее были частные самолеты. Однако она не могла защитить себя от судьбы.

Заключив брак с Жаклин Кеннеди, Аристотель не забыл Марию Каллас. В мае 1970 года он навестил певицу в Париже и, сидя рядом с ней, положил руку ей на бедро. «Как приятно опять чувствовать толстое бедро Марии! – сказал он. – У Джеки ведь лишь кожа да кости». И он продолжал регулярно встречаться с оперной дивой, сначала лишь в интимной обстановке ее парижской квартиры, а позднее и в ресторанах и ночных клубах. Каллас была умна, проницательна и сексуальна, к тому же она была гречанкой. Скрытный по натуре, Онассис мало кому доверял, но Мария доказала ему, что ей можно верить. В отличие от Джеки она интересовалась его делами, восхищалась его грандиозными успехами в бизнесе. Жаклин же то и дело совершала полеты из Европы в Америку и обратно. По праздникам она привозила в Грецию детей, потом возвращалась с

ними в Нью-Йорк, в то время как Онассис занимался укреплением своей империи. Так они жили на протяжении всего брака, что было вполне приемлемо для Джеки. Она веселилась, носила дорогостоящие украшения, позволяла себе облегающие джинсы, футболки без лифчика и легкомысленные шляпки. Ее гардероб однако был забит платьями от Валентино, мехами от Максимилиана и драгоценностями от Золотаса. Она была самой изысканной дамой мира.

Онассис метался между Джеки и Марией, нигде не находя достаточно тепла и понимания. Выросшие дети начали преподносить ему сюрпризы. Избалованные, воспитанные в роскоши, они были окружены знаменитостями. Деньги дождем лились на них, но они скорее страдали от богатства, чем были счастливы. У Аристотеля Онассиса никогда не хватало времени на детей. В двадцать лет Кристина тайно вышла замуж за 48-летнего продавца недвижимости, еврея Болкера, у которого было уже четверо взрослых детей. Онассис был взбешен, лишил дочь наследства и заставил зятя через год начать бракоразводный процесс.

Сын Александр тоже доставил огорчение отцу тем, что вступил в связь с женщиной вдвое старше его, разведенной баронессой с двумя детьми, Фионой Тиссен. Однако Аристотель Онассис сблизился с сыном, когда начал обсуждать с ним деловые вопросы. Именно Александру он признался, что считает женитьбу на Джеки бессмысленной и собирается развестись с ней. Но именно в этот момент, когда сын и отец начали находить общий язык, Александр погиб в авиакатастрофе. Онассис винил себя в смерти сына. С этого момента он зациклился на своем горе и начал быстро сдавать. Джеки же продолжала веселиться. Аристотеля утешала Мария Каллас.

Потеряв сына, Аристотель Онассис поневоле начал вводить дочь Кристину в управление бизнесом. Но она находилась в глубокой депрессии после смерти брата, а тут еще умерла ее мать. Онассис даже не присутствовал на похоронах бывшей жены, матери его детей. Он чувствовал себя усталым, старым человеком и стал задумываться о смерти. Он больше не пытался притворяться, что его семейная жизнь протекает нормально, и почти не появлялся с Джеки на людях. Она жила своей жизнью в нью-йоркской квартире на Пятой авеню, он проживал в парижском отеле «Пьер». Втайне от жены Онассис готовился к разводу. Он нанял частного детектива, чтобы следить за Джеки, надеясь сэкономить на разводе, если удастся уличить жену в неверности. Кроме того, он попытался привлечь на свою сторону прессу, жалуясь журналистам на расточительность жены.

Джеки Онассис развлекалась в Нью-Йорке, когда ее муж слег с сильными болями в желудке. Прилетев в Грецию, Джеки поддержала врачей, посоветовавших госпитализировать Аристотеля Онассиса. Его поместили в американский госпиталь под Парижем. Пять недель Онассис находился в полуобморочном состоянии. Ему сделали операцию. Его сестры и дочь дежурили возле него, лишив жену возможности выполнять свою священную обязанность. Джеки не настаивала: она проводила время с друзьями, прогуливалась по Парижу, покупала одежду, посещала парикмахерские. Когда Онассису стало лучше, Джеки улетела в Нью-Йорк на уик-энд. Но, позвонив в понедельник в больницу и узнав, что состояние мужа не ухудшается, она осталась в США на всю неделю. В субботу, 15 марта 1975 года, Онассис умер. Джеки не пыталась притворяться на похоронах скорбящей вдовой – она не плакала и даже не вздыхала по мужу.

Через два года умерла Мария Каллас, которая последнее время жила одиноко и замкнуто, отказываясь от всех приглашений.

Через восемнадцать месяцев после смерти мужа вдова Аристотеля Онассиса, бывшая вдова Джона Кеннеди, Жаклин Кеннеди Онассис, получила от своей падчерицы Кристины 26 миллионов долларов при условии полного разрыва всех связей с семьей Онассисов.

ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАК (1799—1850)

Классик французской литературы. По замыслу писателя его главное произведение «Человеческая комедия» должна была состоять из 143 книг. Завершены им были 90 книг. Это грандиозная по широте охвата картина французского общества. Его перу принадлежат романы «Шагреневая кожа» (1831), «Евгения Гранде» (1833), «Отец Горио» (1835), «Лилия долины» (1836), «Утраченные иллюзии» (1835—1843), «Блеск и нищета куртизанок» (1838—1847) и др.

Оноре Бальзак родился 20 мая 1799 года в городе Туре. Отец его, Бернар Франсуа Бальзак, чиновник военного ведомства, занимался поставкой провианта для дивизии, расквартированной в этом городке. Ему было 53 года, когда родился Оноре. Мать будущего писателя Анна-Шарлотта Саламбье, благовоспитанная дочь парижского буржуа, была моложе мужа на 32 года. Бернар Франсуа в шутку хвастался своим отдаленным родством с древнегалльской рыцарской фамилией Бальзак д'Антрэг. Однако сын позже превратит эту фантазию в неоспоримый факт. «Де Бальзак». Так он стал подписывать свои письма и книги, а гербом д'Антрэгов украсил свой экипаж, собираясь отправиться в Вену. Между тем все дошедшие до нас документы не подтверждают дворянское происхождение Оноре.

Раннее детство будущего писателя прошло вне родительского дома. Вначале он жил у кормилицы, простой туренской крестьянки. Когда мальчику исполнилось четыре года, его отдали в пансион Леге. Одиннадцать лет с небольшими перерывами провел Бальзак за унылыми стенами различных пансионов и интернатов. Самыми мрачными были для него семь лет пребывания в Вандомском коллеже, закрытом учебном заведении, руководимом монахами-ораторианцами. Двести воспитанников коллежа должны были беспрекословно подчиняться суровому монастырскому режиму. За малейшую провинность следовала порка или темный сырой карцер. У Бальзака было мало друзей. Он слыл угрюмым, нерадивым учеником.

В эти годы Оноре приобщился к миру книг. Он стал завсегдатаем библиотеки коллежа. Сам пробовал писать, но это вызывало только насмешки товарищей, которые дали ему ироническое прозвище Поэт.

Бальзаку было пятнадцать лет, когда его отца перевели в

Париж. Шел 1814 год. Только что рухнула империя Наполеона. Франция вновь стала королевством Бурбонов.

По настоянию отца юноша учился в Школе права и одновременно работал писцом в конторе адвоката Гильоне де Мервиля. И в тайне от родителей посещал лекции по литературе в Сорбонне, долгие часы проводил в библиотеке Арсенала, штудируя труды философов и историков.

1819 год начался для него выпускными экзаменами. Оноре успешно закончил Школу права, но неожиданно для родителей решил посвятить себя литературе. В это время отец вышел в отставку, и вся семья переехала в городок Вильпаризи, недалеко от столицы.

Оноре поселился в рабочем районе Парижа и жил в маленькой мансарде. Он с юмором писал сестре: «Твой брат, которому суждена такая слава, питается совершенно как великий человек, иными словами, умирает с голоду».

Первый литературный опыт в жанре трагедии подвергся уничижительной критике семейного совета. Тогда Оноре обратил внимание на «готические» романы, где действуют бессердечные злодеи, совершаются ужасные преступления, раскрываются зловещие тайны и вознаграждаются добродетельные красавицы. Сначала в соавторстве с опытным литературным дельцом Ле Пуатвеном де л'Эгревилем, а затем самостоятельно Бальзак в течение пяти лет выпустил около десятка романов, что не принесло ему долгожданной материальной независимости.

До тридцати лет он сторонился женщин. Бальзак, бурный и несдержанный в зрелые годы, в юности был робок до болезненности. Впрочем, избегал он женщин не из боязни влюбиться, нет, он страшился собственной страстности. К тому же Бальзак знал, что он коротконог и неуклюж от природы, что он будет смешон, если станет, подобно щеголям того времени, флиртовать с красавицами. Но это ощущение ущербности заставляло его вновь и вновь бежать от женщин в уединение к своему письменному столу.

Иногда Бальзак жил у родителей в маленьком Вильпаризи. Здесь в 1821 году он познакомился с Лаурой де Берни – 45-летней женщиной, многодетной матерью, очень несчастной в своей семейной жизни. Ее муж, мсье Габриэль де Берни, сын губернатора, был советником имперского суда, отпрыском древнего дворянского рода. С каждым днем он видел все хуже и хуже. Мать Бальзака заставила Оноре заниматься с сыном Лауры, Александром. Они были почти ровесниками. Вскоре мадам Бальзак начала кое-что подмечать. Она полагала, что ее сын влюблен в прелестную Эммануэль, которая была лишь на

несколько лет моложе Оноре. Но сердце юного писателя было отдано Лауре, родившей мужу девятерых детей!

Лаура де Берни – первая любовь Бальзака – сыграла большую роль в его жизни. «Она была мне матерью, подругой, семьей, спутницей и советчицей, – признавал он впоследствии. – Она сделала меня писателем, она утешила меня в юности, она пробудила во мне вкус, она плакала и смеялась со мной, как сестра, она всегда приходила ко мне благодетельной дремой, которая утишает боль… Без нее я бы попросту умер». Она сделала для него все, что в силах сделать женщина для мужчины. Эти отношения целое десятилетие, с 1822 по 1833 год, оставались чувственно-интимными. О том, какое значение имела для него эта связь, Бальзак высказал в бессмертных словах: «Ничто не может сравниться с последней любовью женщины, которая дарит мужчине счастье первой любви».

Лаура не сразу ответила на его чувство, но молодой Оноре забросал ее письмами с признаниями: «Как вы были хороши вчера! Много раз вы являлись ко мне в мечтах, блистательная и чарующая, но, признаюсь, вчера вы обошли свою соперницу – единственную владычицу моих грез». Госпожа де Берни уступила ему теплой майской ночью. Оноре блаженствовал: «О Лора! Я пишу тебе, а меня окружает молчание ночи, ночи, полной тобой, а в душе моей живет воспоминание о твоих страстных поцелуях! О чем я еще могу думать?.. Я все время вижу нашу скамью; я ощущаю, как твои милые руки трепетно обнимают меня, а цветы передо мной, хотя они уже увяли, сохраняют пьянящий аромат».

Госпожа де Берни была полна страсти и огня. Но вскоре об их связи стало известно в свете. Общество осудило любовников. Тем временем все издательские проекты Оноре терпели крах. Лора помогала возлюбленному не только словом утешения, но и материально. Они оставались друзьями до самой ее смерти в 1836 году и переписывались. Лаура де Берни послужила прототипом героини романа «Лилия долины», хотя, как отмечал сам писатель, «образ госпожи де Морсоф в "Лилия долины" лишь бледное отражение самых малых достоинств этой женщины».

С тех пор Бальзака удовлетворяли только те женщины, которые превосходили его опытностью и, как это ни странно, возрастом. Его не соблазняли юные красавицы, которые слишком многого требовали и награждали слишком малым. «Сорокалетняя женщина сделает для тебя все, двадцатилетняя – ничего!»

Герцогиня д'Абрантес, вдова генерала Жюно, когда Бальзак познакомился с ней примерно в 1829 году в Версале, безнадежно погрязла в долгах и не пользовалась уважением в обществе. Она торговала своими мемуарами. Герцогиня без особого труда увела

молодого писателя из объятий стареющей Лауры де Берни. На Бальзака титулы и аристократические фамилии до последнего дня его жизни производили неотразимое впечатление. Порой они просто очаровывали его.

Бальзак торжествовал, став возлюбленным герцогини. Впрочем, связь эта длилась недолго, со временем их отношения стали чисто дружескими. Герцогиня ввела Бальзака в салон мадам де Рекамье и в дома некоторых своих великосветских знакомых. Он помогал ей сбывать мемуары и, возможно, участвовал в их написании.

Примерно в то время в жизнь Бальзака вошла другая женщина, Зюльма Карро. Некрасивая, хромая, она не любила своего супруга, управляющего порохового завода, чья военная карьера не удалась. Но питала уважение к его благородному характеру и глубоко сочувствовала ему как человеку, сломленному неудачами. Встреча Зюльмы с Оноре в доме его сестры была счастьем для обоих – для нее и для Бальзака.

Бальзак начинал постигать душевное величие этой женщины, способной на удивительное самопожертвование. Он писал ей: «Четверть часа, которые я вечером могу провести у тебя, означают для меня больше, чем все блаженство ночи, проведенной в объятиях юной красавицы…»

Но Зюльма Карро понимала, что у нее нет женской привлекательности, способной навсегда привязать человека, которого она ставит превыше всех. А кроме того, она не могла обманывать или оставить несчастного мужа. Зюльма предложила писателю дружбу, «святую и добрую дружбу». В письмах она откровенно высказывалась о произведениях Бальзака. Он благодарил ее за критику. «Ты – моя публика. Я горжусь знакомством с тобой, с тобой, которая вселяет в меня мужество стремиться к совершенствованию». Перед смертью Оноре, окинув взором всю прошедшую жизнь, признал, что Зюльма была самой значительной, самой лучшей из его подруг. И он взял перо, и после долгого молчания написал ей прощальное письмо…

Бальзак проявил верное психологическое чутье, когда из всех великих женщин, окружавших его, особенно близко сошелся с благородной Марселиной Деборд-Вальмор, которой он посвятил одно из прекрасных своих творений и к которой, задыхаясь, взбирался по крутой лестнице на мансарду в Пале-Рояле. С Жорж Санд, которую он называл «братец Жорж», его связывала только сердечная дружба, без малейшего намека на интимность. Гордость Бальзака не позволяла ему быть включенным в обширный список ее возлюбленных.

У Бальзака не было времени искать женщину, искать

возлюбленную. По четырнадцать, по пятнадцать часов он работал за письменным столом. Остальные он тратил на сон и неотложные дела. Но женщины сами искали знакомства со знаменитым писателем, забрасывая его письмами. Женские письма занимали его, восхищали и волновали. 5 октября 1831 года он получил письмо, подписанное английским псевдонимом. О чудо! Она оказалась маркизой. Отцом будущей герцогини Анриетты-Мари де Кастри был герцог де Мэйе, бывший маршал Франции, чья родословная восходила к одиннадцатому столетию. Ее матерью была герцогиня Фиц-Джемс, иначе говоря, из Стюартов и, следовательно, королевской крови. Маркизе было тридцать пять лет, что вполне соответствовало бальзаковскому идеалу. Она пережила роман, нашумевший в обществе. Госпожа де Кастри влюбилась в сына всемогущего канцлера Меттерниха. Чувство оказалось взаимным. Роман закончился трагически: маркиза на охоте упала с лошади и сломала позвоночник и с тех пор вынуждена была проводить большую часть времени в шезлонге или постели. Юный Меттерних вскоре умер от чахотки. Бальзак решил добиться расположения этой несчастной женщины. Они встретились в салоне дворца де Кастеллан. Три часа беседы пролетели незаметно. «Вы приняли меня столь любезно, – писал он ей, – вы подарили мне столь сладостные часы, и я твердо убежден: вы одни мое счастье!»

Отношения становились все сердечней. Экипаж Бальзака каждый вечер останавливался у дворца Кастеллан, и беседы затягивались далеко за полночь. Он сопровождал ее в театр, писал ей письма, читал ей свои новые произведения, он просил у нее совета, дарил ей самое драгоценное из всего, что мог подарить: рукописи «Тридцатилетней женщины», «Полковника Шабера» и «Поручения». Для одинокой женщины, которая уже много недель и месяцев предавалась скорби по умершему, эта духовная дружба означала своего рода счастье, для Бальзака она означала страсть.

Однако, как только его ухаживания приблизились к опасной черте, герцогиня начала обороняться решительно и непреклонно. Несколько месяцев она позволяла писателю «только медленно продвигался вперед, делая маленькие завоевания, которыми должен удовлетвориться застенчивый влюбленный», упорно не желая «подтвердить преданность своего сердца, присоединив к нему и собственную свою особу». Может быть, она решила остаться верной своему мужу, отцу своего ребенка, а может, стыдилась своего увечья или же опасалась, что Бальзак проговорится о своей связи с аристократкой. Увы, писатель впервые понял, что его воля не всемогуща. Впрочем, история с

госпожой де Кастри была для Бальзака не катастрофой, а лишь незначительным эпизодом.

Герцогиня де Кастри не единственное знакомство, которым Бальзак обязан почтальону. Существовала целая вереница нежных подруг, в большинстве случаев известны только их имена – Луиза, Клер, Мари. Женщины эти обычно являлись к Бальзаку домой, и одна из них унесла оттуда внебрачного ребенка. Бальзак однажды заметил: «Гораздо легче быть любовником, чем мужем, по той простой причине, что гораздо сложнее целый день демонстрировать интеллект и остроумие, чем говорить что-нибудь умное лишь время от времени». Но разве не может когда-нибудь вместо адюльтеров вспыхнуть подлинная любовь?

В 1832 году произошло незначительное на первый взгляд событие. 28 февраля издатель Бальзака Госслен передал ему письмо с почтовым штемпелем «Одесса». Письмо было от неизвестной читательницы, подписавшейся «Иностранка». Через некоторое время от нее пришло второе письмо с просьбой подтвердить получение писем через распространенную в России газету «Котидьен», что заинтригованный Бальзак и сделал. Вскоре он узнал имя своей корреспондентки. Это была богатая польская помещица, русская подданная Эвелина Ганская, урожденная графиня Ржевусская. Она изъяснялась по-французски, по-английски, по-немецки. Ее муж Венцеслав Ганский, которому было под пятьдесят, часто болел. Оба скучали в своем замке на Волыни, в Верховне. Эва родила мужу семерых (по другим данным – пятерых) детей. Но выжила только одна дочь. Эвелине, статной, чувственной женщине, было тридцать лет.

С начала 1833 года между Ганской и французским романистом началась оживленная переписка, которая продлилась пятнадцать лет. С каждым разом его послания становились все более экзальтированными. «Вы одна можете осчастливить меня, Эва. Я стою перед вами на коленях, мое сердце принадлежит вам. Убейте меня одним ударом, но не заставляйте меня страдать! Я люблю вас всеми силами моей души – не заставляйте меня расстаться с этими прекрасными надеждами!»

Осенью 1833 года в небольшом швейцарском городке Невшателе произошло первое свидание Бальзака с Ганской. К сожалению, эта важная сцена в романе жизни Бальзака не дошла до нас. Существуют разные версии. По одной – он якобы увидел Ганскую, когда стоял у окна «виллы Андре», и был потрясен, насколько облик ее совпал с обликом, который видел в своих пророческих снах, по другой – она тотчас же его узнала по портретам и подошла к нему. По третьей – не смогла скрыть, как ее разочаровала внешность ее трубадура. Бальзак познакомился с

семьей Ганских. Ее глава был в восторге от знакомства со знаменитым писателем. Оноре и Эвелине почти не удавалось побыть наедине. Тем не менее Бальзак возвратился в Париж окрыленный. Незнакомка была само совершенство! Все любил он в ней: ее резкий иностранный акцент, рот, свидетельствующий о доброте и сладострастии. Он приходил в трепет, сам пугался, увидев, что вся его жизнь принадлежит ей: «Во всем мире нет другой женщины, лишь ты одна!»

В 1833 году Оноре работал сразу над несколькими романами. Бальзак все чаще возвращается к мысли, возникшей у него еще в 1831 году, во время работы над «Шагреневой кожей», – объединить романы в один огромный цикл. В начале тридцатых годов сложился тот лихорадочный, напряженный темп работы, который стал характерным для Бальзака на протяжении многих лет. Он писал обычно ночью, при плотно закрытых шторах и свете свечей. Быстрым, порывистым почерком исписывал страницу за страницей, едва поспевая за стремительным бегом своего воображения и мысли, и так десять, двенадцать, четырнадцать, а иногда и шестнадцать, восемнадцать часов в сутки. Так день за днем, месяц за месяцем, поддерживая силы огромным количеством черного кофе. Потом он разрешал себе расслабиться с друзьями и любовницами. Он признался Ганской: «Уже три года я живу целомудренно, как юная девушка», хотя накануне гордо сообщил своей сестре, что стал отцом внебрачного ребенка.

Бальзак продолжал забрасывать Незнакомку из Верховни письмами. «Как же вы хотите, чтобы я вас не любил: вы – первая, явившаяся издалека, согреть сердце, изнывавшее по любви! Я сделал все, чтобы привлечь к себе внимание небесного ангела; слава была моим маяком – не более. А потом вы разгадали все: душу, сердце, человека. Еще вчера вечером, перечитывая ваше письмо, я убедился, что только вы одна способны понять всю мою жизнь. Вы спрашиваете меня, как нахожу я время вам писать! Ну так вот, дорогая Ева (позвольте мне сократить ваше имя, так оно вам лучше докажет, что вы олицетворяете для меня все женское начало – единственную в мире женщину; вы наполняете для меня весь мир, как Ева для первого мужчины). Ну так вот, вы – единственная, спросившая у бедного художника, которому вечно не хватает времени, не жертвует ли он чем-нибудь великим, думая и обращаясь к своей возлюбленной? Вокруг меня никто над этим не задумывается; любой бы без колебаний отнял бы все мое время. А я теперь хотел бы посвятить вам всю мою жизнь, думать только о вас, писать только вам. С какой радостью, если бы я был свободен от всяких забот, бросил бы я все мои лавры, всю мою славу, все мои самые лучшие произведения, словно зерна ладана,

на алтарь любви! Любить, Ева, – в этом вся моя жизнь!»

Они договорились о новой встрече. 25 декабря 1833 года Бальзак приезжает в отель «Дель Арк» в Женеве и находит там первый привет – драгоценный перстень, в который была запаяна прядь изумительных черных волос. Перстень, который так много обещал, талисман, который Бальзак носил, не снимая, до конца своих дней.

Ганская не сразу уступила возлюбленному. Но Оноре был настойчив: «Ты увидишь: близость сделает нашу любовь только нежней и сильнее… Как мне выразить тебе все: меня пьянит твой нежный аромат, и сколько бы я ни обладал тобою, я буду только все более пьянеть». Прошли четыре недели, прежде чем счастье улыбнулось Бальзаку: «Вчера я твердил себе весь вечер: она моя! Ах, блаженные в раю не так счастливы, как я был вчера». Любовники поклялись друг другу, что соединятся навек, когда Эвелина после смерти своего супруга станет владелицей Верховни и наследницей миллионов.

В том же году, когда Бальзак поклялся хранить верность Эвелине, он влюбился в другую женщину, влюбился сильнее, чем когда-либо прежде. В 1835 году на одном из великосветских приемов он заметил даму примерно лет тридцати, высокую полную блондинку ослепительной красоты, непринужденную и явно чувственную. Графиня Гвидобони-Висконти охотно позволила любоваться своими обнаженными плечами, восхищаться собой и ухаживать за собой. Бальзак, забыв о клятве верности Ганской, пытался завладеть сердцем (и не только сердцем) очаровательной англичанки. Он праздновал победу – становится возлюбленным графини Висконти и, по всей вероятности, отцом Лионеля Ришара Гвидобони-Висконти – одного из трех незаконных младенцев, не унаследовавших ни имени, ни гения своего отца.

Графиня была любовницей романиста в течение пяти лет. В трудную минуту она помогала писателю и была готова ради него на любые жертвы. Она отдалась ему безраздельно и страстно, ее не волновало, что скажет Париж. Графиня Висконти появлялась с Бальзаком в своей ложе. Она прятала его в своем доме, когда он не знал, как спастись от кредиторов. К счастью, муж ее не был ревнив…

Естественно, Эвелина Ганская из газет узнала о скандальной связи своего возлюбленного. Она осыпала его упреками. Бальзак оборонялся, утверждая, что с графиней его связывают исключительно дружеские чувства.

Тем временем графиня Висконти устроила Бальзаку поездку в Италию, которая не стоила ему ни гроша. В путешествие

романист отправился не с любезной графиней, а с неким юнцом Марселем. Бальзак обожал любовные приключения. В Италию его сопровождала г-жа Каролина Марбути – жена крупного судейского чиновника, – переодетая в мужское платье. Ее черные волосы были коротко острижены. С ней Бальзак познакомился с помощью почтальона. Первое же свидание затянулось на трое суток, и молодая цветущая особа настолько пришлась ему по вкусу, что он предложил ей отправиться с ним в поездку по Турени, а затем – в Италию. Последнее предложение встречено ею с восторгом.

Не без приключений они приехали в Италию. На следующий же день газеты сообщили о приезде в город знаменитости. Бальзак, который никогда не мог устоять перед восторгами княгинь, графинь и маркиз, благосклонно принимал приглашения пьемонтской аристократии. Разумеется, в салонах узнали, что юный Марсель – переодетая дама. И… приняли Каролину Марбути за знаменитую романистку Жорж Санд, которая коротко стриглась, курила сигары и носила штаны. Спутница Бальзака внезапно оказалась в центре внимания. Господа и дамы окружили ее, болтали с ней об изящной словесности, заранее готовы восторгаться ее остроумием и пытались добыть у нее жорж-сандовский автограф. Писатель с трудом выпутался из этой непростой ситуации. Через три недели они выехали в Париж, причем дорога заняла у них целых десять суток, ибо они останавливались во всех городах на пути. Оноре был в восторге от своей юной брюнетки…

Бальзаку было тридцать семь, когда он стал возлюбленным юной брюнетки дворянки Элен де Валетт. Некую Луизу он пытался привлечь к себе привычным путем – перепиской. Он стал завсегдатаем ужинов, где знаменитейшие парижские кокотки не скупились на приманку и ласки.

«Незаурядных женщин можно пленить только чарами ума и благородством характера», – считал писатель. Супруга некоего генерала, у которого гостил писатель, сразу отметила и плохо сшитое платье, и прескверную шляпу, и чрезмерно большую голову гостя… Но как только шляпа была снята, генеральша перестала замечать окружающее: «Я смотрела только на его лицо. Вам, которые его никогда не видели, трудно представить его лоб и глаза. Лоб у него был большой, как бы отражавший свет лампы, а карие глаза с золотым блеском были выразительнее всяких слов».

Бальзак был тонким знатоком и ценителем антикварных вещей. Он также коллекционировал трости с рукоятками, украшенными золотом, серебром и бирюзой. В одной из них,

рассказал он как-то друзьям, хранился портрет его любовницы.

«Женщина – это хорошо накрытый стол, – заметил однажды Бальзак, – на который мужчина по-разному смотрит до еды и после нее». Судя по всему, Бальзак просто поглощал своих любовниц столь же жадно, как и хороший ужин.

В конце 1841 года умер муж Ганской. Женщина, которой Бальзак дал обет верности, внезапно стала свободной. Она богатая вдова – вот она, идеальная жена: аристократка, молодая, умная, величественная. Она освободит его от долгов, даст ему возможность творить, она вдохновит его на величайшие деяния, поднимет в собственных глазах, утолит его желания. Оноре сделал Эвелине предложение, несмотря на то что в последние годы отношения с госпожой Ганской становились все формальнее. Но Эвелина решительно отказала любовнику. Впрочем, если бы даже она ответила согласием, то осуществить это желание было отнюдь не в ее воле. По законам Российской империи дать разрешение на вступление в брак с иностранным подданным и на вывоз за границу родового состояния мог только сам государь. Кроме того, нельзя забывать и о сопротивлении родни, которая видела в Бальзаке лишь охотника за наследством.

В июне 1843 года Бальзак выехал из Парижа к Ганской в Петербург, где поселился на Большой Миллионной в доме Титова. Ганская жила в доме напротив. Во Францию романист возвратился только осенью и снова погрузился в работу. Здоровье его ухудшилось.

В 1845 году Бальзак встретился с Ганской в Дрездене. Затем сопровождал ее в Италию и Германию, показывал ей Париж. И хотя его финансовое положение значительно улучшилось, он даже купил дом в Париже, стал собирать картины, – но жизнь становилась для него настоящей трагедией. Физические и творческие силы его были сломлены.

Брак с Ганской, которую он идеализировал в своем богатом воображении, казался теперь ему единственным спасением. В сентябре 1847 года, несмотря на болезнь, Бальзак решил ехать в имение Ганской в Верховню, в шестидесяти километрах от Бердичева. Ганская все еще колебалась. Она боялась потерять свои поместья на Украине, заключив брак с иностранцем. К тому же ее страшила буйная, неуемная натура писателя. Бальзак уехал из Верховни, так и не услышав долгожданного «да».

Второе пребывание Ганской в Париже окутано тайной. Вероятно, они вместе строили планы устройства нового дома. У них родился ребенок. Очевидно, он родился преждевременно, может быть, сразу умер. Это была девочка, и Бальзак писал, что последнее обстоятельство умерило его скорбь.

Даже теперь Ганская медлила сделать решающий шаг. Она находила новые отговорки. Однако в сентябре 1848 года романист снова приехал в Верховню. Это был совершенно больной человек. Его мучили боли в сердце, приступы удушья. Ночами он все же пытался пересилить себя и садился писать. Увы, перо его было бессильно. И тогда Ганская решалась на брак. 14 марта 1850 года состоялось венчание Бальзака с Ганской в костеле св. Варвары в городе Бердичеве. Он был полон радужных надежд на будущее и писал Зюльме Карро: «Я не знал ни счастливой юности, ни цветущей весны, но теперь у меня будет самое солнечное лето и теплая осень».

Однако его мечтам не суждено было сбыться. Около месяца длилось путешествие больного Бальзака с женой из Бердичева в Париж. С конца июня он уже не выходил из комнаты. 18 августа великого романиста не стало.

РОБЕРТ ДАДЛИ ЛЕСТЕР (1532—1588)

Фаворит английской королевы Елизаветы, младший сын герцога Нортумберлендского. В 1585 году был назначен главнокомандующим войсками, посланными на помощь Нидерландам в войне с Испанией, но не проявил военного таланта и в 1587 году был отозван Елизаветой.

Отношения между английской королевой Елизаветой и лордом Лестером представляют собой один из замечательнейших романов, какие когда-либо знала история. Красавица Анна Болейн, мать Елизаветы, была казнена в 1536 году, так как мужу ее, Генриху VIII, хотелось возвести на престол Джейн Сеймур. Джейн умерла при родах. У короля были еще три жены, которые, однако, детей ему не принесли, вследствие чего он восстановил наследственное право обеих своих дочерей от первого и второго браков. Это право было отнято, когда у короля родился сын; но так как сын его отличался слабым здоровьем, право дочерей вновь было восстановлено.

После смерти Генриха VIII начались интриги из-за престола. Граф Варвик, герцог Нортумберлендский, склонил молодого Эдуарда VI сделать своей наследницей далекую родственницу, внучку герцогини Суффолкской, Джейн Грей. Королевские дети, из которых ни одному еще не было шестнадцати лет, питали друг к другу нежные чувства. Они, вероятно, вступили бы в брак, но у герцога Нортумберлендского были другие планы. Желая удовлетворить собственное честолюбие, он тайно обвенчал Джейн Грей со своим сыном, лордом Гилфордом Дадли. Затем он отравил сына и скрывал его смерть в течение нескольких дней, чтобы погребение состоялось одновременно с коронованием Джейн. Последняя против воли была сделана королевой, причем в то время, когда она оплакивала безвременно умершего мужа. Молодая королева не пробыла на престоле и двух недель. Мария Тюдор, сославшись на предоставленное ей отцом право, в 1553 году провозгласила себя королевой. Она тотчас же повелела арестовать Джейн, а когда несколько смелых заговорщиков попытались сбросить ее с престола, приказала казнить несчастную женщину, причем казнить тайно, опасаясь, как бы красота, молодость и невинность ее не вызвали сочувствия народа. Одновременно с этим Мария приказала заключить свою сестру Елизавету в Тауэр, которую подозревали в связях с

заговорщиками.

Елизавете было всего 20 лет. Белокурые волосы, чудесные голубые глаза, орлиный нос и розовые щеки – такова была в то время будущая королева. Она держалась с таким достоинством, что не приходилось сомневаться: в будущем она надеется вступить на престол. Тюрьма для нее была тем более мучительна, что сердце ее пылало страстью к Роберту Дадли, будущему графу Лестеру – 22-летнему красавцу, изящному, галантному, всегда нарядно одетому и точно созданному для того, чтобы владеть сердцем королевы. Дадли чудом удалось избежать эшафота, и только красота спасла его. Когда жертву представили разгневанной Марии Тюдор, чтобы она произнесла ему приговор, грозная королева замерла перед ним и, восхищенная неземной красотой юноши, помиловала его. Дадли не мог сдержать слез.

Роберт Дадли воспитывался вместе с Эдуардом VI, однако после казни отца, а затем заговора Уайта он попал в немилость и был заключен в Тауэр. Роберт был лишен родовых прав и всего имущества. Елизавета влюбилась в юношу с первого взгляда. Принцессу пленил томный взгляд юноши, вкрадчивый его голос, сами речи, проникнутые живейшим участием; наконец, первый поцелуй его пламенных уст, первые страстные объятия, в которые угодила обольщенная Елизавета.

Точно неизвестно, завоевал ли молодой лорд сердце красивой арестантки еще в тюрьме или это произошло позже. Вышел он из заключения пятью годами раньше Елизаветы, по ходатайству Филиппа II Испанского, женатого на Марии, сводной сестре будущей королевы. Мария исполняла все желания супруга: она жестко преследовала протестантов, ввела инквизицию в Англии и подписала более 500 смертных приговоров в течение своего непродолжительного «кровавого» правления. Марии, однако, не удалось удержать своего мужа-испанца. Он покинул ее и вернулся на родину.

Роберт Дадли удостоился полного прощения с возвращением всех прав и с производством в фельдцейхмейстеры. Он тайно навещал Елизавету в Вудстоке, где она жила, всеми забытая: парламент, в угоду Марии Тюдор, объявил брак Генриха VIII с Анной Болейн недействительным, а Елизавету – незаконнорожденной, тем самым лишив ее надежд взойти на престол. Мария Тюдор сама мечтала иметь законных наследников от своего супруга Филиппа II. Последний, явно сочувствуя Елизавете, уговорил Марию позволить ей переселиться из Вудстока в более удобное место. Мария согласилась, и Елизавета перебралась в уединенный замок Гетфилд, где прилежно занималась науками, изучением языков и в свободное время –

садоводством. Она продолжала встречаться с Дадли, который, чтобы избежать кривотолков, заботясь о репутации будущей своей королевы, женился на знатной, богатой девице Эми Робсарт, чьей памяти Вальтер Скотт посвятил так много трогательных страниц в своем романе.

Когда Мария Тюдор 17 ноября 1558 года умерла от водянки, так и не родив наследника престола, Елизавета стала королевой и неограниченной властительницей Великобритании. Тотчас же ее окружила толпа восторженных поклонников, среди которых был и Филипп II Испанский, ухаживавший за ней еще раньше. Елизавета ненавидела его как фанатичного католика, но ничем не выдавала своих чувств, а когда взошла на престол, решительно заявила, что намерена остаться королевой-девственницей. «Для славы Божьей, для блага государства я решила нерушимо хранить обет девственности. Взгляните на мой государственный перстень, – говорила она, показывая депутатам парламента на этот символ власти, еще не снятый после коронования, – им я уже обручилась с супругом, которому неизменно буду верна до могилы… Мой супруг – Англия, дети – мои подданные… Я изберу себе в супруги человека достойнейшего, но до тех пор желаю, чтобы на моей гробнице начертали "Жила и умерла королевою и девственницей"».

Обещание Елизаветы выбрать в супруги достойнейшего из достойных казалось Роберту Дадли намеком на его персону. Но в это время у Елизаветы не было отбоя от женихов. В первые недели правления Елизаветы граф Арундел взял взаймы у итальянского купца крупную сумму денег, которые щедро тратил на развлечения и подкуп подруг и слуг королевы, чтобы они склонили ее выйти замуж. Ее согласия домогались электорпалатин Казимир, эрцгерцог австрийский Карл, герцог Голштинский, наследный принц Эрик XIV Шведский. Посланник шведа при английском дворе, Гилленстиерн, узнав о нежных отношениях между Елизаветой и Дадли, уведомил Эрика об истинной причине упорства королевы и получил от него в ответ приказ нанять итальянца или француза и предложить ему 10 тысяч талеров за убийство фаворита.

Впрочем, самым скандальным из всех оказалось дело самого Роберта Дадли, графа Лестера, из-за которого политическая стабильность Англии оказалась под угрозой. Либо королева перешла все границы любовного флирта, либо она серьезно намеревалась выйти замуж за Роберта Дадли, но в течение нескольких месяцев пришлось удерживать ее от этого шага.

В августе и сентябре 1560 года, когда жена Дадли умирала от рака груди, Елизавета и Дадли строили планы о браке.

Государственный секретарь Вильям Сесил заявил, что оставит свою должность в случае, если они поженятся, но одновременно начал борьбу против осуществления планов любовников. Он распространил слух, что Эми Дадли вовсе не больна – Елизавета и Дадли намерены отравить ее. Эту историю он рассказал даже испанскому посланнику и добавил, что Дадли несет гибель королевству. Эми умерла в сентябре, и на Роберта пали подозрения в ее убийстве. Случившееся вызвало шквал возмущений как при дворе, так и в стране, и на какое-то время замужество стало невозможным по политическим причинам.

Впрочем, Елизавета скоро успокоила фаворита. Она пожаловала красавца-лорда, прозванного сердцем двора, в обер-шталмейстеры королевы, в кавалеры ордена Подвязки с передачей замков и трех поместий. Затем пожаловала ему титул барона Денби и графа Лестера.

В 1572 году граф Лестер тайно обвенчался с леди Дуглас Говард, вдовой барона Шеффилда. Когда Елизавета узнала об этом, она хотела учинить расправу над неблагодарным лордом Лестером, но тот быстро развелся с женой и выдал ее за Эдуарда Стаффорда. От этого брака у него был сын Роберт Дадли, который тщетно ходатайствовал о признании законности своего рождения.

Елизавета сменила гнев на милость, и Лестер по-прежнему был первым после королевы лицом в государстве. Женщины, не смея открыто соперничать с Елизаветой, ловили каждый взгляд красавца, каждое его слово. Вкрадчивый, как змей-искуситель, Лестер имел в своей внешности особенную, обаятельную, неотразимую прелесть. Эндимион английской Дианы, он до последней своей минуты имел на нее огромное влияние, и не было преступления, которого она бы не простила ему. Страшная в своем гневе, Елизавета тем не менее не могла сердиться на Лестера, и, кроме короны, то есть жизни, не было той жертвы в мире, которой бы она не принесла ради своего возлюбленного.

Граф Лестер не терял надежды вступить в брак с королевой, связь с которой длилась почти двадцать лет. В 1574 году он пригласил ее в свой замок, где устроил целый ряд неслыханных по роскоши празднеств, превосходно описанных в романе Вальтера Скотта «Кенилворт». «Конная процессия прибыла по широкой аллее дворцового парка. Двести восковых факелов, несомых таким же числом наездников, бросали яркий свет на главную группу процессии, в которой королева Елизавета составляла центр она сидела на белом, как молоко, коне, украшенном красным бархатным ковром с золотой бахромой. С грациозной уверенностью и достоинством держала она повода, цветущее, с благородными чертами лицо было обрамлено

вьющейся волной белокурых волос, голубой шелк с серебряными узорами обтягивал ее стройную фигуру. Рядом с королевой ехал граф Лестер на черном, как ночь, коне. Граф Лестер великолепно выглядел на гордом хребте своего темного коня, магически освещенный красным сиянием факелов. Шляпу с вьющимися белыми перьями держал он в руке, непокрытые кудрявые волосы порхали по высокому лбу, в больших светлых глазах сиял восторг по поводу того, что скоро исполнится его пламеннейшее желание».

Граф Лестер много внимания уделял своей внешности. Так, на банкете в Кенилворте он однажды появился весь в белом. «Его башмаки были из белого бархата, его подвязки – из белого шелка, его белые бархатные панталоны имели серебряные прорези на бедрах, его тесно прилаженный жилет был из серебряной ткани с жемчугом, пояс и даже ножны также были из белого бархата. Меч и кинжал имели золотые рукоятки. Все это обнимал широкий белый плащ из блестящего атласа с крупными золотыми узорами. Цепь ордена Подвязки и голубая лента вокруг колена довершали костюм, который удивительно шел к стройной фигуре и смуглому лицу графа Лестера, вследствие чего все присутствовавшие должны были признаться, что никогда не видели более красивого мужчины. Королева, по-видимому, была того же мнения, так как в ту минуту, когда он стал перед ней на колени, чтобы поблагодарить ее за милостивое посещение, она ласково провела своей красивой белой рукой по его душистым локонам и стала смотреть на него глазами, исполненными удивления».

Так описывал влюбленных Вальтер Скотт, точно следуя хронике того времени.

Однажды Елизавета застала лорда в ту минуту, когда он гладил по голове маленького мальчика. Когда же она пошутила, не его ли это сын, граф Лестер ответил отрицательно. Королева приказала следить за графом и вскоре узнала, что Лестер уже год как тайно женат на красивой вдове графа Эссекса, бывшего наместника Ирландии. Мальчик был ее сыном от первого брака. Скоропостижная смерть графа Эссекса вновь вызвала кривотолки, распространился слух о причастности к ней графа Лестера.

Обольстив Летицию Эссекс, Лестер после смерти ее мужа тайно обвенчался с ней. Впоследствии он рассчитывал жениться на Елизавете и обрести неоспоримое право на престолонаследие. Малолетний Роберт, отданный умирающим отцом лорду Бурлею, рос на его попечении. Этот брак оставался тайной до 1578 года, когда посланник герцога Франциска Анжуйского открыл все Елизавете. Разгневанная, она потребовала от фаворита ответа, даже грозилась заключить его в Тауэр. Последнему все же удалось

убедить королеву в своей невиновности, представив это дело заговором интриганов, которые, завидуя их счастью, стремятся разлучить их, и Елизавета сменила гнев на милость.

Однажды среди народа, приветствовавшего королеву, внимание Елизаветы привлек молодой красавец в великолепном костюме. На нем был плащ из ярко-алого бархата и того же цвета шапочка, к которой были прикреплены золотая цепь и драгоценная кокарда. Башмаки, украшенные серебряными пряжками, кинжал у пояса и перчатки с отворотами довершали туалет, смотревшийся особенно эффектно, благодаря решительному виду самого юноши. В давке плащ наполовину спал, и молодому человеку пришлось держать его обеими руками. Когда королева приблизилась, юноша выступил вперед с выражением почтительного любопытства и скромного восторга, отчего его лицо стало еще более красивым. При взгляде на него Елизавета остановилась на мгновение, точно пораженная: мужская красота всегда притягивала ее, хотя ей и хотелось быть добродетельной. Вдруг юноша сорвал с себя плащ и ковром расстелил перед королевой. При этом он сильно покраснел и извинился за свою дерзость. Легкий румянец выступил на щеках Елизаветы, и она, милостиво наклонив голову, грациозно прошла по плащу.

Вскоре явился один из кавалеров ее свиты, чтобы узнать имя красавца. Им оказался Уолтер Рэли. С этого часа королева не оставляла его своими милостями, всегда помня о рыцарском поступке, покровительствовала его отважным предприятиям. Будучи очень богатым, Рэли снарядил экспедицию, чтобы основать в Америке собственную колонию, названную им «Вирджиния» в честь королевы-девственницы. По возвращении Елизавета стала относиться к нему с еще большим доверием и назначала его на ответственные посты.

Граф Лестер возненавидел Уолтера Рэли. С той минуты, как последний стал приближенным королевы, все мысли его были заняты тем, как бы сместить соперника. После долгих неудачных попыток добиться цели он решил прибегнуть к… сводничеству! Именно он познакомил королеву с самым красивым из юношей Англии – графом Робертом Эссексом, своим пасынком. Молодому графу не было в то время и двадцати лет, но он обладал чрезмерным честолюбием. Еще будучи ребенком, обратив на себя как-то внимание королевы, он начал мечтать сделаться ее любовником, а следовательно, и правителем государства.

Граф Лестер покровительствовал сближению молодого человека с неравнодушной к красивым мужчинам королевой и вскоре с удовлетворением заметил, что усилия увенчались

успехом. Однако до своего триумфа он не дожил. Щегольское появление фаворита перед публикой на параде в Тильбюри было последним. Граф Лестер скоропостижно скончался 4 сентября 1588 года, на пятьдесят восьмом году жизни, когда молодой граф Эссекс уже занимал официальное положение королевского фаворита, вытеснив из сердца королевы Рэли.

ГЕРБЕРТ ДЖОРДЖ УЭЛЛС (1866—1946)

Английский писатель. Классик научно-фантастической литературы. Наиболее известные произведения: «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1898). В 1920 и 1934 годах посещал СССР (книга «Россия во мгле», 1920). Политическое мировоззрение Герберта Уэллса представляло разновидность фабианства.

Дочь трактирщика Сара Нил была горничной в старинном поместье Ап-Парк; сын старшего садовника, Джозеф Уэллс, – младшим садовником в том же Ап-Парке. Во всяком случае, так обстояло дело, когда они познакомились. И если у Сары Нил, с ее истовой религиозностью, почтением к вышестоящим и твердым характером, были еще какие-то надежды на повышение, то у младшего садовника – решительно никаких. Он был веселым, добрым, но не очень работящим парнем, увлекавшимся только игрой в крикет.

Поженившись, они приобрели посудную лавку в Бромли, маленьком городке неподалеку от Лондона. Джозеф стал играть в крикет на деньги. Лавка обеспечивала им респектабельность, крикет – возможность ее поддерживать.

21 сентября 1866 года у супругов родился сын Герберт. Когда мальчику исполнилось четырнадцать лет, родители отдали его в мануфактурную лавку. Однако он оказался настолько бестолковым учеником, что его вернули родителям. Тогда Сара Уэллс устроила его в аптеку. Но плата за обучение оказалась очень высока, и его оттуда забрали.

Герберт с юных лет читал запоем. Он надеялся занять место помощника учителя в городке Мидхерст, поэтому посещал грамматическую школу. Успехи молодого учителя оказались так велики, что его отправили за казенный счет прослушать курс лекций по биологии в одном из колледжей Лондонского университета. В это же время он пробовал писать.

В 1895 году на его долю выпал первый крупный успех. Уэллс опубликовал фантастический роман «Машина времени», произведение новаторское, означавшее поворот в судьбе целого литературного жанра. Уэллс пришел в литературу со своими взглядами и получил мировое признание.

Уэллс был далеко не красавец – невысокого роста, коренастый, с короткими руками и ногами. На лице выделялись

обвислые усы, густые брови и проницательные голубые глаза. Он очень стеснялся своего тонкого высокого голоса. Эгоистичный, раздражительный, вспыльчивый, Уэллс порой выводил из себя своих друзей и литературных наставников, таких как Шоу, Конрад и Моэм, но чаще они приходили в восторг от общения с ним. Один из биографов писателя утверждал: «Несмотря на все его недостатки, его невозможно было не любить. Он был необычайно умным, обладал удивительным чувством юмора и бывал просто обворожительным. Все это подтвердили бы многие женщины».

Долгие годы Уэллс жил мечтой об идеальной женщине: сексуальной партнерше, союзнице, помощнице. Перебирая в «Опыте автобиографии» всех женщин, с которыми был близок, Уэллс назвал лишь самых любимых: Изабелл, Джейн, Ребекку и Муру.

После первого, показавшегося ему крайне неприятным, опыта общения с профессиональными жрицами любви, 25-летний Уэллс женился на грациозной черноволосой красавице – своей кузине Изабелл. Он с нетерпением ожидал их первой брачной ночи, предвкушая «бурный костер их взаимных страстей». Однако Изабелл не сумела ответить на его безумную страсть. В 1895 году они развелись. В своей автобиографии Уэллс отметил, что Изабелл была наивна и беспомощна в сексуальном отношении, но, главное, они не были близки духовно. Несмотря на это, после развода Герберт часто вспоминал Изабелл, а ее второе замужество в 1904 году вызвало у него такой приступ бешенства, что он порвал все ее письма и фотографии и запретил произносить при себе ее имя вслух. Через много лет они, правда, вновь стали друзьями. После этого семейная жизнь стала казаться писателю пресной. Он жаждал приключений! И началась серия мимолетных увлечений Уэллса: блондинки сменяли брюнеток, толстушки – подтянутых и стройных…

В 1892 году Уэллс влюбился в студентку Лондонского колледжа Эми Кэтрин Роббинс. Он называл ее Джейн. Худенькая, очень симпатичная, с лебединой шеей, глубокими карими глазами и светлыми волосами, Джейн была моложе его на шесть лет и носила траур по давно умершему отцу.

Джейн могла часами слушать откровения писателя, Герберт же хотел покорить ее. И это ему удалось. 27 октября 1895 года они поженились и оставались мужем и женой до самой ее смерти в 1927 году.

Их семейная жизнь была весьма необычна. Уэллс снова столкнулся с женщиной наивной и невежественной во всем, что касается физической стороны любви. Тем не менее

неудовлетворенный муж и терпимая к его непомерным сексуальным аппетитам жена сумели сохранить семью. Джейн предоставила мужу полную сексуальную свободу, позволив ему встречаться с любой приглянувшейся ему женщиной. Знаменитый писатель хранил в своем кабинете фотографии многочисленных любовниц. Однажды, рассматривая их, он вдруг осознал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не оставит Джейн. Она гениально совмещала обязанности жены, секретарши, бухгалтера, машинистки, превосходной гувернантки для двух его сыновей, а также идеальной домоправительницы.

Когда 42-летний Уэллс увлекся 22-летней Эмбер Ривз из известнейшей лондонской семьи, друзья Джейн были просто шокированы. Однако благоразумная Джейн отнеслась к бурному роману мужа спокойно. Она ждала ребенка, поэтому большую часть своего свободного времени посвящала покупке необходимых в таких случаях вещей.

Джейн знала и о страстном увлечении мужа журналисткой Ребеккой Уэст (псевдоним Сесил Фэрфилд), женщиной, поражавшей всех своим оригинальным и острым умом. В 1912 году начался их бурный роман. Знакомство состоялось при весьма необычных обстоятельствах. В одном из небольших феминистских журналов была напечатана рецензия Уэст на очередное произведение Уэллса. В своей рецензии Ребекка резко критиковала роман. Уэллс обычно не обращал внимания на выпады в свой адрес. Однако на этот раз смелая рецензия его заинтересовала. Он по достоинству оценил легкий стиль и чувство юмора автора.

На своих сверстников Ребекка смотрела свысока, ибо она не сомневалась, что станет знаменитой. Уэллс же был человеком ее масштаба. Впрочем, это не мешало Ребекке сохранять независимость.

Ей было двадцать, ему – сорок шесть. Герберт решил, что наконец-то встретил богиню, о которой мечтал всю жизнь: столь чувственна и сладострастна была она в любви, а полеты ее фантазии были сравнимы разве что с фантазиями самого писателя. В одном из любовных писем, адресованных Ребекке, Уэллс нарисовал пантеру и ягуара, сидящих рядом: Уэст он видел пантерой, а себя – ягуаром. У Ребекки от Уэллса родился сын Энтони. Их роман продолжался десять лет. Расстались они неожиданно.

Австрийская журналистка Гедвиг Вереной Гаттерниг после ссоры с Уэллсом, с которым она состояла в любовной связи, пыталась покончить жизнь самоубийством в его лондонской квартире. Жена Уэллса, Джейн, посещавшая время от времени эту

квартиру, успела доставить Гедвиг в больницу и тем самым спасти ей жизнь. Газеты подняли страшный шум. Причем обвинительные стрелы летели и в сторону Ребекки Уэст. Писателю удалось замять скандал, но Ребекка понимала, что ее репутация может быть безнадежно испорчена. К тому же ей не нравилось, как относится Уэллс к ее творческой карьере. «Он читал лишь две первые страницы любого моего литературного произведения». Ей надоели его раздражительность и быстрая смена настроений, его многочисленные любовные романы.

Книги самой Ребекки постепенно завоевывали сердца читателей. Ее окружали поклонники, а издатели предлагали ей щедрые гонорары. Уэллс же стал вести с ней непозволительно грубо. В Париже, например, когда Ребекка попросила ее взять с собой в гости к Анатолю Франсу, он сказал, что она будет ему только мешать, к тому же она недостаточно красива, чтобы идти в гости к Франсу. Пожалуй, Герберт сам убил ее любовь своей повышенной требовательностью к ней и несносными капризами. В 1923 году их пути разошлись…

В 1906 году во время пребывания в США Уэллс познакомился с русским писателей Горьким. Они оба читали друг друга в переводах: их переписка, особенно после встречи в Лондоне в 1907 году, была дружеской и не прерывалась. В 1920 году Уэллс в сопровождении старшего сына Джипа приехал «посмотреть Россию». Вместо планируемых двух дней он провел в Петрограде две недели. Герберт подолгу разговаривал с Горьким, его друзьями, встретился с лидером большевиков Лениным.

Уэллс к концу поездки выглядел утомленным и подавленным, о чем сказал секретарше и переводчице Горького. Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг, или, как ее звали друзья, Мура, была легендарной женщиной своего времени, музой и помощницей многих великих людей: Горького, Локкарта, Корды и других. Герберт познакомился с ней в Лондоне перед войной, за девять лет до того, у их общего друга Беринга. Тогда ей было двадцать. К моменту московской встречи с Уэллсом дочь сенатского чиновника Игнатия Платоновича Закревского успела дважды побывать замужем.

Уэллс в Петрограде жил на квартире у Горького. В ночь перед отъездом в Лондон Герберт заглянул к Муре попрощаться. Что произошло дальше – остается тайной. Существует несколько версий от «он сорвал с нее одеяло, обуреваемый страстью» до «она пригласила его посидеть на диване, они покурили, поговорили, и, видя, что Мура заснула, Уэллс отправился к себе».

После разрыва с Ребеккой очередной любовницей Уэллса стала Одетт Кеун, уроженка Константинополя, наполовину

голландка, наполовину итальянка. Кеун издала книгу «Под Лениным» – описание своего путешествия в Советскую Россию. Уэллс дал лестную рецензию ее творению, что и послужило поводом для их знакомства. Одетт совершенно свободно рассуждала о музыке, международной политике, неплохо рисовала пейзажи. Словом, это была женщина нового типа, свободная от чопорной викторианской морали. Они переписывались, а в 1924 году встретились в Женеве, в гостиничном номере Одетт. Как только Уэллс появился в комнате, женщина выключила свет и увлекла его к роскошной кровати. Одетт шутила: «Я тогда так и не поняла, был ли он гигантом или гномом».

В 1927 году Мура приехала в Лондон и решила навестить Уэллса в Эссексе – в доме, где жила его больная жена Джейн (они с Мурой были светски знакомы), в доме, где он прожил большую часть своей жизни, где выросли его сыновья и где он был в свое время так счастлив. Джейн всю жизнь не могла простить себе, что разрушила его семейную жизнь и построила свое благополучие на несчастье Изабелл. В свое время Джейн взяла в дом больную Изабелл, вторая жена Уэллса выходила первую. Джейн носила темные платья, у нее был тихий голос, в обществе она всегда старалась быть незаметной, хотя принимала и кормила обедами иногда до сорока человек, известных всему Лондону людей, влиятельных и знаменитых, и их блестящих, шумных, холодных жен. То, что Уэллс не считал московскую ночь с Мурой пустяком, о котором можно легко забыть, доказано тем фактом, что он, вернувшись тогда из России, без обиняков сказал Ребекке, что «спал с секретаршей Горького». Уэллс не любил изысканных выражений и называл излишнюю деликатность лицемерием. Ребекка, хотя и считала себя передовой женщиной и взяла свой псевдоним из «Росмерсхольма» Ибсена, долго плакала. Через пять лет он сказал о том же Одетт Кеун. Одетт пришла в неистовство, запретила ему ездить в Париж и Лондон, угрожала устроить погром. Теперь, когда он уезжал, она писала ему ежедневно о том, что ей скучно в доме на Ривьере, и грозила покончить жизнь самоубийством, если он немедленно не вернется. Уэллс не спешил возвращаться. В конце 1920-х годов писатель начал встречаться с Мурой.

Джейн знала обо всем – и про его роман с Амбер, у которой от него была дочь, знала о десятилетней его связи с Ребеккой, и о связи с графиней Елизаветой фон Арним, с которой он продолжал все еще поддерживать отношения, и, конечно, про Одетт Кеун и дом на Ривьере. Джейн знала и про «горьковскую секретаршу», но она была уже настолько тяжело больна, что ее это не беспокоило.

Мура пробыла в Эссексе до вечера и увидела, как убит Уэллс приговором врачей: Джейн умерла от рака в том же году, не дожив до зимы. Но была еще Одетт, которая не собиралась уступать любовника без боя.

Одетт стала его внутренним и внешним врагом. Но прежде Уэллс или Эйч-Джи, как его звали друзья, на Ривьере (в двадцати километрах от побережья) построил дом по собственным чертежам. Когда Герберт перевез туда Кеун, с которой собирался провести оставшуюся жизнь (ему было шестьдесят, ей – тридцать восемь), он понял, что его избранница оказалась женщиной ревнивой, циничной, болтливой, требовательной, тщеславной, подавляющей его своими капризами.

Тем не менее писатель выезжал по своим литературным и общественным делам в Лондон, не говоря уже о делах семейных и свиданиях с тремя сыновьями, с которыми всегда ладил. Уэллс был членом нескольких лондонских клубов; у него всегда по меньшей мере одна книга находилась в печати. Он встречался с мировыми знаменитостями – обедал с Черчиллем, завтракал с Бивербруком и Ротермиром, державшими в руках всю лондонскую популярную прессу. В его лондонском доме постоянно звонил телефон, однако секретарь ограждал писателя от назойливых посетителей, друзей, читателей, почитателей, влюбленных в него женщин, критиков и коллег.

С 1931 года Мура начала фигурировать то тут, то там, как «спутница» и «друг» Уэллса. Переписка их, когда они разошлись, становилась все более регулярной, в то время как отношения Герберта с Одетт близились к разрыву. Весной 1933 года он назначает Муре свидание в Дубровнике, где должен был состояться очередной конгресс ПЕН-клуба. На этом конгрессе они были неразлучны, а после его закрытия провели вместе две счастливые недели в Австрии.

Той же весной Уэллс снял квартиру в Лондоне. Однако Одетт не намеревалась оставлять его в покое и поместила в 1934 году в американском журнале «Тайм энд тайд» нечто вроде воспоминаний о жизни с фантастом, где утверждала, что великий писатель после каждой неудачи впадал в прострацию, а с ней поступил непорядочно: позабавился и бросил. Кеун утверждала, что Эйч-Джи опаснее для друзей, чем для врагов, что он груб, вульгарен, мелок, но воображает себя титаном.

Уэллс отомстил бывшей любовнице через четыре года, опубликовав роман «Кстати, о Долорес», в котором, в частности, писал: «Мужчина и женщина перестали понимать друг друга в новом мире, в котором мы живем, любовники обречены на мучительный и хитроумный конфликт двух индивидуумов».

Герой романа убивает свою несносную подругу, а ей на смену приходит другая женщина, несущая возлюбленному покой и свободу.

В 1934 году Уэллс отправился в США, где беседовал с Рузвельтом, затем поехал в Советский Союз – на встречу со Сталиным. В Кремле Сталин выслушал гостя со скучающим видом, чем разочаровал писателя, мечтавшего стать связующим звеном между двумя руководителями великих государств.

Мура в это время ждала Уэллса в Эстонии. Герберт приехал из Москвы раздраженный, злой, обвиняя русских в предательстве. Любовники провели две упоительные летние недели на берегу прелестного маленького озера, после чего вернулись в Лондон. Мура поселилась в двух шагах от Уэллса. Она заявила, что останется с ним, но замуж за него не выйдет никогда.

Беатриса и Сидней Уэбб, старые друзья Уэллса, социалисты, знавшие его с молодости, и другие, начиная с сыновей Уэллса и их жен и кончая Бернардом Шоу, бывавшие в его доме во Франции, знавшие про разрыв с Одетт, были поражены. Беатриса писала в своем дневнике: «Шоу сказал мне, что Эйч-Джи озабочен и болен: он попал под очарование Муры. "Да, она останется со мной, будет есть со мной, спать со мной, – хныкал он, больной от любви, – но она не хочет выходить за меня замуж!" Эйч-Джи, чувствуя приближение старости, хочет купить страховку на дожитие, женившись. Мура, помня все его прошлые авантюры, отказывается расстаться со своей независимостью и со своим титулом. Нечему удивляться!»

На торжественном приеме в ПЕН-клубе в честь его председателя Герберта Уэллса Мура принимала гостей как хозяйка. Однажды она уговорила Уэллса разыграть друзей и устроить «свадебный банкет». Было разослано около тридцати приглашений. Когда гости собрались и выпили за здоровье и благополучие новой семьи, Мура встала и сказала, что это всего лишь розыгрыш. Таким образом она пыталась отвлечь друга от мрачных мыслей, посещавших его все чаще. Припадки бешенства разрушали его прежнюю репутацию великолепного остроумного рассказчика (его сравнивали с Уайльдом, Шоу и Честертоном). Бывший разведчик, журналист и писатель Локкарт восклицал: «Бедный Эйч-Джи! 1930-е годы были к нему жестоки. Он предвидел нацистскую опасность, которую тогда многие не видели. Он стал пророком и памфлетистом, и его книги в этом новом стиле не раскупались, как раскупались его романы, написанные в молодости и последующие годы. Он вообще был во многих отношениях настоящим провидцем, но у него было особое умение гладить своих лучших друзей против шерсти».

Вторая мировая война разрушила его ум, его живость и даже талант, и оставалась от прежнего в нем только эта физиологическая потребность иметь подле себя женщину – для отдыха, для наслаждения и игры, как он мечтал всю жизнь, а не для сцен, слежки, осуждения днем ночных наслаждений и признаний. Он был разбит тем фактом, что мир, не послушавшийся его «пророческих романов», шел к своему концу. «Он верил в добро науки, – говорил писатель Оруэлл, – а когда увидел, что от точных наук может иногда быть и зло, то потерял голову».

Нина Берберова в своей книге «Железная женщина» писала: «Он говорил о женских правах и был домашним тираном. Его план любви – потому что у него был в начале всякого сближения с женщиной план любви – был: любить, быть любимым, подчинить, научить слушаться, медленно и нежно начать нагружать ее своими делами – контракты, печатание рукописей, счета, переводы, издатели, налоги. (…) Назвать его отношение к женщине эксплуатацией или мужским шовинизмом было бы слишком упрощенно, это отношение было совсем в ином плане: он не эксплуатировал женщину, он играл с ней в эксплуатацию, и она отвечала ему игрой в рабыню, в подавленную его гением тень. Оба играющие в эту игру знали, что лишь играют в нее, не принимали ее всерьез, и у мудрого Уэллса, и у мудрой его подруги, как у людей, видящих в своих действиях реализованную ими выдумку, была радость от этой игры. Когда он перегибал палку (а он это делал часто) и начинал в самом деле пользоваться ее кротостью, атавистически пытаясь уже всерьез подчинить ее своим капризам, она уходила от него. И он страдал от этих разрывов сильнее, чем страдала она».

Уэллс умер 13 августа 1946 года (в сентябре ему должно было исполниться восемьдесят лет). 16-го он был кремирован. Пристли, выступавший когда-то на его юбилее, сказал у его гроба речь о «великом провидце нашего времени». После кремации оба сына – Энтони Уэст и Джордж Филип (Джип) Уэллс рассыпали пепел с острова Уайт по волнам Ла-Манша. По завещанию, составленному незадолго перед смертью, деньги, литературные права, дом были поделены между ближайшими родственниками – детьми и внуками; прислуга и близкие не были забыты. Муре же было оставлено сто тысяч долларов.

Когда в 1934 году близкий друг Уэллса, английский писатель Соммерсет Моэм спросил Муру, как она может любить Уэллса, этого толстого и очень вспыльчивого человека, она со свойственным ей остроумием ответила: «Его невозможно не любить – он пахнет медом».

ФРЭНК СИНАТРА (1915—1998)

Собственное имя – Френсис Алберт. Американский певец и киноактер. Получил признание благодаря эмоциональному исполнению песен, особенно любовных баллад. Наиболее известна его песня «Мой путь». Снимался в фильмах «Отныне и во веки веков» (1953, премия «Оскар»), «Парни и девчонки» (1955). В сороковые годы исполнял популярные песни в сопровождении оркестров Гарри Джеймса и Томми Дорси. Снимался на телевидении, выступал в клубах. Создал фирму звукозаписи «Реприза» (1960).

…Все началось в те времена, когда Мэрилин развелась со спортсменом Джо ДиМаджо. Монро пребывала в депрессии, ей было необходимо отдохнуть и развлечься. Для этой цели она избрала гостеприимный дом Синатры – они были добрыми друзьями. В одно прекрасное утро Фрэнк вышел на кухню и обнаружил там… абсолютно голую Мэрилин. Обнаженная «богиня» готовила для него завтрак. При виде прекрасного тела Монро Синатра почувствовал, что голова его закружилась… Их роман оказался бурным и продолжительным, хотя и с перерывами в несколько лет. Синатра немного уставал от нервозности Мэрилин. Наконец в 1962 году он все же решил на ней жениться. В ответ на его предложение Мэрилин произнесла нечто загадочное: «Не стоит беспокоиться, я не задержусь здесь надолго». Если бы он только догадался тогда, что означают ее слова! Синатра и Монро провели восхитительный уик-энд в роскошном отеле на севере Калифорнии. А через неделю Мэрилин не стало. «Как жаль, что я не успел спасти ее» – эта мысль не давала Синатре покоя до конца его дней.

Под его песни выросло несколько поколений американцев. А его жизнь породила массу легенд. И не случайно. Многие считают, что именно Синатра послужил прототипом Джонни из «Крестного отца», любимого певца сицилийской мафии, для которого она готова была сделать все.

…Девятнадцатилетняя красотка Долли Гараванте, крутившая роман с 20-летним боксером Мартином Синатрой, ничуть не смущалась того, что ее избранник был неграмотен, совершенно бесперспективен как спортсмен и страдал от астмы. Зато он был сицилийцем. Потому вскоре и стал отцом ее ребенка. Роды были настолько тяжелыми, что врачи сообщили Долли: «Больше иметь

детей вы не сможете». Нарекли младенца Френсисом Альбертом Синатрой.

Его детство нельзя было назвать тяжелым. Мать работала переводчиком (а подрабатывала «акушеркой»: за каждый сделанный подпольно аборт получала от 25 до 50 долларов). Она покупала любимому сыну и хорошие игрушки, и дорогую одежду, а однажды одарила костюмчиками всю дворовую бейсбольную команду. Фрэнк отвечал на мамину доброту черной неблагодарностью.

Он совершенно не хотел учиться, хулиганил и в конце концов был изгнан из школы в родном городе Хобокене. После чего Долли устроила его курьером в небольшую газету. Однако спустя несколько недель Синатру со скандалом выставили и оттуда. Тогда Фрэнк, как и все итальянцы распевавший целыми днями песни, решил продемонстрировать публике свои музыкальные способности и упросил артистов местного трио разрешить ему выступать вместе с ними. Он просто хотел пристроиться хоть куда-нибудь, а оказался для трио сущим кладом. Он так пел, что вскоре группа отправилась в небольшое турне по Америке и провела его с огромным успехом. У молодого Фрэнка появились первые поклонники.

Вернувшись домой с гастролей, Фрэнк познакомился с Нэнси Барбато, которая жила в Джерси-Сити. Застенчивая девушка показалась Долли идеальным вариантом для ее обожаемого сына, и вскоре молодые люди сыграли свадьбу. Впрочем, женитьба вовсе не упорядочила разгульную жизнь Синатры, который почти не бывал дома, а деньги тратил отнюдь не на семейные нужды.

Ему снова повезло. Он попал в оркестр Томми Дорси, позже ставшего легендарным. Он-то и начал печатать на афишах имя Синатры первым номером. Здесь уж от восходящей звезды потребовали поработать. Но работа в новом коллективе проходила, мягко говоря, не безоблачно. Частенько Фрэнк вступал в конфликты с коллегами. Однажды дело дошло до того, что Фрэнк разбил о голову ударника Бадди Рича массивный стеклянный графин. Что совсем не помешало им стать в конце концов закадычными друзьями. А Томми Дорси Фрэнк вообще пригласил быть крестным отцом своей дочери, которая родилась в 1940 году.

После рождения ребенка Синатра переехал в Голливуд, где снялся в своем первом большом фильме и повстречал белокурую старлетку Элору Гудинг. «Отчего бы не переселиться к ней в номер?» – подумал Фрэнки. Словом, красотке Гудинг удалось заарканить одного из самых желанных для женской половины Америки мужчин. Правда, ненадолго. Зато этот

непродолжительный роман обсуждала вся «фабрика грез».

Когда Фрэнк пел, каждой женщине в зале казалось, что он поет для нее одной. Во время съемок фильма «Выше и выше» он повесил в своей гримерной список двадцати самых привлекательных голливудских звезд, постепенно вычеркивая тех, над кем одержал победу. Синатра (к этому времени он был уже женат на подруге детства и стал отцом двух детей) после окончания работы над картиной не оставил в перечне ни одной незачеркнутой фамилии…

Однако артист успевал и другое. Успешно танцевал в мюзиклах «Поднять якоря!» (1945), «Пока плывут облака» (1945), «Это случилось в Бруклине» (1947), выступал за равноправие национальных меньшинств, занимался благотворительностью.

В 1941 году Синатра был признан лучшим певцом года! К тому времени Фрэнк решил, что пора бы ему начать самостоятельную карьеру вокалиста. Он надумал покинуть оркестр Томми Дорси. Компания «Эм-си-эй» обещала певцу 60000 долларов в год. К тому же выдающийся агент Джордж Эванс предложил Синатре стать его клиентом. Эванс как никто другой знал свое дело, он уже раскрутил таких звезд, как Дюк Эллингтон и Дин Мартин. Он подкупил дюжину юных особ для изображения восторга, школьникам раздал бесплатные билеты, обеспечив полный зал, и успех концерта Синатры был предрешен. В кратчайшие сроки Эванс организовал 250 фан-клубов певца по всей стране.

Ну а сам Синатра решил не отказываться от знакомств с воротилами мафии. Все-таки он был итальянцем, а мафиози им уже гордились, да, кроме того, Фрэнку вообще нравились связи с сильными мира сего, пусть даже и преступного. Он стал посещать обязательные для мафиози боксерские матчи.

Пришла пора поменять скромное жилище на особняк в Калифорнии, куда Фрэнк переехал вместе с Нэнси и семьей (в ней произошло прибавление – родился сын, которого назвали так же, как его славного папу). А 28 сентября 1944 года он был приглашен на чашку чаю к президенту США Рузвельту. Это был звездный час в жизни певца. Однако Синатру невзлюбила пресса. Она злословила о том, что певец дважды освобождался от службы в армии. Тогда Фрэнк отправился в действующие войска в Италию выступать перед солдатами. Там он, кстати, удостоился аудиенции у папы римского.

В 1946 году Синатра заключил контракт со студией «Эм-джи-эм». Его диски расходились десятимиллионными тиражами, Фрэнка приглашали участвовать в слетах и съездах международной мафии, а ее едва ли не самый знатный

представитель – Багси Зигел – был приятелем певца. Среди знакомых Фрэнка был и Джо Фишетти – племянник самого Аль Капоне.

Свою жену Фрэнк видел очень редко, однако достаточно для того, чтобы родилась вторая дочь – Кристина. Разумеется, Синатра не стал добропорядочным отцом семейства.

Конец сороковых ознаменовался новыми веяниями в музыке: слащавая романтика, в которой так преуспел Синатра, начала уступать место фолк-музыке, стилю кантри. И с первого места певца вскоре вытеснили на пятое. К тому же в начале пятидесятых у него возникли узлы на связках, и он потерял свое главное достояние – голос. И лишь в 1954 году голос восстановился, а исполнительская манера стала более зрелой и по-прежнему неотразимой.

«Джентльмены предпочитают блондинок… но женятся на брюнетках», – гласит известная англосаксонская поговорка. Первая ее часть – также и название голливудской картины, на премьере которой познакомились две знаменитые кинозвезды: Фрэнк Синатра и Ава Гарднер.

До знакомства с Фрэнком Ава уже два раза побывала замужем. Она была настолько сексапильна, что не было мужчины, который не мечтал бы лечь с ней в постель. Гарднер и на экране оставалась тем же, чем была в жизни: роковой женщиной.

Как-то раз он пригласил ее покататься по злачным местам ночного Нью-Йорка. По сути сумасбродной парочке пришла идея пострелять по витринам местных магазинов. Лихое путешествие закончилось плачевно: Синатра сбил человека и, естественно, угодил за решетку. От тюрьмы певцу все же удалось откупиться. Впрочем, пострадавший прохожий отделался легкими ушибами. Так что же прекрасная Ава? Влюбленные могли до бесконечности колесить-куролесить по городу или сидеть дома и опустошать бутылки виски.

Но влюбился Фрэнки не на шутку. Он стал уговаривать Нэнси дать развод. Законная супруга воспротивилась. Но это вовсе не мешало Синатре появляться в обществе со своей новой пассией. Тем временем сильный удар нанесла «Эм-джи-эм», расторгнув контракт с артистом, и он оказался в весьма затруднительном положении. А у Авы (страстной поклонницы боя быков) назревал роман с молодым тореро из Испании. Кроме того, у певца появились проблемы с голосом. Правда, Нэнси дала наконец согласие на развод, который состоялся в 1951 году. И вслед за ним – помолвка и венчание Синатры и Гарднер, разочаровавшейся в тореро.

Однако Фрэнк вскоре понял, что допустил большую ошибку,

оставив жену. Своенравная Ава не подчинялась мужу и зарабатывала куда больше, чем он. Первую годовщину свадьбы отпраздновали в Африке, где Ава снималась в фильме «Снега Килиманджаро». Фрэнк подарил любимой жене кольцо с бриллиантом, не сказав при этом, что купил его на деньги, снятые с ее кредитной карточки. «Я была замужем два раза, но никогда так долго», – иронизировала она на устроенной в эту честь вечеринке. Обиженный Фрэнк уехал на съемки фильма Ф. Циннемана «Отныне и во веки веков», где блестяще сыграл итальянца, солдата американской армии, забитого насмерть в тюрьме, – поразив всех убедительностью, непосредственностью и актерской интуицией. Теперь перед ним открылась и стезя драматического артиста. Синатру номинировали на «Оскара». Кроме того, обнаружилось, что он снова может петь. И он стал записывать баллады. Вокруг него появилась новая когорта поклонников. Фрэнк по-прежнему грубил всем подряд, был заносчив и регулярно общался с мафиози, что не могло понравиться Аве. И в 1953 году их браку пришел конец. Разрыв с Гарднер показался Синатре концом света.

В 1956 году он приехал на съемки фильма Стэнли Крамера «Гордость и страсть» в Мадрид, где жила Ава, до тех пор считавшаяся его женой, так как никто из них не побеспокоился о разводе. Но каждый из супругов был уже занят иной личной жизнью.

Прошло время, душевная травма зарубцевалась. Фрэнк познакомился с актрисой Лорен Бейколл, которая не смогла устоять против его чар. Пару часто стали видеть вместе. И Синатра в конце концов сделал ей предложение, но, поразмыслив, так и не женился. К тому времени он уже подписал совершенно фантастический по тем временам контракт. За три года работы певцу выплачивалось 3 миллиона долларов. А в сентябре 1959 года он был приглашен церемониймейстером на ужин, устроенный студией «XX век – Фокс» в честь советской делегации, которую возглавлял Никита Хрущев. На ужине присутствовали 400 самых именитых персон Голливуда. А сам Синатра провел половину приема рядом с Ниной Хрущевой – женой советского генсека. Он всегда любил политиков, обожал находиться подле них. Дружил с семейством Кеннеди и даже организовывал праздничный концерт в честь инаугурации молодого президента Джона. В этом шоу участвовали Элла Фицджеральд, Бэтт Девис и другие звезды первой величины. Впрочем, в Белый дом его больше не приглашали. Причиной стала Жаклин Кеннеди. Она знала о том, что ее мужа Джона и Мэрилин Монро познакомил Синатра.

Об отношениях Синатры с Монро следует остановиться подробнее.

Итак, Фрэнк Синатра, обозначивший для справочника «Кто есть кто» свою профессию как «баритон», в тридцать девять лет только что одержал крупную победу в жизни. Он завоевал награду академии за роль в картине «Отныне и вовеки веков», а также был удостоен звания «первого великого певца спален наших дней». В течение нескольких месяцев журнал «Тайм» называл его «одним из наиболее замечательных, сильных, драматических, печальных и порой откровенно пугающих личностей, находящихся в поле зрения публики».

О Синатре «Тайм» также писал: «Мужчина, безусловно, внешне похож на общепринятый стандарт гангстера образца 1929 года. У него яркие, неистовые глаза, в его движениях угадываешь пружинящую сталь; он говорит сквозь зубы. Он одевается с супермодным блеском Джорджа Рафта – носит богатые темные рубашки и галстуки с белым рисунком… согласно последним данным, у него были запонки, примерно стоившие 30000 долларов… Он терпеть не может фотографироваться или появляться на людях без шляпы или иного головного убора, скрывающего отступающую линию волос».

Фрэнк Синатра и Джо ДиМаджо, оба американцы первого поколения, в то время были самыми знаменитыми итальянцами в мире. Они оказывали финансовую поддержку одним и тем же питейным заведениям, включая «Тутс Шор» в Нью-Йорк-Сити. В 1954 году можно уже было сказать, что и судьба им обоим досталась одинаково несчастливая. У Синатры были определенные проблемы в его неудачном браке с актрисой Авой Гарднер. В Рино, еще до женитьбы, он принял чрезмерную дозу снотворного. Два года спустя после свадьбы он поступил в нью-йоркскую больницу с «несколькими порезами на предплечье». К моменту разрыва ДиМаджо с Мэрилин Монро отношения Синатры с Авой Гарднер были еще запутанным клубком.

Незадолго до смерти Мэрилин Монро один репортер спросил Синатру, насколько хорошо тот знает ее.

«Кого? – саркастически переспросил Синатра. – Мисс Монро? Она напоминает мне юную невинную девушку, с которой я ходил в старшие классы средней школы и которая позже стала монашкой. Это факт».

Когда Мэрилин рассказали об этом, она ядовито заметила: «Скажите ему, чтобы заглянул в "Ху из Ху"».

Согласно свидетельству фотографа Милтона Грина, впервые Мэрилин увидела Синатру на обеде «У Романова» в 1954 году, когда ее брак с ДиМаджо трещал по всем швам. Через несколько

недель после встречи случился пресловутый «налет по ложному адресу», когда Синатра принял участие в попытке ДиМаджо разоблачить неверную Мэрилин.

Второй раз Синатра встретился с Мэрилин только через шесть лет, в 1960 году, когда распадался ее брак с Миллером и был провозглашен президентом Джон Кеннеди. В августе того года всю съемочную группу «Неприкаянных» Синатра пригласил на свой концерт в «Кал-Нева-Лодж», неподалеку от места натурных съемок в Неваде. На концерт Мэрилин пришла в сопровождении Артура Миллера, чувствовавшего себя явно не в своей тарелке. В то время Синатра как раз собирался выкупить «Кал-Нева-Лодж», представлявший собой казино и курортный комплекс на лесистом берегу озера Тахо. В рекламных объявлениях говорилось: «Небеса в горной сьерре». Но это был рай, облюбованный гангстерами.

Прелесть этого места была в том, что пограничная линия между Калифорнией и Невадой проходила как раз по территории курорта, деля пополам общественные помещения и плавательный бассейн. Казино было разрешено только в штате Невада, так как калифорнийские законы запрещали азартные игры. Синатра по-своему устроил казино, нанял новых менеджеров. Одним был Пол Д'Амато из Атлантик-Сити по прозвищу Скинни (тощий), которого главный юрисконсульт комитета конгресса по расследованию политических убийств назвал однажды «гангстером из Нью-Джерси». Его роль в «Лодже», согласно мнению того же представителя власти, состояла в том, чтобы защищать интересы главы чикагской мафии Сэма Джанканы.

Джанкана был «боссом боссов» чикагского синдиката и восседал на троне, занимаемом когда-то Аль Капоне. К 1960 году он стал заправилой целой сети организованной преступности, опутавшей обширные территории в Соединенных Штатах. Сеть эта охватывала казино и рэкет в шоу-бизнесе Западного побережья. После прихода к власти администрации Кеннеди Джанкана стал главной фигурой судебного преследования. Основной целью Роберта Кеннеди, министра юстиции, стало, ни много ни мало, уничтожение в Америке мафии. Джанкана, если бы его приперли к стенке, оказался бы в безнадежном положении.

Когда связь Синатры с Джанканой вылезла наружу, «Кал-Нева-Лодж» в глазах публики превратился в величайший позор Фрэнка. Как стало известно сотрудникам ФБР, которые подслушали с помощью тайно установленных микрофонов речь Джанканы, босс мафии был совладельцем «Кал-Невы». В 1963 году, когда документально установили участие Джанканы в «Лодже», Синатре пришлось уйти из бизнеса. Постановлением

комитета по контролю за игровым бизнесом его лицензия на ведение такого рода дел была аннулирована.

В число завсегдатаев названного заведения входил и зять президента Питер Лоуфорд. В последние недели жизни Мэрилин он сопровождал актрису в «Кал-Неву». Визиты Мэрилин в это злачное место стали одной из главных загадок последних дней ее жизни.

В конце 1960 года, вскоре после того как Мэрилин ушла от Артура Миллера, Фрэнк Синатра начал проявлять к ней особое внимание. Он нашел ей замену Хьюго, таксы, оставшейся у Миллера. Новой собакой актрисы стал белый пудель, и Мэрилин с ходу придумала для пса кличку. Зная о разговорах по поводу связи Синатры с преступным миром, она назвала пуделя «Маф» (от слова «мафия») и считала эту кличку довольно забавной.

В 1961 году, когда Мэрилин после кратковременного пребывания в нью-йоркской психиатрической лечебнице «Пейн-Уайтни» прилетела в Калифорнию, Синатра предоставил в ее распоряжение свой дом. По словам Джорджа Мастерса, тогдашнего парикмахера Мэрилин, Синатра иногда бывал в квартире на Дохени, где в тот год обосновалась Мэрилин.

Мастерс говорил: «Я никогда не видел Синатру, но поскольку я общался с Мэрилин, мне казалось, что я близко знаю его… Мэрилин брала меня с собой, уезжая в его дом на холмах Мель-Эр. Я знать не знал, куда мы едем, все держалось в большом секрете. Это касалось и его выступлений в Лас-Вегасе. Для меня он всегда оставался невидимым, как Говард Хьюз».

В начале июня, когда в отеле «Пески» в Лас-Вегасе начались выступления Синатры, Мэрилин приехала туда. Были там и две сестры президента Кеннеди, Пэт Лоуфорд и Джин, жена Стивена Смита.

Певец Эдди Фишер, тоже присутствовавший на концерте со своей тогдашней женой Элизабет Тейлор, вспоминает: «Элизабет и я сидели в зале вместе с Дином, Джин Мартин и Мэрилин Монро, у которой в ту пору с Синатрой был роман, и смотрели концерт. Но все глаза были устремлены на Мэрилин, она покачивалась в такт музыке и хлопала ладонями по сцене. Из платья с низким вырезом вываливались груди. Она была так красива – и так пьяна. На вечеринку в тот вечер она опоздала, но Синатра не стал скрывать своего недовольства ее поведением, и вскоре она исчезла».

В следующем месяце, в августе 1961 года, Мэрилин провела выходные вместе с Синатрой на его яхте. Жена Дина Мартина, Джин, и Глория Романова, которые также были на борту, ясно дали понять, что Мэрилин на судне была в качестве женщины

Синатры: они жили в одной каюте.

Мэрилин изо всех сил старалась казаться любезной, но, похоже, чувствовала себя растерянно и очень злоупотребляла лекарствами. Джин Мартин говорила: «Помнится, что перед прогулкой на яхте мы поднялись в дом Фрэнка и он попросил меня: "Ты не зайдешь и не поможешь Мэрилин одеться, чтобы мы могли сесть в лимузин и поехать?" Она не могла заставить себя собраться».

Когда путешествие закончилось, все решили еще собраться на берегу, а Мэрилин сошла с яхты и, ни слова никому не говоря, куда-то ушла.

Месяц спустя Мэрилин позвонила в Нью-Йорк своей горничной Лене Пепитоне и велела привезти ей платье, в котором она хотела провести вечер с Синатрой. Пепитоне помнит, как Синатра заехал за Мэрилин, чтобы забрать ее с собой. «Он извлек из кармана коробочку, – рассказывала Лена, – и украсил уши Мэрилин парой изумрудных сережек. Они поцеловались с такой страстью, что я смутилась и почувствовала себя лишней».

Летом 1961 года, по словам Лены Пепитоне, Мэрилин впервые заговорила о браке с Фрэнком Синатрой. Она очень расстраивалась, замечая, что он обращает внимание на других женщин Через несколько месяцев Синатра объявил о своей помолвке: избранницей его стала актриса Джульет Проуз. Свидетельств в пользу того, что он был страстно влюблен в Мэрилин, нет, тем не менее встречаться они продолжали до самой ее смерти. Хотя Мэрилин уже иначе оценивала Синатру. Рассматривая как-то фотографии, оставшиеся в память о путешествии на яхте, она обронила: «Вряд ли дам ему копии. Думаю, что я и так достаточно дала ему».

Близость Мэрилин с Синатрой была на руку тем, кто вынашивал замыслы навредить братьям Кеннеди. Ведь Фрэнк ввел Мэрилин в круг людей, среди которых было немало злейших врагов президента и министра юстиции. Они могли воспользоваться тем, что продолжались ее встречи с обоими братьями. Как много знала мафия? – вот в чем вопрос.

И все-таки его потрясла смерть Джека Кеннеди. А вскоре его не менее потрясло и другое событие – похищение сына. Правда, Роберт Кеннеди, занимавший в то время пост генерального прокурора, тут же подключил к поискам всесильное ФБР. Фрэнк заплатил выкуп, и Синатра-младший был освобожден. Похитителей вычислили, и на следующее утро преступники были арестованы, а деньги возвращены.

На горизонте у Синатры-старшего уже маячило новое увлечение – 19-летняя златовласая Миа Фэрроу. Две недели

подряд она мелькала перед глазами Фрэнка в самых шокирующих нарядах и добилась своего – он пригласил старлетку на десерт. И вскоре 50-летний Синатра и юная Миа объявили о своей любви «городу и миру». Он подарил ей кольцо 4 июля – в День независимости, а на следующее утро было устроено венчание. Критики этого брака, подсмеивавшиеся над возрастом жениха, вскоре получили по заслугам. Фрэнк нанял людей, и они постарались на славу. Практически ни одно выступление в прессе против нового союза не закончилось для борзописцев без шрамов или сотрясений мозга. Синатра не прощал никого.

Брак продлился недолго. Миа пришлось выбирать между карьерой и замужеством. И после нескольких бурных «разборок» с Фрэнком, который не желал, чтобы она снималась в кино, отношения их весьма осложнились. Некоторое время они продолжали жить вместе. Правда, Фрэнк в основном шатался по кабакам, а Миа занималась йогой. В конце концов Синатра подал на развод. Миа согласилась и даже отказалась от огромных алиментов, предложенных мужем.

До 1975 года Синатра жил холостяком. Однако свое 60-летие решил отметить новым браком. На сей раз с очаровательной Барбарой Маркс – бывшей супругой известного комика, которая была моложе его на 14 лет.

В 1976 году Фрэнк спел знаменитый шлягер «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Он участвовал в благотворительных акциях, и в результате Рональд Рейган пригласил Синатру принять участие в его инаугурации в 1981 году. Теперь его принимали и в Белом доме. Нэнси Рейган приглашала Синатру даже на закрытые приемы. Он устраивал концерт в честь визита королевы Елизаветы II в 1983 году. А в 1984-м вновь принимал участие в президентской кампании Рейгана и из рук главы государства получил высшую награду страны – Президентскую медаль Свободы.

Нет, он не старел. Напротив. В 1993 году записал новый диск – «Дуэты», исполнив свои самые известные песни вместе с Боно – солистом группы «U2», Барброй Стрейзанд, Шарлем Азнавуром и другими звездами. За диск он получил премию «Грэмми». Год спустя принимал участие в открытии роскошного «Беверли-Хиллз Отеля» вместе с Лайзой Миннелли и Энтони Хопкинсом. Его не забывали. И, казалось, вся Америка пришла в декабре 1995 года поздравить немеркнущую звезду Фрэнка, которому исполнилось 80 лет. По этому случаю в Нью-Йорке закатили грандиозный прием.

Умер Фрэнк Синатра 14 мая 1998 года.

ГИ ДЕ МОПАССАН (1850—1893)

Французский писатель, получивший известность после публикации новеллы «Пышка» (1880). Служил в морском министерстве (1872—1878), работал в министерстве народного образования (1878—1880). С мая 1880 года сотрудничал с газетой «Голуаз». Автор около 300 новелл (первый сборник новелл «Заведение Телье» вышел в мае 1881 года). Автор романов «Жизнь» (1883), «Милый друг» (1885), «Монт-Ориоль» (1886), «Пьер и Жан» (1887—1888), «Сильная как смерть» (1889), «Наше сердце» (1890) и др.

«Тот, у кого в сердце сохранилось пламя галантности последних столетий, тот окружает женщин глубокой нежностью, мягкой, взволнованной и вместе с тем живой. Он любит все, что касается их, что идет от них, любит их самих и все, что они делают. Он любит их туалеты и безделушки, их драгоценности, их хитрость, их наивность, их вероломство, их ложь и их шалости… Он умеет сказать им то, что им нравится, заставить их понять свои мысли и, никогда не шокируя, не задевая их хрупкого и чуткого целомудрия, дать им почувствовать затаенное и сильное желание, которое всегда горит в его взгляде, всегда трепещет на его устах, всегда пламенеет в его жилах… Он готов по первому их зову помогать им, защищать их… Он не просит у них ничего, только немного ласкового расположения, немного доверия или интереса к себе, немного благосклонности или хотя бы вероломного лукавства». Гимн французской галантности заканчивается словами: «Для него женщины – украшение мира». Автор этого гимна – классик литературы Ги де Мопассан, считающийся вместе с тем одним из величайших любовником в современной французской истории…

Ги родился 5 августа 1850 года. Его мать, мещанка из разорившейся семьи, Лора Ле Пуатвен, получила знатное имя благодаря союзу с обольстительным Гюставом де Мопассаном, который тогда еще звался просто Мопассаном. Встретив беспечного гуляку Гюстава, Лора заявила: если он хочет ей понравиться, то должен получить титул. Гюстав добился от гражданского трибунала города Руана права добавить к своей фамилии приставку «де». Лора была женщиной умной, властной, но в то же время нервной. Ги всегда испытывал ее влияние как писатель, она всегда руководила им как человеком. Отец же

будущего писателя волочился за красотками и пропадал в игорных домах. Он был настоящим денди. Ссоры между родителями стали вспыхивать сразу после свадьбы. В конце концов в 1862 году родители развелись, что для Ги было страшным ударом.

До того как Гюстав и Лора расстались, они часто приезжали отдыхать в Этрета, деревушку на берегу Ла-Манша. Вода вдохновляла Ги. Вода – это женщина. Женщина – это вода. Всю свою жизнь Ги сопоставлял воду с женщиной.

Летом 1868 года отели Этрета были переполнены. Ги внимательно рассматривает купальщиц. Позже он напишет: «Лишь немногие женщины способны выдержать испытание пляжа. Именно здесь можно полностью их оценить от щиколотки до груди!»

В один из вечеров подросток повстречал некую Фанни де Кл., парижанку, наслаждавшуюся прелестями Этрета. Она была хороша, смешлива, благоухала отличными духами. Мальчик желал ее, и глаза его говорили об этом. Он преподнес Фанни стихи… Вечером мальчик с затаенной надеждой отправился к красотке. Очутившись в саду, он услышал взрыв хохота и похолодел от ужаса: Фанни со смехом декламировала стихи юного воздыхателя. Этого издевательства он никогда не простил другим женщинам…

В октябре 1869 года Ги де Мопассана зачислили на факультет права в Париже. 19 июля 1870 года Франция объявила войну Пруссии, и Ги ушел в армию. Он получил назначение во 2-й интендантский отдел Гавра, но поначалу его отправили в Руан военным писарем.

20 марта 1872 года Мопассан поступил в Париже на службу по снабжению флота, но вскоре он понял, что служба в министерстве такая же кабала, что и военная служба. Он продолжал писать рассказы. В качестве строгого наставника выступал друг его матери выдающийся писатель Гюстав Флобер, автор непревзойденной «Мадам Бовари».

В свободное время Ги устремлялся к Сене. Река была полной противоположностью служебному кабинету. Это было счастьем: и девушка, всякий раз другая, и верная лодка, и старые друзья… Ги был отличным гребцом. Отпуск он проводит в Этрета, у моря. Уже будучи известным писателем, Ги говорил: «Много я видел забавных вещей и забавных девиц в те далекие дни, когда занимался греблей. Я служил, у меня не было ни гроша; теперь я человек с положением и могу выбросить на любой свой минутный каприз крупную сумму. Как просто, как хорошо и трудно было жить – между конторой в Париже и рекой в Аржантейе или

Буживале…» Здесь он обрел персонажей своих новелл.

Например, реальность и выдумка в рассказе «Мушка» переплетены теснейшим образом. В одной из речных походов Мопассан соблазнил хрупкую девушку, которую все звали Мушкой. Она стала рулевой лодки и подружкой пятерых членов экипажа. Все шло прекрасно до тех пор, пока не выяснилось, что «рулевая» собралась подарить ребенка пяти папашам. Впрочем, общий мушонок – плод воображения писателя, но все остальное – истинная правда.

В марте 1877 года Мопассан отправил своему другу Роберу письмо, в котором сообщал, что болен и лечится ртутью и йодистым калием. «У меня сифилис, наконец-то настоящий, а не жалкий насморк… нет, нет, самый настоящий сифилис, от которого умер Франциск I. Велика беда! Я горд, я больше всего презираю всяческих мещан. Аллилуйя, у меня сифилис, следовательно, я уже не боюсь подцепить его». Медицина того времени была еще беспомощна и старалась закрывать глаза на недуг, поразивший Доде, Малларме, Тулуз-Лотрека, Гогена, Нерваля, Бодлера, Жюля де Гонкура, ван Гога, Ницше, Мане и многих других – всех тех, кого Мопассан в шутку называл «наидражайшие сифилитики».

В сентябре–октябре 1879 года Ги предпринял первое путешествие пешком по Бретани. Ему полюбился Конкарно, его чудесный залив и обнесенный стеною тысячелетний город. Ги полной грудью вдыхал запах этого легендарного и страшного края… Бретань оставила у Мопассана подлинное или полувымышленное воспоминание о женщине «не более восемнадцати лет; ее светло-голубые глаза были пронизаны двумя черными точками зрачков…» Большая, пышная «грудь стиснута суконным жилетом в виде кирасы»; она ни слова не знает по-французски, со страстью отдается путешественнику и рыдает, когда он уезжает…

Лора Мопассан отдала Ги земельный участок в предместье Этрета. Летом 1883 года он построил там одноэтажное шале с двумя флигелями, соединяющимся деревянным балконом-террасой. В качестве любезного соседа он преподносил груши дочери Оффенбаха. Здесь же он познакомился с красавицей Эрнестиной…

Он хотел назвать свой дом «Заведение Телье». Это вызвало у его посетительниц единодушное возмущение. Одна из них, склонная к сантиментам, предложила свое название: Ла Гийетт. То была его соседка Эрмина Леконт дю Нуи, «элегантная хрупкая смеющаяся блондинка – миленький синий чулок», с которой он незадолго до того познакомился и которой любовался пока без

видимых результатов.

Когда Мопассан не работал, не лечился и не занимался греблей, он охотился за женщинами – преимущественно молоденькими графинями, посетительницами светских салонов. Он завлекал их, как завлекают птиц, – подражая их пению. Они шли на приманку, хотя и презирали его. Он мстил им, рисуя в своих рассказах. Дамы смеялись, слушая его забавные истории. В рассказе «Булавки» две любовницы одного и того же мужчины бывают у него поочередно и узнают друг о друге благодаря булавкам, которые вкалывают в драпировки. Дело кончается тем, что они встречаются.

«– И они продолжают встречаться?

– Как же, дорогой мой, – стали закадычными приятельницами.

– Так, так! А это не наводит тебя на мысль?

– Нет, а на какую?

– Ах ты, балда! Да заставь же их снова по очереди втыкать… булавки.

– О этот Мопассан! – хохочут возбужденные слушательницы. Потом вдруг выяснилось, что подобную шутку с булавками Ги сыграл с графиней Эстель и ее кузиной Марией. Восторг графинь сменился негодованием».

В 1884 году Мопассан писал из Канна одной красивой даме: «…я вспоминаю о других особах, с которыми люблю беседовать. С одной из них вы, кажется, знакомы? Она не преклоняется перед властелинами мира, она свободна в своих мыслях (по крайней мере, я так полагаю), в своих мнениях и в своей неприязни. Вот почему я так часто думаю о ней». И дальше он весьма лестно изобразил ее: «Ее ум производит на меня впечатление порывистой, непринужденной и обольстительной непосредственности. Это шкатулка с сюрпризом. Она полна неожиданностей и проникнута каким-то необычным очарованием». Короче, Ги хотел «через несколько дней поцеловать пальцы этой дамы» – традиционная фраза, имеющая для него особый смысл, и он посвятил ей «все, что в нем есть хорошего и приятного…»

Его избранница – настоящая графиня, урожденная принцесса Пиньятелли ди Чергариа, дочь герцога ди Режина и благочестивой римлянки, жена графа Феликса Николаса Потоцкого, атташе при австро-венгерском посольстве. Эта чета космополитов – истые парижане. Потоцкие богаты, любят роскошь. Их пышный особняк на авеню Фридлянд, 27, называли «Польским кредитом» из-за постоянно кишащей там толпы попрошаек, нашедших себе пристанище во Франции. Эммануэла

Потоцкая – Сирена – очаровательная хозяйка салона. Супруги не считали нужным скрывать свой разрыв, хотя и сохранили «приличия».

Ги познакомился с сумасбродной графиней через своего друга Жоржа Леграна в 1883 году – еще до того как был напечатан роман «Жизнь». Мопассан писал пылкой Эммануэле: «Я в восторге. «Жизнь» великолепно расходится. Ничто не могло принести мне большего удовлетворения, чем этот успех. А знаете ли вы, что я в огромной мере обязан вам этим успехом? И на коленях я хотел бы отблагодарить вас». Решительная, независимая, взбалмошная, опасная, зажигательная и холодная наркоманка – такова была эта графиня.

И этот флирт – непрерывная кадриль из разрывов, возвратов, малодушия, примирений, капризов – развивался, подкрепляемый настоящей дружбой. Разумеется, Ги одновременно вел несколько любовных интриг. Как выражались на Бульварах, «он седлал четверку».

Графиню Эммануэлу Потоцкую Мопассан вывел в романе «Наше сердце» под именем баронессы де Фремин: «…Изящный рот с тонкими губами был, казалось, намечен миниатюристом, а затем обведен легкой рукой чеканщика. Голос ее кристально вибрировал, а ее неожиданные острые мысли, полные тлетворной прелести, были своеобразны, злы и причудливы. Развращающее, холодное очарование и невозмутимая загадочность этой истерической девчонки смущали окружающих, порождая волнение и бурные страсти. Она была известна всему Парижу как самая экстравагантная светская женщина из подлинного света».

Эта прелестная союзница во многом помогла Мопассану. С другой стороны, Ги, несомненно, являлся украшением ее салона, отличавшийся свободными нравами…

В марте 1884 года Ги жил еще в Канне, очаровательном в своем весеннем наряде, в близлежащем старом поселке на улице Редан. Однажды утром Ги получил послание от неизвестной дамы. «Сударь, я читаю вас и чувствую себя почти счастливой. Вы любите правду природы и находите в ней поистине великую поэзию… Конечно, мне хотелось бы сказать вам много приятных и удивительных вещей, но это трудно сделать. Я тем более сожалею об этом, так как вы достаточно известны, и вряд ли я могу даже мечтать о том, чтобы стать поверенной вашей души, если только душа ваша и в самом деле прекрасна…» Корреспондентка предпочла не называть своего имени.

Мопассан был заинтригован и ответил незнакомке. Между ними завязалась переписка. Он не знал, что она больна чахоткой. Послания Ги были тяжеловаты, он даже пускал в ход шуточки из

арсенала гребцов. Она отвечала письмами, полными живости и безрассудства. Корреспондентка вела дневник. Синий чулок – но умирающий синий чулок («у меня нет друзей, я никого не люблю, и меня никто не любит»), отдающий себе отчет в своих возможностях, «талант, который только заявил о себе, и смертельная болезнь» (24 марта). Марии Башкирцевой (Мусе) оставалось жить всего шесть месяцев. Это была русская девушка, капризная и изысканная, несносная и трогательная. Она хотела оставить свой дневник какому-нибудь писателю и думала о Мопассане как исполнителе своего завещания. Мария надеялась с помощью дневника пережить саму себя. Муся сама оборвала переписку: «…Смешно, конечно, клясться вам, что мы созданы понимать друг друга. Вы меня не стоите. Я очень сожалею об этом. Ничего не могло быть приятней для меня, чем признавать за вами все превосходства, за вами или за кем-нибудь иным…»

Несколько лет спустя Ги с одной из своих приятельниц пришел на кладбище в Пасси и остановился у памятника в византийском стиле. То была могила Марии. Мопассан долго глядел сквозь решетку на часовню. Наконец произнес: «Ее надо было засыпать розами…»

Мопассан нередко отождествлял себя со своим героем. «Милый друг – это я», – говорил Ги, смеясь, когда роман его только-только появился в продаже, что стало такой же известной фразой как и знаменитая флоберовская «Мадам Бовари – это я». В своем предисловии к роману Мопассан философствовал: «Я удивляюсь тому, как может для мужчины любовь быть чем-то большим, нежели простое развлечение, которое легко разнообразить, как мы разнообразим хороший стол, или тем, что принято называть спортом… Верность, постоянство – что за бредни! Меня никто не разубедит в том, что две женщины лучше одной, три лучше двух, а десять лучше трех… Человек, решивший постоянно ограничиваться только одной женщиной, поступил бы так же странно и нелепо, как любитель устриц, который вздумал бы за завтраком, за обедом, за ужином круглый год есть одни устрицы…»

Мопассан назвал «Милым другом» свою первую яхту – символ благосостояния и могущества, приобретенного на деньги от книги.

В романе госпожа Форестье вызывала у главного героя «желание броситься к ее ногам, целовать тонкое кружево ее корсажа, упиваясь благоуханным теплом, исходившим от ее груди». Мопассан тоже встретил в жизни свою «мадам Форестье» – Эрмину Леконт дю Нуи, соседку из Этрета.

В 1886 году Ги приезжал в Этрета несколько раз, ненадолго.

Там он снова встретится с Эрминой в утопающем в зелени имении Ла Бикок.

Эта респектабельная женщина, мать чудесного мальчугана Пьера, с которым у писателя сложились прекрасные отношения, жила одна, потому что ее муж, королевский архитектор, почти безвыездно жил в Бухаресте, где был завален заказами. Она страдала, поскольку без ума любила мужа. Однако ее честолюбию льстило ухаживания знаменитого соседа.

Леконт де Нюи писала о новом знакомом: «…Он шепелявит, но манера его разговора столь обаятельна, что скоро забываешь о том, что он страдает дефектом речи. Он неухожен, плохо одет и носит отвратительные старые галстуки».

Эрмина сочиняла. Причем не только ради удовольствия, но и чтобы обеспечить маленького Пьера. Из всех женщин, окружавших Ги, Эрмина пользовалась особым его расположением. Он относился к ней с искренней нежностью.

Письма к Эрмине сохранились. Сперва это живописные, но довольно сдержанные отчеты о путешествиях, заканчивающиеся традиционным «Целую ваши руки», но довольно скоро в конце добавляется: «Целую также ваши ножки».

Это написано на борту яхты «Милый друг» глубокой осенью 1886 года, после упоительного лета, которое подарило им столько счастливых часов… Теперь он мечтал, когда наступит снова благословенное время года (Мопассан обожал тепло), однако до лета было еще далеко, и он осведомлялся, не заглянет ли она в местечко Вильфранш? «Я приехал бы туда на своей яхте повидаться с вами». Или в Париж, который он, вообще-то говоря, не слишком жаловал, но ради нее готов был потерпеть столичную сутолоку. Пусть только она сообщит дату. «Я тогда устрою так, чтобы мое появление в этом городе совпало с вашим пребыванием в нем».

Надо думать, что Эрмина все же хотела, чтобы правда стала достоянием истории, – и это так характерно для женщины! Вот, например, не уничтоженная ею коротенькая записка от 14 мая 1890 года: «Дорогой друг! Не одевайтесь – мы будем одни. Целую ваши руки. Мопассан».

Можно согласиться с предположениями Мари Леконт дю Нуи: Мопассан начал ухаживать за своей одинокой соседкой точно так же, как он ухаживал бы за всякой другой красивой женщиной. Позже он вошел во вкус потому, что она упорно хранила верность своему архитектору. Вскоре сердце Эрмины смягчилось, и со свойственной женщинам неосмотрительностью она влюбилась в него… В то время, когда он уже разлюбил.

«Удовлетворение желания не оставляет места неизвестности

и этим лишает любовь ее главной ценности». Переступив через заветную грань, Мопассан стал для Эмилии просто другом. «Дорогой друг, – обращается он к госпоже Леконт дю Нуи, – спасибо тысячу раз».

Писатель благодарил супругу архитектора за рождественский подарок – булавку для галстука – и послал ей браслет, присовокупив к нему святочную историю его прежней владелицы, некогда красивой и богатой, а теперь «старой, разоренной и жестоко преследуемой судьбой».

Эта новогодняя полуновелла заканчивалась вежливым «Целую ваши руки». Романист остался верен своим правилам. Любовь, опьянение любовью «должны ограничиваться у мужчины периодом ожидания. Каждая победа над женщиной еще раз доказывает нам, что в объятиях у нас все они почти одинаковые…»

Роман «Наше сердце» был последним романом Ги де Мопассана. Эрмина Леконт дю Нуи сразу узнала себя в главной героине романа г-же де Бюрн. Однако некоторые исследователи полагают, что писатель внес в этот образ и черты других своих подруг. Но лишь черты… Главной все-таки остается златовласая русалка с морского побережья.

…27 февраля 1883 года в Париже родился от неизвестного отца мальчик Люсьен, которому была дана фамилия его матери Жозефины Литцельман. Через двадцать лет, десять лет спустя после смерти Мопассана, одна из ежедневных парижских газет, «Эклер», оповестила читателей, что Мопассан оставил после себя потомство – мальчика и двух девочек.

В 1884 году родилась девочка Люсьенна, а 29 июля 1887 года в Венсенне появилась на свет вторая девочка, Марта-Маргарита. Их мать Жозефина Литцельман умерла в 1920 году.

Вероятность тройного отцовства весьма велика, хотя мадам Лора де Мопассан и друг семьи доктор Балестр, лечивший ее, отрицали существование этих детей. Врач Лоры говорил Ломброзо: «Я никогда не слышал, чтобы в семье кто-либо говорил об этих трех детях… мадам де Мопассан никогда не упоминала о них. Мопассан оставил сына, но вам ведь известно, какие обстоятельства мешают назвать его. Между тем это секрет Полишинеля».

Ни доктор Балестр, ни Ломброзо не прибавили к этому ни слова. Возможно, оба они имели в виду маленького Пьера Леконта дю Нуи…

В своем завещании Ги назначил единственной и законной наследницей всего своего состояния племянницу Симону, дочь брата Эрве. Отцу и матери доставалось лишь четверть,

гарантированная им законом о наследстве. А ведь Мопассана очень волновала участь незаконнорожденных.

Правда, в то время в высшем обществе было принято бросать незаконнорожденных детей. Женитьба на простой женщине явилась бы, несомненно, катастрофой для Мопассана, который в 1883 году делал все от него зависящее, чтобы проникнуть в общество.

Не следует также упускать из виду, что Мопассан, как и Флобер, был открытым противником брака. Тем не менее Ги несколько раз подвергался этому искушению. Приблизительно в 1887 году Ги встретил у графини де Х. молодую, красивую, сдержанную и изящную женщину. Этой неизвестной даме и адресовано, вероятно, его письмо из Туниса от 19 октября 1887 года: «Со вчерашнего вечера я, как потерянный, мечтаю о вас. Безумное желание увидеть вас снова, увидеть вас сейчас же, здесь, передо мной, внезапно переполнило мое сердце… Не чувствуете ли вы, как оно исходит от меня и реет около вас, это желание?.. А больше всего я хотел бы увидеть ваши глаза, ваши кроткие глаза… Через несколько недель я покину Африку. Я снова увижу вас. Вы приедете ко мне, не правда ли, моя обожаемая? Вы приедете ко мне в…» Продолжение письма, увы, неизвестно.

Возможно, этот брак спас бы его. Но… как заметил доктор Бланш: «Мопассан был слишком большим художником, чтобы жениться…» Герой романа «Монт-Ориоль» говорит: «Она не понимала, что этот человек был из породы любовников, но совсем не из породы отцов…»

С Мари Канн Ги был близко знаком еще со времен «Монт-Ориоля». Он приезжал к Мари в Сен-Рафаэль, беседовал о ней с принцессой Матильдой.

«Происходя якобы от восточной знати, – говорил Андре Виаль, – Мари Канн в действительности была украинской еврейкой». Гонкур же так описывал красавицу: «На диване небрежно расположилась м-м Канн, – большие глаза, обведенные темными кругами, глаза, переполненные негой, свойственной брюнеткам, лицо цвета чайной розы, черная мушка на щеке, насмешливо изогнутые губы, глубокое декольте, открывающее белоснежную шею с голубыми прожилками, и ленивые, расслабленные движения, в которых подчас угадывается лихорадочная страстность. Эта женщина обладает совершенно особым, томным и ироническим обаянием, к которому примешивается необъяснимая обольстительность русских женщин: интеллектуальная извращенность в глазах и наивное журчание голоса…» Мари Канн не замедлила доказать Ги свое

любовное расположение, как только оставила Поля Бурже. Она стала официальной любовницей Мопассана и хвасталась, что получила от своего любовника 2500 писем! Правда, многие подвергают эту цифру сомнению.

Женевьева Стро была не менее привлекательна. Вдова Жоржа Бизе, она вышла замуж вторично за адвоката Эмиля Стро. Образованная, живая, умная, с выразительной наружностью каверзного мальчишки, более пикантная, нежели красивая. Ги обольстил хозяйку салона. Он писал молодой вдове, начиная с мая 1884 года: «Я знаю, что совершенно не принято, чтобы дама пришла на обед к холостяку. Но я не совсем понимаю, что в этом неприличного, если дама сможет встретить там женщин, с которыми она близко знакома». Позднее Гонкур утверждал, что мадам Стро бросила бы все ради этого «торговца прозой». Она была, во всяком случае, преданной союзницей Ги.

Часто посещала Мопассана Жанна Маргерит де Саган, законодательница мод, дочь крупного финансиста барона Сейера. Они совершали морские прогулки…

В 1888 году Потоцкая продолжала занимать особое место в жизни Мопассана. Ги пишет ей: «Ведь это должно быть волшебным сном – путешествие с Вами! Я говорю не об очаровании Вашей личности, которое я могу испытывать и здесь… но я не знаю женщины, которая лучше бы воплощала мое представление об идеальной путешественнице…» Однажды Ги и графиня оказались на берегу островка. Потоцкая воскликнула: «Смотрите, какой красивый грот! Он совсем голубой. Совсем как на Капри!.. Ги, подождите меня здесь минутку!» Через некоторое время графиня окликнула его. Он пошел туда, где раздавался звонкий смех. Ее нагое тело белело в мерцающей синеве грота…

На следующий день он написал Потоцкой: «Я люблю тебя, я ищу тебя, я все еще держу твою горячую тень в своих объятиях».

Развязка их отношений трагична: Ги и Потоцкая познали ужасную смерть. Она умерла, покинутая всеми, в Пасси во время фашистской оккупации…

20 октября 1888 года Мопассан отправляется в третье путешествие по Африке. Вероятно, зимой того же года Ги встретился с Аллумой. Он описал эту арабскую женщину в одноименном рассказе, появившемся сразу вслед за приключением. «Глаза ее, загоревшиеся желанием обольстить, той жаждой покорить мужчину, которая придает кошачье очарование коварному взгляду женщины, завлекали меня, порабощали… То была короткая борьба одних взглядов, безмолвная, яростная, вечная борьба двух зверей в человеческом образе, самца и самки, в которой самец всегда оказывается

побежденным». Весной 1889 года Мопассан возвратился в Париж.

У писателя была не только тяга к перемене мест. Ни тоска, ни мигрени, ни больные глаза, ни даже работа, ни тайные дети, ни попытки вести иной образ жизни – ничто не могло уменьшить его ненасытное, непреодолимое стремление к женщине. Сколько же их было? Триста? – как он признался в одном из своих рассказов. Или больше? Вероятно, он сам потерял им счет. «Я их коллекционирую. Есть такие, с которыми я встречаюсь не чаще одного раза в год. С другими я вижусь раз в десять месяцев, с третьими – раз в квартал. С некоторыми судьба сталкивает меня только у их смертного одра, с некоторыми – когда они хотят пойти пообедать со мной в кабаре…» Брат Эрмины, которому покровительствовал Ги, заметил: «Я думаю, что Мопассан заводил их с легкостью, поскольку они сами шли навстречу его желаниям».

Писатель гордился своей неутомимостью в любви ничуть не меньше, чем своими литературными произведениями. Мопассан часто повторял, что главная причина его успеха у женщин – его ум. «Большинство людей считает, что представители низших слоев общества (…) несравненно лучшие любовники, чем те, кто ведет малоподвижный образ жизни. Я так не считаю (…) нужно, чтобы у человека были мозги, и только тогда он сможет дать другому человеку высшее наслаждение».

Мопассан всю жизнь искал идеальную женщину. «Я люблю только одну-единственную женщину – Незнакомку, Долгожданную, Желанную – ту, что владеет моим сердцем, еще невидимая глазу, ту, что я наделяю в мечтах всеми мыслимыми совершенствами…» Но такой женщины не существует, и он отлично это знал.

И он с беспощадностью признал: «Я никогда не любил».

И все же, была ли среди всех его женщин одна – самая ему необходимая? Эрмина? Потоцкая? Мари Канн? Литцельман?

Или «Дама в сером»? Она появилась в жизни Ги одновременно с Мари Канн. В конце июня 1890 года она приходила к Мопассану несколько раз. В марте 1891 года Мопассан встречался с ней в Канне на вилле. Она появилась и в августе, и в сентябре… Мопассан описал эту женщину: «Все мне нравится в ней. Аромат ее духов опьяняет меня; запах ее тела доводит меня до исступления. Красота ее форм, невыразимая обольстительность ее отказов и согласий возбуждает меня до безумия. Никогда не вкушал я таких радостей, никогда никому не давал подобного наслаждения…»

«Дама в сером» разделяла с ним не только страсть к наркотикам. Ги бахвалится своими пороками, которые она

поощряла. Он устраивал праздники, на которых предавался безудержному разгулу. Сколько их было этих ужинов в духе Регентства (время правления порочного Филиппа Орлеанского)? С веселыми дамами, принадлежавшими всем…

Но кто же эта роковая женщина, которая, по мнению помощника Мопассана, ускорила гибель хозяина «своими ухищрениями чрезмерно страстной женщины, никогда не знавшей удовлетворения»?

Жизель д'Эсток, получившая при рождении имя Мари-Поль Дебар. В юности она вместе с подругой преклонялись перед Жанной д'Арк. Девушки стали любовницами. Разразившийся скандал вынудил Мари-Поль переехать в Париж, где она с головой окунулась в водоворот столичной жизни. Маленькая Жизель писала, лепила, рисовала, выступала с лекциями, неизменно привлекавшими журналистов. Ее идеи, истоки которых стоит искать у Жорж Санд, расцвели в среде суфражисток 1900 года.

Первый визит к Мопассану на улицу Дюлон Жизель нанесла скорее всего до апреля 1884 года. Он хотел увидеть ее снова. К письму Ги прилагал фотографию, а в ответ она высылала ему свою, на которой изображена обнаженной… Ги послал ей фривольные стихи «Желание фавна» (Той, которая открыла мне любовь):

О, плоть дрожит, вздымается, пьянея,
Душа трепещет, как струна – и вот
Мой разум, вожделеньем пламенея,
Все к новым наслаждениям зовет…

Жизель не скрывала своей склонности к извращениям. Ги поощрял Жизель, считая при этом, однако, что ее эксперименты слишком смелы. Вскоре Ги начал удлинять промежутки между свиданиями. Но они продолжали поддерживать отношения вплоть до 1888 года – в это время здоровье писателя значительно ухудшилось.

Литературная деятельность принесла Ги де Мопассану славу и богатство. К концу жизни у него было четыре виллы и две яхты. Но коварная болезнь подточила его здоровье. В конце жизни у него появились галлюцинации. Он даже пытался однажды перерезать себе горло. Его поместили в одну из парижских психиатрических лечебниц. Сердце Ги де Мопассана перестало биться 6 июля 1893 года в 11 часов 45 минут дня. Последними его словами были: «Тьма! О тьма!»

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОТЕМКИН (1739—1791)

Русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784). Один из участников дворцового переворота 1762 года, фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического. Главнокомандующий русской армией в русско-турецкой войне (1787—1791).

…Фаворит Васильчиков начинал утомлять Екатерину II, и у нее зародилась мысль внести перемены в личную жизнь.

Вскоре при дворе появился новичок богатырского телосложения, с одним глазом. Он был так неопрятен в одежде и так груб в своих повадках, что придворные с утонченными манерами содрогались при виде его. Звали богатыря Григорий Потемкин.

Потемкин ворвался, как горячий ветер из знойной пустыни. В нем угадывалась какая-то непонятная угроза. Огромный и неуклюжий, со слепым глазом, который он ничем не прикрывал, Потемкин бросал вызов напомаженным придворным, привыкшим скрывать свои телесные недостатки под повязками, париками и ярдами надушенного кружева. Он был чужаком. Он был слишком не похож на людей света, и никто не знал, как к нему относиться. Герой Турецкой войны, награжденный за храбрость, он не блистал солдатской выправкой. Одежда его даже отдаленно не напоминала армейскую. Он предпочитал долгополые кафтаны из блестящих шелковых тканей. Его мясистые пальцы мерцали, усеянные перстнями с самоцветами. Волосы он носил длинные и никогда не пудрил их. Ходил тяжелой поступью человека, уставшего от мирской суеты.

Он был чрезвычайно умен и мог развлечь компанию, если пребывал в веселом настроении (о каковом судить было очень трудно, поскольку оно менялось неожиданно). Он часто впадал в состояние угрюмости, и тогда никого не хотел видеть. Словом, Потемкин мог дать двору только свою сообразительность и недюжинный ум. Похвастать высокородным происхождением он не мог. Его отец был армейским полковником и владел всего

четырьмя сотнями крепостных душ. (Богатые дворяне владели десятками тысяч крепостных.) Красотой он тоже не отличался, хотя, заметим, некоторые женщины все же стали жертвами его мужского могущества. Он уже был не молод, но никогда не занимал сколько-нибудь важного поста. При нем все чувствовали себя неспокойно, и его появление вызывало настоящий переполох. Вскоре всем стало ясно, что он будет очередным любовником императрицы.

Британский посланник Ганнинг был убежден, что появление Потемкина при дворе, его молниеносный взлет (Екатерина пожаловала ему чин генерал-адъютанта, поселила вместе с наиболее близкими родственниками в Зимнем дворце и осыпала почестями и наградами) станут новой страницей в истории царствования Екатерины.

«Здесь мы имеем дело с переменой декораций, которая, по моему мнению, заслуживает большего внимания, чем любое другое событие с начала правления, – писал он в донесении в Лондон. – Господин Васильчиков, которому Бог не дал большого ума, чтобы оказывать сколько-нибудь заметное влияние на дела и пользоваться доверием своей любовницы, теперь имеет преемника, который, похоже, в избытке обладает и тем и другим». Лохматый, благоухающий Потемкин вызывал «всеобщее изумление, близкое к отвращению», писал посланник. Он совсем не был похож на Васильчикова, неоперившегося и застенчивого. Потемкин был силой, с которой приходилось считаться. Говорили, что он обладал необычной проницательностью и тем, что посол называл «глубоким пониманием людей».

«Благодаря этим качествам и лености своих соперников, он верил, что способен подняться до заоблачных высот, которые сулило ему безграничное честолюбие», – написал Ганнинг в заключение. Другими словами, он мог запросто взять в руки бразды правления в России.

Екатерина, несомненно, восторгалась огромным, переменчивым в настроениях, мозговитым Потемкиным. Ее собственное состояние духа, которое долгое время было сумрачным, нежданно просветлело. Императрица приободрилась. Сомнений быть не могло: причиной такой перемены стал ее новый фаворит. «Она просто без ума от него, – заметил сенатор Елагин. – Они, должно быть, по-настоящему любят друг друга, потому что очень похожи». Так или иначе, но Екатерина наконец нашла родственную душу, которую искала всю свою жизнь. Она, опьяненная счастьем, буквально светилась, источая радость. В возрасте сорока пяти лет она чувствовала себя так, словно влюбилась впервые в жизни.

От любви в голове у Екатерины все перемешалось, хотя душа ее воспарила. Она утратила свое обычное благоразумие и равновесие. Ее стремление к умным беседам угасло. С ее губ не сходила счастливая улыбка. «Когда я с тобой, я забываю обо всем на свете, – писала Екатерина своему новому фавориту. – Никогда еще не была я так счастлива, как теперь».

Потемкин знал, как тронуть сердце Екатерины, как дать ей почувствовать, что она любима. Он пел ей мелодичные и сладкозвучные песни. Голос его звучал мягко и искренне. Он восхищался в ней следами былой красоты, мимолетными искорками юного задора, мелькавшими в ее светящихся глазах, цветом ее нарумяненного лица. Он пробудил в ней страсть, называл ее «огненной женщиной», заставил ее поверить, что для него она была единственной женщиной в мире.

Похоже, Потемкин искренне влюбился в царицу. Когда он принимал участие в государственном перевороте, вознесшем ее на престол, то был еще молодым офицером и не сыграл сколько-нибудь заметной роли. Несомненно, он помнил, какой была в ту пору она, потрясающе отважная женщина на белом коне, смело скачущая навстречу своей судьбе. Он любил ее дерзость, которая была сродни его собственной. Он любил ее прямоту, широкий ум, мечты об улучшении и переменах. У него тоже были отважные, порой фантастические замыслы. Он любил ее сильное, податливое тело зрелой женщины, которое искало любви и давало ее. Его жажда совпадала с ее жаждой, и вместе они находили утоление.

Екатерина много сделала для государства российского, но еще больше ей предстояло сделать. Рядом с Потемкиным, мужем, помощником, а потом, возможно, и соправителем, ей все казалось по плечу. Вместе со своим обожаемым возлюбленным императрица вынашивала дерзкие захватнические планы.

Они любили встречаться в бане. Потемкин заставлял Екатерину буквально покатываться со смеху, когда пародировал именитых придворных. Затем эта игра постепенно переходила в эротическую, она упивалась его искусством удовлетворить ее. Чтобы могущественная женщина забыла о своей власти и отдала себя в руки любовнику, он должен был приносить ей бесконечное наслаждение. Потемкин давал ей это наслаждение каждую ночь. Они встречались, разговаривали, сидя в парилке или развалившись на кушетках, время от времени подкрепляясь яствами со стоявших тут же подносов и запивая изысканными винами.

Потемкину нравилось ходить в расшитом кафтане, надетом на голое тело, по которому струился мягкий летучий шелк.

Возможно, и Екатерину он пытался научить радоваться ощущению легкой ткани на коже; учил ее блаженствовать в привычном для него окружении – уютных диванов, пышных думок и подушек, в воздухе, пропитанном ароматом духов. Учил удовольствиям, которым несть числа.

Но, кроме любовных утех, были у них и часы совместных размышлений.

Потемкин и императрица вели долгие беседы, в ходе которых он поражал ее своей сообразительностью, точностью оценок, способностью чувствовать тонкости и из множества деталей выделять главное. Беседы их часто затягивались за полночь и завершались эротическим финалом.

Потемкин прекрасно понимал, что своим высоким положением он всецело обязан милости императрицы. «Я – плод твоих рук», – признавался он ей от чистого сердца. Все же его гордость не могла смириться с этим. Разве он не был мужчиной, которому от природы дано право господствовать? Разве ее титул императрицы не препятствовал его продвижению и гармонии между ними? Французский дипломат де Корберон, находившийся в 1775 году при дворе Екатерины, вспоминал, как Потемкина «раздувало от гордыни и себялюбия», но такие черты его характера, как «веселость, доступность, сговорчивость», отодвигались в тень, уступая место не столь привлекательному сластолюбию, «азиатской вкрадчивости» и явной пассивности.

Борьба за первенство, как в делах любовных, так и в сфере управления империей, стала причиной их разногласий. Между ними все шире становилась пропасть из-за его неуверенности и ее нежелания уступать. «Мы всегда боремся за власть, но никогда за любовь», – писала Екатерина в одной из своих записок. Она стремилась к миру, хотела покончить с неопределенностью и страданиями. Ей нужен был хотя бы один-единственный день «без споров, без дебатов, без выяснения отношений».

Потемкин по своей природе был совершенно иным человеком. Работа никогда не стояла у него на первом месте. Со стороны могло показаться, что он вообще был не способен работать, отдавая явное предпочтение сладкой дреме, лежа на просторном диване, не удосуживаясь даже одеться. В поиске удовольствий и развлечений Потемкин проявлял неистощимую фантазию. Любое развлечение служило предлогом отложить дела до более благоприятного момента.

Периоды деловой активности были короткими – в часы между сном и размышлениями. Ему была присуща неумеренность во всем – в пьянстве, в утехах любви, пространных религиозных размышлениях. Упорядоченная домашняя жизнь, проповедуемая

Екатериной, утомляла его. Любая рутина была для него проклятьем. Два года делил он ложе с императрицей, а потом стал посматривать на других женщин.

Все же Потемкин сохранял к Екатерине единственную в своем роде и неугасимую страсть. Оба испытывали друг к другу сентиментальную привязанность. Она по-прежнему оставалась его «маленькой женушкой», он – ее «любимым муженьком». Между ссорами и отчуждением родство умов дарило им радость, помогало решать государственные задачи. Потемкин жаждал власти и могущества. Екатерина сумела беспристрастно и проницательно оценить его способности. Она хотела наделить Потемкина и властью, и могуществом, отмерив и одного, и другого ровно столько, сколько могла себе позволить.

Могущественный, роскошный и богатый, – а в цветущем возрасте и красавец, – князь представлял лакомую приманку для женщин, в особенности для искательниц приключений и тщеславных дочерей Евы, пленявшихся мыслью – приобрести земные блага, обаяв временщика. И действительно, конец XVIII века, так отличавшийся обилием ловеласов и развратниц, имел в нем одного из самых блестящих и счастливых донжуанов. У князя были десятки любовных романов. Недаром в одной брошюре современного ему автора Потемкин был назван «князем Тьмы».

В высшей степени интересны отношения князя к его племянницам, урожденным Энгельгардт. Отношения к ним вельможного дяди были совершенно неплатонического характера. Как известно, эти племянницы были вызваны в Петербург, приближены ко двору и стараниями дяди получили блестящее светское воспитание. Любимейшими из них были – Александра, впоследствии графиня Браницкая, на руках которой и умер Потемкин, и Варвара, впоследствии княгиня Голицына, которую Державин называл златовласой Пленирой. Благодаря не особенно нравственной школе дяди, племянницы отличались большой даже для того времени распущенностью нрава, так что одну из них, Надежду, сам князь звал Надеждой безнадежной. Каждая из племянниц благодаря дяде делала карьеру при дворе и получала богатства. Вот только некоторые строчки из писем князя к Варваре, позволяющие судить о характере их отношений.

«Прости, моя любовь, моя душа, все, что я люблю!»

«Варенька, когда я люблю тебя до бесконечности, когда мой дух не имеет, опричь тебя, другой пищи, то если ты этому даешь довольную цену; мудрено ли мне верить, когда ты обещала меня любить вечно. Я люблю тебя, душа моя, – а как? Так, как еще никого не любил… Прости, божество милое; я целую всю тебя».

«Варенька, жизнь моя, ангел мой! Приезжай, голубушка,

сударка моя, коли меня любишь…»

«Матушка, Варенька, душа моя, жизнь моя! Ты заспалась, дурочка, и ничего не помнишь… Я, идучи от тебя, тебя укладывал и расцеловал и одел шлафроком и одеялом и перекрестил…»

«Варенька, моя жизнь, красавица моя, божество мое; скажи, душа моя, что ты меня любишь, от этого я буду здоров, весел, счастлив и покоен; моя душа, я весь полон тобой, моя красавица. Прощай, целую тебя всю…»

Говоря об отношениях к племянницам, следует упомянуть о следующем факте. Семен Романович Воронцов, отправляя свою дочь в начале царствования Александра I в Россию, говорил, что он этого не решился бы сделать при Потемкине.

Кроме романов с племянницами у князя было бесконечное количество других. Даже во время самых тяжелых дней долгой осады Очакова в 1787—1788 годах у него, в роскошной землянке, был целый гарем красавиц.

Невозможно описать все любовные похождения «великолепного князя Тавриды». Обладая громадными средствами и могуществом, он беспрепятственно мог удовлетворять свои желания.

Ревнивый Потемкин не стеснялся избавляться от счастливых соперников в ухаживании. К примеру, майор Щегловский был сослан в Сибирь за то, что приглянулся какой-то знатной польской панне, за которой ухаживал сам могущественный князь.

1789 год ознаменовался блестящими военными делами русских армий на юге: были взяты Бендеры, Фокшаны, Аккерман, Суворов добился победы при Рымнике. Князь оказался благородным и благодарным по отношению к Суворову, хотя впоследствии между ними и были трения. Он писал Суворову: «Объемлю тебя лобзанием, искренними и крупными словами свидетельствую свою благодарность!» Князь просил Екатерину наградить знаменитого полководца беспримерно щедро.

В это время императрица вела с ним оживленную переписку, осыпала его наградами, почестями, подарками. Упомянем лишь о стоившем огромных сумм бриллиантовом лавровом венке, присланном Екатериной Потемкину за занятие Бендер. Это были необычайные милости, и это время представляло, кажется, апогей могущества и славы великолепного князя Тавриды.

Хотя победы кампании этого года и были блестящи, но положение войска и разоренной страны являлось таким тяжелым, что Потемкин не скрывал уже сам этого перед государыней, которая начинала думать о мире, чему и был посвящен 1790 год. Зимой 1789—1790-х годов военные действия не велись, а князь жил с невиданной роскошью в Яссах, а затем в Бендерах, где у

него обосновался целый штаб красавиц: Потемкина, де Витт, Гагарина, Долгорукова и другие. Тут-то и происходили те гомерические пиры и безумно расточительные выходки князя, удивлявшие современников и легендарные сказания о которых дошли до потомков. Здесь гремел оркестр Сарти из 300 человек, грохотали орудия при тостах за красавиц, раздавались дамам во время десерта целыми ложками бриллианты. Ухаживая за Гагариной, князь, по причине ее беременности, обещал этому новому предмету страсти собрать мирный конгресс в ее спальне. Отсюда мчались курьеры за башмаками и лентами для дам в Париж. Здесь же раз произошла сцена, испугавшая присутствовавших. Слишком вольно обращавшийся с женщинами, Потемкин однажды после обеда у себя, в большом обществе, схватил княгиню Гагарину за талию, та ответила ему пощечиной. Тогда князь встал и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Гости похолодела от ужаса. Но у князя нашлось достаточно такта, чтобы отнестись к этому как к невинной шутке: немного погодя он, улыбающийся, вышел из кабинета и преподнес Гагариной в знак примирения дорогую безделушку.

Потемкин как-то за парадным обедом стал бранить одного из своих генералов – Кречетникова, – а князь Долгоруков защищал бранимого. Светлейший до того рассердился, что схватил Долгорукова за георгиевский крест, стал его дергать и сказал: «Как ты смеешь защищать его? Ты, которому я из милости дал сей орден, когда ты во время Очаковского штурма струсил!»

Встав из-за стола, князь, однако, вскоре подошел к находившимся тут австрийским генералам и сказал: «Извините, господа, я забылся! Я с ним обошелся так, как он заслуживает».

Страшно чувственный князь не довольствовался имевшимся у него в ставке гаремом красавиц: ему нужны были новые и новые победы. Вот, например, характерная выдержка из письма (относящегося к более позднему времени) графа Чернышева из лагеря под Измаилом:

«Кроме общественных балов, бывающих еженедельно по два-три раза, у князя каждый день собирается немногочисленное общество в двух маленьких комнатах, великолепно убранных; в оных красуется вензель той дамы, в которую князь влюблен. Там бывают одни приглашенные… Впрочем, Бог знает, чем все это кончится, ибо ждут Браницкую, и уже послан офицер встретить ее. Г-жа Л. должна немедленно приехать и везет с собою молоденькую девушку, лет 15–16-ти, прелестную, как амур…»

По-видимому, утомленная и пресыщенная наслаждениями душа 50-летнего князя жаждала теперь платонического, идеального, что и проглядывает в переписке его с новой

избранницей. Это была Прасковья Андреевна Потемкина, жена внучатого брата светлейшего П.С. Потемкина, урожденная Закревская. Удивительная красавица, она зажгла такое пылкое пламя в сердце светлейшего, что он все забывал: и славу, и дела, и кровавые сцены войны. Вот коротенькие выдержки из посланий князя к этой женщине, – все письма к которой были одинаково горячи и восторженны.

«Жизнь моя, душа общая со мною! Как мне изъяснить словами мою к тебе любовь, когда меня влечет к тебе непонятная сила, и потому я заключаю, что наши души с тобою сродни… нет минуты, моя небесная красота, чтобы ты выходила у меня из памяти! Утеха моя и сокровище мое бесценное, – ты дар Божий для меня… Из твоих прелестей неописанных состоит мой экстазис, в котором я вижу тебя перед собой… Ты мой цвет, украшающий род человеческий, прекрасное творение… О если бы я мог изобразить чувства души моей о тебе!»

А что же императрица? Еще в конце 1775 года Екатерина и Потемкин пришли к соглашению. Потемкин будет ее главным заместителем в делах государственного управления. Но в императорской опочивальне будет заместитель и у него – молодой, приятной наружности, тот, на ком Екатерина остановит свой выбор. Потемкину дано было право участвовать в выборе своего сменщика.

Это была своеобразная вариация menage a trois. Мало кто понимал такой порядок и саму императрицу, по воле которой все и произошло. Со временем это непонимание вылилось в открытое порицание.

2 января 1776 года в покои, отведенные для фаворита императрицы, которые по очереди занимали Орлов, Васильчиков и Потемкин, въехал молодой красивый поляк Петр Завадовский.

В марте 1776 года государыня объявила двору, что Потемкин получает титул князя Священной Римской империи и отныне к нему следует обращаться «ваша светлость». Да, место в опочивальне императрицы занял Завадовский, но Потемкин оставался ее господином и повелителем, ее супругом, человеком, делившим с ней власть…

Во время путешествия Екатерины в 1787 году по югу России, после триумфа русской армии, Потемкин по отношению к императрице и ее окружению вел себя как хозяин. Он закатывал роскошные балы, устраивал невиданные фейерверки, оплачивал концерты и пиры, принимал гостей в освященной веками Печерской лавре, где остановился. Сам он выглядел сиятельной персоной. На официальных встречах появлялся в маршальском мундире, «задыхаясь от количества наград и бриллиантов, –

писал Сегюр, – задрапированный в кружево и шитье, с напудренными и уложенными локонами волосами». В Печерской лавре, правда, гостей он принимал в несколько другом виде, больше напоминая турецкого визиря. С непричесанной головой и босыми ногами, облаченный в шелковый халат, он вальяжно возлегал на огромном диване, окруженный своими родственницами (некоторые из них, как известно, были его любовницами). Так он и встречал офицеров и иностранных посланников.

Казалось, что он пребывал в каком-то азиатском сне, но проницательный Сегюр все же разглядел, что, невзирая на видимую праздность, Потемкин не дремал и был с головой в работе. Он встречался с чиновниками, рассылал и получал донесения, вел неофициальные переговоры, играл в шахматы с послами, словом, делал все, чтобы приблизиться к той цели, которую они с императрицей перед собой поставили. По словам Сегюра, Потемкин был способен одновременно работать над десятком проектов, при этом не подавая виду, что он очень занят. Он мог наблюдать за строительными и сельскохозяйственными делами, отдавать приказы гражданским и военным чиновникам, вникая в бесконечную череду разных начинаний.

В мемуарах, где рассказано о пребывании царицы в Киеве, ни слова не говорится о частных встречах Екатерины с Потемкиным. Можно предположить, что их просто не было. Все же их старая дружба не могла исчезнуть, не оставив следа. Они, бесспорно, любили друг друга и, может быть, иногда вместе спали. Екатерина не делала тайны из того, что ужасно скучает по Потемкину, когда они были в разлуке. Помимо того, что он держал близ себя круг племянниц и дам благородного происхождения, в которых пылко влюблялся, Потемкин, по некоторым свидетельствам, был завсегдатаем борделей и не гнушался предложениями придворных воспользоваться услугами их жен в обмен на высокое покровительство.

Покинув место прежней ханской славы, императрица отправилась в путешествие по степи, когда-то населенной татарскими племенами, нещадно истребленными безжалостными солдатами Потемкина. Опустевшие земли вернулись в первобытное состояние. Ночевали именитые гости в огромных шатрах, возведенных слугами князя Таврического. Поражаясь простору отвоеванных Россией новых земель, они не переставали дивиться деяниям Потемкина, направленным на возрождение некогда благодатной земли. Были построены поселения, посажены новые рощи, засеяны нивы. В этом краю с благоприятным климатом поселилось уже несколько

иностранных переселенцев, к которым, как сказал Потемкин, скоро прибудет пополнение.

Екатерина не переставала изумляться изобретательности Потемкина, который изо всех сил старался скрасить ее путешествие и показать величие и мощь России. Он устраивал военные смотры, в которых принимали участие тысячи с иголочки одетых, браво марширующих солдат. Татарские воины на быстрых скакунах поражали искусством вольтижировки. Однажды после захода солнца холмы, окружавшие город, где гостила Екатерина, озарились фейерверком. Огни образовали кольцо во много миль. В центре его, на самой высокой точке горной гряды, десятки тысяч петард высветили ее императорскую монограмму. От взрывов дрожала земля. Никогда еще такая мощь не была сосредоточена в одном месте. Русские выглядели сильными, если не сказать непобедимыми.

В феврале 1791 года после взятия Суворовым Измаила Потемкин отправился в свою последнюю поездку в Петербург. Князя сопровождала прекрасная фанариотка Софья Полонская, чья красота произвела настоящую сенсацию во время ее пребывания в Париже. Некоторое время она развлекала «светлейшего», затем ее сменила другая красавица – княгиня Долгорукова. Естественно, Прасковья Андреевна Потемкина была забыта. Встретив со стороны мужа сопротивление в своих ухаживаниях за княгиней, Потемкин при всех схватил несчастного за аксельбанты и поднял в воздух, крича: «Негодяй, я тебе дал эти аксельбанты, как другим, и никаких у тебя особых заслуг для этого не было. Все вы дрянь, и я могу делать, что хочу, с вами и со всем, что у вас есть».

Потемкина встречали в Петербурге, как героя, с необыкновенной пышностью. Екатерина проявила к нему благосклонность: на него сыпались милостивые знаки внимания, награды и подарки. 28 апреля 1791 года в подаренном Потемкину императрицей Таврическом дворце был дан великолепный бал, затмивший немыслимой роскошью прежние пиры «светлейшего». После праздника главнокомандующий всеми армиями не спешил выехать к своим подчиненным и пробыл в Петербурге еще три месяца. Среди причин столь долгого пребывания Потемкина в столице Завадовский в письме к С.Р. Воронцову указывал следующую: «Князь, сюда заехавши, иным не занимается, как обществом женщин, ища им нравиться и их дурачить и обманывать. Влюбился он еще в армии в княгиню Долгорукову, дочь князя Барятинского. Женщина превзошла нравы своего пола в нашем веке: пренебрегла его сердце. Он мечется, как угорелый… Уязвленное честолюбие делает его смехотворным…»

Кроме того, с князем случались жестокие припадки хандры и отчаяния: у него появлялись предчувствия близкой кончины, которые на этот раз не обманули его. Наконец Екатерина сама объявила князю о необходимости отбыть в армию. 24 июня 1791 года Потемкин покинул Царское Село.

Князь скончался 5 октября 1791 года по дороге из Ясс в Николаев. Уже больной, он пожелал покинуть молдавскую столицу, место, которое «более походит на гроб, нежели на обиталище живых». По дороге Потемкин почувствовал приступ удушья. Его вынесли из кареты, положили на траву, и через несколько минут его не стало. По свидетельству Безбородко, Потемкин не принимал никаких лекарств; при лихорадке приказывал в самые холодные ночи открывать все окна в доме, заставлял лить себе на голову целые потоки одеколона и сам прыскал на себя холодную воду кропильницей, которую не выпускал из рук.

Екатерина была безутешна. Своему корреспонденту Гримму она писала: «Вчера меня ударило, как обухом по голове… Мой ученик, мой друг, можно сказать, идол, князь Потемкин-Таврический скончался… О Боже мой! Вот теперь я истинно madame la Ressource (Сама себе помощница. – *Прим. ред.*)… Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца…»

ЭДВАРД АЛЕКСАНДР (АЛИСТЕР) КРОУЛИ (1875—1947)

Его называли «королем сатанистов», «самым порочным человеком в мире». В его «послужном списке» более четырех тысяч соблазненных женщин. Закончил Кембридж, был членом оккультной ложи «Золотой рассвет». Организовал на Сицилии «аббатство» (1920), где устраивались сексуальные оргии с жертвоприношениями.

Алистер Кроули родился 12 октября 1875 года в семье богатого пивовара. Учился в Кембридже, где стал членом оккультной ложи «Золотой рассвет». В этой организации состояло много знаменитостей, в частности, поэт Йитс и президент Академии художеств Келли, на дочери которого Кроули женился. Вскоре разразился скандал: за интриги Кроули изгнали из ложи; жена бросила его, публично обвинив в том, что он заставлял ее участвовать в «черной мессе». Обиженный сатанист со своим учеником Беккетом отправился в Сахару вызывать демона Хоронзона. После этой поездки Беккет сошел с ума.

В 1920 году на Сицилии Кроули основал «аббатство», девизом которого было: «Делай все, что захочешь». Утверждали, что там проводились оргии с человеческими жертвоприношениями. После начала Второй мировой войны Кроули вернулся в Англию и поселился в мрачном замке у озера Лох-Несс, где и умер от рака.

Сын активного члена Плимутского братства, Кроули унаследовал одержимость идеей греха, хотя она проявилась в весьма нестандартной форме. С детства его вдохновляла поэзия. Подражая Суинберну, он писал:

Все падения, весь абсолютный позор
Тебе придется вынести, погрузившись в грязь,
И дерьмо дрянных баб будет тебе в охотку…

Рано, если не с рождения, он стал мистиком в отношении к жизни. Кроули считал себя гермафродитом и верил во врожденные мазохистские наклонности. Он полагал, что подчиняется силам Природы, Похоти и Жестокости, сообщавших ему волю пантеистического божества, его веры. Эта идея владела им всю жизнь, хотя и несколько видоизменялась.

Мистическое отношение к жизни проявлялось даже тогда, когда, заразившись гонореей от проститутки в Глазго, он абсолютно серьезно заявлял, что пострадал от «слепой ярости природы».

На заре жизни Кроули не мог решить, является ли тот, иной мир, в существовании которого его убедили медиумы, Добром или Злом, но склонялся, скорее, к последнему, хотя по-настоящему веровал только в Пана. Для общения со своим божеством он использовал наркотики и «сексуальную магию», проще говоря – совокупления. Этот человек был сладострастником, искренне верил, что мотивы его поступков следует считать религиозными. Его неустанный поиск «правильной» женщины можно понимать как неутоленное желание более глубокого сексуального опыта.

Кроули был очень высокого мнения о себе, а о женщинах неоднократно высказывался в том смысле, что их следует «впускать с черного входа».

Его попытки вступить в контакт с божествами кажутся вполне успешными даже без «сексуальной маски». «Книга закона» была продиктована ему слово за словом, по одной главе в день, «святым ангелом-хранителем». Дух назначал ему встречу, и Кроули записывал премудрость с максимально возможной скоростью. Книгу он опубликовал под собственным именем.

Появление «новообращенного» неизбежно привело к созданию секты «Братья и сестры».

Примерно в то же время Кроули придумал семь «обрядов», которые были публично исполнены в Кэкстон-Холле. Они были скорее непонятны, чем непристойны, и вызывали к себе скептическое отношение. Руководя «Братьями и сестрами», Кроули все больше интересовался «сексуальной магией» как средством общения с невидимым миром. Именно тогда он сделал фаллическую прическу, обрив голову наголо и оставив одну прядь посреди лба.

Деятельность Кроули того периода описана на страницах «Уорлд мэгэзин», чей репортер присутствовал на церемонии на Фулхэм-роуд, где в покоях, «уставленных диванами, заваленными подушками», происходили мистерии в честь Зверя. Китайская музыка, зловещие книги в черных переплетах и кабалистические знаки на полу создавали ощущение порочности и нереальности происходящего. На алтаре свилась в кольцо золотая змейка. Адепты секты, в том числе женщины (явно благородного происхождения) в масках, входили в комнату, после песнопений жрецы задували и уносили свечи, и начиналась «неописуемая оргия».

Очевидно, напуганный публикациями о своих «подвигах», Кроули после объявления войны в 1914 году отправился в Соединенные Штаты.

Подражая Суинберну, он пережил несколько романов с экзотическими любовницами, о которых оставил короткие, но едкие отклики: «Заявляет, что чистая американка, но, я думаю, в ней есть негритянская и японская кровь». Или: «Огромная толстая негритоска, очень страстная». Он расписывал «карлиц, горбуний, татуированных женщин, уродок всех сортов, отвратительных и увечных цветных женщин».

В Америке он встретил свою первую «порфироносную жену» – Ли Фаези, шведку по национальности, скорее отталкивающей, чем привлекательной внешности, и они моментально влюбились друг в друга.

В Штатах он написал «Гимн Пану», одно из самых удачных своих стихотворений, в котором открыто заявляется кредо его веры.

Нью-Йорк даже в начале века был не слишком подходящим местом для пантеистического культа, и Кроули отправился на Сицилию. Он хотел иметь собственное «аббатство». Первоначальный грандиозный проект с колоннадой и стеклянным куполом был похоронен, ибо итальянский банк отказался финансировать столь сомнительное предприятие. «Великий Зверь» поселился в гораздо более скромном здании, но Кроули назвал эту виллу «Телемской обителью». Центральная комната использовалась как святилище. На полу были изображены магический круг и пентаграмма. В центре находился шестиугольный алтарь. Стены этой комнаты и остальных покоев были разрисованы непристойными картинами. На алтаре лежали «Хлебы Света», рецепт которых включал помимо других ингредиентов – муки, меда, красного вина, оливкового масла – густую свежую кровь. Позже «Санди экспресс» намекала на еще более отвратительное составляющее.

Ежедневная порция героина Кроули была огромной. Но на его мозг это не влияло, и он за очень короткое время (в среднем пять тысяч слов в день) надиктовал «Дневник наркомана» «своей блуднице». Закончить труд не помешал и внезапный приступ лихорадки.

Естественно, книга не осталась незамеченной. В «Санди экспресс» от 19 ноября 1922 года Джеймс Дуглас, ведущий журналист тех лет, смело бросился в атаку, не скрывая намерения добиться расследования. Заметив, что не хочет рекламировать порнографическую литературу, он заявил, что гнев всех здравомыслящих людей должен обрушиться на голову автора.

«В романе описывается порочная оргия группы моральных дегенератов, стимулирующих угасающую похоть кокаином и героином». Дуглас цитировал (правда, вырывая из контекста) такие фразы: «Пока не наберешь полный рот кокаина, не узнаешь вкус поцелуя», отказывая обитателям «телема» в иных мотивах, кроме необузданной похоти.

Через неделю имя Кроули оказалось на первых полосах газет: «Полное разоблачение автора "Наркомана"», «Человек по фамилии Кроули – организатор общества языческих оргий», «Он печатал непристойные нападки на короля»…

«Санди экспресс» заявила, что взяла интервью у одной из женщин – жертв Кроули. Эта информация, по крайней мере в той части, которая может быть проверена, соответствует действительности. Мэри Баттс, давшая интервью газете, на Сицилию приехала в качестве гостьи. По ее словам, Кроули устраивал «невыразимо гнусные, напоминающие античные оргии».

Мэри Баттс описала святилище, где «происходят невозможные оргии, которые нельзя даже описывать».

К услугам Кроули всегда было стадо обманутых поклонниц. Когда в «аббатстве» не хватало денег, их посылали на промысел на улицы Палермо и Неаполя.

Никто не стал бы отрицать, что «Великий Зверь» – притягательная личность, и появление новых адептов не прекращалось. Кроули нуждался в ученике, а Рауль Лавдей идеально удовлетворял всем требованиям. Этот умный, но неуравновешенный молодой человек женился еще до завершения образования. Его супругой стала Бетти Мэй, натурщица с бурным прошлым и кипучим темпераментом, в автобиографии она назвала себя Тигрицей. Впрочем, больше, чем жена, его привлекала магия (на что Бетти все время жаловалась). Он неизбежно должен был столкнуться с Кроули и, когда это случилось, мгновенно попал под его влияние, а Бетти стала яростной противницей Кроули.

Лавдей получил приглашение в «аббатство» и тут же согласился поехать, хотя жена возражала.

После утомительного путешествия в третьем классе по железной дороге (Бетти, по настоянию мужа, продала обручальное кольцо, что дало лишний повод для ее ревности) они наконец добрались до аббатства. Распахнулась дверь, и перед супругами предстал Кроули в облачении священника. Он торжественно провозгласил: «Ваша воля да будет законом».

Внутри «аббатства» соблюдалась железная дисциплина. Женщины должны были красить волосы то в малиновый, то в

черный цвет. По всему дому были разбросаны наркотики. Даже 5-летний сын Кроули пристрастился к ним. Когда Бетти сделала ему замечание, он заявил ей: «Отстань! Я – Зверь номер два и могу разнести тебя в клочья!»

Утро начиналось с песнопений в честь Ра, бога Солнца. По вечерам все собирались в святилище.

Еда была ужасной, гигиена отсутствовала. Бетти Мэй открыто жаловалась, но Кроули заявил, что она теперь «сестра Сибиллина» и обязана подчиняться его установлениям. Она, было, отказалась, но все-таки в конце концов подписала документ. Однажды за столом Бетти запустила в Кроули лепешкой. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но через несколько дней он извлек большой нож из ножен и спокойно сказал: «Сегодня в восемь часов мы принесем в жертву сестру Сибиллину». Казалось, что он говорит серьезно. Бетти сочла за лучшее скрываться в горах (где едва не умерла от истощения), пока не решила, что опасность миновала.

Несколько дней спустя Лавдей слег с брюшным тифом. Кроули уверенно заявил, что Рауль умрет 16 февраля, и так оно и случилось.

С Бетти было достаточно. Она бежала из «аббатства», сначала к британскому консулу в Палермо, а потом вернулась в Англию, где рассказала свою историю чувствительному репортеру из «Санди экспресс».

Легко представить, как обрадовались в газете «жареной» информации. Бетти заявляла, что Лавдея заманили в секту лживыми посулами и втянули в «водоворот лжи и непристойности». О детях она рассказала, что «они вынуждены быть свидетелями ужасающего разврата». Статья кончалась призывом возбудить уголовное дело против Кроули.

Слава «аббатства» клонилась к закату. Слухи множились. Два человека, побывавшие там, рассказали о церемониальном совокуплении «порфироносной жены» с козлом и о том, что в кульминационный момент животное приносили в жертву так, что поток крови стекал по голой белой спине женщины. Эти же сведения уже сообщала в «Санди экспресс» Мэри Баттс, но их отвергли как слишком «горячие». Вскоре после инцидента с Лавдеем Кроули получил вежливое, но твердое предписание немедленно покинуть пределы Италии.

«Это относится ко всем?» – спросил потрясенный Зверь. Шеф полиции кивнул, и Кроули в отчаянии ушел. Эпоха «величайшей магии» уходила в прошлое.

В 1922 и 1923 годах Кроули мудро отказался от намерения привлечь «Санди экспресс» к суду за клевету, но в 1934 году

неосмотрительно решился призвать к ответу Нину Хамнет, бывшую когда-то его подругой, за один-единственный параграф из ее книги «Смеющийся торс». Об «аббатстве» она написала следующее: «Он занимался там черной магией, поговаривали о таинственном исчезновении ребенка. Еще там был козел. Люди говорили, что все это связано с черной магией, и жители деревни боялись его».

Почему Кроули решил судиться из-за столь невинных строк, можно только гадать. Естественно, адвокаты мисс Хамнет и ее издатели легко выиграли дело.

Главное, на чем особенно упорно настаивал Кроули, было утверждение, что он занимался белой, а не черной магией. Когда его попросили объяснить разницу, Кроули ответил, что магия приводит внешние обстоятельства в соответствие с волей. Если воля добрая, то и магия белая, а если злая – черная.

Несмотря на «громадный вклад в магическое искусство», звезда Кроули катилась вниз. В конце жизни он торговал вразнос лекарством от всех болезней собственного изобретения, которое назвал «Амрита».

В статье, посвященной памяти Кроули, «Дейли мейл» отрицала, что Кроули был единственным адептом черной магии, и утверждала, что ведьмовские обряды существуют по всей Англии.

Кроули умер 1 декабря 1947 года. Через четыре дня он был кремирован. Небольшое количество его верных последователей пропели гимн Пану. Разразился скандал. В конце концов директор крематория объявил: «Мы предпримем все необходимое, чтобы подобное не повторилось!»

Семьдесят два года прожил на свете Кроули, посвятивший всю жизнь магическим обрядам. Сатанизм и ведьмовство еще живы в «цивилизованной» Европе, но существуют тайно, без таких экзотических декораций, как у телемитов. Немногие сегодня осмеливаются в своих играх зайти так далеко, но для Кроули то была не игра, а жизнь.

Он именовал себя «зверем из бездны», возможно, искренне веря, что является воплощением антихриста, и похвалялся, что соблазнил четыре тысячи женщин.

В 1967 году его замок купил гитарист группы «Led Zeppelin» Джимми Пейдж, также увлеченный всякой чертовщиной. После этого группы стали преследовать неудачи: семья Пейджа разбилась на машине, а сын солиста Планта и ударник группы умерли от неизвестных болезней. Пейдж продал замок, уверенный, что Кроули мстит ему из глубины ада, и с тех в «обиталище Зверя» никто не живет.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ (1893—1930)

Русский поэт. Реформатор поэтического языка. Оказал большое влияние на мировую поэзию XX века. Автор пьес «Мистерия Буфф» (1918), «Клоп» (1928), «Баня» (1929), поэм «Люблю» (1922), «Про это» (1923), «Хорошо!» (1927) и др. Покончил жизнь самоубийством.

Владимир Владимирович Маяковский родился 19 июля 1893 года в день рождения его отца, потому и назвали его Владимиром. Семья Маяковских жила тогда в Грузии, в селе Багдади, где отец работал лесничим. В селе жили одни грузины, только Маяковские были русскими, и в детстве Володя хорошо знал грузинский язык. Он рано полюбил книги, выучился читать в шестилетнем возрасте. Когда пришло время готовиться в гимназию, мама увезла его в Кутаиси, где учились старшие сестры, Оля и Люда. За год до того, как его должны были перевести в Кутаисское лесничество, глава семьи скоропостижно скончался от заражения крови.

Семья Маяковских осталась без средств. Пришлось продавать мебель, чтобы добыть деньги на питание. Поскольку старшая дочь Люда училась в Москве, мать решила всей семьей переехать в столицу. После многих просьб и хождений по чиновникам, удалось добиться пенсии 50 рублей в месяц. Денег не хватало, и комнаты выбирали самые дешевые, поэтому соседями Маяковских всегда были студенты. Так Володя, не по годам рослый и серьезный, втянулся в революционную деятельность. Он читал листовки, прокламации, нелегальные книги.

В 1908 году Владимир вступил в РСДРП. Затем последовала серия арестов. В тюрьме он начал писать стихи. В 1911 году поступил в Училище живописи, ваяния и зодчества. В 1912 году появились первые публикации его произведений.

Владимир Маяковский часто выступал на литературных вечерах. Он не мог не обратить на себя внимания: высокий, красивый, задиристый, любил споры и дискуссии с публикой.

В 1915 году Маяковский написал поэму «Облако в штанах». Это была любовная поэма, но впоследствии ее неизменно называли революционной и антибуржуазной. Первое издание поэмы было выпущено Осипом Бриком в сентябре 1915 года, и

издание содержало большое количество цензурных купюр. Однако интрига поэмы «Облако в штанах» – это неразделенная любовь поэта. Героиня поэмы, Мария, обещала прийти и не пришла на свидание. Боль и гнев сводят с ума лирического героя. И эта боль, ревность, неудовлетворенное желание заставляют его проклясть и этот мир, и его порядки, и его мораль.

Владимир Маяковский был готов к любви огромной, прекрасной и невероятной, любви, далекой от пошлости и обывательщины. И вот в таком состоянии готовности и желания огромной любви он встретил Лилю Брик, женщину необыкновенную и ослепительную. «Она умела быть грустной, женственной, капризной, гордой, пустой, непостоянной, влюбленной, умной и какой угодно», – вспоминал о ней Виктор Шкловский. Она умела сводить с ума мужчин – пожалуй, это и было ее главным призванием в жизни. И именно благодаря этому призванию она сумела прожить долгую и прекрасную, – порой трудную, порой невозможную, – но всегда яркую и большей частью довольно благополучную жизнь. Она намного пережила своего трубадура, поэтического рыцаря и щедрого любовника – Владимира Маяковского.

Поэт Владимир Маяковский встретился с супругами Брик – Осипом Максимовичем и Лилей Юрьевной летом 1915 года, хотя с ним уже была знакома сестра Лилечки – Эльза. Судьба Лили и Эльзы – это особый роман. Скажем только, что детство их прошло в Москве, в семье юриста Ю. Кагана. Мать их окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано. Обе росли прелестными, удивительными девочками, а повзрослев, проявили один и тот же бесспорный талант – талант абсолютной женственности, способной безоговорочно подчинять себе всех мужчин, встретившихся на пути.

Однако Эльза первая влюбилась в Маяковского и не побоялась привести его в дом замужней старшей сестры Лили. Впрочем, брак ее с Осипом Бриком был в ту пору не столь уж крепким, каким казался со стороны. Нежная дружба еще связывала супругов, но что касается бешенства желаний и неукротимой страсти… В этом как раз и преуспел темпераментный молодой поэт, грубовато и прямо выражавший свои чувства и буквально умирающий без женской ласки и нежности. Лиля Юрьевна вспоминала о начале романа с поэтом: «Это было нападение. Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. Меня пугала его напористость, рост, его громада, неуемная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Когда мы с ним познакомились, он сразу бросился

бешено за мною ухаживать, а вокруг ходили мрачные мои поклонники. Я помню, он сказал: "Господи, как мне нравится, когда мучаются, ревнуют…"»

К слову сказать, ему пришлось потом и самому испытать эту мучительную ревность, уже по отношению к Лиле. Но пока… Лиля Юрьевна – единственная героиня в жизни и творчестве Маяковского. Начиная с 1915 года он посвящал ей все поэмы. А когда в 1928 году вышел первый том собрания его сочинений, посвящение гласило: Л.Ю.Б.

Трудно сейчас, спустя столько времени, разобраться в сложном любовном треугольнике Володя—Лиля—Ося. Намного пережив обоих, Лиля Юрьевна позже пыталась сгладить в своих воспоминаниях острые углы отношений: «С 1915 года мои отношения с О.М. перешли в чисто дружеские, и эта любовь не могла омрачить ни мою с ним дружбу, ни дружбу Маяковского и Брика. За три прошедших года они стали необходимы друг другу – им было по пути и в искусстве, и в политике, и во всем. Все мы решили никогда не расставаться и прожили жизнь близкими друзьями». Они жили втроем в одной квартире, вернее, вчетвером, как писал Маяковский в поэме «Хорошо!»:

Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении —
Лиля,
Ося,
я
и собака
Щеник.

Жили как друзья? Или Лиля с Володей – как любовники, а с Осей – как друзья? Или все-таки Лиля с Осей – как с мужем, а с Володей – как с любовником? Андрей Вознесенский, разговорившись однажды с Лилей Юрьевной, услышал из ее уст признание, которое повергло его в шок. Вот что вспомнила на старости лет бывшая муза поэта: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал». Которое из воспоминаний более правдиво, судите сами. Одно бесспорно: Владимир Маяковский бешено ревновал Лилю писал об этом в поэме «Флейта-позвоночник»:

А я вместо этого до утра раннего

в ужасе, что тебя любить увели,
метался
и крики в строчки выгранивал,
уже наполовину сумасшедший ювелир.

Все революционные увещевания о свободе любви в противовес буржуазно-мещанской семье, очень модные в ту пору, на практике оборачивались человеческими трагедиями.

Владимир Владимирович сходил с ума от мысли о том, что любимая им женщина может принадлежать еще кому-либо:

Кроме любви твоей,
мне
нету солнца,
а я и не знаю, где ты и с кем.

Он писал ей это в 1916 году, в знаменитом стихотворении «Лиличка! Вместо письма». Кажется, ни один русский поэт не писал женщине такие страстные и обожающие строки, как Маяковский своей Лиле.

Да, он переживал, ревновал, устраивал сцены. А вот у супругов Бриков, судя по воспоминаниям, не возникало ссор на почве ревности. Маяковский, несомненно, нужен был Брикам в это неспокойное время. Он помогал выжить – пролетарский поэт, партиец с 1908 года, глава ЛЕФа. Ося Брик между тем, стал теоретиком ЛЕФа и теоретиком пролетарского искусства. Иначе как бы они выжили? Маяковский был «прикрытием», пролетарским знаменем в квартире мелкобуржуазных Бриков, да к тому же еще и неплохим материальным подспорьем. Ведь в письмах к Лиле Брик поэт постоянно напоминает, чтобы она зашла в то или иное издательство или газету за его гонораром, и в письмах из-за границы он спрашивает, нужны ли ей деньги и что еще купить? Впрочем, и Брики немало сделали для поэта. Лиля вдохновляла его на творчество. Ося издавал его стихи и поэмы, пропагандировал их, подводил теоретическую базу под «футуризм». Брики ввели Маяковского в круг культурной элиты того времени, но любовь Маяковского к Лиле была слишком уж всерьез, слишком громадной, слишком требовательной и… собственнической. «Володя такой скучный, – жаловалась Лиля Юрьевна. – Он даже устраивает сцены ревности». Он не мог «подать» свои чувства с той степенью легкости и изящества, которые приняты среди воспитанных и интеллигентных людей.

26 октября 1921 года Маяковский писал:

«Дорогой мой милый мой любимый мой обожаемый мой Лисик! Курьерам письма приходится сдавать распечатанными поэтому ужасно неприятно чтоб посторонние читали что-нибудь нежное. Пользуюсь Винокуровской оказией что б написать тебе настоящее письмо. Я скучаю, я тоскую по тебе – но как – я места себе не нахожу (сегодня особенно!) и думаю только о тебе. Я никуда не хожу, я слоняюсь из угла в угол, смотрю в твой пустой шкаф – целую твои карточки и твои кисячие подписи. Реву часто, реву и сейчас. Мне так – так не хочется чтоб ты меня забыла! Ничего не может быть тоскливее жизни без тебя. Не забывай меня, я тебя люблю в миллион раз больше чем все остальные взятые вместе. Мне никого не интересно видеть ни с кем не хочется говорить кроме тебя. Радостнейший день в моей жизни будет – твой приезд. Люби меня детанька. Береги себя детик отдыхай – напиши не нужно ли чего? Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую Целую и Целую Твой 26/X 21 г.

Если ты ничего не будешь писать О СЕБЕ я с ума сойду.

Не забывай Люби.

Шлю тебе немного на духи.

Кисит пришли сюда какие-нибудь свои вещицы (духи или что-нибудь) хочется думать каждый день что ты приедешь глядя на вещицы.

Целую. Целую Твой

ПИШИ много и подробно Твой Щенит»

(Орфография и пунктуация – В. Маяковского).

Лиля от его любви просто уставала, а он это чувствовал и униженно просил прощения за свою неуемность, но его мольбы и заклинания не могли вернуть ее любовь. В 1922 году у Лили начался новый роман, и, хотя поэт еще любил ее, ему пришлось смириться, хотя бы внешне, с ее непостоянством, и отношения стали ровнее. 1924 год был переломным в развитии их отношений. Сохранилась записка от Лили Брик к Маяковскому, в которой она заявила, что не испытывает больше прежних чувств к нему, прибавив: «Мне кажется, что и ты любишь меня много меньше и очень мучаться не будешь».

Осенью 1924 года Маяковский уехал в Париж. Прожив неделю во французской столице, Маяковский написал Брик письмо. Он по-прежнему любит Лилю и безмерно страдает. После

возвращения из Америки в 1925 году отношения между ними окончательно перешли в новую фазу. «Характер наших отношений изменился», – писала Брик. Это позволило в 1926 году снова поселиться втроем, на квартире в Гендриковском переулке.

Осенью 1928 года Маяковский опять уехал в Париж. Помимо чисто литературных дел, поездка имела и другую цель. 20 октября он поехал в Ниццу, где отдыхала его русско-американская подруга Элли Джонс с дочкой, которую он признавал своей. Судя по письмам Элли Джонс, встреча в Ницце была неудачной; уже 25 октября он вернулся в Париж.

Осенью 1928 года Маяковский скучал в Париже. Эльза Триоле, сестра Лили Брик, будущая жена Луи Арагона, познакомила его с молодой русской, приехавшей в Париж в 1925 году, Татьяной Яковлевой, которая могла бы отвлечь его от мрачных мыслей, и ей это вполне удалось. Татьяна Яковлева вспоминала, что Маяковский сразу очаровал ее. А он был потрясен тем, что она знала наизусть множество его стихов. «Правда, я не очень-то верю, что Маяковский влюбился из-за стихов, – говорила позже Яковлева, – просто я была очень красивая, я привыкла, что влюбляются. Конечно же, ему было интересно говорить с русской. К тому же я очень дружила в ту пору с Арагоном, считала его лучшим поэтом времени…»

В феврале 1929 года Маяковский вернулся в Париж и пробыл во Франции шесть недель. Они много времени проводили вместе, но редко оставались наедине. У него был удивительный талант ухаживать, признавалась Татьяна позднее. Цветы, разговоры о поэзии, стояние под окнами… А вот что она писала о Маяковском своей матери: «Я видела его ежедневно и очень с ним подружилась. Если я когда-либо хорошо относилась к моим поклонникам, то это к нему, в большой доле из-за его таланта. Но еще больше из-за изумительного и буквально трогательного ко мне отношения. (…) Это первый человек, сумевший оставить в душе моей след». Художник В.И. Шухаев свидетельствовал: «Маяковский производил впечатление тихого влюбленного. Татьяна восхищалась и явно любовалась им, гордилась его талантом».

Когда у поэта кончилась виза и надо было возвращаться в Россию, он пытался уговорить Татьяну выйти за него замуж. Она попросила дать ей время на раздумье. Поэт писал в одном из двух знаменитых стихотворений, посвященных Татьяне Яковлевой:

Я все равно
тебя
когда-нибудь возьму —

одну
или вдвоем с Парижем.

Лиле Брик эти стихи не понравились. Кое-кто считает, что по воле Бриков Маяковского не выпустили за границу, когда он собрался за Татьяной. Яковлева же вспоминает, что перед смертью Лиля Брик написала ей письмо, в котором призналась, что перебила все в доме, когда прочитала стихи Володи «Письмо Татьяне Яковлевой». Она не хотела жить с ним и любить его, но хотела всю жизнь его мучить и оставаться его единственной Музой. Трудно сейчас сказать, правда ли, что Брики были повинны в том, что Маяковский не смог выехать в Париж, чтобы жениться на Татьяне Яковлевой. Доподлинно лишь известно то, что после отъезда Маяковского за Татьяной начал ухаживать бретонский граф дю Плесси. Вся семья Яковлевой была рада этому знакомству, и она без долгих колебаний согласилась выйти за него замуж.

Узнав о помолвке Татьяны с графом из письма Эльзы Триоле, которое зачитала вслух в его присутствии Лиля Брик, Маяковский был вне себя. Много лет спустя Яковлева говорила о своих отношениях с Маяковским: «Он хорошо понимал, что для меня он не просто знаменитость. Я выросла в среде знаменитых людей. Артистов, писателей, художников. Допустим, художник Мане был гораздо известнее, чем Маяковский. Просто Маяковский мне нравился. И как мужчина, и как поэт, которого я всегда знала, понимала и любила…»

Кроме личных неприятностей, на Маяковского угнетающе действовала политическая жизнь в стране, которая крайне осложнилась в 1929 году. Страна находилась в преддверии сталинского террора.

Выставку Маяковского «20 лет работы» бойкотировали все литераторы. Постановка пьесы «Баня» подверглась резкой критике. После отъезда Бриков в квартире Маяковского неожиданно поселился некто Лев Эльберт, который оставил почти стенографическую запись последних монологов загнанного в угол поэта. Вот он гладит собаку Бульку: «Не лезь, Булечка, нельзя меня раздражать. Мужчины стали очень нервные. Вы бываете влюблены? Не бываете? Быть может – неудачно. Будут войны, будут революции, и тогда – она вас полюбит. Вы читали Чернышевского "Что делать?" Я сейчас читаю. Меня книга занимает с определенной стороны. Тогда проблема была в том, чтобы выйти из семьи, а теперь в том, чтобы войти, строить семью. Очень трудно…»

Он очень хотел построить семью. Но… «ни одна женщина не могла надеяться на то, что он разойдется с Лилей. Между тем, когда ему случалось влюбиться, а женщина из чувства самосохранения не хотела калечить своей судьбы, зная, что Маяковский разрушит ее маленькую жизнь, а на большую не возьмет с собой, то он приходил в отчаяние и бешенство. Когда же такое апогейное, беспредельное, редкое чувство ему встречалось, он от него бежал», – писала Эльза Триоле. И далее она заключает: «Вот и бросался от одной к другой – "донжуан, распятый любовью"».

Маяковский увлекся актрисой Вероникой Витольдовной Полонской, которая была замужем за Михаилом Яншиным. Когда Вероника с беспокойством спросила у возлюбленного, что скажет Лиля Юрьевна, если узнает об их связи, то услышала в ответ, что Лиля Юрьевна скажет примерно следующее: «Живешь с Норочкой… Ну что ж, одобряю». Он произнес это, подметила «Норочка», с грустью.

Даже в последний день своей жизни, за несколько минут до выстрела, поэт поставил ультиматум Полонской. Маяковский не выпускал Веронику из своей квартиры. Она объясняла ему, что должна поговорить с мужем, что опаздывает в театр на репетицию. Он не хотел ничего слушать. Он сказал, что сам пойдет в театр, объяснится с ее мужем, но ее никуда не отпустит.

Что ответила на этот ультиматум 22-летняя актриса? «Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас… – писала в своих мемуарах Полонская. – Я по-человечески достаточно люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так». Однако пообещала, что вечером непременно вернется. И не просто вернется, а переедет насовсем. Это Маяковского не устраивало. «Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно, или совсем ничего не надо».

На этом и расстались. Он поцеловал ее, попросил не беспокоиться и сунул двадцать рублей на такси – в денежных делах Маяковский был необычайно щепетилен.

Возлюбленная вышла, однако не успела дойти до парадного, как раздался выстрел. «У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору: не могла заставить себя войти». Но еще не рассеялся дым – а она уже вошла. «Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди было крошечное кровавое пятнышко».

Он оставил письмо, которое начинается с выведенного крупными буквами – ВСЕМ! В третьем абзаце всего три слова: «Лиля – люби меня!»

ЭДУАРД VII (1841—1910)

Сын королевы Виктории. Вел светскую жизнь. Английский король (с 1901) из Саксен-Кобург-Готской династии. Содействовал созданию Антанты. С его именем связано несколько громких скандалов.

Высшее английское общество, пронизанное чопорной моралью викторианской эпохи, скрепя сердце терпело выходки принца Уэльского, пока он не вышел за рамки приличия. Когда он объявил красавицу Лили Лэнтри своей официальной любовницей и стал появляться с ней в свете, разразился грандиозный скандал.

…Его называли Эдуардом любвеобильным. Это не самое почтенное прозвище мало беспокоило самого монарха. Еще меньше короля волновало мнение близких, пытавшихся помешать его похождениям.

Эдуард VII был последним представителем «золотого монархического века», окончившегося вместе с Первой мировой войной, навсегда разрушившей старые устои британского общества. Об эре Эдуарда вспоминают как о времени крокета, шумных балов и грандиозных охотничьих забав. Люди в те годы стали более раскованными.

Скандально известный повеса, Эдуард любил изысканные кушанья. И в то же время необузданные сексуальные аппетиты приводили его не только в будуары жен своих приятелей, но и в европейские бордели. Писатель Генри Джеймс первым окрестил принца Эдуарда «любвеобильным», и Берти, как звали его друзья, не скрывал и даже гордился своими любовными победами.

Мать Эдуарда, королева Виктория, и отец, принц Альберт, превратили его детские годы в сплошной кошмар. По мнению психологов, постоянные занудливые наставления о том, как должен себя вести член королевской семьи, вызывали в мальчике внутренний протест, который с годами превратился в необузданную страсть к прекрасному полу.

Принц Уэльский – таким титулом обладал принц до вступления на трон – отверг пуританские принципы родителей. Он жил в свое удовольствие, попирая веками устоявшиеся моральные устои.

Его жизнь протекала в увеселительных путешествиях по Европе, пышных обедах, беспечных картежных сражениях и на охоте. Он также увлекался парусным спортом, любил театр.

Принц Уэльский впервые вступил в сексуальную связь с женщиной в девятнадцать лет, во время военной службы в Ирландии. Дружки-офицеры подложили ему в постель актрису Нелли Клифден. С этого дня и началась веселая жизнь Берти.

Два раза страна была свидетелем его скандального поведения на суде – пока только в роли свидетеля. В первый раз – из-за ссоры за карточным столом, во второй – из-за леди Гарриет Мордаунт, которая заявила, что ее сын, родившийся слепым, – божья кара за ее измены мужу, в том числе и с принцем Эдуардом. Сам принц клятвенно заверял, что никогда не был ее любовником, но и по сей день все считают, что к многочисленным грехам он добавил и лжесвидетельство.

Эдуарду исполнилось 36 лет, когда судьба его свела с Лили Лэнтри. Он познакомился с ней на ужине у одного из лондонских приятелей, холостяка сэра Аллана Янга, и вскоре они стали неразлучны.

Британское общество было возмущено. Принцу, как и другим аристократам, не возбранялось иметь любовницу, но было совершенно недопустимо появляться с этой дамой в высшем обществе. Обычно позволялось брать любовницу в частные клубы, но только не на официальные обеды. Выставив Лили на всеобщее обозрение, Эдуард бросил вызов высшему свету. В течение десяти лет его связь с актрисой шокировала всю Европу.

В то время у Эдуарда не было государственных обязанностей, поскольку его мать не собиралась оставлять трон, – и он все чаще бросался в пучину наслаждений. Чтобы пресечь позорное поведение сына, его родители настояли на браке с датской принцессой Александрой. Но даже после свадьбы принц продолжал вести разгульную жизнь.

Эмилия-Шарлотта ле Бретон была для многих загадкой. Называя себя актрисой, единственная дочь Уильяма Корбе, занимавшего в Джерси довольно высокий духовный пост, сбежала из дому в надежде обрести свободу, счастье и богатство. Впоследствии ее называли по месту рождения «Лилией Джерси».

Вероятно, на характер Лили большое влияние оказал отец. Из-за многочисленных любовных похождений его прозвали на острове «порочным священником». По иронии судьбы, первым поклонником его дочери оказался… внебрачный сын самого Корбе.

Лили отличалась редкостной красотой. Строгий греческий профиль, огромные выразительные глаза цвета весенних фиалок, роскошные шелковистые волосы… Она точно магнитом притягивала к себе поклонников. Один из писателей сказал о ней: «Лили никогда не носила корсетов. Может быть, именно поэтому

она была одновременно похожа на греческую богиню и на земную крестьянскую девушку и напоминала мраморную статуэтку».

В 1874 году юная красавица вышла замуж за Эдуарда Лэнтри, сына преуспевающего судовладельца, приехавшего в Джерси, чтобы насладиться его чудесной природой, а заодно и промотать отцовские деньги на местных красоток. Пленившись красотой Лили, он предложил ей руку и сердце. Она ответила согласием. Вскоре молодые перебрались в Англию, где Лили стала «профессиональной красавицей». В то время так называли дам аристократического происхождения, которые фотографировались одетыми, но в довольно соблазнительных позах. Эти фотографии продавались потом во всей Британии.

В тот вечер, когда Лили была представлена принцу, он наклонился к ней и прошептал на ухо, что в жизни она намного привлекательнее, чем на открытках. Большой ценитель женской красоты, он заметил, что ни одно из изображений не передает ее «небесные черты». Через неделю они стали любовниками. К тому времени принц Эдуард был отцом троих детей… Впрочем, Эдуард не скрывал своих любовных похождений от Александры. Она же относилась к этому снисходительно.

Однако с Лили случай был из ряда вон! Принц стал настаивать на том, чтобы их признало общество, и Лили стала его официальной любовницей. Он повсюду появлялся с ней, в том числе и на обожаемых им скачках. В Борнмуте устроил любовное гнездышко, в котором одно время проводил почти все уик-энды.

Однажды в знаменитом парижском ресторане «Максим» он при всех поцеловал ее в губы. Если же имя миссис Лэнтри не значилось в карточке приглашения, то Эдуард сам вписывал ее имя и всегда брал с собой. Он даже представил любовницу своей жене и королеве-матери в Букингемском дворце, так как им ужасно захотелось увидеть особу, имевшую столь большое влияние на принца.

Вместе с Лили Эдуард путешествовал по Европе и останавливался в роскошных апартаментах лучших отелей. В это время униженный муж Лили запил и влез в огромные долги.

Два года английское общество с любопытством ожидало, что последует за каждой новой выходкой принца. И вот однажды, находясь в особняке Эдуарда, Лили вдруг почувствовала себя дурно. Принцесса Александра пригласила врача, который после осмотра сообщил Эдуарду и его жене, что Лили ждет ребенка.

Ходили слухи, что девочка, которую Лили тайно родила во Франции и назвала Жанной-Мари, была дочерью Берти. Однако существует и другая версия, согласно которой Лили имела, кроме Эдуарда, еще одного любовника, принца Луи Баттенбергского.

В королевской семье считают, что обе любовные интриги развивались одновременно. Так или иначе, Лили скрывала, что у нее есть ребенок, утверждая, что воспитывает дочь брата, погибшего в Индии.

Принц продолжал покровительствовать Лили и встречаться с ней. Но со временем самая безумная страсть чаще всего проходит. Постепенно их отношения стали чисто дружескими. Он помог Лили пробиться на сцену, о которой его возлюбленная давно мечтала.

Актерский дебют Лили состоялся 15 декабря 1881 года. Она сыграла роль Кейт Хардкасл в пьесе «По ступеням власти». Принц Уэльский с супругой и представители высшего света Лондона, присутствовавшие на концерте, бурно аплодировали актрисе, вызывая ее на «бис».

За пять лет Лили стала самой знаменитой актрисой того времени. В 1882 году она с огромным успехом выступила в Нью-Йорке. Ее богатство и известность стремительно росли. Эдуарда всегда восхищали богатство и красота, а сочетание того и другого делало Лили просто неотразимой.

В 1975 году была опубликована королевская переписка. Во время визита королевской семьи в Швецию, Эдуард писал Лили из Стокгольма: «Я счастлив слышать о том, что Вы снова на вершине славы, и искренне желаю Вам дальнейших успехов на сцене, хотя и опасаюсь за Ваше здоровье – ведь Ваш труд очень нелегкий. Мне было приятно ознакомится с обширной географией ваших гастролей. Будучи частым гостем короля Швеции, я рассказал ему о Ваших успехах, и он лично просил меня не забывать Вас и поддерживать. Он желает Вам успехов на актерской стезе».

Наибольшего успеха Лили добилась в роли Розалинды из «Как все это понравится» Вильяма Шекспира. В 1899 году она стала женой сэра Хьюго де Бата.

Со временем у Эдуарда появились новые любовницы, среди которых была и легендарная французская актриса Сара Бернар. Но, безусловно, ни к одной из них он не испытывал тех страстных чувств, как к Лили…

РУДОЛЬФО ВАЛЕНТИНО (1895—1926)

Настоящее имя – Родольфо Альфонсо Раффаэлло Пьетро Филиберто Гульельми ди Валентина д'Антоньолла. Американский актер и танцовщик итальянского происхождения. Выступал в амплуа романтического героя-любовника в Голливуде эры немого кино. Мировая известность пришла к актеру после фильма «Четыре всадника Апокалипсиса» (1921). Снимался в фильмах «Шейх» (1921), «Кровь и песок» (1922), «Господин Бокер» (1924), «Орел» (1925), «Сын шейха» (1926) и др.

Он не обладал каким-то сверхъестественным талантом – лирическим, драматическим, комедийным. Чем же было вызвано такое восторженное поклонение? Еще при его жизни миллионы почитательниц отмечали не только эффектную внешность актера, но и его галантные манеры, перед которыми не могла устоять даже самая строгая и чопорная старая дева.

Известная звезда Голливуда Пола Негри, его невеста, подтверждала это мнение: «Многим женщинам, глядя им прямо в глаза, он давал пустые обещания… Они сердцем чуяли, что это ложь, но манеры истинного джентльмена, которыми он обладал от природы, заставляли верить ему. Когда Рудольфо флиртовал с женщинами, это было нечто поразительное. Он просто гипнотизировал их…»

После смерти в дневниках Рудольфо Валентино была обнаружена лаконичная запись: «Слоны и женщины нанесенных обид не прощают…» Она была несколько раз жирно подчеркнута…

Рудольфо Валентино снялся всего лишь в пятнадцати фильмах. Он переехал из Италии в США в 1913 году. Работал сначала садовником, уличным торговцем, мойщиком посуды, танцевал и пел в ресторане, хотя обладал весьма посредственным голосом. Он быстро понял: чтобы на тебя обратили внимание, нужно выглядеть всегда импозантным, постоянно следить за своим внешним видом, одеваться, как говорят, с иголочки.

В ресторане его и заметил кинорежиссер Р. Ингрем. Он предложил Рудольфо сыграть главную роль в фильме «Четыре всадника Апокалипсиса».

Наверное, Рудольфо Валентино родился «в рубашке» – фильм стал триумфом для дебютанта. Его заметила публика и хотела вновь увидеть красавца на экране. Продюсеры не упустили этого

шанса, и специально для Рудольфо Валентино срочно были написаны сценарии, по которым отсняли фильмы: «Кровавая арена», «Манон Леско», «Брачная ночь», «Дама с камелиями», «Святой дьявол», «Молодой раджа» и, конечно же, «Шейх», от которого поклонницы приходили в экстаз.

Экран оккупировал романтический герой, действующий только в экзотических ситуациях. Его называли «латинским любовником», «роковым соблазнителем» и «истинным шейхом»…

Создатели фильмов радовались, что они смогли раскопать «золотоносную жилу». Фильмы давали баснословные прибыли. У кинотеатров выстраивались длинные очереди, а порой залы брали штурмом. Образы, воплощаемые Валентино на экране, сводили с ума, заставляли учащенно биться тысячи женских сердец. Американский профессор-психолог, исследовавший феномен популярности актера, писал: «…Валентино – ловкий, стройный и до сумасшествия обаятельный. Он весь полон романтики, отзвуков голубой далекой Италии. Он символ умершего рыцарства. Он – легкий поцелуй, вздох флейты и лязг сабель. Он – компиляция из короля Артура, Ланселота, Робин Гуда и… Дон-Кихота, Ромео для всех возрастов, бессмертный трубадур, вздыхающий у окна».

Это были не просто тысячи женщин, желающих попасть в кинозал. Это были настоящие парады мод. Ни до, ни после, вплоть до наших дней такого больше никто не видел. Женщины, независимо от возраста, надевали свои лучшие платья, доставали из шкатулок драгоценности, делали прически, душились дорогими духами и шли в кинотеатры, как на первое свидание с возлюбленным, дрожа от любовного озноба.

Залы кинотеатров были наэлектризованы, поклонницы глаз не сводили с экрана, на котором властвовал стройный и смуглый итальянец, сверкая белозубой улыбкой и чарующими томными глазами. Отождествляя своего кумира с его экранными героями, многие поклонницы были уверены в том, что их Рудольфо Валентино также живет в романтическом мире, наполненном любовными приключениями. Его личная жизнь казалась им сверхсчастливой, и любая женщина готова была пожертвовать чем угодно, чтобы только очутиться с ним рядом. Сам же актер не упускал возможности пополнить свои капиталы, используя фантастическую популярность. Так, например, в одной из гастрольных поездок Валентино танцевал каждый вечер танго с девушкой, приглашенной из зрительного зала, получая за это 3 тысячи долларов в неделю. Турне началось в Чикаго, и, по свидетельству импресарио Валентино, «20 тысяч человек ожидало Руди на вокзале. Несмотря на внушительные наряды полиции,

поклонницы сорвали пуговицы с его одежды, разорвали галстук и шляпу… Мы путешествовали по ночам, специальным поездом, но предупрежденные неизвестно кем девушки из Канзаса или Аризоны пробирались в поезд и прятались в туалетных комнатах. Несчастный Валентино, запершись в купе, предоставил мне изгонять назойливых. Это продолжалось 54 дня».

А на самом деле в личной жизни у Рудольфо Валентино складывалось все не так просто.

Первый брак – с посредственной актрисой Джин Экер – продлился всего лишь… одну неделю, хотя Джин несколько лет упорно добивалась расположения к себе «самого пылкого любовника мира». В 1921 году Рудольфо снимается в роли Армана Дюваля в бессмертной «Даме с камелиями». Его партнершей была голливудская звезда немого кино Алла Назимова. Чтобы создать образ молодой девушки, 42-летняя Назимова брала уроки пластики у Наташи Рябовой (или на американский манер – Рамбовой), балерины и модельера. Валентино – молодой красавец, не мог не понравиться Назимовой. Она мечтала видеть Рудольфо каждый день – в свите своих поклонников, смиренных и преданных. Но Валентино был не из породы робких воздыхателей, он увлекается Наташей Рябовой, эстеткой, поклонницей Оскара Уайльда и Обри Бердсли. В этой удивительной женщине сочетались ум, красота и железная воля. Таким образом возник пресловутый треугольник Назимова—Валентино—Рябова.

«Дама с камелиями» и следующая затем роль Саломеи были сотворены Назимовой «в дурмане этого необычного романа». Актриса считала Наташу «своей», и весть о предстоящей свадьбе подруги с молодым обольстителем восприняла как предательство.

Венчание Рудольфо Валентино с Наташей Рябовой, дочерью одного из нью-йоркских миллионеров, состоялось в Мексике в присутствии суперзвезд Мэри Пикфорд, Дугласа Фербенкса, Нормы и Констанс Тэлмэдж, Глории Свенсон и многих других знаменитостей. На Наташе было бесценное бриллиантовое ожерелье – свадебный подарок Валентино, а несколько девушек несли букет из двух тысяч белых орхидей…

Валентино, казалось, все предусмотрел, кроме одного – забыл оформить развод со своей предыдущей женой.

Когда величественная кавалькада, состоявшая из нескольких десятков автомобилей, возвратилась в Лос-Анджелес, к свадебной машине Валентино подошел полицейский и сказал: «От имени управляющего Калифорнии – вы арестованы!»

Молодожены вынуждены были пересесть из свадебной

машины в полицейскую.

На следующий день новобрачная внесла 10 тысяч долларов за освобождение своего «золотого жениха» и взяла на себя все хлопоты по оформлению его развода с первой женой, а затем вторично обвенчалась с Рудольфо Валентино.

Вторая женитьба также не принесла счастья. Вскоре Наташа покинула его… Тогда Рудольфо Валентино объявил помолвку с Полой Негри, полькой, обладавшей эффектной внешностью и, как оказалось, экзальтированным, порывистым характером. Ему вновь не повезло, их взаимоотношения были бурными и зачастую служили лакомым куском для журналистов. Даже смерть не смогла остановить их.

В 1926 году актер снялся в фильме «Сын шейха», чей триумф оставил далеко позади успех самого «Шейха». Казалось, что все идет замечательно, но через шесть месяцев после премьеры Валентино не стало. Летом в Нью-Йорке у Рудольфо, часто страдавшего желудочными недомоганиями, случился приступ острого аппендицита. Его оперировали, но развился перитонит. Когда слух о болезни распространился по городу, толпа женщин осадила госпиталь, который пришлось окружить кордоном полиции. Увы, Валентино спасти не удалось. Газеты сообщили о смерти актера: «23 августа 1926 года в Нью-Йорке Дон-Жуан умер во второй раз».

Пола Негри приехала на похороны своего жениха из Парижа, где снималась в фильме. Она появилась, как полагается, в черном одеянии. И… у изголовья Рудольфо увидела его первую жену Джин, одетую во все белое…

Рудольфо Валентино воспитывался в католической вере. Работая в Голливуде, он решил от нее отказаться, но перед смертью вновь вернулся в лоно католической церкви, просил прощения и благословения. Грехи ему были отпущены.

Он был мистиком, приверженцем спиритизма. Верил священно в то, что им управляет какая-то неземная, высшая сила. В тайну Рудольфо был посвящен лишь его бывший компаньон и менеджер Джордж Ульман, который после смерти актера стал его управляющим.

Рудольфо Валентино очень любил драгоценности: золотые цепочки, браслеты, перстни, кольца, но умер он «разоренным». Состояние его было оценено всего лишь в 250 тысяч долларов, а его долги превышали эту сумму во много раз. Огромный дом, выстроенный в псевдоиспанском стиле и названный Рудольфо «Сокол-лжец», после смерти хозяина стал пустым и заброшенным, а предметы искусства и мебель были распроданы на аукционе за 91 тысячу долларов. Управляющему Ульману нечем было

погашать долги. Помогли фотографии знаменитого актера. Спрос на них превзошел все ожидания – сотни тысяч были проданы мгновенно.

После смерти Рудольфо Валентино раскрылась и другая тайна: он был последователем так называемого «Черного пера», духа индейца…

Во многих городах Америки стали возникать женские клубы, в которых поклонницы артиста, не желая разлучаться с ним, собирались на спиритические сеансы и вызывали его дух. Они советовались с ним, доверяли ему свои сердечные тайны. Джордж Ульман писал, что его после смерти Рудольфо продолжали заваливать мешками писем. Авторы, в основном немолодые женщины, утверждали, что они находятся с контакте с Валентино, что его душа регулярно навещает этот мир, пытается войти в контакт со своими друзьями, оставшимися на земле, и через них передать сообщения, как управлять его делами и куда поместить состояние…

ДЖЕК НИКОЛСОН (род. в 1937)

Американский актер. Снимался в фильмах «Беспечный ездок» (1969), «Пять легких пьес» (1970), «Постижение плоти» (1971), «Китайский квартал» (1974), «Полет над гнездом кукушки» (1975, премия «Оскар»), «Сияние» (1980), «Слова нежности» (1983, премия «Оскар»), «Иствикские ведьмы» (1987), «Бэтмен» (1989), «Волк» (1994), «Лучше не бывает» (1997, премия «Оскар») и др. Поставил несколько фильмов.

О Джеке Николсоне, обладателе трех «Оскаров», голливудском кумире, судачат больше, чем о ком-либо на «фабрике грез». Однажды он отдыхал у себя дома в Беверли-Хиллз, откуда открывалась невероятно красивая панорама Лос-Анджелеса, и вдруг решил, что ему необходимо пообщаться с блондинкой на высоких каблуках. Джек по прозвищу Доктор Дьявол (он сам себе присвоил это звание) в три часа ночи позвонил проститутке Кэтрин Шиэн и пригласил ее в гости.

Доктор Дьявол – последнее перевоплощение в ряду постоянных перемен в имидже Николсона. В 20 лет он уже слыл в Голливуде Великим обольстителем. Затем в тридцать, а потом и сорок был и Джонни-Громом и Веселым Джеком. Нынешняя трансформация – признание безоговорочного лидерства по части порочности.

Джек знал Кэтрин (Кэтти), она уже не раз посещала его шикарное жилище, где статуэтки «Оскара», полдюжины призов «Золотого глобуса», награды Американского института кино, изрядное количество разных иностранных «трофеев» подтверждали, что хозяин заслужил поистине всемирное признание за свою работу в кино. Но на сей раз, под утро 12 октября 1996 года, Кэтрин спросила у Николсона разрешения прихватить с собой подружку. Он согласился и попросил обеих «быть в коротеньких черных платьицах и без чулок». Когда Кэтрин с приятельницей прибыли в дом Николсона, тот встретил их в дверях и после обмена приветствиями предложил выпить, а затем пригласил наверх, на второй этаж. Кэтрин поставила Николсону условие – за секс он заплатит ей и подруге по 1000 долларов. «Об этом после», – ответил хозяин.

В 7 утра Кэтрин заметила, что Николсон «несколько устал» после сексуальных упражнений, и напомнила о деньгах. В ответ тот стал громко ругаться, заявив: «Я никогда не оплачиваю

сексуальные услуги, поскольку спать со мной готова любая женщина». Кэтрин же ответила, что точно знает – он платил другим женщинам за любовь, и попыталась позвонить их общему знакомому, попросив его помочь. Тогда Николсон грубо оттолкнул ее от телефона. Но Кэтрин все же ухитрилась набрать номер, и общий друг дал ей мудрый совет – сматывайся, да поживее.

Известно, что наркотики и дамы, и часто сразу две, давно уже являют собой излюбленную форму отдыха и развлечений Джека Николсона. К тому же он никогда не испытывал недостатка в приятелях по Голливуду, готовых поучаствовать в его «разминках» и даже сорганизовать для него подобный «коктейль». Самые разные личности составляют компанию Джека, к ней принадлежат и известнейший актер Уоррен Битти, и продюсер Роберт Эванс, и все они становились непременными участниками его пирушек.

Подцепить пару-тройку девиц никогда не составляло для Джека проблемы, ведь он – звезда Голливуда, вокруг него всегда крутились десятки, сотни ярких, сексуально аппетитных женщин. Британская фотомодель Карин Мэйо-Чандлер, у которой была любовная интрижка с Николсоном, в своих откровениях по поводу секса дала ему блестящую рекомендацию: «Джек, видимо, самый фантастический любовник на свете. Он совсем не эгоист. И не думает о том, чтобы только себе доставить кайф, как это свойственно большинству мужчин. Черт возьми, ему следует написать об этому книжку с названием "Как осчастливить женщину в постели". Вот был бы бестселлер!»

Даже теперь, когда Николсону за шестьдесят, похоже, не будет конца шествию женщин, только и мечтающих забраться в постель к этому ловеласу из ловеласов, в чьей экранной карьере такие разные, но неизменно кассовые фильмы, как «Беспечный ездок», «Сияние», «Иствикские ведьмы», «Марс атакует».

На вечеринке в Торонто в честь Уоррена Битти к Николсону подошла некая блондинка. Слегка наклонилась вперед, обнаруживая соблазнительные прелести роскошного бюста, и не без вызова обратилась к нему: «Хай, Джек, не желаешь ли потанцевать со мной?» Немного помедлив с ответом, артист буквально вобрал своим взором ее аппетитную фигурку и раздвинул губы в плотоядной ухмылке. «Ты употребила не тот глагол, дорогая, – сказал он. – Совсем, совсем не тот».

Одна из самых любимых им женщин – лос-анджелесская фотомодель Дженис Дикинсон. По ее признанию, с Джеком они занимались любовью на террасе, на газоне, в бассейне, на заднем сиденье его автомобиля. «Джек блестяще показал себя однажды,

будучи со мной и еще с двумя куколками одновременно».

В Голливуде о Джеке Николсоне говорят, что он один из тех редчайших мужчин, которые обладают волшебным даром создавать пленительную ауру в интимных отношениях. Для него любить так же естественно, как и дышать. Но при этом ни одна из его экранных любовниц не может быть полностью уверена, что утром, после упоительной ночи, издевательски смеясь, он не вытолкнет ее в окно. И ведь, что удивительно, такая цена не кажется им слишком высокой.

Джека воспитывали три женщины с сильными характерами – бабушка Мад, мать Джун и тетка Лоррейн. Жесткое воспитание очень помогло Николсону в его карьере.

В Голливуд он приехал из города Нептуна, штат Нью-Джерси, с одной-единственной целью – стать не просто кинозвездой, а великой, ярко сияющей среди многих. К этой цели Николсон шел долгие годы, снимаясь вначале в малобюджетных картинах, которые показывали в дешевых кинотеатрах. Успех пришел к нему после выхода на экраны фильма «Беспечный ездок». Николсон получил первое признание, его игру отметили критики. Началось стремительное восхождение актера на голливудский Олимп.

В ранней молодости Джек Николсон был женат на актрисе Сандре Найт. Брак продлился шесть лет и распался в 1968 году, еще до его всемирной славы. От этого брака Голливуд впоследствии получил прелестную актрису Дженнифер Николсон.

После своего первого и единственного развода Джек решил больше никогда не повторять роковую ошибку. Он уже не вступал в официальный брак. Его вполне устраивали короткие и долгие связи с женщинами и условия только гражданского брака. Даже самая долгая связь – с актрисой Анжеликой Хьюстон, дочерью патриарха американского кино Джона Хьюстона, длившаяся семнадцать лет, – не поколебала его решения.

В самом начале семидесятых Анжелика приехала в Голливуд из Лондона и сразу же влюбилась в Джека. Стоило ему только раз посмотреть заинтересованным взглядом в ее сторону, и она обо всем на свете забыла. Анжелика признавалась, что ее покорил вовсе не «дьявольский» взгляд Николсона, а, напротив, – нежный, добрый, ласкающий, от которого она стала совершенно беспомощной…

По меркам Николсона, их связь длилась слишком, «до безобразия» долго. Любящий независимость и флирты, он ушел от Анжелики к более молодой женщине. Ею стала блондинка Ребекка Бруссар. Анжелика получила жестокий удар.

У Николсона тогда и в мыслях не было, что через шесть лет

окажется почти в аналогичной ситуации. Джек начал встречаться с Ребеккой, не порывая отношений с Анжеликой. Возможно, так продолжалось бы и дальше, если бы он не узнал, что Ребекка беременна. Лоррейн, его тетка, позже вспоминала, как он появился на ступеньках ее дома с Ребеккой на руках: «Они только что приехали из Европы. Я никогда не видела Джека более счастливым. Ребекка не могла отвести от него глаз, а он казался молодым, беззаботным и любящим. Тогда он сказал, что Ребекка беременна…»

Вместе они прожили шесть лет. В сентябре 1992 года красивая молодая женщина ушла от 55-летнего актера к своему ровеснику, забрав с собой детей: 4-летнюю Лоррэйн и 2-летнего Рэймонда, от которого Джек был без ума. Появляясь дома, он всегда брал сына на руки и ласково говорил: «Мой мужчина Рэй…»

Голливудский любовник долго не мог поверить, что его бросила женщина, мать его детей. Он надолго был выведен из душевного равновесия. Тем более вокруг посмеивались: «Ребекка решила поменять старое мужское достоинство, на новое, более молодое».

В своей бурной личной жизни он никогда не скрывал, что является «противником верности», но считал, что только мужчина может расстаться с женщиной и найти себе новый предмет поклонения. Джек после ухода был подавлен: «Я слишком верил ей… И я бы так же верил ей и завтра, ночью, потому что она нравится мне… Она великолепная… Для меня это тяжелейший урок. Тебя оставили… Тебя покинули…»

Нужно отметить, что их брак был особым. Они жили одной семьей, но в разных домах. Когда родилась дочь, он подарил Ребекке дом, который был расположен в десяти минут ходьбы от его особняка. Дети путешествовали от одного родительского дома в другой. Для них эта свобода осталась и по сей день.

Однажды Николсон в компании с режиссером Романом Полански, снявшим знаменитый фильм «Ребенок Розмари», решили расслабиться и позабавиться с девочками. Бурно проведенная ночь закончилась для Полански плачевно: юная дива, принимавшая участие в оргии, оказалась несовершеннолетней и обвинила режиссера в изнасиловании, что карается по американским законом очень строго. Джек Николсон вышел из воды сухим. Что ему помогло – огромные деньги или «сексуально-дьявольский взгляд», которому женщины многое прощают, осталось в тайне.

Сам Николсон говорил: «Меня мало беспокоят россказни, что я опять с кем-то переспал. Это все досужие бредни, но пусть

треплются, для бизнеса и рекламы это полезно». И добавил: «Всю жизнь я прожил, ни разу не покривив душой перед собой, и жил так, как хотел. Сознаю, что кое-кто из женщин, которых любил, страдали, но я отнюдь не собираюсь себя защищать, ибо никогда, никогда не притворялся, что на самом деле я совсем другой».

Сознательно ли культивирует он свой имидж женолюба и обольстителя? Видимо, да. В 1970-х годах это было особенно важно для него в профессиональном смысле, ибо, обретя в мгновение ока славу после выхода на экраны фильма «Беспечный ездок», впоследствии он иногда тревожился, не быстротечна ли эта слава. Кроме того, успех у женщин доставляет ему радость и подтверждает его способность завоевывать их внимание не только своим внешним видом, но и иными средствами. В отличие от Уоррена Битти, который от природы был живым воплощением голливудского героя-любовника – с темными, загадочными глазами, классическими чертами лица, роскошной копной волос, – Николсон совсем не похож на романтического героя. Стало быть, слава его не зависит от внешнего вида. Как-то в актерской компании прозвучало, что Джек, наверное, один из самых знаменитых мужчин в мире. И тут одна из дам поправила: «Постойте, правильнее сказать так – это самый знаменитый мужчина!» «Это самый одержимый человек из всех, кого я знаю», – сказал Марк Кентон, уговоривший Николсона сыграть в «Бэтмене» (по утверждению кинокомпании «Уорнер», данная роль принесла актеру до 56 миллионов фунтов стерлингов в виде отчислений от кассовых сборов, не считая его первоначального гонорара в 3 миллиона 700 тысяч фунтов). «Я не знаю другого человека, которому так нравится быть самим собой. В Джеке как будто сидит большой ребенок и бог знает кто еще», – считает Кентон.

По части финансового успеха мало кто может сравниться с Николсоном. Его имение в Лос-Анджелесе, включающее два особняка, – центр его личного мира. Гараж забит автомашинами, в его доме – баснословная дорогая коллекция произведений искусства, ее считают шестой по величине и ценности частной коллекцией в Соединенных Штатах. Николсон – владелец как минимум трех земельных угодий в Аспене, штат Колорадо, и этот лыжный курорт по его милости стал знаменитым. Кроме того, у него ранчо в Малибу, штат Калифорния, и особняк в Саутгемптоне (Массачусетс).

Много знающий, начитанный, Джек способен выдать истину на любой случай жизни. Говоря о женщинах, процитирует Шопенгауэра: «Грешно мужчине просить женщину сохранять верность». В иных обстоятельствах он произносит всего лишь

пару слов: «Послушай-ка, приятель!..» При этом в голосе звучат угрожающие нотки, а слово «приятель» звучит вовсе не ласково. В остальных случаях всех называет «деточками». При этом высоко поднимает брови, морщит лоб, глаз прищуривает, взгляд, как у кобры перед броском. В гневе этот человек способен если не на все, то на многое – как и в те моменты на экране, когда до смерти может напугать зрителей. Ярость покидает его столь же быстро, как и овладевает им.

Чуть ли не четверть века назад Николсон заявил: «Кокаин недолго будет в моде». Ныне его пристрастие к наркотикам – по-прежнему одна из главных тем в Голливуде. «Джек всегда несерьезно относился к жизни, такой уж у него характер, оттуда же – и его юмор, – считает Сьюзен Анспач, мать его 26-летнего сына Калеба. – Но тот, кто мог и умел рассмешить весь мир, ведет сейчас себя так, что это вовсе не смешно, а попросту низко. Каждому хочется смириться с небольшим недостатком, даже пороком, но у Джека – уже сверх всякой меры! Озорство превратилось во зло».

Большой Джек одержал огромное количество побед над дамскими сердцами. В списке Николсона, помимо тьмы никому не известных красоток и уже перечисленных звезд, значатся и Джессика Лэнг, и Мерил Стрип, и Мадонна. Николсон утверждал, что всех женщин любить нельзя, но стремиться к этому надо. С гречанкой Хелен Каллианиотас, великолепной танцовщицей, Николсон свел знакомство в одном из ночных баров Голливуда. После того как от него ушла Сандра, гречанка прожила в его доме в качестве компаньонки три года. Мерил Стрип считала Джека одним из лучших актеров Голливуда. Сам Николсон признавался, что с Мерил Стрип можно не встречаться годами, но, когда снова ее увидишь, достаточно посмотреть ей в глаза, чтобы море, которое в них плещется, смыло все следы разлуки.

В 1996 году Ребекка Буссар вернулась к Джеку, и они снова живут дружной семьей, не сковывая себя брачными узами.

АХМЕД СУКАРНО (1901—1970)

Президент Индонезии (1945—1967). Один из основателей национальной партии Индонезии (1927) и затем ее председатель. В 1929—1931 и 1933—1942 годы находился в тюрьме и ссылке за участие в борьбе против голландского колониального господства в Индонезии. Один из инициаторов созыва Бандунгской конференции 1955 года, на которой страны Азии и Африки осудили расизм и колониализм и приняли пять принципов мирного сосуществования. Лауреат международной Ленинской премии (1960).

Его глаза излучали магический блеск. О нем ходили легенды как о любимце богов. Красивый бархатистый баритон Сукарно притягивал к себе как магнит.

Он был великолепным оратором и властителем дум целых поколений. Женщины по нему сходили с ума, называли его индонезийским донжуаном. Свое влечение к женскому полу Сукарно объяснял любовью к красоте. Он был талантливым художником, великолепно пел и танцевал. За долгую жизнь собрал прекрасную коллекцию картин и скульптур со всего мира, в основном эротического характера.

Зная слабость Сукарно к женщинам, ЦРУ попыталось использовать это в своих интересах. Так, во время съемок фильма «Автобусная остановка» в 1956 году обворожительная Мэрилин Монро встречалась с президентом Индонезии. Сначала она и знать не знала, кто он такой, – она называла его просто принцем Сукарно. Но бывала она и на дипломатических приемах в отеле «Беверли-Хиллз».

Мэрилин и индонезиец прониклись друг к другу симпатией. «Вечер близился к завершению, и они все время куда-то исчезали, – вспоминал режиссер «Автобусной остановки» Джошуа Логан. – Атмосфера создалась, прямо скажем, сексуальная. Я думаю, они договорились встретиться позже».

Много лет спустя Сукарно своему биографу рассказывал, что Мэрилин, тоже жившая в «Беверли-Хиллз», позвонила ему в номер по телефону и попросила о приватной встрече. Любивший прихвастнуть своими любовными победами, Сукарно, однако, – что на него не похоже – о Мэрилин не распространялся.

Реакция со стороны Мэрилин, как всегда, была излишне эмоциональной. Через год после голливудской встречи, услышав, что на жизнь Сукарно покушались, она удивила своего мужа

писателя Артура Миллера заявлением о своем желании «спасти» индонезийца, предложив ему дом в Соединенных Штатах. Своему другу Роберту Слэтцеру она рассказывала, что с Сукарно «провела вместе один вечер».

Все, что произошло на первом вечере, не ускользнуло от внимания ЦРУ. В те годы Индонезия наряду с Вьетнамом входила в число приоритетов Вашингтона в Азии. В 1957 и 1958 годах, как свидетельствуют документы, ЦРУ не гнушалось ничем, лишь бы сместить Сукарно, способного, по их мнению, проводить прокоммунистическую политику.

В замыслы ЦРУ входила подготовка фальшивки – порнографического фильма, где Сукарно был бы в постели с блондинкой, советским агентом. Таким образом хотели дискредитировать президента Индонезии, но план этот был все-таки отклонен. Однако позже, когда США стало выгодно заигрывать с Сукарно, ЦРУ предложило пустить в ход секс – в виде Мэрилин Монро – и тем польстить индонезийцу…

В молодости Сукарно не был плейбоем и все время посвящал учебе и политическому самообразованию. Он рано включился в политическую борьбу за независимость Индонезии, которая в то время была колонией Голландии. Первой женой Сукарно стала Утари – дочь его учителя Чокроаминото, видного деятеля национально-освободительного движения, в доме которого Сукарно снимал комнату. Сукарно женился на пятнадцатилетней Утари, когда ему самому едва исполнилось двадцать лет. Но молодому человеку было не до жены – он ушел с головой в политику. По всей видимости, Утари так и осталась девственницей, а вскоре они и вовсе расстались: Сукарно переехал в Бандунг, где поступил в Технологический институт. Он снял квартиру в доме преподавателя института по имени Сануси и сразу влюбился в жену Сануси Инггид Гарнасих, которая была на 12 лет старше Сукарно. Через два года Инггид развелась с Сануси и вышла замуж за Сукарно. Детей у Инггид не было, хотя они прожили с Сукарно душа в душу более двадцати лет. Умерла Инггид в возрасте 96 лет, пережив Сукарно на 14 лет. В связи со смертью Инггид газета «Мердека» писала: «Инггид пожертвовала всем, что имела, помогая Сукарно бороться за независимость страны. Она продала все свои драгоценности и принадлежащее ей имущество. Она стойко переносила все невзгоды. В этой кроткой маленькой женщине билось большое сердце».

В 1938 году все еще отбывающий ссылку Сукарно был переведен на юг острова Суматра, где стал преподавать в местной школе. И снова Сукарно влюбился, на этот раз в одну из своих

учениц, которую звали Фатмавати. Сукарно поначалу хотел жениться на Фатмавати, не разводясь с 50-летней Инггид. Но та решительно отвергла этот вариант и подала на развод. Отбыв ссылку, Сукарно переехал в столицу – Батавию, теперь Джакарту. В июне 1943 года через своего представителя (так позволяет ислам) Сукарно заочно женился на Фатмавати, которая еще оставалась на Суматре. Через год к неописуемой радости Сукарно Фатмавати родила ему сына, которого назвали Гунтуром, что означает «гром». И всем последующим детям Сукарно были даны имена, имеющие отношение к природным явлениям: Мегавати (облако), Сукмавати (душа), Баю (ураган), Картика (звезда). Индонезийцы верят, что судьба человека зависит от данного ему имени. За десять лет супружеской жизни Фатмавати, ставшая «первой леди» Индонезии, родила Сукарно пятерых детей.

В 1953 году на одном из великосветских приемов Сукарно встретил Хартини, которой было суждено стать его четвертой женой. От первого брака у Хартини было пятеро детей, но она была необычайно красива. Утверждают, что Хартини была даже привлекательнее всемирно известной красотки-японки Ратна Сари Дэви – пятой жены Сукарно.

Фатмавати не согласилась на новый брак Сукарно и ушла от него. В ее защиту выступили многие женские организации, протестующие против полигамии. В конце концов был достигнут компромисс: Фатмавати формально осталась «первой леди» государства, а Хартини – женою Сукарно, но не как президента, а как частного лица. Поселилась она в загородной резиденции Сукарно, в Богоре. И родила Сукарно двух сыновей.

Как говорят, седина в бороду – бес в ребро. Сукарно в 1962 году женился в пятый раз – на юной очаровательной японке Наоко Немото. Но наряду с ней у престарелого Сукарно были еще две новые жены. В 1964 году Сукарно женился на не менее очаровательной светлокожей Юрике Сангер с острова Сулавеси, студентке университета, входившей в «парад красавиц», сопровождающих президента во время официальных церемоний. Да, устоять перед такими девушками было нелегко. Глубокие вырезы на платьях почти не скрывали их высокие груди.

Но и такой жены для Сукарно оказалось мало. Через год он женился в последний, седьмой, раз – на 23-летней служащей государственного секретариата Харьяти. Они развелись через три года. После смерти Сукарно в 1970 году все его жены опубликовали воспоминания о своей жизни с ним. Все без исключения утверждали, что выходили за Сукарно по любви, а отнюдь не потому, что он был президентом.

Японка Немото до сих пор входит в мировую элиту красавиц.

Сукарно дал ей громкое индонезийское имя – Ратна Сари Дэви, что примерно означает «красавица, цветок богини». Дэви была самой любимой женой Сукарно, что, в частности, подтверждается завещанием Сукарно. «Когда я умру, – гласило завещание, – похороните меня под развесистым деревом. Я оставлю жену, которую люблю всей душой. Ее зовут Ратна Сари Дэви. Когда и она умрет, похороните ее рядом со мной в одной могиле». Итак, завещал не богатство, а свою могилу! Захочет ли Дэви быть похороненной в маленьком провинциальном городке Блитаре на восточной Яве?

Собственно, Наоко Немото явилась привлекательной игрушкой в борьбе японских бизнесменов за право возводить в Индонезии первоклассные отели и промышленные объекты. Понимая, что от Сукарно зависит многое, японские предприниматели стали усиленно его обхаживать, в первую очередь учитывая слабость президента к прекрасному полу. Босс одной крупной японской компании Масао Кубо устроил встречу Сукарно с Наоко Немото. Президента поразила европейская красота японки. Через три месяца Кубо привез Немото в Джакарту в качестве секретаря своей фирмы, купив ей предварительно в качестве компенсации шикарный дом в Токио и положив солидное пособие семье Немото. Связь Сукарно с «японской гейшей» скрывалась довольно долго. Они поженились 3 марта 1962 года по мусульманскому обычаю. Японка приняла ислам и получила от Сукарно новое имя – Ратна Сари Дэви. На площади в пять гектаров в центре Джакарты Сукарно построил для Дэви роскошный дворец.

Сукарно переживал вторую молодость и не обращал внимания на то, что положение в стране становилось все хуже и хуже. 30 сентября 1965 года руководство компартии Индонезии совершило попытку переворота. Попытка была сорвана военными во главе с Сухарто, вскоре ставшим президентом Индонезии. Ночь накануне событий Сукарно провел в доме Дэви. Положение его было тяжелым: его обвинили в причастности к путчу. Умная, энергичная Дэви много сделала для того, чтобы уладить дело в пользу мужа. Обстановка в стране становилась все сложнее, и беременную Дэви Сукарно отправил в Японию, где в марте следующего года она родила ему дочь, которую назвали Кариной, по-индонезийски Картикой – «звезда». В Джакарту Дэви вернулась 19 июня 1970 года, за день до кончины Сукарно. Умирающий экс-президент впервые увидел свою дочь.

После смерти мужа Дэви с головой ушла в светскую жизнь. Ее друзьями и поклонниками были Джина Лоллобриджида, Омар Шариф, Пьер Карден, испанский миллиардер Франциско Паэза,

который сватался к Дэви, бывший румынский король Михай, король Иордании Хусейн, бывшая иранская шахиня Сорайя.

А как же русские женщины? Нравились ли они Сукарно? Конечно, нравились. А Сукарно им? Нравился буквально всем, за исключением Татьяны Самойловой. Ведь в 1961 году фильм с ее участием победно шествовал по миру. И вот Самойлову, Надежду Румянцеву, Тамару Семину и нескольких других кинозвезд бывший министр культуры, в то время посол СССР в Индонезии, Николай Михайлов пригласил на банкет в московский ресторан «Арагви» по случаю 60-летия Сукарно. Наши кинодивы были очарованы галантностью Сукарно, молчала лишь Татьяна Самойлова. «Спроси у Татьяны, – сказал переводчику Сукарно, – сколько бы лет она мне дала». Татьяна в ответ буркнула: «Меня это совершенно не интересует». И Сукарно сразу все понял.

Торжества продолжались в Кремлевском дворце, где Хрущев среди прочих подарков преподнес имениннику четырехтонную бронзовую статую «Девушка с веслом» работы скульптора Матвея Манизера. Будущий вице-президент Индонезии, в то время посол, Адам Малик обратился через переводчика к сидевшему рядом Анастасу Микояну, заметив, что в такой памятный для президента день ему лучше бы подарить живую, а не бронзовую девушку, да еще с веслом. Микоян промолчал. Но когда Сукарно улетал из Крыма, направляясь в Европу, он, глядя через головы провожавших его Микояна и других высокопоставленных лиц, посылал воздушные поцелуи стоявшей сзади молодой особе, приговаривая: «Гуд бай, дарлинг!»

АЛЬФРЕД ДЕ МЮССЕ (1810—1857)

Французский поэт-романтик. Один из крупнейших французских лириков XIX века. Дебютировал со сборником «Испанские и итальянские повести» (1829). Автор поэм «Уста и чаша» (1831), «Намуна» (1931), «Ночи» (1835—1837), исторической драмы «Лоренцаччо» (1934), комедий «Любовью не шутят» (1834), «Не надо биться об заклад» (1836), «Каприз» (1837) и др. Глубиной психологического анализа выделяется роман «Исповедь сына века» (1836) – обобщенный портрет молодого поколения эпохи Реставрации. Автор коротких пьес «Комедии и притчи» (1840).

Мюссе часто называют французским Байроном. Как и автор «Паломничества Чайльд Гарольда», он находился в разладе с окружающей его действительностью. Первый сборник стихотворений Альфред выпустил в двадцать лет. Вскоре были поставлены его первые драматические произведения, а небольшие по объему романы сделали Мюссе любимым писателем Франции.

Альфред Луи Шарль де Мюссе родился в Париже 11 декабря 1810 года. Отец поэта был чиновником военного министерства и занимался литературной деятельностью. В 1821 году он издал полное собрание сочинений Руссо и написал одну из лучших его биографий. В 1817 году Мюссе поступил в коллеж. Там он изучал латынь, историю, философию, французскую литературу, увлекался жизнерадостной римской поэзией.

В дальнейшем Мюссе изучал право, медицину, пытался стать живописцем (в духе художника романтической школы Делакруа), но все это не раскрывало подлинных дарований будущего поэта. И только сблизившись в 1828—1829 годах с романтическим кружком Виктора Гюго, Мюссе навсегда связал свою жизнь с литературным творчеством.

Мюссе, несомненно, не мог считаться поэтом, писавшим ради заработка. Родители гордились успехами сына и не отказывали ему в деньгах. В высшем обществе им очень дорожили и даже при дворе короля Луи-Филиппа он пользовался уважением. Герцог Орлеанский был его другом, герцогиня Елена знакомила его с германской литературой, лучшие женщины Парижа оспаривали друг у друга честь быть удостоенными его внимания. Мюссе, в свою очередь, наслаждался их обществом, завязывал любовные интрижки с представительницами прекрасного пола.

Жизнь его была очень напряженной. Возвращаясь домой за

полночь, он нередко садился за письменный стол и до утра нервно, лихорадочно-возбужденно работал. На следующий день его одолевала усталость. Он изнемогал и, чтобы вернуть утраченную бодрость и силу, пристрастился к возбуждающим средствам – сначала к вину, а затем и водке.

Один из современников так описывал внешность поэта: «Он был строен, среднего роста. Костюм его носил следы величайшей заботливости, даже слишком уж чрезмерной заботливости. На нем был фрак бронзового цвета с золотыми пуговицами: на шелковом темного цвета жилете болталась тяжелая золотая цепь; две камеи перехватывали складки его батистовой рубашки; узкий галстук из черного атласа еще более оттенял бледный цвет его кожи. Красота его рук не скрывалась тонкими батистовыми перчатками. Особенное внимание обращали на себя белокурые густые волосы. Как и у лорда Байрона, они были подстрижены в виде короны над поэтическим лбом и виноградообразными локонами спускались с висков и затылка. У блондинов обыкновенно бороды рыжие; но у него борода была темнее волос на голове, а брови почти черные. Нос греческий, рот – очень милый. На всей его фигуре лежал отпечаток аристократичности».

Разумеется, еще до встречи с Жорж Санд Альфреду де Мюссе пришлось изведать все прелести «науки страсти нежной». В восемнадцать лет поэт увлекся испанкой Делакарт. В результате появился цикл стихотворений, вышедших отдельной книгой под названием «Испанские любовные песни».

По свидетельству современников Делакарт, урожденная баронесса Бозио, была одной из красивейших женщин Франции. Ее отец, известный скульптор, отдал дочь на воспитание в монастырь, не приняв во внимание ее характер и темперамент. Девушка еще больше стала стремиться к радостям жизни тех самых нимф и богинь, которых высекал из мрамора барон Бозио и которые ей нравились больше, чем статуэтки строгих святых, что надменно стояли в комнатах благочестивых сестер. Без любви, только для того, чтобы обрести свободу, она вышла замуж за старика, после чего окунулась в веселую жизнь Парижа. Она блистала и очаровывала тех, кто возносил женщину на пьедестал, и, постоянно общаясь с талантливыми людьми, быстро приобрела знания, необходимые для салонной дамы.

Однажды маркиза Делакарт приехала на бал в костюме бога Гименея – в розовом с высокой талией газовом платье, закрепленном на левом плече драгоценной камеей. «Подобна апельсину на стебле», – пел о ней молодой Мюссе, которого она представила в качестве пажа при своем дворе. Поэт точно изобразил эту подвижную, порхающую женщину в своей поэме

«Дон Паэс».

Но счастье Мюссе было недолгим. Легкомысленная женщина быстро променяла его на Жюля Жанена, критика и фельетониста, предоставившего ей свою постоянную ложу во Французском театре. Чтобы вознаградить его за эту любезность, Делакарт, которую Мюссе называл «львицей Барселоны», отправилась на квартиру писателя и там осталась.

Писатели, художники, артисты окружили благоговейной толпой новую Еву жаненовского рая. Поэту оставалось сказать ей последнее «прости» в патетическом стихотворении «Октябрьская ночь».

В это время на литературном небосклоне Франции взошла звезда Авроры Дюдеван, писавшей под псевдонимом Жорж Санд. Естественно, он знал о романтическом прошлом этой женщины, о ее разводе с бароном Дюдеваном, о пламенной страсти к Жюлю Сандо и о неудачном любовном приключении с Проспером Мериме. Мюссе познакомился с молодой писательницей в тот момент, когда весь литературный Париж зачитывался ее романами. Вокруг ее «Лелии» возникли споры, шум, читатели видели в этом скандальную автобиографию.

Прочитав «Лелию», Мюссе заявил, что многое узнал об авторе. По существу, он не узнал о писательнице почти ничего. «Я использую такие утонченные хитрости, – писала Жорж Санд, – что ни один человеческий глаз не может проникнуть в сокровенное».

Они познакомились летом 1833 года на торжественном приеме, устроенном владельцем журнала «Revue des Deux Mondes» Бюло. За столом они оказались рядом, и это случайное соседство впоследствии сыграло немалую роль в судьбе двоих, а также в литературе.

Жорж Санд была похожа на креолку, смуглая, с большими черными глазами и густыми волосами. Крупные зубы и слегка выдающийся подбородок принадлежали к тем несовершенствам красоты, которые делали ее более привлекательной. Она часто облачалась в мужской костюм, в котором чувствовала себя свободнее и который шел ей, подчеркивая стройность фигуры. Литература приносила ей не только удовольствие, но и три тысячи ливров ренты. Она была практичной, расчетливой и деловой женщиной.

Несомненно, Жорж Санд обладала магнетической силой, если сумела поразить Мюссе, этого баловня женщин. Альфред уверял, что поэт только тогда может любить искренне, когда сердце его тронуто огнем гениальной женщины, когда ум ее глубок и в состоянии воспламенить его собственный ум. Поэзия расцвела в его душе, как чудесный цветок, жажда творчества охватила с

небывалой силой. Он думал, что обрел, наконец, любовь и счастье.

Мюссе, как настоящий денди, одевался в согласии с модой весьма эксцентрично. Его сюртук украшал необычайно широкий бархатный воротник, брюки он носил в обтяжку, либо голубого, либо розового цвета. Огромный галстук и высокий цилиндр, надвинутый на ухо, дополняли картину. Мюссе слыл донжуаном, легкомысленным эгоистом, не лишенным все же сентиментальности, эпикурейцем, любящим жизнь. Аристократ де Мюссе имел репутацию единственного светского человека среди французских романтиков.

Долгое время разговоров о любви между ними не было. «С этой точки зрения нас разделяет Балтийское море, – считал граф. – Госпожа может предложить только моральную любовь, а я никому не умею ответить такой взаимностью».

Дружба с Мюссе льстила самолюбию Жорж Санд. Известный поэт имел обширные связи среди элиты интеллектуального Парижа, вращался в самых изысканных сферах, о нем говорили, что он необыкновенно талантлив. Она же только начинала литературную карьеру и могла похвастаться разве что своей небывалой работоспособностью: за пятнадцать месяцев она написала три романа.

Дружба продолжалась не слишком долго. Письмо, которое ей вручили 29 июля 1833 года, содержало признание в любви. Оно поражало откровенностью, удивительной для этого насмешника и вольнодумца, который говаривал, что любит всех женщин и всеми пренебрегает. «Жорж, Жорж, два месяца с тобой сделали меня королем мира».

Она не поверила. Однако было в письме что-то такое, что все же ее взволновало. Мюссе написал, что «любит, как ребенок». Ни о чем она так глубоко не тосковала, как о таком чувстве любовного материнства. Жорж Санд была старше Альфреда на шесть лет… Да и слезы, которыми он залился при их встрече, тронули ее сердце.

Он переехал к ней. И Жорж Санд радовалась, что есть теперь перед кем развернуть свои хозяйские таланты. Он же изображал несносного проказника, рисовал на них обоих карикатуры и писал забавные стишки в ее альбом. Они любили устраивать розыгрыши. Однажды они дали обед, на котором Мюссе был в костюме маркиза XVIII века, а Жорж Санд в панье, в фижмах и мушках. В другой раз Мюссе переоделся в одежду нормандской крестьянки и прислуживал у стола. Как бы случайно он вылил содержимое графина на голову философа Лермине. Его никто не узнал. Жорж Санд пришла в восхищение.

Мюссе искал в любви драматические переживания, поэтому сознательно причинял себе и возлюбленной страдания. Но хотя поэт и чувствовал себя счастливым, где-то на самом дне сердца появились первые симптомы скуки. Прошло безумие чувств, он стал сравнивать ее с другими женщинами… и не увидел разницы. В романе «Исповеди сына века», написанного под влиянием глубокого чувства к Жорж Санд, Мюссе признавал, что иной раз какой-то ее жест, слово, манера раздеваться напоминала ему девицу легкого поведения. Она разочаровала его как любовница. Жорж Санд не могла допустить, чтобы люди думали, что она брошена этим любовником всех женщин и, призвав на помощь все богатство своего воображения, старалась дать ему полноту наслаждений.

Уже после их разрыва Альфред де Мюссе писал: «Я думаю, что ей никогда не удалось испытать высшего наслаждения, однако она была интересна в замыслах, что часто производило впечатление бесстыдства, рожденного самой холодностью».

Вскоре любовники уехали в Италию. Номер, который они снимали в дорогом отеле, стал местом драматических сцен. Мюссе все время раздражался из-за педантичности Жорж Санд, с которой она неизменно, даже во время путешествия, садилась за работу, вскакивая ночью с постели и запирая дверь, соединяющую их комнаты. Злость поэта проявлялась в бурных сценах. Он не выбирал слов, чувствуя себя оскорбленным и непонятым. Видимо, тогда прозвучали слова, которые трудно простить: «Жорж, я ошибся. Извини, но я не люблю тебя». Но немедленно уехать Жорж Санд не могла, ее не отпускала лихорадка, подхваченная еще во время путешествия. Первые две недели в Венеции Мюссе искал развлечений в городе. Когда она почувствовала себя лучше, вдруг заболел Мюссе. Болезнь выглядела очень страшной, повторялись приступы галлюцинаций.

Двадцать дней Жорж Санд и молодой врач Паджелло находились у постели поэта. Между тем обостренная интуиция выздоравливающего Мюссе нашептывала ему, что он мешает двоим. Мы любим только то, чем целиком не обладаем. Он любил ее снова. Мюссе настойчиво требовал объяснений, но Жорж Санд напомнила ему, что они расстались еще перед ее болезнью…

Из Италии Мюссе вернулся разбитым душевно и физически. Он был близок к отчаянию. Свет его не прельщал. Даже костюмированные балы Александра Дюма-отца и художника Девериа, на которых блистала знаменитая красавица Кидалоза, не могли развеять грусть Мюссе, о котором Гейне остроумно сказал: «У этого впереди великое прошлое».

В Париже Мюссе искал отсутствующую Жорж, ходил ее

дорогами, умилялся оставленными ею на блюдечке папиросами и прятал в карман ее сломанный гребень; с той поры он стал носить его при себе как амулет.

И вдруг Мюссе встретил женщину, которая заставила его снова поверить в жизнь. Княгиня Христина Бельджойзо в середине тридцатых годов прошлого века произвела настоящий фурор на балу короля Луи-Филиппа, после чего стала принимать в своем салоне высшую аристократию Парижа, а также интеллектуальный и художественный цвет Франции. Альфред Мюссе встречался с этой удивительной женщиной в самых модных салонах. Муж княгини очень любезно отнесся к поэту, позволив ему быть ближе к своему божеству. Мюссе был поражен, ослеплен, подавлен. Ничего подобного он никогда не испытывал. «Есть ли у нее сердце?» – вопрошал он, когда его не менее восторженные друзья уже давно поняли, что брюнетка с голубыми глазами – верная жена, хотя и не лишена кокетства. Мюссе воспел ее под именем Нинон.

Неприступность знатной миланки вскоре была восполнена любовным жаром очень миленькой гризетки Луизы. Одновременно поэт находил утешение и в благосклонном отношении писательницы Луизы Коллэ, которая, правда, называла свою дружбу с Мюссе чисто платонической (в своем романе «Lui», посвященном жизни поэта).

Гениальные люди удивительным образом могут сочетать в себе вертеровские страдания и легкомыслие ловеласа. Поэт дарил свое расположение и госпоже Жубер, очень милой и талантливой особе, написавшей ценные «Воспоминания». Она также помогла развеять тоску поэта после разлуки с Жорж Санд, вдохновив его на создание комедии «Un caprice», ставшей классикой французской сцены.

Весной 1838 года в салоне мадам Жубер Мюссе увидел выступление юной певицы, Полины Гарсии, сестры Малибран, чью смерть он оплакивал в великолепных стансах. Голос Полины был до того нежен и чист, а исполнение столь проникновенно и страстно, что поэт сразу влюбился в некрасивую, но тем не менее очаровательную девушку. Однако у маленькой испанки было не такое легко воспламеняющееся сердце, как у чувствительной парижанки. Она сумела удержать «принца Фосфора», как называла мадам Жубер своего любовника, на почтительном расстоянии.

Через год Мюссе встретился со знаменитой артисткой Рашелью. Во время их знакомства Рашель только дебютировала во время «мертвого» сезона на сцене театра «Французской комедии».

Мюссе, недолюбливавший артистическую богему, все-таки посетил Рашель. Ее окружение и весь театральный мир он превосходно описал в «Ужине у Рашели». Когда молодой артистке удалось освободиться от опеки родителей, она сняла дачу в Монморанси, там часто бывал Мюссе. Он писал своему брату: «Как восхитительна была Рашель недавно вечером, когда бегала в моих туфлях по своему саду». Он собирался написать для своей новой подруги две трагедии в стихах, но серьезно об осуществлении этого намерения не думал.

Тем временем Рашель стала настоящей звездой театра «Французской комедии» и любимицей парижского общества. Однажды она дала ужин, на который был приглашен и Мюссе. Гости восхищались драгоценным кольцом на тонком, почти прозрачном пальце артистки.

«Знаете что, господа? – сказала она вдруг. – Так как кольцо вам всем нравится, я объявляю аукцион. Тот, кто больше предложит, тот его и получит».

Гости охотно приняли предложение и начали торговаться.

«А вы, мой поэт, – обратилась Рашель к Мюссе, – что вы предложите?» – «Свое сердце», – ответил Мюссе, и Рашель радостно воскликнула: «Кольцо ваше, Альфред!»

После этого она сама надела кольцо на его палец. Конечно, Мюссе считал это шуткой, и, прощаясь с Рашелью, хотел возвратить ей драгоценное украшение, но она просила оставить кольцо у себя. Когда же Мюссе заупрямился, она с неподражаемой грацией стала перед ним на колени.

«Подумайте только, дорогой поэт, – сказала артистка, – какой ничтожной благодарностью будет это кольцо за долгожданную роль, которую вы для меня напишете! Смотрите на кольцо как на талисман, который нам принесет счастье».

Но талисман не помог: Рашель вскоре переехала в Лондон, а Мюссе больше не думал о своих трагедиях. Восторг перед Рашелью уступил место увлечению артисткой Розой Шери. И в один грустный осенний день он вернул кольцо несравненной Рашель.

Мюссе суждено было еще не раз встречаться с Жорж Санд. В Париже после разрыва с великой писательницей встретили его с восторгом. На него смотрели как на Тангейзера, который был в гроте Венеры и вернулся оттуда пресыщенным, больным и разочарованным. Это, впрочем, не помешало ей по возвращении в Париж сделать попытку к примирению. Жорж Санд в то время окончила свой роман «Консуэло». Слава ее гремела далеко за пределами Франции. Но и Мюссе находился на гребне славы.

Мюссе метался между неуверенностью и попыткой все забыть

до тех пор, пока ему не пришлось вызвать на поединок Густава Планше, литературного критика, отрицательно высказавшегося о Жорж Санд. Друг поэта попытался объяснить Мюссе, что Жорж Санд не заслуживает того, чтобы подставляться из-за нее под пули. Мюссе отказался от дуэли, удовлетворившись извинениями Планше. Он устал и наконец-то понял, что не нужен ей. И ушел.

Сердце женщины говорило, что она, может быть, больше виновата в разрыве, чем ее друг. Мюссе сначала упорствовал. Он не хотел вступать даже в переписку со своей бывшей подругой и все ее письма отсылал обратно нераспечатанными. Тогда Жорж Санд прибегла к хитрости. В один прекрасный день Мюссе получил мягкий душистый пакет. Загадочный вид пакета заставил поэта призадуматься, и он решил его вскрыть: там оказались великолепные мягкие черные волосы, которые он некогда с такой страстью целовал. Жорж Санд отрезала себе волосы в знак покаяния. И поэт уступил: они вернулись друг к другу. Но теперь уже Жорж Санд писала ему: «Мы должны от этого вылечиться».

Их бурный роман нашел свое отражение в произведении Жорж Санд «Она и он», романе Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века» и поэме «Ночи». 12 мая 1834 года Жорж Санд писала своему возлюбленному: «…Будь счастлив, будь любим. Да и как тебе не быть счастливым и любимым? Храни мой образ в потайном уголке твоего сердца и заглядывай туда в дни печали, чтобы находить утешение и ободрение… Ты говоришь, что аромат весны и сирени доносится ветром в твою комнату, заставляя сердце твое биться любовью и юностью. Это признак здоровья и силы – самый нежный из даров природы. Люби же, мой Альфред, люби по-настоящему. Полюби молодую, прекрасную женщину, еще не любившую и не страдавшую. Заботься о ней и не давай ей страдать. Сердце женщины ведь так нежно, если только это не камень и не ледышка. Я думаю, что середины не существует, так же как нет ее в твоей манере любить. Напрасно ты стараешься огородиться своим недоверием или укрыться за беспечностью ребенка. Твоя душа создана для того, чтобы любить пламенно или совершенно очерстветь…»

ЖАН-ПОЛЬ БЕЛЬМОНДО (род. в 1933)

Французский актер. С 1950 года играл в театре, в 1956 году дебютировал в кино. Снимался в фильмах: «На последнем дыхании» (1960), «Картуш» (1962), «Человек из Рио» (1964), «Безумный Пьеро» (1965), «Великолепный» (1973), «Частный детектив» (1976), «Чудовище» (1977), «Кто есть кто» (1979), «Игра в четыре руки» (1980), «Профессионал» (1981), «Ас из асов» (1982), «Баловень судьбы» (1988), «Один шанс на двоих» (1998) и др. Трижды награжден высшей премией французских кинематографистов «Сезар». Владелец кинофирмы «Серито фильм», является продюсером ряда фильмов со своим участием. Награжден орденом Почетного легиона.

Французы ласково зовут его «Бебель». Жан-Поль Бельмондо вот уже четыре десятка лет остается одним из любимейших французских актеров. Правда, обожающих пикантные истории французов привлекают не только удачные роли известного актера, но и его бурная личная жизнь. Его жена Элоди, с которой он прожил много лет, развелась с Жан-Полем, устав от его многочисленных любовных похождений.

В шестьдесят пять Бельмондо еще раз подтвердил свою репутацию нестареющего сердцееда, когда во время прогулки со своим йоркширским терьером покорил сердце роскошной блондинки Натали Традивил, солистки балета Монако. Балерина выгуливала своего любимца той же породы, собачки заинтересовались друг другом и познакомили хозяев…

Этого неотразимого любимца женщин нельзя назвать даже привлекательным – сломанный «боксерский» нос, глубокие морщины. Но, оказывается, в детстве Бельмондо был таким симпатичным мальчуганом, что его отец – известный парижский скульптор – использовал сына в качестве модели для многочисленных фигурок амурчиков, которые и по сей день украшают фонтаны столицы Франции. Жан-Полю было всего семнадцать, когда он сбежал из дома со странствующим театром. Потом пытался стать скульптором, но бросил искусство ради бокса. Наконец решил пойти в актеры и поступил на драматическое отделение Парижской консерватории.

На выпускном экзамене руководитель курса вынес вердикт: «Невозможно представить себе, что ты со своей рожей будешь обнимать на сцене женщину. Зритель этого не переживет, весь зал

будет покатываться со смеху…» Возможно, таким образом он хотел отомстить самому недисциплинированному студенту, прогульщику и организатору хулиганских выходок, в которых, кстати, участвовала и его сокурсница – будущая кинозвезда Анни Жирардо.

Педагог ошибся. Ученик оказался очень влюбчивым и страстным мужчиной. Девиз своей жизни Бельмондо определил в четырех словах и восклицательным знаком: «Без женщин – я ничто!» Жан-Поля Бельмондо и сегодня продолжают окружать красивые женщины – и на экране, и в жизни. Он снимался с Брижит Бардо, Роми Шнайдер, Жанной Моро, Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой, Рэкел Уэлч, Анной Кариной, Милен Демонжо… «Они приводили меня в трепет. По-настоящему…» – признался Бельмондо.

Начало семейной жизни было более-менее спокойным. Элоди Констан – балерина, красавица. Не было мужчины, который не заглядывался бы на ее ноги, мечтательно вздыхая при этом. С ней Бельмондо прожил тринадцать лет. Коварное число. Ведь они поженились, когда Элоди было тринадцать лет, и долго скрывали свой «грешный» поступок.

Но жизнь преподносит неожиданные сюрпризы. Через тринадцать лет Бельмондо крепко заключила в свои объятия «далеко не скромный полевой цветок, а роскошная царственная роза» – в жизнь Жан-Поля вошла «современная Венера», «амазонка экрана», символ нового, свободного секса, легендарная Урсула Андерс. Звезды мужского пола были повально увлечены этой «царственной львицей». Но она многих заставила критически посмотреть на свои возможности. Сама же долго, очень долго «охотилась» за Жан-Полем Бельмондо, пока не увезла его в Голливуд. Там она познакомила его с американскими звездами, Фрэнком Синатрой, Элвисом Пресли…

«Мы были молоды, хотели испробовать всего и "бесились", как молодые львята. Это время осталось навсегда в памяти, жаль, что его нельзя возвратить…» – с грустью вспоминает Бельмондо.

Первое время Элоди не верила в случившееся. Но наступило время, когда она решила все расставить по своим местам. Села в самолет, улетающий в Гонконг, где шли съемки, и встретилась со своим мужем в гостинице. Бельмондо вел себя как мужчины во всем мире: держал себя скромно, рассеянно отвечал на вопросы, утром был в обществе жены, улыбался, но оживал при появлении любовницы… Элоди вынуждена была со своей матерью, детьми – Патрицией, Флоренс и Полем, а также с четырьмя собаками отправиться «на отдых в Великобританию».

По гороскопу Урсула Андерс – Лев, Жан-Поль Бельмондо –

Овен. Он сентиментальный, она не способна на это чувство… Он – романтик, она – кассовый регистратор, особенно когда речь идет о деньгах… Он – ребенок, она – тигрица… Он – застенчивый, она – бесстыдный ложный вулкан… Она любит отели, он – домашнюю обстановку. Она – цыганка, он – барон, и очень ревнивый. Бельмондо не скрывает, что и сейчас эта черта осталась в его характере.

Урсула Андерс, так же как и Бельмондо, мечтала взять от жизни все, так как «жизнь очень коротка, нет времени для грусти…» Она любит быть окруженной друзьями. Истину видит в любви – ежедневной, бесшабашной, наполненной страстью… В своих мыслях предельно открыта и живет инстинктами…

Урсулу и Жан-Поля связывала бурная, съедающая страсть. Они были не в состоянии ее унять. Жан-Поль Бельмондо был щедр на любовь, ласки, нежные слова, любимой женщине «отдавался со всей пылкостью, искренне веря, что это и есть единственная любовь на свете…»

Урсула могла простить все, кроме измены: «Я от мужчины ничего не требую: вижу, принимаю, оставляю…»

Она не стала горевать, унижаться и с достоинством уступила Жан-Поля Бельмондо итальянке Лауре Антонелли, наделенной от природы божественной внешностью. Сама же, гордо развернувшись, совершила аналогичный поступок. Журналисты были начеку, они следили за каждым ее шагом. С кем начнет любовные игры Урсула? Она встречалась со своим старым другом Марчелло Мастроянни и новым – известным английским актером Питером О'Тулом… «Из всех мужчин самым нежным остается Бельмондо, этот «чурбан» с грубо отесанной деревенской внешностью…» – признала она спустя годы.

Любовный роман с Лаурой Антонелли тоже не закончился браком. Жан-Поля Бельмондо охватила новая страсть – к бразильской манекенщице Карлос Сотомайер. Ему уже было пятьдесят восемь лет… Предпринималось много усилий, чтобы «успокоить» Бельмондо, которому Карлос годилась в дочери. Но все старания друзей, родных, детей были напрасны. Он всем искренне признавался: «Это мой мотор, муза, наконец, сила, которая влечет меня к жизни каждый день».

Известно, что, снимаясь в гангстерских и приключенческих фильмах, Жан-Поль сам выполнял опасные трюки. До своего 60-летия он не соглашался пользоваться услугами каскадеров, считая, что это унижает его мужское достоинство. «Риск, которому я подвергался в течение сорока лет, помогал мне утверждать в себе мужчину. Давал возможность с гордостью смотреть в прекрасные глаза женщин, которые мне нравились…»

О детях Бельмондо говорил: «Я обожаю своих детей… Из-за постоянных разъездов мне трудно было быть образцовым отцом… Сейчас самую большую радость я испытываю от общения с внуками…»

Улыбаясь, Жан-Поль признался: «Я много, очень много раз в своей жизни совершал ошибки, часто жил эмоциями, а не разумом. И об этом нисколько не жалею. Я никому не делал зла… Спросите у женщин, которые меня любили… Они могут подтвердить…»

Нет ничего удивительного в том, что женщины боготворят своего кумира: роли суперменов, жестких, крепких, решительных парней сделали свое дело. Да, Бельмондо постарел: появилась седина, более резкими стали морщины на лбу. Но он по-прежнему обаятелен и раскован и, разумеется, любим женщинами.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН (1895—1925)

Русский поэт. Тонкий лирик, певец крестьянской Руси. Входил в кружок имажинистов (1919—1923). Автор циклов «Кобыльи корабли» (1920), «Москва кабацкая» (1924), «Черный человек» (1925), «Анна Снегина» (1925), драматической поэмы «Пугачев» (1921). Покончил жизнь самоубийством.

Сергей Есенин родился в крестьянской семье в 1895 году. С 1904 по 1912 год учился в Константиновском земском училище и в Спас-Клепиковской школе. За это время им было написано более 30 стихотворений, составлен рукописный сборник «Больные думы» (1912), который он пытался опубликовать в Рязани. С 1912 года Есенин с отцом жили в Москве и работали в магазине Крылова. В марте 1913 года Сергей устроился в типографию Товарищества И. Сытина подчитчиком, то есть помощником корректора.

Корректор Анна Изряднова вскоре стала его женой. Она вспоминала о нем так: «Только что приехал из деревни, но на деревенского парня не был похож – на нем был коричневый костюм, высокий крахмальный воротник и зеленый галстук. С золотыми кудрями он был кукольно красив… Настроение было у него упадочное – он поэт, никто не хочет его понять, редакции не принимают в печать, отец журит… Все жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думал, как жить…»

Брак с Анной с первых дней семейной жизни показался Есенину ошибкой. Больше всего его заботил успех поэтический. В 1914 году, наконец, его стихи напечатали в газете «Новь», в журналах «Заря», «Парус» и др., но это были не лучшие его стихи. В 1915 году, несмотря на рождение сына, Есенин оставил Анну с маленьким ребенком, решив попытать счастья в журналах северной столицы.

Он приехал в Петроград за славой и сразу же отправился искать Блока. Александр Блок назвал его «талантливым крестьянским поэтом-самородком», а его стихи – «свежими, чистыми, голосистыми», чем во многом определил успех Есенина в северной столице. Сергей предстал перед петербургской творческой интеллигенцией в образе наивного и простодушного деревенского паренька. Хотя с самого начала ни наивности, ни простодушия в нем не было, как считал его близкий друг Анатолий Мариенгоф. Он вспоминал, как Есенин объяснял ему

свой успех в Петрограде: «с бухты-барахты не след идти в русскую литературу. Искусную надо вести игру и тончайшую политику… Не вредно прикинуться дурачком. Шибко у нас дурачка любят… Каждому надо доставить удовольствие… Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать».

Верная тактика сработала: в несколько недель Есенин завоевал славу в самых влиятельных и изысканных петроградских литературных кругах, он стал модным поэтом, любимцем журналов и гостиных. М. Горький вспоминал: «Я видел Есенина в самом начале его знакомства с городом: маленького роста, изящно сложенный, со светлыми кудрями, одетый как Ваня из "Жизни за царя", голубоглазый и чистенький, как Лоэнгрин, – вот он какой был. Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники».

Очевидно, во время завоевания Есениным модных литературных салонов и появилась в его жизни Зинаида Райх.

Эта живая бойкая девушка работала в левоэсеровской редакции. Вместе с вологодским поэтом Алексеем Ганиным они отправились в путешествие на Север – на Соловки и дальше в Мурманск. Под Вологдой Есенин и Зинаида Райх обвенчались в церкви Кирика и Иулиты. Сергей не жил с ней постоянно, хотя она и родила от него двоих детей – Татьяну (1918) и Константина (1920).

В 1918 году Есенин опять вернулся в Москву и после непродолжительной дружбы с поэтами Пролеткульта примкнул к имажинистам. Вместе с Мариенгофом они приобрели книжную лавочку на Большой Никитской, а затем «Стойло Пегаса» на Тверской. Мариенгоф в «Романе без вранья» упомянул Зинаиду Райх:

«Из Орла приехала жена Есенина – Зинаида Николаевна Райх. Привезла она с собой дочку: надо же было показать ее отцу. Танюшке тогда года еще не минуло.

А из Пензы заявился наш закадычный друг Михаил Молабух… А вдобавок – Танюшка, как в старых писали книжках, "живая была живулечка, не сходила с живого стулечка"; с няниных колен – к Зинаиде Николаевне, от нее – к Молабуху, от того – ко мне. Только отцовского "живого стулечка" ни в какую она не признавала. И на хитрость пускались, и на лесть, и на подкуп, и на строгость – все попусту».

А потом, как рассказывал Мариенгоф, Есенин попросил друга помочь ему отправить Зинаиду обратно в Орел. «…Не могу я с

Зинаидой жить… Говорил ей – понимать не хочет… Не уйдет, и все… ни за что не уйдет… Вбила себе в голову: "Любишь ты меня, Сергун, это знаю и другого знать не хочу… Скажи ты ей, Толя, что есть у меня другая женщина". Толя сказал, как велел Есенин, и Зинаида Райх с дочерью уехала в Орел».

И еще рассказывал Мариенгоф о том, как «познакомился» Есенин с сыном, которого родила ему Зинаида Райх.

«Забыл рассказать.

Случайно на платформе ростовского вокзала я столкнулся с Зинаидой Николаевной Райх. Она ехала в Кисловодск.

Зимой Зинаида Николаевна родила мальчика. У Есенина спросила по телефону: "Как назвать?"

Есенин думал-думал, выбирая не литературное имя, и сказал: "Константином".

После крещения спохватился: "Черт побери, а ведь Бальмонта Константином зовут".

Смотреть сына не поехал.

Заметив на ростовской платформе меня, разговаривающим с Райх, Есенин описал полукруг на каблуках и, вскочив на рельсу, пошел в обратную сторону…

Зинаида Николаевна попросила: "Скажите Сереже, что я еду с Костей. Он его не видал. Пусть зайдет взглянет. Если не хочет со мной встречаться, могу выйти из купе".

Есенин все-таки зашел в купе глянуть на сына. Посмотрев на мальчика, сказал, что тот черненький, а Есенины черные не бывают».

Позднее кто-то вспоминал еще, что З. Райх, уже живя с Мейерхольдом, требовала у Есенина деньги на обучение их дочери. О детях Есенина и Райх, стоявших у его гроба, вспомнила Галина Серебрякова:

«Нехорошо было придумано, что его дети, сын и дочь, поочередно читали над гробом стихи отца. Очевидно, из доброго чувства Мейерхольд, их отчим, придумал этот спектакль, но вышло наигранно, тягостно.

И еще как-то Мариенгоф обмолвился, что больше всех своих женщин Есенин ненавидел Зинаиду Райх. А значит, считал он, Сергей больше всех остальных ее —единственную – любил по-настоящему. А ненависть из любви возникла потому, что перед тем, как выйти за Есенина, она сказала ему, что он у нее – первый мужчина, а это оказалось неправдой. И вот этого Есенин – мужик по крови – никогда ей не простил. Всякий раз, когда он вспоминал Зинаиду, судорога сводила лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулаки: "Зачем соврала, гадина!" И у нее другой любви не было. Возможно, это и правда. После окончательного

разрыва с Зинаидой Райх Есенин с легкостью относился к случайным встречам, с удовольствием пил и скандалил в кабаках… Он был бездомен и бесприютен, когда в его жизнь ворвалась Айседора Дункан, известная американская танцовщица, приехавшая в красную Россию, чтобы открыть студию танца для русских девочек.

Есть несколько версий их первой встречи. Но все сходятся в одном: Айседора и Сергей сразу понравились друг другу. Мариенгоф утверждал, что Дункан увидела Есенина на пирушке в студии Якулова. На ней был красный хитон, льющийся мягкими складками. Волосы были красные с отблеском меди, и, несмотря на большое тело, она ступала легко и мягко.

Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел».

Она увидела Есенина и улыбнулась ему. Потом Дункан прилегла на диван, а Сергей Есенин пристроился у ее ног. Айседора окунула руку в его кудри и поцеловала в губы.

«Мальчишкой, целуя коров в морду, я просто дрожал от нежности… И сейчас, когда женщина мне нравится, мне кажется, что у нее коровьи глаза. Такие большие, бездумные, печальные. Вот как у Айседоры», – говорил Есенин. Она была талантлива, щедра и непосредственна как ребенок, внутренне раскрепощена. Ее покорили трепетная нежность, детскость, незащищенность души поэта. Есенин напоминал ей давно погибшего сына, и она давала ему не только женскую, но и материнскую любовь. Она была на 18 лет старше его. Он говорил только по-русски, а она – по-английски, французски и немецки. Но они понимали друг друга.

Через некоторое время советское правительство перестало субсидировать школу Дункан, и она решила поехать в Европу, чтобы найти деньги. Желая ускорить оформление визы для Есенина, они решили официально зарегистрировать свой брак. Есенин и Европа друг другу не понравились. Поэт писал Мариенгофу: «В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор… Во-первых, Боже мой, такая гадость, однообразие, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью…»

О Есенине и Дункан сохранилось много свидетельств современников. Эта пара поражала, вызывала любопытство, интерес, породила много сплетен и толков. Наталья Крандиевская-Толстая вспоминала, как увидела их в Берлине: «На Есенине был смокинг, на затылке – цилиндр, в петлице – хризантема… Большая и великолепная Айседора Дункан, с театральным гримом на лице, шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол…» Потом Крандиевская-Толстая пригласила Дункан и Есенина на завтрак с Горьким. «Есенин читал хорошо… Горькому стихи понравились, я это видела. Они разговорились… Айседора пожелала танцевать. Она сбросила добрую половину шарфов своих, оставила два на груди, один на животе… Есенин опустил голову, словно был в чем-то виноват…»

Эту же встречу описал Максим Горький: «От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и пренебрежительно, то вдруг неуверенно, смущенно и недоверчиво… Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов… Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом, являлась изумительнейшим олицетворением всего, что ему было не нужно».

Потом они уехали в Америку, где оказались в центре внимания прессы. У Айседоры был контракт – танцевать в ряде восточных и центральных штатов. После выступления она выводила на сцену Есенина, представляя его публике как «второго Пушкина». На вечере у поэта Мани-Лейба Есенин читал главы из книги «Страна негодяев». Вечер закончился скандалом. Выступления Айседоры Дункан в США стали невозможны. «В страшной моде здесь господин доллар. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод (…) зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину», – делился своими впечатлениями о заграница Есенин.

Сергей и Айседора возвратились в Россию в августе 1923 года. Приехав в Москву, они нашли школу в жалком состоянии. К счастью, у Айседоры были чеки «Американ экспресс» примерно на 70000 франков. Подруга танцовщицы Мэри Дести писала в своей книге «Нерассказанная история»:

«Айседора потратила все, что у нее было, на школу. Это привело Сергея в ярость – он хотел владеть всем и раздавать все

друзьям. Десятки своих костюмов он щедро раздаривал направо и налево, так же как обувь, рубашки и т п., не говоря уж о туалетах Айседоры, о которых она постоянно спохватывалась в Париже и считала, что их крали горничные.

Они с Сергеем пробыли в Москве лишь несколько дней, когда он исчез на несколько недель. Айседора была встревожена и думала, что с ним что-то случилось. Без конца до слуха ее доходили сплетни, будто по ночам его видели в ресторанах, обычно с женщиной. Так продолжалось несколько месяцев. Он возвращался только для того, чтобы выманить у него деньги, с которыми можно было устраивать дебоши.

Какое это грустное, неблагодарное дело для женщины с тонкой душой стараться спасти разнузданного пьяницу! Но Айседора никогда не чувствовала по отношению к нему ни малейшего гнева. Когда он возвращался, ему достаточно было броситься к ее ногам, как перед Мадонной, и она прижимала его златокудрую голову к груди и успокаивала его».

Наконец Сергей и Айседора расстались.

После Айседоры Дункан еще две женщины беззаветно пытались спасти погибающего поэта. Одна его любила, другая была его женой. Вернувшись из-за границы, Есенин со своими сестрами поселился у Галины Бениславской, которая стала для Есенина близким человеком, другом и помощником. «С невиданной самоотверженностью, с редким самопожертвованием посвятила она себя ему… Без устали, без ропота, забыв о себе, словно выполняя долг, несла она тяжкую ношу забот о Есенине». В 1924—1925 годах Бениславская во время отъездов Есенина из Москвы вела все его литературные дела. «Всегда Ваша и всегда люблю Вас», – заканчивала она все письма к Есенину. Но он, обременяя ее бесконечными поручениями, заверял лишь в нежной дружбе, которая была «гораздо больше и лучше, чем чувствую к женщинам. Вы мне в жизни без этого настолько близки, что и выразить нельзя».

В то время женой Есенина была Софья Толстая, внучка Льва Толстого, чем он очень гордился. Любовь ее к Есенину была нелегкой. Софья Толстая была истинной внучкой своего деда. Даже обликом напоминала его: вся в деда грубоватым мужицким лицом, эта женщина редкого ума и широкого сердца внесла в тревожную кочевую жизнь Сергея Есенина свет и успокоение.

Но, видимо, было уже поздно. В конце декабря Есенин сбежал из Москвы в Ленинград, не сказав ни слова ни жене, ни друзьям. О том, что пережила Софья Толстая, живя в Есениным в его черные страшные последние годы, писала своей приятельнице мать Софьи Толстой, Ольга Константиновна Толстая:

«…Нет слов, чтоб описать тебе, что я пережила за эти дни за несчастную Соню. Вся эта осень, со времени возвращения их из Баку, это был сплошной кошмар. И как Соня могла это выносить, как она могла продолжать его любить – это просто непонятно и, вероятно, объясняется лишь тайной любви. А любила она его, по-видимому, безмерно… Его поступки… безумную, оскорбительную ревность – она все объясняла болезнью и переносила безропотно, молчаливо, никогда никому не жалуясь… В конце ноября или начале декабря он сам решил начать лечиться и поместился в клинику, но скоро заскучал… Явился домой 21-го декабря уже совершенно пьяный с бутылкой в руках… 23-го вечером мне звонит Соня и говорит: "Он уехал…" И в первый раз в голосе Сони я почувствовала усталость, досаду, оскорбление. Тогда я решилась сказать: "Надеюсь, что он больше не вернется"».

Дня через два Ольга Константиновна Толстая, мать Сони, пришла к ней. «Соню я застала страшно мрачной, совершенно безжизненной: она днями лежала на диване, не говоря ни слова, не ела, не пила…»

Кто я? Что я? Только лишь мечтатель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле,

– написал в эти дни Есенин, прощаясь с Соней и прося у нее прощения.

И в последний день жизни, 27 декабря 1925 года, Сергей передал другу, поэту В. Эрлиху, стихи и попросил прочесть их дома, оставшись наедине. Но Эрлих забыл о стихах Есенина. Утром узнал о самоубийстве поэта, достал листок и прочитал:

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Когда Софье Толстой сообщили о смерти Есенина, она страшно закричала, не хотела верить, была как безумная.

На Ваганьковском кладбище у могилы Сергея Есенина

собрались его жены и возлюбленные: Анна Изряднова, Зинаида Райх, Галина Бениславская, Софья Толстая… Айседора Дункан прислала телеграмму. «…Его дерзкий дух стремился к недостижимому… Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием».

Через год Галина Бениславская застрелилась на могиле Сергея Есенина. В 1927 году в Ницце погибла Айседора Дункан.

Софья Толстая сохранила ему верность и старательно берегла все, что было связано с жизнью поэта, разбирала его архив, готовила к изданию его сочинения. Рядом с обручальным кольцом она всю жизнь носила медное кольцо, которое поэт шутя ей подарил. Оно было очень широкое, и она его сдавила, чтобы можно было носить.

УИЛЬЯМ КЛАРК ГЕЙБЛ (1901—1960)

Американский актер. Носил прозвище «Король Голливуда». Снимался в главных ролях в 90 фильмах: «Это случилось однажды ночью» (1934, премия «Оскар»), «Унесенные ветром» (1939), «Неприкаянные» (1960) и др.

Кларк родился в семье рабочего. Его отец был нефтяником и редко бывал дома. Воспитанием мальчика занималась его мачеха, женщина строгих правил. Гейбл никогда не блистал успехами в школе и не получил даже среднего образования. Забросив учебу и поработав сначала на фабрике, а затем на нефтяной вышке, Кларк решил стать актером. Он устроился подсобным рабочим в небольшом театре, с которым объехал всю страну. Наконец он оказался в Портленде, где его приняли в труппу местного театра. Именно здесь он постиг азы актерского мастерства.

Затем Гейбл отправился на поиски счастья в Голливуд, где снимался в массовках. Кинорежиссеры не сразу разглядели скрытые возможности Гейбла, чего нельзя сказать о женщинах, сходивших с ума от этого красавчика. Наконец на молодого актера обратило внимание руководство студии «Эм-джи-эм», и Кларк стремительно взошел на голливудский Олимп. Разве можно, например, забыть красавца Ретта Батлера из нашумевшего фильма «Унесенные ветром»? В свое время в него были влюблены миллионы. И Кларк Гейбл не разочаровал своих поклонниц. Даже среди мало-мальски известных звездочек Голливуда с трудом можно было найти ту, которая не могла бы похвастаться тем, что знаменитый сердцеед осчастливил ее своим вниманием. Может быть, именно поэтому многие интимные секреты актера очень скоро стали достоянием гласности.

Гейбл оставался скромным человеком даже тогда, когда превратился в звезду мирового экрана. На церемонии вручения «Оскара» Гейбл сказал: «Но ведь размер шляпы-то у меня все равно от этого не изменился». Он терпеливо раздавал сотни автографов, утверждая, что только благодаря зрителям он не пополнил ряды безработных. В свободное время Кларк ездил на рыбалку или на охоту, причем в компании никому не известных актеров из массовки и технических работников киностудии.

При довольно высоком росте (185 сантиметров) Гейбл двигался очень грациозно, великолепно одевался и был просто помешан на личной гигиене, например, принимал душ несколько

раз в день, удалял волосы на теле, что послужило поводом для подозрений в нетрадиционной сексуальной ориентации. Но эти подозрения были явно беспочвенны – слишком много прекрасных женщин побывало в постели рокового брюнета.

На первом этапе своей карьеры Кларк явно отдавал предпочтение зрелым женщинам. Злые языки поговаривали, что стареющие влиятельные любовницы очень помогли молодому актеру добиться успеха. И первые его браки можно назвать браками по расчету, а не по любви.

Первая его жена Джозефин Диллон была старше своего супруга на семнадцать лет и позже утверждала, что между ними никогда не было близости. А их брак был формальным. Затем Гейбл женился на богатой 46-летней Риа Лангхэм, успевшей до этого развестись со своим очередным мужем. Гейбл и сам признавал, что ему больше нравились зрелые женщины, а однажды даже заметил: «Зрелая женщина больше видела, больше слышала и больше знает, чем юная девушка… Я всегда готов отдать предпочтение зрелой женщине». Правда, после «Унесенных ветром», когда к актеру пришла слава, место в его постели прочно заняли молодые и красивые девушки.

В 1933 году у него начался роман с 25-летней Джоан Кроуфорд. «Я не верю, что найдется женщина, которая устоит перед сексуальностью Гейбла», – заявляла Джоан. Кроуфорд и Гейбл долго оставались близкими друзьями, хотя им пришлось уступить требованию киностудий, в которых они тогда снимались, и прервать любовные отношения, поскольку актеры в то время имели собственные семьи.

Гейбл вскоре познакомился с голливудской красавицей Кэрол Ломбард, самой большой любовью в его жизни. Вместе они снимались только в одном фильме «Не ее мужчина» (1932). Сумасбродство Кэрол и ее своеобразный, на грани пристойности, юмор привлекли к ней спокойного и сдержанного Гейбла. Вскоре они уже появлялись везде вместе. Называли они друг друга «мамочкой» и «папочкой». Ломбард нравилось подшучивать над всегда серьезным Гейблом. Она часто принимала участие в его охотничьих и рыболовных вылазках. Позже она вспоминала, как они с Гейблом занимались любовью во время охоты на уток.

Кэрол стала женой Гейбла после его развода с Риа Лангхэм. После свадьбы Кэрол очень изменилась, стала более спокойной и сдержанной. Их семейная жизнь была счастливой. Супругов огорчало лишь отсутствие детей. Один из их друзей позже говорил: «Чтобы иметь детей, они занимались сексом во всех позициях, известных человечеству. Они бы делали это, высунувшись из окна, если бы кто-нибудь только сказал, что

после этого Кэрол забеременеет».

Гейбл очень любил жену, однако просто не мог быть «мужчиной для одной женщины», и Кэрол время от времени взрывалась и устраивала мужу сцены, особенно когда до нее доходили слухи об очередной интрижке Кларка с партнершей по фильму.

Через три года после их свадьбы Кэрол погибла в авиакатастрофе. Среди обломков нашли ее обручальное кольцо, подарок мужа. Для Гейбла это был тяжелейший удар Он не мог понять, почему все как при ней, но без нее…

Продолжать кинокарьеру не было сил. Жизнь казалась бессмысленной. Гейбл поступил в офицерскую летную школу. В Европе он сражался с фашистскими асами, чудом остался жив. Получил многочисленные награды за полеты над Берлином. 43-летний Гейбл возвратился в Голливуд.

Он всю жизнь искал женщину, похожую на Кэрол. После бессчетного числа любовных связей с самыми различными женщинами Гейбл женился на Сильвии Эшли. Брак очень скоро распался, и Гейбл заявил, что был пьян, когда предложил Сильвии выйти за него замуж.

В возрасте 54 лет он женился в пятый и последний раз, найдя, наконец, в образе маленькой светловолосой Кей Спреклз копию своей давней любви. Кей была на шестнадцать лет моложе мужа и во всем старалась походить на Кэрол. Гейбл со своей новой женой стал вести спокойную и размеренную жизнь у себя на ранчо.

16 ноября 1960 года после съемок очередного фильма Кларк Гейбл скончался на ранчо от сердечного приступа. Через четыре месяца у Кей родился сын…

Гейбл часто бывал весьма неразборчив в выборе своих сексуальных партнерш. Он, например, пользовался услугами дорогих проституток по вызову. Когда у него однажды спросили, зачем он бросает на ветер деньги, ведь ему стоит лишь пальцем поманить, как за ним пойдет любая женщина, Гейбл ответил: «Я это делаю потому, что я плачу ей, мы делаем свое дело, и она, довольная, уходит. Другие женщины пытаются продолжить отношения, мечтают о большом романе, хотят, чтобы все было как в кино. Я не желаю быть самым великим любовником в мире».

Для Гейбла не существовало некрасивых женщин. Однажды его друг спросил у него, почему он поддерживает связь с «уродиной». Гейбл ответил: «Да ладно тебе, женщина как женщина». Более десяти лет Кларк поддерживал близкие отношения с голливудской писательницей, далеко не красавицей. Она как-то поведала своей близкой подруге: «Когда мы с Кларком

занимались любовью, я не испытывала особого удовольствия до тех пор, пока не открывала глаза и не осознавала, что мужчина, который лежит на мне – сам Кларк Гейбл! Вот тут-то я и начинала чувствовать страшное возбуждение».

Гейбл в разное время поддерживал любовную связь практически со всеми ведущими актрисами Голливуда, от Грейс Келли до Авы Гарднер и «платиновой блондинки» Джин Харлоу. Как-то раз, рассматривая рекламный снимок кинокорпорации «Эм-джи-эм», где были изображены самые известные актрисы Голливуда, Гейбл воскликнул: «Какие прекрасные женщины! Подумать только, ведь я был близок с каждой из них!»

Кларк был на двадцать восемь лет старше Грейс Келли. Когда они познакомились, Грейс, будущая принцесса Монако только начинала свою кинокарьеру. Она согласилась сниматься почти бесплатно, узнав, что ее партнерами будут звезды Гейбл и Ава Гарднер. «Сядь и, затаив дыхание, выслушай главную новость, – писала она своему другу Биллу Аллину, подражая стилю книги Сэллинджера «Над пропастью во ржи». – Я буду сниматься в Африке вместе со стариной Кларком Гейблом!»

Когда Дональд Синден, молодой британский актер, игравший в «Могамбо» мужа героини Грейс, прибыл в конце ноября в Найроби, он увидел, что Гейбл и Келли стали неразлучными друзьями. Ава Гарднер в это время ждала ребенка от мужа Фрэнка Синатры, поэтому Гейбл выбрал себе новый объект внимания.

«Что касается их романа, – писала она позднее в своих мемуарах, – то с первого взгляда было ясно, что Кларк пожирал глазами Грейси, а она – его. В ту пору ни он, ни она на были обременены семьей, да и вообще, по-моему, любая нормальная женщина просто не могла не влюбиться в Кларка».

Как писала Ава Гарднер в своих мемуарах, ему явно не хватало красноречия, и если обращались к нему с вопросом: «Эй, Кларк, дружище, как дела?» – он терялся и не знал, что ответить. Однако Гейбл был по-прежнему большой мастер хитровато улыбаться в усы – в свое время эта улыбка вскружила голову Скарлетт О'Хара – и поэтому без труда покорил сердце Грейс. Та приехала в Африку, чтобы играть вместе с «королем Голливуда», ей это удалось. Грейси любила прошмыгнуть к нему в комнату и позвать: «Ба!» – что на суахили означает «отец».

Парочка даже не думала притворяться. Синден в своей автобиографии «Немного мемуаров» вспоминал, как однажды ночью по ошибке забрел темную комнату Кларка. Там он застал «короля» в постели с девушкой, оба были совершенно обнаженные.

В те дни, когда Грейс не была занята на съемках, они рано

утром уезжали на старом джипе покататься по саванне. Сбросив с себя всю одежду, купались в озере Виктория. Кларк и Грейс прекрасно чувствовали себя в обществе друг друга. И только в одном девушка не могла тягаться с голливудскими звездами – в употреблении спиртных напитков.

Однако после Нового года их безмятежной жизни пришел конец: съемочная группа вернулась в цивилизацию. Слухи о романе Грейс и Кларка опередили их самих. Когда участники прибыли на студию «МГМ» в Борхэмвуд для завершения съемок, репортеры уже были тут как тут в ожидании дальнейшего развития событий. Грейс и Кларк расположились в роскошных номерах-люкс отеля «Савой», выходящих окнами на Темзу.

Четырежды женатый человек, за спиной которого было тридцать лет переездов с места на место и бессчетное количество романов, Гейбл, умудренный опытом, знал, когда следует поставить точку. Однако Грейс подобный поворот событий был в новинку, и ее письма к подруге в Нью-Йорк наполнены неподдельным горем. «Когда мы приехали в Лондон, его словно выставили на всеобщее обозрение. Он был Кларк Гейбл. Я же – никто».

Кларк Гейбл, разумеется, был гораздо выше, нежели заурядный донжуан, и Грейс ему нравилась совершенно искренне. Его публичные заявления о том, что он-де испытывает к ней исключительно отцовские чувства, были не так уж далеки от истины. Гейбл проводил молодую актрису в аэропорт, чтобы с дружеской улыбкой пожелать ей доброго пути. Это было сделано намеренно, чтобы положить конец всяким слухам. Однако Грейс было чуждо притворство. На глазах у нескольких десятков репортеров и кинооператоров, она, не сдержавшись, разрыдалась. И лишь со временем она научилась видеть в нем только старшего товарища, и он сопровождал ее на голливудских торжествах…

Мэрилин Монро долгое время считала Кларка Гейблом… своим отцом. По крайней мере, он очень напоминал ей человека на фотографии, того самого, про которого ей когда-то мать сказала, что это ее отец.

В июле 1960 года в отеле «Мейпс» в Рино, штат Невада, собрался уникальный ансамбль талантов. В фильме «Неприкаянные» режиссера Джона Хьюстона должны были сниматься такие звезды, как Гейбл, Монро, Клифт и Уоллч. Мэрилин предстояло сыграть роль Розлин, одинокой беспокойной женщины с Запада, которая приезжает в Рино, чтобы развестись с мужем. Она влюбляется в Гая, закоренелого индивидуалиста, мужчину много старше ее. Он промышляет тем, что вместе с двумя парнями отлавливает диких лошадей. Его играл Кларк

Гейбл.

«Все эти годы я думала о нем, – говорила она журналисту, – и вот теперь Ретт Батлер! Разве он не чудный? Мы репетировали одну очень длинную сцену, как вдруг он начал подрагивать, так, чуть-чуть. Я даже не могу передать, как много это для меня значило. Узнать, что некто – мой кумир – просто человек».

Кларк Гейбл, профессионал в высшем смысле этого слова, понимал ценность Мэрилин как актрисы. Он сказал своему агенту Джорджу Чейзину, что работа с Мэрилин в «Неприкаянных» сделала этот фильм одним из самых лучших среди его картин. Но работать с Мэрилин ему было сложно. «Проклятье, она мне нравится, хотя дьявольски непрофессиональна. Я, черт побери, едва не сошел с ума в этом Рино, ожидая, когда она появится».

Монро же часто пропускала съемки, стала тонуть в алкоголе и злоупотреблять таблетками. С большим трудом удалось доснять «Неприкаянных»…

Узнав, что от сердечного приступа скончался Кларк Гейбл, Мэрилин сказала сквозь слезы: «О Господи, какая трагедия! Знать его и работать с ним было для меня большой радостью. Передайте мою любовь и глубочайшее соболезнование его жене, Кей».

Кей Гейбл в ту пору была беременна, и отцу не пришлось увидеть новорожденного. К Мэрилин она испытывала двойственное чувство. В глубине души она подозревала, что та вскружила голову ее мужу. Своей подруге Кендис Рочлен миссис Гейбл сказала, что, по ее мнению, «напряжение, вызванное работой с Мэрилин, сыграло определенную роль в кончине Кларка». Однако на следующий год Мэрилин все же пригласили на крестины новорожденного сына Гейбла, и она так долго и так страстно прижимала его к груди, что гости почувствовали себя неловко.

Мэрилин на самом деле считала себя виноватой в смерти Гейбла, признавшись, что во время съемок «Неприкаянных» она скверно обращалась с ним. Мэрилин спросила Сиднея Скольски: «Наверное, я наказывала своего отца? Отыгрывалась на нем за все те годы, которые он заставил меня ждать?»

Актриса Джоан Блонделл подвела своеобразную черту под всеми высказываниями о Кларке Гейбле, заявив: «Он волновал всех женщин. Он не волновал только мертвецов».

ДЖИМИ ХЕНДРИКС (1942—1970)

Собственное имя – Джеймс Маршалл. Американский рок-гитарист, автор песен и певец. Его виртуозный стиль игры на гитаре стал легендой. В 1966 году организовал собственную группу. Его техника игры на гитаре оказала влияние на развитие рока и джаза. «Есть ли у вас опыт?» (1967) стал его дебютным альбомом. На фестивале в Вудстоке (1969) исполнил необычную версию американского гимна, прозвучавшего также в фильме «Вудсток».

В жилах его текла кровь индейского племени чероки. Он стал первым небелым секс-символом. Олицетворением вызова и чувственности. Автор таких классических композиций, как «Пурпурная мгла» и «Дитя вуду», он оставил свой собственный почерк в интерпретациях мелодий «Битлз», Дилана, Чака Берри. Четырех его альбомов было достаточно поколению шестидесятых, чтобы объявить его богом.

Джими Хендрикс скончался в 1970 году в Лондоне. Рок-мир потерял одного из немногих своих гениев. Потерял и гитару – его самую большую любовь. «Смерть наступила в результате передозировки наркотических веществ», говорилось в медицинском заключении. «Король поп-музыки стал жертвой наркотиков», – писали газеты. «Нью-Йорк таймс» назвала его чернокожим Элвисом.

Еще ребенком он начал рисовать и писать стихи. Когда ему исполнилось семнадцать, его выгнали из школы, потому что «во время урока он держал за руку белую девочку». Через год он начал заниматься парашютным спортом. Шестнадцатый прыжок оказался роковым для него – сломал лодыжку. Его освободили от военной службы, и Джими не участвовал во вьетнамской кампании.

В конце 1959 года начинался шестилетний период «выучки» в оркестрах таких известных исполнителей, как Би Би Кинг, Сэм Кук, Оттис Реддинг, Джо Текс, Айк и Тина Тернер, Джеймс Браун и Литтл Ричард. Триста вечеров наблюдал он за искусством завоевывать публику. Он никогда не забывал этих уроков.

В 1966 году Хендрикс поселился в Гринвич-Виллидж и там создал группу) «Блу флеймз». С африканской прической, в вышитой рубашке и пестром шейном платке Джими играл за 10 долларов каждый вечер в местном заведении «Уа». Там Хендрикса

заметил экс-гитарист группы «Энималз» Чес Чандлер и убеждал талантливого парня поехать вместе с ним в Лондон.

При помощи газетных объявлений они нашли двоих белых музыкантов – Реддинга и Мичела. Чес взял на себя обязанности менеджера группы «Джими Хендрикс икспириенс». Они стали настоящей музыкальной сенсацией и в Англии, и в Америке, хотя часть публики и была сначала шокирована их внешним видом и поведением на сцене. Знаменитый Эрик Клэптон воскликнул: «Никогда не слышал ничего подобного!» Первое же турне Джими и его группы по США, где они сопровождали популярную в то время группу «Манкиз», закончилось скандалом и запретом продолжать турне. Это событие, впрочем, не повлияло на стремительный рост популярности Джими Хендрикса.

Вначале Джими неплохо справлялся с ролью рок-звезды, в которой оказался достаточно неожиданно для всех и для самого себя. Три года, в течение которых Джими был в зените славы, совершенно опустошили его. Он стал злоупотреблять алкоголем и наркотиками, в том числе и такими, как ЛСД и героин.

Джими был уникальным гитаристом и композитором. Кроме этого, он был виртуозным исполнителем, который необычно выглядел, непривычно одевался и мог играть на гитаре локтями, зубами и языком. Хендрикс был одним из самых сексуальных музыкантов в истории рока, иногда даже казалось, что он всерьез пытается изнасиловать свою гитару на сцене, не переставая при этом извлекать из нее фантастические звуки.

После вошедшего в историю рок-музыки великолепного выступления на поп-фестивале в Монтеррее в 1967 году, Хендрикс вылил на свою гитару спирт из зажигалки и поджег ее, чем тоже вызвал бурю восторга. Ритуал разбивания и сожжения гитары, ставший неизменным номером на концертах Хендрикса, привлекал все большее число зрителей. Впрочем, сам гитарист вскоре устал от шокирующих публику выходок. Теперь он хотел, чтобы в нем видели прежде всего композитора и исполнителя, а не клоуна.

После распада первой группы появилась новая – «Бэнд оф джипсиз». Хендрикс играл в нью-йоркских джаз-клубах, участвовал в «джем сейшнз» с известными исполнителями. Он готовил к выпуску новые альбомы, открыл ультрасовременную студию звукозаписи в Нью-Йорке. В августе 1970 года он отправился на фестиваль в Уайт. 18 сентября подруга Джими нашла безжизненное тело любовника, а на ночном столике записку: «Жизнь – только любовь – «привет» и "С богом!"»

На сцене Джими вел себя в зависимости от настроения: то спокойно и вежливо, как джентльмен, то вдруг взрывался и

крушил все вокруг. Иногда он был застенчивым и тихим, любил то одиночество, то шумные веселые компании, друзей и поклонников.

Вероятно, Джими так же плохо знал и понимал самого себя, как и все окружающие его люди. С ним часто случались приступы меланхолии, сменявшиеся вспышками ярости – и тогда он избивал любовниц, крушил мебель, в чем позже, придя в себя, страшно раскаивался.

Большую часть своей жизни Джими не задумывался о том, что он «черный» (он был наполовину индейцем и наполовину негром, а его мачеха была японка). Друзья и любовницы Хендрикса представляли все расы и самые разные национальности. Сегодня о его сексуальности слагают легенды.

Он был молод, знаменит, обладал экзотической красотой и как магнит притягивал к себе женщин. Джими же, чтобы умерить свой любовный пыл, приходилось иметь дело одновременно с тремя своими подругами. По словам одной из них, его любовный инструмент был «почти таких же размеров, как гитара». В конце 1960-х годов Хендрикс был настоящим черным секс-символом для женщин во всем мире.

Разумеется, в жизни Джими было очень много случайных связей, но не обошла стороной его и большая любовь.

Кейти Этчингэм, красивая англичанка, естественно, знала, что Хендрикс пользуется огромной популярностью у женщин. Она даже фантазировала, что у Джими есть дети в Швеции, Америке и Германии, утверждая, что для Джими «переспать с женщиной – все равно, что для обычного человека выкурить сигарету». Джими, когда приезжал в Лондон, появлялся в обществе Кейти на вечеринках. Девушка старалась спокойно относиться к неверности Джими. Правда, когда кто-то из них переживал приступ ревности, дело заканчивалось дракой. Во время одной из таких драк Джими ударом ноги сломал Кейти нос. Чуть позже она коварно отомстила ему, ударив спящего любовника сковородкой по голове. Их роман продолжался три года. Когда же Кейти вступила в брак, ее муж великодушно разрешил супруге поддерживать с гитаристом дружеские отношения.

В течение нескольких лет любовницей Джими была Девон Уилсон, одновременно выполняющая обязанности его секретарши, поставщика наркотиков и сводницы. Он часто занимался с ней любовью, платил ей зарплату и даже посвятил ей одну из своих песен.

Джими не обошел вниманием и певицу Марианн Фейтфул, которая была тогда любовницей Мика Джаггера. Однажды в Лондоне Джими сел в клубе за столик к Марианн и Мику и,

повернувшись спиной к Джаггеру, стал шептать Марианн на ухо, как он ее страстно желает, и что она должна пойти с ним прямо сейчас и бросить навсегда этого Мика. Марианн отказалась.

Когда Джими познакомился с Моникой Даннеман из Германии, тренером по фигурному катанию, он посвятил ей целый концерт, на котором присутствовали тысячи зрителей. Она была польщена, но вначале держалась с Джими весьма холодно. Позже она по-настоящему полюбила его и даже рассказывала, что они собирались пожениться. Правда это или нет, ответить на этот вопрос невозможно, но известно, что именно Моника находилась с Джими в ту ночь, когда он умер.

Впрочем, любая из его пассий всегда оставалась на втором месте в жизни Джими после гитары, которую он называл «моя электрическая леди».

ЖАН-ПОЛЬ САРТР (1905—1980)

Французский писатель и философ, ведущий представитель экзистенциализма. В 1938 году вышел его первый роман «Тошнота», за которым последовали трилогия «Дороги свободы» (1944—1945) и множество пьес, в том числе «Без свидетелей» (1944). Редактировал журнал «Новые времена» («Les Temps modernes»). В «Преступлении чувств» (1948) подверг критике некоторые аспекты коммунизма, продолжая в основном симпатизировать ему. Отказался от Нобелевской премии в области литературы (1964) по «личным мотивам», но впоследствии изменил свое мнение, заявив, что она нужна ему ради денег.

Официальных похорон не было. Жан Поль Сартр, умерший в 1980 году, перед смертью сам просил об этом. Известный французский писатель, активный участник левого движения и крупнейший философ своего времени, который отказался от ордена Почетного легиона и Нобелевской премии по литературе за 1964 год (повесть «Слова»), превыше всего ценил искренность. Однако по мере того как похоронная процессия продвигалась по левобережному Парижу мимо любимых писателем мест, к ней стихийно присоединились 50 тысяч человек.

Возлюбленная Сартра на протяжении полувека автор философских романов и яростная феминистка Симона де Бовуар писала: «Его смерть разлучает нас. Моя не соединит нас снова. Просто великолепно, что нам было дано столько прожить в полном согласии».

Бовуар и Сартр – два наиболее влиятельных писателя нынешнего столетия – в 1940—1950-х годах стали олицетворением свободы мысли и образа жизни. Их философия, экзистенциализм, отрицала космическую идею, высшую власть. По их убеждению, государство, общество, родители не должны нести никакой ответственности, и каждый человек волен сам строить свою жизнь. «Вы свободны, поэтому выбирайте», – писал Сартр.

Бовуар и Сартр жили в соответствии с этой философией, ловко жонглируя ответственностью и свободой. Чтобы избежать острых углов, они строили свои отношения по собственным законам. Не признававшие брак, моногамию и совместное проживание, эти двое, впрочем, почти ежедневно были вместе, а

если их разделяло приличное расстояние, то они писали друг другу.

Вызывавшая кривотолки пара была в восхищении от поп-культуры. Сартр любил голливудские фильмы, а Бовуар жадно проглатывала толстые литературные журналы. Они не только снискали широкую известность своими философскими воззрениями, у них была еще возможность распространять свои идеи через увлекательные романы и пьесы. Сартр в черной поло, Бовуар в тюрбане были воплощением богемной жизни послевоенного Парижа.

Оба они выросли на левом берегу Сены в интеллигентной среде, где им было суждено прожить всю жизнь и с миром упокоиться. Сартр родился в 1905 году. Он был единственным и обожаемым ребенком овдовевшей женщины.

Его отец, французский офицер военно-морского флота, умер через год после рождения мальчика. Мать Анна-Мария Швейцер и сын были настолько привязаны друг к другу, что даже спали в одной комнате. «Я поверял ей все», – писал позже Сартр. Бабушка считала Жан-Поля гением, мать – будущим великим писателем. Сам же Сартр просто довольствовался положением вундеркинда. Однако, вступив в юношескую пору, он почувствовал себя «обманщиком», смотрящим на мир только чужими глазами.

Бовуар появилась на свет тремя годами позже Сартра и, в отличие от него, просто ненавидела, когда из нее делали идола. Часто она закатывала истерики, с которыми ее родители ничего не могли поделать. Повзрослев, Бовуар решила для себя, что удел женщины – скука, тогда как ей хотелось испытать на свете все: и секс, и независимость, и профессиональную радость. Отбросив условности, она взяла на себя роль крестной матери современного феминизма.

В девятнадцать лет Сартр познакомился с Камиллой, которая была старше его на три года. Девушку в детстве соблазнил друг ее родителей, а с восемнадцати лет она работала в публичных домах. Четыре дня и ночи Сартр и Камилла занимались любовью в постели, пока их родственники не заставили их разойтись. Они продолжали встречаться в течение пяти лет, пока Камилла не нашла себе богатого любовника.

В 1929 году Сартр познакомился в Сорбонне с умной и красивой девушкой Симоной Бовуар. Она изучала литературу и философию, девушку прозвали Кастор (бобр), потому что «бобр – животное стадное и наделено любовью к созиданию», поясняла позже писательница.

Он был небольшого роста, с брюшком, слепой на один глаз. Она отличалась элегантностью, одевалась либо в яркие шелка,

либо во все черное. Впрочем, Бовуар пришла в восторг от щедрости и юмора, с которыми Сартр делился своими знаниями, и высоко оценила его интеллект.

Вскоре выяснилось, что они стремятся к одной и той же цели: развенчать буржуазные ценности и создать новую философию. Бовуар была педантичным философом и заставляла Сартра оперировать неопровержимыми аргументами. Он всю жизнь полагался на ее редакторское чутье и острый ум. Они заключили договор, который для многих современных пар стал образцом для подражания: быть вместе, оставаясь при этом свободными. Брак и соблюдение верности исключались. Сартра это устраивало, поскольку этот сексуальный анархист не мог устоять перед чарами привлекательных и глупеньких молодых девиц. Взамен единобрачия они дали обет рассказывать друг другу «все», быть «откровенными».

Распростившись с Сорбонной, Бовуар и Сартр занялись преподаванием в лицеях. Бовуар главным образом в Руане, Сартр – в Гавре. Именно в этот период они начали переписываться – привычка, оставшаяся на всю жизнь, – и вместе ездить за границу. Однажды в 1933 году в Лондоне Сартр потащил Бовуар на фильм «Синара», после чего мелькнувшая в нем фраза «я был верен тебе по-своему», стала их девизом.

В 1934 году, во время учебы в Берлине, Сартр впервые воспользовался своим правом, влюбившись в Мари, жену одного из студентов. Во время рождественских каникул Сартр вернулся в Париж и рассказал Симоне о своем романе. В феврале Симона, взяв на работе короткий отпуск, отправилась в Берлин. Она встретилась с Мари и Сартром. Опасения Бовуар тут же улетучились, когда они объявили ей, что связь между ними временная и нисколько не угрожает отношениям Симоны с Жан-Полем.

Сартр не хотел терять Бовуар. Она была ему необходима. Однако по прошествии первых двух лет он почувствовал, что между ними установились слишком уж размеренные, контролируемые отношения. Сартр начал принимать вызывающий галлюцинации мескалин (позже он описал свои ощущения в романе «Тошнота»), страстно стремясь вновь окунуться в «беспорядочную жизнь, исполненную бурной, неукротимой, необузданной свободы». Он исполнил свое желание, когда встретил жизнерадостную и капризную Ольгу Казакевич. По словам Сартра, он испытал тогда чувство, которое «постепенно очищало его от тривиальной скверны». Однако Ольга была влюблена в Бовуар, свою бывшую преподавательницу философии в Руане.

«Когда мы впервые увидели Кастора, она показалась нам такой строгой, – рассказала Ольга много лет спустя. – Она была красивой, полной жизни женщиной с умелым макияжем».

Впрочем, Ольга не осталась равнодушной и к обаянию Сартра, к его проницательному взгляду больших серых глаз и интеллекту. Когда любовь втроем стала явью, Бовуар перестала чувствовать себя «одним целым» с Сартром, однако это подхлестнуло ее к сочинению романов. В материале недостатка не было, поскольку Сартр рассказывал своему любимому Кастору «обо всем». Так появился роман «Она пришла, чтобы остаться» об извечном любовном треугольнике. Повествование заканчивается искусно задуманным убийством общей любовницы.

В реальной же жизни Ольга стала первым членом «семьи» Сартра и Бовуар. Эта группа избранных состояла из друзей, оставшихся им верными всю жизнь. Они входили в этот магический круг обычно после того, как побывали в любовниках у кого-то из этой пары.

К 1938 году Бовуар и Сартр, преподававшие в то время в Париже, обосновались на Монпарнасе, который хоть несколько и подрастерял былую популярность 1920-х годов, тем не менее продолжал привлекать художников и писателей со всего света.

Здесь мечты Сартра о славе стали воплощаться в реальность. Первый успех пришел с романом «Тошнота» (1939), который автор посвятил Симоне, а сборник коротких рассказов «Стена», вышедший через год, был презентован Ольге.

Одновременно с двумя этими женщинами в жизнь Сартра вошла еще одна. Ванда – сестра Ольги. Он лишил ее невинности, о чем не преминул рассказать Бовуар: «Должно быть, я очень люблю ее, коль взялся за такую грязную работу». А со временем составилось новое сексуальное и эмоциональное трио, в которое вошла рыжеволосая еврейка Бьянка Бьененфелд. К тому же Бовуар, в свою очередь, закрутила роман с Жак-Лореном Бостом – одним из бывших студентов Сартра, который стал очередным пожизненным членом «семьи»… влюбленным в Ольгу.

«Для меня наши отношения – нечто драгоценное, нечто, держащее в напряжении, в то же время светлое и легкое», – как-то раз призналась Симона Сартру.

Воина, начавшаяся 1 сентября 1939 года, не распутала сложный любовный узел. 4 сентября Сартра призвали в армию. Вскоре он начал засыпать нежными письмами Бовуар, Бьененфелд и Ванду. Плененный женской «расой», экстремист по натуре, он не мог ограничиться одной из них.

«Я так и не постиг, как положено вести сексуальную и эмоциональную жизнь. Я серьезно и искренне считаю себя

жалким бастардом (в Западной Европе в средние века внебрачный сын влиятельной особы), или каким-то садистом с университетским образованием, или отвратительным донжуаном с душой мелкого чиновника. С этим пора кончать», – писал Сартр, как всегда честный с Бовуар. Этого, увы, так и не случилось.

«Дорогой, – писала Симона возлюбленному, – ты должен заняться разработкой философской системы, раз у тебя есть свободное время». И Сартр, следуя совету, приступает к работе. Вскоре из-под его пера вышел первый том романа «Дороги свободы». Затем писатель начинал работу над своим главным философским детищем «Бытие и небытие» и завел военный дневник. «Я всегда чувствовал, – отмечал он, – что цель моей жизни – писать».

Невзирая на ежедневные послания всем своим женщинам, бесценный отпуск Сартр берег для Бовуар.

«Моя несравненная любовь, – писал Сартр, – ты принесла мне 10 лет счастья… Ты самая совершенная, самая умная, самая лучшая и самая страстная. Ты не только моя жизнь, но и единственный искренний в ней человек».

В 1940 году немцы оккупировали Францию, и Сартр оказался в лагере для военнопленных. Как ни парадоксально, он неплохо себя чувствовал в лагерных условиях. «Мы не виноваты в том, что угодили сюда, – писал он. – Мы здесь просто потому, что не можем выбраться. Голова может отдохнуть!»

Сартр снова встретился с Симоной в 1942 году в наводненном немцами Париже и, не теряя времени, влился в движение Сопротивления. Война лоб в лоб столкнула писателей с политикой, наведя на мысль, что в их философии, касавшейся лишь личной свободы, может найтись место и для свободы политической.

В 1945 году они выпустили первый номер журнала «Тан модерн», ставшего самым влиятельным левым периодическим изданием послевоенного времени. Бовуар и Сартр оказались на гребне славы.

В 40 лет Сартр стал признанной интеллектуальной звездой. Его лицо появилось на обложке лондонского журнала «Таймс мэгэзин», и экзистенциализм стал новым модным словечком. Слава писателя еще больше упрочилась с появлением двух пьес – «За запертой дверью» и «Преступная страсть», в которых обсуждался вопрос о свободе выбора. Обе они были поставлены на Бродвее. Позже Сартра обвиняли в распространении аморальных настроений в 1960-х годах, но он хотел показать, что свобода требует ответственности, потому что за любой поступок человеку придется отвечать в будущем.

Лихорадочно стремясь поделиться со всеми своими мыслями, Сартр стимулировал себя с помощью кофе, фенамина и виски. В 70 лет он растолковывал одному журналисту, что таблетки давали ему возможность думать и писать втрое быстрее, нежели в нормальном состоянии. Бовуар же полагалась исключительно на железную самодисциплину. Взаимное постоянство ее и Сартра оставалось непоколебимым, хотя верностью в этом альянсе по-прежнему не пахло. В то время Сартр страстно вздыхал по двум молоденьким актрисам Долорес Ванетти и Мишель Виан.

Затем он познакомился с семнадцатилетней еврейкой из Алжира Арлет Элкаим и стал жить с ней. Сартр едва не женился на ней, чтобы предотвратить ее депортацию из Франции. К тому же писателю показалось, что она беременна. Однако Сартр не женился на Арлет, а… удочерил ее.

В отличие от тех, у кого юношеский задор сменяется с годами удовлетворенностью, как Бовуар, так и Сартр, взрослея, придерживались все более радикальных взглядов. В 1961 году они активно выступали в поддержку алжирского народа, поднявшегося против французских колонизаторов. Сартр стал мишенью «патриотического» гнева пяти тысяч французских солдат-ветеранов, промаршировавших по Елисейским Полям, скандируя: «Смерть Сартру!» В его окна дважды бросали гранаты.

Но за рубежом с Сартром и Бовуар обращались как со старейшими и заслуженными государственными деятелями. Их фотографировали. Они обменивались рукопожатиями с Фиделем Кастро, Че Геварой, Мао Цзэдуном, Никитой Хрущевым и Тито.

В середине 1970-х годов Сартр вынужден был распроститься с пером, поскольку почти ослеп. Он пристрастился к алкоголю, которым его тайно снабжали «разные молодые поклонницы», к большому неудовольствию Бовуар.

Когда 15 апреля 1980 года Сартра не стало, Симона от нервного потрясения тяжело заболела пневмонией. Еще шесть лет она продолжала жить в своей квартире с видом на монпарнасское кладбище, где погребли прах ее друга, и умерла почти день в день с Сартром: 14 апреля 1986 года. Теперь Симона де Бовуар и Жан Поль Сартр – пара, верная друг другу до конца, – покоятся вместе.

РОБЕРТ ДЕВЕРЕ, ГРАФ ЭССЕКС (1566—1601)

Фаворит королевы Англии Елизаветы. Участвовал в военных действиях против Голландии (1585), Португалии (1589), сражался во французской армии Генриха IV (с 1591) и отличился при взятии Кадикса (1596). В 1599 году был назначен королевой наместником в Ирландии, где заключил невыгодное для Англии мирное соглашение. Возглавил заговор против Елизаветы, но был арестован, предан суду и 25 февраля 1601 года казнен.

Роберт родился 10 ноября 1566 года в семье Уолтера Девере, графа Эссекса, бывшего наместника Ирландии, и Летиции Ноллис, родственницы Елизаветы (со стороны ее матери Анны Болейн). После загадочной смерти мужа Летиция Эссекс тайно обвенчалась с фаворитом королевы Елизаветы I графом Лестером.

Роберт оказался на попечении лорда Бурлея. Брак матери с Лестером оставался тайной для всего двора до 1578 года, когда посланник герцога Франциска Анжуйского не рассказал об этом Елизавете. Разгневанная королева потребовала от временщика ответа, грозилась засадить его в Тауэр, но вскоре сменила гнев на милость. Граф Лестер сумел убедить королеву, что все это не более чем гнусная клевета, козни интриганов, завидовавших их счастью…

Примерно в это же время при дворе появился семнадцатилетний Роберт Эссекс, стройный красавец, умом и образованием напоминавший феноменального Филипа Сидни, этого «бесценного алмаза в короне Елизаветы».

Граф Лестер, представивший его ко двору, расхваливал Роберта в тайной надежде, что сын Летиции со временем заменит его на месте фаворита. Дебют молодого Роберта в роли царедворца прошел весьма удачно и получил всеобщее одобрение.

Это произошло осенью, в Виндзоре. В тихую, ясную погоду Елизавета вышла на прогулку в парк в сопровождении фрейлин, Лестера, Чарлза Бланта и Эссекса. Гуляя по аллеям, королева, задумавшись, не заметила, как оказалась в запущенном уголке парка. Огромная дождевая лужа преградила ей путь. Елизавета остановилась, размышляя, отступить ей или же обойти лужу по влажной траве. Заметив замешательство королевы, Эссекс сорвал с плеча свою богатую епанчу голубого бархата, вышитого серебром, и бросил ее под ноги Елизаветы. Эта внимательность и

находчивость впоследствии была по достоинству оценена, а в тот момент ласковая улыбка и несколько приветливых слов были наградой молодому кандидату в фавориты, которому лужа послужила первой ступенькой к возвышению. Справедливости ради надо сказать, что Эссекс не первый и не последний фаворит, благодаря грязи вышедший в люди…

После смерти Лестера Елизавета недолго оплакивала своего фаворита. Освободившаяся вакансия еще при жизни Лестера была занята молодым Эссексом. Зимой 1588—1589 года острое соперничество между Чарлзом Блантом и графом Эссексом привело к дуэли. Елизавета прислала Бланту золотую королеву из своего шахматного набора, которую он потом носил на ленте своего рукава, чтобы продемонстрировать ее расположение, что и вызвало колкость Эссекса: «Теперь я вижу, что дуракам действительно везет!»

Отчитав дуэлянтов тоном доброй бабушки, выговаривавшей шалунам-внукам, королева их помирила, и бывшие враги стали добрыми друзьями. Сравнение королевы с бабушкой, а графа Эссекса и Бланта – с внуками тем более уместно, что оба они по возрасту действительно годились ей во внуки, но именно поэтому она и удостаивала Эссекса пылом старческого своего сердца: ей было тогда пятьдесят шесть лет, а фавориту – двадцать два. Набеленная, нарумяненная, в рыжем парике, украшенной бриллиантовыми нитями, Елизавета рука об руку с Эссексом, как молоденькая девочка, порхала на придворных балах в полной уверенности, что старость, не щадящая простых смертных, к ее британскому величеству не осмелится прикоснуться…

Елизавета в течение тридцати двух лет покровительствовала Лестеру, осыпая его богатствами и почестями, покорялась ему, как жена мужу. Вероятно, она даже побаивалась Лестера, имевшего на нее столь сильное влияние. Для молодого же Эссекса она была госпожой. Королева причиняла ему немало неудобств своей ревностью, капризами. Но как только он пытался ей возражать, она обходилась с фаворитом не слишком вежливо. Новый фаворит напоминал несчастного молодого мужа, продавшегося старой, сварливой жене ради ее богатства…

А между тем Эссекс был честнее, благороднее, добрее, талантливее прежнего фаворита. Пользуясь особенным расположением королевы, он старался отблагодарить ее своими военными победами, к чему Лестер не имел способностей.

Эссексу приходилось иметь дело с многочисленными врагами и завистниками, стремившимися при каждом удобном случае опорочить фаворита в глазах королевы. Эссексу приходилось контролировать каждый свой поступок, каждое слово. Екатерина

слепо верила Лестеру, в Эссексе же – сомневалась; последнему приходилось часто оправдываться перед высокой покровительницей. Елизавета успокаивалась, однако вскоре снова начинала терзаться сомнениями, когда ей приносили очередную порцию сплетен, касавшуюся фаворита.

В начале 1589 года сэр Джон Норрис и Френсис Дрейк задумали экспедицию в Португалию с целью возвратить на престол низложенного дона Антонио. Эта мысль – опасный поход в далекий край, сопряженный с подвигами, может быть, и славными победами, не давала графу Эссексу покоя. И, не спросив разрешения у королевы, он отправился в Португалию, откуда его призвала ко двору Елизавета грозным письмом. Граф Эссекс сразу вернулся. Он ждал выговоров, ареста, но Елизавета неожиданно встретила его ласками и нежностями.

Безумная ревность влюбленной пожилой женщины заставляла графа Эссекса очень осторожно ухаживать за молодыми красивыми женщинами. Он умело разыгрывал роль скромника, неизменно верного своей покровительнице. И даже посвящал ей трогательные стихи. В них поэт отказывался от своей бранной славы, бросал меч и шлем, уступая последний пчелам вместо улья; выражал готовность заменить воинские доспехи – власяницей, лишь бы быть исповедником и капелланом владычицы своего сердца, то есть Елизаветы.

Жизнь двора представляла собой установленный набор обрядов светского характера для почитания земной богини с вкраплениями из интимных знаков внимания к обожаемой женщине. Королева любила выслушивать самые невероятные заверения в вечном обожании, и граф Эссекс – и его секретари – в совершенстве овладели льстивым стилем. Одно из писем Эссекса к королеве обещало: «Два окна в кабинете Вашего Величества будут полюсами моего полушария, где, пока Ваше Величество решит, что я недостоин этого рая, я не упаду как звезда, но буду поглощен, как пар, тем солнцем, которое возвышает меня на такую вершину. Пока Ваше Величество дает мне разрешение говорить, что я Вас люблю, мое счастье, так же как и моя любовь, ни с чем не сравнимо. Если когда-нибудь Вы лишите меня этого права, Вы сможете лишить меня жизни, но не поколебать мое постоянство, поскольку, даже если бы вся сладость Вашей натуры вдруг превратилась в жесточайшую горечь, какая только может быть, не в Вашей власти, несмотря на то что вы великая королева, заставить меня любить Вас меньше».

В 1590 году Эссекс тайно обвенчался со вдовой Филипа Сидни, единственной дочерью канцлера Уольсингэма. Враги фаворита не замедлили донести об этом королеве. Елизавета

пришла в неописуемую ярость! Однако, вынужденная сохранять хоть видимость приличий, королева выговаривала графу Эссексу за этот неравный, с ее точки зрения, неприличный брак, унижающий род Эссексов. «Он мог бы составить партию более достойную, – говорила она приближенным, – от его руки не отказалась бы любая владетельная принцесса!»

В 1593 году Елизавета включила его в число членов Государственного совета. Сердце Елизаветы повелевало ей не расставаться с Эссексом, рассудок, устами его ненавистников, советовал держать его подальше от дел внутренней политики. Елизавета возлагала на него поручения почетные, при удачном исполнении которых он мог заслужить новые награды и милости.

В 1596 году испанцы осадили Кале; обсервационный корпус, посланный в Дувр, был отдан под начальство графа Эссекса. Знаменитый адмирал Говард вместе с фаворитом составил план новой экспедиции в Испанию, и с большим десантом они отплыли к Кадиксу, который вскоре капитулировал. 5 июня 1596 года Эссекс отплыл из Кадикса, а 10 августа прибыл в Плимут, где его встретила Елизавета и восторженный народ.

В Лондон он был приглашен во дворец к Елизавете для важных объяснений. Выведенная из себя постоянными наговорами, происками и интригами, королева обрушила весь свой гнев не на Эссекса, а на врагов-олигархов. Королева подарила своему любимцу перстень, который должен был уберечь его от неприятностей. На краю гибели, оговоренный в каком бы то ни было преступлении, под топором палача Эссекс имел право, предъявив этот перстень королеве, получить полное прощение. Этот перстень был даром Елизаветы не подданному, но любимому человеку, чья жизнь была ей дорога, священна.

Вместе с тем королева была строга и взыскательна к фавориту, отстраняя от должностей всех тех, которых он выдвигал. В результате его рекомендации стали предвестником увольнения со службы. Например, после того как Эссексу не удалось получить должность прокурора для Френсиса Бэкона, в следующем году он пытался сделать его генеральным стряпчим, но настаивал столь решительно, что королева пригрозила отдать должность кому угодно, но только не Бэкону.

Елизавета в ответ на происки интриганов в 1597 году произвела фаворита в генерал-фельдцейхмейстеры. Граф Эссекс тут же испросил у нее разрешения на новую экспедицию в Испанию.

Экспедиция не увенчалась успехом: сильная буря у Плимута, а затем ветры задержали английский флот у родных берегов. Эссекс отменил поход в Испанию, и вместе с Уолтером Рэли

решил плыть в Индию. Но и эта экспедиция с адмиралом сорвалась из-за размолвок между адмиралом и Эссексом. Все их подвиги ограничились завоеванием одного из Азорских островов и захватом трех испанских кораблей, шедших из Гаваны с богатым грузом.

По возвращении в Англию, Эссекс нашел при дворе перемены к худшему и такое усиление враждебной ему партии Сесила, что решился подать в отставку. Елизавета, пытаясь успокоить фаворита от его намерения, произвела его в великие маршалы Англии. Возвысившись, он вообразил, что теперь в состоянии в одиночку бороться с легионом своих недоброжелателей.

В 1597 году Елизавета сделала лордом-адмиралом Говарда из Эффингема, графа Ноттингемского, что дало ему преимущество перед Эссексом, а жалованная грамота позволила ему разделить заслуги Эссекса при взятии Кадикса. Рассерженный Эссекс не являлся ни ко двору, ни в парламент, притворился больным и вызвал на дуэль Ноттингема или любого из рода Говардов. Он успокоился только после того, как Елизавета сделала его граф-маршалом, поставив таким образом выше Ноттингема.

В 1598 году между Англией и Испанией начались переговоры о мире. Лорд Бурлей и большинство членов Государственного совета выступали за мир, граф же Эссекс настаивал на продолжении войны. Вообще в последние три года жизни фаворит, озлобленный, выведенный из терпения, выказывал непозволительную запальчивость. Однажды при обсуждении положения в Ирландии в кабинете королевы он до того разошелся, что она ударила его перчаткой по щеке… Эта пощечина вошла в историю… Не контролируя себя, граф Эссекс схватился за эфес шпаги и сделал шаг к королеве; свидетель скандала граф Арондель едва удержал его…

«Королева и женщина! – воскликнул Эссекс, сверкающими глазами впившись в лицо Елизавете. – Я бы не простил этой обиды даже Генриху VIII, если б он был на вашем месте!»

И, взбешенный, стремительно вышел из кабинета, не обращая внимания на увещевания великого адмирала, ни на королеву, требовавшую, чтобы он остался. В ответ предложение канцлера просить извинения у Елизаветы Эссекс написал ему длинное письмо, в котором не только доказывал, что он прав, но еще осыпал королеву упреками. Последняя не долго сердилась и простила смельчака, внутренне сознавая, что он был прав.

12 марта 1599 года Эссекс был назначен наместником ирландским с неограниченными полномочиями. Однако вместо того, чтобы усмирить вспыхнувшее там восстание, Эссекс заключил невыгодное для Англии перемирие и был отозван

королевой.

Елизавета отдала графа Эссекса под суд Звездной палаты, на котором он крайне плохо защищался, сваливал свои просчеты на других. Наконец, упреждая приговор, предложил судьям удалить его от двора в поместье. Напряжение сказалось на здоровье фаворита, он слег в постель. В сердце Елизаветы проснулась жалость. Отложив на время заседания следственной комиссии, она несколько раз навещала графа, сама подавала лекарства, и вскоре он выздоровел. «Эссекс притворился!» – шепнули завистники королеве, и она им поверила.

Заседания следственной комиссии возобновились. По приговору, утвержденному Государственным советом, граф Эссекс освобождался от всех занимаемых им должностей с лишением наград и сохранением за ним чина генерала кавалерии…

Разжалованный Эссекс удалился в свое поместье. Летом 1600 года, будто солнце из-за туч, напоследок ему улыбнулось счастье: именем королевы ему было объявлено прощение. Правда, ему запрещалось появляться при дворе. Видя в этом, и не без основания, происки врагов, секретарь графа Эссекса, Генрих Кюф, посоветовал хозяину добиться тайной аудиенции у королевы и изобличить интриганов. Граф не стал этого делать, понимая бесполезность подобной затеи.

Партия Эссекса состояла из обедневших лордов и придворных-неудачников, которые были по уши в долгах и в тревоге посматривали в сторону королевы в надежде на финансовую поддержку. Но их претензии на выгодную должность отклонялись, кандидатам Эссекса неизменно предпочитались кандидаты Сесила. Елизавета изменила правила игры… Собственное положение графа держалось на аренде таможенной пошлины на сладкие вина, которую следовало возобновить осенью 1600 года. Однако королева отказала в новой аренде.

Отчаявшись, Эссекс решил свергнуть Елизавету, возвести на английский престол Иакова VI, короля шотландского (сына Марии Стюарт), или самому примерить корону, которой так долго и безуспешно домогался покойный Лестер.

8 февраля 1601 года он и его сторонники предприняли последнюю безрассудную попытку. Они хотели захватить королеву и сделать ее своей заложницей – но им не удалось поднять Лондон, и переворот потерпел фиаско.

Для суда над Эссексом и его сообщниками была назначена комиссия из 25 пэров королевства. Министры королевы, особенно же Френсис Бэкон (некогда облагодетельствованный Эссексом), без труда опровергали все его показания и принудили

отступиться от собственных слов.

Заключенный в Тауэр, граф Эссекс чистосердечно сознался во всем. Однако это не смягчило участи мятежника, и суд после непродолжительного совещания приговорил его к смертной казни. Выслушав приговор, исполнение которого было назначено на 25 февраля, Эссекс, не сделав никаких предсмертных распоряжений, выразил одно только желание – видеть графиню Ноттингем, супругу его заклятого врага, свою бывшую любовницу. Желание осужденного было исполнено, и графиня несколько минут беседовала с ним.

Елизавета не сразу решилась подписать смертный приговор бывшему своему любимцу. Ее возмущала не дерзость, но непреклонность графа Эссекса, ни разу за время следствия не выразившего даже намерения воззвать к милосердию королевы. Она ждала раскаяния – он молчал, она ждала просьбы о пощаде, но гордый Эссекс не желал покупать жизнь ценой унижения.

Утром 25 февраля 1601 года он был обезглавлен в подвальном этаже Тауэра. От внимания присутствовавших не ускользнули тревожные взгляды, которые бросал Эссекс, будто чего-то поджидая. Пушечный выстрел возвестил жителям столицы, что приговор над мятежником совершен, правосудие удовлетворено и душа бывшего временщика вознеслась к небу, как облачко порохового дыма.

Враги Эссекса торжествовали, негодовавшая на них Елизавета со дня казни сделалась задумчивой и рассеянной; имя фаворита, неосторожно при ней произносимое, заставляло ее содрогаться. Воспоминание о графе Эссексе причиняло ей боль, королеве стоило больших усилий, чтобы воздерживаться от выражения своей безутешной скорби.

В начале 1603 года графиня Ноттингем, находившаяся при смерти, пожелала видеть королеву и сообщить важную государственную тайну. Елизавета отправилась к графине и нашла ее в безнадежном состоянии, близком к агонии, но в полной памяти и ясном сознании.

«Известно ли вам, что граф Эссекс накануне своей казни желал видеть меня? – спросила она королеву. – Я посетила его в Тауэре, и он умолял меня, именем всего святого, передать вам перстень… этот самый… и напомнить…»

Рыдания заглушили голос больной. Вырвав у нее из рук перстень, подаренный Эссексу после возвращения из Кадикса, Елизавета повторила: «Напомнить? Напомнить о чем?»

«Напомнить о вашем обещании в обмен на перстень оказать ему милость, какое бы ни было его желание. Несчастный Эссекс, именем той минуты, отсылая вам перстень, просил о

помиловании…»

«А вы не исполнили его желания!» – вскрикнула Елизавета, вставая с кресел.

«Мой муж, узнав об этом, запретил мне…»

«Спасти жизнь своему сопернику? Он мог запрещать вам! Но вы, женщина, не должны были повиноваться! Эссекс, Эссекс… – прошептала королева, прижимая перстень к посиневшим губам и с выражением отчаяния в тусклых глазах. – Бог может простить вас, графиня, – продолжала Елизавета, с негодованием отодвигаясь от постели умирающей, – но я, я не прощаю и не прощу никогда!»

Через два дня графиня Ноттингем скончалась и тем была, бесспорно, счастливее королевы. Вернувшись во дворец, Елизавета, сжимая перстень в руках, упала на постель, и до поздней ночи пробыла в полузабытьи. На все расспросы фрейлин и прислужниц она шептала: «Эссекс!.. Эссекс!..»

Вечером 24 марта она погрузилась в паралитическое состояние, уставив недвижные, потухшие глаза в угол комнаты, и пробыла в этом состоянии девять дней, почти не принимая ни лекарств, ни пищи.

«Эссекс!.. Эссекс!..» – изредка бормотала она помертвелыми устами, покачивая головой, будто тревожимая призраком казненного.

2 апреля она очнулась и на расспросы канцлера о выборе преемника невнятно назвала Иакова Шотландского; 3 апреля Елизаветы не стало.

МАЙКЛ ДУГЛАС (род. в 1944)

Американский актер и продюсер. Снимается в амплуа романтических и мужественных героев. Известность актеру принес телесериал «Улицы Сан-Франциско» (1972—1976). Играл в фильмах «Роман с камнем» (1984), «Жемчужина Нила» (1985), «Уолл-стрит» (1987, премия «Оскар»), «Роковое влечение» (1987), «Основной инстинкт» (1992), «С меня хватит» (1993), «Разоблачение» (1994) и др. Продюсер фильмов, вошедших в «золотой фонд» мирового кино: «Китайский синдром» и «Полет над гнездом кукушки». Продюсер-совладелец фирмы «Меркури-Дугласфилм».

«Эротический плейбой», который смотрит на женщин с трепетом, появился на свет в одной из знаменитых голливудских семей. Его отец, Иссур Данилович Демский, сын еврейского эмигранта из России, известен во всем мире под творческим псевдонимом Керк Дуглас. В 1943 году он женился на происходившей из аристократической семьи актрисе Дайане Дилл, а 25 сентября 1944 года у них родился сын Майкл. Когда мать рассказывала о юношеских годах сына, она прежде всего вспоминала эпизод изгнания ее 14-летнего отпрыска из школы. От него решили избавиться, поскольку присутствие молодого ловеласа слишком волновало женскую половину школы.

Являясь типичным представителем «золотой молодежи», Майкл не спешил заняться чем-то созидательным. Он обзавелся мотоциклом и какое-то время провел в коммуне хиппи. «Мы играли незабываемые комедии и украшали костюмы пенисами из папье-маше. Не проходило недели без праздника. Мы занимались любовью без всякого чувства вины. Мы проводили ночи напролет, сооружая свой собственный мир. Это было самое чудесное время моей жизни. Такое не повторяется». Компанию Майклу Дугласу составляли тогда не менее известные хиппи: Джек Николсон, Кэтлин Тернер, Денни де Вито, Оливер Стоун.

Но увещевания родителей в конце концов возымели действие, и Майкл поступил на актерский факультет калифорнийского университета. В 1972 году он начал сниматься в телесериале «Улицы Сан-Франциско». За четыре года демонстрации фильма его лицо стало знакомым миллионам американцев. Майкл сыграл молодого, начинающего детектива Стива Келлера и понравился всем не только актерской игрой, но и незаурядной отвагой.

Машиной, мчавшейся за преступниками на полной скорости, он управлял сам, не уступая опытным дублерам. Сам же научился работать на компьютере, как заправский программист, когда этого потребовали обстоятельства сюжета.

В 1975 году Майкл решил попробовать себя на продюсерском поприще. Он знал, что отец является владельцем прав на экранизацию романа Кена Кизи «Полет над гнездом кукушки». Но годы шли, а Керку так и не удалось сыграть Макмерфи. Не без труда Майклу удалось отговорить отца от этой роли и передать ее Николсону…

Дуглас-младший одержал блестящую победу, вызвав восхищение и зависть: лента была награждена четырьмя «Оскарами». В своей автобиографии «Сын мусорщика» Керк писал: «Благодаря этому фильму я заработал денег больше, чем за всю мою актерскую карьеру. Но я бы согласился вернуть все до единого цента, только бы мне удалось сыграть эту роль». Керку пришлось бы возвращать 130 миллионов долларов…

Очередным успехом стал «Китайский синдром», отмеченный пятью «Оскарами».

В Вашингтоне во время инаугурации президента США Джимми Картера Майкл Дуглас увидел в холле дочь испанского дипломата 18-летнюю красавицу Диандру Люкер и с первого взгляда влюбился в нее. Знаменательная встреча произошла 20 января 1977 года. «Все оказалось как в грошовом романе. Она стояла в белоснежном платье и выглядела словно Мадонна Боттичелли». В первый же вечер Майкл Дуглас и Диандра стали неразлучной парой, а всего девять дней спустя влюбленный молодой человек сделал ей предложение. Венчание состоялось через шесть недель.

Народу собралось предостаточно. Все пришли посмотреть на «сумасшедшего» Майкла и еще более «ненормальную» Диандру. В их крепкий брак никто не верил.

Новобрачной пришлось нелегко. «Я была молодой и думала, что смогу приспособиться, – говорила Диандра. – Но очень скоро осознала, что приспособиться не смогу. Слишком большие различия были между нами…»

Не долго думая, они решили расстаться.

Майкл с головой окунулся в работу над ролью в фильме «Роман с камнем»… После небольшой передышки – в новой картине, продолжении романтической истории с камнем, фильме «Жемчужина Нила», а потом – «Война в семье Роуз».

И рядом во всех картинах была Кэтлин Тернер. Они ругались и мирились. Он грозил ей штрафом в 25 миллионов долларов, если она не будет выполнять подписанный ею контракт, а Кэтлин

считала, что сценарий фильма написан «левой ногой»… Поговаривали и о том, что они были «романтически помолвлены»… Актриса говорила: «Майкл Дуглас живет для волнений и сердечных призывов… Он был так голоден и безумен в постели, что у меня даже перехватывало дыхание».

Прошло время, и Майкл Дуглас произнес: «Я всегда буду перед ней в великом долгу…»

Но неожиданно для всех Майкл сделал в своей жизни поворот, изумивший всех, кто знал его. Решив обустроить свою личную жизнь, он возвратился к Диандре.

«Я понял, в чем был секрет нашего расставания, – признался Майкл. – Я был очень занят работой, а Диандра пыталась найти себя. Мы оба виноваты, и я рад, что она это тоже признала».

Впрочем, Диандре еще не раз приходилось испытывать чувство ревности, когда она узнавала об интрижках мужа. В 1993 году Диандра снова подала на развод. Майкл же объявил себя «невменяемым» и лег на лечение из-за своей «сексуальной активности» в специальную клинику. «Я – секс-монстр, незнакомый с мерой и целью. Мои чувства управляют мной и не терпят никакого отпора. Если мною овладевает желание, я бессилен противиться ему». В течение года любвеобильный Майкл принадлежал только жене. Диандра как-то с грустью заметила: «Я уверена, что в шестьдесят Майкл будет бегать за 20-летними девушками». Их брак все-таки распался. Диандра так и не смогла смириться с многочисленными романами мужа.

Триумфальным для Дугласа стал 1987 год, когда на суд зрителей были представлены сразу две его роли – в «Роковом влечении» и «Уолл-стрит». «Роковое влечение» – напряженный, порой страшный и великолепно снятый фильм – дал толчок развитию жанра эротического триллера. Режиссер Эдриан Лейн не скрывал, что репутация Дугласа, как одного из самых сексапильных мужчин Голливуда, оказалась для него решающей. Именно Дуглас с его невероятным мужским обаянием должен был стать оправданием «безумств», которые совершает однажды переспавшая с ним женщина. И несмотря на это, Дуглас играл скорее слабого, чем сильного героя. Лишь угроза смерти побуждала его к активным действиям.

В «Уолл-стрит» Дуглас был просто неотразим в роли хваткого, беспринципного дельца с Уолл-стрит. Эта картина принесла ему «Оскар» как лучшему актеру года.

Его партнершами по фильмам были актрисы с яркой индивидуальностью, имена которых хорошо известны во всем мире: Джейн Фонда, Кэтлин Тернер, Мелани Гриффит, Шарон Стоун.

В 1992 году на американских экранах появился художественный фильм «Основной инстинкт» режиссера Пола Верховена. Главную мужскую роль сыграл Майкл Дуглас. Картина вызвала бурные протесты – прежде всего из-за пылких сексуальных сцен. Предлагалось даже вырезать некоторые из них.

Майкл Дуглас решил подлить масла в бушующий огонь и заявил: «Мне очень нравится тот факт, что, посмотрев фильм "Основной инстинкт", зрители будут гадать – они делали это или нет?..»

Шум, поднятый вокруг картины, дал возможность ее создателям ощутить, что они попали в цель…

В Голливуде Майкл Дуглас имеет репутацию «эротического плейбоя» и утверждают, что по своей эмоциональной природе он чрезмерно сексуален, подвержен роковой страсти, жаждет пылкой любви каждую минуту. Однако признают, что он слишком разборчив и интимные контакты предпочитает лишь с теми женщинами, которые вызывают у него не только непреодолимую физическую страсть, но и глубокое душевное волнение…

Майкл Дуглас не скрывает, что преклоняется перед красивыми и талантливыми женщинами. Для него они священны.

«Я действительно верю в то, что они высшие существа, – заявил он. – Ведь они дают жизнь и могут воспитывать детей без присутствия мужчин. Я смотрю на них с трепетом…»

Когда он работал с Джейн Фондой над фильмом «Китайский синдром», она покорила его сердце своим трудолюбием. «В жизни не встречал мужчину или женщину, которые за день могли бы совершить больше, чем она…» – рассказывал Дуглас.

Мелани Гриффит очаровала его своими резкими контрастами. Он вынужден был признать, что «у нее есть упорство, которое уравновешивает ее уязвимость. Она обладает блистательной реакцией…» Сама же актриса считает, что во всех ситуациях Майкл остается «ну просто замечательным…»

Шарон Стоун смогла еще раз доказать, что ей подвластно все – «скромность, теплота и сексуальность, когда это требуется на съемках…» Сексуальная красотка же видела в нем «очень чувствительного рыцаря…» В его объятиях «совершенно невозможно сопротивляться исходящему от него возбуждению».

Совладелица его кинофирмы Сюзан Бренди отмечала, что он «джентльмен с неисчерпаемой энергией и утонченными манерами».

А что говорила в то время Диандра Дуглас, известная сегодня в документальном кино своими фильмами? Участие Майкла в фильме «Основной инстинкт» не вызвало протеста, не ошеломило, не шокировало Диандру?

«Если бы мой муж был гинекологом, – говорила она, – он целыми днями смотрел бы на обнаженных женщин. Я не знаю, понравилось бы мне это… Профессия Майкла – игра. У него могут быть свои причины для выбора тех или иных ролей. Я никогда не пыталась отговорить его от чего-то, что он стремился сделать…»

Майкл Дуглас принял решение играть полицейского Ника Каррена в «Основном инстинкте» по нескольким причинам: доказать, что он не потерял свою мужскую привлекательность, почувствовать новые острые ощущения от необычной роли и получить деньги. Ему было заплачено 15 миллионов долларов за игру в фильме. Желание актера сыграть полицейского было столь велико, что он согласился пройти специальный курс голодания. Похудев на 25 фунтов, он мог без всякого смущения сниматься в откровенных сценах.

Сам Майкл Дуглас, стремившийся сделать горячую сексуальную картину, позже говорил, что «эротические сцены должны быть спланированы очень точно. Отражение этого физиологического акта на экране требует большого профессионализма… Чувство наготы быстро притупляется и превращается в рутину. Я не знаю ни одного актера, который бы испытывал на площадке настоящее сексуальное возбуждение. Однако как исполнитель я делаю все, чтобы эти сцены на экране казались как можно эротичнее».

Сын Майкла и Диандры, маленький Камерон, переживал из-за роли Дугласа в «Основном инстинкте». Когда отец попытался объяснить ему, что все это игра, и, если в фильме стреляют и убивают, то на самом деле никто не умирает, Камерон резонно возразил: «Но это же ненастоящие пули и ненастоящая кровь. А ты целуешься и спишь с теми женщинами по-настоящему».

Этот мужчина оказался счастливым талисманом для многих актрис. Гленн Клоуз стала звездой, снявшись вместе с Майклом в «Роковом влечении». О Кэтлин Тернер заговорили после «Романа с камнем», Шарон Стоун, до этого десять лет снимавшаяся в Голливуде, вознеслась на кинематографический Олимп, снявшись в «Основном инстинкте»…

У Майкла Дугласа часто спрашивают, чем он руководствуется, когда останавливает свое внимание на том или ином проекте.

«Дело в том, – отвечал он, – что я действительно не понимаю многих моих внутренних побуждений. Я не анализирую свои поступки, живу по наитию. Несколько лет тому назад неожиданно осознал, что у меня проявляется огромное желание играть в азартные игры. Я люблю рисковать…

Меня не пугает возраст. Моему отце за семьдесят, а он еще поглядывает на девушек. С большим удовольствием я бы снял фильм о том, как молодая девушка ощущает привлекательность мужчины, который гораздо старше ее. Разве это не интересно?»

Его особняк, выстроенный в форме замка в Санта-Барбаре, имеет восемь спален, из окон которых открывается прекраснейший вид на голубые воды океана. Еще есть удобная квартира в Нью-Йорке и дом в Испании, а также долги, которые Майкл Дуглас должен заплатить…

Майкл Дуглас – самый старший из четырех сыновей Керка Дугласа – не только вошел в семейный бизнес, но и смог хорошо его «раскрутить». И в первую очередь он за все благодарен своим женщинам: «Я их люблю и чувствую себя среди них очень комфортно…»

ЛОПЕ ФЕЛИКС ДЕ ВЕГА КАРПИО (1562—1635)

Испанский поэт и драматург, один из основоположников современной испанской драмы. Крупный представитель Возрождения. Его перу принадлежат эпические произведения, пасторали, оды, сонеты, романы и, предположительно, более 2000 пьес, из которых до наших дней сохранилось 426, причем в основном трагикомедии. Его «Фуэнте Овехуна» (1618) названа первой народной драмой. К числу наиболее известных произведений также относятся: историческая драма «Великий герцог Московский» (1606), драма «Саламейский алькальд» (до 1610), комедии о любви «Учитель танцев» (1594), «Собака на сене» (1615). В 1588 и 1613 годах был награжден сразу несколькими священными орденами.

Поэт написал огромное количество драм, повестей, эпических и лирических стихотворений и любил множество женщин. И то и другое стало почти легендарным. Так, говоря о своей литературной деятельности, он однажды признался, что написал больше ста комедий, потратив на каждую из них по 24 часа. Его биограф Монтальбан, правда, уверял, что число их к концу жизни было – 1800. И это только одни драмы и комедии; между тем у Лопе де Вега имеется еще множество других произведений эпического и лирического характера. До такой степени плодовитости не поднялся еще ни один из писателей, и немудрено, что современники относились к поэту как к божеству, одаренному почти сверхъестественным даром.

То же самое можно сказать и о его любовных похождениях. Это был истинный Дон-Жуан. Лопе де Вега не мыслил жизнь без любви, утверждал его испанский биограф Баррера. Она служила живительным солнцем для его удивительно плодовитой фантазии.

Разумеется, речь идет не о той возвышенной любви, которую описывали в своих бессмертных произведениях Данте или Петрарка. Это была любовь страстного мужчины, одаренного пламенным темпераментом, любовь, постоянно требовавшая удовлетворения. Его близкие отношения с женщинами, как и литературная деятельность, начались очень рано. Когда поэту было тринадцать лет, он написал поэму, а когда ему исполнилось семнадцать, он уже одержал несколько любовных побед.

После учебы в университете в Алькала-де-Энарес, он поступил секретарем к герцогу Альба, по просьбе которого

написал пастушеский роман «Аркадия», появившийся в печати только в 1598 году.

Его первая серьезная привязанностью была замужняя женщина по имени Доротея. Она отдалась всем сердцем пылкому молодому человеку, который умел облекать свои чувства в столь звонкие стихи; но у легкомысленного поэта вскоре появился новый предмет страсти – вдова Марфисса. Плодом их всепоглощающей любви явился сын, совершенно озадачивший Лопе де Вега: мысль о потомстве, когда он наслаждался ласками Марфиссы, не приходила ему в голову. Грех можно было загладить женитьбою, но Лопе де Вега вместо этого предпочел пуститься в новые любовные приключения.

В 1584 году он все же женился, но не на Марфиссе, а на Изабелле де Урбине, дочери герольдмейстера при Филиппе II и Филиппе III, особе, пользовавшейся большим уважением в высшем свете и к тому же обладавшей немалым приданым. Нужно ли говорить, что женитьба не спасла его от жажды новых развлечений и удовольствий? Он продолжал свои похождения и даже «воспитывал» у себя одну красавицу под именем Филида. Жена была в отчаянии и часто устраивала ему сцены ревности, что причиняло поэту немало горя, однако цели они так и не достигли. Вега ухаживал за своей красавицей, продолжая всячески отрицать эту связь. Так, в одном романсе он обращался к жене: «Пусть небеса осудят меня на вечные вздохи, если я не обожаю тебя и не питаю отвращения к Филиде». Однако другой романс, посвященный «возлюбленной Филиде», и еще несколько стихотворений свидетельствуют о пламенной любви поэта к этой девушке.

Лопе де Вега добивался блистательных успехов в литературе. С 1985 года на столичных сценах шли чуть ли не исключительно драмы де Вега, имевшие небывалый успех. Сервантес называл его «чудом природы», «великим писателем», возвысившимся сразу до «повелителя театра». Поэт стал народным кумиром. Восхищение им перешло в обожание. Стоило Лопе де Вега появиться на улице, как его сразу окружала толпа, женщины выходили на балконы. Ученые и литераторы, испанские и иностранные, специально ездили в Мадрид, чтобы только увидеть «Феникса Испании».

В 1591 году умерла жена Лопе де Вега. Но через некоторое время поэт снова окунулся в негу чувственных наслаждений. Прежде всего он обратил свои взоры к Филиде, связь с которой теперь не было смысла скрывать. Но, увы, она отвергла его ухаживания. Поэт пришел в отчаяние, что и выразил во многих стихотворениях, и вскоре поступил на военную службу, тем более что в это время Филипп II отправлял свою «Великую армаду» к

берегам Англии, чтобы одним ударом сокрушить могущество Елизаветы и водворить в ее стране католичество. Лопе признался в одном из своих стихотворений, что равнодушие красавицы заставило его взвалить свой мушкет на плечо, уехать в Лиссабон, сесть на один из кораблей «Армады» и, отправившись к берегам Англии, забить, как он выражается, заряд своего мушкета стихотворением, написанным в честь красавицы.

Путешествие не принесло ему облегчения. «Армада» погибла во время бури, а сам Лопе де Вега спасся только чудом. Но поэт не изменил себе и, продолжая ухаживать за женщинами, увлекся одной из них настолько, что женился на ней. Это была Хуана де Гвардио, особа из хорошей семьи, воспетая позже в стихотворениях. Поэту исполнилось уже 35 лет и, после стольких бурь в жизни, он начинал подумывать о тихом семейном счастье, которым, по-видимому, и наслаждался в течение нескольких лет, поскольку описал его в трогательных выражениях.

Однако новые удары судьбы поджидали его. Умер его сын от Хуаны, а вскоре при родах умерла и жена, оставив младенца, девочку Фелициану. Велико было горе Вега, и он поступил на службу «святой» инквизиции. В январе 1614 года стал священником, а в марте уже «освятил» свой духовный сан в Толедо, поселившись там у актрисы Иеронимы де Бургос… В мае того же года он отслужил в Мадриде первую обедню, а через несколько месяцев покинул Мадрид, «чтобы избавиться от сплетен одной позорной женщины».

В июле 1616 года де Вега отправился в Валенсию, вероятно, к актрисе Иерониме, а когда через несколько месяцев вернулся в Мадрид, его назначили фискальным прокирадором апостолической палаты в архиепископстве Толедо. Казалось бы, теперь о любовных похождениях следовало забыть, тем более что возраст уже был не тот; но Лопе, уверенный, что на его «закат печальный еще блеснет любовь улыбкою прощальной», внимательно следил между двумя мессами за нежными представительницами прекрасного пола, пуская в ход всю силу своего таланта и обаяние славы, чтобы захватить какую-нибудь из них в свои сети. К этому времени относится его роман с Мартой де Наварес-Сантохо, явившейся, образно говоря, лебединой песней в бесконечном ряду эротических похождений знаменитого поэта.

Познакомился он с ней в 1616 году. Это была удивительно красивая женщина с белым лицом, вьющимися волосами, длинными ресницами и глазами цвета морской волны; веселая, грациозная, умная, понимавшая поэзию. Вега влюбился в нее с первого взгляда, несмотря на свои пятьдесят лет, и вызвал

ответное чувство Марты, во многом благодаря, не в последнюю очередь, ореолу неслыханной славы.

Марта была замужем за грубым, алчным, богатым крестьянином Аяле. Лопе де Вега, в отличие от Аяле, был изящен, ласков, а главное, умел постичь душу любимой женщины. Словом, между поэтом и Мартой завязался традиционный роман с обманутым мужем. Когда Аяле уезжал, Лопе де Вега являлся к своей возлюбленной, а по его возвращении уступал ему законное место супруга, терзаемый, конечно, ревностью и негодованием.

У Марты от Лопе де Вега родилась девочка, которую, однако, муж ее сразу признал своею. Так продолжалось до тех пор, пока тайна влюбленных не была раскрыта. Разразился страшный скандал. Лопе де Вега уже готовился к побегу. Марта подверглась побоям и стала требовать развода, что еще больше взбесило мужа. Он обвинил поэта в воровстве, двор осуждал поведение де Вега, в театре освистали его новую пьесу. Но в это время умер муж Марты, который узнал, что дело о разводе решено в пользу его жены.

Увы, страсть угасла в душе 56-летнего драматурга, и он мог любить свою Марту лишь платонически.

Несчастья продолжали преследовать Лопе де Вега. Дочь Марчелла, стыдившаяся беспутной жизни отца, удалилась в монастырь; сын, отправившийся в экспедицию с ловцами жемчуга, погиб во время кораблекрушения, а другая дочь, Антонина, тайно убежала с придворным. Трагически окончилась и жизнь Марты: после долгой болезни она ослепла и через некоторое время сошла с ума. Лопе де Вега воспел ее под именем Амарилья и посвятил ей несколько драматических произведений.

За четыре дня до своей смерти великий испанец закончил поэму «Золотой лев», замечательную по силе, гармоничности и прелести стиха. Похороны Лопе де Вега были пышными. 150 испанских поэтов написали в его честь стихотворения, составившие целый том. Второй том появился в Венеции, его авторами стали известные итальянские поэты.

РИЧАРД БАРТОН (1925—1984)

Настоящее имя – Ричард Дженкинс. Актер театра и кино. Снимался в фильмах «Клеопатра» (1963), «Беккет» (1964), «Шпион приходит с холода» (1965), «Кто боится Вирджинии Вульф?» (1966), «Эквус» (1977), «1984» (1984) и др. Значительный эпизод в карьере – участие в радиопостановке «Под молочным деревом» по Дилану Томасу.

«Этот человек не только большой артист, но и мужчина, заставляющий ваше сердце биться сильнее. Он сверхпривлекателен; наверное, для него специально изобретено слово "харизма". Я всегда была очарована им, но, увы, встретилась с ним тогда, когда он был увлечен другой женщиной», – писала в своих мемуарах о Ричарде Бартоне несравненная Марлен Дитрих.

Бартон родился в тревожный 1925 год. Ему дали имя Ричард Вальтер Дженкинс. Он стал двенадцатым ребенком спившегося бергманского господина, который в течение трех недель находился в «туристической поездке» и с ликованием пускал на ветер остатки скудного заработка…

Ричард вырос в краю, где зарабатывали себе на хлеб, работая в шахтах и на сталелитейных заводах.

Судьба подарила ему знакомство с театральным актером Филипом Бартоном и покровительство Тенагера Риччи, которые оценили природный талант сына «угольного забойщика». Он был обеспечен денежными средствами для дальнейшего образования в Оксфордском университете.

Ричарда оценили в студенческом театре-студии, считая его талантливым до гениальности. Он быстро совершенствовался на Стратфорской сцене и в Олди Вич, а также на богатых театральных подмостках.

В 1961 году Элизабет Тейлор, молодая кинозвезда, находилась в зените своей славы. Она готовилась к съемкам фильма о жизни египетской царицы Клеопатры. Этому фильму суждена была громкая слава. Но пока еще не было снято ни одного кадра. Режиссер только предлагает контракты актерам, и в том числе англичанину Ричарду Бартону, совсем недавно приобретшему известность. Он будет играть Антония в паре с самой яркой звездой Голливуда! Конечно же, он слышал про Лиз Тейлор. Думая о ней, он прислушивался к какому-то очень

далекому смутному предчувствию…

Ричарду Бартону было тридцать три года. Коренастый, плотный мужчина, со следами частого употребления спиртного на лице, на первый взгляд казался тяжеловесным, с непропорционально тяжелой головой, но в его глазах было что-то волнующее. В салонах Голливуда дамы нервно перешептывались, когда предстояло посетить этого восточноевропейского фавна-путешественника, и говорили: «С собой нужно нести постель…» Лишь Джоан Коллинз, его партнерша по фильму «Атрибуты страсти», не позволяя ему сексуальной близости, говорила: «Я верю, что ты можешь изнасиловать и шланг…»

В Великобритании же «распутник» был хорошо известен прежде всего как гениальный актер. У парня «черт в животе» – говорили о нем в лондонских театральных кругах, когда Бартон, уже крепко выпивший, по вечерам шел на репетицию или появлялся на сцене, вдохновенно играя Отелло, Гамлета, Калибана… Он выглядел гигантом среди драматургов и таких великих актеров, как Лоренс Оливье и Джон Гилгуд…

Темпераментный, агрессивный мужчина был женат на скромной и нежной Сибил, любившей этого буяна уже десять лет. У них было двое детей.

…Рим, январь 1962 года. Съемки «Клеопатры». Бартон и Тейлор впервые оказались вместе на съемочной площадке. Потом Тейлор записала в дневнике: «Он был таким взволнованным, таким изящным, что я открыла ему свое сердце. Мне хотелось его убаюкать!»

И еще, немного позже, она написала: «Его глаза блестели, как фонари. Именно после этого впечатления я решила стать его любовницей. Я знала, что это будет унизительно. Я никогда еще не делила ни с кем своего мужчину. Но – тем хуже!»

Они встречались в Лондоне. Сибил предпочитала отойти в сторону. «По вечерам, – говорила Тейлор, – мы будем читать все книги этого мира, сидя у очага, и это будет рай».

Спустя год после начала отношений Лиз заявила: «Зачем сниматься в кино? Ведь я уже стала звездой. Хватит!»

15 марта 1964 года они поженились в Монреале. «Мое счастье, что я стала его женой, – откровенничала Элизабет. – По своей натуре Ричард – не обычный мужчина. Правда, он еще продолжает носить в себе след джунглей, где многое подчинено физической силе и неуемной раскованной страсти. Но от этого в жилах любой женщины закипает кровь. Он мужик прямолинейный, но добрый и честный. Он беспокоится обо мне, моих денежных расходах. Все мои заработки перечисляются в детский фонд… Я нисколько не сожалею, что уже буду не миссис

Лиз Тейлор. Хочу быть женой Ричарда Бартона… Хочу быть его тенью…»

А пока они страстно резвились: ссорились и порой дрались в фешенебельных квартирах Лос-Анджелеса и Лондона…

Но через некоторое время прекрасная любовь (о ней много писали в самых восторженных тонах – «о такой любви каждый из нас может только мечтать») постепенно приобрели черты навязчивого кошмара. Страстная натура Бартона, его гневные вспышки, в свою очередь, выводили из себя Элизабет. Было очень много работы – они снимались в четырех фильмах за год. Именно тогда, во второй половине шестидесятых, были сняты их знаменитые картины – «Укрощение строптивой» (где Ричард наконец-то сыграл шекспировского героя в кино), «Комедианты», «Бум», «Кто боится Вирджинии Вульф?». Последний фильм был вершиной в их совместной карьере. «Я не должен был соглашаться на эту роль, – говорил Бартон. – Именно после нее мне приклеили ярлык типа, который пресмыкается перед своей женушкой».

По вечерам он ежедневно был занят на Бродвее. Играл роль Гамлета, покоряя театральный мир Америки. Когда подписывали с ним договор по настоянию Элизабет Тейлор, никто не был уверен в успехе неизвестного актера. Но благодаря его драматическому таланту дебют Ричарда Бартона превратился в его триумф.

Выходя на авансцену, актер с такой эмоциональной силой произносил в затаивший дыхание зрительный зал знаменитый монолог «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!», что разражалась буря восторга. Зрители утверждали: «Быть!»

Ричард творил сам, побуждая творить и Тейлор. Только он смог убедить Элизабет в том, что она не просто звезда, которую можно использовать лишь в целях наживы, а потом, выжав, выбросить, как грязную тряпку, и забыть. «Ты настоящая драматическая актриса, – говорил он, – и не должна забывать об этом. У тебя талант, который нужно ценить и которым обладают единицы… Ты больше чем звезда!»

«Самая дорогая мне роль – Вирджиния. И не только потому, что за нее я получила второго "Оскара". Она из тех редких ролей, которые будоражат фантазию и интеллект. Тогда мне было тридцать два года…» – рассказывала Тейлор.

Однажды Элизабет Тейлор спросили, что сделает она, если неожиданно узнает о том, что Ричард влюбился в другую женщину. Подумав, она спокойно и уверенно, с достоинством ответила: «В наши дни мужчины средних лет любят ухаживать за совсем молоденькими девушками. Однако пока у Ричарда я этого

не наблюдала. Думаю, ему нет надобности сдерживать свою неуемную страсть. Я ведь нахожусь рядом! Женщина я настолько любящая и темпераментная, что нашла в себе силы не только выйти за него замуж, но и продолжать жить с ним…»

Благодаря Ричарду Бартону и киностудии «XX век – Фокс» Тейлор зарабатывала по миллиону долларов за каждый фильм и владела бриллиантом Круппа («33 карата с одной третью. Не забудьте треть…»), жемчужиной «Перегрина», подаренной Марии Тюдор аж в 1554 году; жилыми домами в Мексике и Гстааде; фешенебельной квартирой в лондонском небоскребе, а также яхтой.

«Ричард был щедр, – говорила она. – и просто чудесен».

К сожалению, оба пристрастились к алкоголю, хотя старались пить раздельно. И в июле 1973 года Лиз вдруг заявила: «Ричард и я на некоторое время расстаемся. Может быть, мы слишком любим друг друга… Молитесь за нас!» Развод состоялся в июне 1974 года.

Тейлор еще долго звонила Бартону. Каждый день. Каждый вечер. В 1975 году они снова поженились, однако второй брак длился всего лишь год.

Свое 50-летие Лиз отмечала в Лондоне. На день рождения пришел и Бартон. Выглядел он ужасно для своих пятидесяти шести лет – годы пьянства, тяжелых потрясений, причиной которых часто была сама Лиз, сделали свое дело. Тем не менее Тейлор весь вечер протанцевала с Ричардом. «Вечер удался на славу, и Ричард был таким замечательным. Мне было так хорошо, что я захотела остаться 50-летней навсегда».

Воссоединение продолжалось два дня, после чего Бартон заявил репортерам: «Элизабет хочет ко мне вернуться. Она постоянно уговаривает меня жениться на ней снова, но я больше этого не выдержу. Моя жизнь связана с ней, как с бывшей женой, и как с легендой».

Бартон незадолго до смерти сказал: «Я буду пить, чтобы от этого умереть. Но Лиз переживет меня. У нее есть свой мир. А мой мир – это только театр».

Лиз до сих пор вспоминает его: «Ричард научил меня немного лучше разбираться в поэзии и не пугаться ее. Он говорил: "Просто читай ее, как если это был Теннеси Уильямс, читай ее ради смысла, а не ради размера"».

СИЛЬВЕСТР СТАЛЛОНЕ (род. в 1946)

Американский актер, кинорежиссер, продюсер и сценарист. Мировую известность ему принесла роль боксера в фильме «Рокки» (1976). Снимался также в фильмах «Первая кровь» (1982), сериале «Рэмбо» (с 1985), «Кобра» (1985), «Танго и Кэш» (1989), «Взаперти» (1989), «Оскар» (1991), «Разрушитель» (1993), «Скалолаз» (1993), «Специалист» (1994), «Судья Дредд» (1996) и др. Написал сценарии для всех фильмов сериала «Рокки». Выступает в амплуа сильных страстных мужчин.

В день 50-летия редакция еженедельника «Стар» преподнесла Сильвестру Сталлоне плод многомесячной работы целой бригады репортеров – специальный номер журнала с именами и фотографиями 595 женщин, с которыми когда-либо встречался актер. «Боже, шесть сотен! – воскликнул пораженный юбиляр. – И как мне только удалось затащить в постель стольких женщин?»

Действительно, кто мог об этом подумать 6 июля 1946 года, когда у Жаклин Сталлоне и ее мужа сапожника Фрэнка родился первенец. Акушеры повредили ему голосовые связки, левая часть лица оказалась парализованной. Увидев, что случилось с ее сыном, Жаклин устроила такую истерику, что пришлось даже вызывать службу безопасности. От волнения у нее пропало молоко.

Но она не собиралась сдаваться. Наперекор врачам, определившим мальчика в специальное учебное заведение для детей с задержкой умственного развития, Жаклин Сталлоне отдала ребенка в обычную школу. Раз в полгода его выгоняли оттуда за неуспеваемость. Несколько школ в Америке, колледж в Швейцарии – и она своего добилась. Документ о среднем образовании Сталлоне получил.

Прежде чем стать актером, ему пришлось перепробовать множество других профессий. Сильвестр был вышибалой в ресторанах, уборщиком львиных клеток в зоопарке, одно время зарабатывал на жизнь карточной игрой. Только в 1969 году Сильвестр смог получить более-менее приличную работу билетера в маленьком нью-йоркском театре. Вместе с ним работала милая и простая девушка Саша Чак, освещавшая путь запоздавшим зрителям. В Сильвестра она влюбилась с первого взгляда и твердо решила сделать из своего дружка звезду. Вскоре они перебрались в Калифорнию, где летом 1972 года поженились.

Саша родила ему двух сыновей. Развод не помешал Сильвестру видеться с детьми. Когда старший, Сейдж, подрос, папа дал ему роль в «Рокки V».

Путь в Голливуд для Сталлоне начался со съемок в порнографическом фильме «Рэнди», где он сыграл… русского «медведя». Поскольку ни один из режиссеров не хотел связываться с плохо говорящим актером, ему пришлось обратиться за помощью к логопеду. В течение нескольких месяцев дни и ночи напролет Сильвестр начитывал на магнитофон пьесы Шекспира, книги По и Толстого (а Саша в это время зарабатывала на жизнь, работая официанткой). Знакомство с классикой произвело на Сталлоне такое впечатление, что он взялся за перо и начал писать… сценарии своих будущих фильмов. Впрочем, еще студентом Майамского университета он пробовал писать сценарии Естественно, они сочинялись тогда «в стол».

Однажды он увидел по телевизору матч знаменитых боксеров Мохаммеда Али и Чака Вепнера. И вдруг его озарило: а почему бы не сделать фильм о боксере, который терпел неудачи, но потом полюбил девушку и всех победил?

Шесть его сценариев киностудия «Юниверсал» отвергла с порога, но седьмой под названием «Рокки» приняла на «ура». Продюсеры предложили автору огромные деньги – 350 тысяч долларов. Однако их ждал большой сюрприз: имевший немногим больше 100 долларов и беременную жену, Сталлоне… отказался, предложив купить сценарий за один доллар и дать ему сыграть главную роль. Именно тогда вице-президент «Юниверсала» Ирвин Уинклер и дал Сильвестру прозвище Слай (хитрец), заменившее актеру его собственное имя.

Всего за 900 тысяч долларов и 28 дней был сделан «Рокки», лучший фильм 1976 года, собравший 225 миллионов долларов и получивший три «Оскара». Сталлоне стал одним из самых знаменитых актеров мира.

Ошеломляющий успех «Рокки» и продолжение саги о бедном боксере полностью изменили жизнь Сталлоне. Из бедняка он превратился в мультимиллионера, купил роскошную виллу в Санта-Монике. Публика и критики рукоплескали ему, а признанные голливудские красавицы начали настоящую охоту за «Рокки». Первой обольстить супермена удалось популярной актрисе и певице Шер. После трехдневного романа Шер бросила Слая, назвав его «законченным питекантропом».

Однако с каждой новой любовницей у Сталлоне получалось все лучше и лучше. Уже через год актриса Сибил Шепард (знакомая нам по сериалу «Лунный свет») имела все основания сказать о своем свидании со Слаем: «У него в штанах просто

вечный двигатель. Мы занимались с ним сексом восемь раз за ночь. А утром он как ни в чем не бывало отправился на пробежку!»

Дальнейшему развитию карьеры секс-гиганта мешало одно обстоятельство – ревнивая жена. Другая бы на ее месте смирилась с похождениями богатого и знаменитого мужа, но только не Саша. И по Голливуду стали распространяться слухи о раздорах и скандалах в семействе Сталлоне. А когда на одной вечеринке Саша с кулаками набросилась на новую подружку Слая – актрису Стефани Бичем, все поняли: браку пришел конец.

«Рокки» достался чужачке, манекенщице Брижит Нильсен. Длинноногая и грудастая Брижит покорила сердце Сталлоне с первого взгляда. «Я с детства мечтал заниматься любовью с высокой блондинкой. Брижит показалась мне воплощением физического совершенства!» – говорил Сталлоне. И уже через четыре месяца после знакомства они сыграли пышную свадьбу. Правда, этому предшествовало заключение весьма любопытного брачного договора, инициатором которого была невеста. Согласно документу Слай обязывался выплачивать супруге 100 тысяч долларов ежемесячно плюс десять тысяч… за каждый половой акт! Договор предусматривал, что супруги должны заниматься любовью не больше пяти раз в неделю в специально оговоренных местах и позах. В случае беременности Брижит получала премию в 5 миллионов долларов. А еще актер обязался снимать свою супругу во всех фильмах, оплачивая по самому высокому тарифу. Сильвестр прожил с Брижит всего 548 дней и со скандалом расстался. А любовь к физическому совершенству обошлась Сталлоне в кругленькую сумму – 16 миллионов долларов.

После двух неудачных браков Сильвестр Сталлоне решил больше никогда не жениться («Брак – выброшенные на ветер деньги») и не встречаться с актрисами («Эти стервы хотят от меня лишь денег и ролей»). Их место заняли молоденькие и стройные манекенщицы.

Своих новых подружек он выбирал двумя способами. Первый: раскрывал каталог моделей «Элит» и тыкал пальцем в первую подвернувшуюся фотографию. А пресс-секретарю оставалось только дозвониться девушке и осчастливить ту известием, что сам Сталлоне хочет с ней поужинать. Второй: организационную работу Слай проделывал сам. Увидев симпатичную (ростом не меньше 175 см с бюстом от 85) модель, актер тут же зажимал ее в угол и предлагал: «Пойдем ко мне или к тебе! Куда угодно, только побыстрее!» Обычно метод действовал безотказно – выбранная «жертва» с большой радостью отправлялась в постель к

кинозвезде. По данным «Стар», только за один 1988 год Слай сумел обольстить 88 манекенщиц из всемирно известного агентства «Элит», в том числе юных Линду Евангелисту, Синди Кроуфорд и Наоми Кэмпбелл… Интересно описывает подробности своего романа со Сталлоне 20-летняя дочь австрийского графа, манекенщица Андреа Визер.

После их первой ночи Слай подарил Андреа платиновую «кредитку» (2 миллиона долларов): «Это для того, чтобы ты никогда не работала». После каждого свидания он дарил ей либо платье от Версаче за 30–35 тысяч долларов, либо костюм от Шанель (от 45 тысяч и более), либо трусики от «Картье» (50 тысяч). А на двухмесячный юбилей совместной жизни подарил подружке пятисотый «мерседес». «Чтобы ты, вава, никогда не ездила на этом противном, вонючем метро!» (Вавой он называл всех постоянных любовниц. Для девушек на одну ночь у него другое слово: крошка).

Однако за золотой дождь Андреа приходилось платить. Стоило ей отправиться в другой город, как Слай начинал донимать подругу звонками. Ночью бывало звонил по 10 раз: «С кем ты сейчас лежишь в постели?»

Когда Андреа выезжала из дома, ее постоянно сопровождали два телохранителя, которые следовали за ней даже до туалета. Сталлоне дошел до того, что стал контролировать косметику и одежду любовницы.

За неделю до разрыва их отношений Слай купил Андреа огромную квартиру в Милане. Когда манекенщица попыталась протестовать, Сталлоне заявил: «Вава – ты просто дура! Я настолько богат, что могу купить все ночи с тобой до конца твоих дней!» Андреа Визер утверждала, что в этом и заключается секрет успеха Слая: «Он просто покупает понравившихся ему женщин, против таких денег никто не в силах устоять!»

Весной 1990 года Сталлоне познакомился с юной манекенщицей Дженнифер Флавин. Она поразила его красотой, в ней чувствовалась настоящая порода. К тому же Дженнифер, как оказалось, была влюблена в актера. И во время учебы отправила по почте своему кумиру 44 объяснения в любви. Безумно влюбленная в Сталлоне, Флавин отдалась ему уже через час после знакомства.

Поначалу Слай отнесся к Дженнифер как к очередной подружке. Но шло время, и Сталлоне начал осознавать, что не может оставить Флавин, как остальных: «Я впервые встретил женщину, которая так сильно и бескорыстно меня любит. И я понял: мы созданы друг для друга!» Дженнифер оказалась сущим ангелом: она не просила денег каждую минуту, охотно

отказывалась от показов мод ради свиданий с любимым и, главное, совсем не ревновала Сильвестра, хотя поводов для этого было множество. Уже через два года совместной жизни с Дженнифер Сталлоне снова стал искать любовных приключений. Только на этот раз он развлекался тайком, не желая травмировать своего ангела.

С Дженнифер Сталлоне прожил почти шесть лет. Пока не завел интрижку с актрисой и манекенщицей Дженис Дикинсон. Ей шел тридцать седьмой год, и она была трижды разведена. Через несколько недель Дженис обрадовала приятеля известием о своей беременности. Слай, обезумевший от счастья («Снова буду отцом!»), даже пообещал жениться на ней после рождения ребенка. Но еще оставалась Дженнифер, и с ней Сталлоне решил расстаться. Вместо объяснений он отправил ей факс: «Дженнифер! Между нами все кончено, у меня теперь новая женщина, которая подарит мне сына. Желаю тебе счастья!» И приписка: «У тебя есть два дня, чтобы вывезти все вещи из моего дома в Санта-Монике».

5 июня 1994 года, на следующий день после получения факса, Флавин покинула виллу Сталлоне, предварительно разрезав все 234 костюма, 567 рубашек и 124 пары обуви бывшего возлюбленного. Так начался, по определению Слая, «самый безумный год в его жизни». Вскоре Дикинсон родила дочку и мягко, но настойчиво потребовала от Слая ее удочерения и свадьбы. Сталлоне был готов, но в дело вмешались адвокаты актера, решившие на всякий случай (учитывая «биографию» мисс Дикинсон) провести анализ крови младенца. И обнаружилось, что отцом ребенка может быть кто угодно, только не Слай. Сталлоне пережил шок. Дженис гордо удалилась, удивленно бормоча под нос: «Ну, не знаю, если не Слай, то чей же это ребенок?»

Уже через две недели после разрыва с Дикинсон Сталлоне увидели в обществе новой красотки – 24-летней манекенщицы Энджи Эберхарт. Роман с Сильвестром ознаменовался помолвкой в Нью-Йорке 10 апреля 1995 года.

Через неделю после обручения Энджи заказала у Карла Лагерфельда платье для новобрачной ценой в 300 тысяч долларов (естественно, за счет жениха). И тут она допустила роковую ошибку, потребовав заключения брачного контракта. Слай вспомнил все перипетии брака с ненавистной Брижит Нильсен и… передумал жениться.

Сталлоне решил немного передохнуть и вспомнил о той, с которой был по-настоящему счастлив. 5 июня 1995 года он позвонил Дженнифер Флавин, чтобы попросить у молодой женщины прощения. И вскоре манекенщица вернулась на виллу в

Санта-Монике. А спустя полгода счастливый Сильвестр объявил всему миру, что скоро станет отцом. На радостях он сделал Дженнифер предложение, но быстро сыграть свадьбу не удалось. Помешал… папа римский, не захотевший предоставить для церемонии Сикстинскую капеллу в Ватикане (только там хотел венчаться Слай!). Поэтому дату венчания пришлось перенести на конец года, после того как родится ребенок.

Насколько важна для мужчины семья, Слай ощутил только недавно, когда у него родилась дочка. У Софи обнаружили порок сердца, и в возрасте двух месяцев ей сделали операцию. На Сталлоне было страшно смотреть: он считал, что болезнь дочери – Божья кара за все его грехи. После операции он не отходил от нее. Его чувства к Флавин вошли в фазу благоговения. «Я счастлив, что Дженнифер, несмотря на наши ссоры и мои безумства, осталась со мной. Она сильная, спокойная женщина. Она говорит немного, но всегда – по существу. Она внимательнее и, наверное, умнее меня», – сказал Сталлоне о любимой женщине, которая на 20 лет моложе его. В глазах миллионов американцев Слай предстает теперь примерным мужем и любящим отцом.

АЛЕКСЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ РАЗУМОВСКИЙ (1709—1771)

Граф, генерал-фельдмаршал (1756). Из украинских казаков. Участник переворота 1741 года. В 1742 году вступил в морганатический брак с императрицей Елизаветой Петровной.

…В 1931 году полковник Федор Степанович Вишневский, возвращаясь из Венгрии, где скупал вино для погреба Анны Иоанновны, остановился отдохнуть в украинской деревне Лемехи. Он зашел в маленькую церковь и был поражен басом, потрясавшим ее деревянные стены. Выяснилось, что голос принадлежит молодому крестьянину, мечтавшему петь в столице.

Отец обладателя необыкновенного голоса, казак, беспробудный пьяница, часто бил его и однажды чуть не убил, бросив ему в голову топор. Григорий Яковлевич получил прозвище Разум, потому что после выпивки имел обыкновение говорить о себе: «Что за голова, что за разум!»

Сын его пас деревенское стадо и часто бросал ничего не подозревающих животных на произвол судьбы, отправляясь к дьячку, учившему его читать и петь псалмы. На хороших певчих был тогда большой спрос в России. Почти все певчие двора были выходцами из Малороссии. Вишневский увез с собой юного пастуха и вскоре получил в награду за этот «подвиг» чин генерал-майора и место при дворе Елизаветы. Последняя настояла, чтобы ей уступили певца, и с 1731 года Разумовский стал певчим императорской капеллы. Однако она недолго наслаждалась его прекрасным голосом, поскольку Алексей Григорьевич, как впоследствии звали Разумовского, потерял его. Тогда царевна сделала из него бандуриста, и он, вероятно, сумел отличиться в этой области, так как Елизавета доверила ему администрацию одного из своих поместий, а потом и всего хозяйства.

Маркиз де ла Шетарди писал в 1742 году: «Некая Нарышкина, впоследствии вышедшая замуж, доверенная Елизаветы, была поражена (инцидент относится к 1732 году) фигурой Разумовского, которого она случайно увидела. Это в самом деле красавец, брюнет с окладистой черной бородой, черты которого, уже сложившиеся, имеют всю привлекательность, какую только может иметь деликатное лицо. Рост его также бросается в глаза. Он высок, широкоплеч, с нервными членами. Хотя в его манере

держаться остается нечто неуклюжее, результат воспитания и происхождения, однако заботы царевны, направленные на то, чтобы вышколить и, – хотя ему уже тридцать два года, – научить танцевать всегда в ее присутствии, под руководством создавшего здешние балеты француза могут исправить этот недостаток. Нарышкина не знала, что значит делать различие между желанием и его удовлетворением. Она приняла все меры, и Разумовский не ушел от нее. Упадок духа, в котором она находилась, возвращаясь домой, возбудил нежные расспросы Елизаветы и ее любопытство. Та не скрыла от нее ничего. Немедленно было принято решение привлечь к себе этого нечеловечного мужчину, которому сострадание было чуждо. Ради этого принцесса несколько раз посещала обедню у царицы».

Алексей Григорьевич не принимал активного участия в государственном перевороте 1741 года. Политика была не его делом. Он охранял дом царевны, а потом во время коронации держал шлейф царской мантии и исполнял обязанности виночерпия. После коронации он быстро повышался в чинах. Елизавета выделила ему Рождественно-Поречье из наследства Миниха и другие имения. Она пожелала, чтобы родственники фаворита разделили с ним богатство и почести. Мать Разумовского, Наталья Демьяновна, получила приглашение приехать в Москву.

Фаворит съездил на несколько дней домой. В блестящем барине, который вышел ей навстречу из шикарного экипажа, мать не узнала своего сына, и Алексею Григорьевичу даже пришлось показать знакомую ей татуировку.

Елизавета встретила ее в Москве очень нежно. Назначенная придворной дамой, получив комнату во дворце, Разумиха, однако, тоскуя по родной деревне, мечтала снова облачиться в крестьянское платье. Узнав, что двор собирается перебраться в Петербург, она не выдержала и попросила, чтобы ее отпустили домой. Но прежде чем вернуться в родное село она, вероятно, присутствовала на одной церемонии, которая, несмотря на уже преподнесенные ей сюрпризы, должна была показаться ей волшебным сном. Речь идет о бракосочетании Елизаветы и Разумовского, тайно отпразднованное в конце 1742 года в деревенской церкви в Перове, недалеко от Москвы.

Разумовский занял особое положение при дворе. Он жил во дворце рядом с императрицей, повсюду сопровождал ее, словно был супругом. Иногда путешествие Ее Величества откладывалось в последнюю минуту, хотя великий князь и великая княгиня уже сели в карету, – по причине недомогания Алексея Григорьевича. Выходя из театра в сильный мороз, императрица на виду у всех

спешила поплотнее закутать фаворита в шубу и шапку.

В опере итальянские певцы должны были чередоваться с малоросскими, чьи таланты Алексею Григорьевичу было легко оценить. На официальных банкетах подавались малороссийские блюда, Разумовский сидел рядом с императрицей. Именно он ввел в моду алмазные пряжки на туфлях и алмазные пояса. На его широких плечах сверкали алмазные эполеты. Переливались блеском ордена, пожалованные ему государыней. Царедворцы из кожи вон лезли, желая перещеголять друг друга своим благородством. Если Разумовский заказывал из Парижа карету стоимостью в три тысячи рублей, то его соперники покупали экипаж, который стоил четыре тысячи или больше.

В 1747 году после запроса, сделанного версальским кабинетом, д'Алльон сообщал, что все считают брак фактом, так как Шувалова и Лесток присутствовали при этом. Он даже допускал, что Елизавета может в один прекрасный день объявить о нем публично и разделить корону с мужем. Однако этого не произошло, а Шувалова и Лесток хранили молчание.

Разумовский никогда не забывал о своем происхождении. Назначенный в 1744 году графом Священной Римской империи на основании диплома Карла VII, приписавшего ему княжеское происхождение, он первым высмеял эту фантастическую генеалогию. Фаворит совершенно не стыдился своих бедных родственников, но и не стремился во что бы то ни стало продвинуть их на высокие посты. Правда, сестру свою Авдотью он сделал фрейлиной, а брату, Кириллу, получившему воспитание за границей, проложил дорогу к высшим почестям.

В 1744 году, когда Елизавета на две недели задержалась в Козельце, недалеко от родной деревни Разумовского, фаворит позаботился о том, чтобы его родственники не беспокоили императрицу. Он встречался с ними в доме, который построил на месте своего рождения.

Назначенный в 1767 году фельдмаршалом, Алексей Григорьевич поблагодарил императрицу: «Ты можешь из меня сделать кого пожелаешь, но ты никогда не сделаешь того, что меня примут всерьез, хотя бы как простого поручика».

Он был насмешлив, но без тени злости, и его личная философия была проникнута снисходительной и иронической беспечностью. Не любя игры, равнодушный к деньгам, в которых купался, он держал банк для удовольствия своих гостей и ничего не имел против того, когда его обкрадывали без зазрения совести, плутуя или даже набивая себе карманы золотом, которое он бросал на стол.

Алексея Григорьевича можно было бы считать образцовым

фаворитом, если бы не его пагубное пристрастие к алкоголю. Он предавался пьянству на охоте, после чего следовал по стопам отца. Когда графу Петру Шувалову не удавалось найти благовидный предлог, чтобы отказаться от охоты, его жена зажигала перед иконами свечи, а когда он возвращался, служила молебен, если дело обходилось без палочных ударов.

Разумовский не любил заниматься политикой. Тем не менее его влияние на Елизавету даже в этой области имело решающее значение, поскольку он поддерживал Бестужева. Иногда, через духовника императрицы Дубянского, он покровительствовал интересам церкви. Таким образом, сам того не сознавая, он оказался втянутым в борьбу политических партий. Морганатический супруг Елизаветы, фаворит, вполне естественно возбуждал подозрение в наследниках императрицы и их присных. С этим связана, в частности, история знаменитой авантюристки княжны Таракановой, выдававшей себя за дочь Елизаветы и Разумовского и представшей впервые Европе под видом персидской принцессы.

Были ли у них дети? Точных сведений на сей счет нет…

Счастье Алексея Григорьевича продолжалось так же долго, как и жизнь государыни. У них, правда, бывали размолвки, но они не нарушили добрых отношений четы. Со свойственной ему кротостью Разумовский никогда не пытался настоять на своих правах, все равно были ли они освящены церковью или нет, чтобы противоречить вкусам Елизаветы или стеснять ее свободу.

Он, по-видимому, сам способствовал возвышению нового фаворита И.И. Шувалова, хотя не мог питать ни малейших иллюзий на счет последствий этого события.

Когда при восшествии на престол Екатерины II от Разумовского потребовали выдачи документов, владельцем которых его считали и которыми некоторые из окружения новой императрицы хотели воспользоваться, чтобы ее заставить выйти замуж за Орлова, то Алексей Григорьевич бросил в огонь содержимое таинственной шкатулки. Он не мог допустить бесчестья доброму имени покойной императрицы Елизаветы…

ГЭРИ КУПЕР (1901—1961)

Американский киноактер. Создатель образа тощего добросердечного янки, немногословного, но способного перехитрить «плохих парней». Снимался в фильмах «Дела и дни бенгальского улана» (1935), «Мистер Дидс переезжает в город» (1936), «Сержант Йорк» (1941, премия «Оскар»), «Ровно в полдень» (1952, премия «Оскар») и др. В 1960 году был награжден специальной премией «Оскар» за большой вклад в искусство кино.

Купер получил художественное образование в Англии. Он попытался стать карикатуристом, но газеты и журналы отнеслись к его шаржам прохладно. В начале 1920-х годов он получил работу каскадера на киностудии, где ему весьма пригодилось умение великолепно держаться в седле, чему он научился на семейном ранчо в штате Монтана. Иногда в одном и том же фильме он заменял в трюках актеров, играющих и ковбоев, и индейцев.

Когда Куперу наскучило красиво падать с лошадей, он нанял агента Нэну Коллинз и попросил ее подыскать подходящую роль в каком-нибудь фильме. Агент справился с заданием. Вскоре Гэри снялся в главной роли в «Завоевании Барбары Уорт» (1926), а одна из крупнейших американских киностудий «Парамаунт» подписала с ним контракт.

Гэри Купер стремительно набирал очки, пока наконец не стал одним из самых «звездных» киноактеров США. Его беспрецедентная по масштабам популярность падала лишь дважды: в 1944 году, когда он выступал в радиопрограмме с резкой критикой Рузвельта, и в 1957 году, когда он снялся в фильме «Любовь в послеобеденное время» в роли любовника восемнадцатилетней Одри Хепберн. Критикам и многим почитателям его таланта тогда показалось, что он слишком стар для такой роли. Пятидесятисемилетний Купер после этого фильма сделал косметическую операцию. Актер умер в 1961 году от рака спинного мозга.

Купер пользовался небывалым успехом среди голливудских примадонн. Когда, например, у актрисы Таллулы Бэнкхед спросили, почему она переезжает из Нью-Йорка в Голливуд, она ответила: «Да чтобы переспать с этим божественным Гэри Купером».

Актриса Хелен Хейз заявила, что без раздумий оставила бы

мужа и переехала бы к Куперу, если бы он хоть раз намекнул об этом во время съемок фильма «Прощай, оружие».

Кинокомпания «Уорнер бразерс» задержала в сороковых годах выпуск на экраны одного из фильмов, в котором в главных ролях снимались Купер и Ингрид Бергман. Боссы кинокомпании опасались, что близкие отношения, сложившиеся между этими актерами во время съемок, приведут к развалу обеих семей, что нанесет непоправимый удар по кассовому сбору. Бергман позже сказала: «Каждая женщина, которая знала Купера, была в него влюблена».

Законной женой Купера стала актриса из Нью-Йорка Вероника Балф, которую все звали Рокки. Их свадьба состоялась в 1933 году. С самого начала совместной жизни супруги предоставили друг другу полнейшую свободу. Они часто и подолгу жили в разных городах. Однажды произошел курьезный случай, когда они независимо друг от друга приехали на один и тот же курорт, поселились в разных номерах одного отеля, а затем, так и не встретившись, отправились путешествовать дальше.

Первой знаменитой любовницей Купера была Клара Боу, с которой он снимался в фильме «Это» в 1927 году. В своем дневнике Клара оценивала своих любовников. Куперу она без колебаний поставила «превосходно», а в письме своей подруге Хедде Хоппер восхищенно поведала, что он «настоящий жеребец, и может заниматься любовью всю ночь напролет». Клара рассталась с ним после того, как он предложил ей вступить с ним в брак.

С актрисой Лупе Велез Купер познакомился в 1929 году на съемках фильма «Волчья песня». Через сутки после знакомства пара уже наслаждалась любовными играми в номере отеля. Эта связь продолжалась несколько лет. Но частые ссоры довели Купера до нервного и физического истощения, и в конце концов он порвал все отношения с Велез.

Во время длительной поездки по Европе Купер познакомился с Дороти ди Фрассо, американкой, вышедшей замуж за итальянского графа. В Голливуд они вернулись вместе. Дороти прославилась тем, что часто устраивала великолепные приемы. Знакомство с Вероникой Балф вскоре вытеснило Дороти из жизни Купера, и она уехала в Палм-Спрингс, где прославилась своей нашумевшей связью с известным гангстером Багзи Сигелом.

С 23-летней Патрицией Нил Купер познакомился в 1949 году. Они так полюбили друг друга, что Гэри попытался официально развестись с Рокки в 1950 году. Он даже вместе с Патрицией навестил в Гаване своего друга Эрнеста Хемингуэя, но тот

решительно отговорил Купера от развода. Рокки тем временем продолжала жить своей прежней насыщенной жизнью. Он переживал размолвку со своей супругой. Гэри уже не находил особой радости в романе с Нил. К тому же ему было уже не до развлечений: 50-летнего актера донимали артрит, боли в спине и язва желудка. В мае 1951 года пути Купера и Патриции разошлись. Она попала на лечение к психоаналитику, а он, пережив еще несколько ни к чему не обязывающих романов, вернулся в лоно семьи, где, наконец, помирился с Рокки и дочерью Марией.

АНДРЕЙ МИХАЛКОВ-КОНЧАЛОВСКИЙ (род. 1937)

Российский режиссер, сценарист. Фильмы: «Первый учитель» (1965), «Дворянское гнездо» (1969), «Романс о влюбленных» (1974), «Сибириада» (1978), «Возлюбленные Марии» (1983), «Поезд-беглец» (1985), «Танго и Кэш» (1989), «Ближний круг» (1992), «Одиссея» (1997) и др.

Андрон Михалков-Кончаловский родился 20 августа 1937 года. Он вырос в знаменитой семье. Его отец, Сергей Михалков, известный писатель. Мать, Наталья Петровна, – дочь художника, талантливая поэтесса, переводчица. Получив при рождении имя Андрон (в честь своего дяди – сотрудника НКВД Михаила Михалкова-Андронова), режиссер предпочел называть себя Андрей. Кроме того, он взял двойную фамилию – Михалков-Кончаловский.

Когда сыну исполнилось семнадцать лет, за его сексуальное воспитание, по старой дворянской традиции, взялся отец, Сергей Михалков. Он направил его к знакомой генеральше, которая и лишила Андрея невинности. Вторая его женщина, работавшая, вероятно, официанткой, красотой не отличалась, много курила, но в любовных делах знала толк. Кончаловский вспоминает своих первых любовниц с благодарностью: «Они сделали меня мужчиной. Со временем барьер переломился, и у меня, наконец, появились романтические чувственные отношения с девочками своего возраста…»

В середине 1950-х Сергей Михалков взял Андрея в гости к своей приятельнице. Дочь ее Ира училась в балетном училище Большого театра. Молодые люди понравились друг другу. Стали встречаться. Вместе съездили в Крым.

В 1957 году Ирина Кандит (ее отец – ленинградский саксофонист) окончила училище. Андрей предложил ей пожениться. Как вспоминает Кончаловский, свадьба была пышной, в ВТО, с большим количеством светских гостей – друзей и родственников с обеих сторон. «Я напился, приревновал Иру – она с кем-то танцевала. И повода-то не было! По-русски поколотил молодую жену, она плакала – все как положено быть на свадьбе. Привезли домой зареванную невесту, злого жениха…» Вместе они прожили около двух лет, пока Ирина не ушла к

дирижеру Большого театра – Жюрайтису. Разрыв с Ириной совпал со временем прихода Кончаловского во ВГИК. Студенческая жизнь – это романы, бесконечные любовные приключения. Режиссурой Кончаловский занимался с удовольствием. На курсе было немало талантливых актрис – Жанна Прохоренко, Галина Польских, Светлана Светличная…

Курсом младше училась Жанна Болотова. В свои восемнадцать она успела сняться в фильме «Дом, в котором я живу». Андрей встречался с ней в коммуналке, «вороньей слободке». Где-то через год Жанна прямо спросила Андрея: «Ты женишься на мне?» Получив отрицательный ответ, сказала: «Тогда приходи в воскресенье на свадьбу». Она выходила замуж за приятеля Андрея. И все уже было назначено.

В фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича» снималось немало талантливой молодежи. Пришла на кинопробу и Марианна Вертинская, дочь знаменитого певца. Съемочные дни часто оканчивались дома у Михалкова. «Был момент в жизни, когда на вопрос, что такое счастье, я мог бы ответить только единственным образом: "Счастье – это сидеть у Вертинских, когда за окном идет снег, смеркается, еще не зажегся свет – сидеть и пить чай с Марьяной"». Вертинская курила, к условностям жизни относилась с пренебрежением. Но была «вся такая легкая, непредсказуемая, небесная!». Однако Андрей поспешил ретироваться, когда вокруг заговорили о свадьбе…

Первой большой работой Кончаловского стал фильм «Первый учитель» по повести Айтматова. Начинающий режиссер переписал сценарий и стал подыскивать актеров. На роль Алтынай требовалась артистичная девушка. В балетном училище занималось несколько казашек, одна из них привлекала внимание Кончаловского. Звали ее Наташа Аринбасарова.

Девушку уже взяли в Казахский академический театр оперы. «Ей было восемнадцать – совсем еще девочка, хрупкая, нежная, женственная, – пишет Кончаловский в своей книге «Возвышающий обман». – Я понял, что не могу даже осмелиться поцеловать ее, если не решу, что женюсь. Когда я решил для себя это, мы отпраздновали нашу брачную ночь и на следующий день объявили всем, что женимся».

Узнав о предстоящей свадьбе, родители вызвали Наташу в Алма-Ату. В телефонном разговоре мама Наташи заявила жениху, что он негодяй и ни на какие съемки ее дочь больше не поедет.

Дело принимало серьезный оборот. И только благодаря вмешательству главы республики Кунаева удалось уладить конфликт. Потом была шумная веселая свадьба. 15 января 1964 года Наташа подарила мужу сынишку Егора. О тех временах у

Кончаловского остались самые светлые воспоминания.

…Летом 1967 года на международный кинофестиваль в Москве приехала большая французская делегация. В ее составе была красивая девушка Маша Мериль. Кончаловский влюбился в нее с первого взгляда. «Бывают такие отношения с женщиной, когда уже не владеешь собой от невыносимости чувства. Боишься не только прикоснуться – боишься находиться рядом. Когда я узнал, что она русская дворянка, княжна Гагарина, мое падение в бездну еще более ускорилось. Было ощущение абсолютной обреченности…» Потом они встретились в Праге. Маша остановилась в том же отеле. Многое она говорила по-французски. Андрей понимал не все, но согласно кивал. В Москве Кончаловский получал от возлюбленной открытки. Он признался Аринбасаровой, что полюбил другую. «Лучше бы ты сказал, что у меня умерла мама…» – проронила она. И тут пришла открытка, в которой княжна Гагарина сообщала, что… выходит замуж за итальянского продюсера.

«Встреча с Машей была для меня почти роковой. Дворянка, княжна, женщина европейской культуры – это было то, о чем я втайне мечтал, такой хотел видеть свою спутницу. То, что она меня бросила, казалось само собой понятно. Разве могло быть иначе? Я остро пережил случившееся, но про себя не удивился. Думал: куда мне! Я совок, а там Париж, Италия! Я уже знал, что это такое».

Позже Андрей с Машей стали друзьями. Она снималась у Кончаловского в «Дуэте для солиста», сыграла Аркадину в спектакле «Чайка». Спустя много лет выяснится, что из-за плохого знания французского Андрей во время свидания в Праге пропустил самое главное: Маша тогда призналась ему, что уже полтора месяца беременна. От него. Андрей никак не прореагировал. Она решила, что не нужна ему и вышла замуж за продюсера… Узнав об этом, Кончаловский был поражен. «Все двадцать лет наших отношений, моих представлений об этих отношениях полетели в тартарары. Никакие розы, которые я эти годы слал ей домой и в ее уборную, не могли ни объяснить, ни извинить этого драматического непонимания».

Еще в 1967 году Кончаловский приступил к работе над фильмом «Дворянское гнездо» по пьесе Чехова. Пробы к картине он делал долго и тщательно. На роль Лизы Калитиной пробовалось множество красивых девушек. Среди них – студентка вахтанговского училища Ирина Купченко. Сделали пробы – получилось замечательно.

Андрей как никогда нуждался в поддержке женщины. Так начался его непродолжительный роман с Ириной. «Случилось это

в гостинице «Советской» с фанерными стенами, под музыку Перголези: я привез в Ленинград проигрыватель и кучу пластинок итальянского барокко. Помнится, в номере было полно платьев с картины: мы наряжались в них, играя…» К концу картины Андрей и Ирина уже стали просто друзьями.

В «Дворянском гнезде» снималась также Беата Тышкевич. С Кончаловским ее связывала многолетняя близкая дружба, которую она окрестила когда-то «мой восточный роман». Вначале в Варшаве она познакомилась с его отцом, Сергеем Михалковым. В 1963-м, во время Московского кинофестиваля, Сергей Владимирович привез актрису на Николину Гору, чтобы представить семье. Андрей поразил Беату. Роскошный, талантливый, красивый, артистичный… «Восточный роман» протекал на Николиной Горе. Беата и Андрей стояли на берегу держась за руки и чувствовали себя самыми счастливыми людьми на свете. Они гуляли по лесу, на опушке расстилали плед и целовались… Чтобы купить ей роскошное украшение и пригласить в шикарный ресторан, Андрей продал концертный рояль…

В Польше она получала письма от Кончаловского. Что бы он ни писал, все сводилось к одному: «Я с тобой! И ты со мной!» Андрей и Беата думали о женитьбе, вынашивали творческие планы, но их брак, увы, не состоялся.

«После общения с Кончаловским трудно воспринимать других мужчин, – признавалась Тышкевич. – С ними скучно. Он как никто умеет создать драматургию интимной жизни: пишет стихи, забрасывает подарками, создает особую романтическую обстановку, исполняет все твои желания, осыпает пылкими признаниями в любви».

Когда работа над «Дворянским гнездом» близилась к завершению, Кончаловский развелся с Наташей Аринбасаровой. Теперь его мысли занимала француженка Вивиан Годэ. Она работала няней в семье французского банкира, проживавшего в Москве в гостинице «Националь». Вивиан говорила по-русски – училась в Париже в институте восточных языков. Девушка была русских корней, из очень богатой семьи. Когда Андрей решил жениться на француженке, дома был переполох. Все-таки был 1969 год. «Для меня Вивиан олицетворяла всю Францию, всю свободу на свете. Она была откуда-то из другого мира. Женившись на ней, я женился на Франции…»

Вивиан была своеобразной девушкой. Во время одного из первых супружеских конфликтов она сдернула занавески с окна и порвала их на куски. Андрей тогда подумал: «О! Это совсем не просто – жить с иностранкой!»

В Париже Кончаловский познакомился с родственниками Вивиан. Вернувшись в Москву, они сняли квартиру… Вивиан забеременела, уехала в Париж рожать, родила дочь, назвали ее Александрой, священник крестил ее в парижской квартире.

В 1974 году на экраны вышел фильм Кончаловского «Романс о влюбленных». Героиню сыграла Елена Коренева. Эта маленькая хрупкая девушка сразу понравилась режиссеру. «Есть черты лица, которые для меня сразу родные. Коротконосая, широкоскулая, широкоглазая, рыжая, веснушчатая. Лена была похожа на Ширли Мак-Лейн, очень похожа, я не сразу дал себе в этом отчет».

С Еленой Кореневой он сблизился еще до того, как приступил к съемкам. И когда в июне 1972 года приехала Вивиан из Парижа, Андрей сообщил ей, что у него появилась другая женщина. «Подлец!» – сказала жена.

Кончаловский ушел из дома. Коренева пошла работать в театр, все время «Романса» они жили вместе. Как режиссер он требовал от нее многого: танцевать, петь, говорить стихами, жить на пределе чувства. Это была ее звездная роль. Вместе они посетили Карловы Вары, Берлин, – Лену всюду оформляли как гражданскую жену Кончаловского. Они были вместе почти три года.

Последняя картина, которую Андрей снял в Советском Союзе, стала «Сибириада». На одну из ролей была приглашена молодая актриса Наташа Андрейченко. У Кончаловского с ней стало намечаться что-то романтическое. Они съездили вместе в Ленинград. Путешествие оказалось приятным. Но потом их отношения быстро завершились. В жизнь Андрея вошла муза Ингмара Бергмана – замечательная актриса Лив Ульман.

Началось все с того, что Кончаловский, с простуженными легкими, ходил по Ленинграду, температурил, бредил. Вдруг ему приснилась Лив Ульман. Через несколько дней он уже был на ее спектакле в Осло. Послал ей цветы. При встрече говорил о том, как она превосходно играла, о своих впечатлениях, о постановке. Лив слушала с интересом. Этот странный русский сразил актрису признанием, что приехал в Осло только для того, чтобы увидеть ее.

По приглашению Кончаловского она приехала в Москву. Жила на даче у Михалковых. Андрей показал ей на «Мосфильме» свои картины. Затем они встретились в Нью-Йорке, где Кончаловский подбирал материал для документальных частей «Сибириады». Лив приходила к нему в гостиничный номер. В 1979-м Кончаловский вместе с Ульман заседал в жюри Каннского фестиваля. «Это были замечательные дни, но заставить ее по утрам бегать я так и не смог. Сам я уже вовсю занимался спортом,

ее эта перспектива никак не увлекала». После фестиваля происходит крутой поворот в жизни Кончаловского. Он остается жить во Франции. Затем отправляется в Голливуд. Но его сценарии не были приняты.

Кончаловский пробыл в Америке почти год. Работы не было. Возвращаться в Москву не хотелось. В 1980 году он развелся с Вивиан. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, если бы не благосклонность знаменитой актрисы Ширли Мак-Лейн. После просмотра фильма «Сибириада» и нескольких мимолетных встреч она пригласила его к себе домой в Малибу. На следующее утро Ширли предложила: «Не хочешь попробовать жить вместе?» – «Почему же не попробовать?» – был ответ.

Кончаловский погружается в совершенно другой мир. Океан шумит, чайки, любовь… Он встречается с голливудскими знаменитостями и повсюду сопровождает Мак-Лейн. Они ездили в Нью-Йорк, жили в Лас-Вегасе, в Неваде, на озере Тахо. «А теперь я пою, – говорила Ширли во время концерта, – для моего сладкого медведя». Никто в зале не подозревал, что речь идет о русском режиссере Кончаловском. Мак-Лейн рассказала о своих отношениях с Андреем в своих мемуарах «Танец в лучах света». В книге он назван Василием Охлопковым-Медведятниковым. «Секс с Васей был в моей жизни одним из самых приятных занятий. Мы смеялись, плакали, кричали и кусались. Актрисы влюблялись в него, скромностью он не отличался…»

Американцы считали, что с ее помощью Кончаловский пытается сделать себе карьеру. Бесконечно это продолжаться не могло. И он ушел от нее. Без гроша в кармане. «Пока есть любовь, шум океана очень привлекателен. Но когда любовь кончается, начинаешь замечать, что он тебя раздражает…»

Первый фильм в Голливуде Кончаловский снял благодаря актрисе Кински, которая нашла ему продюсера. Она же сыграла главную женскую роль в его «Возлюбленных Марии».

Озвучание «Возлюбленных» проходило в монтажных «Уорнер бразерс». Там Андрею приглянулась миловидная девушка Ким Харрис. В конце недели они уже отдыхали на Гавайях. Затем стали жить вместе. Много ездили: Париж, Милан, Лондон… Ким даже научилась считать по-русски. Познакомилась с мамой Андрея. Они прожили вместе года три. После «Возлюбленных Марии» был «Поезд-беглец», потом – «Дуэт для солиста». Расстались, когда Андрей приступил к «Застенчивым людям». Ким попыталась покончить с собой. К счастью, ее удалось спасти… Когда Кончаловскому предложили в Париже поставить на сцене «Чайку», он долго не мог выбрать актрису на роль Нины Заречной в спектакле «Дядя Ваня». Наконец выбор был сделан.

Жюльетт Бинош. Она только что снялась в американском фильме «Невыносимая легкость бытия» по Кундере. «У нее было фарфоровое лицо, с замечательной нежной белой кожей, вишневыми губами, маленькая, хрупкая, очень гибкая. Потом, в постели, она мне напоминала прыгучую мартышку…»

Кончаловский пригласил Жюльетт на спектакль «Метаморфозы» Кафки. «Сидя с ней в ложе, испытывал только одно желание – дотронуться до ее шеи. Я это сделал, она мою руку не убрала. <…> Помню, мы с ней ехали в лифте, меня буквально пронзила боль – так бывает, когда влюблен».

Во время репетиционных перерывов они поднимались в ложу для почетных гостей и целовались. Потом с разных концов сцены возвращались в зал. Это была связь очень болезненная. Богемная, артистическая…

В 1987 году Кончаловский впервые приехал в Советский Союз как официальный гость, по приглашению международного кинофестиваля. У себя на родине он нашел четвертую жену. Ирина Мартынова была диктором телевидения. Увидев ее фотографию в журнале, Кончаловский сказал ассистенту, чтобы он нашел эту девушку, может быть, она сыграет в «Ближнем круге». Ее нашли, привели. Режиссер быстро понял, что сыграть она не сможет, но зато будет хорошей женой. У Кончаловского родились еще две дочери – Наташа и Елена.

…Летом 1997 года незнакомый голос оставил на автоответчике режиссера послание: «Андрон Сергеевич, вы, наверное, не знаете, но у вас растет замечательная дочь и мама ее бедствует. Мама – Ира Бразговка». С Ириной, работавшей в ансамбле Дмитрия Покровского, он познакомился перед отъездом в Америку. Сразу предупредил, что долгих отношений у них быть не может. Вскоре Кончаловский уехал из страны. С тех пор почти семнадцать лет ее не видел. Разве что мимолетно. И вот этот звонок… Андрей встретился с Ириной, затем познакомился с дочерью Дарьей, сразу признав ее своей. Отправил Дашу на учебу в Америку.

Жизнь шла своим чередом. На фестивале «Кинотавр» в Сочи режиссер обратил внимание на молодую театральную актрису Юлию Высоцкую. Позвонил ей, назначил встречу в ресторане. Затем они поднялись к нему в номер. «Женщинам я говорю комплименты только тогда, когда мне этого хочется. Тем более когда момент близости уже в прошлом. Я сказал ей, что такого ощущения кожи не испытывал в жизни. Она восприняла это как дежурные слова. Убежала. Через день я должен был уезжать».

Отыскав девушку, он протянул ей билет: «Это на завтра. Можешь лететь, можешь не лететь. Как захочется. Решай сама.

Думай». На следующий день в семь утра они летели в Турцию.

Юля стала пятой женой Кончаловского. В сентябре 1999 года родила ему еще одну дочь – Машу…

АЛЬФРЕД Д'ОРСЕ (1801—1852)

Известный денди эпохи Регентства. Ученик известного миниатюриста Изабе. Законодатель мод Парижа.

Альфред д'Орсе приехал в Лондон в 1821 году. Ему тогда было двадцать лет, а Париж, который он покинул, уже два года как копировал его прически, жилеты, галстуки, трости и даже манеру улыбаться. Его отец мечтал видеть его военным. Граф предпочитал придумывать себе фасоны костюмов, каждый из которых на другой же день превращался в «последний крик моды»…

Само собой разумеется, самые красивые женщины Парижа были отчаянно влюблены в него. Его главным приемом в обращении с ними было избегать слишком скорой победы. Он заставлял их подолгу томиться, а когда они оказывались у него в доме, доводил несчастных до изнеможения.

«Входите, входите, – говорил он своим колдовским голосом, – вы так прекрасны, что я готов вас съесть!»

«Ну, наконец», – думала дама, уже изнемогавшая от вожделения и взиравшая на диван, как на землю обетованную.

И тут он, не давая гостье опомниться и понять, что происходит, усаживал ее на какой-нибудь мягкий пуфик и долго-долго, с садистским удовольствием, с насмешливой улыбкой принимался делать с нее элегантный карандашный набросок…

Ученик известного миниатюриста Изабе, он пользовался своим искусством, когда хотел подвергнуть последнему испытанию охваченных пламенем бедняжек, отпуская их домой в том же состоянии, в каком они к нему явились, и заставлял их ждать момента, который выберет сам, если пожелает их съесть…

Эта репутация модника и соблазнителя очень скоро пересекла Ла-Манш. Когда он приехал в Англию, все дамы из высшего света, имевшие салон, изо всех сил стремились заманить его к себе. Сначала преуспела в этом леди Холанд, однако он очень быстро устал от этой властной женщины. Однажды вечером, когда он обедал у нее в числе других гостей, представлявших сливки английской аристократии, она то и дело роняла то салфетку, то веер, то вилку, то ложку. Всякий раз Альфред д'Орсе, человек изысканно светский, наклонялся и поднимал упавший предмет. В конце концов слишком нервная леди уронила на пол стакан. Но на этот раз, не выдержав, граф

обернулся к лакею, стоявшему за его стулом, и сказал: «Не перенесете ли вы мой прибор на паркет? Я продолжу свой обед там. Для миледи, пожалуй, так будет удобнее».

Леди Холанд никогда больше не приглашала к себе Альфреда д'Орсе…

Но графа это ничуть не взволновало, потому что не прошло и месяца с его появления в Лондоне, а перед ним уже раскрылись двери одного из самых блистательных салонов столицы – салона лорда и леди Блессингтон.

Молодой человек с густой вьющейся шевелюрой, округлой бородкой, фигурой атлета и изысканной элегантностью произвел неизгладимое впечатление на присутствующих дам. Но больше других, без сомнения, была поражена сама леди Блессингтон. В свои тридцать лет она была в расцвете красоты и очень скучала в обществе мужа, который из-за излишеств молодости выглядел к сорока годам довольно потрепанным.

Леди Блессингтон, казалось, и сама должна была обнаружить следы весьма бурного прошлого. Действительно, до того как выйти за лорда, она была женой капитана Фармера, горького пьяницы, которому отец отдал ее в качестве расплаты по долговому обязательству. Натерпевшись от грубого обращения этого солдафона, она сбежала с каким-то офицером, который через несколько лет за весьма крупную сумму «уступил» ее лорду Блессингтону. Наконец, когда она овдовела, лорд женился на ней.

Однако это бурное прошлое не оставило ни малейшего следа в светлых и ясных глазах белокурой Маргарет.

Увидев ее, Альфред д'Орсе влюбился впервые в своей жизни. Тем не менее он не торопился стать ее любовником, опасаясь, как бы светский адюльтер не разрушил его репутацию профессионального денди. Он ведь прибыл в Лондон с определенной целью: развенчать короля дендизма Джорджа Бруммеля. Этот человек, о котором рассказывали тысячи историй, поражал его своим хвастовством. Говорили, что Бруммель бросил службу в армии, потому что там требовалось пудрить волосы, тогда как это давно уже вышло из моды; что он обрабатывал свою новую одежду наждачной бумагой, добиваясь муарового отлива; что он имел пристрастие к очень тонким и узким перчаткам, облегавшим его руки, точно мокрая кисея; что своим ногтям он придавал отчетливую форму; что он, прежде чем выбрать один галстук, мог пересмотреть дюжину; что в его коллекции до семисот тростей, и что он приветствовал дам простым кивком головы, чтобы, не дай бог, не нарушить тщательно продуманное положение цилиндра на своей голове.

Эти истории шокировали деликатную натуру молодого

француза, который сгорал от желания продемонстрировать лондонцам, что значит истинный парижский денди. А разве можно стать настоящим денди, если впутаешься в какую-нибудь интрижку?

В течение нескольких месяцев, флиртуя с божественной леди, Альфред задавал тон всей лондонской молодежи точно так же, как он это делал в Париже. Все его фантазии, даже невольные, тут же становились модой. В один из дождливых дней он купил у какого-то матроса форменный «пэлток», чтобы вернуться домой сухим. Все щеголи немедленно освоили эту грубую шинель, в результате чего и было изобретено «пальто». Прекрасная леди Маргарет скоро стала такой напористой, что графу, к сожалению, пришлось реже бывать у нее. Когда же он все-таки появлялся на Сен-Джеймс-Сквер, Маргарет с глазами, полными слез, и лорд Блессингтон упрекали его: «Мы вас совсем не видим у себя! Уж не поселить ли вас в нашем доме?»

Преследуемый чрезмерной симпатией ничего не замечающего мужа, загоняемый в угол любовью женщины, которую он обожал, Альфред д'Орсе был на грани полного изнеможения, когда ему вручили письмо из Франции, в котором говорилось, что его отец добился для него офицерского чина в Валансийском полку.

Он тут же распрощался с совсем отчаявшимися Блессингтонами и отправился к месту своей службы. Не прошло и трех месяцев, как чета Блессингтонов, не мыслившая существования без него, прибыла во Францию, чтобы повидаться с ним, и предложила ему совместное путешествие по Италии.

Покинув немедленно армию ради женской улыбки (и, конечно, ради завидного положения), Альфред д'Орсе последовал за своими друзьями. Именно там, под сияющим небом Генуи, он, наконец, стал любовником прекрасной леди.

В Генуе дружное трио встретило еще одного знаменитого денди, лорда Байрона, которому одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что происходит между Маргарет и графом. Последнего он прозвал «распоясавшимся Купидоном». После Генуи Блессингтоны и д'Орсе объехали всю Италию, на что ушло целых шесть лет.

Мягкий средиземноморский климат действовал возбуждающе на божественную леди, тогда как граф д'Орсе стал понемногу чахнуть.

Однажды Блессингтон подозвал его к себе и сделал ошеломляющее предложение: «Вы, наверное, знаете, что у меня есть дочь Хэрриет от первого брака. Я готов завещать ей половину своего состояния, если вы согласитесь жениться на ней…» Альфред, крайней смущенный, сказал, что должен подумать.

Вечером в комнате Маргарет он передал содержание своего разговора с ее мужем. Неукротимая леди расхохоталась и сказала, что эта идея принадлежит именно ей: «Умоляю тебя, соглашайся. Ведь тогда я постоянно буду рядом с тобой, да к тому же ты получишь состояние моего мужа».

Последний довод оказался решающим для денди. Его брак с 15-летней Хэрриет был торжественно отпразднован в Неаполе 1 декабря 1827 года. Разумеется, брак этот совершенно не изменил его отношений с Маргарет.

В 1829 году милое семейство прибыло в Париж и поселилось в частном доме на левом берегу. Подходил к концу уже седьмой год, как божественная леди была любовницей графа д'Орсе, а старый лорд продолжал ничего не замечать.

А между тем весь свет был в курсе этой связи, и множество людей шепотом произносили то, что Саша Гитри вложил в уста одного из своих персонажей: «Быть слепцом до такой степени, значит, сознательно закрывать глаза…» Но он заблуждался! Лорд Блессингтон и вправду не замечал, что обманут. Поэтому для него оказалось жестокой неожиданностью то, о чем ему поведал один завистник графа д'Орсе.

В результате с лордом случился апоплексический удар, который и свел его в могилу. Нетрудно представить, какое горе пережили Альфред и Маргарет. Однако после похорон они вместе поселились в Лондоне. Повсюду рядом с ними была Хэрриет, страдавшая такой же «слепотой», как и ее отец.

И все же однажды ночью молодой графине пришлось узнать горькую правду. Приболев немного, она встала с постели и пошла к мачехе в спальню попросить о помощи. Тут-то она и застала любовников, спящих полуобнаженными в одной постели. Обезумев от ярости, она убежала из дома, прихватив с собой, помимо платьев и драгоценностей, все документы о праве собственности, которую унаследовала…

Альфред д'Орсе был разорен. Как, впрочем, и леди Блессингтон, которая промотала почти все, что ей принадлежало. И теперь оба они были принуждены работать. Маргарет написала несколько книг «О красоте» и одну под названием «Беседы с Байроном» (имевшую огромный успех), а граф д'Орсе рисовал, писал маслом и лепил, приводя в восторг местное дворянство, которое буквально вырывало из рук друг у друга его работы.

Несмотря на семь лет отсутствия, его престиж лондонского денди ничуть не пострадал. Снобы продолжали копировать фасоны его костюмов, его манеры, привычки и даже нервный тик. Однажды он познакомился с полуразорившимся торговцем грубого полотна, который обратился к нему за помощью.

«Через две недели, – ответил ему Орсе, – весь Лондон будет носить костюмы, сшитые из вашей ткани».

Торговец печально вздохнул: «Вряд ли это возможно, месье. Ткань, которой я торгую, очень грубая, и никто не хочет ее носить». – «Поверьте мне. Завтра мой портной зайдет к вам купить материи, чтобы сшить для меня костюм. В этом костюме мне достаточно будет появиться на Риджент-стрит всего один раз и всего на четверть часа в полдень. Этого хватит, чтобы все модники, из подражания мне, стали спрашивать, где я приобрел эту чудесную ткань, а затем и кинулись гурьбой в вашу лавку».

Через две недели все лондонские щеголи уже носили костюмы из мешковины, а торговец мануфактуры – костюм из тонкого сукна…

В 1840 году Альфред д'Орсе познакомился с Луи-Наполеоном, чей побег из крепости Ам очень его позабавил. «Что я могу сделать для вас, монсеньор?»

Принц откровенно объяснил ему свою ситуацию: у него мало денег, мало связей, но зато огромное желание развлечься перед тем, как он начнет готовить новый государственный переворот с целью свержения Луи-Филиппа.

Д'Орсе отвесил глубокий поклон и пообещал организовать несколько приятных вечеров с очаровательными, хотя и малодобродетельными девицами. Луи-Наполеон был приглашен на квартиру некоего лорда Брэдли, где Альфред собрал не самых застенчивых танцовщиц и нескольких актрис, известных своим талантом общения…

Вечеринка началась банальным обедом при свечах. За столом принц выполнял роль хозяина дома и делал это с большим изяществом. Поэтому, прежде чем пригубить вино, он постарался обмакнуть в своем бокале кончик левой груди двух своих совершенно обнаженных соседок.

Когда пришло время десерта, события неожиданно приняли странный оборот. Вот как об этом рассказывал Эрнест Офрей:

«Одна из актрис, по имени Китти Одлер, вдруг воскликнула: "Поиграем в маленькие садики!"

Выйдя из-за стола, она улеглась на ковре и воткнула в свой «абрикос» маргаритку. Ее примеру сразу же последовали все приглашенные девицы, и гостиная вмиг стала похожа на цветущую клумбу.

"Кто будет моим садовником?" – крикнула Китти Одлер. Луи-Наполеон, обожавший цветы, кинулся к актрисе и занялся увлекательной работой по уходу за садом. Другие гости, оставив мороженое, последовали примеру принца и попрыгали на предложенные их вниманию маленькие клумбочки.

Тут, правда, случился небольшой беспорядок».

В течение нескольких месяцев граф д'Орсе устраивал не менее оригинальные развлечения для Луи-Наполеона, но в конце концов его собственные средства так истощились, что ему пришлось снова заняться работой художника и скульптора, дававшей ему хлеб насущный.

Однако в промежутке между двумя очередными рисунками он успел оказать принцу последнюю неоценимую услугу, познакомив его с обворожительной авантюристкой, которую звали мисс Говард.

В конце концов, долги графа оказались столь значительными, что ему грозила тюрьма. Как-то вечером 1849 года один полицейский, переодевшись кондитером, сумел проникнуть к нему в дом. Альфред д'Орсе попросил разрешения пойти одеться поприличнее, перед тем как отправиться в королевскую тюрьму. Польщенный полицейский согласился. Граф довольно долго возился с туалетом, принял ванну, надушился, придирчиво выбрал галстук, с час завязывал его и потратил столько усилий, устраивая на голове шляпу, что к тому времени, когда он закончил, пробило половину шестого. Тогда он вдруг снял шляпу и галстук и облачился в халат. После чего Альфред заявил полицейскому: «Я очень сожалею, но солнце уже село, и вы не можете меня арестовать. Поэтому, прошу вас, приходите завтра!» И он попросил слугу проводить полицейского.

А на следующий день Альфред был во Франции, куда вслед за ним приехала и Маргарет.

Однако год спустя прекрасная леди угасла в возрасте шестидесяти лет. Альфред пережил ее на два года. 4 августа 1852 года он скончался, так и не сумев пережить смерть женщины, которой он оставался верен тридцать лет… Интересно, удалось бы ему то же самое, женись он на ней?

ИВ МОНТАН (1921—1991)

Настоящие имя и фамилия – Иво Ливи. Французский актер и шансонье. Был певцом в Марселе, с 1944 года выступал в Париже в «Фоли-Бержер» и «Мулен Руж». С 1945 года – актер кино. Снимался в фильмах «Плата за страх» (1953), «Сейлемские ведьмы» (1956), «Давай займемся любовью» («Миллиардер») (1960), «Война окончена» (1966), «Жить, чтобы жить» (1967), «Признание» (1970), «Осадное положение» (1973), «Дикарь» (1975), «Манон» (1986), «Три билета на 26-е» (1988), «Нечаев вернулся» (1991) и др. Автор книги воспоминаний «Солнцем полна голова» (1955).

Ив Монтан имел в своей жизни только одну законную супругу, не менее, чем он, известную Симону Синьоре, с которой прожил тридцать шесть лет до самой ее смерти. Но Монтан не отказывал себе и в том, что немцы очень точно называют «зайтеншпрунг», то есть «прыжок в сторону». Искусство и женщины были неотделимы в его эмоциональной жизни, наполненной тревогами, разочарованиями и тем великим чувством любви, которое, сметая все на пути, делает человека счастливым и неповторимым. Среди боготворивших его женщин были великая Эдит Пиаф – «маленький воробышек», пленительная тайна французской эстрадной песни, и великая Мэрилин Монро – «символ номер один земной красоты», секс-символ Голливуда…

Эти женщины знали и ценили в любви романтику и безумие, терпеливость и искренность, страдания и чистоту. И, конечно, всепоглощающее чувство сладострастия.

Ив Монтан не был мужчиной, которому женщина может легко надеть ошейник, но и за это они его тоже любили.

Эдит Пиаф… Она всегда умела выбирать себе достойных мужчин и гордилась этим. Не только любила их, но дня них жила. В ее жизни Ив Монтан был особенным – это она открыла в неизвестном марсельском юноше природный талант и помогла ему стать звездой первой величины на французской эстраде.

Ив Монтан и Эдит Пиаф встретились в середине сороковых годов. День встречи навсегда остался в их памяти. Худого, длиннющего «пижона» представили Пиаф, уже известной и обожаемой публикой.

«Я изведал особенно жестокий страх, – признавался позже Ив. – Как ни уговаривал я себя, но эта тщедушная зрительница,

внимательная и бесстрастная, производила на меня большее впечатление, чем триста человек, шумных и нетерпеливых. Чтобы взять себя в руки, мне понадобилась вся мужская гордость: не мог же я спасовать перед женщиной…»

«Когда он запел, – вспоминала Эдит Пиаф, – я сразу попала под его обаяние. Самобытная личность артиста, впечатление силы и мужественности, красивые артистичные руки, интересное выразительное лицо, проникновенный голос…»

Эдит Пиаф вдохнула в него частицу своего божественного таланта. Она научила Ива Монтана той красоте пения, которая сделала его великим. Научила его по-настоящему любить женщину и не бояться проявлять в любви весь свой пыл, чувствовать себя легко и естественно в страсти. «Маленький воробышек» учил простого, мускулистого парня ростом 187 сантиметров и весом 82 килограмма. И Ив Монтан, несмотря на свой резкий и жесткий характер, не противился урокам любви, а жаждал все новых и новых встреч, особенно после ссор и скандалов, ожидал той драгоценной минуты, когда вновь ему простят и можно будет оказаться в объятиях любимой.

Ив Монтан неоднократно предлагал Эдит Пиаф: «Эдит, давай поженимся. Я хочу, чтобы ты была моей женой…» Однако этот счастливый день так и не наступил. Они остались просто верными друзьями…

Ив впервые встретился с Симоной Синьоре 19 августа 1949 года под синим небом Прованса. Им обоим было тогда по 28 лет. Она – известная актриса, жена режиссера Ива Аллегре и мать их дочери, трехлетней Катрин. Монтан, приехавший на гастроли в Ниццу, – восходящая звезда мюзик-холла, получивший прозвище «Динамит на сцене». Он родился в маленькой итальянской деревушке Монсуммано, в бедной крестьянской семье. Когда ему было два года, родители эмигрировали из Тосканы (местность в Италии) во Францию.

Иво Ливи – так звучало его подлинное имя. Монтан – псевдоним, пришедший как память детства, когда его мать звала обедать, крича по-итальянски: «Иво, монта! Иво, монта!» (Иво, поднимайся!).

Он начал работать в одиннадцать лет: был учеником парикмахера, докером в марсельском порту, рабочим на макаронной фабрике… Когда к Иву пришла известность и у него появились деньги, он подарил родителям дом в пригороде Марселя, а семью старшего брата Жюльена пригласил жить к себе. Эльвира, жена Жюльена, стала работать секретарем у Ива и Симоны, а Жан-Луи, их сын, начал помогать своему дяде в кино и с его помощью приобрел профессию продюсера.

…Много позднее, в конце 1980-х годов, уже после смерти Синьоре, Ив Монтан писал: «Нас представили друг другу в "Золотой голубке", а уже на следующий день мы обедали вместе. За десертом, взяв ее за руку, я прошептал: "Какие у вас тонкие запястья!" – и с тех пор мы не расставались».

22 декабря 1951 года в мэрии Сен-Поль-де-Вано они поженились. С его стороны свидетелем был Поль Ру, владелец «Золотой голубки», с ее – Жак Превер. В подарок на свадьбу Пабло Пикассо прислал рисунок, выполненный фломастером (что по тем временам было диковинкой).

В жизни Ива и Симоны было немало счастливых дней. Ив Монтан удочерил дочь Симоны – Катрин, рожденную от брака с первым мужем. Прошли годы, и Катрин, ставшая актрисой, написала книгу об их жизни. Там есть такие слова: «Мама была поклонницей Монтана. Их связывала бурная страсть, которая никому другому не оставляла места… Я не встречала человека более талантливого, чем Монтан. К тому же он безумно много работал. Мама же, которая вышла из буржуазной среды, была хорошо образованна и стремилась всем поделиться с Монтаном. А он был одержим стремлением добиться успеха. Не будь Эдит Пиаф или Симоны Синьоре, он все равно стал бы Монтаном…»

В 1951 году начались съемки фильма «Плата за страх». В мае 1953 года картина получила «Гран-при» Международного кинофестиваля в Канне, и пришел ее мировой успех. Для Ива Монтана фильм стал кульминационным взлетом в кино и на эстраде. С октября 1953 года по март 1954-го он дал двести сольных концертов.

…В сентябре 1959 года в одной из грим-уборных Бродвея покатывались со смеху писатель Артур Миллер, его жена Мэрилин Монро, супруги Монтан и Ростен. Французский актер впервые выступил на американской сцене, и его зрители почему-то смеялись в самых неожиданных местах. От своих нью-йоркских друзей Монтан узнал, что взрывы смеха вызывали пуговицы на ширинке, сверкавшие в лучах прожекторов каждый раз, когда Ив засовывал руки в карманы. Так, весело и непринужденно, началось знакомство, завершившееся международным скандалом.

В апреле 1960 года супруги посетили Америку. Симоне вручили «Оскара» за главную роль в фильме «Путь в высшее общество», а Ив Монтан, после долгих переговоров, дал согласие сниматься в картине «Давай займемся любовью» («Миллиардер»). Его партнершей по фильму стала Мэрилин Монро, заявившая: «После моего мужа Ив наряду с Брандо является самым привлекательным мужчиной из всех, что я встречала».

Монтан, как ни странно, не видел ни одного фильма с

участием Монро. По-английски он почти не говорил. Однако Миллер тоже считал, что «он чудным образом подходит для роли. Они с Мэрилин очень живые люди. В каждом из них есть внутренний мотор, который вырабатывает невиданную энергию. Ив станет одной из крупных звезд американского экрана».

Итак, в январе 1960 года чета Монтанов и чета Миллеров въехали в номера 20 и 21 отеля «Беверли-Хиллз». Каждый вечер пары собирались за ужином. Очень скоро Монтан начал высказывать недовольство поведением на съемках Мэрилин. Иногда без предупреждения она исчезала из студии и могла не появиться до самого вечера. Впрочем, были и забавные моменты. Однажды Монро сообщили, что цензор не пропустит сцену с поцелуями, если она будет лежать, так как создастся впечатление, что они с Монтаном занимаются любовью по-настоящему. «Что ж, – ответила Мэрилин, – мы могли с тем же успехом заняться этим и стоя!»

Несмотря на профессиональные разногласия, у француза и Мэрилин в ту весну начался роман. Она всем подряд, включая психиатра, стала говорить, что француз выглядит точь-в-точь как ДиМаджо, ее первый муж, и что он физически возбуждает ее. На съемочной площадке было видно, что им нравится изображать из себя влюбленных.

Симона Синьоре почувствовала опасность, но, связанная контрактом, была вынуждена выехать в Европу. Артур Миллер, находившийся то в Лос-Анджелесе, то за его пределами, закрыл глаза на грозившую опасность, так как, похоже, смирился с тем, что брак не сегодня-завтра может рухнуть. Мэрилин и Монтан в своих соседних бунгало все чаще оставались предоставленными самим себе.

Скорее всего Монро для завоевания француза применила свой излюбленный прием: она постучала в его бунгало, придя в норковом пальто, под которым ничего не было. Однажды Артур Миллер застал парочку в постели, когда вернулся в дом, чтобы взять забытую трубку. Вскоре постельные истории стала распространять гостиничная прислуга. Любовный роман стал достоянием гласности.

В то лето, когда работа над фильмом была завершена, Монтан через Нью-Йорк возвратился в Париж. Тем временем Мэрилин на Восточном побережье предприняла хитроумный перехват возлюбленного. Она сняла в гостинице номер и явилась в аэропорт, нагруженная шампанским. Короткая остановка превратилась в пятичасовую отсрочку. Мэрилин и Монтана видели в ее лимузине, где они в обнимку сидели на заднем сиденье. После этого сбитый с толку и сконфуженный француз

вернулся в Париж, где его ждала исстрадавшаяся Симона Синьоре.

Мэрилин не хотела отпускать его. На протяжении многих месяцев она тешила себя надеждой, что сумеет склонить Монтана на свою сторону. Но больше они не встретились.

Много лет спустя, уже после смерти Синьоре, Монтан признался: «Где бы я ни был, как бы ни жил, Мэрилин всегда будет оставаться со мной. И я не хочу гнать от себя ее образ. А если иногда все-таки гоню, то это просто означает, что я пытаюсь выжить, только и всего».

Премьера фильма «Давай займемся любовью» в Париже состоялась 30 октября. Всем хотелось увидеть хотя бы на экране, как любят друг друга Ив и Мэрилин. После просмотра было много противоположных мнений. Единодушие проявлялось лишь в одном – их роман дал возможность Иву и Мэрилин глубже раскрыть свой талант.

5 августа 1962 года Ив Монтан вместе со всем миром узнал о трагедии, происшедшей с Мэрилин Монро. Известие надолго выбило его из колеи. Он не стал изливать свою боль на страницах газет и журналов. Остался с ней один на один…

Вскоре жизнь принесла ему другую страшную весть: 14 октября 1963 года весь Париж оплакивал Эдит Пиаф. Ив и Симона провожали в последний путь женщину, с которой было связано так много хорошего в их жизни…

Последнее десятилетие своей жизни Симона Синьоре много пила. Ее дочь писала в своей книге: «Мама не могла смириться с тем, что стареет. Монтан, который отказывался стареть, обожал Симону, но и любил жизнь. Я служила ему алиби. Мы с ним часто совершали различные загулы. И порой я помогала ему в его похождениях…»

В январе 1985 года Симона Синьоре опубликовала роман «Прощай, Володя», а 30 сентября, во время съемок наступила ее смерть…

В мае 1987 года, на Международном кинофестивале в Канне, Ив Монтан был председателем жюри, и здесь он впервые появился на публике в сопровождении своей новой подруги – Кароль Амьель. Юная, красивая, она смущенно улыбалась от непривычной обстановки.

«Когда я была маленькой, – вспоминала Кароль, – я наблюдала за ним украдкой и уже тогда была полна восхищения актером, человеком, его карьерой. Я люблю его таким, каков он есть… и я бы была самой последней, если бы вмешалась в его жизнь, желая ее изменить».

Ив Монтан был старше Кароль Амьель более чем на пятьдесят

лет. Он был счастлив, как ребенок. После смерти Симоны Ив приобрел новую, более просторную квартиру на бульваре Сен-Жермен, неподалеку от прежней.

Кароль знала о тайной боли Ива Монтана. Казалось, он достиг всего в жизни. Но не было самого главного – собственного ребенка, продолжателя рода. А жизнь фактически уже заканчивалась, и ничего ожидать не приходилось…

Валентин родился 29 декабря 1988 года, когда Иву Монтану было уже шестьдесят семь лет. Ив, узнав о рождении сына, сказал: «Чувствую себя намного лучше, чем большинство молодых отцов. Конечно, Валентин ни в чем не будет нуждаться, но я считаю, что ребенку нужно присутствие отца и матери, и в этом не может быть ничего лишнего. Я могу обеспечить его своим присутствием так долго, как будет мне отпущено…»

Но недолго длилось счастливое отцовство. Малышу не исполнилось еще и трех лет, когда однажды во время съемок фильма Ив Монтан почувствовал себя плохо и был доставлен в больницу Санли. Кароль оставалась с ним всю ночь. Казалось, кризис миновал, ему стало легче, и, обращаясь к жене, он сказал: «Возвращайся домой, но никому ни о чем не говори…» Уехав, она в час дня позвонила в больницу, и ей сообщили о его смерти.

Ив Монтан умер 9 ноября 1991 года. Он ушел к своим любимым женщинам – Эдит, Мэрилин, Симоне… К тем, с которыми была прожита бурная, но счастливая жизнь.

Ив Монтан брал от жизни все, что она ему давала. Он был дьявольски ревнив. Безрассудная, жгучая, ненужная, мучительная – она зачастую приносила Иву и его женщинам страдания и боль. Он мог яростно наговорить много лишних слов, но, успокоившись, найти и произнести нужные слова так ласково и страстно, что его любимые все прощали. Они обожали его за бурлящую неистовую энергию в движениях и жестах, за глаза, излучающие лучезарный свет, за тональность его красивого голоса, за нежные и крепкие объятия, рождающие ту страсть, что переворачивает всю душу и пронзает сердце.

Ив Монтан никогда не считал себя великим: «Я скорее бы назвал себя счастливчиком. Не люблю, когда меня называют выдающимся актером. Я бы назвал себя человеком, которому удалось не просто тратить время впустую, но повстречать выдающихся людей, повлиявших на его жизнь…»

Расставшись с Ивом Монтаном, Эдит Пиаф сказала удивительные слова: «Если у мужчины красивые руки, по-настоящему красивые, он не может быть уродливым внутри. Руки не лгут, как лица. Особенно если они жестикулируют…»

Когда Ив Монтан уехал из Америки, Мэрилин Монро

находилась в таком жалком состоянии, что окружавшие ее друзья, были поражены. «Что бы случилось, если бы Ив… Что мне делать? Он так похож на меня внешне и внутренне… В моей жизни появился человек, очень мне близкий…»

Симона Синьоре призналась своей близкой подруге: «Если бы ты знала, как я люблю его, этого парня… Жизнь без него – пустота…»

Но у Ива были и другие любовные связи. Одна из них – двухлетний роман с актрисой Анн-Жильбер Дросар, у которой именно в те годы появилась дочка, названная Авророй. Но роман с ее мамой к тому времени уже закончился. Когда актер жил с молодой и красивой Кароль Амьель, в его жизнь снова вторглась Анн-Жильбер Дросар. Но теперь уже не с любовью, а с судебным иском о признании его отцом Авроры. Факт сожительства с Анн-Жильбер Монтан перед судом не отрицал. Признать же себя отцом Авроры категорически отказался. Не захотел он проходить и генетическую экспертизу на предмет определения отцовства.

По оставленному Монтаном завещанию его наследство должно было быть поделено между Катериной Аллегре и Валентином. Но Анн-Жильбер Дросар опротестовала завещание, требуя, чтобы ее Аврора тоже была признана дочерью Монтана. Состоявшийся в 1994 году новый суд, учтя прежнее признание Монтаном любовной связи с Анн-Жильбер, показание свидетелей и внешнее сходство Авроры с артистом, принял решение признать ее дочерью Монтана. А это значит, что она входит в число его наследников. Родственники Монтана, естественно, опротестовали это решение. Тяжба длилась почти четыре года. И новый суд посчитал, что есть лишь одна возможность установить истину – генетическая экспертиза останков Монтана. Его могила на парижском кладбище Пер-Лашез должна быть вскрыта и прах эксгумирован. Это решение суда во Франции было встречено с возмущением. Министр здравоохранения Бернар Кушнир, глава Национального комитета по этике Жан-Пьер Шанждо и тысячи простых французов потребовали, чтобы прах Монтана был оставлен в покое. В июне 1998 года генетическая экспертиза все-таки была проведена. Выяснилось, что Ив Монтан не был отцом Авроры…

ДАГОБЕРТ I (602—639)

Сын франкского короля-Меровинга Хлотаря II. В 623 году получил от отца Австразию и правил под влиянием мажордома Пипина и епископа Арнульфа. После смерти отца (629) стал главой всей Франкской монархии. Попытки присоединить Богемию и Моравию, предпринятые франкским купцом Само, вовлекли Дагоберта I в войну, в которой австразийцы потерпели полное поражение. В сказаниях очень популярен.

Когда Дагоберту исполнилось двадцать лет, его отец, Хлотарь II, провозгласил его королем Австразии. Дагоберт покинул Брен, чтобы обосноваться в Трире, столице своих владений. По дороге в замок, на лесной опушке, он увидел молодую девушку, которая плела из ивы корзинки. Эта обладательница светлых волос и безукоризненной груди была настолько красива, что юный король прервал путешествие, пригласил ее в карету. Она стала главной любовницей Дагоберта, и он нежно называл ее своей Голубкой.

Однажды в Трир прибыл посыльный Хлотаря II и передал молодому королю волю отца.

«Твой отец желает, чтобы ты взял в жены Гоматруду, младшую сестру Сишильды, его новой жены. Свадьба должна состояться в Клипьякюсе. Не беспокойся, твоя будущая жена очень красива».

Дагоберт был послушным сыном и тут же отправился в Клипьякюс исполнять волю родителя. Но так как его воспитание оставляло желать лучшего, он не счел предосудительным взять на свою свадьбу Голубку. Они приехали вдвоем в столицу Нейстрии. Гоматруда, не знавшая о существовании любовницы у своего будущего мужа, была неприятно изумлена, но сумела скрыть замешательство и только сказала: «Хорошо, мы будем втроем!»

Свадьба удалась на славу. Хлотарь II не пожалел денег, чтобы отпраздновать брак сына.

Вернувшись в Трир, Дагоберт стал жить с Гоматрудой и Голубкой. Это были не самые приятные воспоминания короля о «жизни втроем». Гоматруда так сильно ревновала мужа к сожительнице, а Голубка к Гоматруде, что, желая немного отдохнуть от домашних и любовных забот, король поспешил на войну с саксонцами.

Некоторое время он чувствовал себя всесильным и счастливым. Потом умерла Голубка, к которой король был очень

привязан, а вскоре их маленький сын. По дворцу поползли слухи, что эти две внезапные смерти были выгодны одной лишь Гоматруде. Многие были уверены, что это ее козни.

Однажды во время мессы в Ромийи Дагоберт услышал прекрасное пение, раздававшееся под сводами собора. Оно настолько восхитило его, что после службы он захотел познакомиться с обладательницей чарующего голоса.

Через несколько минут ему представили красивую молодую послушницу Нантильду, девушку с голубыми глазами и длинными светлыми косами.

Дагоберт велел ей следовать за ним. Священнику был хорошо известен страстный темперамент короля, и он напомнил ему, что Нантильда – служительница церкви.

Дагоберт был набожен и понимал, что похищение служительницы культа – серьезное преступление, но он страстно желал обладать Нантильдой и не привык отказывать себе в плотских удовольствиях. «Тогда она станет моей женой, – решил король. – А Гоматруду, которая не способна мне дать наследника, я прогоню».

На следующий день после прибытия короля в замок очаровательная Гоматруда была изгнана в парижский монастырь, и Дагоберт объявил, что женится на Нантильде. Нисколько не удивившись решению короля, епископ благословил его новый союз и пожелал супругам обзавестись множеством детей.

Через несколько дней после женитьбы Дагоберт решил оставить Ромийи и перебраться в свой родной город Клипьякюсе (Клиши), рядом с Парижем, где амбары и подвалы были полны провианта.

Рано утром обоз из тридцати переполненных экипажей покинул Ромийи. По дороге вытянулись повозки с дворцовой прислугой, с оружием, с посудой, одеждой, драгоценностями. В украшенной карете спала на меху юная Нантильда. Рядом верхом на лошади скакал Дагоберт.

В Клипьякюсе Дагоберт и Нантильда прожили счастливо всю зиму. Король первый раз в жизни был по-настоящему предан женщине, которую любил. Его постоянно тянуло к ней, никогда он еще не испытывал такого сильного влечения. Он мог даже внезапно покинуть совещание, чтобы прийти к ней в спальню. Прогулки вдоль Сены, которые они любили совершать, сопровождались многочисленными развлечениями в кустах.

Но надежды Дагоберта не сбывались. Долгожданный наследник не появлялся на свет. Он прекрасно понимал, что многочисленные родственники только и ждут его смерти, чтобы захватить трон. При одной этой мысли его зеленые глаза злобно

сверкали, и он стискивал зубы.

«Если у меня не будет сына, я поступлю по примеру Хлодвига», – решил он. Хлодвиг спокойно использовал для завоевания трона безнравственное, но очень эффективное средство: он свел в могилу почти всех членов семьи и избавился от близких и дальних родственников. «Горе мне, оставшемуся одиноким, подобно чужестранцу в другой стране. У меня нет никого, кто мог бы помочь, утешить меня», – вздыхал он. Это была бессовестная уловка, но всегда находился какой-нибудь дальний родственник из провинции, который из-за чувства сострадания приезжал на поклон к Хлодвигу: «Я здесь, монсеньор, я из твоего рода и готов служить тебе». И тогда Хлодвиг убивал до сего времени неведомого ему претендента на трон.

Это коварство пришлось по душе королю Дагоберту, который однажды ночью, воспользовавшись примером предка, перебил десять тысяч булгар, пришедших просить у него покровительства.

В 629 году Хлотарь II скоропостижно скончался, и Дагоберт отныне стал править Нейстрией, Австразией и Бургундией – огромной территорией, раскинувшейся от Бретани до Баварии и от Ла-Манша до Марселя.

Во дворце все служанки уже прошли через его постель, и он решил поискать новых. Для этого он вместе с Нантильдой, которая, конечно, ничего не знала о цели путешествия, отправился в поездку по провинции Санлис, где женщины славились своей красотой и страстью. В каждом городе, встречавшемся по пути, король останавливался под предлогом кого-то рассудить или принять клятву городских властей на верность ему. На самом деле он пристально рассматривал проходивших молодых девушек.

Однажды вечером, прогуливаясь по улицам Санлиса, он был потрясен, увидев очаровательную блондинку, которая сидела перед скромной хижиной и пряла пряжу, напевая при этом песни. Ее звали Рагнетруда.

Дагоберт привез молодую девушку в королевский замок, уединился с ней на три дня и три ночи…

Нантильда оказалась умнее Гоматруды. Ей удалось сдержать слезы и радушно встретить юную Рагнетруду, когда та села за стол с королем. Король оценил поведение жены и не стал с ней разводиться. Время от времени даже предлагал ей разделить ложе. И нежная Нантильда утешалась внимательным к себе отношением.

Дагоберт, опасаясь, как бы и Рагнетруда не оказалась бесплодной, заменил всех придворных служанок и завел новых любовниц. Нантильда, зная о том, что каждую ночь король

проводил с очередной девицей, пытаясь продолжить род Меровингов, переживала это очень тяжело.

Сын Рагнетруды родился в 630 году. Его назвали Сигибертом. В ознаменование этого события Дагоберт принял на службу красивую 15-летнюю служанку и проявил к ней самые нежные чувства.

Король вспомнил, что в Тулузе у него есть сводный брат, который может напасть на его сына Сигиберта, и любящий король-отец тут же приказал убить соперника. Этот поступок очень понравился всем вельможам. Они уже опасались, как бы Дагоберт не уподобился женщине. Ведь он на протяжении долгого времени никого не убивал из своей родни. А король тем временем, несмотря на свои тридцать три года, обзавелся еще одной наложницей, которую звали Вульфегунда.

На этот раз во дворце плакали две женщины, Нантильда и Рагнетруда, которых общая беда объединила.

После рождения сына Дагоберта охватило какое-то любовное помешательство, и он превратил свой дворец в самый настоящий притон – недаром его прозвали франкским Соломоном. А Нантильда часами молила Бога, чтобы он простил грехи ее мужа.

Вместе с пастором Элоем она пыталась вырвать государя из этого распутства и вернуться к прежней жизни. Но несчастный уже был не тем великим королем, который правил страной в течение пятнадцати лет. Оргии истощили и ослабили его организм.

Прошли долгие месяцы. Королева, к великой своей радости, наконец, подарила Дагоберту долгожданного сына. Король был в восторге: «Вот кто будет моим наследником, ибо им меня одарила моя нежная и преданная Нантильда».

Мальчика назвали Хлодвигом. Однако, чтобы не огорчать Рагнетруду, он провозгласил Сигиберта, которому к тому времени исполнилось четыре года, королем Австразии.

После рождения законного наследника Дагоберт вновь сблизился с Нантильдой, и священник Элой использовал это, чтобы через молодую жену давать королю политические советы. На этот раз они сумели благотворно повлиять на Дагоберта и заставить его заняться делами королевства. К концу своего правления король даже одержал две важные победы над басками и бретонцами.

Правда, к этому времени у него была уже четвертая жена, изумительно красивая Бертильда.

«Любовь к женщинам, – утверждали летописцы, – заставляла Дагоберта совершать самые постыдные поступки». Полностью изнуренный своими похождениями, в 639 году, когда ему

исполнилось тридцать шесть лет, он скончался.

Нантильда, благодаря мягкому характеру и умелой дипломатии, неизменно оставалась первой женой короля и обладательницей королевского титула, правила государством, пока Хлодвиг II был ребенком. И все историки признают, что правила она с большим умением. Нантильда умерла в 642 году, убежденная в том, что род Меровингов пришел в упадок, в чем, несомненно, была «заслуга» ее порочного мужа.

СТЕНДАЛЬ (1783—1842)

Настоящее имя – Анри Мари Бейль. Французский писатель, автор романов «Красное и черное» (1831), «Пармская обитель» (1839—1846), «Люсьен Левен» (1834—1836), а также «Истории живописи в Италии» (1817), «Жизни Гайдна, Моцарта и Метастазио» (1817), психологического трактата «О любви» (1822), новеллы «Ванина Ванини» (1829), цикла новелл «Итальянские хроники» (издан в 1855).

«Литературная слава – это лотерея. Я вытягиваю билет с выигрышным номером. Этот номер 1935», – написал Стендаль в своем автобиографическом романе «Жизнь Анри Брюлара». Его «билет» действительно выиграл. Труды этого французского писателя XIX столетия, который создавал свои произведения, как он сам говорил, лишь для «небольшого числа счастливцев», действительно были по достоинству оценены лишь в XX веке, а не его современниками. На вопрос, какая у него профессия, Стендаль отвечал: «Наблюдать за поведением человеческого сердца».

Стендаль отличался скромностью, у него была приятная улыбка и красивые руки, но – большой нос, толстые щеки и короткие ноги, к тому же он очень рано облысел и, почти не снимая, носил парик. С возрастом писатель «приобрел» внушительный живот. Однажды он сказал, что хотел бы быть высоким светловолосым немцем. Впрочем, изъяны его внешности с лихвой компенсировались острым умом и редким чувство юмора.

Будущий писатель родился в Гренобле. В 16 лет уехал учиться в Париж. В столице Франции он поселился на чердаке невзрачного дома и, вместо того чтобы учиться в школе, рыскал днем по улицам города в надежде найти какую-нибудь даму или девицу, которой понадобились бы его услуги. Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы не объявился его дальний родственник Ноэль Дарю. Он буквально спас от смерти тяжелобольного юношу. Дал ему комнату в своем парижском доме, подыскал для него работу секретаря в министерстве по военным делам.

В 1800 году Анри Мари Бейль отправился в Италию, где вступил в Наполеоновскую армию. В 1812 году участвовал в русской кампании Наполеона, как известно, с треском

провалившейся.

Вернувшись в Париж, Стендаль с увлечением занялся литературной деятельностью. После неудачных попыток стать префектом, он переехал в 1814 году в Италию, но в 1821 году был заподозрен в шпионской деятельности и выслан в Париж. В 1831 году он принял предложение стать консулом в папской провинции Чивитавеккия на севере Италии.

Но там он вскоре заскучал. На протяжении всех семи лет службы консулом его официальные обязанности были весьма необременительными. В эти годы он начал работу над тремя романами, но ни один из них не успел закончить. Он умер от удара в возрасте пятидесяти девяти лет. На надгробье, как он и просил, были высечены слова: «Анри Бейль, миланец, жил, писал, любил». Подходящая эпитафия для создателя и совершенствования чувств и ума, вся суть которого выражена в следующей формуле: счастье = любовь + работа.

Стендаля возбуждали эротические картины, музыкальные произведения и девственная природа. Однажды, разглядывая картину с изображением купающихся обнаженных девушек, Стендаль мечтательно произнес: «Как бы я хотел купаться вот там, с такими прекрасными созданиями!»

Он стал мужчиной в Милане, в семнадцать лет. Скорее всего, она была проституткой. Позднее Стендаль писал: «…неистовство моей робости и моих ощущений изгладило из моей памяти все мои воспоминания об этой встрече».

Весной 1806 года он подробно описал в своем дневнике встречу с молодой служанкой в подъезде дома. После этого он проводил ее домой, где они продолжали заниматься любовью. Он ушел от нее только под утро, «стыдясь и презирая себя».

Сексуальные возможности Стендаля всегда сильно зависели от его душевного состояния. Одну свою сексуальную неудачу (за которой утром последовала победа), он объяснил так: «Мой мозг был перевозбужден настолько, что мое тело просто не смогло быть великолепным».

В то же время в дневнике Стендаля есть запись о том, что однажды он вступал в интимную связь со своей партнершей семь раз за один вечер. В 50-летнем возрасте он написал о том, что его сексуальные страсти улеглись, и теперь он «спокойно может прожить две или даже три недели без женщины». Стендаль умер холостяком.

В 1835 году на берегу озера Альбано около Рима Стендаль написал на песке инициалы женщин, оставивших заметный след в его жизни. Он вспомнил все «глупости и необдуманные поступки», которые прелестницы заставляли его совершать. Одну

из них он любил так, что даже дважды написал ее инициалы.

Вот эти женщины, в том порядке, в каком упомянул их сам Стендаль.

В. – Вирджини Кюльби, высокая, замужняя актриса. Он восхищался ею в Гренобле, будучи еще подростком. Однажды он гулял по парку и вдруг увидел, что Вирджини идет по дорожке ему навстречу. Он развернулся и убежал, поскольку был «обожжен» ее близостью. Заговорить с ней юноша так и не осмелился.

Апг. – Анджела Пьетрагруа («Джина»), замужняя итальянка. Он познакомился с ней в Милане в 1800 году. Анри Мари был слишком застенчив, чтобы признаться ей в любви. В 1811 году они встретились вновь, и писатель долго ухаживал за ней, прежде чем они разделили любовное ложе. Когда это произошло, Стендаль украсил свои подтяжки надписью «А.П. 22 сентября 1811», а в дневнике сделал запись: «Мне кажется, что чистое совершенное наслаждение можно получить только от близости: первый раз – это победа; три следующих раза – это уже близость». Они часто ссорились. Однажды Стендаль наблюдал через замочную скважину за тем, как Джина, ничего не подозревая, занималась в постели любовью с другим мужчиной. Поведение Джины и ее любовника в постели напомнило Стендалю о «пляшущих марионетках». Вначале это событие лишь рассмешило его, но затем очень огорчило. Вскоре они с Джиной расстались. Во время последнего разговора, как утверждал Стендаль, «Джина вцепилась в мою одежду и упала передо мной на колени. Так, как в тот день, она меня точно никогда не любила».

Ад. – Адель Реббюффель. Во время знакомства с писателем, крутившим роман с ее матерью, Адели было 12 лет. Стендаль преследовал Адель на протяжении четырех лет. Но на большее, чем положить девочке руку на грудь, он не решился.

М. – Мелани Гилберт по прозвищу Луазон. С этой актрисой он жил в Марселе с лета 1805 года до весны 1806 года. Впервые он увидел ее, когда она купалась в реке обнаженной, совсем как на тех картинах, возбуждавших его в детстве. Когда Мелани вернулась в Париж, Стендаль написал: «Я страстно желал, чтобы меня любила эта меланхоличная и стройная женщина. Она действительно любила меня, но это не принесло мне продолжительного счастья».

Ми. – Минетта, или Вильгельмина фон Гришхайм, дочь прусского генерала, ответила резким отказом на все ухаживания Стендаля.

Ал. – Анжелина Берейтер, оперная певица. С ней у Стендаля был роман, продолжавшийся три года. Она учила его исполнять

арии из опер. Стендаль позже пожаловался, что физическое наслаждение украло у него «большую часть его воображения».

А-на. – Александрина Дарю, жена его кузена Пьера. Александрина тоже не ответила взаимностью на оказываемые ей знаки внимания. Стендаль, например, в ее присутствии ласкал ее перчатки так, как если бы они были ее руками.

М-да. – Матильда Висконтини-Дембовская. Еще одна безответная любовь Стендаля (с 1818 по 1821 год). Она сочувствовала революционному движению в Милане. Дембовская вдохновила его на создание знаменитого трактата «О любви». В этой книге Стендаль объяснил свою теорию «кристаллизации», которая заключалась в том, что любовь может стать такой сильной, что превращает любимую (или любимого) в совершенное создание. За десять лет после публикации было продано… 17 экземпляров книги.

К. – Графиня Клементина Кюрьяль. Графине было тридцать шесть лет, ему – сорок один. Однажды Стендалю пришлось провести три дня на чердаке. Клементина приносила ему пищу и выносила его ночной горшок. Там же, на чердаке, они предавались любви. В 1826 году она отдалась другому, что явилось для Стендаля неприятным сюрпризом. Через несколько лет Стендаль попытался возобновить их роман, но Клементина, которой было уже сорок семь, отказалась от его ухаживаний, заявив: «Неужели вы можете любить женщину в моем-то возрасте?»

Дж. – В 1830 году Стендаля попыталась соблазнить 19-летняя аристократка-девственница Джулия Риньери: «Я полностью отдаю себе отчет в том, что Вы старый и некрасивый». После этих слов она поцеловала его. Несколько месяцев Стендаль колебался, а затем все же сблизился с ней. В том же году он предложил ей стать его женой, но она отказалась.

Ар. – Альберта де Рюбампре – остроумная, взбалмошная замужняя женщина, увлекалась оккультизмом. Их роман продлился полгода. Стендаль отметил в дневнике, что любил ее не больше месяца. После его смерти Альберта не раз пыталась вызвать во время спиритических сеансов дух «бедного Анри».

Вообще, для Стендаля понятия «писал» и «любил» были неразделимы. Все его романы и все его новеллы – это прежде всего романы и новеллы о любви. Мало того, он посвятил любви целое исследование, специальный трактат, в котором сделана попытка дать «добросовестное и точное описание последовательных стадий болезни, именуемой любовью».

Трактат «О любви» изобилует примерами из собственной жизни, редкостными откровениями и поэтическими образами.

«Любовь – восхитительный цветок, но надо иметь мужество, чтобы сорвать его на краю страшной пропасти. Не говоря уже о боязни показаться смешным, любовь постоянно видит перед собою несчастье быть покинутым тем, кого мы любим, и тогда на всю жизнь нам остается только смертельная тоска».

Победы одерживались – когда они одерживались! – не благодаря расчету, а вопреки ему, и Стендаль прекрасно понимал это. «Мое сердце гораздо опытнее, чем голова: я много любил и мало рассуждал».

Любил он действительно много: начертанный на песке буквенный реестр, увековеченный затем на бумаге, – лучшее тому свидетельство. Но Стендаль порой приходил к результатам, не очень-то лестным для себя. «Я всегда больше чувствовал, чем постигал умом, благодаря чему я наивен, как ребенок; и так как я к тому же знаю пределы возможного, у меня есть склонность к подозрительности и обидчивости – отвратительные недостатки».

Матильда, так звали эту женщину: Матильда Висконтини, в замужестве Дембовская.

«Матильда совершенно заполнила мою жизнь от 1818 до 1824 года. И до сих пор я еще не излечился… Любила ли она меня?»

Когда они познакомились в Милане, ей было двадцать восемь, она растила двух сыновей и уже развелась с мужем, который, устав от горячей во всех смыслах слова Италии, укатил на родину, в свою благочестиво-холодную Польшу. Бывший офицер наполеоновской армии Анри Бейль, подобно герою своему Жюльену Сорелю, впервые увидевшему г-жу де Реналь, «готов был поклясться сейчас, что ей никак не больше двадцати лет». В «Красном и черном» словам этим предшествуют другие, сполна объясняющие означенный феномен. «Таково действие истинного обаяния, когда оно является природным даром, а в особенности, когда существо, обладающее этим даром, не подозревает о нем».

Матильда не подозревала. Матильда, утверждал Стендаль, комментируя в «Жизни Анри Брюлара» выведенный тростью перечень женских инициалов, – «Матильда превосходила других благородными испанскими чувствами».

Другому было отдано сердце г-жи Дембовской, Бейль знал даже его имя: Николо, хотя свои романы и поэмы он подписывал именем «Уго». Уго Фосколо… В Италии этого бунтаря (а с некоторых пор – и изгнанника) знали все. Знал его и Стендаль.

«Я поклялся отправиться куда-нибудь в морское путешествие», – извещал он г-жу Дембовскую, но клятва эта, как и тысячи других, осталась невыполненной. «Когда путешествие изолирует человека, – написано в трактате «О любви», – оно не

является лекарством».

В один прекрасный день Анри Бейль, переодетый, в зеленых очках, отправился на пароходе в городок Вольтерра, где г-жа Дембовская с сыновьями проводила лето. Зачем был этот маскарад? А затем, что ему запретили являться перед ней чаще, нежели два раза в месяц. Но разве в состоянии он был со своим темпераментом целых четырнадцать дней не видеть «божественной Матильды»!

Когда-то, совсем еще юным, Бейль записал в дневнике: «Любовь сильная, живущая без пищи… может существовать лишь при наличии пылкого и богатого воображения». Теперь он убедился, что «пылкое и богатое воображение» лишь усугубляет пытку разлуки. Потому-то и появились зеленые очки. Потому-то и появилось чужое платье…

«Я приехал 3-го, и первый человек, кого я увидел в Вольтерре, были вы, сударыня, был час пополудни, вы, наверное, вышли из коллежа и направлялись обедать; вы меня не узнали».

Он жаждал говорить лишь о своем чувстве – только о нем, и ни о чем кроме, но поскольку «вы потребовали клятвенного обещания не говорить ни о чем, относящемся к моей любви», то он готов довольствоваться беседой о чем угодно, – да, о чем угодно! – однако ему было отказано даже в этом.

«Не думайте, сударыня, что я сразу решил приехать в Вольтерру. Право, с вами я не так смел; каждый раз, как исполненный нежности, я лечу к вам, я уверен, что ваша обидная суровость вернет меня с небес на землю».

«Я всегда умел обольщать только тех женщин, которые мне совсем не нравились, – делился он с г-жой Дембовской. – Едва лишь я полюблю, как становлюсь робким, и вы можете судить об этом по растерянности, которую я проявляю всякий раз, когда нахожусь подле вас».

Не только подле… Не только. Уже расставшись с Матильдой – расставшись навсегда, хотя одному Богу известно, чего стоило ему это, – Бейль уступил однажды своим парижским друзьям, которые, «найдя, что я очень печален, устроили веселую пирушку с девицами». Анри досталась некая Александрина. «Она была восхитительна, ничего подобного по красоте я, пожалуй, еще не видел. В ней совсем не было никакого распутства, разве только в глазах…»

Удалившись в соседнюю комнату, Александрина ждала его уже в кровати, но, писал Стендаль, «меня постигла неудача. Полное фиаско».

Через четверть часа это стало достоянием всей честной компании. «Хохот не умолкал десять минут. Пуатевен катался по

полу. Чрезвычайное изумление Александрины было уморительно; бедняжка в первый раз оказалась в таком положении. Все эти господа хотели меня уверить, что я умираю от стыда и что это-то и есть самый горестный миг в моей жизни. Я был удивлен, только всего. Не знаю почему, мысль о Матильде овладела мною в ту минуту, как я вошел в комнату с прекрасным украшением в виде Александрины».

Подобное приключилось с ним не впервые. Еще раньше, в Милане, «по той же глупости, какая случилась у меня с Александриной, я отказался однажды стать любовником…» И Стендаль называл имя «очаровательной, несравненной» графини Кассера – «самой милой, – признал он, – из всех мне известных». Отказался «все для того же: чтобы стать достойным в глазах Бога, чтобы Матильда полюбила меня».

Матильда не полюбила и, понял он, уже не полюбит, ибо любила другого. Наверное, это был самый большой ее недостаток, но, как признался Стендаль однажды, «я… обожаю ваши недостатки».

ХЭМФРИ БОГАРТ (1899—1957)

Американский актер.

Хэмфи Богарт родился в 1899 году, на Рождество, в Нью-Йорке, в весьма обеспеченной семье – отец был хирургом, мать издавала модный журнал. Учился он в одной из привилегированных частных школ, питомцы ее носили синие клубные пиджаки, как в Итоне. К двадцати годам участвовал в постановках небольших пьес на Бродвее, размахивая в них теннисной ракеткой на заднем плане. Уже в молодости Богарт понял – не стоит ему разыгрывать из себя этакого представителя высшего света. Массу времени проводил он перед зеркалом, вырабатывая презрительные усмешки, угрожающие оскалы и саркастические улыбки. Несмотря на отвращение к грязным ругательствам, уснащал речь непристойной бранью. Когда как-то раз женщина, бывшая от него без ума, сказала, что он истинный джентльмен, Хэмфри тут же попросил ее не развивать тему – чтобы не повредить его реноме. В то же время подобно многим актерам до и после него Богарт понемногу подправлял свое прошлое. Будучи исключен из школы за леность и прогулы, впоследствии он предпочитал упоминать – его-де выгнали за то, что пришлось окунуть неполюбившегося преподавателя в пруд.

Попытав пару раз удачи в Голливуде, он потерпел унизительное фиаско. Времена Великой депрессии застали его в Нью-Йорке. В тридцать с небольшим он остался без работы и вынужден был, скитаясь по сомнительным притонам, играть в шахматы или бридж на деньги, чтобы заработать хотя бы несколько долларов. Должно быть, такая жизнь укрепляла упорство Хэмфри.

Внезапное появление Хэмфри в пьесе «Окаменевший лес» в 1934 году на Бродвее произошло отнюдь не случайно – его приметили, когда он заглянул в театр вместе со своей девушкой, которая имела отношение к постановке. Он отчаянно нуждался в большой роли и ради этого коротко постригся и приоделся победнее, чтобы придать себе вид типичного злодея.

Права на постановку фильма на основе пьесы купила «Уорнер бразерс», одна из мощных голливудских компаний. Ему предложили роль злобного убийцы, и с той поры понятие «Хэмфри Богарт» начало входить в обиход мирового кинематографа. Между 1932 и 1942 годами он появился на

экране в 36 лентах, причем в 22-х из них был застрелен, повешен, посажен на электрический стул или брошен за решетку.

Большинство этих фильмов с названиями типа «Школа преступления» или «Кутилы и мошенника» на киностудии «Уорнер бразерс» лепили по единому шаблону. И в соответствии со своим образом «крутого парня» Богарт не без насмешки описывал, как врастал в эти роли: «Я кривил нижнюю губу, слова цедил сквозь зубы, шляпу надвигал на самые глаза, поднимал воротник пиджака и засовывал правую руку в карман, словно хватаясь за пистолет. В таком виде прятался за углом или карабкался по крышам до тех пор, пока мне не осточертело играть злодеев».

Однако Богарт выделялся на общем фоне даже в упомянутых второстепенных картинах. Он не переигрывал, не задыхался от страсти, а просто стоял неподвижно, а за него играли его лицо и особенно глаза.

Про Хэмфри говорили, что в отличие от многих других исполнителей он мог казаться «крутым», даже не доставая пистолет. Он не «бил» конкурентов своими физическими данными (его рост около 175 сантиметров, а вес всего 70 килограммов), в жизни всегда избегал кулачных потасовок и ни разу не выходил победителем из драки. Но заставлял себя вести образ жизни, соответствующий его экранному облику, и потому всегда был суров, холодно-насмешлив, сигареты курил одна за другой и проводил ночи напролет, напиваясь с дружками в барах. «У меня нет доверия к кому бы то ни было, кто не пьет», – часто говаривал он. К 1941 году, когда Богарт уже сыграл главную роль в фильме «Мальтийский сокол», считалось, что он – истинный баловень судьбы, счастливчик. Но сам он все больше и больше ощущал свое одиночество.

Он и Джек Уорнер, глава «Уорнер бразерс», ненавидели друг друга. Согласно условиям контракта, Богарт был обязан принимать участие в фильмах, которые подбирал для него Уорнер. И по большей части – вполне справедливо – Хэмфри считал, что подобные роли ниже его возможностей. Он редко общался с другими актерами. Его резкая прямота, склонность к ядовитым шуткам, отвращение к пустому трепу создали в Голливуде весьма неприязненное отношение к нему, а в этом городе показного блеска и мишуры полагалось играть по установленным кинокомпаниями правилам. Богарт видел в голливудском обществе скопище жуликов, гангстеров, вульгарных нуворишей, высмеивал могущество газетных обозревателей, питающихся сбором грязных сплетен, и с крайним презрением воспринимал всякого рода рекламную шумиху.

Хозяева Голливуда не могли спокойно отнестись к столь непочтительному восприятию общепринятых норм поведения при их дворе. Богарту стали чинить козни, в прессе его бранили за съемки в бесчисленных второсортных фильмах, а когда он отказывался от подобных ролей, ему угрожали разрывом контракта. Роли в фильмах «Высокая Сьерра» и «Мальтийский сокол», которые принесли ему мировую славу, Богарт получил лишь благодаря тому, что все прочие кинозвезды компании «Уорнер» успели от них отказаться.

К тому времени у «крутого парня» оставалось очень мало друзей, да вдобавок он весьма неудачно женился. Его мать, женщина, обладавшая сильной волей и любившая повелевать, воспитала сына в духе собственных консервативных убеждений, но в реальной жизни позволяла ему общение с горничными. Так что неудивительно, что Богарт вырос в преклонении перед сильными независимыми натурами, но в то же время считал – место женщины у домашнего очага. Его первая жена, актриса Хелена Менкен, развелась с Хэмфри в 1927 году, прожив с ним всего десять месяцев, проведенных в яростных ссорах по поводу того, чтобы она оставила свою карьеру. Второй брак с актрисой Мэри Филипс длился целых восемь лет, хотя по сути распался задолго до развода. В 1938 году он снова женился, на сей раз на пышнотелой блондинке и сущей фурии по имени Мэйо Мето, тоже актрисе. Снималась она в ролях жестоких, всем недовольных женщин, с наполеоновскими замашками и в жизни весьма отвечала своему экранному стереотипу – сварливая, грубая, агрессивная и явно желающая повелевать. Эту пару стали называть «боевые Богарты». Во время их частых пьяных ссор Богарт пытался укрыться от жены под столом, выкрикивая как заклинание: «Все о'кей, дорогая! Сейчас мы столкуемся!..» В большинстве случаев Мэйо пинком укладывала супруга на пол.

В первые дни совместной жизни Богарт находил воинственность своей супруги сексуально-возбуждающей, ее поведение как-то раскрепощало и его самого. Их публичные ссоры становились для него способом выказать свое презрение к ханжеским постулатам Голливуда. Он купил моторную яхту и окрестил ее «Драчунья» – в честь своей темпераментной спутницы жизни. Но, как и все его предыдущие жены, Мэйо Мето дорожила своей артистической карьерой. А поскольку дела ее на съемочной площадке приходили в упадок, в то время как Богарт становился все более знаменитым, она стала искать утешение в алкоголе – во все возрастающих количествах, это подпитывало ее жалость к самой себе. Несколько раз Мэйо предпринимала попытку самоубийства. Однажды ранила Богарта кухонным ножом, да так,

что тот потерял сознание, бывало, пыталась поджечь дом или размахивала пистолетом перед самым носом супруга.

Начало Второй мировой войны позволило Хэмфри Богарту покинуть исхоженную вдоль и поперек тропу гангстерских боевиков и взяться за освоение роли героя войны – в фильмах типа «Сахары» и «Бой в Северной Атлантике». Но, конечно, звездную славу в качестве романтического героя и супермена принесли ему съемки в картине «Касабланка» (ее часто называют лучшим фильмом о войне за всю историю кинематографа). А в жизни он по-прежнему воевал с собственной женой, не раз являвшейся на презентацию его очередного фильма пьяной вдрызг.

Первое знакомство малоизвестной актрисы Лорен Бейкол со звездой первой величины Хэмфри Богартом было самым что ни на есть банальным. Новая находка режиссера Ховарда Хоукса, Лорен, следовала за своим шефом словно тень, сопровождаемая восхищенными взглядами. Вид съемочной площадки, на которой Майкл Кертис снимал тогда «Пассаж для Марсель», произвел на девушку впечатление собора, а Мишель Морган, сидевшая на банкетке, показалась ей мадонной. Хоукс убежал тогда по каким-то делам, попросив Лорен подождать некоторое время в компании Хэмфри Богарта.

Широкоплечий, обаятельный, с чарующей улыбкой Богарт покорил ее. Они обменялись несколькими шутками и одним рукопожатием. Тогда ни у кого из них не возникло никаких предчувствий.

Как потом вспоминал Богарт: «Ей было не больше 19 лет, она пришла в габардиновой юбке и свитере. Говорила слегка в нос и показалась мне тогда длинной как жердь. Хотела она только одного, чтобы я не прогонял ее, чтобы дал ей шанс». И она получила этот шанс – роль в фильме «Иметь или не иметь» по одноименному роману Эрнеста Хемингуэя.

Богарт играл роль Моргана, американца, грубого морского волка с золотым сердцем. Героиня Лорен Бейкол – Мари. В туго обтягивающей бедра юбке и пиджачке с накладными плечами – символ тогдашней моды. По сценарию герой и героиня ощущают взаимное влечение друг к другу с первой же минуты встречи. После вызывающе дерзких словесных дуэлей Мари сама садится к нему на колени, целует его и с наивным бесстыдством заявляет: «Будет еще лучше, если ты мне ответишь!» Когда Морган не ответил на ее поцелуй, она произнесла ставшие знаменитыми слова: «Не нужно ничего говорить и ничего делать. Совсем ничего. Или, может быть, просто свистни! Ты умеешь свистеть? Это так просто – сложить губы трубочкой и свистнуть…»

Потом Богарт подарил Бейкол золотой свисток с выгравированной надписью: «Если ты чего-то захочешь, только свистни».

Лорен стала для Хэмфри бомбой замедленного действия. «Я думаю, мы неплохо позабавились бы вместе», – как-то обронил он. Эти слова заставили ее вспыхнуть. Впервые попав на съемочную площадку, она очень нервничала. Но Богарт, как настоящий джентльмен, делал все, чтобы успокоить ее. Очень скоро Бейкол поняла, что окружена великими. Кроме Ховарда и Боги, она часто видела Уильяма Фолкнера, работающего над сценарием. Каждый день Хоукс собирал своих актеров. Сначала они читали свой текст, затем сцена проигрывалась до тех пор, пока не начинала устраивать Хоукса.

За три недели съемок между Богартом и Лорен ничего особенного не произошло. Они стали товарищами по работе и испытывали друг к другу взаимное уважение. Все изменил один вечер. Бейкол задумчиво расчесывала волосы, сидя перед зеркалом в своем номере. Богарт, как обычно, зашел пожелать ей доброй ночи, но вместо того чтобы уйти, вдруг наклонился и поцеловал ее. Девушка была ошеломлена. А он протянул ей старый, мягкий футляр от очков (по другой версии – коробочек) и попросил записать на нем ее телефон. Что она и сделала с бьющимся сердцем. О жене Хэмфри она предпочитала не думать.

В течение следующих недель Богарт и Бейкол вместе завтракали, развлекались, несколько раз поужинали и каждую ночь говорили по телефону. Боги не был особенно скрытным, но предпочитал соблюдать предосторожность. Богарта и его жену Мэйо недаром за глаза называли «Богарты-драчуны». Один доброжелатель предостерегал молодую актрису: «Скоро вы можете стать калекой», – имея в виду крутой нрав супруги Хэмфри.

Казалось, весь мир был против двоих влюбленных. Их отношения уже стали достоянием гласности, но, мало того, мать Лорен смотрела на любовь своей дочери весьма неодобрительно. Даже Хоукс, который еще недавно прочил великое будущее своей находке, Лорен, требовал, чтобы старина Боги посадил ее на корабль, отчитал и выпроводил, а из всей истории сделал шутку. И вместе с тем он был поражен ее талантом актрисы и понимал, что из нее вполне получится нечто под стать Богарту – обольстительница высокого класса с несколько мрачноватым чувством юмора. Позже он говорил: «Мало кто из актеров способен сохранять спокойствие, когда какая-то девчонка буквально крадет у них сцену. Но вот он влюбляется в эту девчонку, а та в него, и ситуация упрощается».

Действительно, и для Богарта, и для Бейкол этот роман был весьма благотворным. Для Боги и Лорен была находкой, потому что до нее он не знал нормальных отношений с женщинами. Она была очень спокойной, сочувствующей, иногда же становилась для него просто спасательным кругом. Что касается Лорен, то для нее он был кем-то особенным, совсем не похожим на тех, с кем она была знакома раньше, и, как говорилось в знаменитой сцене из «Порта страха» («Иметь и не иметь»), она была готова прибежать, если бы он ей свистнул. Что же до разницы в возрасте в четверть века, то ее это не волновало. В довершение картины они называли друг друга именами своих персонажей: она его – Стивом, он ее – Слим, а если не Слим, то просто Бэби. Если бы не зловещая тень Мэйо, жизнь была бы просто замечательной.

Но вот закончились съемки, Хоукс был доволен, тиранический Джек Уорнер тоже, Богарт радовался, только Бейкол тревожилась. Ей казалось, что все закончится и станет в один ряд с другими любовными историями, как того хотелось Хоуксу. Но она ошибалась. Через неделю после расставания Богарт прислал первое письмо, потом второе, третье и так далее. «Малышка, я думал, что уже никогда не смогу полюбить… Слим, вся любовь, которая есть во мне, твоя…»

Однажды ночью в доме Лорен раздался телефонный звонок. Конечно, это был Боги. Естественно, абсолютно пьяный. «Я решил добраться до города пешком. Приезжай за мной, я на 101-м шоссе». Несмотря на протесты матери, Лорен взяла ее машину и потратила несколько часов, чтобы разыскать Богарта. Впервые она видела его таким: промокшим, пьяным, с огромным подсолнухом в петлице, раздавленным, уничтоженным после очередного скандала с Мэйо. Для Лорен это был мужчина ее жизни, она была готова вынести все.

Их пригласили сниматься в фильме «Великий сон». Богарт вновь занял свои позиции. Со стороны Хоукса была одна провокация – на пробы он пригласил Кларка Гейбла. Лорен рассказывала: «Он был ослепителен. Я попробовала флиртовать с ним, но почему-то ничего не получилось». Ничто не могло отвлечь ее от Боги. А он со своей стороны все больше проникался мыслью, что должен связать с ней свою жизнь Однако он был в ловушке. В то время в Голливуде за адюльтер приходилось платить дорого. Несколько следующих месяцев напоминали настоящую корриду. Мэйо становилась все неуправляемее, она просто сходила с ума. Каждый контракт, предлагаемый компанией «Уорнер бразерс», непременно содержал в себе особый пункт о моральном поведении. Богарт иногда срывался и проводил ночи в пьянстве.

Все эти ужасные перипетии закончились свадьбой. Они – она в розовом, он в сером – обменялись наконец-то золотыми кольцами майским днем 1945 года, окруженные родственниками и лучшими друзьями. Боги подарил жене золотой свисток, а Джек Уорнер – роскошный открытый черный «бьюик».

Бейкол оказалась такой женой, о которой Хэмфри не мог и мечтать. Обладая здравым умом, она решила забыть о собственной карьере, создать домашний уют для мужа, который в 1947 году зарабатывал больше других актеров.

Естественно, они во всем оказались схожи. Но, как удачно заметила голливудская кинозвезда Кэтрин Хепберн, снимавшаяся вместе с Богартом в фильме «Африканская королева», «даже когда они ссорились, между ним сохранялось полное доверие друг к другу. Они совершали это с изяществом двух кошек, запертых в одной клетке».

В роскошном доме Богартов часто устраивали званые вечеринки, что было в новинку для Хэмфри. Ни одна из его жен никогда не звала гостей. Лорен упивалась богатством. Ей больше не надо было носить дешевую одежду, она могла позволить себе украшать дом антиком, покупать роскошные книги. Богарт тем временем продолжал свою карьеру артиста.

6 января 1949 года родился их первенец, Стив. Нельзя сказать, что Богарты были идеальной парой. Были вечера, когда он приходил домой мертвецки пьяным, были утра, когда она выходила к завтраку заплаканная. Но тем не менее… Богарт и Лорен Бейкол провели вместе двенадцать лет. Из них по меньшей мере первые девять были наверняка счастливейшим временем в жизни «крутого» Хэмфри. Порой он проявлял себя изрядным ворчуном, но это тоже составляло часть совместной жизни. Когда Бейкол приобрела их последний особняк, усадьбу в Лос-Анджелесе, он заметил: «Я бы мог купить целую иностранную державу за те деньги, которых мне стоило это поместье».

В 1952 году 28-летняя Лорен родила малышку Лесли. Богарт почти стеснялся роскоши, окружавшей его. Но он был счастлив. Он только что получил «Оскара» за «Африканскую королеву». Бейкол тем временем вместе с Мэрилин Монро снималась в фильме «Как выйти замуж за миллионера». Уорнер предложил Боги и Лорен еще один совместный проект, но ему не суждено было воплотиться в жизнь. В 1954 году на съемках «Босоногой графини», где Богарт играл с Авой Гарднер, его работе стал мешать изнурительный кашель. В 1956 году ему поставили диагноз – рак пищевода. Лорен Бейкол скрывала это от мужа до самого конца.

Богарт продержался еще десять месяцев, саркастически

посмеиваясь по поводу своего здоровья и строя планы на будущее. По словам известного английского критика Кеннета Тайена, Хэмфри Богарт так часто умирал на экране, что публика стала считать, что на самом деле он, видимо, бессмертен.

Бейкол была с ним до последней минуты…

ВИКТОР МАРИ ГЮГО (1802—1885)

Французский писатель-романтик. Автор романов «Собор Парижской богоматери» (1831), «Отверженные» (1862), «Человек, который смеется» (1869). После государственного переворота эмигрировал, выпустил политический памфлет «Наполеон Малый» (1852) и сборник сатирических стихов «Возмездия» (1853).

Личность Гюго поражает своей разносторонностью. Один из самых читаемых в мире французских прозаиков, для своих соотечественников он прежде всего великий национальный поэт, реформатор французского стиха, драматургии, а также публицист-патриот, политик-демократ. Знатокам он известен как незаурядный мастер графики, неутомимый рисовальщик фантазий на темы собственных произведений, в которых он соперничал с Тернером и предвосхитил Одилона Редона. Но главное, что определяло эту многогранную личность и одушевляло ее деятельность, – это любовь.

Виктор Мари Гюго родился 7 вантоза X года Республики по революционному календарю (26 февраля 1802 года) в Безансоне, куда его отец Жозеф Леопольд Сижисбер Гюго был незадолго до того назначен командовать 20-й армейской полубригадой. Ко времени рождения будущего писателя его родители (мать – урожденная Софи-Франсуаз Требюше) были женаты пять лет, и у них уже было двое сыновей – Абель и Эжен. Шли последние годы республиканского строя, «из-под Бонапарта уже проглядывал Наполеон», как сказал впоследствии Гюго, но до конкордата с папой и упрочения положения церкви было далеко, и поэтому неудивительно, что новорожденный, по-видимому, не был окрещен и оставался таковым всю жизнь.

Детство Гюго проходило то с отцом, то с матерью, то в пансионе, куда его определили по настоянию отца, дабы придать систематический характер его обучению и ослабить материнское влияние.

Однако уже в 14 лет Гюго обнаружил уверенное владение александрийским стихом, умение находить для каждого произведения свой стиль литературной речи, способность искусно подбирать эпитеты. Юный поэт был достаточно честолюбив и уже в 1816 году заявил о своем желании сравниться с Шатобрианом, ведущим писателем Франции того времени: «Я хочу быть Шатобрианом или ничем». Первые его шаги на

литературном поприще принесли ему успех: в 1817 году он удостоился поощрительного отзыва Французской академии, в 1819 году награды Академии цветочных игр в Тулузе. Эти успехи произвели впечатление на отца Гюго, и он отказывался видеть сына непременно студентом Политехнической школы, а затем не настаивал на продолжении им занятий правом, начатых в 1818 году и брошенных в 1821 году.

По окончании коллежа Гюго жил с братьями у матери, поддерживавшей его литературные наклонности и помогавшей своими советами делать первые шаги на избранном пути.

В это же время Гюго охватило сильное чувство к Адели Фуше, дочери старых друзей его семьи, но браку противились как мать Гюго, так и семья Фуше, потому что у молодого человека не было прочного положения в обществе. Супруги Фуше, опасаясь преследований несчастного Виктора, решили увезти Адель на лето в Дрэ, находящийся в восьмидесяти лье от Парижа. Они прекрасно понимали, что юноша не сможет наскрести нужных 25 франков, необходимых для поездки туда на дилижансе. Но они не знали Гюго – влюбленный отправился в Дрэ пешком! Пьер Фуше, пораженный столь пылкой любовью, даже всплакнул. Отныне молодым было дозволено переписываться и встречаться каждую неделю.

После смерти матери (в июне 1821 года), причинившей Гюго большое горе, и назначения ему ежемесячной пенсии от двора в 1000 франков по выходе в свет в июне 1822 года книги «Оды» препятствий к женитьбе не стало, и 12 октября 1822 года состоялось его бракосочетание в парижской церкви Сен-Сюльпис. 28 августа 1824 года у них родилась дочь Леопольдина, в 1826 – сын Шарль, затем дочь Деде и сын Франсуа-Виктор.

1831 год ознаменовался началом нового периода в жизненном и творческом пути Гюго. Писатель многого достиг – одержал внушительные победы в области лирической поэзии, драматургии, прозы. Можно сказать, что его литературная молодость окончилась. В это же время дала трещину семейная жизнь Гюго: его жена Адель увлеклась начинающим литератором Сент-Бевом, после чего отношения супругов Гюго стали чисто формальными.

…2 февраля 1833 года, на премьере Виктор Гюго был почти спокоен. Исключительная симпатия, с которой приняли его пьесу «Лукреция Борджиа» актеры из театра Порт-Сен-Мартен, внушила надежду на успех и у зрителей. Собственно, это была прежняя пьеса «Ужин в Ферраре», но только с измененным по совету директора театра Гареля, более удачным названием.

Воображение Виктора все время возвращалось к третьему

действию, когда на сцену вышла божественная княгиня Негрони, которую играла актриса Жюльетта Друэ. Всего несколько реплик, несколько движений – и на сцене возник облик пленительной итальянки со смертоносной улыбкой. Публика пожирала глазами эту удивительную красавицу, не мог отвести от нее взгляда и Виктор Гюго.

Еще во время репетиций, сам не замечая того, он стал вести себя с ней иначе, чем с другими актрисами: почтительно целовал ей руку и никогда не обращался на «ты». Ему передали, что поначалу она была огорчена столь короткой ролью, но затем сказала: «В пьесах господина Гюго маленьких ролей не бывает…»

И в душе писателя затеплилось нечто большее, чем признательность. Он припомнил, что как-то в мае прошлого года видел ее на балу; молодая, сверкающая драгоценностями, стройная, она как бы воплощала в себе грацию античных скульптур. Виктор не осмелился тогда подойти к одной из самых блистательных красавиц Парижа и, едва скрывая восхищение, следил за ней взглядом.

Еще до премьеры он попытался выяснить у директора театра все об этой женщине. К сожалению, сведения были слишком скудными: Гарель мог лишь сообщить, что Жюльетте 26 лет, что она два года назад поступила в труппу театра, и что зрители ее любили не столько за талант, сколько за красоту. Разумеется, молодой актрисе надо было хорошо одеваться, украшать себя драгоценностями, а незначительных средств, зарабатываемых в театре, не хватало, и она разделила участь многих своих красивых подруг по профессии – повела жизнь дорогой куртизанки. У нее было множество долгов, но она, неунывающая и веселая, подлинное дитя времени, верила в свою звезду, которая принесет ей либо успех на сцене и деньги, либо настоящую любовь.

На следующий день Виктор опять был в театре. На сей раз после спектакля писатель поднялся в артистическую уборную Жюльетты Друэ. Актриса открыла ему, и взгляд Виктора встретился с ее черными, полными нежности глазами. Ему показалось, будто солнечный луч протянулся из ее сердца, как свет зари, упавший на руины.

С первой репетиции Жюльетта поняла, что Виктор Гюго – человек, которого она ждала всю жизнь. Ей становилось страшно и радостно при мысли, что она полюбила великого писателя, живущего яркой, наполненной жизнью где-то далеко, на недосягаемой для нее, падшей женщины, высоте. В сущности, чем, кроме красоты, могла бедняжка привлечь его? Ведь у нее не было ни титула, ни состояния, ни славы звезды сцены; она была

всего-навсего девочкой из народа, никому не известной актрисой, задолжавшей кредиторам куртизанкой… С отчаянной отвагой, грациозным кокетством и тактом искусительница принялась завоевывать сердце того, кто слыл пуританином, неприступным для женских чар. По правде говоря, неприступность Гюго уже дала трещину – он страстно хотел быть завоеванным Жюльеттой.

В отличие от прежних, богемных знакомых актрисы Виктор был робок и нерешителен. Только 14 февраля они вместе отправились на бал. Два дня спустя она услышала из его уст давно желанные слова: «Люблю тебя!..»

Так началась любовь, которая совершенно изменила жизнь Жюльетты Друэ. Она длилась полвека – пятьдесят лет преданности, самоотречения, верности – и угасла лишь со смертью этой замечательной женщины. Ради того чтобы быть рядом с Виктором, когда он позовет, чтобы обожать и служить ему, она отказалась от всего: от театральной карьеры, от вольной жизни в кругу друзей, от самого дорогого для любой женщины – счастья иметь домашний очаг и семью; она добровольно обрекла себя на почти монашеское затворничество и смирилась даже с бесправным и горьким положением «подруги» поэта. Ее оскорбляли, унижали, заставляли страдать, но она была верна ему и сохранила до последних дней свою любовь в нетленной свежести.

В июне 1834 года он закончил повесть «Клод Ге» и подарил ее Жюльетте, надписав на титульном листе: «Моему ангелу, у которого отрастают крылья». Однако отношения их не были ровными. Он ревновал ее. Возмущенная женщина, не стерпев оскорбительных подозрений, уходила от него, но вскоре возвращалась к своему грозному и обожаемому господину.

С тех пор как Жюльетта порвала с прошлым, она стала очень бедной. Ее преследовали кредиторы. Чтобы хоть как-то расплатиться с ними, она заложила почти все свои драгоценности, даже одежду. По просьбе Виктора она точно подсчитала сумму своих долгов – их оказалось 20000 франков! Писатель онемел, когда услышал такую цифру, даже его нашумевший роман «Собор Парижской богоматери» принес денег в три раза меньше. Разразилась бурная сцена, в конце которой он выбежал, хлопнув дверью: «Прощай навсегда!»

На следующий день его охватило раскаяние: кто же, как не он, должен помочь любимой вырваться из трясины, в которую затянула ее прежняя жизнь. Он поспешил к Жюльетте просить прощения. Однако в квартире было пусто, он нашел маленькую, полную горечи записку – Жюльетта бежала из Парижа, не оставив адреса. Через несколько дней Виктору удалось узнать, что она

остановилась у родственников в Нормандии. Трое суток он добирался в дилижансе до Бреста. Здесь он встретил Жюльетту, которая за шесть дней тоже поняла, что не может жить без Виктора. Они бросились в объятия друг к другу.

Великое чувство, как по волшебству, как в сказке, как в пьесах самого Виктора Гюго, превратило грешную Жюльетту в одну из самых возвышенных душ Франции. Более того, она как бы воплощала саму душу Франции, вечно влюбленной, несмотря на жестокие размолвки, в своего гениального Виктора Гюго.

Однако эта любовь вовсе не была идиллической, бурные страсти толкали их к резким, грубым ссорам. К отчаянию Жюльетты, Виктор не допускал и мысли о разводе и новом браке, он безумно любил своих малышей; забота о том, чтобы они счастливо росли в родной семье, не оставляла его никогда.

Вскоре об их романе заговорил весь Париж. Друзья бросились увещевать Виктора, пытаясь «спасти» его от роковой красавицы. Но он отвечал им с обезоруживающим чистосердечием: «Право, я стал гораздо лучше, чем во времена моей непорочности, о которой вы сожалеете. Прежде я был непорочен, зато теперь я снисходителен к людям. Это большой прогресс, ей-богу…»

Отказаться от Жюльетты он не мог. Она обладала таким милым остроумием, таким легким характером, что в ее присутствии маститый писатель веселился, как школьник. К тому же она, в отличие от Адели, равнодушной к его поэзии, всегда оставалась благоговейной поклонницей его литературного творчества.

Ради Гюго Друэ оставила сцену и жила в уединении, занимаясь перепиской рукописей поэта. Свое убежище она покидала только для совместных летних путешествий – в Бретань (1834), Пикардию и Нормандию (1835), Бретань и Нормандию (1836), Бельгию (1837), Шампань (1838), по берегам Рейна, Роны и в Швейцарию (1839—1840), в Пиренеи и Испанию (1843). Эти путешествия расширили кругозор Гюго, обогатили его новыми впечатлениями. Гюго сделал многочисленные зарисовки (он был превосходным рисовальщиком) пейзажей, памятников архитектуры и старины. Письма к жене и друзьям свидетельствуют о более углубленном, философском взгляде на мир, что вскоре проявилось и в его творчестве. Творческая продукция Гюго 1830-х годов весьма обильна.

Друэ не только вдохновляла его талант, но и посвятила Гюго в некоторые тайны любви, и писатель мог с гордостью сказать о себе: «Женщины считают, что я просто неотразим». Так оно, по-видимому, и было. Началась так прославившая Гюго чрезвычайно активная сексуальная жизнь. Для него не было ничего

необычного, например, в том, что он мог заниматься сексом с молодой проституткой рано утром, с какой-нибудь актрисой перед обедом и с известной куртизанкой вечером. Но это было лишь прелюдией к тому, что вся ночь затем посвящалась столь же неутомимой Жюльетте. Сексом Гюго продолжал заниматься почти до последних дней жизни.

Жюльетта, самая большая любовь в его жизни, терпеливо сносила сексуальную активность Гюго. Когда ей исполнилось 40 лет, ее красота начала увядать. В 1844 году ее временно заменила молодая дворянка Леони д'Оне. Связь Леони с Гюго закончилась страшным скандалом, когда ревнивый муж Леони нанял полицейских, чтобы они следили за его женой. Леони и Гюго были схвачены на месте преступления. Гюго избежал наказания, поскольку принадлежал к сословию пэров, а Леони была посажена в тюрьму за прелюбодеяние.

После того как Леони вновь оказалась на свободе, Гюго стал делить свое время поровну между ней и Жюльеттой. В конце концов Гюго оставил Леони, а Жюльетта опять стала его главной любовью. Это, конечно, ни в коей мере не мешало Гюго искать и находить других любовниц. Сама Жюльетта подсчитала, что с 1848 по 1850 год у Гюго было по меньшей мере 200 сексуальных партнерш. В 70-летнем возрасте Гюго сумел соблазнить 22-летнюю дочь писателя Теофиля Готье, и вполне возможно, что в это же время у него была тайная связь с Сарой Бернар.

Несмотря на многочисленные любовные романы, он всегда называл Жюльетту своей «истинной женой». Их интимные отношения продолжались 50 лет. Большую часть этого времени они прожили отдельно друг от друга. Если это было возможно, Гюго приезжал к ней каждый день. Жюльетта была ему абсолютно преданна. За все время их знакомства она написала ему 1700 любовных писем. И умерла на руках у Гюго в 77-летнем возрасте. На протяжении оставшихся двух лет жизни Гюго продолжал, как уже известно читателю, активную сексуальную жизнь, но дух его, по-видимому, был все же сломлен потерей Жюльетты.

Гюго окружал свои свидания тайной. Он любил, например, проводить в дом своих любовниц через какие-то тайные ходы и предаваться с ними любви в каких-то отдаленных заброшенных комнатах даже тогда, когда в этом не было абсолютно никакой необходимости.

Своему юному внуку, который однажды вошел в комнату и увидел своего 80-летнего дедушку, обнимавшего молодую служанку, Гюго сказал: «Смотри, Жорж, они не зря называют меня гением!»

Верный друг Жюльетта Друэ и Гюго до преклонных лет

сохранили старый обычай по всякому поводу писать друг другу. 1 января 1883 года в новогоднем пожелании Жюльетта написала ему: «Обожаемый мой, не знаю, где я буду в эту дату в следующем году, но я счастлива и горда подписать тебе мое удостоверение на жизнь сейчас вот этими только словами: Я люблю тебя». Это было последнее ее новогоднее поздравление. 11 мая 1883 года она скончалась. Гюго был раздавлен горем, не плакал, но не мог даже присутствовать на похоронах. Отныне все ему стало безразлично: с Жюльеттой ушло все его прошлое, вся его жизнь.

Летом 1884 года он совершил последнее свое путешествие – в Швейцарию. В записной книжке наряду с неразборчивыми набросками стихов, начатых и неоконченных поэм появилась запись: «Скоро я перестану заслонять горизонт». Он составил завещание, в которое включил знаменитые слова: «Я отказываюсь от проповеди всех церквей; я требую молитвы за все души. Я верую в Бога».

15 мая 1885 года Гюго, перенесший инфаркт, снова заболел. Ничто уже не могло его спасти, и 22 мая, в день имени Жюльетты Друэ, он скончался со словами: «Я вижу… темный свет». Оставалось всего четыре года до столетия Великой революции, возведения Эйфелевой башни, ставшей символом Парижа в новейшее время…

На другой день после кончины Гюго правительство приняло решение о национальных похоронах. 1 июня 1885 года состоялась грандиозная церемония: в ночь накануне похорон более 200 тысяч парижан проходили перед катафалком, стоявшим под Триумфальной аркой, с которой свешивалась огромная креповая вуаль. Днем около двух миллионов человек выстроились вдоль пути следования катафалка с площади Звезды в Пантеон. По словам присутствовавшего на похоронах Мориса Барреса, хоронили «поэта-пророка, старого человека, который своими утопиями заставлял трепетать сердца».

АЛИ СУЛЕЙМАН ХАН (1911—1960)

Наследник Ага Хана III. Постоянный представитель Пакистана при ООН (1958—1962). Награжден «Военным крестом» и «Бронзовой звездой» США за участие в разведывательных операциях во время Второй мировой войны.

Али Хан был наследником Ага Хана III до тех пор, пока он из-за страстной любви к гоночным автомобилям, горячим скакунам и прекрасным женщинам не лишился возможности стать духовным лидером 20 миллионов мусульман исмаильской секты, проживающих в Индии.

Родившийся в Италии и получивший европейское образование принц Али Сулейман Хан унаследовал огромное состояние и быстро научился им пользоваться. В 1929 году, после смерти матери, Али оказался в Лондоне, куда отец отправил его для изучения юриспруденции. Смуглый юноша невысокого роста был экзотически красив и чрезвычайно энергичен. Он великолепно водил гоночные автомобили, прекрасно обращался с лошадьми, его постоянно окружали поклонницы. Али Хан участвовал в автомобильных гонках среди профессионалов в различных европейских странах, ездил на охоту в Африку и при этом успевал управлять своими многочисленными фермами по выращиванию породистых скакунов и виллами в Ирландии, Франции, Швейцарии и Венесуэле.

Во время Второй мировой войны союзное командование высоко оценило его смелость и великолепное знание английского, французского и арабского языков. Али Хан был награжден «Военным крестом» и «Бронзовой звездой» США за выполнение ответственных и опасных разведывательных заданий. Позже Али Хан завоевал глубокое уважение на посту постоянного представителя Пакистана при ООН, где он проработал с 1958 года до 12 мая 1960 года, когда он погиб в автокатастрофе.

Две необходимые и чрезвычайно важные стороны автогонок и американской службы – скорость и хорошее материально-техническое обеспечение – проявились и в любовной карьере Али Хана. Поскольку его дома и виллы были разбросаны по всему миру, ему оставалось лишь привлечь к себе внимание женщины, а потому он мог преследовать ее практически повсюду. Он использовал особый прием, который сам называл «взгляд через наполненную людьми комнату». Он выбирал себе очередную

жертву и смотрел на нее не отрываясь до тех пор, пока она не обращала на него внимание. Затем он устраивал так, чтобы его кто-нибудь познакомил с избранницей. После этого ей преподносился «миллион алых роз», а любое ее желание или каприз моментально выполнялись. Эльза Максвелл написала, что с женщиной Али всегда танцевал «медленно и восторженно, словно делал это последний раз в своей жизни… Когда он говорил женщине, что любит ее, он был совершенно искренен. Он и в самом деле любил ее… в тот момент. Проблема-то вся заключалась в том, что этот момент слишком быстро проходил». Даже замужняя женщина могла безбоязненно иметь любовную связь с Али, который всегда путешествовал с огромной толпой друзей, знакомых и почитательниц, так что было просто невозможно угадать, с кем Али близок.

В 1936 году потрясенный Лоэл Гиннес, член парламента, рассказал в суде во время бракоразводного процесса о том, что, уехав в непродолжительную командировку, он оставил прекрасную, счастливую и влюбленную в него молодую жену Джоан с Али Ханом, который, как обычно, путешествовал с огромной свитой. Когда он вскоре вернулся, Джоан заявила, что требует немедленного развода, поскольку собирается выйти замуж за Али.

Джоан стала первой женой Али Хана. У них родились два сына: Карим, который стал четвертым имамом после смерти отца Али Хана в 1957 году, и Амин.

Али, конечно, продолжал свои многочисленные любовные похождения, хотя и не помышлял о разводе с Джоан… до знакомства со знойной красавицей Ритой Хейуорт на Ривьере в 1948 году. Серьезную конкуренцию Али составили ведущие актеры Голливуда, а также иранский шах, которые тоже отдыхали в это время на Ривьере и вынашивали свои собственные планы по соблазнению знаменитой кинозвезды. В этой битве гигантов победил Али. Он предложил ей отправиться в путешествие в Париж, Лондон и Мадрид. Рита, стремясь избавиться от плохого настроения после развода со своим предыдущим мужем Орсоном Уэллсом, согласилась.

Семейная жизнь с Али, впрочем, стала для Риты сплошным разочарованием. Она надеялась хоть немного отдохнуть в семье от своего изматывающего голливудского графика, уединившись с Али на одной из его многочисленных вилл. Али же либо не сумел, либо не захотел изменить свой ритм жизни. Он страдал от одиночества, если его не окружала толпа людей, и мучился от осознания того, что ему не надо через пару часов лететь или плыть на другой континент или хотя бы просто в другую страну.

Рита вернулась в Америку, забрав с собой их дочь Ясмин, и стала первой женщиной, бросившей Али Хана. Они официально развелись в 1953 году, и Али вернулся к своему привычному образу жизни.

Он перелетал на своем самолете из одной страны в другую, причем в каждой задерживался всего лишь на несколько часов. Чаще всего Али даже не выходил из шикарных апартаментов самых роскошных отелей тех городов, где приземлялся его самолет. Репутация Али как одного из самых знаменитых плейбоев того времени достигла таких масштабов, что один из его современников заметил: «Женщину считали устаревшей, безнадежно отставшей от моды и от жизни, вообще пустым местом, на нее не обращали никакого внимания, если она не побывала в постели с Али хотя бы один раз».

Несмотря на то что Али менял женщин столь же часто, как лошадей или автомобили, его романы с ними были такими пылкими и приносили каждой из них столько удовлетворения и новых впечатлений, что лишь немногие из них потом могли на что-либо пожаловаться. Джульетт Греко была просто в восхищении от согласованности и продуманности всех действий и поступков Али. Ким Новак заявила, что после Али все остальные мужчины кажутся ей «полумертвыми». Первое, что пришло в голову актрисе Джин Тьерни после знакомства с Али, было: «Только этого мне не хватало, познакомиться еще с каким-то восточным супержеребцом». Но вскоре Джин так влюбилась в Али, что очень надеялась даже выйти за него замуж.

Самым знаменитым романом Али стал роман с леди Тельмой Фернесс, которая была спутницей принца Уэльского до тех пор, пока она не познакомилась с Али и не влюбилась в него. Впрочем, принц в то время уже обратил внимание на американку Уоллис Симпсон, которая незадолго до этого развелась. Ради нее он даже оставил в конце концов английский трон.

Али всегда утверждал: «Когда я люблю женщину, я думаю лишь о том, как доставить ей удовольствие». Он получил уникальное сексуальное образование в Каире, куда отец послал его еще мальчиком специально для этой цели. Техника секса, которой научили Али арабы, называлась «имсак». Одна из партнерш Али описала свои ощущения от встреч с ним так: «Независимо от того, сколько женщин было у Али, он сам редко достигал оргазма. Он мог заниматься сексом часами, но сам позволял себе пройти весь путь до конца не чаще, чем дважды в неделю. Он наслаждался тем впечатлением, которое его сексуальная техника производила на женщин. Он любил, когда они теряли контроль над собой. Сам же он всегда контролировал

свои действия и всегда был хозяином положения».

Али Хан однажды заявил: «Меня как-то обозвали "проклятым черномазым". Я им всем отомстил. Я отнял у них всех их женщин».

МАРЛОН БРАНДО (1924—2004)

Один из выдающихся актеров мирового кинематографа. С 1944 года играл на Бродвее, с 1950 снимался в кино. Отличался внушительной сценической манерой, спокойным негромким голосом; приверженец системы Станиславского. Снимался в фильмах «Мужчины» (1950), «Трамвай „Желание“» (1951), «Вива, Сапата!» (1952), «Дикарь» (1953), «Юлий Цезарь» (1953), «В порту» (1954, премия «Оскар»), «Молодые львы» (1958), «Погоня» (1966), «Крестный отец» (1972, премия «Оскар»), «Последнее танго в Париже» (1972), «Апокалипсис сегодня» (1979), «Новичок» (1990) и др.

После выхода на экраны фильма «Трамвай "Желание"» писатель Элиа Казан заявил: «Марлон Брандо – действительно самый лучший актер в мире… Красота и характер – это мучительная боль, которая постоянно будет преследовать его…»

В Голливуде понимали, что появился неординарный актер с сильным темпераментом, отличающийся яркой индивидуальностью, даром завораживания. Актер, за которым стоит великое будущее. Пресса, привлеченная агентами и продюсерами Голливуда, начала создавать ажиотаж вокруг имени Марлона Брандо: «Он может сыграть все, и каждая его новая роль будет великой»; «Молодой актер принесет славу не только себе, но и всему американскому кино»; «Он станет символом для всего мирового кино… Его будут любить и ненавидеть, уважать и бояться…»

Марлон Брандо желал славы. Ему надоело жить в нищете и страдать от безденежья. Он сознавал, что наделен божественным талантом, который продемонстрировал в «Трамвае "Желание"». Он принимал решение: свой талант нужно подтвердить. Марлона Брандо вновь поддерживал Казан.

Продюсеры Голливуда ликовали: родился актер, которого на «фабрике грез» еще не было. Да, это бунтовщик, дикий и неуравновешенный по характеру, от которого исходило животное начало. Оно приковывало внимание миллионов зрителей и одновременно вызывало чувство страха. Марлон Брандо становился новым «идолом» Голливуда.

Наполненный первобытной силой, он вызывал симпатии прежде всего у молодежи, которая обезумела от восторга, когда Марлон Брандо, облаченный в кожаную куртку, появился в

фильме «Дикарь» (1953). Все круша на своем пути, он яростно выступал против сложившихся укладов жизни. Молодежь, загипнотизированная его взглядами и поступками, объявила Марлона Брандо своим кумиром. В 1960-х годах имя Марлона Брандо все чаще стало появляться в скандальной хронике. «Гения мрачного созерцания и независимого упрямства» обвиняли в том, что у него скверный и грубый характер, что он ни с кем не может ужиться. Даже со своими любимыми женщинами обходится жестоко, не только меняет их как перчатки, но, наделенный от природы «животными инстинктами», превращает их в своих рабынь.

На эти статьи Марлон Брандо нервно огрызался, тем самым вызывая еще более негативное отношение к себе: «Я обладаю плохим характером. А почему? Однозначно потому, что свою частную жизнь не желаю выносить на всеобщее обозрение. Актер, как и всякий гражданин свободной страны, имеет право на свои интимные поступки…»

Вот что рассказывал сам Марлон Брандо о своей жизни:

«В раннем детстве у нас еще был нормальный дом: отец, мать и две мои сестры, Френсис и Джослин. Я обожал мать и ее красоту, обаяние, легкость, с какой она подходила ко всем делам, и спокойствие, с которым относилась к мелочам. Однако это продолжалось недолго. Мать стала чаще исчезать из дому. Соседи между собой поговаривали, что легче госпожу Брандо встретить в баре, чем в церкви или на ферме. У меня в памяти осталась сцена, достойная великого фильма. Мать вернулась домой пьяная, позвала кошек в свою спальню и напоила их валерьянкой. Когда, опьяневшие, они легли вокруг нее, она заснула с таким благостным выражением лица, словно находилась среди своих лучших друзей.

Много лет спустя, когда она уже ушла от отца, и я тоже покинул дом, она приехала ко мне в Нью-Йорк пьяная, упала на пол, а я даже не поднял ее. Я наклонился над ней только спустя какое-то время. "У тебя нет валерьянки?" – спросила она. Вскоре после этой встречи в 1954 году она умерла. Но она все же дождалась моего первого успеха, роли Стенли Ковальского в фильме "Трамвай „Желание“". И тогда она мне сказала: "Знаешь, Бат, лучше всего в этом спектакле его название – „Трамвай "Желание"“… Прочитай „Любовь под вязами“ О'Нила, Бат. Знаешь ли ты, что такое настоящая любовь?.."»

У него были свои представления о любви.

«Мне нравились женщины, у которых были какие-нибудь видимые дефекты. Меня раздражали все эти голливудские красотки еще задолго до того, как я сам стал сниматься в кино. Я

влюбился только один раз, в Арлетти, после того как посмотрел "Комедиантов". Что за прекрасный фильм! И я поехал в Париж, там познакомился с французской звездой. Боже мой, Арлетти была как отполированный камень – гладкая и сияющая. Однако об ее характер можно было сломать себе зубы. Она пренебрегала всем и всеми. Никогда не забуду, как с типичной для провинциальной парвеню злостью она бросила в горничную пепельницей из сандалового дерева и сразу же после этого приняла самую соблазнительную позу: таинственно потупленные глаза, стройные ноги, открытые до самых бедер, тень улыбки в кончиках губ…»

Снявшись в фильме «Трамвай "Желание"», Брандо принял решение не возвращаться на театральную сцену. Но ему нравилось бывать в Нью-Йорке. Брандо вспоминал:

«Жил я тогда в квартире на Шестой авеню неподалеку от «Карнеги-Холл» и время от времени заглядывал в актерскую студию – преимущественно, чтобы пообщаться с девушками.

Одной из них была Мэрилин Монро. Впервые и совсем мимолетно я познакомился с ней вскоре после войны и вот теперь, на вечеринке в Нью-Йорке, столкнулся с ней в буквальном смысле этого слова. Пока остальные гости пели и танцевали, Мэрилин одиноко сидела в уголке зала и что-то наигрывала на рояле. Стоя поблизости от нее, я оживленно разговаривал с одним из гостей, держа в руке стакан с напитком, и когда меня кто-то окликнул, я резко развернулся и задел локтем ее голову. Точнее, даже не задел – удар, как я понимаю, получился болезненным.

"О бог ты мой, – пробормотал я, – пожалуйста, извините меня. Я не нарочно".

Мэрилин посмотрела мне прямо в глаза и сказала: "Это вы только так говорите".

Я понял, что она шутит, и потому рассмеялся, после чего присел рядом с ней и сказал: "Давайте я покажу вам, как надо играть, а то вы, похоже, в этом деле совсем слабак".

Я постарался как можно качественнее исполнить несколько аккордов, после чего мы еще немного поболтали. Впоследствии, расставшись, мы изредка болтали друг с другом по телефону. И вот как-то раз поздно вечером я позвонил ей и заявил: "Мне чертовски хочется прямо сейчас приехать и увидеть тебя, но если что-то не так – ну, например, ты не хочешь, чтобы я это делал, – то так и скажи".

Она так не сказала, я приехал к ней, и довольно скоро все мечты каждого американского солдата тех времен лично для меня воплотились в жизнь.

Мэрилин была тонкой, чувствительной, во многом непонятной и к тому же гораздо более проницательной женщиной, нежели о ней принято было думать. Жизнь основательно побила ее, и все же она сохранила поразительное чутье на людей, я бы даже назвал это неким эмоциональным интеллектом – самым, пожалуй, изысканным из всех существующих типов ума. После той первой встречи мы так и не порывали наших отношений и время от времени встречались вплоть до ее смерти в 1962 году. Частенько она сама звонила, и мы часами беседовали с ней, в том числе и о том, как она постепенно осознавала, что ее тогдашний продюсер Страсберг да и другие тоже попросту пытаются использовать ее. При этом я замечал, что эмоциональное состояние Мэрилин становилось все более устойчивым.

Последняя наша беседа состоялась за два или три дня до ее смерти. Она позвонила мне из своего дома в Лос-Анджелесе и пригласила поужинать. У меня уже были планы на тот вечер, а потому я предложил перенести нашу встречу на следующую неделю. Она сказала: "Прекрасно", на чем мы и расстались. Впоследствии поговаривали о том, что именно в те дни она тайно встречалась с Робертом Кеннеди и находилась в подавленном состоянии из-за его желания порвать с ней. Разговаривая с Мэрилин, я не заметил никаких признаков расстройства, да и потом, если бы она в те дни действительно спала с кем-то, зачем ей было приглашать меня на какой-то ужин?

Вообще-то я неплохо разбираюсь в настроениях людей и обычно довольно четко воспринимаю их чувства: так и во время того нашего разговора с Мэрилин я не почувствовал с ее стороны никаких признаков угнетенности или желания уйти из жизни, а потому уверен, что она не совершала самоубийства. Если человек действительно переживает длительную депрессию, то каким бы умным он ни был и сколь изощренно ни пытался скрыть свое состояние, это все равно стало бы заметно, тем более мне, по натуре своей привыкшему присматриваться к людям и к их настроению. И если бы Мэрилин действительно испытывала подобные чувства, я бы не смог этого не заметить. Возможно, конечно, что она умерла от нечаянной передозировки снотворного, хотя я лично склоняюсь к мысли о том, что ее попросту убили».

А вот «индусская красавица» Анна Кашфи на фоне «клишированных» звезд Голливуда выглядела экзотично, вызывая восхищение у мужчин и зависть у женщин. Правда, она снималась лишь в эпизодах, но это не имело никакого значения. В нее влюблялись все поголовно. Марлон Брандо, падкий на женщин,

тоже не мог пройти мимо. Они познакомились во время обеда в столовой студии «Парамаунт», и Анна очаровала Марлона не только своим необычным внешним видом – смуглая золотистая кожа, большие, выразительные черные глаза, длинные волосы цвета «воронова крыла», – но и романтическими рассказами о своем детстве, проведенном на берегах Ганга, радостях и печалях, его сопровождавших, и о том, что представляют собой истинные индусы…

Марлон Брандо, не долго думая, решил жениться на Анне.

«Это был очень странный период в моей жизни, – вспоминал Марлон. – За несколько месяцев перед свадьбой я был в Японии, где снимался во вздорном фильме под названием «Сайонара» режиссера Джошуа Логана, который приказал мне похудеть на 10 килограммов. Ох, эта американская диета…

Однако я ел сколько влезет, благодаря моей партнерше Мико Така. Она приносила в номер рисовые пирожные, обильно политые взбитыми сливками, и жирную рыбу, прекрасную рыбу, приготовленную в остром соусе. Еще немного, и я бы влюбился в нее, такая она была оливковая, и косоглазенькая, и черноволосенькая, и субтильненькая – как статуэтка из китайского фарфора… Что тут говорить, я боялся до нее дотронуться. Мне казалось, что у нее косточки хрупкие, как эти пирожные. Ну а потом – в Америке меня ждала Анна…»

11 октября 1957 года на руке Марлона Брандо появилось обручальное кольцо.

«Наша свадьба была тихой и без особой огласки, – рассказывал Марлон. – Анна была одета в голубое сари, очень красивое и контрастирующее с ее темно-оливковой кожей. Она исследовательница буддизма. Хотя мы расстались через несколько лет, я не могу забыть того, что она говорила мне о своей религии. Но до сих пор я не знаю, в чем заключается нирвана, и есть ли она в состоянии сублимированного счастья или же в полном угасании радости и муки. Благодаря Анне я узнал и то и другое…»

Но это было позже. А тогда, после свадьбы, многие, очень многие девушки в мире завидовали Анне, ее счастью быть рядом с Марлоном Брандо. Но длилось оно не так уж и долго.

Все походило на приключенческий фильм с элементами мелодрамы. В гости приехал отец Анны Кашфи, и из разговора Марлон Брандо неожиданно узнал, что он по национальности не индус, а родился в Иране, в предместье Далбини, и Анна обычная иранская девушка, никогда не имевшая предков в Индии, и даже не жила в этой стране…

Это известие настолько ошеломило Марлона Брандо, что он,

несмотря на рождение сына Кристиана, которого безумно любил, решил развестись. А вот как описала эту романтическую историю Анна Кашфи.

«Трудно описать очарование Брандо. Это был вихрь, водоворот… Он закрутил и меня. Я любила его, ненавидела и терпела. Когда он говорил, то нередко запинался, смущался, а часто просто нес совершенно бессмыслицу. Но вместе с тем он, как магнитом, притягивал к себе журналистов, интеллектуалов и целый полк поклонников.

Как соблазнитель Брандо был совершенно неуклюж, не заслуживал внимания и как любовник. Но это не помешало ему обзавестись неисчислимой когортой сексуальных партнеров: женщин, мужчин и созданий "среднего рода".

Первая моя встреча с Брандо произошла в октябре 1955 года в столовой студии "Парамаунт", своей шумной атмосферой напоминающей вокзал в Бомбее. Я никак не могла привыкнуть к американским нравам. Мне было непонятно, как такие звезды кино могут поглощать немыслимые количества пищи, стараясь при этом перекричать оглушительный гомон столовой, волнуясь и размахивая руками.

Я сидела за столиком с Гарри Минсем и А. Лилем, ассистентом продюсера фильма "Горы", в котором я тогда была занята. Неожиданно почувствовали, что какой-то мужчина пристально меня разглядывает. Заметив мой взгляд, мужчина поспешно отвернулся и принялся изучать затылок впереди сидящей блондинки. Но чуть позже он подошел к моему столику, и Лиль представил нас.

"Привет", – сказал он. Его голос напоминал скрежетание гусениц, а волосы были цвета соломы, тяжелые массивные челюсти выражали смесь ностальгии, чувственности и равнодушия одновременно, а в серо-голубых глазах в шалаше бровей угадывались страстность и неистощимая сила.

Я улыбнулась, он смутился. Я наклонила голову, он еще больше смутился и поспешил ретироваться. Так началось наше знакомство.

…Лишь позже из хроники голливудских газет, где я прочитала о нашем с ним обеде, я поняла, что Брандо, возможно, самый популярный актер Америки. А я даже не догадывалась об этом. Мое неведение относительно него забавляло Марлона.

Я переспала с ним больше из любопытства. Его манера ухаживать была полна хитростей гильотины. В тот вечер мы смотрели телевизор у меня дома. Не говоря ни слова, Марлон взял меня на руки и отнес в спальню. Когда я после поинтересовалась у него, было ли это что-то вроде

изнасилования, он ответил: "Изнасилование – это просто атака дружественной армии".

В любви он был очень эгоистичным партнером, ищущим пыла и естественности, но в гамме его чувств абсолютно отсутствовала нежность. Я знала, что Брандо имеет сексуальные отношения "всех видов" со всеми «видами» партнеров. Он сам говорил, что хочет испробовать все.

Связь наша продолжалась, но я всегда ощущала ее непрочность. После занятий любовью Брандо мог исчезнуть, не говоря ни слова. Он никогда не плел таинственный кокон, обычный для многих любовников, редко вспоминал о маленьких знаках внимания, таких как цветы и шоколад, а после ссор со мной Марлон всегда звонил не иначе как в три часа ночи.

Появляться на публике с Брандо означало потакать причудам его многочисленных поклонников. Одни хотели "прикоснуться к девушке, к которой прикасался Марлон", другие, более агрессивные, стремились получить от меня перчатку или платок на память. Некоторые млели, другие становились идиотами, немыми, глухими, заиками или пытались, что еще хуже, перенять его грубую манеру общения. Это был "синдром звезды кино"…

Когда я заболела и меня положили в больницу, Марлона словно бы подменили: он стал необыкновенно нежен и внимателен ко мне. А однажды, войдя ко мне в палату, с порога заявил: "Должен сказать тебе кое-что важное. Ты знаешь мои чувства к тебе. Я хочу на тебе жениться".

Наша помолвка не изменила отношений. Брандо продолжал навещать меня в больнице, а в отъезде писал мне двусмысленные письма, в которых часто подсмеивался надо мной. С огромным удовольствием он обзывал меня "толстой задницей". И этому не было конца. Одно письмо он даже начал так: "Анна, должен уведомить тебя, что твой зад стал просто гигантским. Позволь мне тебе это говорить столько раз, сколько мне нравится. Я знаю, что только по своей природной чувствительности ты первое время будешь запрещать мне толкать тележку, на которой будет отдыхать твой зад, но через некоторое время ты к этому привыкнешь". С тем же ребячеством я возвращала ему в письмах всякие определения, относящиеся к его "нашпигованным окорокам".

Через неделю Марлон объявился с обручальным кольцом – четыре группы жемчужин, вделанных в платину. Прежде чем сообщить об этом "важном сюрпризе", он долго рассматривал мой мизинец.

Когда я вышла из больницы и в течение первых недель приходила в себя, Марлон часто сопровождал меня в кино или

возил обедать в ресторан. При этом он неизменно использовал свою вторую машину, старый "фольксваген", забитую банками из-под пива, обертками «Макдональдса» и страницами из старых журналов. В чем бы я ни была – в вечернем платье или в шелковом сари, – эта мусорница на колесах постоянно отвозила меня в ресторан, как премьер-министра. А шикарный белый «Тандерберд» – подарок Марлону Сэма Голдвина за роль в одном из фильмов – неизменно оставался в гараже для сугубо частных поездок Брандо. Такой фетишизм был неотъемлемой чертой Марлона.

От Марлона всегда можно было ожидать "сюрпризов". Однажды, накануне Рождества, он уехал из Лос-Анджелеса. Я и все друзья были уверены, что он – в Японии, где начинались в это время съемки "Сайонаре". Ночью в сочельник Марлон мне позвонил, я говорила с "Коралловым берегом", отелем в Гонолулу.

"Марлон, что ты делаешь на Гавайях?"

"Понимаешь… Ну… (бормотание)… мне показалось, что тебе будет приятно ко мне приехать…"

Я, конечно, так и сделала. Отец Марлона отвез меня в аэропорт. Но в Гонолулу я два часа слонялась по зданию аэропорта в ожидании Марлона. Я была взбешена. Интуиция мне подсказывала, что это время он тратит на измену. Как я узнала позже, он приводил в порядок комнату, ликвидируя следы ночных шалостей. По дороге из аэропорта я упорно молчала. Марлон нарушил тишину: "Ты бесишься, что прождала меня два часа? Ну так сделай что-нибудь, взорвись!"

Мы ехали со скоростью 100 километров. Я повернулась и дала ему пощечину, он едва справился с управлением и затормозил.

"Почему ты это сделала?"

"Ты мне это сам посоветовал", – невозмутимо ответила я.

Я ударила кого-либо первый раз в жизни. Кто мог знать, что это предвещает наши многочисленные бои в будущем…

Последние дни моего безбрачия проходили в крайнем возбуждении. Были ли мы действительно влюблены друг в друга? Меня мучили сомнения. Способен ли Брандо на что-нибудь еще, кроме поверхностных чувств? Он, конечно, экстраординарный мужчина, но своей личностью, находящейся постоянно в штопоре, способен был пробуравить мне мозг. И еще – для него искусство заменяло жизнь.

Вернувшись из Японии, Марлон привез элементы восточной культуры и стал требовать от меня, чтобы наши вечера проходили "по-японски". Для Брандо это означало, что я должна была носить традиционную одежду гейш. В длинной юбке и в деревянных

туфлях кланяться, стоя на коленях на циновке, подносить ему чашку сакэ, вытирать его лоб влажным полотенцем, смеяться его шуткам и позволять ему заглядывать мне под кимоно на предмет выяснения, есть ли там нижнее белье.

Нередко Марлон пускался в самокопание. "Нам необходимо любить, – говорил он в такие минуты. – Это единственный смысл нашей жизни. А я не могу любить. Не могу найти человека, который заставил бы меня забыть о себе. Но я этого очень хочу".

День свадьбы – 11 октября 1957 года – даже для калифорнийской осени выдался слишком жарким. Утром в «Пазадене» Марлон купил свадебную цепь, потом надел наряд, выбранный для этой церемонии: черный плащ-накидку на голубой костюм с воротничком, на голове – черная фетровая шляпа, прочно надвинутая на уши, в руках – трость. Только Марлону этот наряд мог показаться подходящим – у него было свое чувство изящного.

Вдруг до меня дошло, что я не могу венчаться в христианской церкви без букета белых лилий. После нескольких звонков в Сан-Франциско за ними был отправлен самолет, и церемония задержалась на несколько часов. Когда лилии наконец прибыли, я была так измучена, что сказала бы «да» и бабуину…

Первая брачная ночь ничем не отличалась от наших предыдущих ночей. Марлон не выказал ни особой галантности, ни рвения, ни энтузиазма, свойственных молодому новобрачному. Я была разочарована, что мы не отправляемся в свадебное путешествие, не пересечем Тихий океан, не посетим ни одну из европейских столиц.

Став мадам Брандо, я превратилась в голливудскую знаменитость. Но с изменением нашего статуса изменились и наши отношения. Помолвленные, мы ссорились и мирились, поженившись, стали меньше ссориться, но и гораздо меньше общаться.

Даже рождение маленького Кристиана Деви не улучшило наших отношений. "Ни ребенок, ни женитьба не изменят того, к чему я привык в жизни", – говорил мне Марлон. Ребенок доставлял ему наслаждение: он щекотал его и убаюкивал. Со мной же он был очень холоден.

Мы оба чувствовали, что развод неизбежен, но Марлон был против, часто повторяя французский афоризм: "Узы брака так тяжелы, что нести их надо вдвоем".

…Однажды утром, собрав вещи, я взяла Деви на руки и покинула наш дом. Менее чем через месяц после моего отъезда, когда я читала в своей комнате, позвонил Джей Кантер, помощник Марлона. В возбуждении он выкрикивал отдельные

слова: "Анна, это ужасно… Я у Марлона… Он в жутком состоянии… напился таблеток… связал себе руки (интересно, мелькнула у меня мысль, как он ухитрился это сделать?..) Он перед бассейном… Он… хочет туда броситься!"

"Помешайте ему! Удержите, – крикнула я в трубку. – Я сейчас буду". Бегом спустилась к машине, не посмотрев даже, следит ли няня за Деви. И через несколько минут въехала в ворота дома Брандо. Марлон балансировал на краю трамплина. Он был одет в теннисные тапочки и индийскую рубашку, Джей Кантер пытался удержать его за руку.

"Все в порядке, я приехала! – крикнула я Кантеру. Затем повернулась к Марлону и закричала: – Ну прыгай, сукин сын! Я хочу посмотреть, как ты утонешь!" Думаю, что эта "попытка самоубийства" была просто показухой.

Когда я вспоминаю о годах, проведенных с Брандо: о нашей любви, браке, нашем сыне Деви, о нашем разводе и многочисленных стычках, я понимаю, что только смех помог мне выжить… Но вместе со смехом я познала наркотики, выпивку, депрессии, попытки самоубийства. События тех лет выше человеческого понимания. И одним смехом нельзя победить армию, которая зовется Марлон Брандо».

Чтобы реабилитировать себя как мужчину, Марлон ударялся в авантюру за авантюрой – случайные связи, попойки… Были дни и даже недели, когда он неожиданно для всех замыкался в своем болезненном одиночестве.

В 1962 году он проводил на Таити отпуск со своей новой женой, полинезийкой, приобрел во Французской Полинезии небольшой необитаемый островок в пять квадратных миль. Добившись всемирной славы, он решил поселиться на нем с Таритой и пожить отшельником.

Вот что рассказывал сам Марлон Брандо о своем втором браке:

«Моя вторая жена была настоящей таитянкой. Я познакомился с ней, когда играл в фильме режиссера Л. Майлстоуна "Мятеж на „Баунти“" (1962). Звали ее Тарита. Я восхищался не только ее красотой, но и естественностью, с какой она относится к себе и другим. Для таитянок нагота является тем, что выбритый череп для Юла Бриннера. В платьях они чувствуют себя так же скованно, как Бриннер чувствовал себя в париках.

У Тариты были длинные темные волосы, длинная и стройная шея и прекрасные смуглые груди, которые она ничем не прикрывала с детства. Так мы и собирались пожениться. Я в легком полотняном костюме, а Тарита в "народном костюме" – с распущенными волосами, в цветной юбочке и с венком цветов на

шее…

Увы! В Америке свадьба – это очень важный и строгий обряд. Тарита была вынуждена накинуть на плечи шаль, заслоняя ею все то, что ее родственники ежедневно выставляют на солнце…

Скандал разразился только через несколько дней. Уже дома, на свадебном приеме, который мы организовали, моя жена предстала в оригинальном таитянском костюме. При виде ее Уильям Холдон аж вскрикнул от восхищения, после чего у него вырвалось: "Да у тебя же грудь красивее, чем у Лиз!"

Конечно же, его слова быстро были переданы Элизабет Тейлор, исключительно чуткой в отношении своего бюста… Голливуд зашумел… И здесь, как обычно, Элиа Казан оказался незаменимым. Он прислал Тарите телеграмму, начинающуюся словами: "Наипрекраснейшей розе Сароны…"»

Уезжая с красавицей-женой на собственный остров, Марлон Брандо перед отъездом сделал сногсшибательное заявление: "Я никогда по-настоящему не любил сниматься, но не было ничего другого, что давало бы большие деньги за подобное дурачество… Я устал до смерти от людей, которые, встретив меня и поздоровавшись, останавливаются и ожидают, что сейчас я запущу в них чем-то тяжелым…"

У Марлона Брандо непроходящая слабость к женщинам экзотического вида и прежде всего – наделенным природой оливковым цветом кожи. Все его любовницы и жены не принадлежали к "белой расе господ".

Любовная связь у Марлона почти всегда возникала мгновенно и заканчивалась рождением нового ребенка. От Анны, первой жены, родился Кристиан, совершивший в тридцать два года тяжкое преступление, за что и был осужден на девять лет тюремного заключения; Симон и Шейен – от второй жены, Тариты Териипиа, которую, как утверждают, он любил больше всех; маленькая Нина – от Кристины Руну, 30-летней служанки, уроженки Гватемалы.

Нина родилась 13 мая 1989 года, когда М. Брандо исполнилось шестьдесят пять лет. Узнав о том, что Кристина должна родить, Марлон Брандо принял решение присутствовать при родах. Он признал дочь, дал ей свою фамилию и стал заботиться о ней и ее матери: подарил им дом, расположенный неподалеку от его помпезной виллы в Санта-Монике, выделил деньги, правда, как отмечали, не слишком большие.

«Никогда бы не поверил, что смогу в таком возрасте испытывать такую нежность и привязанность к этому маленькому созданию…» – признался Марлон.

Шестеро детей признаны Марлоном Брандо и носят его

фамилию. А шестеро других, как пишет пресса, не имеют с ним даже встреч.

…Эта трагическая история произошла на вилле у Брандо. Его первенец, Кристиан, из пистолета застрелил Дага Дроллета, жениха 20-летней Шейен, его единокровной сестры.

Вновь в скандальной истории прозвучало имя Марлона Брандо. Сам он был настолько потрясен, что не мог ничего сообщить детективу, пришедшему его допрашивать. Лицо великого актера было залито слезами, его духовное и физическое состояние настолько ухудшилось, что Марлон Брандо вынужден был лечь в постель.

…Юность и молодость прошли, зрелость постепенно уступала место старости, как физической, так и духовной. Марлон Брандо пребывал в довольно сложном положении. Друзья навещали его редко, у каждого свои дела и проблемы. Состояние здоровья заставляло его часто проводить время в постели, не до работы… Три раза в неделю к нему на виллу, в подаренной им потрепанной малолитражке, приезжала Кристина – служанка-любовница, которая родила ему за четыре года троих детей.

Если внутренне он оставался прежним и характер его не стал мягче, то внешне он сильно изменился. Бывший красавец, статный мужчина атлетического вида перестал быть изящным, его тело превратилось в бесформенную груду мяса, оплывшего жиром. В 1970-х годах он весил 114 килограммов, во время съемок в фильме «Апокалипсис сегодня», в котором он появился всего лишь на 8 минут, – уже 123 килограмма… В дни страшной трагедии на вилле вес его тела составлял 137 килограммов. Его густые волосы не только поредели, но и покинули спереди голову, лицо, когда-то привораживавшее женщин, стало одутловатым… Физическое здоровье его подводило, но зато он стал одним из богатейших людей и получил то, к чему стремился с детства, – перестал зависеть от денег.

Марлон Брандо, один из величайших актеров всех времен и народов, скончался 1 июля 2004 года в возрасте 80 лет. За полгода до смерти Марлон Брандо заявил, что он окончательно готов умереть и даже написал подробный сценарий собственных похорон. В феврале врачи поставили Брандо диагноз: последняя стадия ишемической болезни сердца и ожирение. В последние месяцы актер едва говорил и отказывался от пищи. При этом Брандо не хотел лечиться в больнице, предпочитая умереть в своем доме.

Его инструкции по похоронам занимали десятки надиктованных магнитофонных лент. В сценарии расписано даже то, кого следует и не следует приглашать. Брандо надеялся, что

печальную церемонию будет вести Джек Николсон. Он также хотел, чтобы несколько слов присутствующим сказал Майкл Джексон. Актер выразил желание, чтобы его кремировали, а пепел развеяли среди пальм таитянского острова, которым он некогда владел.

Незадолго до смерти крестный отец всех времен и народов стал практически банкротом. Как стало известно британской «Таймс», он задолжал более одиннадцати миллионов долларов. Брандо, некогда одна из самых ярких звезд Голливуда, в последние годы жил в небольшом бунгало с одной кроватью, получал только государственное пособие и прятал от кредиторов свои кинонаграды, включая «Оскара» за роль Дона Корлеоне.

РОЖЕ ВАДИМ (1928—2000)

Настоящие имя и фамилия – Вадим Игоревич Племянников. Французский кинорежиссер. Среди его работ фильмы «…И Бог создал женщину» (1956), «Опасные связи» (1959), «Карусель» (1964), «Барбарелла» (1968), «Племя» (1996) и др. Автор множества сценариев. Его перу принадлежит автобиографическая книга «От звезды к другой звезде».

Вклад Племянникова в развитие мирового кино бесспорен. Однако его успешная кинематографическая карьера отходит на второй план в силу того, что Вадим Игоревич затмил их собственным даром открывать на брачном ложе «звезды» мировой величины.

Он фактически дал путевку в мир кино Брижит Бардо, Катрин Денев и Джейн Фонда. До судьбоносной с ним встречи ни Бардо, которой было пятнадцать, ни семнадцатилетняя Денев не помышляли о карьере артистки. Что же касается Джейн Фонды, то она, дочь знаменитого Генри Фонды, приехала в Европу безвестной дебютанткой.

И для каждой из них знакомство с Вадимом выливалось в бурное увлечение, завершавшееся узами брака (правда, свадьба Денев расстроилась в последнюю минуту). И счастливая избранница получала роль в его картине – ту самую, которая, как по мановению волшебной палочки, открывала двери к всемирной славе.

…Род Племянниковых берет свое начало от Чингисхана, который, согласно семейной легенде, завещал часть своих русских земель племяннику. После разгрома татаро-монголов в дальнейшей истории клана поворотную роль сыграла Великая октябрьская революция. Покинув Россию, Игорь Племянников, отец Вадима, попал во Францию, где быстро вышел на дипломатическую стезю. Он дослужился до консула, представляя Францию в Турции и в Египте. Но неожиданно умер в 33-летнем возрасте.

Его сын, хотя с трех месяцев был православным, решил взять французское имя – Роже Вадим. «В том, что касается воспитания и культуры, я, конечно, француз, – говорил он – Но в отношении к жизни в отличие от французов-прагматиков я, видимо, скорее, русский».

В восемнадцать лет Роже Вадим продал свой первый

сценарий и стал искать актрису для своего фильма. Он случайно увидел фотографию юной Брижит на обложке журнала «Эль».

…Брижит Бардо уже снялась в нескольких картинах, но еще не была звездой. Дирекция не пригласила ее на Каннский фестиваль. Она просто сопровождала своего мужа, молодого репортера «Пари-матч» по имени Роже Вадим. Брижит – воплощение эротики и жажды жизни минувшей эпохи. Однако мало кому известны ее страхи, волнения, ее дар притягивать, словно магнитом, к себе несчастья, которые часто ставили ее жизнь на грань трагедии.

Думая о будущем Брижит, родители рассчитывали, что она сумеет выйти замуж за банкира, промышленника, в крайнем случае – за министра. Когда режиссер Марк Аллегре пригласил Брижит на кинопробу, никто в ее семье не рассчитывал, что она будет сниматься. Будущая звезда пришла вместе с мамой к режиссеру домой и там познакомилась с Роже Вадимом.

Шотландские рубашки, неглаженные брюки и довольно длинные волосы Роже не напугали родителей Бардо, поскольку среди их друзей уже были и журналисты, и модельеры, и театральные деятели. Они согласились отдать свою дочь замуж за Вадима, при условии, что он будет иметь постоянную работу. Сценаристу пришлось устроиться журналистом в «Пари-матч».

Обручение Роже Вадима и Брижит Бардо было официально объявлено, а бракосочетание назначено на декабрь 1952 года. Гражданский брак был зарегистрирован в мэрии XVI округа. На последовавшем обеде на улице Помп были только члены семьи и несколько близких друзей. Отец новобрачной предложил Роже провести ночь в другой комнате, поскольку по-настоящему он должен был стать мужем только после церемонии в церкви. Брижит едва не устроила грандиозный скандал, но благоразумный Вадим не дал ей поссориться с родителями в такой ответственный момент. Так, в первую брачную ночь он спал один на узкой софе, этот новоиспеченный муж очаровательной парижанки, о которой потом писали, что она является предметом желания всех мужчин на свете.

Существует мнение, что Роже Вадим создал Брижит Бардо. Но он думает иначе: именно потому, что она не была никем создана, ни ее родители, ни общество, ни профессия не смогли оказать воздействия на саму ее натуру. Роже Вадим содействовал расцвету ее таланта, помогая ей оставаться самой собой. Он дал ей роль, которая соединила вымышленный образ с тем, чем она была в жизни, – роль Жюльетты в картине «…И Бог создал женщину». До этого она уже снялась в шестнадцати фильмах, но лишь семнадцатый сделал ее звездой.

Брижит очень хотела сохранить брак с Роже Вадимом. Несмотря на размолвки, они умудрялись иногда находить в себе прежний пыл и прежнюю нежность. Брижит хотела сделать своего мужа счастливым, но он чувствовал неизбежность конца семейной жизни. Все случилось на съемках фильма «…И Бог создал женщину». Роже Вадим сам нашел ей партнера – тогда еще никому не известного Жан-Луи Трентиньяна, который с первого взгляда не понравился Брижит. Но по мере съемок ее отношение менялось: на экране – героини к герою, в жизни – актрисы к партнеру. Будучи режиссером, Роже Вадим исполнял роль «законного» шпиона, наблюдая страсть, терявшую в его глазах всякую тайну, ибо она была показана, обнародована.

Они расстались, но Брижит не вышла замуж за Трентиньяна. Роже Вадим оставался ее доверенным лицом, ее «старым русским», которому она жаловалась на свое одиночество. На съемках фильма «Бабетта идет на войну» Брижит влюбилась в своего партнера Жака Шарье. Однажды она позвонила Вадиму и сказала, что хочет поговорить с ним. Они встретились, она призналась бывшему мужу, что ждет ребенка от Шарье и боится материнства. Бардо вступила с Шарье в брак и родила мальчика – Николя. Когда она решила расстаться с Шарье, она снова просила совета у русского друга, но он ничем не мог ей помочь… Позднее Вадим сказал: «У нее ужасная потребность во внимании. Вот из-за чего мы и расстались: я не мог исполнить ее требование вечно оставаться рядом, полностью сосредоточившись на ней, подстерегая поворот ее страсти. Теперь, имея дома десяток собак, у Брижит на коленях всегда одна из них, а другая лижет ей руки…»

Однажды в «Эпи-Клюб» Роже Вадим обратил внимание на спутницу известной молодой актрисы, красавицы Франсуазы Дорлеак. Это была темноволосая, коротко остриженная Катрин Денев, которая казалась скованной и застенчивой. Но Роже Вадим решил, что она намного красивее своей старшей сестры. Он сказал девушке, что хотел бы с ней увидеться, и они договорились о встрече. Проболтав два часа в баре-ресторане студии, где снималась Франсуаза, Вадим и Катрин сели в его машину… Известный режиссер вспомнил, что его приятель в отъезде. Роже Вадим знал, где тот прячет ключ от квартиры. Он привез девушку на квартиру друга. Катрин было семнадцать, ему – тридцать два. Но возраст не разделял их, и опыт тоже.

Катрин была честолюбива, но Роже Вадим отнюдь не считал, что она так легко пошла на эту связь ради карьеры актрисы. Когда он привез девушку в свою квартиру – это была третья встреча – позвонила Брижит и попросила бывшего мужа спасти

фильм, в котором она снималась, потому что молодой режиссер не справлялся с работой. На следующий день Роже Вадим срочно вылетел в Бийанкур, прочитал сценарий и попросил сорок восемь часов, чтобы срочно внести поправки. Вадим взялся за фильм, но продолжал встречаться с Катрин Денев. Брижит в это время была одна. Когда режиссер собрался на съемки в горы, он взял с собой Катрин. Ему удалось запутать журналистов: ни одна фотография его и девушки не появилась в газетах. Но Брижит все поняла и предупредила Вадима, что у этой девушки сильный характер и ему с ней будет нелегко. После этой поездки Катрин поселилась у Вадима, в просторной и солнечной квартире с изумительным видом на Булонский лес. В квартире жили еще маленькая дочь Вадима, Натали, и ее няня.

Катрин Денев быстро освоилась в роли хозяйки дома известного режиссера. К нему часто приходили друзья, иногда без предупреждения. Но Катрин была живой, общительной, остроумной, и гостям никогда не было скучно. Но тем не менее Катрин и вправду оказалась с характером. Она, решив стать актрисой, не пошла по самому простому пути – сниматься в фильмах своего возлюбленного. Она дала согласие на роль во второстепенном фильме, который не сулил ей успеха, чтобы получить опыт работы. Катрин перекрасилась в блондинку, и Вадиму не совсем нравился ее новый облик. Когда режиссер приехал на съемку нескольких сцен фильма, в котором снималась Катрин, она показалась Вадиму загадочной и молчаливой.

Вернувшись в Париж к Роже Вадиму, начинающая актриса еще больше стала уделять внимание своим костюмам, полюбила дорогую обувь, тщательно следила за прической. Она заботилась о дочери Вадима, Натали; была превосходной экономкой, контролируя хозяйственные расходы. Но обладая многим, она не казалась достаточно счастливой в то время.

После первой роли ей никто ничего не предлагал. И Вадим пригласил ее в свой фильм «Порок и добродетель» с Анни Жирардо и Робером Оссейном в главных ролях. Потом он устроил ей другую роль – в фильме «Парижанки», где партнером Катрин стал певец Джонни Холлидей. Роже Вадим почему-то ревновал к нему Катрин, ему показалось, что она скрывает от него свои чувства к партнеру по фильму.

Катрин проявляла много терпения и понимания, видя пренебрежение Роже к чужому времени и его пристрастие к богемной жизни. Но день ото дня ей становилось все труднее сдерживать свое дурное настроение. Чтобы избежать сцен и упреков, Роже Вадим лгал, но это все только усложняло.

Журналисты много раз спрашивали его, что в нем нашли

такие женщины, как Брижит, Катрин, Джейн Фонда? Некоторые объясняли его победы у женщин подвигами в постели, другие думали, что женщины использовали его для достижения успеха, третьи просто называли колдуном и магом. Иногда о нем говорили, что он циничный манипулятор, иногда заявляли, что более талантливые и красивые женщины всегда бросали его. Но Катрин придерживается иного мнения: «Прежде всего исключительный шарм Вадима, который так неотразимо действует на женщин. Мне даже трудно объяснить, в чем он состоит: манера говорить, улыбка, голос… Я также отметила бы такое его качество, как щедрость. Она проявляется не только в постоянном стремлении помочь друзьям и близким в решении финансовых проблем, но и в его душевной широте, доброте. Наконец, это настоящий рыцарь, один из самых верных и преданных мужчин, которых я когда-либо знала».

Однажды Вадим и Катрин едва не поженились. Ее всегда донимали вопросами, почему он не женится на ней. И вот они решились. В кабинете нотариуса составлялся брачный контракт. Роже Вадим слушал о пожизненной страховке, разделе имущества и ценностях, которых ни у кого из них не было. Когда речь дошла до «кухонных принадлежностей», режиссер не выдержал. «А пепельницы?» – спросил он.

Но перед самой свадьбой позвонила вторая бывшая жена Вадима, Аннет, и заявила, что если он женится на Катрин, то она заберет у него дочь Натали. Катрин сама предложила отложить свадьбу на некоторое время, что означало – навсегда.

Первый фильм, в котором Денев снялась у своего друга Вадима, – «Порок и добродетель» – был очень плохо принят зрителями и критикой. Как оказалась, его возлюбленная в глубине души так и не простила ему провал ее первой большой роли.

Вскоре она сказала ему, что беременна.

Катрин, как считает Вадим, была уверена, что всегда права и способна принести счастье другим, если эти другие будут покорны ее воле. Когда она начинала проявлять свой властный характер, Вадим прятался.

Катрин Денев родила мальчика, Кристиана. Они жили в Сен-Тропезе. Июльское солнце, друзья, терраса, увитая диким виноградом, прогулки на лодках, обожаемый ребенок, звонкий смех Натали, запах чабреца, – все это порождало ощущение счастья. Но тем не менее они никогда столько не ссорились, как тогда. Катрин и Вадим все еще любили друг друга, и после каждой ссоры падали друг другу в объятия. Потом Катрин уехала на съемки «Шербургских зонтиков», которые сделали ее звездой.

После этого фильма они жили более или менее спокойно. Но однажды Роже Вадим застал Катрин, укладывающей свои чемоданы. Она сказала, что ей нужно уехать. Вернувшись, она так и не объяснила, где и с кем была, но выглядела почти счастливой. А через несколько дней Вадим познакомился с Джейн Фондой.

Это произошло в ресторане «Максим». Джейн выглядела хорошенькой, но Роже Вадим не обратил бы на нее внимание, если бы Кристиан Маркан не представил ее как дочь Генри Фонды. На следующий день она уехала в Лос-Анджелес, где они встретились лишь спустя три года. Французский продюсер предложил Вадиму пригласить Джейн на одну из ролей в его новом фильме. Она пришла к Вадиму в отель «Беверли-Хиллз», ненакрашенная, без прически, в джинсах и рубашке. Джейн сделала это специально, поскольку боялась его репутации «творца звезд и специалиста по эротике». Однако, вознамерившись шокировать Вадима своим видом, она, напротив, понравилась ему своей естественностью. Но от роли отказалась.

Еще спустя три года Роже Вадим, готовясь к съемкам «Анжелики, маркизы ангелов», по совету Франсиса Косна предложил роль графини-авантюристки Джейн Фонде. Она снова отказалась. Спустя несколько месяцев Вадима пригласили на день рождения Джейн Фонды, которая только что снялась в Париже в «Кошках» с Аленом Делоном. Она выглядела прелестно. Роже Вадим был обольщен и не смел надеяться, что влечение будет взаимным.

В третий раз Джейн Фонде предложили сниматься в фильме этого режиссера, и наконец она согласилась. В свои двадцать пять Джейн выглядела очень самоуверенной особой, осознающей то впечатление, которое производит ее внешность. Но на самом деле она была менее самоуверенна, чем хотела казаться. На костюмированном бале в павильоне Булонского леса Джейн всю ночь вела с Вадимом странную игру. Через несколько дней Роже Вадим попивал с другом пиво в баре студии «Эпине». Шел проливной дождь. Внезапно вошла Джейн, которая только что снялась в постельной сцене и набросила плащ на ночную рубашку, чтобы перебежать двор. Она была очень красива, запыхавшаяся, промокшая под дождем, с блестящими глазами. Через два часа Вадим проводил ее в отель и поднялся в ее номер.

Катрин, казалось, согласилась на разрыв без особого огорчения. Однако, несомненно, страдала больше, ведь она оказалась брошенной.

Однажды, когда Джейн уехала в Женеву, Роже Вадим всю ночь развлекался с друзьями. Под утро он перепутал квартиры и оказался в спальне Катрин, в ее постели…

Вадима привлекли в Джейн Фонде совсем не те достоинства, которые признают в ней сегодня, – политическая смелость, дар лидера, успехи в кино и в делах. Его восхищала в актрисе ее уязвимость, скрытая под маской силы и веры в себя, но, кроме того, его притягивали ее лицо, ее тело и то, что физически они очень подходили друг другу. Они были влюблены друг в друга, но актриса не хотела себя связывать с кем бы то ни было. Снимать ее, признавался Вадим Роже, было истинным удовольствием: она была внимательна к указаниям режиссера, старательна, пунктуальна. У нее была прекрасная профессиональная подготовка. Все усилия Вадима-режиссера свелись к тому, чтобы придать ей уверенность в ее внешних данных и в том, что она – незаурядная, глубокая личность. «Я отвожу себе скромную роль гранильщика бриллиантов, – говорил позже Вадим. – Думаю, что делал это удачно. Судите сами: для образа Марианны – символа Франции, бюсты которой украшают все мэрии страны, французы выбрали за послевоенную историю двух моих женщин – вначале Бардо, а потом – Денев».

Между тем дела Катрин Денев складывались удачно, фильмы с ее участием снискали успех. Она заявляла в интервью журналистам, что не имеет к Роже Вадиму претензий и никогда не забудет его, ведь он отец ее сына. Брижит Бардо, наоборот, в это время совсем не снималась, живя затворницей в Сен-Тропезе.

Родив Вадиму дочь, Джейн Фонда через год заявила: «Достигнув тридцати двух лет, я обнаружила, что потеряла тридцать два года своей жизни». Еще она любила говорить, что жизнь без цели – потерянная жизнь. Роже Вадим был с ней не согласен. Он не считал возможным и нужным ограничивать свою жизнь стремлением к определенной цели.

Джейн и Вадим решили пожениться. Церемония состоялась в номере отеля «Дюна» в присутствии восьми человек. Позже Вадим признался, что в США чувствовал себя гораздо лучше в качестве мужа знаменитой актрисы, чем в качестве любовника. Через пять дней после этой свадьбы Катрин Денев вышла замуж в Лондоне за популярного фотографа Д. Бэйли, а отец Джейн женился в пятый раз. Через некоторое время Брижит Бардо вышла замуж за миллиардера Гюнтера Закса.

Джейн Фонда умела быть внимательной к тем, кто рядом. Однако, когда Джейн увлеклась политикой, Вадим не одобрил ее новых политических убеждений. Он слишком многое видел во время оккупации и после освобождения, и взял себе за правило пользоваться всем лучшим, что дает жизнь. Море, женщины, спорт, автомобили, искусство, приятели, вечеринки, – вот что его влекло. Но только не политика.

Постоянная потребность Джейн действовать и все принимать всерьез начали утомлять Вадима. В то время она снималась в «Загнанных лошадях» и на съемках отрезала свои волосы. Это было знаком того, что она хочет обрести новый облик.

Две недели в конце сентября 1969 года в Сен-Тропезе были последними счастливыми днями их любви. Ванессе – их дочери – исполнился год. Прогулки, пляж, смеющаяся дочка…

Джейн Фонда увлеклась Индией. Она говорила о социальной несправедливости. Роже Вадим понимал, что это конец, но ждал, когда она сама скажет об этом. И она не заставила себя ждать.

Джейн боролась за права женщин, индейцев, негров, против войны во Вьетнаме. И продолжала сниматься. За роль в фильме «Клют» она получила первого «Оскара». Ее партнер по кино, Дональд Сазерленд, стал ее другом и товарищем по борьбе.

В начале зимы 1972 года Джейн сообщила Вадиму при встрече, что беременна и хочет выйти замуж. Только тогда он вспомнил, что они все еще не в разводе. Отцом ребенка и ее будущим мужем был Том Хэйден.

Впоследствии, приезжая в Париж, Джейн останавливалась у Вадима, встречалась у него в доме с крайне левыми. Роже Вадим был уже женат на Катрин Шнайдер.

Удивительно, но все, кто когда-то покинул Вадима, продолжают его любить или хотя бы испытывать нежную симпатию к своему бывшему мужу или любовнику. Есть ли у него магическая формула покорения сердец? «Должен вас разочаровать, – отвечал маэстро, – нет у меня никаких ни формул, ни рецептов. Я, видимо, наделен какой-то внутренней антенной, позволяющей улавливать желания слабого пола. В противоположность донжуану, который подчиняет их своей воле, превращает в рабынь, я стремлюсь понять женскую душу, все, что ее волнует и беспокоит. И мне обычно отвечают взаимностью».

Вот пример трогательной заботы, предметом которой на протяжении всей жизни оставался режиссер. Когда Роже Вадим снимал фильм «Карусель» с Джейн Фондой, он упал и сломал руку. В тот момент за съемками его наблюдала его бывшая жена – датчанка Аннет Штройберг. Узнав о том, что случилось, прибежала с соседней съемочной площадки Катрин Денев. Вызвали «скорую помощь», в которой провожать Вадима отправились Джейн, Аннет и Катрин. И, по чистой случайности, когда его усаживали в автомобиль, мимо на такси проезжала Брижит Бардо. Бросив свои дела, она со всеми отправилась в больницу…

В шестьдесят три года Вадим женился в пятый раз – на французской актрисе Мари-Кристин Барро. «Она – первая, кто

согласился с основополагающим принципом моей жизни: никогда не портить пустыми ссорами главное в жизни, независимо от обстоятельств и желания лидерства. До Мари-Кристин второстепенные вопросы создавали в моих взаимоотношениях какую-то атмосферу беспокойства, лукавой неуверенности, короче, нависала вечная неотвратимость катастрофы. За эти годы мы ни разу не ссорились. Сейчас один из прекраснейших периодов моей жизни. Полнейшее сходство взглядов, сексуальный расцвет. Такое счастье до сих пор я знавал лишь по крохам».

Мари-Кристин прекрасно уживалась с бывшими женами, с детьми своего избранника. Старшую дочь Натали от датской актрисы Аннет Штройберг он воспитывал почти один. Она работает в Голливуде, помощником режиссера. Ванесса – дочь от Джейн Фонды, родившаяся в то время, когда мать занялась политической борьбой, делила свою жизнь между Лос-Анджелесом и Парижем. Защитила докторскую диссертацию в Нью-Йоркском университете. В одном подъезде с Вадимом жила одна из его бывших жен, дочь короля французской стали Катрин Шнайдер вместе с сыном Ваней, студентом факультета философии. Его старший сын от Денев, Кристиан, стал актером.

«Таинство любви двух зрелых людей – в умении оставаться детьми, – считал Вадим. – Никогда не уходить из детства – вот наипрекраснейшая форма зрелости… Если по взгляду человека я чувствую, что нравлюсь ему, то старение перестает меня тревожить…»

ЖАН-КЛОД ВАН ДАММ (род. в 1960)

Киноактер бельгийского происхождения. Настоящая фамилия – ван Варенберг. Дебютировал в фильме «Улица варваров» (1983). Снимался также в фильмах «Кровавый спорт» (1988), «Черный орел» (1988), «Киборг» (1989), «Самоволка» (1990), «Двойной удар» (1991), «Универсальный солдат» (1992), «Некуда бежать» (1993), «Трудная мишень» (1993), «Патруль времени» (1994), «Уличный боец» (1994) и др. В фильмах «Самоволка» и «Двойной удар» был соавтором сценария.

В остросюжетной мелодраме «Некуда бежать» Жан-Клод Ван Дамм впервые в финале расстается с женщиной. Все предыдущие ленты завершались либо поцелуем, либо уходом героя и героини вглубь кадра.

Жан-Клод Ван Дамм – уникальное явление в современном мире кинобоевиков: это единственная звезда «экшн», у которой, по подсчетам западных социологов, 80 процентов аудитории – женщины. В нем чувствовался мощный потенциал героя-любовника.

Жан-Клод Камилл Франсуа ван Варенберг родился в Брюсселе 18 ноября 1960 года в интеллигентной семье. Он занимался игрой на фортепиано, классическим танцем, рисовал…

В спорт Ван Дамм пришел… благодаря кино. В 1972 году, когда во всем мире прогремело имя Брюса Ли, отец привел в секцию каратэ 11-летнего Жан-Клода, хилого мальчишку в очках с толстенными линзами, который с утра до вечера смотрел фильмы.

Он многим обязан своему тренеру Клоду Гетцу, сразу поверившему в Жан-Клода и уделявшему ученику много времени. В 1978 году Ван Дамм блистательно сдал экзамен на присвоение черного пояса, а 8 марта 1980 года в прыжке красивейшим ударом ноги нокаутировал немца Дитриха Таргиллза и стал чемпионом Европы среди профессионалов.

Добившись спортивных успехов, он открыл в Брюсселе клуб «Калифорния», быстро завоевавший популярность среди молодежи. Спортивный бизнес позволил Жан-Клоду приобрести хороший дом, легковую машину последней модели и иметь солидный счет в банке.

Однако кино оставалось главной целью его жизни и во время тренировок, и во время выступлений на национальных и

европейских чемпионатах, и во время случайных эпизодических съемок в европейских лентах.

Он продал дом, машину, спортивный клуб и отправился покорять Голливуд. Все деньги, полученные от продажи недвижимости, он поместил в банк, а в Америку уехал с двумя тысячами долларов в кармане.

Но в Голливуде Ван Дамма никто не ждал. Со скверным знанием английского языка и без нужных знакомств рассчитывать в чужой стране на молниеносный успех не приходилось. Деньги скоро кончились. Ван Дамм хватался за любую работу – он был официантом, разносчиком пиццы, водителем, вышибалой в ночном клубе, но при этом не забывал подбрасывать продюсерам самодельные рекламные проспекты, в которых восхвалял свои мускулы и актерские достоинства.

Наконец в 1986 году продюсер «Кэннон филмз» Менахем Голан рискнул выделить миллион долларов под обаятельного нахала, посмевшего продемонстрировать на нем свои рискованные приемы. По одной из версий, когда продюсер выходил из ресторана на Беверли-Хиллз, Ван Дамм окликнул его, и в тот момент, когда Голан обернулся, высоко подпрыгнув, просвистел ногой в паре дюймов от лица ошеломленного босса кинокомпании, после чего тот предложил Жан-Клоду работу в кино. По другой версии, после нескольких просьб об аудиенции у Голана, Ван Дамм во время беседы неожиданно уселся в шпагат между двумя стульями и как ни в чем не бывало продолжил разговор. И Голан сдался…

Так появился «Кровавый спорт», за ним – «Черный орел», где Ван Дамму досталась роль злодея-кагэбэшника, потом – «Киборг» с его неожиданной библейской символикой, потом… короче, карьера пошла. Начало восхождения к славе связано с беспрецедентным успехом первых боевиков Ван Дамма в Европе и Азии.

Но, хотя Ван Дамма «продавали» исключительно в упаковке «героя боевиков», в многочисленных интервью актер подчеркивал, что видит себя в иных ипостасях. «Я могу завоевать и другую аудиторию. Пусть мой новый фильм станет любовной историей – допустим, с небольшими добавками "экшн", – и я гарантирую успех! Можете даже в смокинг меня вырядить! Но дайте умелого постановщика, прелестную партнершу, красивую музыку вроде Морриконе. На этот фильм пойдут все женщины».

В истории жизни и карьеры Ван Дамма женщины играли далеко не последнюю роль – и не только как зрительницы. «Я считаю, что женщины умнее мужчин, – признался актер в одном из интервью. – Но, влюбившись, они теряют разум».

Сплетни и слухи об отношениях с европейскими и голливудскими красавицами сопровождали и сопровождают карьеру Ван Дамма-спортсмена и Ван Дамма-кинозвезду. Еще мальчишкой он одновременно с приемами каратэ внимательно изучал древнеиндийские трактаты о любви, а во время спортивной карьеры придерживался правила накануне матча переспать с женщиной.

Летом 1980 года Жан-Клод женился на своей подруге по клубу – Марии Родригес, а через год познакомился в Париже со знаменитой киноактрисой Жаклин Биссе, снимавшей номер в гостинице «Наполеон». Она посоветовала ему всерьез заняться кино. Вероятно, именно эта встреча повлияла на решение Жан-Клода развестись с Марией и отправиться в Голливуд.

Для получения вида на жительство в 1985 году он женился на танцовщице Синтии Дердерян, но вскоре развелся из-за постоянных скандалов ревнивой супруги.

Наконец в его жизнь вошла манекенщица, чемпионка США по культуризму Глэдис Португес, которую он тогда называл «женщиной своей жизни». Она поощряла мужа, помогала ему, поддерживала в трудные моменты деньгами и советами, родила двоих детей. Жан-Клода считали примерным семьянином. О своей жене он мог говорить часами. В глазах загорались страстные огоньки, а голос начинал дрожать.

На Каннский фестиваль 1992 года Жан-Клод прибыл вместе с Глэдис, и публика восторженно приветствовала эффектную пару. А через год на том же фестивале он позировал уже с другой красавицей – Дарси Лальер, еще недавно считавшейся лучшей подругой Глэдис.

Ван Дамм влюбился в замужнюю женщину на вечере, организованном Фрэнком Синатрой. Дарси была со своим мужем, Жан-Клод – с Глэдис. Волею судьбы они оказались за одним столиком.

«С самого начала я почувствовал на себе взгляд, и меня как будто ударило током. Все смотрели шоу, а мы просто пожирали друг друга глазами. Глэдис и Дарси, что казалось просто случайным совпадением, были одеты в одинаковые платья. Но не может быть случайных совпадений, – говорил позже актер. – Глэдис великолепная женщина, великолепная супруга, исключительная мать. В общем, женщина – само совершенство, но не для меня. Проблема в том, что мы не очень хорошо понимали друг друга. Я думал, что мы любили, поскольку о другой любви я ничего не знал. Если вы всю жизнь ездите на "тойоте", то думаете, что ничего лучше в мире нет? Когда же вы сядете за руль "мерседеса", то сразу почувствуете разницу… В Дарси я наконец

нашел родственную душу… Она умная женщина… Она предупреждает все мои желания, каждую минуту удивляя меня… Я знаю, что всегда приду на помощь Глэдис. Ведь мы познакомились и узнали друг друга, когда были на нижней ступеньке лестницы, без гроша в кармане. Мы провели вместе худшие времена, а это невозможно забыть».

Свои отношения Жан-Клод и Дарси тщательно скрывали. Встречались тайно в Гонконге, в Париже, не переставая повторять, что надо во что бы то ни стало положить конец этой связи. Однако чувство брало верх над разумом. Расставаясь на неделю, они начинали скучать друг без друга и, не выдержав, бросались к телефону.

Когда в сентябре 1992 года в прессе появились фотографии Жан-Клода и Дарси, занимающихся любовью на пляже, третья жена голливудской звезды не выдержала и развелась с любвеобильным супругом. К одному скандалу добавился другой: во время съемок фильма «Трудная мишень» в Новом Орлеане некая женщина подала на Ван Дамма в суд, обвинив его в том, что он и Дарси склоняли ее с любовником заняться любовью вчетвером. Дело уладили, но шум был большой, хотя сам Жан-Клод яростно доказывал, что скандал сфабрикован.

Они планировали пожениться в Лос-Анджелесе, но актеру пришлось выехать в Таиланд, где должны были проходить съемки нового фильма. Жан-Клод готовил будущей супруге сюрприз. Он снял с нее мерку для платья, под предлогом того, что один из его друзей хочет ей подарить национальный костюм этой страны.

Утром в день свадьбы Ван Дамм сказал ей, что для местного приема они должны одеться в национальные костюмы. Подъехав к храму, она не переставала восхищаться его цветочным убранством. Она все поняла, только когда увидела свою лучшую подругу, которую актер вызвал из Орегона, чтобы она стала свидетельницей. Надев ей шикарное жемчужное колье, Ван Дамм сделал ей предложение.

Увы, его брак с Дарси продлился всего девять месяцев. В конце 1994 года четвертая жена Ван Дамма подала на развод, не выдержав постоянной неверности супруга и… его бешеной ревности, доходящей, по ее словам, до деспотизма.

«Люди разводятся, потому что в сегодняшнем мире исчезло доверие, – грустно прокомментировал это событие Ван Дамм. – Партнер кинозвезды в личной жизни должен быть очень сильным человеком. Лояльным. Я ведь делаю все, что в моих силах. Мне нравится момент возвращения домой, но я люблю свободу. Я хочу, чтобы женщина говорила мне: "Расскажи, что было ночью, и я не буду ревновать. Главное – не скрывай ничего". Существует ли

в мире такая душа? Мне остается только надеяться».

Ван Дамма часто спрашивают, занимается ли он любовью с партнершами по фильмам. «Никогда. Это чисто профессиональный нюанс. Если переспать с партнершей, в глазах ее исчезнет голодный блеск, она начнет считать меня своим трофеем».

Две стриптизерши, которых актер увидел в московском ночном клубе, не долго думая, уехали с ним, не дожидаясь окончания представления. Устоять перед ним невозможно…

Искренность Ван Дамма может сравниться с его самовлюбленностью. Он охотно говорит о том, как накачивает мускулы, как любит хорошо одеваться, как выбирает обстоятельства для занятия любовью. «Лучшие города для любви – Париж и Гонконг. Перед любовным актом я люблю поесть в хорошем ресторане, выпить марочного вина, а потом подняться в номер отеля с прекрасным видом на город. Первый раз мы с Дарси занимались любовью именно в Гонконге».

БЕРТРАН РАССЕЛ (1872—1970)

Английский философ, логик, математик и пацифист. Приобрел широкую известность в научных кругах после выхода в свет труда «Основания математики» (1910—1913), написанного в соавторстве с А. Уайтхедом. Перу Рассела принадлежит также «История западной философии» (1915), «Замужество и мораль» (1929) и «Автобиография» (1967—1969). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

Рассел не признавал никаких авторитетов. Вместе с тем он, как и Вольтер, был очень страстным человеком. На некоторых газетных фотографиях, сделанных во время его яростных выступлений, он выглядел как ангел-мститель. На протяжении всей своей жизни Рассел резко критиковал традиционные взгляды во всех сферах человеческой жизни – любви, образовании, религии, права женщин, политики и гонке ядерных вооружений.

Рассел родился в одной из старейших и известнейших семей в Англии. Его воспитанием занималась бабушка-пресвитерианка, отличавшаяся строгостью. Бертран рос застенчивым и чувственным ребенком и безмерно страдал от того, что совершал, как он сам считал, много «грехов».

В 18-летнем возрасте Рассел увлекся изучением математики, поскольку его очень занимал вопрос: «можно ли в этом мире хоть что-то познать». Это увлечение стало делом его жизни. Бертран вскоре приобрел известность в научных кругах.

Рассел активно выступал против любых войн. В 1918 году он даже оказался за решеткой, поскольку «представлял угрозу национальной безопасности страны». Тем не менее в годы Второй мировой войны Бертран, поступившись принципами, поддерживал действия антифашисткой коалиции.

В 1950 году Рассел получил Нобелевскую премию в области литературы. К этому времени он стал уже широко известным литературным и общественным деятелем. Однако власти не могли простить ему резкие высказывания по поводу войны во Вьетнаме, убийства Джона Кеннеди, испытаний ядерного оружия. В преклонном возрасте Рассел принял активное участие в маршах протеста и «сидячих» демонстрациях, после чего снова оказался за решеткой. «Я так не хочу покидать этот мир», – с грустью сказал ученый незадолго до своей смерти.

Рассел всегда считал, что он никогда не познает женщину,

пока не переспит с ней. В своей работе «Замужество и мораль» он выступил в защиту пробных и свободных брачных союзов.

В двадцать лет он без памяти влюбился в 15-летнюю Элис Пирсел Смит. Его избранница жила в Филадельфии и происходила из известной квакерской семьи. Рассел впервые поцеловал ее только через четыре месяца после того, как сделал ей предложение выйти за него замуж. Узнав об этом, бабушка Бертрана в сердцах назвала девушку «воровкой детей» и «хитроумной коварной женщиной». Молодые люди тем временем оживленно обсуждали, сколько раз в неделю они будут предаваться любви, когда станут мужем и женой. Однако, воспитанные в строгих традициях, жених и невеста устояли перед соблазном и не потеряли невинности до их свадьбы в 1894 году.

После первых опытов в супружеской постели Элис заявила, что секс дан женщине Богом в наказание, а Рассел, придерживавшийся иного мнения, даже «не посчитал нужным» спорить по этому вопросу. Впрочем, оба верили в свободную любовь, но ни один из них не спешил ее испытать. Первые пять лет их супружеской жизни они не знали, что такое измена.

В 1901 году Рассел влюбился в Эвелину Уайтхед, талантливую жену своего соавтора А.Н. Уайтхеда. Их отношения так и остались чисто платоническими, но эта женщина заставила Бертрана взглянуть на мир другими глазами. Во время велосипедной прогулки он вдруг ясно понял, что не любит Элис, о чем поспешил сообщить жене. «Я не хотел быть жестоким по отношению к ней, но в те дни я считал, что в интимной жизни нужно всегда говорить правду», – писал он.

В течение пяти лет Рассел и Элис старательно сохраняли видимость счастливых семейных отношений, но занимали при этом разные спальни. «Примерно дважды в год я пытался восстановить наши сексуальные отношения, чтобы облегчить ее страдания, но она меня больше не привлекала, и эти попытки были безуспешными», – с сожалением признавался Бертран.

В 1910 году он знакомится с леди Оттолин Моррел, женой члена парламента от либеральной партии Филипа Моррела. Вот как выглядела эта женщина в глазах влюбленного в нее мужчины: «Она была очень высокой, с длинным тонким лицом, немного похожим на лошадиное, и у нее были великолепные волосы». Они тщательно скрывали свои романтические отношения: Оттолин не решалась на развод с мужем, поскольку он мог повредить его политической карьере. Филип, узнавший об измене жены, не стал устраивать скандала, оценив их благоразумие. Вскоре Рассел оставил Элис. Бывшие любовники встретились только в 1930 году, но уже как «хорошие знакомые». Бертран позже признался:

«Оттолин истребила во мне пуританина».

Итак, Рассел перестал быть пуританином. После романа с леди Моррел он пустился в любовные приключения. Его интимная жизнь была чередой серьезных романов, легкого флирта и ничего не значащих связей. Остается удивляться, как ему удалось избегать шумных скандалов и разоблачений. В своих письмах Оттолин и другим любовницам Бертран подробно описывал свои отношения с другими женщинами. Но, что удивительно, его дамы сердца спокойно относились к его похождениям.

В 1914 году Рассел отправился читать лекции по городам Америки. В Чикаго его внимание привлекла Хелен Дадли, дочь хирурга. Она приняла его приглашение погостить в Англии. В письме Оттолин он честно во всем признался, в конце добавив: «Дорогая, не думай, что это означает, что я стал тебя меньше любить».

Когда Хелен прибыла в Англию, страсть Рассела уже улеглась. К тому же у него уже начался роман с талантливой и красивой Айрин Купер Уллис. Рассел ненавидел всяческие меры предосторожности, Айрин же, опасавшаяся скандала, тщательно скрывала их связь. Рассел в конце концов не выдержал: «Какого черта я стал заниматься с ней любовью».

В 1916 году Рассел познакомился с леди Констанцией Маллесон. 21-летняя актриса выступала на театральных подмостках под именем Колетт О'Нил. Ее брак с актером Майлзом Маллесоном, по взаимной договоренности, был свободным. Рассел часто отдыхал вместе с Констанцией и ее мужем. Любовники расставались, потом снова сходились… И так в течение тридцати лет. Колетт на день рождения всегда посылала ему красные розы. Рассел писал Оттолин: «Мои чувства к Колетт нельзя назвать даже тенью моих чувств к тебе».

Рассел мечтал иметь детей. В 1919 году он познакомился с Дорой Блэк, феминисткой, но она хотела завести детей вне брака. В разгар романа с Колетт Рассел уехал в Китай, где занял вакантную должность в Пекинском университете. Вместе с ним в Азию отправилась и Дора.

Когда в августе 1921 года они вернулись в Англию, Дора была на девятом месяце беременности. «С самого начала мы не предпринимали никаких мер предосторожности», – поведал Бертран другу. После долгих раздумий Рассел и Дора решили все-таки пожениться, правда, их брак был свободным. Они оформили отношения за месяц до рождения ребенка.

Когда на свет появился второй ребенок, Рассел основал экспериментальную школу. Обстановка в школе была

чрезвычайно либеральной. В ней, в частности, отстаивалось право всех преподавателей школы на свободную любовь. Рассел сблизился с молоденькими преподавательницами, а потом уехал в Америку читать лекции. Дора тем временем тоже не скучала, и завела роман с американским журналистом Гриффином Барри, и родила от него еще двоих детей.

Расселу явно не понравилось подобное применение его теории свободной любви на практике. В их брачный контракт он, в частности, внес и такой пункт: «Если у жены родится ребенок от другого мужчины, за этим последует развод». Супруги развелись в 1935 году. Рассел придерживался мнения, что одна женщина может привлекать физически не больше семи-восьми лет. Дора хотела родить от него еще одного ребенка, но Рассел «посчитал это невозможным».

Его роман с 21-летней Джоан Фолуэлл весьма характерен для Рассела. Он сразу же заявил ей: «Единственное, чего я боюсь, это то, что я могу тебя не удовлетворить сексуально, поскольку я уже немолод… Однако существуют способы, с помощью которых можно исправить этот недостаток». Много лет спустя Джоан призналась: «После нашего третьего совместного ужина я начала с ним спать… Это продолжалось больше трех лет. В постели, впрочем, он часто не мог добиться успеха, поэтому я ушла к другому».

В 1930 году Рассел сблизился с Патрицией Спенс, симпатичной воспитательницей его детей. В 1936 году они поженились, у них родился сын. Во время Второй мировой войны они переехали в США. Патриция уже не чувствовала себя счастливой. Дочь Рассела высказала предположение: «Она поняла, что ее замужество не принесло ей радости. Его страсть… сменилась любезностью, которая не могла удовлетворить романтически настроенную молодую женщину».

В 1946 году 74-летний ученый завел роман с молодой женой преподавателя Кембриджского университета. Они встречались в течение трех лет. Колетт написала ему полное нескрываемой горечи письмо: «Теперь у меня не осталось иллюзий. Какой ужасный конец всем нашим годам, проведенным вместе… Трижды я становилась частью твоей жизни, и трижды ты меня отталкивал».

Патриция Спенс развелась с Расселом в 1952 году. В этом же году он женился на своей давней знакомой Эдит Финч, американской писательнице. У Рассела появилась, наконец, возможность привести в порядок свои «чрезвычайно сильные сексуальные инстинкты», поскольку ему исполнилось уже 80 лет. Его семейная жизнь с Эдит сложилась счастливо. На свой

последний день рождения он, как всегда, получил подарок от Колетт – букет красных роз.

ФИЛИПП-ФРАНСУА-НАЗЕР ФАБР Д'ЭГЛАНТИН (1755—1794)

Французский поэт, драматург и политический деятель. Во время Французской революции увлекся политической деятельностью. Якобинец. Избирался в Конвент (1792). В конце 1793 года примкнул к дантонистам. В январе 1794 года был арестован, предан суду и обвинен в заговоре с целью реставрации монархии. 6 апреля его казнили.

В преддверии французской революции, названной потомками Великой, Филипп-Франсуа-Назер Фабр жил в Париже. Этот сочинитель-актер промотал на женщин все свои деньги и дошел до крайней нищеты. Рассказывают, что он взял себе псевдоним Фабр д'Эглантин потому, что в 1773 году ему присудили «Золотой шиповник» на Цветочных играх за сонет в честь Богоматери. На самом деле его талант отметили скромнее – «серебряной лилией», хотя псевдоним наводил на мысль о высшей награде. Многие годы он бродил по дорогам Европы с труппой актеров, играя пьесы собственного сочинения, восхваляя принцев за несколько экю, распевая песенки, а главное, укладывая в свою постель всех актрис подряд.

В Страсбурге он женился на Николь Годен; в Тионвиле его арестовали за долги; в Льеже ему заплатили пять луи за «хвалу Гретри»; в Женеве он стал любовником пылкой буржуазки, устраивавшей у себя буйные оргии; наконец, в Маастрихте он сочинил очаровательный романс, его первые строчки знают все французы даже сегодня: «Дождь идет, дождь идет, моя пастушка…»

В конце 1781 года он жил на улице Французского Театра, недалеко от Клуба кордельеров, и был любовником очаровательной актрисы Мари-Элизабет Жоли, ради которой бросил годом раньше жену.

Эта связь не мешала ему находиться более чем в близких отношениях с актрисами и субретками, на которых он тратил те немногие деньги, которые платил ему маркиз де Хименес за переписывание некоторых документов…

Однако он хотел бы менять партнерш каждый день, дабы «в целях исключительно гуманных, – по словам одного историка, – познакомить всех француженок с благотворным влиянием его

мужественности»…

Однажды Фабр довел до изнеможения нескольких актрис театра французской комедии, он был их «сменным любовником». История эта имела довольно забавные последствия. Вот как описывал эту историю Ле Бриссе в «Скандальных хрониках времен революции»:

«После ужина в кафе Прокопа Фабр отправился с пятью юными актрисами и несколькими друзьями к некоему Дюбару, жившему на улице Старинной Комедии в доме № 26. Там они много пили, и молодые женщины стали жертвами любопытного явления: хмель ударил им не в голову, а несколько ниже. Они быстро разделись и начали крутиться перед мужчинами с распутным видом.

"Чтобы удовлетворить меня, – сказала одна из них, растянувшись на софе, – понадобится полк солдат".

Это было, конечно, не более чем преувеличение, но Фабр воспринял его всерьез.

"Я заставлю вас сложить оружие, – заявил он, – я один заменю всех солдат и всех офицеров, о которых мечтаете вы и ваши подруги…"

Фабр кинулся к дивану и мгновенно овладел цитаделью молодой женщины. Через некоторое время она капитулировала с громким криком. Но будущий член Конвента не согласился на перемирие и, не жалея противника, продолжил "обстрел". Задыхающаяся актриса выдержала второй приступ и запросила пощады. Но Фабр как истинный солдафон хотел продемонстрировать всю мощь своей «артиллерии» и, сделав последний "выстрел", оставил белокурое дитя бездыханным на поле боя…

Совершив сей подвиг, Фабр выпрямился с широкой улыбкой. Он мог гордиться собой. Лишить женщину сил таким галантным способом – это уже нечто из ряда вон выходящее, но затушить пламя актрисы театра французской комедии – это подвиг, достойный героев античности…

Четверо других актрис немедленно потребовали, чтобы Фабр подверг их такому же лечению.

Драматический автор храбро кинулся в атаку. И одержал четыре блестящие победы.

Когда все актрисы лежали без чувств на ковре, Фабр захотел доказать, что силы его неисчерпаемы, и спросил хозяина, хороша ли собой его горничная. Тот ответил, что ей шестнадцать и она свежа как роза, он лично за это отвечает.

"Позовите ее, – сказал Фабр, – у меня еще есть силы". Субретка немедленно явилась. Увидев лежащих на ковре голых

бесчувственных актрис, она решила, что Фабр задушил их, и с безумными воплями выбежала на улицу. Полицейские, сидевшие в кафе Прокопа, и несколько посетителей прибежали и ворвались в салон Дюбара. Их шумное появление привело в чувство актрис. Открыв глаза, они с невероятным смущением заметили, что какие-то незнакомцы с интересом разглядывают их прелести.

Подбежав к окну, они судорожно завернулись в занавески, а полицейские, извинившись за вторжение, поспешили рассказать всему кварталу о том, какой ужин устроил Фабр д'Эглантин актрисам "Комеди Франсез".

Увы! Бедняга Фабр стал жертвой слишком большой мужественности. Актрисы в ярости от того, что их видели голыми совершенно чужие незнакомые люди, ушли, хлопнув дверью, а субретка, совершенно потрясенная этой историей, закрылась у себя в комнате. Несчастный Фабр, честно удовлетворивший пятерых актрис, вынужден был отправиться к девицам в Пале-Рояль, чтобы тоже получить удовольствие…»

Мари Жоли, естественно, стала известна вся эта история, и она разозлилась. Актриса написала Фабру высокопарное письмо, в котором сообщала ему о разрыве.

Получив обрекавшее его на вечное проклятие письмо, Фабр д'Эглантин отправился забывать свою прекрасную подругу в притон, содержательница которого была «опустошительницей кошельков и жилетных кармашков». Там он «вывел из строя» трех самых пылких ее пансионерок…

Чтобы удовлетворять такой темперамент, требовалось немалое состояние, а у бедолаги актера его не было. Поэтому он старался раздобыть деньги всеми возможными средствами. Революция, о которой с восторгом отзывался его сосед Дантон, показалась ему нежданной удачей. Он понял, что, употребив немного хитрости, лицемерия и бесчестности, – а уж этого добра у него было в избытке, – он сможет осуществить свои самые смелые мечты. Терять ему было нечего, и он надеялся, воспользовавшись смутным временем, разбогатеть, поставить свои пьесы, стать знаменитым и завести множество любовниц, которых требовал его неуемный темперамент.

В конце 1789 года он записался в секцию кордельеров, куда уже входили Марат, Шометт, Эбер, будущий отец Дюшен и немец Анахарсис Клоц. В начале 1790 года он был уже секретарем Дантона. Его политическая карьера стремительно шла в гору.

Он пытался интриговать, связался с подозрительными личностями и стал извлекать выгоду из всех связей будущего трибуна.

«Его жизнь жалкого комедианта, – писал Руссель д'Эпиналь в

книге «Любовная переписка Фабра д'Эглантина», – толкала его на то, чтобы все попробовать, на все осмелиться. Для него мир был просто огромным театром, в котором он пытался сорвать аплодисменты. Он без малейшего стыда готовился стать худшим образчиком бесчестного политикана».

Как все политики подобного толка, Фабр д'Эглантин пользовался привилегиями власти, чтобы укладывать в свою постель женщин.

Увлечение женщинами стоило Фабру жизни.

Ярый роялист барон де Батц решил использовать продажность некоторых депутатов и опорочить республику. Он остановил свой выбор на революционерах Шабо и д'Эглантине, которому дорого обходились любовницы. Как только революционеры положили деньги в карман за оказанную небольшую услугу, барон де Батц приказал еще одному подкупленному им члену Конвента выдать их.

Разразился невероятный скандал. Многие депутаты, замешанные в сомнительных делах, немедленно набросились на Шабо и его друзей, надеясь доказать свою порядочность.

Поняв, в какое опасное положение он попал, Фабр д'Эглантин решил доказать свой «патриотизм» и отвлечь внимание от собственной персоны: он возглавил движение по дехристианизации страны и создал республиканский календарь, очень насмешивший эмиграцию. Но больше всего их изумили имена, придуманные Фабром взамен имен католических святых, упоминаемых в грегорианском календаре. Влюбленный в природу, депутат-поэт придумал для каждого дня вместо имен Жан-Пьер, Поль, Николя, Адриен названия «Пырей», «Корова», «Ревень», «Огурец», «Одуванчик», «Тачка», «Мотыга», «Свинья» и т д.

Затем Фабр и Шабо решили ошеломить коллег-депутатов фейерверком гражданских праздников. Продолжая кампанию против католицизма, они добились, чтобы собор Парижской Богоматери перестал быть храмом и назывался Святилищем разума.

Освящение нового культа состоялось 20 брюмера (10 ноября) 1793 года. Кортеж появился к десяти часам. Процессию возглавляли депутаты, а между двумя рядами девушек в белом улыбалась толпе «богиня разума» в венке из дубовых листьев. Эту роль Фабр отдал своей любовнице – певице парижской оперы м-ль Майяр.

Всю следующую неделю в парижских церквах проходили подобные церемонии, кое-где переходившие в оргии. Новая религия, созданная Фабром и д'Эглантином, вскоре вылилась в

вакханалию. «Богини разума» превратились постепенно в настоящих куртизанок.

Неистовую ярость Робеспьера вызвала роскошная жизнь, которую вели Фабр и его любовница-актриса. Робеспьер приказал арестовать всех протеже барона де Батца как «иностранных агентов».

6 апреля пятнадцать виднейших революционеров, в том числе и автор республиканского календаря Фабр д'Эглантин, были обезглавлены.

ИОГАНН КРИСТОФ ФРИДРИХ ФОН ШИЛЛЕР (1759—1805)

Немецкий драматург, поэт и историк. По образованию хирург. После успеха пьесы «Разбойники» (1781) полностью посвятил себя литературе и завершил свои трагедии «Коварство и любовь» (1783) и «Заговор Фиеско» (1784). В Веймаре написал белым стихом драму «Дон Карлос» (1988) и оду «К радости». Был профессором истории Йенского университета, написал «Историю Тридцатилетней войны» (1789). Шиллер стал ведущим немецким драматургом после выхода в свет его классических произведений «Валленштейн» (1796—1799), «Мария Стюарт» (1800), «Орлеанская дева» (1801), «Вильгельм Телль» (1804).

Шиллер родился в эпоху просвещенного абсолютизма, распространившегося тогда в Европе, в том числе даже в таких крохотных государствах, как вюртембергское герцогство, во главе которого находился развращенный деспот Карл-Евгений. Преследования были невиданные. Людей за одно неосторожное слово сажали в тюрьмы на долгие годы, тысячами депортировали в Америку, в то время как при дворе господствовали блеск и роскошь.

Несмотря на суровую обстановку, поэт, обладавший тонкой душевной организации, не мог не чувствовать истинного влечения к вечно прекрасному. В его душе невольно пробуждались смутные чувства. Он грезил. И в его воображении помимо воли возникали чудные образы.

В юности Шиллер сочинил удивительные стихотворения, посвященные Лауре. Биографы поэта пришли к заключению, что это была Лаура Петрарки, та самая Лаура, которая живет и до сих пор в памятнике, изваянном из великолепных сонетов флорентийским поэтом! Именно ей посвящал Шиллер свои юные восторги, с ней, жившей до него за несколько сотен лет, делил он грустные часы своего одиночества, в часы безмолвной полночи или в бледных сумерках занимающегося дня.

Вероятно, плодом фантазии поэта является и другая героиня его произведений – Минна. Правда, сначала считали, что прообразом Минны была некая Вильгемина Андреа, но потом мысль эта была оставлена. Между тем в посвященных ей стихах чувствуется биение настоящей жизни, и воображение невольно

рисует прекрасную, но грешную женщину.

Впрочем, существовала и настоящая женщина, имевшая некоторое влияние на Шиллера – графиня Франциска фон Гогенгейм, метресса вюртембергского герцога Карла. Она обладала чарующей красотой, была грациозна и мила. Представительница бедной дворянской фамилии вышла замуж за горбатого, но богатого барона Леутрума. Несчастному, кроме горба, суждено было носить еще и рога.

Герцог влюбился в 22-летнюю Франциску с первого взгляда. Чтобы приблизить графиню к себе, он дал ее мужу место при дворе, причем обязанности барона заключались в том, что он должен был ехать впереди герцога в то время, когда герцог отправлялся в свой увеселительный дворец в Лудвигсбурге вместе с его женой. Наконец барон все понял и безропотно сошел со сцены, предоставив жене полную свободу.

Франциска оказалась удивительной женщиной. Она отучила герцога от его диких деспотических инстинктов, заставила его полюбить домашний уют, избавиться от неутолимой жажды наслаждений и в конце концов, после смерти герцогини, вступить с ней в брак. Баронесса произвела на 17-летнего юношу сильное впечатление, к тому же Франциска была знатной женщиной. Неудивительно, что Шиллер поспешил наделить ее всеми достоинствами, созданными его воображением, и называл ее, любовницу герцога, в стихах, поднесенных ей в день рождения, воплощением всех добродетелей! «Она, – восклицает поэт, обращаясь к Франциске, – утешает нуждающихся, одевает обнаженных, утоляет жаждущих, питает голодных. Печальные делаются веселыми при одном взгляде на нее, и смерть убегает перед ней боязливо с ложа больного».

Это не было мимолетным увлечением. Шиллер на всю жизнь запомнил Франциску именно такой, какой он видел ее в молодые годы, о чем свидетельствует его «Коварство и любовь», где баронесса выведена под именем леди Мильфорд.

Когда герцог Карл запретил Шиллеру заниматься литературной деятельностью и даже посадил его под арест, поэт бежал и укрылся от преследований деспотичного герцога в имении Генриетты Вольцоген, с которой Шиллер находился в дружеских отношениях. Тут-то он и сблизился с ее дочерью Шарлоттой. От матери не укрылась любовь поэта, и она постаралась сразу положить конец их роману, так как положение Шиллера не могло быть залогом счастья ее дочери. К тому же злопамятный герцог, узнав, где прятался поэт, мог выместить гнев на ее сыновьях. Она потребовала, чтобы Шиллер покинул Бауэрбах. Правда, образумившись, она разрешила ему вернуться.

Во время этого второго пребывания в Бауэрбахе Шиллер окончательно влюбился в Шарлотту. Однако девушка осталась совершенно равнодушной к пылкому поэту, так как чувства ее принадлежали ученику военной академии, с которым она познакомилась в Штутгарте…

Через несколько лет Шиллер стал известным, обрел новое отечество, друзей, славу. Его поэтическая натура и вера в благородные идеалы сохранили в нем прежнюю чистоту мысли. Шиллер уже написал «Дон Карлоса», когда встретился с прекрасной девушкой, сыгравшей большую роль в жизни и литературной деятельности великого поэта.

Шарлотта Маршальк фон Остгейм, по мужу Кальб, провела бурную молодость. Хорошего воспитания она не получила, но недостаток этот искупался природным умом и богатым воображением. Книги самого разнообразного содержания – Библия, Коран, сочинения Вольтера, Руссо, Шекспира, Клопштока, Виланда – служили ей «безбрежным чтением» – это выражение, которое впоследствии применил к ней ее любимец Жан Поль (Рихтер). В молодые годы Шарлотта не была красавицей, но, безусловно, в ней была какая-то загадка. Еще в 1796 году Жан Поль писал о ней: «У нее два великих достоинства: большие глаза, каких я никогда не видел, и великая душа. Она так же хорошо говорит, как хорошо пишет Гердер в своих письмах о гуманизме. Она полна даже лицом и если поднимет свои почти постоянно опущенные глаза, то это походит на то, как луна то выглянет из облаков, то снова спрячется в них».

Шиллер сблизился с Шарлоттой в Мангейме, куда она приехала с мужем. Она, конечно, не могла не обратить внимания на страстного поэта, чувствительность которого не была притуплена постоянным общением с женщинами. С другой стороны, и сама Шарлотта не могла не поддаться влиянию поэтической личности Шиллера, о котором до конца своей жизни сохранила светлое воспоминание. «В цвете лет, – писала она впоследствии, – все существо Шиллера отличалось богатым разнообразием; его глаза блистали юношеским мужеством; гордая осанка, глубокая мысль, смелое и неожиданное суждение – все поражало в нем. Он слушал меня со вниманием и сочувствовал моим идеям. Некоторое время оставался он у меня, потом, взяв шляпу, сказал: "Мне пора в театр". После уж я узнала, что в этот вечер шла его пьеса "Коварство и любовь", и он просил актеров не упоминать имени «Кальб» (одно из действующих лиц в этой пьесе). Вскоре он вернулся веселый; радость сверкала в его глазах. Не стесняясь, говорил он откровенно, с чувством, с сознанием, мысль следовала за мыслью, речь его лилась

свободно, как речь пророка. В продолжение разговора он увлекался, и это его увлечение отличалось какой-то женственностью: его взор горел страстью. В то же время эта жизнь только что расцветала, теперь же она мертва».

В это время у Шиллера вдруг оказалось несколько дам сердца, из которых заслуживают внимания актриса, исполнявшая роль Амалии в «Разбойниках», и Маргарита Шван, образованная, красивая девушка, обожавшая искусство и литературу. Маргарита произвела на него особенно сильное впечатление, он даже решил на ней жениться. Но жениться ему хотелось также и на Шарлотте. Чтобы разобраться в своих чувствах, Шиллер уехал из Мангейма в Лейпциг. Но перед отъездом между поэтом и Шарлоттой Кальб произошла удивительная сцена, характерная столько же для самих героев, сколько для всей эпохи «бури и натиска».

«Мое сердце, – воскликнул Шиллер, прощаясь с Шарлоттой, – зажглось от вашего чистого пламени, вы одушевили и успокоили меня. Родство наших душ указывает на высшую гармонию; я знаю только одно, что мы живем во цвете юности, которая служит объяснением наших пламенных сердец. Но я верю, что ты не погасишь этого пламени. С самых ранних лет моя мысль покрылась мрачным покровом, моя душа познала страдание, но я услышал тебя, твоя мысль отвечала моей. Наши души, как огонь и поток, слились воедино. Я полюбил тебя и был всегда твоим, если бы у меня достало мужества для этой любви. Но пускай мое сердце не знает этой страсти, которая меня восхищает и страшит».

Шарлотта ответила: «С тех пор, как я узнала вас, я начала требовать от жизни больше, чем прежде. Никогда прошедшее не представлялось мне таким ничтожным. Вы хотите разорвать наш союз? Но знайте, что вас послала мне судьба, и мне больно расстаться с теми светлыми минутами, которыми она одарила нас. О, если бы вы были свободы от земных забот и не так стремились к славе, разрушающей весь душевный мир! Мне тяжела разлука, но вы знакомы с уединением, с божественным покоем. Надежда! Вера! Мы чувствуем оба, что, кто называет душу своей, тот не разлучается никогда… вы мне говорите "ты", и я отвечаю вам "ты"! Правде незнакомо слово "вы". Счастливые знают только "ты", и это «ты» будет печатью нашего вечного союза!»

Сцена была томительная, и можно себе представить, с каким облегчением уехал Шиллер из Мангейма. По приезде в Лейпциг он тотчас написал отцу Маргариты Шван письмо, в котором просил руки его дочери. Увы, неудача ждала поэта и здесь! Старик Шван считал положение поэта слишком неопределенным,

чтобы согласиться на этот брак, и послал ему отказ.

Впоследствии, поселившись в Веймаре, Шиллер снова увиделся с Шарлоттой и между ними возобновились прежние добрые отношения. Из первого же письма его к ней можно сделать вывод, что сближение в Веймаре состоялось полное, а в другом письме поэт открыто признался: «Мои отношения с Шарлоттой начинают громко обсуждать, но во всех этих разговорах нет и тени оскорбления для нас; даже сама герцогиня Амалия была настолько любезна, что пригласила нас обоих к себе. Причину этого приглашения объяснил мне Виланд. Здесь на подобные связи смотрят снисходительно, и сама герцогиня не прочь им покровительствовать. Г-н Кальб (муж Шарлотты) писал мне, что приедет в конце сентября; дружба его ко мне не изменилась, несмотря на то, что он любит свою жену и знает про наши отношения. Но его самолюбие может пострадать от вмешательства посторонних людей в это дело и услужливого наушничества».

В подобных обстоятельствах самое лучшее было подумать о разводе Шарлотты. Влюбленные обсуждали этот вопрос, но дальше разговоров дело не продвинулось. Шиллер вскоре написал другу, что чувствует охлаждение к Шарлотте. Шарлотта в своих записках объясняла это именно тем, что она не развелась с мужем, но были и другие причины: во-первых, эксцентричная Шарлотта могла быть любовницей Шиллера, но не женой, а во-вторых, у поэта в это время началась новая связь, более прочная и разумная, основанная на истинной гармонии душ и кончившаяся браком. Чувства переполняли поэта, и он не скрыл их даже от самой Шарлотты, чем, конечно, еще более ухудшил отношения с ней. Но разрыв произошел не полный, бывшие влюбленные поддерживали друг с другом переписку, обменивались уверениями в вечной дружбе. Как женщина, Шарлотта перестала существовать для Шиллера и не воскресла даже тогда, когда умер ее муж. Шиллер в то время был всецело поглощен созданием своего семейного очага и не мог вернуться в храм страсти, где не было покоя.

Шарлотта кончила жизнь очень печально: она лишилась всего состояния и к тому же ослепла. Тем не менее даже в глубокой старости она производила неотразимое впечатление своими черными глазами, величественной фигурой и пророческой речью. Она умерла в 1843 году в возрасте восьмидесяти двух лет.

Зимой 1786 года Шиллер встретил вдову саксонского офицера госпожу Арним с двумя дочерьми. Шиллер обратил внимание на старшую, Марию-Генриетту, красивую, изящную девушку. Шиллер познакомился с ней и даже получил

приглашение посещать ее дом. Госпожа Арним была очень любезна с поэтом и даже потворствовала его встречам с дочерью, но в то же время не только не подавала ему надежд на ее руку, но и запрещала дочери думать об этом. Впоследствии выяснилось: г-жа Арним не считала Шиллера подходящей партией для ее дочери, однако надеялась, что любовь знаменитого поэта поможет поднять престиж девушки в глазах общества. Поэт не терял надежду смилостивить практичную женщину, тратил и время, и последние деньги. Наконец, по совету друзей, Шиллер уехал, чтобы разлукой с любимой девушкой заглушить свои чувства. Шарлотта Кальб помогала ему в этом. Впрочем, поэт вскоре забыл и свою мимолетную страсть, и Шарлотту: он увлекся девушкой, с которой он был знаком давно, но чьи достоинства стали очевидны только после долгих бесплодных поисков истинной женской любви и истинного счастья.

Несмотря на свой идеализм, Шиллер в глубине души был рассудительным человеком и трезво смотрел на брак. «В союзе, заключенном на всю жизнь, – писал он Кернеру в 1787 году, – не должна существовать страсть; если жена моя женщина необыкновенная, то она не даст мне счастья или я не узнаю самого себя. Мне нужно существо послушное, которое я мог бы сделать счастливым и которое освежило бы и обновило мою жизнь». Такой именно женой и могла стать Шарлотта фон Ленгефельд.

Шиллер познакомился с ней еще в 1784 году, когда она вместе со старшей сестрой, Каролиной, и матерью приехала в Мангейм. Первая встреча была коротка и не оставила никакого следа в душе молодых людей. Знакомство завязалось только через три года, когда поэт приехал к семье Ленгефельд вместе с другом Вольногеном, к которому была неравнодушна старшая сестра Каролина. Дружное, образованное семейство понравилось Шиллеру, и он тотчас же решил, что Шарлотта будет его женой. «Мне, – писал он Кернеру, – необходим медиум, посредством которого я мог бы наслаждаться другими радостями. Дружба, истина и красота еще сильнее подействуют на меня, когда семейная спокойная жизнь осчастливит меня и согреет. До сих пор я скитался по свету, чуждый всем, все, к кому я был привязан, имели создания, более меня для них дорогие, а этим я не могу удовлетвориться – я жажду спокойной семейной жизни».

Шарлотта в то время находилась под впечатлением несчастной любви к молодому человеку, за которого обстоятельства не позволили ей выйти замуж. Это была тихая, милая девушка, вполне походившая на портрет, нарисованный позже ее старшей сестрой: «У нее была прелестная фигура и

приятное лицо. Душевная доброта оживляла ее черты, а в глазах светились правда и невинность. Натура ее, восприимчивая ко всему прекрасному и благородному как в жизни, так и в искусстве, дышала гармонией. Она умела отлично рисовать и глубоко понимала природу. При более счастливых условиях она могла бы развить свой талант; свои возвышенные чувства она изливала в стихотворениях, из которых одно, написанное под влиянием нежной страсти, не лишено грации». Шиллер был ненавязчив, заметив ее печаль по поводу невозвратного прошлого, но частые встречи с ней в доме общей знакомой привели все же к тому, что между молодыми людьми завязалась дружба.

Когда Шарлотте пришлось уехать, она дала ему альбом, чтобы он вписал в него стихи, и просила навестить их летом в Рудольштадте.

А через некоторое время, отвечая на письмо своего нового друга, она писала ему простые, но трогательные слова: «Надежда видеть вас облегчает разлуку; приезжайте скорее, будьте здоровы и думайте обо мне». Шиллер исполнил свое обещание и приехал в Рудольштадт, где и поселился недалеко от дома любимой девушки. Он проводил с сестрами вечера.

«Когда мы, – рассказывала Каролина, – видели его, приближавшегося к нам, освещенного вечерней зарей, перед нами раскрывалась как бы светлая идеальная жизнь. Разговор Шиллера был серьезен, полон ума, в нем отражалась вся его открытая, чистая душа; слушая его, казалось, будто ходишь между небесными звездами и земными цветами. Мы воображали себя счастливыми существами, отрешившимися от всех земных уз и в свободной эфирной стихии наслаждающимися полнейшим блаженством». Шиллер читал вместе с сестрами греческих поэтов, Каролина об этом писала: «Шиллер читал нам вечером "Одиссею", и нам казалось, что около нас журчал новый жизненный источник». Сестры просили его перевести любимые отрывки на немецкий язык, и Шиллер исполнял их просьбу, начиная с Еврипида, родственного ему по поэтической восторженности. Следствием этого явилась его «Ифигения в Авлиде». В доме же сестер Ленгефельд Шиллер впервые познакомился с Гёте, что считается одним из знаменательных исторических моментов в истории литературы. Словом, время, проведенное рядом с будущей женой, было для Шиллера лучшими днями в жизни.

В это же время поэт влюбился в старшую сестру – Каролину, девушку с пылким темпераментом и неуемной жаждой деятельности. Любовь поэта носила противоречивый характер, так как Шиллер не отделял одной сестры от другой, выражая им

обеим свои чувства в одинаковой форме. Вот, например, его письмо от 10 сентября 1789 года: «О моя дорогая Каролина! Моя дорогая Лотта! Все изменилось вокруг меня с тех пор, как образ ваш сопровождает каждый шаг моей жизни. Как ореол сияет ваша любовь надо мной. Каким чудным благоуханием наполнила она для меня всю природу! Никогда еще мысль моя не была так смела и свободна, как теперь, потому что моя душа приобрела сокровище и я не опасаюсь утратить его. Я теперь знаю, где мне отыскать верный путь… душа моя занята будущностью: наша жизнь началась, я пишу и чувствую, что вы со мной в комнате; ты, Каролина, сидишь за фортепиано, Лотта работает подле тебя, а в зеркале, висящем напротив меня, я вижу вас обеих. Я кладу перо, чтобы увериться по биению вашего сердца, что вы подле меня, и ничто не может разлучить нас. Я просыпаюсь с сознанием, что вы здесь, и засыпаю с сознанием, что увижу вас завтра. За блаженством последует надежда на новое блаженство, за надеждой – осуществление, таким образом промчится наша золотая жизнь».

Удивительно, что Лотта не ревновала: до того были чисты отношения сестры и Шиллера, и если ее что-либо мучило, то мысль, что Каролина была бы лучше для него. Шиллер писал ей и по этому поводу: «Если ты боишься, что перестанешь быть для меня, чем ты есть теперь, то это равносильно тому, если бы ты перестала меня любить. Твоя любовь составляет для меня все. Величайшее счастье нашей любви заключается в ней самой; поэтому я для вас никогда не утрачу значения, как не утратите вы его в моих глазах. В нашей любви нет ни боязни, ни недоверия; я радовался, живя между вами обеими, я верил, что моя привязанность к одной не уменьшит ко мне привязанности другой. Моей душе светло и покойно между вами; ее, полную любви, привлекает один и тог же луч, одна и та же звезда. Каролина мне ближе по возрасту и родственна мне по чувствам и мыслям, но я ни в коем случае не желал бы, чтобы ты была другой. Чем Каролина превосходит тебя, тем я вознагражу тебя; твоя душа развернется под влиянием моей любви, и ты сделаешься моим созданием!» Ко всему этому нужно только добавить, что дело кончилось благополучно не столько благодаря Шиллеру, сколько благодаря Каролине, которая сама уступила сестре, выйдя замуж за нелюбимого человека. Она понимала, что сестра ее будет лучшей женой для Шиллера, натура которого требовала тихой созерцательности, и принесла себя в жертву.

Между молодыми людьми произошло объяснение. Каролина рассказывала об этом: «Объяснение последовало в момент желания облегчить сердце, навеянного каким-то добрым гением.

Моя сестра призналась ему в любви и обещала ему руку. Мы надеялись, что добрая мать, спокойствие которой было для нас свято, будет не против этого предложения, хотя внешняя обстановка и возбудит в ней раздумье. Но, чтобы не вводить ее в бесполезные заботы, мы решили держать дело в тайне до тех пор, пока Шиллеру не будет назначено хотя бы маленькое содержание, которым бы он мог упрочить свою жизнь в Йене».

Дело в том, что мать была против брака Лотты с Шиллером, у которого не было никаких средств к существованию, так как он преподавал в университете практически бесплатно. Счастье улыбнулось поэту: ему назначили жалованье в… 200 талеров. Это была ничтожная сумма, но она все-таки позволила и бездомному поэту, скитавшемуся долгие годы на чужбине, обзавестись собственным углом.

20 февраля 1790 года Шиллер обвенчался с Лоттой. Для великого поэта кончилась пора тревог и скитаний. Шарлотта вся отдалась мужу. Она исполняла его малейший каприз и установила в его душе то спокойствие и равновесие, которые были так необходимы для его будущей великой поры поэтического расцвета. Когда он заболел, она не отходила от него ни на шаг, стараясь поддерживать в нем душевную бодрость, а когда он умер, посвятила себя воспитанию детей. Она умерла в 1826 году, через 21 год после смерти мужа, в объятиях любимых детей, благословляемая родиной – ее благодетельным влиянием великий поэт создал большую часть произведений.

БЕРТОЛЬД БРЕХТ (1898—1956)

Немецкий драматург и поэт, одна из наиболее влиятельных фигур в театральном искусстве XX века. Инсценировал «Оперу нищего» Джона Гея под названием «Трехгрошовая опера» (1928). Позже созданы пьесы «Мамаша Кураж» (1941) и «Кавказский меловой круг» (1948). Будучи антифашистом, покинул Германию в 1933-м, жил в Скандинавии и США. После Второй мировой войны получил гражданство Австрии; в 1949 году основал театральную труппу «Берлинский ансамбль» в ГДР. Среди его работ: «Жизнь Галилея» (1943), «Добрый человек из Сезуана» (1943), «Карьера Артуро Уи» (1958) и др. Лауреат международной Ленинской премии (1954).

Вот уже несколько десятилетий, как Брехт причислен к классикам. И даже к почитаемым классикам. Убежденный марксист стремился создать «эпическую драму», свободную от «колебания и безверия», характерных для театра, и внушить зрителям активное и критическое отношение к происходящему на сцене. Его ставят повсюду. От его имени театральными критиками образован эпитет – «брехтовский», что означает – рациональный, сохраняющий дистанцию по отношению к реальности, блестяще язвительный в своем анализе человеческих отношений.

Англичанин Джон Фуэджи, неутомимый исследователь биографии Бертольда Брехта, попытался доказать, что Брехт не являлся единственным автором своих сочинений, что свои лучшие пьесы он создавал не самостоятельно, а используя целый «гарем любовниц», которые и позволяли ему доводить начатое до конца. Еще в 1987 году исследователь опубликовал в университетском издательстве Кембриджа документированный портрет немецкого драматурга. Уже тогда он приводил факты, позволяющие думать, что, начиная с 1920-х годов, многие из женщин, которые были близки с Брехтом, одновременно работали с ним и на него. Попытался раскрыть тайну личности Бертольда Брехта и российский писатель Юрий Оклянский, посвятивший немецкому драматургу книгу «Гарем Бертольда Брехта» Он начал заниматься исследованием личной жизни Б.Б. еще в 1970-е годы. «Я была, наверное, единственной женщиной, с которой у него не было физической близости, – призналась Ю. Оклянскому режиссер из Риги Анна Эрнестовна (Ася) Лацис. – Хотя он,

конечно, и делал заходы… Да-а… А Брехт, несмотря на бесконечные свои похождения и множество любовниц, был человек нежного сердца. Когда он с кем-то спал, то делал из этой женщины большого человека».

Виланд Герцфельде, основатель знаменитого издательства «Малик», как-то заметил: «…Бертольд Брехт был маркузианцем, своего рода предшественником сексуальной революции. И даже, как видно теперь, один из ее пророков. Всем наслаждениям жизни этот искатель истины предпочитал два сладострастия – сладострастие новой мысли и сладострастие любви…»

Из увлечений юности Брехта прежде всего следует упомянуть дочь аугсбургского врача Паулу Банхольцер («Би»), которая в 1919 году родила ему сына Франка… Чуть позже его сердце покоряет темнокожая студентка медицинского института в Аугсбурге Хедди Кун («темнокожая Хе»).

В 1920 году любовница Брехта Дора Манхайм («фрейлен До») познакомила его со своей подругой Элизабет Гауптман – наполовину англичанкой, наполовину немкой. В ту пору Брехт выглядел как молодой волк, худой и остроумный, марксист по убеждениям, стригущийся наголо и позирующий перед фотографами в кожаном пальто. В зубах у него – неизменная сигара победителя, вокруг него – свита поклонников. Он дружил с кинематографистами, хореографами, музыкантами. Элизабет Гауптман помогала ему в написании «Ваала» – пламенного манифеста, который произвел переворот во всем тогдашнем театре. Эта удивительная молодая женщина, переводчица с английского, делила с Брехтом и постель, и письменный стол. «Секс в обмен на текст», – как резюмировал исследователь, придумав эту весьма емкую, хотя и грубую формулу. Фуэджи утверждал, что 85 процентов рукописи «Трехгрошовой оперы» – дело рук соавторши Брехта. А что касается «Святой Иоанны скотобоен», то тут и все 100 процентов принадлежат перу Гауптман. По мнению Фуэджи, те, кого «клыкастый вампир в пролетарской робе» укладывал в постель, и написали его лучшие сочинения. С этим решительно не согласно большинство исследователей творчества немецкого драматурга.

В 1922 году Б.Б. женился на мюнхенской оперной певице Марианне Цофф (после двух ее беременностей). Правда, брак оказался недолгим. Их дочь Ханне Хиоб стала впоследствии исполнительницей ролей в пьесах своего отца. В том же 1922 году драматург познакомился с актрисой Каролой Неер. Когда Брехт брал гитару и резким голосом пел свои баллады, Марианна Цофф, высокая полная брюнетка, несмотря на свой уже округлившийся живот, проявляла признаки беспокойства и

отыскивала взглядом возможных соперниц. Потенциальной из них была Карола Неер («Женщина-Персик»). Их любовный роман начался несколько лет спустя…

В своих фантазиях 24-летний Брехт ощущал себя «Тигром городских джунглей». Его сопровождали два близких друга – драматург Арнольт Броннен («Черная пантера») и самый давний и неразлучный друг Брехта, его одноклассник по аугсбургской гимназии по кличке «Тигр Кас», у которого позднее проявились гомосексуальные наклонности. После совместной поездки с Тигром Касом в Альпы Брехт записал в дневнике: «Лучше с приятелем, чем с девчонкой». С Черной пантерой тоже, судя по всему, было лучше. Все три «тигра» спешили изведать все соблазны пороков. Вскоре к ним присоединилась мюнхенская «старшая сестра», некая Герда – удовлетворявшая сексуальные аппетиты друзей. «Тигры» посещали дом «дяди Фейхтвангера», известного писателя. Здесь Брехт покорил баварскую писательницу Мари-Луизу Фляйсер (позже она стала его безотказной сотрудницей).

В 1924 году вне конкуренции оказалась Елена Вайгель («Эллен-бестия»), которая родила драматургу сына Стефана, а через пять лет в ультимативной форме потребовала (и получила) статус главной жены. В результате этого брака – покинула Берлин Мари-Луиза Фляйсер, а член компартии Германии Элизабет Гауптман пыталась покончить жизнь самоубийством. Возврат Каролы Неер ознаменовался драматической сценой на вокзале: после сообщения Брехта о своей женитьбе актриса хлестанула его подаренными розами…

В дневнике в 1927 году Бертольд писал: «Сладострастие было единственным, что во мне неутолимо, но слишком длинны паузы, которых оно требует. Если бы можно было поглощать высший взлет и оргазм почти без перерыва! Год сношаться или год думать! Но, возможно, это конструктивная ошибка – обращать думание в сладострастие; возможно, все предназначено на что-то другое. За одну сильную мысль я готов пожертвовать любой женщиной, почти любой. Мыслей гораздо больше, чем женщин».

В конце 1920-х годов Брехт симпатизировал советскому искусству. В Германию приезжал Сергей Эйзенштейн, чей «лучший фильм всех времен и народов» «Броненосец "Потемкин"» был запрещен немецкой цензурой. Брехт познакомился с теоретиком ЛЕФа Сергеем Третьяковым, который стал переводчиком его пьес на русский. Немецкий драматург, в свою очередь, взялся за обработку и постановку пьесы русского секс-революциониста. В пьесе Третьякова «Хочу ребенка» героиня, советская интеллектуалка и феминистка, не признает любви, а

ждет от мужчины только оплодотворения. В 1930 году в Берлине прошли гастроли театра Мейерхольда. Брехт стал своим в коммунистической среде. В партию вступили его подруги – Гауптман, Вайгель, Штеффин… Но не Брехт!

Маргарет Штеффин повстречалась на пути Брехта в 1930 году. Штеффин, дочь каменщика с берлинской окраины, знала шесть иностранных языков, обладала врожденной музыкальностью, несомненными артистическими и литературными способностями – иными словами, ей, вероятно, было вполне по силам воплотить свое дарование в нечто значительное, в такое произведение либо драматургии, либо поэзии, которому бы оказалась суждена жизнь более долгая, чем его создателю. Впрочем, свой жизненный и творческий путь Штеффин избрала сама, избрала вполне сознательно, по собственной воле отрекшись от доли творца и выбрав для себя участь сотворца Брехта.

Она была стенографисткой, делопроизводителем, референтом… Только двух людей из своего окружения Брехт называл своими учителями: Фейхтвангера и Штеффин. Эта хрупкая белокурая женщина одевалась скромно, участвовала сначала в левом молодежном движении, затем вступила в компартию.

Почти десять лет продолжалось ее сотрудничество с Бертольтом Брехтом. На обороте титульных листов его шести пьес, вошедших в состав изданного у нас собрания сочинений писателя, мелким шрифтом набрано: «В сотрудничестве с М. Штеффин». Это прежде всего – «Жизнь Галилея», затем «Карьера Артуро Уи», «Страх и отчаяние в Третьей империи», «Горации и Куриации», «Винтовки Тересы Карар», «Допрос Лукулла». Кроме того, по мнению литературоведа из Германии Ганса Бунге, то, что Маргарет Штеффин внесла в «Трехгрошовую оперу» и «Дела господина Юлия Цезаря», неотделимо от написанного Брехтом. Ее вклад в творческий капитал знаменитого писателя этим не исчерпывается. Она участвовала в создании других пьес Брехта, переводила вместе с ним «Воспоминания» Мартина Андерсена-Нексе, была непременным и усерднейшим помощником в издательских делах, требующих кропотливого и неблагодарного труда. Она, наконец, не один год была настоящей связной двух культур, пропагандируя в Советском Союзе Брехта как замечательное явление немецкого революционного искусства.

Эти же десять лет по количеству сделанного ею для себя дали результат, не сопоставимый с тем, что сделано для Брехта. Детская пьеса «Ангел-хранитель» и, может быть, еще одна-две пьесы для детей, несколько рассказов, стихи – все! Правда, вряд

ли могло быть иначе. Огромная нагрузка, связанная с творческими заботами Брехта, год от года подтачивающая силы болезнь, крайне непростые обстоятельства личной жизни – с учетом всего этого можно лишь подивиться стойкости Маргарет Штеффин, ее мужеству, терпению и воле.

Тайна и отправная точка отношений Маргарет Штеффин и Брехта заключены в слове «любовь»; Штеффин любила Брехта, и ее верное, буквально до гробовой доски литературное служение ему, ее война за Брехта, ее пропаганда Брехта, ее бескорыстное участие в его романах, пьесах и переводах явились, надо полагать, во многом лишь средством выражения ее любви. Она писала: «Я любила любовь. Но любовь не такую: "Скоро ли мы сделаем мальчика?" Думая об этом, я ненавидела подобную размазню. Когда любовь не приносит радости. За четыре года я только однажды ощутила сходный страстный восторг, сходное наслаждение. Но что это было такое, я не знала. Ведь это мелькнуло во сне и, значит, не происходило со мной никогда. А теперь мы тут. Люблю ли я тебя, сама не знаю. Однако остаться с тобой желаю каждую ночь. Едва ты касаешься меня, мне уже хочется лечь. Ни стыд, ни оглядка не противятся этому. Все заслоняет другое…»

Однажды она застала своего возлюбленного на диване с Рут Берлау в недвусмысленной позе. Брехту удалось помирить двух своих любовниц весьма необычным способом: по его просьбе Штеффин стала переводить роман Рут на немецкий, а Берлау, в свою очередь, занялась устройством пьесы Греты «Если бы он имел ангела-хранителя» в местные датские театры…

Маргарет Штеффин умерла в Москве летом 1941 года, за восемнадцать дней до начала войны. У нее был туберкулез в последней стадии, и врачи, поражаясь стойкости ее духа и страстному желанию жить, могли лишь облегчить ее страдания – до той минуты, когда, крепко сжав руку лечащего доктора, она перестала дышать. Телеграмма о ее кончине была отправлена во Владивосток: «транзитнику Брехту». Брехт, ожидавший во Владивостоке шведский пароход, чтобы отплыть в Соединенные Штаты Америки, отозвался письмом на имя заместителя председателя иностранной комиссии Союза писателей СССР М.Я. Аплетина. В письме были такие слова: «Потеря Греты – тяжелый удар для меня, но если уж я должен был ее оставить, то не мог бы это сделать нигде, кроме как в вашей великой стране».

Мой генерал пал,
Мой солдат пал.
Мой ученик ушел,

Мой учитель ушел.
Моего опекуна нет,
Нет моего питомца.

В этих брехтовских стихах из подборки «После смерти моей сотрудницы М.Ш.» выражено не только чувство, вызванное кончиной близкого человека; в них дана точная оценка места, которое Маргарет Штеффин занимала в жизни Брехта, ее значения в творчестве замечательного немецкого драматурга, прозаика и поэта.

До появления у Брехта всех его «помощниц» ему вообще не давались женские образы. Возможно, мамашу Кураж целиком придумала и создала именно Маргарет Штеффин…

В тридцатые годы начались аресты в СССР. В своем дневнике Брехт упомянул об аресте М. Кольцова, которого знал. Сергей Третьяков был объявлен «японским шпионом». Брехт пытается спасти Каролу Неер, но ее мужа считали троцкистом… Потерял свой театр Мейерхольд. Затем война, эмиграция, новая страна ГДР…

С Рут Берлау, очень красивой скандинавской актрисой, к тому же еще пишущей для детей, Брехт познакомится во время эмиграции. При ее участии был создан «Кавказский меловой круг», а также «Сны Симоны Машар». Она стала основательницей первого в Дании рабочего театра. Позже Рут рассказывала об отношениях Брехта с его женой Вайгель: «Брехт спал с ней только раз в год, под Рождество, для укрепления семейных связей… он… Биди… привозил прямо с вечернего спектакля к себе на второй этаж молодую актрису А утром, полдевятого – сама слышала, потому что жила рядом, – снизу раздавался голос Елены Вайгель. Гулко, как в лесу: "Эй-й! Ау! Спускайтесь, кофе подан!"»

Следом за Берлау в жизни Брехта появляется финская помещица Хелла Вуолийоки, которая, помимо того что дала Брехту приют в своем доме, снабжала его солидной документацией и оказывала помощь. Хелла – писательница, литературовед, публицист, чьи остросоциальные пьесы десятилетиями шли в театрах Финляндии и Европы, была крупным капиталистом, к тому же помогала советской разведке, по свидетельству генерала Судоплатова, «найти подходы» к Нильсу Бору.

Брехт стал классиком соцреализма, но при этом не забыл оформить двойное гражданство, пользуясь тем, что его жена Елена Вайгель – австриячка. Затем Брехт передал все права на первый выпуск своих сочинений западногерманскому издателю

Петеру Зуркампу, а получая международную Сталинскую премию, потребовал выплатить ее в швейцарских франках. На полученные деньги он построил небольшой домик под Копенгагеном для Рут Берлау. Но та осталась в Берлине, ибо по-прежнему любила этого сладострастника…

В 1955 году на получение Сталинской премии Брехт отправился в сопровождении жены и ассистента режиссера театра «Берлинер ансамбль» (где ставились пьесы Брехта) Кэте Рюлике-Вайлер, ставшей его возлюбленной. Примерно в это же время драматург сильно увлекся актрисой Кэте Райхель, которая по возрасту годилась ему в дочери. В одну из репетиций Брехт отвел ее в сторону и поинтересовался: «А вы развлекаетесь как-нибудь?» – «Если бы ты меня развлек… Я была бы счастлива до конца моих дней!» – зардевшись, сказала про себя девушка. А вслух пробормотала что-то невнятное. Стареющий драматург «преподал актрисе любовный урок», как писал опубликовавший эти мемуарные свидетельства Фолькер. Когда она подарила ему осеннюю ветвь с пожелтевшей листвой, Брехт написал: «Год кончается. Любовь только началась…»

Килиан работала в 1954—1956 годах при нем в качестве секретаря. Ее муж принадлежал к оппозиционной властям ГДР группе неомарксистов-интеллектуалов. Брехт без обиняков заявил ее мужу: «Разведитесь теперь с ней и женитесь на ней еще раз приблизительно через два года». Вскоре у Брехта появился новый соперник – молодой польский режиссер. Бертольд писал в своем дневнике: «Войдя в свой рабочий кабинет, я застал сегодня возлюбленную с молодым человеком. Она сидела рядом с ним на софе, он лежал с несколько заспанным видом. С принужденно веселым возгласом – "правда, очень двусмысленная ситуация!" – она вскочила и в течение всей последующей работы выглядела довольно озадаченной, даже испуганной… Я упрекнул ее, что она флиртует на своем рабочем месте с первым встречным мужчиной. Она сказала, что безо всякой мысли присела на несколько минут к молодому человеку, что у нее с ним ничего нет…» Впрочем, Изот Килиан снова обворожила своего стареющего возлюбленного, и в мае 1956 года он продиктовал ей свое завещание. Она должна была заверить завещание у нотариуса. Но по свойственной ей небрежности этого не сделала. Между тем в завещании Брехт уступал часть авторских прав от нескольких пьес Элизабет Гауптман и Рут Берлау и распоряжался относительно имущественных интересов Кэте Райхель, Изот Килиан и других.

За три месяца 1956 года он провел 59 репетиций одного только спектакля «Жизнь Галилея» – и умер. Его похоронили рядом с могилой Гегеля. Елена Вайгель вступила в единоличное

владение наследством мужа и отказалась признать завещание. Впрочем, она подарила несостоявшимся наследникам часть вещей покойного драматурга.

Бертольд Брехт благодаря своему сексуальному магнетизму, уму, умению убеждать, благодаря театральному и деловому чутью притягивал к себе многих женщин-писательниц. Известно было и то, что он имел обыкновение превращать своих поклонниц в личных секретарш и не испытывал угрызении совести ни когда выторговывал себе выгодные условия контракта, ни когда заимствовал чью-то идею. По отношению к литературной собственности он проявлял пренебрежение, повторяя с искренним простодушием, что это «буржуазное и декадентское понятие»

Итак, у Брехта были свои «негры», точнее, «негритянки»? Да, у него было много женщин, но не следует торопиться с выводами. Скорее всего, истина в другом: этот многосторонний человек в своем творчестве пользовался всем, что писалось, рождалось и придумывалось рядом с ним – будь то письма, стихи, сценарии, чьи-то неоконченные пьесы-наброски. Все это питало его жадное и лукавое вдохновение, умевшее подвести прочную базу под то, что другим представлялось лишь расплывчатым эскизом. Он сумел динамитом взорвать старые традиции и законы театра, заставить его отражать окружающую его действительность.

МАО ЦЗЭДУН (1893—1976)

Китайский партийный, государственный и политический деятель. Председатель ЦК КП Китая с 1943 года. Один из основателей Коммунистической партии Китая. Организовал так называемую культурную революцию (1966—1976), нанесшую большой ущерб Китаю.

У Мао Цзэдуна, пренебрегавшего всем иностранным, была-таки одна слабость: любил потанцевать на западный манер. Сегодняшняя китайская молодежь тоже не прочь отправиться на танцульки, но предпочитает развлекаться под переложенную на современный лад знаменитую песню «Алеет восток, солнце встает над Китаем, это солнце – Мао Цзэдун». Идущие нарасхват книги, все новые кинофильмы, телевизионные и театральные постановки – все это свидетельства устойчивого интереса китайцев к жизни «великого кормчего», чья забальзамированная мумия покоится в хрустальном саркофаге на центральной пекинской площади Тяньаньмэнь.

Мао возвращается в сознание жителей Поднебесной под лозунгом: «А кто из нынешних может сравниться с ним?» Постепенно затушевывается связь «кормчего» с «большим скачком», итогом которого стали 20 миллионов умерших от голодной смерти, с «великой пролетарской культурной революцией», в ходе которой были забиты и покончили жизнь самоубийством еще несколько миллионов соотечественников, с гонениями, периодически обрушивавшимися на кадры и интеллигенцию.

Сегодня его имя ассоциируется с провозглашением Китайской Народной Республики, созданием национальной промышленности и атомной бомбы, выходом Китая в ряды первостепенных мировых держав. А любовь к острым блюдам хуаньской кухни вроде жутко перченого «хун шао жоу» («мяса, жаренного до красноты»), несомненно, свидетельствует о глубокой народности вождя, близости к низам.

Мао родился 26 декабря 1893 года в провинции Хунань, и поныне известной острым перцем и крепкой водкой, в горном селении Шаошань, в семье зажиточного крестьянина. Отец – «семейный деспот, прибегавший к кулакам», – тщетно пытался приобщить мальчика к ремеслам и торговле, от которых тот неизменно бежал к книгам. В 14 лет не по возрасту крепкого

парня было решено остепенить, женив на 20-летней девице по фамилии Ло (имя ее осталось неизвестным). Этот брачный сюжет стал первой загадкой личной жизни Мао: жену свою он возненавидел и крайне неохотно упоминал о ней в беседах, неизменно отрицая сам факт брачной связи. Как утверждают некоторые гонконгские биографы, шаошаньские кумушки впоследствии судачили о неких «неформальных» отношениях между свекром и невесткой.

В конце концов Мао удалось в 1911 году отправиться в уездную школу, затем – в среднюю школу в провинциальном центре Чанша. Там же учился он в педагогическом училище, влившись в живую среду грамотной молодежи, увлеченной «прогрессивными взглядами» – то была фантастическая мешанина толстовских, коммунистических и анархических идей, неокантианства и младогегельянства, накладывавшихся на вбитые с детства конфуцианские заповеди. И девушку себе – надо думать, первую любовь – Мао нашел на политической почве. Его городская подруга Тао Сыюн столь же рьяно принимала участие в создании просветительского общества «Синьминь сюэ-хуэй», в патриотическом, антиимпериалистическом движении «4 мая». Молодые люди даже сообща открыли книжную лавку…

Однако к лету 1920 года кооператив распался. Говорят, что причиной тому были политические разногласия. Однако, похоже, что в их дуэт вплелся третий голос – дочери любимого учителя Мао, переселившегося в Пекин, – Ян Кайхуэй. Более или менее тесные отношения между ними установились в 1919 году, когда Мао, приехав в Пекин позаниматься в столичной библиотеке, некоторое время жил в семье наставника.

Вскоре Тао совсем исчезла с арены, а Ян после смерти отца возвратилась в Чанша. Мао чувствовал себя в приятной роли покровителя, защитника осиротевшей девушки. Вскоре они стали мужем и женой.

Осенью 1922 года в молодой семье появился первенец – Аньин, на следующий год родился Аньцин, в 1926 году – Аньлун. Правда, ходил слушок, что одно время Мао захаживал к соседке по дому в Чанша – жене молодого провинциального политика Лин Лисаня (впоследствии – один из генсеков КПК, покончил жизнь самоубийством в 1967 году). Но в целом все шло замечательно, Мао быстро делал партийную карьеру, участвуя в создании КПК, переговорах с буржуазно-демократическим гоминьданом – партией националистов, оформлении Единого фронта. Ян помогала мужу – была казначеем парторганизации, связником.

В 1927 году разразился мятеж Чан Кайши, по всей стране

шли казни коммунистов. В 1930 году была арестована вместе со старшим сыном Ян Кайхуэй. Подпольщики готовили ее освобождение, оставался пустяк – опубликовать в печати формальное отречение от супруга. Она отказалась и была расстреляна.

После гибели Ян Кайхуэй ее сыновья оказались на улице. Младший, Аньлун, погиб, а Аньин и Аньцин после многих мытарств были переправлены в 1937 году в Москву. Жили в подмосковном Монино, потом в интернациональном детском доме в Иваново. В конце 1941 года Аньину предложили принять советское гражданство. Он ответил: «Я китаец, люблю свою родину и готов вернуться по первому ее зову». А вскоре после этого послал Сталину письмо с революционным приветом и убедительной просьбой отправить его на фронт. Потом учился в военно-политической академии, в 1943 году вступил в ВКП(б), стал лейтенантом, политруком танковой роты, участвовал в боях, прошел Польшу… Перед возвращением в Китай в 1946 году, сообщают китайские историки, был принят Сталиным и получил из его рук именной пистолет. Как знать, может, с этим пистолетом Аньин вместе с другими китайскими добровольцами отправился на иную войну – в Корею. Там он погиб во время американской бомбардировки.

Взаимоотношения Аньина с отцом легли в основу фильма «Мао Цзэдун и его сын». В этой ленте есть и жаркие споры, и горячие слезы. После просмотра картины, писала газета «Жэньминь жибао», зрители «с глубоким чувством говорили, что Мао – исполненная подлинного величия личность, он и в страдании более мудр, более тверд по сравнению с обычными людьми».

«Мудрый и твердый», через много лет после гибели второй жены встретив нянюшку, жившую в их семье, горько вздохнул и промолвил: «Кайхуэй была хорошим человеком». А в стихах, известных каждому китайцу, председатель признался: «Я потерял гордячку Ян, благородный муж остался без своего прямого тополька…»

В июне 1979 года газета «Жэньминь жибао» опубликовала имена трех новых членов Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая – своего рода совещательной палаты при китайском парламенте. Одной из получивших эту синекуру была Хэ Цзычжэнь, что вызвало в столичных кругах тихую бурю. Еще бы! Снова на людях появилась опальная жена Мао, великая страдалица.

С Хэ будущий «кормчий» встретился в 1927 году у подножия горы Цзинганшань, после крестьянских восстаний Осеннего

урожая. Семнадцатилетняя красавица из семьи сельских бунтарей, вожак местных комсомольцев, поддерживавшая связи с командирами полубандитских отрядов крестьянской самообороны, Хэ была во всех отношениях подходящей для Мао подругой. Авторитет ее среди земляков был непререкаем – хотя бы потому, что стреляла она сразу с двух рук и очень точно.

Вот как описывал впоследствии очевидец их встречу: «В середине седьмого месяца (по лунному календарю, соответствует сентябрю. – *Прим. ред.*) Мао прибыл во главе нашего полка в уезд Юнсинь, где мы поселились в помещениях волостной управы. Местные юнсиньские товарищи часто приходили посмотреть на председателя Мао. Была среди них и женщина-товарищ Хэ, красивая и живая. Она особенно много беседовала с председателем. В первый же вечер она прислала пару гусей и две фляжки водки. Председатель пригласил ее остаться ужинать. За трапезой они очень сблизились. На второй день председатель созвал собрание юнсиньской партячейки, и эта женщина-товарищ выступала больше всех. Собрание закончилось только в одиннадцать вечера. Председатель сказал, что ему еще нужно обсудить очень важный вопрос с женщиной-товарищем Хэ. Они работали долго. Наутро, встав с постели, председатель умылся и с радостным лицом сказал нам: «Мы с товарищем Хэ полюбили друг друга, у нас товарищеская любовь переросла в супружескую. Это начало совместной жизни в революционной борьбе». При этом смеющаяся женщина-товарищ Хэ стояла рядом, по правую руку». Через год у них родилась первая девочка.

Хэ была рядом с Мао десять трудных лет – в период создания первых советских районов и становления армии коммунистов, «великого похода» протяженностью более 10 тысяч километров, к концу которого после бесчисленных сражений и стычек от стотысячного войска КПК осталось 5–6 тысяч бойцов и командиров. В эти годы Хэ родила шестерых детей (они погибли либо были оставлены в крестьянских семьях).

В городке Яньань на северо-западе Китая, где коммунисты основали свою столицу, Хэ уже мало напоминала прежнюю задорную «девицу-генерала». «Жемчужина желтеет, а человек стареет», – философски заметил по этому поводу один из биографов Мао. У измученной беременностями и ранениями женщины испортился характер, начались ссоры, даже драки. «Мао плохо ко мне относится, мы все время спорим, потом он хватается за скамейку, я – за стул!» – жаловалась супруга партийного лидера.

Кончилось все грандиозным скандалом, потрясшим обитателей Яньанья едва ли не больше, чем разгоревшаяся япono-

китайская война. Хэ приревновала Мао сразу к двум особам – красавице-студентке из Пекина У Гуанхуэй и американской журналистке Агнес Смэдли, интервьюировавшей вождя коммунистического Китая долгими летними вечерами (заметим в скобках, что Смэдли оказалась единственной иностранкой, чье имя биографы вплетают в судьбу Мао).

Разгневанная Хэ грозилась послать телохранителей на расправу с обидчицами. Мао принял поистине мудрое решение: распорядился выслать за пределы района всех троих. Хэ хотели отослать в Шанхай, однако та испугалась то ли наступающих японцев, то ли длинных рук супруга. Тогда ее отправили на лечение в СССР. Уже прибыв в Москву, в 1938 году Хэ родила мальчика.

Дальнейшая судьба Хэ Цзэчжэнь сложилась тяжело. Зима 1938 года в Москве выдалась холодная, с морозами за 30 градусов. Малыш простудился, заболел воспалением легких и умер. Хэ посылала письмо за письмом в ЦК КПК, умоляя разрешить ей вернуться на родину. Все послания попадали в руки мужа. Но изгнанница писала недаром: Мао решил скрасить существование супруги и отправил к ней… обнаружившуюся в крестьянской семье маленькую дочку – Цяо Цяо, единственного уцелевшего их ребенка.

Между тем дело шло к мировой войне, обстановка в Москве была очень напряженной. С Хэ Цзычжэнь обращались как с простой советской гражданкой. Однажды Цяо Цяо, находившаяся в яслях, тяжело заболела, ее, почти бездыханную, отвезли в больницу, где нерадивый врач велел отнести ребенка в морг. Там и нашла ее мать. Живую. Едва дочка пришла в себя, Хэ бросилась к заведующей детским учреждением – выяснять отношения. Администрация яслей, не желая разбора скандального дела, вызвала «скорую» и… сдала потерявшую самообладание, визжащую азиатку в сумасшедший дом. Там Хэ пробыла шесть лет.

Лишь в 1947 году представитель КПК Ван Цзясян, прибывший в Москву, случайно узнал о местонахождении соотечественницы, вызволил ее из дома скорби и сопроводил в Китай. Мао, согласившийся на возвращение Хэ на родину, велел, однако, на пускать ее дальше Харбина.

В 1949 году Хэ Цзычжэнь удалось приехать в Тяньцзинь – всего в ста километрах от столицы. Но в Пекин ее не пустили, а задержали и отправили в Шанхай «для продолжения лечения». Единственное, что ей удалось, – переправить к Мао дочку Цяо Цяо, тут уж он был вынужден пойти ей навстречу. А Цзян Цин, «императрица красной столицы», даже дала ей свою девичью

фамилию Ли и новое имя – Минь. Из-за этого впоследствии некоторые западные биографы стали считать Ли Минь старшей дочерью Цзян Цин.

Привезенная в Шанхай, Хэ Цзычжэнь была помещена в изолированный особняк. В Пекин она вернулась лишь в конце 1976 года, после смерти Мао и ареста Цзян Цин. Умерла она в 1984 году.

Четвертой женой Мао стала Цзян Цин. Супружеские отношения между ними фактически прекратились в начале 1950-х годов, то ли из-за проявившегося с годами склочного характера Цзян Цин, то ли после нескольких операций, сделанных ей в СССР по поводу женских болезней. А формально они оставались мужем и женой до конца.

Подруг у Мао, по слухам, было немало, среди них признанные красавицы, поэтессы, актрисы, а все-таки самой близкой ему в последний период стала простая уроженка Дунбэя (северо-восточный Китай), где женщины, по китайским меркам, не отличаются ни красотой, ни утонченностью. Звали ее Чжан Юйфэн.

Вторая половина 1950-х годов была периодом очень активной деятельности Мао. После смерти Сталина в коммунистическом лагере начался разброд. В Москве рьяно принялись развенчивать «культ личности», наслаждаясь пьянящим воздухом оттепели. Доклад Хрущева на XX съезде КПСС произвел на китайцев ошеломляющее впечатление. В рядах КПК началось брожение, и мятежный маршал Пэн Дэхуай, поддержанный многими соратниками, предложил изъять из устава самые главные слова – об идеях Мао Цзэдуна как идеологической основе. Политические страсти достигли высочайшего накала – на карту была поставлена власть. Для укрепления веры в непогрешимость вождя нужны были великие деяния, и Мао объявил «большой скачок» в экономике, тотальную коммунизацию деревни, ездил по стране с инспекциями, встречался с рабочими, крестьянами, кадровыми работниками, военными.

В это время он, по некоторым сведениям, и познакомился с ласковой проводницей Чжан, обслуживавшей спецпоезд. Особых изменений в ее жизнь встреча с председателем тогда не привнесла – до 1970 года, когда Чжан Юйфэн, уже замужнюю женщину, внезапно срочно вызвали в Пекин, в государственную резиденцию Чжуннаньхай. Встретившие ее заместитель начальника канцелярии ЦК КПК и личная медсестра Мао Цзэдуна без всяких объяснений предложили перейти на работу в штат обслуги вождя. Говорят, чудесное превращение проводницы-золушки в принцессу произошло после одной поездки Мао.

Мао Цзэдун делал все, чтобы скрыть от посторонних свою частную жизнь, окружая ее густой, непроницаемой завесой тумана. От приближенных он требовал никогда никому не рассказывать о том, что происходит в дворцовых покоях. Когда один из секретарей Мао, отстраненный им и попавший в опалу, в разговоре с приятелем стал рассказывать о беспутстве хозяина, то Лю Шаоци приказал расстрелять его за клевету, и только заступничество других руководителей спасло болтуна от смертной казни.

Среди своих соратников по партии Мао Цзэдун не видел равных себе по уму, а потому у него не было и не могло быть друзей. Он возвышался над остальными, отводя им роль послушных слуг и исполнителей его воли. Не случайно его любимым выражением было: «Надо мной нет ни Неба, ни Закона».

Мао подозревал всех. И эта подозрительность со временем приобрела маниакальные формы. Он боялся заговоров, покушений, опасался, что его отравят, и потому во время своих поездок останавливался в специально построенных для него домах. Не раз он со своей многочисленной свитой, с наложницами и охранниками неожиданно покидал отведенную ему резиденцию, если она казалась ему подозрительной. Мао остерегался купаться в сооруженных для него местных бассейнах, боясь, что вода в них отравлена. Исключением был бассейн в Чжуннаньхае. Во время поездок он часто менял маршрут, сбивая с толку железнодорожное начальство и путая графики движения поездов. Вдоль пути его следования выставляли многочисленную охрану, на станции не пускали никого, кроме местных боссов и работников службы безопасности.

Проповедуя аскетизм, скромность и умеренность, сам Мао не отказывал себе ни в чем. Во время поездок по стране, которые дорого обходились государственной казне, он не знал удержу в удовлетворении плотских вожделений, и местные кадры, чтобы угодить вождю, подбирали молодых девушек. После его смерти многие женщины обращалось в ЦК КПК с просьбой выдать им пособия на воспитание детей, отцом которых был «Великий кормчий». Создание специальной комиссии по рассмотрению этих прошений свидетельствует, что заявления женщин о своей близости с вождем были правдивыми.

…Председатель явно заболел. Срочные бумаги несколько дней лежали на рабочем столе кабинета. Грустный, молчаливый, бродил он по вагону спецпоезда. Потом неожиданно распорядился остановить состав на небольшой станции, вышел на перрон, зашел в здание вокзала. Долго сидел в кабинете

начальника станции, уставившись взглядом в одну точку. Казалось, его губы шевелились. И лишь шеф партийной службы безопасности Кан Шэн смог разобрать имя: Юйфэн. Так это было или иначе? Во всяком случае, она стала личным секретарем Мао, а затем – секретарем Политбюро «по важным делам». Работать с Мао, по ее словам, было нелегко: днем он отсыпался, а основная нагрузка приходилась на поздний вечер, часто – до утра.

Ныне Чжан Юйфэн, «обычная женщина с необычной биографией», как называют ее пекинские летописцы, живет в столице вместе с мужем Лю Айминем. Они крайне неохотно встречаются с корреспондентами, ну если только по рекомендации ЦК КПК.

Мао Цзэдун умер в ночь на 9 сентября 1976 года, за три месяца до своего 83-летия. Траурную церемонию организовали в большом зале Дома народных собраний на площади Тяньаньмэнь. Все приходившие отдать последнюю дань памяти «Великого кормчего» возлагали венки к основанию постамента, на котором был установлен гроб с его телом. (Из руководителей высшего звена тогда только Дэн Сяопин и Вань Ли не почтили память умершего. Оба находились в тот период под домашним арестом.) Цзян Цин, как она уверяла, собственноручно изготовила белые (цвет траура в Китае) бумажные цветы к одному из таких венков, снабдив его надписью на черной ленте: «Моему учителю, председателю Мао Цзэдуну, от ученицы и товарища Цзян Цин».

Далее на ленте перечислялись имена (не всех, правда) членов семьи Мао. В список были включены сын Мао Аньцин, дочери Ли Минь (от брака с Хэ Цзычжэнь) и Ли На (от Цзян Цин), внук Юаньин и племянник Мао Юаньсинь. Не оказалось там имени второй двоюродной сестры Мао – Ван Хайжун. Обнаружив это, она в сердцах крикнула Цзян Цин: «Как ты посмела!» Очевидцы вспоминают, что вдова ответила возмущенной кузине в выражениях, заимствованных из лексикона шанхайских ночных клубов. Это подлило масла в огонь – женщины сцепились на глазах у всех. Многим запомнился момент, когда Ван Хайжун схватила Цзян Цин за волосы, и… прическа первой дамы Китая осталась у нее в руке. Это оказался парик. Голова Цзян Цин была лысой, как яйцо, с удовольствием вспоминала позднее невольная свидетельница этой сцены Сун Цинлин, в то время занимавшая пост заместителя председателя КНР. Поговаривали, что «первая дама» Китая лишилась волос в результате передозировки во время курса лучевой терапии, который проходила после одной из гинекологических операций. В конце концов повздоривших женщин растащили и порознь вывели из зала приводить себя в порядок.

В Китае, как, впрочем, и во всем мире, смерть Мао была воспринята как событие эпохальное. Западные дипломаты и журналисты усиленно заговорили тогда о преемниках председателя, о его ближайшем окружении, женах, детях. Взоры многих обращались к Цзян Цин. В жизни председателя она появилась вскоре после того, как он расстался в 1937 году с Хэ Цзычжэнь.

В руководстве КПК в тот период раздавались голоса против развода Мао с Хэ Цзычжэнь, находившейся на лечении в СССР. Вопрос о женитьбе на шанхайке с сомнительной репутацией обсуждался на заседании Политбюро. Однако Мао настоял на своем, заявив, что свою личную жизнь будет устраивать по собственному усмотрению. Так умная, опытная, волевая и честолюбивая Цзян Цин стала четвертой женой первого человека в освобожденном районе на северо-западе Китая. А после его смерти она попыталась стать первой в «банде четырех». Финал известен: арест, пожизненное заключение, которое она отбывала сперва в тюрьме, а затем в хорошо охраняемом особняке, и – самоубийство. Так что цифра четыре оказалась для нее роковой.

БИЛЛ КЛИНТОН (род. в 1946)

42-й президент США (1993—2001), от Демократической партии. Окончил Вашингтонский, Оксфордский и Йельский университеты. Защитив диссертацию, стал доктором права. Преподавал на юридическом факультете университета штата Арканзас (1974—1976). Генеральный прокурор штата Арканзас (1976—1978). Губернатор штата Арканзас (1978—1992).

Уильям Джефферсон Клинтон родился 19 августа 1946 года в Хоупе, штат Арканзас, и рос с ощущением, что он сделан из того же теста, что и Кеннеди.

Ощущение это стало особенно сильным после посещения 15-летним Биллом Белого дома.

Уже во время учебы в Оксфорде он был таким самонадеянным жеребцом, что не постеснялся сделать «гнусное предложение» лидеру феминисток Жермен Грир.

Он познакомился с Хиллари Родэм в Йельском юридическом колледже. В 1974 году она была организатором его избирательной кампании в Арканзасе, где Клинтон претендовал на пост губернатора. Он тогда спал с другой женщиной-агитатором.

Несмотря на это в 1975 году они поженились. Несомненно, брак был нелегким. Тем не менее она поддерживала его все шесть сроков на посту губернатора Арканзаса.

В 1992 году, когда Клинтон заявил о своем намерении баллотироваться в президенты, он был практически неизвестен в стране. Выигрышная внешность и напор в духе Кеннеди помогли ему в кратчайшие сроки обойти соперников.

А обвинения в супружеской неверности только подогрели общественный интерес.

Первые проблески молнии сверкнули на страницах бульварной газеты «Сан» в виде набранного аршинными буквами заголовка, «ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КАНДИДАТ БИЛЛ КЛИНТОН ИЗМЕНЯЛ ЖЕНЕ С "МИСС АМЕРИКОЙ"». В заметке перечислялись пять женщин, которые, если верить газете, спали с Клинтоном.

Потом «раскололась» Дженнифер Флауэрс, бывшая певица из ночного клуба в Литл-Роке, штат Арканзас. Она заявила, будто двенадцать лет была любовницей Клинтона.

Она была сногсшибательной красавицей с почти мистической способностью превращать мужчин в слабых и беспомощных. Одна

английская газета назвала ее даже «самой опасной женщиной в Америке». Дженнифер нечего было скрывать!

Флауэрс начала записывать свои разговоры с Клинтоном после того, как ее имя прозвучало во время его борьбы за губернаторское кресло штата Арканзас. «Так, на всякий случай. Я готовилась к самому худшему…» – говорила она. После того как он победил, слухи поутихли. Но тут стало известно о претензиях Клинтона на Белый дом, и тон национальных средств массовой информации сразу приобрел скандальный оттенок.

Сначала Флауэрс все отрицала, пока подобная известность не обошлась ей потерей государственной службы. Как писали газеты, Клинтон помог найти ей работу, на которую претендовали более достойные кандидатуры. Реакция была незамедлительной: бульварная пресса начала делать ей заманчивые предложения одно за другим. Она решила сотрудничать с еженедельным изданием «Стар», во-первых, потому, что ей дали понять, что все детали этой истории станут достоянием гласности и без ее согласия, и, во-вторых, чересчур уж заманчивой была эта сделка, чтобы так легко можно было от нее отказаться.

Держа медицинскую карту в руках, она заявила: «Я сделала аборт в феврале 1978 года, вскоре после встречи с Клинтоном осенью предыдущего года». В то время она была начинающим очаровательным телерепортером на станции Литл-Рока, Клинтон же – энергичным и деятельным прокурором штата. По словам Дженнифер, он усиленно добивался ее, несмотря на ревнивую жену.

Но ее мать, Мэри Херст, вспоминала: «Она сразу рассказала мне об аборте, признавшись, что забеременела от Билла Клинтона. Другой парень, с которым она тогда встречалась, не мог быть виновником ее беременности, поскольку перенес операцию вазектомии». Флауэрс говорила, что этот другой – арканзасский бизнесмен, тоже женатый и тоже Билл. В телефонном интервью он отрицал связь с ней, а также факт операции вазектомии. Но, по свидетельству очевидцев, ее связь с этим Биллом ни для кого не была секретом.

«Какой ей смысл выдумывать все это?» – говорила ее мать, набожная католичка, откровенно осуждавшая Дженнифер за ее связь с женатыми мужчинами. Но при этом она одобряла ее признания: «Ей необходимо было кому-нибудь выговориться, и я – ее лучший друг. Я верю ей».

Дженнифер утверждала, что придание гласности этому делу не имеет ничего общего с банальным сведением счетов. «Мне больно об этом говорить, – призналась Дженнифер, – несмотря ни на что, я хочу, чтобы Билл любил свою дочь и заботился о своей

жене. Мне всегда хотелось быть для него чем-то особенным. И, вспоминая все то, через что мне пришлось пройти в одиночку, я переполнялась негодованием».

Флауэрс, оценивая Клинтона как любовника, присудила ему 9 из возможных 10 баллов.

Дженнифер олицетворяла собой необычный образ: крашеные светлые волосы, утонченные черты лица, правда, не без вмешательства хирурга-косметолога, грудь, которой ее с лихвой наградил Господь. Соблазнительная легкость сочетается в ней с завидной твердостью – сладкая приманка, чреватая опасностью и интригами. В памяти тут же всплывал образ Мэрилин Монро. Что же это? Перевоплощение? Соблазнительница кандидата в президенты, подражающего герою Дж.Ф.К.? Или мифотворчество любовниц в своем продолжении?

Одно дело – сексуальные отношения. История знает немало примеров, когда президенты находили в них усладу и при этом прекрасно управляли страной. На это еще можно закрыть глаза. Другое дело – любовные, какими Дженнифер представляет свои отношения с Клинтоном.

В то время как Клинтон усиленно старался переместить центр внимания прессы со спальни на кабинет и экономические проблемы, его мозговой трест целенаправленно отбивал атаки людей, подобных Флауэрс, и предотвращал нечистоплотные уловки республиканцев.

Клинтон с блеском доказал справедливость поговорки «нет худа без добра». Он ухитрился приурочить свое телевизионное интервью в программе Си-Эн-Эн «Шестьдесят минут» к окончанию репортажа о битве за Суперкубок, что гарантировало ему огромную благодушно настроенную аудиторию. Прямо в присутствии жены он признал, что у них «были трудности», но теперь все уже позади.

На вопрос, можно ли толковать «трудности» как супружескую измену, Хиллари уклончиво ответила: «Тот, кто давно женат, знает, что это такое».

Клинтон не отрицал то, что он курил марихуану. Но объявил, что не нарушил американский закон, потому что занимался этим во время учебы в Англии. И потом, он «не затягивался». Все это плюс обвинения в том, что он уклонился от службы в армии во время вьетнамской войны, не помешало ему стать президентом.

Вместе с тем обвинения в сексуальных злоупотреблениях еще не сняты. Уже во время президентства Клинтона агенты спецслужб, охранявшие его все двенадцать лет на посту губернатора штата Арканзас, засвидетельствовали его вопиющую безнравственность. Он развлекался в губернаторском дворце с

девицами легкого поведения, в то время как жена была совсем рядом – на лужайке. По прикидкам одного охранника, у Клинтона были интимные отношения не с одной сотней женщин.

«Он никогда не упускал своего», – заключил этот охранник.

Среди предполагаемых любовниц Клинтона – жена известного судьи, провинциальный репортер, бывшая государственная служащая, продавщица из универмага в Литл-Роке и темнокожая проститутка по имени Бобби Энн Уильямс, которая утверждала, будто Клинтон – отец ее ребенка-мулата, которого она зачала во время одного из тринадцати свиданий.

Поступили также сведения о том, что Клинтон появлялся с девицами в общественных местах, брал шлюх, что называется, на ходу и даже совершил любовный акт в машине на стоянке возле школы, где училась его дочь.

Бывшая «мисс Арканзас», Салли Пердью, призналась, что состояла с Клинтоном в интимной связи в 1983 году, когда она была ведущей радиошоу в Литл-Роке. Салли поведала о том, как губернатор Арканзаса резвился, нацепив ее нижнее белье. На прощание он предложил ей работу с окладом сорок тысяч долларов в год – в награду за молчание.

Один чиновник из руководства Демократической партии предупредил: она должна быть «паинькой», иначе ей переломают ноги.

Примерно в то же время участница рок-группы Конни Хэмзи рассказала, что однажды, увидев ее загорающей возле бассейна в более чем откровенном купальнике, к ней обратился один из ближайших помощников Клинтона с предложением совершить любовный акт с его шефом. В интервью для журнала «Пентхаус» она похвасталась, что была близка с будущим президентом.

Белокурая служащая электрической компании по имени Джо Дженкинс отрицала близость с Клинтоном, но данные телефонной станции свидетельствуют о том, что он звонил ей по одиннадцати раз в день. Один ночной звонок длился более полутора часов.

По признанию Дженнифер Флауэрс, Клинтон любил заниматься мастурбацией во время телефонного разговора. Правда, саму Дженнифер это не прельщало, и она только изображала оргазм.

Потом настала очередь Полы Джонс. Она вчинила тогдашнему хозяину Белого дома иск, обвинив его в сексуальных домогательствах по отношению к ней в бытность Клинтона губернатором штата Арканзас. И, естественно, потребовала компенсации.

Президент и его окружение с самого начала пытались

заблокировать или по меньшей мере отложить рассмотрение иска Джонс Однако это им не удалось сделать. В январе 1997 года окружной апелляционный суд постановил, что пост президента не защищает Билла Клинтона от судебного разбирательства по гражданским искам. И дело было перенесено в Верховный суд.

Конечно, это дело не что иное, как очередное сражение «сексуальных» войн 1990-х годов. Юридически же его можно представить следующим образом: Джонс требует от Клинтона компенсацию в сумме 700 тысяч долларов за диффамацию и попрание ее гражданских прав. Вместе с тем дело «Клинтон против Джонс» ставит несколько серьезных вопросов конституционного характера, в том числе главный – дано ли президенту право быть выше закона.

Имя Полы Джонс известно достаточно хорошо. Ее портрет помещал на своей обложке журнал «Пипл», а сама она часто служит объектом соленых шуточек в подгулявших компаниях. Опросы показывают, что по крайней мере девять человек из десяти слышали о ней. Те же опросы, однако, свидетельствуют о том, что большинство избирателей не верят в достоверность выдвигаемых ею обвинений, и в СМИ она фигурирует главным образом как шлюха со стоянки жилых автофургонов, непрестанно ищущая денег и известности.

Американцев, которые считают иск Полы Джонс интермедией дурного тона, возможно, ждет сюрприз. Ее дело не настолько просто, чтобы можно было не мудрствуя лукаво «закрыть» его в самое ближайшее время. Существуют похожие на правду свидетельства того, что Джонс приглашали в гостиничный номер губернатора Клинтона, она оставалась там с ним наедине и сразу же по выходе из номера пожаловалась нескольким людям на то, что Клинтон своими сексуальными домогательствами унизил ее человеческое достоинство (именно это она позднее изложила в своем иске).

Многие не принимают ее слова всерьез. Это можно, по-видимому, объяснить тем, что Белый дом и адвокаты Клинтона ловко одурачили конформистские средства массовой информации. Подручные Клинтона провели блестящую операцию по дискредитации Полы Джонс, однако операции подобного рода могут в конечном счете оборачиваться и против самых хитрых политиков. Из истории дела, восстановленной журналистом «Ньюсуик» на основании интервью с действующими лицами скандала (Белый дом отказался это комментировать), следует, что помощники Клинтона своими действиями фактически исключили реально существовавшую возможность соглашения по делу еще до его передачи в суд в мае 1994 года. Главной

причиной провала такого соглашения было то, что Джонс и ее родственники посчитали оскорбительными якобы случайные «утечки» информации из Белого дома.

Но если Клинтон действительно повинен в том, в чем его обвиняет Джонс, то почему он вел себя так неосторожно? Ведь он не первый политик, который использовал своих помощников для приглашения женщин, оказывающих сексуальные услуги. На память сразу же приходит кумир Клинтона Джон Кеннеди. Могущественный политик, в особенности политик типа Клинтона, переживавший полосу везения, мог бесспорно поддаться мании величия. В 1991 году он не мог себе представить цену, которую придется позднее заплатить. И ущерб при этом сказался не столько в правовой или даже политической области; избиратели, похоже, уже простили Клинтону его сексуальные прегрешения. Что реально может угрожать ему, так это щекотливая ситуация, в которую подпадает он сам и его семья.

Джонс поведала свою историю сотруднику солидной газеты, и она согласилась встретиться с Майклом Айзикоффом, который тогда работал в «Вашингтон пост». В интервью продолжительностью три с половиной часа Джонс рассказала о своей встрече с Клинтоном, живописуя все ее детали. Она сообщила Айзикоффу, что заметила внимание Клинтона к своей особе, когда сидела за столом регистрации участников совещания в Литл-Роке по вопросам управления качеством, которую губернатор проводил в мае 1991 года. Джонс тогда было 24 года, она работала клерком одного из учреждений штата – Арканзасской комиссии по промышленному развитию.

8 мая примерно в 2.30 пополудни полицейский штата Денифер Фергюсон спросил ее, не может ли она пройти с ним в номер-люкс губернатора. Она спросила Фергюсона, зачем она понадобилась губернатору, на что полицейский ответил: «Все в порядке. Мы постоянно оказываем губернатору эту услугу». Сначала Джонс колебалась, но потом все же пошла, подумав, что губернатор хочет поручить ей какую-то работу. (Позднее Фергюсон подтвердил, что сопровождал Джонс в номер Клинтона.) По словам Джонс, войдя в номер, она обнаружила, что оказалась наедине с Клинтоном. Губернатор, по ее словам, начал с того, что он хороший друг начальника Джонс; потом похвалил ее прическу и «округлости»; после чего провел руками вверх по ее ногам, привлек к себе и перенес руки на шею. «Я никогда не забуду его лица, – говорила Джонс. – Оно было свекольно-красным».

Джонс утверждала, что при этом воскликнула: «Что вы делаете?» – и отпрянула от него. Клинтон забрался на диван.

Согласно версии Джонс, сев на него, губернатор спустил брюки и сказал: «Поцелуй его». Джонс в ужасе вскочила и сказала: «Послушайте, я не из тех девиц». На что Клинтон ответил: «Хорошо, я не хочу заставлять тебя делать то, чего не хочешь». Потом натянул брюки и сказал, чтобы она помалкивала о случившемся.

Айзикофф получил указание заняться поиском дополнительных данных, чтобы выяснить, действительно ли Клинтон пользуется репутацией донжуана.

Айзикоффу удалось найти нескольких женщин, которые утверждали, что Клинтон домогался их любви. (Одна из них сообщила о том, что губернатор даже звонил ей ночью, когда она лежала в постели со своим мужем.) Впрочем, ни одна из них не могла рассказать ничего такого, что можно было бы сравнить с тем, о чем поведала Джонс.

Надо думать, никто и никогда не узнает точно, что произошло в том номере отеля «Эксельсиор» майским днем 1991 года. Лучшим выходом для президента, наверное, было бы сделать то, чего он не сделал за день до подачи искового заявления в суд, а именно: договориться, не доводя дела до суда. Для этого, возможно, ему потребовалось бы извиниться, однако любой другой путь, похоже, еще хуже. Но он не принес извинений.

…Моника Левински, молодая и красивая женщина, ее подруга Линда Трипп на 24 года старше. Обе они работали в Белом доме, а затем в Пентагоне. Однажды Моника стала рассказывать Линде со всеми графическими подробностями о том, как она влюбилась в президента Клинтона, и об их романтических и сексуальных отношениях.

Разговоры на эту тему велись не только с глазу на глаз, но и по телефону Моника наговорила Линде семнадцать аудиокассет. Дело в том, что Линда Трипп записывала на пленку откровения Моники.

Она записывала также и звонки Клинтона к ней, оставленные на автоответчике, которые Моника в подтверждение своих слов проигрывала Линде по телефону. (По некоторым данным, Линда укрепляла миниатюрный магнитофон под одеждой и во время встреч с Моникой с глазу на глаз.)

Люди, знакомые с содержанием записей телефонных разговоров Моники с Линдой, говорят, что молоденькая поверяла опытной о своей любви к Клинтону и об их половой связи, которая длилась более года. (Монике было тогда немногим больше двадцати лет.) Агенты ФБР изъяли из квартиры Моники платье с засохшим на нем семенем Клинтона. Моника якобы

говорила Линде, что гордится этим пятном, как высшей наградой, и никогда не отдаст его в чистку. Объясняя, как президентское семя попало на ее платье, Моника говорила, что в нем двадцать раз занималась оральным сексом с Клинтоном. «Это платье – мой самый дорогой трофей», – говорила она.

В субботу 17 января 1998 года президент Клинтон дал показания под присягой по делу Полы Джонс, которые были записаны на видеопленку. Президента допрашивали адвокаты Полы. Среди прочих ему был задан вопрос – сожительствовал ли он с Моникой Левински? Клинтон ответил категорическим «нет». Его ответ подтверждался показаниями самой Моники, которая тоже под присягой показала, что между ней и президентом не было никакой сексуальной близости. Казалось бы, все ясно, вопрос исчерпан. Но вот предательские записи, тайно сделанные Линдой Трипп, свидетельствовали совсем об обратном.

Дело начало принимать совершенно иной – не столько адюльтерный, сколько уголовный – оборот. Если все, о чем говорится на кассетах, правда, то это означает, что президент Клинтон совершил несколько противозаконных деяний. Во-первых, солгал под присягой, заявив, что не сожительствовал с Моникой Левински. Во-вторых, склонил к клятвопреступлению и саму Монику. (На кассете имеется такая запись: Клинтон говорит Монике: «Нет никаких доказательств нашей связи, поэтому отрицай, отрицай, отрицай!») А этот второй противозаконный акт влечет за собой еще более серьезное обвинение – в противодействии правосудию. Именно это обвинение было выдвинуто в свое время против Никсона и стало основанием для импичмента.

Президент был явно не в своей тарелке. Он даже не мог сыграть «искреннее возмущение». Он говорил каким-то приглушенным, даже придушенным голосом, и фразы, которые он произносил, носили печать строго дозированной юридической казуистики. Так, например, он все время повторял, что у него нет никаких «неподобающих отношений» с Моникой Левински. Только под давлением журналистов президент вынужден был раскрыть скобки, заменив слово «неподобающие» – «сексуальными». Пришлось отступить и от слова «нет», подразумевавшего, согласно грамматике, настоящее время. Вместо него прозвучало «не было».

Объясняя эту эмоциональную вялость своего шефа, один из сотрудников Белого дома сказал: «Он даже глазом не моргнул, хотя и возмущен обвинениями в свой адрес. Но сам процесс утратил для него шоковый эффект».

Куда большую эмоциональность в защите своего мужа

проявила Хиллари Клинтон, которую, вопреки обыкновению, решили задействовать по столь щекотливому поводу. Но бой шел решительный, и пришлось пустить в дело «старую гвардию», которая, как известно, умирает, но не сдается. Выступая в мэрилендском Гоучер-колледже, Хиллари сказала: «Все обвинения в адрес моего мужа абсолютно лживые. Это очень трудно и больно наблюдать, когда человек, которого ты любишь, о котором заботишься, которым восхищаешься, подвергается столь безжалостным обвинениям… По причинам, которые мне не совсем понятны, в некоторых кругах президента считают угрозой определенным идеологическим позициям. Предпринимаются концентрированные усилия подорвать его легитимность как президента, подорвать все то, чего он достиг, атаковать его лично, не сладив с ним политически…»

Тем временем на политической сцене появились новые претенденты на президентский пост – как республиканцы, так и демократы. Безусловно, у них тоже есть «свои скелеты в шкафу».

ПЛАТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗУБОВ (1767—1822)

Князь, сын А.Н. Зубова, провинциального вице-губернатора. Фаворит Екатерины II. Был поручиком конной гвардии. Благодаря покровительству императрицы получил графское достоинство, назначен генерал-фельдцейхмейстером, новороссийским генерал-губернатором, начальником Черноморского флота. После прихода к власти Павла I потерял все чины. Последние годы провел в Виленской губернии.

9 июля 1789 года, обсуждая недавнюю отставку фаворита императрицы Екатерины II Дмитриева-Мамонова и появление его преемника Платона Зубова, граф Безбородко писал Воронцову: «Этот ребенок с хорошими манерами, но не дальнего ума; не думаю, чтобы он долго продержался на своем месте. Впрочем, это меня не занимает». А между прочим это должно было его занимать. Через три года, вернувшись из Ясс, куда после смерти Потемкина Безбородко был отправлен для заключения мира, граф убедился, что «ребенок» сохранил не только свое место, но и занял его положение…

Зубовых было четыре брата. Принадлежали они к семье мелкопоместных дворян, отличавшейся большими претензиями. Отец, Александр Николаевич Зубов, был провинциальным губернатором и на этом разбогател. Он также управлял имением фельдмаршала Н.И. Салтыкова, сыгравшего впоследствии не последнюю роль в возвышении Платона Зубова.

Старший брат, Николай, дослужившийся до чина генерал-майора, был женат на «Суворочке», единственной дочери прославленного полководца Александра Суворова. Но, безусловно, наибольшей известности из Зубовых добился Платон.

В двадцать два года он был поручиком одного из гвардейских полков. Екатерина обратила внимание на этого красивого, хрупкого телосложения парня. Платон тут же стал разыгрывать роль несчастного влюбленного. Он нашел поддержку среди окружавших императрицу придворных дам. Анна Нарышкина, Протасова, Перекусихина уверяли Екатерину II, что Зубов без ума от нее. Императрица, которая и в старости была убеждена, что сохранила былую красоту и обаяние, охотно внимала их настойчивым голосам, твердившим ей о возвращении – в шестьдесят-то лет! – вечной весны. Екатерину II привлекли в Платоне невинность, мягкие манеры, бесхитростность. Зубов,

считала государыня, отблагодарит ее преданностью и верностью и что он, любящий и надежный, будет находиться подле нее в дни горячки и в длинные ночи бессонницы, расстройства желудка и болей в спине.

«Я возвратилась к жизни, – писала она своему бывшему фавориту Потемкину, – как муха, после зимней спячки… Я снова весела и здорова… В нем есть желание всем нравиться: когда он находит случай писать вам, он поспешно пользуется им, и его любезный характер делает и меня любезной. В нем вся требовательность и вся прелесть его лет: он плачет, когда ему не позволяют войти в комнату государыни».

«Молодой человек очаровательной наружности, – заметил беспристрастный свидетель, швед Штединг, автор известных мемуаров, – брюнет, стройный, небольшого роста, похожий на красивого француза, вроде шевалье де Пюисегюра…» Однако милое дитя или стройный молодой человек очень скоро проявил всепоглощающее честолюбие: он захватил все дела, все влияние, все источники царской милости. Никому ничего не доставалось, кроме него и его семьи. Богатство «мальчика» быстро росло. Он не просил царской милости, а, пользуясь своим положением, обирал тех богатых людей, которые вынуждены были обращаться к нему с просьбой.

В марте 1790 года Екатерина узнала, что прусский император заключил с турецким султаном тайное соглашение. Расстроили ее и известия о потерях, которые Россия несла в войне. Она никого не хотела видеть и проводила время, уединившись с Зубовым и читая Плутарха. Вместе они попробовали сделать перевод этого автора. Ненавязчивое присутствие юного Зубова было бальзамом для души императрицы, потерявшей покой.

Платон Зубов выбрал верную тактику, разыгрывая из себя скромника. И Екатерина буквально навязывала ему свою щедрость, так что богатство фаворита стремительно росло. В 1791 году, например, она собиралась купить продаваемое Потемкиным имение и подарить его фавориту. Но князь Таврический, узнав об этом от императрицы за обедом, тут же заявил, что имение уже продано. «Кому?» – удивленно вскинула брови императрица. «Вот купивший». – И князь Потемкин невозмутимо показал на ничего не подозревавшего бедного адъютанта, стоявшего за его креслом. Государыня промолчала, а сделка была совершена, и счастливый адъютант стал благодаря княжескому капризу обладателем двенадцати тысяч душ.

Когда Екатерина II приблизила к себе Зубова, Потемкин находился в Яссах. Конечно, всесильный князь Тавриды вскоре узнал, что у государыни появился «больной зуб» (так называли

Зубова при дворе). Потемкин был угрюм и озлоблен, а когда ему сообщили, что Екатерина возвела фаворита в княжеское достоинство, он пришел в бешенство и тут же решил ехать в Россию. Увы, вскоре Потемкин умер.

После смерти Потемкина, этого действительно опасного соперника, который ослаблял влияние нового фаворита, ничто больше не препятствовало возвышению Зубова. С 1789 по 1796 год он стал графом и князем священной Римской империи, получил орден Черного и Красного Орла и за семь лет достиг вершины, на которую его предшественники поднимались двадцать лет. В 1794 году в качестве новороссийского генерал-губернатора он отдавал приказ самому Суворову! 20 августа 1795 года граф Растопчин писал Семену Воронцову: «Граф Зубов здесь все. Нет другой воли, кроме его воли. Его власть обширнее, чем та, которой пользовался князь Потемкин. Он столь же небрежен и неспособен, как прежде, хотя императрица повторяет всем и каждому, что он величайший гений, когда-либо существовавший в России».

Императрица, слепо увлекшаяся им, называла его умницей и давала поручения, которые были выше его способностей. Все ежедневно убеждались, что он ничего не знает да и ничего не хочет знать. По словам одного из современников, Зубов «до посинения корпел над бумагами, не обладая ни живостью ума, ни сообразительностью, без чего невозможно было справиться с таким тяжким бременем». В делах, которые не касались его интересов, он повторял: «Делайте как прежде». Все дела вершили три его секретаря, Альтести, Грибовский и Рибас, которые больше заботились о своем обогащении. Приобретение польских провинций, снисходительно приписываемое Зубову императрицей, было на самом деле воплощением в жизнь ее с Потемкиным плана. Императрица писала фавориту: «Никто еще в ваши годы не имел столько способностей и средств, чтобы быть полезным отечеству».

Влюбленной Екатерине, разумеется, было трудно заметить всеобщее недовольство. Тем более что придворные льстецы превозносили на небывалую высоту благодетельного гения, который радел о присоединении к империи прекрасных, богатых провинций. На одном собрании один оратор старался доказать преимущества нового Платона перед древним!

Утро фаворита затмевало собой все воспоминания об одевании маркизы де Помпадур. «Каждый день, – рассказывал Ланжерон, – с восьми часов утра его передняя наполнялась министрами, царедворцами, генералами, иностранцами, просителями, искателями мест или милостей. Обыкновенно

тщетно ждали часа четыре или пять и уходили, чтобы вернуться на другой день. Наконец, наступал желанный день: двери широко раскрывались, толпа бросалась в них и находила фаворита, которого причесывали сидящим перед зеркалом, опершись ногой на стул или край стола. Посетители, поклонившись в ноги, осыпанные пудрой, становились в ряд перед ним, не смея ни шевельнуться, ни говорить. Фаворит никого не замечал. Он распечатывал письма и прослушивал их, старательно делая вид, будто занят делами. Никто не смел заговорить с ним. Если он обращался к кому-нибудь, тот, после пяти-шести поклонов, приближался к его туалету. Ответив, он возвращался на свое место на цыпочках. Те, с кем Зубов не заговаривал, не могли подойти к нему, так как он не давал частых аудиенций. Я могу удостоверить, что были люди, три года приходившие к нему таким образом, не удостоившись ни одного слова…»

Некоторые просители изгонялись… обезьяной, имевшей обыкновение прогуливаться по головам присутствующих. «Я имел честь быть знакомым с этой обезьяной, – писал далее Ланжерон, – она была ростом с кошку и необыкновенно ловка. Она постоянно летала по люстрам, карнизам, печкам и никогда не разбивала и не смещала ни мебели, ни украшения. Она любила пудру и помаду и имела большое пристрастие к греческому тупею. Когда она замечала полюбившийся ей головной убор, она бросалась с люстры на голову его обладателя и пристраивалась там. Осчастливленный человек наклонялся и почтительно ждал, пока маленькое животное не окончит свою трапезу или перейдет на голову вновь прибывшего обладателя тупея. Я знаю людей, которые переменили и повысили свою прическу в надежде привлечь на нее внимание фаворитки фаворита».

Да что там говорить, сам Державин в 1794 году, 28 ноября в день именин фаворита, написал оду, в которой сравнивал последнего с Аристоном и Аристотелем, что, отмечал он в прозаическом комментарии, одно и то же.

Екатерина умерла 6 (17) ноября 1796 года. Скрывшись у своей сестры Жеребцовой, Зубов не показывался в течение десяти дней, ссылаясь на болезнь и ожидая от нового государя решение своей судьбы. 28 ноября в покои экс-фаворита неожиданно явился посланец двора и сообщил, что царь Павел I завтра собирается выпить с ним чаю. На следующий день они встретились. Зубов упал к его ногам, но Павел поднял его со словами русской пословицы: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Зубов был в восторге от этой встречи. Но радоваться Платону пришлось недолго: 27 января его отрешили от всех должностей, его имения были конфискованы, а самого Зубова отправили в путешествие.

Какое-то время он провел в Германии, причем в Теплице влюбился в прелестную эмигрантку, графиню де ла Рош-Эмон, потом, встретив двух курляндских принцесс, самых богатых наследниц Европы, попытался соблазнить одну из них. И был близок к успеху, но рассерженный отец девушки, лишенный княжества и оскорбленный ранее фаворитом, с негодованием отказал ему. Зубов вынашивал план похитить принцессу, но приказ Павла срочно вернуться в Россию не позволил осуществить задуманное.

Друзья – прежде всего Кутайсов – заступились за него. К тому же Пален, замысливший убийство императора, нуждался в человеке, готовом принять участие в авантюре и в преступлении. В 1800 году Зубов вернулся в Россию и получил обратно конфискованные имения. 12 марта 1801 года Платон Зубов находился в числе убийц несчастного Павла. Однако ожидаемой награды за это он не получил: Александр I холодно обошелся с ним. Зубов снова отправился в Германию.

Кстати, еще при жизни Екатерины Платон ухаживал за женой будущего императора Александра, Елизаветой Алексеевной. Фавориту казалось, что ему все позволено и следует извлечь из своего положения максимум удовольствий. Удалось ли ему вскружить голову жене внука своей любовницы? Похоже, что Елизавета на миг, по крайней мере, обратила к нему благосклонный взор. Александр это заметил, но вовсе не рассердился. «Зубов влюблен в мою жену», – смеясь, говорил он в ее присутствии.

ЛАВРЕНТИЙ ПАВЛОВИЧ БЕРИЯ (1899—1953)

Советский государственный партийный деятель. Член Коммунистической партии (1917—1953). С 1921 года на руководящих постах. Нарком внутренних дел СССР (1938—1945). Министр внутренних дел СССР (1953), Заместитель председателя Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР (1941—1953). Депутат Верховного Совета (1937—1953), член президиума ЦК (Политбюро) ВКП(б)/КПСС (1946—1953). Герой Социалистического Труда (1943). Маршал Советского Союза (1945). Входил в ближайшее окружение И.В. Сталина. В июне 1953 года был арестован, в декабре расстрелян.

Идет допрос преступника. Вопросы задает обвинитель.

Вопрос: Признаете ли вы свое преступно-моральное разложение?

Ответ: Есть немного. В этом я виноват.

Вопрос: Вы признаете, что в своем преступном моральном разложении дошли до связей с женщинами, связанными с иностранными разведками?

Ответ: Может быть, я не знаю.

Вопрос: По вашему указанию Саркисов и Надария вели списки ваших любовниц. Вам предъявляется девять списков, в которых значатся шестьдесят две женщины. Это списки ваших сожительниц?

Ответ: Большинство женщин, которые значатся в этих списках – это мои сожительницы.

Вопрос: Кроме того, у Надарии хранились тридцать две записки с адресами женщин. Вам они предъявляются. Это тоже ваши сожительницы?

Ответ: Здесь есть также мои сожительницы.

Вопрос: Вы сифилисом болели?

Ответ: Я болел сифилисом в период войны, кажется, в 1943 году, и прошел курс лечения.

Далее обвинитель предъявил иск подсудимому в изнасиловании ученицы седьмого класса, которая потом родила от него ребенка. Подсудимый заявил, что все было по доброму согласию.

Судили Лаврентия Павловича Берия, занимавшего высшие посты в правительстве страны…

«Вполне соединимы любовь и злодейство», – сказал как-то

Алексей Аджубей, зять Хрущева, в разговоре о Берии.

«Бериевский особняк находился на углу Садово-Триумфальной и улицы Качалова, неподалеку от высотного здания на площади Восстания, – вспоминал Аджубей. – Собственно, на Садовое кольцо и на улицу Качалова выходит высокий каменный забор, из-за которого не видно приземистого дома. Проходя мимо забора, москвичи прибавляли шаг и помалкивали. В те времена каждого провожал тяжелый взгляд наружных охранников. Однажды в 1947 году я был там на помолвке сына Берия – Серго. Он женился на красавице Марфе Пешковой, внучке Алексея Максимовича Горького. И Марфа, и жених держали себя за столом сдержанно, да и гости не слишком веселились. Пожалуй, только Дарья Пешкова, младшая сестра Марфы, студентка Театрального училища имени Щукина, чувствовала себя раскованно.

Чуть позже в этом же доме поселилась любовница Берия – 17-летняя Л., родившая ему дочь.

Нина Теймуразовна (жена Берии) терпела ее присутствие – видимо, иного выхода не было. Рассказывали, что мать Л. устроила Берии скандал, отхлестала его по щекам, а он стерпел. Не знаю, было ли так на самом деле, однако девица чувствовала себя в особняке прекрасно, и мама, видимо, тоже смирилась.

Я часто встречаю ее, теперь уже немолодую, но до сих пор обворожительную блондинку, и всякий раз думаю: вполне соединимы любовь и злодейство…»

«Находясь в конце 20-х годов в Абхазии, – рассказывал в своей книге о жизни Берия англичанин Тадеус Уиттлин, – Берия жил в роскошном специальном поезде, в котором он приехал в Сухуми. Поезд стоял на запасных путях, на некотором расстоянии от здания станции, и состоял из трех пульмановских вагонов: спальни, салон-вагона с баром и вагона-ресторана.

В тот вечер, когда Берия собирался отправиться в Тбилиси, около станции к нему подошла девушка лет шестнадцати, среднего роста, с черными глазами и сдобной комплекции. Девушка приехала из родной мингрельской деревни, соседствовавшей с деревней Мерхеули, откуда родом был сам Берия. Она попросила его заступиться за ее арестованного брата.

Берия заметил красоту девушки. Якобы желая получить дополнительные детали о брате, он пригласил ее в поезд, но не в салон-вагон и не в ресторан. В спальном купе Лаврентий приказал девушке раздеться. Когда она, испуганная, хотела убежать, Берия запер дверь. Затем он ударил ее по лицу, скрутил руки за спиной, толкнул на кровать, навалился на нее всем телом. Девушка была изнасилована.

Берия продержал девушку всю ночь. На следующее утро он приказал своему ординарцу принести завтрак на двоих. Перед тем как уехать по делам, Лаврентий снова запер свою жертву. Берия был покорен свежестью и очарованием этой девушки, он также понял, что она именно тот тип, который полностью соответствует его чувственности. Она была молода и невинна, но выглядела созревшей. Она была скромна, изящна, но ни в коем случае не худа. У нее были маленькие груди, большие глаза, излучавшие добрый свет, и пухлый чувственный рот.

Было бы глупо с его стороны отказаться от такого создания природы. Берия провел еще несколько дней в Сухуми, проверяя выполнение плана 1928—1933 годов в деле строительства местных дорог и шоссе, нового жилья, больниц и школ. Все это время он держал свою маленькую пленницу запертой в поезде.

Так маленькая Нина стала его женой».

Нина Теймуразовна Берия говорила, что все проходило иначе:

«Однажды по дороге в школу меня встретил Лаврентий. После установления советской власти в Грузии он часто ходил к Саше, и я его уже неплохо знала. Он начал приставать ко мне с разговором и сказал: "Хочешь не хочешь, но мы обязательно должны встретиться и поговорить".

Я согласилась, и позже мы встретились в тбилисском парке Надзаладеви. В том районе жили моя сестра и зять, и я хорошо знала парк.

Сели мы на скамейку. На Лаврентии было черное пальто и студенческая фуражка. Он сказал, что уже давно наблюдает за мной и что я ему нравлюсь. А потом сказал, что любит меня и хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Тогда мне было шестнадцать с половиной лет. Лаврентию же исполнилось 22 года.

Он объяснял, что новая власть посылает его в Бельгию изучать опыт переработки нефти. Однако было выдвинуто единственное требование – Лаврентий должен жениться.

Я подумала и согласилась – чем жить в чужом доме, пусть даже с родственниками, лучше выйти замуж, создать собственную семью.

Так, никому не сказав ни слова, я вышла замуж за Лаврентия. И сразу же поползли слухи, будто Лаврентий похитил меня.

Нет, ничего подобного не было. Я вышла за него по собственному желанию».

Перед казнью преступник признался в своем «преступном моральном разложении». Его жена этого не признала.

«Однажды следователь заявил, – говорила Нина

Теймуразовна, – что у них есть данные якобы о том, что 760 женщин назвали себя любовницами Берия. Вот так. И ничего больше».

«Лаврентий день и ночь проводил на работе. Когда же он целый легион женщин успел превратить в своих любовниц? – продолжала жена Берия. – На мой взгляд, все было по-другому. Во время войны и после Лаврентий руководил разведкой и контрразведкой.

Так вот, все эти женщины были работниками разведки, ее агентами и информаторами. И связь с ними поддерживал только Лаврентий.

У него была феноменальная память.

Все свои служебные связи, в том числе и с этими женщинами, он хранил в своей голове. Но когда этих сотрудниц начали спрашивать о связях со своим шефом, они, естественно, заявили, что были его любовницами. Не могли же они назвать себя стукачками и агентами спецслужб…»

Тадеус Уиттлин писал:

«Обычно машина Берия останавливалась у Театра Красной Армии. Там недалеко была женская школа. Ученицы расходились с уроков. Берия, как черная пантера за оленятами, наблюдал за ними. Когда замечал пухленькую девочку 14–15 лет, розовощекую, с влажными губами и ослепительно белыми зубами, он указывал на нее кивком головы. Полковник Саркисов, высокий, худощавый человек, подходил к девочке, отдавал честь, просил следовать за ним. Берия из машины наблюдал в бинокль, как ужас в глазах жертвы нарастал, и это доставляло ему огромное удовольствие. Девчушка понимала, что спасения нет. Она отделялась от группы ошарашенных сверстниц и, поникшая, как рабыня, шла за истязателем. Когда она садилась рядом в машину, Берия даже не глядел на нее, он знал все, что будет: рыдания, целование его рук, ботинок, просьбы отпустить.

Держа девчонку за руку, Саркисов вталкивал ее на Лубянке в кабинет Берии, который садился за стол и тихо требовал, чтобы девочка разделась. Если она прирастала к полу, дрожала и ревела, Берия вытаскивал кнут из ящика и ударял девочку по икрам ног. Она могла кричать сколько угодно: в его кабинете все кричали и плакали – никто не смеялся. Он повторял приказ раздеться. Сдавшись, она раздевалась. Он бросал ее, голую, на диван, сминая своим весом. Если инстинктивно она сжимала ноги, он левой рукой брал ее за волосы и бил головой о деревянный подлокотник дивана. Девочка сдавалась, наступал радостный миг для Берии, когда он входил в молодое невинное тело, словно разрывал его. Девочка кричала – он целовал ее

слезы, катившиеся из молодых невинных глаз. Лишать невинности молодое женское тело было для Берии высшим наслаждением».

Конечно, писатель к реальным фактам добавил свою фантазию. Но вот признание одной из любовниц Берии известной советской актрисы Татьяны Окуневской: «…я приглашена на кремлевский концерт, в который приглашаются только народные Союза, и то избранные, любимые "ими", одни и те же; бывают эти концерты, как мне рассказывали, по ночам, после «их» совещаний, заседаний, в виде развлечения. Заехать за мной должен член правительства Берия. (…) Из машины вышел полковник и усадил меня на заднее сиденье рядом с Берией, я его сразу узнала, я его видела на приеме в Кремле. Он весел, игрив, достаточно некрасив, дрябло ожиревший, противный, серо-белый цвет кожи. Оказалось, мы не сразу едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим. Полковник исчез. Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, сказала, что не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть ли не вливающие вино за пазуху. Он начал есть некрасиво, жадно, руками, пить, болтать, меня попросил только пригубить доставленное из Грузии "наилучшее из вин". Через некоторое время он встал и вышел в одну из дверей, не извиняясь, ничего не сказав. Могильная тишина, даже с Садового кольца не слышно ни звука. (…) Огляделась: дом семейный, немного успокоилась. Уже три часа ночи, уже два часа мы сидим за столом, я в концертном платье, боюсь измять, сижу на кончике стула, он пьет вино, пьянеет, говорит пошлые комплименты, какой-то Коба меня еще не видел живьем, спрашиваю, кто такой Коба…

"Ха! Ха! Вы что, не знаете, кто такой Коба?! Ха! Ха! Ха! Это же Иосиф Виссарионович".

Опять в который раз выходит из комнаты. Я знаю, что все «они» работают по ночам. (…) На сей раз, явившись, объявляет, что заседание у «них» кончилось, но Иосиф так устал, что концерт отложил. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что, если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорил, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он меня отвезет домой. И все, и провал. Очнулась, тишина, никого вокруг, тихо открылась дверь, появилась женщина, молча открыла ванную комнату, молча проводила в комнату, в которой вчера был накрыт ужин, вплыл в сознание этот же стол, теперь

накрытый для завтрака, часы, на них десять часов утра, я уже должна быть на репетиции, пошла, вышла, села в стоящую у подъезда машину, приехала домой…»

Вполне соединимы любовь и злодейство…

ЛИНДОН ДЖОНСОН (1908—1973)

36-й президент США (1963—1969), от Демократической партии. В 1961—1963 годы – вице-президент США. Правительство Джонсона начало агрессивную войну во Вьетнаме, осуществило интервенцию в Доминиканской Республике (1965). Внутренняя политика привела к обострению социальных и расовых конфликтов.

Линдон Джонсон ни в чем не хотел уступать Джону Кеннеди, в том числе и в делах любовных. «Я походя имел больше баб, чем он – ценой огромных усилий!» – однажды заявил он.

Джонсон любил прихвастнуть своими многочисленными победами. Но, что самое удивительное, он умел одновременно поддерживать отношения с двумя постоянными любовницами, встречаться с другими женщинами и при этом не ссориться с женой.

Карьера Джонсона как сердцееда началась еще в юности, когда ему посчастливилось поступить в колледж в Сан-Маркосе, где девушек-студенток было втрое больше, чем юношей, так что завести роман не составляло труда.

Его брат, Сэм Хьюстон Джонсон, вспоминал, как он навестил Линдона в квартире, которую тот снимал во время учебы. Выйдя обнаженным из душа, Линдон, устремив взгляд на свое мужское достоинство, сказал: «Старый добрый Джамбо нуждается в разминке. Кто-то ему достанется сегодня вечером?»

Он охотно делился с друзьями интимными подробностями своих встреч, но при этом никогда не упускал из виду главной цели своей жизни. А для того чтобы достигнуть этой цели, ему, сыну бедного фермера, нужно было жениться на девушке из состоятельной семьи.

Какое-то время он встречался с дочерью крупного бизнесмена Кэрол Дэвис. Однако девушка обручилась с другим, положив тем самым конец их роману.

Следующей оказалась Китти Клайд Росс, дочь самого богатого человека в Джонсон-Сити.

С юных лет Джонсон увлекался политикой и, начав свою политическую карьеру, ушел в нее с головой, так что на более или менее серьезные романы почти не оставалось времени, поэтому он для разрядки приглашал какую-нибудь официантку и проводил с ней ночь.

Однажды, будучи слишком занят для традиционного ухаживания, Джонсон попросил только что отказавшую ему девушку познакомить его с какой-нибудь подругой. Та представила его Клаудии Берд Тэйлор (все называли ее «леди Берд»), дочери преуспевавшего бизнесмена. В 1934 году они поженились.

Через три года Джонсон попал в конгресс. Примерно в это же время он познакомился с Элис Гласе, любовницей газетного магната Чарлза Марша, который ради нее бросил жену и детей. Элис не признавала институт брака, что, впрочем, не помешало ей подарить Маршу двоих детей.

Их особняк в Вирджинии, в стиле восемнадцатого века, названный Лонгли, приветливо распахнул двери перед политиками и журналистами.

Элис занялась общественной деятельностью – помогала евреям эмигрировать из Германии. Джонсон предложил ей свою помощь. Они стали любовниками, встречались в отелях «Мэйфлауэр» или в «Эллайзинн».

Джонсон очень рисковал, так как Марш был его политическим покровителем. Его газета печатала материалы в поддержку молодого перспективного политика, а когда Джонсон понял, что не может прожить на жалованье конгрессмена – десять тысяч долларов в год, – Марш за умеренную плату продал Джонсону участок земли. Деньги дала леди Берд. Эта сделка обеспечила их будущее материальное благополучие.

Вероятно, леди Берд знала о связи Джонсона с Элис. Когда ее мужу предстояло провести уик-энд в Лонгли, она улетала в Техас или занималась домашними делами в Вашингтоне.

В конце концов Марш обо всем узнал. Однажды вечером, порядком нагрузившись, он велел Джонсону убираться из его дома. Правда, позже, когда Джонсон все-таки вернулся, Марш не обронил ни слова.

Эта связь длилась до 1967 года. Элис решила, что не может поддерживать войну Джонсона во Вьетнаме, и вышла замуж за Марша, но спустя шесть лет разошлась с ним.

С Маделейн Браун Линдон познакомился на светском приеме в Далласе в 1948 году, в бытность свою конгрессменом. Ей было двадцать четыре, она работала ассистенткой в рекламной фирме. «Он смотрел на меня, как на мороженое в жаркий день», – вспоминала Маделейн. Так начался роман, которому суждено было длиться двадцать один год.

Спустя три года после первой встречи Маделейн родила Джонсону сына, которого они назвали Стивеном. По признанию Маделейн, ее влекло к Джонсону прежде всего физически.

Они старательно скрывали свою связь от леди Берд и двух его законных детей. Джонсон снял любовнице небольшой дом, оплачивал служанку и другие расходы и раз в два года дарил ей новый автомобиль. Когда бы Джонсон ни приезжал в Техас, он встречался с Маделейн.

Во времена своего вице-президентства Джонсон сблизился с младшей сестрой Кеннеди, Джин. В 1962 году они вместе ездили в Индию. Джеки Кеннеди также симпатизировала Джонсону, считая его «галантным кавалером». Она охотно танцевала с ним на балах в Белом доме.

После похорон Кеннеди Джеки письменно выразила ему благодарность за хорошее отношение – «и при жизни Джека, и теперь, когда вы стали президентом».

Джонсон оказал внимание даже стюардессе семейного самолета Кеннеди. Позже он перевел ее в свои личные секретари. Гувер снабдил Джонсона порочащей девушку информацией – фотографиями, на которых она, будучи старшеклассницей, позировала в обнаженном виде. Утром, когда новая сотрудница вошла в Овальный кабинет, Джонсон достал фотографии и начал их старательно сличать с оригиналом…

Из секретарш Белого дома Джонсон создал собственный гарем. Он нанял шесть секретарш и спал с пятью из них. Он ублажал секретарш не только в Овальном кабинете, но и в персональном самолете, и на президентской яхте. Одна «премиленькая девица», секретарша Белого дома, занималась с ним любовью на письменном столе в Овальном кабинете. Другую он взял с собой на ранчо Джонсонов в Техасе. Ночью ее разбудило чье-то прикосновение. Она открыла глаза и увидела рядом с собой мужчину. «Подвинься, – сказал он. – Это я, твой президент». Заведующий бюро по делам женщин в администрации Джонсона, Эстер Петерсон, не раз опускал глаза от шуточек Джонсона «с сексуальным уклоном».

Один из конгрессменов пожаловался на своего коллегу – женщину по фамилии Грин, из-за которой не удалось принять важный закон. Джонсон посоветовал конгрессмену провести с ней вечер в постели, и тогда она поддержит любой проект. Своему помощнику он порекомендовал применить ту же тактику по отношению к журналисткам. Сам Джонсон имел интимные отношения с корреспонденткой «Вашингтон стар».

«Я придаю большое значение красоте, – рассуждал он. – Терпеть не могу уродин или каких-нибудь жирных коров – рассядутся на своем вымени!»

Джонсону удалось провести поправки к закону о гражданских правах. В личной жизни он также проявил себя человеком без

предрассудков. Среди покоренных им женщин была красивая темнокожая девушка Джеральдина Уиттингтон.

Если Джонсону попадалась на глаза хорошенькая девушка за пределами Белого дома, он тотчас воспламенялся и посылал помощника с приказом немедленно ее разыскать.

«Может, он и деревенщина из Техаса, – сказал как-то политический обозреватель Джордж Риди, – но повадки у него точь-в-точь как у турецкого султана».

Леди Берд знала об амурных похождениях мужа. Агент ФБР утверждал даже, что однажды она застала его, занимающимся любовью с секретаршей на диване в Овальном кабинете. Миссис Джонсон отнеслась к этому философски: «Это всего лишь одно из свойств его натуры».

В основе весьма необычных отношений леди Берд с мужем лежала ее жажда самосовершенствования. Многие удивлялись, как она может продолжать любить этого грубого, необузданного человека, который частенько позволял себе критиковать жену при посторонних, а то и прикрикивать, как на служанку, к тому же изменял ей. Некоторые считали, что все дело в генах: отец леди Берд, Томас Джефферсон Тэйлор, был таким же «верзилой из Техаса». Сама же леди Берд говорила: «Линдон заставляет вас постоянно подтягиваться. Он ожидает от людей большего, – в духовном и физическом плане, – чем то, что они могут дать».

Конечно, нельзя свести любовь к какой-то одной схеме. Пусть Линдон не раз уходил от нее к другим женщинам, леди Берд знала, что занимает главное место в его жизни. Она убедилась в этом в один из июльских дней 1955 года, когда у сенатора Джонсона случился обширный инфаркт. «Ты только сиди рядом и держи меня за руку, – проговорил он, когда она везла его в больницу. – Мне необходимо знать, что ты здесь, пока я буду бороться со своим недугом». И она провела шесть недель у его постели.

Спустя несколько лет она убеждала телевизионного ведущего: «Да поймите же: мой муж любил людей – вообще. А половина из них – женщины. По-вашему, я могла оградить его от половины человечества? Уверяю вас, с этой задачей не справился бы никто».

ЭДУАРД VIII, ГЕРЦОГ ВИНДЗОРСКИЙ (1894—1972)

Король Эдуард VIII с 20 января по 11 декабря 1936 года. Отрекся от престола, чтобы жениться на своей возлюбленной Уоллис Симпсон. После отречения получил титул герцога Виндзорского.

23 июня 1894 года король Георг V занес в свой дневник: «В 10 ч. утра в Ричмонд-Парке появился на свет прелестный малыш. Вес – 8 фунтов». Вероятно, это были самые ласковые слова короля в адрес сына, сказанного за всю его жизнь.

Мать, женщина холодная и чопорная, исполнила свой долг, даровав мужу наследника, и вполне разделяла мнение королевы Виктории, написавшей по аналогичному случаю: «…ужасно, что первый год счастливой супружеской жизни испорчен и омрачен такими злосчастными неудобствами».

Впрочем, сама королева Виктория была очень рада появлению на свет первого правнука и попросила, чтобы новорожденного назвали в честь ее покойного мужа. И принц был окрещен Эдуардом Альбертом Христианом Георгом Эндрю Патриком Дэвидом.

Родители видели детей только перед сном, когда заходили к ним в спальню, чтобы поцеловать на ночь. Король-отец внушал детям страх. Слова «Его Величество ждет вас в библиотеке» приводили Дэвида в трепет. Мальчик рос в атмосфере запретов.

В XIX веке король в Британии стал национальным символом, а политическая власть перешла к парламенту. Королева Виктория была для англичан «уравновешенной личностью», Эдуард VII – «веселым королем», а в Георге V видели «отца всех подданных».

В двенадцать лет Дэвида отдали в Осборнскую морскую школу на острове Уайт, где низенький, сутуловатый, щуплый мальчик получил прозвище «Килька». Учеба ему давалась с большим трудом. Он постоянно отставал. Через два года его перевели в Королевский Морской корпус в Дартмуте.

В 1910 году скончался Эдуард VII, и отец Дэвида стал королем Георгом V, а сам юноша – принцем Уэльским. Церемония коронации произвела на Дэвида сильное впечатление: в костюме из серебряной парчи, с мечом в красных бархатных ножнах он преклонил колени перед отцом в Вестминстерском аббатстве и произнес слова традиционной клятвы в верности, а затем поцеловал короля в обе щеки. Через несколько дней в замке

Карнарвон состоялась церемония, посвященная лично Дэвиду, – его торжественно возвели в достоинство принца Уэльского.

Вскоре отец, к неописуемой радости принца, разрешил ему отправиться в трехмесячное плавание на линкоре «Индостан».

В восемнадцать лет Дэвид поступил в Оксфордский университет, где в колледже Св. Магдалины изучал немецкий язык и историю, занимался спортом и охотой. Общее мнение на факультете о принце было: «Нет, пороха он не изобретет».

Король вскоре стал приглашать его на свои охоты. На одной из них они убили более четырех тысяч фазанов, после чего король заметил: «Кажется, Дэвид, сегодня мы несколько увлеклись».

Принц Уэльский получил чековую книжку, держал двух пони, научился играть на волынке и банджо, выступал в дублирующем составе Оксфордской футбольной команды, увлекался танцами. Друзей у него не было. Но даже тех, кто искренне был к нему расположен, таинственная магия царственности вынуждала держаться на почтительном расстоянии. Несомненно, одной из причин того, что он пристрастился к алкоголю, было желание расслабиться, дать выход задавленной пылкости, тщательно скрываемой страстности, ибо тем и другим он был наделен в избытке.

В 1914 году началась война. Дэвид не оставлял попыток попасть на фронт. Он заявил знаменитому лорду Китченеру, военному министру, что, если его убьют, четыре его брата заменят его на престоле. Китченер ответил, что не стал бы препятствовать, если бы речь шла только о гибели наследного принца, «но я не могу не принимать в расчет возможность плена».

В конце концов Дэвид отправился во Францию, в штаб экспедиционных войск. Там он использовал любую возможность, чтобы на автомобиле или велосипеде навестить раненых в полевом госпитале или совершить поездку на фронт. Среди офицеров ходила поговорка: «После ураганного огня германцев непременно жди принца Уэльского». Дэвид стал свидетелем битвы на Сомме, где в первый же день погибли пятьдесят семь тысяч человек…

В тот день, когда Дэвид появился на свет, член парламента Джеймс Кейр Харди сказал в палате общин: «Предполагается, что это дитя однажды будет призвано царствовать над нашей великой страной. В должное время наследник совершит путешествие по свету, и весьма вероятно, что за этим последуют слухи о его морганатическом браке. Платить по счету придется стране». Это пророчество сбылось с удивительной точностью.

К концу Первой мировой войны принцу исполнилось двадцать четыре. Он увлекался скачками – особенно стипль-

чезом. Однако премьер-министр, которого поддержали венценосные особы, попросил его отказаться от конных состязаний, поскольку принц мог свернуть себе шею, а любое его падение с лошади стало бы предметом обсуждения всей страны.

Принц пересел на автомобиль «даймлер» и наслаждался скоростью. Тогда его предостерег в письме отец: «Я прошу Вас не ездить слишком быстро и соблюдать осторожность, ибо Ваша матушка и я тревожимся за Вас». Принц обожал игру в поло, но после того как ему угодили мячом в глаз, снова вмешался с запретом отец. Спустя несколько лет Дэвид научился управлять своим личным самолетом. Разумеется, пилотирование пришлось тоже оставить…

Дэвиду постоянно напоминали, что девиз принца Уэльского: «Я служу». Принц обязан произносить речи, сажать деревья, присутствовать при спуске на воду нового судна или закладке фундамента здания… Затем король отправил его в поездку по Британской империи. Чем больше принц путешествовал, тем более популярным становился. Мир увидел и оценил его искреннюю доброжелательность, непринужденность, застенчивую улыбку, чувство юмора и, наконец, его молодость и красоту.

За шесть лет Дэвид проехал более ста пятидесяти тысяч миль, посетил сорок пять стран, посадил столько памятных деревьев, что хватило бы на целую рощу, заложил столько краеугольных камней, что их хватило бы на целую башню.

Король и принц по-разному смотрели на мир, как, впрочем, и на институт брака.

Когда Дэвид приехал в Америку, одна из газет поместила такую шапку: «Девушки! Вот он – самый подходящий холостяк. И до сих пор еще никем не пойман!»

Перед отъездом в интервью журналистам он сказал, что вполне мог бы жениться на американке. Принц давал понять, что не желает политического брака, женитьбы без любви. Премьер-министр еще в 1920 году предупреждал короля, что наследник престол должен жениться не на иностранке, а на представительнице английской или шотландской аристократии.

Давление на Дэвида усиливалось: родители хотели женить его. Гостившему у него Джину Тенни, чемпиону мира по боксу в тяжелом весе, принц сказал: «Итак, вы уходите из бокса, потому что женитесь. Я иногда думаю, что мне придется уйти из политики, потому что я не женюсь».

Принц не думал о женитьбе. Он никогда не испытывал недостатка в женщинах, но в общении с ними был осторожен и замкнут, и его мимолетные романы длились недолго. Одной из своих возлюбленных он подарил украшенную драгоценными

камнями сумочку с надписью «Пинне – навсегда, навсегда, НАВСЕГДА». Но сам-то прекрасно понимал, что никогда не отдаст ей своего сердца. Время настоящей любви еще не пришло…

Первым серьезным увлечение принца была Уинифрид Биркин. Ее муж, член Палаты лордов, был на двадцать лет старше нее. Фрида, как звали ее друзья, вовсе не годилась в партнерши принцу-плейбою. Ее мало занимали светская жизнь и развлечения, она предпочитала мыслящих людей и очень интересовалась политикой. По отзывам тех, кто знал ее, это была блестящая, очень умная, уверенная в себе женщина, не внушавшая тем не менее робости никому, даже застенчивому Дэвиду. Возможно, именно поэтому он потянулся к ней. А возможно, принцу надоело изображать повесу и, повстречав интеллектуалку, он был покорен новизной ситуации. Еще вероятнее, что принц мечтал найти женщину, которая видела бы в нем не наследника престола, а просто человека.

Фрида была не только блистательна, но и очень мила. Небольшого роста, изящная, с очаровательным личиком. Прекрасная рассказчица, она с большим искусством превращала самое незначительное происшествие в тщательно отделанное занимательное повествование. Портил ее лишь по-птичьи пронзительный голосок.

Связь продолжалась более десяти лет. «Я знаю, что он любил ее, – отмечал лорд Браунлоу, один из близких друзей принца. – Он часто писал ей, она же отвечала изредка. Разумеется, она была, по выражению тех лет, "очень замужем", но принц предложил ей руку и сердце и получил отказ. Фрида была истинной англичанкой и прекрасно знала, что король никогда не позволит жениться на разведенной».

Принц, конечно, тоже понимал, что брак невозможен. Однако его бесконечные поездки, частая смена лиц, городов и впечатлений – все это усилило чувство к той единственной женщине, которая относилась к нему не как к наследнику престола.

Принц тем временем встретил еще одну «великую любовь» – Тельму Фернесс. Она представляла собой полную противоположность Фриде: писаная красавица, но без признаков интеллекта. «Она была очень хороша, – вспоминала одна из ее приятельниц, – но разговаривать с ней было настоящей мукой. Всегда веселая, дружелюбная, словоохотливая, но… не большого ума. Она была – никакая».

А вот что писала об этом романе сама Тельма: «Я нашла в лице принца то, что мне в то время было особенно нужно. Он был бальзамом на мои душевные раны и полной противоположностью

моему мужу: застенчив, тактичен, необыкновенно внимателен и деликатен».

Не стоит забывать, что он еще был принцем Уэльским.

И если Дэвид был полной противоположностью лорду Фернессу, то Тельма столь же разительно отличалась от Фриды. «Мы с ним много беседовали, но большей частью – о пустяках. Принц не любил абстрактных рассуждений и отвлеченных идей и не особенно интересовался театром, живописью и литературой. Говорили мы обычно об общих знакомых, о тех местах, где довелось побывать. И этого было достаточно».

Да, принцу в то время этого было достаточно. Он получал от Тельмы любовь и душевное тепло, он мог при ней быть самим собой. Тельма стала для него нишей, убежищем, где он мог укрыться от давления, от суровых ограничений, налагаемых титулом. Он любил риск, искал сильных ощущений – и в стипль-чезе, в полете на аэроплане, – но родители заставили его отказаться от этих увлечений. У него был узкий круг друзей, с которыми он играл в покер, посещал ночные клубы, но никто из них не был ему душевно близок, и потому он все чаще злоупотреблял виски.

Роман Дэвида с Тельмой не затронул его глубоко: принц по-прежнему чувствовал себя холодным, далеким от всего, одиноким существом. Фрида никогда полностью на завладевала его мыслями и чувствами. Тельма Фернесс удовлетворяла его потребности, но не затрагивала главного.

И в это время он встретил свою путеводную звезду – Уоллис Симпсон.

Родители Уоллис происходили из знатных аристократических родов. Она унаследовала от матери острый ум, веселый нрав и заразительный смех, и эти качества сочетались у нее с прекрасными манерами, которым ее обучили мать, бабушка и воспитательница из Олдфилдса.

В характере Уоллис романтическая приподнятость, идеализм гармонировали с умением трезво взглянуть на жизнь и верно оценить ситуацию. Девушка уже осознала силу денег и хотела быть богатой: слишком много выпало на ее долю и долю ее матери материальных трудностей. К тому же Уоллис не лишена была тщеславия: наряду с материальной независимостью мечтала получить и прочное положение в обществе.

И все же романтическая натура всегда преобладала над трезвым расчетом: больше, чем денег, больше, чем славы, ей хотелось любви.

В то время несбыточной мечтой многих американских девушек был 20-летний принц Уэльский. Его фотографии

мелькали на страницах газет и журналов. Юные американки с замиранием сердца следили за всеми его похождениями. Уоллис не была исключением: вместе с подругой она вела альбом, куда вклеивала заметки о принце Уэльском. Девушка не подозревала, какую роль в жизни принца ей предстоит сыграть.

Они познакомились в ноябре 1930 года. К этому времени 35-летняя Уоллис успела уже развестись с лейтенантом военно-морских сил США Эрлом Уинфилдом, пережить многочисленные любовные приключения и выйти замуж за богатого и добродушного американца Эрнеста Симпсона, деловые интересы которого заставляли его подолгу жить в Лондоне.

Уоллис через секретаря познакомилась с его свояченицей – виконтессой Фернесс, известной тем, что ей удалось покорить сердце принца Уэльского. Леди Фернесс вспоминала, что принц хотел провести с ней вечер наедине и был весьма раздосадован, узнав, что намечается прием. «Не волнуйся, дорогой, – успокоила она его, – придут всего лишь несколько друзей, большинство из них тебе знакомы». Затем сообщила об Уоллис Симпсон, добавив: «Говорят, она весьма забавна».

А вот как выглядит знакомство глазами Уоллис. Ей позвонила Консуэло, сестра леди Фернесс, и поинтересовалась, не сможет ли она с мужем заменить ее на вечере у сестры. «Кстати, там будет принц Уэльский…»

Последний аргумент имел решающее значение. Обычно хладнокровная Уоллис почувствовала вдруг необычное волнение: ведь она даже не умела делать реверанс. Ее муж, Эрнест, напротив, был очень польщен и доволен.

Уоллис и Эрнест подъехали к дому леди Фернесс в сумерках. Стоял густой туман. Уоллис знобило. Первое, что ей бросилось в глаза, когда леди Фернесс представила ее принцу Уэльскому, – его «печальный взгляд, золотистые волосы, вздернутый нос и абсолютная естественность».

С этого дня Дэвид стал частым гостем Симпсонов. То, что начиналось как легкий флирт, превратилось в силу, грозившую потрясти устои Британской империи. Предсказывая принцу бурный роман, «Национальный Астрологический журнал» писал в сентябре 1933 года: «Если принц влюбится, он скорее пожертвует чем угодно, даже короной, лишь бы не потерять предмет своей страсти».

Итак, принц Уэльский был покорен, очарован, околдован Уоллис Симпсон. Он отчаянно влюбился. Принц признавался, что прежде всего его поразило, с каким интересом она отнеслась к его работе. Надо отдать должное молодой женщине: она хорошо изучила симпатии и антипатии, пристрастия и вкусы принца, и

потому могла разговаривать с ним смело и с полным знанием дела. Ясно, что аура царственности делала его в ее глазах еще более привлекательным, но это никак не отражалось на ее непринужденности и прямоте – качествах, которые произвели на принца особенно сильное впечатление.

Правда, некоторые из тех, кто знал принца с детства, считали, что «она держала его на аркане сексом». В постели от нее он получал то, чего не могли дать ему другие женщины. Уоллис никак нельзя было назвать красавицей, но она в избытке обладала сексуальной притягательностью. Проведя год в Китае, Уоллис многое почерпнула из восточных концепций жизни и любви…

Многие замечали, что за обедом он подавался в ее сторону, ожидая реплики или замечания, и разражался смехом. Он привык жить по правилам этикета. С Уоллис же можно было расслабиться и хохотать сколько угодно.

Когда брат принца, Георг, женился на греческой принцессе Марине, Дэвид представил королеве Марии Уоллис, как своего большого друга. Королева подала ей руку, не особенно задумываясь, кто перед ней. «Если бы я могла догадаться в то время, то, может быть, приняла какие-то меры», – сокрушалась королева впоследствии.

Вскоре принц снял великолепную яхту в Биаррице, подальше от посторонних глаз. В местном «Баскском баре» для наследника и его спутницы был зарезервирован стол, за которым они ежедневно пили аперитив, а в плавательном бассейне появился отдельный вход, предназначавшийся только для них. На яхте, принадлежавшей лорду Мойну, лидеру консервативной партии, Дэвид и Уоллис обогнули побережье Испании, заходя в тихие бухты. Они устраивали пикники на берегу или обедали инкогнито в маленьких прибрежных ресторанчиках, прогуливались по пустынным пляжам Майорки.

Сведения о принце и Уоллис не просачивались в английские газеты. Никто не знал, что принц преподнес Уоллис бархатный футляр с бриллиантом и изумрудный брелок для браслета. Уоллис попала в волшебный, чарующий мир. Она любила собак – и он подарил ей дымчато-желтого щенка терьера. Она с чисто женской страстью любила драгоценности, духи, платья – и получала их в подарок. В феврале 1935 года она каталась с принцем на лыжах в австрийских Альпах, танцевала с ним вальс в Вене, ездила в Будапешт слушать песни цыган. Они не скрывали своих отношений, о миссис Симпсон знал весь мир… кроме Великобритании. Впрочем, английский высший свет тоже вскоре познакомился с фавориткой наследного принца, на вечере у

американки Мод Кунард, где собирались сливки общества.

Принц и Уоллис проводили вместе много времени, часто разговаривали по телефону, но у нее все еще был дом, муж, а у наследника – многочисленные обязанности, встречи, речи, поездки по стране. Эрнеста Симпсона тем временем высмеивали в прессе. Сам он признался приятелю: «У меня такое впечатление, будто я препятствую ходу исторических событий».

В это время серьезно заболел король Георг, а 20 января 1936 года, в первом часу ночи принц по телефону сообщил возлюбленной, что его отец скончался. Уоллис со слезами на глазах мягко сказала ему, что понимает, как теперь изменится жизнь Дэвида. На что принц ответил: «Ничто не сможет поколебать моих чувств к вам».

В первые месяцы царствования Эдуард VIII редко встречался с Уоллис – он буквально тонул в море новых дел и обязанностей. Например, существовали специальные красные коробки, заполненные депешами министерства иностранных дел и колоний, донесениями, которые он должен был прочитать, осознать, одобрить или отклонить все представления на награды, отличия и звания. Король автоматически становился адмиралом британского флота, фельдмаршалом и маршалом ВВС – каждая из этих должностей требовала времени. Эдуард VIII хотел не только заботиться о подданных, но и понимать их.

Но вскоре он заговорил о своей женитьбе на Уоллис, причем как о деле решенном. Оставалось только назначить сроки. Он хотел, чтобы она была рядом всегда и везде, не желал ее делить ни с кем, мечтал, чтобы она жила с ним, а не с Симпсоном. На этом пути стояло много препятствий, ибо не во власти короля Англии распоряжаться своей жизнью.

Эдуард VIII все чаще появлялся с нею в обществе, их связь обрастала немыслимыми слухами и сплетнями. Король предложил Симпсону дворянский титул. Возможно, он следовал давней традиции, когда в XVII веке Роджер Палмер стал графом Кестмейнским, так как смиренно принял к сведению то обстоятельство, что его супруга скрашивала жизнь Карлу II. Однако гордый Симпсон отказался от титула.

Однажды на Брайанстон-Корт, когда Уоллис не было дома, появился сам король. Он был явно расстроен, без конца поправлял галстук, переминался с ноги на ногу, наконец произнес: «Я должен ее видеть!»

«Я был до того ошеломлен, – вспоминал впоследствии Симпсон, – что так и сел. И лишь потом сообразил, что сижу в присутствии моего короля!»

Вскоре они встретились снова и расставили точки над «i».

Король заявил, что не согласится короноваться, если Уоллис не будет рядом с ним. Эдуард VIII нашел адвоката, который должен был защищать интересы Уоллис на бракоразводном процессе в Ипсвиче.

Король, чтобы отметить это событие, задумал совершить летом круиз по побережью Адриатики. Король инкогнито – под именем герцога Ланкастерского – прибыл на роскошной яхте в один из югославских портов, где он должен был встретится со своей любовницей. Впрочем, это было секретом полишинеля: на багаже миссис Симпсон красовались этикетки с ее именем, а яхту короля сопровождали два миноносца британского королевского флота.

Яхта курсировала вдоль побережья Югославии. Влюбленные наслаждались уединением. Когда они сходили на берег, их никто не узнавал. Эта идиллия, впрочем, длилась недолго: вскоре о путешествии узнали, и во всех гаванях путешественников ждали огромные толпы людей, мечтавших увидеть великолепную пару. А когда король отправлялся в город, его сопровождала настоящая манифестация – жители в экстазе приветствовали английского монарха, бросали цветы и кричали: «Да здравствует любовь!» Их снимали фотографы. Лондонский еженедельник поместил один из таких снимков на обложку, сопроводив подписью: «Герцог Ланкастерский и его гостья».

Круиз был завершен, но королю не хотелось, чтобы все закончилось так скоро. Президент Турции Кемаль Ататюрк предоставил им свой личный поезд, на котором они отправились в Вену, затем в Будапешт. Репортеры единодушно отмечали, что король выглядит довольным, много улыбается и смеется, мало пьет, что они с Уоллис танцуют каждый вечер допоздна, подробно описывали туалеты и драгоценности миссис Симпсон. Если раньше Дэвид любил ее, то теперь просто обезумел от любви, он был околдован и одержим.

Однако теперь роман их достиг точки, когда и Уоллис не могла представить себе жизнь без Эдуарда. Желание короля – закон. Они могли приехать поздно ночью в элитный «Эмбесси-клуб», где не было ни одного свободного столика, но для них тут же освобождались лучшие места. Стоило Уоллис остановить взгляд на собольем манто – и она получала его. Ему доставляло удовольствие исполнять ее малейший каприз.

Между тем личный главный секретарь Александр Хардинг в письме уведомлял короля о нарастающей волне протестов со стороны британцев: они не хотели, чтобы миссис Симпсон примерила туфельки королевы Марии. Хардинг грозил кризисом и возможной отставкой правительства. В конце письма просил

всесторонне обдумать сложившуюся ситуацию и предложил миссис Симпсон немедленно уехать за границу.

Король расценил это письмо как симптом серьезного кризиса, грозящего его правлению. Он был рассержен и поражен. Послание было явно инициировано премьер-министром Болдуином. Но они не учли одного: приняв какое-нибудь решение, он стоял на своем до конца.

Получив письмо Хардинга, король вызвал к себе премьера. «Я намереваюсь жениться на миссис Симпсон, – заявил он. – Как только она получит развод. Этот брак поможет мне лучше выполнять обязанности короля. Если правительство будет возражать, я готов уйти». На Болдуина заявление короля произвело сильное впечатление.

Однако оппозиционная партия лейбористов также выступала против морганатического брака короля. Таким образом король мог жениться на ком угодно, но тогда кабинет консерваторов уходил в отставку, а лидер либералов отказывался бы формировать новое правительство.

Кабинет министров собрался на специальное заседание, чтобы заслушать отчет Болдуина о королевской женитьбе. Премьер-министр заявил правительству, что морганатический брак невозможен, поэтому правительство должно выбирать: либо признать жену короля королевой, либо требовать ее отречения.

В это время британские друзья пытались уговорить Уоллис оставить короля в покое. Адвокат Эдуарда VIII Уолтер Монктон заметил: «Он скорее покончит с собой, чем расстанется с Уоллис Симпсон».

Дэвид знал, что Уоллис хочет, чтобы он оставался на престоле, знал, как дорожит она уникальностью своего положения. Если бы они были вместе, корона стала бы вещью восхитительной – и даже приобрела бы важное значение. Если бы Уоллис сумела вдохнуть в него свою энергию, силу, ободрить его своей любовью, он прославил бы свое царствование в веках, сделал бы его беспримерным, придал бы ему неведомое, новое измерение, стал бы первым в истории «королем-популистом». Без Уоллис корона не имела никакого смысла.

Не выдержав психологического давления и шумихи в прессе, Уоллис уехала в Канн. Король общался с ней по телефону. Она призывала его не сдаваться. Его сторонники также советовали сопротивляться. Но король был слишком нетерпелив, слишком упрям и слишком влюблен. И он принял окончательное решение.

В это время перед Букингемским дворцом состоялись тысячные манифестации в защиту «короля бедняков» под лозунгами «Руки прочь от нашего короля!», «Хотим Эдди и его

хозяйку!».

Уоллис решила сделать заявление для печати. Она собиралась сказать, что не намерена мешать его величеству и готова уехать. Заявление было прочитано в пять часов, а в шесть лондонские газеты вышли с аншлагами: «Уоллис отрекается от короля». Однако механизм отречения был уже запущен и ничто не могло повлиять на решение Эдуарда. Он стоял перед нелегким выбором: корона Британской империи или любимая женщина. Он выбрал любовь.

10 декабря 1936 года в присутствии трех братьев Эдуард VIII заявил «о своем твердом и окончательном решении отречься от престола». Король подписал соответствующие документы, после чего позвонил в Канн и сообщил Уоллис, что отрекся от престола.

На следующий день Эдуард выступил по радио. Его трогательную речь слушал весь мир. Запрос на текст пришел даже из Испании, в которой уже бушевала война…

В июне 1937 года Дэвид и Уоллис поженились. Бывший монарх очень хотел, чтобы из Лондона приехал представитель королевской семьи, чтобы шафером стал его младший брат Джордж. Правительство не разрешило. Он желал, чтобы их обвенчали, но англиканские епископы категорически запретили всем священникам совершать обряд. Во избежание неприятностей Дэвиду пришлось отсрочить свадьбу, чтобы она не совпала с днем коронации, назначенной на 12 мая. Бракосочетание решено было провести в замке Канде.

Тем временем пришла приятная весть: преподобный Роберт Андерсон Джердин из Дарлингтона, презрев запрет епископов, вызвался совершить таинство.

Гостей было всего шестнадцать. Правда, у стен замка собралась толпа. Полицейские маленького французского городка, в окрестностях которого находился замок Канде, облачились в парадные мундиры. На всех дорогах стояли мотоциклисты. Повсюду были развешаны британские и французские флаги.

Наконец таинство совершилось под чарующие звуки органа. Чета преклонила колени пере алтарем на две белые атласные подушки. Герцог выглядел удивительно молодо и просто излучал счастье.

Чета Виндзоров поселилась в старинном замке Васселерлеонбург, выстроенном в 1250 году, но имевшем все современные удобства, включая бассейн и теннисный корт. В замке было сорок комнат, прекрасный сад и часовня, а вокруг высились альпийские вершины.

Багаж герцога насчитывал двести шестьдесят шесть мест.

Люди суеверные вздохнули с облегчением, когда Дэвид

перенес Уоллис через порог не споткнувшись – эта примета сулила их супружеству счастливые дни. Они действительно оказались счастливыми. Чета Виндзоров много путешествовала, жила в Германии, Австрии, Америке…

…4 апреля 1970 года прием в Белом доме давал Ричард Никсон. В числе ста шести приглашенных были министры, промышленные магнаты, астронавты, предприниматели и представители светской элиты. Отвечая на тост Никсона, герцог Виндзорский поднял бокал с шампанским и сказал: «Мне необыкновенно повезло, что очаровательная юная американка согласилась выйти за меня замуж и в течение тридцати лет была мне любящим, преданным и заботливым спутником».

И это было действительно так. Те же чувства испытывала и герцогиня. Однажды ей сказали, что герцог очень высоко ценит ее. Она ответила с улыбкой: «Теперь вы понимаете, почему я его полюбила».

Когда же Дэвида спросил, если бы он снова стоял перед выбором, изменилось бы его решение? Герцог твердо и убежденно ответил. «Точно так же!»

Герцог умер в Париже 28 мая 1972 года от рака. Похороны состоялись в Лондоне. Очередь из тех, кто пришел попрощаться, растянулась на милю. В часовне побывали королева Елизавета с мужем и дочерью.

Герцогиня Виндзорская умерла 24 апреля 1986 года в возрасте 90 лет и была похоронена, по желанию герцога, в могиле рядом со своим мужем.

ФРАНСУА ТРЮФФО (1932—1984)

Французский кинорежиссер и актер, один из зачинателей направления «новая волна». В 1950-е годы работал кинокритиком в «Ла Курьер дю синема», позже стал режиссером. Снял фильмы «400 ударов» (1959), «Жюль и Джим» (1962), «451° по Фаренгейту» (1966), «Дикий ребенок» (1969), «Американская ночь» (1973, премия «Оскар»), «История Адели Г.» (1975), «Последнее метро» (1980). Сыграл одну из ведущих ролей в фильме Стивена Спилберга «Близкие контакты третьего вида» (1977).

Франсуа родился в семье архитектора и секретарши. Однако мальчик свой благополучный дом возненавидел. В лицее недоучился – пошел работать. В 1950 году его призвали на военную службу. Это было тяжкое испытание, и нежная душа начинающего поэта не выдержала – Трюффо дезертировал, как бежал когда-то из дому. Его старшему другу, организатору Парижского киноклуба Базену, удалось уладить дело: Франсуа оказался на свободе с любопытной формулировкой – «демобилизован из-за неустойчивости характера». Трюффо начал публиковать заметки о кино в парижских газетах. В 1951 году Базен основал журнал «Кайе дю синема» – сегодня это одно из авторитетнейших киноизданий мира. Франсуа печатал статьи о некоторых тенденциях французского кинематографа. А через четыре года он снял первый короткометражный фильм «Шантрапа», в котором главные герои – юные обитатели парижского двора. Позже Трюффо сказал, что всю жизнь ставил картины только об отношениях мужчины и женщины или о детях.

Герой его автобиографического фильма «400 ударов» – Антуан Дуанель, мальчишка-фантазер, которому хочется понимания и тепла. За первый полнометражный фильм Франсуа получил приз на фестивале в Канне. Режиссер продолжил историю и снял о молодом французе фильмы «Любовь в 20 лет», «Украденные поцелуи», «Семейный очаг» и «Ускользающая любовь»… Трюффо придерживался традиционного построения сюжета. Он просто показывал жизнь, жизнь без прикрас.

При жизни Франсуа Трюффо о его любовных связях почти не писали. Он довольно умело скрывал их. Только самые близкие люди были посвящены в его амурные дела.

Первой любовью Трюффо стала Лилиан. Ему было 14 лет, он совал ей записочки в шорты и впервые поцеловал на лестнице.

Если вспомнить фильм «Карманные деньги», становится ясно, насколько автобиографична эта картина. Патрик – несомненно – сам Трюффо, с тем самым первым поцелуем.

А его первой женщиной в те же 14 лет стала некая Женевьева Сантен, по профессии секретарша. Открытие было не самым лучшим, но, утешаясь, он написал своему другу: «В следующий раз все получится лучше».

По-видимому, «лучше» получилось с м-ль Риккерс, психологом, которая помогла ему вырваться из исправительного центра для несовершеннолетних (куда его поместил отчим), такого же, какой он потом покажет в «400 ударах».

Будучи уже увлеченным кино юношей, Трюффо познакомился с Лилиан Литвин (кстати, в его жизни будет не меньше пяти Лилиан). Символично, что познакомились они в здании кинотеатра. Впервые он встретил женщину, которая любила кинематограф так же страстно, как и он. Но Франсуа испытывал к ней столь бурные чувства, что она в панике отказывалась с ним видеться. Он пытался покончить с собой. Лилиан спасла его, ухаживала за ним, потом бросила. Какие-то ее черты можно найти в Колетт из фильма «Любовь в 20 лет». Исполнительница этой роли Мари-Франс Пизье была внесена в его донжуанский список. Но это позже, а тогда, после Лилиан, он встречался с актрисой Лаурой Марри и отправился к ней на родину – в Италию.

Здесь же на Венецианском кинофестивале Франсуа познакомился с дочерью крупного продюсера Моргенштерна, Мадлен. Им обоим было по 24 года. В Париже они сочетались браком в мэрии XVI округа. Это, однако, не помешало Франсуа влюбиться в актрису Бернадетту Лаффон, которая снималась у него в «Шантрапе». Бернадетта находила, что он похож на Бонапарта, стоящего на мосту Арколь. «Они в тот период находили все, что угодно, друг в друге, – писала «Пари-матч». – Не оценивал это только муж Бернадетты – Жерар Блен».

Как известно, Трюффо в режиссуру пришел из критики, и теперь ему надо было доказать, что он лучше тех, кого прежде с такой яростью критиковал. Он снимает много, и так же множились его романы, ровно по числу фильмов. Франсуа был не в силах пропустить ни одну актрису, которая играла в его картинах. Это Мари Дюбуа («Стреляйте в пианиста»), Франсуаза Дорлеак («Нежная кожа»), Клод Жад («Украденные поцелуи» и «Семейный очаг», а много позднее «Ускользающая любовь»).

С Катрин Денев он встретился на съемках «Сирены с "Миссисипи"», а потом снял в одном из лучших для них обоих фильме «Последнее метро». Их отношения были довольно

бурными. Денев хотела ребенка, а он не соглашался. Он готов был развестись с Мадлен и жениться на ней, но тут уж Катрин сказала «нет». Кстати, г-жа Моргенштерн-Трюффо весьма снисходительно относилась к увлечению своего мужа. Она справедливо считала, что все это «не серьезно», что он все равно вернется к домашнему очагу. Трюффо назвал один из своих фильмов, «Семейный очаг», полный, как часто у Трюффо, автобиографических подробностей.

Во время съемок «Жюля и Джима» Франсуа Трюффо увлекся Жанной Моро, игравшей героиню «любовного треугольника». Роман был бурным и недолгим. Моро бросила Трюффо и уехала сниматься у Джозефа Лоузи в «Еве». Когда они встретились снова, Франсуа был печален, настроен меланхолически…

Утешился Трюффо с Джулией Кристи, которая снималась у него в «451˚ по Фаренгейту»: «Жюли была первая женщина в моей жизни, носившая мини-юбки», – напишет он позднее. И этот роман оказался недолгим – равно как и съемочный период фильма.

Непродолжительным оказался и его роман с Кики Мэркхам, которая снялась в его фильме «Две англичанки и континент». По окончании съемок он расстался с ней. Объяснил это Трюффо так: «Во время съемок девушка или женщина чувствует волнение, страх, они подчиняются тебе, в поисках поддержки поворачиваются к тебе, готовые уступить».

Надо думать, что Трюффо был близок не столько с артистками, сколько с их героинями, созданными его фантазией. Все признают, что во время съемок Трюффо был обворожителен. После – терял эти качества. Он много работал, но у него хватало времени на все – на любовь, на чтение сценариев, руководство компанией «Фильмы Кароссы», на обеды, походы в кино, на женщин. Трюффо сознавался, что ему скучно в мужской компании после семи вечера.

Женщины вообще занимали в жизни Трюффо очень большое место. Франсуа написал однажды: «Почему женщины не желают нас так же, как мы их, лишь за то, что эти женщины из себя представляют: горбатых из-за горба, буржуазок из-за шляпок, шлюх из-за бедер, добродетельных за их достоинства, толстух из-за их жировых складок, худых из-за их костей». Актер Жан-Клод Бриали вспоминал, что Трюффо частенько, стоя у стеклянной витрины с внутренней стороны, любил наблюдать, как по тротуару шествовали нескончаемые пары стройных ног, и, вздыхая, говорил: «Еще одна, которая никогда не будет моей!..» Он мог преследовать незнакомую женщину по людным улицам, не заговаривая с ней, сторонясь, если она оборачивалась, а потом

выпытывать ее адрес и телефон у какого-нибудь бармена. Друзья рассказывали, что, когда в компании заходила речь о женщинах, Франсуа неизменно возводил глаза к небу, чем вызывал общую улыбку. «Франсуа, – говорил Серж Руссо, – всегда был влюблен, и почти всегда безнадежно». А вот свидетельство одной из тех, которые любили Трюффо: «Он никогда не оставлял женщину насовсем».

Последней любовью Трюффо была актриса Фанни Ардан. Он успел снять ее в двух фильмах – «Соседке», трагической истории о том, как двух бывших любовников, успевших расстаться и обзавестись семьями и снова случайно сведенных судьбой, убила возродившаяся страсть, и в ироническом детективе «Веселенькое воскресенье». Затем, готовясь к работе над «Маленькой воровкой», он впервые почувствовал приступ тяжелой болезни, погубившей его за год.

Фанни Ардан родила ему ребенка – то, в чем отказал он когда-то Катрин Денев. Но ухаживать за собой он позволял единственной женщине, своей жене Мадлен Моргенштерн.

«Он прекрасно знал: от него скрывают, что у него рак, – вспоминал его друг Клод де Живрэ. – И еще он много читал Пруста и "Церемонию прощания" – прекрасную книгу Симоны де Бовуар о том, как умирал Сартр».

Трюффо умер 21 октября 1984 года. Чтобы избежать встречи с журналистами, Фанни Ардан пришлось дожидаться глубокой ночи и пробираться домой тайком. Похороны состоялись на Монмартрском кладбище. Жанна Моро руководила на манер «прекрасной дамы», возглавив проводы в последний путь большого художника, тонкого, нежного, насмешливого – вечного ребенка, обладавшего мудростью змия.

Франсуа говорил: «Я – самый счастливый человек на свете, и вот почему. Я иду по улице, я смотрю на женщину, прекрасно сложенную, брюнетку, прелестную и легкую в своей темной юбке, бьющей ее по коленям в такт шагам: лицо ее не грустно и не весело, она просто идет по улице, не ища удовольствия, не желая никому нравиться…»

РОБЕРТ ДЕ НИРО (род. в 1943)

Американский актер, обладающий большой притягательностью и физической силой. Снимался в фильмах «Злые улицы» (1973), «Крестный отец 2» (1974, премия «Оскар»), «Таксист» (1976), «Охотник на оленей» (1978), «Бешеный бык» (1980, премия «Оскар»), «Король комедии» (1983), «Однажды в Америке» (1984), «Неприкасаемые» (1987), «Успеть до полуночи» (1988), «Мыс страха» (1991), «Казино» (1995), «Жара» (1995) и др.

Роберт Марио де Ниро живет и работает в Нью-Йорке. Он владелец ресторана, продюсерской студии и студии постпроизводства в Трибеке. Де Ниро хорошо знает этот район Манхэттена: его отец провел здесь всю свою жизнь, на чердаке, стены которого были увешаны его собственными картинами. Он скончался в 1993 году, и теперь его полотна украшают ресторан сына. Родители де Ниро развелись, когда ему было два года. Воспитанием ребенка занималась мать, с которой он жил в Гринвич-Виллидж, богемном районе Нью-Йорка.

«Отца я видел очень редко, – вспоминал де Ниро. – Эти встречи никогда не планировались. Он встречал меня на улице, и мы шли гулять. Иногда ходили в кино или в какой-нибудь музей. Когда я был подростком, мне было неловко за то, что у меня отец из богемы, что он живет на чердаке и работает лишь время от времени. Отцы моих друзей совсем на него не походили. Мой отец никогда не пытался обучить меня искусству: он говорил, что произведение может либо просто нравиться, либо не нравиться тому, кто на него смотрит. Мне кажется, что я унаследовал что-то от его характера и его взрывного поведения». Вероятно, можно было бы сказать и «антисоциального».

К десяти годам де Ниро еще не знал, что хочет стать актером. Возможно, это желание в нем пробудили походы с отцом в кино. По возвращении домой Роберту нравилось подражать только что увиденным актерам. Не исключено, что речь идет о Стэне Лореле и Оливере Харди, популярных комических актерах, от которых юный Роберт был без ума. В 14 лет он был таким худым и бледным, что друзья звали его Бобби Милк (milk – молоко).

Роберт де Ниро рассказывал: «…Конечно, я бывал в некоторых бандах, но я никогда не был тем, что называется "уличный мальчишка"… Я захотел стать актером, начиная где-то с 10-летнего возраста. Позднее, годам к пятнадцати, я перестал об

этом думать, когда начал "выходить в свет" субботними вечерами, а также завел себе подружек… Все это продолжалось месяцев шесть или год. И тогда желание стать актером вернулось ко мне, а еще позднее я стал рассудительным, поступил учиться. В конечном итоге в свои восемнадцать лет я по-настоящему "стартовал"…»

Итак, в 16 лет Роберт де Ниро поступил в Школу искусств, а в 18 – в актерскую студию. Четыре года спустя он снялся в своем первом фильме у режиссера Брайана де Пальма. «По молодости ему казалось, что у него вообще нет никакого таланта, никакого шарма, – вспоминал режиссер Мартин Скорсезе. – Он думал, что из-за этого ему придется работать гораздо больше остальных, чтобы его заметили. Как-то он мне сказал, что ни в коем случае не хотел бы стать просто обаятельным актером вроде Гарри Гранта».

Всем известно, что на съемочной площадке Роберт де Ниро никому не делает поблажек. Репетирует он в одной манере, а во время съемок без предупреждения меняет линию игры, чтобы «встряхнуть» партнера. «Я не всегда делаю то, что предусмотрено, но я никого не хочу этим обидеть… Скорее, я делаю это для того, чтобы вернуть энергию сцене. Иногда после многих репетиций сцена теряет блеск. Режиссер нервничает, никто не может понять, почему ничего не получается. В таком случае нужно сменить ритм и интенсивность». Что ж, тем хуже для тех, кого легко вывести из равновесия.

Когда де Ниро не занят в съемках, он встает на заре, в течение часа занимается физкультурой, затем отправляется в свой офис. Его рабочий день длится зачастую 14 часов.

Де Ниро в Голливуде имеет репутацию неотразимого обольстителя. О его многочисленных романах ходят легенды. В 1975—1978 годах Роберт был женат на актрисе Дайан Эббот. Но после развода он записался в отчаянные донжуаны и покорил массу голливудских звезд и просто шоу-знаменитостей, включая Мадонну и Наоми Кэмпбелл. Говорят, сейчас он отдает предпочтение чернокожим красавицам, что вполне сообразуется с его дружбой со Спайком Ли (известным чернокожим экстремистом от кино) и в то же время – с политической корректностью, ставшей второй религией США.

Актер говорит, что в первую очередь он игрок, причем игрок удачливый. Джо Пеши рассказал, как в один вечер в Лондоне от нечего делать де Ниро выиграл 30000 долларов и даже не удивился.

Роберту де Ниро никогда не удавалось хранить верность одной женщине. Все началось в 1962 году, когда 19-летний Бобби

умудрился соблазнить 40-летнюю актрису Шелли Уинтерс, звезду шестидесятых.

В 1976 году он встретил темнокожую актрису-неудачницу Дайану Эббот и женился на ней. Правда, супруги жили отдельно, каждый в своей квартире, и виделись от случая к случаю. Дайана родила Роберту сына Рафаэля. Этот брак продлился три года.

В 1978 году де Ниро тренировался на боксерском ринге, готовясь к съемкам легендарного «Бешеного быка» (о судьбе Джека Ла Мотты). В свободные от работы вечера он встречался под вымышленным именем в мотеле с Деборой Ла Мотта… женой Джейка!

Через год, проезжая по бульвару Сен-Винченте в Лос-Анджелесе, он заметил на улице разбитную темнокожую девицу, сделавшую карьеру певички, Хелену Лизандрелло. Краткосрочный роман напомнил о себе в 1982 году, когда Лизандрелло попыталась навязать отцовство своей дочери Нины Надэже. После суда и тестов было установлено, что ее обвинение ложно.

В 1985 году де Ниро встретил мулатку манекенщицу Туки Смит, единственную из всех, удержавшую актера подле себя целых шесть лет. Туки, увы, оказалась бесплодной, поэтому попросила де Ниро зачать ребенка искусственным способом. В результате от женщины-донора на свет появились дети Туки и Боба, близнецы, за которых в 1997 году пожелавший их выкупить актер предложил бывшей жене три миллиона долларов.

В 1990 году де Ниро развлекался с известной манекенщицей Наоми Кэмпбелл, причем исключительно по воскресеньям. Когда девушка дерзнула размечтаться о серьезности его намерений, он тотчас бросил ее, цинично объяснив, что всегда воспринимает такие отношения, как досуг. По другой же версии топ-модель сама бросила де Ниро из-за того, что в один из вечеров он слишком пристально разглядывал ее соседку.

Единственным исключением среди порывов «черной страсти» де Ниро стал роман с обольстительной Умой Турман, его партнершей по фильму «Бешеный пес и Глори».

В следующем году актер уже встречался с француженкой экс-манекенщицей Анн-Мари Фокс, фотокорреспондентом журнала «Премьер», пришедшей к нему на квартиру делать изорепортаж. Пока Фокс была рядом, он успел соблазнить сестру Майкла Джексона – Джанет, одновременно попытаться завязать роман с Уитни Хьюстон и провести пару ночей со своей партнершей по фильму «Схватка» актрисой Эшли Джадд, а также заинтересоваться Робин Гвинес, бывшей женой Майкла Тайсона, который, говорят, чуть ли не побил актера. «Он не любит женщин,

он их коллекционирует!» – утверждали газетные заголовки.

Все это так, однако по сути своей Боб – одиночка, фанатично сосредоточенный на работе, вне которой для него ничего не существует. Женщины приравниваются к послеобеденной сиесте и бокалу вина, который можно позволить себе в уик-энд.

В последнее время Боб заметно сбавил темп любовной гонки, устало подцепив в самолете миловидную стюардессу Грейс Хайтауэр. Тридцатилетней мулатке, высокой и сексапильной, косящей на левый глаз и бритой, как солдат американской армии, также не везет. Боб зовет ее только тогда, когда ему надо появиться в свете. Правда, злые языки утверждали, что очаровательная Грейс хотела оставить актера, узнав, что у него уже есть дети, но Роберт удержал ее не без помощи великолепного обручального перстня с изумрудами и бриллиантом в 6 каратов.

Несмотря на такую бурную историю отношений с женщинами, говорят, что в течение последних 20 лет актер не прерывает дружбы со своей первой женой, актрисой Дайан Эббот, с которой они поженились в 1976 году и расстались три года спустя. Во время их довольно непродолжительной совместной жизни Роберт и Дайан успели удочерить девочку по имени Дрена. Сегодня Дрена, следуя непростым путем отцовской карьеры, также снимается в кино. Родного же сына де Ниро от этого брака – Рафаэля – нарекли в честь… названия отеля, в котором он был зачат, и, видимо, он еще может считать себя счастливчиком, не получив имени Меридьен или Плаза.

А так – повседневная жизнь де Ниро протекает в гордом одиночестве, полной отчужденности от всех в холостяцкой квартире на Гринвич-Виллидж в Манхэттене, куда не смеет ступать нога женщины.

Де Ниро ведет настолько скрытый образ жизни, что о многих романах репортерам приходится просто догадываться, и не всегда эти догадки совпадают с действительностью.

Роберт де Ниро, казалось, добился в кино всего. Тем не менее он непрерывно снимается, подстегивая себя порциями двойного кофе и фразой: «Я отдохну после смерти».

Что заставляет его так спешить? Чего не успел он еще попытаться сделать? Чувствует ли он постоянную необходимость каждый раз превзойти самого себя? Де Ниро ответил мученической гримасой, вздохнул, посмотрел на часы, на потолок… «Я не борюсь со своим прошлым. Бесполезно размышлять о том, что уже сделано. Я думаю, что самое лучшее со мною еще не случилось, что я еще совершу что-то интересное». Ему нельзя не поверить.

ЖОРЖ СИМЕНОН (1903—1989)

Французский писатель. Создал серию детективно-психологических романов о полицейском комиссаре Мегрэ. Автор социально-психологических романов «Братья Рико» (1952), «И все-таки орешник зеленеет» (1969), автобиографической книги «Я диктую» в 22-х томах (1975—1981).

Мэтр детективного жанра бельгиец Жорж Сименон, скончавшийся 4 сентября 1989 года, оставил состояние, оцениваемое в сотни миллионов долларов. Большая часть завещана Денизе – второй жене Сименона, канадке по происхождению. Спутница последних лет жизни писателя итальянка Тереза, которая помогла ему, как он сам говорил, обрести «полную гармонию», получила в наследство домик в Лозанне, где они с Сименоном жили с 1973 года.

В числе наследников названы также три сына знаменитого бельгийца: Марк – кинорежиссер, Жан – продюсер и Пьер – студент.

В начале рабочего дня Сименон первым делом любовно и кропотливо затачивал два десятка карандашей, с которыми садился за очередную главу. Как только графит одного карандаша стирался, он брался за другой. Точно так же он никогда не курил два раза подряд одну и ту же трубку, заготавливая заранее целый набор из своей коллекции, насчитывавшей более двухсот штук. Трубки набивались экзотическими смесями светлых тонов табака, изготавливаемых специально для него «Данхиллом». Дорожные справочники, географический атлас, карты железных дорог – все это помогало ему насыщать свою прозу реальными деталями и придавать романам завораживающую документальную достоверность. Остальное (а точнее, самое главное) делали – вдохновение и талант. Создав собрание сочинений из более чем 300 томов, Жорж Сименон стал, безусловно, одним из самых плодовитых авторов за всю историю литературы.

Он обладал удивительным даром затрачивать на написание романа меньше времени, чем на его перепечатку. Ему, как правило, требовалось от трех до одиннадцати дней на одну книгу. К вечеру он покрывал сплошной чернотой графита около сорока листов, а на следующее утро садился их перепечатывать, попутно редактируя и убирая лишнее. «Я ужасно этого не люблю.

Я хочу, чтобы все оставалось на месте, чтобы каждая фраза целиком служила сюжету. В моих произведениях нет живости и блеска, у меня бесцветный стиль, но я положил годы, чтобы избавиться от всяческого блеска и обесцветить свой стиль», – так мог сказать только Мастер.

Романы Сименона переведены на 55 языков и проданы во всем мире в количестве более полумиллиарда экземпляров. «Вершиной искусства» назвал их с восхищением известный французский писатель Андре Жид.

Под рукой у Сименона была всегда картотека, чтобы классифицировать живой материал произведений – заметки, нацарапанные порой на клочках бумаги, к которым он позднее приписывал придуманные имена героев своих книг. Он писал без заранее составленного плана, изобретая интригу «по ходу дела», радуясь и зачастую удивляясь тем неожиданным поворотам мысли, в которые вовлекало его это спонтанное творчество. На каком-то этапе герои нового романа начинали жить как бы своей собственной жизнью, и ему оставалось «всего лишь» описывать ее. На одной из карточек своего досье он пометил: это не классические детективы, а «романы обстановки», где погружение читателя в атмосферу психологического наблюдения значит гораздо больше, чем ход полицейского расследования.

Своему любимому герою – комиссару Мегрэ – Сименон посвятил 76 романов и 26 рассказов. Писатель и комиссар полиции провели в неразлучной дружбе сорок четыре года – начиная с романа «Петер-латыш», увидевшего свет в 1929 году, и кончая последней книгой о доблестном комиссаре «Мегрэ и господин Шарль», появившейся в 1972 году. Приключения Мегрэ стали сюжетом для 14 кинофильмов и 44 телевизионных передач.

Мегрэ появился не сразу. Сначала было десять лет работы журналистом и писателем «бульварного жанра», создавшим изрядное число небольших романов под доброй дюжиной псевдонимов. Микетт, Арамис, Жан дю Перри, Люк Дорсан, Жермен д'Антиб – гонорары за произведения всех этих «писателей» шли неизменно по одному адресу: Париж, площадь Вогезов, 21, Жоржу Сименону.

В 1927 году он был уже известным писателем. Под псевдонимом Жорж Сим он наводнял редакции газет и журналов своими репортажами, публиковал рассказы и эссе. В среднем он писал в день по 80 страниц и работал одновременно на шесть издательств. Когда один из его издателей задумал открыть новую газету, он сделал ставку на следующий рекламный трюк: предполагалось, что за пять дней и за весьма кругленькую сумму на глазах у публики Жорж Сим напишет роман для новой газеты.

С этой целью его посадят неподалеку от «Мулен Руж» в специально сооруженную стеклянную клетку, где он будет строчить на пишущей машинке. Этот замысел еще задолго до воплощения настолько оброс слухами, что превратился в легенду: вплоть до начала Второй мировой войны многие уверяли, что «своими глазами» видели Сименона в стеклянной клетке, с безумной скоростью барабанившего по машинке, хотя этой идее не суждено было осуществиться. Просуществовав несколько дней, новая газета обанкротилась.

В 26 лет Сименон решает попробовать себя в деле посерьезнее. Идея была проста, как и все гениальное: его полицейский будет обычным человеком, в котором, по словам самого Сименона, «нет ни хитрости, ни даже среднего ума и культуры, но который умеет докапываться до самой сути людей».

«Мой дорогой Сим, вы меня удивляете. Поверьте, я знаю, что говорю – издатели всегда знают, что говорят – ваша идея дурна. Вы идете против всех правил, и я вам сейчас это докажу. Во-первых, ваш преступник не вызывает ни малейшего интереса, он не плохой и не хороший – этого-то публика как раз не любит. В-третьих, ваш следователь заурядная личность; он не обладает особым интеллектом и сидит целыми днями за кружкой пива. Это ужасно банально, как вы хотите это продать?» Такой вот монолог услышал молодой Сименон от своего издателя Артэма Файяра, которому принес рукопись первой книги о Мегрэ. Подавленный и растерянный, он уже собирался уходить, как вдруг что-то шевельнулось в душе матерого профессионала книжного бизнеса. «Ладно, оставьте мне рукопись. Попробуем опубликовать, посмотрим, что выйдет», – сказал Файяр и, сам того не сознавая, дал «зеленый свет» целой эпохе в истории детективного жанра.

В 1931 году появилась серия романов о Мегрэ. Сименон закатил тогда грандиозный банкет – «антропометрический бал», тоже вошедший в анналы. Приглашено было четыреста гостей, однако праздновавших оказалось не менее тысячи, виски лилось рекой. В воображении обывателей этот «бал» перерос в невероятную оргию, и пресса с горечью писала о молодом авторе, который ради внимания публики готов на руках обойти парк Тюильри.

Подобная репутация сложилась у Сименона к началу 1930-х годов, когда началась его настоящая писательская карьера. К этому времени он мог бы и снизить темп: за каждого нового «Мегрэ» он получал теперь вдвое больше, чем за пять-шесть «побочных» романов, которые и считал «настоящей литературой», но которые крайне скверно расходились. Казалось бы, теперь он мог перевести дух, шлифовать и совершенствовать

психологические рассказы, которыми, не в пример «Мегрэ», дорожил. Однако объем того, что он писал, нарастал как снежный ком: в 1938 году он умудрился опубликовать 12 романов – по одному в месяц, привычный же его ритм – четыре–шесть книг в год. Но остановиться он не мог – просто не умел иначе. Персонажи, рождавшиеся в его воображении, были подобны демонам, рвавшимся наружу. Его вторая жена Дениз описала этот процесс в своих мемуарах: будто робот, он часами сидел за машинкой, выдавая каждые двадцать минут по странице. Без единой паузы, без сбоев. Книга рождалась в три, пять, одиннадцать, пятнадцать дней.

Сименон сам никогда не понимал, как это у него получалось. Он никогда не планировал свой рабочий день, книга сама диктовала режим, сама определяла момент, когда должна создаваться. В своих интервью Сименон не раз говорил, что пишет для «простого человека», вне зависимости от его образовательного уровня, поэтому его романы были коротки, он сознательно ограничивал свой словарный запас до – самое большее – двух тысяч слов. Короткими были и сами слова, ибо находились под сильнейшим эмоциональным давлением. Некоторые его психологические романы обрывались внезапно сжатой концовкой, словно автор сам не мог больше выдержать их высокого напряжения…

В 1977 году, за четыре года до написания своего последнего романа и за 12 лет до смерти, Жорж Сименон признался, что у него было десять тысяч женщин! Фантазии выжившего из ума старика, скажете вы и будете, очевидно, правы, но, черт побери, хочется встать и снять шляпу. В своих воспоминаниях Дениз поправила его: не десять, а двенадцать тысяч. За годы, проведенные с Симеоном, у нее сложилось такое впечатление, что по написании каждой новой книги его страсти не стихали сразу; он мчался к проституткам, менял их по четыре, по пять за один вечер. Вероятно, таков был его способ реализации: когда писал, он днями мог не подниматься из-за стола, но, по словам мадам Сименон, у него была ежедневная потребность в женщине. Сам писатель, посмеиваясь, отказывался признать себя «сексуальным маньяком». Свой вечный «сексуальный голод» он объяснял творчеством: как иначе он мог бы придумать всех своих женских персонажей, как бы иначе узнал, какие эмоции и проблемы терзали их?..

Покинув Льеж 19-летним, Сименон ворвался в парижскую жизнь, словно ветер в ураган. Тогда он и начал постигать «женские проблемы», раздаривая творческий пыл без разбору: от самой дешевой уличной проститутки до знаменитой

негритянской певицы и актрисы Жозефины Бейкер, проведшей большую часть жизни во Франции. Обычный дневной рацион писателя «ограничивался» четырьмя представительницами слабого пола. С Бейкер он познакомился в 1925 году. «Я бы женился на ней, если б не получил отказ, – вспоминал он в 1981 году об этой короткой, но бурной связи. – Мы встретились лишь через тридцать лет в Нью-Йорке, по-прежнему влюбленные друг в друга».

Но еще до романа с певицей, в 1923 году, он сочетался законным браком с художницей Региной Реншон, с которой познакомился в новогоднюю ночь 1920 года в Льеже, где работал журналистом в местной газете. Ему сразу понравилась молодая художница и, как говорил он сам позднее, «я стал искать ее общества». Три года спустя они поженились, но вот беда: Тиги (так прозвал свою супругу Жорж) оказалась страшно ревнивой. Это обстоятельство несколько угнетало жизнелюба и донжуана, каким был в молодости уважаемый писатель.

Тем не менее суровый нрав Тиги не помешал ему сделать постоянной любовницей их домработницу, пышнотелую Генриетту, прозванную любвеобильным Сименоном Булочкой. Лишь безумная любовь к своему мужу заставляла Тиги мириться в течение двадцати лет с этим. Она сама, словно интуитивно понимая, что ее мужу требуется полная свобода, настояла на том, чтобы у них были разные ателье. Летом 1929 года Жорж, Тиги и Булочка отправились на паруснике «Остгот», который Сименон приобрел по случаю в Париже. «Мы много путешествовали. Мы выходили внезапно. Мы внезапно возвращались», – рассказывала Тиги. В 1929 году целью путешествия были Нидерланды, а шесть лет спустя – весь мир! Нью-Йорк, Таити, Южная Америка, Индия… Сименон бежал оттуда, где он не был больше «своим» – из Парижа сумасшедших лет, охваченного предвоенной лихорадкой, из Парижа великого Пруста, сказавшего с некоторым сожалением о создателе Мегрэ: «Это не писатель, это романист». Сменив мостик яхты на палубы океанских лайнеров, они продолжали свою странную жизнь – Сименон, Тиги и Булочка. Сименон разошелся с Тиги в 1944 году – она не простила ему измены. Он был в отчаянии.

Но безутешен он был недолго. Дениза Уиме, которую он встретил в Нью-Йорке и пригласил к себе работать секретарем, стала его женой в июне 1950 года, всего через два дня после расторжения брака с Региной Реншон. Вместе с молодой канадкой в жизнь писателя ворвалась страсть, «настоящий жар», как говорил он сам. Она называла его Джо, дабы отличать от первого мужа, которого тоже звали Жорж. На сей раз

преуспевающий писатель нашел подругу жизни с нервами покрепче: ее нельзя было смутить адюльтером со служанкой. Дениз забавляло, когда супруг среди ночи удирал от нее через окно к той же Булочке или другой даме сердца. У нее же самой темперамент мужа вызывал ироническое недоумение. Куда охотнее она сопровождала своего неугомонного Джо в публичный дом: там она с удовольствием болтала с барышнями, пока Сименон развлекался с одной из них. Если он появлялся, по представлению Дениз, слишком рано, она отсылала его со словами: «Займись еще одной».

У Марка, сына Сименона от первого брака, появились сводные братья и сестра: Джонни (1949) и Пьер (1959), Мари-Джо (1953). Семья перебралась в Швейцарию, в замок Эшоден, чтобы насладиться счастливым уединением и природой.

В Швейцарии Сименон держал целый штат прислуги, в обязанности горничных вменялось и обслуживание хозяина. Дениз рассказывала о приеме на работу новой горничной. «Неужели на нас соблюдается очередь?» – спросила та. «Необязательно, – невозмутимо ответила хозяйка. – Но не надейся, что тебе удастся этого избежать». «Большинство людей работают каждый день и время от времени занимаются сексом, – писал биограф Патрик Марнэм. – У Сименона секс был каждый день, и время от времени он, как вулкан, разражался работой. С годами количество этих извержений сократилось, но сексуальная дисциплина оставалась неизменной».

Но Сименон, диктатор по натуре, стремился приучить Дениз повиновению своим прихотям. Это привело к разрыву супружеских отношений в 1965 году. Дениз говорила, что со временем его любовь к ней переросла в ненависть. Между ними началась настоящая война, сопровождавшаяся потреблением обеими сторонами невероятного количества алкоголя, драками, взаимными оскорблениями. Их сын Джон вспоминал, что уже на пятом году жизни понял, что родители испытывают неподдельное отвращение друг к другу. Дениз написала о годах, проведенных вместе, две книги: «Птичка для кошки» и «Золотой фаллос». Так или иначе, Ди, как ласково называл свою вторую жену писатель, была целой эпохой в его жизни.

Дочь от брака с Ди, Мари-Джо, стала любимицей отца. Для нее он был готов на все, превращаясь в папочку, внимающего любым капризам своей дочурки. В 8 лет она попросила у него – ни больше ни меньше – обручальное кольцо из чистого золота. И он купил ей это кольцо, с которым она уже больше никогда не расставалась.

Она была хрупким, ранимым ребенком. После безуспешных

попыток стать певицей или киноактрисой Мари-Джо впала в глубокую депрессию («Мадам тоска», как она ее называла), день ото дня становившуюся все сильнее. «Я ведь выздоровлю, правда?» – писала она отцу из Парижа. Но увы – 20 мая 1978 года в возрасте 25 лет Мари-Джо покончила с собой выстрелом из пистолета в сердце. Она написала «дорогому папуле» письмо с последними пожеланиями: оставить с ней любимое обручальное кольцо и зарыть ее прах у подножия кедра в саду их маленького дома под Лозанной.

Смерть дочери стала переломным моментом в жизни писателя. Именно в этот период уже немолодой Сименон решил уйти на отдых…

В детстве Сименон симпатизировал слабому, нерешительному отцу и протестовал против тирании взбалмошной матери, с которой его связывали «фрейдовские» отношения любви-ненависти. Война с ней продолжалась всю жизнь и окончилась лишь с ее смертью в 1970 году. Она регулярно отсылала назад деньги, которые сын отправлял ей. Когда Сименон пришел к ее смертному одру, на прощание он услышал лишь: «Ты зачем сюда пришел, сын?» После ее смерти Сименон написал еще один роман и еще одного – плохого – «Мегрэ», больше ему нечего было сказать, «демоны юности» оставили его. Казалось, что он, отзывавшийся о писательстве как о «болезни и проклятии», наконец излечился. Он, гордившийся всю жизнь своим профессионализмом, изменил в паспорте запись в графе «род занятий»: вместо «писатель» теперь значилось «без профессии»… У него были женщины и дети, он работал с удовольствием, ему сопутствовал успех. Единственное, что привело его в ярость за эти годы, это то, что в 1947 году Нобелевская премия была присуждена не ему, а Андре Жиду.

И по сей день, всякий раз, когда прогулочные кораблики проходят вдоль набережной Ке-дез-Орфевр, гиды показывают на третий этаж легендарного здания, где «расположен» кабинет Мегрэ…

Последние годы жизни Сименон провел с Терезой, ставшей его доброй спутницей на склоне лет. Сменив более тридцати жилищ, Сименон вернулся в домик на берегу озера Леман, неподалеку от Лозанны. Он устал и просто хотел, чтобы его оставили в покое. Все предметы роскоши, богатства, включая уникальную коллекцию живописи (Пикассо, Вламенк) – все было отправлено в банк на хранение. Какая-то необходимая мебель, магнитола, да несколько трубок на камине – вот, пожалуй, и все, что он себе оставил. В кроне трехсотлетнего кедра, ставшего последним пристанищем для его любимой дочери, свили гнездо

птицы, которых он научился различать по семьям и поколениям, как будто это были люди. В этом доме он и закончил свой земной путь – радостно и бесстрашно, оставив нам добрую память и хорошего друга, чуточку похожего на него самого.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ (1803—1873)

Русский поэт, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1857). Духовно-напряженная философская поэзия Тютчева передает трагическое ощущение космических противоречий бытия. Вершина любовной лирики – посвященный возлюбленной «Денисьевский цикл».

Семья Тютчевых была типичной дворянской семьей своего времени, в которой модный французский язык уживался со строгим соблюдением отечественных традиций. Кроме Феди, в семье надворного советника Ивана Николаевича Тютчева и его жены Екатерины Львовны Толстой было еще двое детей – старший сын Николай, впоследствии полковник Главного штаба, и дочь Дарья, в замужестве Сушкова.

Раннее детство Федора прошло в Овстуге. Мальчик жил в мире фантазий. Домашним учителем русской словесности и воспитателем Тютчева с 1813 по 1819 год был поэт, переводчик и журналист С. Раич (Семен Егорович Амфитеатров), тогда студент Московского университета, по словам И.С. Аксакова, «человек в высшей степени оригинальный, бескорыстный, чистый, вечно пребывающий в мире идиллических мечтаний, сам олицетворенная буколика, соединявший солидность ученого с каким-то девственным поэтическим пылом и младенческим незлобием». Он сумел передать воспитаннику свое горячее увлечение русской и классической (римской) литературой, несомненно, оказал на него благотворное нравственное влияние.

В 1821 году Ф.И. Тютчев окончил Московский университет, отделение словесных наук. 18 марта 1822 года его зачислили на службу в Государственную коллегию иностранных дел. 11 июня он отправился в Мюнхен, на должность сверхштатного чиновника русской дипломатической миссии в Баварии.

«О наружности своей, – писал один из близких его знакомых, – он вообще очень мало заботился: волосы его были большею частью всклокочены и, так сказать, брошены по ветру, но лицо было всегда гладко выбрито; в одежде своей он был очень небрежен и даже почти неряшлив; походка была действительно очень ленивая; роста был небольшого; но этот широкий и высокий лоб, эти живые карие глаза, этот тонкий выточенный нос и тонкие губы, часто складывающиеся в пренебрежительную усмешку, придавали его лицу большую

выразительность и даже привлекательность. Но чарующую силу сообщал ему его обширный, сильно изощренный и необыкновенно гибкий ум: более приятного, более разнообразного и занимательного, более блестящего и остроумного собеседника трудно себе и представить. В его обществе вы чувствовали сейчас же, что имеете дело не с обыкновенным смертным, а с человеком, отмеченным особым дарованием Божиим, с гением…»

В Мюнхене он познакомился и подружился с Генрихом Гейне, часто беседовал с философом Ф.В. Шеллингом и другими учеными из Мюнхенского университета. В дневнике П.В. Киреевского сохранился отзыв Шеллинга о Тютчеве: «Это превосходнейший человек, очень образованный человек, с которым всегда охотно беседуешь». Здесь же, в начале своей дипломатической карьеры, он влюбился в юную графиню Амалию Лерхенфельд. Девушка отвечает ему взаимностью. Федор обменялся часовыми цепочками с красавицей, причем в обмен на золотую получил всего лишь шелковую. Но, видимо, по настоянию родителей, в 1825 году «прекрасная Амалия» вышла замуж за сослуживца Тютчева, барона Крюденера.

Впоследствии у Тютчева сохранялись добрые отношения с четой Крюденеров. В 1870 году на водах в Карлсбаде поэт встретил свою прежнюю возлюбленную, давно похоронившую первого мужа и ставшую графиней Адлерберг. Благодаря этой встречи и появилось знаменитое стихотворение «К.Б.» (эти буквы – сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер»).

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло…

Стихотворение было положено в конце XIX века на музыку С. Донауровым, А. Спирро, Б. Шереметевым, Л. Малашкиным. Однако наибольшую известность романс получил в переложении замечательного певца И.С. Козловского.

В двадцать два года Тютчев сочетался браком с молодой вдовой русского дипломата Элеоноре Петерсон, урожденной графиней Ботмер. Тютчев был на четыре года моложе жены, к тому же у нее от первого брака было четверо детей. О красоте и женственности Элеоноры Тютчевой свидетельствуют ее портреты. «…Я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня. Я могу сказать, уверившись в этом на опыте, что за одиннадцать лет не было ни

одного дня в ее жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновения, умереть за меня…», – писал Федор родителям о своей первой жене. Не раз приходилось ей выступать в нелегкой роли «покровительницы или пестуна» своего мужа – и всегда с неизменным успехом. Элеонора подарила ему трех дочерей.

В начале 1833 года Тютчев увлекся Эрнестиной Дернберг, урожденной баронессой Пфеффель. Своего мужа барона Фрица Дернберга Эрнестина не любила. В Мюнхене перед этой четой распахивались двери придворных и аристократических салонов. Молодая женщина была среди первых красавиц Мюнхена. Во время первой встречи поэта с Эрнестиной ее муж внезапно почувствовал себя плохо и, предложив ей остаться на балу, уехал домой. Прощаясь с Тютчевым, он сказал: «Поручаю вам свою жену». Через несколько дней барон умер от брюшного тифа. Многое осталось туманным в истории отношений Тютчева с Эрнестиной. Она уничтожила переписку поэта с нею, а также свои письма к брату – ближайшему другу, от которого у нее никогда не было никаких тайн. Но и то, что уцелело в виде загадочных дат под сухими цветами альбома-гербария, постоянного спутника возлюбленной Тютчева, в виде случайно не вычеркнутых ее старательной рукой намеков в позднейших письмах к ней Тютчева, свидетельствует о том, что это не было чуждое «взрывам страстей», «слезам страстей» увлечение, подобное любви-дружбе к прекрасной Амалии. Нет, это была та самая роковая страсть, которая, по словам Тютчева, «потрясает существование и в конце концов губит его».

Вероятно, весной 1836 года роман Тютчева получил некоторую огласку. Элеонора Тютчева пыталась свести счеты с жизнью, нанеся себе несколько ран в грудь кинжалом от маскарадного костюма. Поэт писал И.С. Гагарину: «…я жду от вас, любезный Гагарин, что, если кто-нибудь в вашем присутствии вздумает представлять дело в более романическом, может быть, но совершенно ложном освещении, вы во всеуслышание опровергнете нелепые толки». Он настаивал на том, что причина этого происшествия «чисто физическая».

Во избежание скандала влюбчивого чиновника перевели в Турин (Сардинское королевство), где в октябре 1837 года он получил место старшего секретаря русской миссии и даже замещал временно отсутствующего посланника. Но прежде, в 1836 году, в III и IV томах пушкинского «Современника» были опубликованы 24 стихотворения Тютчева под заглавием «Стихотворения, присланные из Германии» и подписанные «Ф.Т.»

В конце 1837 года поэт встретился с Дернберг в Генуе. Тютчев

понимает, что пришло время расстаться с любимой женщиной.

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости…

Но 1838 году умерла Элеонора. Незадолго до этого она испытала страшное потрясение во время пожара на пароходе «Николай I», на котором она с дочерьми возвращалась из России. Тютчев так тяжело переживал утрату жены, что поседел за одну ночь…

Время залечило его душевную рану. Тютчев увлекся Эрнестиной. Поэт самовольно выехал в Швейцарию, чтобы соединиться с возлюбленной. В июле 1839 года в Берне Тютчев обвенчался с Дернберг. Официальное извещение о браке Тютчева было послано в Петербург только в конце декабря и подписано русским посланником в Мюнхене Д.П. Севериным. Длительное «неприбытие из отпуска» послужило причиной того, что Тютчева исключили из списка чиновников министерства иностранных дел и лишили звания камергера.

После своего увольнения от должности старшего секретаря русской миссии в Турине Тютчев еще в течение нескольких лет продолжал оставаться в Мюнхене.

В конце сентября 1844 года, прожив за границей около 22 лет, Тютчев с женой и двумя детьми от второго брака переехал из Мюнхена в Петербург, а через полгода его снова зачислили в ведомство министерства иностранных дел; тогда же было возвращено поэту и звание камергера. Он служил чиновником по особым поручениям при государственном канцлере, старшим цензором в министерстве иностранных дел (1848—1858), затем председателем комитета цензуры иностранной, немало сделал для ослабления цензурного гнета.

«Тютчев – лев сезона», – отозвался о нем П.А. Вяземский, очевидец его первых успехов в петербургском светском кругу. Таким бессменным «львом сезона», увлекательным собеседником, тонким острословом и любимцем салонов Тютчев остался вплоть до конца своих дней.

Когда началось увлечение Тютчева Денисьевой, неизвестно. Имя ее впервые появилось в семейной переписке Тютчевых за 1846 и 1847 годы. Елена Александровна принадлежала к старому, но обедневшему дворянскому роду. Она рано лишилась матери. Отец ее, майор А.Д. Денисьев, женился вторично и служил в Пензенской губернии. Елена Александровна осталась на попечении своей тетки, инспектрисы Смольного института, в котором воспитывались по переезде в Петербург дочери Тютчева

от первого брака, Дарья и Екатерина. Там же училась и Денисьева. Она была на 23 года моложе поэта.

Вместе со своей теткой Елена Александровна бывала в доме поэта. Встречался с нею Тютчев и в Смольном институте при посещении своих дочерей. По свидетельству родственника Денисьевой Георгиевского, увлечение поэта нарастало постепенно, пока не вызвало наконец со стороны Денисьевой «такую глубокую, такую самоотверженную, такую страстную и энергическую любовь, что она охватила и все его существо, и он остался навсегда ее пленником…»

В августе 1850 года Тютчев вместе с Денисьевой и старшей дочерью Анной совершил поездку в Валаамский монастырь. Дочь поэта, по-видимому, еще не подозревала о близких отношениях, которые установились между ее отцом и Денисьевой.

В глазах той части петербургского общества, к которой принадлежали Тютчев и Денисьева, любовь их приобрела интерес светского скандала. При этом жестокие обвинения пали почти исключительно на Денисьеву. Перед ней навсегда закрылись двери тех домов, где прежде она была желанной гостьей. Отец от нее отрекся, ее тетка А.Д. Денисьева вынуждена была оставить свое место в Смольном институте и вместе с племянницей переселиться на частную квартиру.

Любовь Тютчева и Денисьевой продолжалась в течение четырнадцати лет, до самой ее смерти. У них было трое детей. Все они по настоянию матери записывались в метрические книги под фамилией Тютчевых. Поэта она любила страстной, беззаветной и требовательной любовью, внесшей в его жизнь немало счастливых, но и немало тяжелых минут.

Федор Иванович писал: «…Не беспокойтесь обо мне, ибо меня охраняет преданность существа, лучшего из когда-либо созданных Богом. Это только дань справедливости. Я не буду говорить вам про ее любовь ко мне; даже вы, может статься, нашли бы ее чрезмерной…»

Если Денисьева была отвержена обществом, то Тютчев по-прежнему оставался завсегдатаем петербургских аристократических салонов, постоянно бывал на раутах у великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны. Тютчев не порывал со своей семьей. Он любил их обеих: свою законную жену Эрнестину Дернберг и внебрачную Елену Денисьеву и безмерно страдал оттого, что не в состоянии ответить им той же полнотой и безраздельностью чувства, с каким они относились к нему.

«Поклонение женской красоте и прелестям женской натуры, – подтверждали мемуаристы, – было всегдашнею слабостью Федора

Ивановича с самой ранней его молодости, – поклонение, которое соединялось с очень серьезным и даже очень скоро проходящим увлечением тою или другою особой».

Первая книга стихов Тютчева появилась только в 1854 году. В феврале И.С. Тургенев с гордостью сообщил С.Т. Аксакову: «… Уговорил Тютчева (Ф.И.) издать в свет собранные свои стихотворения…» Начиная с середины 1860-х годов личная жизнь Тютчева омрачилась рядом тяжелых утрат.

В стихотворении «Накануне годовщины 4 августа 1864 года» Тютчев пишет: «Завтра день молитвы и печали, // Завтра память рокового дня…» В этот день умерла от чахотки Елена Александровна Денисьева, «последняя любовь» Тютчева. История этой любви запечатлена в цикле стихотворений, составляющем вершину интимной лирики Тютчева («О, как убийственно мы любим…», «О, не тревожь меня укорой справедливой…», «Предопределение», «Я очи знал, – о, эти очи…», «Последняя любовь» и др.).

Смерть любимой была ударом, от которого поэт долго не мог оправиться. «…Только при ней и для нее я был личностью, только в ее любви, в ее беспредельной ко мне любви я сознавал себя…» Горе, раскаянье, поздние сожаления, чувство обреченности, надежда на примирение с жизнью, – все вылилось в предельно откровенных стихах, составивших знаменитый «Денисьевский цикл».

Отношение Эрнестины Тютчевой к поэту в это время лучше всего характеризуется ее же собственными словами: «…его скорбь для меня священна, какова бы ни была ее причина». Тютчев, увлеченный Денисьевой, не мыслил своего существования без Эрнестины, этой святой женщины. Он писал жене: «Сколько достоинства и серьезности в твоей любви – и каким мелким, и каким жалким я чувствую себя сравнительно с тобою!.. Чем дальше, тем больше я падаю в собственном мнении, и когда все увидят меня таким, каким я вижу себя, дело мое будет кончено».

Поэт пережил свою «последнюю любовь» Денисьеву на девять лет. Узнав о смерти Тютчева, Тургенев писал Фету из Буживаля: «Милый, умный, как день умный Федор Иванович, прости – прощай!»

КАРЛ ЭРНСТ ИОГАНН БИРОН (1690—1772)

Граф, фаворит императрицы Анны Ивановны, обер-камергер ее двора; герцог Курляндский (с 1737 года), создатель реакционного режима – бироновщины, характеризовавшегося засильем иностранцев, разграблением страны, всеобщей подозрительностью, шпионажем, доносами, жестоким преследованием недовольных. После дворцового переворота (1740) был арестован и сослан. Помилован и возвращен в Петербург императором Петром III.

В бытность Анны еще герцогиней Курляндской, 12 февраля 1718 года в Анненгофе, близ Митавы, произошло событие, казавшееся тогда несущественным, но впоследствии имевшее большое значение как для будущей императрицы, так и для всей России. Во время болезни Петра Михайловича Бестужева герцогине Анне принес бумаги для подписи некий мелкий чиновник. Присмотревшись к нему, герцогиня велела приходить ему каждый день. Через некоторое время она сделала его своим секретарем, затем – камергером.

Его звали Эрнст Иоганн Бюрен. Именно так писалось это имя. Однако затем Бюрен в России превратился в Бирона. Некоторые биографы сомневаются в интимном характере отношений между Анной Иоанновной и Бироном, даже изобрели термин «родство платонического свойства душ», основываясь на горячей привязанности императрицы к жене и детям Бирона. Утверждение тем более странное, что количество любовников Анны Иоанновны исчислялось десятками. Несомненно, Бирон всецело завладел ее сердцем. Доказательством может служить сообщение Маньяна от 13 июля 1731 года: «Переехав в прошлое воскресенье из дворца на новую дачу, построенную наскоро в три месяца, где апартаменты канцлера (Бюрена) смежны с ее покоями, княгиня обещала быть на банкете у княгини Ромодановской… Ее Величество уже села в экипаж, чтобы отправиться туда, когда лошадь, на которую сел господин Бюрен, чего то испугавшись, сбросила его наземь. По счастью, он отделался легким ушибом ноги; тем не менее царица так обеспокоилась, что вышла из кареты и послала сказать княгине Ромодановской, чтобы ее не ждали. Нельзя выразить всю силу впечатлений, произведенных этим случаем на старых бояр».

Императрица Анна Иоанновна была истинной барыней-помещицей: она не получила должного воспитания, была хитрой, ограниченной и скупой. В Москве государыня вставала между

семью и восемью часами утра и часа два рассматривала наряды и драгоценности. В девять часов начинался прием министров и секретарей. Она подписывала бумаги, большей частью не читая их, и отправлялась в манеж Бирона, где у нее были свои апартаменты. Полюбовавшись на лошадей, Анна Иоанновна давала аудиенции, стреляла в цель. В двенадцать возвращалась во дворец, обедала с Биронами, не снимая утреннего костюма – длинного восточного покроя платья голубого или зеленого цвета и красного платка, повязанного как у небогатых мещанок. После обеда она ложилась отдыхать рядом, с фаворитом, при этом госпожа Бирон с детьми тихо удалялась.

Бирон, родившийся в 1690 году, был третьим сыном отставного польского офицера. Его семья, вышедшая из Вестфалии, поселилась в Курляндии, где уже давно владела имением Каленцеем. Так как по местным законам владеть землей могли только дворяне, то Бироны отнесли себя к ним. Когда Анна Иоанновна вознамерилась официально признать дворянство канцлера, ей в этом было отказано, и Бирон сделался герцогом Курляндским, не будучи дворянином. Города Митава на востоке и Либава на западе со временем отнеслись к нему снисходительно, но земельная аристократия так и не признала его.

Бирон провел бурную молодость. Будучи студентом в Кенигсберге, он два раза сидел в тюрьме за участие в краже и неуплату штрафов. В 1714 году он приехал в Петербург и попытался устроиться при дворе принцессы Стефании-Шарлотты, жены царевича Алексея, но ему отказали ввиду его низкого происхождения. Десять лет спустя он провожал Анну в Москву на коронацию Екатерины I, на этот раз его познания по конской части были высоко оценены императрицей.

Фаворит был резким и грубым, поэтому не стоит удивляться, что о нем говорили: «Он беседует с лошадьми как с людьми, а с людьми как с лошадьми». Распространился также слух, что он был конюхом, но документально это не подтверждается. У немца действительно была нестерпимо высокомерная, тираническая и дерзкая манера общения. В самом деле, разве сенаторы могли относиться к нему благосклонно, когда, например, проезжая по мосту, Бирон заявил, что, будь его воля, он бы всех сенаторов бросил под колеса своего экипажа.

Не отличалась скромностью и его семья. Одетая в безумно дорогие платья, в бриллиантах, жена его принимала гостей, сидя в кресле, напоминавшем трон, и обижалась, когда ей целовали одну руку, а не обе. Его дети забавлялись тем, что поливали чернилами платья гостей и стаскивали с их голов парики. Любимым занятием старшего сына было бегать с хлыстом в руке

и хлестать по икрам всех, кто ему не нравился. Старому князю Барятинскому, главнокомандующему и всеми уважаемому человеку, выразившему свое неудовольствие по поводу такого обращения с ним, фаворит заявил: «Можете не появляться больше ко двору. Подайте в отставку, она будет принята». В Малороссии, где долгое время была главная квартира Бирона, его старший брат Карл вел жизнь настоящего сатрапа: у него был сераль, куда силой приводили девушек и молодых женщин, и псарня, где крестьянки должны были грудью кормить щенят. Бирон же не счел нужным изучить язык той страны, которой многим обязан.

В 1723 году Анна женила его на Бенигне фон Тротта-Трейден. Этот выбор объясняется не только уступчивостью последней, так как, кроме внушительного роста, в ней не было ничего привлекательного: безобразна, глупа, болезненна, но в то же время не без претензий.

У Бирона родилось трое детей, причем многие историки считают, что матерью по крайней мере одного из них была сама Анна Иоанновна. Действительно, в годы ее царствования младший сын Бирона, названный в честь отца Карлом Эрнстом, был при рождении записан в Преображенский полк, а в девять лет пожалован званием камергера. Позже он был награжден высшим российским орденом Андрея Первозванного, который получали только дети коронованных особ. Не менее показательно и то, что Анна Иоанновна никогда не расставалась с ребенком. Известно, например, что в феврале 1730 года, когда Анна Иоанновна отправилась в Москву для переговоров с членами Верховного Тайного Совета, она взяла с собой Бирона вместе с его младшим сыном. До последних дней жизни императрицы мальчик спал в ее комнате.

Именуясь герцогом Курляндским с 1737 года, в России Бирон был только фаворитом. Однако титул фаворита издавна был синонимом обладания властью, а учитывая свойства характеров Анны и Бирона, последний обладал такой властью, что только могущество Потемкина могло сравниться с нею. И все-таки немца нельзя отнести к величайшим регентам, иначе бы его не застали врасплох и не развенчали. Впрочем, положение любого фаворита ненадежно, в любую минуту его место может занять другой…

Бирона мало волновало мнение окружающих, он заботился больше всего о том, чтобы не потерять благосклонности со стороны Анны Ивановны. И в этом он, несомненно, преуспел. Умирая, императрица передала Бирону самое дорогое, что у нее было, – власть самодержца. 17 сентября 1740 года Бирон был назначен регентом нового императора – двухмесячного Иоанна Антоновича. Но уже 9 ноября он был свергнут. Регент был

арестован и отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где провел шесть месяцев в ожидании приговора. Обвиненный между прочими злодеяниями в том, что покушался на жизнь покойной императрицы, заставив ее поехать верхом в скверную погоду, Бирон 8 апреля 1741 года был приговорен к смертной казни путем четвертования. Манифестом от 15 апреля казнь была заменена пожизненной ссылкой. Местом ссылки определили Пелым, сибирскую деревню, за три тысячи верст от Петербурга.

В деревушке наскоро выстроили дом в четыре комнаты, обнесенный высоким забором. С бывшим регентом обращались совсем неплохо: ему дали содержание 15 рублей в день и оставили штат прислуги – два лакея, два повара, негритянка и горничная турчанка. Но все имущество его было конфисковано.

Первое время родные беспокоились о здоровье герцога Курляндского. Его настроение менялось от полной апатии до припадков бешенства. Наконец он серьезно захворал. В начале 1742 года на престол взошла Елизавета, что приободрило его и вернуло надежду. Действительно, вскоре курьер Сената привез ему весть о свободе и о пожаловании ему имения Вартемберг. Бирон выехал в Курляндию, но по дороге был остановлен приказом поселиться в Ярославле. Бывший регент жил на берегу Волги, в доме с чудным садом. Из Петербурга ему прислали библиотеку, мебель, посуду, лошадей и ружья, с позволением охотиться не далее двадцати верст от города.

В 1762 году Петр III, став императором, вернул Бирона ко двору, возвратил ему остатки его состояния, но объявил, что отдает Курляндию своему дяде Георгу Людвигу Голштинскому. Бывший регент должен был отречься в пользу этого принца, но в это время власть Петра III перешла к его жене, а она, заботясь об интересах России, послала в Курляндию Бирона. Он, став герцогом по капризу русского правительства и согласию армии, казался наиболее подходящим кандидатом. Екатерина велела ему ехать в Митаву, куда он прибыл 14 (25) января 1763 года. Русский резидент Симолин пригрозил гражданам военным судом, если герцога не примут с должными почестями, и 10 (21) февраля сейм признал законность прав герцога.

В 1769 году герцог отрекся в пользу своего сына Петра и умер через три года.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ СУХОВО-КОБЫЛИН (1817—1903)

Русский драматург, почетный академик АН (1902). Автор драматической трилогии «Свадьба Кречинского» (поставлена 1855), «Дело» (1861) и «Смерть Тарелкина» (1869). Занимался философией, переводил Гегеля, писал собственную «философию Всемира».

Вознамерившись на склоне лет написать краткую автобиографию, Александр Васильевич Сухово-Кобылин начал ее с утверждения, что «принадлежит к одному из древнейших родов русского дворянства».

Кобылины вели свое происхождение от боярина Андрея Кобылы, родоначальника царской династии Романовых. В имени Сухово-Кобылиных – Кобылинке, Мценского уезда, Тульской губернии, сберегались семейные реликвии, свидетельствовавшие о том, что предки писателя по отцовской линии играли значительную роль еще при дворе Ивана Грозного.

Четырнадцати лет, как явствует из набросков плана задуманных, но так и не написанных Сухово-Кобылиным воспоминаний, он пробовал свои силы в области поэзии и в переводах с французского. Позднее, в Германии, «было написано несколько стихотворений по-немецки, из которых одно было положено на музыку одним товарищем по университету Гефштетером и напечатано было с музыкой в Гейдельберге».

Александр Сухово-Кобылин в отрочестве и юности не избежал и общего для всей семьи увлечения театром. В набросках плана мемуаров упомянуты «посещения оперы в Москве», в детские годы.

Когда Александр, подростком и юношей, мог уже посещать московские театры, на сцене Малого театра часто шли комедии Мольера, состоялись премьеры «Горе от ума» и «Ревизора», «Игроков» и «Женитьбы». Будущий русский комедиограф рано приобщился к драматическому искусству.

Окончив Московский университет, А.В. Сухово-Кобылин «по желанию родителей выехал в Германию в Гейдельбергский университет для дальнейших занятий по философии». Четыре года (1838—1842) провел в Гейдельберге и Берлине, где «увлекся гегелевской философией». Занятия философией всецело

поглощали тогда юного Сухово-Кобылина, и впоследствии он вспоминал, что вел «совершенно уединенную и аскетическую жизнь» в Берлине. Он оказался в числе тех «наших соотечественников», которые, по выражению А.И. Герцена, «стояли в умилении… даже перед Вердером и Руге, этими великими бездарностями гегелизма». Кстати, именно Карл Вердер читал в те годы лекции в Берлине и, видимо, прямо был повинен в том увлечении гегельянством, которое сопутствовало Сухово-Кобылину до последних лет его жизни.

В годы юности среди друзей Сухово-Кобылина были светские повесы князья Лев и Сергей Гагарины, авантюрист, игрок и кутила Николай Голохвастов, граф Строганов, князь Лобанов, князь Львов-Зембулатов, братья Черкасские и другие отпрыски известных дворянских семейств, на разный манер прожигавшие жизнь. Вместе с ними «блистал» в свете и Александр Сухово-Кобылин. Сохранились сведения, что в 1834 году Сухово-Кобылин занял первое место в скачках на приз охотников, что он посвящал много времени светским балам, любовным похождениям. Он был очень красив; в его облике находили что-то восточное: смуглый, с большими карими удлиненными глазами, высокого роста, с горделивой осанкой. Не случайно Александр имел репутацию светского льва. В одной из записей дневника, посвященных этой поре, прямо говорится: «Мое волокитство…»

Правда, Александр Сухово-Кобылин выделялся из круга «золотой молодежи», с одной стороны, сравнительно меньшей обеспеченностью и родовитостью, а с другой – склонностью к занятиям более серьезным. Время от времени он заставлял себя «бороться против соблазна суеты сует», считал свои научные занятия «собственным сокровищем», всерьез увлекался не только «волокитством», но и математикой, физикой и философией, в то время как интересы остальных сводились к любовным связям, бретерству, лошадям и нарядам. В его письмах проскальзывают такие, например, замечания: «Если вы хотите судить о вещах по существу, то прежде всего надо проститься с обществом, которое поставило себе за правило все судить вкривь».

У Сухово-Кобылина до конца его дней висела над кроватью бледная пастель французской работы в золоченой рамке. По свидетельству одного из его собеседников, хорошенькая женщина в светло-русых локонах и с цветком в руке глядела оттуда задумчиво и улыбалась загадочно-грустно.

В 1841 году в Париже Сухово-Кобылин познакомился с молодой француженкой Луизой Симон-Деманш. Ей было немногим больше двадцати лет и отличалась она замечательной красотой.

Через 60 лет сам Сухово-Кобылин рассказал об этой встрече В.М. Дорошевичу, который тогда же изложил это воспоминание в печати.

«…Дело происходило при крепостном праве.

В одном из парижских ресторанов сидел молодой человек, богатый русский помещик А.В. Сухово-Кобылин, и допивал, быть может, не первую бутылку шампанского.

Он был в первый раз в Париже, не имел никого знакомых, скучал. Вблизи сидели две француженки, старуха и молодая, удивительной красоты, по-видимому, родственницы.

Молодому скучающему помещику пришла в голову мысль завязать знакомство.

Он подошел с бокалом к их столу, представился и после тысячи извинений предложил тост: "Позвольте мне, чужестранцу, в вашем лице предложить тост за французских женщин".

В то "отжитое время" "русские бояре" имели репутацию.

Тост был принят благосклонно, француженки выразили желание чокнуться, было спрошено вино, Сухово-Кобылин присел к их столу, и завязался разговор.

Молодая француженка жаловалась, что она не может найти занятий.

"Поезжайте для этого в Россию. Вы найдете себе отличное место. Хотите, я вам дам даже рекомендацию. Я знаю в Петербурге лучшую портниху Андрие, первую – у нее всегда шьет моя родня. Она меня знает отлично. Хотите, я вам напишу к ней рекомендательное письмо?" – Сухово-Кобылин тут же в ресторане написал рекомендацию молодой женщине…»

Через год они встретились в России. Завязался роман.

Близкий к семье Сухово-Кобылиных Е.М. Феоктистов, впоследствии начальник цензурного управления, в то время студент, служивший учителем у сестры Сухово-Кобылина графини Сальянс, сообщил в своих воспоминаниях следующие сведения об этом романе драматурга.

«Еще за несколько лет до того, как познакомился я с ним, он привез из Парижа француженку m-lle Симон, которая страстно его любила. Мне случалось встречаться с ней довольно часто. Она была женщиной уже не первой молодости, но сохранила следы замечательной красоты, не глупая и умевшая держать себя весьма прилично. О такте ее свидетельствует то, что ей удалось снискать расположение всех родственников Кобылина, которые убедились, что ею руководит искреннее чувство, а не какие-нибудь корыстные расчеты. Вполне довольной своей судьбою она не могла быть, потому что Кобылин часто изменял ей, но так как каждые его увлечения длились недолго и он все-таки возвращался

к ней, то после более или менее бурных сцен наступало примирение».

В семье Кобылиных Симон-Деманш была действительно принята. Мать Александра Васильевича и другие родственники свидетельствовали официально, что они питали к m-lle Симон искреннюю симпатию и уважение, убедившись в ее бескорыстном чувстве к Александру Васильевичу. Сам Сухово-Кобылин сообщал, что его подруга питала «глубокое уважение и привязанность» к его матери и сестре и была с ними в «близком дружестве».

Ровно восемь лет прожила Луиза Деманш в России. Положение ее было неопределенное, двойственное и странное. Принятая в семье Сухово-Кобылиных, она не считалась его женою и в обществе не могла с ним появляться. «Писала себя вдовою, но была девица». Сухово-Кобылин дал ей капитал на заведение винно-торгового магазина – около 60 тысяч рублей ассигнациями. И вот блистательная парижанка получила тяжеловесное звание «московской купчихи». Мало склонная к коммерческой деятельности, она вела дело без особенного успеха и «по скудости доходов» прекратила его в 1849 году. Винную торговлю заменяет другая лавка на Неглинной, где изящная куртизанка ведала продажей патоки и муки из наследственных вотчин Кобылиных. «Образ ее жизни, – вспоминал Сухово-Кобылин, – был самый скромный, уединенный, наполненный домашними занятиями, довольно правильный, при самом малом числе знакомых».

Сухово-Кобылин обедал обычно у Деманш, она вела общее хозяйство, закупала провизию, приобретала столовое вино, «разливкою которого она и занималась даже перед последним днем своей жизни…»

Общий фон налаженного полусупружеского существования часто омрачался бурными вспышками ревности. Горячая натура Сухово-Кобылина беспрерывно бросала его в новые увлечения, сильно тревожившие его подругу.

С годами все реже становились минуты спокойствия и счастья. Один из таких моментов уже в конце сороковых годов запомнился писателю. В дневнике его 16 сентября 1857 года было занесено живое воспоминание о далеком и неоцененном прошлом.

«Один только раз в жизни случилось мне вдохнуть в себя эту живую, живящую и полевым ароматом благоухающую атмосферу. Живо и глубоко залегло в глубине воспоминание. Это было в 1848—1849 годах (т е. мне было или 31 или 32 года), мы были с Луизой в Воскресенском. Был летний день, и начался покос в Пулькове, в Мокром овраге. Мы поехали с нею туда в тележке. Я ходил по покосу, она пошла за грибами. Наступил вечер, парило в

воздухе, было мягко, тепло и пахло кошеной травой. Мерно и тихо шуркали косы. Я начал искать ее и невдалеке между двух простых березовых кустов нашел ее на ковре у самовара в хлопотах, чтобы приготовить мне чай и добыть отличных сливок. Солнце было уже низко, прямо против нас. Я сел, поцеловал ее за милые хлопоты и за мысль устроить мне чай. По ее белокурому лицу пробежало вольное ясное выражение, которое говорит, что на сердце страх как хорошо. Я вдохнул в себя и воздух и тишину этой мирной картины и подумал – вот оно где мелькает и вьется, как вечерний туман, это счастье, которое иной едет искать в Москву, другой – в Петербург, третий – в Калифорнию. А оно вот здесь, подле нас вьется каждый вечер, когда заходит и восходит солнце, и вечерний пар оседает на цветы и зелень луговую».

Но в то время Сухово-Кобылин недостаточно ощущал и мало ценил свое счастье. В конце сороковых годов он уже охладел к своей верной спутнице.

В 1850 году Сухово-Кобылин начал явно тяготиться своей долголетней связью. Новый роман с блистательной красавицей московского высшего света торопил его ликвидировать затянувшиеся отношения с француженкой. Ему удалось убедить Луизу вернуться во Францию. Поняв всю безнадежность дальнейшей борьбы, молодая женщина, видимо, уступила и готовилась к отъезду. Приближавшийся разрыв она переживала крайне болезненно и мучительно.

К этому времени, по-видимому, относится ряд писем Симон к Кобылину, полных тяжелых упреков и резких обвинений, о которых писатель говорил впоследствии следователям: «Симон-Деманш вообще отличалась живым и вспыльчивым характером и в выражениях своих всегда преувеличивала действительность, но вскоре потом, приходя в себя, примирялась с ней и просила забыть сказанные слова или писанные письма».

Летом и осенью 1850 года происходили бурные сцены, тяжелые объяснения. По свидетельству одной из горничных Деманш Пелагеи Алексеевой, «иногда случалось, что она с Кобылиным что-то крупно говорила, и Кобылин, как бы с сердцем, хлопнет дверью и уйдет». Они все чаще ссорились. Деманш упрекала его увлечением Нарышкиной. По словам кучера, с которым по вечерам часто уезжала Деманш, она все кружилась около дома Нарышкиной, высматривая, не там ли Сухово-Кобылин и где сидит он. О любовной связи Кобылина с Нарышкиной нередко говорила ей и сама Деманш. Разлука, видимо, была делом решенным.

«В 1850 году, – рассказывал о героях этой любовной драмы Феоктистов, – одна из любовных его интриг возбудила в ней,

между прочим, сильное беспокойство. В это время в московском monde'e засияла новая звезда – Надежда Ивановна Нарышкина, урожденная Кноринг, которая многих положительно сводила с ума; поклонники этой женщины находили в ней прелесть, на мой же взгляд, она далеко не отличалась красотой: небольшого роста, рыжеватая, с неправильными чертами лица, она приковывала, главным образом, какою-то своеобразною грацией, остроумной болтовней, тою самоуверенностью и даже отвагой, которая свойственна так называемым "львицам". Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина…»

Есть основание предполагать, что эта женщина не была чужда тщеславия. Уехав через месяц после убийства Симон в Париж, Нарышкина сошлась с братом Наполеона III, герцогом Морни, бывшим одно время послом в Петербурге. Этот виднейший государственный деятель Второй империи был отчасти и драматургом. Первые чтения его водевилей происходили, по словам его биографа, в интимной обстановке, при закрытых дверях, у г-жи Нарышкиной, урожденной баронессы Кноринг.

Нарышкина, по словам биографа Морни, была начитанной, образованной, красивой женщиной с замечательными «ручками и ножками ребенка», весьма ценившей людей и дела театра. Ибо после ее сотрудничества с Морни она вышла замуж за одного из первых мастеров французской сцены – Александра Дюма-сына. Французскому биографу осталось неизвестным, что в ряду поклонников Нарышкиной находился также один из первых мастеров русского театра.

В то же время желание мучительно ранить соперницу было ей, видимо, весьма свойственно.

Нет основания не доверять в основном рассказу Сухово-Кобылина, переданному нам Дорошевичем. Здесь имеется и такой эпизод.

«Сухово-Кобылин безуспешно ухаживал в эту зиму за одной московской аристократкой.

В один из вечеров у этой аристократки был бал, на котором присутствовал Сухово-Кобылин.

Проходя мимо окна, хозяйка дома увидела при свете костров, которые горели по тогдашнему обыкновению для кучеров, на противоположном тротуаре кутавшуюся в богатую шубу женщину, пристально смотревшую на окна.

Дама monde'a узнала в ней Симон-Деманш, сплетни о безумной ревности которой ходили тогда по Москве.

Ей пришла в голову женская злая мысль.

Она подозвала Сухово-Кобылина, сказала, что ушла сюда, в нишу окна, потому что ей жарко, отворила огромную форточку

окна и поцеловала ничего не подозревавшего ухаживателя на глазах у несчастной Симон-Деманш.

В тот вечер, вернувшись, Сухово-Кобылин не нашел Симон-Деманш дома…»

Не вызывает сомнений, что Нарышкина страстно влюбилась в Кобылина, и в обществе уже ходили слухи об интимных отношениях, а вскоре эти отношения перестали быть тайной для кого бы то ни было вследствие страшного события: за одной из московских застав, недалеко от кладбища, мадемуазель Симон была найдена убитой. Труп ее нашли с перерезанным горлом и следами жестоких побоев. Следственное мнение склонялось к убийству на почве ревности.

Один из современников писал: «7 ноября 1850 года Луиза, застав у Александра Васильевича Нарышкину, оскорбила ее. Вне себя от ярости Сухово-Кобылин ударил ее тяжелым подсвечником и, попав в висок, убил наповал».

Споры о виновности или невиновности писателя продолжаются и по сей день. Однако причастность к трагедии Нарышкиной несомненна. Через несколько дней после убийства, в декабре 1850 года, она уехала в Париж.

Правда, была еще одна причина срочного отъезда во Францию «для поправки здоровья» – Надежда Нарышкина ожидала ребенка, отцом которого был Сухово-Кобылин. В 1851 году родилась девочка, которая жила в доме своей матери под именем сироты Луизы Вебер (случайное ли совпадение имен – ведь убитую госпожу Симон тоже звали Луизой!). Кстати, под старость, когда Александра Васильевича мучило одиночество, он обратился к императору Александру III с просьбой об удочерении Луизы. Разрешение было получено. В 1889 году Луиза вышла замуж за графа Исидора Фаллетана, и от их брака родилась дочь Жанна.

…Через девять лет после гибели Симон-Деманш Александр Васильевич женился на француженке Мари де Буглон. Уже через год молодая жена его умерла от туберкулеза. Еще через девять лет, в 1868 году, он женился снова, на англичанке Эмилии Смит; не прошло и года, как его жену унесло в могилу воспаление мозга. С пятидесяти лет Сухово-Кобылин жил уже бобылем, отдавая всю свою нежность единственной дочери Луизе, которую он горячо любил. По-прежнему он уделял много внимания и сил всевозможным хозяйственным заботам: построил в своем имении стеариновый завод, потом торфяной, паточный, сахарный, винокуренный, – но все эти предприятия не оправдывали его ожиданий. Занятия философией отнимали массу времени, но также не приносили настоящего удовлетворения – Сухово-

Кобылин то «ссорился с Гегелем», то мирился с ним и ни разу даже не попытался издать свои философские переводы и оригинальные сочинения. Жизнь постепенно отходила в прошлое, он по-стариковски оглядывался: «Сколько событий, катастроф, забот, огорчений, планов, превратившихся в дым, и действительно существовавшего, но исчезнувшего навеки. Я погружен в свои бумаги по самое горло, переношусь в это прошлое, которое часто представляется настоящим». Эти горькие строки написаны в 1896 году, за семь лет до смерти.

ИОСИП БРОЗ ТИТО (1892—1980)

Президент Югославии (с 1953), председатель Президиума СФРЮ (с 1971), маршал (1943), трижды Народный герой Югославии (1944, 1972, 1977), Герой социалистического труда Югославии (1950). В 1915 году оказался в России как военнопленный. Работал в Москве в Коминтерне (1935—1936). Во время Народно-освободительной войны в Югославии (1941—1945) был верховным главнокомандующим НОАЮ.

Роман звезды кино и театра Татьяны Окуневской, обольстительной красавицы, с маршалом Югославии Иосипом Броз Тито овеян легендами. Ей было тридцать, ему – за пятьдесят. Естественно, он казался ей глубоким стариком. Но как он ухаживал! «Наши отношения были в высшей степени романтическими, – рассказывала актриса. – Он замечательно говорил по-русски, и у него было прекрасное чувство юмора. Я вспоминаю его посещение театра… И розы… Целый год на каждый мой спектакль он присылал из Югославии роскошную корзину черных роз. Восхитительных!»

Он обещал ей в Югославии все – вплоть до киностудии, но она не мыслила себя без России. Потом возникла классическая ситуация любовного треугольника: помощник маршала Попович, приносивший цветы, очаровал прекрасную Татьяну. Однако Окуневская до конца своих дней вспоминала именно черные розы от Тито…

В свое время вопрос, сколько у Тито было жен, югославы обычно встречали смешком и разводили руками: «Да разве кто их считал? Вот резиденции – другое дело. Тут все подсчитано». Действительно, после смерти маршала вилл оказалось больше тридцати. Когда-то даже эфиопский император Хайле Селиссие, побывав у Тито на острове Бриони, не удержался и воскликнул: «Здесь живут по-царски!» И на склоне лет Тито (умер он на 88-м году жизни) выглядел если не как «огурчик», то дай Бог каждому! Загорелый, в прекрасно сшитом костюме, во рту гаванская сигара, на пальце дорогой перстень, купленный, кстати, на Кузнецком мосту в бытность сотрудником Коминтерна. Волосы под старость, правда, стал красить. Лежали они волнами, конечно, не такими как прежде, но все-таки.

Тито любил вкусно поесть и выпить. На Бриони Тито частенько навещали и звезды кино. Была роскошная итальянка

Джина Лоллобриджида, американская пара Лиз Тейлор и Ричард Бартон. Бартон тогда снялся в роли Тито в одном югославском партизанском боевике. Тито даже не смутило, что до этого Бартон сыграл роль Троцкого в фильме, демонстрация которого в Югославии была запрещена, дабы не прогневать Москву.

Итак, женщины, жены Тито… Во время войны рядом с верховным главнокомандующим постоянно находилась молоденькая секретарша Даворьянка Паунович. Однажды был у нее конфликт с одним из офицеров партизанского штаба. Тому поручили наладить освещение в штабе, который в ту пору размещался в пещере. Даворьянка же не могла усидеть на месте и все советовала офицеру, что делать. «Ты что, электрик? Шла бы отсюда куда подальше!» – взбесился офицер. Девушка в слезах выбежала. Потом, когда офицера представили к награде (нет, не за электричество), его имени в списке не оказалось. Наградные списки печатала любимица Тито…

До войны, когда Тито был еще не Тито, а Иосипом Брозом, членом Политбюро ЦК КПЮ, сотрудником Коминтерна и, наконец, генсеком, была у него любимая женщина. Звали ее Герта Хаас, была она наполовину словенка, наполовину австрийка. Герта работала курьером ЦК КПЮ и колесила по Европе с важными бумагами. Впрочем, брак Хаас и Тито был гражданским. В конце 1930-х годов кто-то донес в НКВД, что супруга Тито работает на гестапо. Будущему генсеку это чуть было не стоило головы. Но обошлось. В 1940 году у Хаас родился сын, которого она нарекла Мишо. Так у Тито появился второй ребенок. В войну Герту арестовали усташи, но затем партизаны обменяли ее на пленных немецких офицеров. Говорят, приказал сам маршал.

Первая жена Тито – Пелагея Денисовна Белоусова. Родом она из села Михайловка под Омском, куда после Октябрьской революции судьба забросила пленного унтер-офицера австрийской армии Иосипа Броза. В 1921 году супруги приехали в Югославию, где у них родился сын Жарко. Спустя семь лет Тито (тогда секретарь загребской парторганизации) был арестован. Арестовали и Пелагею. Через год, правда, ее выпустили, и она с сыном вернулась в СССР. Тито, впрочем, никому и никогда не говорил о причинах, почему он и Пелагея расстались. Было это в 1935 году, когда Тито приехал в Москву, в Коминтерн. Дальнейшая жизнь у Пелагеи Денисовны была очень трудной: в 1938 году ее арестовали, как арестовывали тогда многих югославских коммунистов и тех, кто был с ними связан. В 1948 году, в разгар антиюгославской кампании, – снова арест. В общей сложности 20 лет провела первая супруга Тито в сталинских застенках. Говорят, все это время писала бывшему мужу, но,

похоже, этих писем он никогда не видел. Потом была реабилитация. Только в 1966 году советские власти разрешили Жарко приехать в Москву и увидеть мать. По такому случаю ей моментально дали двухкомнатную квартиру в доме 30 по Староконюшенному переулку. В апреле 1968 года Пелагея Денисовна умерла от сердечного приступа. Тито распорядился, чтобы от его президентского имени югославский посол в Москве возложил венок на могилу бывшей супруги. Что было написано на ленте, к сожалению, никто не запомнил.

…Законным браком маршал Иосип Броз Тито и майор Йованка Будисавлевич сочетались весной 1952 года. Жениху вот-вот должно было стукнуть 60. Невеста была на 32 года моложе. Родом Йованка из села Печани, близ Госпича – городка, затерявшегося в горном массиве Велебит. Место это, расположенное недалеко от Адриатического побережья, на границе Хорватии и Боснии, называют еще Ликой. Родители Йованки были простые сербские крестьяне. (Правда, уже после смерти мужа Йованка зачем-то стала говорить, что предки ее были благородных кровей, чуть ли не генералы.) Лику, впрочем, издавна населяли сербы. Те самые, что несли службу по охране рубежей австро-венгерской монархии, вроде наших казаков.

В годы оккупации Йованка, как и большинство молодых сербок, воевала в партизанском отряде, была санитаркой. Говорят, была очень храброй. Во всяком случае, после войны Йованка в чине капитана оказалась в команде санитарных врачей, обслуживающих «дом на Ужицкой». Туда к тому времени вселился маршал Тито.

Генерал Джока Йованич, родом тоже из Лики, вспоминал: «Йованку заприметил Александр Ранкович (шеф МВД). Он и меня просил найти ему девушку, чтобы хорошая хозяйка была. Я нашел, но Ранкович положил глаз на Йованку. Потом я узнал, что не для себя он старался… Слышал я, как во время одной прогулки Ранкович и Гошняк (министр обороны) вдруг предложили Тито жениться на Йованке. "Я уж несколько раз был женат. Как-то неловко. Вы-то как думаете?" – Маршал засомневался. "Вы, товарищ Тито, – глава государства. Вам нужен верный человек, который всегда был бы под рукой. Таким человеком может стать только супруга. Вот, к примеру, Йованка. Берите ее в жены"».

Таким образом простая деревенская девушка, словно по волшебству, оказалась во дворце. Поначалу вела себя очень скромно. Но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Появились и любовь к накопительству, и властолюбие. Говорят, виной тому был сам Тито, который был невнимателен и груб,

постоянно окружен красивыми женщинами. По всей видимости, Йованка так никогда и не была довольна своим положением, ибо взаимоотношения супругов так и не стали равноправными.

Как бы там ни было, но первые признаки властолюбия появились у Йованки Броз в 1965 году, что не прошло незамеченным. В газетных отчетах о визитах президента безличная формулировка «с супругой» была заменена на более конкретную – «с супругой Йованкой». Обычным явлением стало ее знакомство с важными государственными документами, закрытыми сообщениями, предназначенными исключительно для руководства страны, армии и органов внутренних дел. Все чаще Йованка вмешивалась в решение кадровых вопросов. В 1966 году со всех постов был снят ее покровитель серб Александр Ранкович. Сербскому «лобби» в руководстве, к которому причисляли и Йованку Броз, был нанесен чувствительный удар. В 1973 году последовал еще один. Со здоровьем у Тито в то время было неважно, и его ближайшее окружение на одном секретном совещании (Йованка на нем присутствовала) решило создать «координационный комитет» под предлогом того, чтобы разгрузить президента. Во всяком случае, узнав, что задумало руководство, Йованка в знак протеста совещание покинула и поспешила к мужу. Но тот все знал, ибо заранее дал согласие на создание комитета. Престарелого президента, таким образом, постепенно изолировали от государственных дел, и Тито, похоже, не очень сопротивлялся этому. Сил уже оставалось мало.

Светозар Вукманович-Темпо, один из бывших высокопоставленных руководителей вспоминал: «В 1978 году я последний раз виделся с Тито. Разговаривал три часа. Он мне сказал следующее: "Нет Югославии. Югославии больше не существует. А есть восемь государств, которые никто ни в мире, ни у нас не уважает"». В 1978 году, за два года до смерти Тито, борьба за высшие государственные посты в Югославии разгорелась с новой силой. Вот тут-то Бранко Микулич и курировавший в партии все и вся Стане Доланц (люди из второго эшелона «титовской гвардии») почувствовали, что пробил их час. Кто им мог помешать? «Отец самоуправления Эдвард Кардель к тому времени умер, а Владимир Бакарич, лидер Хорватии, не выходил из больницы». Кто? Так и появилось «дело о государственном перевороте», который якобы замышляли Йованка вкупе с генералами. Тито, под старость ставший очень мнительным, поверил в «заговор». «Два зайца» были убиты: жену изолировали от супруга, а супруга – от возможности быть в курсе происходящего вокруг и реагировать.

Два года Йованка Броз не показывалась на публике. В

траурном черном платье появилась лишь в мае 1980 года на похоронах маршала.

Через два-три дня после похорон поздно вечером к Йованке на Ужицкую, 15, приехала группа офицеров. Из кабинета президента забрали бумаги, осмотрели все комнаты, вплоть до спальни, упаковали вещи. Вдове было приказано покинуть помещение. Разрешили взять с собой только дамскую сумочку. Так, по крайней мере, рассказывала Йованка своему адвокату. Она писала письма и депеши в разные инстанции, но безуспешно. Потом настал черед дележа наследства. Как утверждают, списки вещей Тито составлялись четыре года! То ли вещей было слишком много, то ли просто тянули время. А делить было что. Одних лимузинов семь – «роллс-ройс», два «кадиллака», «линкольн» и т д. И все подарки, подарки…

В списке имущества, которое должны были поделить между собой прямые наследники – Йованка, Жарко и Мишо, – 869 предметов. Отрезы, шубы, кинокамеры, магнитофоны, сервизы из серебра и фарфора, часы, вазы, картины, ковры, скульптуры, охотничьи ружья и ножи, книги… Даже удочки.

Первая дама Югославии, которая славилась своим влиянием на супруга, утверждала: «Настоящего Иосипа Броза, думаю, знала я одна. Он никому не позволял приближаться к себе, всегда держал дистанцию. Он был человек крутого нрава, дурного характера, а я всегда точно знала, как себя вести с ним. Если он злился на своего соратника по партии – доставалось неизбежно мне, бывшей "под рукой". Значит, надо было оставить его наедине с самим собой, исчезнуть из поля зрения. Чуть позже он вел себя как ни в чем не бывало».

Она отказалась от собственной жизни, чтобы жить для него. Друзья Иосипа становились ее друзьями, а собственных никогда у Йованки не было. Трудно поверить, что такую брачную пару, где один супруг безоговорочно доверял другому, могли разлучить какие-нибудь внешние силы. Но оказалось, что судьба крупного политика может выйти из под его собственного контроля. Так случилось и с семьей Тито. «На Иосипа оказали страшное давление: перед ним положили документ и сказали: "Ты должен выбрать наконец – жена или государство". Знаю, что он никогда той страшной бумаги не подписал. Но мы, обсудив сложившуюся ситуацию, приняли решение расстаться. Он покинул дом, в котором мы жили вместе, и последнюю пару лет его жизни я его почти не видела».

Свои мемуары она спрятала в сейф швейцарского банка, оценив их в два миллиона долларов. Зачем ей столько денег? Ведь на всем белом свете у Йованки никого не осталось.

АНТОНИО БАНДЕРАС (род. в 1960)

Испанский актер, имеющий имидж «латинского любовника». Работал статистом в мадридском театре. Дебютировал в кино в фильме «Лабиринт страстей» (1982), снимался в фильмах «Женщины на грани нервного срыва» (1988), «Короли мамбо» (1992), «Эвита» (1996), «Маска Зорро» (1998), «13-й воин» (1999) и др. В последние годы снимается в Голливуде.

Антонио Бандерас родился 10 августа 1960 года в тихом испанском городке Малага. Детство Антонио ничем не было примечательно. Как и все местные мальчишки, купался в море, играл в футбол, часами просиживал у маленького черно-белого телевизора. В 14 лет Бандерас устроился на работу в местный театр. «Сверстники увлекались рок-н-роллом, а для меня ничего не существовало, кроме театра», – вспоминал он.

«Мы все время жили на колесах, переезжая с представлениями из деревушки в деревушку. Приходилось быть и рабочим сцены, и костюмером, и гримером, и осветителем. Здорово было». Мать Антонио надеялась, что суровая гастрольная жизнь образумит сына, но случилось обратное – он еще больше заболел театром. Закончив в 1980 году Национальную школу драматического искусства, Бандерас, одержимый своей мечтой, уехал из тихой Малаги в Мадрид. «Мне повезло, что я оказался в столице именно в тот момент. После смерти Франко в искусстве начался бум, который продолжался несколько лет. Это называлось La Movida, "движение". Появились новые дизайнеры, режиссеры, новая музыкальная молодежь. Наконец-то можно было говорить, что думаешь, и идеям не было конца».

За три года Антонио сменил много мест: работал официантом, продавцом, бесплатно участвовал в экспериментальных постановках. Наконец Бандераса приняли в труппу Национального театра Испании. Шесть лет он играл все, что предлагали, – от классики до Брехта и американской драмы. В 1982 году после спектакля за кулисы к Бандерасу пришло само будущее. Педро Альмодовара в то время еще не знал никто. «Помню, открывается дверь и входит дикий такой, потрепанный тип, режиссер андеграунда, славившийся тем, что не признает никаких правил. Спрашивает, хочу ли я сниматься в кино. Я говорю: "Конечно, а о чем кино?" Он отвечает: "Про шайку сумасшедших из Мадрида". Я подумал тогда, что этот режиссер

сам или сумасшедший, или гений. Он оказался и тем и другим». Так было положено начало 10-летнему сотрудничеству, благодаря которому и Альмодовар, и Бандерас стали звездами мирового кино.

В то время Антонио слыл немыслимым донжуаном. «Я пользовался успехом у противоположного пола, – говорит он с хитрецой в глазах. – Мадридские женщины были не такие, как мои подружки в Малаге. Они казались и более земными, и более сложными. И такие чудесные выдумщицы!» Но неожиданно для себя Антонио по уши влюбился. Зашел в кафе неподалеку от Национального театра выпить чашку кофе – и замер, увидев изящную девушку с темными волосами и большими глазами. Он мгновенно понял, кого так долго искал. Ее звали Ана Леса, она тоже была актрисой. Антонио принялся завоевывать ее сердце. Дарил цветы, писал стихи и даже сочинял песни. Через девять месяцев они поженились. Родители Антонио сразу полюбили Ану и стали относиться к ней как к дочери. Так же тепло был принят Антонио в семье Аны. Друзья были в изумлении: невероятно, чтобы бывший Казанова был так безнадежно влюблен. Он казался другим человеком – и был другим человеком, как утверждал сам: «Встретив Ану, я почувствовал себя гораздо счастливее. Теперь рядом со мной был человек, с которым я мог поделиться всем – и хорошим и плохим».

В 1988 году Альмодовар выпустил свой самый знаменитый фильм «Женщины на грани нервного срыва», который был удостоен чести открывать фестиваль в Канне. А Бандерас стал национальным героем, хотя у него была сравнительно маленькая роль. Картина получила «Оскара», и на церемонии вручения премии Антонио познакомился с Мелани Гриффит, которую раньше он видел только в кино, в фильме «Деловая женщина». «На ней было белое платье с жемчугом. Почему-то это застряло в памяти. Но она прошла дальше, а я стал опять глазеть на других звезд. Странное, странное было чувство». Бандерас вызвал тогда огромный интерес у киноэлиты. Ведущий Билли Кристл представил его публике как новый секс-символ, пришедший на смену Ричарду Гиру. Неожиданно для всех Мадонна заявила, что Антонио – тот мужчина, с которым она больше всего хотела бы оказаться в постели. Приехав в Испанию, она пригласила Бандераса на презентацию своего нового фильма. Антонио появился, но… под руку с Аной. Когда Мадонна увидела их вдвоем, она закрылась в ванной и долго негодовала. «Мне просто не верится, что он может привести с собой жену! Это катастрофа!» Но для самого Антонио никакой катастрофы не было. «Высказывания Мадонны стали для меня бесплатной рекламой.

Мы с Аной были благодарны ей. Если женщина находит меня привлекательным – прекрасно. Но я должен был ясно дать понять, что у меня есть жена и мы с ней счастливы».

Прошел год. Американский режиссер Глимчер пригласил Бандераса на пробы для картины «Короли мамбо» про братьев-музыкантов с Кубы. Антонио, вернувшись в Мадрид, тут же нанял репетитора, чтобы поставить английское произношение. Бандерас работал как зверь и в конце концов мог, разбуди его среди ночи, произнести любую реплику из картины на чистом английском. На съемках «Королей мамбо» Антонио провел полгода и с каждым днем все больше влюблялся в Америку. Он чувствовал, что с этой страной связано его будущее. «Что бы ни случилось, как бы ни был принят фильм, я правильно сделал, что согласился на эту роль».

«Короли мамбо» не оправдал рекламной шумихи, предшествовавшей его выходу на экраны, но сделал свое дело. Если до этого Штаты оставались единственной страной на Западе, где не сияла звезда Бандераса, то после проникновенно сыгранной роли Нестора его стали замечать и американские режиссеры. Предложения не заставили себя долго ждать. Первое – роль в картине «Дом духов» Бандерас с радостью поработал в компании голливудских знаменитостей, получив огромный гонорар. Потом был фильм Джонатана Демма «Филадельфия» и знакомство с Томом Хэнксом. Перед Бандерасом открывались все новые двери. Картины следовали одна за другой. И чем успешнее складывалась его карьера в Америке, тем больше менялась его жизнь. Сначала Ана повсюду ездила с ним на съемки, но один проект сменялся другим, и у нее скоро поубавилось желания мотаться по свету. К тому же она не разделяла любви мужа к Соединенным Штатам.

Бандерас много работал. На очереди был «Отчаянный» Роберта Родригеса. Режиссер увидел Бандераса в одной из картин Альмодовара: «Меня поразило, как он двигается. Он полон упругой энергии, которая бывает только у испанцев и итальянцев, и умеет так мобилизовать эту идущую из нутра силу, что ему нельзя не верить». «Возможно, я взял больше от танцоров фламенко и тореадоров, чем от Терминатора», – говорил Антонио.

Вслед за «Отчаянным» Бандерас заключил контракт еще на три фильма подряд. Особенно интересными были съемки картины «Перебор». Во-первых, ставил ее соотечественник Бандераса Фернандо Трубэа. Во-вторых, ему предстояло работать с Гриффит, одной из его любимых американских актрис. «Я с нетерпением ждал новой встречи». Бандерас клялся, что в

течение съемок их отношения с Гриффит оставались платоническими. Муж Мелани Дон Джонсон навещал жену, к Антонио приезжала Ана. Бандерас пытался убедить себя, что их с Мелани взаимное влечение развеется само собой, когда съемки закончатся. «Но этого не произошло. После съемок мы часто перезванивались, потом опять встретились, и вот тут я понял, что по-настоящему влюблен». Об их романе немедленно стало известно, кто-то даже писал, что эта рекламная уловка для создания ажиотажа вокруг «Перебора». Устав от сплетен, они предстали перед камерами на вручении наград за лучшие видеофильмы в июне 1995 года. «Именно в тот день мы решили, что пора расставить все по местам, иначе пресса с ее домыслами превратит нашу жизнь в полный кошмар», – говорил Бандерас. Они вместе появились на публике, держались за руки и все время целовались. Нетрудно догадаться, какой сильной была взрывная волна от этого события. Скандальные хроники праздновали день урожая. Фотографы не пропускали ни одного их поцелуя на публике. Теперь, когда их отношения перестали быть тайной, казалось, что все хотят на этом заработать.

Бандерас всегда считал себя прежде всего испанцем, поэтому и не думал покупать дом в Лос-Анджелесе, хотя начиная с 1991 года проводил в Калифорнии все больше времени. У Гриффит, несмотря на наличие двух детей, в тот момент тоже не было постоянного дома – в результате развода с Джонсоном, которого она с трудом добилась, она лишилась всей своей недвижимости в Калифорнии. Некоторое время Антонио и Мелани жили порознь – каждый был связан своим контрактом и должен был находиться там, где происходят съемки.

Фильм «Убийцы» снимался в Сиэтле. Бандерасу предстояло сыграть предприимчивого убийцу, вознамерившегося убрать своего бывшего хозяина, которого играл Сталлоне. Как-то в выходные, когда они с Мелани спали, раздался жуткий стук в дверь. На пороге стояла Ана – сама обида и гнев. Она умоляла не зачеркивать прожитых вместе лет, говорила, что их связывают кровные узы, что ничего у него с Мелани быть не может. Ана просила Антонио вернуться к ней. Но это было бесполезно. Получив выговор за бестактный визит, Ана не собиралась сдаваться. Она заявила испанской прессе, что, несмотря ни на что, не хочет давать развода. Как раз в то время Антонио должен быть ехать в Испанию. Пора было познакомить родителей с Мелани, Антонио хотелось получить их благословение.

В Испании буквально каждый шаг Антонио фотографировался, записывался на магнитофон, снимался на пленку и регистрировался на бумаге. Газеты тут же заклеймили

Гриффит как разрушительницу домашнего очага и шлюху. Ану почитали как великомученицу, которая ждет возвращения блудного мужа. Бандераса, что интересно, пресса жалела: черт попутал, с кем не бывает, окрутила испанца развязная американка. Родственники Антонио едва поздоровались с Мелани. Ей дали ясно понять, что она здесь чужая. Ледяной прием оказал на Антонио действие, прямо противоположное тому, на что рассчитывали родители. Он твердо решил, что останется с Мелани. Никто не вправе добиваться его разрыва с той, которую он любит. Бандерас понимал, что шумиха вокруг его личной жизни очень тревожила продюсеров. Многое зависело от «Отчаянного», первого фильма с Бандерасом в главной роли. Это была возможность проверить, может ли одно только его имя привлечь зрителей в кинотеатры. Фильм вышел на экраны, и его успех превзошел все ожидания.

Наконец состоялся развод с Аной. Нельзя сказать, что Бандерас совсем не переживал по этому поводу. Он очень жалел Ану и понимал, что не только теряет ее навсегда, но и надолго расстается с родиной.

Следующая роль – Че Гевара в экранизации рок-оперы «Эвита». Тут-то и встретились снова на одной съемочной площадке Бандерас и его давняя почитательница Мадонна. Гриффит поехала с ним. Она не хотела дать возможность Мадонне соблазнить Антонио и ни на шаг не отходила от него К тому же именно тогда Гриффит объявила, что ждет ребенка, который и появился на свет осенью 1996 года. А в мае в Лондоне Антонио и Мелани поженились. Церемония заняла 15 минут.

Вскоре Антонио сыграл еще одну блистательную роль – воинственного Зорро для Стивена Спилберга, – которая позволила ему не только вволю поскакать верхом, но и изобразить на экране галантного и благородного испанца.

Сейчас Антонио, похоже, не заботит ни повышенное внимание публики, ни падение ее интереса, которое кое-кто предрекает. «Я не испытываю страха. Я занимаюсь своим делом уже 20 лет и верю только в то, что происходит между командами «мотор» и "стоп". К этому я шел всю жизнь». Бандерас гасит последнюю сигарету, откидываться в кресле и, улыбаясь, говорит: «Ведь я, как любой актер, просто не хочу взрослеть!»

ЛУЧАНО ПАВАРОТТИ (1935—2007)

Итальянский певец (тенор). Исполнитель партии Рудольфо в «Богеме», Каварадосси в «Тоске», герцога Мантуи в «Риголетто» и Неморино в «Любовном напитке». Он спел в заглавной роли «Отелло» в Чикаго (США, 1991). Многое делал для популяризации оперы. Вместе с Хосе Каррерасом и Пласидо Доминго записал наиболее популярные оперные арии в период проведения в Риме футбольных матчей на Кубок мира (1990).

В детстве Лучано больше всего любил ловить лягушек и ящериц, играть в футбол – ну и, конечно, петь. Впрочем, в Италии, как известно, поют все. Отец Лучано приносил домой пластинки знаменитых теноров – Джильи, Карузо, Мартинелли, и вместе с сыном они слушали их буквально до дыр. Лучано забирался на стол в кухне и голосил во все легкие «Сердце красавицы». В ответ на его истошное пение одновременно из 15 соседних квартир раздавались не менее истошные крики: «Баста! Да замолчи же ты, наконец!!!»

Позже – уже в школе – Лучано начал петь в церковном хоре. Ему было 12 лет, когда на гастроли в местный театр приехал тенор Беньямино Джильи. Лучано пробрался в театр во время репетиции. «Я тоже хочу стать певцом!» – выпалил он Джильи, пытаясь таким образом высказать свое восхищение. Хотя на самом деле хотел стать футболистом.

Футболиста из него, как известно, не вышло. В 1961 году Лучано Паваротти занял первое место на конкурсе вокалистов в Реджо-нель-Эмилия, в том же году состоялся его дебют в «Богеме» Пуччини. А через два года сбывалась заветная мечта молодого певца: он стал солистом всемирно известного оперного театра «Ла Скала» и начинал триумфальное шествие по сценам и концертным залам мира. На одном из своих выступлений в «Метрополитен-опера» Паваротти довел зрителей до состояния полной эйфории, так что занавес пришлось поднимать 160 раз – что и было занесено в Книгу рекордов Гиннесса.

Друзья называли Паваротти «Big P». «Большой» – не в смысле «великий», а в самом что ни на есть буквальном смысле. Правда, при этом близкие Паваротти в один голос говорили, что в нем 150 килограммов чистого обаяния и добродушия. То есть 150 плюс-минус 10. Диетические испытания, выпадавшие на долю Паваротти, регулярно тиражировались в прессе и практически

ходили в категории анекдотов. Да, габариты Паваротти – проблема для портных и беда для стульев. Чего стоит хотя бы петь партию Каварадосси в опере Пуччини «Тоска». Во втором акте его героя после пыток приводят в кабинет, и он так измучен, что еле держится на ногах и падает на стул. Уже во время репетиций Паваротти с опаской посматривал на этот стул из резного дерева, затем подошел к режиссеру и тихо, чтобы никто не слышал, сказал: «Думаю, этот стул меня не выдержит». Режиссер заверил его, что волноваться нечего, стул заблаговременно укрепили металлом. Генеральную репетицию стул действительно выдержал. Наступил день премьеры. Второй акт. Стражники вытащили Паваротти под руки и усадили его на стул. Хильдегард Беренс, выступавшая в партии Тоски, должна была подойти к своему возлюбленному и обнять его. Но так вошла в роль, что разбежалась через всю сцену и бросилась ему на шею. Того, что произошло вслед за этим, на сцене «Гранд-опера» не бывало никогда: стул с треском развалился, вместе с ним грохнулся Паваротти—Каварадосси, а сверху приземлилась и Тоска.

«Почему я так много ем? – Лучано на вечный вопрос корреспондентов отвечал. – Во-первых, я итальянец. Во-вторых, я родом из Модены – города обжор». Что поделаешь – это в его стиле: поселить в доме консультанта-диетолога и платить ему бешеные суммы за каждые сутки, а затем, лишь только тот переступит порог, броситься на кухню и опустошить холодильник.

«Я самый тяжеловесный рэппер в мире», – так великий тенор прокомментировал свои выступления вместе с поп– и рок-звездами: Дзуккеро, Стингом, Брайаном Адамсом, ирландской группой «U2». Записи концертов «Паваротти и друзья» разошлись миллионными тиражами по всему миру.

Лучано и Адуа познакомились еще подростками и были семь лет помолвлены до того, как поженились. Свадьба состоялась в 1961 году, когда Лучано получил первый приличный гонорар и, говорят, даже пытался оклеить купюрами стены спальни, но впоследствии употребил их все же на то, чтобы купить свой первый автомобиль.

Кстати, именно Адуа Паваротти обязан тем, что стал певцом, а не учителем в народной школе. В свое время она уговорила его брать уроки вокала. «Немногие женщины могли бы примириться с жизнью оперного певца, как смогла это сделать Адуа», – написал Лучано Паваротти в своей книге. Она не жаловалась ни на то, что их дом был скорее похож на проходной двор, ни на то, что видела своего супруга самое большее 5 дней в месяц. «За все время

нашей совместной жизни я больше разговаривала с ним по телефону, – говорила Адуа Паваротти, – чем виделась с мужем. Кстати, именно по телефону он узнал о рождении наших дочерей».

Жизненное кредо своего уже бывшего супруга она определила так: «Спагетти, спагетти, потом – любовь», – а на вопрос корреспондента, как она относится к тому, что во время поездок Паваротти окружает столько красивых женщин, Адуа несколько лет назад ответила: «Ничего страшного, если он посмотрит на хорошенькое личико. Все равно он выберет пиццу».

Увидев растиражированные по всему свету фотографии 61-летнего Паваротти и его 27-летней секретарши Николетты Мантовани, нежащихся в Карибском море, Адуа в этом усомнилась.

Эта Николетта не может не нравиться. Красивое личико с неотразимой улыбкой, как, впрочем, и у ее соблазнителя. И при этом совсем не глупа. В Болонье она изучала науки, стала хорошим психологом. Ведь она оказалась единственным человеком, утешившим Лучано, когда итальянская команда проиграла матч на Кубок мира по футболу. Разве это не так важно? А может ли кто-нибудь усомниться в ее подвиге, когда она прогнала эту ужасную змею, незаметно пробравшуюся в комнату божественного тенора в Бали?

Кто же устоит перед столь могущественной Венерой? Конечно, это не первая пощечина, нанесенная мягкотелым героем семейному миру и благополучию. Он постоянно пел дифирамбы своей законной и прямо-таки незаменимой супруге, умело правившей империей Паваротти. Сейчас перед этим вечным странником открылось свободное поле деятельности.

Адуа, управлявшая колоссальным состоянием этого добряка-гиганта, конечно, на все его похождения закрывала глаза. Однажды Ватикан даже запретил Лучано участвовать в торжественной мессе в нью-йоркском Сентрал-Парке, а супруга сделала вид, что равнодушна к статьям, появившимся на этот счет в прессе. Но на сей раз Адуа взбесили заполонившие прессу фотографии двух голубков, резвящихся в теплых водах у берегов Барбадоса. Эта Николетта, разве она не твердит на всех перекрестках, что мечтает родить Паваротти сына? Не издевательство ли это над ее тремя дочерьми?

В ярости Адуа сорвала табличку с фамилией Паваротти с дверей дома в Саличета близ Модены, где обитает весь их клан. На дверях осталась только ее фамилия: Адуа Верони. Письмо, которое еще больше разожгло скандал, разгневанная Юнона передала через своего адвоката. Его можно считать шедевром

дипломатии. «Для любого создания, таков непреложный закон бытия, путь к успеху становится все более размытым. Когда спускаются сумерки, – написала она мужу с чарующей предупредительностью, – чувство конца и одиночества, особенно часто посещающее людей, имевших успех в жизни, можно подавить другими, глубоко укоренившимися чувствами, выдержавшими испытание временем».

Вместе с тем Адуа совершенно бескорыстна, чета Паваротти заключила брак на условиях раздельного владения имуществом, и вопрос о разводе (по-итальянски) в данный момент не стоит.

Лучано Паваротти дал интервью журналу «Frau im Spiegel»: «Маэстро, психологи расценивают ваш выбор столь молодой женщины в качестве спутницы жизни как бегство от своего возраста. Что вы на это скажете?»

«Почему бы и нет? У меня было чудесное детство с прабабушкой, бабушкой, мамой, тетками. У меня была прекрасная жизнь с моей женой и дочерьми. Мне удалось сделать фантастическую карьеру. Сейчас я решил начать новую жизнь вместе с Николеттой. Я уверен, она будет столь же прекрасна, как и все в моем прошлом. Может, ваши психологи имеют что-нибудь против человеческого счастья и радости?»

«Когда ваша любовная история с секретаршей стала достоянием общественности, вы как раз должны были петь в "Метрополитен-опера". Вы не боялись негативной реакции публики?»

«Это был чистый кошмар! Некоторые люди не умеют отличать личное от профессионального, сваливают все в одну кучу и думают, что, если певец отдал свое сердце молодой женщине, это должно сказаться и на его творческом мастерстве, причем в худшую сторону. Сплетни и злословие в прессе и враждебное настроение публики – это была чудовищная нагрузка перед премьерой Но я выдержал и это испытание».

«Вы похудели на 15 килограммов. Заслуга Николетты?»

«Совершенно верно. Она заперла меня дома на три недели наедине с планом диетического питания и соответствующими ему продуктами. Ни спагетти, ни пиццы, ни алкоголя… Сплошной сок, да еще водой разбавленный».

«А как складываются отношения с вашей бывшей женой?»

«Мирно. С дочерьми тоже нет проблем – они умные девочки и очень меня любят».

«У вас с Николеттой полное взаимопонимание или все же бывают какие-либо разногласия?»

«По поводу еды – постоянно. Ее кулинарные способности – сплошная катастрофа. Как-то она собралась приготовить мне

тортеллини. Для этого ей понадобилось звонить из Нью-Йорка, где мы находились, своей матери в Болонью – чтобы узнать рецепт. Разговаривали они почти час. Очень, конечно, мило с ее стороны, но гораздо дешевле было бы слетать в Италию».

«Вы не собираетесь обзаводиться ребенком?»

«Обязательно. Я бы очень хотел мальчика, ведь всю жизнь я был окружен одними женщинами. Но мы подождем еще пару лет 29 апреля 2001 года я отпраздную 40-летие моей творческой деятельности и уйду "на пенсию" – буду преподавать вокал. Самое время, чтобы снова стать отцом».

ВУДИ АЛЛЕН (род. в 1935)

Собственное имя – Аллен Стюарт Кенигсберг. Американский сценарист, режиссер, актер, мастер остроумной пародии и оригинального юмора. Его фильм «Энни Холл» (1977) завоевал трех «Оскаров». Среди других его фильмов: «Спящий» (1973), «Интерьеры» (1978), «Манхэттен» (1979), «Ханна и ее сестры» (1986), «Другая женщина» (1988), «Все говорят, что я люблю тебя» (1996).

Вуди Аллена всегда окружают женщины. Он никогда не называет Сун-И (приемную дочь своей бывшей жены Миа Фэрроу и ее второго мужа Андре Превена) по имени, а просто – «моя подружка». По словам самого Вуди, он частенько обедает с редактором своих фильмов – Сюзанной Морс, или с исполнительным директором – Джульеттой Тэйлор, или с сестрой – Летти Аронсон, или со своим пресс-агентом; и все они – женщины.

Вуди и его гарем!..

«Я просто предпочитаю женщин, – говорил он. – Мне даже больше по душе, когда интервью у меня берет не мужчина, а женщина. Вообще вокруг меня – сплошные женщины. Наверное, они мне нравятся потому, что в детстве я получил женское воспитание… Мне случалось делать вид, что я прекрасно разбираюсь в древнегреческих философах или являюсь горячим поклонником Родена, чтобы поддержать разговор или понравиться женщине…»

Сюзанна Морс начала работать с Алленом еще во времена «Энни Холл» и была просто тронута его застенчивостью. «Меня представил ему главный редактор, а Вуди вцепился в его рукав, совсем как мой 7-летний сынишка, и робко спросил меня: "Будьте добры, мы можем сразу начать работать?" Это было обворожительно!.. Я и сама по натуре робка, но тут сразу же поняла, что мы сработаемся». Ныне, после 18 лет совместной работы, Морс говорит, что понимает его с полуслова и уважает его рискованную предприимчивость.

Аллен гордится тем, что в сценарии ему удаются хорошие женские роли. Это признак того, что мужской ум к этой теме более чувствителен. Однако большинство женских образов – проститутки самого низкого пошиба или зацикленные на снобизме великосветские дамы. Но в свое время Дайан Китон

получила роль Энни Холл, а Миа Фэрроу – роль Ханны. Теперь их бывший возлюбленный увлеченно перечисляет награды, завоеванные его подругами-кинозвездами.

«Китон была первой актрисой, заинтриговавшей меня с тех пор, как я начал ставить собственные фильмы. Я так много узнал от нее и от Миа… Мне очень повезло с ними обеими. И та и другая готовы были без конца слушать мои разглагольствования о творческих планах. Они поддерживали меня своей критикой. Сегодня я не влюблен ни в одну актрису и чувствую себя совершенно иначе». Похоже ли это на глоток свежего воздуха? «В каком-то смысле – даже лучше, но играть любовные сцены стало намного труднее. Я ощущаю тревогу – особенно с Джулией Робертс или с Голди Хоун (эти актрисы сыграли в недавно законченной им музыкальной эротической комедии). Я начинаю волноваться, становлюсь каким-то зажатым, потому и предпочитаю работать с тем, кого уже знаю. Но они ныне не такие дружелюбные, какими были когда-то…»

Вуди Аллен – это человек с обнаженными нервами, и его утверждение, что личные горести никак не отражены в его фильмах, можно поставить под сомнение. Беда в том, что он часто нуждается в уединении, но избранный им род занятий не позволяет этого достичь. «Жизнь – действительно очень странная штука. Думаешь, что держишь ее под контролем и знаешь, что хорошо там, где нас нет, и все мы жертвы этой судьбины. Когда я говорил, что в моей жизни всегда так много зависело от удачи, все всегда раздражались и заявляли, что они-де сами хозяева своего счастья. Но ведь можно распланировать всю свою жизнь и работать как вол и каждое утро заниматься на тренажере (что, кстати, я сам тоже непременно делаю), а в один прекрасный день выйти на улицу – и влюбиться в кого-нибудь с первого взгляда или же попасть под автобус, что в конце концов совершенно одно и то же».

Восхождение Аллена на экран в качестве комика закончилось в конце 1960-х годов, когда его тогдашние менеджеры (а ныне – его же продюсеры) заявили, что больше не могут видеть, как он подвергает себя такой пытке. Вуди уже стал любимцем публики и расстраивался из-за того, что ему не позволяли проделывать нравившиеся ему штуки, даже если они были понятны только немногим посвященным. Тогда он начал ставить собственные фильмы.

«Для меня самое настоящее наслаждение – писать сценарий! Ведь что значит снимать кино? Нужно терпеть и дождь, и собачий холод, а часы все время тикают, и каждое движение стрелки уносит добрую тысячу долларов, а тебе еще все время под руку

говорят: "Давай-ка торопись!" Самое приятное чувство, испытываемое когда-либо мною, это когда фильм выходит на экраны где-нибудь в Чикаго, а меня там нет! Я – дома, в постели, читаю всякие книжки, играю на кларнете…»

…Вуди встретился с Миа Фэрроу осенним вечером 1979 года. Ему было 43, имя его было окружено славой, но в личной жизни наступил трудный период. Ей было 36 лет, позади остались два неудачных замужества (с Фрэнком Синатрой и композитором Андре Превином), про которые она старалась забыть, играя в бродвейских комедиях. В фешенебельном нью-йоркском ресторане «Элейн», где у Вуди свой именной столик, их познакомил английский актер Майкл Кейн. В тот первый раз она не сказала ему, что уже давно преклоняется перед его талантом и даже вложила его фотографию в свою записную книжку.

Через несколько недель Миа неожиданно получила по почте приглашение на новогодний бал, который устраивал ее кумир. Правда, она не обольщалась: «Весь Нью-Йорк получил тогда такие же!» На том балу они перекинулись лишь парой слов. Она, конечно, не подозревала, что этот робкий человечек не уделял столько внимания никому из приглашенных, а среди них были самые богатые и известные люди Америки. Через какое-то время она отправила ему весточку – дань вежливости и благодарности. В ответ – через секретаршу – незамедлительно последовало новое приглашение, но теперь – пообедать вдвоем.

Последующее свидание вновь устроила секретарша Вуди, его самого один вид телефона приводит в ужас… Он долго не решался на открытые ухаживания. Миа вспоминала: «Мы встречались только, чтобы отобедать вместе. И если уж присмотреться, это продолжается по сей день!»

Их отношения становились все более искренними, близкими, прочными. Вуди преодолел в себе страх перед телефоном и звонил ей каждое утро, едва она проснется. Он стал приезжать за ней к 7 вечера, чтобы отвезти ее в ресторан, или в оперу, или в кино. Все чаще он приглашал ее провести с ним уик-энд, и вскоре по-настоящему влюбился и в семерых детишек, заботливую маму которых он уже давно и безнадежно любил: Мэтью, Саша и Флетчер – ее сыновья от второго брака; Лэрк, Дейзи и Сун-И – три девочки-сироты (две первые – вьетнамки, последняя – кореянка), которых Миа удочерила; наконец, Мозес Амадеус – седьмой ребенок, также усыновленный ею, и тоже корейского происхождения – он страдает церебральным параличом.

Вроде бы все на свете должно было развести их в разные стороны. Она ненавидит занятия спортом – он обожает их; она любит завтракать поутру дома – он предпочитает поздний ужин в

ресторане; она питает слабость к простеньким уличным забегаловкам – он больше склонен к фешенебельным заведениям; она окружила себя животными – у него на них почти аллергия; она мечтает проплыть вниз по Амазонке и взобраться на Килиманджаро – он желает себе никогда не попадать в подобные места; она никогда не болеет и не знает, что такое термометр – он хворает постоянно и измеряет температуру каждые два часа; она так же ловко водит трактор, как меняет в доме электропроводку – он не в состоянии правильно заменить ленту в своей пишущей машинке; в любых обстоятельствах она оптимистка – он самый безнадежный из пессимистов… Пожалуй, достаточно. Вряд ли стоит перечислять дальше.

Впрочем, есть у них одна общая страсть – это любовь к детям! Правда, эта одна-единственная найденная точка соприкосновения – скорее, ее заслуга, потому что до их встречи он считал, что «рожать и воспитывать детей – здесь нет ничего выдающегося, любой дебил в состоянии отлично справиться с этим».

Вуди уже не хватало и «их» детей. В 1985 году они усыновили маленькую Дилан из Техаса. А еще через два года у них родился сын Сэтчел. Вуди был счастлив и горд, но не хотел, чтобы сын носил его фамилию, и официально дал ему другую – своего любимого бейсболиста – Пейдж.

Вуди Аллен и Миа Фэрроу не состояли в официальном браке и не жили под одной крышей. Девять детей и мать жили вместе в окружении двух кошек, нескольких шиншилл, попугая, канарейки и разных тропических рыб в аквариуме. Окна квартиры выходили на зелень Центрального парка, по другую сторону которого в одном из небоскребов на пятой авеню обитает в «дуплексе» в двухкомнатной квартире Аллен. Ему нужен был покой и одиночество, чтобы размышлять и творить. Миа понимала это. Уик-энды они проводили вместе в Коннектикуте, в загородном доме Фэрроу. Но и в будни Вуди находил время для детей, проявил себя нежным и заботливым отцом. «Кто знает, живи мы вместе, может, и не сложилось бы все так хорошо», – говорил Вуди.

Он звонит без конца, спрашивая о новостях. Он восхищался этой маленькой хрупкой женщиной, которая прежде всего – мать, а потом уже – талантливая актриса. Своей энергией и жизнелюбием она заряжала его. Он был закоренелым полуночником и перестал быть им, признавшись однажды, что в жизни знает только две страсти – это работа и дети. Чтобы не разлучаться надолго с детьми, он снимает фильмы теперь все больше на Манхэттене или где-то поблизости. Раз в год Вуди с семьей проводил отпуск в Европе, туда они приезжали инкогнито,

насколько это возможно. «Я думаю, – говорил Вуди, – что мы сохранили взаимопонимание по одной-единственной причине: мы встретились довольно поздно, и каждый из нас, по опыту прошлой жизни, выбрал свой собственный путь. Если бы это случилось в других обстоятельствах – ничего бы не вышло… Сейчас некоторые, глядя на наш образ жизни, недоумевают. Но у нас все хорошо. Абсолютно хорошо. Миа для меня – идеальная женщина».

И вдруг в один день все рухнуло. «Сердце имеет лишь то, чего само захочет», – говорит герой фильма Аллена. Сун-И подросла и в 19 лет влюбилась в Аллена. Этот роман начался зимой 1992 года на баскетбольном матче. Втайне от Фэрроу Сун-И бегала через Центральный парк на свидания с Вуди. Однажды Миа нашла в квартире Аллена фотографии обнаженной Сун-И. Избив дочь, она вырвала ее фото из семейного альбома.

Фэрроу подала на Аллена в суд, обвинив его в инцесте. Она выиграла процесс и уехала в Коннектикут. Аллен с тех пор стал жить с бывшей «дочерью» открыто. Режиссер даже решил снять фильм о своих переживаниях под названием «Ошибка правосудия», но Миа и тут его обошла, выпустив автобиографическую книгу «То, что я потеряла». Она обнародовала еще одну сенсационную новость – Вуди Аллен соблазнил не только Сун-И, но и младшую приемную дочь Фэрроу – Дилан, которой исполнилось… пять лет. Остается только гадать, правда это или такова страшная месть отвергнутой женщины.

Немного погоревав, Аллен вновь принялся за работу. Мэтр держится молодцом, но на его лице еще видны следы житейских бурь.

Несмотря на разрыв с Фэрроу, режиссер продолжает утверждать, что с ней очень приятно работать. «Да, у нас были проблемы в личной жизни, но я никогда не сомневался в том, что Миа замечательная актриса. Я писал для нее великолепные роли, а она оживляла их своим талантом».

БИБЛИОГРАФИЯ

Акимова А. Вольтер. – М.: «Молодая гвардия», 1970.

Амет Ж. – П. Музы Брехта – Париж: «Пуэн»; М.: «За рубежом», 1992.

Баздарева Е. Секс-монстр по имени Майкл Дуглас. – М.: «Частная жизнь», 1995.

Берберова Н. Железная женщина. – М.: «Издательство политической литературы».

Биркин К. Временщики и фаворитки. В 3 т. – СПб, 1871.

Большой Энциклопедический словарь. В 2 т. – М.: «Советская энциклопедия», 1991.

Борисов Ю. «Love Story». – М.: «Советская культура», 1991.

Брагинский А. Непредсказуемый Делон. – М.: «Мир звезд», 1992.

Бретон Ги. Истории любви в истории Франции. В 5 т. – М.: Крон-Пресс, 1993.

Валишевский К. Петр Великий. – Санкт-Петербург: «Сфинкс», 1911.

Валишевский К. Екатерина Великая. Вокруг трона. – М.: СП «Квадрат», 1994.

Валтари М. Синухе-египтянин. – СПб, 1994.

Васильева Л. Кремлевские жены. – М.: «Вагриус», 1992.

Видаль Л. Ненасытный Дюма. – М.: «За рубежом», 1997.

Владимирова В. Навсегда! – М.: Экран, 1995.

Володина П. Тайна, известная всем. – М.: «Вокруг света», ноябрь 1995.

Воробьева М. Женщины Ива Монтана. – М.: «Юридическая газета», 1992.

Галло М. Беспокойное сокровище великого корсиканца. – М.: «За рубежом», 1997.

Гарсия. Последняя муза Пикассо. – Мадрид: «Пайс Семаналь»; М.: «За рубежом», 1991.

Гельман З. Любимая женщина Маяковского. – М.: «Независимая газета», 1996.

Глоггер Г. – М. Женщины Кеннеди. – Цюрих: «Швайцер Иллюстрирте»; М.: «За рубежом», 1996.

Горский С. Жены Иоанна Грозного. – М.: «Книгоиздательство „Дело“», 1912.

Де Сад (маркиз де Сад). Жюстина. – Кишинев: «Ада», 1990.

Дубинский М. Женщина в жизни великих и замечательных людей. – СПб, 1900.

Дункан А. Моя жизнь. – М.: «Контракт», 1992.

Дюку Ф. Великие страсти великих людей. Выпуски I, II. – «ELLE», 1997.

Евгеньева М. Любовники Екатерины. – М.: Внешторгиздат, 1989.

Есенин: Андреев А. Есенин. Мариенгоф. Роман без вранья. – М.: Армада, 1997.

Жан-Поль. Симона и другие. – М.: «За рубежом», 1997.

Зайчик И. Беата Тышкевич: мой восточный роман. – М.: «Караван историй», 2002.

Земерау А., Цайдлер П. Великие куртизанки: Исторические новеллы. – Н. Новгород: «Флокс», 1992.

Иванов Л. Замечательные женщины с древнейших времен до наших дней. – Санкт-Петербург: типография П.Ф. Пантелеева, 1906.

Иманов М. Гай Иудейский. – М.: «Армада», 1997.

Иоанн Грозный, Петр Великий, Меншиков, Потемкин, Демидовы: Биогр. очерки. – Челябинск: «Урал», 1994.

Казанова Д. История моей жизни. – М.: СП «Вся Москва», 1990.

Калашников И.К. Жестокий век. – М.: ЭКСМО, 1993.

Каменский А.Б. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. – М.: «Знание», 1997.

Карцева Е. Ава Гарднер, Фрэнк Синатра. – М.: «Видео-АСС».

Катанян В. Две сестры. – М.: «Домовой», № 3, 1996.

Кашмадзе И. Любимец богов и женщин. – М.: «Любовь», 1997.

Кенигсберг. Рихард Вагнер. – М.: «Музыка», 1972.

Киреев Р. Желаю умереть в наслаждении. – М.: «Труд», 1998.

Киреев Р. Музы любви. В 2-х т. – М.: «Слово/SLOVO», 1995.

Кириллов А. Портрет вождя в семейном интерьере. – М.: «Эхо планеты», 1993.

Кириллов А. Я была собакой председателя Мао. – М.: «Эхо планеты», 1991.

Клессман Э. Госпожа тайная советница. – Франкфурт-на-Майне: «Франкфуртер Альгемайне-Магацин»; М.: «За рубежом», 1992.

Коваленко Ю. Ольга Хохлова. – мадам Пикассо. – М.: «Неделя».

Коваленко Ю. «Роже Вадим и его женщины». – М.: «Известия», 1996.

Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. – М.: «Радуга», 1987.

«Король гитары». – Париж: «Экспресс»; М.: «За рубежом», 1990.

Кончаловский А. Низкие истины. – М.: «Совершенно секретно», 2001.

Которн Н. Президенты и секс. – Мн.: «ИнтерДайджест». Смоленск: ТОО «Эхо», 1997.

Кычанов Е.И. «Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир». – М.: «Наука», 1973.

Лансон Ф. Антонио Бандерас: корабль у пристани. – Париж: «Либерасьон»; М.: «За рубежом», 1997.

Лану А. Мопассан. – М.: «Молодая гвардия», 1971.

Лежи Р. Княгиня грез. – Смоленск: «Русич», 1996.

Лилеева И. Жизнь Бальзака (Вступительная статья. Собр. соч. Оноре Бальзака. Т. 1). – М.: «Правда», 1960.

Линдсей К. Разведенные, обезглавленные, уцелевшие жены короля Генриха VIII. – М.: «Крон-Пресс», 1997.

Лурье С. Тютчев: Послание к N.N. – М.

Любимов Л. Тайна императора Александра I. – М.: «Юность», 1994.

Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX века. Сост. Чеботаревская А. – М.: «Московское книгоиздательство», 1913.

Любош С. Последние Романовы. – Ленинград: «Петроград», 1924.

Массон Ф. Наполеон и его женщины. – М.: «Крон-Пресс», 1993.

Медведенко А. Муза на роль богини и «полового коврика». – М.: «Вокруг света», 1995.

Миллер М. Все жены Алена Делона. – М.: «Собеседник», 1997.

Михаэльсен С. Марлон Брандо – «звезда» на закате. – Гамбург: «Штерн»; М.: «За рубежом», 1996.

Муратов П.П. Образы Италии. – М.: «Республика», 1994.

Нуде Ж.Ж. Мелодрама с привкусом инцеста. – М.: «ELLE», 1997.

Овчинникова С.Т. А.С. Пушкин: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!» – М.: ЛГ-Досье, № 6, 1993.

О Есенине. Сост. Кошечкин С.П. – М.: «Правда», 1990.

Оклянский Ю. Гарем Бертольда Брехта. – М.: «Совершенно секретно», 1997.

Окуневская Т. Татьянин день. – М.: «Вагриус», 1998.

Пайкова Л. Великий писатель или великий любовник? – М.: «Любовь», 1997.

Патридж Б. История оргий. – М.: «Крон-Пресс», 1997.

Пигарев К. Тютчев и его время. – М.: «Современник», 1878.

Прессман И. Марчелло Мастроянни: король сердец. – М.: «Дочки-матери», 1997.

Ральф Г. Мартин. Женщина, которую он любил. – М.: «Изд-во Русанова», 1993.

Павленко Н.И. Петр Первый. – М.: «Молодая гвардия», 1976.

Полегаев Г. Санитарка, звать Йованка. – М.: «Эхо планеты», 1992.

Реймерс Г. Жены и музы. Портреты спутниц великих мужей. – М.: «Иностранная литература», 1992.

Рейнс С. Роберт де Ниро предпочитает черных женщин и не может обойтись без своей работы и… хорошего кофе. – М.: «ELLE», 1996.

Роек Т. Счастье было обманом. – М.: «Неделя».

Роек Т. Чувство греха им было неведомо. – М.: «Неделя», 1991.

Роже Вадим. Три самые прекрасные женщины. – М.: «Искусство кино», № 6–8, 1991.

Романов В., Лубченков Ю. Любовь и власть. – Вильнюс: «Полина», 1991.

Рудницкий К.Л. А.В. Сухово-Кобылин. – М.: «Искусство», 1957.

Савосин Д. Элизабет Тейлор – Ричард Бартон: несбыточный рай у очага. – М.: «Культура», 1995.

Савосин Д. Франсуа Трюффо: Певец любви неразделенной. – М.: «Видео-АСС-Премьер», 1995.

Сафронова Н.Н. Виктор Гюго. – М.: «Просвещение», 1989.

Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати Цезарей. – М.: «Художественная литература», 1990.

Святой черт. Тайна Григория Распутина. Сост. Кочеткова А. – М.: «Книжная палата», 1990.

Сенсационные браки и брачные обряды. – Мн.: «Литература», 1997.

Славич Ю.М. STARS: из частной жизни кинозвезд. – М.: «Панорама», 1996.

Словарь искусств. – М.: «Внешсигма», 1996.

Смирнова Е. Человек, который не был Мегрэ. – М.: «Эхо планеты», 1993.

Соломин Н. Сто тринадцать мгновений. – М.: «АиФ-Любовь».

Сосновский А. Лики любви. – М.: «Знание», 1992.

Стуруа М. Зиппергейт. – М.: «Московский комсомолец», январь 1997.

Танеева-Вырубова А.А. Распутин. – М.: «Панорама», 1990.

Токарев Л. Медальоны. – М.: «ЛГ-Досье», 1994.

Толмачев М.В. Свидетель века Виктор Гюго (Вступительная статья. Собр. соч. Виктора Гюго. Т. 1.). – М.: «Правда», 1988.

Томас Э. Айзикофф. Клинтон против Джонс. – Нью-Йорк: «Ньюсуик»; М.: «За рубежом», 1997.

Трумэн М. Президенты и секс. – Мн.: «ИнтерДайджест»; Смоленск: ТОО «Эхо», 1997.

Тэйлор Д. Злая шутка Марчелло. – Лондон: «Санди Телеграф», М.: «За рубежом», 1996.

У любви как у пташки крылья. – Париж: «Фигаро»; М.: «За рубежом», 1996.

Уоллес И. Пикантные страницы истории в лицах. – М.: «Марианна», 1993–94.

Федорова Е.В. Люди императорского Рима. – М.: «Изд-во МГУ», 1990.

Филатова Л. Грешники Голливуда. – М.: «Культура», 1995.

Филоп-Миллер Р. Святой демон Распутин. – М.: «Республика», 1992.

Фишман Ю. Ромео для всех возрастов. – М.: «Деловая женщина», 1992.

Фридрих Д. Одиссей и его русалка. – Франкфурт-на-Майне: «Франкфуртер Альгемайне-Магацин»; М.: «За рубежом», 1996.

Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. В 3 томах. – М.: «Республика», 1994.

Харрис А. Ее имя Дженнифер Флауэрз. – М.: «ЛГ-Досье», 1993.

Хейг К. Елизавета I Английская. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.

Хейман Д. Мэрилин и президент. Париж: «Пари-матч»; М.: «За рубежом», 1990.

Цвейг С. Бальзак. – М.: «Молодая гвардия», 1963.

Чаплин Ч. Моя биография. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.

Шарая Т. Йованка – вдова Югославии. – М.: «Семья», 1996.

Шваб К. «Вадим, или Исповедь отгулявшего донжуана». – М.: «Собеседник», 1994.

Шкаровская В. Спагетти, спагетти, потом – любовь. – М.: «Любовь», 1997.

Щуплов А. Кто вы, доктор Брехт. – М.: Книжное обозрение, № 46, 1997.

Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. – Ефрона И.А. В 86 томах. – М.: «Терра», 1994.

Эриксон К. Екатерина Великая. – Смоленск: «Русич», 1997.

J. Wallace, S. Wallace, A. Wallace, D. Wallechinsky. The intimate sex lives of famous people. London, United Kingdom, Hutchinson. 1981.